1906. Январь. XI.

МИССІОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЖУРНАЛЪ ВНУТРЕННЕЙ МИССІИ.

№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Т-ва «СВѢТЪ» Невскій, 136. 1906.
Редакція „Миссіонерск. Обозр Невскій, 153. Телеф. № 5226.

Содержаніе январьской книжки

журнала „Миссіонерское Обозрѣніе“ за 1906 годъ.

Дѣсятилѣтіе журнала „Миссіонерское Обозрѣніе“ (1896—1906 г.г.) *П. Козицкій* . . . . 1—XXIX

Статистическія свѣдѣнія объ издательской дѣятельности редакціи журнала „Миссіонерское Обозрѣніе“ въ истекшее десятилѣтіе . . XXX—XXXV

Современныя задачи внутренней миссіи. Архіепископъ *Димитрій Ковальницкій* . . . . 1 — 5

Современная нужда въ усиленіи преподаванія въ духовныхъ семинаріяхъ исторіи и обличенія сектантства. Проф. *Н. Ивановскій* . . . . . 6—15

Желательная постановка миссіонерской проповѣди. *А. Одоевъ.* 16—31

Стремленіе къ патріархату у старообрядцевъ. *В. Сенатовъ* . 32—54

Во что, бывало, цѣнили человѣческую жизнь. *А. Берсъ* . . . 55—61

Къ вопросу о богослужебномъ языкѣ. Свящ. *І. Тимоѳеевъ.* 62—64

Закавказскіе сектанты „ѣговисты“. *И. Айвазовъ* . . . . 65—74

Бесѣда съ хлыстами (нынѣ именующими себя общиной „Новый Израиль“) о воплощеніи Господа Іисуса Христа. *Д. Граціанскій* . 75—82

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи Церкви.

Церковная каѳедра и политическія партіи (отвѣтъ „Церк. Вѣстнику“ № 50, 1905 г.). *Н. Гринякинъ* . . . . 83—88

Р—чъ. Открытое письмо гр. Л. Н. Толстому (Спб. 1905 г., 1—27). *А. Платоновъ* 88

Опроверженіе неправды „Старообрядческ. Вѣстника“. Прот. *Н. Фіалковскій* . . . . . 89—91

Миссіонерство, секты и расколъ.

Астраханская миссія въ истекшемъ году. . . . . . 92—96

Плоды неправильно понятой религіозной свободы (корреспонденція изъ Стародубья Черниг. губ.). *С. П* . . 97—100

1906. Январь. XI.

МИССІОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЖУРНАЛЪ ВНУТРЕННЕЙ МИССІИ.

№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Т-ва «СВѢТЪ» Невскій, 136. 1906.
Редакція „Миссіонерск. Обозр.“ Невскій, 153. Телеф. № 5226.

Василій Михайловичъ Скворцовъ.

Редакторъ-издатель журнала «Миссіонерское Обозрѣніе» въ первое его десятилѣтіе.

Десятилѣтіе журнала „Миссіонерское Обозрѣніе".

(1896 — 1906 гг.).

Болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, В. М. Скворцовъ, живя въ Кіевѣ и имѣя близкое соприкосновеніе съ штундизмомъ, сначала въ качествѣ любителя-изслѣдователя этого сектантства, потомъ противосектантского городского миссіонера и преподавателя раскола и сектантства въ Кіевской дух. семинаріи и наконецъ чиновника особыхъ порученій при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ, а потомъ старшаго чиновника особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ Св. Синода по сектантскимъ дѣламъ, пришелъ къ тому заключенію, что силою вещей, созданныхъ положеніемъ сектантства на югѣ Россіи, вызывается настоятельная нужда въ изданіи спеціальнаго органа для противосектантской миссіи. Однако, эта счастливая мысль болѣе двухъ лѣтъ не находила себѣ поддержки въ правящихъ церковныхъ сферахъ и получила реальное осуществленіе послѣ настойчивыхъ хлопотъ со стороны предпріимчиваго убѣжденнаго издателя.

Въ 1896 г. В. М-чу разрѣшено было издавать въ Кіевѣ духовный журналъ съ спеціально миссіонерскими задачами и цѣлями для борьбы съ сектантствомъ—подъ заглавіемъ „Миссіонерское Обозрѣніе". И 24 января 1896 года, въ день преподобныя Ксеніи, въ древнемъ стольномъ градѣ Кіевѣ вышелъ въ свѣтъ первый номеръ „Миссіонерскаго Обозрѣнія". Появленіе перваго тогда въ Россіи періодическаго органа противосектантской миссіи надѣлало не мало шуму, привѣтливо и съ радостью журналъ былъ встрѣченъ всѣми ревнителями вѣры и благоче-

стія, въ особенности же миссіонерами и радѣтелями нашей противосектантской миссіи. Такимъ образомъ 26 января текущаго 1906 года исполняется десятилѣтіе со дня напечатанія *перваго номера* „Миссіонерскаго Обозрѣнія“. Этотъ знаменательный день для редакціи нашего журнала, посвященнаго великому и святому дѣлу внутренней миссіи, имѣетъ огромное значеніе. И это понятно само собою.

Если десятилѣтній періодъ въ жизни отдѣльнаго лица имѣетъ громадное значеніе, то тѣмъ большее значеніе онъ имѣетъ въ церковно-общественной жизни со всѣми ея проявленіями, въ особенности же въ сферѣ вѣры и науки—вообще, и въ журнально-издательскомъ дѣлѣ—въ частности, какъ одной изъ формъ раскрытія жизни человѣческаго ума и сердца.

И въ самомъ дѣлѣ. Предъ нами на протяженіи десяти лѣтъ развертывается живая картина нашего журнально-издательскаго дѣла въ самомъ широкомъ значеніи слова: мы видимъ ростъ нашего журнала, а вмѣстѣ и полемической литературы, расширеніе и измѣненіе первоначальной его программы, соотвѣтственно задачамъ и потребностямъ времени; улучшеніе и измѣненіе внѣшней стороны самаго изданія (техническая сторона); укрѣпленіе и расширеніе духовнаго вліянія и связей между читателями и редакторомъ-издателемъ съ его сотрудниками; раскрытіе и уясненіе многихъ больныхъ сторонъ противораскольнической и противосектантской миссіи и миссіи церкви среди интеллигенціи и т. д. и т. д. Потому вполнѣ естественно оглянуться назадъ и познакомить читателей хотя въ краткихъ чертахъ съ результатами десятилѣтней дѣятельности редакціи „М. О.“ и показать пройденный миссіонерскимъ журналомъ путь, дабы у читателей получилась цѣльная картина роста и развитія нашего органа, а вмѣстѣ съ тѣмъ роста и развитія того дѣла, которому спеціально посвящено „Мисс. Обозр.“, т. е. дѣла миссіи,—показать, какъ уяснялись, раскрывались и обслѣдовались многіе вопросы изъ области расколо-и-сектовѣдѣнія и отчасти христіанской апологетики.

На нашихъ глазахъ зарождалось „Миссіонерское Обозрѣніе“; вырабатывалась программа самого журнала; вышелъ *первый номеръ*; при постоянномъ нашемъ сотрудничествѣ протекло и первое десятилѣтіе его существованія. Мы были непосредственнымъ свидѣтелемъ—очевидцемъ зарожденія, роста и развитія „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ на протяженіи всего десятилѣтія. Поэтому считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ дать читателямъ обзоръ десятилѣтняго періода существованія „Миссіонерскаго Обо-

зрѣнія". Въ своемъ обзорѣ мы будемъ кратки, и ограничимся лишь только характеристикой періодовъ, которые замѣчаются въ развитіи нашего журнала, и коснемся тѣхъ только статей, которыя имѣютъ общее и руководственное значеніе для миссіи и относятся къ просвѣтительнымъ задачамъ и потребностямъ пастырско-миссіонерскаго дѣла и которыя, какъ путеводныя вѣхи, показываютъ путь, пройденный „Мис. Обозр." въ теченіе десяти лѣтъ.

Десятилѣтній періодъ существованія „Миссіонерскаго Обозрѣнія" рѣзко распадается на два неравномѣрныхъ періода: трехлѣтній *Кіевскій* (1896—1898 гг.) и семилѣтній *Петербургскій* (1899—1905 гг.).

I.

„Миссіонерское Обозрѣніе" Кіевскаго періода, выходившее подъ редакторствомъ В. М. Скворцова и Н. В. Переверзева, отличается чрезвычайною выдержанностью программы, единствомъ и цѣльностью содержанія, такъ-сказать стильностью своего характера, какъ спеціально противосектантскаго миссіонерскаго органа.

Поставивъ своею задачею служеніе противосектантской миссіи, журналъ шелъ къ осуществленію этой задачи двумя путями. „Миссіонерское Обозрѣніе", установивъ тѣсную связь между многочисленными дѣятелями миссіи, миссіонерами и пастырями, открыло свои страницы для дѣятельнаго обмѣна цѣнными и живыми наблюденіями и мнѣніями о способахъ и средствахъ духовной борьбы съ многочисленнымъ сектантствомъ, расколомъ и другими внутренними врагами церкви и съ предупредительнымъ гостепріимствомъ предоставило у себя мѣсто спеціальнымъ статьямъ по исторіи сектантства и сектообличенію, — статьямъ какъ теоретическаго, такъ и практическаго характера. Журналъ прилагалъ заботы къ тому, чтобы доставить миссіи всѣ средства для борьбы, которыми располагаетъ современная богословская и историческая наука въ этомъ отношеніи. Эту задачу „Миссіонерское Обозрѣніе" и выполняло съ чрезвычайной добросовѣстностью въ первый періодъ своего существованія. Помимо этой задачи, оно приняло на себя также и другую не менѣе трудную задачу, вытекающую изъ самаго существа и характера внутренней миссіи. А именно. Дѣло миссіи далеко не ис-

черпывается вразумленіемъ заблудшихъ и возвращеніемъ отпадшихъ въ лоно церкви. Задачи миссіи шире: на ней лежитъ долгъ охраненія, огражденія и предупрежденія отъ сектантской заразы здоровыхъ членовъ церкви. На эту-то сторону миссіи, не менѣе важную, чѣмъ и первая, при томъ совпадающую съ приходскою пастырско-учительской дѣятельностью, нашъ журналъ обратилъ должное вниманіе и удѣлялъ на своихъ страницахъ не мало мѣста этой именно сторонѣ миссіонерскаго дѣла. Вслѣдствіе этого, журналъ, сообразно съ двойственностью своей задачи, сталъ выходить ежемѣсячно въ 2-хъ выпускахъ или книжкахъ.

Въ 1-хъ выпускахъ всегда помѣщались статьи, относящіяся непосредственно къ разработкѣ общихъ и руководственныхъ вопросовъ миссіи и касающіяся просвѣтительныхъ задачъ и потребностей пастырско-миссіонерскаго дѣла. Въ 2-хъ выпускахъ дано мѣсто статьямъ (въ видѣ трактатовъ, бесѣдъ, поученій, словъ и т. д.), направленнымъ къ раскрытію и уясненію основныхъ истинъ вѣро-и нравоученія на основаніи Слова Божія и святоотеческихъ твореній. Первые выпуски, откликавшіеся въ большинствѣ своихъ отдѣловъ на нужды миссіи вообще и касавшіеся злободневныхъ вопросовъ миссіи и состоянія сектантства, носятъ по большей части характеръ теоретическій; вторые же выпуски, содержащіе положительное раскрытіе православнаго вѣро-и нраво-ученія и опроверженіе сектантскихъ заблужденій, имѣютъ характеръ по преимуществу практическій и во всѣхъ своихъ частяхъ пригодны для спеціальныхъ цѣлей миссіи даже и теперь. Этого же послѣдняго нельзя сказать относительно первыхъ выпусковъ,—нѣкоторые отдѣлы которыхъ не столько преслѣдовали практическій характеръ, сколько способствовали освѣщенію и уясненію того или другого сектантства. Первые выпуски заключаютъ въ себѣ преимущественно матеріалъ для исторіи и методики миссіи, исторіи сектовѣдѣнія и сектообличенія, и имѣютъ научно-историческую цѣнность. Поэтому-то мы остановимъ наше вниманіе на содержаніи только первыхъ выпусковъ и постараемся показать, что „Миссіонерскимъ Обозрѣніемъ“ въ Кіевскій его періодъ привнесено въ сокровищницу науки сектовѣдѣнія и сектообличенія.

Въ первомъ номерѣ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ на первыхъ его страницахъ былъ выдвинутъ безусловно важный принципіальнаго характера вопросъ о существенныхъ признакахъ и

степени вредности русскихъ сектъ и отдѣльныхъ толковъ старообрядческаго раскола (январь, май—іюнь, 1896 г.). Знакомство съ этимъ вопросомъ, въ особенности десять лѣтъ назадъ, имѣло огромное значеніе для практическихъ цѣлей миссіи.

Установивъ классификацію сектъ и степень ихъ вредности, журналъ вполнѣ логично приступаетъ къ уясненію другого вопроса: съ чего и какъ начинать изученіе сектантства. Рѣшенію этого вопроса посвящены двѣ статьи компетентныхъ профессоровъ духовныхъ академій: Казанской—Н. И. Ивановскаго и Кіевской—В. З. Завитневича (январь, 1896 г.). Какъ бы отвѣтомъ на этотъ только-что рѣшенный вопросъ является тоже принципіальнаго характера статья доцента Ѳ. И. Титова: о сущности русскаго сектантства и о причинахъ его происхожденія (январь, 1896 г.).

Общеизвѣстенъ фактъ, что русскій расколъ и сектантство принадлежатъ къ числу такихъ явленій въ нашей церковно-общественной жизни, которыя не могли быть обойдены нашимъ законодательствомъ. По мнѣнію проф. И. Ѳ. Нильскаго, исторія русскаго раскола есть исторія нашего уголовнаго законодательства въ отношеніи къ раскольникамъ. Потому-то знакомство съ вопросомъ объ отношеніи нашего уголовнаго законодательства къ сектантамъ и раскольникамъ является предметомъ настоятельной необходимости для тѣхъ, кто приходитъ въ то или другое соприкосновеніе съ расколо-сектантствомъ,—и въ этихъ именно видахъ на страницахъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ и былъ помѣщенъ трактатъ Г. Н. Добротина подъ заглавіемъ: „Законъ и свобода совѣсти въ отношеніи къ расколу и лжеученію“ (1896 г.).

Изъ статей, непосредственно относящихся къ исторіи сектантства, считаемъ необходимымъ особо упомянуть объ изслѣдованіи Ѳ. И. Титова о сектахъ строгольниковъ, жидовствующихъ (1896 г.) и духоборцевъ (1897 г.) и о статьѣ свящ. А. Рождественскаго: „Армія спасенія“ (заграничная секта (1897 и 1898 гг.). Обѣ эти статьи представляютъ большой интересъ какъ по своему содержанію, такъ и по научной обработкѣ.

Въ дальнѣйшихъ статьяхъ, относящихся непосредственно къ изученію теоретической стороны сектантства, „Миссіонерское Обозрѣніе“ знакомитъ съ цѣлымъ рядомъ сектъ: съ новохлыстами Кубанской области (М. Кальнева, февраль, апрѣль 1896 г.), съ сектой адвентистовъ, „седьмого дня“ и малеванскимъ движеніемъ въ штундѣ (В. М. Скворцова, мартъ 1896 г. и Дородницына, августъ, 1897 г.), съ мормонствомъ (мартъ, 1896 г. и январь 1897 г.),

съ вѣроученіемъ сѣверно-кавказскихъ шалопутовъ (свящ. Е. Капралова, ноябрь, декабрь 1896 г. и октябрь 1897 г.), съ сектой немоляковъ въ нижегородскомъ расколѣ (проф. Н. И. Ивановскаго, декабрь, 1896 г.), съ хлыстовской сектой вообще и въ частности съ Оренбургскими хлыстами (его же, іюль 1897 г. и январь, апрѣль 1893 г.), съ пашковщиной и штундизмомъ (ст. В. М. Скворцова и М. А. Виноградова, сентябрь, октябрь 1897 г.), съ толстовствомъ, какъ сектой (прот. Т. В. Буткевича и В. М. Скворцова, сентябрь, октябрь 1897), съ хлыстовствомъ, шалопутствомъ и прыгунствомъ (ibid.), съ донскими толками въ молоканствѣ и штундизмѣ (А. Высотскаго, ноябрь, 1897 г.), съ сектой богомиловъ въ Воронежской губ. (В. Поликарпова, іюль 1897 г.) и со многими частнѣйшими свѣдѣніями изъ жизни сектантства.

Въ эту стройную гармонію сектантскаго матеріала, какъ бы клиномъ, вошли статьи, относящіяся къ расколу и исторіи борьбы православія съ латино-уніатами,—а именно: Н. Беренскаго „Архимандритъ о. Павелъ (Прусскій) и его противораскольническая дѣятельность“ (1897 и 1898 гг.), проф. И. А. Сикорскаго „Психопатизмъ въ средѣ заживо замурованныхъ насельниковъ Тираспольскихъ скитовъ“ (ноябрь, декабрь 1897 г.) и проф. С. Т. Голубева: „Борцы православія южно-русской церкви 30-хъ годовъ XVII ст.“ (сентябрь—декабрь 1898 г.).

За симъ слѣдуетъ цѣлый рядъ статей, имѣющихъ чисто практическое значеніе для дѣла миссіи. Статьи эти—самыя разнообразныя по своему содержанію и исчерпываютъ всѣ стороны миссіи со всѣми ея задачами, цѣлями и нуждами.

Въ первомъ номерѣ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ за 1896 г. помѣщена интереснѣйшая статья преосвященнаго Гурія, епископа Самарскаго, подъ заглавіемъ: „Психологическія причины упорства сектантовъ въ своихъ заблужденіяхъ“. Проф. Н. И. Ивановскій касается вопроса „О мѣрахъ церковно-миссіонерскаго воздѣйствія на опознанныхъ и завѣдомыхъ хлыстовъ“. Особенно на 3-мъ всероссійскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ въ г. Казани былъ выдвинутъ цѣлый рядъ практическихъ вопросовъ о мѣрахъ и способахъ воздѣйствія на расколо-сектантство (методика собесѣдованій съ заблуждающимися), о мѣрахъ и способахъ духовно-просвѣтительнаго дѣйствованія миссіи въ борьбѣ съ расколо-сектантствомъ; о мѣрахъ пресѣченія пропаганды лжеученій и другихъ противъ вѣры и церкви преступленій расколо-сектантства; объ условіяхъ вчинанія судебныхъ дѣлъ по преступленіямъ отпавшихъ отъ вѣры и церкви и объ экспертизѣ на

судѣ *). Тамъ же выдвинутъ былъ вопросъ о миссіонерскомъ характерѣ церковно-приходской школы среди сектантскаго населенія и свящ. І. Ольшевскимъ было представлено примѣрное распредѣленіе апологетическаго матеріала въ курсѣ преподаванія закона Божія для церковно-приходскихъ школъ въ сектантскихъ селахъ. Также затронутъ былъ вопросъ о наиболѣе соотвѣтственной постановкѣ преподаванія исторіи и обличенія раскола и сектантства въ духовныхъ семинаріяхъ; не оставленъ былъ въ забвеніи и вопросъ о безправномъ положеніи миссіонеровъ. Всѣ эти вопросы, бывшіе предметомъ горячаго обсужденія на 3-мъ всероссійскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ, не только нашли для себя мѣсто на страницахъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“, но и были изданы редакціей нашего журнала отдѣльной книгой подъ заглавіемъ „Дѣянія 3-го всероссійскаго миссіонерскаго съѣзда въ г. Казани въ 1897 г.“.

Изъ другихъ вопросовъ практическаго характера, выдвинутыхъ на страницахъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“, мы упомянемъ только: о ближайшихъ задачахъ областныхъ миссіонерскихъ съѣздовъ духовенства (Александра, епископа Тамбовскаго, мартъ, 1898 г.), о заботахъ миссіи объ улучшеніи религіозно-нравственныхъ условій жизни фабричныхъ рабочихъ (М. Кальнева, мартъ, 1898 г.) и о необходимости живого слова при веденіи бесѣдъ съ отпавшими (А. Дородницына, апрѣль, 1898 г.).

Что же касается полемико-апологетическаго матеріала, помѣщеннаго на страницахъ журнала въ Кіевскій его періодъ, то мы ограничимся только указаніемъ на бесѣды по пререкаемымъ сектантами вопросамъ извѣстныхъ нашихъ миссіонеровъ Д. И. Боголюбова и свящ. Н. Кутепова и на собесѣдованія Кіевскаго просвѣтительнаго общества, происходившія подъ непосредственнымъ руководствомъ преосвященнаго Сергія, епископа Уманскаго. Изъ всѣхъ этихъ бесѣдъ наибольшій интересъ представляютъ бесѣды Д. И. Боголюбова не столько по богатству миссіонерско-апологетическаго матеріала, заключающагося въ нихъ, сколько по живости и оригинальности изложенія, теплотѣ чувства и сердечности.

За этотъ періодъ было помѣщено также небольшее число собесѣдованій съ раскольниками, какъ напр. епархіальныхъ мис-

---

*) Само собою разумѣется, что эти два послѣднія положенія, дебатировавшіяся на 3-мъ всероссійскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ, въ настоящее время, послѣ изданія Высочайшаго Указа 17 апрѣля 1905 г. о вѣротерпимости, потеряли свое значеніе и являются только памятникомъ былыхъ отношеній церкви и законодательства къ расколо-сектантству

сіонеровъ:Саратовскаго—Шалкинскаго и Самарскаго—священника Александрова и замѣтки и извѣстія о собесѣдованіяхъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ профессора Ивановскаго.

Но самымъ жизненнымъ нервомъ въ „Миссіонерскомъ Обозрѣніи“, всецѣло приковавшимъ къ себѣ вниманіе читателей и отвѣчавшимъ на злобу дня, нужно признать отдѣлы VI, VII и VIII, посвященные обзору современнаго состоянія миссіи, русскаго и заграничнаго сектантства и правительственнымъ распоряженіямъ по миссіи и соприкосновеннымъ съ нею вопросамъ. При чтеніи этихъ отдѣловъ читатель невольно поражался чрезвычайной освѣдомленностью редакціи о всѣхъ правительственныхъ распоряженіяхъ и начинаніяхъ въ области миссіи. Отдѣлъ хроники и лѣтопись событій въ расколо-сектантскомъ мірѣ, а равно и событій, имѣющихъ отношеніе къ миссіи и расколо-сектантству, всегда представляли чрезвычайный интересъ своею живостью изложенія и чрезвычайнымъ богатствомъ и разнообразіемъ содержанія. Даже и теперь они читаются съ неменьшимъ, чѣмъ тогда, интересомъ. Отдѣлы эти велись главнымъ образомъ самимъ редакторомъ-издателемъ В. М. Скворцовымъ и отчасти Н. Л. Вишневскимъ и П. А. Козицкимъ.

Далеко не послѣднее мѣсто должно быть отведено и библіографическому отдѣлу за весь этотъ періодъ времени. Отдѣлъ этотъ никогда не кричитъ о себѣ и не бьетъ въ глаза, но по замѣчанію знатоковъ журнальнаго дѣла служитъ лучшимъ показателемъ постановки журнала. И это замѣчаніе, понятное само по себѣ, вполнѣ приложимо и къ нашему журналу. И въ самомъ дѣлѣ. Въ теченіе всего этого времени нашъ журналъ съ своими удачными и умѣлыми рецензіями на книги, относящіяся къ расколо-сектантству и къ миссіи въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, шелъ навстрѣчу самымъ насущнымъ нуждамъ и задачамъ миссіи. Въ теченіе трехъ лѣтъ на страницахъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ было дано болѣе 125 отзывовъ о болѣе или менѣе выдающихся книгахъ и брошюрахъ по исторіи и обличенію раскола и сектантства, а также по христіанской апологетикѣ и проповѣдничеству. Всѣ эти отзывы въ большинствѣ случаевъ написаны вполнѣ обстоятельно, нѣкоторые же изъ нихъ имѣютъ даже характеръ научныхъ рецензій. Трудъ рецензентовъ несли слѣдующія лица: проф. С. Т. Голубевъ, проф. свящ. П. Я. Свѣтловъ, В. М. Скворцовъ, П. А. Козицкій, Н. Л. Вишневскій. С. М. Потѣхинъ, Д. Н. Слюсаревъ, Н. А. Бѣлогорскій и др.

На этомъ мы и заканчиваемъ обзоръ Кіевскаго періода „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ (1896—1898 гг.).

Вполнѣ естественно, что нашъ журналъ, являясь живымъ органомъ миссіи и церкви и откликаясь на всѣ нужды миссіи и церковно-учительскаго дѣла, сумѣлъ завоевать себѣ симпатіи какъ среди духовенства, такъ и среди лицъ, сопричастныхъ къ дѣлу миссіи, окрѣпъ духовно и матеріально и установилъ прочную связь между читателями и сотрудниками.

Численность подписчиковъ ежегодно возрастала, что будетъ видно изъ особой таблицы.

По истеченіи трехлѣтія со времени начала изданія журнала, редакторъ-издатель В. М. Скворцовъ оставляетъ Кіевъ, переселяется въ С.-Петербургъ и переводитъ изданіе журнала въ столицу. Съ 1899 года въ жизни „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ начинается новый періодъ его существованія—*петербургскій*, при этомъ при новой обстановкѣ, при новыхъ сотрудникахъ и при новыхъ жизненныхъ условіяхъ. Все это, взятое въ совокупности, отразилось на характерѣ журнала, и „Миссіонерское Обозрѣніе“ петербургскаго періода значительно видоизмѣняетъ свой прежній характеръ и принимаетъ новую физіономію, новый обликъ.

II.

Съ переходомъ редакціи „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ въ С.-Петербургъ характеръ журнала, ставившаго себѣ задачей борьбу съ сектантствомъ, значительно измѣняется. Журналъ расширяетъ свою программу и удѣляетъ не мало вниманія расколу съ его исторіей и обличеніемъ, въ особенности со времени прекращенія изданія „Братскаго Слова“, и отводитъ болѣе, чѣмъ достаточно, мѣста христіанской апологетикѣ и злободневнымъ вопросамъ и событіямъ, тѣсно связаннымъ съ церковной и общественной жизнью. И въ самомъ дѣлѣ. Могло ли „Миссіонерское Обозрѣніе“ не откликаться на злобы дня и быть молчаливымъ и равнодушнымъ зрителемъ переживаемыхъ событій первостепенной важности? Отлученіе отъ церкви гр. Л. Н. Толстаго, взбудоражившее наше общество и вызвавшее море полемическихъ статей на страницахъ повременныхъ изданій; орловскій миссіонерскій съѣздъ съ знаменитымъ докладомъ М. А. Стаховича о вѣротерпимости; петербургскія религіозно-философскія собранія, всколыхнувшія нашу церковную жизнь и выдвинувшія для обсужденія цѣлый рядъ вопросовъ догматическаго и каноническаго характера; предстоящія государственныя и церковныя реформы въ связи съ Указомъ 17 апрѣля о вѣротерпимости и манифестами

6 августа и 17 октября о новомъ государственномъ строѣ; имѣющіе вскорѣ состояться созывы Государственной Думы и всероссійскаго церковнаго Собора—все это такія событія, которыя составляли и составляютъ жизненный нервъ нашей церковной и общественно-государственной жизни и на которыя не могъ не откликнуться нашъ журналъ. Потому-то онъ постепенно расширялъ свою программу и изъ спеціально-миссіонерскаго органа преобразовался въ журналъ полемико-апологетическій и органъ внутренней миссіи въ широкомъ значеніи этого слова. Такимъ образомъ „Миссіонерское Обозрѣніе“, отличавшееся и прежде жизненностью своего содержанія, въ петербургскій періодъ становится еще болѣе живымъ и отзывчивымъ на запросы современности и еще болѣе разнообразнымъ по содержанію органомъ миссіи и церковно-общественной жизни.

Переходя за симъ къ обзору содержанія Миссіонерскаго Обозрѣнія за петербургскій семилѣтній періодъ его существованія, мы прежде всего остановимся на статьяхъ, относящихся непосредственно къ исторіи сектантства и раскола.

Изъ статей по исторіи сектантства за этотъ періодъ времени заслуживаютъ упоминанія слѣдующія статьи: О сектахъ—„Общества десныхъ“ или „Сіонской вѣсти“, проф. Н. И. Ивановскаго (янв.—апр. 1899 г.) и „Ирвингіанъ“, А. Виноградова (февр. 1899 г.); „О современной поволжской хлыстовщинѣ“, Ив. Смолина (май 1899 г.), „О скопческой сектѣ“, В. Скворцова (іюнь 1899 г.), „О переселенческомъ движеніи въ Америку среди закавказскихъ „духоборовъ-постниковъ“, того же автора (мартъ 1899 г.), „О штундѣ въ рязанской губерніи“, Д. Андреева (мартъ, іюль, августъ, октябрь 1899 г.), „О попыткахъ штундистовъ къ упорядоченію своего богослуженія“, М. Кальнева (май 1899 г.) и „О лютеранскомъ служебникѣ у штундистовъ“, свящ. К. Велтистова (окт. 1899 г.); „Можно ли штундизмъ отожествлять съ баптизмомъ“, П. Казицкаго (февр. 1900 г.); „Тамбовскіе хлысты“, Н. И. Ивановскаго (янв. 1900 г.); „Внутреннее устройство секты странниковъ или бѣгуновъ“, того же автора (мартъ—окт. 1900 г.); „Вѣроученіе и характеръ радѣній хлыстовъ центральной Россіи“, свящ. В. Ремерова (апр.—августъ 1900 г.); „Секта немоляковъ или дыромоляевъ въ Вятской губ.“ В. Тронина (іюнь 1900 г.); Уральскіе „іеговисты“, Н. И. Ивановскаго (февр. 1900 г. іюль—сентябрь 1901 г.), „Мистическая штунда: Малеванный и малеванные“, С. М. Потѣхина (октябрь — ноябрь 1900 г.); „Секта іеговистовъ или іудействующихъ“, свящ. Сушкова (дек. 1900 г.); „Баптизмъ, какъ секта“, свящ. К. Велтистова (янв.—март. 1900 г.);

„Тамбовскіе постники“, И. Айвазова (февр. 1901 г.); „Болгарская ересь богомиловъ и ея вліяніе на возникновеніе русскихъ религіозныхъ сектъ“, свящ. Н. Стеллецкаго (апрѣль — октябрь 1901 г.); „Піэтизмъ, какъ секта“, А. Дородницына (май 1901 г.); „Секта хлыстовъ“ (по отзывамъ иностран. ученыхъ) проф. Т. Буткевича (ноябрь—дек. 1901 г.); „Нѣмецкій баптизмъ въ Россіи“, свящ. К. Велтистова (январь—іюнь 1902 г.); „Новая секта хехулитовъ или каюковъ“, Н. Булгакова (февр. 1902 г.); „Вѣроученіе немоляковъ нижегородской губ.“, свящ. А. Альбицкаго (іюнь 1902 г.); „Гернгутерскія братства“, іером. Алексія Дородницына (сент. 1902 г.); „верхотурскіе бѣгуны—противостатейники“, пр. Н. И. Ивановскаго (февр. 1903 г.); „Критическій обзоръ мнѣній по вопросу о происхожденіи хлыстовщины“,Н. Высотскаго (1903 г.); „Секта малеванцевъ въ херсонской губерніи, ея вѣроученіе и культъ“, М. Кальнева (ноябр. 1903 г.); „Духоборческая секта и ея катихизисъ“, М. Каменева (№ 12—20, 1904 г.); „Закавказскіе мормоны“ свящ. Слободянникова (№ 15, 1904 г.); „Сіонская вѣсть и секта іеговистовъ“, Г. Добротина (№№ 12, 14—15, 1905 г.); „Молоканство, баптизмъ и наша великая церковная нужда“, А. Платонова (№ 13, 1905 г.) и „Какой юбилей праздновали молокане“? А. Высотскаго (№ 14—15, 1905 г.). О другихъ же болѣе мелкихъ статьяхъ и замѣткахъ нѣтъ нужды распространяться.

Изъ этого далеко не полнаго перечня статей, помѣщенныхъ на страницахъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ въ теченіе семилѣтняго петербургскаго періода, читатель видитъ, съ какимъ вниманіемъ нашъ журналъ относился къ исторіи сектантства и его развитію на Руси.

Съ неменьшимъ, если даже не большимъ вниманіемъ „Миссіонерское Обозрѣніе“, въ теченіе всего этого времени, относилось и къ вопросамъ, связаннымъ непосредственно съ дѣломъ миссіи, т. е., съ практическимъ приложеніемъ способовъ и методовъ къ сектообличенію. Само собою разумѣется, что съ нашей стороны было бы большимъ пробѣломъ, даже непростительнымъ, если бы мы прошли молчаніемъ весь этотъ большой отдѣлъ въ нашемъ журналѣ. Изъ статей, относящихся къ этой категоріи, заслуживаютъ упоминанія: „Записка архіепископа Никанора Херсонскаго о штундѣ и о мѣрахъ борьбы съ этой сектой“ (изъ неизданныхъ бумагъ) А. Дородницына (январь — іюнь 1899 г.); „О чемъ и какъ полезно вести въ настоящее время полемику съ сектантами“, свящ. М. Клеандрова (май 1889 г.); „Общія замѣчанія о собесѣдованіяхъ православнаго миссіонера съ хлыстами“, прот.

Н. Кутепова (іюнь 1901 г.); „Миссіонерскіе курсы для духовенства, какъ не испытанныя еще въ борьбѣ съ расколо-сектантскомъ мѣры“, свящ. П. Стешенко (май 1902 г.); „Церковное и внѣ-церковное учительское слово, какъ главная основа успѣха нашей внутренней миссіи“, свящ. І. Фуделя (февраль, мартъ, ноябр. 1899 г.); „О культурно-миссіонерскомъ значеніи народной школы“, свящ. Н. Могилевскаго (февр. 1899 г.); „Какія новыя требованія и задачи предъявляетъ къ внутренней миссіи новое время“? Тверскаго интеллигента (янв. 1900 г.); „Психологическая точка зрѣнія на причины распространенія сектантства и на способы и условія борьбы съ нимъ, „свящ. П. Губина и В. Скворцова (апр. 1900 г.); „Школы для взрослыхъ, какъ оплотъ противъ сектантства“, прот. Панормова (дек. 1901 г.); „Къ вопросу объ улучшеніи пастырско-миссіонерской подготовки воспитанниковъ дух. семинарій“, М. Чельцова (мартъ 1901 г.); „Миссія среди интеллигенціи“, свящ. І. Фуделя (іюль 1901 г.); „О сердечности въ миссіонерской полемикѣ“, свящ. М. Лисицына (2 кн., 1903 г.); „Миссіонерская приспособленность“, И. Айвазова (№ 18, 1903 г.); „Основныя черты миссіонерской методики“, Д. Боголюбова (мартъ, апрѣль 1904 г.); „Какъ оживить пастырямъ свою миссіонерскую дѣятельность“? В. Терлецкаго (№ 3, 1905 г.);—и „О подготовкѣ къ дѣлу миссіи воспитанницъ епархіальныхъ женскихъ училищъ“, С. Троицкаго (апр., 1905 г.). О болѣе же мелкихъ замѣткахъ, относящихся къ этому отдѣлу, умалчиваемъ.

Толстовству, какъ сектѣ, и въ особенности надѣлавшему много шуму отлученію гр. Л. Н. Толстого отъ церкви нашъ журналъ удѣлилъ нарочитое вниманіе особенною теплотою чувства, искренностью и серьезностью тона отличаются „Открытыя письма къ интеллигенту — другу, увлекающемуся ученіемъ Л. Н. Толстаго“ Amicus'a (1899 г.); заслуживаютъ упоминанія статьи: „О евангельскихъ чудесахъ“ (противъ ученія раціоналистовъ и гр. Л. Толстого) Д. Богдашевскаго (ноябр., 1900 г.); „Изъ исповѣди раскаявшагося толстовца—интеллигента“, М. С—ко (сентябрь—декабрь, 1899 г.); „Религіозно-нравственныя воззрѣнія Л. Толстаго въ молодости и старости“, свящ. М. Лисицына (сент., 1901 г.) и „Лжехристіанство Толстого предъ судомъ свѣтской критики“, того же автора (октябрь 1901 г.); „Отношеніе христіанства къ государству по воззрѣніямъ гр. Л. Н. Толстаго“, К. Григорьева (іюль—октябрь, 1902 г.); „Миръ Евангелія и трагизмъ толстовства“, свящ. Д. Силина (1903 г.); „Правда о графѣ Толстомъ“, И. Н. (мартъ 1904 г.) и не мало еще другихъ статей и

замѣтокъ. Особенно опредѣленіе св. Синода отъ 20—22 февраля, 1901 г. съ посланіемъ вѣрнымъ чадамъ церкви по поводу отпаденія графа Льва Толстого отъ церкви, вызвавшее оживленный обмѣнъ мнѣній на страницахъ свѣтской и духовной прессы, дало обильнѣйшій матеріалъ для „Миссіонерскаго Обозрѣнія“. Нашъ журналъ помѣстилъ на своихъ страницахъ цѣлый рядъ писемъ, являющихся голосомъ мірянъ и представителей духовенства и церкви по поводу отлученія графа отъ церкви. Авторами этихъ писемъ являются С.-Петербургскій митрополитъ Антоній, епископъ Сергій Ямбургскій, врачи—Апраксинъ и скрывшій себя подъ иниціалами Ѳ. Н., раскаявшійся толстовецъ М. С—ко, и нѣсколько свѣтскихъ лицъ, скрывшихъ также свои фамиліи подъ иниціалами. Эта полемика настолько памятна нашимъ читателямъ, что считаемъ излишнимъ распространяться по этому вопросу. Замѣтимъ только, что нашимъ редакторомъ издана цѣлая книга изъ помѣщенныхъ въ журналѣ статей подъ заглавіемъ: „По поводу отпаденія отъ православной церкви графа Л. Толстаго“, выдержавшая два изданія.

Въ самой тѣсной и непосредственной связи съ нашей внутренней миссіей стоитъ вопросъ о свободѣ совѣсти, поднятый М. А. Стаховичемъ на Орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ, бывшемъ въ 1900 г., и вызвавшій въ цѣломъ рядѣ статей оживленный обмѣнъ мнѣній по этому предмету. Изъ этихъ статей достойны вниманія статьи: „Вопросъ о свободѣ совѣсти на Орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ“. В. Тернавцева (ноябрь, 1901 г.); „Свобода совѣсти, какъ христіанская основа“, епископа Никанора (ibid.); „Свобода совѣсти и русское законодательство о расколосектантахъ“, Т. Рождественскаго (ibid.); „Нѣсколько критическихъ замѣчаній на рѣчь г. Стаховича „о свободѣ совѣсти“ Ив. Айвазова (декабрь, 1901 г.) и наконецъ самый докладъ М. А. Стаховича, читанный въ Орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ, породившій столько волненій въ печати и въ духовномъ мірѣ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ перехода редакціи „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ въ С.-Петербургъ, въ миссіонерской журналистикѣ случилось событіе чрезвычайной важности: съ выпускомъ майской книжки 1899 г. прекратилось изданіе противораскольничьяго журнала „Братское Слово“. И „Миссіонерское Обозрѣніе“, отзывавшееся и раньше на всѣ живые запросы борьбы съ расколомъ, сочло своимъ долгомъ стать на стражѣ интересовъ противораскольничьей миссіи. Принятыя на себя обязанности, по отношенію къ раскольничьей миссіи, редакція журнала, въ теченіе своего семилѣтняго петербургскаго періода старалась выпол-

нить при помощи многихъ сотрудниковъ изъ представителей науки расколовѣдѣнія и миссіи и весьма охотно отводила на своихъ страницахъ мѣсто статьямъ по исторіи раскола и по обличенію его. Изъ наиболѣе цѣнныхъ статей по расколовѣдѣнію заслуживаютъ упоминанія слѣдующія статьи: „Нынѣшнее старообрядчество и сектантство въ Преображенскомъ въ Москвѣ“, В. Сенатова (февраль—мартъ, 1899 г.); „Къ исторіи славяно-бѣловодской іерархіи“, свящ. Д. Александрова (мартъ, 1899 г.); „Объ отношеніи ученія безпоповцевъ объ іерархіи и таинствахъ къ ученію о томъ же раціоналистовъ-сектантовъ“, Ф. Арф—ва (іюнь—августъ, 1899 г.); „Можно ли признать старообрядческую австрійскую іерархію законной“, свящ. А. Зубарева (сент. 1891 г.); „Крещеніе у бѣгуновъ“, пр. Н. И. Ивановскаго (октябр. 1899 г.); „Какъ совершается богослуженіе у старообрядцевъ австрійской секты“? свящ. К. Попова (ноябр.—декаб., 1899 г.); „Сношенія старообрядческаго лжеархіепископа Іоанна Картушина съ донскими старообрядцами и инструкція раскольничьимъ благочиннымъ“, Е. Овсянникова (январь, 1900 г.); „Московская Ѳедосѣевщина въ послѣдніе 30—40 лѣтъ“, Ѳ. Круглова (апр. 1899 и окт. 1900 гг.); „Разъѣзды раскольничьяго лжеархіепископа Іоанна Картушина съ его миссіонерами по югу Россіи и бесѣды съ нимъ“, свящ. С. Шалкинскаго (февр., 1900 г.); „Мое знакомство и поѣздка съ лжеепископомъ Петромъ и характеристика бессарабскихъ раскольниковъ“, П. Сахарова (іюнь, 1900 г.); „Раскольничья безпоповская секта коликовцевъ“ Ив. Чередникова (май, 1901 г.); „Изъ жизни безпоповцевъ за послѣднія десятилѣтія“, свящ. В. Прозорова (окт. 1901 г. и февр. 1902 г.); „Разборъ грамоты неокружниковъ отъ 6 мая 7407 лѣта (1899 г.), поданной московскому окружническому архіепископу Іоанну, съ замѣчаніями Арсенія епископа уральскаго“, свящ. Ѳ. Воловея (1902 г.); „Поѣздка раскольничьей депутаціи на востокъ въ 1900 г. и замѣтка по поводу этой поѣздки“, Н. Гринякина (ноябрь—дек. 1902 г.); „Иночество и старчество въ расколѣ“, свящ. С. Магнусова (іюль—авг. 1902 г.); „Церковь Христова и временно безъ епископа быти не можетъ“. Замѣчанія на книгу Ивана Усова, свящ. С. Шалкинскаго и Картушина (1903 и 1904 г.); „Критическій разборъ раскольничьяго сочиненія (Усова)—о миропомазаніи священнослужителей, присоединенныхъ къ православію отъ ереси втораго чина“ іерея Д. Александрова (1903 г.); „Бѣглопоповскій соборъ въ г. Вольскѣ въ 1901 г. и его дѣянія“. Н. Гринякина (янв. 1903 г.); цѣлый рядъ статей, того же автора, подъ заглавіемъ „Новости изъ раскольничьяго подполья“, знакомящихъ съ жизнью и событіями

въ расколѣ (1903 и 1904 гг.); „Къ вопросу о способахъ обличенія неправды раскольничьей“, А. Звѣрева (май—іюнь, 1904 г.); „Раскольничья секта средниковъ“, свящ. С. Шалкинскаго (янв. 1904 г.); „Въ мірѣ современнаго старообрядчества (Голяевскій расколъ)“, свящ. К. Попова (май, 1904 г.); „О посланничествѣ митрополита Амвросія“ (Новая книга въ защиту австрійскаго священства), прот. Н. Фіалковскаго (ноябр. 1904 г.); „Къ исторіи раскола въ Привислинскомъ краѣ“, свящ. А. Никольскаго (дек. 1903 г.); „Изъ жизни донской бѣглопоповщины“, свящ. Е. Овсянникова (дек., 1904 г.); „Къ миссіонерской полемикѣ съ апологетами австрійскаго раскола“, Н. Гринякина (февр., 1905 г.); „Безблагодатное и противоканоническое священство“, А. Обтемперанскаго (іюнь, сентябр., 1905 г.) и „Къ исторіи раскольничьяго бѣгунскаго толка“, Д. Березкина (№ 16, 1905 г.).

Единовѣріе, стоящее на пути къ примиренію старообрядчества и православія и въ послѣдніе годы выдвинувшее на очередь вопросъ о единовѣрческомъ епископѣ, въ истекшій семилѣтній періодъ времени существованія въ Петербургѣ нашаго журнала составляло предметъ его попеченій, и статьи о немъ нашли себѣ мѣсто на страницахъ журнала.

Въ числѣ замѣтокъ и статей, относящихся къ единовѣрію, мы находимъ статьи: „Единовѣріе за столѣтній періодъ существованія его въ русской церкви“, М. Чельцова (іюль—ноябрь, 1900 г.); „Единовѣріе и унія“ его же (октябрь—декабрь, 1901 г.); „Къ вопросу о необходимости научной подготовки единовѣрческаго духовенства“, свящ. Н. Васильева и С. Шлеева (май, 1905 г.); „Какой епископъ нуженъ единовѣрію“? В. Сенатова (№ 10, 1905 г.); „Къ вопросу: какой нуженъ епископъ единовѣрію“? Свящ. С. Шлеева (№ 11, 1905 г.); „Единовѣрческіе священники изъ „богослововъ“ и „небогослововъ“, Г. С. (№ 12, 1905 г.); „О смыслѣ единовѣрческаго епископства“ В. Сенатова (№ 16, 1905 г.) и „Единовѣрческій епископъ и церковно-христіанскій прогрессъ“ Н. Гринякина (№ 18—19, 1905 г.).

Параллельно съ теоретическими задачами изученія и обслѣдованія сектантства и раскола „Миссіонерское Обозрѣніе“ неукоснительно преслѣдовало и чисто практическія задачи; съ этой цѣлью оно печатало выдающіяся бесѣды, въ качествѣ миссіонерскаго матеріала, по обличенію сектантства и раскола. Перечислять всю семилѣтнюю наличность полемико-апологетическаго матеріала, помѣщеннаго на страницахъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“, рѣшительно нѣтъ никакой возможности. Достаточно будетъ для нашей цѣли, ограничиться указаніемъ на болѣе извѣстныхъ мис-

сіонеровъ-проповѣдниковъ, бесѣды которыхъ появлялись на страницахъ нашего журнала.

По сектантству наибольшее число бесѣдъ принадлежитъ Д. И. Боголюбову; далѣе авторы слѣдуютъ по числу помѣщенныхъ бесѣдъ въ такомъ порядкѣ: С. М. Потѣхинъ, прот. Н. Кутеповъ, Ив. Айвазовъ, Д. Граціанскій, свящ. Слюсаревъ, свящ. С. Богдановичъ, Н. И. Булгаковъ и В. Шевалеевскій.

Расколообличенію „Миссіонерское Обозрѣніе“ удѣлило какъ будто-бы нѣсколько больше вниманія, въ сравненіи съ сектообличеніемъ, если судить объ этомъ по числу печатавшихся авторовъ. Чаще другихъ встрѣчаются бесѣды миссіонеровъ свящ. Д. Александрова, прот. Н. Фіалковскаго, свящ. К. Попова, свящ. С. Шалкинскаго, свящ. С. Шлеева, мисс. К. Картушина. Менѣе плодовитыми оказались священники: І. Жаровъ, В. Черкасовъ, Разумовскій, Д. Быстрицкій, І. Чередниковъ и В. Цыгановъ; изъ миссіонеровъ: С. Романовскій, А. Обтемперанскій и П. Сахаровъ. Помѣщались также отчеты и замѣтки о миссіонерскихъ бесѣдахъ синодальнаго миссіонера прот. Кс. Крючкова.

Считаемъ не лишнимъ, упомянуть, что журналъ нашъ не оставилъ безъ вниманія и нуждъ нашей миссіи среди иновѣрцевъ. Между прочимъ, помѣщены статьи по вопросу о миссіи среди магометанъ. Такъ, перу преосвященнаго Антонія, епископа Уфимскаго, принадлежитъ „бесѣда христіанина съ магометаниномъ объ истинѣ Пресвятыя Троицы“ (ноябрь, 1900 г.). Протоіерей мисс. А-дръ Миропольскій помѣстилъ статью подъ заглавіемъ: „Возможенъ ли миссіонерскій обмѣнъ мнѣній съ послѣдователями мохаммедантства“ (декабрь, 1901 г.). Свящ. Н. въ томъ же году напечаталъ статью съ тожественнымъ заглавіемъ: „Возможенъ-ли живой обмѣнъ религіозной мысли съ мухаммеданами» (янв.) и др. Правда, статьи эти не блещутъ богатствомъ содержанія, но онѣ служатъ лучшимъ показателемъ отзывчивости „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ на всѣ нужды нашей внутренней миссіи.

III.

„Миссіонерское Обозрѣніе“, расширивъ свою программу, откликнулось на всѣ вопросы, выдвинутые цѣлымъ рядомъ злободневныхъ событій, имѣвшихъ ближайшее соприкосновеніе съ церковно-общественною жизнью. Не осталось оно глухимъ и къ повременной прессѣ, служащей самымъ чувствительнымъ барометромъ общественнаго и церковнаго настроенія.

Нужно замѣтить, что на рубежѣ XX вѣка ярко оттѣпилось новое направленіе и въ обществѣ и въ литературѣ. Свѣтская литература стала удѣлять много вниманія религіознымъ и даже церковнымъ вопросамъ, въ столицѣ образовалось религіозно-философское общество, съ жаромъ и увлеченіемъ отдавшееся изученію христіанства и устраивавшее въ теченіе двухъ зимнихъ сезоновъ (1901 — 1903 гг.) свои религіозно-философскія собранія для обсужденія выдвинутыхъ самою жизнью религіозныхъ вопросовъ. Появился въ свѣтъ и журналъ этого кружка подъ заглавіемъ „Новый Путь“, имѣвшій ближайшею своею задачею печатаніе рефератовъ, читавшихся на религіозно-философскихъ собраніяхъ, и слѣдовавшихъ за ними дебатовъ Намѣтившееся новое теченіе религіозной мысли среди представителей религіозно-философскаго кружка было окрещено по имени журнала „Новый Путь“ „новопутейскимъ христіанствомъ“.

Само собою разумѣется, что „Миссіонерское Обозрѣніе“, не могло не откликнуться и откликнулось въ цѣломъ рядѣ статей на размышленія новопутейскихъ богослововъ. Въ числѣ писателей, выступившихъ противъ „новопутейцевъ“, назовемъ іеромонаха Михаила съ его лекціями, очерками и этюдами: „Новое христіанство Мережковскаго“, „Христіанство, какъ культъ Діониса“, „О бракѣ“ и проч. (1902 и 1903 гг.), проф. А. А. Бронзова съ его статьей „Можно-ли и нужно-ли „адогматизировать“ христіанскую этику“? (1903 г.); протоіерея В. Лаврскаго съ его статьей „Новопутейское заблужденіе о морали Евангельской и ветхозавѣтной“ (№ 16, 1903 г.), свящ. М. Лисицына съ статьей „Крайности религіозно-декадентскаго символизма“ (февраль, 1903 г.); Н. М. Гринякина съ цѣлымъ рядомъ замѣтокъ полемическаго характера съ „новопутейцами“, П. А. Козицкаго съ статьей „Духовное наслѣдіе наступающаго новаго года въ настроеніяхъ нашей современности“ (январь, 1904 г.) и Ив. Г. Айвазова: „Новый Путь“ въ его отношеніи къ старымъ путямъ и къ православной церкви“ (май, 1903 г.).

Къ категоріи новыхъ богослововъ отчасти относится и извѣстный писатель и проповѣдникъ свящ. Гр. С. Петровъ съ его мелкими и болѣе крупными произведеніями богословско-публицистическаго характера. Необычность пониманія и толкованія слова Божія, просвѣчивающаяся въ каждомъ произведеніи о. Петрова и въ устныхъ его бесѣдахъ и проповѣдяхъ, вызвала цѣлую полемику на страницахъ свѣтской и духовной прессы. Отозвался и нашъ журналъ, помѣстивъ цѣлый рядъ статей по поводу литературной проповѣди о. Гр. Петрова; изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе статьи: П. А. Козицкаго—по поводу сочиненія св. Гр. Пет-

рова: „Евангеліе, какъ основа жизни“ (апрѣль, 1904 г.), „о Богѣ и Божьей правдѣ“ (декабрь, 1903 г.) и „Можно-ли на основаніи Евангелія различать Царство Божіе отъ Царства Небеснаго? (іюнь, 1903 г.); Е. Воронца: „Пасхальныя безцерковныя писанія свящ. Гр. Петрова въ его книгѣ: „Христосъ воскресе“ (іюнь, 1903 г.) и его же: „Итоги полемики по поводу проповѣдничества свящ. Гр. Петрова“ (февраль, 1903 г.) и іеромонаха Александра: „По поводу книги свящ. Гр. Петрова „Зерна добра“ (мартъ, 1903 г.).

Откликаясь на злободневные вопросы, тѣсно связанные съ духовными интересами нашего общества, „Миссіонерское Обозрѣніе“ широко и гостепріимно открыло свои страницы и такому жгучему вопросу, какъ *примиреніе интеллигенціи съ церковью*, и вообще религіозно-общественному возрожденію Россіи. Во главѣ всѣхъ статей, посвященныхъ этому вопросу, мы должны поставить статью В. А. Тернавцева: „Интеллигенція и Церковь“ (по вопросу о миссіи среди интеллигенціи) (іюнь, 1902 г.). Статья эта по силѣ и глубинѣ мысли, по широтѣ кругозора, выпуклости и образности стиля и оригинальности своего содержанія была предметомъ горячихъ обсужденій какъ въ засѣданіяхъ „Религіозно-философскихъ собраній“, такъ и въ „Русскомъ Собраніи“. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ статей: свящ. Четверикова: „Возможно-ли объединеніе интеллигенціи съ народомъ и церковью“? (январь, 1902 г.) и его же: „Когда и какъ произошло у насъ разъединеніе между интеллигенціей, народомъ и церковью“? (апрѣль, 1902 г.); мисс. Д. Граціанскаго: „Къ вопросу объ объединеніи интеллигенціи съ церковью и духовенствомъ“ (май, 1902 г.); медика (анонимъ): „Откровенное слово по поводу настроенія умовъ современной интеллигенціи“ (май, 1902 г.); свящ. І. Филевскаго: „Объ отношеніи церкви къ современнымъ религіознымъ запросамъ нашей интеллигенціи“ (январь, 1903 г.); Д. И. Богдашевскаго: „Къ современнымъ искателямъ истиной церкви Христовой“ (январь, 1903 г.); П. Козицкаго: „Интеллигенція и народъ“ (по поводу книжки Смирягина) (октябрь, 1903 г.) и его же: „Отношеніе нашего народа и интеллигенціи къ святымъ земли русской—какъ носителямъ народныхъ идеаловъ и святости“ (декабрь, 1903 г.); д-ра Пясковскаго: „Конфликты въ духовной жизни современной интеллигенціи“ (апрѣль, (1904 г.); В. Горохова: „Письма къ молодежи, ищущей смыслъ жизни“ (май, 1904 г.) и Дим. Бодиско: „Къ великому вопросу о примиреніи взаимныхъ отношеній церкви и современной вѣрующей интеллигенціи“ (№ 15, 1904 г.).

Нашъ журналъ, поставивъ себѣ задачей миссію въ самомъ

широкомъ смыслѣ этого слова, откликался и на литературныя произведенія, являющіяся отраженіемъ міровоззрѣній нѣкоторыхъ сектантствующихъ слоевъ нашего общества,—и помѣстилъ у себя нѣсколько очерковъ по этому поводу. Въ числѣ этихъ очерковъ мы находимъ: С. Бронницкаго „Разговоры среди друзей по поводу романа Л. Н. Толстого „Воскресеніе“ (мартъ, апрѣль, 1901 г.); его же: „Вопросы религіи въ обсужденіи передовыхъ людей“ (сентябрь—ноябрь, 1902 г.); П. А. Козицкаго: „Боборыкинъ и русское сектантство“ по поводу повѣсти Боборыкина „Исповѣдники“ (ноябрь, декабрь, 1902 г.) и его же: „Русское современное сектантство и православное духовенство въ характеристикѣ А. С. Пругавина“ (мартъ, 1905 г.).

Въ числѣ жгучихъ злободневныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ силою вещей, мы должны отмѣтить вопросъ объ упадкѣ пастырскаго духа въ современномъ нашемъ духовенствѣ. Вопросъ этотъ всплылъ на поверхность литературнаго моря, благодаря окружному посланію преосвященнаго Антонія Волынскаго, изданному имъ вскорѣ по вступленіи на каѳедру, къ волынской паствѣ. Посланіе это, въ которомъ преосвященный авторъ слишкомъ сгущенными красками изобразилъ упадокъ пастырской ревности въ волынскомъ духовенствѣ, больно ударило по нервамъ многихъ представителей духовенства и вызвало цѣлую полемику по этому вопросу. „Миссіонерское Обозрѣніе“ не только воспроизвело на своихъ страницахъ самое посланіе, но и, въ цѣляхъ уясненія истины, дало мѣсто голосу пастырей и мірянъ по поводу этого посланія.

На это посланіе откликнулись священники: Ѳ. Тихвинскій и Н. Казанскій, выразившіе „Мысли и чаянія сельскаго священника по поводу окружнаго посланія Волынскаго архипастыря къ своему духовенству“ (№№ 15, и 16, 1903 г.); Т. Черкасскій высказалъ „pia desideria“ сельскаго священника по вопросу объ „упадкѣ духа“ въ нашемъ духовенствѣ (№ 20, 1903 г.) и Н. Ремизовъ представилъ „Пастырскій откликъ на посланіе епископа Антонія“ (ibid.).—Изъ мірянъ высказались печатно по поводу этого посланія: Ф. Немоловскій (№ 13, 1903 г.), Ив. В. Преображенскій въ статьѣ: „Къ вопросу о причинахъ „упадка духа“ въ нашемъ духовенствѣ“ и П. А. Козицкій въ статьѣ съ такимъ же заглавіемъ (№ 19, 1904 г.).

Не оставилъ безъ вниманія нашъ журналъ и религіозныхъ нуждъ нашихъ окраинъ. Коснулся онъ положенія православно-русскаго дѣла въ связи съ вопросомъ объ уніатскомъ упорствѣ и о средствахъ борьбы съ нимъ. По этому поводу были помѣ-

щены статьи М. Кобрина (1904 г.): „Православно-Русское дѣло въ Холмской Руси“ и „О миссіонерѣ для Холмской Руси“ и рефератъ профессора Д. Цвѣтаева подъ заглавіемъ „Положеніе иновѣрія въ Россіи“ (январь, 1904 г.).

Саровское (въ іюлѣ 1903 г.) торжество открытія мощей преподобнаго Серафима, Саровскаго чудотворца, нашъ журналъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ отмѣтилъ, какъ выдающееся событіе въ жизни русской церкви и государства, помѣстивъ на своихъ страницахъ цѣлый рядъ статей, тѣсно связанныхъ съ Саровскими торжествами, начиная съ распоряженій Св. Синода и оканчивая замѣтками свѣтскаго писателя-раціоналиста. Самъ редакторъ напечаталъ свою статью подъ заглавіемъ „Саровское торжество православія“ (№ 12, 1903 г.) и откликнулся на это событіе также и въ своихъ „Скрижаляхъ“ (ibid.). Изъ другихъ статей, посвященныхъ этому событію, упомянемъ о статьяхъ: Н. М. Гринякина „Преп. Серафимъ, Саровскій Боговидецъ, новый небесный защитникъ истины православной церкви“ (№ 11, 1903 г.) и нѣкоего А. Г. „Апологія Саровскаго торжества 19 іюля подъ перомъ свѣтскаго писателя-раціоналиста“ (№ 15, 1903 г.).

Манифестъ 26 февраля 1903 г., возвѣстившій о необходимости коренныхъ гражданскихъ реформъ, коснулся, между прочимъ, и вопроса о реформѣ русской церковной жизни и о реформѣ прихода, какъ основной церковно-общественной единицы. Вслѣдствіе этого, вопросъ о реформѣ прихода становится предметомъ всесторонняго обсужденія какъ свѣтской, такъ и духовной печати. И нашъ журналъ не остался безотвѣтнымъ по вопросу о приходѣ и его реформѣ и помѣстилъ у себя нѣсколько статей, посвященныхъ обсужденію этого предмета. Изъ нихъ мы назовемъ статьи: свящ. С. М. Потѣхина: „Какъ возможно въ настоящее время обновить православно-русскій церковно-приходскій строй“ (февр., 1905 г.); свящ. М. Платонова: „Новогоднія думи пастыря о неотложныхъ церковно-приходскихъ нуждахъ“ (янв., 1905 г.); П. А. Козицкаго: „Къ вопросу о разъединеніи духовенства и мірянъ“ (декабрь, 1905 г.).

На вопросъ о созывѣ всероссійскаго церковнаго собора и о возстановленіи въ церкви каноническаго устройства на началахъ вселенской соборности съ патріархомъ во главѣ нашъ журналъ отозвался въ нѣсколькихъ статьяхъ и замѣткахъ за истекшей 1905 г. В. М. Скворцова, А. И. Платонова и П. А. Козицкаго.

Въ числѣ выдвинутыхъ вопросовъ, имѣющихъ громаднѣйшее значеніе въ церковно-общественной и государственной жизни,— мы должны отмѣтить получившій ужъ законодательное разрѣ-

шеніе вопросъ о вѣротерпимости. Съ обычной отзывчивостью откликнулся на этотъ вопросъ В. М. Скворцовъ въ своихъ „Скрижаляхъ“ и Н. М. Гринякинъ въ цѣломъ рядѣ „Откликовъ“ подъ заглавіемъ: „Предъ распутьемъ“ и „На встрѣчу свободы исповѣданій“ (1905 г.). П. А. Козицкій въ небольшой библіографической замѣткѣ на книгу преосвящ. Сергія, епископа Ямбургскаго, „Слова и рѣчи“, доказывалъ, что миссія при законѣ и вѣротерпимости станетъ на надлежащій путь и что она теперь болѣе, чѣмъ необходима, и должна составлять предметъ особыхъ попеченій церкви (№ 15, 1905 г.). Свящ. С. М. Потѣхинъ, зоветъ пастырей для огражденія интересовъ православія и борьбы съ врагами вѣры и церкви съорганизоваться въ пастырскіе союзы и собранія, въ статьѣ по этому вопросу „Объ организаціи пастырскихъ союзовъ и собраній согласно современнымъ условіямъ и положенію церкви и православія въ жизни народной“ (№ 15, 1905 г.).

Высочайшій Манифестъ 17 октября, являющійся началомъ новой эры церковной, государственной и общественной жизни, всколыхнулъ всѣ слои общества и далъ обильную пищу для нашей свѣтской и духовной повременной печати. Отозвалось на этотъ величайшій актъ въ жизни государства и сказало свое слово по поводу всѣхъ событій, связанныхъ съ этимъ актомъ, и „Миссіонерское Обозрѣніе“. Откликнулся В. М. Скворцовъ въ своихъ „Скрижаляхъ“, А. И. Платоновъ отозвался въ своемъ „Дневникѣ христіанина“ и въ статьяхъ: „Голосъ духовенства о Государственной Думѣ“, „По поводу Высочайшаго Манифеста 17 октября“ и „О современныхъ кровавыхъ событіяхъ въ общественно-политической жизни Россіи“ (№№ 14—19, 1905 г.) и свящ. С. М. Потѣхинъ выступилъ со статьей „Задача духовенства предъ предстоящими выборами въ Государственную Думу“ (№№ 14—15, 1905 г.).

Хроника „Миссіонерскаго Обозрѣнія“, обнимающая собою событія изъ міра раскола и сектантства—русскаго и заграничнаго, а также лѣтопись печати по вопросамъ миссіи, въ теченіе всего семилѣтняго петербургскаго періода журнала, веденная, какъ и прежде, съ большимъ умѣніемъ и знаніемъ дѣла,—представляетъ собою богатѣйшій матеріалъ въ историческомъ отношеніи для науки расколо- и сектовѣдѣнія,—потому и читалась она всегда съ захватывающимъ интересомъ. Въ этомъ отдѣлѣ миссіонеры и соприкасающіяся съ миссіей лица всегда находили для себя много новинокъ по любимому и интересующему ихъ дѣлу миссіи. Между прочимъ, во время расцвѣта религіозно-философскихъ собраній, нашъ журналъ усердно занимался ими и даже помѣ-

стилъ у себя нѣсколько отчетовъ о нихъ подъ заглавіемъ: „Изъ залы засѣданій религіозно-философскихъ собраній“ (1903 г.).

Считаемъ нравственно обязаннымъ сказать нѣсколько словъ отдѣльно о „Скрижаляхъ“ В. М. Скворцова, „Откликахъ“ Н. М. Гринякина и іеромонаха Михаила и „Дневникѣ Христіанина“, А. И. Платонова. Начиная съ первой книжки втораго пятилѣтія журнала, В. М. Скворцовъ взялъ на себя нелегкій трудъ ежемѣсячно бесѣдовать съ читателями по поводу текущихъ событій и выдающихся явленій церковно-общественной жизни и въ своихъ „Скрижаляхъ“, всегда съ знаніемъ дѣла, а главное съ захватывающею искренностью и необычайною теплотою откликался на современныя явленія церковно-общественной жизни и нужды миссіи и ярко освѣщалъ ихъ въ сознаніи читателей. Какихъ-какихъ только матерій авторъ не касался въ своихъ „Скрижаляхъ“: отзывался онъ и на всѣ вопросы и нужды миссіи, касался церковно-государственныхъ распоряженій, дѣлился своими воспоминаніями о почившихъ іерархахъ и благополучно здравствующихъ владыкахъ, призывалъ духовенство къ борьбѣ съ расколомъ и сектанствомъ, выступалъ въ защиту миссіонеровъ и дѣла миссіи; откликался по поводу отлученія гр. Толстаго отъ церкви, по вопросу о церковной реформѣ и о возстановленіи патріаршества на Руси, о Государственной Думѣ, о московскомъ злодѣяніи, о московскихъ дѣлахъ революціи и т. д. и т. д. Редакторскія статьи со „Скрижалей сердца“, помѣщаемыя обычно въ концѣ книги, много способствовали оживленію журнала. „Скрижали“ читались и читаются прежде всего и привлекали къ себѣ вниманіе даже свѣтской печати.

Съ большимъ интересомъ читались и „Отклики“, сначала—принадлежавшіе перу іеромонаха Михаила, а затѣмъ—Н. М. Гринякина, свящ. Потѣхина, Д. Н. Боголюбова (особымъ отдѣломъ—„Впечатлѣнія и наблюденія миссіонера“) и другихъ авторовъ. Отклики всегда отличаются пестротой и разнообразіемъ, жизненностью своего содержанія и оригинальностью, живостью изложенія.

„Дневникъ христіанина“, съ которымъ выступилъ на страницахъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ новый редакторъ А. И. Платоновъ, дышетъ неподдѣльнымъ, искреннимъ чувствомъ, вселяетъ бодрость и энергію въ душу читателя, окрыляетъ его надеждой на свѣтлое будущее въ нашей церкви и зоветъ читателя на работу, на дѣятельность на нивѣ Божіей, для блага церкви.

Разставаясь съ обозрѣніемъ петербургскаго семилѣтняго періода „Миссіонерскаго Обозрѣнія“, мы нравственно обязаны кос-

нуться также и библіографическаго отдѣла. И теперь, какъ и въ прежній періодъ существованія нашего журнала, библіографическій отдѣлъ стоялъ на должной высотѣ и вполнѣ отвѣчалъ миссіонерскимъ и полемико-апологетическимъ задачамъ журнала. Такъ какъ „Миссіонерское Обозрѣніе“ въ петербургскій періодъ расширило свои задачи въ сравненіи съ кіевскимъ періодомъ, то соотвѣтственно этому расширился и библіографическій отдѣлъ. За этотъ періодъ времени были на страницахъ журнала помѣщены отзывы о многихъ книгахъ, имѣющихъ обще-богословское и полемико-апологетическое значеніе. При чемъ въ отдѣлѣ этомъ были въ видѣ библіографическаго матеріала помѣщены цѣлыя полемическія статьи по нѣкоторымъ вопросамъ. Изъ нихъ мы назовемъ: а) статью С. М. Потѣхина, посвященную разбору книжки П. П. Оболенскаго: „Критическій разборъ вѣроисповѣданія русскихъ сектантовъ-раціоналистовъ: духоборцевъ, молоканъ, штундистовъ“ (1899, іюнь), и представляющую собою вполнѣ ученую рецензію съ указаніемъ крупнѣйшихъ недостатковъ въ этомъ сочиненіи; б) большой трактатъ свящ. С. Четверикова, посвященный разбору сочиненія „Къ лучшему будущему“ Н. Н. Неплюева, основавшаго у себя въ имѣніи трудовое братство и мечтавшаго своими путями, помимо церкви, обновить человѣчество и в) рецензію іеромонаха Михаила на книгу проф. А. Ѳ. Гусева: „О сущности религіозно-нравственнаго ученія Л. Н. Толстого“ и отповѣдь на эту рецензію А. Ѳ. (1903 г.). О цѣломъ же рядѣ полемическихъ статей Н. М. Гринякина, И. Г. Айвазова, А. И. Платонова и др. мы умалчиваемъ. Считаемъ не лишнимъ упомянуть, что въ этомъ отдѣлѣ за семилѣтній періодъ существованія журнала было помѣщено библіографическихъ замѣтокъ и отзывовъ на книги свыше 280 и рецензентами состояло до 40 сотрудниковъ. Наибольшее число библіографическихъ замѣтокъ принадлежитъ свящ. М. А. Лисицыну, П. А. Козицкому, М. П. Чельцову, М. Леоновичу, Н. Л. Вишневскому, Н. И. Булгакову, А. Виноградову и іеромонаху Александру.

Въ заключеніе считаемъ вполнѣ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о внѣшней реформѣ журнала въ петербургскій его періодъ.

По переходѣ изданія „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ въ С.-Петербургъ, журналъ, выходившій въ Кіевѣ ежемѣсячно въ 2-хъ книгахъ, нѣсколько реформировался: редакція въ теченіе 1899 и 1900 гг. стала выпускать журналъ въ объемѣ 12 ежемѣсячныхъ книгъ и 4 книгъ приложеній—„трехмѣсячниковъ“. Въ 1901 году редакція дала читателямъ, кромѣ 12 книгъ ежемѣсячныхъ и 4 „трехмѣсячниковъ“, еще шесть книгъ проповѣдей. Въ 1902 году чи-

татель получилъ 12 ежемѣсячныхъ книгъ, 2 полугодовыхъ приложенія и 6 книгъ проповѣдей. Начиная съ 1903 года журналъ кореннымъ образомъ реформировался и сталъ выходить въ количествѣ 20 книгъ въ годъ, т. е. полумѣсячными книжками, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда по прежнему читатель получалъ по одной въ мѣсяцъ книжкѣ,—не считая при этомъ отдѣльныхъ выпусковъ приложеній. Въ числѣ приложеній редакціей были даны читателямъ журнала три цѣнныхъ книжки спеціально миссіонерскаго значенія, изъ коихъ двѣ принадлежатъ перу діакона І. Смолина: „Миссіонерскій щитъ вѣры“ и „Миссіонерскій Путеводитель по св. Библіи“ и „Миссіонерскій Календарь“, составл. подъ редакц. В. М. Скворцова [1]).

Таковъ былъ путь, пройденный „Миссіонерскимъ Обозрѣніемъ“ въ періодъ перваго его десятилѣтія.

Въ видѣ итога къ сдѣланному нами обзору десятилѣтія „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ (1896—1905 г.г.) позволимъ себѣ высказать нѣсколько общихъ замѣчаній о томъ, насколько нашъ журналъ выполнилъ свою программу въ истекшемъ десятилѣтіи.

„Миссіонерское Обозрѣніе“, появившееся въ 1896 г., т. е. десять лѣтъ тому назадъ, въ качествѣ перваго и единственнаго тогда литературнаго органа противосектантской миссіи, выступило предъ читателями съ слишкомъ широкими задачами и цѣлями. Будучи чуждо узкости и односторонности, „Миссіонерское Обозрѣніе“ опредѣлило внутреннюю миссію не только, какъ силу охранительную, но и какъ творческо-созидательную, научно-просвѣтительную. Потому-то журналъ всегда ставилъ существенной задачей миссіи не только вразумленіе заблудшихъ, возсоединеніе ихъ съ церквью и огражденіе православныхъ чадъ церкви отъ уклоненія въ сентантство и старообрядчество, но и возвышеніе христіанской жизни и церковнаго просвѣщенія православнаго народа, улучшеніе жизни православныхъ приходовъ, подъемъ пастырской дѣятельности духовенства и проч. Будучи отзывчивымъ и чуткимъ ко всѣмъ теченіямъ и событіямъ церковной, государственной и общественной жизни, онъ всегда высказывалъ о нихъ свое мнѣніе, при этомъ освѣщалъ ихъ съ церковно-христіанской точки зрѣнія. Къ церковнымъ вопросамъ и миссіонерскимъ нуждамъ онъ былъ болѣе чѣмъ чуткимъ и отзывчивымъ и стоялъ за соборный ихъ способъ разрѣшенія при помощи миссіонерскихъ съѣздовъ спеціальныхъ дѣятелей,

---

1) Болѣе подробныя статистическія свѣдѣнія объ изданіи журнала весьма важныя для исторіи журнала, помѣщаются ниже въ видѣ особой статистической таблицы, составленной І. Смолинымъ.

приходскихъ пастырей и мірянъ — ревнителей православія. Православному пастырству, со всей широкой его пастырской дѣятельностью, журналъ нашъ всегда оказывалъ посильную помощь и нравственную поддержку. Къ сектантамъ и раскольникамъ, искренне ищущимъ спасенія въ церкви, всегда обращался съ полною братской любовью и протягивалъ имъ руку примиренія. Къ голосу интеллигенціи, ищущей своими путями примиренія съ церковью, онъ всегда чутко прислушивался и всегда готовъ былъ принять участіе въ стройкѣ того мостика, при помощи котораго произошло бы примиреніе.—Словомъ, „Миссіонерское Обозрѣніе“ въ теченіе десятилѣтняго періода своего существованія прилагало всѣ старанія и усилія къ тому, чтобы быть въ истинномъ смыслѣ этого слова органомъ внутренней миссіи.

Какъ оно исполнило свой долгъ предъ церковью и обществомъ, что оно привнесло въ науку расколо- и секто-вѣдѣнія,— судить не намъ. Объ этомъ скажетъ свое безпристрастное слово неминуемый судъ исторіи.

П. Козицкій.

Статистическія свѣдѣнія

объ издательской дѣятельности редакціи журнала „*Миссіонерское Обозрѣніе*“ за истекшее *десятилѣтіе* (1896—1905 гг.).

Журналъ «Миссіонер. Обозрѣніе» и прилож. къ нему.					Отдѣльн. отъ журнала изданія.		
Годъ.	Число книгъ.	Общее колич. листовъ.	Колич. экз. каждой кн.	Годовое колич. экземпл.	Количество названій.	Объемъ въ листахъ.	Общее колич. экземпл. въ тые.
1896	21 книга жур. 1-е и 2-е вып.	121½ л.	4,000	84,000	28 наз.	35 лист.	50 т.
1897	19 книгъ жур. 1-е и 2-е вып.	143 л.	4,500	85,500	50 »	53 »	145 »
1898	11 книгъ жур. 4 кн. прилож.	111 л. 52¾ л.	6,300	94,500	58 »	135 »	275 »
1899	11 книгъ жур. 4 кн. прилов.	99½ л. 52 л.	6,300	94,500	25 »	56 »	45 »
1900	11 книгъ жур. 4 кн. прилож. 3 кн. пропов.	114 л. 46 » 21 »	6,500	117,000	20 »	31 »	50 »
1901	11 книгъ жур. 4 кн. прилож. 6 кн. пропов.	113¼ л. 37½ » 43¼ »	7,000	147,000	20 »	28 »	55 »
1902	11 книгъ жур. 2 кн. прилож. 5 кн. пропов. 1 мисс.-кален.	121¾ л. 72 » 35½ »	8,000	152,000	35 »	59 »	96 »
1903	20 книгъ жур. 2 кн. прилож. 4 кн. пропов. 10 выпуск.	190 л. 36¾ » 32¼ » 9½ »	9,000 9,000	225,000 90,000	45 »	130 »	227 »
1904	20 книгъ жур. 2 кн. прилож.	199 л. 51½ »	9,500	210,000	75 »	194 »	160 »
1905	18 книгъ жур. 2 кн. прилож.	178 л. 28 »	8,000	160,000	40 »	42 »	75 »
Итого.	206	1,909½ л.	—	1.459.500	396 наз.	763 л.	1.178,000

На страницахъ журн. „Мис. Обозр.“ въ истекшее десятилѣтіе помѣщены произведенія слѣдующихъ іерарховъ, высокопоставленныхъ авторовъ—профессоровъ академій и университетовъ.

Іоанникія, Митроп. Кіевскаго (†), *Сергія*, М. Московскаго (†), *Владиміра*, М. Московскаго, *Стефана*, Епископа Могилевскаго *Александра*, Епископа Тамбовскаго, *Амвросія*, Архіеп. Харьковскаго (†), *Алексія*, Еписк., ректор. Каз. дух. ак. *Антонія*, Е. Чебоксарскаго, *Виссаріона*, Е. Костромскаго. *Гурія*, Е. Самарскаго, *Гурія*, Еписк. Таврическаго (†), *Іоанна*, Е. Смоленскаго (†). *Иринея*, Еписк. Орловскаго (†) *Макарія*, Е. бывш Калужскаго. *Макарія*, Епис. Томскаго, *Мелетія*, Е. Рязанскаго (†), *Никона*, Еписк. Серпуховскаго, *О. Іоанна Ильича Сергіева* Кронштадтскаго. *Побѣдоносцева*, К. П., бывш.Оберъ-Прокурора Св. Синода, *Саблера*, В. К., *Соловьева*, Д. Н., директора Канцеляріи Св. Синода, *Богдашевскаго*, Д. И., доц. Кіевск. дух. акад., магистра бог., *Бронзова* А. А. проф. спб. дух. ак., *Булгакова*, А. И., доц. Кіевск. дух. акад., маг. бог., *Голубева*, С. Т. проф. Кіевск. дух. акад. доктора исторіи, *Гусева* (†) проф. Казан. дух. акад., *Ивановскаго*, Н. И. проф. Казан. дух. акад., доктора богословія, *Королькова*, І. Н., прот. проф. Кіевск. дух. акад., маг. бог., *Михаила*, Арх. проф. СПБ. дух. академ. *Пѣвницкаго*, В. Ѳ., проф. Кіевск. дух. акад., докторъ бог., *Рыбинскаго*, В. П., проф. Кіевск. дух. акад., *Свѣтлова*, П. Я., маг. богосл., проф. Кіевск. универс., *Сикорскаго*, проф. университета св. Владиміра, доктора психіатріи, *Тихомирова* Д. И. проф. спб. дух. акад., *Титова*, Ѳ. И. свящ. маг. бог., доц. Кіевск. дух. акад., *Буткевича*, прот. маг. б., проф. Харк. универс.

Принимали участіе въ „Мисс. Обозр.“ слѣдующіе авторы:

Абаимовъ Василій (Минусинскъ).

Адріашенко, А. (свящ.).

Айвазовъ, Ив. (канд. акад. Харьк., епарх. мисс.

Александровъ, Д. (свящ. Самар. еп. мисс.).

Александръ (архимандритъ, бывш. цензоръ спб. дух. ком.).

Альбицкій (священ.).

Андреевъ. Д. (Секр. Рязан. Дух. Конс.).

Апраксинъ, С. А. (врачъ Нижн. Новг.).

Арбузовъ, В. (свящ.)

Арсеньевъ, І. (свящ.)

Барковъ, Ѳ. (свящ.).

Бажановъ, В. (свящ. Москов. епарх.).

Базаряниновъ Н. П. (Тамб. епарх. мисс.).
Безвенглинскій, А. (свящ.).
Березницкій (свящ., мисс. Кіевск. епархіи).
Березкинъ, Д. М. (Псков. губ.).
Беренскій, Н. (капд. акад.).
Берсъ, А. А. (Царское Село).
Блошенко, Н. (свящ.).
Бобровниковъ, Н. (дпректоръ учит. сем.).
Богдановичъ, Савва (свящ. мисс. Кіевск. епархіи).
Боголюбовъ. Д. И. (канд. ак. Спб. епарх. мисс.).
Богородицкій, І (свящ., преподав. Кіевск. сем.).
Богословскій, М.
Богоявленскій, М.
Бодиско Д. М. (Спб. свѣт. писат.).
Брояковскій С. (свящ. Кіевск. епархіи.).
Бугославскій І. (свящ. херсон. епарх.).
Булгаковъ, Н. И. (канд. акад. Спб. епарх. мисс.).
Бурговъ (свящ. Спб.).
Бывалькевичъ, П.
Бѣлгородскій, Н. А. (Кіевск. Епарх. мисс.).
Велтистовъ, К. И. (свящ. С.-Пбург.).
Вердеревская, С. В. (Москва).
Верховскій, П. В. (СПБ.).
Вессель Н.
Виноградовъ, М. А. (препод. Тверск. сем.).
Виноградовъ, А. (свящ. С.-Петербург.).
Виноградовъ, Н. (свящ. Ряз. мисс.).
Виноградовъ, Алексѣй (канд. универс.).
Вишневскій, М. О. (б. преп. Черн. сем.).
Вишневскій, Н. Л. (канд. ак.).
Воронецъ, Е. Н. (Харьковъ, свѣт. пис.).
Волгинъ Ал.
Воловей, Ѳ. (свящ. Кишинев. епар. мисс.).
Волочугинъ Н.
Водягинъ, Н.
Высотскій, В. А. (препод. Симф. семинаріи).
Ганицкій (свящ. Кіевск. еп.).
Георгіевскій, А. (Орелъ, препод. семинар.).
Глѣбовъ С. И. (СПБ.).
Гнѣвушевъ, М. В. (препод. Кіевск. семин.).
Гороховъ, В. Г. (Вятка, редакт. жур. „Пчеловодство“).
Граціанскій, Д. (Новочерк. епарх. мисс.).
Гребенщиковъ, Ѳ. С. (Казань).
Григорьевъ, Н. (Спб. канд. богосл.).
Гринякинъ, Н. М. (Спб. помощн. редакт. „Мисс. Обозр.“).
Губинъ, П. (свящ. миссіон.)
Гурьевъ, П. В. (магистръ богословія).
Давыденко, В. (Епарх. набл.).
Данкевичъ (свящ. Кіевск. епархіи).
Двинская, Агнія (псевдонимъ).
Дмитріевскій (свящ. миссіон.).
Дмитровскій, П. (свящ. Тавр. епархіи).
Добромысловъ, П. (преп. Ряз. сем.).
Добротинъ, Г. П. (канд. богосл.
Доброво, М. Н. (псевдонимъ).
Дороѳеевъ, Б. (канд. акад.).
Дрибинцевъ Г. (Черниг. епарх.).
Дроздовъ Н. (протоіер. Спб.).
Дударевъ, М. (свящ. Калуж. епар. мисс.).
Дунаевъ, А. (свящ. мисс.).
Егоровъ, Е. А. (Спб.).
Егоровъ (крестьянинъ).
Жаровъ, І. (свящ. Калужск. Еп. мисс.).

Заваринъ, Л. (свящ. мисс.).
Зайцевъ, И. (офицеръ).
Зарницынъ, Ив. (канд. ак.).
Захарьинъ, И. (свѣт. писат.).
Звѣревъ, М.
Звѣринскій, С. (Преп. Вие. дух. сем.).
Зефировъ, Д. (свящ.).
Злотниковъ, П. (свящ. Витеб. епарх.).
Золотухинъ, И.
Зубаревъ, Е. (свящ. миссіон.).
Ивановъ, Кронидъ (свящ. Самарск. епархіи).
Ивановъ П. (свящ. Самар. епарх.).
Ивановскій, Н. (студен. спб. дух. ак.).
Износковъ, И.
Казанскій, А. (свящ.).
Кальневъ, М. А. (канд. акад. Херсонск. епарх. мисс.).
Картушинъ, К. (миссіонеръ).
Каменевъ, М. Л. (генер.-маіоръ, Кіевъ).
Кастровъ, Ив. (миссіонеръ).
Калмыковъ, М. И. (Ставроп. губ.).
Касаткинъ, Ив.
Кипарисовъ, Н. (свящ. миссіон. Омск. еп.).
Киснемскій, С. (свѣт. писат.†).
Клеандровъ, М. (свящ.).
Клитинъ, А. (маг. акад., свящ. Кіевск. епархіи).
Козицкій, П. А. (канд. акад., бывшій миссіонеръ).
Козловская, М.
Колосовскій, П. (свящ. к. а.).
Колпиковъ (канд. акад. Влад. каѳед. протоіер.).
Коссовскій (свящ. Кіевск. еп.).
Кохомскій, С. В. (магистръ акад., инсп. Кіевск. дух. сем. †).
Кобринъ, М. (преп. Холмск. дух. семин.).
Косыревъ, М. (свящ. Ворон. епар.).
Кормилинъ, И. (епарх. мис.).
Корегинъ, К. (Городецъ Ниж. губ.).
Кругловъ, Ѳ. (мисс. Нижег. епархіи).
Крыловъ, В. А.
Кудрявцевъ (учит. народ.).
Кулаковъ, П.
Кутеповъ, Н. П. (маг. богосл. Донск. епарх. мисс.).
Кычигинъ, А.
Лаврскій, В. (протоіер. Самар.).
Лавровъ, В. (свящ.).
Лебедевъ, А. (маг. академ., прот.).
Лебедевъ, Гр. (свящ.).
Левитскій, А. (Тифлис. еп. миссіон.).
Левандовскій, Н. (свящ. г. Николаева).
Леоновичъ, М. М. (канд. богосл.).
Лещенецкій, Т. (свящ. Кіев. епарх.).
Лисицынъ, М. (свящ. Спб.).
Лотоцкій, В. (Подольск. мис. канд. ак.).
Мангусовъ, С. (свящ. мисс.).
Маргулинъ, І. (свящ.).
Матюшинскій, М. (свящ. Самарск. епархіи).
Матюшинскій, А. (канд. ак., Самарск. епархіи наблюд.).
Мессарошъ, П. И. (свѣт. пис.).
Меѳодій іером.
Михайловъ (свящ.).
Могилевскій (свящ.).
Муретовъ, С. (свящ.).
Никольскій (свящ.).
Никольскій, (свящ. Ставр. еп. мисс. канд. б.).
Новоселовъ, М. А. (Выш.-Волоч. изд. рел. фил. библ.).
Обтемперанскій, А. (Екатеринб. епарх. мис.).
Овсянниковъ, Е. (преп. Донск. сем., канд. акад.).
Огибенинъ, М. М. (миссіонеръ).
Ольшевскій, І. (прот. канд. акад. набл. Полт. еп.).
Орловъ, І. (свящ. Сарат. епарх.).

Орловъ, А. И. (секрет. консист.).
Панормовъ, І. А. (протоіер., ректъ Омск. дух. сем. канд. акад.).
Платоновъ, А. И. (редакторъ журн. „Мисс. Обзр.“. и газ. „Колоколъ“).
Платоновъ, М. (свящ. Оренб. епар.).
Парвовъ, П. А. (Спб. присяжн. повѣр.).
Пахарнаевъ, А. Г. (Спб.).
Перевозниковъ, К.
Переверзевъ, Н. В. (канд. акад. б. редакт. журн. „Мис. Об.“).
Переверзевъ, Д. (свящ.).
Петрушевскій, П. П. (препод. Кіевск. семин. канд. акад.).
Перовъ, И. Ѳ. (инсп. Ряз. сем., маг. бог.).
Плотниковъ, К. (маг. богосл.).
Полянскій, Ст. (прот.).
Полянскій, І. (свящ. Херсон. епарх., мис., канд. акад.).
Поповъ, Н. (свящ. миссіонеръ).
Поповъ, Г. (студ. Кіев. акад.).
Покровскій, Вл. (свящ., канд. акад.).
Поповъ, К. А. (свящ. Мин. еп., мисс.).
Потѣхинъ, С. М. (Кіевск. еп. мис., канд. ак.).
Преображенскій, И. В. (Спб. магистръ богосл.).
Прохоровъ, Г. (свящ. закон. канд. ак.).
Прозоровъ, В. Н. (свящ. преп. Спб. дух. сем., канд. ак.).
Пузанова, А. И. (Спб.).
Пясковскій (Москва, докторъ).
Рабиновичъ, И. В. (гор. Вольскъ).
Разночинцевъ, И. Н. (Красноярскъ).
Райскій, І. (свящ.).
Родіоновъ, В. (свящ.).
Ремезовъ, С.
Рождественскій, Арсен. (протоіер., маг. бог.).
Рождественскій, Арсен. (Ворон. мис.).
Розановъ, І. (свящ. Моск. епархіи).
Розовъ, М. (свящ.).
Романовскій, С. (миссіонеръ Донск. обл., кан. акад.).
Ромеровъ, В. (свящ.).
Русановъ, Н. (Самар. протоіер.).
Рябухинъ, І. (свящ. Черн. епарх. мис.).
Савченко, П. (крестьянинъ).
Сахаровъ, И. (Кишиневск. еп. мис., канд. акад.).
Сенатовъ, В. (канд. акад. секретарь ред. газ. „Колоколъ“).
Силинъ (свящ. г. Харькова).
Синайскій, А. (Спб. свящ.).
Скворцовъ, Т. (свящ. Ряз. епархіи).
Слободянниковъ, Н. (свящ.).
Слюсаревъ (свящ., канд. ак. епарх. мисс. Кіевск.).
Смирягинъ, А. (свящ. Херсон. епар.).
Смирновъ, П. (свящ.).
Смирновъ, Д. Д. (Кронштадтъ).
Смирновъ, П. П. (препод. Кіевск. дух. семинаріи, канд. акад.).
Смолинъ, І. (діаконъ завѣд. конт. ред. журн. „Мисс. Обозр.“).
Соболевъ, Ѳ. (прот.).
Совѣтовъ, А. (свящ. мис. Тамб. епархіи).
Соловьевъ, М. М. (канд. ак.).
Соколовъ, П. (свящ.).
Соколовъ, Н. (свящ.).
Соколовскій, В. (протоіер.).
Соколовскій, А. (свящ. мис.).
Сопоцько, М. (студ. унив.).
Спасскій, А. (свящ. Херсон. епар.).
Сперанскій, Як.
Стещенко, П. (свящ.).

Стрѣльбицкій, І. (преп. Одес. сем., канд. ак).
Сушковъ, П.
Сѣверцевъ—Полиловъ. (свѣт. пис.).
Тарасій іеромон.
Таубе, М. Ф. (барон. Спб.).
Темномѣровъ, А. (свящ., препод. С.-Петерб. дух. сем., канд. акад.).
Терлецкій, В. Н. (препод. Пол. семин. канд. ак).
Тернавцевъ, В. А.
Тифловъ, Н. (свящ., канд. акад.).
Тихвинскій, П. П. (свящ. бывш. Тавр. мис.).
Тихомировъ, Г. (свящ., канд. акад.).
Тихоновъ, М.
Тихомировъ, Л. (Москва, свѣт. пис).
Троицкій, І. (свящ., канд. акад. мис.).
Тронинъ, В. (Сарат. епарх. мис., канд. акад.).
Троицкій, Д. (свящ. Н. Новгор.)
Троицкій, А. (препод. Влад. дух. сем.).
Топиро, Б. (студ. Спб. акад.).
Тумановъ, П. (свящ., Спб. канд. акад.).
Уколовъ, Тер. (свящ. Куб. обл.).
Урбанскій, Алек. (свящ.).
Успенскій, В.
Фіалкинъ (свящ. Ставроп. еп. набл., канд. акад.).
Фіалковскій, Н. (Нижег. еп. мис.).
Филевскій, І. (свящ. г. Харькова).
Флегматовъ, А. (протоіер.).
Фудель, І. (свящ. моск. еп., канд. университета.).
Харитоновъ, Т.
Хвостовъ, Б.
Холоповъ, Д. (свящ. единов. церкви, г. Тула).
Холостовъ, Е.
Цвейтовъ (свящ. мис.).
Цыгановъ, З. (свящ. мисс.).
Чельцовъ, М. П. (Спб. свящ. маг. бог.).
Чередниковъ, Ив.
Черкасовъ, В. (свящ.)
Четвериковъ, С. (свящ. к. а.).
Чижевскій, І. (протоіер.).
Чинновъ, Н. Н. (препод. Тамб. дух. семинар.).
Шалкинскій, П. (свящ. Сарат. еп., мисс.).
Шалкинскій, Сергѣй (свящ. Екатер. еп. миссіонеръ).
Шараповъ, Н. П. (Спб. канд. богос.).
Шашинъ, А. (Астрах. епар. мисс. слѣпецъ).
Шевалеевскій, В. (свящ. Курской епар. мисс.).
Щегловъ, І. (свящ.).
Шестаковъ, Іаковъ (свящ. Перм. еп.).
Шиманскій, І. (свящ.).
Шлеевъ, С. (свящ. един. цер. Спб.).
Шмаковъ, Ѳ. С. (Дон. обл.).
Эфронъ, С. К. (Спб. свѣтск. писатель).
Ярмакъ, Кир. Як. (начетчикъ).
Яцкевичъ, В. (канд. ак.).
Ѳоменко (прот. Кіевск. еп., маг. бог.).

Въ приведенномъ здѣсь спискѣ авторовъ, помѣстившихъ свои труды въ журн. „Мисс. Обозр.“ и его приложеніяхъ значится: 1) іерарховъ 17; 2) высокопоставленныхъ лицъ и профессоровъ академій и университетовъ 18; 3) епархіальныхъ и друг. миссіонеровъ 49; 4) свѣтскихъ лицъ съ академическимъ образованіемъ 51; 5) протоіереевъ, священниковъ и монашествующихъ лицъ въ большинствѣ съ академическимъ образованіемъ 102; 6) свѣтскихъ писателей 41; и 7) начетчиковъ 14. Всего же 292 лица.

Современныя задачи внутренней миссіи.

Совершающееся на нашихъ глазахъ государственное и общественное переустроеніе Россіи, имѣющее существенно воздѣйствовать на нравственный строй и дальнѣйшее духовное развитіе русскаго народа, должно вызвать и оживленіе дѣятельности церковно-миссіонерской. „Свобода совѣсти“ создаетъ новое положеніе миссіи, ставитъ ей новыя задачи. Отнынѣ должны въ значительной мѣрѣ видоизмѣниться способы миссіонерской дѣятельности. Новыми условіями русской жизни требуется внимательный пересмотръ всего дѣла миссіи, дабы она отвѣчала новымъ запросамъ, новому положенію вещей, дабы святая православная церковь русская имѣла въ нашихъ миссіонерахъ добрыхъ непостыдныхъ дѣлателей, искусныхъ и мужественныхъ борцовъ въ нынѣшнее тяжелое для вѣры и благочестія время.

„Вѣротерпимость“—„свобода совѣсти“ встрѣчена съ торжествующимъ оживленіемъ въ иновѣрныхъ и инославныхъ кругахъ Россіи. Особенное же возбужденіе вызвала она въ средѣ нашего расколо-сектантства. Начались сношенія, переговоры, съѣзды, совѣщанія, постановленія, воззванія, адресы... Ожидалось кое-кѣмъ, въ переустроеніи Россіи выдвинувшимъ свободу совѣсти на первый планъ, что отсюда-то начнется духовное возрожденіе Россіи. Казалось кое-кому, что нѣкія добрыя, здоровыя духовныя силы Россіи, сжатыя и пригнетенныя въ теченіе немалаго времени, теперь, съ дарованіемъ государственной свободы совѣсти, закипятъ, прорвутся стремительнымъ ключемъ, живительной волной зальютъ русскую землю, изнемогающую въ духовномъ „параличѣ“, подорвутъ силу и пошатнутъ устои церкви, какъ силы, будто доселѣ сдавливавшей и сковывавшей въ Россіи всякія свободы: и мысли и совѣсти...

Знаемъ, что многіе ревнители православія, вѣрные сыны церкви, очень смущены этими новыми правами въ дѣлѣ вѣры и вызваннымъ ими подъемомъ духа въ кругахъ внѣцерковныхъ. Въ недвусмысленныхъ, опирающихся на новомъ правѣ, страстныхъ выходкахъ противъ церкви и въ жизни и въ литературѣ увидѣли грозную опасность истинѣ, правамъ и власти церкви, и многіе съ неменьшимъ возбужденіемъ стали звать на отпоръ врагу, къ охранѣ церкви.

Мы не раздѣляемъ этихъ опасеній. Мы не сочувствуемъ этому торопливому, напряженному призыву поскорѣе всячески выступить на защиту противъ врага,—единственно потому, что старый врагъ церкви получилъ новыя права въ государствѣ. Въ такой приподнятости настроенія въ нѣкоторыхъ кругахъ церковныхъ, въ такой суетливости и спѣшности при обсужденіи мѣръ даже общаго характера, касательно всего строя церковнаго, вызываемыхъ новыми отношеніями и условіями жизни церкви, не сказывается ли преувеличеніе силъ врага и преуменьшеніе крѣпости церкви? А можетъ быть, это есть проявленіе общаго у насъ нынѣ болѣзненно-возбужденнаго стремленія къ переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей, политическихъ и духовныхъ, къ переустроенію Россіи полному,—въ корняхъ и основахъ?!

Пусть смущающихся ободритъ, а растерявшихся и мятущихся успокоитъ и управитъ многовѣковая исторія церкви. Для васъ, братіе, хорошо знающихъ прошедшую жизнь церкви, я считаю достаточнымъ только напомнить объ этомъ. Всякое сектантство, не имѣвшее въ себѣ внутренняго залога духовной мощи, обыкновенно искало и охотно принимало опору внѣшнюю; въ силѣ государственной оно находило свою силу; и, поддержанное той внѣшней силой, проявляло (временно) особенно оживленную, иногда просто лихорадочную дѣятельность. Церковь же, сильная своей внутренней силой, утверждаясь на вѣковѣчныхъ благодатныхъ основахъ, заложенныхъ для нея ея Божественнымъ Основателемъ, всегда чуждалась такихъ заискиваній,—и въ дни своихъ тяжкихъ страданій, и въ дни несомнѣнной великой побѣды своихъ созидательныхъ началъ нравственныхъ надъ величіемъ внѣшнимъ, не имѣвшимъ крѣпости внутренней. Припомнимъ, напримѣръ, время (4 в. христіанства), когда совершался великій міровой кризисъ: государство, въ лицѣ великаго вершителя судебъ тогдашней „вселенной“, выступило съ эдиктомъ вѣротерпимости, даровало общую свободу исповѣданія вѣры

всему,—и тому, что именовалось христіанскимъ, и что дотолѣ государствомъ пригнеталось. Что же видимъ? Тѣ, что изыдоша изъ церкви, но не бѣша отъ церкви, воспользовались этой свободой по своему: засуетились, захлопотали; не чувствуя въ самихъ себѣ силы, завели интриги и происки въ кругахъ правительственныхъ; спѣшно созывали соборики за соборіками; торопливо составляли на нихъ постановленія, смѣняемыя постановленіями, своей суетней давая пищу ядовитому остроумію внѣшнихъ. Истинная же церковь среди общей сумятицы выступала съ сознаніемъ своей силы духовной, съ самообладаніемъ величія, съ спокойной энергіей, съ неуклонностью истины, съ непреклонностью правды. И скоро само государство должно было примѣтить, гдѣ сонмища лукавнующихъ, и гдѣ церковь истинная. И въ этой-то истинной церкви вселенской пошатнувшаяся—было великая греко-римская вселенная нашла для себя и почувствовала могучую, связующую и скрѣпляющую силу, и—протянула церкви руку мира и союза.

Не подумайте, отцы и братіе, что я хочу умалить вставшую нынѣ предъ церковью опасность, что я, увѣренный въ великой силѣ церкви, призываю къ спокойствію, граничащему съ бездѣйствіемъ, которому такъ легко предается человѣкъ, пренебрегши силою наступившей опасности. Увѣренное въ себѣ равнодушіе ведетъ къ безпечности, дремотѣ и сну. А спящимъ человѣкомъ врагъ всѣваетъ плевелы посредѣ пшеницы. А небрегущимъ пастыремъ волки расхищаютъ овецъ стада. Нѣтъ, мы хорошо помнимъ, какого напряженія силъ требовали отъ церкви много разъ постигавшія ее великія опасности и для самаго внутренняго существа ея, и для ея миссіи вовнѣ. Мы понимаемъ всю силу и нынѣшней опасности для церкви и истиннаго благочестія,—наше нынѣшнее собраніе свидѣтельствуетъ объ этомъ. Мы знаемъ, что участвуемъ въ великомъ переломѣ политической и духовной жизни Россіи, давно подготовлявшемся и нынѣ быстро съ шумомъ совершающемся. И для церкви, для благовѣстниковъ ея истины, для охранителей ея цѣлости и силы, ея правъ, это—время неусыпнаго бодрствованія, время дѣятельности усиленной, но спокойно-методической, обсужденія дѣла всесторонняго, но безъ увлеченій, рѣшенія вопросовъ обдуманнаго, безъ колебаній, безъ поправокъ и измѣненій. Это такъ свойственно церкви, такъ должно отличать ея дѣятелей среди общаго у насъ теперь смятенія и спѣшки.

Не умолчу, что если „вѣротерпимость—свобода совѣсти“ во многихъ ревнующихъ о вѣрѣ и церкви вызвала возбужденіе паче мѣры и тревогу, затрудняющія спокойную, обдуманную, основательную оцѣнку вновь слагающагося положенія дѣла, разумное обсужденіе потребныхъ новыхъ мѣръ и пріемовъ дѣйствованія: то есть и такіе, на которыхъ тѣ идеи, перешедшія нынѣ въ право государственное, произвели дѣйствіе парализующее. Имъ показалось, что 17-е апрѣля означаетъ почти что прекращеніе дѣла миссіонерскаго. Не понимаютъ самого существа жизни церкви и истиннаго характера ея благовѣстія. Церковь есть свѣточъ долженствующій озарять лучами истины всѣ самые темные углы человѣчества. Благовѣстіе о свѣтѣ истинномъ, христіанская миссія, это—сущность дѣятельности церкви. Церковь сама вся есть великій богоучрежденный станъ миссіонерскій, выдвигающій на святое дѣло еще особыхъ хорошо подготовленныхъ работниковъ миссіи. И прекращеніе дѣла благовѣстническаго, миссіонерскаго было бы равносильно прекращенію добраго воздѣйствія церкви на жизнь человѣчества; это была бы угроза самому ея существованію. Церковь, возвѣщая истину Христову, не стѣсняетъ свободу совѣсти; въ своемъ благовѣстіи она даетъ истинную свободу нравственную, невѣдомую тому, кого не осіяла истина Христова. Провозглашенныя нынѣ вѣротерпимость и свобода совѣсти въ государствѣ, безъ сомнѣнія, вводятъ миссіонерство церковное въ нѣкоторыя новыя соотношенія. Кое-что содѣйствовавшее внѣшнему успѣху миссіи церковной, но,—не будемъ закрывать,—не отвѣчавшее высокому духовному характеру дѣла церковнаго, какъ дѣла во имя истины и любви Христовой, даже во многомъ вредившее этому дѣлу, теперь отпадетъ; въ общей свободѣ совѣсти церковь найдетъ и свое освобожденіе отъ многаго, тяжко-покровительственно пригнетавшаго ее,—и нерѣдко не ради ея блага, а во имя внѣшнихъ интересовъ, которымъ заставляли ее служить; Церковь восчувствуетъ теперь такъ свойственный ей нравственный просторъ... Отнынѣ миссія церковная въ своей духовной дѣятельности будетъ опираться только на духовную силу церкви. Это создастъ ей, безъ сомнѣнія, не мало препятствій, во многомъ она встрѣтитъ не малыя затрудненія, ей предстоитъ борьба иногда тяжелая, и эта тяжесть борьбы будетъ особенно чувствоваться въ первое время, безъ привычной поддержки совнѣ, со стороны силы далеко не духовной; потребуется большое напряженіе силъ, неустанность въ благовѣстниче-

ской работѣ внѣшней. Но можетъ ли быть при этомъ мѣсто сомнѣнію въ прочномъ успѣхѣ церкви!? Можетъ ли быть поставленъ вопросъ о самомъ бытіи миссіи духовной!? Не теперь ли время миссіи показать, что она—органъ церкви живой, что она—сила церкви?!.

Настоящее собраніе ваше, отцы и братія-миссіонеры, по значительному числу членовъ есть первое при наступившихъ недавно для нашей православной внутренней миссіи новыхъ условіяхъ. Вы принесли намъ свой богатый и разнообразный, по мѣстнымъ условіямъ, опытъ миссіонерскій. А это служитъ добрымъ для насъ ручательствомъ, что вы въ своихъ совѣщаніяхъ и объ общемъ, въ новыхъ условіяхъ, положеніи дѣла миссіи, и по частнымъ вопросамъ миссіонерской теоріи и практики, придете къ заключеніямъ, которыя будутъ имѣть основное руководящее значеніе для дѣла миссіонерскаго послѣ 17 апрѣля. Я надѣюсь, что ваше спокойное, увѣренное,—и въ то же время чуждое узкаго партійнаго самомнѣнія отношеніе къ дѣлу, ваше всестороннее обсужденіе поставленныхъ программою вопросовъ миссіонерскихъ, не останется безъ воздѣйствія и на тѣхъ, кто нынѣ не суть отъ двора церкви, или готовы бѣжать изъ ограды церковной, а также и на тѣхъ, кто въ вѣротерпимости и свободѣ совѣсти злорадно видятъ поощреніе къ невольно дотолѣ сдерживавшимся нетерпимости и нападкамъ на церковь, къ причиненію всяческаго стѣсненія и вреда церкви.

Приступите же нынѣ къ вашимъ занятіямъ. И да благословитъ Господь добрымъ успѣхомъ труды настоящаго южно-русскаго миссіонерскаго собора *).

Архіепископъ *Димитрій Ковальницкій.*

*) Изъ рѣчи предъ открытіемъ Областного съѣзда миссіонеровъ въ г. Одессѣ.

Современная нужда въ усиленіи преподаванія въ духовныхъ семинаріяхъ исторіи и обличенія расколо-сектантства.

Въ статьѣ своей: „Наканунѣ полной вѣротерпимости“, помѣщенной въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ за минувшій годъ, мы говорили, между прочимъ, и о пересмотрѣ семинарскихъ программъ преподаванія и о скорѣйшемъ, по возможности, ихъ введеніи. Наша цѣль заключалась въ указаніи лучшей, сравнительно съ настоящею,—постановки преподаванія по исторіи и обличенію расколо-сектантства, сравненнаго теперь съ другими признанными въ государствѣ инославными исповѣданіями. Задача борьбы съ расколо-сектантствомъ возложена всецѣло на людей, дѣйствующихъ духовнымъ только оружіемъ, оружіемъ знанія и проповѣди. Вопросъ о подготовкѣ способныхъ къ этому людей поставленъ и стоитъ предъ нами, какъ говорится, ребромъ.

Въ № 46-мъ „Церковныхъ Вѣдомостей“ за минувшій (1905) годъ опубликованы работы духовно-учебнаго при Св. Синодѣ Комитета по распредѣленію всѣхъ предметовъ семинарскаго преподаванія. Пока проектъ Комитета Св. Синодомъ еще не утвержденъ, благовременно и позволительно сказать о немъ нѣсколько словъ. При этомъ мы не имѣемъ въ виду разсматривать его полностію, а желали бы выразить свой взглядъ на проектируемую только постановку преподаванія наиболѣе близкаго намъ предмета—исторіи и обличенія расколо-сектантства.

Выходя изъ существенныхъ задачъ средней духовной школы, мы не должны ни на минуту забывать того, что въ этой школѣ подготовляются пастыри церкви, долженствующіе удовлетворять духовнымъ потребностямъ народа. Эти пастыри предназначаются преимущественно для приходовъ деревенскихъ или небольшихъ уѣздныхъ городовъ, съ сѣрымъ

населеніемъ. Церкви столицъ и другихъ большихъ городовъ, съ населеніемъ интеллигентнымъ, аристократическимъ, куда поступаютъ священниками люди съ высшимъ образованіемъ, въ наши соображенія пока не входятъ. Безспорно, пастырь всякаго, въ частности и сельскаго, прихода долженъ получить и общее и богословское образованіе; ему мало быть простымъ начетчикомъ по какой-либо спеціальности. Но такое теоретическое, правильно скомпактованное образованіе,—всякій, думаю, согласится,—можетъ быть и шире и нѣсколько уже, примѣнительно къ общимъ задачамъ средней школы и къ силамъ учащихся. Здѣсь можно нѣчто и урѣзать, нѣчто и обобщить, пожертвовавъ частностями, безъ всякаго вреда: были-бы *программы посильныя и учебники ясные и немногословные.*

Но помимо общаго, хотя-бы и богословскаго образованія, есть предметы обученія чисто практическіе, вызываемые жизнію и положеніемъ паствы. Не отвлеченная теорія, а жизнь предъявляетъ пастырямъ свои требованія. Къ числу таковыхъ и относятся научныя свѣдѣнія по расколу старообрядчества и по другимъ сектамъ, весьма разнообразнымъ. Эти свѣдѣнія и должна дать прежде всего средняя школа, хотя и не въ полномъ объемѣ, но въ такой широтѣ, чтобы пастырь могъ стоять отнюдь не ниже паствы, направляя ее умѣлою рукою по пути спасенія.

То, что мы говоримъ, вовсе не новость, и къ этому голосу прислушивались составители существующаго семинарскаго устава. Во имя этого въ 1891 году была образована въ семинаріяхъ особая каѳедра по исторіи и обличенію раскола, при 6-ти недѣльныхъ урокахъ въ V и VI классахъ, съ присоединеніемъ одного урока по обличительному богословію, гдѣ въ отдѣлъ о протестантствѣ входятъ тѣ же почти вопросы, какъ и въ область нашего раціоналистическаго сектантства (молоканства, штундизма и другихъ, болѣе частныхъ сектъ).

Насколько настоящее семинарское обученіе было успѣшно, насколько достигало оно своей цѣли, какихъ приготовляло борцовъ за цѣлость церкви противъ раздранія ея сектантствомъ, сколько овецъ помогло привести во дворъ Отчій,—это пока другой вопросъ. Важно то, что сознана была задача и намѣчались пути для ея разрѣшенія. Если же былъ и есть неуспѣхъ (что и вѣрно), то онъ происходилъ отъ многихъ причинъ, чисто постороннихъ: отъ невнимательнаго соста-

вленія программъ [1]) и неудовлетворительности, при многословіи составленныхъ по нимъ учебниковъ, отъ сухого формализма обученія, отъ недостатка опытнаго контроля, а также любви и усердія къ дѣлу и т. п. Требовалось усовершенствовать многое, не сходя съ принятаго пути. Такъ представляетъ дѣло и Св. Синодъ, предписавшій, при пересмотрѣ семинарскихъ программъ, руководствоваться и практическими требованіями и соображеніями. Поэтому и мы тѣмъ болѣе имѣемъ основаній не оставлять высказанной нами точки зрѣнія.

Всякій, кто живалъ въ деревнѣ и сблизился съ нею, прекрасно можетъ видѣть и знать, какими вопросами тамъ интересуются, какія сомнѣнія высказываютъ. Рѣшенія этихъ вопросовъ, разъясненія сомнѣній нигдѣ, ни въ какой общей наукѣ не найдешь, кромѣ книги спеціальной. Даже широкое обще-богословское образованіе не поможетъ дѣлу, потому что вопросы, которыми интересуется деревня, слишкомъ специфичны, кругозоръ пониманія вѣры и благочестія (что тоже, православія) слишкомъ своеобразенъ. Мы имѣемъ въ виду особенно деревню старообрядческую, или съ ложно-мистическимъ пошибомъ. Да и не деревня только требуетъ этого. Припомнимъ, что и въ столицахъ тысячи народа интересовались бесѣдами со старообрядцами (не говоря о губернскихъ городахъ), да и сейчасъ, думаемъ, поинтересуются, если толково поставить дѣло и задѣть за живое.

Такова одна изъ существенныхъ, жизнію предъявляемыхъ, задачъ пастырства, къ которому готовитъ наша средняя школа.

Съ положительной стороны нами высказана желательная постановка преподаванія расколо-сектантства въ духовныхъ семинаріяхъ въ поименованной въ началѣ статьѣ „Прав. Собесѣдника“ и мы не находимъ нужнымъ повторять сказанное.

Къ сожалѣнію, духовно-учебный при Св. Синодѣ Комитетъ пошелъ какъ разъ въ обратную сторону. Онъ уничтожаетъ самостоятельную по расколо-сектантству каѳедру, присоединивъ преподаваніе его къ церковной исторіи, при трехъ всего недѣльныхъ урокахъ. При этомъ самая программа существенно измѣнена по новой схемѣ вопросовъ. Программа эта намъ неизвѣстна и мы ничего о ней не можемъ

---

[1]) Программы, видимо, составлялись и спеціалистами, но разными: одинъ составлялъ по исторіи раскола, другой по обличенію его. Вышла несогласованность, не говоря о другомъ.

сказать. Учебный Комитетъ дѣлаетъ, правда, ссылки на мнѣнія профессоровъ академій, но кто эти профессора, по какимъ предметамъ и на чемъ основаны ихъ мнѣнія, тоже ничего не знаемъ. Изъ общихъ соображеній Комитета одно видится, какъ будто рука спеціалистовъ, особенно практическихъ, и не коснулась этой работы, чисто кабинетной, отвлеченной и отрѣшенной отъ запросовъ жизни. На одной лишь общей фразѣ можемъ нѣсколько остановиться. Учебный Комитетъ дѣлаетъ ссылку на такой взглядъ профессоровъ, что ознакомленіе съ характеромъ расколо-сектантства *одно* даетъ ключъ къ его опроверженію и поможетъ оцѣнить его всѣмъ учащимся, а чрезъ нихъ потомъ, — когда они сдѣлаются пастырями, — и ихъ прихожанамъ. Такъ по крайней мѣрѣ мы поняли замѣтку Комитета. Несомнѣнно, что ознакомленіе съ внутреннею жизнію и содержаніемъ расколо-сектантства наглядно обнаружитъ его саморазложеніе и односторонность и шаткость тѣхъ коренныхъ началъ, какія положены въ его основаніе (обрядовѣріе, раціонализмъ, крайній мистицизмъ). Но всего этого для человѣка малоразвитаго, извѣстнымъ образомъ настроеннаго и противъ православной Церкви предубѣжденнаго, далеко недостаточно. При томъ вся эта философія (въ лучшемъ смыслѣ слова) и учащимися въ средней школѣ едва–ли можетъ быть хорошо усвоена и настолько ясно представляема, чтобы проводить ее въ народъ; да и послѣдній интересуется прежде всего и болѣе всего частностями, желая понять каждую изъ нихъ. Синтезъ ему не подъ силу и онъ остановится предъ нимъ, по большей мѣрѣ, только въ недоумѣніи. Онъ просто не выразумѣетъ того, что хотѣлось бы ему знать до очевидности. Да и то можетъ случиться, что многіе изъ народа, слушая ученыя соображенія и указанія на историческое теченіе жизни расколо-сектантства, могутъ сказать: „ты, батюшка, все говоришь отъ себя, а ты почитай отъ Божественнаго, а мы послушаемъ“. Наконецъ, по поводу общихъ принциповъ саморазложенія скажутъ, — что временами и бываетъ, — такую вещь, что, вѣдь, и истинное христіанское (или Христово) ученіе породило также ереси и раздоры, приведшіе къ образованію инако мыслящихъ церквей и общинъ (сектъ). Такимъ образомъ частныя задачи преподаванія расколо-сектантства въ средней школѣ духовной чрезмѣрно расширяются и болѣе или менѣе общее, принципіальное только съ нимъ ознакомленіе не поможетъ ихъ разрѣшенію. Съ другой

же стороны и составленіе связной, продуманной программы вопросовъ,— такой, чтобы можно было обнять умомъ и представить болѣе или менѣе наглядно, въ лицахъ, все многовѣтвистое древо расколо-сектантства, отъ трехъ корней растущее, оріентироваться во всемъ этомъ хаосѣ разномыслій и заблужденій чрезвычайно затруднительно, а написать ясный, краткій и толковый учебникъ и еще того труднѣе. Возьмемъ для примѣра изслѣдованіе проф. П. С. Смирнова: „Внутреннія вопросы въ расколѣ“; для того, чтобы освѣтить ихъ, потребовалось написать цѣлую объемистую книгу, а между тѣмъ періодъ захваченнаго имъ времени очень незначительный. За нимъ идутъ цѣлыя столѣтія съ новыми выдвигаемыми жизнію вопросами, не менѣе широкими, сложными и важными (наприм. вопросъ о бракѣ у безпоповцевъ, изслѣдованный покойнымъ профессоромъ Ив. Ѳ. Нильскимъ, или объ „Окружномъ посланіи“ у поповцевъ, по которому такая масса матеріала собрана покойнымъ же Н. Ив. Субботинымъ). Это въ нашемъ только старообрядчествѣ; тоже и въ другихъ сектахъ. Конечно, въ системахъ излагается все это несравненно короче (одна лишь сущность), но и при этомъ, даже если стать на эту одностороннюю, исключительно научную точку зрѣнія,— матеріала окажется множество, самаго разнообразнѣйшаго, если направить его на путь, имѣющій хотя какое-нибудь практическое значеніе.

Мы не увѣрены въ томъ, такъ-ли поняли пояснительную замѣтку Учебнаго Комитета, и если не такъ, то безъ всякой щекотливости просимъ извинить насъ. Впрочемъ, мы и ни въ какомъ случаѣ не жалѣемъ о томъ, что нами сказано, такъ какъ оно показуетъ, насколько широка, сложна и спеціальна область даже одной исторіи расколо-сектантства, не говоря уже о полемическомъ и апологетическомъ разрѣшеніи множества частныхъ вопросовъ: догматическихъ, каноническихъ, литургическихъ и иныхъ, безъ чего, какъ мы замѣтили ужо, обойтись невозможно.

Переходимъ къ послѣднимъ.

И въ настоящее время (при 6 недѣльныхъ урокахъ и особомъ преподавателѣ, болѣе или менѣе спеціалистѣ), результаты получаются далеко не утѣшительные. Вотъ что откровенно пишетъ священникъ, назначенный въ сектантское село. „Столкнувшись съ сектантами, я почувствовалъ всю безжизненность и недостаточность своей семинарской

подготовки *къ отвѣтственному іерейскому служенію* (курсивъ нашъ). Ходя по приходу съ молитвой, зашелъ и къ штундистамъ, года два-три совращеннымъ въ ересь. Жутко было на душѣ при встрѣчѣ съ невѣрнымъ противникомъ, но долгъ требовалъ дѣйствовать". Затѣмъ описывается бесѣда. Батюшка спросилъ мальчика, умѣетъ-ли онъ креститься? „Мать подсказала сыну, что Богъ не требуетъ служенія рукъ человѣческихъ... Выходитъ братъ хозяйки; онъ попросилъ показать въ Новомъ Завѣтѣ, гдѣ сказано, что христіане должны креститься? Я взялъ въ руки священную книгу и началъ въ ней что-то искать, но ничего не нашелъ... Сектантъ любезно пригласилъ меня еще когда-нибудь зайти для бесѣды, но я не воспользовался его приглашеніемъ" („Миссіон. Обозр." 1905 г., стр. 94). А между тѣмъ вопросъ былъ еще не изъ особенно трудныхъ; есть вопросы потруднѣе: о крещеніи младенцевъ, о призываніи въ молитвахъ святыхъ, о поклоненіи иконамъ и мн. др. Если *теперь* обнаруживается такое сознаніе, слышится такая исповѣдь человѣка, повидимому, чистосердечнаго, теперь, когда кой-чему еще учатъ и учить обязаны, то что же будетъ, когда и этого не будетъ, или будетъ менѣе чѣмъ на половину?.. Что будетъ, когда каждый сектантъ окажется болѣе сильнымъ расхищать стадо Христово, чѣмъ пастырь оберегать его?.. Объ этомъ стоитъ подумать.

И въ нашемъ старообрядчествѣ тоже самое: люди совсѣмъ простые: пожалуй, даже неграмотные,—какой нибудь деревенскій Максимъ, или Матрена (не говоря о начетчикахъ) развѣ не могутъ спросить: „а что, батюшка, Русская церковь православна, вѣдь, была до патріарха Никона?" Батюшка отвѣтитъ (и долженъ отвѣтить): „да, православна".—„Но вѣдь до п. Никона (продолжается допросъ), молились двуперстно, какъ и въ книгахъ того времени писано, да и Стоглавый соборъ (не думайте, что Максимъ и Матрена ничего о немъ и не слыхали) проклялъ тѣхъ, которые не знаменуются двуперстно?" — Это скажутъ самые простые люди, а попачитанѣе добавятъ, что и преподобный Петръ Дамаскинъ писалъ: „два перста и одина рука являютъ Господа нашего Іисуса Христа во единомъ лицѣ, но во двою составѣхъ познаваемаго", вычитаютъ и изъ Іосифовской Псалтири, и изъ книги Кирилловой и изъ книги о Вѣрѣ о двуперстіи (если только книги на лицо). „Почтоже", дадутъ вопросъ тѣ и

другіе, „понадобилось Никону измѣнять преданіе благочестивой церкви?“ Скажетъ батюшка (теперь еще онъ можетъ, или по крайней мѣрѣ долженъ сказать, если порядочно учился, а при проектируемомъ ученіи что?..), скажетъ батюшка, что можно молиться какъ троеперстно, такъ и двуперстно и что патр. Никонъ желалъ послѣдовать церкви греческой, и услышитъ замѣчаніе: „зачѣмъ же вамъ проклинать-то двуперстіе, зачѣмъ объересять его, порочить всячески, даже *чертовымъ* преданіемъ называть?“ Что на это малознающій батюшка скажетъ, и придумать не можемъ (да, пожалуй, и далеко не *мало* знающій, но не учившійся спеціально; какой отвѣтъ на все это дать), а если что и скажетъ, то не послѣдуетъ ли другихъ, вызванныхъ его отвѣтомъ, запросовъ, въ деревнѣ ходячихъ и извѣстныхъ хотя и немного начитанному старообрядцу, или просто сомнящемуся. Могутъ переставить вопросъ (это уже завзятые начетчики: „скажите, господинъ, отъ какого святого отца приняли вы троеперстіе“? Что сей „господинъ“ скажетъ?.. Еще: скажутъ (въ простой деревнѣ), что трегубая аллилуіа—латынская ересь (Стоглавъ), что четырехкочечный крестъ—не Христовъ, а „латынскій“; Христосъ не на двухъ крестахъ, а на одномъ (осмиконечномъ) былъ распятъ, на которомъ и подножіе было и дщица, положенная Пилатомъ,—и многое, многое подобное скажутъ. Батюшкѣ отвѣчать нужно, а онъ ни о чемъ подобномъ въ семинаріи и не слыхалъ, да и прочитать, на первыхъ порахъ службы, если бы и хотѣлъ,—не знаетъ гдѣ. Въ какое положеніе мы его ставимъ?.. Подумаетъ „умный“ батюшка про себя и, чего Боже сохрани, скажетъ: „нечего съ вами и говорить, ничего не понимаете“ (и сейчасъ это бываетъ). Но вѣдь это никого не привлечетъ къ Церкви и церковнаго не успокоитъ. Захочетъ батюшка изъ положенія оборонительнаго перейти въ наступательное, чтобы показать неправоту раскола съ Церковію, и скажетъ, примѣрно, безпоповцу: „безъ св. причащенія спастись нельзя—и текстъ изъ Евангелія приведетъ (Іоан. 6),—а его у васъ нѣтъ“? И съ этой стороны отъ рядового простеца-старообрядца онъ услышитъ: „да гдѣ же намъ *истинное* причастіе взять? Теперь время послѣднее, горькоплачевное. Мы всей душой желали бы причаститься, да что подѣлаешь, когда нужда такая пришла, когда Никонъ все въ церкви перевернулъ?!“ Такъ скажетъ незнающій простецъ, а грамотный и нѣсколько начитанный приведетъ и пророка Даніила

слова о мерзости запустѣнія на мѣстѣ святѣ, и св. Ипполита (изъ Соборника п. Іосифа) и Ефрема Сирина (сл. 105) о прекращеніи въ церкви Христовой истинной Жертвы, и Толковый Апостолъ, и Кириллову книгу. Сумѣетъ ли батюшка со всѣмъ этимъ справиться, все, какъ слѣдуетъ, разъяснить?.. Для этого нужно знать, а чтобы знать, нужно учиться, если же не научили, кто виноватъ будетъ? Не самому же, по поступленіи уже на приходъ, начинать съ азбуки. Указанные вопросы опять далеко не изъ трудныхъ, а ихъ—цѣлый ворохъ.

Можно ли все подобное,—еще не самое трудное,—осилить въ школѣ при трехъ урокахъ? А еще дальше пойдемъ, до главныхъ вожаковъ. „Расколъ не спитъ, одну книгу вышибутъ изъ рукъ, хватаются за другую, берутъ отрывки изъ многотомныхъ произведеній отеческой письменности, растолковывая ихъ по своему, что чрезъ разныя тетрадки и распространяютъ въ народѣ. И со всѣмъ этимъ пастырю необходимо, хотя нѣсколько, считаться. Въ Нижнемъ-Новгородѣ открывается журналъ „Старообрядецъ“, подъ редакціей извѣстнаго Иннокентія Усова, а мы думаемъ „закрывать лавочку“, или сокращать торговлю... Могутъ сказать или подумать, что излагая примѣрные вопросы, мы сами ихъ сочиняемъ, искусственно запутываемъ, вообще, фантазируемъ, преувеличивая ихъ трудность, на самомъ же дѣлѣ прослушавшій семинарскій курсъ наукъ (даже по новому проекту) священникъ легко съ ними справится,—хотя бы при помощи одной—двухъ книжекъ (наприм. „Выписокъ Озерскаго“, и „Истинно древней“... м. Григорія). Для убѣжденія въ первомъ мы могли бы предложить пожить недѣлю или двѣ въ такой деревнѣ, прислушаться къ разговорамъ о вѣрѣ, войти въ довѣріе жителей, или, если это неудобно, или не интересно, пригласить болѣе разумныхъ и дѣятельныхъ пастырей и прямо отъ нихъ освѣдомиться. Для разубѣжденія въ послѣднемъ пусть каждый спроситъ себя самого и отъ себя отвѣтъ получитъ. А пастырямъ и инымъ, *высшее* образованіе получившимъ и высокопросвѣщеннымъ, отъ которыхъ много зависитъ судьба школы, мы могли бы предложить на разсмотрѣніе и частныя, избранныя старообрядческими современными начетчиками мѣста изъ твореній блаженнаго Іеронима, св. Григорія Богослова, Ѳеодора Студита, Викентія Лиринскаго, изъ толкованія на книгу пророка Захаріи—Иринея, еп. Псковскаго, изъ 11 и 12 томовъ „Исторіи Русской церкви“ митр. Макарія, изъ „Актовъ Югозападной Россіи“. „Посл.

аѳонскаго инока Іоанна Вишенскаго“ и мн. др. — учительныя и историческія, избранныя мѣста, которыя приводятся ими въ подтвержденіе своихъ старообрядческихъ ученій и въ униженіе православной церкви, или проще:—взять въ руки „Дѣянія соборовъ 1666—7 годовъ“, „Сказаніе о соборѣ 1655—6 г. г.“ („Слово отвѣщательное“ п. Никона, въ „Скрижали“) и, сопоставивъ съ нѣкоторыми мѣстами „Номоканона“,—печатавшагося при Потребникахъ п. п. Іоасафа I и Іосифа,—по нимъ уяснить вопросъ о клятвахъ и ихъ значеніи. Увѣрены, что все это и для просвѣщенныхъ богослововъ представило бы не мало непріятныхъ и затруднительныхъ неожиданностей. Не къ умаленію чьего либо достоинства говоримъ это (да не будетъ!), а ради того, чтобы показать наглядно, что наука о расколо-сектантствѣ есть широкая *спеціальная* наука, требующая большихъ свѣдѣній изъ разныхъ научныхъ областей; оріентироваться въ нихъ дай Богъ и недюжинному таланту. Посему присоединять ее къ другой наукѣ значитъ возлагать на одного человѣка прямо непосильное бремя, а зачеркивать ее или полузачеркивать—идти въ разрѣзъ съ требованіями жизни.

Скажемъ еще немного словъ о вопросахъ, присущихъ сектамъ мистическимъ. Что скажетъ батюшка послѣдователямъ ихъ, проповѣдующимъ человѣкообожаніе, когда они укажутъ на слова св. апостола Павла: „живу *азъ* не къ тому, но живетъ во мнѣ *Христосъ*“,—подчеркивая голосомъ подчеркнутыя нами слова,—а вмѣстѣ съ ними и на слова пророка, отъ имени Божія сказанныя: „вселюся въ нихъ и похожду“, и на слова Церкви: „Христосъ *раждается*“ (а не родился)? Что скажетъ батюшка въ разъясненіе массы выписокъ изъ святоотеческихъ аскетическихъ произведеній,—подъ которыми подпишется любой хлыстъ,—въ подтвержденіе отверженія брака, окрасивъ ихъ въ свой специфическій видъ?.. Мистика и аскетизмъ существенно присущи и христіанству. Въ чемъ же разница между мистикою и аскетизмомъ христіанскими и хлыстовскими? Чѣмъ отличаются между собою христіанинъ, озаряемый Духомъ Святымъ, и хлыстовскій пророкъ, христіанскій идеальный монахъ и хлыстъ?—Послѣдній вопросъ въ отвлеченномъ и житейскомъ видѣ, съ указаніемъ скабрезностей, предлагался намъ письменно и однимъ изъ интеллигентовъ, по поводу нашей публичной лекціи о хлыстахъ (напеч. въ „Миссіонер. Обозр.“ 1898 г.).

На Орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ, въ 1901 году, мы давали разъясненія этого. Не повторяемъ ихъ снова, такъ какъ теперь наша цѣль другая.

Итакъ, не сокращать требуется преподаваніе науки о расколо-сектантствѣ въ семинаріяхъ (да и въ академіяхъ), а усиливать и совершенствовать. Есть и особая къ тому современная причина, заключающаяся въ претензіи нѣкоторыхъ священниковъ, что *они именно*, а не „какія-то постороннія“ лица, „разнаго рода миссіонеры“, должны быть приходскими борцами за цѣлость и неприкосновенность Церкви, взять на себя *однихъ* эту задачу.

Но жатва многа, а дѣлателей пока мало. Будемъ молиться Господину жатвы, да низведетъ Онъ *подготовленныхъ* дѣятелей на ниву Свою.

Профессоръ *Н. Ивановскій.*

Желательная постановка миссіонерской проповѣди.

„Изученіе совершившихся фактовъ, сравненіе ихъ между собою, опредѣленіе отношенія настоящаго положенія дѣлъ къ развитію, состоявшемуся до сихъ поръ, все это доставляетъ возможность нѣкоторымъ образомъ всматриваться въ будущее, заниматься изученіемъ вопроса вѣроятности дальнѣйшаго развитія... Мы пріобрѣтаемъ способность отвѣтить на вопросъ, что можно ожидать въ будущемъ".

(Брикнеръ, въ «Русск. Мысли», сентябрь, 1899 года).

Эпиграфомъ для настоящей статьи я взялъ выдержку изъ посмертнаго произведенія профессора Брикнера „Война и миръ", и сдѣлалъ это не безъ цѣли. Вы, о.о. и братіе миссіонеры,—представители воинствующей церкви, предводители отрядовъ, ведущихъ брань противъ отступниковъ ея. По волѣ епархіальной власти, мы собрались въ настоящее время на военный совѣтъ, чтобы выработать наилучшій планъ кампаніи: подсчитать силы свои и своего противника, опредѣлить свою и его позиціи. На военныхъ совѣтахъ розовыя иллюзіи, предвзятыя мнѣнія и замалчиванія непріятной наличности отнюдь не должны имѣть мѣста. Здѣсь нужна одна правда, безпристрастное „изученіе совершившихся фактовъ" и „сравненіе ихъ между собою". Это даетъ возможность правильно оріентироваться въ своемъ положеніи и дать вѣрный отвѣтъ, что дѣлать, чего можно „ожидать въ будущемъ".

Каждое административное мѣропріятіе имѣетъ своихъ убѣжденныхъ сторонниковъ и не менѣе горячихъ противниковъ. Не безъ того и съ нашимъ съѣздомъ. Въ самомъ дѣлѣ. какая необходимость къ его со-

званію? Въ 70-хъ годахъ главный миссіонеръ нашей епархіи, N., въ оффиціальной бумагѣ сказалъ: „старообрядчество замѣтно слабѣетъ, разшатывается“. Съ тѣхъ поръ эта фраза аккуратно повторяется 25 лѣтъ во всѣхъ годичныхъ рапортахъ и отчетахъ по дѣламъ миссіи. Двадцатипятилѣтнее, изъ года въ годъ, расшатываніе раскола должно, повидимому, привести если не къ полному паденію его, то къ значительному разрушенію. Повидимому, остается благодарить Бога и предоставить миссіонерскому дѣлу течь такъ, какъ оно течетъ доселѣ. Но такъ ли это?

Я взялъ на себя трудъ опредѣлить по архивнымъ оффиціальнымъ документамъ, сколько старообрядцевъ наша миссія успѣла обратить въ православіе за послѣднія 25 лѣтъ. Оказалось — 3,842 или немного болѣе (разница въ десяткахъ и единицахъ). При этомъ я подсчиталъ, что одно братство наше израсходовало на миссію, со времени своего существованія, болѣе 100 тысячъ рублей, да въ запасной капиталъ братства духовенство епархіи издержало около 100 тысячъ руб., да на содержаніе миссіонеровъ и прочіе расходы по миссіи тоже духовенство израсходовало болѣе 50 тыс. р. Итого на миссію епархія потратила за четверть вѣка болѣе чѣмъ 250 тыс. руб. Цифра, при нашей бѣдности, не малая.

Но не въ деньгахъ только дѣло. Во что мы оцѣнимъ моральныя издержки десятковъ и, быть можетъ, сотенъ тружениковъ, которые входятъ въ непосредственное столкновеніе съ старообрядчествомъ? Въ монхъ рукахъ перебывало много великихъ и малыхъ дѣлъ по здѣшней миссіи, отчетовъ, рапортовъ, донесеній и т. п. Въ нихъ обычно господствуетъ сухой дѣловой тонъ... Но вдругъ среди сѣренькой, сумрачной атмосферы оффиціальности блеснетъ искрометнымъ метеоромъ тирада, фраза, иногда одно восклицаніе и освѣтитъ въ далекой перспективѣ глухихъ дебрей положеніе воина Христова: онъ раненъ и не всегда вражьей пулей. „По независящимъ обстоятельствамъ“ разбились въ прахъ его лучшія чаянія, и вмѣсто желанной удачи предстоитъ отступленіе. Видно, что человѣкъ задѣтъ за живое, душевный покой его нарушенъ... Для иллюстраціи я могъ бы назвать не одно имя изъ здѣсь присутствующихъ, но воздержусь, слѣдуя пословицѣ: „nomina sunt odiosa“,— къ тому же я не панегирикъ пишу кому-либо, а лишь опредѣляю, насколько выгодно пущены въ куплю духовно-

матеріальныя „мнасы“, согласно завѣту Спасителя. Оказывается не особенно выгодно.

Мы сказали, что число обращенныхъ за послѣднія 25 лѣтъ выражается въ цифрѣ 3,842. Нельзя сказать, чтобы цифра почтенная, но бѣда въ томъ, что въ значительной долѣ она сомнительная... Но будемъ болѣе оптимистичны и довѣрчивы; примемъ цифру 3,842 за достовѣрную, предварительно исключивъ изъ нея 134, положительно извѣстное число вновь уклонившихся за послѣднее десятилѣтіе. Абсолютная цифра обратившихся будетъ—3,708, т. е. въ процентныхъ отношеніяхъ это равняется 0,21 проц. за годъ, если среднее количество старообрядцевъ въ епархіи за 25-лѣтіе выразить въ цифрѣ 70 тыс. (въ 1874 г. въ круглыхъ цифрахъ—57 тыс., въ 1899 г.—80 тыс. Соображаясь съ земской статистикой, я не безъ вѣроятія считаю эти цифры ниже дѣйствительныхъ). Между тѣмъ по статистикѣ извѣстно, что естественный приростъ населенія въ губерніи равняется ежегодно въ среднемъ 1,32 проц. Таковъ же приблизительно и приростъ старообрядцевъ. Итакъ въ то время, какъ миссія обращаетъ 0,21 проц. послѣднихъ, естественный приростъ увеличиваетъ ихъ на 1,32 проц., иначе—одинъ обратится, а 6—7 родится. При такой пропорціи положеніе нашей миссіи напоминаетъ былину о томъ, какъ перевелись богатыри на русской землѣ. Выѣхали они противъ вражьей силы и схватились съ ней. Однимъ взмахомъ плеча какой-нибудь Алеша Поповичъ или другой богатырь перерубитъ врага; вмѣсто него стало два,—перерубитъ десятокъ—стало двадцать. И такъ сила вражья все росла и росла. Не выдержали богатыри, побѣжали и превратились въ камни. Конечно, къ столь грустному концу собирательный богатырь — наша миссія никогда не придетъ, ибо она служитъ Церкви, коей „врата адовы не одолѣютъ“, но за то и что толку истощать и духовныя и матеріальныя средства на безплодный моціонъ пресловутой бѣлки въ колесѣ? Явное дѣло, что въ нашей миссіи (да и въ нашей-ли? такъ по всей Россіи...) что-то неладно.

Я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ, не какъ учащій, по выраженію Аѳанасія Великаго, а какъ вопрошающій.

На старообрядчество можно смотрѣть или болѣе какъ на заблужденіе ума, или болѣе какъ на заблужденіе воли. Смотря по тому, какой

взглядъ практически перевѣшиваетъ, такой характеръ принимаютъ и миссіонерскія мѣропріятія. Къ сожалѣнію, у насъ фактически перевѣшиваетъ первый взглядъ, быть можетъ, подкупающій тѣмъ, что его легче примѣнить къ жизни. Отсюда въ вопросахъ миссіи первый вопросъ о „бесѣдахъ"; отсюда наши „бесѣды" съ характеромъ академическихъ диспутовъ; отсюда типъ миссіонера, который прежде всего мыслится, какъ человѣкъ, разъѣзжающій по деревнямъ и селамъ съ огромнымъ возомъ огромныхъ книгъ, чтобы дѣлать извѣстныхъ людей „безотвѣтными"; отсюда въ кандидатахъ священства въ приходы, гдѣ есть старообрядцы, гнетущее чувство безпокойства и первый вопросъ, что имъ сказать въ „обличеніе" заблужденій (какъ будто идутъ на экзаменъ). Отсюда и вся наша противораскольничья литература что собой представляетъ? коллекцію сухихъ, академическихъ, безжизненныхъ брошюръ, разсчитанныхъ на сухой педантическій разсудокъ, въ которыхъ напрасно искать того, что невольно плѣняетъ воображеніе и сладко волнуетъ сердце высокими картинами христіанской любви и братолюбнаго единенія во Христѣ, Спасителѣ нашемъ.

Все это я говорю не къ тому, что не надо лицъ и книгъ, спеціально занимающихся старообрядчествомъ, а хочу сказать, какъ при односторонне понятомъ принципѣ сами по себѣ хорошія вещи занимаютъ не должное положеніе и пріобрѣтаютъ не такой, какой слѣдуетъ, характеръ, а потому являются малоплодными. Сейчасъ это выяснится. А прежде скажемъ о второмъ пониманіи старообрядчества, какъ заблужденія воли.

Кто будетъ отрицать, что на самыхъ удачныхъ бесѣдахъ, когда вы, какъ $2\times2=4$, доказали правоту своихъ положеній, когда и противники ваши согласились съ этимъ, однако кончалось дѣло тѣмъ, что „побитые" старообрядцы апеллировали къ вѣрѣ своихъ отцовъ: „такъ наши родители вѣровали"? Развѣ не приходилось мнѣ самому встрѣчать „Грачевыхъ", которымъ говоришь, доказываешь, а онъ копается въ книгѣ и не слушаетъ.—Что же ты не слушаешь?—говоришь ему.—Слыхалъ я! Тоже и Павелъ Прусскій говорилъ...—Ну, что же? — А вотъ послушай, я тебѣ прочитаю...—И пошелъ не къ дѣлу читать...— Въ 1889 году такой „Грачевъ" явился ко мнѣ на квартиру съ однимъ руководствомъ по обличенію старообрядчества. „Тутъ ересь",—сказалъ

онъ, ткнувъ въ книжку. Я сталъ разбирать. А онъ перескочилъ на вопросъ о перстосложеніи и началъ дѣлать возраженія, которыя были просто подвохами. Когда я парировалъ ихъ, онъ хитро подмигивалъ и повторялъ: „а, знаешь“!.. Когда я, наконецъ, укорилъ его за это, онъ только захихикалъ. Я повернулъ его на „ересь“ въ руководствѣ, показалъ ему въ старой книгѣ, что текстъ, въ чемъ онъ ересь усмотрѣлъ, и здѣсь приводится въ такомъ же урѣзанномъ видѣ. Кажется, ясно. „А все же ересь“! — рѣшительно сказалъ онъ и вышелъ. Вы, о.о. миссіонеры, говорите въ своихъ рапортахъ, что такихъ-то и такихъ-то удерживаютъ въ старообрядчествѣ матеріальные интересы, родные и т. д. Скажите, что это значитъ? что недугуетъ здѣсь? Вѣдь эта преднамѣренность, это—„а все же ересь“, эти „подвохи“, эти ссылки на вѣрованія отцовъ и дѣдовъ, этотъ перевѣсъ матеріальныхъ интересовъ надъ убѣжденіемъ ясно говорятъ, что здѣсь недугуетъ не то, что умъ, а и воля. Вотъ къ этому я и веду дѣло. На расколъ, какъ и ересь, должно прежде всего смотрѣть, какъ на заблужденіе воли. Этому научаетъ насъ самъ Христосъ, когда „еретика человѣка“ называетъ „развратившимся“, и Ап. Павелъ, который ереси и расколы относитъ къ дѣламъ плотскимъ, т. е. прежде всего къ поведенію (Гал. V, 20). Всякая вѣроисповѣдная рознь не есть только разномыслiе, но въ тоже время и вражда, такъ что въ этомъ случаѣ „и врази человѣку домашніе его“ (Мѳ. X, 36). А такъ какъ уму „диктуетъ сердце“, то и надо прежде всего примирять не разномыслiе, а сердечную рознь, врачевать волю и сердце. Иностранцы это отлично понимаютъ, почему ихъ миссіи, сильно осуществляющія этотъ принципъ, даютъ болѣе плодотворные результаты. У насъ этотъ принципъ, пожалуй, и сознается, но въ практикѣ примѣняется очень слабо, а главное—больше случайно, а не систематически, или потому, что это дѣло болѣе кропотливое, или потому, что не достаетъ опытности и надлежащей традиціонно-выработанной тактичности. Отсюда въ нашей миссіи нѣтъ уравновѣшенности и чувства мѣры. Хорошо пишетъ о. Ѳ. Т—й: „Разглагольствовать о перстахъ, поклонахъ и т. п. не значитъ бороться съ старообрядчествомъ. Понимать такъ дѣло миссіи значитъ понимать его узко... Таково мнѣніе миссіонера-практика: дѣло миссіи понято „узко“, главнѣйше — съ интеллектуально-теоретической

стороны [1]). Мы больше лечимъ голову отступника, забывая, что онъ весь боленъ и упорнѣе всего боленъ волею, сердцемъ,—и значитъ надо лечить всего человѣка, а не одинъ умъ, нужно лечить волю и сердце. А эти силы души лечатся не столько „разглагольствованіями“, по старой терминологіи, или „бесѣдами“, по новой терминологіи, а дѣлами. Не подумайте, что я хочу читать мораль на тему о личномъ поведеніи и недостаткахъ миссіонеровъ. Нѣтъ, этотъ пріемъ слишкомъ избитъ, чтобы повторять его, да и кто я такой, чтобы „судить другихъ“. Я хочу сказать, что уврачеваніе воли и сердца требуетъ цѣлой системы воспитывающихъ средствъ, дѣлъ и мѣропріятій. Борьба съ старообряд-

---

[1]) Это понятіе неумѣренно вкладываютъ въ насъ со школьной скамьи, опираясь на якобы историческія данныя. Припомните, сколько въ семинарской программѣ и учебникахъ удѣлено вниманія древле-русскому невѣжеству для объясненія происхожденія раскола! Здѣсь, конечно, предполагается, что противники Никона были круглые невѣжды и патентованные мракобѣсы, а Никонъ и его сподвижники—просвѣщенные люди. Но чтобы утверждать такую историческую антитезу, надо быть самому по меньшей мѣрѣ на-диво тенденціознымъ. Или одни получили широкое научно-богословское образованіе, а другіе нѣтъ? Развѣ тѣ и другіе не были плоть отъ плоти и кость отъ костей одного народа, одной среды, воззрѣній и *школы?*.. Откуда же вдругъ Никону и его сподвижникамъ „премудрость сія“? Помогли имъ не-московскіе ученые? Но имъ самимъ недоставало ни спеціальныхъ на исключительный случай знаній, ни тѣмъ болѣе разумѣнія языка и русской жизни. Будьте безпристрастны—и вы скажете, что произведенія дѣятелей реформы были очень слабы. Одна „Скрижаль“ чего стоитъ — эта неумѣлая фабрикація скорѣе дилетанта, чѣмъ спеціалиста, задумавшаго дать примѣрный урокъ и образцовое руководство другимъ. Недаромъ она была встрѣчена ѣдкой, но справедливой критикой противника. А „Жезлъ правленія“—эта типичная отрасль западной схоластической апологетико-полемики съ ея хлесткостью грубой общей фразы, но лишенная и научности и убѣдительности?..

Будьте справедливы—и вы не скажете, что противники реформъ были полные невѣжды, а ихъ произведенія сумбуръ и ничтожество. Ужъ не Павелъ ли Крутицкій и ему подобные умнѣе и просвѣщеннѣе діак. Ѳедора, Аввакума и др.? Читайте произведенія первыхъ расколоучителей—и вы увидите, что эти расколоучители были далеко незаурядными людьми не только по силѣ воли, но и ума. У нихъ и знанія есть и острый анализъ и остроумная критика, а пониманіе русской общественности даже очень большое; оно (какъ это ни странно) иногда поднималось до историческаго предвѣдѣнія, смутнаго, но предвѣдѣнія... Я всегда удивлялся тому нареканію на первыхъ расколоучителей, что будто бы по невѣжеству они до крайности тупо твердятъ объ извѣстномъ „премѣненіи“: „это ересь, это ересь“, они только утверждаютъ, что тутъ *„еретическія затѣйки“* Никона, т. е. подъ невинной, повидимому, и безразличной вещью на самомъ дѣлѣ скрывается злой умыселъ Никона испревратить *вѣру.*

чествомъ прежде всего должна превратиться въ организованное служеніе среди заблудшихъ милостыней, школой, братолюбнымъ общеніемъ и пр.

Примѣненіе указаннаго принципа должно рѣзко измѣнить характеръ нашей миссіи. И даже то, что останется отъ нея изъ стараго, при-

---

Острымъ скальпелемъ своей критики и стараются они вывести на свѣжую воду эти «затѣйки», этотъ умыселъ, дабы всѣ видѣли, что здѣсь дѣло идетъ не о безразличныхъ вещахъ, а о самой вѣрѣ, о «головныхъ» вещахъ. И, нужно сказать, въ этомъ направленіи расколоучители изощрились до виртуозности. Напр. 4 угловыхъ столба подъ престоломъ, привязанныхъ къ пятому, центральному, знаменуютъ привлеченіе четырехъ восточныхъ патріарховъ къ папѣ «въ духъ единъ». Подобнымъ образомъ истолковывали расколоучители всѣ «затѣйки» Никона. Какъ хотите, это называйте, но только здѣсь не невѣжество, напротивъ, пересоленное вѣжество, не тупая близорукость, напротивъ излишняя дальнозоркость, не смѣшеніе догмата съ обрядомъ, напротивъ боязнь, *какъ бы чрезъ слишкомъ безразличное отношеніе къ обряду не пострадалъ догматъ, вѣра.* Расколоучители стояли на вѣрной точкѣ зрѣнія, что между догматическими и нравственно-практическими истинами христіанства съ одной стороны и внѣшнимъ выраженіемъ ихъ въ обрядности и въ буквѣ книгъ съ другой—тѣсная связь. Имъ нельзя отказать и въ пониманіи той мысли что измѣненіе внѣшняго выраженія христіанскихъ истинъ не означаетъ непремѣнно и измѣненія (испревращенія) послѣднихъ. *Но въ данномъ случаѣ они убѣждены были, что это, къ несчастію, такъ. Вотъ въ этой убѣжденности, вѣрнѣе—предубѣжденности и вся суть дѣла, а не въ невѣжествѣ.*

Подобную предубѣжденность можно было погасить не громомъ и казуистикой полемики, не сухими книгами, а тактичностью поведенія. Но ни у Никона, ни у его сподвижниковъ этого не было. Напротивъ, они больше сдѣлали такого, что разжигало предубѣжденіе и страсти, и почти ничего для умиротворенія. Аввакумъ ходилъ на «бесѣды» съ отступниками «бранитца». Онъ бранился и его бранили. Съ брани начали (разумѣю здѣсь не одну словесную брань, но и то, что прежде называлось «жестокимъ смиреніемъ», «тѣлеснымъ озлобленіемъ», и вообще разнообразныя репрессіи),—съ брани начали, бранью продолжали и такъ «даже до сего дня».

Надъ всей исторіей старообрядчества висятъ удушливой тучей громящая анаѳема, озлобленныя проклятія, стоны пытаемыхъ, дымъ костровъ, недовольство утѣсняемыхъ и т. д. Среди этого слышатся иногда голоса, призывающіе къ миролюбію, но они или слабы или одиноки, такъ что теряются среди кромѣшнаго ада вражды и обоюдныхъ насилій...

Кстати замѣчу слѣдующее. Слыхалъ я, что въ подтвержденіе невѣжества расколоучителей ссылаются на фразы: „вѣрнымъ подобаетъ умирати за единъ азъ“, „пелены не шевели, еретикъ, лежи она во вѣки вѣкомъ“ и проч. Тутъ надо понять психологію. Эти и подобныя фразы не плодъ спокойнаго размышленія, а предубѣжденнаго, озлобленнаго и истрадавшагося сердца, которое въ этомъ состояніи способно на всякую гиперболу.

метъ другой обликъ. Возьмемъ „бесѣды“ и миссіонеровъ, разумѣю не присяжныхъ только, а и духовенства и вообще всѣхъ лицъ, ведущихъ борьбу съ старообрядчествомъ. Прежде всего,—„бесѣды“ диспуты, споры должны перейти съ привиллегированнаго мѣста на болѣе скромное и принять другой характеръ. Онѣ должны быть бесѣдами въ собственномъ смыслѣ, задушевными и мирными, каковое, къ слову сказать, названіе не совсѣмъ теперь идетъ къ ихъ полубоевому характеру[1]). Онѣ не должны носить исключительно характеръ діалоговъ на полемическо-апологетическія темы; но быть въ народномъ духѣ рѣчами на тему о „божественномъ“ вообще, не приспособленными къ полемико-апологетическимъ цѣлямъ. При этомъ школьная сухость, мертвенность и педантичность должны быть изъ нихъ изгнаны, онѣ должны быть интересны, живы и задушевны. Тема ихъ должна быть строго сообразована съ настроеніемъ слушателей, съ тѣмъ, что въ данное время интересуетъ и волнуетъ, а не такъ, какъ теперь. Въ деревнѣ голодъ, ребятишки мрутъ отъ эпидемической болѣзни, падежъ скота, обгорѣлые дома... Пріѣхалъ миссіонеръ и началось: „не возмогоша іереи Его“... „Церковь Божія есть собраніе“... „идѣже іереи“... и пошелъ, и пошелъ... Не спорю, старообрядецъ будетъ все это слушать и даже горячо станетъ спорить, но не туда тянетъ его сердце, не то хотѣлъ бы онъ слышать. И онъ споритъ, споритъ съ ожесточеніемъ объ іерархіи, крестѣ и пр., но, самъ того не замѣчая, споритъ не для выясненія истины, а лишь для того, чтобы сорвать на комъ и на чемъ-нибудь ѣдкую обиду жизни. При такомъ настроеніи трудно столковаться. И я увѣренъ, что какой-нибудь сектантъ пропагандистъ не съ того бы началъ. Онъ началъ бы съ злобы дня, и жалостливыми разсказами на эту тему истерзалъ бы сердце слушателей и не одну бы бабу заставилъ разрыдаться, а потомъ уже перешелъ бы къ предмету своей пропаганды, не переставая и тутъ напоминать о „тяжкихъ временахъ“. И такая бесѣда была бы дѣйственна. Да

---

1) По крайней мѣрѣ таковы онѣ въ сознаніи старообрядцевъ. Я лично всегда избѣгалъ на бесѣдахъ задирательнаго тона и рѣзкихъ выраженій, и однако не разъ приходилось выслушивать предъ бесѣдой оговорку: „Оно бы теперь не время бесѣдовать. Теперь постъ, каяться и смиряться надо, а не спорить“. Значитъ пресловутая „бесѣда“, съ какимъ бы тактомъ ни велась, предполагаетъ наличность чувствъ, несовмѣстимыхъ съ покаяніемъ и смиреніемъ. И вѣрно,—не безъ того!..

мнѣ думается, что намъ въ этомъ случаѣ не мѣшало бы поучиться у тѣхъ святошъ, которымъ съ благоговѣніемъ по деревнямъ внимаетъ народъ. Эти субъекты—большіе знатоки народной психологіи. Если бы постараться, я смогъ бы набросать вамъ типъ странника-собесѣдника. Онъ хорошо описанъ въ нашей беллетристикѣ. Но лучше воспользуюсь живымъ примѣромъ.

Насадителемъ раскола въ дер. Ш. Я. уѣзда былъ крестьянинъ Шамановъ. Бродникъ и странникъ, онъ нашелъ себѣ пристанище у одного крестьянина и съ его дома началъ свою пропаганду и еще немногихъ лицъ. Всѣ „Шамановы“ обыкновенно всегда начинаютъ съ маленькаго общества, и не изъ боязни только полиціи, но еще потому, что прекрасно понимаютъ, что вліять на большую толпу, съ чѣмъ у насъ не принято считаться, могутъ только исключительныя личности. Какъ же Шамановъ началъ свою пропаганду? Онъ не началъ, какъ говорится, съ тирады, что де „жена побѣже въ пустыню“ и въ этомъ родѣ. Нѣтъ, „какъ человѣкъ бывалый“, онъ началъ „разсказами“ о своихъ путешествіяхъ по святымъ мѣстамъ, что такъ любитъ нашъ народъ. Воображаю, какъ онъ мѣшалъ тутъ быль съ небылицей до „трубнаго гласа“ включительно Горбуновской чернички-странницы!... Но для невзыскательныхъ слушателей Шаманова это было, конечно, неважно. Важно, что разсказъ былъ занимателенъ, умилителенъ и „о божественномъ“. Шамановъ достигъ своего: онъ овладѣлъ вниманіемъ своихъ слушателей и пріобрѣлъ авторитетъ, ему вѣрятъ. Затѣмъ Шамановъ перешелъ „къ чтенію книгъ религіознаго содержанія“. Это не были книги сухого, скучнаго содержанія, въ родѣ изложенія нашихъ противораскольническихъ бесѣдъ, „свидѣтельствъ о имени Іисусъ“, „объ аллилуіи“ и въ этомъ неинтересномъ родѣ, что мы пускаемъ въ оборотъ среди простаго народа и что, по вашимъ же, о. о. миссіонеры, словамъ, со словъ того же народа, „надоѣло ему“ Нѣтъ, Шамановъ понималъ, что этимъ пока испортишь дѣло. Онъ читалъ „разсказы о святыхъ мѣстахъ и угодникахъ Божіихъ“, т. е. опять книжки, наиболѣе пріятныя народу. Воображаю его сокрушенные вздохи, своеобразные комментаріи, приспособленные къ цѣлямъ пропаганды, и отвѣтные сочувственные вздохи слушателей. Набожный человѣкъ, занимательный чтецъ и разсказчикъ, Шамановъ сталъ дорогимъ гостемъ, свѣдущимъ человѣкомъ, къ которому можно обратиться за разрѣшеніемъ

недоумѣнныхъ вопросовъ. Изба хозяина стала переполняться слушателями. Вотъ послѣ такого пролога Шамановъ и приступилъ къ главной задачѣ своей, и то не вдругъ. Сокрушенно началъ онъ рѣчи о тугихъ временахъ и незамѣтно свелъ, что де „настали времена антихриста“. Эсхатологическіе вопросы какъ-то всегда притягиваютъ къ себѣ вниманіе вѣрующихъ, но особо захватывающій интересъ они пріобрѣтаютъ, когда поставляются въ связь съ наболѣвшими ранами сердца народнаго. Какъ видимъ, Шамановъ это и сдѣлалъ. Не трудно себѣ представить сумрачныя лица мужчинъ, разинутые отъ любопытства и страха рты подростковъ, подернутые печалью и влагой глаза бабъ съ подпертымъ рукою подбородкомъ, глаза, изъ которыхъ, быть можетъ, не одна слеза скатилась во время разсказа. Шамановъ свое дѣло сдѣлалъ. Прочно насадилъ старообрядчество, которое существуетъ и доселѣ *).

Теперь для параллели я приведу другой эпизодъ. Былъ у меня одинъ священникъ, въ приходѣ котораго есть большая деревня поморцевъ, „злыхъ“, какъ онъ выражается. На эту деревню побѣднымъ соколомъ налетѣлъ энергичный миссіонеръ; разогнулъ книги; открылъ публичную бесѣду и разбилъ начетчиковъ на-голову, такъ что по словамъ батюшки „имъ нечего было сказать“. Кажется, чего лучше! Но у старообрядцевъ осталось что сказать: „вздуемъ его, братцы, чтобы не ѣздилъ болѣе“. При нашемъ строѣ миссіи этотъ миссіонеръ поступить иначе и не могъ, онъ сынъ традиціонной системы, и нужно отдать честь его самоотверженію и мужеству. Но здѣсь вотъ въ чемъ вопросъ: почему у Шаманова одинъ результатъ, здѣсь другой? Ясно, въ методѣ. Шамановъ видѣлъ, что ловкость діалектики и тонкость

*) Разскажу изъ своей практики. То не пресловутая была «бесѣда», а дѣйствительно бесѣда случайно собравшихся около меня 5 старообрядцевъ. Шла рѣчь объ антихристѣ. Пока по общепринятой схемѣ разбирались старопечатные тексты, собесѣдники возражали, какъ всегда бываетъ на бесѣдахъ. Но вотъ я перешелъ къ характеристикѣ антихристова времени и къ сопоставленію его съ нашимъ временемъ. Я затронулъ злободневныя темы, сталъ указывать на дѣющуюся теперь «тайну беззаконія». Характеръ бесѣды сразу измѣнился. Пожирая глазами, слѣдили за моей рѣчью собесѣдники и не перебили ни единымъ словомъ, хотя рѣчь моя не была краткой. Только на концѣ замѣтили; «это ты правильно и болѣзно сказалъ. Спасибо». И я думаю, что если что въ моей бесѣдѣ имѣло цѣну, товотъ именно то, что оратеизохаркв ъано словом «болѣзно».

анализа запутанныхъ вопросовъ и текстовъ—не для большой публики, она плохо въ нихъ разбирается. Онъ понялъ, что толпа требуетъ того обязательнаго и реальнаго, что бьетъ по нервамъ и сердцу. На нервахъ и сердцѣ онъ и разыгралъ свою пьесу и, какъ видно, удачно.

Отсюда выводъ. Миссіонеръ—диспутантъ, спорщикъ, съ которымъ старообрядцу боязно и говорить, долженъ перестать считаться идеаломъ миссіонера и что пора перестать судить о его достоинствахъ по количеству имъ веденныхъ диспутовъ и числу имъ оставленныхъ „безотвѣтными“. Этотъ типъ миссіонера сослужилъ свою историческую роль и теперь долженъ быть оставленъ лишь про запасъ, на случай нужды.

Онъ возникъ въ ту пору, когда не только люди со среднимъ духовнымъ образованіемъ, но и съ высшимъ, едва о старообрядчествѣ слышали, а въ полемикѣ и вовсе ничего не смыслили, потому что ея и не было,—когда апологеты старообрядчества чувствовали подъ собою почву и открыто царили, не встрѣчая себѣ оппонентовъ. Сбить ихъ спесь, поднять престижъ церковнаго ученія и нужны были миссіонеры-диспутанты по преимуществу, по преимуществу нужны были публичные диспуты, чтобы всенародно показать ничтожество раскола, чтобы оставить послѣдній „безотвѣтнымъ“. И тогда это было очень удобно дѣлать и ко времени. Тогда вопросы миссіонерской полемики дышали интересомъ и свѣжестью новизны, тогда старообрядцы самонадѣянно валомъ-валили на бесѣды, собиралось народу чуть ли не тысячи, бойцы-начетчики и бойцы-миссіонеры нарочито выписывались; публикѣ эти бои доставляли удовольствіе... Нынѣ уже не то. Бои эти теперь почти утратили свой захватывающій интересъ, къ нимъ привыкли, ихъ видали и знаютъ. Старообрядцы неохотно идутъ на нихъ, а придутъ, такъ плохо и разговариваютъ.

Я не то хочу сказать, что не нужно совсѣмъ полемики, она нужна по временамъ и мѣстамъ, но также очевидно, что характеръ ея нужно видоизмѣнить, а боецъ-миссіонеръ долженъ уступить свое мѣсто миссіонеру-тактику, духовному инженеру-зодчему, который и можетъ проникнуть въ недоступное убѣжище души старообрядца и тамъ основать свою военную базу. Опыты въ этомъ родѣ кое-гдѣ бывали и не безъ успѣха.

Въ № губерніи есть село, жители котораго—православные и старообрядцы. Дѣло относится къ началу 80-хъ годовъ. Батюшка—

немолодой, полемики не знаетъ. На должность сюда поступаетъ молодой псаломщикъ изъ кончившихъ курсъ семинаріи, который краемъ уха слышалъ про полемику; таковъ же изъ кончившихъ курсъ сельскій учитель. Они образовали съ священникомъ кружокъ для борьбы съ старообрядчествомъ. Стали подучиваться. А межъ тѣмъ повели дѣло примѣрно такъ.

— Уфъ! усталъ, дѣдушка! — говоритъ учитель, возвращаясь лѣтнимъ вечеромъ съ поля старику-старообрядцу, благодушно засѣвшему на заваленку.—Дай отдохнуть!.. А хлѣба того... плоховаты.—Что говоритъ... Да...—А вотъ я читалъ...—И пошла бесѣда про урожай, Царя и т. п. Стали пріятелями.—Иванъ!—говоритъ батюшка старообрядцу,—наслышался, нуждаешься въ сѣнѣ. Не хочешь ли взаймы?..—Счелъ долгомъ поздравить васъ, Петръ Козьмичъ, съ великимъ праздникомъ,—говоритъ тотъ-же батюшка, входя въ домъ мѣстнаго купца старообрядца, возвратившагося изъ Москвы.—Очень пріятно.—Не побрезгуйте нами,—говоритъ, уходя, батюшка...—Дальше да больше, стали похаживать другъ къ другу; „кружокъ“ привлекъ къ себѣ вожаковъ старообрядческихъ. Отъ житейскихъ разговоровъ перешли къ вопросамъ о вѣрѣ; стали собираться по вечерамъ другъ у друга и мирно, какъ друзья, разбираться по старымъ книгамъ. Ни раздраженія, ни крику... И вотъ контрастъ. Узналъ про это епархіальный миссіонеръ; пріѣхалъ; объявилъ публичную бесѣду; разогнулъ книги, привезенныя съ собой. И что же? Какъ-будто бѣсъ вселился въ тѣхъ же старообрядцевъ: да, нѣтъ и т. д. Побился миссіонеръ и уѣхалъ. А ему въ слѣдъ: „видали мы васъ“!.. Не знаю, существуетъ ли этотъ кружокъ теперь, но въ ту пору, въ 80-хъ годахъ и даже въ началѣ 90-хъ, онъ многихъ изъ этого прихода обратилъ въ православіе.

Привожу это къ тому, чтобы показать, чѣмъ отличается характеръ дѣятельности миссіонера-совопросника и миссіонера-тактика. У перваго для борьбы одно средство—слово, обличеніе, которое не всегда имѣетъ способность попадать въ умъ, а тѣмъ болѣе въ сердца слушателей, и главный вопросъ у него, что онъ скажетъ. У втораго при вступленіи въ приходъ первый вопросъ о томъ, какъ онъ будетъ *жить* съ старообрядцами; поэтому орудіемъ борьбы у него является сложная система дѣлъ и отношеній, захватывающихъ личность старообрядца.

всесторонне. Наипаче всего здѣсь, конечно, полезны дѣла любви христіанской, дѣла милосердія. При одностороннемъ характерѣ строя нашей миссіи это средство остается въ удивительномъ пренебреженіи. Слышатся опасенія примѣнять это средство: что скажетъ пресса, что скажутъ старообрядцы!.. Извините, господа! Подражать Фамусову намъ не приходится и не слѣдуетъ раздѣлять его страхи: „какъ взглянетъ свѣтъ“. Важно, чтобы намъ чуждъ былъ іезуитскій принципъ. Мы должны знать одно, что Юліану Отступнику христіанство было страшно своей благотворительностью,—что русскія древнія братства весьма и весьма не пренебрегали этимъ средствомъ. Миссіонеръ—тактикъ не пренебрежетъ этимъ средствомъ. Напротивъ оно будетъ въ его рукахъ мощнымъ орудіемъ вліянія на старообрядцевъ и предохранять православныхъ отъ уклоненій отъ Церкви.

Скажите, развѣ это нормальная постановка миссіи при такихъ, напр. фактахъ? Старообрядка присоединилась къ православію „по своему искреннему убѣжденію“, а дочь свою отдала на воспитаніе старообрядцу и отказалась присоединить ее потому, „что она для себя одной съ трудомъ снискиваетъ хлѣбъ, а если взять къ себѣ дочь, то вовсе должна будетъ имѣть крайнюю нужду въ немъ“. Въ 1895 году этой дѣвочкѣ минуло 12 лѣтъ. Священникъ убѣждаетъ ее присоединиться къ православію; та, очевидно съ чужихъ словъ, заявляетъ, что „она ни по какимъ увѣщаніямъ своего воспитателя никогда не оставитъ; а въ случаѣ, если ее силой принудятъ принять православіе, наложитъ на себя руки“. Не драма ли это? Къ чему послѣ этого всѣ наши бесѣды—диспуты? А будь на другихъ началахъ наша миссія, ничего подобнаго не могло бы быть. И развѣ позволила бы себѣ допустить что либо подобное, напр., католическая миссія? Никогда! А межъ тѣмъ у насъ становится возможнымъ то, что сообщаетъ по этому случаю мѣстный священникъ: „поселокъ (гдѣ было дѣло) посредствомъ такихъ усыновленій наполовину сдѣлался жилищемъ раскола съ недавнихъ годовъ“. Вотъ вамъ и „бесѣды“! И одинъ ли поселокъ этотъ? Изъ консисторскаго архива у меня выбрано много подобныхъ же дѣлъ, какъ бѣдняки, сироты—дѣти и подростки дѣлаются добычею раскола или путемъ усыновленій, или батрачества въ домахъ старообрядцевъ съ малыхъ лѣтъ, или путемъ сбиранія у старообрядцевъ милостыни.

А. присоединился изъ даниловщины и хочетъ жениться на Д. Это

возбуждаетъ страшную злобу въ однодеревенцахъ-старообрядцахъ. „Смотри ты,—кричитъ проѣзжающему священнику старообрядецъ,—не вѣнчай Агапа съ Дарьей... Намъ въ деревню не надо мазанаго и вѣнчаннаго въ вашей церкви. Смотри, тебѣ говорю, слушай меня, а не то“!!. Остальное доканчиваетъ кулакъ, отъ котораго священникъ увернулся, пустивъ лошадь вскачь. Агапъ однако женился и вскорѣ поплатился. Собираются 10 человѣкъ старообрядцевъ, въ числѣ нихъ „соцкій“ съ бляхой (старообрядецъ), врываются въ домъ „съ чѣмъ попало въ рукахъ“ и начинаютъ жестоко бить Агапа; вытаскиваютъ его за волосы изъ избы на дворъ, „долго“ топчутъ ногами, бьютъ полѣньями, ударяютъ „подостренными палками между реберъ“ и наконецъ бросаютъ, когда замѣтили, что человѣкъ не дышетъ. Агапъ очнулся лишь въ домѣ священника. Цѣлый день потомъ онъ былъ не въ себѣ. Безсознательно водилъ онъ мутными глазами вокругъ и въ ужасѣ вздрагивалъ при каждомъ стукѣ. „Ой, убили!.. ой, убили“...— какъ бы въ бреду повторялъ онъ коснѣющимъ языкомъ. Священникъ, доносившій объ этомъ, сказавъ, что въ продолженіе 16 дней невозможно было добиться, чтобы полицейскіе мѣстные чины обратили вниманіе на это дѣло (эти нарочно уклонялись), замѣчаетъ: въ поселкахъ, гдѣ старообрядцевъ больше, чѣмъ православныхъ, „послѣдніе въ угнетеніи всегда“. И мы послѣ этого удивляемся, какъ это и почему всѣ наши „бесѣды“ и „увѣщанія“ остаются безплодны?! Люди по рукамъ и ногамъ связаны тысячью нитей, а мы увѣщеваемъ ихъ: „встаньте и идите къ намъ“, да еще грозимъ, что иначе они „во озеро огненное ввержени будутъ“. У человѣка „подостренной палкой“ подсчитываютъ ребра, а мы подсчитываемъ ему листы, по силѣ которыхъ онъ долженъ къ намъ присоединиться...

Итакъ, не оставляя системы слова, надо перейти къ системѣ дѣла. Не спорю, система эта трудная и требуетъ коллективной раціональной организаціи. Но что же дѣлать? Надо стараться, если не хотимъ придти къ гораздо худшему банкротству.

Здѣсь нужны средства, въ томъ числѣ денежныя, и немалыя. Гдѣ ихъ взять?..

Но что дѣлаютъ въ пользу миссіонерскаго дѣла наши богатые монастыри? Ровно ничего. Братскія суммы на миссію собираются изъ кружекъ бѣдныхъ сельскихъ церквей и кармановъ мірянъ, а монастыри

копѣйки не пожертвуютъ. Со страхомъ обходятъ ихъ старообрядцы, какъ вражескій станъ. Но вѣдь тѣ же старообрядцы шли къ Серафиму Саровскому, къ святителю Тихону. Почему? Потому что они были родникомъ „живой воды", той дѣятельной христіанской любви, которая все живое объемлетъ своимъ благоволеніемъ—„благодатныя и безблагодатныя",—которая братолюбно подаетъ руку помощи „всякой душѣ скорбящей и озлобленней, помощи Божіей требующей". И всякая душа христіанская, поэтому, къ нимъ шла, какъ жаждущій олень на воду. Съ этой стороны должны нынѣ заявить себя монастыри, и не въ видѣ только пожертвованій, но главнѣйше дѣятельнымъ служеніемъ среди заблудшихъ дѣлами милосердія. Гдѣ не встрѣтишь „сборщиковъ" отъ монастырей? Но что они дѣлаютъ, бродя по міру, кромѣ выпрашиванія денегъ? Межъ тѣмъ это могъ быть хорошій матеріалъ для миссіонерскихъ цѣлей. Обличьемъ и повадками они точь-въ точь тѣ же старообрядческіе „странники", что бродятъ изъ деревни въ деревню, усердно и успѣшно сѣя свое сѣмя,—они обладаютъ способностью послѣднихъ проникать всюду и овладѣвать вниманіемъ наивныхъ слушателей. Къ сожалѣнію, ихъ никто не подготовилъ къ болѣе идеальнымъ задачамъ, чѣмъ коммерческія. Иначе они сдѣлали бы свое дѣло. Въ войскахъ существуютъ „учебныя команды", гдѣ невѣжда крестьянинъ превращается въ грамотнаго. Почему бы подобнымъ же „командамъ" не быть въ воинствѣ монашествующихъ? Лоснящіеся, упитанные, не знающіе, куда израсходовать свою молодую энергію, монастырскіе послушники и многіе изъ братіи являются прямо балластомъ въ аскетической дисциплинѣ, который лишь вредоносно переполняетъ корабль Божій. Образуйте изъ этихъ людей „учебныя команды", учите ихъ „служить слову" и дѣлу христіанскаго братолюбія, и потомъ посылайте ихъ въ міръ для христіанской практики, дабы каждый изъ нихъ по мѣрѣ силъ „созидалъ ближняго своего". Голодъ гдѣ—посылайте ихъ открывать на монастырскій счетъ столовыя вмѣстѣ съ монашествующей братіей; эпидемія—пусть служатъ больнымъ на домахъ, въ больницахъ и врачебныхъ пунктахъ; псаломщикъ, священникъ нуженъ въ приходѣ, а никто не идетъ туда,—посылайте способнаго и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ обученный миссіонерскому дѣлу принести можетъ большую пользу.

При имени Серафима Саровскаго и святителя Воронежскаго мнѣ

припоминается другой величавый образъ въ преспективѣ прошлаго— св. Димитрій Ростовскій. Любопытное дѣло! Онъ обладалъ большой миссіонерской эрудиціей, долгое время онъ былъ въ постоянномъ общеніи съ старообрядцами и, не взирая на это, для нихъ онъ остался далекимъ и чуждымъ; несимпатію къ нему они передали въ потомство. Онъ былъ одинъ изъ родоначальниковъ и представителей отживающей теперь миссіонерской системы, системы книгъ и спора, т. е. только, такъ сказать, теоретической стороны дѣла, практически подкрѣпляемой административнымъ воздѣйствіемъ. Уже въ лицѣ его такая система обнаружила свою непрактичность. Однако по инертности долго слѣдовали ей и даже развивали, но дѣло плохо подвинулось. Мы ѣхали на одномъ колесѣ, потому и не уѣхали далеко.

Не пророчествую, но гадаю, что не за горами то время, когда вопросъ о православіи можетъ быть поставленъ ребромъ и въ болѣе широкомъ масштабѣ. Боюсь, что мы не сумѣемъ всесторонне отвѣтить на него. Поэтому поспѣшимъ обдумать его, пока время..

А. Одоевъ.

Стремленіе къ патріархату у старообрядцевъ.

I.

Патріархатъ представляется необыкновенно цѣннымъ рѣшительно для всѣхъ старообрядцевъ, и для поповцевъ и для безпоповцевъ; не утратилъ онъ своего значенія и для многихъ православныхъ. Но съ словомъ „патріархъ“ у безпоповцевъ, поповцевъ и у православныхъ соединяются совершенно различныя пониманія и представленія.

Для всей безпоповской вѣтви старообрядчества патріархатъ является необыкновенно свѣтлымъ и высокимъ праздникомъ отдаленнаго прошлаго, рѣшительно невозвратимымъ ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. „Цари и патріархи въ истинѣ пребывали, церковь чистотою сіяла, небесная благодать воздухъ и землю напояла“,—такъ рисуется безпоповцу до-никоновская церковь. И тѣ времена представляются его воображенію необычайно-величавою жизнію: „и цари, и патріархи, и прочія духовныя лица, и вельможи, простые смертные, и богатые, и нищіе, совершая свой, каждому предназначенный, земной подвигъ, готовились къ небесному блаженству; всѣ званія и состоянія были благословенны Господомъ и людскія дѣла, совершающіяся вокругъ храма и во имя Христово, были плодами благодати Божіей и вся русская жизнь была одною сплошною таинственною лѣстницей, по которой и цари и простые смертные восходятъ къ Богу“. Такое идеальнѣйшее представленіе прежней жизни отчасти свойственно русскому человѣку вообще. Но у безпоповца оно получаетъ особо сильную и особо яркую окраску. Настоящее положеніе, наступившее со временъ Никона патріарха, безпоповцу представляется исключительно „темнымъ“ и рѣшительно мрачнымъ; по его пониманіямъ не только нѣтъ, но и не можетъ быть прежней блестящей жизни, нѣтъ данныхъ для этой жизни—ни сіяній бла-

годати, ни царей, ни патріарховъ, ходящихъ въ истинѣ и украшающихъ собою, своими высокими званіями и соотвѣтственными этимъ званіямъ необычайно чистыми и святыми дѣлами земную жизнь, пестрящихъ ее, какъ поле — прекраснѣйшіе цвѣты. Со временъ патріарха Никона, по понятію безпоповцевъ, благодать Божія на „небо взята“ и на землѣ окончательно воцарилась ложь. По сравненію съ этимъ чернымъ фономъ, прежняя жизнь и должна безпоповцу представляться въ необычайно-торжественномъ видѣ. И онъ рисуетъ ее съ силою, соотвѣтствующею силѣ его религіознаго воображенія.

Бытъ, духовно-нравственныя и соціальныя понятія безпоповецъ созидаетъ на своихъ основныхъ, сейчасъ указанныхъ, религіозныхъ представленіяхъ. Истинная, высочайшая жизнь, по его пониманію, была тогда, при „православныхъ царяхъ и патріархахъ“, теперь же она представляется дѣломъ неосуществимымъ; также несбыточна и свобода, въ особенности свобода вѣрованія, вѣрованія безпоповскаго. „Міръ порабощенъ ложью, въ немъ господствуетъ антихристъ“. Эта темная власть неустранима, и свобода принадлежитъ только ей, одной ей. Истина же „скрыта“ и ни о какой ея свободѣ не можетъ быть рѣчи; по самому своему существу истина не можетъ быть госпожею, свѣточемъ міра, а потому не должна быть и свободною. Вслѣдствіе этого принципіальнаго воззрѣнія у безпоповца не можетъ быть и мысли о свободѣ его вѣрованія или мнѣнія, такъ какъ существеннѣйшимъ признакомъ своего вѣрованія онъ самъ признаетъ именно „несвободность“.

Безпоповецъ можетъ возмущаться гоненіями противъ себя, возставать противъ нихъ или какимъ-либо способомъ устранять ихъ. Но эти гоненія его уму представляются только отдѣльными непріятными фактами, которые могутъ быть и не быть, или которые могутъ быть направлены въ иную сторону, мимо его личности. Исходное же начало этихъ гоненій онъ признаетъ неизбѣжнымъ, роковымъ, никакою силою неустранимымъ. И его мысли чуждо самое понятіе о свободѣ своего вѣрованія, и представленіе объ его господствѣ. Безпоповецъ не можетъ представить, что его ученіе сдѣлается общераспространеннымъ, господствующимъ; принципіально не можетъ сдѣлать этого, потому что въ случаѣ такого господства онъ неизбѣжно вынужденъ будетъ отказаться отъ самаго основнаго своего ученія, ученія объ антихристѣ. Безпоповское вѣрованіе, по самой своей сути, должно быть гонимымъ и еслибы

сдѣлалось свободнымъ, то перестало бы быть тѣмъ, чѣмъ оно есть и чѣмъ должно быть. Въ признаніи гонимости своего вѣрованія коренится существеннѣйшее начало психологіи безпоповца. Это начало или эта психологія съ особою яркостью обнаруживались тогда, когда безпоповскія общины достигали весьма цвѣтущаго состоянія и значительной свободы.

II.

Въ первой половинѣ XVIII ст. Выговскій поморскій скитъ являлся господиномъ почти всей безпоповщины, распорядителемъ ея судебъ и верховнымъ безконтрольнымъ учителемъ; его миссіонеры колесили Волгу, Каму, Вятку, Уралъ и Сибирь на востокѣ, Донъ на югѣ, Днѣпръ и Вислу на западѣ; его начальники пользовались особымъ титуломъ „еклесіарха“, напоминающимъ титулъ патріарха, а по филологическому смыслу и высшимъ его: патріархъ — только начальникъ отцовъ, а еклесіархъ—начальникъ церкви. Несмотря на такое значеніе Выговскій скитъ исчахъ, погибъ безъ борьбы, умеръ медленною старческою смертью. Онъ не перенесъ собственной тяжести, своей высоты.

Въ замѣнъ отринутой православной іерархіи, въ Выговскомъ скиту измыслили свою собственную, хотя и подъ другимъ именемъ и подъ инымъ видомъ, но весьма прочно поставленную и строго организованную, дѣйствительно руководившую духовною и умственною жизнію своей общины, и имѣвшую во главѣ одно авторитетное лицо—„еклесіарха“, изъ коихъ нѣкоторые пользовались такимъ значеніемъ, какое рѣдко выпадало на долю архіереевъ. Со стороны чисто административнаго строя, быта общественнаго и домашняго, богослужебнаго устава, правилъ личнаго поведенія во всевозможныхъ случаяхъ и отношеніяхъ эта безпоповская община представляла собою удивительно стройное, логически точное и этически красивое построеніе, полное ума и воли, жизни и дѣтельности. До сихъ поръ она служитъ неподражаемымъ образцомъ для всѣхъ безпоповскихъ общинъ, да и на поповщинскія общины она такъ или иначе оказывала свое вліяніе и даже современная австрійская поповщина во многихъ отношеніяхъ является ея подражательницею. И при всемъ этомъ община погибла безъ слѣда, безъ всякихъ остатковъ. Иначе и быть не могло, потому что ея расцвѣтъ

и ея сила сами собою показывали лживость ея основнаго начала— ученія объ антихристѣ и о наступившемъ всеобщемъ духовно-религіозномъ мракѣ.

Такое же явленіе наблюдается и въ судьбѣ московскаго Преображенскаго кладбища, за первую половину прошлаго столѣтія самой богатой и самой благоустроенной изъ всѣхъ старообрядческихъ общинъ того времени. Когда здѣсь, еще при Ковылинѣ, освящали главную часовню, построенную въ видѣ благоустроеннаго роскошнаго храма, хотя и предназначенную для простого безпоповскаго богослуженія, одинъ изъ присутствующихъ наставниковъ, собранныхъ по случаю необыкновеннаго торжества чуть-ли не со всей Россіи, замѣтилъ Ковылину, что такихъ моленныхъ, напоминающихъ храмы, безпоповцамъ имѣть не подобаетъ, ибо храмъ уже самъ собою напоминаетъ о цвѣтущемъ состояніи вѣры, а не о временахъ антихристовыхъ, скорбныхъ, горько-плачевныхъ. За эти вполнѣ согласныя съ безпоповскимъ духомъ слова наставникъ поплатился жизнію: въ тотъ же день онъ былъ убитъ по приказанію Ковылина. Наставникъ былъ правъ, онъ сказалъ то, что въ глубинѣ души носитъ и чувствуетъ каждый безпоповецъ, и эта правда необыкновенно глубоко задѣла Ковылина. И Ковылинъ былъ правъ, онъ созидалъ цвѣтущій центръ безпоповщины, „сіонъ“, свидѣтельствующій о торжествѣ безпоповскаго вѣрованія, и въ его умѣ простыя слова простого наставника прозвучали силою страшнаго грома, дали ему почувствовать, что онъ, стремясь къ торжеству своей вѣры, разрушаетъ корень этой вѣры. Ковылинъ ясно увидѣлъ, что онъ идетъ наперекоръ своей собственной вѣрѣ, самому себѣ и, убивая наставника, не остановился въ этомъ движеніи, онъ какъ бы сказалъ самъ себѣ: „пусть теперь времена антихристовы, но мы великолѣпнымъ образомъ устроимся; пусть по нашему собственному закону мы не должны имѣть храмовъ, не должны торжествовать, но мы создадимъ храмы и устроимъ праздники“. Это—титаническій, неисполнимый замыселъ: никакой духъ не можетъ уничтожить самого себя. И Преображенское кладбище этимъ самымъ замысломъ обрекалось на неизбѣжное разрушеніе. Къ половинѣ прошлаго столѣтія оно достигло высшей точки своего развитія: въ глазахъ ѳедосѣевцевъ оно сдѣлалось святымъ мѣстомъ; звонъ его колоколовъ, торжественныя служенія наставниковъ-простецовъ для ѳедосѣевцевъ были тѣмъ же, чѣмъ колокола Ивана Великаго и

митрополичье служеніе въ Успенскомъ соборѣ для православныхъ; его главный наставникъ получилъ значеніе патріарха, воля котораго признавалась закономъ, а благословеніе священнымъ; ѳедосѣевецъ, умирая гдѣ-нибудь въ сибирскихъ лѣсахъ, вспоминалъ о кладбищѣ и благословеніи, когда-то здѣсь полученномъ не съ меньшимъ умиленіемъ, чѣмъ и православный объ Іерусалимѣ и благословеніи, полученномъ отъ патріарха при гробѣ Господнемъ или на берегахъ Іордана. Духовнымъ лицамъ ѳедосѣевства не доставало только ясныхъ іерархическихъ титуловъ и золототканныхъ одѣяній; религіозно-нравственнаго значенія іерархическихъ лицъ они достигли вполнѣ. Никакого отсутствія у себя священства ѳедосѣевцы не замѣчали, о неимѣніи таинства причащенія не вздыхали и никакихъ горечей антихристовыхъ временъ не чувствовали. При всемъ этомъ кладбище пало и въ настоящее время ему остается одно—какъ можно дольше протянуть свою предсмертную агонію. Правда, оно было урѣзано административнымъ порядкомъ: въ 1853—54 г.г. его главарей разметали, его главныя часовни были обращены въ единовѣрческія церкви. Въ тоже самое время Рогожское кладбище потерпѣло не меньшій уронъ и къ настоящему времени оно не только оправилось, но и пріобрѣло значеніе, котораго не могло имѣть раньше. Административное вмѣшательство только спасло Преображенское кладбище отъ болѣе сильнаго пораженія, ему угрожавшаго: его сыны, новожены-брачники, отдѣлились отъ него и стремились превратить его изъ центра ѳедосѣевщины въ центръ совсѣмъ иной религіозной общины и несомнѣнно достигли бы своей цѣли, не помѣшай правительство. Кладбище должно было пасть въ силу того, что его цвѣтущее состояніе нисколько не соотвѣтствовало основному началу ѳедосѣевщины, и административная урѣзка привела его только къ нормальному состоянію. Къ концу семидесятыхъ годовъ кладбище оправилось, опять было расцвѣло и снова было поражено внутренними раздорами и безъ всякихъ административныхъ воздѣйствій потерпѣло такое пораженіе, отъ котораго никогда не оправится. Всякое движеніе кладбища вверхъ только обнаруживаетъ несостоятельность его внутренняго начала и приближаетъ его къ окончательной гибели.

Безпоповщина зиждется на ученіи объ антихристѣ, на признаніи гонимости своего вѣрованія и въ тоже время высшимъ выраженіемъ жизни ставитъ идеалъ патріаршества и, сознавая свое внутреннее без-

правіе на этотъ идеалъ, невольно, инстинктивно стремится къ нему. Въ этомъ обнаруживается ея внутренняя несостоятельность, и чѣмъ она ближе и полнѣе достигаетъ своей намѣченной цѣли, тѣмъ скорѣе и глубже приближается къ своей гибели.

III.

Совсѣмъ иную стихію представляетъ собою идеалъ патріаршества въ австрійской поповщинѣ. По своему внутреннему содержанію идеалъ этотъ и здѣсь является тѣмъ же, чѣмъ и у безпоповцевъ, тѣмъ же выраженіемъ полноты и свободы религіозной жизни. Раньше, во времена бѣглопоповщины, поповцы держались того же ученія объ антихристѣ, какъ и безпоповцы, и тоже признавали свое ученіе гонимымъ по существу. Появленіе же австрійской іерархіи произвело глубокій переворотъ въ самыхъ основахъ, скрытыхъ тайникахъ поповщинской мысли: отъ ученія объ антихристѣ среди австрійской поповщины въ настоящее время остались лишь мелкіе осколки, тщательно и энергично выметаемые передовыми людьми этой общины; отъ признаванія своего вѣрованія гонимымъ не осталось мало-мальски замѣтнаго слѣда. Поповцы и въ настоящее время пожалуй считаютъ свою общину гонимою, и явленіе это признаютъ случайнымъ и временнымъ, но никакъ не отъемлемымъ признакомъ своего вѣрованія. Для безпоповца гонимость его вѣрованія является существеннѣйшимъ содержаніемъ этого вѣрованія, выраженіемъ его религіозности, для поповца лишь политическимъ актомъ. Самое же ученіе поповецъ мыслитъ внутренно свободнымъ. Таковымъ его и нужно признать. Безпоповщина зиждется на ученіи объ антихристѣ и о всеобщемъ духовномъ мракѣ, въ этихъ самоизмышленныхъ положеніяхъ видитъ враждебную силу, превосходящую ея собственныя средства и добровольно подавляется этою силою, такъ сказать, связывается ею по рукамъ и ногамъ. Поповщина ничего подобнаго не имѣетъ и никакими ученіями о предметахъ постороннихъ (объ антихристѣ и т. п.) себя не ограничиваетъ.

Въ своемъ существеннѣйшемъ основаніи австрійщина исповѣдуетъ обще-христіанское ученіе, въ догматикѣ держится соборныхъ опредѣленій и преданій восточной церкви, въ обрядахъ и богослуженіи по-

дражаетъ обычаямъ русской церкви до Никона патріарха, въ общинномъ строѣ согласуется съ началами, вырабатываемыми современною русскою народною жизнію. Все это австрійскую поповщину рѣзко отграничиваетъ отъ всѣхъ прочихъ старообрядческихъ согласій, пропитанныхъ ученіемъ объ антихристѣ или началами протестантскими. Чрезъ это же самое австрійская поповщина съ видимой стороны приближается къ православной церкви. Сами австрійцы уже давно указываютъ на то, что ихъ богослуженіе и общій строй жизни почти ничѣмъ не отличаются отъ православія; что это различіе, если и существуетъ, столь съ внѣшней стороны незначительно, что ощутимо только для нѣкоторыхъ избранныхъ—знатоковъ и православія и старообрядчества. И по отношенію къ общей культурѣ австрійская поповщина не является темною силою. Высказываемый нѣкоторыми взглядъ, что старообрядчество по самому существу не способно къ культурной жизни и что культурныя начала неминуемо должны раздробить и уничтожить старообрядческія, неправиленъ самъ по себѣ, и вовсе непримѣнимъ къ австрійщинѣ. Съ теоретической стороны австрійская община имѣетъ къ наукѣ и культурѣ точно такое же отношеніе, какъ и православная; съ практической стороны сама жизнь показываетъ, что съ дипломомъ ученаго филолога, химика, математика, инженера и т. д. одинаково можно присутствовать въ старообрядческой часовнѣ, какъ и въ православномъ храмѣ и исповѣдываться у старообрядческаго священника, какъ и у православнаго. Короче,—поповщина, откинувъ ученіе объ антихристѣ, разомъ навсегда развязала себѣ руки и уже этимъ самымъ высказала свою способность къ внутреннему развитію и пріобщила себя къ общей культурной жизни русскаго народа. Чрезъ это же она стала рядомъ, бокъ-о-бокъ съ православною церковію, однако не примиряясь съ нею.

Существеннѣйшимъ содержаніемъ старообрядчества, какъ единаго, цѣльнаго явленія, безъ всякаго раздѣленія на отдѣльныя секты, является плачъ объ уничтоженіи патріаршества, по обрядамъ и обычаямъ церковной жизни до Никона патріарха и по всему сопряженному съ этимъ патріаршествомъ церковному и гражданскому быту. Безпоповщина не имѣетъ никакой возможности къ воскрешенію этого оплакиваемаго вѣкового покойника и поэтому, не смотря на свою численность, на высокіе умы и крѣпкія воли многихъ своихъ сыновъ и на неоднократные временные блестящіе успѣхи, по самому своему существу

принуждена влачить свою жизнь въ постоянномъ, такъ сказать, согбенномъ положеніи. Появленіе же австрійской іерархіи дало поповщинѣ формальную возможность къ возстановленію патріаршества: для этого передъ старообрядцами-поповцами открылся широкій и свободный путь— нужно только соотвѣтственнымъ образомъ организовать свою церковную общину, отдѣльныя части ея привести въ гармонію и объединить въ одномъ центрѣ. Задача эта представляется въ слѣдующемъ видѣ: приходскія единицы объединяются въ епископіяхъ; группы епископій— въ архіепископіяхъ; архіепископіи—въ митрополіяхъ и митрополіи— въ патріаршествѣ. Такимъ образомъ все дѣло сводится къ провозглашенію однихъ архіереевъ просто епископами, другихъ — архіепископами, третьихъ—митрополитами и, наконецъ, одного изъ всѣхъ ихъ— патріархомъ.

IV.

На первыхъ порахъ существованія австрійской іерархіи планъ объ учрежденіи патріаршества представлялся весьма простымъ и естественнымъ и первые дѣятели австрійщины мечтали о созданіи не только одного патріаршества, но и всѣхъ пяти, на которыя когда-то раздѣлялась восточная церковь: въ европейской Россіи они замышляли учредить всероссійское патріаршество, а въ Австріи, на Уралѣ, въ Сибири и на Кавказѣ — патріаршества константинопольское, антіохійское, александрійское и іерусалимское. Эта мечта только обнаружила, что въ самой основѣ плана объ учрежденіи патріаршества много дѣтски-дерзкаго и наивно-фантастичнаго, что серьезное дѣло и вѣковыя чаянія милліоновъ людей превращаются въ шутку, въ игру позолоченными куклами, что въ планѣ только любимыя старообрядцами имена-титулы, а нѣтъ въ немъ духа и жизни старообрядческой.

Проектъ объ учрежденіи пяти патріаршествъ показалъ, что старообрядцы, чрезъ учрежденіе австрійской іерархіи, хотя и получили формальную возможность къ созданію патріаршества, но не имѣютъ еще внутренняго начала для исполненія этого важнаго дѣла.

Ученіе объ антихристѣ и всеобщемъ мракѣ дѣйствовало еще въ полной силѣ и новоявленное священство самимъ пріемлющимъ его представлялось лишь отдѣльной искоркой на сплошномъ черномъ фонѣ,

блесткой, не распространяющей своихъ лучей на окружающій ее мракъ и не могущей побѣдить эту тьму.

Ученіе объ антихристѣ и стремленіе къ возсозданію патріаршества являются началами крайне противоположными и рѣшительно непримиримыми, какъ несовмѣстимы свѣтъ и тьма или жизнь и смерть. Поэтому мысль о патріаршествѣ на первыхъ же порахъ болѣе разумными старообрядцами была встрѣчена съ улыбкой или даже съ нескрываемымъ негодованіемъ; свой протестъ они выразили въ ясномъ и твердомъ положеніи: „не можетъ быть патріарха при антихристѣ, свободы при всеобщемъ разрушеніи и царства благодати при господствѣ сатанинской силы“. Въ этомъ протестѣ обнаружилось, что ученіе о священствѣ, даже пріемлющими австрійскую іерархію принималось тогда только въ урѣзанномъ видѣ; не какъ полнота благодати, сіяющая въ міровой жизни и главенствующая надъ всѣми ея проявленіями, а только какъ совершеніе всѣхъ таинствъ, происходящее однако скрытно отъ міра, въ мѣстахъ потаенныхъ, вдали отъ міровой жизни, какъ тайный, негласный протестъ противъ нея безъ всякой надежды на прославленіе и на торжество. Слѣды этой мысли замѣчаются и въ настоящее время; даже и теперь среди послѣдователей австрійскаго священства существуетъ нѣкоторое инстинктивное опасеніе за слишкомъ широкое распространеніе своей іерархіи и наряду съ желат лями полной свободы австрійской іерархіи находятся люди, высказывающіеся противъ этой свободы. Въ прошломъ году въ Москвѣ, два, по крайней мѣрѣ, важныхъ австрійскихъ семейства прямо заявили, что, въ случаѣ дарованія ихъ обществу полной религіозной свободы, они этихъ правъ не примутъ и отъ своего общества отдѣлятся.

Но если страхъ предъ свободою является неотразимымъ, логически-необходимымъ послѣдствіемъ ученія объ антихристѣ или послѣдствіемъ остатковъ этого ученія, несознаваемыхъ, но все-же психически дѣйствующихъ, то съ другой стороны стремленіе къ полной свободѣ, мысль о патріаршествѣ, является такимъ же неустранимымъ послѣдствіемъ наличнаго существованія полной іерархіи. Іерархія существуетъ, приходы увеличиваются, мѣстныя общины выростаютъ, архіерейскія каѳедры умножаются, соборы дѣйствуютъ. Сама жизнь свидѣтельствуетъ, что отдѣльныя части большого и растущаго организма должны быть объединены въ одномъ центрѣ, и историческія преданія, какъ на та-

ковой центръ, указываютъ на патріаршество. Въ силу этихъ не терпящихъ другъ друга, взаимно устраняющихъ мотивовъ и побужденій, мысль австрійца, въ самой ея основѣ, полна трагизма и живетъ постояннымъ внутреннимъ раздоромъ: нужно быть и нужно не быть; необходимо патріаршество и гибель въ немъ, необходима свобода и не должно быть свободы. Происходитъ борьба двухъ другъ друга исключающихъ началъ. Начало страха предъ свободою уже само по себѣ, по своему внутреннему существу, является только пассивнымъ сопротивленіемъ; оно не только лишено возможности развитія впередъ, но и обречено на полную безжизненность; оно можетъ быть стойкимъ и упругимъ, какъ лежачій тяжелый, недвижимый камень, но не какъ живая и дѣйствующая сила. Иное представляетъ собою начало свободы; оно живетъ и дѣйствуетъ; по самой своей природѣ оно неминуемо ведетъ борьбу и скрытую и явную съ своимъ главнымъ противникомъ, началомъ страха.

V.

Для полнаго торжества ученія о свободѣ или мысли о патріаршествѣ должно быть устранено противоположное начало, начало страха предъ свободою, должно быть уничтожено самое основаніе этого страха, т. е. ученіе объ антихристѣ. И австрійщина въ лицѣ лучшихъ своихъ сыновъ, знаменитымъ „окружнымъ посланіемъ“, словно однимъ взмахомъ пера, устранила отъ себя ученіе объ антихристѣ и ученіе о православной церкви, какъ о „дщери антихристовой“. Фактъ въ исторіи старообрядчества безпримѣренъ. Совершился онъ не безъ борьбы. Мысль зародилась и прежде всего созрѣла въ авторѣ „Окружнаго посланія“, въ лучшемъ и благороднѣйшемъ изъ лучшихъ старообрядцевъ половины XIX столѣтія, Иларіонѣ Егоровичѣ Ксеносѣ.

При развитіи мысли посланія и при разработкѣ самаго посланія Ксеносъ перенесъ дѣйствительную глубоко-внутреннюю драму и вся жизнь его была одною сплошною драмою: онъ всего себя, безъ всякихъ остатковъ, посвятилъ дѣлу религіи, именно примиренію старообрядчества и православія и умеръ неизвѣстно въ какомъ упованіи и съ какою надеждою—тайнымъ-ли православнымъ, или тайнымъ старообрядцемъ. Этому драматизму причастны были и ближніе Ксеноса: они тоже боролись, смиря-

лись и снова возставали. За сотни и тысячи верстъ они ѣздили къ старообрядческимъ архіереямъ и простымъ своимъ собратіямъ; со всею энергіею своего сильнаго духа и слова убѣждали всѣхъ принять „посланіе“; у архіереевъ валялись въ погахъ, вымаливая подписи къ посланію. Такова была ихъ вѣра въ мысль посланія и въ архіерейскій санъ и такова надежда на обновленіе старообрядчества въ союзѣ съ православною церковію, безъ омраченія ученіемъ объ антихристѣ. Полна трагизма и вся дальнѣйшая судьба „посланія“. Прежде всего оно произвело раздѣленіе австрійской общины на двѣ части: „окружниковъ“ и „неокружниковъ“,—раздѣленіе, имѣющее значеніе тяжкаго паралича въ здоровомъ и крѣпкомъ организмѣ. Затѣмъ посланіе не разъ уничтожали и не разъ снова возстановляли. При его уничтоженіи мысль его всякій разъ получаетъ особую живучесть, свѣжесть силы и неожиданныхъ, полныхъ жизни защитниковъ. Его признаніе разбивается о пассивное сопротивленіе и мысль его кажется потухшею. Окружное посланіе въ судьбахъ австрійскаго старообрядчества получило значеніе постоянно дѣйствующаго, всепоглощающаго факта, о которомъ нельзя забыть и нельзя безнаказанно говорить.

Въ этомъ глубокомъ трагизмѣ „Окружнаго посланія“ заключается страшная сила его мысли, инстинктивно-психическая, такъ же безсознательная, какъ и неустранимая. Въ сцѣпленіи такихъ противоположныхъ свойствъ этой мысли вырабатывается историческое значеніе самаго „посланія“. Въ настоящее время посланіе кажется полузабытымъ: нѣтъ о немъ разсужденій на епископскихъ соборахъ, рѣчи о немъ ведутся въ тиши, для поддержанія его значенія защитники его собираются въ отдѣльныя братства, часто гонимыя болѣе сильными представителями общины; таково, напримѣръ, московское старообрядческое братство св. Креста. Не смотря на все это, въ настоящее время окружное посланіе имѣетъ болѣе дѣйствительную силу, чѣмъ 40 и 30 лѣтъ назадъ, когда оно было издано и когда оно производило жесточайшіе споры, когда его имя у всѣхъ австрійцевъ было на устахъ; только теперь обнаруживается поразительная сила его мысли и только теперь сама жизнь выясняетъ, что австрійская община и сознательно и безсознательно движется по тому пути, по какому ее направляетъ „Окружное посланіе“, что всѣ крупнѣйшія принципіальныя явленія въ жизни этой общины суть не что иное, какъ жизненныя обнаруженія

сознанныхъ и несознанныхъ положеній мысли, создавшей „Окружное посланіе“. Даже тѣ лица, которыя явно отвращаются отъ „посланія“, въ дѣйствительности являются поборниками мысли, въ него вложенной, и, можно сказать, въ судьбѣ этой мысли заключается судьба всей общины.

Первоначальная мысль Окружнаго посланія была рѣшительно иная, чѣмъ современныя стремленія австрійцевъ. Эти самыя стремленія показываютъ, что основная мысль посланія неожиданно для нашихъ церковныхъ дѣятелей, вопреки ихъ желаніямъ и надеждамъ, расширилась и видоизмѣнилась: изъ мысли о союзѣ съ православною церковію она превратилась въ начало враждебное, воинствующее. Авторъ Окружнаго посланія чувствовалъ и сознавалъ, что наличная полнота іерархіи (австрійской) противорѣчитъ ученію о царствованіи антихриста и что неопровержимая іерархическая зависимость старообрядчества отъ православія (Амвросій былъ православнымъ митрополитомъ) рѣшительно непримирима съ старообрядческимъ воззрѣніемъ на православную церковь, какъ на „дщерь антихриста“ и на православную обрядность, какъ на „мысль“ и „духъ“ антихриста. Онъ ясно видѣлъ, что здѣсь та или иная часть должна быть откинута: или не должно быть полной іерархіи, или не должно учить объ антихристѣ. Любовь къ своей іерархіи превозмогла и Ксеносъ открыто и рѣшительно заявилъ, что въ настоящее время антихристъ еще не пришелъ и „въ церкви“ не царствуетъ, что церковная обрядность не имѣетъ признаковъ антихристіанскаго духа. Съ точки зрѣнія Ксеноса эта мысль узаконяла бытіе австрійской іерархіи, дѣлала ея существованіе вполнѣ осмысленнымъ и открывала широкій просторъ ея дѣйствіямъ. Достоинство этой мысли лучшіе австрійскіе умы поняли и самую мысль не только приняли, но и сдѣлали ее вторымъ символомъ своего вѣрованія. И это было насущною необходимостью: Павелъ Бѣлокриницкій создалъ австрійскую іерархію, а эти люди узаконяли ея существованіе и проведеніе этой мысли въ жизни сдѣлали своимъ подвигомъ. Но узаконеніе это совершалось чрезъ пониженіе, такъ сказать, собственнаго старообрядческаго капитала и чрезъ повышеніе фондовъ православія.

VI.

Окружное посланіе, въ его основной мысли, представляется документомъ весьма простымъ, яснымъ и однороднымъ, т. е. вполнѣ законченнымъ. Въ немъ разбираются частности общестарообрядческаго ученія объ антихристѣ и рѣшительно отвергаются и эти частности и все ученіе въ его цѣломъ видѣ. Чрезъ это понижалось собственно старообрядческое умозрѣніе, производилась нивелировка старообрядчества съ общею жизнью, уничтожались тѣ пни и рытвины на старообрядческой почвѣ, которыя мѣшали правильному жизненному развитію старообрядчества и постоянно увлекали его съ простора на Божьемъ мірѣ въ дебри и пещеры. Таково основное значеніе Окружного посланія. Въ практическомъ же примѣненіи этого посланія къ жизни оно оказывается двойственнымъ. Для однихъ старообрядцевъ оно открываетъ осмысленность существованія полной старообрядческой іерархіи въ наши дни, вызываетъ въ нихъ надежды на блестящій жизненный расцвѣтъ старообрядчества, на широкое и свободное дѣйствованіе его въ мірѣ. Для другихъ оно имѣетъ значеніе подзорной трубы, чрезъ которую можно наблюдать свѣтъ и истину православной церкви. Изъ Окружнаго посланія каждый старообрядецъ съ одинаковою легкостью можетъ сдѣлать два вывода: 1) если нѣтъ антихриста, значитъ должна быть полная чисто старообрядческая іерархія и 2) если нѣтъ антихриста, значитъ и „никоніанская“ церковь можетъ быть истинною, православною. Съ какимъ же толкованіемъ принимать Окружное посланіе? Общій отвѣтъ на этотъ вопросъ могла дать только жизнь, но никакъ не отдѣльныя лица.

На первыхъ порахъ Окружное посланіе принималось только съ вторымъ толкованіемъ. Одни старообрядцы поразились мыслью, что „никоніанская“ церковь можетъ быть истинною и рѣшительно возстали противъ посланія, составивъ въ австрійщинѣ отдѣльную самостоятельную общину — **неокружниковъ**. Другіе еще болѣе были поражены тою же самою мыслью и неуклонно, безбоязненно проповѣдывали ее. Эти люди были сильны духомъ и волею и образовали въ старообрядчествѣ обширное движеніе въ сторону православной церкви. Но на самомъ концѣ пути они встрѣтились съ неожиданными внутренними

препятствіями. Они шли къ церкви не истрепанные и не обдерганные, веселые и жизнерадостные, а возвращались въ родной домъ, какъ совершившіе долгое путешествіе по чужимъ странамъ и могущіе разсказать о многомъ диковинномъ слышанномъ и видѣнномъ, съ большими запасами и опытомъ. Они убѣждались въ истинѣ православія, потому что глубоко вѣрили въ „свою“ истину, въ истину „своихъ“ исконныхъ убѣжденій и чаяній. По выраженію покойнаго архимандрита Павла, они толпились на паперти православнаго храма, сильные своимъ духомъ и своею вѣрою. Двери храма предъ ними не были отверсты, потому что въ насъ не было сознанія общности вѣры и единства исконнаго умозрѣнія, потому что мы привыкли смотрѣть на старообрядца, какъ на зачахлаго умомъ и нищаго духомъ, потому что мы гордимся своими учебниками съ громкими названіями богословскихъ наукъ и свысока смотримъ на старую книгу. Благодаря этому мы понимаемъ только того старообрядца, который идетъ къ намъ „въ ожесточеніи“ противъ своихъ и съ проклятіями своихъ прежнихъ убѣжденій, и непонятенъ намъ старообрядецъ, который говоритъ намъ, что „его“ истина и „для насъ“ истина и что наша истина и для него истина. Мы не смѣемъ гадать, какой видъ имѣла бы въ настоящее время австрійская община, если бы Церковь своевременно отвѣтила на Окружное посланіе соотвѣтствующимъ посланіемъ и на тогдашнее стремленіе окружниковъ къ церкви соотвѣтствующимъ же дѣйствіемъ; кто знаетъ, можетъ быть, теперь и не было бы имени „австрійская іерархія“.

Толкованіе Окружнаго посланія, какъ примирительнаго съ церковію, не имѣло успѣха. Но такою мыслью Окружное посланіе и не ограничивается и, потерпѣвши неудачу съ однимъ толкованіемъ, оно могло пріобрѣсти болѣе важное значеніе съ другимъ. Въ жизни старообрядчества оно получило значеніе молота, уничтожающаго ученіе объ антихристѣ, выколачивающаго всѣ проблески этого ученія и чрезъ это самое укрѣпляющаго въ старообрядцахъ сознаніе возможности существованія полной старообрядческой іерархіи, не скрывающейся въ мѣстахъ потаенныхъ, а открыто и свободно дѣйствующей. Въ смыслѣ примиренія съ церковію Окружное посланіе перестало существовать, въ смыслѣ же узаконенія австрійской іерархіи оно не только живетъ

и дѣйствуетъ, но, можно сказать, съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все большее значеніе.

VII.

Только по своей исключительной, выдающейся близорукости, мы не замѣчаемъ необыкновенно глубокаго перелома въ старообрядческой мысли, совершающагося въ наши дни, на нашихъ глазахъ и даже при нашемъ, пусть, несознательномъ и невольномъ участіи. Мы въ своемъ простосердечіи и въ своей недальновидности „привѣтствуемъ“ окружниковъ; они кажутся намъ малыми дѣтьми, къ намъ ласкающимися; мы издали съ тайною надеждою любуемся на нихъ и воображаемъ, что они не сегодня-завтра присоединятся къ намъ. Въ своемъ маловѣрномъ страхѣ мы отвращаемся отъ неокружниковъ (и безпоповцевъ); они представляются намъ дикими извергами; мы смотримъ на нихъ съ отчаяніемъ, какъ на пропавшихъ безъ вѣсти и безвозвратно. При этомъ мы не сообразуемся съ жизнью, и не замѣчаемъ ни того, что окружники, не смотря на свою кажущуюся близость къ церкви, присоединяются не больше, чѣмъ неокружники, или безпоповцы, и ни того, что послѣдніе, не смотря на ясно выражаемую враждебность, присоединяются не рѣже и не меньше, чѣмъ и окружники.

30 лѣтъ назадъ, когда Окружному посланію придавался примирительный смыслъ, оно, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ, имѣло значеніе путеводителя, ведущаго къ православію; дѣйствительно бывали случаи, что поклонники посланія примирялись съ церковію. Но теперь, по мѣрѣ того, какъ оно входитъ въ сознаніе старообрядчества, оно является началомъ, „удерживающимъ“ отъ присоединенія: оно настолько близко подводитъ старообрядца къ православію, что послѣдній утрачиваетъ понятіе грани, раздѣляющей православіе отъ старообрядчества. „Я принимаю Окружное посланіе“,—говоритъ старообрядецъ и этимъ самымъ устраняетъ потребность и цѣлесообразность въ присоединеніи къ православію. Неокружникъ и безпоповецъ, оба воспитанные въ ученіи объ антихристѣ и въ бытѣ, основанномъ на этомъ ученіи, скорѣе могутъ усмотрѣть недостатки своихъ общинъ, могутъ почувствовать тяжесть въ ученіи объ антихристѣ и потребность бѣжать изъ этой юдоли плача и стенанія. Присоединившіеся изъ неокружниковъ и

безпоповцевъ разсказываютъ, какой внутренній нравственный гнетъ они чувствовали въ своихъ общинахъ, когда сознали сущность ученія объ антихристѣ и его лживость. Этотъ гнетъ иногда гонитъ людей изъ старообрядческихъ общинъ съ силою страшной неудержимой стихіи. Воспоминаніе о немъ присоединившагося есть воспоминаніе о непріятномъ снѣ и усиливаетъ впечатлѣніе красоты и внутренней свободы православія. Ничего подобнаго нѣтъ у окружника; онъ просто и ясно смотритъ на Божій міръ, какъ и всѣ прочіе люди: ни ученіемъ, ни существеннѣйшими чертами быта онъ не отличается отъ православнаго; онъ не осуждаетъ съ пѣною у рта троеперстіе, и поэтому не имѣетъ причинъ осудить и ревность къ двуперстію; онъ точно и пунктуально исполняетъ предписанные старыми книгами обряды и обычаи и знаетъ, что упущенія въ этихъ отношеніяхъ среди православныхъ не составляютъ ихъ достоинства и православными законоположеніями наказуются точно такъ же, какъ и его собственными.

Единственно, чѣмъ отличается окружникъ отъ православнаго, это—происхожденіе австрійской іерархіи, собственно—„исторія“ посвященія митрополитомъ Амвросіемъ перваго старообрядческаго, илч австрійскаго епископа. Но обсужденіе этого предмета сопряжено съ крупными знаніями,—церковно-историческими, каноническими, догматическими и даже религіозно-философскими. Эти знанія не входятъ въ обиходъ вѣрованій нашего народа, да и насъ самихъ; въ лучшихъ случаяхъ они способствуютъ выработкѣ воззрѣній, полууясняющихъ вѣрованіе, полуразрушающихъ оное; въ случаяхъ обыкновенныхъ они остаются знаніями, ни къ одной изъ внутреннихъ сторонъ жизни непримѣнимыми. Это съ одной стороны,—а съ другой: не смотря на шестидесятилѣтнее существованіе австрійской іерархіи, православіе, вооруженное всѣми знаніями, не сказало объ ея достоинствѣ послѣдняго рѣшительнаго слова и предоставляетъ искусству миссіонеровъ доказывать ея незаконность. Выходитъ, такимъ образомъ, что мы, ожидая отъ окружника сознательнаго провѣреннаго отношенія къ австрійской іерархіи, требуемъ отъ него знаній, которыхъ сами или не имѣемъ, или съ которыми справиться не можемъ, и возлагаемъ на него нашу собственную задачу, нами самими еще не рѣшенную.

Съ безпоповцемъ и неокружникомъ у насъ много точекъ соприко-

сновенія въ главныхъ предметахъ вѣры. Въ отношеніяхъ же къ окружнику эти точки сглажены; остался только одинъ вопросъ и при томъ вопросъ, не касающійся прямо вѣры, а только богословско-научный вопросъ: каково достоинство австрійской іерархіи.

Мы весьма много дѣлаемъ относительно безпоповца и неокружника и почти ничего относительно окружника. Всѣ свои миссіонерскія силы мы употребляемъ на то, чтобы выбить изъ сознанія неокружниковъ и безпоповцевъ мысль объ антихристѣ. Мы дѣлаемъ это по неизбѣжной необходимости, потому что эта мысль представляется намъ самымъ высокимъ бугромъ, раздѣляющимъ православіе и старообрядчество, и благодаря тому, что эта наша дѣятельность является наиболѣе успѣшною: по несомнѣнной противочеловѣчности этого ученія, оно изъ всѣхъ старообрядческихъ ученій имѣетъ наиболѣе шаткія основанія. И статистика, какой бы несовершенной она ни была, убѣждаетъ насъ въ правильности избраннаго пути: изъ разубѣдившихся въ ученіи объ антихристѣ нѣкоторые несомнѣнно присоединяются къ церкви. Но за всѣмъ этимъ скрывается другое, болѣе важное обстоятельство. И прямо, и косвенно мы дѣйствуемъ на всю старообрядческую массу и шагъ за шагомъ отводимъ ее отъ ученія объ антихристѣ. При этомъ мы не замѣчаемъ того обстоятельства, что отказъ старообрядца отъ этого ученія не ведетъ его къ мысли, что старая обрядность, съ которой онъ такъ тѣсно и умомъ и сердцемъ сжился, отжила свой вѣкъ. При ученіи объ антихристѣ онъ еще мирится, что старый обрядъ не господствуетъ въ жизни, не блещетъ своимъ прежнимъ блескомъ, и мирится съ этимъ потому, что вѣритъ въ существованіе антихриста. Но если нѣтъ антихриста, нѣтъ и причинъ, чтобы старый обрядъ и теперь не красовался такъ же пышно, какъ при прежнихъ московскихъ царяхъ и патріархахъ. И старообрядецъ, разубѣжденный въ бытіи антихриста, съ крайнимъ любопытствомъ и напряженіемъ осматривается по сторонамъ: гдѣ же церковь съ тѣми самыми обрядами, которые онъ принимаетъ, и съ тою самою красотой и свободой, какъ и во времена давно прошедшія? Съ одной стороны, именно такой церкви онъ не видитъ, а съ другой не имѣетъ никакихъ причинъ сомнѣваться въ возможности ея существованія. И онъ начинаетъ вѣрить, что такая церковь должна быть, и если ея нѣтъ, то по причинамъ временнымъ и

случайнымъ, которыя можно устранить, иначе—онъ вѣритъ въ возможность церкви старообрядческой, свободной до господства въ мірѣ и полной до сана патріаршаго. Это чаяніе ничто иное, какъ основная мысль Окружнаго посланія. Наша миссіонерская дѣятельность, слѣдовательно, является невольнымъ и несознательнымъ содѣйствіемъ распространенію Окружнаго посланія, прививаніемъ его основной мысли къ мысли и чувству старообрядца.

VIII.

Почти неподвижная въ сторону православія окружническая община получаетъ отъ насъ вспомоществованіе въ видѣ неистощимыхъ запасовъ для своей собственной энергіи и поэтому является наиболѣе внутренне спокойною изъ всѣхъ старообрядческихъ общинъ. Она не тратитъ своихъ силъ на установленіе того или иного отношенія къ православію,—въ видѣ-ли необузданной ненависти къ нему, въ видѣ-ли окончательнаго примиренія съ нимъ; ея сыны не полагаютъ дѣло спасенія въ жестокосердіи противъ православной церкви, какъ это дѣлаютъ безпоповцы и неокружники; не считаютъ они важнымъ и вопросъ о примиреніи съ церковію, надъ разрѣшеніемъ котораго волнуются многіе лучшіе старообрядцы другихъ общинъ. Въ то время, когда вопросъ о церкви является самымъ жгучимъ вопросомъ, дѣломъ личнаго спасенія для большинства старообрядцевъ всѣхъ общинъ, этотъ самый вопросъ для окружниковъ является только дѣломъ общей политики, не имѣющимъ отношенія къ личному спасенію. Окружники могутъ желать единенія съ церковію, но не для личнаго спасенія, какъ безпоповцы, и не для благоустроенія своей общины, какъ бѣглоповцы, а исключительно для наибольшей славы своей общины, для достиженія большей свободы къ ея развитію и процвѣтанію, для окончательнаго исполненія своихъ сознанныхъ и несознанныхъ замысловъ.

Каждая старообрядческая община, какою сильною она ни представлялась бы, въ отношеніи къ православію является силою раздробленною, силою исключительно отдѣльныхъ лицъ. Православная церковь знаетъ старообрядчество, какъ заблужденіе отдѣльныхъ лицъ, и рѣши-

тельно не имѣетъ никакихъ отношеній къ старообрядческимъ общинамъ: она показываетъ видъ, что подобныхъ общинъ она не знаетъ. Точно также относятся и старообрядцы къ православной церкви. До сихъ поръ они боролись съ православіемъ, вырывая изъ него отдѣльныхъ лицъ, и вовсе не помышляли вести борьбу съ церковью по всей линіи, совсѣмъ уничтожить ее и себя поставить на ея мѣсто. Православіе вело съ старообрядчествомъ борьбу партизанскую и не только не признавало старообрядческой общины, но и показывало видъ, что самое существованіе таковой ему невѣдомо. Такую же партизанскую борьбу вело и старообрядчество съ православіемъ; оно признавало православіе, какъ единую цѣлостную силу, но въ состязаніе съ нею не вступало, ибо вѣрило въ неизбѣжность ея существованія. Эти взаимныя отношенія окружничество вывернуло на-изнанку; оно сдѣлало безцѣльнымъ дѣломъ эту раздробленную борьбу и возстало противъ церкви, какъ сила противъ силы. Въ частныхъ отношеніяхъ, какъ явленія временныя и случайныя, оно допускаетъ оба обряда, и старый и новый,—старый въ званіи господина, новый—временно допущеннаго. Вмѣстѣ съ этимъ своею мыслью о свободѣ старообрядческой общины и полномъ расцвѣтѣ ея жизни, оно смѣло заявило притязаніе на свое господство и сдѣлало православію дерзкій вызовъ—быть кому нибудь одному, или мнѣ, или тебѣ. „Мы, говорятъ окружники, не нуждаемся въ православной (никоновской) церкви, какъ безпоповцы, считающіе ее антихристовою дщерью и мыслящіе объ ней, какъ о несокрушимой силѣ, мы не только можемъ прекрасно устроиться безъ нея, но она только мѣшаетъ нашему внутреннему развитію“.

Эта тенденція съ особою силою и яркою колоритностью обнаружилась только теперь, на нижегородскомъ старообрядческомъ съѣздѣ, въ августѣ мѣсяцѣ 1905 года; не только обнаружилась, но и поразила своею неожиданностью.

Въ послѣднія десять-двѣнадцать лѣтъ русское общество часто тревожилось случайными газетными сообщеніями о томъ, что такая-то старообрядческая депутація выѣхала въ Константинополь хлопотать предъ патріархомъ о признаніи австрійской іерархіи законной. Эти извѣстія простыхъ православныхъ приводили въ недоумѣніе, возбуждали въ нихъ тревожный вопросъ: „неужели въ Константинопольскомъ

патріархатѣ могутъ вестись какія-либо рѣчи въ пользу австрійской іерархіи"? Въ православныхъ миссіонерахъ, нечего скрывать, они производили смущеніе, похожее на страхъ: ну, да если патріархатъ признаетъ эту іерархію законной, что намъ останется дѣлать? какъ церковное правительство будетъ выпутываться изъ этой каши"?

Что старообрядцы подобными хлопотами занимались,—это не подлежитъ сомнѣнію; напр. весною 1892 г. старообрядческая депутація именно съ такимъ ходатайствомъ была у патріарха; дѣло было налажено и совершиться ему помѣшалъ русскій посолъ, своевременно получившій изъ Петербурга особыя инструкціи по сему предмету. Наравнѣ съ старообрядцами и нѣкоторые православные, склонные къ старообрядческимъ воззрѣніямъ, тоже желали признанія австрійской іерархіи законной. Покойный протоіерей Верховскій такія мысли высказывалъ неоднократно и со свойственною ему энергіей прямо и рѣшительно толкалъ австрійцевъ, такъ сказать, въ объятія константинопольскихъ фанаріотовъ. Среди современныхъ представителей высшей церковной іерархіи тоже находились люди, которые готовы были защищать австрійскую іерархію и дѣлали попытки подготовить къ этому общественное мнѣніе. Съ этою цѣлью греческій митрополитъ Василій, бывшій въ Москвѣ во время коронаціи императора Николая II, издалъ брошюру, въ которой опредѣленно и рѣшительно провелъ ту мысль, что таинство, совершенное священнымъ лицомъ, подвергшимся запрещенію или даже извержению, все же остается законнымъ. Эта мысль вопросъ объ австрійской іерархіи ставила на слѣдующую почву: „пусть митрополитъ Амвросій не имѣлъ никакого права поставить перваго старообрядческаго епископа (Кирилла), пусть за это онъ подлежитъ даже наказанію, даже извержению, возникшая же такимъ образомъ іерархія остается все же іерархіей". Брошюра эта была переведена на русскій языкъ и имѣла огромный успѣхъ среди австрійцевъ.

Законность австрійской іерархіи, какъ видно, мыслилась въ зависимости отъ признанія ея со стороны высшей церковной власти. Чрезъ это іерархія эта превращается въ непостижимый и никому невѣдомый сфинксъ; является чрезвычайно труднымъ разрѣшить вопросъ: существуетъ-ли эта іерархія какъ фактъ, съ которымъ такъ или иначе необходимо считаться, или же она есть только переодѣваніе, костюми-

ровка, кощунственное преступленіе, съ которымъ нужно бороться; есть ли въ ней хоть какая-нибудь доля, частица тѣхъ благодатныхъ достоинствъ, которыя составляютъ самое существо іерархіи, или же въ ней рѣшительно нѣтъ ничего? Нѣкоторые лучшіе, благороднѣйшіе и глубочайшимъ образомъ преданные православію люди прямо и рѣшительно отвертывались отъ этого вопроса, считая его загадкою неразрѣшимою для человѣческаго ума. Таковъ былъ покойный отецъ Онуфрій. Въ старообрядчествѣ онъ былъ епископомъ, намѣстникомъ Бѣлокриницкой митрополіи; въ православіи онъ удовольствовался самымъ скромнымъ званіемъ инока. Онъ не принялъ іеромонашества и свой отказъ отъ священнаго сана объяснялъ простою неизвѣстностью — кто онъ: есть-ли на немъ преемственное отъ апостоловъ рукоположеніе, или же нѣтъ. „Однажды, обыкновенно говаривалъ онъ, я уже былъ епископомъ и другой разъ посвящаться не рѣшаюсь; только самъ Господь Христосъ въ будущей жизни разсудитъ—епископъ-ли я, или же простой мірянинъ“. Ученые богословы, имѣющіе прикосновеніе къ нашей миссіи, съ большою робостью ставили этотъ самый вопросъ и въ общемъ склонялись къ той мысли, что въ австрійской іерархіи есть нѣчто такое, что дѣлаетъ возможнымъ признать ее таковою, именно іерархіею.

Чрезъ это двойственное и сомнительное отношеніе къ іерархіи самымъ глубочайшимъ основаніемъ для борьбы съ нею, естественно, является наше личное, православное произволеніе: „захотимъ — признаемъ, не захотимъ—не признаемъ“. Это убѣжденіе ставило насъ въ господственное положеніе, окрылявшее и укрѣплявшее нашу миссію. Каждый слухъ о хлопотахъ австрійцевъ нѣсколько раздражалъ насъ и въ то же время доставлялъ намъ большое внутреннее успокоеніе: каковы-де мы,—къ намъ, а не къ кому-нибудь другому обращаются съ такимъ важнымъ и великимъ вопросомъ. Сами старообрядцы какъ будто бы давали намъ подтвержденіе нашей силы и нашего значенія; они неоднократно давали намъ поводы думать, что ихъ окончательная судьба находится въ нашихъ рукахъ, вполнѣ зависитъ отъ нашей воли. Это доставляло намъ блаженное невѣдѣніе и прекрасное успокоеніе. На признаніи нашей силы мы успокаивались и не считали нужнымъ вникнуть въ самое существо вопроса, присмотрѣться къ явленію и понять.

Въ это время нашего спокойнаго созерцанія въ самомъ сознаніи старообрядчества произошелъ огромный и для насъ совершенно неожиданный переворотъ. На старообрядческомъ нижегородскомъ съѣздѣ нынѣшняго года было внесено предложеніе обратиться къ константинопольскому патріарху съ просьбою объ утвержденіи каноническаго достоинства австрійской іерархіи. Съѣздъ энергично и рѣшительно отклонилъ это предложеніе, какъ нежелательное и унизительное для старообрядческаго священства. Этимъ самымъ старообрядчество окончательно разрушаетъ всѣ наши мечты, всѣ наши надежды, что оно не выйдетъ изъ нашей власти, что оно вѣчно будетъ связано нашею волей, и смѣло и рѣшительно говорило намъ: „Не безпокойтесь, господа, объ насъ и не воображайте, что мы нуждаемся въ вашемъ признаніи". Въ этомъ заявленіи заключается послѣдній рѣшительный актъ въ установленіи независимости австрійской іерархіи.

IX.

Признавъ независимость своей іерархіи, окружническая община чрезъ это самое стала на вполнѣ опредѣленную и твердую почву и развязала себѣ руки въ дѣлѣ своего собственнаго внутренняго устроенія. Въ актѣ „Окружнаго посланія" она, какъ мы уже говорили, отказалась отъ пререканій съ православною церковію въ вопросахъ догматическо-каноническихъ. Ни антихристіанства, ни безбожія, ни погрѣшностей въ самыхъ основныхъ истинахъ евангелія и преданія вселенскаго восточнаго православія она православной церкви не приписываетъ, въ апостольскую преемственность православной іерархіи вѣритъ. Основнымъ пунктомъ ея препирательства съ церковію является слѣдующее обвиненіе: православная іерархія, какъ историческая духовно-культурная сила, не желаетъ сообразоваться съ волею народною, создавшею всѣ особенности русскаго быта и мышленія. Чрезъ это старообрядческій вопросъ изъ вопроса церковно-богослужебнаго, каковымъ онъ былъ при самомъ началѣ раскола и каковымъ является и теперь для безпоповщины, бѣглопоповщины и противоокружничества, превращается въ вопросъ о культурныхъ началахъ церковнаго и зем-

скаго устроенія русской земли. Первымъ актомъ этого, несомнѣнно, прогрессивнаго движенія является признаніе австрійской іерархіи независимой ни отъ какихъ рѣшеній со стороны православнаго священноначалія.

„Мы, говорятъ австрійцы, отъ православной іерархіи ничего не ожидаемъ, въ ней нисколько не нуждаемся; пусть она только не мѣшаетъ намъ въ нашихъ собственныхъ дѣлахъ; никакой помощи отъ нея не ищемъ; мы сами сильны и способны устроиться".

И въ настоящее время старообрядческіе умы всецѣло озабочены устроеніемъ собственной общины, созданіемъ изъ нея стройной и огромной организаціи. Вопросы полемическаго характера отодвигаются постепенно на задній планъ, или предоставляются юнцамъ—начетчикамъ отъ семнадцати-лѣтняго возраста. Австрійское миссіонерство превращается въ школу, выпускающую общественныхъ дѣятелей, и миссіонеры все болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ значеніе общественныхъ дѣятелей. На этой почвѣ идетъ неустанная энергичная работа по двумъ направленіямъ. Во-первыхъ, создаются и формируются общественные дѣятели, т. е. внѣшняя, чисто техническая сторона всякихъ реформаціонныхъ и культурныхъ движеній. Во-вторыхъ, вырабатываются и опредѣляются основныя начала мышленія, тѣ духовныя воззрѣнія, которыя составляютъ самое существо, основное ядро всякой культуры, всякой цивилизаціи.

Воображающіе, что старообрядчество способно теперь же неожиданно выкинуть какой-нибудь куншткъ, въ родѣ созданія всероссійскаго патріархата, глубоко ошибаются. Дѣло гораздо сложнѣе и поставляемая задача является болѣе трудною и по глубинѣ внутренняго замысла и по обширности фантастическаго полета. Теперь намѣчается только программа, основные пункты которой могутъ быть представлены въ слѣдующемъ видѣ:

1) Устроеніе прихода выборнаго и самоуправляющагося.

2) Устроеніе епархіи, тоже выборной и самоуправляющейся.

3) Учрежденіе ежегодно созываемыхъ всероссійскихъ съѣздовъ мірянъ для рѣшенія общественно-церковныхъ вопросовъ.

4) Учрежденіе ежегодно созываемыхъ епископскихъ соборовъ для рѣшенія исключительно церковныхъ вопросовъ.

В. Сенатовъ.

Во что, бывало, цѣнили человѣческую жизнь.

Въ нашемъ очеркѣ мы хотимъ заглянуть въ тѣ мрачныя эпохи, когда цѣна на чужую жизнь стояла весьма низкая и когда никого не поражалъ безнаказанно и открыто творимый однимъ человѣкомъ надъ другимъ самосудъ, кончавшійся убійствомъ. Постараемся исторически прослѣдить, какъ медленно подымалась цѣна на чужую жизнь.

Какъ извѣстно, собственная сила была единственнымъ средствомъ у первобытнаго человѣка защитить себя отъ враговъ; общественной организаціи не было, такъ что въ борьбѣ за существованіе всякому приходилось защищать свой покой тѣми средствами, которыя подсказывались ему его грубыми животными инстинктами, и обыкновенно въ формахъ, далеко не соотвѣтствующихъ размѣрамъ нанесенной врагомъ обиды. Подобно звѣрю, загрызающему себѣ подобнаго только за то, что тотъ приблизился къ его добычѣ, и человѣкъ убивалъ того, кто казался ему опаснымъ конкуррентомъ въ насущныхъ вопросахъ жизни. По мѣрѣ развитія человѣка, неограниченный самосудъ сталъ принимать уже иныя формы, ясно свидѣтельствующія о желаніи человѣческаго общества ограничить его; такъ напр., за нанесенную обиду членъ общества имѣлъ право отплатить обидчику тою же монетою; т. е. за совершенное убійство родственники убитаго могли безнаказанно отомстить обидчику смертью же. Эта первобытная форма наказанія за убійство, не смотря на сохранившійся въ ней характеръ самосуда, считалась въ свое время формой уже прогрессивной и гуманной; въ ней мы видимъ уже желаніе общества ограничить необузданную животную жажду мщенія, которую языческіе поэты воспѣвали и величали небеснымъ чувствомъ, воодушевляющимъ боговъ.

Въ ветхомъ завѣтѣ неоднократно упоминается о подобнаго рода самосудѣ, учиняемомъ потерпѣвшимъ надъ обидчикомъ, причемъ за причиненное зло отплачивалось тѣмъ же зломъ. Такая самовольная отплата считалась въ тѣ далекія времена законной и оставалась ненаказуемой. Моисей (Исх. XXI, 12—30) весьма ясно формулировалъ тѣ случаи, когда допускалось убивать человѣка, и, затѣмъ, въ видахъ ограниченія размѣровъ, въ которыхъ способна проявляться мстительность блаженнаго человѣка, преподалъ законъ, запрещающій брать за око болѣе, чѣмъ одно око, за зубъ болѣе, чѣмъ одинъ зубъ и т. д.

Въ дальнѣйшемъ воемъ развитіи идея возмездія принимаетъ форму уже болѣе гуманную—вмѣсто того, чтобъ брать за жизнь жизнь, общество предоставляетъ обиженному право вмѣсто жизни брать съ обидчика извѣстную сумму денегъ. Этотъ способъ удовлетворенія за убійство былъ знакомъ и грекамъ, и римлянамъ, и германцамъ. Хотя замѣну личной произвольной мести местью, узаконенной въ видѣ взысканія съ обидчика извѣстной суммы, въ которую оцѣнялась жизнь человѣка, и нельзя признать мѣрой, высоко стоящей въ нравственномъ отношеніи, но всетаки она, хоть и не особенно сильно обуздывая грубый произволъ, была въ свое время полезной и гуманной,—она сохраняла человѣку жизнь. Эта мѣра, въ дальнѣйшемъ, послужила основаніемъ, на которомъ культурные народы выработали свои законодательныя зданія; въ эволюціи права эту мѣру можно считать основнымъ камнемъ храма Ѳемиды.

Въ древней Греціи всякое убійство вообще не преслѣдовалось, а семьямъ убитаго и убійцы предоставлялось право рѣшать между собой споръ войной. Эти споры принимали иногда весьма опасные для спокойствія страны размѣры, что и привело къ установленію за убійство мѣръ взысканія болѣе спокойнаго характера, чѣмъ война: обиженной сторонѣ предоставлялось право взыскивать съ убійцы извѣстную сумму; такъ что въ далекія времена въ Греціи лишеніе жизни, оцѣниваемой на деньги, не считалось за гнусное преступленіе противъ общественной нравственности. Въ Иліадѣ и Одиссеѣ можно найти описанія того, какъ въ древней Греціи происходилъ торгъ за пролитую кровь. Деньги получалъ ближайшій старшій родственникъ убитаго; а если у убитаго вовсе не было родственниковъ, то ихъ замѣняли десять гражданъ, дѣлившихъ между собой выкупную сумму. Затѣмъ, уже въ болѣе позднѣйшую эпоху, примѣрно въ VII вѣкѣ до Р. Х., въ Аѳинахъ начинаютъ смотрѣть на убійство уже какъ на посягательство на общественное спокойствіе, такъ что, напр., за случайное убійство, убійца изгонялся изъ страны на одинъ годъ; а за умышленное—власть лишала убійцу жизни.

Аполлодоръ (V вѣкъ до Р. Х.) повѣствуетъ, что въ его время въ Аѳинахъ существовали три инстанціи, судившія за убійство; первая, палладіумъ, разбирала случайныя убійства; вторая, дельфиніумъ, судила за убійства, допускающія снисхожденіе; третья, ареопагъ, судила профессіональныхъ убійцъ. Затѣмъ, человѣкъ, убившій того, кто его раздражилъ, считался невиновнымъ, все равно какъ боги оправдали Геркулеса за совершенное имъ, въ припадкѣ раздраженія, убійство своего учителя музыки, котораго онъ ударилъ по головѣ лирой за то, что тотъ наказалъ его за плохіе успѣхи. Замѣчательная наивность и, въ то же время, глубокое пониманіе психики человѣка, впавшаго въ аффектъ.

Въ Римѣ установленіе впервые закона, карающаго за убійство приписываютъ Нумѣ Помпилію (VII в. до Р. Х.), выдѣлившаго это преступленіе изъ ряда другихъ преступленій, посягающихъ на чужую собственность. Случайное, неумышленное убійство вовсе не преслѣдовалось въ Римѣ, а убійцу только заставляли

приносить искупительную жертву (въ видѣ барана). За умышленное же убійство Нума Помпилій приказалъ убійцъ казнить. За тѣмъ, появляется на тронѣ Туллъ Гостилій (тоже VII в. до Р. Х.), который ропяетъ идею справедливости и сортируетъ убійцъ не по характеру убійства, а по тому сословію, къ которому они принадлежали. Такимъ образомъ, лицъ именитыхъ, совершившихъ убійства, онъ приказываетъ только ссылать; лицъ средняго класса—казнить, а лицъ изъ простого народа—распинать на крестѣ и затѣмъ бросать дикимъ звѣрямъ на съѣденіе [1]). Если мы сравнимъ одновременные взгляды, существовавшіе въ Римѣ и Аѳинахъ, на цѣнность чужой жизни, то увидимъ, что цѣны на нее стояли въ Римѣ ниже, чѣмъ въ Аѳинахъ, гдѣ за случайное убійство, убійцу по крайней мѣрѣ хоть изгоняли на годъ изъ страны; въ Римѣ же точно за такое же преступленіе брали съ убійцы только одного барана, цѣна которому была не очень высокая. Но начиная, съ V вѣка до Р. Х., какъ въ Аѳинахъ, такъ и въ Римѣ замѣчается желаніе законодателей признать за убійствомъ уже преступленіе, вредно отзывающееся на общественномъ покоѣ, замѣчается желаніе рѣзче отдѣлить убійство вольное отъ невольнаго, — желаніе, которое выгодно отличаетъ нравственную зрѣлость этихъ двухъ міровъ, отъ окружавшихъ ихъ, и въ особенности, напр., отъ германцевъ, которыхъ пришлось видѣть Тациту (I в. по Р. Х.) уже въ значительно позднѣйшее время.

Тацитъ далъ много цѣнныхъ свѣдѣній о правахъ этого грубаго народа, обитавшаго въ Европѣ въ началѣ нашей эры. Въ то время, какъ въ Римѣ и Аѳинахъ законъ тонко различалъ уже умышленное убійство отъ случайнаго, у германцевъ предоставлялось всякому по своему распоряжаться съ обидчикомъ за всякое убійство, вольное или невольное. Законное преслѣдованіе существовало у нихъ лишь въ двухъ случаяхъ—измѣнниковъ вѣшали, а трусовъ топили; всѣ же остальныя преступленія и даже убійства казались имъ незначительными; такъ что поле для ненаказуемыхъ убійствъ было у нихъ весьма обширное, а цѣна на чужую жизнь стояла весьма низкая. Напр., у простого народа, пишетъ Тацитъ, можно было за нѣсколько овецъ отдѣлаться отъ родственниковъ убитаго. Предоставляя въ каждомъ данномъ случаѣ самимъ сторонамъ разбираться въ убійствѣ, власть древнегерманцевъ въ то же время слѣдила за всѣми частными сдѣлками, отбирая въ свою пользу треть сдѣлки. Въ позднѣйшее время въ первые вѣка нашей эры у германцевъ власть хотя и стала входить въ оцѣнку убійствъ, но она подходила къ нимъ не съ нравственной стороны,—она составила тарифъ на жизнь людей разныхъ сословій и слѣдила только за тѣмъ, чтобъ сдѣлки совершались не иначе, какъ въ предѣлахъ этого тарифа, отдѣляя каждый разъ въ свою пользу опредѣлен-

---

[1]) Въ ту эпоху распинаніе на крестѣ считалось особенно позорнымъ наказаніемъ. Этотъ способъ казни былъ замѣненъ христіанскими императорами висѣлицей—изъ уваженія къ кресту.

ную часть сдѣлки. Такимъ образомъ по loi salique [1]) уплачивалось за убійство раба 45 су [2]), за убійство свободнаго человѣка 100 су, за убійство молодой дѣвушки 200 су, ребенка или гостя 600 су, молодой матери—700 су, приближеннаго короля 1800 су, за пораненіе носа 45 су, языка—100 су, и т. д. Изъ этого тарифнаго списка можно видѣть, чѣмъ именно особенно дорожили германцы; этотъ списокъ есть зеркало, въ которомъ отражается психика этого грубаго народа, приравнивавшаго, напр., пораненіе носа (45 су) къ убійству раба (тоже 45 су)! Вотъ еще нѣсколько примѣровъ, почерпнутыхъ изъ старо-германскаго свода законовъ, изданнаго уже въ болѣе позднюю эпоху и называемаго la loi des Ripuaires (6 в. по Р. Х.) [3]). За убійство епископа уплачивалось 900 су, за убійство герцога тоже 900 су, священнослужителя—600 су, дьякона —400 су. Жизнь ремесленника оцѣнивалась по его ремеслу, такъ напр., за убійство золотыхъ дѣлъ мастера полагалось 150 су, а за серебряныхъ дѣлъ мастера—100 су; жизнь повара, кузнеца, пастуха, стерегущаго не болѣе 80-ти овецъ или конюха, убиравшаго не болѣе 12-ти лошадей, оцѣнивалась одинаково, а именно въ 40 су. Другой сводъ обычаевъ того времени—la loi des Frisons [4]) даетъ намъ не менѣе яркую картину нравовъ того времени. Въ общемъ же, всѣ эти законодательства почти одинаково расцѣниваютъ жизнь человѣка, но расходятся только въ мелочахъ; такъ напр. la loi des Frisons за всякій ударъ палкой штрафуетъ на полъ-су, а la loi salique входитъ въ разборъ того, было ли при нанесеніи удара кровоизліяніе. La loi saxonne оцѣниваетъ четыре выбитыхъ зуба въ 3 шиллинга [5]); пораненіе носа въ 3 шиллинга; за срѣзанные у ребенка волосы, могли получить съ обидчика 45 су. Этотъ сравнительно большой штрафъ (вспомнимъ, что la loi salique назначалъ за убійство раба 45 су) мотивировался тѣмъ, что франки очень дорожили длинными волосами, какъ украшеніемъ воина. Этотъ послѣдній штрафъ не касался до дѣтей рабовъ, такъ какъ рабы и ихъ дѣти должны были брить себѣ голову. Во всѣхъ этихъ законодательствахъ замѣчается большая мелочность въ опредѣленіяхъ штрафа, но въ общемъ, цѣна человѣку ставилась немногимъ выше цѣны животнаго.

Еще не такъ давно, а именно въ XIII вѣкѣ въ Швеціи цѣна на жизнь человѣка стояла не очень высоко; за убіеніе шведа полагался штрафъ въ 13 марокъ [6]), за датчанина или норвежца полагалось 9 марокъ, за англичанина — 7 марокъ, за раба—3 марки, а иногда и дороже, смотря по его физической силѣ. Довольно своеобразный штрафъ назначался за убитаго во время

---

[1]) La loi salique—сводъ обычаевъ древнихъ франковъ, пришедшихъ въ Галлію до ихъ обращенія въ христіанство.

[2]) Су—пять сантимовъ—1,8 коп.

[3]) La loi des Ripuaires—законы древнихъ обитателей береговъ Рейна. (ripa—берегъ).

[4]) Frise—провинція Голландіи.

[5]) Шиллингъ—около 47 коп.

[6]) Марка—46 коп.

общаго обѣда; всѣ присутствующіе обязаны были уплатить семьѣ убитаго поровну по 9 марокъ По шведскимъ законамъ, убійство изъ-за мщенія не преслѣдовалось въ томъ случаѣ, если оно совершено впродолженіе 24-хъ часовъ съ момента нанесенія обиды; въ противномъ же случаѣ убійство разбиралось народнымъ судомъ (ting), и то только тогда, когда жаловался родственникъ убитаго. Въ этомъ законѣ проглядываетъ та идея, что страстнымъ желаніемъ отомстить человѣкъ можетъ быть одержимъ только на первыхъ порахъ, а уже затѣмъ убійство надо считать сознательнымъ актомъ. У насъ на Кавказѣ кое-гдѣ еще сохранилась расцѣнка пораненій и убійства; такъ напр., грузины расцѣниваютъ между собой разныя увѣчья, какъ-то: порчу ноги, руки, глаза, указательнаго пальца, столь важнаго для спуска курка, и т. д.; у осетинъ размѣръ штрафа опредѣляется величиной раны, измѣряемой числомъ ячменныхъ зеренъ, могущихъ вмѣститься на поверхности раны. Убійство же изъ-за мщенія, вообще на Кавказѣ, не принято считать за преступленіе.—По староирландскимъ законамъ человѣческая жизнь имѣла опредѣленную цѣну, и этой цѣной пользовались какъ единицей для сравненія; такъ напр. о цѣнѣ земли говорили, что она стоитъ столько-то человѣческихъ жизней, въ родѣ того, какъ современные номады говорятъ, что ихъ земля стоитъ столько-то овецъ. Въ этихъ законахъ можно прочесть, что цѣна мужчины равнялась цѣнѣ 7-ми рабынь, а цѣна рабыни равнялась цѣнѣ трехъ головъ рогатаго скота. Подобныя сравненія были въ Ирландіи такъ обыденны, что одинъ миссіонеръ, жившій тамъ въ V вѣкѣ, почему-то нашелъ болѣе удобнымъ въ своемъ отчетѣ вести счетъ лицамъ, которымъ онъ выдавалъ милостыню, не при помощи цифръ, выражающихъ число этихъ лицъ, а при помощи цыфръ, выражающихъ число быковъ, цѣнность которыхъ (считая по столько-то быковъ на лицо) равнялась цѣнности этихъ лицъ.

Не малое вліяніе на обезцѣненіе жизни въ древности имѣли разныя религіозныя суевѣрія и обычаи. У древнихъ семитовъ существовалъ религіозный обычай приносить въ жертву божеству перворожденныхъ дѣтей (библейскій разсказъ объ Авраамѣ). Моисеево законодательство съ трудомъ искоренило у евреевъ этотъ ужасный обычай. Финикіяне и карѳагеняне разъ въ годъ, а также въ тяжелыя годины, прино или въ жертву дѣтей лицъ высшаго сословія. Въ Персіи, въ Египтѣ было опредѣлено количество ежедневныхъ человѣческихъ жертвъ. Во времена Христа, въ Аркадіи приносились богамъ человѣческія жертвы: по всему берегу Средиземнаго моря существовалъ обычай бросать людей въ море, дабы оно не бушевало. Римляне, покорившіе въ I вѣкѣ галловъ, нашли у нихъ человѣческія жертвоприношенія; но тамъ убивали только дѣтей преступниковъ. Эти жертвоприношенія поражали римлянъ, у которыхъ, благодаря императору Августу (I в. до Р. Х.), этотъ обычай былъ уничтоженъ. Но не долго стояла въ Римѣ высокая цѣна на чужую жизнь. Во II в. по Р. Х. императоръ Траянъ возобновилъ гнусный обычай приносить богамъ искупительную жертву, и въ Римѣ снова стали убивать

невинныхъ людей ради того, чтобъ освободить отъ божескаго наказанія людей, чувствующихъ себя виновными. И это продолжалось въ Римѣ до IV вѣка. Такъ думали и поступали не только римляне, но почти что всѣ народы, жившіе въ первые вѣка христіанской эры. Такъ поступали въ XIV вѣкѣ и индѣйцы, среди которыхъ Фердинандъ Кортесъ нашелъ человѣческія жертвоприношенія.

Идея безсмертія въ тѣхъ грубыхъ формахъ, въ которыхъ она проявлялась у малокультурныхъ народовъ, привела самымъ прямымъ путемъ къ обезцѣненію чужой жизни. У древнихъ славянъ мы встрѣчаемъ обычай умерщвлять тѣхъ людей, которые могли бы быть на томъ свѣтѣ полезны умершему. Лѣтъ двадцать тому назадъ французы нашли въ Дагомеѣ обычай періодическаго умерщвленія людей, которые должны были извѣщать умершаго короля о томъ, что подѣлываетъ на этомъ свѣтѣ его преемникъ Беганцинъ 1). Въ Индостанѣ еще весьма недавно сжигали вмѣстѣ съ умершимъ и его вдову.

Говоря объ обезцѣненіи чужой жизни, нельзя не упомянуть и о каннибализмѣ. Вопросъ о томъ, что только голодъ заставилъ людей сдѣлаться людоѣдами, все болѣе и болѣе теряетъ подъ собой почву; во-первыхъ, уже потому, что человѣкоподобныя обезьяны, по преимуществу, всѣ фруктиворы; а затѣмъ, дикари, въ случаѣ голода, вообще говоря, питаются червями, личинками, корнями, муравьями и проч., но только не человѣческимъ мясомъ; кромѣ того, замѣчено, что каннибализмъ находили именно тамъ, гдѣ дикарю жилось вовсе не голодно, какъ напр. въ богатой странѣ верхняго Конго; и наконецъ, палеонтологія, хотя и даетъ намъ кости человѣка, обглоданныя зубами, но чьими—человѣка или животнаго, неизвѣстно. Новѣйшій подходъ къ разъясненію каннибализма основывается не на физической, а скорѣй на психологической почвѣ. Между каннибалами весьма сильно распространено суевѣріе такого рода: если съѣшь, напр., глаза хорошо видящаго человѣка, то пріобрѣтешь его острое зрѣніе; или, если съѣшь его уши, то пріобрѣтешь его тонкій слухъ, и т. д. Это повѣріе прямо вытекаетъ изъ несложной психики дикаря. А развѣ не то же повѣріе существуетъ и нынѣ у жителей Абрузовъ (южная Италія), которые отрѣзаютъ уши у чуткихъ собакъ и даютъ ихъ ѣсть другимъ собакамъ, стерегущимъ ихъ стада? Намъ думается, что скиѳы, сарматы, скандинавы и друг., считавшіеся когда-то каннибалами, ѣли человѣческое мясо не изъ удовольствія, а для того, чтобы пріобрѣсть качества убитаго; такъ что весьма распространенное мнѣніе, что каннибализмъ вытекалъ изъ религіознаго убѣжденія, т. е., что дикарь, считая человѣческое мясо вкуснымъ, желалъ, посредствомъ убіенія человѣка принести пріятную жертву божеству.

Какъ-то дѣлается жутко, когда вспомнишь средніе вѣка—эту эпоху наиболѣе пышнаго расцвѣта всякихъ суевѣрій, которыя обезцѣнили жизнь донельзя! Сколько тысячъ людей были сож-

1) Беганцинъ умеръ въ прошломъ году.

жены на кострахъ только изъ-за суевѣрія, что они, заключивъ союзъ съ чортомъ, сдѣлались колдунами, и все это творилось ad majorem Dei gloriam, т. е. для большей славы Бога!

А какъ въ общемъ относилась средневѣковая церковь къ безнаказанно совершаемымъ убійствамъ?

Въ IX вѣкѣ, во время феодализма, церковь пробовала вмѣшиваться въ распри враждующихъ между собой феодаловъ, уговаривала ихъ не проливать кровь хотя бы только во время поста, по воскресеньямъ и въ день Рождества; но при дикости нравовъ того времени, проповѣдь церкви имѣла малый успѣхъ. Въ XI вѣкѣ церковь добилась того, что впродолженіе 230 дней въ году феодалы должны были избѣгать кровопролитія; но это исполнялось далеко не всѣми. Въ XIII вѣкѣ Людовикъ Святой пришелъ на помощь церкви и установилъ сорокадневный въ году срокъ, въ продолженіе котораго всякое убійство подлежало уже суду. Это была первая, оказанная церкви серьезная государственная помощь, это была первая мѣра, которая дѣйствительно ограничивала произволъ мстителя и выдвинула на первый планъ идею законной отвѣтственности, о которой до тѣхъ поръ не было и рѣчи.

Намъ кажется не совсѣмъ справедливымъ, приписывать средневѣковой церкви значеніе, какъ исключительно только тормозившей нравственное развитіе. Въ общемъ, она была, конечно, жестка къ людямъ и, не смотря на прошедшіе со временъ Христа пятнадцать вѣковъ, понимала весьма узко христіанскую идею; но несмотря на то, она все-таки относилась къ душегубству иногда съ меньшимъ жестокосердіемъ, чѣмъ государство. Благодаря исключительнымъ личностямъ, стоящимъ въ ея главѣ, ей приходилось не разъ возбуждать вопросъ о смягченіи наказанія за убійство; она просила замѣнить казни или отлученіемъ отъ церкви, или покаяніемъ, или пилигримствомъ, или постомъ, такъ что ей приходилось не разъ выказывать себя учрежденіемъ, стоящимъ гораздо выше, чѣмъ судъ мірской. На введенное въ то время церковью анаѳематствованіе надо смотрѣть, какъ на прогрессивную мѣру, способствовавшую смягченію нравовъ; эта мѣра, хотя и вела за собой суровыя послѣдствія, но она даровала преступнику жизнь.

Факты, приведенные нами въ этомъ очеркѣ изъ области давнопрошедшаго душегубства, приводятъ насъ къ такому выводу, что сознаніе человѣка не только на своей зарѣ, но еще и не такъ давно работало далеко не въ духѣ человѣчности,—и что чувство человѣчности только и начинается тамъ, гдѣ человѣкъ начинаетъ цѣнить жизнь другаго. Предоставляемъ самому читателю сдѣлать выводъ, насколько сильно развито такое христіанское чувство въ современномъ такъ называемомъ культурномъ обществѣ.

А. А. Берсъ.

Къ вопросу о богослужебномъ языкѣ.

Въ 14 — 15 №№ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ за 1905-й годъ земскій врачъ М. Богоявленкій помѣстилъ весьма интересную статью о богослужебномъ языкѣ. Посильно, съ своей стороны, сдѣлаемъ по поводу ея нѣсколько кажущихся намъ умѣстными замѣчаній.

Прежде всего нельзя не сознаться, что свѣтскія лица въ самой постановкѣ на очередь нѣкоторыхъ вопросовъ вѣры и церкви и пріемахъ ихъ рѣшенія часто отзывчивѣе и, если угодно, всестороннѣе, чѣмъ лица духовныя въ своей чисто спеціальной области. Взять хотя-бы вопросъ о богослужебномъ языкѣ. Литература его ужъ не такъ велика и обильна, какъ требуется то его существенной важностью. Кромѣ того, самое рѣшеніе его, по крайней мѣрѣ, до послѣдняго времени было нерѣдко предзапятымъ. Сошлись многіе на томъ, что славянскій языкъ для русскаго богослуженія неотмѣнно важенъ.

Его красота, образность, торжественность и величіе (не всегда врочемъ, и не всѣми понимаемыя и признаваемыя) долго затѣняли свободное и разумное разсмотрѣніе и рѣшеніе вопроса о его дѣйствительной умѣстности и необходимости.

Глубоко вѣрна мысль г-на Богоявленскаго, что мы, духовные, съ дней младенчества живемъ въ атмосферѣ славянскаго языка. Выростая и учась, мы все болѣе осваиваемся съ нимъ, какъ своимъ неизбѣжнымъ спутникомъ. Служа же, мы прямо поглощаемся имъ и временами не только говоримъ съ примѣсью славянизмовъ, но даже и думаемъ какъ-бы по-славянски.

Такой взглядъ на славянскій языкъ, какъ на привычный, *родной*, чрезъ сильный логическій скачекъ мы переносимъ на мірянъ. Чрезъ то и становимся во взаимное съ ними непониманіе, и, при самыхъ добрыхъ и искреннихъ порывахъ, иногда говоримъ такъ, что насъ, духовныхъ, не понимаютъ.

Незнакомыхъ съ статьей Богоявленскаго отсылаемъ къ подлиннику. Лично-же наше впечатлѣніе отъ нея таково, что съ приводимыми въ ней доводами и соображеніями о необходимости для русскаго богослуженія русскаго-же языка нельзя не

согласиться. И только, въ дополненіе къ нимъ, прибавимъ отъ себя нѣсколько замѣчаній изъ долголѣтней уже законоучительской практики, близко соприкасающейся съ вопросомъ о богослужебномъ языкѣ.

Большинство законоучителей опытно убѣждены въ томъ, что на введеніе малолѣтнихъ школьниковъ въ курсъ хоть нѣсколько сноснаго пониманія церковно-славянскихъ словъ и выраженій уходитъ много золотого времени. Работа измѣряется здѣсь цѣлыми мѣсяцами, если не годами. Не заходя далеко, остановимся хотя на одной изъ самыхъ первыхъ изучаемыхъ молитвъ. Она къ тому-жъ читается или поется предъ началомъ уроковъ. Молитва эта „Царю небесный“ Взять хотя-бы ея первыя, только что приведенныя слова. Знакомому съ оборотами церковно-славянскаго языка сразу видно, что здѣсь употреблена форма звательнаго падежа. Втолкуйте-же малюткѣ школьнику подобную форму и отучите его отъ привычнаго, со словъ неграмотныхъ родителей, чтенія „царю небесному“. А между тѣмъ слѣпые, ведя слѣпыхъ, по своему правы. Обычный способъ мышленія не знающему тонкостей языка сроднаго, но не родного, подсказываетъ прилагательное по падежу согласовывать съ существительнымъ.

Идемъ дальше. „Иже вездѣ сый“. Что здѣсь казалось-бы непонятнаго? Между тѣмъ мудренаго въ этомъ оборотѣ рѣчи хоть отбавляй. Надо-же втолковать, прямо вдолбить въ память и сознаніе, что „*иже*“ значитъ: который, какой (ни малѣйшаго звукового сходства!) и *сый* — находящійся (опять никакого звукового совпаденія. И еще: „вся исполняяй“. Исполнить — всякій естественно мыслитъ какъ совершить, окончить. Возвысить пониманіе школьника до исполняяй, какъ наполняющій, не значитъ-ли механически втолковать ему совсѣмъ другое, отнюдь не сродное значеніе слова.

Вселися въ *ны*, очисти *ны*. Что здѣсь похожаго на русское *часъ?* Весьма мало, или почти ничего.

Для примѣра, на выдержку, мы привели краткую общеизвѣстную молитву.

А сколько темнаго, непонятнаго встрѣчается въ другихъ молитвахъ? Кромѣ мудреныхъ для пониманія отдѣльныхъ словъ, самый строй славянской рѣчи затемняетъ пониманіе смысла. „Достойно есть яко воистину блажити тя, Богородице“. Смыслъ проясняется только по установкѣ подлежащаго на свое мѣсто: Ты, Богородица, вполнѣ достойна похвалы.

И такъ, безъ преувеличенія, почти въ каждой молитвѣ. Отсюда самыя добрыя усилія законоучителя ввести школьниковъ въ сознательное пониманіе молитвъ разбиваются о необходи-

мость чисто механическаго заучиванія значенія отдѣльныхъ словъ и выраженій.

Иное было-бы, не приходилось-бы преодолѣвать такихъ трудностей, затрачивать столько труда и времени, еслибы текстъ молитвъ заучивался на русскомъ родномъ языкѣ.

Съ другой стороны, если даже такіе вѣроисповѣдные азы, какъ общеупотребительныя молитвы, такъ мало понятны для простого непосредственнаго воспріятія, что сказать тогда о собственно церковномъ составѣ православно-русскаго богослуженія? Что даютъ уловимаго для сознанья вѣрующихъ, напр., стихиры на Господи воззвахъ, на стиховнѣ, ирмосы, каноны и другія трогательныя по содержанію, но мало понятныя по изложенію молитвы и пѣснопѣнія? Поистинѣ вѣрующая душа переживаетъ здѣсь цѣлый трагизмъ.

При самой усердной попыткѣ простеца, да и вообще міряпина, разобраться во всемъ этомъ, въ моментъ чтенія и пѣнія, приходится ему часто стать въ рѣшительный тупикъ.

При сильной молитвенной напряженности, ему ничего не остается, какъ обратиться къ попутной, независимой отъ церковнаго чтенія и пѣнія, сердечной умной молитвѣ; при настроенности-же менѣе повышенной, мысли его бродятъ вдалекѣ.

Послѣ этого нельзя не сказать, что славянскій языкъ, какъ домашне-молитвенный и церковно-богослужебный, мы хранимъ прямо по традиціи, но не по необходимости. Приведу одно подходящее сюда сравненіе.

Какъ мертвымъ капиталомъ, владѣя драгоцѣннѣйшей жемчужиной — своимъ роднымъ, богатѣйшимъ по выраженію тончайшихъ изгибовъ мысли, языкомъ, упорно хранимъ и съ убыткомъ для себя пускаемъ въ оборотъ изветшавшій отъ времени камень. Пора-же переоцѣнить эти цѣнности въ мѣру ихъ дѣйствительной стоимости и значенія!

Въ противномъ же случаѣ, обрекая на новую неподвижность этотъ живой вопросъ вѣрующаго сознанія, мы, пастыри, не уподобимся-ли осужденнымъ Господомъ фарисеямъ, которые сами не входили въ Царство Божіе и другимъ затворяли его? Будемъ же свѣтомъ міра не только мерцающимъ, а горящимъ и свѣтящимъ?

И если когда, то теперь, на зарѣ свободной, сознательной жизни, при переломѣ многихъ укладовъ ея, вопросъ о понятномъ богослужебномъ языкѣ становится кардинальнымъ.

Г-ну же Богоявленскому слава и честь, что онъ во-время по этому вопросу возвысилъ свой честный, прямой и убѣжденный голосъ.

Свящ. Іаковъ Тимофеевъ.

Закавказскіе сектанты „ѣговисты“.

Въ г. Александрополѣ (Эриван. губ.) въ почтовый ящикъ было опущено закрытое письмо по адресу:

Г. Борисоглѣбскъ. Его В—дію г-ну уездному начальнику [1]).

„Г. уездный начальникъ“, ознакомившись съ содержаніемъ письма, переслалъ его въ Тамбовскую духовную консисторію.

Такъ какъ письмо и приложенная къ нему рукопись не безполезны, по нашему мнѣнію, для лицъ, интересующихся мало изслѣдованной въ наукѣ сектой „Общества Десныхъ“, или „Сіонской Вѣсти“, или „ѣговистовъ“, то мы и помѣщаемъ ихъ на страницахъ „Миссіонер. Обозрѣнія“.

I. Письмо. Изъ человѣколюбія моего посылаю вамъ сіе неизреченное благовѣстіе отъ богосвятыхъ пророковъ Ѣговы; прошу васъ, благоразумный читатель, или читательница, обратить ваше вниманіе на сей голосъ призывающаго всякаго человѣка къ безсмертію. А по прочтеніи сего всевѣчнаго благовѣста Божія, пожѣлаете еще слѣдующихъ книжекъ, то обращайтесь Закавказъ, въ городъ Александрополь.

Григорій Бѣлоусовъ Ѣговистъ.

II. Рукопись. Благовѣстіе (страшное и отрадное) всѣмъ царствамъ, народамъ и племенамъ отъ Бога святыхъ пророковъ, или обнаруженіе самыхъ главныхъ тайнъ изъ сатанинскихъ глубинъ [2]), и какой конецъ сатанѣ и всѣмъ сатанистамъ его.

К. с. 14—6.

1890 г. [3]).

Эпиграфъ. Пришедшаго съ востока, я возбужду на сѣверъ, и онъ возвѣститъ *всѣмъ* народамъ имя мое и общечеловѣческую истину: дабы я, придя не истребилъ-бы *всѣхъ* людей до единаго. (Ис. 41—25, 26; 42—6, 1; Мал. 4—5, 6).

Кто устоитъ противъ всѣхъ страшныхъ принужденій и адски хи-

---

[1]) Орѳографія подлинника сохранена нами.

[2]) „К. с.“ 2 — 24; 13—8. („К. с.“ т. е. „книга съ неба“ или Апокалипсисъ).

[3]) Такъ озаглавлена рукопись. 1890 годъ — годъ ея составленія, такъ какъ она носитъ на себѣ слѣды свѣжаго письма и, очевидно, переписана съ подлинника, вышедшаго въ 1890 году. *Прим. изд.*

трыхъ замановъ отъ всемірно-братской вѣры въ отдѣльныя и къ отступленію отъ моихъ повелѣній въ Книгѣ съ Неба, тому я буду Богомъ, а онъ будетъ мнѣ сыномъ и дамъ ему посидѣть *со мной* на тронѣ моемъ 1): говоритъ Богъ святыхъ пророковъ Ѣгова 2).

I.

Іудей.

Наша іудейская вѣра 3) есть самая истинная.

Всемірный Свѣтитель.

Вѣроятно потому ваша вѣра есть истинная, что іудеи противятся Ѣговѣ, со времени исхода ихъ изъ Египта и до днѣсь, и потому-то убивали и убиваютъ всѣхъ посланниковъ къ нимъ отъ Него 4), да и самого Ѣгову 5) и въ продолженіи 4000 лѣтъ раздѣлились на многія адски-безчеловѣчныя толки или секты 6) и ни за что не хотятъ отстать отъ сатаны и возвратиться къ Ѣговѣ также, какъ возвратились къ нему 10 колѣнъ вашихъ или израильтяне, которыхъ Ѣгова спряталъ въ Арсаретѣ 7) отъ сатанинскихъ талмудовъ и христіанствъ, еще за 700 л. до Р. Хр. См. 3 (4) Ездр. 13—40, 48; Зах. 1—3; Ис. 65—2; 6—9, 10; 66—6; Іез. 2—2, 6; 3—26, 27 К. с. 2—3; 3- 9; Мат. 23—33; 3—7.

II.

Христіанинъ.

Только христіанская вѣра 8) есть истинная.

Всемірный Свѣтитель.

Вѣроятно, потому она есть истинная, что христіанская вѣра началась раздоромъ у самихъ Апостоловъ 9) и съ легкой руки Апостоловъ христіане

---

1) „К. с.“ 21—6, 7; 3—21.

2) Это предвѣчно-дивное и *спасительное* Имя Ему открыто въ 1-й разъ Моисею; см. 2 М. 6—2, 3; 15—3; Ос. 12—6; Іоил. 3—5.

3) Которая-же изъ 10?

4) Или всѣхъ святыхъ пророковъ. Мѳ. 23, 31—38.

5) См. IV въ открытіи тайнъ и у Зах. 12—19; 14. Когда евреи увидятъ *Меня* (ЗХ) *пронзеннаго*, то учредятъ трауръ въ каждомъ изъ колѣнъ, какой былъ у нихъ при Гададъ-Римонѣ на Магеддэйской равнинѣ.

6) А вѣдь раздѣляется только ложь, а не истина?

7) См. 3 Ездр. 13, 45.

8) Которая изъ 666?

9) Гал. 2—11, 14; Дѣян. 21—20, 26; 11—3 (К. с. 2—2); и многіе христіане отпали отъ Ап. Павла и пристали къ Ап. Іоанну и Поликарпу и отъ этого отпаденія произошла секта субботниковъ (?!), т. е. христіанъ, празднующихъ субботу и Пасху по іудейски (?! не по іудейски, а *одновременно* съ іудеями, Пасха же была христіанская), которыхъ папа Викторъ проклялъ (?) вмѣстѣ со свят. Поликарпомъ (не Поликратомъ ли?)—помощникомъ Ап. Іоанна (!). А кромѣ сего Ап. Петръ, въ противность повелѣнію Ѣговы (?) ходилъ къ язычникамъ и осквернился ихъ пищею (Мат. 10—5; 15—24, 1—23; 3 М. 11, 44—45; Дн. 11—3; К. с. 2—20) и на разные толки разрушали Синайскій законъ Ѣговы, въ противность Мат. 5, 17—18; Лк. 16—17.

начали раздѣляться на разные адски-враждебные толки или секты [1]) и началось страшно-безчеловѣчное гоненіе одной секты другою и въ продолженіи 1860 л. были замучены, убиты и даже сожжены живыми многіе милліоны христіанъ христіанами-же, что, какъ видите, совершается и нынѣ. А потому надо полагать, что самымъ сильнымъ доказательствомъ истинностей христіанства и іудейства вы признаете то, что всѣ христіанскія и іудейскія секты противятся Ёговѣ (или Іісусу Христу) и ни за что не хотятъ исполнять повелѣній его въ книгѣ съ неба, — или не вѣрятъ сказанному имъ въ „К. с." 1, 1—3; 22—6, 7; 9—17; 21—8, 27; 22—15; 20—15, и Мат. 25, 31—46; и потому не видятъ [2]), что посредствомъ такого разновѣрнаго и адски-злодѣйскаго христіанства и безчеловѣчнаго іудейства нынѣ сатана превратилъ и *все* человѣчество въ погибельное мракобѣсіе см. „К. с." 12—12; 13—8, 11—15; 17—2, 8; 18—3; 23, 24; 19—2; 2 Т. и М. 3—1 13; Ис. 60, 2—3; Іуд. 1—9; Мат. 6—24; Рим. 8, 8—5.

III.

Іудей и христіанинъ.

Такъ что-же на это говоритъ Ёгова?

Всемірный Свѣтитель.

А говоритъ такъ: Вотъ я начинаю творить *все* новое; а именно: іудеевъ и христіанъ предамъ проклятію [3]), какъ самыхъ злѣйшихъ враговъ моихъ [4]), и на мѣсто ихъ наберу себѣ *новыхъ* рабовъ, и новыхъ рабовъ моихъ назову *новымъ* именемъ, Ёговистами; сатану-же закую въ цѣпи и ввергну въ глубокій провалъ [5]), а противящихся мнѣ сатанистовъ [6]) истреблю страшными казнями [7]); сей земной планетѣ дамъ новый видъ [8]), миръ и благоденствіе и воцарюсь на ней съ новыми рабами своими [9]) на 1000 лѣтъ. „К. с." 20—4; и I, II и III въ «Призывѣ», 10).

IV.

Іудей и христіанинъ.

Такъ какую же вѣру мы должны принять въ нынѣшнюю всемірно-погибельную годину искушенія, или во время сего всемірнаго мракобѣсія? К. с. 3—10, 11; 2 Тим. 3—1, 13.

---

1) Которыхъ нынѣ стало 666 (?!).
2) К. с. 3—17, 18; Ис. 6—9, 10; 48—4.
3) Ис. 67—15, 17; 62—2; Мт. 25—41; К. с. 21—8; 22—15; 3—16.
4) Наум. 1—2; К. с, 2—9; 3—9.
5) Въ А—іи. К. с. 20—2, 3.
6) «И всѣхъ любящихъ и исполняющихъ ложь». К. с. 21=8; 22—15.
7) И даже огнемъ съ неба. Іез. 39—6; К. с. 18—8; 17—16; 11—18; 2—22 23; 19—20, 21; 16—9, 11; 14—10.
8) Посредствомъ землетрясенія. Америка-же провалится въ океанѣ.
9) Присоединенными къ 144,000 новозавѣтныхъ израильтянъ. К. с. 7—4, 8; 14—1, 4; Ис. 19—24, 25; Мѳ. 8—11, 12.
10) «Призывъ»—рукопись, извѣстная у іеговистовъ подъ именемъ: «призывъ всѣхъ смертныхъ людей къ безсмертію». *Прим. изд.*

Всемірный Свѣтитель.

Ай, ай! Какъ вы сильно оглушены и ослѣплены, что даже и послѣсихъ ясныхъ вѣщаній Божіихъ, вы не услышали и не увидѣли, что *всякая* вѣра *безполезна* человѣку! Мат. 25—31, 46; 1 Кор. 15, 29; 2 Кор. 1—9. Як. 2—19; К. с. 13—8; 2 Кор. 4—4.

Іудей и христіанинъ.

А что-же полезно человѣку?

Всемірный Свѣтитель.

Безсмертіе: ибо сдѣлаться безсмертнымъ нѣтъ ничего драгоцѣннѣе на всѣхъ *безчисленныхъ* солнцахъ, планетахъ и кометахъ въ *безконечномъ* пространствѣ.

Іудей и христіанинъ.

Да, это такъ! Такъ какъ-же намъ сдѣлаться безсмертными?

Всемірный Свѣтитель.

Прочитайте Божію книжку: „Призывъ всѣхъ смертныхъ людей къ безсмертію".

Іудей и христіанинъ.

Чистосердечно воскликнули: „благодаримъ васъ, всемірный свѣтитель отъ Бога, за такое наидрагоцѣннѣйшее открытіе намъ!" и поклонились Всемірному Свѣтителю до земли.

Всемірный Свѣтитель.

Братія, человѣки! что вы это дѣлаете? Неужели вы не видите, что я такой же человѣкъ, какъ и вы? За *приближеніе* васъ къ безсмертію благодарите Самого Бога безсмертія Ѣгову или Іисуса Христа, а не Меня!

V.

Повелѣніе отъ Ѣговы.

Самому главному противнику Его, или всеіудейскому раббину, Ротшильду во Франкфуртѣ. Осыпанный брильянтами адски хитрый талмудантъ сатанинскихъ глубинъ [1]), заталмудывающій іудеевъ на смерть, 4000-лѣтнимъ талмудомъ Творца смерти: чтобы никто изъ нихъ не сдѣлался безсмертнымъ [2]).

Богъ святыхъ пророковъ [3]), убитыхъ іудеями, Ѣгова повелѣваетъ

---

[1]) К. с. 2—24, 2; 3—9.
[2]) Ис. 28—15; 59—13.
[3]) К. с. 22—6; Іер. 7—25.

тебѣ чрезъ Меня: чтобы Ты далъ перевесть на всѣ языки [1]) это благовѣстіе Его и разослалъ-бы оное къ іудеямъ во всѣ главные города по всему міру, съ повелѣніемъ имъ отъ Ѣговы: чтобы они съ восторгомъ и не страшась и не *жалѣя* ничего разлавали-бы оное всякимъ христіанамъ и подобнымъ имъ угодникамъ Богу и мамонѣ [2]); ибо спасеніе всѣмъ чрезъ іудеевъ. Ін. 4—22; Ис. 56—6, 7.

И при семъ повелѣно напомнить тебѣ, что если ты, въ сей послѣдней битвѣ Ѣговы съ сатаной, исполнишь это повелѣніе Ѣговы, то онъ сдѣлаетъ тебя не только безсмертнымъ, но и свѣтящимся, какъ небесныя звѣзды [3]); но если ты въ угоду сатанѣ не исполнишь оное [4]), то ты будешь проклятъ на всю нескончаемую вѣчность также, какъ и даѳановцы, авироновцы, сауловцы, давыдовцы, ахавовцы, иродовцы и всѣ гонители св. пророковъ и апостоловъ, или какъ всѣ угодники Богу и Гогу. Мат. 6—24; Рим. 8—5, 8.

VI.

Ура и аллилуія! Тебѣ, предвѣчный человѣкъ, Ѣгова, воскрешающій мертвыхъ за это разрушеніе Тобою всѣхъ сатанинскихъ вѣръ или угожденій Богу и Гогу: пушками и штыками, звонами и сладкогласными тонами, старинными и новомодными обрядами и нарядами, разрушеніемъ братолюбно-единительной заповѣди твоей, духовнымъ и брюховнымъ вельможествомъ, или порабощеніемъ, деспотизмомъ и богатствомъ, загонкою душъ въ рай [5]) разноцѣнными панихидами, индульгенціами [6]) траурами и сидѣніемъ и лежаніемъ на твердомъ, долгобормотаніемъ казенныхъ молитвъ [7]), постройкою молитвенныхъ храмовъ, школъ и блудилищъ, принесеніемъ великихъ жертвъ, празднованіемъ и постами и даже доскопоклонствомъ и здохломольствомъ [8]) и глотаніемъ сифилиса изъ золотой чаши! К. с. 17—4.

VII.

Слышите-ли: цари, вельможи и богачи, папы 3-хъ Римовъ, патріархи, далай-ламы, брамы и шейхъ-хульсламы [9]), и чудотворны раббины и великіе богословы: караимскіе и іерусалимскіе, православные и лѣвославные, протестантскіе и сбокустантскіе (?), дониконіанскіе и дубинопетровскіе (?), окружные и противуокружные, коренные и пристяжные (?), уніатскіе и

---

[1]) Или по крайней мѣрѣ на 143.

[2]) Ибо сущность всякой отдѣльной вѣры состоитъ въ угожденіи Богу и мамонѣ или сатанѣ.

[3]) Дан. 12, 3.

[4]) Но какъ-же Ротшильдъ исполнитъ, если „благовѣстіе“ вмѣсто него попало къ „г. уѣздному начальнику“ г. Борисоглѣбска; а сей переслалъ его опять таки не къ Ротшильду, а въ Тамбов. духовн. консисторію, которая отнюдь не склонна принять на себя полномочія Ротшильда?! *Изд.*

[5]) „Въ самый бездонный край“—(но вѣдь и по К. с. древо жизни или безсмертія „посреди рая Божія“—см. 2—7, 22—14; если же по вашему „благовѣстію“ рай лежитъ въ пропасти, то въ эту-то бездну и ведетъ ваше „благовѣстническое безсмертіе“).

[6]) Прощеніемъ грѣховъ и злодѣйствъ.

[7]) Или 40 сороковъ разъ. “Господи помилуй“.

[8]) К. с. 9—20, 21.

[9]) Шейхъ-уль-исламъ — толкователь Корана, верховный блюститель обрядовъ и законовъ въ Турціи. *Прим. изд.*

единовѣрческіе, мормонскіе и молоканскіе, штундистскіе и духовѣрческіе, подрѣзанные и отрѣзанные (?)?

Нѣтъ, не слышите: ибо сатана наглухо заклеилъ уши ваши его истинными вѣрами, патріотическими и житейскими законами, похоти смертной плоти! Рим. 8—5, 8; Як. 4—4; 1 Ін. 2—15; К. с. 2—20; 17—2; 18—3, 23, 24; 19—2; 13—8; 11—15; 2—2, 24; 3—9; 16—18; Ис. 1—10; 16; Іер. 7, 22, 26; 25—4!

Ну, такъ и не слышите, ажъ до самаго Армагеддона! [1]). К. с. 22—11. Аминь.

„Всемірный Свѣтитель, посланный отъ Ѣговы, Илія".

Адресъ такой: по Пермь-Тюменской ж. д., ст. и зав. Баранча: Данилу Михайлову Дерябину или Павлѣ Васильевнѣ Дерябиной.

Безъ сомнѣнія, приведенное нами „благовѣстіе" принадлежитъ перу „ѣговиста". Въ этомъ насъ убѣждаютъ какъ пропагандистъ „благовѣстія" Бѣлоусовъ, именующій себя „ѣговистомъ", такъ особенно содержаніе самаго „благовѣстія", составитель котораго называетъ „новыхъ рабовъ Ѣговы" также „ѣговистами" (см. III гл. „благовѣстія").

Скажемъ нѣсколько словъ о лицѣ писаеля. Авторъ „благовѣстія"—нѣкій „всемірный свѣтитель, посланный отъ Ѣговы, Илія". Полагаемъ, что этотъ „Илія"—никто иной, какъ извѣстный основатель секты „Общества Десныхъ" или „Сіонской Вѣсти"—штабсъ-капитанъ артиллеріи Николай Созонтовичъ Ильинъ. Хотя составленіе рукописи помѣчено 1890-мъ годомъ, но Ильинъ въ этомъ году еще *былъ живъ и „благовѣстіе" могло быть однимъ изъ* его послѣднихъ сочиненій: не потому-ли и къ Ротшильду онъ обращается съ словами: „если ты въ сей *послѣдней* битвѣ" (очевидно, что Ильинъ давалъ *послѣднюю* битву врагу „безсмертія" и проигралъ ее!..) [2]). Правда, послѣдніе годы Ильинъ проживалъ въ г. Ригѣ, или Митавѣ, а въ указанномъ „Ильею" адресѣ помѣщенъ: „заводъ Баранча" (Перм. губ.). Но это мы объясняемъ тѣмъ, что Ильинъ предпочиталъ хранить и разсылать свои сочиненія изъ мѣста своей первоначальной дѣятельности, каковымъ и былъ Баранчинскій заводъ, куда къ своимъ адептамъ онъ и предлагаетъ читателямъ „благовѣстія" обращаться за полученіемъ другихъ его сочиненій. Если же обратимъ вниманіе на то, что „Илія" именуетъ себя „Свѣтителемъ", отъ слова—„свѣтъ", любимаго Ильинымъ, напр., въ его главномъ сочине-

---

1) Армагеддонъ—см. Апокалипсисъ 16, 16. *Прим. изд.*

2) Догадка издателя въ данномъ случаѣ едва-ли основательна, такъ какъ временемъ послѣдней битвы Ильинъ называлъ вообще настоящее или свое время. См. «Мисс. Об.» 1900, Дек., 690; 1901, Сент. 208—209. *Прим. ред.*

ніи: „Лучъ свѣта разсвѣта“ 1), и что вразумительныя посланія къ заграничнымъ евреямъ также были въ духѣ Ильина и, наконецъ, что въ письменномъ обращеніи Бѣлоусова къ „г. уѣздному начальнику“ Илія выступаетъ въ роли ересіарха „ѣговистовъ“, какимъ былъ Ильинъ, то опять прійдемъ къ заключенію, что авторомъ даннаго „благовѣстія“ былъ именно штабсъ-капитанъ Ильинъ, и что написалъ онъ его въ мѣстѣ своего послѣдняго жительства—въ г. Ригѣ, или Митавѣ. Тогда же въ послѣдніе годы своей жизни, Ильинъ присвоилъ своимъ адептамъ и званіе „ѣговистовъ“.

Что касается „ѣговиста“ Григорія Бѣлоусова (не псевдонимъ-ли?), то послѣдній останавливаетъ на себѣ наше вниманіе лишь потому, что даетъ поводъ заключать о перелетѣ „Сіонской вѣсти“ съ Уральскихъ горъ въ предѣлы Закавказья, гдѣ она пропагандируется имъ. Почему же Бѣлоусовъ вздумалъ осчастливить Тамбовскую губ. „непзреченнымъ благовѣстіемъ“?—неизвѣстно. Ужъ не родомъ ли онъ изъ Борисоглѣбскаго уѣзда, богатаго разными сектами и, между прочимъ, субботниками, подъ какимъ именемъ извѣстны въ народѣ и „іеговисты“? Если послѣднее—открытый вопросъ, то посѣщеніе Закавказья „вѣстью съ Сіона“—безспорно.

Перейдемъ теперь къ вопросу объ ученіи „Иліи“ по его „благовѣстію“. Главнымъ источникомъ вѣроученія „Иліи“ служитъ „Книга съ неба“, т. е. Апокалипсисъ св. Ев. Іоанна Богослова. Отсюда онъ беретъ тему для своего „благовѣстія“—„обнаруженіе самыхъ главныхъ таинъ изъ сатанинскихъ глубинъ“ (сравн. Апокал. II, 24)—и здѣсь же находитъ для себя повелѣніе возвѣстить его „всѣмъ царствамъ, народамъ и племенамъ“ (ср. Апокал. XIV, 6). Въ доказательство правоты своего ученія онъ ссылается преимущественно на „Книгу съ неба“ и въ „неисполненіи повелѣній Ѣговы (т. е. Іисуса Христа), заключающихся въ *Книгѣ съ Неба*, видитъ самый тяжкій грѣхъ іудеевъ и христіанъ. Кромѣ Апокалипсиса, авторъ приводитъ цитаты и изъ всѣхъ—каноническихъ и неканоническихъ священныхъ книгъ Ветхаго Завѣта, особенно изъ книгъ св. пророковъ, находя въ нихъ повелѣнія „Ѣговы“ въ неповрежденномъ видѣ 2). За новозавѣтнымъ же св. писаніемъ, кромѣ Апокалипсиса, онъ не признаетъ

---

1) См. «Правосл. Собес.» 1867 г. Май—Іюнь.

2) Собственно на основаніи „Благовѣстія“ такого вывода сдѣлать нельзя; несогласенъ этотъ выводъ и съ прежде добытыми результатами изслѣдованія сочиненія Ильина. См. «Мисс. Обозр.» 1900, Дек.; Февр., 272 690; 1901. Іюль—Авг., 19; Сент., 215. *Ред.*

божественнаго авторитета и относится къ нему не только критически, но даже презрительно, уча, что апостолы извратили въ немъ ученіе „Ѣговы“; посему, если пользуется имъ, то рѣдко и притомъ въ цѣляхъ бичеванія христіанъ ихъ же оружіемъ 1).

Все вѣроученіе „Иліи“ запечатлѣно духомъ крайняго и поразительно-кощунственнаго отрицанія главнымъ образомъ христіанства, а затѣмъ іудейства 2). Всячески глумясь надъ вѣроученіемъ православной церкви, онъ доходитъ до отрицанія и издѣвательства надъ всякимъ вообще христіанствомъ. Повелѣнія „Ѣговы“ или „Іисуса Христа“, по его мнѣнію, извращены Апостолами, которые „на разные толки разушали Синайскій законъ Ѣговы“. Апостолы же *первые* положили начало сектамъ въ христіанствѣ и послѣднее съ этого времени стало ложью, ибо „раздѣляется только ложь, а не истина“. „Съ легкой руки Апостоловъ и всѣ христіане начали раздѣляться на разные адски-враждебные толки или секты, которыхъ нынѣ стало „666“.— Бичуетъ Илія и іудеевъ-талмудистовъ 3), насчитывая у нихъ до 10 „адски-безчеловѣчныхъ толковъ или сектъ“, появившихся вслѣдствіе противленія ихъ „Ѣговѣ“ и угожденія „сатанинскому Талмуду Творца Смерти“. „Посредствомъ сатанинскихъ Талмудовъ и христіанствъ, посредствомъ адски-злодѣйскаго христіанства и безчеловѣчнаго іудейства нынѣ, пишетъ Илія, сатана превратилъ и все человѣчество въ погибельное мракобѣсіе“, по сему „Ѣгова предастъ проклятію іудеевъ и христіанъ, какъ самыхъ злѣйшихъ враговъ своихъ.

Казалось, что Илія, упившись хулой на христіанство и іудейство, укажетъ людямъ на новую, единственно-истинную вѣру... Однако, на вопросъ своихъ собесѣдниковъ: „такъ какую же вѣру мы должны принять въ нынѣшнюю, всемірно-погибельную годину искушенія, или во время сего всемірнаго мракобѣсія“? онъ отвѣчаетъ, что „для новыхъ рабовъ Ѣговы“, носящихъ „новое имя Ѣговистовъ“, не нужно никакой вѣры, ибо „всякая вѣра безполезна человѣку“ и даже болѣе того—вредна, такъ какъ „сущность всякой отдѣльной вѣры состоитъ въ угожденіи Богу и мамонѣ или сатанѣ“ и исходитъ она „отъ сатаны“, въ рукахъ

---

1) Т. е. такъ же, какъ пользуется цитатами и Ветх. Завѣта. *Ред.*

2) Только ли!? Издатель самъ далѣе соглашается, что „Благовѣстіе« отрицаетъ не христіанство и іудейство только, а всякую вѣру и религію. *Ред.*

3) Слова «талмудистъ»—«талмудить» имѣютъ у іеговистовъ свое спеціальное значеніе. „Мисс. Об.“, 1901, Іюль—Ав., 20; 1900, Дек., 690; Февр., 273. *Ред.*

котораго является сильнымъ орудіемъ въ борьбѣ его съ „Ёговою“.

Полное отрицаніе „всякой вѣры“, не только всѣхъ существующихъ, но и всякой *новой*, необходимой для *всего* рода человѣческаго, вытекаетъ у „Иліи“ изъ его положительнаго религіознаго міросозерцанія. По ученію „благовѣстія“, въ мірѣ происходитъ борьба двухъ началъ—Творца безсмертія съ Творцомъ смерти. Творецъ „безсмертія“—„Ёгова“ не есть Богъ въ христіанскомъ или іудейскомъ смыслѣ, а „человѣкъ“, отличный отъ обычныхъ людей только тѣмъ, что онъ „человѣкъ предвѣчный“, т. е. прежде вѣковъ одаренъ безсмертіемъ и имѣетъ силу и власть „воскрешать“ другихъ людей. Такимъ образомъ по существу своей природы „Ёгова“—простой человѣкъ, ибо и каждый человѣкъ можетъ сдѣлаться безсмертнымъ; но только „Ёговѣ“ безсмертіе присуще въ максиміальной степени; посему только онъ сохранилъ свое „предвѣчное“ безсмертіе и избыткомъ безсмертной силы можетъ побѣждать Творца Смерти. Той же силой (иной у него нѣтъ по „благовѣстію“) безсмертія „Ёгова“ творитъ землю [1]) и, посредствомъ землетрясенія, даетъ „сей земной планетѣ новый видъ“, проваливаетъ Америку въ океанъ, истребляетъ сатанистовъ, заключаетъ сатану въ глубокій провалъ и воцаряется съ своими новыми рабами на землѣ, гдѣ водворяетъ миръ и благоденствіе. Можно думать, что по ученію „благовѣстія“ и весь родъ человѣческій сотворенъ „предвѣчнымъ человѣкомъ—Ёговой“ [2]), но, какъ одаренный силой безсмертія въ меньшей степени, онъ палъ въ борьбѣ съ сатаной. Когда совершилось первое паденіе людей—„благовѣстіе“ не говоритъ; но іудеи впервые пали по исходѣ своемъ изъ Египта. До сего же времени они исполняли повелѣнія „Ёговы“ и, слѣдовательно, должны были остаться „безсмертными“. Если же мы не видимъ ихъ въ живыхъ, то это, быть можетъ, потому, что и ихъ „Ёгова“ скрылъ „въ Арсаретѣ“ отъ „сатанинскихъ талмудовъ и христіанствъ“, а также потому, что „сія земная планета“ еще не измѣнена, чтобы быть пригодной для обитанія ихъ на ней.

„Творцомъ смерти“ является сатана. Какъ „творецъ смерти“, онъ былъ раньше ея; а такъ какъ смерть въ мірѣ отъ вѣка, то

---

[1]) О твореніи земли въ „Благовѣстіи“, да и вообще у Ильина рѣчи нѣтъ. „М. О.“ 1900, Февр. 279. *Ред.*

[2]) Что-то не видится такого ученія не только въ „Благовѣстіи“ но и вообще у іеговистовъ. „М. Об.“ 1900, Февр., 273—275.—Нужно думать, что они держатся въ данномъ пунктѣ чисто-матеріалистическихъ воззрѣній. *Ред.*

и сатана также, какъ и „Ѣгова“—предвѣченъ. По самой своей природѣ онъ врагъ „безсмертія“ и борется съ „Ѣговою“ и его рабами—людьми, увлекая послѣднихъ, посредствомъ „разныхъ истинныхъ вѣръ, патріотическихъ и житейскихъ законовъ“ въ царство смерти.

При такомъ ученіи „благовѣстія“ о двухъ царствахъ, неудивительно, что „ѣговисты“ не должны имѣть никакой вѣры, ибо „всякая вѣра ведетъ въ царство Творца смерти—сатаны“. Одно, что только нужно „ѣговистамъ“—это безсмертіе, къ которому зоветъ „Ѣгова“ іудеевъ и чрезъ нихъ всѣхъ смертныхъ людей.

Не рѣшая вопроса: „какъ сдѣлаться безсмертнымъ“, Илія рисуетъ намъ въ „благовѣстіи“ самое „безсмертіе“, хотя въ чертахъ преимущественно отрицательныхъ. Такъ, съ положительной стороны, безсмертіе „ѣговиста“ состоитъ въ 1000-лѣтнемъ чувственномъ наслажденіи „міромъ и благоденствіемъ“, которые водворятся на „сей земной планетѣ“ съ воцареніемъ на ней „предвѣчнаго человѣка—„Ѣговы“. Съ отрицательной же, безсмертіе—царство „Ѣговы“, съ наступленіемъ котораго прекратится на землѣ „все человѣческое погибельное мракобѣсіе“; исчезнутъ „сатанинскіе талмуды и христіанства“; „іудеи и христіане будутъ преданы проклятію и истреблены смертными казнями“ и, наконецъ, самъ „сатана будетъ скованъ и введенъ въ въ глубокій провалъ“, а съ нимъ погибнутъ и „всѣ его сатанинскія истинныя вѣры, и патріотическіе и житейскіе законы“, удовлетворяющіе лишь „похотямъ смертной плоти“ и, „угождающіе лишь Богу и Гогу“. „Миръ и благоденствіе“ на землѣ состоятъ въ полномъ отсутствіи у людей „всякой вѣры“ и „законовъ“, регулирующихъ и охраняющихъ общественную и государственную жизнь народовъ. Царство абсолютнаго безвѣрія и безначалія и въ то же время „братолюбнаго единенія“, или равномѣрнаго пользованія земными благами—вотъ царство „Ѣговы—предвѣчнаго человѣка“!.. Полная анархія и соціализмъ—вотъ девизъ „ѣговистовъ“. Но рисуемый въ „благовѣстіи“ идеальный общественный строй на „сей земной планетѣ“, правда, обновленной, настолько утопиченъ, что напоминаетъ собой бредъ горячечной головы. И пусть бы „ѣговисты“ ждали прежде „новаго вида сей земной планеты“, а потомъ уже возвѣщали свое „отрадное благовѣстіе“; но нѣтъ—ихъ обуяла ревность не по разуму и они стремятся противъ воли своего же „Ѣговы“ насадить его царство на „*сей* земной планетѣ“ въ *неизмѣнномъ* видѣ! Посему и „благовѣстіе“ ихъ не—„отрадное“, а „странное“!..

И. Айвазовъ.

Бесѣда съ хлыстами (нынѣ именующими себя общиной „Новый Израиль“) о воплощеніи Господа Іисуса Христа.

По пріѣздѣ въ хуторъ, среди жителей котораго имѣлись хлысты, я попросилъ сектантовъ придти въ храмъ для собесѣдованія. Къ назначенному времени въ храмѣ собрались православные, желавшіе послушать бесѣду. Пришли и сектанты, но съ видимой неохотой; между ними былъ мѣстный хлыстовскій „пророкъ“; пришло нѣсколько женщинъ — хлыстовокъ.

Предъ бесѣдой я по обычаю заявилъ православнымъ и сектантамъ, что желаю совмѣстно со всѣми собравшимися почитать для общаго назиданія св. Писаніе и разобрать въ немъ нѣкоторыя мѣста.

— Прочтите 4 главу 1 Посл. Іоанна и объясните, сказалъ одинъ изъ хлыстовъ.

Всѣ пропѣли „Царю Небесный“, помолились.

Я прочелъ:

„Возлюбленные! не всякому духу вѣрьте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они, потому что много лжепророковъ появилось въ мірѣ. Духа Божія (и духа заблужденія) узнавайте такъ: всякій духъ, который исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, есть отъ Бога. А всякій духъ, который не исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога, но это духъ антихриста, о которомъ вы слышали, что онъ придетъ и теперь есть уже въ мірѣ“ (ст. 1 — 3)... Довольно? обратился я къ сектанту.

— Довольно.

Я объяснилъ:

— По ученію, данному отъ Бога, Господь Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, есть истинный Богъ и истинный Человѣкъ (1 Тим. 2, 5; 3, 16). Если бы Христосъ былъ простымъ человѣкомъ, или если бы онъ былъ Богомъ, но не былъ бы и человѣкомъ, Онъ не совершилъ бы нашего спасенія (Псал. 48, 8; Евр. 5, 8 — 10). Христосъ былъ Богочеловѣкъ, Богъ, пришедшій во плоти. Эту мысль и утверждаетъ здѣсь Апостолъ.

Что значитъ:... „пришедшаго во плоти“? Если я *сейчасъ* хожу предъ вами, то про меня можно сказать: человѣкъ — ходящій, а если я былъ и ушелъ, то говорятъ: — пришедшій и ушедшій. О Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ такъ сказано: „нисшедшій Онъ же есть и восшедшій превыше всѣхъ небесъ, дабы наполнить все“ (Ефес. 4, 10). По ученію Апостоловъ мы должны исповѣдывать того Христа, „Который, восшедъ на небо, пребываетъ одесную Бога“ (1 Петра 3, 22) на небесахъ...

Я увидѣлъ, что сектанты смотрѣли на меня съ насмѣшливыми улыбками. Изъ среды ихъ послышалось:

— Нисшелъ (ни-сшелъ), значитъ, Онъ и не сходилъ!

— Небеса что означаютъ?

Я сказалъ:

— Если, положимъ, я умру и послѣ меня будетъ миссіонеромъ батюшка, другое это будетъ лицо?

— Другое.

— А Христосъ единъ?

— Единъ.

— А у васъ, когда умретъ вашъ Христосъ, вы ставите другого?

— Должность одна...

— А лицо другое. Это — не по Божьи. Вѣдь сказано, что нужно исповѣдывать Христа „пришедшаго во плоти“, а не „приходящаго во плотяхъ“. Христосъ—*Единородный* Сынъ Божій (1 Посл. Іоанна 4, 9). Небеса я понимаю такъ, какъ понимаютъ всѣ люди. Этимъ словомъ, во первыхъ, означается видимое небо; во вторыхъ, оно означаетъ и невидимое, отдѣльное отъ земли, мѣсто пребыванія Бога, ангеловъ и святыхъ. По вашему „небеса“ это люди, да?

— Какъ вы объясните слова: „небеса проповѣдуютъ славу Божію“? 1).

— Я объясняю эти слова такъ, какъ учитъ писаніе. Невидимое Божіе, вѣчная сила Его и Божество чрезъ разсматриваніе твореній видимы (Римл. 1, 20) и въ этомъ смыслѣ, творенія, въ томъ числѣ и небеса, говорятъ намъ о славѣ Божіей.

По вашему Христосъ есть сейчасъ во плоти на землѣ?

— Онъ всегда съ нами.

— Гдѣ онъ живетъ? 2)

— Этого мы вамъ не скажемъ; Сынъ Человѣческій— не имѣетъ, гдѣ главы преклонить 3).

---

1) Псал. 18, 2.

2) Хлыстовскимъ „христомъ“ мѣстныхъ общинъ, какъ мнѣ довелось узнать, состоялъ за послѣднее время нѣкто П. М. Рахичевъ, проживавшій весной сего года въ г. Ростовѣ.

3) Матѳ. 8, 20.

— Позвольте, я вамъ прочту о Христѣ изъ св. Писанія по порядку, сказалъ я.

— Писаніе мы завсегда готовы слушать, сказалъ хлыстовскій „пророкъ“.

— Кто измѣнитъ ученіе св. Евангелія, тотъ — анаѳема (Гал. 1, 8).

— Такъ, сказалъ пророкъ, и мнѣ показалось, что глаза его заискрились внутреннимъ смѣхомъ.

— Въ Дѣяніяхъ апостольскихъ такъ сказано: Господь Іисусъ Христосъ послѣ того, какъ сказалъ Апостоламъ, что время, въ которое Богъ возстановитъ царство Израилю, неизвѣстно людямъ, и обѣщалъ ученикамъ Своимъ Св. Духа, „поднялся въ глазахъ ихъ и облако взяло его изъ вида ихъ. И когда они смотрѣли на небо, во время восхожденія Его, вдругъ предстали имъ два мужа въ бѣлой одеждѣ и сказали имъ: мужи Галилейскіе! Что вы стоите и смотрите на небо? Сей Іисусъ, вознесшійся отъ васъ на небо, пріидетъ такимъ же образомъ, какъ вы видѣли его восходящимъ на небо“ (1, 9—11).

Сказано было Апостоламъ отъ Ангеловъ, что Сей Іисусъ, Который жилъ на землѣ и Котораго облако скрыло изъ вида учениковъ, пріидетъ тѣмъ же путемъ... Когда Господь пріидетъ? Какъ узнать Его пришествіе, когда оно совершится? Нѣтъ ли Его теперь?

Самъ Христосъ на эти вопросы далъ ясные отвѣты. „И приступили къ Нему ученики наединѣ и спросили: скажи намъ, когда это будетъ и какой признакъ Твоего пришествія и кончины вѣка? Іисусъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: берегитесь, чтобы кто не прельстилъ васъ: ибо многіе придутъ подъ именемъ Моимъ и будутъ говорить: я Христосъ, и многихъ прельстятъ“... Я прочелъ 24 главу отъ Матѳея до 33 стиха, повышая голосъ на слѣдующихъ стихахъ: „Тогда, если кто скажетъ вамъ: вотъ здѣсь Христосъ, или тамъ, не вѣрьте; ибо возстанутъ лжехристы и лжепророки“...

„Вотъ Я напередъ сказалъ вамъ. Итакъ, если скажутъ вамъ: вотъ Онъ въ пустынѣ, не выходите; вотъ Онъ въ потаенныхъ комнатахъ, не вѣрьте“... ибо какъ молнія исходитъ отъ востока и видна бываетъ даже до запада, такъ будетъ пришествіе Сына человѣческаго. И вдругъ послѣ скорби дней тѣхъ солнце померкнетъ, луна не дастъ свѣта своего, и звѣзды спадутъ съ неба и силы небесныя поколеблются; тогда явится знаменіе Сына Человѣческаго на небѣ; и тогда восплачутся *всѣ* племена земныя и *увидятъ* Сына Человѣческаго, грядущаго на облакахъ небесныхъ съ силою и славою великою“. (Матѳ. 24, 8 — 33)...

Нѣкоторыя женщины среди слушателей тихо плакали.

— Что, указанныя Господомъ знаменія Его второго пришествія были? обратился я къ народу.

— Нѣтъ, не были,—отвѣтили мнѣ.

— Значитъ и второго пришествія Христова еще не было. Первое пришествіе Христа на землю было, второе будетъ, его мы ожидаемъ; такъ учитъ Апостолъ: „Христосъ, *однажды* принесши Себя въ жертву, чтобы подъять грѣхи многихъ, *во вторый разъ явится* не для очищенія грѣха, а для *ожидающихъ* Его во спасеніе (Евр. 9, 28).

Въ собесѣдованіе вступили женщины — хлыстовки.

— Вы, стало быть, безъ Христа теперь? сказала одна.

Какъ же сказано, что Христосъ — изъ рода въ родъ, вчера, днесь, Той же и во вѣки? *).

— Чистые сердцемъ видятъ Бога, замѣтила другая.

— Господь сказалъ: вотъ Я съ вами во всѣ дни до скончанія вѣка (Матѳ. 28, 20). Онъ всегда пребываетъ съ истинно вѣрующими въ Него, но какъ — видимо, или невидимо? И не сказано въ Писаніи: чистые сердцемъ „видятъ“ Бога, а написано: „узрятъ“ (Матѳ. 5, 8), т. е. увидятъ въ будущемъ.

Вы какъ считаете: св. Ап. Петръ имѣлъ Духа Божія? спросилъ я собесѣдницъ.

— Считаемъ, имѣлъ.

— Онъ такъ пишетъ отъ лица всѣхъ Апостоловъ: о семъ (т. е. о спасеніи, готовомъ открыться въ послѣднее время) радуйтесь, поскорбѣвши теперь немного отъ различныхъ искушеній, дабы испытанная вѣра ваша оказалась драгоцѣннѣе гибнущаго, хотя и огнемъ испытываемаго золота къ похвалѣ и чести и славѣ въ явленіе Іисуса Христа, Котораго *не видѣвши* любите, и Котораго, *доселѣ не видя*, но вѣруя въ Него, радуетесь радостью неизреченною и преславною, достигая наконецъ вѣрою вашею спасенія душъ“ (1 Петр. 1, 6 — 9). И самъ Христосъ Спаситель сказалъ: „блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе“ (Іоанна 20, 29).

Я говорю такъ, какъ учили Господь и Апостолы: мы любимъ Христа не видѣвши (1 Іоанна 4, 20; Матѳ. 25, 37 — 40. 44 — 45); вѣруемъ въ Него, доселѣ Его не видя.

— Кто видитъ, а кто не видитъ, сказалъ „пророкъ“.

— Вы не видите и нехай, пусть не видите! рѣзко воскликнула одна изъ хлыстовокъ.

— Вы видите?

— Мы видимъ.

— У васъ значитъ ученіе не апостольское, а — свое?

---

*) Прем. Сол. 7, 28. Евр. 13, 8.

— Пусть будетъ свое, сказалъ хлыстъ. Вы постройте намъ Церковь?

— Я, признаться, не понимаю: чего вы хотите?.. Чего онъ требуетъ? обратился я къ близъ меня стоящему православному.

— Онъ проситъ васъ показать, изъ кого составлена теперь Церковь? объяснили мнѣ.

— Церковь составлена изъ пастырей стада Христова и вѣрующихъ во Христа членовъ.

— А глава то есть у васъ? торжествующимъ тономъ сказалъ „пророкъ“.

— Я вамъ уже сказалъ, что Христосъ пребываетъ въ Церкви невидимо. Изъ кого состоитъ видимая Церковь, ясно показано у Ап. Петра: „пастырей вашихъ“, пишетъ онъ, „умоляю я, сопастырь и свидѣтель страданій Христовыхъ и соучастникъ въ славѣ, которая должна открыться, пасите Божье стадо, какое у васъ, надзирая за нимъ не принужденно, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но изъ усердія, и не господствуя надъ наслѣдіемъ Божіимъ, но подавая примѣръ стаду; и когда *явится* Пастыреначальникъ, вы получите неувядающій вѣнецъ славы“ (1 Петр. 5, 1 — 4). Мы вѣруемъ такъ же, какъ Апостолы: Церковь состоитъ видимо изъ пастырей и стада Христова, а Пастыреначальникъ — Христосъ, не сказано: живетъ въ плоти на землѣ, а — „явится“.

Я пригласилъ всѣхъ помолиться. Православные спѣли „Отче Нашъ“. Сектанты подтягивали, но крестнаго знаменія на себя не клали.

Послѣ молитвы я продолжалъ:

— Апостолы ожидали пришествія Господа по Его вознесеніи на небо. Мы желаемъ слѣдовать христіанскому ученію: и мы должны ожидать.

— Ну, вы и ожидайте, а мы дождались.

— Гдѣ же въ писаніе сказано, что Христосъ будетъ вѣчно во плоти на землѣ?

— Вы все равно не поймете, сказалъ хлыстовскій „пророкъ“. Сказано. утаилъ отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ младенцамъ 1).

— Вы науки прошли, и вамъ этого не увидать, а намъ открыто, сказалъ другой сектантъ.

— Спаситель сказалъ ученикамъ: „что говорю вамъ въ темнотѣ, говорите при свѣтѣ; и что на ухо слышите, проповѣдуйте на кров-

1) Матѳ. 11, 25.

ляхъ“ (Матѳ. 10, 27). Почему вы не хотите показать доказательства своего ученія?

— Прочтите 15 главу 1 Посл. къ Коринѳянамъ, сказалъ „пророкъ.

Я попросилъ прочесть одного изъ православныхъ.

Всѣ слушали.

Когда чтеніе дошло до 6 ст., сектантъ воскликнулъ:

— Видите, изъ которыхъ большая часть донынѣ въ живыхъ? значитъ, и теперь должны быть люди, которые видятъ Христа, пришедшаго во плоти.

— Апостолъ Павелъ жилъ въ 1-мъ столѣтіи послѣ Рождества Христова. Когда онъ писалъ первое посланіе къ Коринѳянамъ, нѣкоторыя лица, бывшія свидѣтелями явленій Господа, дѣйствительно, были еще живы. А теперь когда уже 18 вѣковъ прошло послѣ того времени, о которомъ писано, лица эти — Апостолы Петръ, Іоаннъ и другіе — уже умерли.

— Прочтите, пожалуйста, всю главу, попросилъ я чтеца.

Я остановилъ вниманіе сектантовъ и слушателей на ст. 13 — 14. 19, 53.

— Вы не признаете, что Христосъ воскресъ, вознесся на небо, вы — въ этой жизни имѣете у себя Христа, на котораго уповаете, сказалъ я сектантамъ, по Апостолу — вѣра ваша тщетна, вы — во грѣхахъ и несчастнѣе всѣхъ человѣковъ, если въ этой только жизни надѣетесь на Христа. Писаніе учитъ насъ надѣяться на Христа въ будущей жизни. Мы теперь живемъ надеждой (1 Кор. 13, 13).

„Надежда же, когда видитъ, не есть надежда, ибо если кто видитъ то чего ему и надѣяться? Но когда надѣемся того, чего не видимъ, тогда ожидаемъ въ терпѣніи“ (Римл. 8, 24 — 25).

Для вѣрующихъ въ царствіи небесномъ не будетъ смерти не будетъ слезъ, печали. Здѣсь, на землѣ — скорби и печали, здѣсь все — преходяще.

Кто отвергаетъ небесную жизнь, загробную, отдѣльную отъ земли, суетна вѣра того человѣка! А мы — православные вѣруемъ, что Христосъ воскресъ, воскреснемъ и мы и „тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе, смертное сіе — въ безсмертіе“, ожидаемъ воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка!

— Скажите намъ: что значитъ, что человѣкъ — храмъ Духа? — спросилъ меня одинъ изъ сектантовъ.

Во св. Писаніи есть мѣста, въ которыхъ сказано, что человѣкъ, тѣло его и вѣрующіе суть храмъ Духа Божія (1 Кор. 6, 19. 2 Кор. 6, 16 и др.). Когда свѣтитъ солнце, оно отражается и на морской дали, и въ рѣкѣ, и въ капляхъ росы; но море, рѣка и роса не есть

солнце. Богъ проявляется и въ жизни тварей, и обитаетъ благодатію въ сердцѣ вѣрующаго, но человѣкъ — не то же, что Богъ.

— А всетаки вѣрно, что Богъ обитаетъ съ чистыми душой? спросилъ лжепророкъ.

— Вѣрно.

— Ну, вотъ, и мы такъ понимаемъ. Больше ничего. Кто живетъ, какъ должно,— въ томъ — Богъ.

— Закончимъ, братія, нашу бесѣду, сказалъ я. Что въ сердцѣ того человѣка, который живетъ свято, обитаетъ Богъ, — это вѣрно. Но вѣрно и то, что „если кто скажетъ вамъ: вотъ тутъ Христосъ, вотъ — тамъ, вотъ — Онъ въ пустынѣ, вотъ — Онъ въ потаенныхъ комнатахъ, не вѣрьте, не выходите“! и нынѣ мы любимъ Христа, исповѣдуемъ, что Онъ приходилъ на землю, пришелъ и восшелъ отъ земли, вѣруемъ въ Него, не видя Его во плоти. Такъ насъ учитъ Евангеліе. А кто учитъ по своему, тотъ отлученъ отъ Церкви Христовой!

Сектанты молчали и на лицахъ наиболѣе рьяныхъ изъ нихъ по прежнему играли загадочныя, высокомѣрно-насмѣшливыя улыбки.

Бесѣда была закончена пѣніемъ „Спаси, Господи, люди Твоя“.

— Завтра прошу васъ опять придти на собесѣдованіе, сказалъ я сектантамъ.

— Завтра мы не придемъ, сказалъ главарь, полиціей развѣ потянете, тогда другое дѣло.

— Воля ваша *); я *прошу* придти.

Я прочелъ народу 2 Θессалон. 3, 6. 14—16, роздалъ брошюры. Сектанты и народъ стали расходиться.

Настроеніе послѣ бесѣды у меня было тяжелое. О, эта косность, тупость заблужденія! Сколько мученій она доставляетъ миссіонерствующей братіи!

Батюшка послѣ бесѣды пригласилъ меня къ себѣ.

Меня встрѣтила бывшая на бесѣдѣ и заблаговременно пришедшая домой матушка:

— Ну, чего вы съ ними колотитесь? Мнѣ васъ, право, жаль стало. Я бы на вашемъ мѣстѣ...

---

*) Когда я еще по пріѣздѣ на службу представлялся епархіальному высокопреосвященному, владыка, благословляя меня, сказалъ: «къ полицейскимъ мѣрамъ отнюдь не прибѣгайте». По милости Господней до сего времени мнѣ не приходилось и, Богъ дастъ, не придется — отступать отъ этого завѣта архипастыря.

Она не договорила.

Я и самъ не зналъ, что я долженъ бы сдѣлать на своемъ мѣстѣ, чтобы повліять на нихъ. Я понималъ, что слова, произносимыя мной, въ пониманіи хлыстовъ имѣли совершенно другой смыслъ. Что нужно было бы сдѣлать, чтобы разсѣять эту тьму хлыстовщины и вернуть ихъ въ кругъ яснаго пониманія свѣтлой евангельской истины? Мнѣ даже приходилъ въ голову вопросъ: что сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ кто либо изъ Апостоловъ? и послушали ли бы они его?

Нужно поступить въ ихъ общину, расплакаться вмѣстѣ съ ними? тогда... но для этого нужно очень много... и что въ концѣ концовъ выйдетъ изъ этого?

Чувствовалось тоскливо.

Я рѣшилъ на другой день сдѣлать еще попытку къ вразумленію моихъ духовныхъ паціентовъ.

Д. Граціанскій.

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.

Церковная каѳедра и политическія партіи.

(По поводу „Мнѣній и отзывовъ“ „Церков. Вѣстника“ № 50, 1905 г.).

«Братіе, болѣе и болѣе старайтесь дѣлать твердымъ ваше званіе и избраніе: такъ поступая никогда не преткнетесь». (2 Петр. 1, 10).

Авторъ „Мнѣній и отзывовъ“ „Церковнаго Вѣстника“ (№ 50 1905 г.), надо думать, коснулся вопроса объ отношеніи „церкви къ политикѣ“, съ намѣреніемъ „захватить его въ принципіальной глубинѣ“, и совершенно запуталъ его. Вопросъ этотъ всю свою жгучесть имѣетъ теперь не въ общей постановкѣ — *объ отношеніи христіанина къ вопросамъ земного блага*, а въ формѣ *конкретнаго отношенія правящей и учащей церкви* къ той или другой *политической партіи*. И мѣшать во едино то и другое, чтобы вообще сказать по смѣшанному вопросу одно „да“ или одно „нѣтъ“—просто недоразумѣніе. Въ первой постановкѣ вопросъ рѣшается безусловнымъ „да“, во второй—самымъ категорическимъ „нѣтъ“. Между тѣмъ, „Церковный Вѣст.“, не поинтересовавшись сложностью вопроса, выноситъ по нему общее „да“, обвѣшавъ его тоже общими фразами, въ которыхъ никто не нуждается.

„Мнѣнія и отзывы“ начинаются разговоромъ „объ отношеніи *духовенства* къ политикѣ, или объ участіи церкви въ процессѣ политическаго и соціально-экономическаго развитія человѣчества“. И узко, и широко. Церковь и духовенство—понятія, кажется, разныя. Разнымъ можетъ быть и участіе „въ процессѣ политическаго и соціально-экономическаго развитія человѣчества“. Святители русской церкви, оказавшіе нашему государству и народу незабвенныя заслуги въ „собираніи Руси“, и владыки новгородскіе, съ крестомъ въ рукахъ

усмирявшіе мятежи „въ городѣ воли дикой и буйныхъ силъ“, несомнѣнно, дѣлали „политику“ Россіи. Но и Рысаковъ, Кибальчичъ, Перовская и комп. 1 марта 1881 г., какъ и московскіе мятежники минувшаго декабря, тоже вѣдь „участвовали въ процессѣ политическаго и соціально-экономическаго развитія человѣчества“. Но, думается, характеръ участія въ политикѣ первыхъ и вторыхъ существенно разнится. Дѣлать политику, насаждая въ странѣ сѣмя Христовой правды и любви, далеко не тоже, что участвовать въ ней съ обрывками только неустойчивой и разнорѣчивой человѣческой науки, а при случаѣ и съ бомбой въ рукахъ по адресу противниковъ. Отношеніе церкви къ той и другой политикѣ можетъ и должно быть только противоположнымъ. „Церков. Вѣстникъ“ не разграничилъ этихъ политикъ, и помимо того, что даетъ посему ложное освѣщеніе статьямъ въ разныхъ духовныхъ журналахъ, посвященнымъ этому вопросу, призываетъ церковь къ участію въ политикѣ.

Упомянувъ объ участіи церкви въ политикѣ въ давно прошедшія времена, онъ пишетъ:

„Суть дѣла нисколько не мѣняется оттого, что старая историческая политика рѣшала проблему внѣшней государственной централизаціи и усиленія монархической власти, а новѣйшая политика занята проблемой народовластія и соціализаціи экономическаго строя. Перемѣнились только программы и методы творчества, но цѣль — *общенародное благо*—осталась прежняя.

Любопытно бы узнать со страницъ академическаго органа, призывающаго церковь къ участію въ политикѣ для „общенароднаго блага“, какую изъ современныхъ политическихъ партій онъ считаетъ наиближайшею къ этой цѣли. Мы думаемъ, это было бы интересно и для призываемыхъ. Общія мѣста давно надоѣли намъ. Мы хотѣли бы руководства по отношенію къ живой конкретности. Ни одна, вѣдь, изъ многаго множества нашихъ политическихъ партій, начиная съ соціалъ-революціонной и кончая крайней правой, не признается, что она де не имѣетъ въ виду „общенароднаго блага“; а посему церковь—разъ она сойдетъ съ своей настоящей политической позиціи, — что „ищущимъ прежде Царствія Божія и правды Его“ все необходимое для жизни „приложится“ (Мѳ. VI, 33),—и перейдетъ на детальную критику разныхъ политическихъ партій по разуму человѣческому, она скоро запутается въ земномъ мусорѣ и вмѣсто мира послужитъ враждѣ. Чисто-политическое обсужденіе современнаго состоянія Россіи пастыре-учительною церковью открываетъ церковную каѳедру для пропаганды самыхъ противоположныхъ политико-экономическихъ понятій. У нашихъ духовныхъ отцовъ общей почвы не окажется и всякій изъ нихъ съ церковнаго амвона воленъ будетъ исповѣдывать свои собственныя гражданскія убѣжденія. А потому вполнѣ возможно,

что ex cathedra въ одной и той же церкви „для общенароднаго блага“ митрополитъ будетъ проповѣдывать въ духѣ партіи центра, а его викаріи—одинъ въ духѣ соціалъ-демократіи, другой—партіи правового порядка, третій — „черной сотни“, а протодіаконъ, „честно“ проводя свои соціалъ-революціонныя чаянія, откажется отъ церковнаго возглашенія многолѣтія Царствующему Дому, и возгремитъ „благоденственное и мирное житіе, здравіе же и спасеніе... и на враги поспѣшеніе“... Хрусталеву-Носарю. Такой или подобный образъ можетъ принять церковная „политика“ и по всѣмъ градамъ и весямъ св. Руси. Раздѣленіе въ церкви для „общенароднаго блага“ можетъ дойти въ такомъ случаѣ до самыхъ кощунственныхъ формъ. И „на мѣстѣ святѣ станетъ мерзость запустѣнія“. Истинно-православный христіанинъ возгнушается тою церковью, гдѣ онъ, въ жаждѣ успокоенія отъ треволненій и дрязгъ мірского житія, будетъ искать небеснаго глагола мира и любви, а найдетъ только земной крикъ партійнаго раздѣленія и вражды.

Въ „Церк. Вѣстн.“ пишется:

„Если церковь, руководимая вѣрнымъ инстинктивнымъ (?) сознаніемъ (!) универсальности своей задачи и любовію къ человѣчеству, не гнушалась прежде *содѣйствовать* его внѣшнему благополучію черезъ «политику», то какое основаніе теперь убѣгать въ пустыню соціальнаго бездѣйствія?“

Если церковь совершитъ такое бѣгство, она совершитъ преступленіе; но не чрезъ „политику“ она можетъ *содѣйствовать*, какъ и раньше содѣйствовала уврачеванію соціальныхъ недуговъ, а словомъ Евангельскаго благовѣстія мира на землѣ и примиренія земли съ небомъ; а къ такому или иному внѣшне-политическому устройству страны это слово безразлично, лишь бы въ немъ, этомъ устройствѣ, наибольше осуществлялись слова молитвы Господней: „Отче нашъ... да пріидетъ *царствіе Твое*, да будетъ *воля Твоя*, яко на *небеси* и на *земли*“. А съ этой точки зрѣнія мы бы затруднились отвѣтить на вопросъ, что ближе подходило къ этому идеалу, напр., въ христіанской Франціи: монархія Карла Великаго, Людовика Благочестиваго и т. п., или же послѣдняя республика въ премьерство Комба, воздвигшаго открытое гоненіе на церковь Божію? Беру полюсы государственнаго устройства. Въ промежуточныхъ его стадіяхъ затрудненія въ этомъ случаѣ еще больше. Поэтому и думается, что церковь только съ евангельскимъ масштабомъ и можетъ подходить къ оцѣнкѣ политики всѣхъ людей отъ царя до раба включительно. Только въ этомъ случаѣ она сохранитъ свою самоцѣнность и вѣрность своему Божественному Главѣ, Спасителю міра.

Самъ же „Церк. Вѣст.“ извѣщаетъ, что „никакая политика, *строго говоря*, *христіанину* не нужна“. Почему бы ему и не держаться

этого идеальнаго представленія о христіанинѣ (и тѣмъ больше о христіанскомъ пастырствѣ, о чемъ онъ и началъ свою рѣчь), не говоря двусмысленностей въ желаніи угодить „и нашимъ, и вашимъ“ и скрыть отъ міра свою христіанскую позицію? Раскольники въ такихъ случаяхъ говорятъ на бесѣдахъ своимъ противникамъ: „ты, братъ, не вертись, а говори дѣло и по строкѣ, чтобы всѣмъ было ясно, что ты поешь“.

Извѣстивъ, что „для христіанина, строго говоря, никакая политика не нужна“, „Церк. Вѣстн.“ продолжаетъ:

„Но идеалъ этотъ воплотится вполнѣ только уже въ царствѣ славы... Догѣхъ поръ, пока земная воинствующая церковь... по необходимости совершаетъ свое поприще въ полосѣ, такъ сказать, компромисса между стихійнымъ противохристіанскимъ порядкомъ вещей и высшимъ христіанскимъ идеаломъ, *членамъ церкви* необходимо идти *въ самую гущу* земныхъ государственно-экономическихъ отношеній и, принося сюда на мѣсто гнета законной необходимости, благодатную свободу и чудо любви, не дозволять земнымъ порядкамъ увѣковѣчивать свое несовершенство, не допускать процвѣтанія власти „князя міра сего“ вопреки славѣ града Божія. Итакъ, пока *мы* еще не святые, мы не имѣемъ права на гордое пренебреженіе интересами политики и экономіи».

Въ этомъ „компромиссѣ“ между „да“ и „нѣтъ“ „Церков. Вѣст.“, можетъ быть, и „захватилъ вопросъ въ его принципіальной глубинѣ“, но только едва ли на тему. Вопросъ ставится не о томъ—обходимо или „необходимо *намъ*, *членамъ церкви*“ въ виду такихъ или сякихъ соображеній „идти въ самую гущу государственно-экономическихъ отношеній... съ благодатной свободой и чудомъ любви“ (и даже съ чисто житейскими интересами), а о томъ, какое отношеніе къ этой „самой гущѣ“, въ видѣ всякихъ политико-экономическихъ партій, должна имѣть теперь наша „соль земли“, нашъ свѣтильникъ „вверху горы стояй“,—наша *пастырская* церковь, которая, по самому своему служенію, должна смотрѣть на вещи съ точки зрѣнія христіанскаго идеала. Въ этомъ случаѣ „компромиссы“ съ „гущей“, необходимые намъ, мірянамъ, должны быть ниже „строителей таинъ Божіихъ“, обручившихся престолу Господню, по скольку Христосъ не былъ и „да“ и „нѣтъ“. Пусть звуки небесной мелодіи отъ алтаря церковнаго и мало слышны будутъ теперь среди дикаго рева грѣховнаго человѣчества, но рано или поздно душа человѣка разслышитъ ихъ, какъ родную пѣсню, опомнится и придетъ подъ „кровъ отчій“. А смѣшайся церковь со „стихіями міра сего“, она потеряна для своей цѣли. И имя ей будетъ: „соль обуявшая“. Думается, ни по какимъ другимъ соображеніямъ, какъ по этимъ, клирикамъ еще въ эпоху вселенскихъ соборовъ воспрещено было „вступать въ распоряженіе мірскими дѣлами“ или „въ мірскій чинъ“ подъ угрозой церковнаго наказанія или даже анаѳемы (4 вс. соб. пр. 3 и 7). „Пренебрегать инте-

ресами политики и экономики" мірскому человѣку („члену церкви"), понятно, невозможно, иначе ему пришлось бы переселяться на луну. И разъясненія на эту тему „Церк. Вѣст.", при всей его учености, ровно никому не нужны. Что теперь настоятельно требуется разъяснить отношеніе церковной каѳедры къ политикѣ въ чистомъ ея видѣ—онъ объ этомъ не проронилъ ни слова. А между тѣмъ, вопросъ объ участіи духовенства въ Государственной Думѣ, и особенно, если она будетъ имѣть значеніе не только законосовѣщательнаго учрежденія, долженъ бы быть для духовной прессы вопросомъ первой очереди.

„Церк. Вѣст." въ виду этого совершенно напрасно слѣдуетъ примѣру „сосѣда Демьяна" и „потчуетъ" читателей „ухой" общихъ до странности разсужденій. „Чѣмъ объяснить,—читаемъ въ немъ,—недомысліемъ или даже лицемѣріемъ—странность нѣкоторыхъ ревнителей церковныхъ интересовъ (?) разлучать навсегда *церковь* и *политику*, когда самыя церковныя учрежденія *имѣютъ деньги*, кладутъ ихъ въ банки, отстаиваютъ свои права путемъ суда и т. п.? Почему же, участвуя въ государственной статикѣ, нельзя участвовать и въ ея динамикѣ?" Это, такъ сказать, ultima ratio „Церк. Вѣстн." по данному вопросу. Но сказалъ ли онъ, что онъ самъ-то разумѣетъ тутъ подъ *церковью* и *политикой*? Заговорилъ онъ объ участіи въ политикѣ духовенства и свелъ рѣчь на участіе въ ней вообще *членовъ* церкви, на „мы". Что онъ понимаетъ подъ *политикой христіанина* — только ли „благодатную свободу" и „чудо любви", которую „членъ церкви" долженъ нести въ „компромиссы между стихійнымъ противохристіанскимъ порядкомъ вещей и высшимъ христіанскимъ идеаломъ" и въ „гущу земныхъ государственно-экономическихъ отношеній на мѣсто гнета законной необходимости", или самые эти „компромиссы" и самую эту „гущу",—трудно понять, несмотря на то, что сказано изъ „принципіальной глубины"? А затѣмъ его основанія. Самыя церковныя учрежденія имѣютъ деньги, кладутъ въ банки, отстаиваютъ свои права путемъ суда и т. п... Это ли не основаніе участвующимъ въ государственной статикѣ, участвовать и въ государственной динамикѣ? Ужели „Церк. Вѣстнику" неизвѣстно, что и Христосъ участвовалъ въ государственной статикѣ: Онъ имѣлъ деньги и даже Своего, такъ сказать, казначея Іуду („бѣ бо воръ"), Онъ велѣлъ воздавать кесарево кесареви; а между тѣмъ отказался отъ раздѣла имѣнія между двумя братьями,—т. е. отъ „гущи" „Церков. Вѣстника"? Или: когда ап. Павла съ Силой въ г. Филиппахъ побили, по приказанію воеводъ, палками и ввергли въ темницу, а затѣмъ тѣ же воеводы прислали городскихъ служителей отпустить ихъ, то „Павелъ сказалъ къ нимъ. насъ, *римскихъ гражданъ*, безъ *суда* всенародно били и бросили въ темницу, а теперь тайно выпускаютъ. Нѣтъ, пусть придутъ и сами

выведутъ насъ... и воеводы, пришедши, *извинились* предъ ними и, выведши, *просили* удалиться изъ города"(Дѣян. гл. 16). Наглядное участіе ап. Павла „въ государственной статикѣ". Но вмѣшивался ли онъ въ чистую политику государства, въ которомъ проповѣдывалъ, участвовалъ ли онъ въ „динамикѣ" по выработкѣ правъ „римскихъ гражданъ" и въ ихъ судебныхъ учрежденіяхъ? Болѣе того, митрополиты, епископы, пресвитеры и діаконы, напр., носятъ платье изъ „тканей, изготовленныхъ средствами капиталистическаго производства" и пьютъ вино; почему бы имъ, по логикѣ „Церк. Вѣстника", не участвовать и въ „динамикѣ" департаментовъ торговли и промышленности и неокладныхъ сборовъ?

Нѣтъ, Церковь, по своей идеѣ, должна быть выше всякой чистой политики, какъ духъ выше плоти и крови, и до себя должна возводить эту политику своимъ идеаломъ, а не сама нисходить до нея, разсуждая по земному. Историческая работа ея въ послѣднемъ смыслѣ (Феофанъ Прокоповичъ и Духовный Регламентъ), быть можетъ, и была одной изъ причинъ „омірщенія" нашей церкви, кислыхъ плодовъ котораго до сихъ поръ намъ не сбыть.

Н. Гринякинъ.

Р-чъ. Открытое письмо гр. Л. Н. Толстому. СПБ. 1905 г. 1—27.

Письмо сплошь, отъ начала до конца представляетъ собой восторженное, исполненное глубокой вѣры исповѣданіе Христа Сыномъ Божіимъ.

Тонъ полемики благородный, задушевный, христіанскій. Преобладаетъ положительное выясненіе истины, въ высшей степени убѣдительное, по мѣстамъ переходящее въ поэтическое прозрѣніе внутренняго смысла идеи Богочеловѣка, ея нравственно-прикладного значенія.

Рекомендуемъ письмо всѣмъ добрымъ христіанамъ, а также и тѣмъ „страстнымъ" полемистамъ, литературное „единоборство" которыхъ часто не столько выясняетъ истину, сколько закрываетъ и затемняетъ ее.

Побольше бы такихъ книжекъ!..

А. Платоновъ.

„Опроверженіе неправды Старообрядческаго Вѣстника".

„Старобрядческій Вѣстникъ" напечаталъ замѣтку подъ заглавіемъ: «Скан далъ въ родильномъ пріютѣ». Въ этой замѣткѣ сообщается, что въ родильномъ пріютѣ въ Н. Новгородѣ родила жена лысковскаго крестьянина Гр. Калинкина. Калинкинъ хотѣлъ взять своего ребенка домой для крещенія, но ему не позволили, такъ какъ новорожденныхъ не отпускаютъ изъ пріюта до извѣстнаго срока, а онъ ждать не хотѣлъ. Для совершенія крещенія ему указана была особая комната, предназначенная спеціально для крещенія всѣхъ новорожденныхъ младенцевъ «неправославныхъ родителей»; сюда ему и разрѣшили привести своего священника для совершенія крещенія надъ новорожденнымъ. Старообрядческій (т. е. австрійскій) свящ. о. Григорій Спиринъ, по зову Калинкина, явившись въ пріютъ, началъ совершать крещеніе.

Такъ скромно, будто бы, начало совершаться крещеніе, но на самомъ дѣлѣ, „Вѣстникъ" лукаво замалчиваетъ нѣкоторыя обстоятельства, предшествовавшія крещенію, а именно: Калинкинъ не пожелалъ крестить своего ребенка въ комнатѣ, которую ему указали, потому что въ ней крестятъ новорожденныхъ младенцевъ „неправославныхъ родителей", католиковъ, протестантовъ и проч. Себя причислить къ сонму неправославныхъ Калинкинъ не пожелалъ, а для крещенія своего младенца избралъ корридоръ, отдѣляющій церковь отъ родильнаго заведенія, гдѣ въ это время хранилась церковная купель. Въ этомъ корридорѣ прямо противъ входа въ церковь старобрядцы и устроили самочинно свою крещальню, а на ручку церковной двери повѣсили свой крестъ; противъ креста поставили купель и стали крестить младенца. Это было 29 августа часа въ четыре; въ это время назначено было крещеніе православныхъ младенцевъ.

И это самочинное крещеніе раскольническаго младенца на порогѣ церкви православной раскольники не считаютъ скандаломъ, и о немъ умалчиваютъ!

А вотъ что они пишутъ далѣе:

О. Григорій началъ совершать крещеніе. Совершеніе сего таинства близилось уже къ концу; о. Григорій приступилъ къ постриженію власовъ крещаемаго, какъ вдругъ врывается православный прот. о. Н. Ф-ій съ такою силою, что крестъ стоявшій у стѣны (а стѣна-то каменная, пять четвертей толщины!) упалъ на полъ. Ничего не говоря, онъ вырвалъ ребенка изъ рукъ о. Григорія (развѣ старобрядческіе попы для постриженія младенца берутъ себѣ на руки?), чуть не поранивъ его ножницами, которыми о. Григорій дѣлалъ постриженіе власовъ младенца. Не успѣли присутствующіе опомниться, какъ ребенокъ исчезъ, а о. Николай, потерявъ всякое приличіе, махалъ руками, топалъ ногами и грозилъ сослать всѣхъ чуть не на каторгу. Собралось (откуда?) много народу! Никакія просьбы присутствующихъ не могли заставить о. Николая дозволить окончить крещеніе.

Сколько лжи и грязной клеветы высказано въ этихъ немногихъ словахъ озлобленныхъ раскольниковъ. А между тѣмъ дѣло было такъ: въ то время, когда раскольники крестили своего младенца, православный причтъ съ воспріемниками собрались въ церковь для крещенія православныхъ младенцевъ. Входъ въ церковь устроенъ съ улицы, съ западной стороны, а съ восточной стороны изъ церкви устроенъ ходъ для прохода въ родильное заведеніе; этимъ ходомъ изъ заведенія носятъ младенцевъ въ церковь для крещенія; этимъ ходомъ и протоіерей ходитъ въ заведеніе для чтенія молитвы родительницамъ и для нареченія имени младенцамъ. Церковная дверь запирается изъ церкви и отворяется въ корридоръ, гдѣ австрійцы противъ дверей крестили младенца. Псаломщикъ отперъ дверь и пошелъ за купелью въ корридоръ, не зная, что тамъ дѣлается; когда онъ отворялъ дверь, крестъ, висѣвшій на дверной ручкѣ, упалъ. Воротившись въ церковь, псаломщикъ оставилъ дверь отворенною и сказалъ протоіерею, что дѣлается за дверью.

Такъ какъ крещеніе младенцевъ иновѣрцевъ, а иногда и ревностныхъ старообрядцевъ-единовѣрцевъ, допускается въ заведеніи безъ вѣдома православнаго причта, то этому случаю протоіерей не придалъ особеннаго значенія и пошелъ въ заведеніе для чтенія молитвы родильницамъ. Изъ церкви протоіерей вышелъ чрезъ отворенную дверь. Этотъ выходъ протоіерея изъ церкви въ корридоръ „Ст. Вѣст.“ и описываетъ: „вдругъ врывается правосл. прот. о. Н. Ф-ій съ такой силою, что крестъ, стоявшій у стѣны, упалъ на полъ!.

Протоіерей спросилъ стоявшаго передъ купелью: „откуда, бат., вы будете?“ Тотъ отвѣтилъ: „я старообрядческій священникъ, съ Нижняго базара“. Протоіерей сказалъ: „снимите ризу и уйдите отсюда; вамъ здѣсь не мѣсто“. Спиринъ сказалъ: я окончу и уйду. Протоіерей ему замѣтилъ: „я васъ прошу снять ризу и уйти отсюда, иначе я приглашу полицейскаго и онъ васъ удалитъ“ Кумъ сказалъ протоіерею: „все одно, мы вамъ не дадимъ крестить“. Протоіерей сказалъ: „я не прошу васъ о томъ“, и опять, обратясь къ Спирину, сказалъ: „уйдите отсюда“. Со Спиринымъ пришли, кромѣ кума и кумы, мужикъ-псаломщикъ и еще двѣ женщины. Женщина постарше стала упрашивать протоіерея дозволить окончить крещеніе, а другая женщина сказала: „что это въ самомъ дѣлѣ вы не уходите? вѣдь, не хорошо вы сдѣлали, что на дорогѣ уставились крестить, да почти и въ церкви; развѣ можетъ батюшка вамъ дозволитъ здѣсь крестить? идите домой“. Во время этого разговора изъ родильнаго помѣщенія вошла сидѣлка, протоіерей сказалъ ей, чтобы она убрала младенца. Сидѣлка отнесла его въ помѣщеніе для новорожденныхъ младенцевъ, а протоіерей ушелъ въ комнату къ родильницамъ для чтенія молитвы. Болѣе никакихъ разговоровъ и

было, да и разговаривать было некогда, потому что уже было 4 часа, мѣшкать было нельзя: нужно было, окрестивши младенцевъ, служить параклисъ и всенощную, такъ какъ 30 августа храмовой праздникъ въ храмѣ родовспомогательнаго заведенія. Ни крику, ни топанья, ни маханья руками, ни запугиванья Сибирью, ничего этого не было. Все это измышленіе раскольничьяго корреспондента. Собралось много народу, пишетъ „Вѣстникъ". Это въ помѣщеніи-то въ сажень ширины и немного побольше въ длину, въ которомъ съ протоіереемъ было 8 человѣкъ, да купель помѣщалась? Куда же народъ-то собрался? Не сочиняйте небылицъ!

„Съ матерью чуть не сдѣлался обморокъ,—пишетъ „Вѣстникъ",—хватились, гдѣ ребенокъ (а то и забыли, что его нѣтъ!)—нѣтъ нигдѣ. Насилу нашли ребенка въ одной изъ комнатъ, откуда раздавался жалобный пискъ, но она оказалась запертой, а ключъ у протоіерея".

Эта нелѣпая сказка только и могла сложиться въ головѣ лжеца. Вѣдь самъ же онъ говорилъ, что ему не дали унести младенца изъ заведенія до выхода родильницы; значитъ, въ заведеніи есть условія, которымъ подчиняются люди, имѣющіе соотношеніе съ заведеніемъ, а одно изъ этихъ условій таково, что къ каждой родильницѣ для свиданія допускается только одинъ посѣтитель и то однажды. Постороннимъ лицамъ входъ въ заведеніе положительно воспрещенъ, а потому сказка о разыскиваніи младенца есть бредъ разстроеннаго воображенія. Кромѣ того протоіерей живетъ внѣ заведенія, никакого ключа ни отъ какой комнаты и никакой комнаты въ своемъ распоряженіи не имѣетъ, а чужія помѣщенія запирать не имѣетъ надобности.

Далѣе „Ст. В." пишетъ: „ключъ у о. протоіерея. Сколько ни просили его отдать ребенка, все было напрасно". Гдѣ и когда просили? Протоіерей, давши молитвы родильницамъ, тотчасъ возвратился въ церковь крестить, а потомъ служить.

Ложь, клевета, искаженіе фактовъ—вотъ тѣ средства къ защитѣ старобрядчества, къ которымъ прибѣгаетъ печатный органъ послѣдняго, въ 1-мъ своемъ номерѣ напечатавшій клеветническую корреспонденцію и тѣмъ уже зарекомендовавшій себя съ самой невыгодной стороны.

Прот. *Н. Фіалковскій.*

Миссіонерство, секты и расколъ.

Астраханская миссія въ истекшемъ году.

Съ чувствомъ высокой духовной радости и глубокимъ интересомъ прочитали мы „Отчетъ Астраханскаго епархіальнаго Кирилло-Меѳодіевскаго братства за 1904 г.“. Это—совсѣмъ необычный отчетъ. Это скорѣе цѣлая историческая картина современной безпримѣрной работы миссіонеровъ, цѣлой арміи защитниковъ православія. Отчетъ въ 90 стр. нами прочитанъ съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и хорошая историческая повѣсть. Приводимъ изъ него нѣкоторыя характерныя данныя.

Для болѣе успѣшнаго воздѣйствія на старообрядцевъ и сектантовъ и для охраненія православнаго населенія отъ раскольническихъ и сектантскихъ заблужденій, вся Астраханская епархія раздѣлена на 3 миссіонерскихъ участка, а участки на 10 округовъ. Каждымъ участкомъ завѣдуетъ безприходный епархіальный миссіонеръ, окружными состоятъ приходскіе священники; въ помощь имъ приглашены нѣкоторые изъ низшихъ членовъ причта и изъ свѣтскихъ лицъ способные и благонадежные. Для каждаго епархіальнаго миссіонера и окружнаго имѣются устроенныя Братствомъ миссіонерскія библіотеки съ достаточнымъ запасомъ книгъ противораскольнической и противосектантской литературы.

Въ первомъ миссіонерскомъ участкѣ общее количество старообрядцевъ и сектантовъ опредѣляется въ 4180 душъ обоего пола, изъ коихъ 3975 старообрядцевъ и 205 сектантовъ. Безпоповцы раздѣляются на различныя секты и толки: поморцевъ, безбрачниковъ и брачниковъ, спасовцевъ, ѳедосѣевцевъ, никудышниковъ и средниковъ, поповцы въ свою очередь—на бѣглоповцевъ и пріемлющихъ австрійское священство противоокружниковъ и окружниковъ. О существованіи въ 1 участкѣ сектантовъ-мистиковъ можно только предполагать. Лѣтъ 15 назадъ въ с. Оленичевѣ появились хлысты; движеніе это во время было остановлено, но слѣды его остались до нынѣ. Устройство отдѣльныхъ отъ церквей собраній, пѣніе на нихъ духовныхъ пѣсней и отказъ признать во всемъ руководство священника и вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ ревностное до лицемѣрія выполненіе предписаній

св. церкви даютъ основаніе полагать, что духъ хлыстовства сказывается въ Оленичевѣ и въ настоящее время.

Въ отношеніи къ расколосектантству въ 1 участкѣ принимались тѣ-же мѣры воздѣйствія и вразумленія, какъ и въ прежніе годы: публичныя и частныя бесѣды и поученія, внѣбогослужебныя чтенія миссіонерскаго характера, раздача книгъ, листковъ и брошюръ миссіонерскаго содержанія. Въ частности о своей миссіонерской дѣятельности миссіонеры доложили Совѣту Братства слѣдующее: а) и. д. епархіальнаго миссіонера протоіерей Евтропій Кочергинъ: дѣятельность моя до 1 мая исключительно сосредоточивалась въ г. Астрахани, такъ какъ въ это время былъ отдѣльный епархіальный миссіонеръ свящ. М. Русановъ, съ мая же я исправлялъ его должность за его освобожденіемъ отъ должности. Всѣхъ бесѣдъ мною было сдѣлано: 25 публичныхъ и до 150 частныхъ; послѣднія велись при всякомъ удобномъ случаѣ: въ домахъ, на улицахъ, на пароходахъ, лодкахъ и на рыбныхъ промыслахъ. б) И. д. епархіальнаго миссіонера протоіерею Евтропію Кочергину помогалъ приходскій священникъ Тих. Березинъ, которому епарх. начальствомъ разрѣшено именоваться миссіонеромъ. О своей миссіонерской дѣятельности онъ доложилъ слѣдующее: Въ отчетномъ году, какъ и въ прежніе годы, я старался посильно дѣйствовать на пользу миссіи. Къ моему удовольствію, занимаемыя мною должности представляютъ мнѣ много удобныхъ къ тому случаевъ. Расколъ и сектантство есть порожденіе невѣжества въ вѣрѣ и невѣжествомъ этимъ отчасти поддерживается, посему бороться съ невѣжествомъ, разъяснять истины вѣры въ православномъ духѣ значитъ оказывать услугу миссіи. И я старался нелѣностно проповѣдывать слово Божіе—при каждомъ своемъ служеніи по праздникамъ и по буднямъ великимъ постомъ. Въ теченіе года мною произнесено 62 проповѣди. Во многихъ изъ нихъ разъяснялись съ положительной стороны пререкаемыя истины вѣры, въ другихъ разбирались попутно заблужденія отщепенцевъ Церкви. в) Вновь назначенный въ ноябрѣ епархіальнымъ миссіонеромъ 1-го участка священникъ Василій Добронравовъ прибылъ изъ Саратовской епархіи, гдѣ онъ состоялъ одновременно приходскимъ священникомъ, окружнымъ миссіонеромъ и завѣдующимъ второклассной учительской школой, 9 декабря 1904 года.

Время отъ 9 декабря до 1 января было посвящено имъ на знакомство съ мѣстнымъ расколомъ, миссіонерской библіотекой и на устройство нѣсколькихъ бесѣдъ со старообрядцами и сектантами.

Со 2-го января, согласно составленному Совѣтомъ Братства и утвержденному Его Преосвященствомъ росписанію, начато веденіе публичныхъ бесѣдъ въ залѣ Епархіальной библіотеки по 2-е марта включительно. А печатаніе бесѣдъ миссіонера дало возможность даже принести нѣкоторую пользу и лицамъ, интересующимся дѣломъ миссіи и во всей епархіи, такъ какъ „Епархіальныя Вѣдомости“ получаются въ каждомъ селѣ и могутъ знакомить читателей съ возраженіями старообрядцевъ и сектантовъ, такъ сказать, съ натуры. Нѣкоторымъ старообрядцамъ и ревнителямъ православія миссіонеромъ выдавались въ подарокъ его сочиненія: „Краткая исторія старообрядчества“, каковая книга была рекомендована членомъ Совѣта Братства епархі-

альнымъ наблюдателемъ ст. сов. А. Н. Лѣтницкимъ для пріобрѣтенія второклассными школами, изъ которыхъ одной по ея требованію и послано просимое количество экземпляровъ. Время между бесѣдами посвящалось на веденіе частныхъ бесѣдъ со старообрядцами и сектантами на квартирѣ у миссіонера и по домамъ, гдѣ то было возможно. Сдѣлана поѣздка въ низовыя села, но бесѣдъ публичныхъ, за отъѣздомъ народа на промыслы, не состоялось, кромѣ частныхъ.

Усердно трудился по миссіи и окружной миссіонеръ 1-го участка священникъ ст. Атаманской Іоаннъ Нигровскій, состоящій священникомъ въ многолюдномъ и разбросанномъ приходѣ, представляющемъ всѣ удобства къ тайной пропагандѣ раскола и сектантства, потому имъ обращено было особенное вниманіе на свой приходъ. Кромѣ чисто пастырскихъ мѣръ—постоянныхъ внѣбогослужебныхъ чтеній, всенощныхъ, проповѣдей миссіонерскаго содержанія,—окружной миссіонеръ посѣтилъ свой округъ 5 разъ.

Изъ приходскихъ священниковъ за 2-е полугодіе болѣе потрудились священники: с. Икрянаго Владиміръ Киселевъ, с. Замьянъ Василій Реверсовъ и с. Михайловки Іоаннъ Пчельниковъ, діаконъ с. Михайловки Алексѣй Шмелевъ; благодаря послѣднимъ въ Михайловкѣ многіе колеблющіеся удержаны въ православіи и стали посѣщать св. храмъ, изъ нихъ 4 человѣка не были въ храмѣ 30 лѣтъ. Движеніе субботническое значительно утихло.

Во второмъ миссіонерскомъ участкѣ живутъ старообрядцы и сектанты всѣхъ толковъ, хотя и понемногу: австрійцевъ 116, брачниковъ 534, безбрачниковъ 191, самокрестовъ 107, іудействующихъ 467, караимовъ 30, воскресниковъ 441, баптистовъ 112, евангеликовъ 48, хлыстовъ 64; еноховцы или новоѣры переселились на свою родину. Въ ученіи, въ обрядахъ какъ между старообрядцами, такъ и сектантами въ общемъ сравнительно съ прежними годами никакихъ особенностей не замѣчалось; нѣкоторые баптисты (напр. въ Батаевкѣ) на публичной бесѣдѣ признавали, что дѣлать изображеніе Спасителя не противно заповѣди Божіей Во 2 участкѣ давно извѣстенъ по количеству старообрядцевъ пос. Ступино, гдѣ они раздѣляются на двѣ группы. Одна—12—13 дряхлыхъ старухъ считаютъ себя истинными православными и называютъ „отказными“, т. е. отказавшимися отъ міра: всѣ онѣ предъ вступленіемъ въ эту группу вторично крестятся по раскольническому обряду, не сообщаются ни въ молитвѣ, ни въ употребленіи пищи съ своими единовѣрцами, постоянно скрываются въ своихъ келіяхъ и избѣгаютъ всякаго житейскаго общенія съ другими. Въ случаѣ болѣзни или опасности смерти старообрядца, а иногда и православныхъ, эти старухи окружаютъ постель больного, рисуютъ ему страшныя картины вѣчныхъ мукъ и убѣждаютъ принять крещеніе по ихъ обряду, въ чемъ иногда и успѣваютъ. Другая группа—остальные старообрядцы села; отрицая бракъ и признавая безбрачное сожитіе блуднымъ, они въ тоже время открыто сватаютъ и выдаютъ замужъ и благословляютъ своихъ дѣтей на сожительство, причемъ обижаются, что ихъ сожительницы не записываются въ церковныя книги ихъ законными женами. Мѣры къ ослабленію старообрядчества и сектантства и утвержденію православныхъ во 2 участкѣ предпринимались обычныя: публичныя и частныя бесѣды, раздача брошюръ и

упражненіе въ веденіи бесѣдъ ревнующихъ изъ членовъ причта и сотрудниковъ изъ прихожанъ. Епархіальнымъ миссіонеромъ Алексѣемъ Шашинымъ произведено было 113 бесѣдъ, изъ коихъ 82 публичныхъ и 31 частныхъ. Бесѣды производились во время миссіонерскихъ поѣздокъ по участку и главнымъ образомъ въ мѣстахъ, особенно нуждающихся въ миссіонерской проповѣди.

Окружнымъ миссіонеромъ свящ. К. Цендровскимъ проведено 40 частныхъ бесѣдъ, 16 миссіонерскихъ поученій, 12 внѣбогослужебныхъ чтеній.

Въ третьемъ миссіонерскомъ участкѣ сектантовъ 10665. Они принадлежатъ къ слѣдующимъ разновидностямъ: а) изъ раціоналистическихъ сектъ—уклеинцы, субботники, штундобаптисты и евангелики; б) изъ мистическихъ—эноховцы, хлысты и духоборы, и в) изъ старообрядцевъ—безпоповцы, пріемлющіе бракъ, безпоповцы и австрійцы неокружники. Въ вѣроученіи этихъ сектъ, кромѣ одной секты эноховцевъ, измѣненій не послѣдовало; но внутренняя жизнь ихъ не лишена была нѣкоторыхъ болѣе или менѣе характерныхъ явленій.

Для характеристики мѣстнаго сектантства слѣдуетъ отмѣтить, что субботники имѣютъ сильный наклонъ къ чистому еврейству, даже страстно желаютъ слиться съ нимъ. Наблюдавшій богомоленіе субботниковъ 10—15 лѣтъ тому назадъ, когда они были болѣе русскими людьми, теперь совершенно не узнаетъ его: обстановка молитвеннаго дома съ ковчегомъ для торы и аналоемъ для кантора, молитвы, ихъ порядокъ, речитативъ, поклоны, молитвенная одежда—все поразительно напоминаетъ еврейскую синагогу Такая переработка русскаго человѣка въ еврея происходитъ, конечно, не безъ содѣйствія коренныхъ евреевъ. Еврейское вліяніе къ субботникамъ идетъ двумя путями: чрезъ письменныя сношенія и наѣзды евреевъ. Представители субботниковъ караимовъ многіе имѣютъ письменныя сношенія съ гаханами таврическихъ евреевъ, а къ талмудистамъ ежегодно наѣзжаютъ учителя евреи. Эти наѣзды особенно часто бываютъ въ село Быково, бойкую приволжскую пристань· здѣсь въ лѣтнее время, почти каждую субботу на богомоленіи талмудистовъ можно встрѣтить еврея. Іюля 3-го, напримѣръ, у талмудистовъ было три еврея, и одинъ изъ нихъ — учитель изъ Брестъ-Литовска, занималъ во время богослуженія первенствующее мѣсто; недѣли за двѣ впередъ были еще евреи, они привезли для мѣстныхъ талмудистовъ новую тору и, конечно, преизрядно обобрали ихъ.

Секта духоборовъ явленіе новое въ 3 участкѣ. Она открылась въ поселкѣ Таловкѣ, какъ пересадокъ изъ Александрова Гая Самарской губерніи. До 1903 года духоборы въ количествѣ 27 человѣкъ съ своимъ главаремъ Ф. Р. скрывали себя подъ именемъ уклеинцевъ и имѣли съ ними общія собранія, но съ этого года рѣшились выдѣлиться въ особую общину съ горделивымъ наименованіемъ „истинные христіане“. Уклеинцевъ они именуютъ презрительнымъ именемъ „молокане“. Духоборскіе взгляды на Лицо Христа Спасителя и на всѣ главные акты Его земной жизни эта община проявила какъ въ частныхъ, такъ и въ публичныхъ бесѣдахъ. На православныхъ, по словамъ приходскаго священника, духоборы вліянія не имѣютъ, но на уклеинцахъ оно замѣчается.

Епархіальнымъ миссіонеромъ 3 участка состоитъ старѣйшій изъ мѣстныхъ миссіонеровъ протоіерей Петръ Гороховъ. Будучи вѣрнымъ стражемъ своего участка, онъ, какъ и всегда, приносилъ слово миссіонерскаго увѣщанія, вразумленія и обличенія не только во всѣ села и поселки, зараженные сектантствомъ, но даже во многіе хутора. Почти всѣ пункты сектантства имъ посѣщены не менѣе двухъ разъ; въ веси-же, зараженныя сектой эноховцевъ, онъ наѣзжалъ съ своей проповѣдью 4, 5 и болѣе разъ. Объѣздъ сектантскихъ хуторовъ въ участковыхъ степяхъ произведенъ имъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, дважды—въ концѣ апрѣля и началѣ мая и въ октябрѣ. Въ первую поѣздку обращено было вниманіе преимущественно на хутора съ сектантами христіанами, во вторую—съ іудействующими.

Отрадно засвидѣтельствовать, что, благодаря совмѣстной дѣятельности миссіи и приходскихъ пастырей, православіе, прежде загнанное въ нѣкоторыхъ сектантскихъ селахъ, все болѣе и болѣе крѣпнетъ; замѣтно крѣпнетъ вѣра въ тѣ самыя истины и постановленія церкви, относительно коихъ оно такъ прежде было обуреваемо сомнѣніями и даже отрицаніями. Особенно замѣтно, какъ теперь во дни праздниковъ и великаго поста переполнены молящимися храмы Божіи въ селахъ Пришибѣ и Заплавномъ, этихъ гнѣздахъ сектантства, какъ горятъ тамъ множествомъ свѣчей на прежде пустовавшихъ подсвѣчникахъ предъ св. иконами, какъ прежняя холодность къ св. иконамъ смѣнилась искреннимъ благоговѣніемъ къ нимъ, какъ, наконецъ, усилились молитвенныя обращенія къ святымъ угодникамъ (служеніе молебновъ) и молитвы объ отшедшихъ отцахъ и братіяхъ, прежде почти отрицаемыя. И что особенно важно, что такое настроеніе не есть только безотчетное влеченіе сердца, но въ основѣ его лежитъ убѣжденіе ума въ согласіи указанныхъ истинъ съ словомъ Божіимъ. А такое убѣжденіе образовалось наиболѣе всего подъ воздѣйствіемъ миссіи.

Не оставилъ Господь дѣло миссіи и безъ болѣе осязательныхъ плодовъ. Благодаря бдительному надзору и своевременному воздѣйствію епархіальнаго миссіонера, предупреждено появленіе сектантства въ с. Пологомъ-Займищѣ, на хуторѣ Ковалевомъ, и виновникъ его, совратившійся на юго-западѣ въ штундизмъ мѣстный солдатъ К. К., начавшій было уже проповѣдь пагубнаго лжеученія хуторянамъ, возвращенъ, къ великой радости родителей, православной церкви. Кромѣ К. въ отчетномъ году по всему участку къ православію присоединено 38 душъ; изъ нихъ 12 уклеинцевъ, 5 — субботниковъ, 3 — эноховца, 3—изъ старообрядцевъ, 1—изъ штундобаптистовъ, 11 душъ изъ лютеранъ, 2—магометанина и 1 изъ буддистовъ. Изъ общаго количества присоединенныхъ епархіальнымъ миссіонеромъ присоединено 10 душъ.

Плоды неправильно понятой религіозной свободы.

(Корреспонденція изъ Стародубья, Чернигов. губ.).

Старообрядцы въ Стародубьѣ давно мечтали о свободѣ. Года два тому назадъ они увѣренно уже стали утверждать: „наши живутъ въ Питерѣ и добьются свободы". Такая увѣренность среди стародубскаго старообрядчества придавала его вожакамъ особую смѣлость: они стали совращать православныхъ, не останавливаясь ни предъ какими мѣрами. Изъ многихъ фактовъ укажемъ хотя одинъ характерный.

Въ посадѣ Воронкѣ, Стародубскаго уѣзда, по смерти православнаго отца семейства остались при матери—старообрядкѣ двое бѣдныхъ сиротъ: 14-лѣтній мальчикъ и 9-лѣтняя дѣвочка, оба православные. Священникъ австрійскаго толка М. М—въ сталъ дѣйствовать на мать этихъ сиротъ, чтобы она перевела ихъ въ старообрядчество; „иначе они погибнутъ, говорилъ онъ, и ты за нихъ примешь вѣчное мученіе". Бѣдная неграмотная женщина, устрашенная такими словами, изъ кроткаго человѣка превратилась въ лютаго звѣря, и стала настаивать, чтобы дѣти ея не ходили въ церковь. Мальчикъ не согласился на это и по настоящее время, дѣвочка же, слушая приказанія матери, пошла въ старообрядческую молельню; тамъ лжепопъ, послѣ службы и по выходѣ народа, принялъ ее въ старообрядчество чрезъ свое миропомазаніе. Объ этомъ дѣвочка разсказывала потомъ своимъ подругамъ: „меня попъ М—лъ чѣмъ-то мазалъ въ молельнѣ, давалъ въ руки свѣчку и умывалъ губкою". Все это, видимо, дѣлалось тайно. Послѣ такого чинопріема дѣвочка съ своими подругами пошла однако въ православную церковь, тамъ исповѣдывалась и причастилась Св. Таинъ. Когда же она пришла изъ храма домой (раньше того времени, какъ выходятъ изъ молельни), мать, узнавши отъ нея, гдѣ она была, бросилась на дѣвочку, избила ее, какъ только могла, и, неизвѣстно какими мѣрами, вызвала у нея рвоту, дабы очистить ее отъ причастія. Послѣ такого страшнаго издѣвательства надъ дѣвочкою, мать, оставивъ ее полумертвою, прибѣжала къ церковному старостѣ Д. В. Карамину и стала кричать: „вотъ ваше причастіе—въ лохани и дочка моя въ вашу церковь ходить не будетъ". А дѣвочка послѣ этого происшествія стала какъ бы полоумною.

При такихъ „свободныхъ" дѣйствіяхъ старообрядцевъ, трудно стало жить православнымъ, а въ особенности тѣмъ, которые оставили старообрядчество и присоединились къ св. церкви: всякою ложью и бранью они ежедневно были оскорбляемы отъ „ревнителей благочестія"...

При такомъ-то положеніи дѣла получена у насъ религіозная свобода 17-го апрѣля. Какъ и слѣдовало ожидать, старообрядцы стали дѣйствовать съ особой смѣлостью и рѣшительностью. Православнымъ жизнь стала невыносимой. Убитые досадою, они не знали, что дѣлать.

Здѣсь въ п. Воронкѣ живутъ 3 священника, одинъ изъ нихъ епархіальный миссіонеръ. Священники усиливали проповѣди въ церквахъ и на площади, напоминая Христово страданіе и терпѣніе и этимъ удерживая народъ отъ крайняго озлобленія. Въ это-же время появились въ изобиліи прокламаціи—противъ царствія небеснаго и противъ священниковъ. Настроеніе было недоброе и ожидалось что-то ужасное.

Въ посадѣ Воронкѣ есть большая молельня австрійскаго толка. Въ этой молельнѣ избранъ старостою нѣкій мѣщанинъ А. С—кій, который живетъ въ 3-хъ верстахъ отъ Воронка въ имѣніи своей жены, а по праздникамъ пріѣзжаетъ въ молельню въ Воронокъ. Этотъ С—кій во многихъ мѣстахъ Россіи былъ вѣры какой угодно, смотря по настроенію народа. Пріѣхалъ онъ въ Воронокъ, оженился на одной богатой вдовѣ и чрезъ жену свою сталъ старостою молельни. Черезъ нѣсколько времени послѣ изданія указа отъ 17 апрѣля староста С—кій собралъ въ молельню передовыхъ прихожанъ, и, прочитавъ имъ со своими комментаріями этотъ указъ, заключилъ: „теперь намъ можно строить храмы и становить кресты, а поэтому давайте поставимъ крестъ и на своей молельнѣ“. И, безъ всякаго на то разрѣшенія, старообрядцы, въ маѣ мѣсяцѣ сего года, поставили на своей молельнѣ крестъ. Православные, узнавъ, что крестъ поставленъ безъ всякаго разрѣшенія, что не дозволяется и православнымъ, подняли ропотъ; одни говорили: „на Савкиномъ сараѣ (такъ называется давно эта молельня) безчестно становить крестъ Христовъ“; другіе говорили: „эхъ, еще и такой свободой недовольны раскольники, какая дана имъ 17 апрѣля! нарушаютъ и тутъ законъ; пусть бы ставили огромную церковь, но только съ разрѣшенія“. Ропотъ, а вмѣстѣ и опасность отъ него дошла до слуха полиціи. Нужно замѣтить, что у насъ, въ Воронкѣ, полицейская власть новая, съ духомъ старообрядческимъ еще не ознакомилась. Не посовѣтовавшись со свѣдущими людьми, она стала требовать снятія креста, какъ безъ разрѣшенія поставленнаго. Старообрядцы ея требованій не исполнили. Тогда, въ виду возможности изъ за этого волненія народнаго, 27 мая въ 2 часа пополудни полиція стала сама снимать съ моленной крестъ. Старообрядцы же, какъ только полиція сняла крестъ, забили набатъ въ желѣзную доску при моленной. Еще полиція не успѣла съ крестомъ слѣзть съ молельни, какъ къ послѣдней сбѣжалась толпа болѣе двухъ тысячъ душъ. Она стала осыпать

бранью полицію и всѣхъ православныхъ. Видя передъ собою разъяренную толпу, отъ которой живыми уйти нельзя было, полиція немедленно поставила крестъ на прежнее мѣсто, дабы успокоить ее. Но не тутъ то было: старообрядцы избили полицію тутъ же около молельни. Затѣмъ толпа направилась къ полицейскому дому. При встрѣчѣ съ православными она вопила: „бей еретиковъ! намъ дана свобода! При этомъ старообрядцы толкали православныхъ, и тѣ скрывались, куда попало. Идя мимо дома извѣстнаго поборника православія, купца Д. В. Карамина, толпа кричала: „на куски разорвать надо Митьку“ и т. д. Подойдя къ полицейскому дому, толпа немедленно послала въ имѣніе за С—кимъ. Онъ явился съ быстротой молніи и остановилъ разъяренную толпу, которая уже глумилась надъ полиціей. Войдя затѣмъ въ полицейскій домъ съ С—кимъ во главѣ, старообрядцы стали снимать съ полицейскаго надзирателя допросъ: „кто доносилъ тебѣ о томъ, что мы поставили крестъ“? Надзиратель, видя, что ему угрожаетъ смерть, сказалъ: „мнѣ священникъ отецъ Іоаннъ Барзыловичъ говорилъ, что поставили крестъ незаконно“. Послѣ этого толпа двинулась къ дому священника, крича на пути: „убить его“!

Одинъ еврей, живущій рядомъ съ о. Барзыловичемъ, поспѣшилъ предупредить его обо всемъ готовящемся. Священникъ во время успѣлъ запереть ворота и окна. Узнавъ о такомъ предупрежденіи, старообрядцы разбили квартиру еврея, а затѣмъ стали ломиться въ домъ священника: кольями и камнями били въ окна, крича при этомъ разныя ругательства и угрозы. Услыша объ этомъ, православные ближайшаго села Вороночка поспѣшили на выручку православнаго пастыря; они пробились заднимъ ходомъ, черезъ садъ, въ квартиру священника, и, найдя его въ полусознательномъ состояніи, вынесли его и немедленно отвезли въ село Солову. Когда толпа узнала, что о. Іоаннъ уже увезенъ, опять воротилась къ полиціи съ крикомъ: „убить полицію, убить единовѣрцевъ! Намъ самъ Царь свободу далъ“!

Въ с. Соловѣ есть большія слесарныя мастерскія. Услыша о такомъ оскорбленіи православнаго священника, мастеровые хотѣли бѣжать для отмщенія, но кто-то остановилъ ихъ.

28-го мая пріѣзжалъ изъ Стародуба уѣздный исправникъ. Онъ немедленно удалилъ городовыхъ и призвалъ вожаковъ раскола. Послѣдніе обѣщали ему не учинять болѣе „бунта“. Исправникъ (католическаго вѣроисповѣданія) не оказалъ все-же защиты священнику. Наоборотъ, послѣ исправническаго посѣщенія села старообрядцы еще болѣе озлились на православнаго пастыря, такъ какъ исправникъ сказалъ, что „отецъ Іоаннъ Барзыловичъ требовалъ снять крестъ“.

(На самомъ же дѣлѣ этого не было). Исправникъ уѣхалъ, а злоба старообрядцевъ не утихаетъ. „Убьемъ еретика"! кричатъ старообрядцы на священника. И теперь бѣдному священнику нельзя пройти по улицѣ. Куда ему нужно пройти, идетъ съ провожатыми, а ночное время скрывается изъ дома. 29 мая православные боялись пройти въ храмъ...

Епархіальный миссіонеръ вернулся въ Воронокъ вечеромъ 27 мая въ тотъ день,когда прсисходилъ бунтъ и, увидѣвъ, что его домъ окружали вооруженные православные, просилъ ихъ разойтись, въ виду того, что онъ давно приготовился умереть за слово Божіе.

Въ настоящее время среди стародубскихъ слободъ идетъ сильное волненіе и Богъ знаетъ, чѣмъ оно окончится. Весьма трудно живется здѣсь единовѣрцамъ. Старообрядчество здѣсь сильно и богато; есть уже и совращенія; молодыхъ ребятъ прельщаютъ старообрядческими дѣвицами, выдаютъ ихъ за православныхъ, которыхъ предварительно перемазываютъ въ свое упованіе, а родители православныхъ жениховъ до истерики рыдаютъ „о чадахъ своихъ"...

С. П.

Вѣстникъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія".

∞ Въ „Калужскихъ Епарх. Вѣд." свящ. К. И. рѣшаетъ вопросъ *объ отношеніи духовенства къ современнымъ событіямъ*. „Мнѣ кажется, говоритъ авторъ, что въ этомъ вопросѣ, вопросѣ отношенія духовенства къ современному движенію, не можетъ быть и разногласій. По моему, въ душѣ каждый истинный пастырь церкви Христовой, если еще не опредѣлилъ свои отношенія къ современнымъ событіямъ, то долженъ опредѣлить таковыя и опредѣлить поскорѣе. Предлагаю это въ виду того, что „нельзя", какъ говоритъ собратъ, „безъ конца хромать на оба колѣна, не рискуя серьезно лишиться того и другого". Помня наставленіе Спасителя, данное Имъ апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ пастырямъ церкви: „будите убо мудры яко зміи, и цѣли яко голубіе" (Мѳ. 10, 16) съ одной стороны, а съ другой стороны, постоянно памятуя, что каждый изъ насъ поставленъ пасти стадо Христово, которое Господь нашъ Іисусъ Христосъ стяжалъ кровію Своею, т. е. каждый устроять спасеніе своихъ пасомыхъ, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы каждый пастырь въ отдѣльности, или все духовенство сообща, какъ при настоящихъ событіяхъ, такъ и вообще-то примыкало къ той или другой политической партіи. Главная забота истиннаго пастыря—спасеніе людей. Поэтому для него должно быть совершенно безразлично, къ какой политической партіи принадлежитъ тотъ или другой изъ его пасомыхъ. Каждаго, будетъ ли онъ монархистъ или республиканецъ, пастырь долженъ вести его ко спасенію, а не къ тому, чтобы онъ былъ устроителемъ той или иной формы правленія. Да при современной партійной разрозненности, если пастырь примкнетъ къ какой либо одной партіи, онъ тѣмъ оттолкнетъ отъ себя принадлежащихъ къ другой партіи, что видно изъ недавняго прошлаго, а это можетъ послужить на пагубу его пасомыхъ. Поэтому пастырю необходимо, не примыкая открыто ни къ одной изъ партій (я говорю „открыто", потому что нельзя же безъ того, чтобы онъ въ душѣ не сочувствовалъ той или другой партіи), во всѣхъ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ держать себя такъ, чтобы всякій видѣлъ, что онъ устроитель спасенія каждаго безъ партійныхъ политическихъ взглядовъ на него, а не устроитель внѣшней формы жизни или формы правленія. Это дѣло не его, а дѣло правительства и—съ учрежденія Государственной Думы—дѣло народа. Дѣйствительная, лучше сказать, священная обязанность каждаго пастыря особенно въ настоящее время, при возбужденіи разныхъ—если можно такъ выразиться—партійныхъ

политическихъ страстей, это быть вѣстникомъ мира вездѣ и всегда, чтобы время, переживаемое нами, время великихъ реформъ, прошло безъ кровопролитія и безъ потери для нашего дорогого отечества того престижа, которымъ оно пользовалось до сего времени среди другихъ великихъ державъ. Въ этомъ отношеніи должно соединиться всѣмъ намъ, архипастырямъ и пастырямъ, въ одинъ общій голосъ, высказать порицаніе тѣмъ изъ насъ, которые открыто высказывали свои политическіе взгляды, тѣмъ натравляли разныя партіи другъ на друга и еще больше подорвали уже подорванное уваженіе къ духовенству, а главнымъ образомъ, всѣмъ намъ „настоять благовременнѣ и безвременнѣ, обличить, запретить, умолить со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ“ (Тимоѳ. 11, 4, 2) всякаго и каждаго, начиная съ низшаго и кончая высшимъ, чтобы великое дѣло, дѣло реформъ было совершено безъ всякаго кровопролитія, чтобы изъ дѣтей нашего дорогого отечества, будетъ ли то вѣрующій ли или невѣрующій, русскій ли или другой какой національности, имѣющій ли власть повелѣвать и приказывать или простой смертный, чтобы, однимъ словомъ, никто, никто не запятналъ себя грѣхомъ Каина, грѣхомъ братоубійства. Въ этомъ будетъ хвала и слава какъ правительству, такъ и всему народу, а въ томъ числѣ и намъ, т. е. духовенству“.

∞ Кишиневское духовенство на общеепархіальномъ съѣздѣ истекшаго 1905 года признало необходимыми въ цѣляхъ развитія религіозно-нравственнаго просвѣщенія среди молдаванъ и вообще кишиневской паствы слѣдующія мѣры:

Исходя изъ того положенія, что въ большинствѣ приходовъ Бессарабіи прихожане часто, кромѣ своего родного языка—молдавскаго, никакого другого не знаютъ и не понимаютъ, а молодые пастыри, съ раннихъ лѣтъ оторванные отъ своихъ родителей и своего родного села, въ училищахъ и семинаріи до того забываютъ молдавскій языкъ, что не въ состояніи часто объясняться съ своими прихожанами въ обыденной жизни, не говоря уже объ отправленіи на этомъ языкѣ богослуженій и проповѣданія Слова Божія, о.о. депутаты для устраненія этой ненормальности и для болѣе успѣшной и плодотворной пастырской дѣятельности признали вполнѣ раціональнымъ средствомъ ввести, какъ уже сказано выше, въ программу V и VI классовъ семинаріи обученіе молдавскому языку. Въ тѣхъ же видахъ улучшенія церковной службы и благолѣпія ея, съѣздъ о.о. депутатовъ постановилъ ввести обязательное преподаваніе церковнаго молдаванскаго чтенія и пѣнія и въ программу псаломщическаго класса.

Въ дополненіе къ указаннымъ мѣропріятіямъ для возвышенія религіозно-просвѣтительной дѣятельности своей среди паствы своей и для болѣе успѣшной и плодотворной дѣятельности современной миссіи на началахъ Высочайшаго Указа, отъ 17 апрѣля, о.о. депутаты признали необходимымъ самое широкое распространеніе среди населенія Бессарабіи религіозно-нравственныхъ, противораскольническихъ и противосектантскихъ брошюръ и листковъ на понятныхъ мѣстному населенію —молдавскомъ, болгарскомъ и др. нарѣчіяхъ, въ виду чего и постановилъ открыть свою собственную епархіальную типографію.

(Киш. Еп. Вѣд.)

∞ Въ настоящее время на страницахъ духовной и свѣтской печати дебатируется вопросъ о совмѣстимости пастырскаго служенія съ земледѣльческими занятіями и рѣшается въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ—положительномъ и отрицательномъ. „Калужскія Епарх. Вѣдомости“ весьма удачно по этому поводу замѣчаютъ:

Духовенство, отказываясь отъ земли, отказывается не только за себя лично, но и за все будущее поколѣніе и тѣмъ принимаетъ на себя слишкомъ большую отвѣтственность. Если и неразсчетливо духовенству отказываться отъ землевладѣнія, то этотъ отказъ, можетъ быть, необходимъ ради непреходящихъ требованій пастырского долга нашего, исполненія служебныхъ обязанностей? Да, есть между священнослужителями такіе, которые все время, всѣ силы ума и воли употребляютъ на землю и хозяйство. Но эти личности, воспитанныя вѣковою необезпеченностію и приниженностію духовнаго сословія, къ счастію рѣдки. Отнимите у нихъ землю и они найдутъ возможность другими способами удовлетворить свою страсть къ обогащенью. Въ большинствѣ же случаевъ наблюдается слѣдующее любопытное явленіе: наиболѣе ревностные въ исполненіи своихъ пастырскихъ обязанностей являются наиболѣе рачительными въ своемъ домашнемъ и земельномъ хозяйствѣ. Какъ это происходитъ и какъ достаетъ времени на всѣ дѣла и работы, объясненіе тому нужно искать не въ двадцати четырехъ часахъ суточныхъ, а въ духовной энергіи этихъ лицъ. Наоборотъ, неусердные въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей бываютъ нерачительными въ своемъ земельномъ хозяйствѣ. Такимъ образомъ практика жизни показываетъ, что землепользованіе не препятствуетъ ревностному исполненію пастырскаго долга. Въ такомъ случаѣ, во имя чего же духовенству отказываться отъ вѣковаго церковнаго достоянія; въ силу какихъ достаточныхъ основаній подрубать тотъ сукъ, на которомъ оно имѣло до сего времени хоть какую либо точку опоры?....

∞ По поводу предполагаемаго сокращенія семинарской программы, по предмету исторіи и обличенія старообрядчества и сектантства, г. Высотскій въ „Таврическомъ Церковно-общественномъ Вѣстникѣ“ справедливо замѣчаетъ:

Дарованіе сектантамъ свободы вѣроисповѣданія способствовало подъему духа, оживленію религіозной жизни и усиленію пропагаторскихъ стремленій у нихъ. Подъемъ духа и религіозное одушевленіе въ средѣ молоканскихъ общинъ имѣли своимъ ближайшимъ послѣдствіемъ устроеніе всероссійскихъ молоканскихъ съѣздовъ. Первый такой съѣздъ былъ въ концѣ іюля (начался 22 іюля) въ с. Воронцовкѣ, Тифлисской губ., второй—въ началѣ сентября въ с. Астраханкѣ, Таврической губ. Послѣдній происходилъ отдѣльно у старомолоканъ (2, 3 и 4 сентября) и отдѣльно у новомолоканъ (4, 5 и 6 сентября). На съѣздахъ старомолоканъ и новомолоканъ, бывшихъ въ с. Астраханкѣ, мнѣ пришлось присутствовать. Я видѣлъ огромное религіозное одушевленіе сектантовъ; слышалъ множество проповѣдей и рѣчей, произнесенныхъ молоканскими пресвитерами и проповѣдниками, съѣхавшимися на съѣздъ со всѣхъ концовъ Россіи; со стороны наблюдалъ

ихъ оживленныя совѣщанія въ закрытыхъ собраніяхъ представителей ихъ общинъ. Не трудно догататься, что сектанты обсуждали на этихъ послѣднихъ, закрытыхъ собраніяхъ. Вопросъ о пропагандѣ своей вѣры былъ, несомнѣнно, однимъ изъ главныхъ вопросовъ, подвергавшихся обсужденію. На юбилейныхъ молитвенныхъ собраніяхъ молоканами высказывались пожеланія, чтобы подобные общемолоканскіе съѣзды повторялись и впредь по возможности чаще. Описывая все видѣнное мною на съѣздѣ, я тогда же говорилъ: „послѣдствіемъ такого оживленія религіозной жизни въ средѣ сектантовъ, несомнѣнно, будетъ усиленіе пропагаторскихъ стремленій и дѣятельности ихъ, направленной къ распространенію секты. Начало такимъ стремленіямъ у новомолоканъ, намъ кажется, уже положено постановленіемъ объ открытіи въ Астрахани учебнаго заведенія для приготовленія пресвитеровъ и проповѣдниковъ въ ихъ сектѣ. Все это намъ, православнымъ, слѣдуетъ имѣть въ виду. Намъ нужно быть на-сторожѣ, чтобы всѣ послѣдствія указа 17 апрѣля объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости, какъ уже проявившіяся въ сектантскихъ обществахъ, такъ и впредь могущія быть, не наносили ущерба интересамъ православн. церкви. (*Таврич. Епарх. Вѣд.* 1905 г. № 18).

И такъ, намъ нужно быть на-сторожѣ. Что же нужно для этого? Несомнѣнно, прежде всего и ближайшимъ образомъ потребуется усиленіе пастырско миссіонерской дѣятельности приходскихъ священниковъ. А для того, чтобы наши приходскіе священники были подготовлены къ такой усиленной пастырско-миссіонерской дѣятельности, необходимо позаботиться объ усиленіи миссіонерскаго образованія для будущихъ пастырей церкви въ духовн.-семинаріи. Пусть же каждый разсудитъ, своевременно ли теперь поднимать вопросъ объ упраздненіи въ семинаріяхъ спеціальной каѳедры для изученія миссіонерскихъ предметовъ?

∞ *Первая годовщина Обдорскаго миссіонерскаго Братства во имя свят. Гурія, архіеп. Казанскаго.* 4 октября 1905 года въ Обдорскѣ праздновалась первая годовщина Обдорскаго миссіонерскаго Братства во имя святителя Гурія, открытаго 8 сентября 1904 года.

Изъ отчета о дѣятельности Братства за 1904/5 братскій годъ видно, что первый годъ дѣйствій Братства долженъ считаться годомъ устройства и испытаній.

Не говоря о трудности правильной постановки переводческой и издательской дѣятельности, Братству пришлось натолкнуться на первыхъ порахъ на затрудненія и въ дѣятельности благотворительной. Послѣднюю съ одной стороны тормозили скромныя денежныя средства Братства и, съ другой,—что особенно важно,—отношенія самихъ благодѣтельствованныхъ Братствомъ бѣдныхъ инородцевъ.

Инородцы, какъ ни странно это, сначала смотрѣли съ недовѣріемъ на братскую поддержку и помощь. Напримѣръ, нищенствовавшій въ Обдорскѣ самоѣдъ Иванъ Ломду, дѣти котораго были устроены въ миссіонерскомъ инородческомъ пріютѣ, а семья обезпечена ежемѣсячнымъ по 4 руб. пособіемъ, выражалъ неудовольствіе на то, что другіе инородцы ходятъ за подаяніемъ, когда онъ по требованію Братства прекратилъ эти хожденія. „Не нужны мнѣ ваши деньги, говорилъ онъ, отдайте мнѣ моихъ дѣтей, я буду тоже ходить за милостыней. Чѣмъ

я хуже другихъ?“ Нѣкоторые изъ другихъ бѣдняковъ тоже отказывались отъ помощи, предпочитая ей христорадничанье. Не смотря однако на все это, Братство съ упорствомъ и энергіей работало и трудилось и достигло по части просвѣтительной и благотворительной нѣкоторыхъ результатовъ.

(Прав. Благов.)

Письмо въ редакцію.

М. Г. Г. Редакторъ.

Въ интересахъ не столько самозащиты, сколько истины, прошу дать мѣсто въ вашемъ органѣ нижеслѣдующимъ строкамъ.

Въ 13 № „Мисс. Обозр.“ въ отдѣлѣ „Откликовъ“ сдѣлана перепечатка крайне несправедливой ко мнѣ корреспонденціи изъ „Спб. Вѣдомостей“ въ № 224.

„Святыни“ моими святынями никогда не были. Это знаютъ мои прихожане. Нѣкоторые изъ нихъ, прочитавши лживую на меня корресподенцію, только и сказали: нужно же было какому то злому языку такую небылицу въ лицахъ представить на нашего священника“. Таксы у насъ въ приходѣ за требоисправленія никакой не бывало. Прихожане сами добровольно даютъ то, что заведено еще нашими и ихними прадѣдами. Напр., за вѣнчаніе берется различно, отъ 3 до 8 руб., смотря по состоянію и благорасположенію прихожанъ; было, впрочемъ, въ теченіе 37-лѣтней моей службы 2—4 случая вѣнчанія за 10 руб., такъ это изъ богатыхъ домовъ и при этомъ причтомъ исполнялись ихъ особыя религіозныя желанія встрѣтить и проводить новобрачныхъ со св. крестомъ и то безъ нашего за это какого либо таксоваго требованія. За крещеніе младенца платятъ 40 коп. Въ св. Пасху собираются въ каждомъ домѣ исповѣдныхъ и за постную молитву 6 коп., за молебенъ 10 коп. (а не 50) и за годовое поминовеніе родителей различно, и то вѣдь не у всѣхъ, а только у желающихъ, отъ 10 до 20 коп. Масло же, капусту, солому и т. п. и въ голову намъ не приходило собирать.

А что еще дальше. Помню, говоритъ тотъ же корреспондентъ, пришелъ къ священнику крестьянинъ д. Хламова Вас. Фед. съ невѣстой и проситъ повѣнчать его и при этомъ выкладываетъ на столъ 6 руб. и прочія вымышленныя приношенія. Но я этого „жениха“ совсѣмъ не знаю и никогда его не видалъ, знаю только по духовнымъ росписямъ, что онъ и у меня и причта не бывалъ. Спрашивалъ я, прочитавши злую корреспонденцію

„СПБ. Вѣдомостей“, сестру и мать „жениха“: гдѣ этотъ „женихъ“ съ невѣстою и были ли они у меня или у причта, и получаю отвѣтъ: „не знаемъ, гдѣ они болтаются, они вѣдь у насъ почти и не бываютъ и къ тебѣ и причту не ходили“...

Корреспондентъ указываетъ еще „другой примѣръ“: „Въ той же деревнѣ Хламовѣ умеръ кр. Ал. Вороновъ, померъ въ тотъ самый день, какъ жена его разрѣшилась отъ бремени. Пастырь отказывается крестить и хоронить бетъ денегъ“. Скажу на это слѣдующее: Ал. Вороновъ былъ погребенъ 26 февраля, а 27 февраля окрещенъ и его новорожденный, и изъ метрики видно, что смерть и погребеніе предшествовали рожденію и крещенію младенца. И здѣсь корреспондентъ допускаетъ ложь. О вознагражденіи же тутъ, даже и маломъ, слова не было, въ виду бѣдности вдовы; такимъ бѣднякамъ я съ причтомъ сами помогаемъ, а не то, чтобы брать у нихъ послѣднихъ „овцу и ягнятъ“. „Овцу и ягнятъ“ вдова Воронова чрезъ годъ послѣ смерти своего мужа продала бывшему, нынѣ заштатному, діакону нашей церкви, Ѳеодору Разумову, за 5 рублей и деньги получила сполна. Это подтверждаютъ ея родственники: братъ ея мужа кр. Петръ Григорьевъ Вороновъ и его мать Степанида Саввина и сама вдова Марья Иванова Воронова. А знаетъ-ли корреспондентъ, когда умеръ Ал. Вороновъ? Онъ умеръ давно—въ 1895 году, и за такой продолжительный періодъ времени мой судья все хорошо помнитъ о моихъ вымышленныхъ поступкахъ... Слѣдовало бы ему сразу же огласить ихъ, чтобы [не держать на памяти зла цѣлыхъ десять годовъ.

„Суди, Господи, обидящія мя“.

Пошехонскаго уѣзда, Щетинской волости церкви Села Спасскаго на Мяксѣ священникъ *Василій Богородскій.*

Политическіе митинги и миссіонерскія бесѣды.

Православный миссіонеръ узнаетъ изъ газетъ, что въ одномъ изъ уѣздовъ его епархіи ожидаются аграрные безпорядки. Появились агитаторы, проповѣдующіе крестьянамъ „прямое захватное право“. Былъ уже случай разграбленія общественнаго магазина, наполненнаго зерновымъ хлѣбомъ. Миссіонеръ немедленно же отправляется въ „неблагополучную“ мѣстность, чтобы евангельскою проповѣдью мира и любви внести успокоеніе въ волнующуюся крестьянскую массу. По пріѣздѣ

въ село, миссіонеръ испрашиваетъ благословеніе у приходскаго священника побесѣдовать съ его прихожанами. Священникъ съ удовольствіемъ соглашается на это: „я уже говорилъ имъ по поводу безпорядковъ,—радъ буду, если и вы потолкуете“... Съ обоюднаго согласія назначается въ шесть часовъ вечера внѣбогослужебная бесѣда въ деревнѣ П—ѣ, гдѣ было наиболѣе замѣтно аграрное возбужденіе. Все, казалось-бы, шло хорошо; но тутъ встрѣчается неожиданное препятствіе.

За часъ до бесѣды въ домъ священника является мѣстный полицейскій урядникъ и требуетъ отъ миссіонера письменнаго разрѣшенія на право „устраивать митинги въ селахъ и деревняхъ его стана“.

— Да вѣдь это—не политическій митингъ, а внѣбогослужебная бесѣда на такой-то текстъ изъ евангелія...

— Все равно. Мнѣ необходимо знать, имѣете-ли вы спеціальное разрѣшеніе отъ духовной и свѣтской власти на устройство этихъ бесѣдъ.

— Да я эти бесѣды устраиваю по уѣздамъ вотъ уже почти шесть лѣтъ во всѣхъ подходящихъ помѣщеніяхъ: храмахъ, школахъ, крестьянскихъ избахъ, волостныхъ правленіяхъ, вагонахъ желѣзныхъ дорогъ и даже на открытомъ воздухѣ. До сихъ поръ я не встрѣчалъ препятствія со стороны полицейской власти. Наконецъ, у меня есть паспортъ, изъ котораго видно, что я—проповѣдникъ Церкви Христовой.

— Паспортная книжка только удостовѣряетъ вашу личность, но не даетъ вамъ права устраивать бесѣды съ народомъ; о каждой таковой бесѣдѣ вы должны за семь дней обязательно увѣдомлять уѣзднаго исправника,—упрямо твердилъ урядникъ.

Дальнѣйшіе переговоры съ урядникомъ были, понятно, безполезны. Во избѣжаніе соблазна „малыхъ сихъ“ (Матѳ. 18, 6), пришлось отказаться отъ устройства бесѣды въ деревнѣ П—ѣ, а назначить таковую въ храмѣ. Между тѣмъ послѣдствіемъ полицейскаго вмѣшательства въ миссіонерское дѣло было то, что въ храмъ пришли только 15 благомыслящихъ деревенскихъ стариковъ. „Тронутая же“ агитаторами деревенская молодежь въ храмъ не явилась, а демонстративно въ тотъ же вечеръ устроила свой настоящій митингъ въ деревнѣ П—ѣ. Этотъ митингъ былъ устроенъ „явочнымъ порядкомъ“, при чемъ было громогласно заявлено, что уряднику переломаютъ ноги, если онъ вздумаетъ чинить какія-либо препятствія устроителямъ митинга. Такимъ образомъ евангельское слово мира и любви не дошло до ушей тѣхъ людей, которые особенно въ немъ нуждались.

Миссіонеръ *Н. Булгаковъ.*

ОТКЛИКИ.

О христіанской политикѣ.

Въ какое отношеніе должны стать священники къ совершающимся событіямъ? Могутъ-ли они стать совершенно въ сторонѣ отъ нихъ и, когда душа народная смущена, народъ мятется и на улицахъ льется кровь, могутъ-ли они, какъ Пилатъ, умывать руки свои и говорить: неповинны мы въ крови народа сего?.. О, нѣтъ, и они часть народа, какъ и народъ—часть церкви Христовой. Священники со своимъ христіанскимъ народомъ соединены въ одно неразрывными узами, и въ то время, когда совершается устроеніе земной гражданской жизни,—участіе священниковъ должно выражаться, кромѣ молитвъ о помощи Божіей, кромѣ непрестаннаго напоминанія христіанамъ изъ-за благъ гражданской земной жизни не забывать небесныхъ благъ, еще и въ томъ, что священники должны уяснить народу, въ чемъ сущность христіанской политики, какія требованія предъявляетъ къ политикѣ христіанское ученіе. Священники не могутъ быть демагогами и вести за собой народъ въ устроеніи гражданской жизни, ибо они пастыри не просто народа, а пастыри Церкви Христовой, но они должны со всею смѣлостью и искренностью высказать свой взглядъ на то, какова должна быть христіанская политика.

Итакъ, не просто политика, а указаніе, какою должна быть христіанская политика, есть дѣло священника. Это же составляетъ и предметъ моей бесѣды. И въ этомъ указаніи на то, что наша политика должна быть христіанской политикой, мы на дѣлѣ выразимъ нашу любовь къ родинѣ нашей, ибо чего лучшаго мы можемъ пожелать ей, какъ не того, чтобы гражданская жизнь въ ней стала христіанскою?

Перестройка гражданскихъ отношеній между людьми у насъ на Руси теперь въ полномъ ходу. Тотъ старый домъ, который такъ долго давалъ предкамъ нашимъ, отцамъ и дѣдамъ, пріютъ и тепло, обветшалъ и насъ уже не удовлетворяетъ. Несчастная война показала, что онъ не защищаетъ уже насъ и отъ внѣшнихъ враговъ. На какомъ же основаніи будемъ строить мы нашъ новый домъ, какой фундаментъ будемъ закладывать въ основу новой государственности? Каковъ чертежъ или планъ этого дома

и кто въ немъ строитель, т. е. какова желанная форма новаго государственнаго устройства? Какими средствами, наконецъ, нужно строить этотъ домъ, т. е. какой характеръ должна носить работа политическихъ партій. Вотъ, образно говоря, главные вопросы государственной политики, и мы желали бы отвѣтить на нихъ съ христіанской точки зрѣнія.

Новый домъ строится на возвѣщенныхъ Государемъ въ Манифестѣ 17 октября новыхъ незыблемыхъ основахъ гражданской свободы, свободы личности, совѣсти, слова, союзовъ и собраній.

Что же, начало гражданской свободы, положенное въ основу новыхъ отношеній между членами русскаго государства можетъ-ли быть признано христіанскимъ началомъ жизни? Можетъ-ли эта свобода быть принята съ радостью и надеждами на будущее тѣми изъ гражданъ нашихъ, кто на всякое явленіе жизни хотѣлъ бы смотрѣть съ точки зрѣнія христіанскаго ученія? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ будетъ напоминаніе, что рабство есть символъ грѣха. Проклятъ Ханаанъ: рабъ рабовъ онъ будетъ у братьевъ своихъ—вотъ что говоритъ Библія о рабской судьбѣ потомковъ Хама, вновь осквернившаго грѣхомъ своимъ землю, омытую потопомъ. Христіанство же есть свобода отъ грѣха, проклятія и смерти. Христіанство не беретъ на себя задачу устроенія на землѣ гражданской свободы, но оно возвѣщаетъ ее и призываетъ къ ней, какъ къ христіанскому идеалу, ибо царство Христово есть царство свободы. Самъ Христосъ сказалъ о Себѣ словами пророка, что цѣлью Его пришествія на землю было „проповѣдовать плѣннымъ освобожденіе“ (Лук. 4, 38). Гдѣ Духъ Господень, тамъ и свобода, говорилъ апостолъ Павелъ, указывая на присущій христіанству признакъ—свободу (2 Кор. 3, 17). „Къ свободѣ призваны вы, братія“—напоминалъ онъ увѣровавшимъ во Христа іудеямъ и язычникамъ (Гал. 5, 13).

Итакъ, христіане должны принять возвѣщенную свободу гражданской жизни съ радостью и благословеніемъ, какъ вѣяніе Духа Божія, какъ начало осуществленія и въ гражданской жизни признаковъ Церкви, т. е. царства Христова. Пусть каждый изъ насъ, въ какомъ бы низкомъ состояніи земного бытія онъ ни находился, уже не чувствуетъ себя рабомъ устрояемой людьми государственности. Христіанинъ долженъ стремиться къ освобожденію себя отъ рабства и если христіанинъ называется рабомъ Христа, то и это рабство не есть рабій страхъ, а то дерзновеніе, которое дозволяетъ намъ къ самому Богу и Отцу обращаться съ сыновней близостью и говоритъ Ему: Авва, Отче!. (Рим. 8, 15).

Гражданская свобода освобождаетъ языкъ нашъ отъ узъ, давая возможность безтрепетно говорить правду, она охраняетъ отъ внѣшнихъ посягательствъ жилище наше, она даетъ намъ право соединяться въ союзы для достиженія общей цѣли. Христіанство привѣтствуетъ всѣ виды этой свободы, ибо само оно ко всему этому стремится для достиженія еще здѣсь на землѣ царства Божія. Но, благословляя эту свободу, христіанство не

можетъ не указать на всѣ тѣ опасности, когда человѣкъ пользуется всѣми видами этой свободы необузданно или для достиженія недобрыхъ цѣлей. Вотъ здѣсь-то христіанамъ и нужно вспомнить наставленія слова Божія, какъ нужно пользоваться свободою, чтобы свобода эта была христіанскою. Свободнымъ людямъ,—говоритъ ап. Петръ,—нужно пользоваться свободою не для прикрытія зла (Петр. 2, 16). „Къ свободѣ призваны вы, братіе, учитъ насъ апостолъ Павелъ, но только бы свобода ваша не была поводомъ къ угожденію плоти (Гал. 5, 13). „Берегитесь,—говоритъ апостолъ христіанамъ по другому случаю,—чтобы свобода ваша не послужила соблазномъ для немощныхъ (1 Кор. 8, 9“).

И когда христіанинъ будетъ встрѣчаться съ различными видами свободы или когда онъ будетъ самъ осуществлять ихъ въ своей жизни, не всякую свободу онъ долженъ принимать, какъ христіанскую. Свобода совѣсти есть высшее благо души христіанской, но не долженъ-ли христіанинъ, согласно ученію апостольскому, слѣдовать заповѣдямъ только *доброй совѣсти* (1 Петр. 3, 16), освобождаться отъ *порочной совѣсти* (Евр. 10, 22; Дѣян. 29, 16), *очищать свою совѣсть* (Евр. 9, 14), *отвергать оскверненную совѣсть* (1 Кор. 8, 7; Тит. 1, 15), *остерегаться сожженныхъ совѣстью* (Тим. 9, 2)? Если мы радуемся свободѣ слова устнаго и печатнаго, то не благовременно-ли намъ вспомнить краснорѣчивое наставленіе апостола Іакова по поводу языка человѣческаго, наставленіе на тему: *„Кто не согрѣшаетъ въ словѣ*,—тотъ человѣкъ совершенный, могущій укротить все тѣло“ (3, 2, 12). Если для насъ открыта свобода союзовъ и собраній, то не приходитъ-ли намъ на память воспѣваемый часто въ церкви псаломъ Давида: блаженъ мужъ, иже *не иде на совѣтъ нечестивыхъ и на пути грѣшниковъ не ста,—и на сѣдалищахъ губителей не сѣдѣ*?.. Если мы крѣпко стоимъ за неприкосновенность нашей личности и нашего жилища отъ незаконныхъ посягательствъ властей, то вѣдь нужно помнить еще и то, что говоритъ апостолъ, именно, что и начальствующіе страшны не для добрыхъ дѣлъ, но для злыхъ. Хочешь-ли не бояться власти? Дѣлай добро и получишь похвалу отъ нея, ибо начальникъ есть Божій слуга, тебѣ на добро. Если же дѣлаешь зло, бойся, ибо онъ не напрасно носитъ мечъ; онъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое (Рим. 13, 3—4).

Итакъ, новая гражданская жизнь должна отнынѣ устрояться на началахъ свободы. Но вѣдь, осуществляя въ жизни одну лишь свободу, мы встрѣтимся и съ тѣмъ, что свободой воспользуются богатые противъ бѣдныхъ, сильные противъ безсильныхъ, знатные противъ незнатныхъ. Если бы въ основу гражданскихъ отношеній положить одну только свободу, то гнетъ богатства, силы и знатности былъ бы еще сильнѣе и нестерпимѣе, чѣмъ былъ доселѣ. И вотъ, если мы полагаемъ свободу въ основу нашей гражданской жизни и хотимъ, чтобы эта свобода носила христіанскій характеръ, мы должны постараться еще и о томъ, чтобы свобода сопровождалась христіан-

скимъ характеромъ, т. е. равенствомъ всѣхъ людей. Всѣ люди—дѣти Божіи, всѣ произошли отъ одного человѣка, всѣ имѣютъ одно обѣтованіе вѣчной жизни, если захотятъ воспользоваться имъ. Итакъ, ничто, ни богатство, ни сила, ни власть, ничто не должно внѣшне и насильственно возвышать одного человѣка и унижать, порабощать другого. Только при равенствѣ личнаго достоинства всѣхъ людей возможно осуществленіе свободы, насколько это, конечно, возможно въ этомъ грѣшномъ мірѣ. Пусть богатство, знатность, власть и сила будутъ личнымъ пріобрѣтеніемъ каждаго, пусть все это даже передается отъ родителей къ дѣтямъ, какъ наслѣдство, добытое трудомъ предковъ, но оно не должно давать никакихъ внѣшнихъ преимуществъ въ государствѣ,—общемъ нашемъ достояніи. Тогда, при равенствѣ личнаго достоинства всѣхъ гражданъ, богатство, сила и знатность не будутъ предметомъ сословной зависти, тогда и не будетъ повода къ этимъ ужаснымъ народнымъ нестроеніемъ. Тогда настанетъ гражданское братство людей, т. е. подготовится та внѣшняя почва для объединенія всѣхъ людей въ братство, когда не будутъ говорить: человѣкъ для человѣка — волкъ, а скажутъ: всѣ мы братья, граждане и христіане.

Свобода гражданская только тогда доброе основаніе гражданской жизни, когда она соединяется съ христіанскимъ равенствомъ и ведетъ къ христіанскому братству. Свобода, равенство и братство,—это все христіанскія понятія. Соціалистами они взяты изъ Евангелія. И если провозглашеніе свободы, равенства и братства не создало еще царства Божія на землѣ, то въ этомъ виноваты мы—христіане. Мы объ этомъ мало думаемъ и къ этому мало стремимся, а соціалисты, которые къ этому стремятся, употребляютъ не христіанскія средства, почему они и недостигаютъ цѣлей царства Божія.

Свобода гражданская ложится нынѣ въ основу новаго государственнаго устройства земли русской и задача пастырей церкви напомнить христіанамъ, что у христіанъ всѣ гражданскія свободы должны носить христіанскій характеръ. Но во всякомъ государствѣ существуетъ опредѣленное и закономъ устанавливаемое государственное устройство. Это какъ бы чертежъ или планъ, по которому должны дѣйствовать строители государства. Строителемъ государства является власть въ ея различныхъ видахъ. Какое государственное устройство согласно съ духомъ христіанства и какъ христіанство относится къ государственной власти? Власть государственная естественно должна сохраниться и въ обыкновенной жизни государства нашего. Власть эта должна охранять гражданскую свободу людей и обезпечивать за ними блага государственной жизни. Христіанство смотритъ на власть, обезпечивающую намъ жизнь, тихую и безмятежную, какъ на божественное установленіе и призываетъ христіанъ къ повиновенію предержащимъ властямъ (Рим. 13, 1—2) не только за страхъ, но и за совѣсть. Христіанство не входитъ въ разсмотрѣніе политической формы власти, не защищаетъ тотъ или иной

видъ ея, а указываетъ, что существуетъ власть на землѣ по божественному изволенію, чтобы люди могли проводить жизнь тихую и безмятежную.

До сихъ поръ у насъ на Руси осуществлялась власть въ формѣ неограниченнаго царскаго самодержавія и чрезъ посредство поставляемыхъ Царемъ и отвѣтственныхъ только предъ нимъ чиновниковъ. Нынѣ возвѣщено единеніе Царя и народа въ осуществленіи какъ законодательной, такъ управительной власти. Еще не выяснено, что останется за Царемъ и что перейдетъ къ народу въ лицѣ его представителей, или, говоря политическимъ языкомъ, еще не установлено, какая у насъ будетъ конституція. Въ этомъ вопросѣ еще меньше, чѣмъ въ вопросѣ о той или иной формѣ гражданской свободы, священникъ можетъ выступить съ ученіемъ Христовымъ. Дѣло въ томъ, что Церковь Христова можетъ существовать въ государствахъ самаго различнаго государственнаго устройства. Церковь Христова существуетъ въ доселѣ неограниченномъ самодержавномъ государствѣ русскомъ, но она существуетъ и въ деспотической Турціи, и въ конституціонныхъ монархіяхъ Греціи, Сербіи, Болгаріи и даже языческой Японіи и въ республиканскихъ Соединенныхъ Штатахъ въ Америкѣ. Церковь Христова имѣетъ существовать вѣчно и по всей землѣ и не можетъ себя связывать съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ образомъ государственнаго управленія, ибо всѣ государственныя формы правленія временны и преходящи

Во имя вѣры Христовой или во имя Церкви Христовой слѣдовательно нельзя стоять за неограниченное самодержавіе, или за конституціонную монархію, или за республику. Это дѣло не вѣры, не Церкви, а личныхъ политическихъ взглядовъ или пользы государственной. Но въ этомъ вопросѣ есть одна сторона, которая требуетъ отъ христіанина большой осторожности и осмотрительности, когда онъ устанавливаетъ и защищаетъ свои политическіе взгляды на государственную власть. Кому бы эта власть ни принадлежала: одному ли Царю и его чиновникамъ, или одному только народу, или, наконецъ Царю и народу вмѣстѣ, христіанинъ долженъ ясно представлять себѣ размѣры той человѣческой власти, которые онъ можетъ считать согласными со своей христіанской совѣстью. Можетъ-ли напр. христіанинъ желать для царской власти такой безграничности, какъ власть древняго Навуходоносора, „величіе котораго дошло до небесъ и власть до краевъ земли“, когда только страшное посланное ему отъ Бога наказаніе, образъ звѣриный, могъ напомнить ему и всѣмъ людямъ, что не царь земной, а „Всевышній владычествуетъ надъ царствомъ человѣческимъ и даетъ его кому хочетъ“ (Дан. 4, 14). Можетъ-ли христіанинъ желать такой царской власти, которая была у римскихъ императоровъ, ставившихъ свои статуи для поклоненія и еще заживо величаемыхъ богами? Такое обоженіе царской власти противно христіанской совѣсти и губитъ самую царскую власть. Русскій православный народъ преданъ своему православному русскому царю, и мы увѣрены,

что народъ и впередъ останется вѣрнымъ царю и въ большинствѣ русскіе останутся, какъ теперь говорятъ, монархистами, но православные христіане не должны и не могутъ думать такъ, что царь на землѣ есть то, что Богъ на небѣ. Богъ на небѣ и на землѣ и власть царя должна ограничиваться волею Божіею. Вотъ раскройте книгу пророка Моисея, Второзаконіе, тамъ прочтите, на какихъ условіяхъ народъ Божій можетъ и долженъ принимать царскую власть. „Когда ты прійдешь въ землю,—говоритъ Моисей къ народу Божію,—которую Господь Богъ твой даетъ тебѣ, и овладѣешь ею, и поселишься въ ней и скажешь: поставлю я надъ собою царя, подобно прочимъ народамъ, которые вокругъ меня,—то поставь надъ собою царя, котораго изберетъ Господь Богъ твой; изъ среды братьевъ твоихъ поставь надъ собою царя; не можешь поставить надъ собою царемъ иноземца, который не братъ тебѣ. Только чтобы онъ не умножалъ себѣ коней... и чтобы не умножалъ себѣ женъ... и чтобы серебра и золота не умножалъ себѣ чрезмѣрно. Но когда сядетъ на престолѣ царства своего, долженъ списать для себя списокъ закона съ книги, находящейся у священниковъ, и пусть онъ будетъ у него и пусть онъ читаетъ его во всѣ дни жизни своей, дабы научался бояться Бога, Господа Своего, и старался исполнять всѣ слова закона сего и постановленія сіи, чтобы не надмевалось сердце его предъ братьями его, и чтобы не уклонялся онъ отъ закона ни направо, ни налѣво, дабы долгіе дни пребылъ на царствѣ своемъ онъ и сыновья его посреди Израиля“ (Вт. 17, 14—20).

Отвергая самую мысль, что человѣческая государственная власть не должна на землѣ ограничиваться никакими установленіями, христіане въ тоже время не могутъ не желать, чтобы самое проявленіе государственной власти носило христіанскій характеръ, чтобы въ христіанскомъ государствѣ власть не господствовала надъ людьми, а служила людямъ. Вы помните, какъ училъ объ этомъ Христосъ. „Князья народовъ,—говорилъ онъ ученикамъ своимъ, когда у нихъ поднялся вопросъ о первенствѣ,—князья народовъ господствуютъ надъ ними и вельможи властвуютъ ими; но между вами да не будетъ такъ: а кто хочетъ между вами быть большимъ, да будетъ вамъ слугою, и кто хочетъ между вами быть первымъ, да будетъ вамъ рабомъ“ (Мѳ. 20, 25, 27). „Если Я, Господь и Учитель, умылъ ноги вамъ, говорилъ Христосъ по другому случаю, то и вы должны умывать ноги другъ другу. Ибо Я далъ вамъ примѣръ, чтобы и вы дѣлали тоже, что Я сдѣлалъ вамъ“ (Іоан. 13, 14). Такое самосмиреніе власти отъ надменности и господства, такое полное преданіе себя на служеніе ближнимъ и должно отличать христіанскихъ начальниковъ въ христіанскомъ государствѣ отъ прочихъ обыкновенныхъ земныхъ властей. Повиноваться властямъ это нашъ долгъ; желать, чтобы власти служили не себѣ, а людямъ—это стремленіе или чаяніе христіанской души нашей...

Въ области христіанской политики христіанинъ долженъ еще

со всею ясностью уяснить себѣ вопросъ объ отношеніи государственной власти къ Церкви Христовой. Можетъ ли эта власть простираться на вѣру нашу, на внутреннюю жизнь Церкви Христовой? Можетъ ли власть государственная, будетъ ли то царская власть или власть представителей народныхъ, Государственная Дума, напр., можетъ ли она вмѣшиваться въ то, какъ христіане должны вѣровать, чему покланяться, когда собираться въ храмъ на молитву, когда нѣтъ, кого нужно вѣнчать таинствомъ брака, кого нѣтъ, кого хоронить христіанскимъ погребеніемъ и т. д.? Можетъ ли власть государственная издавать приказы по этимъ вопросамъ? Конечно, нѣтъ! Для православныхъ христіанъ въ Церкви Христовой, въ ея вѣрѣ и обрядахъ—начальникомъ долженъ быть только Христосъ и сама Церковь, руководимая Духомъ Божіимъ и управляемая, на основаніи церковныхъ правилъ поставленною іерархіею. Власть государственная въ христіанскихъ государствахъ часто этимъ злоупотребляетъ. Византійскіе императоры часто въ своихъ указахъ разсылали своимъ подданнымъ приказанія, какъ нужно вѣровать. Близко къ этому, по недоразумѣнію, дѣлается и у насъ, когда царя почитаютъ за главу и судію Церкви, въ то время, какъ онъ, хотя и Царь, но не глава и не судія Церкви, а только сынъ ея. Еще хуже мы замѣчаемъ въ Англіи, гдѣ власть на дѣлѣ перешла отъ короля къ народу; представители народа или парламентъ получилъ тамъ власть надъ Церковью и издаетъ повелѣніе—почитать святыхъ или нѣтъ, молиться за умершихъ или нѣтъ, кадить въ храмахъ или нѣтъ. Не должна Церковь вмѣшиваться въ дѣла мірскія и главенствовать надъ мірскою властью, чего, напр., добивается католичество, но и мірская власть не должна браться за то дѣло, которое принадлежитъ Церкви и Ей единой... Вотъ почему всѣ христіане должны желать и содѣйствовать тому, чтобы наша православная Церковь освободилась изъ-подъ гнета мірской власти, чтобы она управлялась не мірскими чиновниками, а церковнымъ священноначаліемъ, на основаніи Евангелія и правилъ Апостоловъ и св. Отецъ. Вотъ почему нужно желать скорѣйшаго созванія Церковнаго собора изъ представителей всей Церкви, чтобы Церковь могла сказать, въ чемъ должна быть ея свобода и какъ должна протекать ея жизнь. Съ этимъ дѣломъ нужно поспѣшить, чтобы не было поздно. Ибо когда Государственная Дума, куда войдутъ и вѣрующіе и невѣрующіе, и православные, и католики, и протестанты, и магометане, и язычники, когда она возьметъ власть и надъ Церковью православною, тогда послѣднее будетъ горше перваго: изъ-подъ власти православныхъ чиновниковъ власть надъ церковью можетъ перейти въ руки разновѣрнаго и разноязычнаго народа. Мы, православные христіане, должны постараться поэтому о томъ, чтобы Государственная Дума вѣдала одни мірскія дѣла, дѣла же церковныя предоставила вѣдать церковному собору.

И послѣдній вопросъ нашей бесѣды о христіанской политикѣ таковъ: какъ же христіанинъ долженъ добиваться осуществленія здѣсь на землѣ своихъ гражданскихъ желаній? Одни изъ

людей добиваются ихъ борьбою. Соціалисты, напр., часто повторяютъ слова: „въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“. А христіане какъ могутъ и должны находить и осуществлять свои гражданскія права? На это Христово ученіе Евангеліе преподаетъ намъ, христіанамъ, положительныя правила. Кто изъ насъ, христіанъ, вынетъ мечъ на добычу своихъ гражданскихъ правъ, или на пораженіе своихъ политическихъ противниковъ, отъ меча и погибнетъ. Не насиліемъ христіане должны добиваться правъ своихъ, а мольбою къ Богу. Богъ найдетъ средство и пошлетъ людей, чрезъ которыхъ мы получимъ то, что должны получить по изволенію Божію. Въ этомъ отличіе христіанъ отъ соціалистовъ. Многаго добраго они желаютъ, чего и мы просимъ себѣ отъ Бога, напр., равенства всѣхъ людей въ государствѣ, обезпеченія человѣка на случай болѣзни или старости и малолѣтнихъ дѣтей на случай смерти родителей, безплатнаго обученія, возможности каждому трудиться на собственномъ кускѣ земли подъ кущею своей и смоковницей своей и т. д. Но всего этого соціалисты желаютъ достигнуть насиліемъ надъ хозяевами земли, фабрикъ, заводовъ и государственной казны; христіанинъ долженъ достигать всего этого мольбою къ Богу, чтобы Богъ смягчилъ и просвѣтилъ сердце богачей и непрестанною просьбою къ самимъ богачамъ подѣлить тотъ даръ Божій, которымъ они владѣютъ, съ неимущими. Весь міръ долженъ быть наполненъ мольбою обиженныхъ и. вѣрьте Богу, свершится то чудо, котораго насильники добиваются огнемъ и мечомъ... Кому изъ насъ не вѣдомы слова Спасителя: „Просите и дано будетъ вамъ, ищите и найдете; стучите и отворятъ вамъ, ибо всякій просящій получаетъ, и ищущій находитъ, и стучащему отворятъ“ (Мѳ. 5, 7, 8). И когда христіанину, въ отвѣтъ на такую вѣру его въ Бога и людей, кто либо отвѣтитъ: Богъ-то дастъ, да человѣкъ не подастъ, христіанинъ долженъ вспомнить притчу, которую разсказалъ Христосъ въ отвѣтъ на такое сомнѣніе. Вотъ этотъ евангельскій разсказъ. „Въ одномъ городѣ былъ судія, который Бога не боялся и людей не стыдился. Въ томъ же городѣ была одна вдова, и она, приходя къ нему, говорила: защити меня отъ соперника моего. Но онъ долгое время не хотѣлъ. А послѣ сказалъ самъ себѣ: хотя я и Бога не боюсь и людей не стыжусь, но какъ эта вдова не даетъ мнѣ покоя, защищу ее, чтобы она не приходила больше докучать мнѣ. И сказалъ Господь: слышите, что говоритъ судія неправедный. *Богъ ли не защититъ избранныхъ Своихъ, вопіющихъ къ Нему день и ночь, хотя и медлитъ защищать ихъ. Сказываю вамъ, что подастъ имъ защиту вскорѣ*“ (Лук. 18, 2—8). Въ рукахъ Божіихъ всѣ стихіи міра, судьба всѣхъ народовъ и каждаго человѣка и Онъ ли не можетъ направить судьбы человѣческія на путь своей божественной правды по прошенію вѣрующимъ въ Него, вопреки борющимся съ Нимъ. Мы, христіане, можемъ спокойно ждать. Долготерпѣніе Божіе мы должны принимать, какъ испытаніе нашей вѣры и нашего сознанія и въ этомъ испытаніи не должны ни шагу дѣлать на путь Ветхаго

Завѣта, на путь насильниковъ и невѣровъ. У насъ, христіанъ закономъ нашей политической жизни да будетъ слово Христово: не противься злому человѣку!.. И если Богъ не облекъ насъ въ начальственныя права, если мы не несемъ обязанности мечемъ противиться злое творящему, то злой человѣкъ потребуетъ отъ насъ исполненія противнаго нашей христіанской совѣсти, нашъ языкъ да воздержится отъ хульныхъ словесъ порицанія, а рука наша да не поднимется для пораженія. Мы должны ужасаться при видѣ разбоя и погромовъ, которыми одни люди отвѣчаютъ другимъ. И если этой братоненавистнической борьбѣ, этому забвенію заповѣдей Божіихъ: не укради и не убій, предаются невѣрующіе это еще попятно, но когда вамъ подражаютъ христіане вѣрующіе, это ужасно... Мы не должны слушаться злого, не должны исполнять то, что противно нашей совѣсти, но не разбоемъ, не насиліемъ должны отвѣчать, а отвѣчать такъ, какъ нѣкогда отвѣтили Апостолы членамъ Синедріона: Богу нужно повиноваться больше, нежели людямъ.. И Богъ дастъ намъ такую побѣду надъ противниками нашими, какую далъ Апостоламъ надъ современнымъ имъ языческимъ и іудейскимъ мірами. Не мудрые міра, они посрамили мудрыхъ, немощные міра, они посрамили сильныхъ и незнатные міра и уничиженные и ничего не значущіе, они упразднили значущее, чтобы никакая плоть не хвалилась предъ Богомъ (1 Кор. 1, 27).

Но, предлагая воздерживаться въ своей гражданской политической жизни отъ всякаго насилія надъ противниками своихъ политич. убѣжденій, ибо христіанинъ все свое упованіе долженъ возложить на Бога и на торжество правды на землѣ, христіанство отнюдь не отвращаетъ христіанъ отъ самаго живого участія въ политической гражданской жизни страны Православные христіане должны воспользоваться всею полнотою своего гражданскаго разумѣнія и своихъ гражданскихъ законныхъ правъ, христіанинъ—человѣкъ, сынъ своей родины и не можетъ отрѣшиться отъ мысли, что современная жизнь имѣетъ связь съ жизнью прошлаго и имѣетъ продолженіе въ будущемъ. Христіанинъ, поэтому, не можетъ совершенно отвернуться отъ прошлой исторіи своего народа, но въ урокахъ прошлаго и любви своей къ старинѣ предковъ долженъ онъ находить для себя вдохновеніе для дальнѣйшаго развитія страны. Съ другой стороны онъ долженъ ясно представлять себѣ, что исторія народовъ еще не закончилась. Предъ народами стоятъ еще не осуществленныя задачи, особенно предъ нашимъ православнымъ русскимъ народомъ. Мы не должны отвращаться отъ этихъ задачъ и чтобы осуществить ихъ, мы должны воспользоваться свободно всѣми тѣми средствами общественной науки, которыя указываются для достиженія большаго и общаго блага на землѣ Если все мы будемъ дѣлать только по старинѣ, какъ отцы и дѣды дѣлывали, то вскорѣ вернемся вспять, къ рабству и мраку.

Христіанинъ не можетъ чуждаться и участія въ работѣ различныхъ политическихъ партій. Каждый человѣкъ обладаетъ различными дарами и нужно соединять ихъ на общую и боль-

шую пользу. И христіанинъ, приступая къ политической дѣятельности можетъ примкнуть къ тѣмъ изъ политическихъ партій, которыя болѣе всѣхъ другихъ соотвѣтствуютъ его политическимъ взглядамъ и христіанскому настроенію. Но христіанинъ долженъ примыкать къ нимъ всецѣло, безпрекословно, съ рабскою покорностью. Только тогда православный христіанинъ могъ бы всецѣло примкнуть къ политической партіи, если бы она всецѣло выражала однѣ лишь христіанскія мысли и желанія и указывала бы чисто-христіанскій образъ дѣйствія. Такой партіи еще нѣтъ, но она будетъ, когда православная Церковь возсіяетъ въ мірѣ во всей своей свободѣ и своей чистотѣ, когда Церковь Христову будутъ представлять не одни храмы да священники, а всѣ православно вѣрующіе, объединенные съ Богомъ и между собою во одно Тѣло Христово...

Нынѣ я хотѣлъ только разъяснить, какой характеръ должно носить устроеніе гражданской жизни христіанскаго народа. Во-первыхъ, гражданскія отношенія между всѣми людьми въ христіанскомъ государствѣ должны устрояться на началахъ свободы, стремиться къ равенству и осуществлять братство всѣхъ людей между собою. Во-вторыхъ, принимая и подчиняясь власти, какъ божественному установленію, христіане должны стремиться къ тому съ одной стороны, чтобы въ подчиненіи власти не дойти до человѣкообожанія, когда власть ставится на мѣсто Бога, будетъ ли эта власть въ одномъ лицѣ, какъ въ монархіяхъ, или въ лицѣ народныхъ представителей, какъ въ республикахъ, съ другой стороны, чтобы власть стремилась не къ господству надъ народомъ, а къ служенію народу. Наконецъ, въ третьихъ, участіе христіанъ въ достиженіи различныхъ цѣлей политической жизни не должна отличаться насильственнымъ характеромъ. Молитва къ Богу и просьбы къ людямъ—вотъ наше оружіе въ политической борьбѣ. Только такое христіанское ученіе въ политической жизни въ эти дни общаго нестроенія будетъ полезно, только такое дѣйствованіе согласно съ христіанскимъ закономъ, только христіанская политика будетъ имѣть на себѣ благословеніе Божіе и съ нами будетъ Богъ. А если Богъ съ нами, кто противъ насъ?

Священникъ-миссіонеръ *С. Потѣхинъ.*

Къ десятилѣтнему юбилею.

По случаю исполнившагося десятилѣтія изданія журн. „Миссіон. Обозр.“, Тамбовскій епархіальн. миссіонерскій съѣздъ прислалъ телеграмму слѣдующаго содержанія:

Петербургъ, Невскій 153.

Редакція „Миссіонерскаго Обозрѣнія“.

Собравшись на миссіонерскій съѣздъ, мы сердечно привѣтствуемъ „Миссіонерское Обозрѣніе“ съ его десятилѣтнимъ служеніемъ нуждамъ дорогой намъ миссіи, и желаемъ уважаемому журналу и впредь бодро стоять на стражѣ интересовъ миссіи.

Миссіонеръ Базарянинов.
Миссіонеръ Третьяковъ.
Миссіонеръ Иванъ Айвазовъ.
Священникъ Ѳеодоръ Малицкій.
Свящ. Василій Успенскій.
Священникъ Александръ Дмитріевъ.
Бывшій миссіонеръ, свящ. Алексѣй Знаменскій.
Священникъ Петръ Ангеловъ.
Священникъ Владиміръ Конобѣевскій.
Священникъ Іоаннъ Похваленскій.
Діаконъ Петръ Шмаринъ.
Священникъ Михаилъ Панскій.
Священникъ Николай Скрижалинъ.
Священникъ Павелъ Воскресенскій.
Протоіерей Василій Викторовъ.
Священникъ Іоаннъ Бѣляковъ.
Священникъ Василій Тигровъ.
Протоіерей Василій Ремизовъ.
Священникъ Василій Даниловъ.
Священникъ Іоаннъ Преображенскій.
Священникъ Дмитрій Агрѣевъ.

Священникъ Владиміръ Покровскій
Священникъ Кирилій Архангельскій.
Священникъ Павелъ Добротворцевъ.
Священникъ Алексѣй Петровъ.
Священникъ Павелъ Молчановъ.
Священникъ Павелъ Кедринъ.
Священникъ Дмитрій Соколовъ.
Священникъ Николай Оржевскій.
Священникъ Ѳеодоръ Словинъ.
Священникъ Василій Санталовъ.
Священникъ Алексѣй Богословскій.
Священникъ Петръ Конобѣевскій.
Священникъ Александръ Николаевскій.
Священникъ Петръ Сергіевскій.
Священникъ Григорій Потапьевъ.
Священникъ Петръ Полянскій.
Псаломщикъ-начетчикъ Дмитрій Федотовъ.
Священникъ Георгій Константиновскій.

1906. Февраль. XI.

МИССІОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЖУРНАЛЪ ВНУТРЕННЕЙ МИССІИ.

№ 2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Т-ва «СВѢТЪ» Невскій, 136. 1906.
Редакція „Миссіонерск. Обозр.“ Невскій, 153. Телеф. № 5226.

Содержаніе февральской книжки

журнала „Миссіонерское Обозрѣніе“ за 1906 годъ.

Какое мѣсто въ церковной жизни могутъ и должны имѣть миссіонерскія собесѣдованія съ народомъ въ настоящее время. Свящ. *С. Потѣхинъ* . . . . . 121—138

Къ исторіи раскольничьяго бѣгунскаго толка. *Д. М. Березкинъ* . . . . . 139—157

Обличеніе лжеученія хлыстовской секты. *Д. Граціанскій* . . 158—171

О судебныхъ доказательствахъ по каноническому праву (къ предстоящей реформѣ церковнаго судопроизводства). *В. Троицкій* . . . . . 172—177

Къ вопросу о томъ, какъ поднять религіозно-нравственное настроеніе православныхъ, удержать ихъ отъ уклоненія въ сектантство и улучшить ихъ отношеніе къ служителямъ Церкви. Свящ. *І. С—скій* . . . . . 178—186

Духовныя пѣсни скопцовъ Курской епархіи. Свящ. *Шевалеевскій* . . . . . 187—197

Бѣлокриницкій старообрядческій митрополитъ Аѳанасій и отношеніе къ нему русскихъ окружниковъ. *Г. Захаревича* . . . . . 198—212

Церковь Христова и временно безъ епископа быти не можетъ. (Изъ полемики). Мисс. свящ. *С. Шалкинскаго* и *Калл. Картушина* . . . . . 213—221

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи Церкви.

Въ отвѣтъ нашему критику изъ „Церковнаго Вѣстника“. *П. Преображенскій* . . . . . 222—230

„Старообрядецъ“, ежемѣс. журналъ, № 1. Нижег. епарх. мисс. прот. *Н. Фіалковскій* . . . . . 230—234

Lettres Provinciales Блеза-Паскаля (къ 250-лѣтнему ихъ юбилею). *П.Ософиловъ* . . . . . 234—236

Миссіонерство, секты и расколъ.

Какъ отразился на православной Церкви Высочайшій указъ о свободѣ вѣроисповѣданій?—Сужденія Полоц-

Какое мѣсто въ церковной жизни могутъ и должны имѣть миссіонерскія собесѣдованія съ народомъ въ настоящее время?

Миссіонерскія собесѣдованія съ старообрядцами и сектантами были, и мы думаемъ, останутся главнымъ видомъ дѣятельности нашей внутренней миссіи. Они получили въ послѣднее время широкое распространеніе, но начинающая осуществляться надежда на освобожденіе церковныхъ приходовъ отъ слишкомъ большой опеки со стороны центральнаго управленія, — а къ этой опекѣ относятъ и миссіонерскую помощь приходамъ, — можетъ рѣзко поставить вопросъ: нужны-ли въ приходѣ миссіонерскія собесѣдованія пріѣзжихъ миссіонеровъ. Законъ 17 апрѣля обособляетъ старообрядцевъ и сектантовъ отъ православнаго населенія настолько, что многимъ приходскимъ священникамъ съ этого времени представляются уже невозможными какія бы то ни было миссіонерскія собесѣдованія, и самое существованіе миссіи не имѣющимъ смысла и, посему, излишнимъ.

Нужно сознаться, что такое отрицательное отношеніе къ миссіонерскимъ собесѣдованіямъ и къ миссіонерамъ слышалось еще задолго до закона 17 апрѣля. Весьма многіе изъ приходскаго духовенства, вопреки указамъ Святѣйшаго Синода и разъясненіямъ своего епархіальнаго начальства относительно обязательности повсемѣстной организаціи миссіонерскихъ собесѣдованій, не только не прилагали къ этой организаціи созидающихъ рукъ, но и пріѣзжимъ для собесѣдованій миссіонерамъ вкладывали палки въ колеса. И замѣчательно: чѣмъ проще и менѣе ученымъ оказывался приходскій священникъ, тѣмъ съ большею охотой и доброжелательствомъ относился онъ къ собесѣдованіямъ. Ученое духовенство, по большей части, относилось къ собесѣдованіямъ

миссіонеровъ положительно съ высокомѣріемъ и презрительностью даже въ тѣхъ случаяхъ, когда приходы ихъ оказывались зараженными сектантствомъ въ сильной степени.

Кажется, рѣдкое явленіе церковной жизни удостаивалось такихъ трогательныхъ заботъ высшаго церковнаго правительства, какихъ удостоивалась миссія. И тѣмъ не менѣе, недовольство миссіонерскими собесѣдованіями со стороны духовенства и недоброжелательство къ миссіонерамъ какъ будто бывали непобѣдимы.

Многое въ этихъ чувствахъ можно отнести на долю человѣческаго, только человѣческаго... Какъ ни какъ, а миссіонеръ чужой приходу человѣкъ и вмѣшивается въ чужое дѣло, а приходскій священникъ съ естественнымъ человѣческимъ самолюбіемъ, которое не такъ легко растворить въ сознаніи блага прихода, часто блага всей Церкви Христовой. Миссіонеры, дальше, люди, по большей части, молодые, не сановные, безъ знаковъ отличій, съ сомнительною надеждою на дальнѣйшую карьеру. Являются они въ приходъ, правда, безъ оффиціальнаго уполномочія на ревизію, но кто помѣшаетъ ему прописать въ рапортѣ, а то и проговориться предъ начальствомъ на докладѣ или за чашкой чая? Все это создаетъ въ высокой степени неблагопріятную почву и для миссіонерскихъ собесѣдованій, и для самихъ миссіонеровъ среди духовенства.

Но если мы отбросимъ въ сторону все то, что говорится противъ миссіонерскихъ собесѣдованій по побужденіямъ чисто человѣческихъ слабостей, если мы признаемъ, съ другой стороны, что неблагопріятныя сужденія о миссіонерскихъ собесѣдованіяхъ могутъ имѣть основаніе въ неумѣлой постановкѣ бесѣдъ и часто въ неспособности лицъ, которые берутся за это дѣло, то все же въ почти общемъ отрицательномъ отношеніи большинства образованнаго духовенства (я уже не говорю о свѣтскихъ лицахъ) есть принципіальная сторона, которая требуетъ самаго внимательнаго разсмотрѣнія. Есть миссіонеры высокаго христіанскаго настроенія, есть бесѣды глубочайшаго богословствованія и пламеннаго краснорѣчія и все-таки даже эти миссіонеры и эти бесѣды не могутъ примирить отрицателей съ пользою и смысломъ миссіонерскихъ собесѣдованій.

Принципіально отрицательное отношеніе вытекаетъ изъ соображеній частью теоретическаго, частью практическаго содержанія.

Миссіонерскія собесѣдованія для большинства лицъ, отрицательно относящихся къ нимъ, представляются простымъ споромъ или состязаніемъ между православными съ одной стороны и сектантами съ другой. Бесѣды представляются какъ бы турниромъ, борьбою способностей и силъ нападать и защищаться. При этомъ указывается на попытки каждаго собесѣдника проявить словесную ловкость на діалектическія ухищренія, на искусственный подборъ текстовъ и доказательствъ, благопріятныхъ своимъ положеніямъ, и на умалчиваніе всего благопріятнаго чужимъ, словомъ указывается на то, что характеризуетъ обычные человѣческіе споры до ученыхъ диспутовъ включительно. Другихъ отрицателей миссіонерскихъ собесѣдованій соблазняетъ то, что эти собесѣдованія являются какъ бы публичною выставкою религіозныхъ разногласій, часто поношеніемъ православія и оказательствомъ ереси. Указываютъ на часто повторяющіяся на собесѣдованіяхъ кощунственныя выходки сектантовъ противъ православнаго ученія, обычаевъ, обрядовъ, священниковъ и т. д., однимъ словомъ противъ всего, что дорого чувству православнаго человѣка.

Подъ такимъ угломъ зрѣнія, въ первомъ и второмъ случаѣ, миссіонерскія собесѣдованія кажутся противными нравственному чувству религіознаго человѣка. Вѣра есть сокровище сердца нашего и доказательность ея состоитъ, по Апостолу, „не въ препрѣтельныхъ человѣческія мудрости словесѣхъ, но въ явленіяхъ духа и силы“. Прямыя указанія Св. Писанія также не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что всякій религіозный споръ, какъ и всякая выставка религіозныхъ разномыслій не могутъ и не должны имѣть мѣста среди христіанъ. „О, Тимоѳей,—завѣщевалъ апостолъ Павелъ,—храни преданное тебѣ, отвращаясь негоднаго пустословія и прекословія лжеименнаго разума“ (6, 20). Апостолъ заповѣдовалъ избѣгать всего того, что производитъ больше споры, нежели Божіе назиданіе въ вѣрѣ (1, 4). Всякую выставку разногласія и разномыслія въ дѣлѣ вѣры Апостолъ считалъ прискорбной, и рѣдкое явленіе въ церковной жизни такъ огорчало Апостола, какъ видимыя разномыслія и несогласія. Онъ увѣщевалъ христіанъ оставлять эти разномыслія про себя и заявленіемъ ихъ не нарушать единства вѣры Христовой. „Умоляю васъ, братіе,—писалъ Апостолъ по этому поводу коринѳскимъ христіанамъ,—чтобы вы говорили одно и чтобы не было между вами раздѣленій, но чтобы вы

были соединены въ одномъ духѣ и въ однѣхъ мысляхъ. Я разумѣю то, что у васъ говорятъ: я—Павловъ, я—Аполлосовъ, я—Кифинъ, а я—Христовъ. Развѣ раздѣлился Христосъ, развѣ Павелъ распялся за васъ или во имя Павла вы крестились?“ (I, 10—13). Апостолъ допускалъ внутреннее разногласіе у христіанъ по многимъ, конечно, несущественнымъ, вопросамъ, только бы ихъ не обнаруживать и тѣмъ не нарушать мира церковнаго. „Немощнаго въ вѣрѣ (т. е. того, кто не вполнѣ православенъ въ вѣрѣ) принимайте,—наставлялъ Апостолъ римскихъ христіанъ“ (14 гл.),—безъ споровъ о мнѣніяхъ. Ибо иной увѣренъ, что можно ѣсть все, а немощной ѣстъ овощи... Иной отличаетъ день отъ дня, а другой судитъ о всякомъ днѣ равно. Всякій поступай по удостовѣренію ума своего... Каждый изъ насъ за себя дастъ отчетъ Богу. Не станемъ же судить другъ друга, а лучше судите о томъ, какъ бы не подавать брату случая къ преткновенію или соблазну... Будемъ искать того, что служитъ къ миру и взаимному назиданію... Ты имѣешь вѣру, имѣй ее въ себѣ предъ Богомъ“... „Если бы кто захотѣлъ спорить,—говорилъ Апостолъ по другому подобному же случаю,—то мы не имѣемъ такого обычая, ни церкви Божіи“ (1 Кор. 11, 16).

И нельзя не согласиться съ тѣмъ, что миссіонерскія собесѣдованія противны нравственному чувству вѣрующаго христіанина, если они носятъ на себѣ характеръ состязанія въ вѣрѣ, словеснаго турнира съ цѣлью поразить противника или выставить на видъ его неразуміе или слабость. Къ великому сожалѣнію, миссіонерскіе собесѣдованія даже лучшихъ миссіонеровъ не всегда могутъ быть свободны отъ этого упрека въ характерѣ состязанія. Правда, къ этому сознательно ведутъ бесѣды, по большей части, сами сектанты, а православные миссіонеры только отвѣчаютъ на вызовъ. „Пря будетъ, великая пря будетъ“, напередъ объявляли народу родоначальники современныхъ старообрядцевъ предъ знаменитымъ историческимъ собесѣдованіемъ въ Грановитой Палатѣ Никиты Пустосвята съ православными архіереями. „Побѣдихомъ, препрѣхомъ“, восторженно, хотя и безъ большихъ основаній кричали они о результатахъ этой „великой при“. Съ неменьшимъ желаніемъ обратить собесѣдованія въ „прю“ и побѣдить, препрѣть, вступаютъ въ бесѣду и современные старообрядческіе и сектантскіе апологеты и полемисты. Но и православные миссіонеры не удерживаются отъ желанія

разбить противниковъ „на всѣхъ пунктахъ“ и не прекращаютъ разгорѣвшихся споровъ, которые, конечно, никогда не могутъ привести къ „Божію назиданію въ вѣрѣ“...

Больше пользы для вѣры бываетъ, когда миссіонерскія собесѣдованія возвышаются надъ мелочнымъ споромъ и препирательствомъ и, если уже нельзя уклониться отъ спора, представляютъ собою характеръ ученыхъ диспутовъ. Собесѣдованій съ такимъ характеромъ у насъ бываетъ мало уже по одному тому, что если православные миссіонеры могутъ указать въ своихъ рядахъ лицъ, извѣстныхъ своею высокою богословскою ученостью, то этого нельзя сказать про сектантскій міръ. Но чего не было раньше, о томъ нельзя поручиться, что его не будетъ и впредь. Съ свободою вѣроисповѣданія, съ доступностью для сектантовъ самаго широкаго образованія, у нихъ несомнѣнно появятся лица большей не просто богословской начитанности, а прямо-таки учености. Между православными, съ одной стороны, и старообрядцами, съ другой, возможны будутъ публичные ученые диспуты, но миссіонерскія собесѣдованія не должны разсчитывать на особую пользу такихъ диспутовъ. Не помогли эти диспуты католичеству въ XVI вѣкѣ побѣдить протестантство, не помогутъ они и намъ. Вся ученость Экковъ найдетъ себѣ противниковъ въ не менѣе ученыхъ Лютерахъ и Меланхтонахъ, а каноническая правота наша и даже возможный внѣшній успѣхъ будутъ сорваны тѣми двумя-тремя возраженіями, опровергнуть которыя мы будемъ безсильны... Такія возраженія противъ непреложности и неоспоримости во всѣхъ пунктахъ православнаго ученія всегда найдутся, а вѣдь для спорщика всегда будетъ достаточнымъ найти въ противникѣ погрѣшность въ маломъ, чтобы заключить о полной его несостоятельности. Кромѣ того, только умы въ высокой степени объективные,—а такіе встрѣчаются чрезвычайно рѣдко,—могутъ придти къ заключеніямъ, имѣющимъ плодъ для вѣры, на основаніи научныхъ богословскихъ доводовъ, и богословскій диспутъ для обыкновенныхъ слушателей останется безплоднымъ зрѣлищемъ борьбы словъ и убѣжденій и врядъ-ли принесетъ плодъ назиданія въ вѣрѣ.

Миссіонерскія собесѣдованія могутъ выступить съ характеромъ богословскаго диспута исключительно въ томъ только случаѣ, если бы этого требовали интересы церковно-общественной жизни. По обстоятельствамъ времени и мѣста обнаруживается иногда нужда публично обличить

еретичество сектантовъ. Еще задолго до отмѣны карательныхъ и ограничительныхъ противъ сектантства законовъ, православные миссіонеры прибѣгали къ этому средству публичнаго суда надъ пропагандистами и совратителями, суда, состоящаго не во внѣшнемъ насиліи, а въ публичномъ доказательствѣ виновнику его вины и преступности предъ Церковью и Словомъ Божіимъ.

Нашъ православный простолюдинъ теменъ и грамотностью не просвѣщенъ. Догматовъ вѣры своей онъ не знаетъ и съ главнымъ источникомъ ихъ, Св. Писаніемъ, онъ не знакомъ. Сектанты же этимъ пользуются и, будучи въ большинствѣ грамотными, однимъ уже чтеніемъ Св. Писанія производятъ на православныхъ неотразимое впечатлѣніе богопросвѣщенности. Умѣлымъ подборомъ отдѣльныхъ мѣстъ Писанія, подходящихъ текстовъ, сектанты сбиваютъ православныхъ легко съ пути истины и укрѣпляютъ за собой авторитетъ непогрѣшимыхъ знатоковъ Слова Божія. Конечно, въ этомъ бо́льшая вина православныхъ, чѣмъ сектантовъ, только умѣло и въ своихъ цѣляхъ пользующихся благопріятнымъ для нихъ положеніемъ, но разрушить это обаяніе сектантовъ, свести ихъ съ пьедестала, на который они взошли, хотя и умѣло, но несправедливо, — долгъ защитниковъ истины и обличителей лжи. Миссіонерскія бесѣды на очной, такъ сказать, ставкѣ православія и сектантства показываютъ слушателямъ, какъ сектанты искусно, но не по правдѣ, подбираютъ тексты Св. Писанія, какъ они извращаютъ его своимъ неправильнымъ толкованіемъ, какъ сами они впадаютъ въ ересь и въ противорѣчіе со Св. Писаніемъ и какъ, наконецъ, огульны и несправедливы ихъ нападки на православную Церковь. Это святое обличеніе, послѣдняя инстанція церковнаго суда, исполненіе завѣта Христова и Апостоловъ: „повѣданіе Церкви“ (Мѳ. 18, 17), „обличеніе противящихся“ (Тим. 1, 11), „загражденіе устъ непокорнымъ пустословамъ и обманщикамъ“ (Тим. 10—11).

Такой характеръ публичнаго суда надъ еретичествомъ миссіонерскія собесѣдованія принимали, повторяемъ, еще задолго до 17 апрѣля и этотъ судъ Церкви имѣлъ несомнѣнно большее значеніе и для сектантовъ, и для православныхъ слушателей, чѣмъ тотъ гражданскій судъ надъ ними, къ которому нерѣдко прибѣгали свѣтскія и духовныя власти. Неохотно шли старообрядцы и сектанты на этотъ судъ, но шли. Отчасти ихъ влекла на бесѣду смутная надежда, что этотъ судъ

обратится въ поношеніе православія и въ уничиженіе самого миссіонера, если только удастся на бесѣдѣ „сорвать“ его, или „переговорить“, отчасти ихъ влекло естественное любопытство послушать пріѣзжаго и образованнаго человѣка. Но въ большинствѣ случаевъ сектанты приходили потому, что „начальствомъ приказано“. Теперь этотъ порядокъ измѣнился, и если желаніе побѣдить миссіонера или любопытство, какъ причины появленія сектантовъ на бесѣдахъ, еще будутъ имѣть кое-гдѣ силу, то всякая надежда на то, что совопросники могутъ быть понуждаемы придти на бесѣду, должна быть оставлена. Скорѣе наоборотъ. Мы должны ожидать, что по сектантскому міру будетъ изданъ приказъ всячески уклоняться отъ бесѣдъ съ миссіонерами; а дисциплина тамъ отличная...

Чтобы привлечь старообрядцевъ и сектантовъ на бесѣду, миссіонеры должны придать ей такой характеръ, чтобы она не имѣла ничего другого, кромѣ изъясненія православнаго христіанскаго ученія и выясненія его истины изъ сопоставленія его со Словомъ Божіимъ... Слухъ о такомъ характерѣ миссіонерскихъ бесѣдъ пройдетъ скоро по селамъ епархіи и дойдетъ до самыхъ захолустныхъ сектантскихъ угловъ и привлечетъ сектантовъ на собесѣдованія. Какъ теперь съ ними вести бесѣду, теперь, когда они уже не мыслятся, какъ самостоятельно „не сущіе“, а представляютъ собою открыто организованныя религіозныя общины, когда уже они не „временно заблуждающіеся“, а полноправныя религіозно-юридическія лица, это другой вопросъ и мы будемъ говорить объ этомъ—о методикѣ миссіонерскихъ бесѣдъ—въ другой разъ. Теперь же съ особою настойчивостью мы говоримъ о томъ, что миссіонерскія собесѣдованія должны быть свободны отъ намѣренія чинить судъ и расправу надъ религіозными вѣрованіями людей чужой вѣры, чужого христіанскаго общества. Только тогда, когда эти „чужіе“ учителя явятся на бесѣду съ явно обнаруживающимися стремленіями показать свое превосходство надъ православіемъ и доказать свою истину, православный миссіонеръ долженъ проявить силу „противящихся обличить“, но и то „со всякимъ долготерпѣніемъ и кротостію“.

Кромѣ возраженія противъ миссіонерскихъ собесѣдованій, какъ отличающихся противнымъ христіанскому настроенію характеромъ спора или состязанія, нами указано и другое возраженіе, часто встрѣчаю-

щееся и многихъ отвращающее отъ устройства собесѣдованій и сочувствія къ нимъ. Это возраженіе указываетъ на то, что миссіонерскія собесѣдованія часто являются соблазнительнымъ для православія доказательствомъ ереси своего рода еретическою пропагандою, а еще чаще кощунственнымъ надругательствомъ надъ православною вѣрою и жизнью.

Конечно, весьма возможны такія бесѣды, гдѣ изложеніе иновѣрными пропагандистами своихъ вѣрованій и своего несогласія съ православнымъ ученіемъ не встрѣчаетъ въ лицѣ православнаго миссіонера достаточной апологетической и полемической силы, когда иновѣрцы берутъ перевѣсъ на бесѣдѣ и торжествуютъ, а православные уходятъ въ смущеніи. Это возможно было въ прошломъ, еще возможнѣе будетъ въ будущемъ. Не нужно забывать, что старообрядцами и сектантами учреждаются спеціальныя миссіонерскія училища, предпринимается изданіе журналовъ, книгъ и брошюръ и т. п. Трудно допустить, чтобы, въ случаѣ появленія въ ихъ средѣ искусныхъ и опытныхъ апологетовъ и полемистовъ, они не воспользовались такимъ удобнымъ средствомъ пропаганды, какъ возможность сразиться публично съ православнымъ миссіонеромъ. Еще чаще будутъ встрѣчаться случаи кощунственнаго публичнаго поношенія православнаго ученія и православной святыни, и то, что для него будетъ казаться несомнѣннымъ и преступнымъ кощунствомъ, то будетъ лишь естественнымъ осуществленіемъ свободы вѣроисповѣданія, ибо, не нужно забывать, большая и существенная часть содержанія ученія различныхъ толковъ старообрядчества и сектантства есть отрицаніе и глумленіе надъ ненавистнымъ имъ православіемъ.

Какъ ни сильно это возраженіе противъ устройства миссіонерскихъ бесѣдъ, но оно падаетъ предъ неизбѣжностью того, чего оно хочетъ избѣжать, и помимо устраиваемыхъ миссіонерами бесѣдъ. Кто теперь помѣшаетъ иновѣрцамъ устраивать публичныя собранія, приглашать на нихъ православныхъ и говорить все, что имъ вздумается? Если мы не будемъ устраивать народныхъ церковныхъ собраній для бесѣдъ о вѣрѣ, гдѣ мы будемъ хозяевами,—эти собранія будутъ устраивать сектанты, а православные будутъ тамъ гостями. Такъ не лучше-ли, пока сектанты не укрѣпились еще, какъ открыто организованныя общины, не настроили еще помѣщеній для многолюдныхъ бесѣдъ, не имѣютъ еще опытныхъ полемистовъ, [illegible] библіотекъ, книгъ и бро-

шюръ,—не сдавать имъ еще не завоеванныхъ ими позицій, а сильнѣе укрѣплять ихъ за собою, утверждая православныхъ въ вѣрѣ и разъясняя неправоту иновѣрія? Миссіонерство выдвинуло уже опытныхъ апологетовъ и полемистовъ. Нужно увеличивать число ихъ. Нужно пріобрѣтать опытность руководить народными собраніями. Нужно изучать сектантство и старообрядчество, ученіе ихъ и психологію иновѣрной массы и ея руководителей. Нужно, наконецъ, создавать въ себѣ самихъ такое настроеніе, чтобы не соблазняться осуществленіемъ свободы вѣроисповѣданія даже и тогда, когда это вѣроисповѣданіе поноситъ самое святое святыхъ нашей вѣры. Признакъ гоненія со стороны, признакъ страданія за вѣру отличаетъ, по Слову Божію, истинныхъ послѣдователей христіанства. Такъ не настало-ли это „блаженное“ время для православныхъ, подвергавшихся опасности за долгое время государственной опеки забыть обязанности несенія этого креста и этого испытанія? „Блажени есте, егда поносятъ вы, и ижденутъ и рекутъ всякъ золъ глаголъ, на вы лжуще Мене ради“... Не нужно забывать, что какъ бы мы ни избѣгали этого испытанія, оно будетъ гнаться за нами въ свободѣ не только уже совѣсти и вѣроисповѣданія, но и въ свободѣ всякаго устнаго и печатнаго слова, въ свободѣ всякихъ союзовъ и собраній. Ненависть противъ Церкви слишкомъ сильна и носится въ воздухѣ и нѣтъ основанія бояться, что она изольется во вредъ для православія преимущественно на миссіонерскихъ собесѣдованіяхъ. Тамъ-то она встрѣтитъ должный и открытый отпоръ и наносимыя раны тамъ-то и получатъ если не исцѣленіе, то обезвреживаніе.

Какой же, однако, практическій смыслъ миссіонерскихъ бесѣдъ, ихъ видимые результаты? Неосновательность какъ случайныхъ, такъ даже и принципіальныхъ возраженій не можетъ еще служить оправданіемъ тѣхъ громадныхъ затратъ на содержаніе миссіонеровъ и той массы энергіи, которая затрачивается на устройство и веденіе этихъ бесѣдъ миссіонерами...

Прямую непосредственную пользу миссіонерскихъ бесѣдъ обыкновенно полагаютъ въ томъ, что онѣ служатъ средствомъ къ обращенію сектантовъ въ православіе. И хотя цифры ежегодныхъ обращеній въ разныхъ епархіяхъ довольно значительны, но эти обращенія сами миссіонеры мало склонны бываютъ приписывать непосредственному воз-

дѣйствію миссіонерскихъ бесѣдъ. Дѣйствительно, случаевъ, чтобы старообрядецъ или сектантъ заявилъ о своемъ желаніи присоединиться къ Церкви непосредственно послѣ миссіонерскаго собесѣдованія, бываетъ немного даже у лучшихъ миссіонеровъ. Можно не обинуясь сказать, что если эти случаи и бываютъ, то они, за рѣдкими счастливыми, можно сказать, прямо благодатными исключеніями, объясняются не столько сознаніемъ истины и правоты православія и ложности иновѣрія, сколько различными соображеніями, мало относящимися къ религіознымъ побужденіямъ.

Что случаи обращеній непосредственно послѣ бесѣдъ рѣдко бываютъ, это и понятно. Дѣло вѣры, если она искренна и сознательна, есть дѣло внутренняго, сокровеннѣйшаго свойства и чуждается какъ публичнаго обнаруженія, такъ и внѣшняго воспріятія. А миссіонерскія собесѣдованія къ этому именно и ведутъ. Правда, „вѣра“ все же, согласно Апостолу, „происходитъ отъ слышанія, а слышаніе отъ проповѣдующаго“, но миссіонерскія собесѣдованія только тогда стали бы приносить прямой и непосредственный плодъ вѣры, произвели бы вѣру, если бы они сохранили характеръ истинно-христіанскаго, апостольскаго проповѣданія Слова Божія, того проповѣданія, которое одинаково покоряетъ мудрыхъ и неразумныхъ, склонныхъ къ воспріятію Слова Божія и строптныхъ. А это уже даръ благодатнаго ученія, выходящій изъ области естественныхъ человѣческихъ способностей и естественнаго человѣческаго труда...

Есть еще другая причина, почему миссіонерскія собесѣдованія даже талантливѣйшихъ и вдохновенныхъ миссіонеровъ не приводятъ къ непосредственнымъ присоединеніямъ къ православію. Чтобы отстать отъ своей вѣры и присоединиться къ другой, необходимо сознаніе неудовлетворенности своей и исканіе высшей и лучшей. Эта психологическая подготовка къ воспріятію истины православія если не у старообрядцевъ, то у сектантовъ несомнѣнно есть. Кругъ религіозныхъ идей у нихъ чрезвычайно ограниченъ и предъ богатствомъ христіанскаго православнаго ученія, казалось бы, кто изъ жаждущихъ божественной мудрости можетъ устоять? Но это богатство православнаго ученія и вся несомнѣнная, легко доказуемая мудрость его не покоряетъ сектанта. Дѣло въ томъ, что, на ряду съ очевидной божественной правдой православнаго ученія, еще болѣе очевидна для простого человѣка вся вопіющая

неправда православной жизни. А эту-то правду, правду христіанской жизни, сектанты только и ищутъ и, не находя ее въ православномъ народѣ, отвращаются и отъ православнаго ученія, отъ православной Церкви.

Какъ тамъ ни смотрѣть на причины появленія сектантства, одно несомнѣнно, что сектанты въ немъ ищутъ себѣ душевнаго спасенія, оправданія предъ Богомъ. Не идеи вѣры, не истины догматическія гонятъ сектантовъ отъ православія въ сектантство, а затѣмъ изъ одного толка сектъ въ другой, а исканіе именно правды христіанской жизни. Сектанты живутъ въ сектантствѣ тѣми обрывками богопознанія, которые они вынесли изъ православія. Ничего новаго, оригинальнаго въ этой области они, за исключеніемъ развѣ мистиковъ-хлыстовъ и малеванцевъ, не создали, но они этого какъ будто и не ищутъ. Вся ихъ вѣра въ сущности сводится къ правиламъ жизни: не пьянствуй, не сквернословь, не кради, не бей и не убивай и т. п., и въ этой-то своей тоскѣ по правильной, согласной со Словомъ Божіимъ, жизни они и не могутъ обратиться къ православію, ибо они видятъ одну лишь печальную дѣйствительность его, а идеальной стороны его они не знаютъ и знать не хотятъ. И когда ихъ постигаетъ крушеніе своихъ собственныхъ идеаловъ „правильной жизни“, или жизни по „евангельской“ правдѣ, они скорѣе обращаются къ хлыстовству или малеванству съ ихъ таинственностью или загадочностью, чѣмъ къ православію. Надежда на неизвѣстное будущее всегда сильно дѣйствуетъ въ человѣкѣ.

И пусть миссіонеръ распинается въ доказательствахъ, что сущность христіанства не въ этой трезвой и бодрой жизни, а въ вѣрѣ въ Искупителя, освобождающей христіанина отъ страха смерти и вѣчнаго разлученія съ Богомъ, что вѣра—одно, а жизнь по вѣрѣ—другое, что Православная Церковь столько же учитъ доброй жизни, сколько сохраняетъ и истинную вѣру,—вопросъ сектанта къ православію: „покажи мнѣ вѣру отъ дѣлъ твоихъ“, имѣетъ непоколебимую и неотвратимую силу и значимость. И что можетъ сказать миссіонеръ въ отвѣтъ на этотъ вопросъ? Какъ бы ни были сильны его доводы и пламенны его собственныя убѣжденія, онъ будетъ безсиленъ убѣдить сектантовъ до тѣхъ поръ, пока не покажетъ реальной правды православія, пока не откроетъ въ православной церковной жизни дѣйствительной организаціи искомой сектантами правды жизни, организаціи

труда, трезвости, честности, братолюбія и т. п. христіанскихъ добродѣтелей. А это въ силѣ-ли миссіонера и въ его-ли волѣ? Женщины еще менѣе, чѣмъ мужчины, дорожатъ истинами вѣры, но гораздо болѣе, чѣмъ мужчины, дорожатъ правдою жизни. И кому изъ миссіонеровъ, въ отвѣтъ на свои доказательства сектантамъ истинности православія, не приходится слышать даже отъ православныхъ женъ этихъ сектантовъ полный трепета и боязни вопросъ: что, если мужъ вернется въ православіе и вновь станетъ „пыты й менэ быты (пить и меня бить)“?

Старообрядчество ищетъ въ религіозной жизни не правды добродѣланія, а правды обряда по преданію святыхъ отецъ, но это не мѣняетъ дѣла, хотя здѣсь трудъ миссіонеровъ въ ихъ стараніи обратить заблудшихъ въ лоно православной Церкви несравненно легче... Все же и здѣсь, какъ и въ отношеніи сектантовъ, задачу миссіонерскихъ собесѣдованій отнюдь нельзя считать невыполненной, если непосредственнымъ результатомъ ихъ не являются обращенія старообрядцевъ въ православіе...

Но если миссіонерскія собесѣдованія не вызываютъ непосредственнаго возвращенія въ Церковь, то какой же конечный смыслъ этихъ бесѣдъ? Смыслъ этотъ—въ наученіи слушателей вѣрѣ. Вѣдь первое, если не единственное, требованіе, которое должно предъявить къ миссіи даже въ апостольскомъ ея значеніи, есть наученіе, наученіе прежде обращенія. „Шедше научите“, потомъ уже „крестя ихъ“... И Апостолъ опредѣляетъ свою миссію въ мірѣ такъ: „не послалъ меня Богъ крестити, а благовѣстити“... Дѣло конечно не въ спеціализаціи служенія, а въ томъ, что миссія, какъ наученіе вѣрѣ, есть важная, возвышенная и существенно необходимая часть служенія церковнаго.

Еще великій защитникъ православной Церкви, архіепископъ Никаноръ говорилъ, что нѣтъ на свѣтѣ другого христіанскаго народа, который менѣе бы зналъ свою вѣру, чѣмъ православный русскій народъ. Въ этомъ незнаніи своей вѣры архіепископъ видѣлъ даже причину массовыхъ отпаденій православнаго народа въ сектантство. Мы не раздѣляемъ взгляда преосвященнаго Никанора на послѣднее обстоятельство, ибо отпаденіе въ секты болѣе вѣрно объясняется практическими мотивами, чѣмъ увлеченіемъ „просвѣщенностью“ сектантовъ:

дѣленіе просвѣщеннаго протестантскаго міра на довольно грубыя и всегда менѣе просвѣщенныя въ богословскомъ смыслѣ секты—тому примѣръ. Но мы съ чувствомъ глубочайшей скорби подтверждаемъ слова преосвященнаго Никанора о глубокомъ религіозномъ невѣжествѣ русскаго народа. Это невѣжество поразительное. Что говорить о простомъ народѣ, девять десятыхъ котораго совершенно безграмотны, а изъ этой десятой грамотной части едва-ли одинъ на десять знакомъ съ Евангеліемъ? Все религіозное знаніе простолюдина выражается въ знаніи нѣкоторыхъ молитвъ, которыя при этомъ заучиваются и читаются съ искаженіемъ смысла. Религіознаго чувства, чувства безпредѣльной преданности Богу и упованія на Него, готовности душу свою положить за св. Церковь, за храмъ, иконы, крестъ, за ненарушимость отеческихъ преданій—бездна. Эта бездна религіознаго чувства приводитъ въ изумленіе интеллигенцію нашу, удивляетъ западный міръ и даетъ право людямъ мистическаго прозрѣнія видѣть въ простомъ русскомъ народѣ—Богоносца, Христоносца... Но не плача-ли достойно, что этотъ богато одаренный религіознымъ чувствомъ народъ, достойный быть самъ проповѣдникомъ Христовой истины, такъ теменъ въ христіанскомъ богопознаніи, что даетъ основаніе упрекать его въ язычествѣ и идолопоклонствѣ?! Вѣдь подумаешь только, что въ представленіяхъ этого народа и Николай Угодникъ—Богъ и Пресвятая Богородица—наряду съ Троицею... А что совершилъ Христосъ для нашего спасенія, въ чемъ должно состоять христіанское усвоеніе этого спасенія, сущность христіанской религіи,—это совершенно незнакомо простолюдину. Обрядовѣріе вытѣсняетъ у него всякое представленіе о христіанской религіи духа и истины.

Наша интеллигенція, изучавшая въ школахъ Законъ Божій, не можетъ, повидимому, подвергнуться этому упреку въ незнакомствѣ со своею религіею. Уроки Закона Божія достаточно уясняютъ содержаніе догматовъ вѣры и смыслъ ихъ. Но и здѣсь положеніе дѣла заставляетъ желать большихъ измѣненій или улучшеній. Теперь уже стало общимъ мѣстомъ признаніе, что программы, учебники и самый методъ преподаванія Закона Божія, отъ самыхъ низшихъ школъ и до высшихъ, находятся,—мало сказать: въ неудовлетворительномъ, прямо въ противорѣчащемъ религіозному ученію положеніи. Введеніе изученія христіанской религіи въ рядъ другихъ школьныхъ предметовъ, от-

сюда предъявленіе къ учащимъ и учащимся безжизненнаго формальнаго выполненія программы, схоластическое дробленіе священнаго ученія, отчасти въ угоду системѣ, отчасти для легкости изученія, на рубрики и параграфы, противоестественная классификація одного Закона Божія на „науки“: догматику, мораль, апологетику и т. д. и т. д., переложеніе священныхъ словъ Слова Божія на слова всевозможныхъ учебниковъ, съ коммерческою предпріимчивостью предлагаемыхъ въ „послѣднихъ изданіяхъ“, а надъ всѣмъ этимъ требованіе законоучителя отъ учениковъ выучить всѣ эти учебники со всѣми рубриками и параграфами, выучить во что-бы ни стало, подъ угрозой двоекъ и единицъ и даже оставленія въ классѣ и увольненія,—все это, въ чемъ состоитъ и чѣмъ характеризуется современное преподаваніе Закона Божія, стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ тѣмъ Закономъ Божіимъ, который вписанъ въ священныя скрижали Евангелія и долженъ вписываться преподавателями на скрижаляхъ сердца своихъ учениковъ. Система преподаванія Закона Божія не по первоисточникамъ и преподаваніе для выучки текста и формулъ, а не для усвоенія содержанія въ той мѣрѣ, насколько это пріемлется умомъ и насколько отвѣчаетъ потребности сердца, дѣлаютъ выученное если уже не прямо противнымъ, то совершенно безразличнымъ, обреченнымъ на забвеніе...

А между тѣмъ даже послѣ такого изученія откликается еще живая душа на слово религіи. И если мы замѣчаемъ въ выходящемъ изъ школъ юношествѣ массовое увлеченіе матеріализмомъ, атеизмомъ и ницшеанствомъ, то это увлеченіе объясняется столько же талантливостью проповѣдниковъ сихъ ученій, сколько и отсутствіемъ талантливой, живой проповѣди Слова Божія. На ряду съ матеріализмомъ увлекаются же и толстовствомъ, а современное побѣждающее матеріализмъ увлеченіе идеалистическою философіею доказываетъ это еще болѣе. Познакомьте современную интеллигенцію съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ по первоисточникамъ его, познакомьте не съ формулами въ схоластической передачѣ ихъ, а съ тою жизнью Церкви, которая выразилась въ догматахъ и канонахъ, укажите, что въ христіанскомъ міропониманіи заложено разрѣшеніе всѣхъ соціальныхъ вопросовъ и что христіанство не только не чуждается общественныхъ наукъ, но и принимаетъ ихъ на лоно своего божественнаго разума, дѣлаетъ ихъ христіанскими науками, „христіанской соціологіей“. и вы увидите, какъ

интеллигенція, хватающаяся за все, что носитъ атеистическій характеръ, въ силу одного лишь протеста противъ холодной безжизненной схоластики христіанскаго Закона Божія, пойдетъ на встрѣчу евангельской проповѣди и падетъ къ ногамъ Христа...

И вотъ въ этой-то темнотѣ простого народа и въ этомъ антихристіанскомъ настроеніи нѣкоторой части интеллигенціи миссіонерскія собесѣдованія и должны послужить Церкви Христовой въ качествѣ проповѣди христіанства. Приходскіе пастыри не могутъ успокоиться на statu quo. Если до сихъ поръ можно было успокоить себя мыслью, что сильная государственной защитой православная Церковь не можетъ много терять ни среди простого непросвѣщеннаго народа, ни среди интеллигенціи потому, что уходить могутъ изъ Церкви и открыто противиться ей только единицы, то теперь, съ объявленіемъ религіозной и гражданской свободы всколыхнется и масса. Она свободно пойдетъ за тѣми, кто съумѣетъ повести ее. Укрѣпите же, насколько возможно, связь съ Церковью, устраните причины недовольства и прогивленія, и свобода вѣры и личности не только не будетъ пугать возможностью отпаденія отъ Церкви, но станетъ тою свободою, которая крѣпче всѣхъ внѣшнихъ узъ привязываетъ „послушаніемъ“ ко Христу и Церкви.

Миссіонерскія собесѣдованія должны быть въ настоящее время тѣмъ, что называется на современномъ общественномъ языкѣ „митингами“, т. е. религіозными собраніями для обсужденія вопросовъ вѣры. Здѣсь въ собраніи, гдѣ открытъ доступъ лицамъ самыхъ различныхъ религіозныхъ убѣжденій, невѣрующимъ и сектантамъ, должно совершаться совершенно свободное обсужденіе вопросовъ вѣры и невѣрія, сомнѣнія и колебанія, утвержденія и отрицанія. Тактъ руководителей и сознаніе участниками собранія всей важности его сдѣлаютъ собраніе религіознымъ, а искренность въ намѣреніяхъ поучить и поучиться истинѣ сдѣлаютъ его плодотворнымъ. И если миссіонеръ православный на этомъ собраніи окажется на высотѣ своего призванія, если онъ будетъ дѣйствительно силенъ въ словѣ и ученіи, силенъ вѣрныхъ, но несвѣдущихъ въ ученіи, научить, а невѣрныхъ, но противящихся, обличить, то такое религіозное собраніе, такая миссіонерская бесѣда будетъ самымъ лучшимъ, соотвѣтствующимъ потребностямъ и характеру времени средствомъ религіознаго просвѣщенія народа.

Жизнь церковная не имѣетъ другой лучшей и подходящей формы для сѣянія Слова Божія среди вѣрующихъ, но не просвѣщенныхъ, такъ и невѣрующихъ, но ищущихъ вѣры... Больше того, даже равнодушные къ вѣрѣ, даже противящіеся ей пойдутъ послушать и побесѣдовать о вѣрѣ, если заранѣе они будутъ знать, что на бесѣдѣ обезпечена полная свобода слова и мнѣнія. А такая свобода въ Церкви, можетъ быть, и уже издавна установилась только на миссіонерскихъ собесѣдованіяхъ. И если въ настоящее время не воспользоваться миссіонерскими собесѣдованіями, гдѣ между вопрошающимъ и отвѣчающимъ происходитъ совершенно свободный обмѣнъ мнѣній по вопросамъ религіи, то въ проповѣднической жизни Церкви окажется ничѣмъ не заполнимая пустота. Наши храмовыя религіозно-богослужебныя собранія не даютъ мѣста бесѣдѣ даже между пастыремъ и пасомыми, не говоря уже о бесѣдѣ между присутствующими въ собраніи. Та свобода богослужебныхъ собраній, о которыхъ говорятъ апостольскіе памятники, когда каждому, кто сходился, давалась свобода сказать „псаломъ, поученіе, откровеніе, истолкованіе“, теперь въ церквахъ невозможна. Особое благоговѣніе къ храму и нерушимость устава церковнаго не допустятъ этого.

Не можетъ быть бесѣдою и церковная проповѣдь, хотя она часто называется таковой. Самое сильное чувство слушателей, возбужденное проповѣдью, и самая живая мысль, навѣянная ею, обречены на молчаніе. Проповѣдникъ церковный не можетъ ждать отъ слушателей ни вопроса, ни отвѣта, ни знаковъ одобренія или несогласія. Неоспоримость его поученія обезпечена, но эта неоспоримость весьма близка къ тому, что опредѣляется напередъ, какъ безразличіе... Даже въ томъ случаѣ, когда на каѳедрѣ появляется талантливый вдохновенный проповѣдникъ, съ силою слова соединяющій авторитетъ христіанскаго житія, даже и тогда его проповѣдь врядъ-ли достигнетъ цѣли полнаго наученія Христовой истинѣ, если она не отвѣтитъ на скрытые въ душѣ молчаливыхъ слушателей вопросы невѣрія, сомнѣнія, колебанія... Эти вопросы могутъ быть подавлены обаятельною дѣйственностью проповѣди, но они встанутъ вновь, когда это обаяніе пройдетъ, а живая душа человѣческая вновь заговоритъ своими сомнѣніями и недоумѣніями.

Только такая бы проповѣдь удовлетворяла запросамъ полнаго всевозможныхъ недоумѣній времени нашего, если бы въ словѣ чуткаго къ

обстоятельствамъ времени проповѣдника обнимались всѣ вопросы мятущейся нынѣ души христіанской, если бы онъ самъ угадывалъ всѣ настроенія, давалъ удовлетворительный, не возбуждающій уже возраженія отвѣтъ на всяческіе предлагаемые вопросы всѣхъ своихъ слушателей... Но ни одному проповѣднику не удастся „объять необъятное“.

А на миссіонерскихъ собесѣдованіяхъ миссіонеру помогаютъ въ этомъ случаѣ тѣ, кто вопрошаетъ его, даже тѣ, кто противостоитъ ему. Въ этомъ случаѣ, какъ средство проповѣданія христіанской истины, они отчасти выполняютъ, отчасти вѣрнѣе идутъ къ цѣли, чѣмъ даже другіе современные способы пропаганды идей: лекціи, распространеніе книгъ и брошюръ и т. п., такъ какъ представляютъ живое дѣло съ живыми людьми. И православная Церковь должна воспользоваться въ миссіонерскихъ собесѣдованіяхъ, уже привившихся къ жизни, свободою устнаго слова и свободою собраній для того, чтобы утверждать въ сознаніи народа истину и разсѣивать ложь. Тамъ, гдѣ нѣтъ открытыхъ сектантовъ, тамъ придутъ на бесѣду тѣ, кто имѣетъ явное или тайное нерасположеніе къ Церкви: для Церкви эти лица не безразличны и ихъ чувство къ Церкви необходимо выяснить и обратить къ любви, миру и послушанію. Необходимо, чтобы все, что можно сказать противъ Церкви, было высказано. Не только явное или тайное недоброжелательство, но и простое сомнѣніе въ вопросахъ церковныхъ должно быть разсѣиваемо. Нужно помнить, что сомнѣніе въ истинѣ свойственно человѣческой душѣ и если оно, не разсѣянное, въ сильныхъ волею людяхъ порождаетъ открытый протестъ, а по отношенію къ Церкви отпаденіе отъ нея, даже борьбу съ ней, то въ людяхъ слабыхъ волею оно порождаетъ холодность, равнодушіе, легкомысліе. А такое состояніе вѣры—состояніе ни горячности, ни холодности—для христіанскаго чувства хуже открытаго отпаденія... Нужно же дать возможность открыто выступить съ вопросами, которые вызываются душевными сомнѣніями или недоумѣніями, чтобы дать отвѣтъ.....

Мы особенно подробно остановились на томъ значеніи, которое должны имѣть миссіонерскія собесѣдованія въ настоящее время свободы вѣры, слова и собраній... Мы все время представляли миссіонера бесѣдующимъ то съ открытыми сектантами, то съ явными или тайными недоброжелателями Церкви, то, наконецъ, съ просто колеблющимися въ вѣрѣ... Но мы какъ будто не говорили о той массѣ православ-

ныхъ слушателей, которые не приносятъ на бесѣду своего слова, но приносятъ свое страстное вниманіе, которые задыхаются на бесѣдахъ отъ недостатка воздуха и тѣсноты, которые забираются въ помѣщеніе задолго до начала бесѣды, и которые, какъ бы поздно она ни окончилась, уходятъ съ сожалѣніемъ. Кто велъ миссіонерскую бесѣду въ такой аудиторіи, кто въ очахъ этихъ безмолвныхъ слушателей читалъ интересъ, глубочайшее сочувствіе и благодарность за живое слово истины, тотъ никогда не разстанется съ мыслію, что нѣтъ лучшаго средства религіознаго ученія народа. Миссіонерскія собесѣдованія—это лучшая школа Закона Божія, преподаваніе по первоисточникамъ христіанской вѣры, преподаваніе необходимѣйшихъ, безусловно нужныхъ истинъ спасенія, преподаваніе въ мѣру разума слушателей и дѣйствительныхъ запросовъ ихъ духовной жизни, преподаваніе, наконецъ, не только жаждущимъ истины и вопрошающимъ, но и отвращающимся отъ нея, сомнѣвающимся и недоумѣвающимъ... Миссіонерскія собесѣдованія — это катихизація православнаго народа наряду съ апологіей православія... Они возсоздаютъ въ церковной жизни настоящаго времени ту катихизаторскую школу древнихъ временъ христіанства, которая была средствомъ просвѣщенія не только христіанъ, но и свѣточемъ христіанства среди еретиковъ и язычниковъ. Бесѣда съ сектантами должна послужить просвѣщенію православныхъ, подобно тому, какъ бесѣды христіанскихъ катехетовъ съ еретиками, іудеями и язычниками служили въ древности религіозному просвѣщенію христіанъ.

Священникъ-миссіонеръ *С. Потѣхинъ.*

Къ исторіи раскольничьяго „бѣгунскаго“ толка [1]).

III.

Пустыня, темныя лѣса, непроходимыя, оплетенныя болотистой мшарной трущобы—вотъ куда привела „рабовъ Христовыхъ“ рѣзкая, безпощадно послѣдовательная система основателя бѣгунства Евфимія.

Но уже съ самаго начала можно было предвидѣть, что эта система, уничтожающая даже простую осѣдлость и превращающая всѣхъ, придерживающихся ея, въ постоянныхъ бездомныхъ бродягъ, просуществуетъ въ первоначальномъ своемъ видѣ недолго. При ней невозможна была никакая организація сектантовъ. Постоянное бродяжничество и жизнь изо-дня въ день въ невѣдомыхъ никому пещерахъ скоро разорвали-бы связь между отдѣльными послѣдователями такого ученія; и секта, какъ общество, должна была бы неизбѣжно распасться и исчезнуть. Однако этого не случилось. И не случилось потому, что возбужденное чувство сектаторовъ скоро принуждено было уступить простому практическому расчету, въ чемъ, безъ всякаго сомнѣнія, лежитъ первое и довольно существенное *уклоненіе* теперешняго бѣгунства отъ первоначальной его системы.

Произошло это уклоненіе вскорѣ-же послѣ смерти Евфимія. Подъ давленіемъ именно боязни распаденія секты, кѣмъ-то изъ его послѣдователей возбужденъ былъ вопросъ о томъ, кто долженъ считаться „истиннымъ христіаниномъ“, т. е. членомъ согласія странниковъ или бѣгуновъ,—тотъ ли только, кто *дѣйствительно, на самомъ дѣлѣ*, бѣгаетъ и скрывается и никто болѣе, или же вмѣстѣ съ тѣмъ еще и тотъ, кто признаетъ ученіе бѣгуновъ за истинное, даетъ обѣтъ бѣ-

[1]) См. „Мисс. Обозр.“ № 16. 1905 г.

гунства, но самъ до поры до времени, до своего крещенія, *остается жить въ обществѣ* наравнѣ со всѣми не-бѣгунами?

Вопросъ этотъ не вытекалъ изъ системы Евфимія, а напротивъ, онъ съ совершенной очевидностью рѣшался въ ней, какъ мы то видѣли, въ смыслѣ отрицательномъ. И тѣмъ не менѣе онъ не только былъ поставленъ, но и рѣшенъ въ смыслѣ утвердительномъ, т. е. что послѣдователемъ согласія странниковъ можетъ и долженъ считаться не только тотъ, кто на самомъ дѣлѣ странствуетъ и бѣгаетъ, но и тотъ, кто даетъ лишь обѣтъ бѣгунства, а самъ живетъ на міру. Явились, такимъ образомъ, бѣгуны „*жиловые*“, т. е. не перекрещенные, а только „познавшіе вѣру христіанскую“ и продолжающіе еще *жить* въ „грѣховномъ Вавилонѣ“.

Съ точки зрѣнія Евфимія эти „жиловые“ бѣгуны въ существѣ дѣла — тѣ же лицемѣрные раскольники, которыхъ онъ осудилъ на соборѣ въ 1784 году, такъ какъ они, подобно послѣднимъ, живя въ обществѣ „антихристовыхъ слугъ“ и исполняя всѣ общественныя обязанности и повинности (платя подати, выправляя паспорты, слушаясь исправника и станового, называя себя то „поморцами“, то „православными“, посѣщая изрѣдка церковь и даже принимая къ себѣ на домъ православныхъ священниковъ), тоже „укрываются за попами“ и, слѣдовательно, — такіе-же вѣроотступники и „христораспинатели“. И, какъ таковые, они не должны бы быть терпимы въ сектѣ. И однако они не только въ ней терпятся и существуютъ, но и почитаются и ублажаются, какъ истинные благодѣтели и „христолюбцы“. Конечно, это — уклоненіе, не совсѣмъ безкорыстная уступка расчету, но она была необходима. Вѣдь они-то именно, эти „жиловые рабы Божіи“, и составили собою тѣ звенья, которыя не дали разсыпаться и безслѣдно затеряться по лѣснымъ логамъ да перелогамъ всѣмъ этимъ бродящимъ въ одиночку странникамъ, а сплотили ихъ въ одно стройно и прочно организованное общество. Въ домахъ этихъ именно „христолюбцевъ“, часто зажиточныхъ и домовитыхъ, притомъ ведущихъ брачную жизнь и имѣющихъ дѣтей, устраиваются теперь и молельни, въ которыхъ бѣгуны совершаютъ свое богослуженіе, и такъ называемые „соборы“, на которыхъ они обсуждаютъ разные вопросы, касающіеся ихъ секты. А на случай, на осеннюю и зимнюю непогодь, можно найти у нихъ и различные „тайнички“, всевозможные „затворные

прирубы“, „спуды“ и „колейки“, въ которыхъ, въ теплѣ и довольствѣ можно теперь отдохнуть бездомному бродягѣ...

Интересно, между прочимъ, устройство этихъ „тайничковъ“.

Всѣ они обставляются обыкновенно такъ, что сразу и не смекнешь, что тутъ, гдѣ-нибудь въ подызбицѣ, подъ поломъ, куда спускаются чрезъ приподнятую половицу, на чердакѣ, въ сараѣ, въ чуланѣ, подъ печкой, есть помѣщеніе, въ которомъ скрываются иногда разомъ по нѣскольку десятковъ сектантовъ. Въ Царевококшайскомъ уѣздѣ, напр., при осмотрѣ одного дома, съ виду ничѣмъ не отличающагося отъ обыкновенныхъ крестьянскихъ построекъ, въ кухнѣ была замѣчена дверь, находившаяся въ стѣнномъ шкафу для посуды. Всѣ полки этого шкафа были заставлены горшками; не была занята одна лишь нижняя полка, и когда ее подняли, то подъ ней оказалась щель, чрезъ которую и представилась возможность проникнуть въ подполье, гдѣ и были устроены отдѣльныя помѣщенія съ выходомъ изъ нихъ прямо на крышу дома. Въ другомъ домѣ входъ въ тайникъ былъ замаскированъ деревянной лавкой; въ третьемъ входъ этотъ находился подъ лѣстницей, одна изъ ступенекъ которой отодвигалась и пр. Въ Костромской, Владимірской, Ярославской и Тверской губерніяхъ эти входы обнаружены въ такъ называемыхъ „голбецахъ“, т. е. припечьяхъ со ступеньками для влѣзанья на печь и на полати. Въ Олонецкой губерніи въ недавнее время найденъ особый видъ тайничковъ—„подпечники“. Устраиваются эти „подпечники“, какъ то видно уже изъ самаго названія, въ фундаментѣ русской печи, при чемъ одна изъ досокъ фундамента свободно ходитъ на шарнирѣ и, такимъ образомъ, открываетъ и закрываетъ собою доступъ въ имѣющееся подъ печью помѣщеніе, въ которомъ свободно могутъ укрыться отъ 5 до 6 и даже болѣе человѣкъ. Не рѣдкость въ этихъ подпечникахъ—люкъ, который, спускаясь вертикально между срубомъ подполья и наружной стѣной дома, ведетъ въ небольшое подземное помѣщеніе со всѣми приспособленіями для жилья. Подобныя же подземныя помѣщенія находили и подъ хлѣвами, и подъ сараями, какъ, напр., въ Полетайкиномъ домѣ въ деревнѣ Михайловой, Олонецкой губерніи. Есть, наконецъ, раздвижныя стѣны, двойные потолки, вдѣланные въ полъ лари и проч. Въ общемъ всѣ эти „тайники“, и безъ того такъ искусно замаскированные, въ видахъ еще большаго огражденія скрывающихся въ нихъ странниковъ

отъ нечаяннаго наѣзда „духоборнаго суда“, всегда соединяются между собою еще массою не менѣе замысловатыхъ входовъ и переходовъ съ безчисленными лазьями то въ огородъ, то въ поле, то во дворъ сосѣда, такого-же бѣгуна христолюбца, такъ что захватить сектантовъ на мѣстѣ, безъ предварительнаго точнаго знанія этихъ ходовъ и выходовъ, довольно мудрено. Это цѣлый лабиринтъ, таинственный не менѣе, чѣмъ въ любомъ средневѣковомъ рыцарскомъ замкѣ. Правда, домъ, въ которомъ онъ помѣщается, не обнесенъ, подобно древнему замку, каменными стѣнами съ бойницами и подъемными мостами: онъ по большей части стоитъ у всѣхъ на виду, скромный, обыденно—крестьянскій. Мимо него ни днемъ, ни ночью не прекращается ѣзда. Тянутся обозы, ѣдутъ богатые купцы, бредетъ неимущій людъ, спѣшатъ чиновники... Всякій глядитъ на этотъ домъ и никому не приходитъ въ голову, сколько тайнъ видѣли его стѣны, сколько перебывало въ этомъ бѣгунскомъ замкѣ людей, находящихся въ открытой войнѣ съ общественными установленіями...

IV.

Итакъ, выходъ найденъ...

Странствованіе по пустынямъ, по темнымъ лѣсамъ и непроходимымъ, оплетеннымъ болотистой мшарной трущобамъ, благодаря „жиловымъ“ бѣгунамъ, не грозитъ болѣе прекращеніемъ для секты...

Посмотримъ теперь, какъ-же уходятъ „въ странство“ люди окружающаго насъ общества?

Такіе люди, обыкновенно, запасаются въ послѣдній разъ „бѣсовскими бумагами“, т. е. паспортомъ, выправляя его большей частью то на дальній промыселъ, то на богомолье. Само собою разумѣется, что ни туда, ни сюда эти люди и не думаютъ итти, а продѣлываютъ все это для того лишь, чтобы, съ одной стороны, сдѣлать свое исчезновеніе „изъ міра“ менѣе замѣтнымъ, а съ другой—по возможности вѣрнѣе и разомъ порвать свои связи съ обществомъ, въ которомъ они раньше жили, ибо, по мининованіи срока паспорта, ихъ обыкновенно записываютъ „въ безвѣстной отлучкѣ“, а впослѣдствіи и совершенно выписываютъ изъ мірскихъ сказокъ. А это-то для странника, собственно, и нужно, такъ какъ, по нему, всѣ тѣ, которые записаны въ этихъ

сказкахъ, значатся „въ адскихъ книгахъ, въ Титинѣ, у самого сатаны на колѣняхъ“.

Здѣсь мы принуждены нѣсколько остановиться, чтобы выяснить то противорѣчіе, которое лежитъ между теперешнимъ обыкновеніемъ странниковъ брать, уходя въ странство, паспорты—съ одной стороны и самымъ понятіемъ „странникъ“, какъ оно сложилось въ системѣ основателя странничества Евфимія,—съ другой.

Дѣло въ томъ, что Евфимій, а за нимъ и всѣ первоначальные наставники бѣгунства ни противъ чего такъ строго не возставали, какъ противъ именно паспортовъ. Въ послѣднихъ и особенно въ гербѣ (двуглавомъ орлѣ), по ихъ убѣжденію, съ особенной силой выражается „печать антихристова“, такъ какъ „человѣкъ, звѣрь и птица имѣютъ по одной головѣ, а двѣ головы у одного только діавола“. При томъ паспортъ и постоянное бродяжничество и укрывательство—вещи и вообще между собой непримиримыя. Паспортъ нуженъ для общества, а странникъ какъ разъ и долженъ быть невѣдомымъ для этого общества „рабомъ Христовымъ“. Настоящее, страннническое имя и званіе его должны быть никому неизвѣстны, а отъ прежнихъ, мірскихъ, онъ уже отрекся при вторичномъ истинномъ крещеніи. Поэтому и обычнаго паспорта у истыхъ бѣгуновъ нѣтъ и быть не должно; онъ—„мерзость вавилонская“, „клеймо Веліарово“, „скверная печать антихриста“. Если же нынѣ и замѣчается обратное явленіе, то это опять-таки уже рѣзкое уклоненіе отъ системы основателя бѣгунства, сдѣлка, вызванная временемъ и обстоятельствами.

Вмѣсто-же обычнаго „антихристова“ паспорта, у истиннаго странника можно встрѣтить нерѣдко такой:

„Объявитель сего рабъ Іисуса Христа (имя рекъ) уволенъ изъ Іерусалима града Божія въ разные города и селенія ради души прокормленія, грѣшному же тѣлу ради всякаго озлобленія. Утверди мя, Господи, во святыхъ Твоихъ заповѣдяхъ стояти и отъ Востока Тебя, Христе, къ Западу, сирѣчь—ко антихристу не отступати. Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой—кого ся убою? Господь защититель живота моего—кого ся устрашу? Аще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое. Покой мнѣ—Богъ, прибѣжище—Христосъ, покровитель и просвѣтитель—Духъ святый. А какъ я сего не буду соблюдать, то послѣ много буду плакать и рыдать. А кто страннаго

мя пріяти въ домъ свой будетъ бояться, тотъ не хочетъ съ Господиномъ моимъ знаться. А кто мя ради вѣры погонитъ, тотъ явѣ себя съ антихристомъ въ адъ готовитъ. Данъ сей пачпортъ изъ града Бога Вышняго, изъ Сіонской полиціи, изъ Голгоѳскаго квартала. Приложено къ сему пачпорту множество невидимыхъ святыхъ отецъ рукъ, еже бы бояться страшныхъ и вѣчныхъ мукъ. Данъ сей пачпортъ отъ нижеписаннаго числа на одинъ вѣкъ, а по истеченіи срока явиться мнѣ въ мѣсто нарочито на страшный Христовъ судъ. Прописаны мои примѣты и лѣта въ радость будущаго вѣка. Явленъ пачпортъ въ части святыхъ и въ книгу животну подъ номеромъ будущаго вѣка записанъ".

Господи Боже, чего-чего тутъ только нѣтъ! И вирши, и богобоязнь рядомъ съ кощунствомъ, и застращиванье, и даже залѣзанье во имя Сіона къ добрымъ людямъ на чужіе хлѣба...

Но возвратимся къ рѣшившему поступить въ секту странниковъ.

Выправивъ паспортъ куда-либо на дальній промыселъ или на богомолье, такое лицо идетъ потомъ въ извѣстную пустыньку, скитъ или просто—въ подызбицу, куда ему указано, и тамъ *перекрещивается*, ибо „поповское крещеніе" (т. е. православное), по убѣжденію странниковъ,—„оскверненіе" и это оскверненіе нужно „омыть".

Передъ перекрещиваньемъ его подвергаютъ, обыкновенно, довольно тяжелому искусу. Такъ онъ долженъ, напр., вынести шестинедѣльный постъ: кромѣ субботы и дней воскресныхъ и праздничныхъ, ѣсть только холодное—и то безъ масла и рыбы. Кромѣ того, въ теченіе всего указаннаго срока онъ обязанъ каждый день полагать по тысячѣ земныхъ поклоновъ, а послѣднюю ночь передъ перекрещиваньемъ совсѣмъ не спать, а молиться и читать божественное писаніе.

Перекрещиваютъ большею частью „крестители" (особая должность у странниковъ), а если ихъ нѣтъ на лицо, то рядовые начетчики или особенно уважаемыя старицы, въ родѣ извѣстной Ирины Ѳедоровны, неизмѣнной спутницы самого основателя бѣгунства Евфимія, которая крестила, напр., въ селѣ Сопѣлкахъ довольно виднаго впослѣдствіи наставника бѣгунства Мокія Ѳедорыча, а также—Петра Семеныча (Севастіана) и др.

Перекрещиваютъ въ ближайшей рѣкѣ, пруду или даже въ кадкѣ

съ водой и, при томъ, во всякое время года и не только здоровыхъ и взрослыхъ, но и больныхъ и младенцевъ.

При самомъ перекрещиваніи заставляютъ крещаемаго (при крещеніи младенца—воспріемника или воспріемницу) произносить особый чинъ проклятія „никоніанскихъ ересей“ и отреченія отъ всякихъ соблазновъ и мірской суеты. При этомъ ему дается новое имя, въ большинствѣ случаевъ---иноческое,—Варлаама, Маркелла, Исихія, Изота и пр. Вмѣсто креста, даннаго при православномъ крещеніи, надѣваютъ свой, бѣгунскій, очень часто изъ вересоваго (можжевеловаго) дерева въ жестяной или оловянной оправѣ. Указываютъ, далѣе, хотя и безъ непремѣннаго обязательства, носить опредѣленную одежду. Такъ, женщинѣ, напр., рекомендуется носить обыкновенные темныхъ цвѣтовъ старовѣрскіе сарафаны съ мѣдными пуговицами-шаркунчиками по передней трестѣ и черные платки. Для мужчины же, сверхъ одежды, ставятъ въ обязательство еще имѣть выстриженное на темени „гуменце“. Это для того, чтобы благодать могла вѣрнѣе проходить сквозь голую голову во всего человѣка. Наконецъ, новокрещенный запасается своимъ отдѣльнымъ мѣднымъ образкомъ (складнемъ), предъ которымъ всегда и молится и который кладетъ во время ѣды и питья постоянно на заблюдникъ. Заводитъ онъ себѣ также отдѣльную лѣстовку, подручникъ, подколѣнникъ, чашку, ложку и прочую посуду. Всѣ эти вещи, въ виду возможности осквернения чѣмъ-нибудь никоніанскимъ въ бродячей жизни необходимыя, обыкновенно, бѣгунскаго-же изготовленія, такъ какъ покупать, держать и кланяться тѣмъ, напр., образамъ, которые сдѣланы не странническими руками, а православными, считается у нихъ за великій грѣхъ. Въ этомъ случаѣ они ссылаются на примѣръ св. Андрея Христа ради юродиваго и указываютъ въ своихъ цвѣтникахъ то мѣсто изъ Апокалипсиса, гдѣ говорится, что въ царствованіе антихриста поставятся на мѣстѣ святѣ „кумиры антихристовы“...

V.

Перекрестившись и запасшись всѣмъ вышеуказаннымъ, новопросвѣщенный становится уже настоящимъ „*правовѣрнымъ*“ странникомъ.

Суетный міръ съ его антихристовой прелестью, съ его зловѣрными,

злочестивыми, пустопопами и праздниками табельными, сирѣчь табачными,—все это осталось теперь далеко позади.

«Прощай міръ весь со страстями
И со прелестью—на вѣкъ!
И со всѣми суетами...
Я отъ васъ уже далекъ»...

Впереди—строго иноческая жизнь, полная духовныхъ подвиговъ и воздержанія. По крайней мѣрѣ, уставъ бѣгунскій строго запрещаетъ „рабамъ Божіимъ“ не только излишества, въ родѣ табакокуренія и питья вина, но и такія обыденныя и съ мірской точки зрѣнія нравственно-невинныя вещи, какъ имѣть какую-либо собственность, пить чай, ѣсть мясное, вступать въ бракъ, ходить въ гости и другія людныя собранія... Все это—„грѣхъ“, „суета“, „богомерзкая закваска Веліарова“, которую нужно вырвать изъ себя, отъ которой, какъ отъ разъѣдающей заразной болѣзни, нужно исцѣлиться. И ото всего этого одно только средство: „Возьми корень послушанія и листвія терпѣнія, цвѣтъ чистоты, плодъ добрыхъ дѣлъ; изотри сіе въ котлѣ безмолвія, просѣй въ рѣшетѣ уединеннаго благомыслія, всыпли въ гарнецъ смиренія, прилей—елико можеши—воды и слезъ молитвенныхъ, подпали огнемъ божественнымъ любви, покрый крышкою милостыни и, егда огонь учредится, простуди и посоли братолюбіемъ и вкушай лжицею покаянія. И егда тако сотвориши, будеши совершенно здравъ“.

Молитва, уединеніе, незлобіе, нестяжательность, чистота тѣлесная и духовная, покаянный плачъ... Да это, дѣйствительно, настоящій скитскій уставъ, настоящее иноческое житіе...

Но только такъ-ли все это на самомъ дѣлѣ? Нѣтъ-ли и здѣсь уклоненій въ современномъ бѣгунствѣ отъ начертаннаго Евфиміемъ образца?

Обратимся къ фактамъ. Прослѣдимъ, насколько возможно, жизнь бѣгуна съ момента вступленія его въ секту до самой его смерти. Посмотримъ, чѣмъ онъ занимается, какъ проводитъ свободное время, какъ относится къ своимъ братьямъ-единосогласникамъ...

Возможно только одно изъ двухъ для человѣка, принявшаго бѣгунское крещеніе: или онъ уходитъ въ какую-нибудь лѣсную пустыньку, или же прячется въ тайничекъ у какого-нибудь жилового „христолюбца“.

Но въ томъ и въ другомъ случаѣ, при чисто внѣшнемъ, формально-обрядовомъ отношеніи бѣгуновъ, какъ и всѣхъ вообще раскольниковъ, къ своимъ религіознымъ обязанностямъ, отъ уставныхъ поклоновъ, отъ вечерницъ, полунощницъ и обѣдницъ остается масса свободнаго времени. И это время вполнѣ естественно сначала кажется для новопоступившаго, въ большинствѣ случаевъ—изморившагося на тяжкой работѣ, захудалаго мужичка, настоящимъ свѣтлымъ праздникомъ. Еще бы! Теперь ему уже не нужно возиться съ этой неблагодарной сохой-ковырялкой, не нужно, обливаясь потомъ, добывать подати, гнуть спину предъ грознымъ и надоѣдливымъ начальствомъ, заботиться о продовольствіи голодной семьи, крыть и перекрывать обрѣшетившуюся хатенку... Теперь его дѣло—всталъ, помолился, „отбылъ правило, еже указася“—и все! Сиди себѣ спокойно и безпечально до новаго „правила“. Любота да и только! Точно баринъ какой. А „окромя всего—и душеспасительно“: христіанская „молитовка“ за Богомъ никогда не пропадаетъ. Въ общемъ же все это такъ хорошо, что въ первое время даже не вѣрится, что и завтра и послѣзавтра будетъ то-же самое...

Но вотъ проходитъ недѣля, мѣсяцъ—и картина нѣсколько измѣняется. Ничегонедѣланье, такъ пріятное вначалѣ, начинаетъ уже пріѣдаться и тяготить этихъ, чуть не съ пеленокъ втянувшихся въ работу, людей. Медленно, шагъ за шагомъ, но вѣрно и неумолимо подкрадывается скука, тяжелая, безпросвѣтная. Чтобы разсѣять ее нѣсколько, бѣгунъ пробуетъ перекочевывать изъ одного тайничка въ другой, изъ одной пустыньки въ другую. Новыя мѣста, новыя лица какъ будто встряхнутъ его немного, но проходитъ первое ознакомленіе—и на душѣ еще тяжелѣй, ибо, къ ужасу его, его и здѣсь встрѣчаетъ та же бездушная у большинства уставная формалистика безъ искренней настроенности, та-же убійственная тоска, то-же „томленіе“ и безконечная бѣгунская „праздность“. И чуетъ онъ, что хотя бы сотни мѣстъ онъ перемѣнилъ, а вездѣ все то-же будетъ...

Но что же дѣлать? Куда-же дѣваться отъ этой гложущей скуки?

А разно бываетъ.

Если новопоступившій—человѣкъ мало-мальски искренній, грамотный и дѣйствительно мистически настроенный, то онъ замыкается въ себя и совершенно уходитъ въ изученіе и списываніе своихъ „бого-

духновенныхъ“ книгъ. Это—будущій фанатикъ-начетчикъ, краса и „велелѣпіе“ секты. Онъ глубоко вѣритъ въ святость бѣгунскаго подвига и злобно ненавидитъ все православное. Мрачнаго вида, съ блѣднымъ и изможденнымъ отъ подпольнаго сидѣнья лицомъ, съ лихорадочно горящими глазами, обезкровленный, съ отвычкой отъ чужихъ людей и дневного свѣта, онъ грозно громитъ „антихристово сѣмя“ и готовъ ежеминутно пойти на всяческія „мученія“, вплоть даже до самосожженія. Таковъ, напр., былъ Матвѣй Игнатьевъ Ухиновъ, крестьянинъ деревни Щекиновой, Волосовскаго прихода, Каргопольскаго уѣзда, Олонецкой губерніи. Вмѣстѣ съ 14 совращенными имъ въ бѣгунство крестьянами, онъ спокойно вошелъ въ избушку на сѣнокосной пожнѣ Старцева, заперъ дверь и самолично подпалилъ еще ранѣе натасканную въ эту избушку бересту. Столбъ чернаго дыма—и отъ пятнадцати человѣкъ остались лишь обгорѣлые черепа, ребра и издававшіе невыносимый смрадъ желудки. Въ четырехъ саженяхъ отъ пожарища, на березкѣ, найдена и разгадка—бумажный листокъ, на которомъ было написано карандашомъ церковно-славянскими буквами:

„Іоаннъ Богословъ. А сколько палочекъ, столько и человѣкъ сгорѣло (15 черточекъ); а наставникъ Матвѣй Ухиновъ, а во святомъ крещеніи Максимъ. А мы бѣжали и не можемъ на вашу вражью прелесть глядѣти. Лучше въ огнѣ сгорѣть, чѣмъ антихристу служить и бѣсами быть. Писано бо во Покалипсисѣ: Вавилонъ, Вавилонъ, градъ великій, жилище бѣсомъ. А еже странныхъ гонятъ, то всѣ со Христомъ лучше и горятъ“.

Правда, это—единичный случай и на основаніи его невозможно дѣлать какихъ-либо общихъ выводовъ. Большинство фанатиковъ-начетчиковъ не идетъ дальше болѣе или менѣе дерзкой пропаганды бѣгунскаго ученія да развѣ еще открытаго глумленія надъ всѣмъ православнымъ во время судебныхъ слѣдствій. Да и вообще фанатики-бѣгуны теперь, сравнительно, рѣдкое явленіе. Рядовая же масса „людей Божіихъ“ предана своему „едино-истинному христіанству“ вовсе уже не такъ беззавѣтно и справляется съ одолѣвающей ее въ первое время скукой значительно проще: она просто-на-просто не обращаетъ на нее никакого вниманія (такъ, дескать, „съ непривычки“, „блажь одна“) и, не мудрствуя лукаво, со спокойной совѣстью продолжаетъ излѣни-

ваться и постепенно превращаться въ невозможныхъ тунеядцевъ и развращенныхъ сластолюбцевъ.

Правда, нѣкоторые изъ нихъ плетутъ лапти, шьютъ башмаки, вяжутъ чулки, рѣжутъ крестики, гнутъ изъ бересты бураки (корзины) и все это продаютъ потомъ при содѣйствіи «христолюбцевъ»-пристанодержателей. Многіе тайкомъ, въ ночное время, «подъ сокрытіемъ спасительной сутемени», даже помогаютъ послѣднимъ въ ихъ полевыхъ работахъ. Но все это дѣлается ими вяло, безучастно,—больше такъ, «для лѣкарствія», «для ради того, чтобы размяться», «разогнать по жиламъ застоявшуюся кровь». И это, конечно, потому, что все необходимое для жизни и безъ того доставляется имъ разными жиловыми «благодѣтелями». Послѣдніе шлютъ имъ чрезъ вѣрныя руки и мучку, и маслице, и яйца, и рыбку, и грѣшнымъ дѣломъ—такъ неподходящія къ ихъ уставной «нестяжательности» денежки. И насколько обильны бываютъ эти денежныя пожертвованія, можно судить, напр., изъ того, что не такъ давно одна «христолюбивая» купчиха изъ Ярославля разомъ прислала на Каргопольскій бѣгунскій «предѣлъ» 12 тысячъ рублей. Такія же пожертвованія, какъ въ 100, 200 и 300 рублей, бываютъ очень часты. Пишущему эти строки лично извѣстны нѣсколько купцовъ, дѣлающихъ подобныя пожертвованія или, какъ они ихъ называютъ «поминки» по нѣскольку разъ въ годъ. Всѣ эти пожертвованія поступаютъ, обыкновенно, въ распоряженіе старшаго, который и дѣлитъ ихъ потомъ, по мѣрѣ накопленія, между всею наличною «братіею».

При такихъ условіяхъ, разумѣется, жизнь бѣгуна вполнѣ обезпечена и безъ всякихъ личныхъ его трудовъ: живи, дѣйствительно, какъ говорится, точно у Христа за пазушкой, да славь Бога,—

„Иже излилъ на тя любовь:
Далъ тебѣ сей странный кровъ,
Безъ печали, безъ заботы,
Безъ мечтаній, суеты...“

Бѣгуны такъ и живутъ. Хорошо, по ихнему, живутъ: спятъ себѣ сколько угодно, ѣдятъ и пьютъ, не смотря на хваленую строгость устава, сытно и обильно... Когда же сонъ ужъ «отвалилъ» и «не беретъ больше», а правило уже выполнено и время ѣды еще не приблизилось (по крайней мѣрѣ, еще не слышно жалобъ, что «скетъ на

животѣ»), то къ услугамъ бѣгуновъ являются собесѣдованія съ начетчиками и слушаніе ихъ поученій, хотя бы и для того только, чтобы повздыхать, памятуя суету мірскую и всякія житейскія невзгоды, ставшія теперь для нихъ лишь воспоминаніями. Когда же и это приналучитъ, то одни „для ради лѣкарствія“ садятся ковырять лапотки или гнуть бурачки, а другіе, усѣвшись въ кружокъ, затягиваютъ хоромъ различные духовные стихи и псальмы, которыхъ у нихъ имѣется замѣчательное обиліе. Есть нѣсколько стиховъ о пустыняхъ и пустынножителяхъ (напр., „О, прекрасная пустыня, пріими мя во свою частыню“), стихъ объ антихристѣ („По грѣхомъ нашимъ на нашу страну напусти Господь такову бѣду“), о второмъ пришествіи („Господь грядетъ въ полунощи, женихъ идетъ со славою“), о смерти („О, неумолимая смерть, люта еси и немилостива“), о потопѣ праведнаго Ноя („Отъ начала было вѣка, отъ перваго человѣка“), про Іосафа Царевича, въ пустыню идуща („Боже Отче всемогуще, Боже Сыне присносуще“), про узника-невольника („Поздно-поздно вечерами, какъ утихнетъ весь народъ“), о страстяхъ Господнихъ („Со страхомъ мы, братіе“), о лѣнивомъ, про младыя лѣта и пр.

Поютъ странники, дѣйствительно, хорошо. Да и стихи попадаются чудесные, полные, по мѣстамъ, замѣчательной силы чувства и поэтической изобразительности. Таковъ, напр., слѣдующій стихъ, составленный первымъ патріархомъ извѣстнаго толка бѣгунскаго „статейниковъ“, Никитой Семеновымъ:

Умоляла мать родная
Свое милое дитя,
Предъ кончиною рыдая,
О судьбѣ его грустя:
—„Распростись со мной на вѣки,
Ненаглядный мой цвѣтокъ:
Скоро будешь сиротою—
Цвѣсти въ полѣ одинокъ...
Мнѣ минута наступила
Тебя на вѣкъ покидать;
Скоро хладная могила
У тебя отниметъ мать...
Ты звѣзда моя—денница,
Не затляй своей красы,
не губи себя на вѣки,
Не плети ты двѣ косы.
Не мѣняй волю златую

На прелестные цвѣты,
На богатство, честь земную,
На заботы, суеты.
Теперь ты и не богата
И въ народѣ не славна,
Зато птичка ты крылата,
Безпечальна и вольна...
Ты звѣзда моя—денница,
Твой женихъ—небесъ Творецъ,
Съ нимъ ты будешь голубица,
Съ нимъ пойдешь ты подъ вѣнецъ.
Рай пресвѣтлый на востокѣ.
Я тебя тамъ буду ждать.
Лучше царскихъ тамъ палаты,
Вертограды и сады,
Терема, чертоги, златы,
Въ садахъ дивные плоды,
Рощи съ чудными древами,
Всегда ангелы поютъ,
Поля устланы цвѣтами,
Розы запахъ издаютъ.
Плавно катятся тамъ рѣки,
Чище слезъ воды струя.
Тамъ вселишься ты навѣки,
Дочь любимая моя!
Тамъ не жди бѣды, напасти,
Ни печали никакой;
Тамъ погаснутъ въ душѣ страсти,
Тамъ лишь радости покой“...
Мать въ послѣдній разъ вздохнула,
Оградившая крестомъ,
На дѣвицу разъ взглянула
И уснула вѣчнымъ сномъ...
Не забыла дѣва слова,
Помнитъ материнъ совѣтъ,
Безъ препятствія земного
Она жизнь свою ведетъ:
Во пустынѣ, во частынѣ,
Въ дивномъ теремѣ златомъ
Красоту свою лѣпную
Она дѣлитъ со Христомъ..

Или вотъ еще:

...Хвали сердце мое въ вышнихъ,
Хвали Бога въ небесахъ,
Воспой пѣснь ему въ псалтири,
Воспой пѣснь ему въ гусляхъ!
Воспой гласомъ, воспой духомъ,
Воспой милость всю его!
Ударь въ струны, нѣжнымъ звукомъ

Прославь Бога своего,
Кто извелъ тя изъ напасти
И житейскія мечты,
Удалилъ тя есть отъ страсти
И мірскія суеты,
И привелъ тя во ограду,
Гдѣ пасетъ своихъ овецъ.
Съ ними дай же мнѣ отраду
Ты, премудрый нашъ Отецъ! и проч.

Вѣдь какъ ни какъ, а нужно сознаться, что эти и подобные имъ дифирамбы въ честь бѣгунства замѣчательно красочны и составлены мастерски. Не удивительно послѣ этого, что послушать распѣваемые бѣгунами стихи въ подызбицу набирается иногда очень много и постороннихъ: филипповцевъ и особенно – православныхъ. Не удивительно и то, что всѣ они расходятся съ этого пѣнія часто грустные, задумчивые, съ неуловимой, но цѣпкой паутинкой расположенности къ сектѣ...

Но продолжимъ описаніе времяпровожденія „странной братіи“.

VI.

Хорошо пѣніе стиховъ и бѣгуны его очень любятъ: поютъ стройно, дружно, съ елейными вздохами и сокрушенными охами, но въ концѣ концовъ и оно надоѣстъ. Тогда въ распоряженіи странниковъ остается еще одна утѣха и едва-ли не самая любимая: это—баба.

Съ перваго взгляда это кажется нѣсколько страннымъ и даже маловѣроятнымъ, ибо, какъ мы видѣли, секта носитъ съ виду суровый иноческій характеръ и нравственныя требованія ея устава на этотъ счетъ очень опредѣленны и строги. Такъ, за первый грѣхъ противъ 7 заповѣди полагается епитимія въ 1,000 земныхъ поклоновъ; за грѣховное паденіе въ постъ—12,500 поклоновъ, а за годичный грѣхъ—50,000 поклоновъ. Но все это именно только *съ виду и на первый взглядъ*. На самомъ же дѣлѣ мы встрѣчаемъ теперь въ средѣ бѣгуновъ совершенно противоположное: отрицая бракъ, какъ „осквернѣніе“ и воспѣвая дѣвство и „цѣломудренное житіе“, они совершенно спокойно и нисколько не смущаясь бродятъ по темнымъ лѣсамъ и скрываются по глухимъ подземельямъ веселыми парами случайно сошедшихся безбрачныхъ сожителей. Выходитъ, такимъ образомъ: дѣвство на словахъ – и развратъ на дѣлѣ, безбрачіе въ теоріи—и самое

разнообразное наложничество на практикѣ. И началось сіе „злокозненное упаденіе“ давно-давно. По крайней мѣрѣ, обращаясь къ исторіи секты, мы видимъ первые слѣды его въ очень отдаленныя времена, граничащія чуть-ли не съ началомъ бѣгунства. И что всего удивительнѣе, такъ это то, что даже сами наставники оказываются далеко не безгрѣшными. Ихъ собственныя показанія, данныя въ 50-хъ годахъ,—лучшія тому доказательства. Такъ, на ряду со скорбію и рыданіемъ объ истлѣніи благочестія, нѣтъ, по показанію страницы Аполлинаріи Ивановой, „ни одного наставника, у котораго бы не было по нѣскольку любовницъ“. И дѣйствительно, какъ живые встаютъ предъ нами — Евфимій и Ирина Ѳедоровна (крестьянка Кашинскаго уѣзда, Тверской губерніи), Никита Семеновъ и Варвара Димитріевна съ одной еще „рабой Божіей“ изъ Пошехонскихъ скитовъ, Савва Александровъ и дѣвица Татьяна Свѣтлякова изъ деревни Усть-Пормы (Олонецкой губ.) и еще Мароа Полетаева изъ деревни Морозовой (той-же губ.), Глѣбъ и Глафира, Миронъ и Василиса, Савватій и Марья, Никаноръ и Устинья и другіе, подобные имъ свѣтильники бѣгунства, эти, какъ оказывается, на самомъ дѣлѣ „бабьи воины и дѣвичьи ратники“, имѣвшіе то по одной, то по нѣскольку разомъ наложницъ. „Начну, еже содѣяхъ“, — писалъ въ своей исповѣди наставникъ Александръ Васильевъ; но то, что онъ „содѣяхъ“, невозможно и передать здѣсь. Съ наставникомъ Антипой Яковлевымъ произошла, далѣе, такая оказія: „нѣкогда случилося ему быть при моленьи — и вдругъ нѣкая жена ухвати его безстудно“. Описатель жизни странниковъ 60-хъ годовъ, бывшій ранѣе тоже странникомъ, передаетъ, что одинъ изъ видныхъ дѣятелей бѣгунства того времени нарочито при перекрещиваніи избралъ себѣ въ воспріемницы дѣвицу Любовь, чтобы позволили жить съ нею въ одной кельѣ на правахъ духовнаго родства, какъ съ крестной матерью. И когда позволили, то дѣйствительно жилъ съ нею. Одинъ бѣгунскій писатель, возстававшій противъ появившагося въ сектѣ толка „брачниковъ“, заявляетъ: „отъ ихъ-же непреподобнаго ученія и прочіе согласія люди навыкоша при себѣ водити дѣвокъ и бабъ, а что они съ ними дѣлаютъ, про то сами знаютъ“. Иконный изографъ бѣгунскій Селиверстъ

Гдѣ квартира потеплѣе,
Онъ согласенъ тутъ и быть,
Ему вѣра та милѣе,

Гдѣ послабже можно жить.
Онъ давно, чего желалъ,
То нашелъ и получилъ;
Такой вѣры и искалъ,
Чтобъ свободно при ней жилъ и проч.

Изъ этихъ и подобныхъ имъ фактовъ и показаній самихъ бѣгуновъ (а ихъ такая масса, что перечислить даже сотую долю ихъ нѣтъ никакой возможности) съ достаточной ясностью видно, какъ понимали и теперь понимаютъ, сохраняли и теперь сохраняютъ свое „иноческое“ дѣвство бѣгуны, во всемъ слѣпо идущіе за своими наставниками. Не даромъ, поэтому, существуютъ и поговорки у современныхъ бѣгуновъ, что „тѣло играетъ, душа непорочна“,—„жена діаволомъ дана, а дѣвка Богомъ“; что „хоть семерыхъ роди, только замужъ не ходи“ и „тайно содѣянное тайно и судится“. Не даромъ, далѣе, и всѣ болѣе или менѣе видные изслѣдователи и знатоки расколо-сектантства относятъ странниковъ, не смотря на ихъ кажущуюся иноческую строгость, къ разряду сектъ противонравственныхъ. Третій всероссійскій миссіонерскій съѣздъ, бывшій въ г. Казани въ 1897 году, въ одномъ изъ своихъ засѣданій категорично выразился, что странники еще рѣшительнѣе, нежели ѳедосѣевцы, возстаютъ противъ брака и что умноженію разврата къ страннической сектѣ весьма много способствуетъ совмѣстное мужчинъ и женщинъ бродяжничество и проживанье въ тайникахъ. Бракоборное-же ѳедосѣевское ученіе извѣстно.

„Не жену, а стряпуху держи и, часто перемѣниваючи, отклони зазоръ; дѣтей не роди, а если и родишь, тайно воспитай и племянничкомъ называй; а когда покинешь жену съ дѣтьми, тогда только будешь чистый рабъ“—вотъ ѳедосѣевскій совѣтъ мужчинамъ.

„Дѣвство каждый сохраняй, тайну брака не познай, — сколько хочешь народи, только замужъ не ходи; насъ отцы за грѣхъ простятъ, въ райско мѣсто помѣстятъ“ — вотъ ѳедосѣевскій совѣтъ женщинамъ.

Мало того,—

„Тайна брака истребися.
Дѣторождство запретися,
Что къ зачатью человѣка
Нынѣ душу къ жизни вѣка
Богъ Творецъ не посылаетъ.
Самъ діаволъ помѣщаетъ.
. . . . . .
Дѣва, отрокъ, умертвись,
Жизни въ ложеснахъ лишись“...

Такъ разоблачаетъ изувѣрный взглядъ ѳедосѣевцевъ на семью из-

вѣстный въ исторіи безпоповства „Андреянъ“ Сергѣевъ. Можно судить поэтому, какова нравственная чистота жизни странниковъ, если она— не говоримъ „превышаетъ“, а хотя лишь сколько-нибудь приближается къ таковой-же ѳедосѣевцевъ!..

Но кромѣ разврата полюбовнаго, согласнаго, лѣтопись странничества представляетъ намъ и возмутительные случаи насилія, жестокости и безчеловѣчія на этой почвѣ.

Такъ странница Ирина Никифоровна (она-же Марѳа) разсказывала, какъ привязался къ ней странникъ Иванъ Тимофеевъ и скоро началъ ревновать ее. Разъ онъ зазвалъ ее въ холодную горницу, гдѣ оказался какой-то неизвѣстный ей человѣкъ. Вдвоемъ они схватили ее и сначала стали было душить, а потомъ принялись сѣчь. Сѣкли долго и жестоко, даже по животу. Когда одинъ уставалъ, начиналъ другой, приговаривая: „Знай нашихъ, каково измѣнять намъ!“ Въ заключеніе Тимофеевъ обрѣзалъ несчастной косу, а потомъ взялъ за уши и отрѣзалъ ножницами по куску каждаго уха. Показаніе это было подтверждено въ свое время медицинскимъ освидѣтельствованіемъ.

Намъ самимъ привелось слышать не такъ давно разсказъ нѣкоей Ирины Алексѣевой Бѣлогузовой, крестьянки деревни Фефиловской (Олонецкой губ.), о томъ, какъ ея племянница, ушедшая въ „странство“, едва не подверглась насилію со стороны старика-странника, къ которому ее „опредѣлили“, случайно спасшись отъ позора лишь бѣгствомъ изъ скита. При этомъ за ней гнались, но настигнуть и найти не могли, такъ какъ дѣло происходило ночью и въ лѣсу и она успѣла спрятаться отъ преслѣдователей въ одной ямѣ, откуда и слышала всѣ ихъ переговоры, что нужно, дескать, ее „порѣшить“, а то она можетъ „выдать насъ“...

Жестокость и безчеловѣчіе странниковъ на почвѣ безпорядочныхъ любовныхъ сопряженій усматривается, между прочимъ, еще и въ томъ, что въ средѣ ихъ практикуется въ ужасающихъ размѣрахъ вытравленіе плода. Для этой цѣли бѣгунки принимаютъ внутрь казачій можжевельникъ (juniperus sabina), янтарь, шафранъ, тертый порохъ, настой на водкѣ разныхъ травъ, въ родѣ — баранца (agnus castus), чернобыльника (Arthemisia), переступа (bryonia) и проч. И надо полагать,—успѣшно, такъ какъ, въ общемъ, случай рожденія дѣтей въ бѣгунствѣ очень рѣдки. А если и случится такой грѣхъ, то къ услу-

гамъ „сплоховавшихъ“ являются „христолюбцы“—пристанодержатели, которые и усыновляютъ ребятъ, говоря любопытнымъ, что получили ребенка отъ какой-то проходившей богомолки, которая шла будто-бы съ этой крикливой ношей, притомилась, заболѣла, да и говоритъ: „Мнѣ дѣвать теперь некуда, возьми дитя Христа ради!...“

Но довольно...

Уже изъ сказаннаго ясно, насколько странники вѣрны своему „иноческому“ уставу. Да, впрочемъ, припертые къ стѣнѣ неопровержимыми фактами, они и сами не скрываютъ своихъ „прорѣхъ“, съ циничной откровенностью заявляя, что „жить по уставу—тяжело суставу“, что „на всѣ суставы уставные не уставишься“ и что „не нами, дескать, уставилось, не нами и переставится“...

Вотъ и слушайте послѣ этого, какъ они съ елейными вздохами и сокрушенными охами распѣваютъ:

„Прощай міръ весь со страстями
И со прелестью—на вѣкъ!
И со всѣми суетами...
Я отъ васъ уже далекъ“...

Ложь. Беззастѣнчивая, грубая ложь...

VII.

Въ теплѣ и довольствѣ, среди „молитовокъ“ и пѣнія священныхъ стиховъ вперемѣшку съ „любострастными утѣхами“, безпечально течетъ жизнь странника...

Но вотъ подошла старость, подкралось безсиліе, приключилась болѣзнь смертная. Прошло время умирать и идти „ко страшному Судіи и ко грозному Владыцѣ“...

Тяжелая, безотрадная обстановка.

Тайкомъ, глухою ночью, безъ гроба, завернутаго въ рогожу выносятъ „преставльшагося раба Божія“ его единогласники куда-нибудь въ поле или въ сырой боръ и тамъ, какъ падаль, зарываютъ его въ ямкѣ. И никакого крестика, никакого бугорка, никакого знака, что тутъ, подъ тонкимъ слоемъ земли, лежитъ человѣкъ! Оно, впрочемъ, и понятно: *невѣдомый міру* странникъ долженъ и почивать въ *невѣдомомъ міру* мѣстѣ...

«Никто моей могилушки
Никогда не посѣтитъ,
Развѣ пташечка лѣсная
На ней сядетъ—посидитъ.
Или развѣ мимоходомъ
Кто близъ могилушки пройдетъ,
Пріуставши—на зеленомъ
Дернѣ сядетъ—отдохнетъ»...

Зарываютъ странника очень мелко, причемъ голову, обращенную лицомъ къ востоку, зарываютъ еще мельче, чѣмъ ноги. Это дѣлается, съ одной стороны, въ томъ расчетѣ, чтобы земля антихристова не слишкомъ *давила* истиннаго христіанина, а съ другой,—чтобы ему *легче* было встать, когда труба архангелова вострубитъ въ послѣдній день.

Зарываютъ нерѣдко въ той-же самой одеждѣ, въ которой покойный странствовалъ: въ полушубкѣ или армякѣ съ подпояской, въ той-же шапкѣ, сапогахъ или лапоткахъ и часто даже съ палочкой, чтобы быть, когда настанетъ кончина міра, въ маломъ стадѣ избранныхъ совсѣмъ, какъ говорится, *наготовѣ*.

„И буду лежать, гласа ожидать. Какъ въ трубу вострубятъ, всѣхъ мертвыхъ возбудятъ, и азъ пробужуся, съ землей разлучуся. Пойду на судъ Божій. И буду стояти, отвѣтъ помышляти, себя укоряти, Творца умоляти.

«Пріими мя, Боже,
Вѣрнаго сына!
Во твоемъ эдемѣ,
Въ пресвѣтломъ мѣстѣ,
Да на Тя взираю,
Радость получаю»...

Странный народъ и странное ученіе! Какъ въ немъ все противорѣчиво! Ложь и младенческая наивность, аскетизмъ и распущенность, любовь и ненависть, покаянный плачъ и безсердечіе—все перепуталось въ какой-то непонятный, хаотически-безпорядочный клубокъ...

И гдѣ выходъ, гдѣ конецъ всему этому?

Разумѣется,—не въ старомъ, къ которому, какъ мы видѣли, бѣгуны стали въ невозможныя противорѣчія, а въ новомъ: въ любовномъ отношеніи къ этимъ заблудшимъ людямъ и въ просвѣщеніи. Авось—

«Блеснетъ огонекъ
Среди темной ночи—
И дрогнетъ тьма,
И отверзутся очи...
И познаютъ они
Заблужденья свои»

Д. М. Березкинъ.

Обличеніе лжеученія хлыстовской секты.

(Изложеніе ученія слова Божія о Лицѣ Господа Іисуса Христа, о христіанахъ, какъ дѣтяхъ Божіихъ, и о бракѣ).

«Не участвуйте въ безплодныхъ дѣлахъ тьмы, но и обличайте» (Ефес. 5, 11).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Обыкновенно предполагается, что хлысты не руководятся Св. Писаніемъ, какъ источникомъ вѣроученія; поэтому,—имѣетъ ли смыслъ полемика съ ними на почвѣ Св. Писанія? То, что хлысты—въ сущности—не считаются съ текстомъ Слова Божія и не стѣсняются имъ въ своемъ вѣро—и нравоученіи,—совершенно справедливо. Но, это положеніе по отношенію къ хлыстамъ требуетъ нѣкотораго ограниченія и разъясненія.

На Св. Писаніе хлысты смотрятъ подобно тому, какъ и на Церковь. „Я ходилъ въ церковь, пусть теперь дѣти ходятъ"!—говорилъ намъ одинъ хлыстъ.—Почему?—„Научился и довольно"! На Церковь хлысты смотрятъ, какъ на „сѣнь" ихъ „тайнъ". Точно также они смотрятъ и на Писаніе: его буквальный смыслъ, по убѣжденію сектантовъ это скорлупа, скрывающая за собой ихъ „тайны". То, что описано въ Библіи это, по ихъ мнѣнію, было и прошло безвозвратно и—по буквѣ никакого отношенія къ нимъ не имѣетъ, но съ другой стороны—„духовно" пророки и апостолы, небо и рай и адъ, описываемые св. Писаніемъ, все это совершается теперь, здѣсь на землѣ. Вотъ почему хлысты нерѣдко читаютъ нѣкоторыя мѣста св. Писанія, толкуя ихъ „духовно", т. е. извращая ихъ по своему, читаютъ, очевидно, не только для совращеній, или напоказъ, а отчасти и для себя.

Приведемъ нѣкоторые примѣры. „Прежде нежели былъ Авраамъ, Я есмь“ (Іоанна 8, 58),—читаютъ они, прибавляютъ сюда повѣтствованіе о Мелхиседекѣ (Евр. 7, 3) и въ результатѣ этого сопоставленія текстовъ ими выводится мысль о ветхозавѣтныхъ воплощеніяхъ Христа, какъ многократныхъ. „Вы говорите, что Христосъ восшелъ на небо (1 Петра 3, 22)“, говорятъ хлысты миссіонеру, а вы впередъ объясните: что такое „небеса“ и „бѣса“? По-хлыстовски предполагается, что „небеса“ — они сами, а „бѣса“—остальные люди. Ссылки и перетолкованіе хлыстами текстовъ 1 Іоанна 4, 2—3 и Матѳ. 12, 48—50— извѣстны.

„Тѣло мертво“, оно—„для грѣха“ (отдавай его для грѣха) читаютъ хлысты съ своими комментаріями; „духъ живъ для праведности“ [1]), т. е. для радѣній.

Законъ (брачный) „имѣетъ власть надъ человѣкомъ, пока онъ живъ“. „Замужняя женщина, привязанная закономъ къ живому мужу“ т. е. не—хлысту; а „если умретъ мужъ“, т. е. перейдетъ въ хлысты, „умретъ для грѣха“, она освобождается отъ закона замужества“; если при живомъ мужѣ выйдетъ за другого, называется прелюбодѣйцею“ т. е. въ случаѣ обычнаго законнаго брака; „если же умретъ мужъ, она свободна отъ закона и не будетъ прелюбодѣйцею, вышедши за другого мужа [2]). Въ томъ же смыслѣ, т. е. въ полной брачной антиноміи хлысты понимаютъ слова: „мы теперь не подъ закономъ, а подъ благодатію“... [3]). Въ примѣръ приводится самарянка, имѣвшая пять мужей, и семь братьевъ, имѣвшихъ одну жену [4]) и т. п. Оставленіе законныхъ женъ и принятіе т. н. „сестеръ“, „духовныхъ женъ“ хлысты иногда мотивируютъ текстомъ: Гал. 4, 22—31 и выраженіемъ его: „изгони рабу и сына ея“...

Правда, толкованіе Писанія нельзя считать, устойчивымъ, вездѣ одинаковымъ у хлыстовъ, но несомнѣнно, что хлысты стараются оправдать себя своеобразнымъ толкованіемъ нѣкоторыхъ его мѣстъ. Еще большее значеніе имѣютъ ссылки и „духовное“ истолкованіе хлыстами Писанія при совращеніи ими въ секту стороннихъ лицъ; ссылаются хлысты на Слово Божіе и въ собесѣдованіяхъ съ православ-

---

[1]) Римл. 8, 10.
[2]) Римл. 7, 1—13.
[3]) 6, 14.
[4]) Іоанна 4, 18; Луки 20, 29—31.

пыми; въ послѣднемъ случаѣ хлыстъ, не желая (а можетъ быть и стыдясь) сразу открывать свои „тайны“,—по крайней мѣрѣ въ началѣ бесѣды,—хотя и не прочь высказаться загадочно, все же поневолѣ держится болѣе буквальнаго, прямого смысла священнаго текста.

Посему, мы,—надѣясь на помощь Божію, памятуя, что „слово Божіе живо и дѣйственно, и острѣе всякаго меча обоюду остраго: оно проникаетъ до раздѣленія души и духа, составовъ и мозговъ, судитъ помышленія и намѣренія сердечныя“ (Евр. 4, 12), на собесѣдованіяхъ,—не говоря о другихъ видахъ сектантства,—и по отношенію къ хлыстамъ старались обличать ихъ лжеученіе и злыя дѣла на основаніи Слова Божія.

Нижеслѣдующее „Обличеніе лжеученія хлыстовской секты“ есть запись тѣхъ вразумленій, которыя намъ приходилось до сихъ поръ предлагать по отношенію къ хлыстамъ на нашемъ миссіонерскомъ служеніи.

Собесѣдованіе съ хлыстами, какъ совопросничество, въ особенности въ началѣ бесѣды, приводитъ въ большинствѣ случаевъ къ досадной для миссіонера, затемняющей дѣло игрѣ словъ со стороны сектанта. Приходится прежде всего пытаться вносить въ собесѣдованіе свѣтъ, т. е. бесѣдовать съ сектантами сначала въ положительной формѣ, и только къ концу бесѣды обычно совопросничаютъ и сектанты. Поэтому, въ настоящемъ „Обличеніи“ мы предлагаемъ въ противовѣсъ основнымъ пунктамъ лжеученія хлыстовъ, прежде всего, положительное ученіе Св. Писанія.

Надѣемся, что разъясненія, подобныя нашему, могутъ оказать пользу въ смыслѣ различенія между истиной и заблужденіемъ и православнымъ, живущимъ въ мѣстахъ, зараженныхъ хлыстовствомъ.

Велико, упорно при нравственномъ развращеніи заблужденіе хлыстовъ! На миссіи, тѣмъ не менѣе, лежитъ долгъ сѣять посильно, благовѣствовать церковную истину и среди заблудившихся, обличать ихъ темныя дѣла Словомъ Божіимъ, терпѣливо уповая на молитву Церкви: „да откроетъ Онъ имъ Евангеліе правды“!

Д. Граціанскій.

Возлюбленные! имѣя все усердіе писать вамъ объ этомъ общемъ спасеніи, я почелъ за нужное написать вамъ увѣщаніе подвизаться за вѣру, однажды преданную святымъ. Ибо вкрались — нѣкоторые люди, издревле предназначенные къ сему осужденію, нечестивые, обращающіе благодать Бога нашего въ поводъ къ распутству и отвергающіеся единаго Владыки Бога и Господа Нашего Іисуса Христа...

Какъ Содомъ и Гоморра и окрестные города, подобно имъ блудодѣйствовавшіе и ходившіе за иною плотію, подвергшись казни огня вѣчнаго, поставлены въ примѣръ[1]),—такъ точно будетъ и съ сими мечтателями, которые оскверняютъ плоть, отвергаютъ начальства и злословятъ высокія власти" (Посланіе св. Ап. Іуды, брата Господня, стихи 3—4, 7 – 8).

„Духъ ясно говоритъ, что въ послѣднія времена отступятъ нѣкоторые отъ вѣры, внимая духамъ обольстителямъ и ученіямъ бѣсовскимъ чрезъ лицемѣріе лжесловесниковъ, сожженныхъ въ совѣсти своей, запрещающихъ вступать въ бракъ и употреблять въ пищу то, что Богъ сотворилъ" (1-е посланіе св. ап. Павла къ Тимоѳею, глава 4, ст. 1—3).

„Были и лжепророки въ народѣ, какъ и у васъ будутъ лжеучители, которые введутъ пагубныя ереси и, отвергаясь искупившаго ихъ Господа, навлекутъ сами на себя скорую погибель" (2 Петра, 2, 1 и далѣе).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашего отечества, къ несчастію, проживаютъ такіе люди, которые лживы на словахъ, имѣютъ сожженную совѣсть, не считаютъ Господа нашего Іисуса Христа за единаго Владыку, ученіе о благодати Божіей обращаютъ въ поводъ къ распутству, запрещаютъ вступать въ бракъ и употреблять въ пищу сотворенное Богомъ... Такіе люди обычно называются „хлыстами".

Побесѣдуемъ о нихъ подробнѣе.

Слово Божіе упоминаетъ иногда и о грѣхахъ человѣческихъ,— зачѣмъ?—А затѣмъ, чтобы мы, зная объ ихъ пагубности для насъ, избѣгали ихъ. Такъ и здѣсь; мы скажемъ нѣчто объ ученіи и дѣлахъ хлыстовъ затѣмъ, чтобы, понявъ пагубность ихъ лжеученія и дѣлъ, мы заранѣе могли убѣжать отъ еретическаго соблазна и тѣмъ избавить свои тѣло и душу отъ разврата, погибели, казни, огня вѣчнаго.

---

[1]) Быт. 19, 24—25.

Что за люди хлысты? Какое ихъ ученіе и какія дѣла?

„Хлысты по большей части не любятъ, когда ихъ зовутъ „хлыстами“; назвали же ихъ этимъ именемъ вѣроятно потому, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на своихъ собраньяхъ они хлестали себя (вербами или жгутами) и приговаривали:

Хлыщу, хлыщу,
Бога ищу.

Сами себя хлысты называютъ: „людьми божіими“, „богомолами“, „духовными“ и другими, въ сущности, къ нимъ не подходящими названіями.

Обыкновенно хлысты стараются скрыть отъ постороннихъ лицъ свое ученіе и свои дѣла. Только нѣкоторые изъ нихъ явно не посѣщаютъ христіанскаго храма, явно бросаютъ своихъ женъ и живутъ съ чужими. Большею частію хлысты, когда ихъ спрашиваютъ публично о вѣрѣ, называютъ себя „православными“, ходятъ въ храмъ, принимаютъ у себя священниковъ, держатъ въ домахъ св. иконы, даже — бываютъ у исповѣди и св. причастія. Видимое исполненіе христіанскаго православнаго долга дѣлается ими не по совѣсти, а притворно, чтобы скрыть свое хлыстовство. Въ то же время хлысты имѣютъ свои отдѣльныя собранья, на которыхъ поютъ свои пѣсни, производятъ дѣйствія—по своему, нехристіанскому порядку и обычаю. На православныхъ они смотрятъ, какъ на враговъ, и злословятъ церковныхъ пастырей. Наружно хлысты представляются людьми благочестивыми: они стараются говорить вкрадчиво, мягко; когда вы съ ними заговорите, они объяснятъ, что нехорошо ходить на уличныя гулянья, пѣть свѣтскія пѣсни, сквернословить и т. под.; про себя скажутъ, что—вотъ они оставили все это и за то ихъ, будто бы, стали звать „хлыстами“, а про то, что они дѣлаютъ на своихъ собраньяхъ, они не говорятъ на этотъ разъ...

Сердцемъ же, т. е. на самомъ дѣлѣ, не принадлежатъ къ православной Церкви. Общество, отдѣлившееся отъ Церкви зовется „сектой“: общество хлыстовъ называется „хлыстовской сектой“.

Хлысты, какъ мы сказали, имѣютъ свои отдѣльныя собранія. Собранія эти бываютъ двухъ родовъ: малыя и большія.

Малыя собранія у хлыстовъ совершаются иногда открыто и на нихъ допускаются даже постороннія лица. На этихъ собраніяхъ сек-

танты ведутъ себя осторожно и не допускаютъ ничего предосудительнаго. Войдете вы къ нимъ, положимъ, въ первый разъ и увидите, что сидятъ въ хатѣ мужчины и женщины, или поютъ, или читаютъ св. Писаніе; поютъ и церковныя пѣсни, и „духовные стихи“, иногда же и свои хлыстовскія пѣсни—и только! Бываетъ, что человѣкъ очень долго *ходитъ на подобныя собранія*, а дѣйствительныхъ дѣлъ хлыстовъ и пагубнаго ученія ихъ не узнаетъ.

Другое дѣло—большія собранія хлыстовъ Эти собранія совершаются въ строгой тайнѣ; большею частію они бываютъ въ ночь подъ двунадесятые, воскресные и другіе праздники. Мѣстомъ собраній бываютъ уединенные дома въ отдаленныхъ отъ главнаго поселенія, глухихъ поселкахъ. На нихъ съѣзжаются иногда хлысты изъ дальнихъ мѣстъ и народу на нихъ бываетъ вообще довольно много. Посторонняго человѣка, не хлыста, сектанты туда не пустятъ. Ставни дома, гдѣ бываетъ такое собраніе, плотно закрываются; у дверей иногда ставится сторожъ, а на дворѣ спускаются собаки. На этихъ собраніяхъ хлысты учатъ и дѣлаютъ, какъ имъ хочется.

Въ чемъ же состоитъ ихъ тайное ученіе?

Слову Божію, Евангелію хлысты въ сущности не вѣруютъ: они смотрятъ на него, какъ на загадку (аллегоріи), тѣнь и понимаютъ его такъ, какъ имъ желательно,—превращаютъ его. Читаютъ Писаніе они рѣдко и затѣмъ больше, чтобы другіе это видѣли. Главнымъ источникомъ ихъ вѣры служатъ „вѣщанія“ главарей секты.

Хлысты не признаютъ Христа единороднымъ Сыномъ Божіимъ. единократно воплотившимся и вочеловѣчившимся нашего ради спасенія. По ихъ ученію, Тотъ Господь І. Христосъ, о Которомъ говоритъ св. Писаніе,—подобный имъ человѣкъ. Богъ Отецъ, Сынъ и Духъ Святый, по хлыстовскому ученію, воплощаются будто-бы въ нихъ самихъ. Нѣкоторые изъ хлыстовъ считаютъ себя то саваоѳами, то христами, богородицами, то апостолами, громами, старцами, юношами и т. п. лицами, упоминаемыми въ словѣ Божіемъ. Они учатъ, что на ихъ собраніяхъ, будто-бы сходитъ на нихъ Духъ, подъ дѣйствіемъ котораго они пророчествуютъ и говорятъ на иностранныхъ языкахъ. Кромѣ того, у нихъ есть заповѣди такія: женатые разженитесь, неженатые не женитесь: тайнъ никому,—ни отцу, ни матери, не открывайте.—

Плоть свою нужно,—по ихъ мнѣнію,—изнурять, отдавая ее грѣху. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они запрещаютъ ѣсть мясо.

Что же дѣлаютъ хлысты на своихъ тайныхъ собраніяхъ?

Обыкновенно сначала на этихъ собраніяхъ хлысты поютъ церковныя пѣсни; потомъ переходятъ къ своимъ хлыстовскимъ (хлыстовскія пѣсни большей частію имѣютъ плясовой напѣвъ). Отъ духоты, громкаго, возбуждающаго пѣнія у многихъ сектантовъ начинается круженіе головы, нервныя подергиванія, которыя мало-по-малу переходятъ въ притоптываніе, бѣганье, пляски, верченье или круженье по хатѣ. Иногда хлысты вертятся въ одиночку, иногда бѣгаютъ кругомъ другъ за другомъ, или же пляшутъ и вертятся, схватившись другъ съ другомъ—мужчина съ женщиной [1]). Подобныя пляски хлыстовъ называются радѣніями.

На ночныхъ собраніяхъ, подъ утро, хлысты иногда тушатъ огни и тогда совершается т. н. „свальный грѣхъ“,—происходитъ то, о чемъ, по слову ап. Павла, „стыдно и говорить“! (Гал. 5, 12).

Кто бывалъ на большихъ и тайныхъ собраніяхъ хлыстовъ, тотъ знаетъ, какія скверныя, постыдныя дѣла производятся тамъ. Тихіе на видъ хлысты,—тутъ дѣлаются сквернымъ, нечестивыми людьми, подобными тѣмъ, которые нѣкогда жили въ городахъ Содомѣ и Гоморрѣ. Неудивительно, поэтому, что по порядку, принятому у хлыстовъ, они—съ своими законными женами разобщаются (иногда они открыто удаляютъ женъ изъ домовъ, чаще оставляютъ ихъ жить въ томъ же домѣ для вида) и имѣютъ чужихъ женъ или дѣвицъ (иногда—они не разбираютъ при этомъ и родства); называютъ ихъ „сестрами“, „духовными женами“. Съ этими „духовными женами“ они и живутъ прелюбодѣйно.

Хлысты любятъ сманивать къ себѣ молодыхъ людей, внушаютъ имъ непочтеніе къ родителямъ и растлѣваютъ своимъ распутствомъ. Такимъ образомъ сбывается на хлыстахъ слово Писанія, что ученіе о благодати Бога нашего они „обращаютъ въ поводъ къ распутству“.

Святый апостолъ Павелъ, перечисляя виды грѣшниковъ, имѣющихъ

---

[1]) Одинъ православный миссіонеръ побывалъ у хлыстовъ на собраніи; хлыстовскіе ложные пророки не узнали его; то, что онъ видѣлъ у хлыстовъ, описано имъ въ книгѣ: „На радѣніи у хлыстовъ. Обличеніе самообольщенія хлыстовскихъ лжепророковъ. Миссіонера М. Кальнева. Изданіе первое. Одесса, 1902“.

открыться въ „послѣдніе дни“, во „времена тяжкія“, упоминаетъ, между прочимъ, и о такихъ, которые вкрадываются въ домы и обольщаютъ женщинъ, утопающихъ во грѣхахъ и водимыхъ различными похотями“ (2 Тимоѳ. 3, 1—7). „Таковыхъ, завѣщаетъ онъ, удаляйся“!

Недостаточно только знать, гдѣ погибель. Чтобы получить спасеніе отъ Господа, прежде всего нужно знать истинную вѣру и твердо держаться ея. Истинная вѣра, ведущая ко спасенію, преподана намъ Самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и содержится въ св. Писаніи и согласномъ съ нимъ ученіи святой Церкви.

Св. Писаніе должно понимать такъ, какъ учитъ св. Церковь, просто и безъ лукавства, помня, что „никакого пророчества въ Писаніи нельзя разрѣшить самому собою“ (2 Петра 1, 20); что нельзя—„превращать“ святыя слова Писанія; только „невѣжды и неутвержденные, по слову Апостола, къ собственной своей погибели превращаютъ“ неудобовразумительное въ Св. Писаніи (2 Петра 3, 16).

Чтобы усвоить себѣ данное во Св. Писаніи во спасеніе, нужно понимать его такъ, какъ учитъ Св. Церковь; ибо она есть „столпъ и утвержденіе истины“ (1 Тимоѳ. 3, 15). Чтобы утвердиться въ истинной вѣрѣ, а также понять ложность сектантскаго ученія, его пагубность для души, поучимся тому, какъ учатъ Св. Писаніе и св. Церковь,— во-первыхъ, о Лицѣ Господа нашего Іисуса Христа, во-вторыхъ, о христіанахъ, какъ дѣтяхъ Божіихъ и, въ третьихъ, о бракѣ.

I.

Какъ учитъ свящ. Писаніе о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ?

Согласно св. Писанію, Господь І. Христосъ, единородный Сынъ Божій (Іоанн. 1, 14), второе Лицо Святыя Троицы (Матѳ. 28, 19) рождается отъ Бога Отца прежде всѣхъ вѣковъ, прежде бытія міра (Іоанна 17, 5, 24). „Когда пришла полнота времени“ (Гал. 4, 4), Онъ ради насъ, ради нашего спасенія, принялъ человѣческую плоть, родился отъ Дѣвы Маріи. Событіе рождества Господа по плоти записано въ Евангеліи Апостолами (Матѳ. 1, 18—25. Луки 2, 1—20). Оно произошло 29 слишкомъ вѣковъ тому назадъ. „Матерь Господа“ родила Іисуса Христа по человѣчеству, — безъ мужа, по наитію

отъ Духа Святаго (Луки 1, 43. 34 -35. Матѳ. 1, 18—20. 23—25), и навсегда пребыла Дѣвою (Іезек. 44, 1—3).

Дѣва Марія была обручена Іосифу, но только обручена,—Іосифъ не былъ дѣйствительнымъ мужемъ ея (Матѳ. 1. 18—19. 25); дѣти Іосифа считались (сводными) братьями и сестрами Господа (Марка 6. 3), Іосифъ—Его (т. н. пріемнымъ) отцемъ (Луки 2, 48). Родословіе Христа Спасителя (Матѳ. 1, 16. Луки 3, 23) показываетъ, что Іосифъ и Дѣва Марія принадлежали оба къ роду Давидову (согласно закону—Числъ 36, 8).

Во время Своего служенія дѣлу спасенія рода человѣческаго Господь Іисусъ Христосъ былъ явленъ міру чрезъ гласъ Бога Отца.

Такъ, когда Господь крестился отъ Іоанна и вышелъ изъ воды, „отверзлись Ему небеса, и увидѣлъ Іоаннъ Духа Божія, Который сходилъ, какъ голубь, и ниспускался на Него. И се гласъ съ небесъ, глаголющій: Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ Которомъ Мое благоволеніе“ (Матѳ. 3, 16—17).

Когда Господь преобразился предъ учениками Своими на Ѳаворѣ, „просіяло лице Его, какъ солнце, одежды же Его сдѣлались бѣлыми, какъ свѣтъ. И вотъ явились имъ Моисей и Илія, съ Нимъ бесѣдующіе... Се облако свѣтлое осѣнило ихъ,—и се гласъ изъ облака, глаголющій: сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ Которомъ Мое благоволеніе; Его слушайте“! (Матѳ. 17, 2—3, 5).

Господь приходилъ на землю въ видѣ уничиженномъ и смиренномъ: „Онъ уничижилъ Себя Самого, принявъ образъ раба, сдѣлавшись подобнымъ человѣкамъ, и по виду ставъ, какъ человѣкъ; смирилъ Себя, бывъ послушнымъ даже до смерти, и смерти крестной“ (Филипп. 2, 7—8. Исаіи 53, 2—4).

Около времени перваго пришествія Господа на землю появлялись люди,—лжемессіи, ложные христы; таковы были Ѳевда и Іуда Галилеянинъ, какъ о томъ есть свидѣтельство въ книгѣ Дѣяній Ап. (5, 36—37).

Какъ, по какимъ признакамъ тогда—во время перваго пришествія Господа,—можно было узнать Его, истиннаго Христа, Спасителя міра?

Главнымъ образомъ, Его можно было тогда узнать по тѣмъ добрымъ, божественнымъ, чудеснымъ дѣламъ, которыя Онъ творилъ.

Однажды Господь сказалъ: „Я и Отецъ одно“. Іудеи схватили

каменья, чтобы побить Его. „Іисусъ отвѣчалъ имъ: много добрыхъ дѣлъ показалъ Я вамъ отъ Отца Моего; за которое изъ нихъ хотите побить Меня камнями? Іудеи сказали Ему въ отвѣтъ: не за доброе дѣло хотимъ побить тебя камнями, но за бо. .ульство и за то, что Ты, будучи человѣкъ, дѣлаешь Себя Богомъ. Іисусъ отвѣчалъ имъ: не написано ли въ законѣ вашемъ: Я сказалъ: вы боги (Псал. 81, 6)? Если онъ назвалъ богами тѣхъ, къ которымъ было Слово Божіе, и не можетъ нарушиться Писаніе,—Тому ли, Котораго Отецъ освятилъ и послалъ въ міръ, вы говорите: богохульствуешь, потому что Я сказалъ: Я Сынъ Божій? Если Я не творю дѣлъ Отца Моего, не вѣрьте Мнѣ; а если творю, то, когда не вѣрите Мнѣ, вѣрьте дѣламъ Моимъ, чтобы узнать и повѣрить, что Отецъ во Мнѣ и Я въ Немъ“ (Іоанна 10, 30—38).

Какія же дѣла совершалъ Сынъ Божій,—дѣла, по которымъ можно было познать Его, какъ Сына Божія?

Въ евангеліи отъ Матѳея сказано: „Іоаннъ (Креститель), услышавъ въ темницѣ о дѣлахъ Христовыхъ, послалъ двоихъ изъ учениковъ своихъ—сказать ему: Ты ли Тотъ, Который долженъ придти, или ожидать намъ другого? И сказалъ имъ Іисусъ въ отвѣтъ: пойдите, скажите Іоанну, что слышите и видите: слѣпые прозрѣваютъ и хромые ходятъ, прокаженные очищаются и глухіе слышатъ, мертвые воскресаютъ и нищіе благовѣствуютъ (11, 2—6) [1]).

Господь говорилъ іудеямъ: „Если Я свидѣтельствую Самъ о Себѣ, то свидѣтельство Мое не есть истинно. Есть другой, свидѣтельствующій о Мнѣ; и Я знаю, что истинно то свидѣтельство, которымъ Онъ свидѣтельствуетъ о Мнѣ. Вы посылали къ Іоанну и онъ засвидѣтельствовалъ объ истинѣ [2]). Впрочемъ, Я не отъ человѣка принимаю свидѣтельство; но говорю это для того, чтобы вы спаслись. Я же имѣю

---

[1]) Напримѣръ: Іоанна 9, 1—7. 5—9. Матѳ. 8, 2—4. Марка 7, 32—35. Іоанна 11, 11—14 и др.—Нельзя понимать исцѣленія, которыя совершалъ Господь, только по отношенію къ душѣ. Однажды двое слѣпыхъ просили у Него исцѣленія. «И говоритъ имъ Іисусъ: Вѣруете ли, что Я могу это сдѣлать? Они говорятъ Ему: ей, Господи! Тогда онъ коснулся глазъ ихъ и сказалъ: по вѣрѣ вашей да будетъ вамъ. И открылись глаза ихъ“ (Матѳ. 9, 28—30). Ясно, что душею слѣпцы прозрѣли (т. е. увѣровали во Христа) ранѣе, чѣмъ Господь коснулся ихъ тѣлесныхъ глазъ и они получили исцѣленіе послѣднихъ. Нельзя смѣшивать то и другое, какъ дѣлаютъ это нѣкоторые

[2]) Іоанна 1, 19—27.

свидѣтельство болѣе Іоаннова: ибо дѣла, которыя Отецъ далъ Мнѣ совершить, самыя дѣла сіи, Мною творимыя, свидѣтельствуютъ о Мнѣ, что Отецъ послалъ Меня. И пославшій Меня Отецъ Самъ засвидѣтельствовалъ о Мнѣ (Іоанна 5, 31—34, 36—37).

Іисусъ Христосъ молился къ Богу Отцу: „Я прославилъ Тебя на землѣ, совершилъ дѣло, которое Ты поручилъ Мнѣ исполнить. И нынѣ прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имѣлъ у Тебя прежде бытія міра“ (Іоанна 17, 4—5).

Господь былъ распятъ за грѣхи наши, умеръ за насъ (Исаіи, 53, 5—8), былъ погребенъ и въ третій день воскресъ (Марка 15, 25. Матѳ. 27, 57—60. 12, 40. 28, 1—6).

Первое пришествіе Господа нашего І. Христа закончилось Его вознесеніемъ на небо. Онъ вознесся на небо въ присутствіи апостоловъ: „Онъ поднялся въ глазахъ ихъ, и облако взяло Его изъ вида ихъ. И когда они смотрѣли на небо, во время восхожденія Его, вдругъ предстали имъ два мужа въ бѣлой одеждѣ, и сказали: мужи Галилейскіе! что вы стоите и смотрите на небо? Сей Іисусъ, вознесшійся отъ васъ на небо, придетъ такимъ же образомъ, какъ вы видѣли Его восходящимъ на небо“ (Дѣяній, 1, 9—11).

Ангелы возвѣстили Апостоламъ послѣ вознесенія Христа, что Онъ „такимъ же образомъ“ опять придетъ.

Было ли это второе пришествіе Господа? какіе его признаки? когда можно сказать, что Христосъ опять пришелъ?

На эти вопросы Слово Божіе даетъ такой отвѣтъ.

„Когда сидѣлъ Онъ (Христосъ) на горѣ Елеонской, то приступили къ Нему ученики наединѣ, и спросили: скажи намъ, когда это будетъ, и какой признакъ Твоего пришествія и кончины вѣка?

Іисусъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: берегитесь, чтобы кто не прельстилъ васъ; ибо многіе придутъ подъ именемъ Моимъ и будутъ говорить: я Христосъ, и многихъ прельстятъ... Тогда, если кто скажетъ вамъ: вотъ, здѣсь Христосъ, или тамъ,—не вѣрьте; ибо возстанутъ лжехристы и лжепророки, и дадутъ великія знаменія и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранныхъ. Вотъ я напередъ сказалъ вамъ: итакъ, если скажутъ вамъ: вотъ Онъ въ пустынѣ,—не выходите; вотъ, Онъ въ потаенныхъ комнатахъ,—не вѣрьте“ (Матѳ. 24, 3—5. 23—26).

Какъ же можно будетъ узнать пришествіе истиннаго Господа?

„Какъ молнія исходитъ отъ востока и видна бываетъ даже до запада, такъ будетъ пришествіе Сына Человѣческаго... И вдругъ, послѣ скорби дней тѣхъ, солнце померкнетъ, и луна не дастъ свѣта своего, и звѣзды спадутъ съ неба, и силы небесныя поколеблются. Тогда явится знаменіе Сына Человѣческаго на небѣ; и тогда восплачутся всѣ племена земныя, и увидятъ Сына Человѣческаго, грядущаго на облакахъ небесныхъ съ силою и славою великою. И пошлетъ ангеловъ Своихъ съ трубою громогласною, и соберутъ избранныхъ Его отъ четырехъ вѣтровъ, отъ края небесъ до края ихъ. Отъ смоковницы возьмите подобіе: когда вѣтви ея становятся уже мягки и пускаютъ листья, то знайте, что близко лѣто; такъ, когда увидите все сіе, знайте, что близко, при дверяхъ... О днѣ же томъ и часѣ никто не знаетъ, ни Ангелы небесные, а только Отецъ Мой одинъ (Матѳ. 24, 27. 29—33. 36).

Изъ приведенныхъ словъ Самого Господа ясно видно, что второго пришествія Его на землю не было еще, но его должно ожидать,—оно будетъ.

Апостолы, по вознесеніи Христовомъ и сошествіи на нихъ св. Духа (Дѣяній 2, 1—4), исповѣдовали, что Господь, „восшедъ на небо, пребываетъ одесную Бога“ (1 Петра 3, 22. Ефес. 1, 20. Евр. 12, 2) и придетъ въ будущемъ времени (Филипп. 3, 20. 1 Ѳессал. 4, 16). Св. Ап., Павелъ въ посланіи къ евреямъ пишетъ: „Христосъ, *однажды* принесши Себя въ жертву, чтобы подъять грѣхи многихъ, во *второй* разъ ***явится*** не для очищенія отъ грѣха, а для ожидающихъ его во спасеніе (Евр. 9, 28).

Первое пришествіе Господа было уничиженное, смиренное; второе Его пришествіе будетъ славное: всѣ племена земныя тогда увидятъ Его, „грядущаго съ силою и славою великою“.

Такъ учитъ насъ вѣровать и святая Церковь: „вѣрую... во единаго Іисуса Христа, Сына Божія, единороднаго, Иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ. Насъ ради человѣкъ, нашего ради спасенія сошедшаго съ небесъ, воплотившагося отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы и вочеловѣчшася: распятаго же за ны при Понтійстѣмъ Пилатѣ, страдавша и погребенна, и воскресшаго въ третій день по Писаніемъ и восшедшаго на небеса и сѣдяща одесную Отца, и паки грядущаго со славою судити живымъ и мертвымъ, Его же царствію не будетъ конца“.

Таково ученіе Св. Писанія и св. Церкви о Лицѣ Господа І. Христа, Его первомъ и второмъ проишествіяхъ.

Присутствуетъ ли Господь на землѣ въ настоящее время?.

Всегда присутствовалъ и присутствуетъ.

Во время Своей земной жизни Спаситель видимо жилъ среди людей (1 Іоан. 1, 1—2; Іоан. 1, 24); видимо является Онъ Своимъ ученикамъ и по воскресеніи.

Извѣстно, напр., какъ Онъ явился для удостовѣренія въ истинѣ Своего воскресенія ап. Ѳомѣ: „пришелъ Іисусъ, когда двери были заперты, сталъ посреди нихъ и сказалъ: миръ вамъ! Потомъ говоритъ Ѳомѣ: подай перстъ твой сюда, и посмотри руки Мои; и не будь невѣрующимъ, но вѣрующимъ. Ѳома сказалъ Ему въ отвѣтъ: Господь мой и Богъ мой! Іисусъ говоритъ ему: ты повѣрилъ, потому что увидѣлъ Меня; блаженны не видѣвшіе, но увѣровавшіе“ (Іоанна 20, 26—29).

Спаситель пребывалъ съ Апостолами, пребываетъ всегда и съ вѣрующими уже невидимо, какъ Самъ Онъ обѣтовалъ: се, Я съ вами во всѣ дни до скончанія вѣка (Мѳ. 28, 20).

„Если мы“,—говоритъ Апостолъ, (ранѣе) „и знали Христа по плоти, то нынѣ уже не знаемъ“ (2 Кор. 5, 16). Св. Ап. Петръ пишетъ: „О семъ радуйтесь, поскорбѣвши теперь немного, если нужно отъ различныхъ искушеній, дабы испытанная вѣра ваша оказалась драгоцѣннѣе гибнущаго, хотя и огнемъ испытываемаго золота къ похвалѣ чести и славѣ, въ явленіе Іисуса Христа, Котораго (вы) *не видѣвши* любите, и Котораго *доселѣ не видя*, но вѣруя въ Него, радуетесь радостью неизреченною и преславною, достигая наконецъ вѣрою вашею спасенія душъ“ (1 Петра 1, 6—9. Ср. 2 Кор. 5, 7).

Что означаютъ слова Апостола: „Возлюбленные! не всякому духу вѣрьте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они, потому что много лжепророковъ явилось въ мірѣ. Духа Божія (и духа заблужденія) узнавайте такъ: всякій духъ, который исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, есть отъ Бога. А всякій духъ, который не исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога, но это духъ антихриста, о которомъ вы слышали, что онъ прійдетъ и теперь уже есть въ мірѣ“ (1 Іоанна 4, 1—3)?

Въ древнее время также были лжеучители, были еретики — т. н. “докеты“; они считали плоть Христа не настоящей, призрачной; про-

тивъ нихъ, главнымъ образомъ, и написалъ вышеприведенное мѣсто Апостолъ.

По евангелію, Христа должно исповѣдывать единымъ, совершеннымъ Человѣкомъ; Онъ былъ „подобно намъ искушенъ во всемъ кромѣ грѣха“ (Евр. 4, 15); въ тоже время Онъ былъ „истиннымъ Богомъ“ (1 Іоанна, 5, 20).

Во 2—3 ст. 4 главы 1 посланія Іоанна сказано: „Іисуса Христа *пришедшаго* во плоти“... Слово *„пришедшаго“* означаетъ прошедшее время, иначе: того, который *пришелъ*. Оно не означаетъ настоящаго времени,—тогда было бы сказано: *„приходящаго* (иначе: того, который приходитъ). Потомъ сказано: „во плоти“, значитъ—въ одной плоти, но не во многихъ плотяхъ.

Православная Церковь такъ, согласно Св. Писанія, исповѣдуетъ: единаго І. Христа, воплотившагося, т. е. *пришедшаго во плоти*.

А всякій духъ, который не исповѣдуетъ І. Христа *пришедшаго во плоти*, а считаетъ Его *приходящимъ и во многихъ плотяхъ*, не есть отъ Бога; это духъ заблужденія,—анархистовъ.

„Развѣ раздѣлился Христосъ“? (1 Кор. 1, 13)—Нѣтъ: „ибо единъ Богъ, единъ и посредникъ между Богомъ и человѣками,—Человѣкъ Христосъ Іисусъ“ (1 Тимоѳ. 2, 5); „и безпрекословно великая благочестія тайна: Богъ явился во плоти, оправдалъ Себя въ Духѣ, показалъ Себя Ангеламъ, проповѣданъ вѣрою въ мірѣ, вознесся въ славѣ“ (3, 16).

Тотъ, кто благовѣститъ иное благовѣствованіе (не то, которое дано въ Писаніи и ученіи Церкви), „да будетъ анаѳема“ (Гал. 1, 8) [1]), по слову Апостола.

Д. Граціанскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

1) „Анаѳема“ слово греческое, по-русски означаетъ: „да будетъ отлученъ“ (разумѣется—отъ св. Церкви).

О судебныхъ доказательствахъ по каноническому праву.

(Къ предстоящей реформѣ церковнаго судопроизводства).

I.

Среди многочисленныхъ голосовъ о реформахъ по духовному вѣдомству, раздался голосъ и о реформѣ судопроизводства въ нашемъ духовномъ судѣ. Газеты сообщаютъ, что уже составляется и комиссія по вопросу объ этой реформѣ,— и что предсѣдателемъ этой комиссіи назначенъ извѣстный протоіерей М. Ив. Горчаковъ, профессоръ церковнаго права въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Пр. Горчаковъ извѣстенъ какъ большой ученый и какъ спеціалистъ и знатокъ канонической и церковнаго права, и какъ авторъ многочисленныхъ статей по своей спеціальности. Онъ писалъ въ „Сборникѣ государственныхъ знаній“ и о духовномъ судѣ, нынѣ еще дѣйствующемъ, и о его реформѣ. Будучи знакомы съ его взглядами на этотъ предметъ и принимая во вниманіе его извѣстность какъ спеціалиста каноническаго и церковнаго права, мы заранѣе привѣтствуемъ назначеніе его предсѣдателемъ комиссіи по реформѣ нашего духовнаго суда. Если этой реформѣ суждено осуществиться, и если руководителемъ ею назначенъ пр. Горчаковъ, то мы вполнѣ убѣждены, что столь серьезное и великое для русской церкви дѣло попало въ надлежащія руки, и можемъ выразить надежду, что это дѣло, наконецъ, получитъ надлежащее разрѣшеніе.

Въ чемъ же должна состоять реформа и на какихъ началахъ она должна быть построена?

Уставы, дѣйствующіе на нашемъ духовномъ судѣ, уставы старые,

дореформенные и чинимое по нимъ судопроизводство всегда служитъ лишь предметомъ всеобщаго и единогласнаго порицанія.

Такъ какъ имѣется въ виду реформа именно церковнаго судопроизводства, и такъ какъ каждая помѣстная церковь въ своемъ устройствѣ должна всегда руководиться основными положеніями, выработанными Вселенскою церковью и запечатлѣнными въ ея правилахъ или канонахъ, имѣющихъ вселенское значеніе,—то и комиссія по реформѣ церковнаго судопроизводства должна повѣрять себя этими каноническими правилами.

Отсюда вытекаетъ интересъ вопроса о томъ, что представляетъ изъ себя каноническое судопроизводство. Изучивъ начала и характеръ каноническаго судопроизводства и сравнивъ съ нимъ постановку судопроизводства на современномъ духовномъ судѣ, мы будемъ имѣть возможность съ ясностью судить о томъ, насколько желательна и какова должна быть реформа духовнаго суда по существу.

Предлагаемъ вниманію читателей наше небольшое изслѣдованіе по этому предмету.

Считаемъ не лишнимъ сдѣлать нѣкоторую историческую справку, для уясненія, такъ сказать, общаго положенія интересующаго насъ вопроса. Эта справка покажетъ намъ всю важность предпринимаемой комиссіей по реформѣ духовнаго суда работы.

Дѣло въ томъ, что вопросъ о реформѣ церковнаго суда вопросъ не новый. Онъ былъ поднятъ вскорѣ же по обнародованіи Высочайше утвержденныхъ 20 ноября 1864 года Судебныхъ уставовъ для свѣтскаго суда, когда было обращено вниманіе и на состояніе судебной части по духовному вѣдомству и даже предпринято было нашей администраціей (но не доведено до конца) преобразованіе ея. На ряду съ другими вопросами о церковномъ судѣ предметомъ обсужденій былъ и вопросъ о доказательствахъ. При этомъ извѣстно, что постановка такой важной въ судопроизводствѣ части, какъ доказательства, сохраняющіяся въ нашемъ современномъ духовномъ судѣ, была признана совершенно неудовлетворительною. Вмѣстѣ съ признаніемъ полной неудовлетворительности нашего церковнаго судопроизводства, какъ построеннаго на узкой теоріи формальныхъ доказательствъ, указывалось на необходимость отмѣнить эту теорію и всему акту доказательствъ дать такую же постановку, какая сообщена ему на свѣтскомъ судѣ послѣ реформы,

произведенной уставами 20 ноября 1864 года, отмѣнившими теорію формальныхъ доказательствъ и предоставившими судьямъ рѣшать дѣла по внутреннему убѣжденію. По поводу обнародованія этихъ новыхъ уставовъ со стороны Св. Синода было признано необходимымъ составить особыя правила для духовныхъ установленій съ цѣлью предупредить могущія возникнуть на практикѣ недоразумѣнія и, когда по этому случаю со стороны тогдашняго синодальнаго оберъ-прокурора было поручено состоявшему при немъ юрисконсульту составить по сему предмету свои предварительныя предположенія, то послѣдній въ своей запискѣ, указывая на нѣкоторыя нестложныя измѣненія въ духовномъ судопроизводствѣ, съ особенною настойчивостью заявлялъ о необходимости отмѣны теоріи формальныхъ доказательствъ и о введеніи правила о рѣшеніи дѣлъ по внутреннему убѣжденію. Въ этомъ отношеніи юрисконсультъ съ своей стороны полагалъ „немедленно войти установленнымъ для сего порядкомъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ о томъ, чтобы 252 и всѣ другія статьи устава духовныхъ консисторій, указывающія, какія доказательства и улики, и при какихъ условіяхъ должны или не должны имѣть для духовнаго суда убѣждающую силу при опредѣленіи событія преступленія и вины или невиновности подсудимаго, пояснить тѣмъ, что при этомъ опредѣленіи правила, содержащіяся въ сихъ статьяхъ, могутъ служить впредь только руководящимъ наставленіемъ, а не обязательнымъ непремѣннымъ и непреложнымъ основаніемъ, стѣсняющимъ внутреннее убѣжденіе судей, и что за симъ вопросы о томъ, совершилось ли событіе преступленія, было-ли оно дѣяніемъ подсудимаго и должно ли оно быть вмѣнено ему въ вину, должны быть разрѣшаемы по внутреннему убѣжденію судей, основанному на тщательномъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла въ совокупности. Такую же перемѣну юрисконсультъ полагалъ произвести и по дѣламъ о всѣхъ преступленіяхъ и проступкахъ духовныхъ лицъ, подвергающихся духовному суду, и для сего испросить Высочайшее разрѣшеніе съ тѣмъ, во-первыхъ, чтобы приговоры духовныхъ судей могли быть или осуждающіе или оправдывающіе подсудимыхъ, но никакъ не оставляющіе ихъ въ подозрѣніи, и во-вторыхъ, чтобы существующія на практикѣ, или могущія быть изданными при общемъ преобразованіи судовъ духовныхъ, правила о силѣ судебныхъ доказательствъ служили, въ случаѣ надобности, только какъ бы наставленіемъ при опре-

цѣленіи вины или невиновности подсудимыхъ по внутреннему убѣжденію судей, основанному на совокупносту обстоятельствъ обнаруженныхъ при производствѣ слѣдствія и суда“ [1]).

Точно также, когда при составленіи судебныхъ уставовъ въ Государственномъ Совѣтѣ обсуждался вопросъ о передачѣ бракоразводныхъ дѣлъ изъ духовнаго суда въ свѣтскій, и когда въ основаніе для такой передачи указывалось на несовершенство производства сихъ дѣлъ въ духовныхъ судахъ и, между прочимъ, на то, что на свѣтскомъ судѣ несравненно труднѣе будетъ обойти правосудіе тѣми постыдными сдѣлками, которыя устраиваются для полученія требуемыхъ на судѣ духовномъ формальныхъ доказательствъ [2]), въ то время исправлявшій должность оберъ-прокурора Св. Синода, согласно мыслямъ и опредѣленіямъ послѣдняго, чтобы отклонить упрекъ духовному суду въ несовершенствѣ производства на немъ дѣлъ, и защитить подсудность бракоразводныхъ дѣлъ сему суду, подалъ въ Государственный совѣтъ особое мнѣніе, въ которомъ касательно вопроса о доказательствахъ, между прочимъ изъяснено: „указываютъ на несовершенство производства дѣлъ въ судахъ духовныхъ и на предусматриваемое, вслѣдствіе ожидаемаго судебнаго преобразованія, улучшеніе производства дѣлъ въ судахъ свѣтскихъ, преимущественно потому, что въ сихъ послѣднихъ событіе преступленія и виновность подсудимаго должны быть опредѣляемы впредь по внутреннему убѣжденію судей, тогда какъ на судѣ духовномъ, будто-бы, принята въ есмъ отношеніи самая узкая теорія

---

[1]) Записка юрисконсульта при синод. об-прокурорѣ о соображеніяхъ, на коихъ надлежало бы составить для духов. установленій инструкцію по поводу суд. уст. 20 нояб. 1864 г. 6 ст. 4—65. 66. 80. Приводится въ статьѣ о желательныхъ и необходимыхъ улучшеніяхъ въ духовномъ судопроизводствѣ. Пр. Об. 1877 г. ст. 765—766.

[2]) «Кому неизвѣстны послѣдствія дѣйствующей на судѣ духовномъ узкой теоріи доказательствъ по дѣламъ о прелюбодѣяніи, отзывался, между прочимъ, Государственный Совѣтъ о недостаткахъ духовнаго суда по производству сихъ дѣлъ,—дѣйствительно виновные признаются неизобличенными потому только, что не были застигнуты на мѣстѣ преступленія нѣсколькими свидѣтелями, а тѣ, которые никогда не нарушали супружеской вѣрности, признаются прелюбодѣями потому что, потерявъ всякое терпѣніе отъ распутной жизни своихъ женъ, вступали съ ними въ сдѣлку и принимали на себя вину, съ подготовкою для того надлежащей свидѣтельской обстановки“.—(Журналъ Соедин. Департам. Госуд. Совѣта за № 1862 г. № 47 стр. 461. Приводится въ ст. о желат. и необход. улучшеніяхъ въ духовн. судопроизводствѣ.—«Прав. Обоз.» 1877 стр. 762.

формальныхъ доказательствъ. Но, предположимъ, что предпринимаемыя улучшенія въ свѣтскихъ судахъ, гдѣ нынѣ по преимуществу господствуетъ теорія формальныхъ доказательствъ, дѣйствительно могутъ принести ожидаемыя благодѣтельныя послѣдствія, почему также не предположить, что и суды духовные, при благоразумномъ развитіи сохранившихся у нихъ началъ состязательнаго суда, настолько же будутъ способны производить и судить означенныя дѣла, какъ и суды свѣтскіе?“ [1]).

Такимъ образомъ указаніемъ на подобное предположеніе Св. Сунодъ, въ лицѣ своего оберъ-прокурора, нѣкоторымъ образомъ съ своей стороны выразилъ предъ Государственнымъ совѣтомъ обязательство въ томъ, что и духовные суды будутъ улучшены въ тѣхъ сторонахъ судопроизводства, которыя, имѣя мѣсто въ нынѣшнемъ духовномъ судѣ, оказываются неудовлетворительными при сравненіи съ преобразованнымъ свѣтскимъ судомъ.

Наконецъ и, занимавшійся составленіемъ „проекта основныхъ положеній преобразованія духовно-судебной части“, комитетъ точно также не нашелъ никакихъ препятствій для преобразованія производства дѣлъ въ духовномъ судѣ по образцу суда свѣтскаго, выразивъ свое мнѣніе въ слѣдующей статьѣ составленнаго имъ проекта. „приговоръ о виновности подсудимыхъ постановляется по внутреннему убѣжденію судей, основанному на совокупности обстоятельствъ, обнаруженныхъ при слѣдствіи и судѣ“ [2]). При этомъ комитетъ главнымъ мотивомъ, по которому онъ рѣшился на произведенную имъ перемѣну, выставляетъ то соображеніе, что безъ измѣненія существующей въ духовныхъ судахъ практики, развившейся подъ вліяніемъ старыхъ свѣтскихъ судовъ, нельзя ожидать отъ первыхъ вполнѣ удовлетворительныхъ рѣшеній, какія бы напр. мѣры ни употребляло духовное правительство для улучшенія судебной части, которая не улучшится, если нынѣшній способъ удостовѣренія въ истинѣ на судѣ останется на прежнихъ основаніяхъ [3]), и указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на то обстоятельство,

---

[1]) Записка юрисконсульта стр. 65—66. «Пр. об.» ibid 767.

[2]) Проектъ основныхъ положеній преобразованія духовно-судебной части. Часть III, ст. 63.

[3]) Объяснительная записка по проекту основ. полож. преобраз. дух. суд. части. Часть II стр. 42.

что требуемая имъ замѣна формальной теоріи живымъ воззрѣніемъ судей на дѣло вполнѣ согласна и съ каноническими началами. „Каноны, изъяснилъ комитетъ, независимо отъ содержащихся въ нихъ предписаній, предоставляютъ именно внутреннему убѣжденію судей, по совокупности многоразличныхъ обстоятельствъ, вмѣнить или не вмѣнить виновному преступленіе, усилить, уменьшить, или вовсе отмѣнить для него самое наказаніе“ [1]).

Но противъ мнѣнія, признающаго всю необходимость замѣны формальнаго производства на церковномъ судѣ тою постановкою его, какая принята на судѣ свѣтскомъ, какъ вполнѣ согласною съ принципами правосудія и вмѣстѣ съ началами каноническими, были высказаны и возраженія, усиливающіяся показать неумѣстность рѣшенія дѣлъ на духовномъ судѣ по внутреннему убѣжденію судей, по причинѣ-де несогласія сего способа съ имѣющимися на сей предметъ библейскими и каноническими постановленіями,—и потому отстаивающія для духовнаго суда принятую на немъ формальную теорію доказательствъ. „Основанія, по которымъ предоставлено въ свѣтскомъ судѣ рѣшать дѣло по внутреннему убѣжденію, весьма уважительны“,—говорится при разъясненіи указанной мысли.—Но этимъ отмѣняется та теорія доказательствъ, для которой имѣется основаніе и въ св. Писаніи, которое должно оставаться непреложнымъ и неизмѣннымъ (Второзак. 19 г. 15 ст.; Мѳ. 18 г. 15—16 ст.; Іоанн. 8 г. 17 ст.; 1 Тим. 5 г. 19 ст.)—и въ правилахъ апостольскихъ (2 Кор. 13 г. 1 ст.; Апост. пр. 75),—и въ каноническихъ постановленіяхъ Церкви (Сард. 14. Карѳ. 147). Въ виду сего допускать замѣну этой теоріи новымъ способомъ рѣшенія дѣлъ, въ противоположность каноническимъ постановленіямъ и древней церковной практикѣ, въ высшей степени несообразно и нежелательно“. Такова была судьба вопроса о коренной реформѣ церковнаго судопроизводства до настоящаго времени, когда этотъ вопросъ остается еще открытымъ и окончательнаго рѣшенія еще не получилъ.

В. Троицкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Ibid. стр. 21—22.

Къ вопросу о томъ, какъ поднять религіозно-нравственное настроеніе православныхъ, удержать ихъ отъ уклоненія въ сектантство и улучшить ихъ отношеніе къ служителямъ Церкви.

19 августа 1905 года духовная консисторія нашей епархіи выработала мѣры, которыми надѣется оградить чадъ православной Церкви отъ обольщенія ложными ученіями, сохранить ихъ отъ отпаденія и обратить къ св. Церкви заблудшихъ.

Мѣры эти въ формѣ циркулярнаго указа разосланы по церквамъ.

Сжато, по, по возможности, подробно изложимъ эти мѣры.

1) „Консисторія поставляетъ въ извѣстность пастырей, что съ изданіемъ закона 17 апрѣля православная Церковь поставлена въ такое положеніе, которое требуетъ отъ пастырей особой ревностной дѣятельности въ дѣлѣ строенія Церкви Христовой, тѣмъ болѣе, что враги Церкви усиленно сами дѣйствуютъ, стараясь путемъ воззваній, подговоровъ, угрозъ и даже насилій, отторгнуть отъ нея возможно большее число ея чадъ.

2) Напоминаетъ пастырямъ о необходимости быть „бдительными, переносить скорби, совершать дѣло благовѣстника и исполнять служеніе свое“ (2 Тим. 4, 5).

По отношенію къ вѣрнымъ чадамъ св. Церкви быть „образцомъ въ словахъ и дѣлахъ и относиться съ кротостью и долготерпѣніемъ. Учить дѣтей и взрослыхъ школьнымъ путемъ и чрезъ проповѣди и бесѣды. Въ деревняхъ, гдѣ есть школы, въ нѣкоторые праздники и недѣли Великаго поста служить и бесѣдовать; пополнять церковныя библіотеки книгами религіозно-нравственнаго содержанія.

3) Подтвердить духовенству епархіи, чтобы службы Божіи въ православныхъ храмахъ отправлялись въ опредѣленное, уставомъ положенное, время и совершались истово, съ неспѣшнымъ и внятнымъ чтеніемъ и благозвучнымъ пѣніемъ, благопристойно и благопристойно, съ сердечнымъ и нелицемѣрнымъ благоговѣ-

ніемъ, при правильномъ употребленіи молитвенныхъ знаковъ, какъ напримѣръ, изображенія на себѣ крестнаго знаменія, и съ воздержаніемъ отъ разговора; вмѣстѣ съ симъ подтвердить духовенству и то, чтобы при богослуженіяхъ оно старалось вводить общее пѣніе.

4) Для обсужденія о способахъ обращенія заблудшихъ и утвержденія въ вѣрѣ нетвердыхъ въ православномъ ученіи пасомыхъ, предписать благочиннымъ въ возможно непродолжительномъ времени созвать собраніе изъ священнослужителей...

5) Образовывать по временамъ пастырскія собранія и приглашать на нихъ достойныхъ мірянъ.

6) Въ приходахъ, зараженныхъ расколо-сектантствомъ, образовать миссіонерскіе кружки и предложить священникамъ открыть братства".

Четвертымъ пунктомъ предложено созвать собраніе изъ священнослужителей.

Благочинный нашего округа распорядился 4 октября устроить съѣздъ. Съѣхались. Прочитали кое-какіе указы, рѣшили по однимъ—что дѣлать, подивились—другому и приступили къ сужденію о томъ, что изложено въ циркулярномъ консисторскомъ указѣ отъ 19 августа.

По этому дѣлу я предложилъ съѣзду прочитать свою записку. Въ ней излагались тѣ способы, посредствомъ которыхъ можно по моему удержать православныхъ отъ отпаденія въ расколъ или сектантство, пріучить ихъ усердно посѣщать храмъ Божій, внимательно тамъ стоять и съ должнымъ уваженіемъ относиться къ служителямъ Церкви. Объ этихъ способахъ, о которыхъ я говорю въ запискѣ, въ консисторскомъ указѣ или не ясно сказано, или совсѣмъ умолчано.

Вотъ моя записка.

„Никогда я не собирался ѣхать на благочинническій съѣздъ съ такими серьезными и въ тоже время тревожными думами, съ какими собирался на настоящій съѣздъ. Прежде, бывало, ѣдешь безъ всякой думы, ѣдешь для исполненія какой-то неважной повинности,—и только.

Но теперь чувствуешь, что ѣдешь для рѣшенія чего-то важнаго въ твоей жизнедѣятельности, именно того, что такъ давно занимало твои мысли.

Невѣдѣніе того, къ какому хорошему положительному результату (рѣшенію) придемъ на съѣздѣ, да еще сумѣемъ-ли выработать это хорошее, заставляетъ тревожиться.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь будемъ рѣшать—какъ удержать православныхъ въ Церкви и возвратить отпадшихъ. Рѣчь, значитъ, будетъ идти о спасеніи и погибели словесныхъ овецъ. Погибель этой овцы, по нашей винѣ, взыщется цѣною стоимости души погибшей овцы,—спасеніе же ея—покроетъ множество грѣховъ.

Какъ счастливы трудящіеся миссіонеры, которымъ удается возвратить въ лоно св. Церкви погибшія души!

Не мѣшаетъ нѣсколько словъ сказать и о тѣхъ православныхъ, которые пока не склонны къ переходу въ сектантство.

Вѣдь ни для кого, полагаю, не секретъ, что православные все больше и больше остываютъ въ своемъ усердіи—исполнять заповѣди Божіи, посѣщать храмъ и стоять тамъ внимательно; а также и къ служителямъ церкви относятся не съ такимъ, какъ бывало, почтеніемъ.— Нынѣ не диво, если прихожанинъ изъ простыхъ, подойдя къ священнику о чемъ нибудь говорить, не сниметь шапку и не броситъ папироску или не утушитъ трубку,— и это не у какихъ-нибудь чувашей, а среди коренныхъ русскихъ.

Сплошь и рядомъ, проходя мимо храма, тоже не сниметъ шапку и не броситъ курево.

Подробно распространяться объ общемъ упадкѣ религіозно-нравственнаго настроенія православныхъ теперь считаю несвоевременнымъ,—но, думаю, съ этимъ едва ли кто не согласится.

Перейдемъ къ тому, что, по нашему мнѣнію, можетъ, — если уже не возвратить отпадшихъ отъ Церкви, то хотя удержать не отпадшихъ, приподнять ихъ религіозно-нравственный укладъ и измѣнить въ лучшую сторону отношенія къ служителямъ церкви.

1) Въ указѣ нашей консисторіи отъ 19 августа въ § 3 сказано, чтобы службы Божіи совершались истово, съ неспѣшнымъ и внятнымъ чтеніемъ и т. д., но не упомянуто, что службы должны совершаться по уставу св. Церкви. Если это разумѣется, а по нашему и должно-бы разумѣться, то я бы желалъ обратить вниманіе съѣзда именно „на исполненіе по уставу“.

Есть-ли вотъ сейчасъ среди насъ такой, который можетъ про себя сказать, что онъ понимаетъ весь уставъ?

Едва-ли кто рѣшится.

Но, по крайней мѣрѣ, большинство сознается въ незнаніи его.

Въ одинаковости совершенія всѣхъ службъ, особенно утрени, два прихода изъ нашего благочинія едва ли могутъ сойтись. И, по русской пословицѣ, совершаетъ ихъ всякій молодецъ на свой образецъ. Это Божіи - то службы!

Одинъ изъ пророковъ говоритъ: проклятъ всякій, творящій дѣло Божіе съ небреженіемъ.

Не подвергаются ли этому проклятію послѣ каждой службы многіе изъ насъ!? Думаю!

Происходитъ это небреженіе и отъ лѣни и отъ незнанія—какъ совершать правильно.

Вотъ мнѣ, да, знаю, и не мнѣ одному, хочется, чтобы введено было однообразіе въ совершеніи церковныхъ службъ. Именно: чего, когда и сколько читать и пѣть.

Подобное однообразіе должно выработать и при совершеніи таинствъ и требъ.

2) Но однимъ введеніемъ однообразія и даже истовымъ созерцаніемъ службъ и требъ не заинтересуешь прихожанъ. Умъ ихъ нужно еще довести до сознательнаго отношенія ко всему тому, что во время службъ и требъ читается, поется и дѣлается. А этого можно достигнуть чрезъ нелѣпостныя благовременныя и безвременныя проповѣди и внѣбогослужебныя бесѣды.

Охъ, эти бесѣды! Многіе-ли знаютъ—какъ ихъ толково вести? т. е. съ чего начинать и по какимъ источникамъ?

Въ рѣшеніи этого, по нашему очень труднаго, вопроса не много найдется искусныхъ.

Воспитаніе народа, что воспитаніе въ школѣ дѣтей. Какихъ, какихъ тамъ не вводили и не вводятъ учебниковъ по Закону Божію! Беру сельскую школу. А и до сихъ поръ нѣтъ „всеобдержнаго“. Но и то хорошо, что есть составленные примѣнительно къ программѣ.

Такъ вѣдь и въ воспитаніи народа. Необходимо составить программу на цѣлый годъ (мало—на два) и указать болѣе или менѣе порядочныя (не сухія содержаніемъ) книги и статьи. Для составленія такой программы не мѣшало бы назначить извѣстную премію составителю, хотя бы изъ денегъ, собранныхъ съ россійскихъ церквей. Сборъ съ каждой церкви копѣечный, а составилась бы сумма вполнѣ достаточная для преміи. Безъ программы положительно теряешься вести эти бесѣды.

3) Но допустимъ, умъ молящагося занятъ, имъ онъ все понимаетъ—что дѣлается, хорошо и предъ глазами, если храмъ благоукрашенъ и священныя дѣйствія совершаются истово, но у него есть еще извѣстное чувство, которое постоянно во время службы церковной занято,—я разумѣю—слухъ, которымъ пользуется молящійся, когда читаютъ и поютъ въ церкви.

Чтецовъ порядочныхъ теперь въ большинствѣ селъ не трудно, навѣрное, найти. Но вотъ хорошо пѣніе поставить — это другое дѣло. А вѣдь какъ пріятно быть въ храмѣ при хорошемъ пѣніи! Кто не испытывалъ этого пріятнаго чувства?! И служба-то,—какъ говорится,—незамѣтно пройдетъ. И воистину!

Хоровъ во многихъ селахъ не существуетъ, и гдѣ есть, такъ подчасъ едва влачатъ свое существованіе.

Беру свой хоръ. Самъ я любитель пѣнія, а завести порядочный хоръ (по селу порядочный) нѣтъ возможности. И главная причина — отсутствіе на этотъ предметъ средствъ. Рублей пять отъ церкви и своихъ три даемъ (въ годъ), — вотъ и все содержаніе хора. Душою бы радъ отъ себя больше дать, но не располагаю свободными рессурсами. Ну судите — какъ хоръ на такія средства можно содержать?!

Въ виду этого желательно, чтобы взносы и сборы съ церквей поубавить (а на что сбавить взносы — это дѣло общеепархіальныхъ съѣздовъ и Св. Синода).

4) Но всего сказаннаго недостаточно для достиженія извѣстныхъ выше цѣлей.

Нужно, чтобы у духовенства установились довѣрчивыя и сердечныя отношенія съ прихожанами. Этого можно прежде всего достигнуть на почвѣ экономическихъ интересовъ. Фактъ—что матеріальная нужда заѣла крестьянъ. Вотъ и нужно приложить стараніе облегчить, по возможности, ихъ нужду, а это въ нашемъ дѣлѣ отъ насъ зависитъ. — Совершили требу, а у прихожанина заплатить нечѣмъ — потерпите охотно, даетъ мало—не просите больше, долгъ не платитъ—не понукайте. Я, лично, стою за добровольную плату прихожанами за всѣ положительно требы. Можно и сходку сдѣлать и уговориться съ прихожанами—сколько за требы брать, если уже кто не желаетъ добровольнымъ даяніемъ пользоваться.—По Ап. Петру (1 Петр. 5, 2) — мы должны пасти стада не ради гнусной корысти, но изъ усердія и заботливости о спасеніи его.

Видя сердечныя отношенія пастырей, пасомые не обидятъ ихъ и платой.

Имѣю факты на лицо...

5) Много поможетъ укрѣпленію связи между пастырями и пасомыми церковно-приходское попечительство. Но только чтобы деньги употреблять главнымъ образомъ, если не исключительно, на нужды бѣдныхъ или потерпѣвшихъ какое нибудь несчастіе (вродѣ пожара, падежа скота и проч.) прихожанъ. Расходъ производить гласно, отдавая отчетъ въ каждой копѣйкѣ.

6) Есть одна справедливая фраза. Вотъ она: „примѣры двигаютъ“. Справедливо. Никакія слова такъ не убѣдительны, какъ убѣдительны поступки людей. Говоритъ человѣкъ одно, а дѣлаетъ другое, и цѣна его словамъ нуль. Онъ другою рукой разрушаетъ то, что созидаетъ первой. Не даромъ въ Св. Писаніи говорящій, а не дѣлающій—уподобляется мѣди звенящей и ким-

залу звящающему. Желая отучить прихожанъ отъ какихъ нибудь дурныхъ привычекъ, сами прежде всего должны себя отъ нихъ отучить. Всякій священникъ по себѣ знаетъ, какъ непріятно обличать другого въ томъ, въ чемъ самъ себя считаешь виновнымъ.

Возьмемъ, напримѣръ, само по себѣ невинное занятіе, куреніе. Вѣдь и грѣха-то въ немъ столько, сколько въ питіи чая. Такое мое мнѣніе. Тѣмъ не менѣе, я въ принципѣ врагъ курева, какъ дурной привычки, служащей соблазномъ — какъ для православныхъ, такъ особенно для сектантовъ.

Что же вы сдѣлаете, если такой взглядъ на табакокуреніе, какъ на пагубную привычку, установился у низшей части нашего общества. Нужно и намъ для блага снизойти до ихъ пониманія и служить не соблазномъ, а образцомъ въ словѣ, въ житіи, въ любви, въ духѣ, въ вѣрѣ, въ чистотѣ (1 Тим. 4, 12).

Вотъ, по моему, „minimum“, что необходимо должно быть исполнено, вмѣстѣ, разумѣется, съ изложеннымъ въ указѣ консисторскомъ, чтобы православные не отпадали отъ св. Церкви, усердно посѣщали службы и съ должнымъ уваженіемъ относились къ служителямъ Церкви.

Прочитавъ записку, я предложилъ съѣзду высказаться по каждому пункту отдѣльно.

Въ первомъ пунктѣ говорится объ однообразіи совершенія всѣми причтами церковныхъ службъ, таинствъ и требъ и о совершеніи ихъ по уставу.

Разсуждали шумно и все же долго, но къ желаемому выводу не пришли.

Одинъ почтенный батюшка сказалъ: извѣстный святитель совѣтовалъ хотя то, что гдѣ совершается—совершать хорошо.

— Но,—говорю ему,—совѣтъ этого святителя почти никому не извѣстенъ и для прихожанъ, желающихъ слышать богослуженія, по возможности, безъ пропусковъ—не убѣдителенъ.

Иные высказывали опасеніе, какъ бы сектанты и православные не смутились, видя новшество при введеніи однообразія.

— Да вѣдь теперь уже знаютъ старообрядцы, что у насъ службы совершаются съ пропусками, знаютъ о томъ же и православные—и... зазираютъ. Когда же введено будетъ однообразіе, съ гораздо меньшими, чѣмъ теперь, пропусками,—тогда чѣмъ же возмущаться?—спрашиваю. Вѣдь перешли отъ худшаго къ лучшему.

— Ну, теперь еще не всѣ замѣчаютъ, что не одинаково въ разныхъ церквахъ служатъ,—говорятъ мнѣ.

— Такъ это, значитъ, пользоваться темнотою не замѣчающихъ и намъ самимъ коснѣть въ прежнихъ дурныхъ привычкахъ?! Доколѣ-же?!...

По существу второго пункта почти никто не говорилъ. Одинъ только діаконъ говорилъ, что программы не нужно, и должно что-нибудь хорошенько прочитать и потомъ говорить, т. е. вести бесѣду.

Что хорошенько нужно читать — противъ этого и возражать нечего, это само собою разумѣется.

Но, вѣдь, если безъ разбору читать, что бы то ни было, изъ религіозно-нравственнаго, подчасъ не о чемъ будетъ говорить, а чтеніе съ скуднымъ содержаніемъ и совсѣмъ, пожалуй, охоту отобьетъ у слушателей. Говорить по прочтеніи всякой статьи не каждый можетъ, вотъ для такихъ и полезно составить программу и указать съ хорошимъ содержаніемъ книги и статьи.

Чѣмъ плохо—имѣть хорошую программу—никто не показалъ, а все же желанія имѣть такую съѣздъ не высказалъ.

Можетъ статься развѣ потому, что мало этимъ важнымъ вопросомъ интересовались. Да не будетъ этого!

О хорѣ пѣвчихъ мало говорили. Но кто же будетъ отрицать хоръ, какъ одно изъ средствъ къ привлеченію прихожанъ ко храму?! Нѣкоторые высказывались о введеніи общаго пѣнія.

Шумно, и съ замѣтнымъ негодованіемъ приняли для разсужденія предложеніе о добровольной платѣ за требы, а нѣкоторые даже и разсуждать объ этомъ, какъ бы о какой-то утопіи, не захотѣли.

Чего, чего не приводили противники добровольной платы.

Одинъ іерей говоритъ: теперь, когда не установили добровольную плату, и то мнѣ за крестины разъ дали пятіалтынный, вмѣсто сорока копѣекъ, говоря: будетъ съ васъ, батюшка; мы за сорокъ копѣекъ цѣлый день работаемъ.

— Ну что же,—спрашиваю,—развѣ мало?

— Понятно!

— А если даютъ вамъ рубль, не говорите что много?!

И приведенный примѣръ его уже потерялъ силу.

Другому священнику чуть не пять копѣекъ далъ прихожанинъ и при этомъ показалъ листокъ отъ отрывного календаря, гдѣ сказано, что священники не имѣютъ права вымогать.

Третій священникъ сказалъ: за извѣстное добро прихожанинъ обѣщалъ дать двѣ пудовки ржи, когда по сбору пойдемъ, а, между тѣмъ, далъ только два лотка ухвостья.

Три только священника привели грустные примѣры изъ своей практики. Эти примѣры есть, по моему, единичные случаи, не могущіе доказать, что и всѣ прихожане такъ будутъ дѣлиться съ пастырями за трудъ ихъ.

По своему опыту могу засвидѣтельствовать, что крестьяне весьма рѣдкіе даютъ меньше того, сколько у насъ раньше бралось.

Но недоборъ нѣсколькихъ рублей искупляется душевнымъ спокойствіемъ, которое раньше нарушалось торгомъ при платѣ.

Да и чего въ самомъ дѣлѣ брать съ такой бѣдноты, какъ крестьяне!

По существу заповѣдей Божіихъ и законовъ человѣческихъ брать столько, сколько бы мы захотѣли, а не сколько они, прихожане, въ состояніи дать—не имѣемъ права, а между тѣмъ отстаиваемъ его.

По какому праву или этическому закону? Понять не могу.

Заповѣдающій намъ пасти стадо Христово не ради корысти, а изъ усердія,—знаетъ, что не умремъ мы съ голоду; и должны бы вѣрить. Какъ и Господь сказалъ: ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложится вамъ (Мѳ. 6, 33). Неужели Онъ, говоря это, обманываетъ насъ? Нѣтъ, Господь обманывать не можетъ. Аще не вѣруемъ, Онъ вѣренъ пребываетъ, отрещися бо Себе не можетъ (2 Тим. 2, 13). А если такъ, то чего же бояться нужды въ будущемъ?!

Даже что за бѣда, если доведется и себѣ кое въ чемъ отказать и потерпѣть нужду. Забыли мы, что Христосъ заповѣдалъ истиннымъ христіанамъ нести крестъ и отъ несенія его никто не имѣетъ права отказываться.

Каждый пастырь, думаю, не разъ говорилъ проповѣдь на эту тему и приглашалъ къ крестоношенію слушателей.

Но, должно быть, мы только можемъ говорить, а не дѣлать.

Отъ насъ всегда, а особенно въ теперешнее тревожное время требуется рѣшимость, самоотверженіе во всемъ. Но рѣшимости, къ сожалѣнію, не выказали.

И такъ—къ чему же доброму пришли мы на съѣздъ? Ни къ чему! Напрасно и ѣхали. Не даромъ я такъ тревожился.

На другой день, по пріѣздѣ со съѣзда, беру только что полученную газету „Биржевыя Вѣдомости“ № 251. И какъ на грѣхъ попадается на первой страницѣ статья „О разладѣ между духовенствомъ и интеллигенціей“.

Въ ней вотъ что, между прочимъ, писано: „Если въ глазахъ невѣжественной массы духовенство и остается руководителями и учителями, то въ глазахъ интеллигенціи, отлично знающей духовенство, священники — не болѣе, не менѣе, какъ чиновники, совершители требъ и разныхъ богослуженій, говорящіе одно, а дѣлающіе другое.

И вина въ этомъ не на интеллигенціи, а всецѣло на самомъ духовенствѣ, не исполняющемъ своихъ обязанностей пастырей и учителей".

Прочиталъ я. И сугубо тяжело стало на душѣ. Еще вчерашняя гарь отъ неудачнаго съѣзда съ сердца не успѣла сойти, а вотъ тебѣ и еще.

Разъ навсегда мы должны отказаться отъ мысли — устроить свое положеніе на землѣ счастливо, зная, что не для этого живемъ здѣсь, въ этой юдоли плача; и тогда намъ легче будетъ самоотвергнуться.

Кстати приведемъ слова профессора С.-Петербургскаго университета К. Н. Бестужева-Рюмина, въ которыхъ онъ высказываетъ взглядъ на счастье.

„Не въ личномъ счастіи,—говоритъ онъ,—истинное счастіе, а оно есть только условіе, обязывающее человѣка трудиться, дѣйствовать и служить другимъ. Поставить себѣ цѣлію добиться личнаго счастія, во что бы то ни стало, есть задача эгоистическая, удовлетвориться которой могутъ только натуры эгоистическія.

...Земная жизнь не иное что, какъ испытаніе для человѣка".

Приходятъ мнѣ на память слѣдующія чьи-то прекрасныя слова: „священницы Твои да облекутся въ правду, да помнятъ они всегда о высотѣ своего званія и да не запутываются они въ сѣтяхъ міра и діавола, да отбѣжитъ отъ сердецъ ихъ печаль вѣка сего, лесть богатства и прочихъ похотей, входящихъ въ ихъ сердце".

И вотъ, когда мы облечемся въ правду, т. е. будемъ говорить святую правду и дѣлать согласно этой евангельской правдѣ, тогда признаютъ насъ люди и Богъ за истинныхъ пастырей. Иначе... горе намъ!

Сельскій священникъ *І. С—скій.*

Духовныя пѣсни скопцовъ Курской епархіи.

„Занимаемся таинственными псалмами и пѣніемъ Сіонскихъ пѣсенъ, кои на землѣ чуждей не поются“ (Извѣщеніе Ельницкаго).

Нужно ли говорить, насколько важный научный интересъ представляютъ собой духовныя пѣснопѣнія сектантовъ. Въ пѣснѣ изливается сердце человѣка. Она указываетъ, чѣмъ живетъ человѣкъ, на что надѣется, о чемъ вздыхаетъ... Служа отраженіемъ религіозныхъ думъ, надеждъ и чаяній, духовныя пѣсни сектантовъ иногда яснѣе всякихъ изслѣдованій раскрываютъ намъ сектантское міросозерцаніе, обрисовываютъ религіозный идеалъ сектантовъ. Отвлеченныя положенія вѣры и нравоучительныя истины раскрываются въ нихъ въ живой формѣ, иллюстрируются въ образахъ, подобіяхъ, поэтическихъ символахъ. Понятно поэтому, насколько важно появленіе въ печати всякаго новаго матеріала изъ области духовной поэзіи сектантовъ вообще, въ особенности же тайныхъ сектантовъ-мистиковъ, вѣроученіе которыхъ до сихъ поръ еще не поддалось вполнѣ точной формулировкѣ и систематизаціи.

Предлагаемыя вниманію читателей скопческія духовныя пѣсни собраны нами во время миссіонерскихъ поѣздокъ по сектантскимъ уголкамъ Курской епархіи.

Большинство изъ этихъ пѣсенъ явятся новинкой въ печати. Другія же, хотя и встрѣчаются въ извѣстныхъ сборникахъ скопческихъ пѣснопѣній[2]), но въ значительно измѣненной редакціи и потому также имѣютъ свою долю интереса, поскольку въ нихъ содержатся новыя черты чисто мѣстнаго творчества, соотвѣтствующія мѣстнымъ особенностямъ скопческихъ вѣрованій.

Всѣхъ пѣсенъ 35. Онѣ не отличаются безупречностью стиха,

[3]) См. Ливанова „Раскольники и острожники“, Добротворскаго „Люди Божіи“, Реутскаго „Изувѣры“ и др.

красотою и изяществомъ языка; въ нихъ не блещетъ риѳма, нѣкоторыя грубы, нескладны. Но имъ нельзя отказать въ нѣкоторыхъ достоинствахъ со стороны содержанія. Почти всѣ онѣ одушевлены глубокимъ чувствомъ, проникнуты особенною, чисто-народною, грустью и задушевностью. Сквозь оболочку дикихъ религіозныхъ вѣрованій въ нихъ ясно видна неудовлетворенность наличною жизнью и стремленіе къ другой жизни, свободной отъ грѣха и зла. Въ нихъ нѣтъ радости, нѣтъ счастья и духовнаго удовлетворенія, но есть глубокое, исходящее изъ нѣдръ души, стремленіе къ спасенію и порывы къ небу.

Содержаніе пѣсенъ разнообразное. Но онѣ могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: однѣ—по-преимуществу нравоучительныя и нравственно-бытовыя, въ которыхъ раскрываются нравственныя правила и уясняется взглядъ на жизнь, на отношенія къ міру и къ людямъ, другія—по-преимуществу вѣроучительныя, изъясняющія догматическія истины и главнымъ образомъ—ученіе объ Искупителѣ, о Его второмъ пришествіи и страшномъ судѣ.

I.

Пѣсни нравоучительныя и нравственно-бытовыя.

1. Исходнымъ началомъ религіознаго міровоззрѣнія сектантовъ-скопцовъ необходимо признать ихъ общій взглядъ на міръ, какъ на совокупность одного только зла. „Весь міръ во злѣ лежитъ“ (Іоан. 5, 19)—вотъ съ чего начинаютъ сектанты. Міръ—море зла, скопище всякой неправды. Все въ немъ полная противоположность добру. Міръ, это звѣрь, апокалипсическій драконъ седмиглавый, сѣющій зло и обольщающій. Это Вавилонъ великій, стоящій при водахъ многихъ—и конецъ его погибель (Откр. 18, 21—24). Въ судномъ огнѣ сгоритъ Вавилонъ, а спасутся только тѣ, кто внѣ его, кто стоитъ вдали отъ этого города и не участвуютъ въ его беззаконіяхъ. А потому, чѣмъ дальше отъ міра, тѣмъ лучше. Нужно умереть для міра, порвать съ нимъ связи, совлечь съ себя его ветхое начало.

Приведемъ пѣсню, гдѣ указанный взглядъ на міръ раскрывается со всею ясностью. Въ пѣснѣ вступающій въ секту прощается съ грѣшнымъ міромъ, оплакиваетъ свою прежнюю любовь къ нему и даетъ клятву навѣки и до конца забыть этотъ міръ и жить для Бога въ небесномъ Сіонѣ. Міръ въ пѣснѣ сравнивается съ адомъ и прямо называется грѣховнымъ Вавилономъ.

Коль скоро я позналъ Сіонъ
Не милъ мнѣ сталъ градъ Вавилонъ.
Прекрасный взоръ свѣтлыхъ небесъ
Плѣнилъ духъ мой, плѣнилъ умъ весь.
Прости, прости міръ темный адъ.
Спѣшу нынѣ въ небесный градъ.
Мнѣ жаль, что я тебя любилъ
И жаль, что я тебѣ служилъ.
Терзай меня, ты весь терзай,
Какъ хочешь ты меня карай,
Ни всѣ бѣды, ни зло, ни напасть,
Ни огонь, ни мечъ, ни адская власть—
Ничто меня не можетъ разлучить отъ Бога.
Что меня прельститъ?..
Ни богатство, ни лесть, ни роскошь, ни честь.
Прости, прости міръ! Въ послѣдній разъ!
Не льстишь теперь ты моихъ глазъ:
Нельзя мнѣ въ дружбѣ жить съ тобой.
Лети, мой духъ, въ Сіонъ стрѣлой,
Скажи весь замыслъ Богу свой,
Плѣни меня, ты мною обладай
Въ залогъ любовь мнѣ свою дай.
Чего тебѣ, мой духъ, желать?..
Богъ—всѣхъ твоихъ желаній край.
Къ Нему спѣши, въ Немъ пребывай
Навѣки, отнынѣ, до конца.

2. Особенное зло въ мірѣ заключается, по скопческому пониманію въ „*лѣности*“, въ соблазняющихъ прелестяхъ плотскаго грѣха. Этотъ грѣхъ соблазнилъ Адама; чрезъ него, по ученію скопцовъ, падаютъ и всѣ люди. „Лѣность“, это—бездонный, ненаполнимый ровъ, въ который падаетъ и въ которомъ гибнетъ все человѣчество. Въ одной пѣснѣ такъ изображается картина паденія праотцевъ, а въ лицѣ ихъ и всего ихъ потомства:

Саваоѳъ съ неба сходилъ,
Зеленый садъ насадилъ,
Оградою оградилъ,
Первыхъ людей посадилъ.
Саваоѳъ имъ говорилъ,
Чтобъ не уходили съ того саду,
Не глядѣли сквозь ограду,
А то за оградою высокой
Находится ровъ глубокій,
Пріукрашенный цвѣтами,
Прельщенъ многими грѣхами.
Первые люди слабы были,
Изъ того саду выходили,
Они сняли свой покровъ,
Попадали прямо въ ровъ.

3. Такъ, въ бездонную пропасть плотскаго грѣха, украшенную прелестью сладострастія, падаютъ всѣ потомки Адама, женящіеся, творящіе блудъ и любодѣющіе.

Чтобы освободиться отъ грѣха, нужно сразу подавить эту „лѣность", сразу наступить на главу соблазняющаго змія—подавить чрезъ оскопленіе всякія плотскія вожделѣнія.

Проглаголовалъ Сударь Батюшка:
Ой вы дѣтушки, все сердечные,
Друзья мои, графы и княгини,
Всѣ вы райскіе чины,
Слуги вѣрные рабы,
Любезные сироты:
Я съ Вами пребывалъ,
Наслѣдничка выбиралъ
Себѣ любчаго, разудалаго молодца,
И богатаго купца.
Вѣру, кротость и терпѣніе,
Чистоту, дѣвство, смиреніе
Вызывалъ я, выкликалъ—
Тѣ безцѣнныя имѣнія.
Но радъ бы я тому былъ,
Кто бы мой товаръ купилъ.
Любезные, не взыщу
И цѣны, други, спущу.
За то, дѣтушки, люблю,
Уступлю вамъ по рублю
За единую ступню.
Я слова не измѣню,
А жизнь вашу перемѣню.
Наступите вы на грѣхъ
Своей правою ногою,
На аспію, скорпію
И на лютую змѣю.
А я слова не измѣню
И жизнь вашу перемѣню.
Я за эти перемѣны
Всю землю перемѣрилъ
Изъ конца я всю въ конецъ.

Къ борьбѣ съ лѣностью, къ сохраненію дѣвства и чистоты призываютъ и другія пѣсни.

4. Въ райскомъ садочкѣ, на кипарисовомъ древушкѣ распѣваетъ таинственный соловушко. Въ своихъ пѣсняхъ онъ упрашиваетъ людей, чтобъ они не творили лѣности, не вкушали горькаго плода и не упивались горькимъ пивомъ плотскаго грѣха.

Во саду, саду, во зеленомъ саду,
Посреди садику зеленаго,

Тамъ стоитъ древо кипарисное.
На томъ древичку соловеюшко,
Онъ поетъ, поетъ пѣсни райскія;
„Вы послушайте, други царскіе,
Отчего Господь заповѣдывалъ,
Что вамъ Духъ Святый проповѣдывалъ,
Творить лѣности заповѣдывалъ,
Не вкушайте жъ вы плода горькаго,
Не упивайтеся пива пьянаго.

5. Или еще:

По саду, по саду,
По зеленому саду,
Летала райская птица
Въ предвышнюю высоту.
Приказалъ намъ Искупитель
Хранить вѣрну чистоту.
Чистый законъ вы храните,
Сына Божія хвалите,
Что Онъ, Агнецъ милосердый,
Открылъ правый намъ законъ.
Прозвонитъ намъ Искупитель
Во свой звонкій колоколъ.

* * *

6. Во градѣ было, во Питерѣ,
Стоитъ Церковь, сооруженъ престолъ.
Лежитъ книга запечатана семью печатями,
Со устами со печальными.
Изъ устъ какъ громъ гремитъ,
Изъ очей лучи жаркіе.
Вы послушайте, люди, Слово Божіе,
Припасайтеся къ суду страшному,
Опасайтеся грѣха тяжкаго.

* * *

7. И такъ, „лѣность“ есть тяжкій, судный грѣхъ. Въ противоположность лѣности, сохраненіе дѣвства и цѣломудрія выставляется въ пѣсняхъ какъ первѣйшая добродѣтель и вѣрный путь къ райскому блаженству.

Дѣвственники—друзья Небеснаго Агнца, наслѣдники небеснаго престола, ратоборцы Бога Вышняго. Ихъ 144 тысячи, какъ написано въ Откровеніи (14,3). Они побѣдили лютаго змія и дракона семиглаваго. На нихъ—бѣлыя одежды—символъ невинности, на челахъ ихъ—Божіе имя, а въ рукахъ—царское знамя.

Они исчисленное воинство
Сто сорокъ четыре тысячи.
Это число Богословъ написалъ

Въ своей книгѣ Откровеніе.
На всѣхъ нихъ одежды бѣлыя
И невинныя, нетлѣнныя,
Кровью Агнца всѣ измытыя.
На челахъ ихъ имя Божіе,
А въ рукахъ ихъ знамя Царское.
Сіи дѣвственники Божіи
Ото всѣхъ временъ искупленные
Ратоборцы Бога Вышняго,
Побѣдили змѣя лютаго
И дракона седмиглаваго.
Они всѣ Господни мученики.
Имена ихъ всѣ записаны
Въ книгѣ жизни, на престолѣ на Христовомъ.
А память ихъ безсмертная,
А тѣла ихъ всѣхъ нетлѣнныя.
Все житейское оставили они,
Ради Христа пострадали они.
И за насъ тамъ они молятся,
Во святой престолъ поклонятся.

8. Дѣвственники — непремѣнные наслѣдники рая. Въ раю, среди блаженства, они будутъ слышать хвалебные гимны ангеловъ, которые будутъ прославлять ихъ за земныя страданія и величать ихъ за сохраненіе дѣвства:

Тамъ гремятъ ключи все источники,
Божьи кладези неисчерпаемые.
Всѣ мѣста имъ тамъ любезныя,
Имъ Батюшкой заслуженныя.
И всѣ ангелы про страды поютъ,
Величаютъ ихъ терпѣніе.
На землѣ идетъ про нихъ пѣніе.
Ужъ и тутъ о нихъ проповѣдуютъ,
Въ чистотѣ съ Богомъ бесѣдуютъ.
Величаютъ ихъ по небесному,
Произошли они пути тѣсные.

9. Однимъ изъ средствъ къ охраненію себя отъ блудныхъ помысловъ скопцы считаютъ такъ называемыя радѣнія.

Радѣнія для сектантовъ настоящій праздникъ. Ослабляя тѣло, они поднимаютъ, по сектантскому упованію, духъ, сообщаютъ высокій духовный восторгъ. Они ставятъ радѣющаго въ осязательное общеніе съ Богомъ и святыми. Среди радѣющихъ пребываетъ Самъ Сударь Батюшка Искупитель, Богородица, Архангелы и ангелы. Нужно сильнѣе радѣть, радѣть допьяна, до упоенія, чтобы сильнѣе разоблажиться духовнымъ пивомъ благодати.

А нынче у насъ веселье,
Да свѣтлый день воскресенье.
Ко мнѣ гости въ гости будутъ.
Ко мнѣ гости дорогіе,
Сударь Батюшка Родимый,
Свѣтъ Михаила Архангелъ,
Ко мнѣ Матушка Родная,
Ко мнѣ гостья дорогая,
Богородица Святая.
Вкупѣ съ нами пребывала,
Она пивушко варила,
Святы ангелы сливали,
Архангелы разливали,
Херувимы разносили,
У Бога милости просили,
Душу грѣшную крестили,
Во грѣхахъ ее простили.
Ну да что-жъ это за диво,
Что мое пиво не пьяно;
Или я гостямъ не рада,
Или мнѣ гостей не надо?
А я красная дѣвица
Пойду въ зеленый садочекъ,
А я пивушка напьюся,
Святымъ Духомъ разблажуся,
Крестнымъ знаменемъ огражуся.
Вотъ мое пиво пьяно,
Вотъ и я гостямъ рада,
Вотъ и мнѣ гостей надо.

10. Круговыя хожденія радѣющихъ съ зажженными свѣтильниками, переходящія въ быстрыя, стремительныя движенія, являются символомъ стремленія къ Свѣту-Христу и къ Владыкѣ неба:

А мы къ Тебѣ Свѣту стремились,
Во Іорданѣ всѣ крестились
И въ смерть съ тобою погреблись.
На тебя Свѣтъ, мы уповали,
На Владыку, на Христа.
Мы къ Тебѣ Свѣту и шли,
По свѣтильнику несли...

* * *

11. Извѣстно, съ какимъ уваженіемъ и любовью относятся скопцы къ своимъ наставникамъ. Скопческіе кормчіе, пророки и наставники, по общему убѣжденію сектантовъ, суть люди, озаренные отъ Духа. Они владѣютъ ключами отъ сокрытой

истины и могутъ открыть ее жаждущимъ. Ихъ слово, особенно на кругу въ радѣніяхъ, въ моментъ пророческаго экстаза, есть слово какъ бы Бога, высшее откровеніе Духа, во много разъ превосходящее евангеліе. Имъ нужно только вѣрить, вѣрить послушно, терпѣливо и жадно слушать слова ихъ наставленій.

Въ одной пѣснѣ такъ изливается чувство благоговѣнія сектантовъ предъ наставникомъ-кормчимъ: одинокая дѣвушка

Ждала, ждала Батюшку въ себѣ въ гости,
И насилу его свѣта дождала.
Поночуй, мой Батюшка одну ночку,
Поночуй, родной, хоть другую,
А какъ третью заночуешь,
То сама тебя буду провожати:
По широкому двору со поклономъ,
По темному лѣсу со свѣчами,
По чистому полю съ голосами,
По синему морю съ кораблями.
Садился нашъ Батюшка въ корабликъ,
Садился Родимый во широкій.
„Постойте вы, пловцы, не плывите,
Позабыла я съ Батюшкой спроситься,
Позабыла съ Родимымъ доложиться:
Ужъ какъ то намъ жити и прожити,
Душу въ тѣлѣ спасити".
Проглаголовалъ нашъ Батюшка да Надежда,
Онъ нашъ Гость Богатый:
Да молитеся, други, не лѣнитеся,
Господу Богу молитеся, други, не лѣнитеся,
Учителя свѣта почитайте,
Святаго Духа почитайте,
Святаго Духа соблюдайте.
Ужъ такъ-то намъ жити и прожити,
Душу въ тѣлѣ спасити.

12: Въ другой пѣснѣ восхваляется заботливость Батюшки кормчаго о ввѣренныхъ ему дѣтушкахъ.

Въ чистомъ полѣ при долинѣ,
При зеленой при дубравѣ,
Выросталъ тамъ садъ зеленый
Съ плодовитыми древами.
Посреди зелена саду
Паслось духовное стадо.
Здѣсь была Божья ограда.
И въ лугахъ было въ лугахъ,
На Сіонскихъ на горахъ
Стоялъ Батюшкинъ теремъ.

Радости были всѣ въ немъ
Вѣрнымъ праведнымъ собранье.
Случилося недознанье:
Потеряли свое званье—
Печаль горе все большое.
Съ полуночной стороны
Поднималася погода,
Расшумѣлася дубрава,
Раскачался садъ зеленый
Съ плодовитыми древами.
А зрители задремали.
Налетѣли птицы-враны,
Со древъ плоды пособрали,
Не созрѣвши винограду,
Выносили за ограду.
О вы, о вы, вы проспали
Овецъ волки растаскали.
Пастырь, пастырь, пастырь добрый
Овечекъ своихъ хватился,
Плакалъ Батюшка, молился,
За златой престолъ садился.
„Вы, Архангелы Господни,
Вамъ чины будутъ престольны,
Вы пойдите, покатите,
Овецъ моихъ воротите.
Онѣ бѣдныя въ вертепахъ
Злую муку горько терпятъ“.
Архангелы покатили,
Взяли гусли звончатыя,
И органы дорогіе—
Распѣвать будутъ святые,
Предъ ними трубы золотыя.
На гусляхъ заиграютъ,
На органахъ запоютъ
И къ себѣ всѣхъ позовутъ.
Любезные, спохватитесь,
Болѣзные, воротитесь.
О вы, о вы, нашъ Сынъ Божій,
Благослови, Творецъ Предвышній,
Открыть намъ Твой ключъ сердечный
Рай царствія отпереть,
Чтобъ душей не умереть.

* *

13. Живя среди міра, тщательно укрывая отъ людей свои вѣрованія, часто претерпѣвая преслѣдованія со стороны властей, скопцы смотрятъ на жизнь, какъ на великій подвигъ, какъ на

трудное и тяжелое странничество. Жизнь, по излюбленному ихъ сравненію, это великое бурное море, и горе тому, кто отважится плыть въ это море, надѣясь на свои только слабыя силы. Въ одной изъ пѣсенъ прекрасно обрисовано это сравненіе жизни съ моремъ.

Ой по морю, морю синему,
Не по синему, по житейскому,
Не сине море взбушевалося,
А волны жесткія взволновалися.
А всѣ кормщики перепугалися,
А работнички перепечалилися.
Ну-ка, братцы, мы думу задумаемъ
Всѣ единую.
Какъ напишемъ мы просьбу на большомъ листу.
Воздадимъ мы просьбу къ самому Христу
Да еще и къ матушкѣ Помощницѣ,
Ко святой всѣмъ Богородицѣ.
До насъ матушка умилилася,
Своему Сыну возмолилася,
Она ему поклонилася,
А до бѣлаго лица, до сырой земли:
„Сынъ Мой возлюбленный,
Чадо Мое сладкое,
Ты прими просьбу
Вѣрныхъ праведныхъ,
И прими, Государь, немедленно".
Сынъ просьбу принялъ,
Волны жесткія унялъ,
Словечко сказалъ,
Дорожку указалъ:
„Плывите вы, други, большимъ кораблемъ.
Истиннымъ путемъ на ту сторону,
На ту сторону, на восточную.
Ужъ на той сторонѣ тамъ Церковь стоитъ.
У той церкви переборъ будетъ.
Перебирать будетъ Сударь Батюшка,
Перебирать будетъ вѣрныхъ праведныхъ,
Онъ, Батюшка, за то ничего не беретъ.
Только беретъ Онъ, Государь, вѣру, радѣнье,
А еще постъ, моленье, усердное попеченіе,
А послѣ того—любовь Божію съ добродѣтелью".

14. Съ надеждой на Заступницу Матушку, съ вѣрой, любовью, постомъ и молитвой, нужно мужественно и твердо держаться святого общенія съ вѣрными и не оставлять ихъ въ минуты опасности.

Въ небольшой пѣснѣ порицаются малодушные люди, постыдно

убѣгающіе изъ общества вѣрныхъ въ минуту неожиданно выпавшей бѣды, и восхваляются тѣ, которые, несмотря на опасность, остались непоколебимы въ преданности вѣрѣ:

А и въ дальней сторонѣ
Стоялъ тамъ зеленый садъ.
Какъ въ прекрасную погоду
Въ немъ было много народу.
Какъ спустился дождь и градъ,
Всѣ бѣгутъ въ домы назадъ
Да и хулятъ Божій садъ,
Божествомъ не занялись,
Большой страсти поддались.
А которы крѣпки въ вѣрѣ,
Тѣхъ и страсти не одолѣли,
Вѣнцы ясные надѣли.

Заканчивая этимъ отрывкомъ серію нравоучительныхъ пѣсенъ, переходимъ къ пѣснямъ вѣроучительнымъ.

Свящ. Шевалеевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бѣлокриницкій старообрядческій митрополитъ Аѳанасій и отношеніе къ нему русскихъ „окружниковъ“.

(По поводу его смерти).

1 октября 1905 г. въ Бѣлой Криницѣ, въ Австріи умеръ Бѣлокриницкій старообрядческій митрополитъ Аѳанасій.

Аѳанасій „бысть по числу третіимъ митрополитомъ Бѣлыя Криницы“ [1]). Первый—„изобрѣтенный“ [2]) знаменитымъ инокомъ Павломъ Бѣлокриницкимъ—Амвросій, бывшій Босносараевскій митрополитъ, пріобрѣтенный въ Константинополѣ, — съ 23 октября [3]) 1846 года до начала декабря 1847 года, когда онъ изъ Криницы былъ потребованъ въ Вѣну [4]); второй — Кириллъ, бывшій дьякъ при церкви Бѣлокриницкаго селенія Кипріанъ Тимофеевъ, правившій службу за неимѣніемъ попа, по жребію избранный въ преемники Амвросію и рукоположенный имъ во епископа 6 января 1847 года; въ митрополиты поставленъ 4 января 1849 года: особенно извѣстенъ своимъ „скоропревратнымъ и непостояннымъ характеромъ“ [5]), относительно изданнаго въ австрійствѣ 24 февраля 1862 года „Окружного Посланія“, и закрѣпленіемъ раздѣленія, происшедшаго въ Бѣлокриницкой іерархіи, чрезъ поставленіе въ 1864 году епископа для противоокружниковъ; умеръ 2 декабря 1873 года.

---

1) «Архивъ раск. архіерея» свящ. К. Попова, 605.

2) «Матеріалы для исторіи Б. Криницкой іерархіи» проф. Н. Субботина, 51.

3) День его присоединенія въ старообрядчество въ Бѣлой Криницѣ.

4) Матеріалы для исторіи Б. Криницкой іерархіи, 231.—Въ концѣ іюля 1848 г. въ Вѣнѣ Амвросій получилъ свое «послѣднее рѣшеніе» — былъ удаленъ по смерть съ приказомъ не имѣть никакихъ сношеній съ Б. Криницей въ Штирійскій городъ Цилли (тамъ же, 249 — 250), гдѣ и умеръ 30 октября 1863 года.

5) Выраженіе одного изъ соепископовъ Кирилла — Аркадія, архіепископа Васлуйскаго, въ письмѣ къ Кириллу («Совр. движенія въ раск.». Субботина, М. 1865, 99 ср. 112.

„Митрополитъ“ Аѳанасій—въ мірѣ Аггей Ѳедоровъ Бакуринъ (иначе: Макуровъ) [6])—урожденецъ молдавскій — изъ села Мандиловки; родился въ декабрѣ 1826 года. Въ мартѣ 1851 года былъ поставленъ въ „діакона“ „епископомъ“ Алимпіемъ Тульчанскимъ. Во „священника“ рукоположенъ „митрополитомъ“ Кирилломъ въ маѣ 1857 года. Былъ „попомъ“ Браиловскаго хутора на Дунаѣ; въ іерействѣ овдовѣлъ [2]).

23 августа 1870 года въ Бѣлой Криницѣ умеръ намѣстникъ Бѣлокриницкой митрополіи, преемникъ перешедшаго въ 1865 году въ православіе „епископа“ Онуфрія (скончавшагося инокомъ Никольскаго единовѣрческаго монастыря въ Москвѣ въ августѣ 1894 г.), „епископъ“ Формосскій Антоній. Антоній особенно высокими качествами не отличался: присутствовавшіе при его хиротоніи, говорятъ, оцѣнивали его очень дешево—„поведи продавать, не дадутъ и двѣ левки [3]),—онъ былъ полуграмотенъ, однажды учинилъ драку въ Бѣлокриницкой женской обители и под. [4]). Нужно думать, что въ Бѣлой Криницѣ по смерти намѣстника было желаніе избрать преемника ему—человѣка болѣе достойнаго.

Въ началѣ октября 1870 года въ Бѣлой Криницѣ состоялся соборъ заграничныхъ австрійскихъ епископовъ для избранія намѣстника. Большинство членовъ указало въ преемника Антонію вдоваго хуторскаго попа Аггея, меньшинство хотѣло видѣть намѣстникомъ Аркадія, „архіепископа“ Васлуйскаго. Но Аркадій не счелъ для себя особенно заманчивымъ намѣстничество въ митрополіи по сравненію съ своимъ положеніемъ „архіепископа“, тѣмъ болѣе, что мѣсто „преславнаго происшествія“ іерархіи—Бѣлая Криница—тогда уже начинало блекнуть въ глазахъ старообрядцевъ, почерпнувшихъ благодать отъ ея источника [5]), и былъ избранъ Аггей. Выборомъ попа Аггея остались довольны и въ Москвѣ. Тогдашній окружническій „архіепископъ“ Москов-

---

[1]) Лѣтопись происходящихъ въ раск. событій за 1871 г. Субботина 212 и д.

[2]) Лѣтопись за 1871 г, 212 222—223 и д.

[3]) Рус. Вѣстн. 1867, окт., 597—598. «Левка» небольшая монета.

[4]) Соврем. лѣтоп. раск. Субботина, вып. 1, прилож. 37.

[5]) Самъ Аркадій, бывшій ранѣе архимандритомъ Б. Криницкаго монастыря (почему особенно и была выдвинута его кандидатура), также былъ персона не очень блестящихъ качествъ: былъ не начитанъ, даже слабограмотенъ (Лѣтопись, за 1876-1879 г. 92; Бр. Сл. 1897, I, 714 и под.), религіозностью не отличался, любилъ вино, былъ близокъ къ женскимъ монастырямъ, отъ чего имѣлись даже плоды (Бр. Сл. 1875, I, III отд. 64 96; II,—74; 1897, I, 296). Но старообрядцы къ своимъ снисходительны.

скій Антоній Шутовъ такъ писалъ объ этомъ въ митрополію: дошло до свѣдѣнія нашего, что бывшимъ освященнымъ соборомъ въ вашей Богохранимой митрополіи избранъ въ намѣстника къ оной благоговѣйный священно-іерей Аггей Ѳедоровъ Браиловскаго хутора, о благоразуміи и благоговѣйствѣ коего намъ раньше было извѣстно: то мы о семъ избраніи весьма радуемся и благодаримъ Господа Бога, устрояющаго полезное церкви Своей" [1]).

2 мая 1871 года избранный былъ постриженъ въ Бѣлой Криницѣ въ иночество „митрополитомъ" Кирилломъ съ именемъ Аѳанасія, а 3 іюня того же года совершено Кириломъ съ Аркадіемъ Васлуйскимъ и Иринархомъ Славскимъ торжественное рукоположеніе его въ намѣстника-епископа „града Браилова". На торжествѣ присутствовали даже почетные гости Бѣлой Криницы—„нѣмцы и люторы и прочіе еретики" — самъ президентъ, т. е. губернаторъ Черновицкій... и другое мѣстное начальство, пожелавшее быть изъ любопытства, которые были приняты съ честію, какъ слѣдуетъ такимъ высокимъ лицамъ" [2]). Криница тѣмъ была и хороша до послѣдняго времени, что была подъ покровомъ нѣмцевъ,—хотя и еретиковъ, — при недостаточной „свободности" въ Россіи...

Новому намѣстнику недолго пришлось ожидать митрополичьей Бѣлокриницкой каѳедры. Спустя два съ половиной года послѣ его хиротоніи во „епископа" сошелъ въ могилу Кириллъ [3]) Намѣстникъ Аѳанасій замѣнилъ его и 9 мая 1874 года сталъ третьимъ Бѣлокриницкимъ митрополитомъ, возведенныв въ этотъ санъ тремя „епископами"— Аркадіемъ Измаиловскимъ, Иринархомъ Славскимъ и Тульчанскимъ [4]), при соучастіи двухъ „архимандритовъ", до двадцати пяти „священноиноковъ" и „іереевъ", четырехъ „діаконовъ" и пяти стихарныхъ клириковъ. Были при этомъ нѣкоторыя затрудненія со стороны такъ будто бы опечаленныхъ теперь смертью Аѳанасія россійскихъ старообрядцевъ,

---

[1]) Лѣтопись раск., за 1871 г., 214.

[2]) Тамъ же, 224, 225.

[3]) Бр. Сл. 1875, I, III отд. 68—71,

[4]) Объ участіи Тульчанскаго епископа въ возведеніи Аѳанасія въ митрополиты сообщалось въ свое время. Назвать по имени его не можемъ, такъ какъ, сколько знаемъ, Іеремія Тульчанскій умеръ въ 1873 г.; его преемникъ Виссаріонъ также въ 1873 г. отъ холеры, епископствовавъ всего три мѣсяца; преемникъ же Виссаріону — Алимпій поставленъ въ 1879 г. (ср. архивъ раск. архіер. 604, 605, 606). Не вѣрнѣе ли, что Тульчанскій епископъ не принималъ участія въ возведеніи Кирилла на митрополичью каѳедру.

замышлявшихъ было даже совсѣмъ положить конецъ Бѣлокриницкой митрополіи (о чемъ подробнѣе скажемъ ниже), но дѣло уладилось въ общемъ довольно благополучно для Бѣлой Криницы и Аѳанасія [1]).

Что представлялъ собою въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ Аѳанасій, 30 слишкомъ лѣтъ (т. е. большую половину всего существованія Бѣлокриницкой іерархіи, праздновавшей въ 1896 году только пятидесятилѣтній юбилей) митрополитствовавшій въ Бѣлой Криницѣ. Вотъ что—въ главныхъ чертахъ—извѣстно о немъ съ этихъ сторонъ.

Въ литературѣ извѣстно небольшое произведеніе (изданное въ брош. свящ. С. Маркова) „Посланіе старообрядческаго архіепископа Аѳанасія Браиловскаго, именуемаго и нынѣ митрополитомъ Бѣлокриницкимъ“ (М. 1890 г.),—написанное въ мартѣ 1872 года. Посланіе, адресованное преимущественно къ двумъ старообрядцамъ Браиловскаго хутора, представляетъ собою краткое обличеніе безпоповства и такую же защиту Бѣлокриницкой іерархіи и показываетъ въ составителѣ нѣкоторое начетничество въ старопечатныхъ книгахъ, знаніе въ извѣстной мѣрѣ защиты собственнаго церковнаго положенія (чѣмъ иногда въ достаточной мѣрѣ не обладаютъ духовныя лица австрійства) и если, конечно, не полную, то по крайней мѣрѣ нѣкоторую грамотность [2]). Но, съ другой стороны, извѣстны за Аѳанасіемъ и такія мудрыя рѣчи: „знай азбуку да псалтирь, а въ другія науки не вникай: всѣ науки ведутъ къ еретичеству“ [3]). Извѣстно, что онъ обрѣлъ „еретичество“ даже въ книгахъ патріарха Іосифа—въ томъ, что въ нихъ прилагательныя напечатаны съ краткимъ и, напр., „Царю небесный“, а не „небесныи“ и т. п. [4]). „Окружному Посланію“ Аѳанасій хотя и не измѣнялъ, но довольно склоненъ былъ осу-

---

[1]) Бр. Сл. 1875. I, Ш отд. 71 и д. и Ш, Ш отд. 257 и д. Лѣтопись раск. за 1876—79 г., 68—69.

[2]) Недавнее (15 дек. 1902 г.) «Митрополита Аѳанасія архіепископу Іоанну отвѣтное посланіе», напечатанное Субботинымъ въ прибавл. къ «Церковнымъ Вѣдомостямъ» 1903 г. № 17, 663—666 (объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ его, и о немъ самомъ будемъ имѣть случай упомянуть ниже), составлено, думается, при участіи Панфутія Овчинникова (былъ въ расколѣ епископомъ Коломенскимъ, въ 1865 г. присоединился къ православію, былъ посвященъ въ іеромонаха и извѣстенъ по кремлевскимъ въ Москвѣ бесѣдамъ съ старообрядцами; въ 1882 г. по причинамъ болѣе нерелигіознымъ опять ушелъ къ старообрядцамъ, безъ присоединенія къ старовѣрію; живетъ въ Б. Криницкомъ монастырѣ—за его оградой).

[3]) Бр. Сл. 1885, I, 523.

[4]) Лѣтопись раскола за 1871 г., 236; Бр. Сл. 1875, I, Ш отд. 75.

ждать признанныя въ немъ непогрѣшительными нѣкоторыя особенности „никоніанства“. Напр., онъ распорядился стмѣнить чтеніе за трапезой въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ четій-миней новой печати: „развѣ можно читать такую книгу, говорилъ онъ, гдѣ написано „Іисусъ“: не подобаетъ древлеправославнымъ христіанамъ еретическія книги не только читать, но и въ руки брать“ [1]).

Таковъ былъ ушедшій въ лучшій міръ, „третій по числу митрополитъ Бѣлыя Криницы“.

Что касается отношеній къ Бѣлой Криницѣ и ея митрополиту россійскихъ австрійцевъ, то (помимо значимости Бѣлой Криницы, какъ источника архіерейства послѣ двухвѣкового „глада“ въ собственномъ священствѣ)—они вовсе не такъ умилительно-трогательны, какъ можно подумать на основаніи газетныхъ сообщеній о скорби русскаго австрійско-старообрядческаго міра объ умершемъ „митрополитѣ“.

Мы говорили о затрудненіяхъ, и весьма серьезныхъ,—которыя встрѣтились Аѳанасію со стороны россійскаго австрійства на пути къ митрополичьей степени. Русское австрійство было недовольно митрополитомъ Кирилломъ, бывшимъ по своему слабоумію и нетвердости характера, а частью и по златолюбію, однимъ изъ виновниковъ той „хаотической“ [2]), шумной исторіи—съ ея соборами,—иногда дѣйствительно почти „ярмарками“ [3]), съ крикомъ и воплемъ [4]), съ взаимными изверженіями, клятвами и т. п., которая выпала на долю „святой“ старообрядческой австрійской церкви со времени изданія окружного посланія и до начала 70-хъ годовъ,—виновникомъ, содѣйствовавшимъ, между прочимъ, и закрѣпленію раздѣленія окружниковъ и неокружниковъ чрезъ рукоположеніе для послѣднихъ, по просьбамъ купцовъ Крючкова и Муравьева, „за сребренники довольны“ (1000 р.) въ 1864 г. особаго епископа—Антонія (Антоній II; въ отличіе отъ Антонія I—Шутова, окружническаго). И вотъ—по смерти Кирилла въ Россіи естественно возникъ планъ, оставивъ за Бѣлой Криницей ея неотъемлемое значеніе—мѣста „благознаменитаго происшествія“, присоединенія въ старовѣріе „злополучнаго митрополита Амвросія, митрополичью каѳедру въ ней упразднить. Подумывали наградить титуломъ „митрополита“ москов-

---

[1]) Бр. Сл. 1875, I, III отд. 75; 1896, II, 237; 697. Мисс. Обозр. 1902, май, 873 и др.

[2]) Переписка раск. дѣят.—Бр. Сл. 1889, I, 486.

[3]) Соврем. Лѣтоп. раск., в. 1, прилож., 64. „Ярмаркой“ называлъ извѣстный экзархъ Аркадій Славскій Бѣлокриницкій соборъ 1868 г. «для прикровенности».

[4]) Тамъ же, Прилож., 69.

скаго „архіепископа“ Антонія Шутова. Антоній, хотя былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ замѣчательнымъ ревнителемъ старой вѣры, въ чемъ много способствовало ему его безкорыстіе [1]), былъ честолюбивъ, изъ-за честолюбія онъ главнымъ образомъ и перешелъ изъ безпоповства въ поповство [2]), предъ этимъ мечталъ украсить свою главу бѣлымъ клобукомъ [3]) и поэтому былъ доволенъ перспективой стать митрополитомъ... Но потомъ дѣло оказалось не совсѣмъ по времени. Заводить митрополію въ Москвѣ показалось не совсѣмъ безопаснымъ для австрійства. Бѣлокриницкая же митрополія—заграницей – существуетъ на законномъ основаніи и находится подъ покровительствомъ австрійскаго императора. Старообрядцы во главѣ со своимъ московскимъ духовнымъ совѣтомъ должны были рѣшить оставить митрополію на мѣстѣ. Однако, чтобы сократить возможный произволъ Бѣлокриницкаго „святителя“, наученные горькимъ опытомъ постановили, что Бѣлокриницкій митрополитъ не долженъ простирать своей власти на Россію, а вѣдать только Буковину и Молдавію. Съ этого времени административная, такъ сказать, роль Бѣлокринацкаго митрополита въ русской австрійщинѣ должна была прекратиться: оставались только братскія, дружественныя отношенія. Въ нѣкоторой степени повліяло это и на матеріальное благосостояніе Бѣлой Криницы, хотя благочестивое чувство обогатившагося чрезъ нее „духовно“ старообрядства, особенно богатыхъ вѣрующихъ „гильдійцевъ“, въ радостяхъ, горестяхъ (поминъ умершихъ и под.) и въ грѣхахъ своихъ и т. п. не забывало своей соотвѣтственной капиталу лептой ея благополучія [4]).

Значеніе Бѣлой Криницы, какъ мѣста „верховнаго“, при вступленіи на „митрополичью“ каѳедру Аѳанасія, пало... Особенно это замѣтно было на первыхъ порахъ и далѣе—во всѣ восьмидесятые годы. Русское окружническое австрійство въ своей церковной жизни было самостоятельно, рѣдко даже сносясь съ Бѣлой Криницей. Кто читалъ прекрасныя „Лѣтописи“ происходя-

---

[1]) О его пожертвованіяхъ, благотвореніяхъ и под., — помимо поставленія архіереевъ, чѣмъ онъ также, конечно, ограничивалъ себя, — см. напр. лѣтопись раскола за 1871 г., 147 — 148; Бр. сл. 1883, № 1, 21 — 22 и др; Бр. Сл. 1896, II, 674; 1897, I, 59, 61, 67, 113, 204, 223; 1898, I, 427 и под.

[2]) Воспоминанія объ „Антоніи“ архим. Павла, — Собр. соч. архим. Павла III т. (1888 г.), 457 —478; Исторія Бѣлокр. священства Субботина — Бр. Сл. 1898, I, 73 — 94.

[3]) Лѣтопись раск. за 1871 г., 148 и др.

[4]) Бр. Сл. 1875, 1, III, 71 и III, III отд., 257 и д. Лѣтопись раск. за 1876—1879 г., 68–69, 76—79.

щихъ въ расколѣ событій, которыя велъ въ своемъ „Братскомъ Словѣ“ и затѣмъ въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ со всѣмъ вниманіемъ слѣдившій за жизнью австрійской іерархіи покойный проф. Н. И. Субботинъ, и тотъ даже рѣдко встрѣчалъ въ нихъ сообщенія о Бѣлой Криницѣ и ея жизни [1]). Такъ забвена была она... Мало того,—къ ней относились—въ случаяхъ сношеній—иногда даже не по-братски, ее даже иногда третировали... Характеренъ тонъ извѣстныхъ главнымъ образомъ изъ „Братскаго Слова“ сношеній съ Бѣлой Криницей за это время. Московскій „духовный совѣтъ“,—учрежденіе, состоявшее изъ поповъ и мірянъ при Московскомъ „архіепископѣ“ [2]), безъ церемоніи посылалъ „приказы“ Афанасію [3]). Даже простой іеромонахъ Арсеній (Швецовъ, теперь „епископъ“ Уральскій),—правда „второй Златоустъ“ въ австрійствѣ [4]), держалъ себя очень свободно относительно „митрополита“, когда не видѣлъ въ немъ особой нужды для своихъ интересовъ [5]).

Правда, съ девяностыхъ годовъ сношенія съ Бѣлой Криницей россійскихъ австрійцевъ, повидимому, нѣсколько участились и отчасти улучшились.

За девяностые годы извѣстны случаи, когда власть митрополита окружники,—по крайней мѣрѣ иногда, въ особо-затруднительныхъ обстоятельствахъ, хотѣли чтить; извѣстенъ даже проектъ о подчиненіи русскихъ окружническихъ „епископовъ“ Бѣлокриницкому „митрополиту“. Напр., окружники имѣли сношеніе съ Аѳанасіемъ по дѣлу о московскомъ „архіепископѣ“ Савватіи. Суть дѣла, какъ помнятъ слѣдившіе за событіями, происходившими въ австрійствѣ, была въ слѣдующемъ. Владыка Савватій, вступившій на Московскую каѳедру въ октябрѣ 1882 года (преемникъ Антонія Шутова, умершаго 8 ноября 1881 г., бывшій Тобольскій), былъ умомъ довольно скуденъ [6]), грамотою не былъ богатъ [7]),

---

[1]) Бр. Сл. 1886, I, 390; 1889, I, 745 и др.—рѣдкія свѣдѣнія о Бѣлой Криницѣ.

[2]) До октября 1898 г., когда уничтоженъ (Бр. Сл. 1898, II, 360 и под).

[3]) Бр. Сл. 1890, II, 646.

[4]) Бр. Сл. 1891, I, 1891, I, 153.

[5]) Бр. Сл. 1889, I, 379—380.

[6]) Бр. Сл. обычно именовало Савватія «ничего не разумѣющимъ» 1886, I. 383), „юродивымъ“ (1893, I, 816; II, 160; 1894, II, 533), «слабоумнымъ» (1893, II, 76; 1895, II, 217, 360, 367), «тупоумнымъ» (1896, I, 380), даже въ нѣкоторомъ смыслѣ „тельцомъ“ (1893, I, 812), и т. п. именами („жалкимъ“, убогимъ“).

[7]) Даже свое имя онъ „царапалъ“ съ трудомъ и съ ошибкой: „Смиренный Савватій архіепископъ“ (Бр. Сл. 1891, II, 142).

начитанностію не отличался [1]), языкъ у владыки былъ довольно косенъ... [2]). По словамъ „Братскаго Слова", Савватій даже во время службы производилъ непріятное впечатлѣніе: былъ крайне простъ и т. п., такъ что видѣть особу его въ архіерейскомъ облаченіи было даже нѣсколько блазнительно" [3]). Въ обычной же жизни онъ, по выраженію одного повѣствователя, былъ „мужикъ мужикомъ" [4]), „грубенекъ" [5]). За недостатокъ представительности и проч. Савватій не нравился „тузамъ" своей паствы и они всегда думали о смѣщеніи и замѣнѣ его кѣмъ-либо болѣе подходящимъ [6]). Подъ конецъ „Владыка Савватій" запутался въ какое-то не совсѣмъ выясненное въ свое время въ печати дѣло съ какой-то нѣмкой, перекрещенной въ старообрядчество, у которой онъ взялъ 32000 рублей. Дѣло казалось крайне хлопотливымъ и послужило главной причиной паденія „архіепископа" [7]). Поводомъ же было данное Савватіемъ полиціи обѣщаніе не именоваться Московскимъ архіепископомъ. Соборъ окружническихъ „епископовъ" 19 марта 1898 года будто по снисхожденію приложилъ къ Савватію вмѣсто 62 Апостольскаго правила, подвергающаго извержению отрекшагося своего сана, 17 правило св. Василія Великаго и лишилъ Савватія каѳедры, сохранивъ за нимъ „архіепископство". Участіе въ этомъ дѣлѣ „митрополита" Аѳанасія выразилось въ томъ, что онъ чрезъ посланнаго къ нему (отъ кого именно, т. е. отъ россійскихъ ли „епископовъ", или по крайней мѣрѣ отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, или просто отъ лицъ, особо недовольныхъ Савватіемъ,—точно не извѣстно) выразилъ свое полное согласіе съ тѣмъ, что постановитъ соборъ „боголюбивыхъ епископовъ" [8]). Сносились русскіе окружники съ митрополитомъ и по поводу назначенія преемника Савватію. Аѳанасій, очевидно, на просьбу нѣкоторыхъ,

---

[1]) Бр. Сл. 1884 II, 215; 1886, II, 692; 1889, II, 163, 635.

[2]) Для выряженія мыслей у владыки много значили слова: „дряни этакая" и „ништо" (Бр. Сл. 1897, I, 670). Впрочемъ, съ этой стороны Савватій не очень отличался отъ превосходившаго его въ другихъ отношеніяхъ предшественника по каѳедрѣ: свои архипастырскія мысли Антоній, какъ извѣстно, чаще всего,—затрудняясь въ выборѣ словъ, выражалъ при посредствѣ своего привычнаго: „совершенно тово..." (Соврем. движ. въ раск. М. 1865. 32; Бр. Сл. 1897, I, 49 и под.).

[3]) Бр. Сл. 1893, II, 79; 1894, I, 573; Бр. Сл. 1898, II, 219.

[4]) „Расколъ и его путеводители" свящ. К. Попова, 82 (1-е изд.).

[5]) Церк. Вѣстн. 1883 № 15, 15.

[6]) Бр. Сл. 1884, II, 215; 1885, II. 309; 1886, II, 692; 1889, II, 163, 635, 1891, I, 702; II, 699; 1892, II, 72, 567-569; 1893, II, 74; 1894, II, 532; 1897, II, 396,

[7]) Такъ въ свое время объяснялось паденія Савватія въ Бр. Сл.

[8]) Бр. Сл 1898, I, 520—527, 700; Церк. Вѣстн. 1898, № 18, 629—630,

не желавшихъ видѣть мѣстоблюстительствовавшаго, по удаленіи Савватія, въ Москвѣ Арсенія Уральскаго (Швецова) дѣйствительнымъ „архіепископомъ“ Московскимъ, назначилъ Московскимъ (и повидимому довольно рѣшительно) Сильвестра Балтскаго, какъ старѣйшаго изъ „епископовъ“ [1]). Русскій соборъ окружническихъ «епископовъ» въ октябрѣ 1898 года однако назначилъ на Московскую «архіепископскую» каѳедру Іоанна (Іустина Картушина, донского казачьяго урядника), незадолго предъ этимъ рукоположеннаго во „епископа“ Донского и Екатеринославскаго [2]). Москва подала Аѳанасію мысль просить австрійское министерство внутреннихъ дѣлъ, разрѣшить перенести въ Бѣлую Криницу прахъ основателя Бѣлокриницкаго священства митрополита Амвросія изъ Трієста (гдѣ онъ погребенъ), по случаю 50-лѣтняго юбилея этого священства [3]). Бывали и другія—болѣе частныя (отдѣльныхъ лицъ изъ австрійства) сношенія съ бѣлокриницкимъ «митрополитомъ» [4]). Проектъ (въ началѣ 90-хъ годовъ) о подчиненіи русскихъ „епископовъ“ Бѣлокриницкому «митрополиту» принадлежалъ „іеромонаху“ Арсенію. Только говорилось тогда, что „Златоустъ“ хочетъ угодить препебрегаемому имъ въ другихъ случаяхъ Аѳанасію, такъ какъ желаетъ епископства, что можно получить въ Бѣлой Криницѣ [5]). Проектъ остался безъ осуществленія.

Какъ видимъ, однако, отношенія къ Бѣлокриницкой митрополіи и въ 90-е годы были не только не постоянны, но и не очень часты, и весьма—такъ сказать—не выразительны. Лично же

---

[1]) Прибавл. къ Церк. Вѣдомост. 1903 № 36, 1372. Бр. Сл. 1898, II, 125 229. За назначеніе Московскимъ «архіепископомъ» Сильвестра сильно обвиняли Аѳанасія сторонники Швецова, путешествовавшіе въ Б. Криницу въ 1902 г. осенью.

[2]) Бр. Сл. 1898, II, 350. Въ Бр. Сл. было извѣстіе, что Аѳанасій также изъявилъ предварительно согласіе на назначеніе Іоанна—тамъ-же. I. 293. 1 пр.

[3]) Бр. Сл. 1897, I, 687—690. Мис. Обозр. 1900, янв. 37. Бр. Сл. 1897, I, 270. На просьбу Бѣлой Криницы отъ 13 (25) февр. 1897 г. со стороны австрійскаго правительства послѣдовалъ отказъ. Хлопоты о перенесеніи праха Амвросія въ Б. Криницу старообрядцы, слышно, намѣрены возобновить теперь, равно какъ начать ходатайство предъ русскимъ правительствомъ о возвращеніи Б-Криницкому монастырю бумагъ изъ его архива, находившихся у покойнаго Н. И. Субботина. Съ этими, между прочимъ, цѣлями недавно путешествовали въ Б. Криницу Ф. Мельниковъ и Перетрухинъ—сынъ; (Рус. Слово. 1905, № 301, 3, 4 ст.).

[4]) Бр. Сл. 1891, I, 203—204; II, 74 и 80: 1893, II, 76 -77, 153 и д.; 1898, I. 522

[5]) Бр. Сл. 1893 II: 76—77. 153 и д

Аѳанасія въ 90-е годы, напр., Силуанъ Кавказскій однажды почестилъ именемъ даже „дурака“ [1]).

Изъ сношеній съ Бѣлокриницкой митрополіей за истекшіе годы новаго столѣтія особенно выдаются слѣдующія.

Извѣстно, что соборъ окружническихъ „епископовъ“ въ Нижнемъ Новгородѣ въ августѣ 1901 года предполагалъ произвесть въ «архіепископа» Уральскаго «епископа» Арсенія (Швецова) съ переводомъ его въ Нижній и съ предоставленіемъ ему правъ архіепископа «и всея Россіи», т. е. съ сосредоточеніемъ въ его вѣдѣніи всѣхъ главнѣйшихъ дѣлъ, касающихся всего окружническаго австрійства въ Россіи, Іоаннъ Картушинъ, не бывшій на соборѣ, отвергъ такое рѣшеніе собора, какъ унижающее его значеніе [2]). По его вліянію [3]) въ январѣ 1902 года въ Москвѣ было нѣсколько собраній старообрядческихъ депутатовъ изъ разныхъ губерній.

Предметомъ сужденій были обвиненіе „архіепископомъ“ Іоанномъ и Тульскимъ старообрядческимъ «священникомъ» Механиковымъ „епископа“ Арсенія въ еретичествѣ [4]) и назначеніе его соборомъ 1901 года „архіепископомъ“. Собраніемъ, на которомъ были по крайней мѣрѣ «священники», было рѣшено: постановленія Нижегородскаго собора объ открытіи новой архіепископіи въ Нижнемъ признать не дѣйствительными и вмѣнить «яко не бывшія», а новаго «архіепископа» проповѣдующаго неправославныя мысли, извергнуть. Чтобы придать своему рѣшенію значеніе, собраніе чрезъ особую депутацію обратилось къ „митрополиту“ Аѳанасію. Аѳанасій—сообщалось,—признавъ незаконнымъ учрежденіе новой „архіепископіи“, равно и возведеніе въ „архіепископы“ Арсенія,—утвердилъ, что долженъ быть всего одинъ «архіепископъ» въ Россіи Московскій, относительно же изверженія Арсенія, видимо, удержался (боясь раздѣленія въ окружничествѣ и, можетъ быть, изъ уваженія къ Павлу Бѣлокриницкому, защищаемому Швецовымъ) [5]). Позже—въ августѣ 1902 года

---

[1]) Бр. Сл. 1896, I, 7896.

[2]) Приб. къ Церк. Вѣд. 1901, № 45. Вѣсти о раск. Субботина, 1654; 1902 № 15—16, 533; «Мисс. Обозр.» 1901, ноябрь 659.

[3]) «Мисс. Обозр.» 1902, дек. 882.

[4]) Швецовъ, какъ извѣстно защищаетъ высказанныя въ «Уставѣ» Павла Бѣлокриницкаго мысли о рожденіи Сына Божія «вмѣстѣ съ вѣками» и под. Въ послѣдніе годы особенно сильнымъ обличителемъ его выступилъ Тульскій «іерей Василій [Механиковъ, написавшій противъ Арсенія нѣсколько сочиненій.

[5]) Приб. къ Церк Вѣд. 1902, № 20, „Вѣсти. о раск.“ 635, и д. Могила «изобрѣтателя» іерархіи находится въ Б. Криницѣ.

на соборѣ Швецовъ отказался отъ „архіепископства“ и примирился съ Іоанномъ и Механиковымъ («политически») по вопросамъ догматическимъ [1]). Въ этомъ сношеніи съ Аѳанасіемъ принимала участіе одна сторона австрійцевъ—стоящая за Іоанна Московскаго и не всегда склонная мириться съ догматствованіями Арсенія, но дѣло осталось повидимому не безъ вліянія и на другую...

Другое дѣло, по которому сносились съ Бѣлой Криницей, касалось собирающихся теперь ежегодно во время Нижегородской ярмарки «Всероссійскихъ съѣздовъ представителей старообрядческихъ обществъ австрійскаго толка». Первый такой съѣздъ,—собранный, очевидно, въ подражаніе нашимъ миссіонерскимъ съѣздамъ,—состоялся въ 1900 году. На выборѣ «епископовъ» въ августѣ 1901 года, на которомъ, какъ знаемъ, не было Іоанна, по иниціативѣ Арсенія было утверждено собираніе такихъ съѣздовъ ежегодно [2]). Учрежденіемъ ихъ Швецовъ, можетъ быть, хотѣлъ вознаградить мірянъ за то, что они, по его же иниціативѣ, были устранены отъ церковныхъ дѣлъ чрезъ уничтоженіе въ 1898 году Московскаго „духовнаго совѣта“. Устранивъ ихъ отъ внутреннихъ дѣлъ церкви (духовный совѣтъ, напримѣръ налагалъ запрещенія и т. п. на духовныхъ лицъ и проч. при участіи мірянъ), епископъ Арсеній допустилъ ихъ значеніе въ дѣлахъ болѣе внѣшнихъ, каковы именно преимущественно предметы сужденій всероссійскихъ съѣздовъ (школы, сборъ денегъ, ходатайство за старовѣріе, защита австрійства отъ „никоніанскихъ“ миссіонеровъ и проч. под.). Покойный Н. И. Субботинъ, кромѣ того, полагалъ (на основаніи имѣвшихся у него данныхъ), что учреждая съѣзды, Арсеній имѣлъ цѣлью достигнуть при помощи ихъ—при воздѣйствіи на нихъ своихъ сторонниковъ—„архіепископства“ съ такъ заманчивымъ сосредоточеніемъ въ его рукахъ всѣхъ дѣлъ россійскаго окружничества. «На томъ же самомъ соборѣ 1901 года писалъ проф. Субботинъ, именно отъ собравшихся гражданъ и потребовано было учредить въ Нижнемъ центральную старообрядческую архіепископію съ возведеніемъ Швецова. Отъ гражданъ противъ несогласія Картушина была написана и особая «записка», которою доказывалась необходимость учрежденія такой каѳедры и указывались заслуги Швецова“ [3])

---

[1]) Приб. къ церк. Вѣд. 1903, № 4, „Вѣсти о раск.“ Мисс. Обозр. 190[illegible] дек., 883.

[2]) Прибавл. къ Церк. Вѣдом. 1903, № 7, Вѣсти о раск. Субботина, 238 № 36, 1370, 1375 (старообрядч. свидѣтельство о „соборномъ учрежденіи“ въ 1901 г. съѣздовъ).

[3]) Прибавл. къ Церк. Вѣдом. 1903. № 7. Вѣсти о раск. 239.

Съѣзды состоятъ изъ мірянъ (съѣзды 1901 и 1902 г., какъ извѣстно, даже выразили желаніе, чтобы духовныя лица въ нихъ не принимали участія [1]). „Архіепископъ“ Іоаннъ и Москва остались недовольны рѣшеніемъ собора 1901 года. Въ январѣ 1902 года представители съѣздовъ на собраніяхъ въ Москвѣ пытались было убѣдить москвичей въ необходимости и пользѣ ихъ. Особенно старался извѣстный Ѳ. Мельниковъ, дошедшій въ своемъ ораторствѣ даже до дерзостей,—такъ что его однажды даже выгнали изъ собранія. [2]) Москвичи послѣ собраній составили „особое мнѣніе“ противъ съѣздовъ и подали его Іоанну. Іоаннъ утвердилъ „особое мнѣніе“. Затѣмъ „особое мнѣніе“ съ депутаціей было отправлено къ „митрополиту“ Аѳанасію. Онъ призналъ его правильнымъ и также подтвердилъ [3]). Послѣ этого „архіепископъ„ Іоаннъ на соборѣ 28 іюня 1902 года провелъ постановленіе, которымъ ежегодные съѣзды мірянъ признавались не имѣющими основаній въ канонахъ, вызывающими пререканія и укоризны; не ежегодные же, а случайные—по требованіямъ времени, при томъ безъ обсужденія на нихъ дѣлъ, подлежащихъ сужденію епископовъ, допускались. „Соборъ, говорило постановленіе 28 іюня 1902 года, оставляетъ собраніе оныхъ усмотрѣнію церковно-общественныхъ попечительствъ [4]), не безъ участія въ оныхъ духовныхъ лицъ,и только для обсужденія церковно-общественныхъ нуждъ, отнюдь не касаясь дѣлъ, принадлежащихъ суду епископовъ“ [5]).

Въ свою очередь такимъ постановленіемъ собора и согласіемъ Аѳанасія съ „особымъ мнѣніемъ“ москвичей остались недовольны руководители съѣздовъ. Чтобы „ознакомить Аѳанасія съ дѣлами и рѣшеніями всероссійскихъ съѣздовъ и вообще съ церковно-общественными дѣлами Россійской старообрядческой области“ [6]) и, по крайней мѣрѣ, настроить Аѳанасія такъ, чтобы онъ не затруднялъ ихъ, осенью 1902 года была предпринята отъ лица съѣздовъ особая экспедиція въ Бѣлую Криницу. Депутатами были лица очень значительныя (въ разныхъ отношеніяхъ)

---

[1]) Мис. Обозр. 1902, окт.,357—358; приб. къ Церк. Вѣдом. 1903, № 36, Вѣсти о раск. 1370.

[2]) Прибавл. къ Церк. Вѣдом. 1903, № 17, Вѣсти о раск. 239.

[3]) Тамъ же.

[4])Образовавшихся въ послѣднее время и существующихъ въ окружиичествѣ подъ гдавенствомъ «Всероссійскаго общественнаго попечительства», имѣющаго свой «Совѣтъ».

[5]) Прибавл. къ Церк. Вѣдом. 1903, № 7, Вѣсти о раск., 239.

[6]) Тамъ же.№ 36, 1363.

въ старообрядчествѣ, именно: извѣстный капиталистъ, богородскій фабрикантъ Арсеній Морозовъ, ѣхавшій по собственному дѣлу, но принявшій участіе въ депутаціи, нижегородецъ Сироткинъ—„предсѣдатель Совѣта Всероссійскаго общественнаго попечительства„ [1]), егорьевскій Зенинъ—фотографъ, очень вліятельныя лица въ своихъ обществахъ, московскій Брилліантовъ—„товарищъ предсѣдателя Совѣта“ [2]) того-же попечительства (онъ же секретарь братства старообрядческаго въ Москвѣ; также и „писатель„ противъ „никоніанства“) и извѣстный „витія“ Ѳ. Мельниковъ (также „писатель“, также какой-то „чинъ“ въ „Совѣтѣ„ и проч.). Путешествіе этой депутаціи, по брош., вѣроятно, Ѳ. Мельникова: „Поѣздка въ Бѣлую Криницу и г. Тріестъ [3]) въ ноябрѣ 1902 года“, и результаты его были описаны въ послѣднихъ—почти предсмертныхъ статьяхъ проф. Субботина. Изъ нихъ мы знаемъ, что хотя митрополіи и Аѳанасію были привезены достойные подарки [4]), хотя Аѳанасій услышалъ отъ нѣкоторыхъ изъ депутатовъ и похвалу себѣ: „васъ, владыко, всѣ любятъ за вашу святую жизнь, полную „доброты и смиренія“ [5]) и „славу“ Бѣлой Криницѣ: „Бѣлая Криница для насъ дорога, это нашъ духовный возрожденный источникъ“ [6]), но за то услышалъ „митрополитъ“ и рѣчи, что онъ, вмѣшиваясь въ дѣла чужой области, нарушаетъ правила, сѣетъ раздоръ и смуту [7]) въ „самостоятельной“ русской церкви [8]),—слова: „преступно“ [9]) и проч... „По 34 правилу св. апостолъ митрополитъ, говорилъ Аѳанасію болѣе умѣренный изъ депутатовъ Брилліантовъ, не долженъ творить что-либо касающееся всей области, безъ согласія своихъ епископовъ. „Особое мнѣніе “москвичей не было предъявлено нашимъ владыкамъ въ Россійской области и о немъ до сихъ поръ соборъ не имѣлъ своего сужденія. Москвичи мнѣніе свое разсылали по приходамъ нашимъ и этимъ породили недоумѣнія и смуту. Многимъ становилось непонятнымъ: кому же вѣрить и кого должно слушать—соборъ или митрополита? Соборъ постановилъ быть

---

[1]) Тамъ же, 1373.

[2]) Тамъ же.

[3]) Въ Тріестѣ путешественники побывали на могилѣ Амвросія и хлопотали о реставраціи памятника на ней (по поводу 40-лѣтія со времени смерти основателя іерархіи).

[4]) Прибавл. къ Церк. Вѣдом. 1903, № 36. Вѣсти о раск., 1365.

[5]) Тамъ же, 1366.

[6]) Тамъ же.

[7]) Тамъ же, 1371—1372.

[8]) Тамъ же, 1373.

[9]) Тамъ же. 1368.

ежегодно всероссійскимъ старообрядческимъ съѣздамъ, а въ особомъ мнѣніи эти съѣзды неосновательно порицались. Такое разногласіе способно лишь произвести церковный раздоръ. Припомните, владыко, сколько вреда святой церкви принесло смутное и неканоническое вмѣшательство митрополита Кирилла въ дѣла нашей Россійской области“ [1]). Хотя проф. Субботинъ и полагалъ, что „митрополитъ“ отвѣчалъ съ полнымъ достоинствомъ, но можно подумать, что онъ, если и указалъ дѣйствительно, что подтвердилъ „Особое мнѣніе“, потому что оно было представлено отъ „архіепископа“ Іоанна чрезъ уполномоченную депутацію, на самомъ дѣлѣ былъ довольно смущенъ и стѣсненъ предъявленіями и особенно рѣчами „вызывающаго ораторства“ [2]) Ѳ. Мельникова о „самостоятельности“ русской церкви (о „самостоятельности“ Мельниковъ твердилъ съ особымъ подчеркиваніемъ, точно „вбить“ хотѣлъ „въ голову“ митрополита это и прч. [3]).

Кромѣ «главнаго дѣла»—о съѣздахъ—предметомъ поѣздки депутаціи 1902 года въ Бѣлую Криницу были учрежденіе заграницей старообрядческаго банка для капиталовъ Всероссійскаго старообрядческаго попечительства, высшей (даже) школы для приготовленія пастырей и т. под. дѣла, бывшія болѣе удобными для устроенія заграницей. Объ этомъ, по крайней мѣрѣ, были разсужденія съ «митрополитомъ» [4]).

Въ заключеніе можно прибавить, что начавшій выходить въ Буковинѣ съ января 1905 года журналъ — «Старообрядческій Вѣстникъ» рѣшительно разграничиваетъ австрійство зарубежное и россійское; „московскій архіепископъ не подчиненъ митропо-

---

[1]) Тамъ же, 1375.

[2]) Прибавл. къ Церк. Вѣдом. 1903, № 17, Вѣсти о раск., 664.

[3]) Тамъ же, № 36, 1373—1375; № 37, 1412—1413. Несомнѣнно, впрочемъ что Мельниковъ преувеличилъ, когда сообщилъ въ «Описаніи путешествія» что Аѳанасій признался вполнѣ незаконнымъ свое вмѣшательство (№ 36, 1373), или распространялъ слухи, что онъ предъ депутаціей «извинился» (тамъ же, № 17, 661). Однако же самъ Субботинъ долженъ былъ замѣтить относительно „Посланія Аѳанасія къ Іоанну“ по поводу депутаціи: „Любопытно и важно не безъ цѣли, конечно, употребленное здѣсь, даже не разъ, доселѣ не встрѣчавшееся въ митрополичьихъ грамотахъ наименованіе Іоанна Картушина «дѣйствительнымъ областнымъ въ россійскомъ старообрядчествѣ архіепископомъ». Онъ выставляется здѣсь даже равнымъ Аѳанасію, какъ тоже «областному» только митрополиту, такъ что самъ могъ бы рѣшить «дѣло о съѣздахъ» (тамъ же, 662; «Посланіе», 664, 665). Кромѣ того, покойному Аѳанасію было не удобно ссориться ни съ кѣмъ изъ россійскихъ австрійцевъ, такъ какъ лучше получать благостыню отъ всѣхъ, живя въ мирѣ со всѣми, чѣмъ только отъ нѣкоторыхъ.

[4]) Прибавл. къ Церк. Вѣдом. 1903, № 36; Вѣсти о раск., 1377.

литу Бѣлокриницкому и относится къ нему, какъ къ старѣйшему брату о Христѣ"; «власть митрополита Бѣлокриницкаго простирается на епископовъ, живущихъ въ Австріи, а также и въ Румыніи; на епископовъ же Россійской имперіи его власть не простирается» [1]).

Вообще,—если бываютъ и доселѣ сношенія россійской окружнической іерархіи съ Бѣлокриницкой „митрополіей, какъ митрополіей, то они такъ сказать — характера очень эпизодическаго; при томъ—„митрополитъ" Бѣлокриницкій въ послѣднее время какъ бы извлекается „изъ-подъ спуда" въ случаяхъ особыхъ,— гдѣ кстати примѣнить невѣдомую еще въ Россіи „митрополичью" степень съ ея нѣкоторымъ особымъ авторитетомъ, а иногда же «митрополитъ» за свою „степень" — даже и сильно „страдаетъ", не всегда при томъ съ возможностью вполнѣ постигнуть, за что, про что. Бросить же совершенно въ сторону „митрополита" своего „духовнаго возрожденнаго источника" еще не совсѣмъ „годится" и «подходитъ», пока нѣтъ еще у окружниковъ своего древлеправославнаго Россійскаго „митрополита". Поэтому, конечно, не такъ трогательно скорбятъ австрійцы надъ могилой своего третьяго митрополита, какъ о томъ извѣщаютъ...

Преемникомъ умершаго Аѳанасія долженъ быть его „намѣстникъ" Макарій [2]) (съ 1900 г.). Родомъ Макарій изъ Бессарабіи; въ мірѣ назывался Маркіономъ. Въ діаконы посвященъ онъ измаильскимъ «архіепископомъ» Виссаріономъ, въ священники поставленъ 14 сентября 1879 года „митрополитомъ" Аѳанасіемъ; священствовалъ въ г. Яссахъ; 5 іюля 1900 года хиротонисанъ имъ же во епископа.

Уходятъ со сцены старыя лица, ихъ замѣняютъ новыя, а расколъ, создавшій себѣ іерархію, неистенность которой такъ очевидна для всякаго разумѣющаго христіанина, стоитъ. Долго ли будетъ это?

Геннадій Захаревичъ.

---

[1]) Правосл. Путевод. 1905, мартъ, 563—564.

[2]) Мисс. Обозр. 1902, май, 880.

Церковь Христова и временно безъ епископа быти не можетъ [1]).

(Замѣчанія на книгу Ивана Усова „Церковь Христова временно безъ епископа“ миссіонеровъ священника *Сергія Шалкинскаго и Калл. Картушина*).

Безпоповецъ. Если безъ всякаго священноначалія церковь была истинна и спасительна, и даже создана Христомъ въ такомъ именно видѣ, то значитъ наша церковь и есть истинная и спасительная, потому что сохраняетъ именно то устройство, какое ей даровалъ Христосъ, то есть пребываетъ безъ священноначалія и таинствъ.

Безпоповецъ навѣрно *упускаетъ изъ* вида, что живетъ онъ не во времена „устроенія царства Божія на земли“, — т. е. не до дня Пятидесятницы, а почти два тысячелѣтія послѣ. До дня Пятидесятницы не было крещенія во имя Отца и Сына и Св. Духа, не совершалось таинствъ: миропомазанія хиротоніи, брака и пр., не было служенія литургіи, вечерни, утрени, погребенія надъ умершими и под. Такъ неужели и теперь ничего этого не нужно?

Новообрядецъ. Но вѣдь это ведетъ прямо въ прот естантство. Вѣдь протестанты учатъ, что Христосъ создалъ церковь безъ священноначалія. А это явная—ересь.

Старообрядецъ. Справедливо, что это ересь. И вотъ эту ересь содержатъ протестанты, безпоповцы и вы, новообрядцы. Признать, что Богъ создалъ Свою церковь безъ іерархіи, безъ священниковъ и епископовъ, значитъ признать, что Богъ создалъ несовершенную церковь.

Несовершенной или неустроенной называется церковь, не имѣющая епископовъ. „Господь, отходя на небеса, сказано въ Кн. о вѣрѣ, не восхотѣ достояніе Свое оставити на земли неустроено, но иземъ два сребренника, даде гостинникомъ“, т. е. апостоламъ и преемникамъ ихъ служенія, имъ же и *спребывати* (пребывать съ ними) даже до скончанія дѣка обѣтованіе сотвори и по своему неложному обѣтованію благ одатнѣ избираетъ и поставляетъ ихъ чрезъ патріархи, архіепископы

[1]) См. „Мисс. Обозр.“, 1905 г. № 17.

и епископы“ (л. 59 об.). Раскольническія же мнимыя церкви,—отдѣлившись отъ православной церкви, не имѣли епископовъ, не совершали таинства хиротоніи, слѣдовательно, ихъ церкви не Христовы, не устроенныя, а разоренныя, одолѣнныя отъ вратъ ада.

Если священники и епископы явились въ церкви уже послѣ ея созданія, то значитъ ихъ установилъ въ церкви не Христосъ, а уже другой кто-то послѣ Него, и такимъ образомъ епископы и священники—не Христово установленіе. Поэтому ученіе ваше, что церковь основалъ Христосъ, а епископовъ установилъ не Онъ, а другой кто-то, есть дѣйствительно страшное и гибельное заблужденіе, ведущее къ отрицанію священства и іерархіи въ церкви.

Неужели, по понятію Усова, въ день Пятидесятницы св. апостолы получили благодатное право на управленіе церковію и совершеніе св. таинствъ, безъ участія Спасителя? Неужели онъ думаетъ, что Духъ Св. существуетъ и проявляетъ Свое Божество безъ Отца и Сына? Такое ученіе, дѣйствительно, нельзя не признать еретическимъ. А мы вѣруемъ, что гдѣ Духъ Св., тамъ неразлучно и нераздѣльно и Отецъ и Сынъ. Поэтому въ день Пятидесятницы избранныхъ и наученныхъ Господомъ апостоловъ поставилъ на служеніе св. Церкви тотъ же Господь: „Все, что имѣетъ Отецъ, принадлежитъ и Сыну... все, что имѣетъ Сынъ, принадлежитъ и Духу“ (св. Григор. Богосл. сл. на Пятидесятницу).

Но священноначаліе въ церкви Христосъ установилъ раньше для Пятидесятницы, даже раньше Своихъ крестныхъ страданій. Въ евангеліи говорится, что Онъ еще прежде Своего страданія и крестной смерти избралъ апостоловъ (Лук. зач. 23), которые имѣли право совершать таинства крещенія (Іоанн. зач. 11) и елеосвященія, или маслопомазанія (Марк. зач. 23). А это принадлежитъ только епископамъ и священникамъ: только они имѣютъ власть совершать таинства церковныя. Слѣдовательно, апостолы еще до страданія Христова, до окончательнаго созданія имъ своей новоблагодатной церкви, имѣли на себѣ санъ священства и санъ епископства Посему въ то время, когда всѣ апостолы пребывали въ невѣріи Христову воскресенію, они были уже епископами; и хотя церковь тогда не имѣла ни одного истинно-вѣрующаго епископа-апостола, однако пребывала неодолѣнна и непобѣжденна отъ вратъ адовыхъ. Понятно, что и старообрядческая церковь въ то время, когда не имѣла ни одного истинно-вѣрующаго епископа, пребывала церковію вполнѣ неодолѣнною.

Припомните раннѣйшія слова Усова: Церковь создана или искуплена на крестѣ... церковь, конечно, существовала и раньше этого, но она не была искуплена, находилась какъ бы въ плѣну у діавола, и называлась ветхозавѣтною (стран. 37 и 38). Замѣтимъ теперь слѣдующее. Въ соотвѣтствіе двумъ завѣтамъ, всѣ книги священнаго писанія раздѣляются на ветхозавѣтныя и новозавѣтныя. Въ одной новозавѣтной книгѣ мы читаемъ: „И егда бысть день, призва (Христосъ)

ученики Своя: и избра отъ нихъ дьванадесяте, ихъ же и *апостолы нарече*" (Луки 6. 13). Описанное событіе происходило ранѣе момента созданія церкви, отмѣченнаго Усовымъ: по нему выходитъ, что часть апостольскаго служенія совершена была въ ветхомъ завѣтѣ. Въ другой новозавѣтной книгѣ читаемъ: „Азъ о сихъ молю; не о всемъ мірѣ молю, но о тѣхъ, ихъ же далъ еси мнѣ, яко твои суть" (Іоанн. 17. 9). По Усову, эти люди, за которыхъ такъ молится Единородный Своему Отцу, во время молитвы находились „во власти діавола". Усовъ учитъ, что св. апостолы „имѣли право и власть совершать таинство крещенія" задолго до страданія Спасителя. Но подавало ли это крещеніе Духа Святаго, объ этомъ умалчиваетъ. Св. Іоаннъ Златоустъ на указанныя Усовымъ слова Евангелія говоритъ: „А если бы кто захотѣлъ узнать, имѣло ли какое-нибудь преимущество крещеніе учениковъ (Іисуса) предъ крещеніемъ Іоанна,—мы скажемъ, что никакого. То и другое крещеніе равно не имѣло благодати Духа, и цѣлію того или другого было только приведеніе крещаемыхъ ко Христу" (таже бесѣда). Изъ 19 кн. „Дѣяній св. апостолъ"—видно, что крестившіеся Іоанновымъ крещеніемъ снова крестились. Слѣдовательно, таинства, совершенныя апостолами до дня Пятидесятницы, не подавали пріемлющимъ ихъ благодати Духа Святаго, которой не имѣли сами апостолы. А отсюда выводъ ясенъ: апостолы въ то время не имѣли тѣхъ правъ, какія дарованы были имъ въ день Пятидесятницы, не были *епископами* въ томъ значеніи этого слова, какое оно имѣетъ теперь: „еда ту нѣсть архіерея, таковымъ не дается Духъ Святый"—(кн. Ник. Черн.).

Новообрядецъ. Хотя въ евангеліи и говорится, что апостолы еще до страданія Христова имѣли власть совершать таинства, но наша православная церковь учитъ, что они въ то время были еще мірянами. Санъ священства они получили только въ день пятидесятницы, когда на нихъ сошелъ Духъ Святый. Во вступленіи къ восьми вопросамъ, поданнымъ вамъ, старообрядцамъ, въ 1863 году, говорится слѣдующее: „въ церкви Христовой должна существовать іерархія (священноначаліе), которую Іисусъ Христосъ, будучи самъ «по силѣ живота неразрушимаго вѣчнымъ первосвященникомъ» (Евр. зач. 316), совершилъ въ пятидесятницу ниспосланіемъ на апостоловъ Своихъ во огненныхъ языцѣхъ Святаго Духа (Дѣян. зач. 3; апост. тол. л. 12; синоксарь на сош. Святаго Духа), которому обѣщалъ пребывать въ церкви въ вѣкъ (Іоанн. зач. 48)». Вотъ когда, по ученію нашей церкви, явилась въ церкви іерархія, а не при Христѣ.

Безпоповецъ. Теперь ты насъ оправдалъ совершенно. Ты сказалъ, что апостолы до сошествія Святаго Духа были мірянами и имѣли власть совершать таинства; значитъ и наши наставники, будучи мірянами имѣютъ такую же власть совершать таинства церковныя. Если апостолы не погрѣшали, совершая таинства, еще будучи мірянами, то и наши наставники тоже не погрѣшаютъ, совершая таинства и будучи мірянами. А если они въ этомъ погрѣшаютъ, то значитъ погрѣшали и апостолы. Притомъ же Христосъ, какъ вы сами говорите, даровалъ право и власть совершать

таинства мірянамъ, каковы были тогда апостолы, а не священникамъ и епископамъ. А кому Онъ далъ ее, тому и она принадлежитъ. Слѣдовательно, власть совершать таинства, принадлежитъ мірянамъ, а не епископамъ и не священникамъ.

Напрасно торжествуетъ усовскій безпоповецъ; крещеніе, совершаемое апостолами до дня Пятидесятницы, не сообщало благодати Св. Духа. Если онъ считаетъ и крещеніе, совершаемое своими наставниками, равнымъ Іоаннову, то пусть вновь крестится, ибо оно не очищало отъ грѣховъ. „Можетъ быть,—говоритъ св. І. Златоустъ,—многіе желаютъ, чтобы и теперь было крещеніе Іоанново. Но въ такомъ случаѣ многіе не стали бы заботиться о добродѣтельной жизни, или можно было бы подумать, что многіе для этого, а не для царствія небеснаго заботятся о добродѣтели. Кромѣ того, было бы много лжепророковъ“ (бес. 40 на Дѣянія).

Новообрядецъ. Да помилуйте! Это ученіе ведетъ къ совершенному отрицанію священства, и приводитъ прямо въ бездну протестантства, молоканства, а то и еще хуже.

Старообрядецъ. Правда, что это ученіе ведетъ въ бездну погибели. Но вы сами же сказали, что ваша церковь учитъ, что апостолы до самаго дня пятидесятницы были мірянами и совершали таинства. А безпоповецъ это ученіе подхватилъ и приложилъ къ себѣ, тогда и вы увидали, въ какую бездну нечестія оно ведетъ. Итакъ, вы должны или, оставаясь при ученіи своей церкви, что апостолы до дня пятидесятницы были мірянами и совершали таинства, согласиться съ безпоповцемъ, что міряне имѣютъ полную власть совершать таинства и, такимъ образомъ, оправдать не только безпоповцевъ, но и протестантовъ; или же—совершенно отвергнуть ученіе своей церкви, что апостолы были мірянами до сошествія на нихъ Святаго Духа въ день пятидесятницы.

Новообрядецъ. Но какъ же иначе понимать объ этомъ? Скажите, каково ваше мнѣніе о томъ, когда Христосъ установилъ въ церкви Своей іерархію: епископовъ, священниковъ и діаконовъ.

Старообрядецъ. Отвѣтьте на слѣдующій вопросъ: священникъ выше ли діакона?

Новообрядецъ. Конечно, выше.

Старообрядецъ. Какіе саны священства онъ на себѣ имѣетъ?

Новообрядецъ. Два: діаконскій и пресвитерскій.

Старообрядецъ. Хорошо. А епископъ выше ли священника?

Новообрядецъ. Выше.

Старообрядецъ. Какіе степени священства онъ на себѣ имѣетъ?

Новообрядецъ. Три степени: діакона, священника и епископа.

Старообрядецъ. Апостолы выше ли епископовъ?

Новообрядецъ. Безъ сомнѣнія выше.

Старообрядецъ. А имѣли они въ себѣ всѣ прочія степени іерархіи: діакона, священника и епископа?

Новообрядецъ. Конечно, имѣли.

Старообрядецъ. А когда Христосъ содѣлалъ ихъ апостолами: до сошествія Святаго Духа, или послѣ?

Новообрядецъ. До сошествія Святаго Духа; даже еще до крестныхъ страданій Своихъ.

Итакъ, до крестныхъ страданій Спасителя апостолы совмѣщали въ себѣ всѣ три чина іерархіи. Въ день же Воскресенія Его уклонились „въ невѣріе“, которое „больше заблужденія“ или принятія ереси. Изъ кого же тогда состояла церковь, „имѣющая всѣ свойства и признаки“ Христовой Церкви? „Церковь неодолѣнная“—состояла тогда изъ однихъ мірянъ, отвѣчаетъ Усовъ. Какъ благодаренъ ему долженъ быть безпоповецъ.

Старообрядецъ. Справедливо. Объ этомъ написано въ евангеліи отъ Луки: „Бысть же во дни тыя, взыде въ гору помолитися: и бѣ обнощь въ молитвѣ Божіи. И егда бысть день, призва ученики Своя и избра отъ нихъ дванадесяте, ихъ же и апостолы нарече: Симона, его же именова Петра, и Андрея брата его, Іакова и Іоанна, Филиппа и Варѳоломея, Матѳея и Ѳому, Іакова Алфеева и Симона нарицаемаго Зилота, Іуду Іаковлева и Іуду Искаріотскаго, иже и бысть предатель“ (Лук. зач. 23). Вотъ когда Господь избралъ, явилъ и послалъ нѣкоторыхъ изъ учениковъ Своихъ. Этихъ избранныхъ Онъ отдѣлилъ отъ прочихъ своихъ учениковъ и далъ особое имя: «ихже, сказано, и апостолы нарече». Это избраніе, нареченіе и назначеніе апостоловъ Христосъ совершилъ не просто, а послѣ продолжительной молитвы: «и бѣ обнощь въ молитвѣ Божіи»: значитъ это было—не простой выборъ, какой бываетъ, напримѣръ, у людей при выборѣ друзей и знакомыхъ, а особое молитвенное, съ опредѣленнымъ назначеніемъ и именемъ избранныхъ. До этого избранія и назначенія они назывались просто учениками, а послѣ этого стали называться апостолами, въ отличіе отъ прочихъ учениковъ Христовыхъ, не удостоенныхъ этого званія. И дѣйствительно, въ недѣльномъ евангеліи въ толкованіи на слова Спасителя: „О! родѣ невѣрный“ и проч., сказано такъ: Сего ради и стужаетъ си Христосъ, оболгаемъ святымъ апостоломъ и ученикомъ; понеже бо священныхъ проповѣдь, слово пріяша апостоли, и учители вселеннѣй *хиротонисани быша*, и свѣтъ истиннаго благоразумія сіяху вездѣ, вѣрующимъ право и послѣдующимъ добрѣ, и послушающимъ ученія ихъ, даже изначала не презрѣни будутъ» (толк. еванг. недѣля 4 поста л. 72). Святый Іоаннъ Златоустъ пишетъ: «Тогда глагола (Іисусъ) ученикомъ Своимъ: жатва убо многа, дѣлателей же мало; молитеся убо Господину жатвы, яко да изведетъ дѣлатели на жатву Свою. И призва обанадесять ученики Своя, даде имъ власть на дусѣхъ нечистыхъ, яко да изгонятъ ихъ, и цѣлити всякъ недугъ и всяку болѣзнь. Дванадесять же апостолъ имена суть сія; и проч. (Толкованіе). Сказавши—молитеся Господину жатвы, безъ просьбы и безъ моленія ихъ (Христосъ) самъ немедленно рукополагаетъ, поставляетъ ихъ въ сіе званіе» (бесѣды Златоуста на еванг. Матѳ. бес. 32.

Апостолы „учителями вселеннѣй хиротонисани быша“—не прежде страданій Спасителя: „изъ мертвыхъ воставъ, апостоловъ Своихъ на сѳ освяти хиротоніею, еже есть руковозложеніемъ. И воздвигъ руцѣ Свои, благослови ихъ, и вознесеся на небо“. (Кирилл. кп. л. 77). „Духъ Свя-

тый *сошедъ рукоположи апостолы всей вселенней*, „аще не быша пріяли Духа Святаго благодать, не бысть подано имъ апостольство всего міра“ (Толк. апост. л. 12). *„Духъ Святый... рукоположи апостолы учители быти всей поднебеснѣй“* (Синоксарь въ понед. Св Духа, сравн. Сим. Сол. гл. 88).

При избраніи св. апостоловъ, Господь поставляетъ ихъ не совершителями таинствъ, а лишь учителяли среди народа израильскаго и даетъ имъ власть только врачевать тѣлесные недуги, какъ говоритъ объ этомъ св. І. Златоустъ: „Онъ посылаетъ учениковъ. Впрочемъ не для того только посылаетъ, но и для собственнаго ихъ обученія, чтобы, образовавшись въ Палестинѣ, какъ бы въ нѣкоторомъ училищѣ ратоборства, они приготовили себя къ подвигамъ въ цѣломъ мірѣ. Потому-то, какъ юныхъ птенцовъ пріучая къ летанію, Онъ открываетъ обширнѣйшее поприще для ихъ дѣйствованія, сколько было то соразмѣрено съ ихъ силами, чтобы они удобнѣе могли приступить къ послѣдующимъ подвигамъ; и сначала *дѣлаетъ ихъ только врачами тѣлъ*, чтобы *послѣ* ввѣрить имъ важнѣйшее—врачеваніе душъ“ (Бесѣда 32, ст. 2 на евангеліе отъ Матѳея).

Старообрядецъ. Въ книгѣ «Истинно древняя и истинне православная церковь», Григорія митр. С.-петербургскаго, читаемъ: „Святый священномученикъ Кипріанъ, въ посланіи къ падшимъ (пишетъ): Господь нашъ, установляя достоинство епископа, и образъ Своей церкви, сказалъ въ евангеліи Петру: ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей. И дамъ ти ключи царства небеснаго: и еже аще свяжеши на земли, будетъ связано на небесѣхъ; и еже еще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ. *Съ того времени* преемственно продолжается поставленіе епископовъ“ (час. I, гл. 10).

У св. Кипріана сказано: „*Отсюда* послѣдовательно и преемственно истекаетъ власть епископовъ на управленіе Церкви, такъ что Церковь поставляется на епископахъ... Церковь заключается въ епископѣ, клирѣ и всѣхъ стоящихъ въ вѣрѣ“. Да если бы даже сказано было у св. отца: „съ того времени“,—т. е., *когда апостолы получили власть* рѣшити и вязати грѣхи (а власть эта получена ими по воскресеніи Спасителя; здѣсь же лишь обѣщаніе: *„дамъ ти ключи“* въ будущемъ); и тогда для Усова нѣтъ основаній къ ученію о томъ, что апостолы имѣли всѣ епископскія права до дня Пятидесятницы. „Мы празднуемъ Пятидесятницу, пришествіе Духа, *окончательное* совершеніе обѣтованія, исполненіе надежды, таинство и при томъ столь великое и досточтимое“ (Св. Григ. Богосл. слово на Пятидес.).

Новообрядецъ. А какъ же вы говорили, что Христосъ создалъ Свою церковь на крестѣ кровію Своею. А теперь говорите, что Онъ и апостоловъ избралъ до крестныхъ страданій.

Старообрядецъ. Христосъ дѣйствительно на крестѣ создалъ церковь. Но основаніе ея положилъ съ начала Своей евангельской проповѣди, со времени Своего крещенія. Еще до страданія Своего Онъ установилъ почти всѣ таинства церковныя. По крайней мѣрѣ объ установленіи самыхъ важнѣйшихъ изъ нихъ прямо говорится въ евангеліи; объ установленіи крещенія (Іоанн. зач 11), причащенія (Лук зач. 108), елеосвященія (Марк. зач. 23). Такимъ образомъ еще до Своихъ *крестныхъ страданій Спаситель* установилъ священныя таинства, конечно, въ церкви... Еще до этихъ страданій уже существовала церковь Христова на землѣ, хотя и не совершенно искупленная кровію Его.

Новообрядецъ. Да, теперь и я вижу, что... мнѣніе, что церковь до дня пятидесятницы не имѣла епископовъ, есть ученіе безпоповское, неправильно и лживое.

Да и глупо было бы признавать, что принявшіе Духа Святаго въ день пятидесятницы, рукоположились имъ во епископовъ. Тогда приняли Духа не одни апостолы, но и другія лица, даже не одни мужчины, но и женщины, мироносицы и Богородица (Дѣян. зач. 2). Поэтому, если Духъ Святый рукоположилъ во епископовъ принявшимъ Его, то *значитъ* и жены мироносицы рукоположены въ этотъ санъ.

Совсѣмъ не „значитъ“: хотя „всѣ мы однимъ Духомъ крестились... и всѣ напоены однимъ Духомъ“ (1 Кор. 12, 13), однако „дары различны и служенія различны, и дѣйствія различны: одному дается Духомъ слово мудрости, другому слово знанія, иному вѣра, иному дары исцѣленій, иному чудотворенія, иному пророчества, иному различіе духовъ, иному истолкованіе языковъ. Все же сіе производитъ одинъ и тотъ же Духъ, раздѣляя каждому особо, какъ Ему угодно... И иныхъ Богъ поставилъ въ церкви во-первыхъ апостолами, во-вторыхъ пророками, въ третьихъ учителями; далѣе, инымъ далъ силы чудодѣйственныя, также дары исцѣленій, воспоможенія, управленія, разные языки. Всѣ ли апостолы? Всѣ ли пророки? Всѣ ли учители? Всѣ ли чудотворцы? (1 Кор. гл. 12).

Кн. Усова. Вообще относительно сошествія Святаго Духа на апостоловъ должно сказать, что Онъ не вновь совершилъ надъ ними таинства, а только восполнилъ Своею благодатію уже принятыя ими таинства, начиная съ крещенія, какъ и самъ Христосъ сказалъ имъ предъ Своимъ вознесеніемъ: «вы же имате креститеся Духомъ Святымъ не по мнозѣхъ сихъ днѣхъ» (Дѣян. зач. 1), хотя они уже получили раньше крещеніе водою. Святый Іоаннъ Златоустъ въ толкованіи на сіе говоритъ: „Почему Христосъ говоритъ: имате креститися, когда въ горницѣ не было воды? Потому, что самое главное (въ крещеніи) есть Духъ (Святый), чрезъ котораго дѣйствуетъ и вода... Впрочемъ, можно видѣть, что они были крещены и водою, и (крещены) въ различныя времена. У насъ то и другое (крещеніе то есть водою и духомъ) бываетъ вмѣстѣ, а тогда (было) раздѣльно. Въ началѣ они крещены были отъ Іоанна» (Бес. 1 на Дѣянія святыхъ апостолъ). Итакъ, апостолы были крещены водою раньше сошествія Святаго Духа, который только восполнилъ въ нихъ это таинство. Тоже должно сказать и относительно хиротоніи.

Духъ Святый въ день Пятидесятницы *восполнилъ* Своею Благодатію крещеніе (и другія таинства), такъ какъ „апостолы крещены водою раньше сошествія Св. Духа". *Тоже должно сказать и относительно хиротоніи.* Что „то же самое"? Очевидно, что и Усовъ, влагающій свои мнѣнія въ уста собесѣдника, признаетъ *апостоловъ до дня* Пятидесятницы „не совершенно крещенными", не имѣвшими полныхъ благодатныхъ даровъ Духа Св., даруемыхъ нынѣ не только епископамъ, но даже младенцамъ при крещеніи.

Иначе, если понимать, что Духъ Святый совершилъ надъ ними и крещеніе и хиротонію безъ всякихъ видимыхъ дѣйствій, то есть безъ воды и рукоположенія, то должно будетъ признать, что и теперь можно получать эти таинства безъ всякихъ видимыхъ дѣйствій, и мы такимъ образомъ впадемъ въ самое крайнее протестантство, а затѣмъ и въ безбожіе.

Духъ Св. сошелъ на главы апостоловъ *въ видѣ* огненныхъ языковъ. Это *видимое* проявленіе невидимой благодати Св. Духа и нынѣ подается чрезъ видимое возложеніе рукъ на главу пріемлющаго священное служеніе.

Старообрядецъ. Апостолы имѣли санъ епископства еще до воскресенія Христа. А когда Онъ воскресъ, они всѣ не повѣрили этому воскресенію, не смотря на то, что неложные свидѣтели возвѣщали имъ сію непреложную истину, не вѣрили до тѣхъ поръ, пока не явился къ нимъ самъ Христосъ «и поноси невѣрствію ихъ и жестокосердію, яко видѣвшимъ Его воставша не яша вѣры» (Марк. зач. 71). Вотъ ясное доказательство того, что всѣ епископы [1]) могутъ уклониться въ заблужденіе, и что церковь можетъ нѣкоторое время оставаться не имѣя ни одного истинно-вѣрующаго, истинно-православнаго епископа, и въ тоже время пребыть вполнѣ неодолѣнною истинною церковію.

Новообрядецъ. Все-таки я не убѣждаюсь. Въ то время, когда апостолы не вѣровали воскресенію Христа, Онъ самъ былъ видимо на землѣ, такъ какъ это было до Его вознесенія. А потому примѣръ этотъ не можетъ служить доказательствомъ того, что епископы могутъ уклониться въ заблужденіе.

Старообрядецъ. Если ужъ тогда, когда самъ Господь былъ на землѣ видимо, апостолы могли уклониться въ невѣрствіе, то тѣмъ болѣе могутъ епископы уклониться въ заблужденіе тогда, когда Онъ вознесся на небеса.

„Тѣмъ болѣе" — могутъ уклониться въ заблужденіе епископы (конечно, священники и діаконы, а еще „тѣмъ болѣе" и міряне) тогда, когда Господъ вознесся на небеса, лжемудрствуетъ Усовъ! Но развѣ Христосъ, отходя на небеса, оставилъ апостоловъ сирыми, безъ руководства, развѣ не послалъ Онъ имъ Духа Св., наставляющаго ихъ на всякую истину, которой они во время земной жизни Спасителя во всей полнотѣ не знали (Іоанн. 16, 12). Сравнивая апостоловъ до и

---

[1]) Усовъ долженъ былъ бы добавить: «священники и діаконы».

послѣ дня Пятидесятницы св. І. Златоустъ говоритъ: „Никто не долженъ смущаться, видя Апостоловъ столь несовершенными; ибо крестъ еще не совершился, *благодать Духа имъ еще не была дана*. Если ты хочешь познать добродѣтель ихъ, то смотри на ихъ послѣдующую жизнь и увидиши, что они были выше всѣхъ страстей. Господь для того и открываетъ недостатки ихъ, чтобы ты узналъ впослѣдствіи, сколь великими они сдѣлались по полученіи благодати“ (Бес. 65 на ев. Матѳ.), а Усовъ учитъ, что *недостатки* апостоловъ показаны Господомъ (напр., „невѣрствіе“ ихъ), какъ прообразъ уклоненія епископовъ въ ересь! Какая свобода толкованій Писанія! „Сомнѣніе происходило отъ невѣрія... Но такъ было прежде, чѣмъ (ученики) получили Духа Святаго; а *послѣ*—не такъ: они уже были совершенны“ (Бес. 87 на Ев. Іоанна), а Усовъ учитъ, что по сошествіи Св. Духа они „тѣмъ болѣе“ могутъ впасть въ невѣріе! Св. Іоаннъ Златоустъ отъ лица Господа говоритъ апостоламъ и ихъ пріемникамъ епископамъ: „вы получите дерзновеніе, опасности исчезнутъ, проповѣдь съ каждымъ днемъ будетъ процвѣтать и *всѣ* уступятъ и *покорятся слову благочестія* (тамъ же, бесѣда 75), а Усовъ учитъ, наоборотъ, что сами преемники апостольскаго служенія *всѣ покорятся слову злочестія*, то есть впадутъ въ ересь. Слѣдовательно, кто повѣритъ Усову, тотъ долженъ отвергать ученіе святаго Іоанна Златоуста.

Всѣ епископы никогда не могутъ уклониться въ ересь. Въ посланіи св. апостола Павла къ Филиппійцамъ: „всѣмъ святымъ о Христѣ Іисусѣ, сущимъ въ Филиппѣхъ *со епископы* и діаконы“ (1 гл. ст. 1) сказано: „миръ Божій, превосходяй всякъ умъ *да соблюдетъ* сердца ваша и разумѣнія ваша и о Христѣ Іисусѣ“ (IV, 7). „Выраженіе *о Христѣ Іисусѣ*, объясняетъ бл. Ѳеофилактъ, значитъ: Онъ (Христосъ) соблюдетъ васъ (со епископами) въ себѣ, чтобы вамъ не отпасть отъ Него, но паче пребывать въ Немъ“.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.

Въ отвѣтъ нашему критику „Церковнаго Вѣстника“ [1]).

Въ началѣ минувшей осени мы издали книгу *„Церковная реформа“* (сборникъ статей духовной и свѣтской періодической печати по вопросу о реформахъ). Спб. 1905 г. Стр. X+580 in 4°.

Вопросу о церковной реформѣ „Церковный Вѣстникъ“ удѣляетъ особенно много вниманія. Естественно было предположить, что журналъ этотъ отнесется къ нашей книгѣ съ серьезнымъ вниманіемъ и безпристрастно. Въ этомъ предположеніи мы поспѣшили представить свою книгу о. редактору журнала. О. редакторъ, въ особомъ своемъ письмѣ къ намъ, благодаря насъ за книгу, назвалъ ее „весьма интересною“ и выразилъ *увѣренность*, что она „найдетъ многихъ читателей“. Обѣщанъ былъ и отзывъ о книгѣ. Послѣ этого письма мы стали надѣяться на отзывъ серьезный и безпристрастный.

Каково же было наше удивленіе, когда мы прочитали (въ № 40-мъ 1905 г.) рецензію на нашу книгу свящ. В. Колачева! Трудно себѣ представить что-либо болѣе пристрастное, болѣе несправедливое, болѣе проникнутое какимъ-то прямо фанатическимъ озлобленіемъ, чѣмъ эта рецензія о. Колачева. Критикъ-священникъ не побрезговалъ никакими пріемами, не воздержался отъ оскорбительныхъ выходокъ и лично по нашему адресу. Однако, читая рецензію на нашъ трудъ свящ. Колачева, мы не столько возмущались ея пристрастностью, несправедливостью и третированіемъ насъ, сколько удивлялись претензіямъ рецензента выставить себя судьею авторитетнымъ, знающимъ дѣло и даже способнымъ проникать въ чужія мысли и намѣренія.

Это общее впечатлѣніе отъ рецензіи и разборъ ея по частямъ мы

---

[1]) Удѣляемъ мѣсто статьѣ на стр. нашего журнала, идя навстрѣчу желанію г. Преображенскаго дать отвѣтъ рецензенту его книги о. Колачеву. *Ред.*

помѣстили въ отвѣтѣ („Поклонъ“) о. Колачеву, напечатанномъ въ № 44-мъ того же „Ц. Вѣстника“.

Напечатанію нашего отвѣта о. Колачеву предшествовала особая весьма характерная переписка съ о. редакторомъ.

Любопытно, конечно, уже одно то, что о. редакторъ сначала пишетъ намъ благодарственное письмо, въ которомъ онъ соблюлъ не одинъ долгъ деликатности, но, какъ уже сказано, назвалъ нашу книгу „весьма интересною“, и выразилъ *увѣренность*, что „она найдетъ многихъ читателей“, а потомъ допускаетъ на страницы руководимаго имъ журнала отзывъ, позорящій не одну только книгу, но и насъ лично. Но вотъ и другіе дальнѣйшіе, болѣе важные факты.

Препровождая нашъ отвѣтъ на рецензію о. Колачева съ просьбою о его напечатаніи, мы, между прочимъ, писали о. редактору: „нѣсколько замедлилъ я съ этою просьбою [1]) потому, что меня со всѣхъ сторонъ увѣряютъ и устно, и письменно, что просьба моя не будетъ исполнена, или если и будетъ, то отвѣтъ мой будетъ помѣщенъ не въ полномъ видѣ или съ примѣчаніями, *на что согласиться я никакъ не могу* (Теперь подчеркиваемъ). Говорятъ, что о. Колачевъ приближенъ къ вамъ и за васъ держится. Все это, нѣкоторое время, невольно удерживало мою руку. Рѣшившись же теперь безпокоить васъ, я питаю надежду, что смущенъ былъ напрасно и что вы, въ огражденіе моего добраго имени и въ безпристрастномъ отношеніи къ посильному труду, не откажете исполнить мою покорнѣйшую просьбу напечатать *въ ближайшемъ номерѣ* прилагаемый при семъ отвѣтъ полностію *и безъ примѣчаній*. Если о. Колачевъ найдетъ нужнымъ возражать на мой отвѣтъ, то *заранѣе прошу у васъ мѣста въ руководимомъ вами органѣ*“.

Отправивъ при этомъ письмѣ статью непосредственно къ о. редактору, мы имѣли право надѣяться, что она будетъ напечатана въ слѣдующемъ-же номерѣ (№ 42-мъ, а № 41 уже вышелъ). Но въ ожиданіяхъ обманулись: номеръ вышелъ безъ нашей статьи. Но мы почтены были отъ о. редактора слѣдующимъ письмомъ (отъ 21 октября)- „Статью вашу напечатаю въ возможно скоромъ времени: забастовка типографій не позволяетъ напечатать немедленно. Примѣчаній къ статьѣ *не будетъ*, но отвѣтъ будетъ особой статьей, на которую, *конечно*, и вы можете отвѣчать, но только по существу и безъ всякихъ оскорбительныхъ выраженій, какъ ихъ не будетъ допущено и въ отвѣтѣ. Считаю лишнимъ для себя отвѣчать на тѣ извѣты, которые вы получали на меня „съ разныхъ сторонъ“ устно и письменно. Очень жалѣю,

---

[1]) Писали мы 16 октября, т. е. дней десять спустя по выходѣ номера съ рецензіей о. Колачева.

что вы передали ихъ мнѣ, не испытавъ на дѣлѣ ихъ справедливость".

Недоумѣвали мы, прочитавъ это письмо, прежде всего надъ вопросомъ: почему это забастовка типографій мѣшаетъ *немедленному* появленію въ печати *только нашей статьи!* Невольно являлось предположеніе: не задерживаетъ-ли дѣло о. Колачевъ, работая надъ отвѣтомъ намъ? А потомъ недоумѣннымъ казалось намъ: почему это о. редакторъ въ рецензіи о. Колачева не примѣтилъ никакихъ оскорбительныхъ выраженій по нашему адресу? и неужели наличіе въ рецензіи такихъ выраженій, если-бы они были по адресу его, о. редактора, послѣдній почелъ-бы для себя за комплименты? Если да, то вкусъ у о. редактора оказался-бы оригинальный, но—смѣемъ утверждать—незавидный и, во всякомъ случаѣ, навязывать его другимъ онъ не имѣетъ никакого права. Мы, конечно, были довольны обѣщаніемъ о. редактора исполнить нашу просьбу напечатать статью *безъ примѣчаній* и открыть намъ съ о. Колачевымъ страницы журнала для полемики „безъ оскорбительныхъ выраженій". Но были мы и пристыжены выраженіемъ сожалѣнія о. редактора по поводу того, что мы, въ порывѣ откровенности, передали ему „извѣты" на него, не испытавъ на дѣлѣ ихъ справедливости. Дѣйствительно, какъ было не устыдиться намъ за наше легкомысліе, привившее намъ на *нѣкоторое время* предположеніе въ о. Рождественскомъ способности быть пристрастнымъ, а слѣдовательно сознательно несправедливымъ!

Въ немедленномъ отвѣтѣ о. редактору мы чистосердечно признались, какъ пристыжены были его письмомъ. Въ тоже время объяснили ему, что и сами мы всей душой на сторонѣ полемики безъ нервничанья и безъ задора, и что если отвѣтили о. Колачеву въ приподнятомъ тонѣ, то къ этому вызваны были его оскорбительными выходками по отношенію къ намъ. Присовокупили, что на нашемъ мѣстѣ и онъ, о. редакторъ, едва-ли сохранилъ бы невозмутимое спокойствіе. Въ виду-же замедленія печатаніемъ нашей статьи посѣтовали и на то, какъ иногда трудно бываетъ защищать себя отъ публичнаго поруганія. „Не дай Богъ, писали мы, что-либо подобное испытать и вамъ".

Въ объясненныхъ сложныхъ чувствахъ ждали мы выхода № 43-го журнала. Дождались; но и въ этомъ номерѣ статьи нашей не оказалось... Тутъ уже невольно стало закрадываться сомнѣніе въ безпристрастіи и справедливости о. Рождественскаго и раскаяніе въ томъ, не преждевременно-ли мы устыдились, что на минуту предположили въ немъ то, что должно быть безконечно ниже его достоинства...

Не увидавъ своей статьи и въ № 43-мъ, мы въ отмѣнно деликатныхъ выраженіяхъ напомнили о. редактору о его обѣщаніи быть къ намъ безпристрастнымъ. Высказали мнѣніе, что о. Колачеву, если онъ

трудится надъ отвѣтомъ на нашу статью, времени для этого дано очень достаточно и пора-бы ему закончить свой трудъ.

И на это письмо мы получили отвѣтъ (отъ 2-го ноября), но такой, что пришлось руками развести... „ваше возраженіе, писалъ намъ о. Рождественскій, будетъ помѣщено полностію въ слѣдующемъ номерѣ. *Затѣмъ отъ помѣщенія вашихъ дальнѣйшихъ возраженій категорически отказываюсь*“.

Можно-ли было этого ожидать въ виду категорическаго обѣщанія о. редактора, выраженнаго въ предыдущемъ письмѣ, дать мѣсто и дальнѣйшимъ нашимъ возраженіямъ лишь съ желательнымъ для насъ самихъ ограниченіемъ? Отнюдь нельзя было ожидать.

Чѣмъ-же объясняется такая изумительная непослѣдовательность о. редактора? А вотъ—послушайте. Напередъ скажемъ: изумительный фактъ имѣетъ еще болѣе изумительное объясненіе.

Въ послѣднемъ письмѣ о. редактору мы, напомнивъ ему объ обѣщаніи его быть къ намъ безпристрастными, выразили еще и такую почтительную просьбу, *при томъ еще условную*: „Если есть законныя основанія просить о томъ, чтобы моя статья и отвѣтъ на нее о. Колачева были напечатаны въ разныхъ номерахъ, то не откажите исполнить и эту мою покорнѣйшую просьбу“. Вотъ, въ этой-то просьбѣ и вся суть дѣла, точнѣе—не въ просьбѣ, а въ выраженіи: „законныя основанія“. Это безобидное выраженіе, повидимому, вывело изъ себя о. Рождественскаго. Въ раздраженіи, забывъ и „весьма интересную книгу“, и пророчество о „многихъ читателяхъ“, которыхъ она найдетъ, и обѣщаніе безпристрастія, онъ прежде, чѣмъ заявить о категорическомъ своемъ отказѣ помѣщать наши дальнѣйшія возраженія о. Колачеву, написалъ слѣдующія строки, *въ началѣ письма*:

„Разъ вы говорите о „законномъ основаніи“, то честь имѣю вамъ сообщить, что законъ ничего не говоритъ о примѣчаніяхъ (замѣтьте—и отвѣтъ не на предметъ просьбы) и во всякомъ случаѣ не обязываетъ помѣщать возраженій съ личными оскорбленіями противъ автора статьи на которую возражаютъ“.

„Образцовое“, можно сказать, „безпристрастіе“ о. редактора! Только обладая такимъ безпристрастіемъ и можно помѣщать на страницахъ редактируемаго органа рецензіи съ личными оскорбленіями противъ авторомъ рецензируемыхъ книгъ, а у этихъ послѣднихъ отнимать возможность защититься отъ оскорбленій. Затѣмъ, какое о. редакторъ имѣетъ право требовать отъ оскорбляемыхъ, чтобы они были изысканно деликатными, церемонными съ оскорбителями?.. Несравненно было бы лучше, если бы о. Рождественскій прежде, чѣмъ печатать рецензію о. Колачева, посовѣтовалъ послѣднему выкинуть изъ рецензіи непри-

личныя, оскорбительныя выходки его противъ автора рецензируемой книги.

Наконецъ, обѣщаніе исполнено. Въ слѣдующемъ номерѣ (44-мъ) статья наша была напечатана, но напечатана съ новымъ уже публичнымъ оказательствомъ „безпристрастія“ о. Рождественскаго.

Какъ было уже сказано, статью о. редактору мы доставили 16 октября, а свѣтъ она увидала 16 ноября. Затѣмъ припомните наше категорическое заявленіе о. редактору, что на напечатаніе нашей статьи съ „примѣчаніями“ *мы согласиться никакъ неможемъ*, припомните и обѣщаніе о. редактора напечатать статью *безъ примѣчаній*. Но, увлеченный требованіями „безпристрастія и справедливости“, онъ все это забылъ. Помѣщая нашу статью, онъ не воздержался отъ собственнаго „безпристрастнаго“ примѣчанія: „Помѣщая, дѣлаетъ онъ примѣчаніе, по требованію справедливости, возраженіе на замѣтку свящ. В. Колачева о книгѣ И. Преображенскаго, редакція *очень сожалѣетъ* (наши курсивы), что послѣдній не воздержался отъ рѣзкихъ выраженій по адресу своего противника, и обѣщаетъ читателямъ дать въ *слѣдующемъ* номерѣ отвѣтъ свящ. В. Колачева“.

Прежде всего, какая обязательная предупредительность со стороны редакціи по отношенію къ о. Колачеву и его отвѣту [1])! Мѣсто для отвѣта обѣщается въ *слѣдующемъ* же номерѣ, о чемъ спеціально и оповѣщаются читатели. Ждите, молъ!—Затѣмъ, лично намъ, а можетъ быть и инымъ безпристрастнымъ читателямъ „Церковнаго Вѣстника“, интересно было бы знать, во-первыхъ, *была ли и насколько редакція рада*, печатая не только „рѣзкія“, но прямо оскорбительныя выраженія о. Колачева по нашему адресу, и во-вторыхъ, находитъ ли она, что допущенныя о. Колачевымъ выраженія по нашему адресу на ея вкусъ—пріятные комплименты? Наконецъ, почему „безпристрастная“ редакція скрыла, что она „категорически отказалась помѣщать наши дальнѣйшія возраженія“ о. Колачеву и тѣмъ дала читателямъ поводъ думать, что о. Колачевъ силою своихъ писаній, якобы, сдѣлалъ насъ безотвѣтными [2])?..

---

[1]) Ужъ не за то ли все это, что о. Колачевъ раскрылъ о. Рождественскому глаза на нашу книгу и затушевалъ первое впечатлѣніе, которое она произвела на него.

[2]) Другія редакціи не оставляютъ читателей въ подобныхъ заблужденіяхъ. Въ этомъ о. Рождественскій могъ убѣдиться на собственномъ опытѣ. Но не забылъ ли онъ этотъ опытъ? На всякій случай напомнимъ о немъ. Въ «Странникѣ» (ноябрь—декабрь 1903 г.) помѣщена была статья проф. Н. Н Глубоковскаго: «Къ вопросу о посланіи къ Галатамъ,» въ которой доказывается, что о Рождественскій пишетъ «безсвязно», «странно и неестественно» (ноябр., стр. 753 и 761), допускаетъ „недостойные поклепы“ (757), „парадируетъ съ азбукою и букваремъ“ (763), „нравственно обязанъ былъ

Всеконечно, обѣщаніе свое редакція исполнила: въ слѣдующемъ же номерѣ (45-мъ) отвѣтъ о. Колачева появился. Читателямъ не пришлось томиться въ ожиданіи его. Но чего же они дождались? Что представляетъ торжественно обѣщанный отвѣтъ о. Колачева. Почти одно сплошное словопреніе. Ни одного изъ выставленныхъ нами противъ его рецензіи возраженій онъ не только не отстраняетъ, но и не ослабляетъ. Къ обнаруженнымъ въ рецензіи доблестнымъ качествамъ—способности передергивать чужія мысли и утверждать явную ложь, о. Колачевъ въ отвѣтѣ своемъ выразилъ, быть можетъ, нечаянно невольное признаніе того, что онъ не можетъ понять *сравнительной* оцѣнки предметовъ и явленій. Это по поводу нашихъ рѣчей о сравнительномъ состояніи отечественной церкви теперь и въ 70-тые и 60-тые годы (точнѣе—со второй половины 60-хъ г.г.).

Тѣмъ не менѣе, о. Колачевъ въ отвѣтъ на наше предложеніе, сдѣланное ему нами по поводу его инсинуацій, относительно побужденій, съ которыми мы, якобы, издали свою книгу и на приглашеніе къ третейскому суду, не могъ найти ничего другого, какъ обозвать книгу „негодною вещью“, отъ пріобрѣтенія которой онъ даже считаетъ своимъ долгомъ „предостеречь“ дрдгихъ. Цѣну такого приговора о. Колачева читатель увидитъ сейчасъ ниже.

Вотъ какова въ отношеніи насъ „священная двоица“. Одинъ, раздраженный до нельзя безобиднымъ выраженіемъ „законныя основанія“, являетъ къ намъ своеобразное безпристрастіе, другой, поощряемый

не допускать рѣчей“, какія произносилъ (*ibid.*), „произноситъ явную клевету“ (765), „пріемы (его) едва ли достойны профессорской критики“ (декабрь 944), пишетъ „нелѣпую тарабарщину“, за разгадку коей безъ всякаго риска для себя могъ бы объявить самую высокую премію (953) и т. п., и т. п. Если бы мы захотѣли быть о. Колачевымъ, то мы привели бы все (нами оставлено многое и притомъ еще болѣе „рѣшительное“), что доказывается въ статьѣ г. Глубоковскаго относительно ученыхъ и писательскихъ достоинствъ о. Рождественскаго, привели бы и выводъ, сдѣланный г. Глубоковскимъ изъ доказательствъ (955—956). Что же? Редакція „Странника“ отказала о. Рождественскому, какъ онъ намъ отказалъ, напечатать возраженіе противъ „доказательствъ“? Отнюдь нѣтъ. Но что же о. Рождественскій? Онъ только заявилъ (въ март. кн.), что оставляетъ за собою право напечатать возраженіе на критику г. Глубоковскаго въ академическомъ журналѣ „Христіанское Чтеніе“ (стр. 484). Но отчего въ академическомъ журналѣ возраженіе и доселѣ не появляется, это, конечно, для насъ не важно. А вотъ, мы немедленно готовы были бы возразить о. Колачеву въ „Церк. Вѣстникѣ“, но къ глубокому нашему сожалѣнію, о. Рождественскій лишилъ насъ этого удовольствія, а читателей „Ц. Вѣстника“ оставилъ въ ложномъ мнѣніи о насъ, о нашей книгѣ и о томъ, въ сіяніи какихъ качествъ и способностей выступаетъ тамъ съ критическими отзывами свящ. В. Колачевъ. Развѣ это хорошо?..

такимъ „безпристрастіемъ“, объявляетъ нашъ трудъ „негодною вещью“.

Есть уста, которыя нельзя не затыкать, иначе восторжествуетъ ложь и неправда. Таковы и уста свящ. В. Колачева. А что это такъ, читатель можетъ самъ заключить, сравнивъ его отзывъ о нашей книгѣ съ отзывами о ней дѣйствительно авторитетныхъ и компетентныхъ лицъ, профессоровъ духовныхъ академій, докторовъ богословскихъ наукъ [1]). Вотъ эти отзывы:

Въ „Миссіонерскомъ Обозрѣніи“ (№ 13-й 1906 г.) проф. А. Бронзовъ, отзываясь о нашемъ Сборникѣ, между прочимъ, говоритъ: „*Составителю надлежитъ отдать честь за его самоотверженный трудъ*, съ какимъ онъ розыскивалъ различныя изданія и въ нихъ относившіяся къ заинтересовавшему его вопросу статьи... причемъ половина этихъ изданій—провинціальныя, о существованіи которыхъ иные, быть можетъ, и не догадывались... *Долгъ публики поддержать дѣло составителя* симпатичное и какъ нельзя болѣе отвѣчающее современнымъ запросамъ церковной жизни. Настоящій Сборникъ, изданный при томъ, тщательно, *вполнѣ заслуживаетъ вниманія лицъ, интересующихся вопросомъ о церковной реформѣ*. Желаемъ ему широкаго распространенія“.

Въ октябрьской книгѣ „Богословскаго Вѣстника“ другой профессоръ—Н. Каптеревъ [2]) въ статьѣ: „*Къ вопросу о церковной реформѣ*“, касаясь нашей книги, говоритъ: авторъ сводитъ *очень старательно и тщательно* собранный имъ матеріалъ... Онъ употребилъ *очень много труда и стараній*, чтобы выбрать нужное ему почти изъ всѣхъ существующихъ у насъ періодическихъ изданій... Едва ли много нужно говорить какъ, *полезно и своевременно* появленіе такой справочной, *добросовѣстно составленной, книги*. Интересующихся церковною реформою у насъ много и очень многіе пожелаютъ сами познакомиться съ тѣми взглядами на предстоящую реформу, какіе ранѣе высказывались въ нашей печати. Но каждому въ отдѣльности собирать всѣ періодическія изданія и самому разыскивать въ нихъ статьи, относящіяся къ данному вопросу, конечно, нѣтъ никакой возможности. Книга г. Преображенскаго даетъ, интересующимся дѣломъ, *полную возможность* въ нѣсколько дней пересмотрѣть все, что нужно... Понятно, также, что книга г. Пр—го *очень важна и необходима* для всѣхъ обозрѣвателей нашей внутренней церковной жизни, помѣщающихъ свои обозрѣнія въ разныхъ журналахъ. Но, вѣроятно она *особенно сыграетъ роль необхо-*

---

[1]) Но о. Колачевъ, не пріобрѣтшій степени и кандидата Богословія, чѣмъ онъ пріобрѣлъ въ глазахъ общества право на авторитетъ, на довѣріе къ его суду и даже къ способности его судить умѣло и правильно?..

[2]) Тотъ самый, рѣчей котораго, по отзыву о. Колачева, мы, якобы, не понимаемъ.

димой справочной книги, когда будетъ вырабатываться самая программа занятій всероссійскаго церковнаго собора.

Проф. Каптеревъ и намека никакого не дѣлаетъ на то, чтобы мы, какъ это рѣшился утверждать о. Колачевъ, не поняли его статьи, помѣщенной у насъ въ сокращеніи. По поводу сокращенія нами обширныхъ журнальныхъ статей г. Каптерева замѣчается только, что онѣ передаются „въ пересказѣ *очень близкомъ къ подлиннику*, и въ большинствѣ словами самихъ авторовъ статей".

Ни въ какой недостатокъ нашего труда проф. Каптеревъ не ставитъ отсутствіе въ немъ разцѣнки и группировки статей по ихъ внутреннимъ соотношеніямъ. Онъ склоненъ скорѣе видѣть въ нашемъ отношеніи къ матеріалу и его распланировкѣ достоинство, чѣмъ недостатокъ, когда говоритъ: „авторъ хотѣлъ представить читателю весь собранный имъ матеріалъ въ его, такъ сказать, чистомъ, натуральномъ видѣ, чтобы читатель самъ могъ видѣть и судить о томъ, кто, какъ и въ какомъ періодическомъ изданіи рѣшаетъ тотъ или другой церковный вопросъ, и чтобы читатель, такимъ образомъ, могъ составить по вопросу, на основаніи различныхъ взглядовъ, *свое собственное мнѣніе и убѣжденіе безъ всякихъ посторонникъ подсказовъ*".

Въ 8-й книгѣ журнала „Вѣра и Церковь" (1905 г.) Н. Е. Реформато—ръ такъ высказывается о нашей книгѣ: „Этотъ *огромный* томъ *отвѣчаетъ самой живой нуждѣ и удовлетворяетъ ее вполнѣ удачно*. Манія реформаторства не оставила въ покоѣ и церкви, для которой взываютъ о реформахъ извнѣ и внутри. Хорошо или дурно это,—пока не будемъ предрѣшать, а несомнѣнно лишь одно, что нужно каждому лицу церкви сознательно разобраться въ этомъ вопросѣ неизмѣримой важности. Само собою понятно, что наилучшимъ средствомъ для этого является строгая оцѣнка высказанныхъ по этому вопросу голосовъ. Этой именно цѣли и служитъ разсматриваемый сборникъ. Въ немъ объединены всѣ мнѣнія печати *о церковной реформѣ*" 1), появившіяся до іюня мѣсяца. Они приводятся большею частію полностью, рѣже съ купюрами и только, по исключенію, *въ близкомъ пересказѣ. Достоинство труда и въ томъ, что коллекторъ ведетъ дѣло съ строжайшей объективностью и не подгоняетъ* матеріала къ своей точкѣ зрѣнія. (А „критикъ" о. Колачевъ за *это достоинство* коритъ нашъ трудъ?!) Статьи располагаются хронологически, — не легко было размѣстить иначе по самому характеру и по срочности работы; да есть при этомъ и нѣкоторая выгода, что читатель можетъ наблюдать развитіе вопроса

1) И г. Р—ръ (псевдонимъ извѣстнаго профессора, доктора богословія Г.), и профессора Бронзовъ, Каптеревъ, Благовидовъ, и много другихъ лицъ считаютъ возможнымъ допускать и допускаютъ выраженіе: „Церковная реформа". А вотъ, о. Колачевъ обвиняетъ насъ за это выраженіе...

во всей исторической преемственности... *Во всякомъ случаѣ книга и въ настоящемъ видѣ достойна серьезнаго вниманія и широкаго распространенія.* Желая ей добраго успѣха и плодотворнаго дѣйствія, будемъ ожидать продолженій, которыя обѣщаетъ неутомимый и компетентный собиратель [1]).

Послѣ столькихъ свидѣтельствъ, со всею рѣшительностію утверждающихъ за нашею книгою существенныя достоинства, признающихъ ее своевременною, полезною, необходимою для лицъ, интересующихся церковными вопросами и въ особенности вопросомъ о церковной реформѣ, послѣ единодушныхъ свидѣтельствъ отъ лица трехъ профессоровъ духовныхъ академій, докторовъ богословскихъ наукъ, мы въ полномъ правѣ гордиться нашимъ трудомъ, а на потуги „критика“ о. Колачева обезславить этотъ трудъ въ такомъ же правѣ смотрѣть съ сожалѣніемъ и презрѣніемъ.

И. Преображенскій.

„Старообрядецъ“, ежемѣсячный журналъ, изд. старообр. еп. Иннокентіемъ подъ редакціей Ив. Захарова. № 1. Январь, 1906 г.

Съ января мѣсяца сего 1906 г., въ Н.-Новгородѣ Иннокентіемъ Усовымъ издается старообрядческій журналъ „Старообрядецъ“. По формату, по обложкѣ и даже по шрифту „Старообрядецъ“ сильно напоминаетъ журналъ Братское Слово, покойнаго Н. И. Субботина. 1-я книга имѣетъ 112 страницъ. Изъ нихъ большая часть (73 стр.) принадлежитъ перу Иннокентія; 9 страницъ написаны Ив. Захаровымъ, а остальныя страницы подписаны—Волоколамскимъ и Непорочнымъ. Главный трудъ, слѣдовательно, падаетъ на долю извѣстнаго старообрядческаго епископа Иннокентія Усова и самый журналъ служитъ

---

[1]) Желающіе могутъ прочитать о книгѣ нашей отзывы и не профессорскіе, которые, однако, о Колачевѣ не имѣетъ никакого права считать менѣе компетентными, чѣмъ его рецензія. Отзывы эти помѣщены въ № 41-мъ „Церковныхъ Вѣдомостей“ и въ № 15-мъ журнала „Православно-русское Слово“. Въ послѣднемъ іеромонахъ Александръ, назвавъ книгу нашу солидной по объему, богатой по содержанію и изящной по изданію, говоритъ, что она „заставитъ читателя какъ бы присутствовать на своего рода церковномъ всероссійскомъ соборѣ... *Съ великою признательностью*, заявляетъ о. іеромонахъ Александръ, *слѣдуетъ отнестись къ труду г. Пр.—ю*, труду, являющемуся довольно точной фотографіей современнаго церковно-преобразовательнаго движенія. Несомнѣнно, книгу г. Пр—скаго поспѣшитъ пріобрѣсти всякій, желающій разумно и сознательно оріентироваться въ волнахъ современнаго церковно-освободительнаго движенія“.

выразителемъ мнѣній старообрядцевъ, пріемлющихъ бѣлокриницкое священство.

Въ своей программѣ редакція высказываетъ, что „направленіе журнала будетъ чисто *христіанское въ старообрядческомъ духѣ*, при этомъ обѣщано мѣсто и для статей по общимъ вопросамъ общественной и государственной жизни“ (стр. 6).

Вслѣдъ за программой помѣщены два поученія Иннокентія Усова: Поученіе въ недѣлю 32, подъ заглавіемъ: „*Нажива и милостыня*“, а 2-е, въ недѣлю о мытарѣ и фарисеѣ, подъ заглавіемъ: „*Теперешніе фарисеи*“. Оба поученія изложены литературнымъ современнымъ языкомъ; въ нихъ дѣйствительно излагается „христіанское ученіе въ старообрядческомъ духѣ“.

Поученіе въ недѣлю 32 составляетъ „вольный переводъ съ славянскаго учительнаго Евангелія; л. 368 об. по 376“, какъ помѣщено редакціей въ началѣ поученія. Поученіе это имѣется въ учительномъ Евангеліи на славянскомъ языкѣ, а Иннокентій Усовъ почти буквально перевелъ его на русскій языкъ примѣнительно къ понятію своихъ старообрядцевъ.

Такъ, въ началѣ слова, выраженіе неудобопонятное: „*Мытарь женепреложна вещь есть, лихоимѣнія и злобы и неправды*“ (л. 368 об.),— Усовъ переводитъ: „А всего этого зла—несправедливости и любостяжанія,—неизбѣжный продуктъ,—капиталистъ“ (стр. 7). И ниже: „*Мытари и оболгатели, паче прочихъ человѣкъ суть неправеднѣйши и лукавнѣйши*“. Переводъ: „Капиталисты и эксплоататоры хуже и нечестивѣе всѣхъ людей“ (стр. 7).

Такимъ образомъ, по вольному переводу старообрядческаго епископа, евангельскими мытарями означаются „капиталисты и эксплоататоры“. Хоть невѣрно, но очень упрощенно и понятно Иннокентій сдѣлалъ переводъ слова „мытарь“.

Въ такомъ же „старообрядческомъ духѣ“ и редакторъ И. Захаровъ излагаетъ свою статью „*Старообрядческая Русь*“. Въ этой статьѣ довольно обстоятельно описываются: *Егорьевскъ* и *Гуслица*, два знаменитыхъ поселенія старообрядцевъ австрійскаго толка. Егорьевскъ „въ послѣдніе годы является однимъ изъ центровъ старообрядчества, принимающихъ видное участіе въ старообрядческомъ движеніи и оказывающихъ немалое вліяніе и на окрестныхъ старообрядцевъ“, пишетъ Захаровъ. Затѣмъ онъ описываетъ храмъ, кладбище, старообр. братство, библіотеку. Упоминаетъ, что изъ Егорьевска происходитъ Виталій, бывшій старообр. священникомъ, а нынѣ еписк. С.-Петерб. и Тверской. Главнымъ дѣятелемъ братства называетъ Н. Д. Зенина. Въ тоже время онъ порицаетъ мѣстныхъ миссіонеровъ и обвиняетъ ихъ въ клеветѣ и въ доносахъ на мѣстныхъ старообрядцевъ и въ

устройствѣ у старообрядцевъ обысковъ. Затѣмъ описываетъ служеніе архіерское въ Цаплинской моленной; тамъ служилъ И. Картушинъ 9 мая и говорилъ поученіе о почитаніи царской власти и о необходимости обученія дѣтей. Дер. Цаплино лежитъ близъ рѣки Гуслицы. О гуслицкихъ селеніяхъ, расположенныхъ близъ рѣки, онъ говоритъ, что въ селеніяхъ этихъ молитвенные дома окрашены красной краской, а крыши—зеленой. Въ Гуслицахъ устроено 10 старообрядческихъ школъ въ разныхъ селеніяхъ. „Красные“ молитвенные дома автору не нравятся. Далѣе разсказывается, что въ Ильинскомъ погостѣ, лѣтъ 20 тому назадъ, священникъ православный уничтожилъ старообрядческое кладбище и устроилъ тутъ конную площадь, но старообрядцы окопали кладбище, устроили ворота и на нихъ поставили крестъ. Священникъ заставилъ постороннихъ людей сломать ворота и крестъ; они это сдѣлали, и въ туже ночь сгорѣлъ домъ священника, а отъ него сгорѣлъ и крестъ на колокольнѣ. Въ этомъ поразительномъ событіи старообрядцы признали чудо. О причинѣ пожара старообрядецъ умалчиваетъ.

Въ отдѣлѣ подъ заглавіемъ: „*Намъ пишутъ*“, въ ст. „Изъ Осинскаго уѣзда (Пермской губ.). *Отецъ Колодопентій*“, сообщается, что назадъ тому два съ половиной года, въ одной верстѣ отъ с. Верхотурки, въ одномъ логу стала подыматься земля въ видѣ могилы. Скоро распространился слухъ, что тутъ мощи и что являются видѣнія и бываютъ чудеса и исцѣленія. „Православные“ начали собираться молиться, поставили столбъ, на которомъ водрузили икону и повѣсили лампаду... Миссіонеры и ихъ приспѣшники начали хвалиться: „Господь Богъ снова посѣтилъ своею милостію родъ христіанскій“, говорили они... Старообрядцамъ просто проходу не стало... Былъ назначенъ день открытія „новоявленныхъ мощей“ 21 сент. 1905 г. Съѣхались два священника, миссіонеры, приставъ, урядникъ, старшина, староста, сотскіе, десятскіе, и множество много людей... Начали раскапывать могилу въ нѣсколько квадратныхъ аршинъ. Углубившись четвертей на шесть, обнаружили большой пень. Вытащивъ его, стали опять копать. Прокопавъ еще четвертей шесть, обрѣли совершенно нетлѣнную колоду, долго и мирно почивавшую въ нѣдрахъ матери земли. Новоявленную колоду извлекли на землю и тутъ же разрубили пополамъ, вѣроятно, въ чаяніи найти въ ней мощи. Но въ ней ничего не оказалось. Послѣ сего обрѣтенія колоды и пня, всѣ разошлись во-свояси“.

Теперь миссіонеры притихли, вѣроятно, до явленія новыхъ мощей, а старообрядцы торжествуютъ, говоря: „вотъ, вы какъ-то выдумали дикую и глупую сказку, будто у старообрядцевъ явился „отецъ Телентій“, не указывая, гдѣ и когда это было. Не за то ли васъ Богъ нынѣ и покаралъ, такъ что у васъ на самомъ дѣлѣ явился „отецъ

Колодопентій", память обрѣтенія котораго, должно быть, будете праздновать 21 сентября" (стр. 89 и 90).

Кто зарылъ пень и колоду и распустилъ слухъ о мощахъ, такъ что привелось публично разрыть яму и вынуть зарытыя деревья,— раскольники, или иной кто? объ этомъ ни въ корреспонденціи, ни въ послѣсловіи, не говорится, а только сообщается о торжествѣ старообрядцевъ съ ихъ вразумленіемъ православнымъ, и это описаніе помѣщается въ журналѣ, имѣющемъ „направленіе чисто христіанское, въ старообрядческомъ духѣ".

Для болѣе подробнаго ознакомленія съ направленіемъ журнала „по общимъ вопросамъ общественной и государственной жизни" приведемъ выдержку изъ статьи: „*Оправданіе зла*" [1]).

Въ этой статьѣ авторъ, раскрывая ученіе соціалъ-демократовъ, говоритъ, что они проповѣдуютъ „злобу, ненависть, месть, проклятіе всѣмъ и всему", что имъ мѣшаетъ, и „изрыгаютъ хулу на самое божество. Авторъ совѣтуетъ остерегаться этой партіи и „соединиться въ отдѣльное общество, или партію"...

„Съ истинной и искренней вѣрой, говоритъ онъ, съ христіанскимъ евангельскимъ ученіемъ и любовію ко всѣмъ, можно удобнѣе, легче и плодотворнѣе заботиться о благѣ народа и всего человѣчества, чѣмъ со злобой, местью и проклятіемъ, простираемымъ даже на Всевышняго".

„Мы уже не говоримъ о томъ, сколько горя, бѣдствій и страданій причинило чиновно-бюрократическое правительство всѣмъ сынамъ Россіи, потому что это всѣмъ извѣстно. Предъ его дѣйствіями самые „красные" кажутся совсѣмъ не красными, самые черные—не черными и самое зло почти не кажется зломъ" (стр. 21).

Такими густыми, мрачными красками въ новомъ журналѣ описывается дѣятельность правительства. Подъ этой окраской правительственнаго бюрократическаго чиновничества блѣднѣютъ даже всѣ красные и черные, стушевывается и самое зло, а этихъ „красныхъ" „Старообрядецъ" изображаетъ такъ: „Они простираютъ свою ненависть, хулу и проклятія даже (содрогнись земля!) ко Всевышнему, къ самому Богу". Въ брошюрѣ, изданной „Россійской соціалъ-демократической рабочей партіей" (окт. 1905 г.) подъ названіемъ: „Пѣсни—революціи, № 1", они вопіютъ:

„Проклятіе Богу, предъ Кѣмъ мы съ мольбою
Склоняемся въ голодъ и холодъ зимою;
Напрасно мы ждали, надежды полны,
Онъ насъ обманулъ, одурачены мы" (стр. 20).

---

[1]) Редакція сопровождаетъ эту статью такимъ подстрочнымъ примѣчаніемъ: „Считаемъ долгомъ оговориться, что съ нѣкоторыми положеніями почтеннаго автора мы не согласны".

Эти выдержки изъ перваго номера журнала „Старообрядецъ“ даютъ понятіе о характерѣ и направленіи журнала.

Нижегородскій епарх. мисс. протоіерей *Николай Фіалковскій.*

Lettres Provinciales Блезъ-Паскаля (къ 250-лѣтнему ихъ юбилею: 23 янв. 1656 г. 23 янв. 1906 г.).

По какой-то странной случайности Паскаль извѣстенъ широкой публикѣ лишь какъ авторъ „Pensées“, а не какъ авторъ „Lettres Provinciales“ [1]); а между тѣмъ этому послѣднему произведенію его пера должно принадлежать болѣе почетное мѣсто въ церковно-исторической и богословской наукѣ.

Написанныя въ самый разгаръ борьбы іезуитскаго ордена съ янсенистами и ставшимъ во главѣ ихъ (вмѣсто Сенъ-Сирана) Arnaud'омъ, „Письма“ Людовика Монтальта [2]) оказали сильное и очень замѣтное вліяніе на дальнѣйшую судьбу іезуитскаго ордена. „Насмѣшки, тонкое издѣвательство Паскаля достигли того,—пишетъ Поль-Луи-Курье,—чего не могли достигнуть никакіе эдикты и никакія постановленія: іезуиты изгнаны отовсюду, и эти самые листки, такіе легковѣсные, задавили огромное общество. Памфлетистъ шутя сваливаетъ колосса, котораго страшились нѣкогда короли и народы. Разъ рухнувшее общество (іезуитовъ) уже потомъ не можетъ подняться на прежнюю высоту, какую бы поддержку ему ни оказывали“ [3])...

Успѣхъ, который имѣли „Письма“ съ самаго начала, съ дальнѣйшимъ развитіемъ борьбы все возросталъ. За три только года разошлось три изданія ихъ на французскомъ языкѣ. Латинскій переводъ ихъ, сдѣланный другомъ Паскаля Николемъ [4]), выдержалъ тоже нѣсколько изданій, какъ равно и англійскій [5]).

Общественное мнѣніе Европы стало всюду на сторону Паскаля и янсенистовъ и, хотя Римъ осудилъ его „Письма“, какъ еретическія, на сожженіе (1657 г.), однако мѣра эта явилась запоздалой: дѣло было выиграно предъ судомъ общественной совѣсти гораздо раньше, чѣмъ приговоръ о сожженіи приведенъ былъ въ исполненіе.

---

[1]) Рус. перев. ихъ подъ ред. Попова изданъ А. Ф. Пантелѣевымъ.
[2]) Псевдонимъ Паскаля.
[3]) Поль-Луи-Курье. Соч. т. I. Спб., 1897, стр. 360—1.
[4]) Подъ всевдонимомъ Вендрока въ 1657 г.
[5]) Изд. 1657 и 1658 г.

Еще до окончанія изданія „Писемъ“, въ декабрѣ 1656 года, въ Парижѣ собрался съѣздъ, на которомъ принято было предложеніе руанскаго духовенства заявить публично, что „чтеніе іезуитскихъ книгъ привело слушателей въ ужасъ“. „Какъ только появились „Письма“—говорили представители руанскаго духовенства—мы избрали изъ среды своей комиссію, съ цѣлью провѣрить цитаты въ нихъ. Мы были вынуждены заткнуть уши, какъ нѣкогда поступили отцы никейскаго собора, не желавшіе слушать богохульства Арія; каждый изъ насъ хотѣлъ покарать этихъ жалкихъ писакъ (іезуитовъ), извращающихъ евангельскія истины и вводящихъ мораль, которой бы постыдились даже честные язычники и добрые турки“ [1]). Не болѣе благопріятенъ былъ для іезуитовъ и приговоръ широкой публики [2]). Насколько сильно было вліяніе „Писемъ“ на общественное мнѣніе современной Паскалю Европы, показываетъ хотя бы слѣдующій фактъ. „Escobarder“—у французовъ со времени Паскаля значитъ вилять, лукавить, лгать; escobarderie (отъ имени іезуита Эскобара, Petite théologie morale котораго чаще всего затрогиваетъ въ своихъ письмахъ мнимый Монтальтъ) значитъ—увертка, хитрая ложь...

Успѣху „Писемъ“ способствовало, главнымъ образомъ, то, что Паскаль первый бросилъ борьбу съ іезуитами на почвѣ схоластическихъ тонкостей и началъ говорить—по выраженію Э. Бутру,—„какъ человѣкъ“. „Это уже не теологъ, обращающійся къ теологамъ; это человѣкъ, который хочетъ, чтобы его слушало все человѣчество. Вопросъ партійный обращается, т. обр. (у Паскаля), въ вопросъ общечеловѣческій, въ призывъ къ совѣсти, здравому смыслу, присущимъ каждой человѣческой душѣ“ [3]). Паскаль оставилъ вопросъ о благодати, явившійся яблокомъ раздора для іезуитовъ и янсенистовъ, и въ своихъ „Письмахъ“ пытается указать тѣ неправильности, которыя допустили іезуиты въ своемъ ученіи „о морали и политикѣ“. Онъ хотѣлъ показать, во что обращаютъ іезуиты наши священнѣйшія обязанности, какъ они понимаютъ духовныя наставленія, каковы ихъ цѣли и средства къ достиженію этихъ цѣлей“.

Основательно изучивъ сочиненія іезуитовъ, нужныя мѣста въ которыхъ указывали ему богословски-образованные друзья его [4]), Паскаль представилъ въ своихъ „Письмахъ“ такія серьезныя обвиненія про-

---

[1]) Біогр. Паскаля Филиппова, стр. 57.

[2]) См. напр., „Reponse de provinc. aux deux premieres lettres de son ami“

[3]) Бутру. Паскаль. Пер. Лавровой, стр. 116.

[4]) „Ces ecrits étaient composés par Arnaud, Nicol et Pascal: les deux premiers fournissaient les materiaux, et Pascal tenait la plume“—Discours sur la vie... изд. 1819 г. Paris. Didot LVII.

тивъ о.о. іезуитовъ, тяжести которыхъ и доселѣ еще не удалось ослабить ни одному изъ защитниковъ послѣдователей Лойолы [1]). При всѣхъ усиліяхъ отрицательной критики ей удалось найти въ „Письмахъ“ лишь два-три недосмотра, вызванные спѣшностью и страстностью работы и сжатостью изложенія [2]). Неудивительно, поэтому, что, когда явилась тенденціозная Apologie des Casuistes, направленная противъ обвиненія Паскаля, то подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, само духовенство возстало противъ этой книги и ходатайствовало предъ папой о ея запрещеніи...

Торжество Паскаля было полное...

Въ юбилейной замѣткѣ трудно опредѣлить съ достаточной полнотой значеніе разсматриваемаго памятника для нашего времени,—но и здѣсь долгъ справедливости требуетъ сказать, что „летучіе листки“ Паскаля и доселѣ еще остаются сильнѣйшимъ изъ богословско-полемическихъ сочиненій, направленныхъ противъ учениковъ Лойолы и Молины...

П. Θеофиловъ.

---

[1]) Апологіи іезуитовъ и доселѣ считаются съ Lettres Provinc.

[2]) См. напр., стр. 50 и 101 прим. при рус. изд. „Писемъ“ Пантелѣева.

Миссіонерство, секты и расколъ.

Какъ отразился на православной церкви Высочайшій Указъ о свободѣ вѣроисповѣданій?—О средствахъ борьбы съ католической и расколо-сектантской пропагандой.—Союзъ „вѣрующихъ евангеликовъ“ въ г. Харьковѣ.

∞ По вопросу о томъ, *какъ отразился на православной церкви Высочайшій указъ о свободѣ вѣроисповѣданій*, полоцкій съѣздъ духовенства и мірянъ высказалъ слѣдующія сужденія.

Въ коренныхъ русскихъ православныхъ приходахъ этотъ указъ повидимому не имѣетъ вредныхъ для православія послѣдствій и только въ немногихъ старообрядческихъ приходахъ нѣкоторые смущались тѣмъ, что „безблагодатные попы“ и всѣ вообще руководители старообрядцевъ уравнены въ правахъ съ православнымъ духовенствомъ. Въ нѣкоторыхъ же бывшихъ уніатскихъ приходахъ подъ вліяніемъ пропаганды ксендзовъ и костельныхъ „дѣвотокъ“, произошло значительное отпаденіе православныхъ въ католичество. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ во многихъ мѣстахъ ксендзы дѣйствовали посредствомъ лжи, обмана, высмѣиванія православныхъ обрядовъ, извращенія самаго указа о свободѣ вѣроисповѣданій, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже связывали совратившихся въ католичество клятвою въ томъ, что они ни въ какомъ случаѣ не возвратятся въ православіе. Нѣкоторые изъ уклонившихся, раскаиваясь въ своемъ переходѣ въ католичество, просили приходскихъ священниковъ, нельзя ли снять съ нихъ необдуманно данную ими клятву. Отношенія иновѣрцевъ и ихъ руководителей къ православію сдѣлались надменными и всегда сопровождались открытымъ порицаніемъ православной вѣры и духовенства.

При обсужденіи слѣдующихъ двухъ вопросовъ выяснилось, что духовенство имѣетъ вліяніе, и во многихъ случаяхъ большое, на своихъ прихожанъ и, если въ нѣкоторыхъ уніатскихъ приходахъ и были значительныя отпаденія въ католичество, то это объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что отпавшіе и присоединялись къ православію не по внутреннему убѣжденію, а въ силу воздѣйствія нѣкоторыхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, почему всегда было замѣтно нѣкоторое тяготѣніе ихъ къ костелу Вслѣдствіе этого и недостаточнаго утвержденія ихъ въ истинахъ православія, эти лица, съ изданіемъ указа о свободѣ вѣроисповѣданій, какъ и слѣдовало ожидать, поспѣшили перейти въ католичество, къ которому больше лежало ихъ сердце. Если же въ нѣкоторыхъ случаяхъ и замѣчается, что ксендзы имѣютъ большое вліяніе на паству, то это, между прочимъ, объясняется строгою католическою дисциплиною. Къ тому же свѣтское католическое общество всегда поддерживаетъ авторитетъ своего духовенства. Между тѣмъ,

православное духовенство, безъ разрѣшенія своего епархіальнаго архіерея, не имѣетъ права отлучать отъ св. причастія даже самаго тяжкаго грѣшника. О поддержкѣ же православнаго духовенства со стороны свѣтскаго общества нечего и говорить. Кромѣ того, по мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ собора, причина большого вліянія ксендзовъ на свою паству заключается и въ томъ, что они лучше подготовлены къ пастырской дѣятельности (дисциплинированы), чѣмъ православное духовенство, которое, однако, въ отношеніи умственнаго развитія стоитъ выше ксендзовъ, такъ какъ программы православныхъ семинарій много шире таковыхъ же католическихъ. При томъ же ксендзы имѣютъ въ своемъ распоряженіи цѣлую армію помощниковъ. Правда, нельзя не признать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ и само духовенство нѣсколько виновато въ отпаденіи своихъ чадъ, такъ какъ не утвердило ихъ въ истинахъ православія, не сумѣло заставить полюбить православную церковь. Одни изъ пастырей поучали народъ слишкомъ отвлеченнымъ языкомъ, такъ что рѣчь ихъ не всегда была доступна народу, а другіе, хотя и умѣло проповѣдывали, но не всегда оправдывали свои слова собственною жизнью. Между тѣмъ св. Писаніе говоритъ: „если я говорю и ангельскими языками, а любви не имѣю, то я ничто“ (Кор. XIII гл., ст. 1). („Пол. Епарх. Вѣд.“).

∞ Тотъ же Полоцкій съѣздъ имѣлъ сужденіе *и о средствахъ борьбы съ католической и расколо-сектантской пропагандой.* Мнѣніе съѣзда весьма поучительно и мы приводимъ его цѣликомъ.

Въ помощь учительству священниковъ въ храмахъ и школахъ комитету или св.-Владимірскому братству слѣдовало бы издавать листки съ простымъ и доступнымъ для пониманія народа изложеніемъ истинъ вѣры и нравственности съ цѣлью возможно большаго ихъ распространенія среди народа. Желательно выбрать изъ окончившихъ курсъ церковно-приходскихъ школъ для каждой деревни учителя или учительницу и дать въ ихъ распоряженіе книги религіозно-нравственнаго содержанія, которыя они могли бы читать въ свободное время своимъ односельчанамъ. По примѣру братцевъ и сестрицъ арміи спасенія эти учителя и учительницы могли бы заняться и общимъ просвѣщеніемъ народа чрезъ чтеніе и распространеніе полезныхъ книгъ, сообщали бы священнику свѣдѣнія о больныхъ и о всѣхъ нуждающихся въ благотворительности и первыми являлись бы на помощь несчастнымъ и, такимъ образомъ, устанавливали бы живую связь между пастыремъ и пасомыми, такъ какъ вся дѣятельность братцевъ и сестрицъ должна производиться подъ контролемъ приходскаго священника. Необходимо сблизить народную школу съ церковью. Предлагается завести переносныя школы грамоты. Слѣдуетъ издать молитвословы и пѣснословы, которые бы на ряду съ евангеліемъ служили жизненнымъ руководствомъ для грамотныхъ. Необходимо изданіе евангелія латинскимъ шрифтомъ для приходовъ съ католическимъ населеніемъ, въ видахъ ознакомленія съ ученіемъ Христовымъ, которое ксендзами отъ народа скрывается. Необходимо славянскій языкъ богослужебныхъ книгъ измѣнить на русскій, какъ болѣе понятный. Исповѣдь должно совершать внимательно и не спѣша. Браки вѣнчать въ тѣхъ же степеняхъ родства и въ тѣ же дни, въ какіе разрѣшается у католиковъ и лютеранъ.

и вообще устранить при совершеніи браковъ связывающую священниковъ бумажную формальность.

По прочтеніи вопросовъ, касающихся миссіи въ расколо-сектантствѣ, одинъ изъ товарищей предсѣдателя приглашаетъ собравшихся съ особенной ревностью и одушевленіемъ итти на дѣло проповѣди среди старообрядцевъ и сектантовъ, которые послѣ манифеста 17-го апрѣля несомнѣнно будутъ съ особенною силою развивать свою дѣятельность. По мнѣнію оратора, полемика съ расколо-сектантствомъ требуетъ большого запаса знаній отъ духовенства, живущаго среди старообрядцевъ и сектантовъ. Пастыри должны, не теряя времени, заняться самообразованіемъ, путемъ чтенія святоотеческой и всякой другой литературы. Нужно хорошо узнать тѣхъ людей, среди которыхъ развивается дѣятельность пастырей. Дѣйствовать миссіонерамъ нужно дружно подъ объединяющимъ руководствомъ епархіальнаго миссіонера. Необходимо создать миссіонерскіе курсы. Привлекать мірянъ въ качествѣ пособниковъ. Усилить распространеніе брошюръ и листковъ миссіонерскаго содержанія.

О. епархіальный миссіонеръ Крупскій въ своей рѣчи приглашалъ проникнуться сознаніемъ важности, необходимости миссіи въ расколо-сектантствѣ, полюбить это дѣло изъ любви къ отпадшимъ, ибо любовь къ дѣлу всего болѣе способствуетъ объединенію дѣятелей на миссіонерской нивѣ.

Признано полезнымъ священникамъ имѣть въ своемъ распоряженіи гектографъ для распространенія полезныхъ листковъ въ народѣ. Рѣжицкій миссіонеръ о. Рушановъ заявилъ, что по мѣстнымъ условіямъ приходилось вести бесѣды частныя; публичныя же бесѣды, если и практиковались, то рѣдко, и при маломъ стеченіи народа. По мнѣнію о. миссіонера, частныя бесѣды при теперешнихъ свободахъ полезнѣе публичныхъ. Слѣдуетъ, заявилъ онъ далѣе, открывать школы грамоты съ учителями и учительницами изъ единовѣрцевъ.

Необходимо правильное единовѣрческое пѣніе и служеніе по крюкамъ, ибо единовѣріе только тогда имѣетъ миссіонерскій смыслъ и значеніе, когда служба въ единовѣрческихъ церквахъ совершается такъ, какъ совершается она у старообрядцевъ. („Пол. Еп. Вѣд.“).

∞ *Союзъ вѣрующихъ евангельскихъ христіанъ въ г. Харьковѣ.* Высочайшій указъ 17 апрѣля о вѣротерпимости сильно всколыхнулъ нашъ русскій расколъ и сектантство. Послѣднее особенно заявило о своей готовности сплотиться внѣшнимъ образомъ на почвѣ закона и реформироваться внутренно, дабы не только удержать свой status, но сдѣлать и новыя завоеванія. Вслѣдъ за молоканами, устроившими всероссійскій съѣздъ на Кавказѣ (въ с. Воронцовкѣ) въ іюлѣ текущаго года, идутъ баптисты. И доселѣ хорошо организованные *тайно*, эти сектанты теперь организуются явно, подъ покровомъ манифеста 17-го октября. На дняхъ, напр., появился въ г. Харьковѣ „Проектъ устава союза вѣрующихъ евангельскихъ христіанъ г. Харькова“. Такъ именуютъ себя живущіе здѣсь баптисты [1]). Любопытны нѣкоторыя статьи

1) Это видно изъ обозначенныхъ здѣсь фамилій членовъ временно организованнаго Комитета, хорошо извѣстныхъ мѣстной епархіальной миссіи, каковы: Алехинъ А., Алексѣевъ И., Дацко П., Зайцевъ М., Ивановъ А., Мироненко Н., Погорѣловъ В., Хорошиловъ М. и др.

этого проекта—устава. „Союзъ“ имѣетъ своею цѣлію удовлетворять религіозно-нравственные, просвѣтительные и матеріальные нужды и запросы своихъ членовъ. Средствами для удовлетворенія религіозно-нравственныхъ цѣлей признается: устройство общихъ и частныхъ собесѣдованій на религіозныя темы, устройство диспутовъ съ участіемъ лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій, учрежденіе школъ для подростающаго поколѣнія и учебныхъ курсовъ для взрослыхъ, гдѣ бы Слово Божіе изучалось систематически и научно, изданіе книгъ, брошюръ, духовно-религіозной газеты, чтеніе докладовъ, рефератовъ, взаимное дружеское увѣщеваніе, нравственная поддержка и проч. Но Союзъ заботится и о просвѣщеніи своихъ членовъ вообще путемъ учрежденія школъ, библіотекъ, читаленъ, курсовъ, школъ для пѣнія и проч. Матеріальную помощь предполагается осуществить чрезъ учрежденіе больницъ, сберегательной кассы, кассы взаимопомощи, мастерскихъ и магазиновъ, дешевыхъ столовыхъ, богадѣленъ, дѣтскихъ пріютовъ. Въ составъ Союза входятъ члены дѣйствительные и сочувствующіе. Подъ первыми нужно разумѣть лицъ, исповѣдующихъ *истинно евангельское ученіе* (§ 4), а подъ сочувствующими всякое *лицо христіанскаго исповѣданія*, принятое комитетомъ Союза (§ 13). Союзъ учреждается установленнымъ, законнымъ порядкомъ (§ 60), ходатайствуетъ о признаніи за нимъ правъ юридическаго лица (§ 62), имѣетъ свою печать (§ 64). Дѣятельность его не ограничивается предѣлами Харьковской губ., а простирается и внѣ ея и можетъ быть соединяема съ дѣятельностію другихъ подобныхъ союзовъ. Опускаемъ детали касательно правъ и обязанностей членовъ Союза и административной стороны дѣла.

Нельзя не сочувствовать цѣли союза содѣйствовать искорененію въ средѣ своихъ членовъ разнаго рода заблужденій, предразсудковъ, суевѣрій, нетерпимости, вообще невѣжества и нѣкоторыхъ нравственныхъ недостатковъ путемъ цѣлаго ряда просвѣтительныхъ средствъ. Несомнѣнно, что невѣжество вообще служитъ одною изъ опоръ для раціоналистическаго сектантства въ равной степени, какъ и для раскола старообрядчества. Въ пониманіи и толкованіи Слова Божія, въ отношеніи къ православному ученію, богослуженію и проч., сектанты-раціоналисты (молокане, штундо-баптисты) обнаруживаютъ буквоѣдство, мелочность, предвзятость и фанатизмъ, свидѣтельствующіе вообще объ узости ихъ умственнаго горизонта и односторонности нравственнаго развитія.

Но, съ другой стороны, нельзя и не тревожиться, въ виду той опасности, какой грозитъ этотъ Союзъ православію. Союзъ состоитъ не только изъ лицъ, принадлежащихъ къ евангельскимъ христіанамъ (баптистамъ), но разсчитываетъ имѣть въ своей средѣ и членовъ, *сочувствующихъ* или иныхъ христіанскихъ исповѣданій (конечно, принадлежащихъ къ сектантству и *православію*). Тѣхъ и другихъ Союзъ намѣренъ просвѣщать въ религіозно-нравственномъ отношеніи путемъ школъ, курсовъ, рефератовъ, книгъ и проч. Конечно, это просвѣщеніе будетъ совершаться въ духѣ вѣроученія секты баптистовъ, и при томъ послѣдовательно, *систематично*, *научно*, какъ выражаются составители проекта-устава. А дабы дальше раскинуть сѣти своей пропаганды и имѣть обильный уловъ, евангельскіе христіане намѣрены въ широкихъ размѣрахъ развить благотворительную дѣятельность на капиталъ изъ членскихъ взносовъ, добровольныхъ пожертвованій отъ

разнаго рода коммерческихъ предпріятій. Невольно приходится согласиться съ словами одного современнаго наблюдателя русскаго сектантства: *„Мы наканунѣ самаго широкаго распространенія баптизма*, т. е. событія, которое должно стать предметомъ особеннаго нашего вниманія, въ виду того, что русскій баптизмъ, какъ и всякій другой, имѣетъ прекрасную, строго выдержанную организацію, крупные капиталы, большое книгоиздательское дѣло, прекрасныхъ проповѣдниковъ и ораторовъ, громадную плеяду дисциплинированныхъ и преданныхъ своему дѣлу миссіонеровъ, заявилъ себя въ сильной степени своимъ нравственнымъ укладомъ жизни“.

Въ виду опасности, какой грозитъ нашей православной Церкви вообще и харьковской въ частности сплоченный и культивированный раціонализмъ баптистовъ, необходимо обратить серьезное вниманіе на это явленіе не только нашему духовенству, но и всѣмъ тѣмъ, которые дорожатъ интересами Церкви, ея славою и величіемъ. Недостаточно только всѣ надежды возлагать на миссіонеровъ и миссіонерскія бесѣды. Необходимо реформировать нашу духовную школу, церковно-административный и судебный строй, измѣнить кореннымъ образомъ бытъ духовенства, оживить церковно-приходскую жизнь, развить религіозно-просвѣтительную и благотворительную дѣятельность, дѣйствовать не въ одиночку, а сообществами, союзами, не разрозненно, а единодушно.

Пора воспрянуть, пора!

Тамбовскій миссіонерскій съѣздъ.

Тамбовскій миссіонерскій съѣздъ съ самаго воскресенья 15 января с. г., до четверга усиленно работалъ по дѣламъ миссіи, собираясь на свои засѣданія утромъ и вечеромъ. Прошелъ съѣздъ очень оживленно и интересно. Всѣ съѣхавшіеся изъ сектантскихъ глухихъ уголковъ священники свободно выражали свои мнѣнія по разнымъ вопросамъ миссіи. Объясняется это многимъ: симпатичною личностью самого о. предсѣдателя свящ. Стефенскаго и благородствомъ нашихъ миссіонеровъ—Вл. Пор. Базарянинова и М. И. Третьякова, пріѣздомъ дорогихъ гостей миссіонеровъ-проповѣдниковъ—петербургскаго Д. И. Боголюбова и харьковскаго И. Г. Айвазова. Сельскій батюшка, давно уже не видавшій такого многолюднаго собранія, да еще въ залѣ съ электрическимъ освѣщеніемъ, инстинктивно порывался съ мѣста и начиналъ говорить, сначала стѣсняясь, робѣя. Но, видя вниманіе къ себѣ, бодрѣе говорилъ про нужды приходской миссіи. Бесѣда становилась интересной. Но особенную оживленность въ съѣздъ внесли наши епископы, всегда присутствовавшіе на засѣданіяхъ. Присутствіе ихъ никого не стѣсняло. Было замѣтно, что они старались отечески ободрить болѣе робкихъ іереевъ.

Напримѣръ, одинъ сельскій священникъ по вопросу о хлыстахъ взялся высказывать свое мнѣніе, но сконфузился и сдѣлалъ это несвязно. Объясненіе его вышло какимъ-то путанымъ. Но какъ же онъ былъ радъ, когда преосвященнѣйшій владыка Нафанаилъ посмотрѣлъ на него съ добродушной улыбкой и поднялъ его упавшій духъ! Вы-

сказывались и спорныя мнѣнія, но, замѣчательно, что миръ между съѣхавшимися не нарушался. Замѣтна была какая-то теплота отношеній между всѣми, что сказывалось особенно на перерывахъ засѣданій. Вотъ одинъ кружокъ собесѣдниковъ: преподаватель семинаріи Н. Н. Чинновъ, столичный миссіонеръ и тутъ же заурядные сельскіе священники, тутъ и отецъ діаконъ,—и всѣ такъ хорошо, такъ братски бесѣдуютъ, будто эти люди давнымъ давно знаютъ другъ друга... А вотъ другой кружокъ: наблюдатель церк.-прих. школъ, съ нимъ батюшка приходскій, тутъ же и учитель; къ нимъ присоединяются— настоятель градского собора и сельскій молодой священникъ „безъ набедренника".

Все было хорошо... Но того, что произошло на послѣднемъ засѣданіи, ничѣмъ иначе нельзя объяснить, какъ особенною милостью Божіей къ съѣзду. Да, это, видимо, было благодатное засѣданіе, дарованное съѣзду Самимъ Господомъ, за его трудную недѣльную работу.

На это вечернее засѣданіе прибылъ преосвященнѣйшій Иннокентій. Поднятъ былъ вопросъ о положеніи православной Церкви послѣ манифеста 17 апрѣля. По данному вопросу говорили два миссіонера, харьковскій Айвазовъ и петербургскій Боголюбовъ. Спасибо И. Г. Айвазову! Изъ его рѣчи мы увидѣли, что вѣроисповѣдная свобода нанесла уже ущербъ Церкви православной, а въ будущемъ можетъ нанести ей и неизлѣчимую рану. Впереди большая опасность!.. Послѣ перерыва засѣданія заговорилъ Д. И. Боголюбовъ. Онъ говорилъ намъ про то, что вѣроисповѣдная свобода, по мысли самого Государя, должна служить къ большему прославленію Церкви православной. Онъ не умалялъ опасности для Церкви отъ собирающейся на нее сектантской рати. Но онъ же указалъ и на новую грядущую силу обновленія самой Церкви. Оберегать домъ Божій отнынѣ призваны уже мы, священники, во главѣ со своими архипастырями. Вѣроисповѣдной свободою само собою уничтожается въ устахъ каждаго сектанта нареканіе на насъ, будто мы гонители. Сила Христова спасетъ нашу Церковь, она и при сектантской свободѣ будетъ процвѣтать во вѣки вѣковъ. Впереди не одна только опасность, а новая, свыше грядущая, сила въ самой Церкви, которую ждетъ бо́льшая слава, чѣмъ прежде.

Но вотъ всталъ нашъ владыка Иннокентій, и обратившись къ намъ, какъ къ „братчикамъ епархіальной миссіи", повелъ рѣчь о предстоящемъ всероссійскомъ соборѣ, молилъ Бога продлить дни присутствующихъ до него. Въ голосѣ соборномъ владыка видѣлъ спасеніе православной Церкви отъ могущихъ быть бѣдъ и напастей.

Впервые я видѣлъ владыку во всемъ величіи его апостольскаго воодушевленія. Онъ стоялъ въ средѣ нашей, какъ древній святитель, объятый однимъ невидимымъ пламенемъ Духа Святого. Я видѣлъ слезы владыки, плакали и всѣ. Да, это была особенная милость Божія! Это была такая святая картина общенія, что ее трудно и забыть. Въ эту святую минуту все осталось гдѣ-то позади и личное горе, и неправда, и обида людская!..

Свящ. *М. Кривскій.*

Вѣстникъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія".

Забытый путь религіозно-нравственнаго просвѣщенія.—«Воззванія къ сопастырямъ». — Будущее нашего духовенства. — Кто виноватъ? (по поводу переживаемыхъ событій). — Послѣднія извѣстія изъ жизни церкви и внутренней миссіи.

∞ *Забытый путь религіозно-нравственнаго просвѣщенія.* Духовенство иногда забываетъ тотъ путь, по которому надо вести дѣло религіозно-нравственнаго воспитанія въ школахъ и храмахъ.

Проходя учебники по Закону Божію въ школахъ, оно рѣдко и мало говоритъ дѣтямъ *о жизни и дѣлахъ* святыхъ Божіихъ людей, или говоритъ языкомъ мертвымъ, книжнымъ, въ результатѣ чего и случилось то, о чемъ заявляютъ теперь намъ наши пасомые, когда говорятъ: „Святые съ своихъ образовъ не зовутъ насъ на подвигъ"... Святые забыты!

Видно, и въ храмахъ къ величаніямъ и хваленіямъ въ пѣсняхъ духовенство рѣдко присоединяетъ вдохновенныя свои слова въ похвалу святыхъ, если случается то, о чемъ говорятъ намъ теперь искренно интеллигенты: „Святые съ своихъ образовъ не зовутъ насъ на подвигъ". Святые молчатъ!

Видно,—совершенно ясно видно, что дѣло учительства въ нашихъ школахъ и храмахъ повелось не тѣмъ методомъ, какой указанъ Св. Церковью въ Евангеліи, посланіяхъ Апостоловъ, въ Четь-Минеяхъ и др.

Видно, проповѣдь и ученье наше бываютъ часто и безцвѣтны и безжизненны! (Том. Еп. Вѣд.)

∞ Въ „Тобол. Епарх. Вѣд." помѣщено весьма типичное (какихъ теперь не мало на стр. епархіальныхъ органовъ печати) воззваніе свящ. І. П. „къ сопастырямъ".

За послѣднее время въ журналахъ и газетахъ все громче и громче раздаются голоса вѣрныхъ сыновъ отечества, призывающихъ всѣхъ согражданъ къ усиленной единодушной работѣ для пополненія тѣхъ пробѣловъ въ жизни народа, которые служили главнымъ тормазомъ общему строю и процвѣтанію нашего государства. Всѣ воспрянули какъ бы отъ летаргическаго сна, всѣ съ особеннымъ напряженіемъ стали раздумывать: отчего это у насъ, на Святой Руси, все стало какъ-то не такъ? Всѣ воспрянули и подали голосъ, призывающій къ объединенію и братской любви. Настало время сплотиться и намъ въ одну общую великую армію и проявить свою мощь и силу, вооружившись мечемъ духовнымъ, еже есть глаголъ Божій. Мы, пастыри

церкви, всѣмъ соотечественникамъ должны показать, что не даромъ мы облеклись въ санъ іерейскій, что мы не только граждане и вѣрные слуги Царевы, но и руководители къ правдѣ, носители мира и братской любви. Мы поставлены свѣтильниками вверху горы, дабы освѣщать другихъ свѣтомъ Христовой любви.

Наше пастырское бремя—бремя тяжелое и многоотвѣтственное, какъ предъ Богомъ, такъ и предъ людьми. Нести это бремя безъ помощи другихъ и, въ особенности, своихъ сопастырей, слишкомъ тяжело. Много, очень много приходится одинокому пастырю въ приходѣ передумать, перечувствовать, чтобы найти вѣрный путь къ искорененію того или другого порока среди пасомыхъ. Это всякій изъ насъ знаетъ по опыту Какъ трудно стать истиннымъ руководителемъ словесныхъ овецъ въ дѣлѣ вѣры и благочестія! Это прямо подвигъ великій. Тутъ необходима благодать свыше, тутъ необходима и братская помощь сопастырей. „Другъ друга тяготы носите и такъ исполните законъ Христовъ“, учитъ насъ великій изъ апостоловъ Павелъ (Галат. 6, 2.), и эта заповѣдь особенно должна быть обязательна для насъ, пастырей церкви.

Братья сопастыри! подадимъ другъ другу руку помощи въ дѣлѣ многотруднаго нашего служенія. Будемъ дѣлиться всѣмъ изъ нашей пастырской практики, что служитъ на пользу намъ и нашимъ пасомымъ. Дѣятельность пастыря очень широка, а потому каждый изъ насъ пусть принесетъ для общей пользы все, что можетъ: въ насажденіи вѣры и благочестія, въ поддерженіи православія и привлеченіи отступившихъ отъ церкви Христовой, въ искорененіи пороковъ и суевѣрій, въ поддержаніи добрыхъ нравовъ и обычаевъ, въ школьномъ дѣлѣ, въ дѣлѣ законоучительства и т. п. Будемъ дѣлиться своимъ опытомъ не ради похвалы, отъ чего да избавитъ насъ Господь, а единственно изъ сердечнаго искренняго желанія оказать посильную помощь своему собрату-сопастырю въ его многотрудномъ служеніи. Такія братскія отношенія облегчатъ наше пастырское служеніе церкви и отечеству, они помогутъ намъ вести пасомыхъ болѣе вѣрнымъ путемъ къ тѣмъ христіанскимъ добродѣтелямъ, которыя рождаютъ миръ и любовь, обновляютъ жизнь, даютъ крѣпость и силу державѣ Россійской.

∞ Г. Левитовъ въ журн. „Вѣра и Раз.“ весьма свѣтло, вопреки несправедливо иногда выражаемымъ пессимистическимъ ожиданіямъ, смотритъ на *будущее нашего православнаго пастырства.*

Полнаго же оскудѣнія даровитаго духовенства мы не допускаемъ. Всегда найдутся между семинаристами религіозно-нравственные люди достаточно даровитые, которые не захотятъ промѣнять священства ни на какую, даже самую блестящую свѣтскую карьеру. И эти-то іереи, какъ въ собственномъ смыслѣ свободно, по внутреннему расположенію, принявшіе подвигъ священства, явятся истинными свѣтильниками міру, образцами вѣры и благочестія. Съ другой стороны, вмѣстѣ съ проектируемымъ нами возвышеніемъ духовенства, увеличеніемъ его правъ и улучшеніемъ матеріальнаго положенія, охотно станутъ поступать въ духовную школу лица и изъ другихъ сословій, приверженныя къ церкви.Въ настоящее время духовное сословіе почти не пополняется,

свѣжими элементами изъ общества—не изъ духовнаго сословія, а между тѣмъ вѣдь не можетъ быть, чтобы среди него не было людей, столько же даровитыхъ, какъ и расположенныхъ къ пастырскому служенію. Но теперь всѣхъ пугаетъ способъ содержанія духовенства, его бѣдность и малоправіе. Съ уничтоженіемъ этихъ факторовъ и въ составъ церковнаго клира можетъ войти не мало новыхъ достойныхъ членовъ, дѣятельность которыхъ, какъ людей призванія, можетъ быть въ высокой степени плодотворна...

∞ *Кто виноватъ?* (*По поводу переживаемыхъ событій*). И такъ, прожили мы и 1905 годъ, который будетъ памятенъ не только для насъ, но и для внуковъ и правнуковъ нашихъ. Волна нестроеній, бунтовъ и убійствъ чисто политическаго характера шумно прокатилась отъ одного края Россіи до другого. Пройдутъ года, десятки лѣтъ, а впечатлѣніе пережитаго за это время останется навсегда чѣмъ-то мрачнымъ въ исторіи нашей многострадальной родины.

Обнаружилась острая борьба между трудомъ и капиталомъ. Забастовки, стачки рабочихъ всѣхъ профессій являются нынѣ дѣломъ совершенно обыкновеннымъ. Вмѣсто обычнаго почтенія къ представителямъ правительства наблюдается совершенно противоположное явленіе. Противоправительственные агитаторы убивали и убиваютъ приставовъ, полиціймейстеровъ и даже начальниковъ губерній. Армія наша, которая изстари славилась уваженіемъ къ дисциплинѣ, въ истекшемъ году тоже проявила неповиновеніе прямымъ своимъ начальникамъ. Что произошло на броненосцахъ Потемкинѣ, Георгіи и другихъ? Ужасъ овладѣваетъ всѣмъ существомъ при одномъ воспоминаніи! Воспитатели даже въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ потеряли авторитетъ и нравственное вліяніе на молодое поколѣніе. Изъ газетныхъ сообщеній мы узнаемъ, что многія духовныя семинаріи закрыты въ виду чудовищныхъ требованій воспитанниковъ, предъявленныхъ своему начальству. Нашъ сѣрый мужичекъ, отличительною чертою котораго были скромность и уваженіе къ чужой собственности, бросился расхищать имущество и захватывать землю помѣщиковъ. Отношенія прихожанъ къ мѣстному духовенству самыя нежелательныя. Никогда, кажется, прихожанинъ не имѣлъ такого сильнаго недовѣрія къ нему, какъ теперь. На священника, въ большинствѣ случаевъ, онъ смотритъ какъ на узкаго эгоиста, который все дѣлаетъ исключительно съ корыстною для себя цѣлью. Та любовь, то уваженіе, которыми пользовались наши дѣды и прадѣды среди своихъ прихожанъ, отошли въ область преданій.

Бюрократы наши оказались также далеко не на высотѣ своего положенія. Сколько расхищеній казеннаго имущества, всевозможнаго рода злоупотребленій по службѣ обнаружилось за это время!

Вотъ какое время мы переживаемъ. Всѣ устои пошатнулись, все какъ-то сразу развинтилось и пошло врозь. Суммируя все это, страшно дѣлается на душѣ. Ужъ не на порогѣ-ли мы той революціи, о которой говорилъ извѣстный нашъ мыслитель и знатокъ русской души—Герценъ: „натура русскаго человѣка очень широкая. Она не знаетъ границъ въ своемъ увлеченіи. Если русскаго человѣка направить на аскетизмъ, то изъ него выйдетъ такой высокій подвижникъ, равнаго которому не можетъ дать никакая другая нація. Если-же въ силу

чисто историческихъ причинъ въ Россіи произойдетъ когда-нибудь революція, то онъ прольетъ столько крови, что ужаснется весь міръ".

Но кто-же виновникъ этой сумятицы, этого всеобщаго пожара? Виновны мы всѣ; виновны отцы, воспитатели, священники, начальники всѣхъ учрежденій; виновны тѣмъ, что при обученіи дѣтей оторвали ихъ отъ вліянія св. церкви, не обращали должнаго вниманія на религіозно-нравственное воспитаніе ихъ. (Воскр. Чт.).

∞ Г. Поліевктовъ въ „Вятск. Епарх. Вѣд." высказывается за положительное рѣшеніе вопроса *о введеніи естествознанія въ курсъ духовно-учебныхъ заведеній.*

Преподаваніе естественныхъ наукъ въ курсѣ мужскихъ и женскихъ духовно-учебныхъ заведеній является не только желательнымъ, но и существенно необходимымъ. Большую часть своей жизни, какъ дѣтство и отрочество, такъ и время послѣдующей службы служитель Церкви проводитъ среди міра растеній и животныхъ. Съ первыхъ моментовъ пробужденія сознанія природа близка дѣтямъ духовенства. Не служитъ ли это обстоятельство убѣдительнымъ доказательствомъ того, что естествознаніе привьется къ духовной школѣ и результаты обученія получатся лучшіе, чѣмъ преподаваніе ботаники городскимъ жителямъ, нерѣдко не видавшимъ природы во всей ея красотѣ и разнообразіи? Священникъ призванъ учить народъ, мѣстомъ его проповѣди долженъ служить не только храмъ, а всякое мѣсто и время. Не будетъ ли въ данномъ случаѣ природа помощницей пастырю. „Небеса повѣдаютъ славу Божію, дѣла же рукъ Его возвѣщаетъ твердь". Священнослужитель призванъ учить покланяться „духомъ и истиною" Тому Высочайшему Существу, о Которомъ онъ проповѣдуетъ народу. Какъ архитектора мы можемъ оцѣнить тогда, когда будемъ въ состояніи понять смыслъ и назначеніе построеннаго имъ зданія, такъ и Творца мы можемъ познать по Его твореніямъ, осуществляющимъ предвѣчные планы Великаго Зодчаго. Въ природѣ отклоненій отъ общаго закона развитія почти не существуетъ. Прогрессъ медленъ, но за то нѣтъ опасныхъ скачковъ, вызываемыхъ развитіемъ свободнаго существа. Все въ природѣ подчинено законамъ, предначертаннымъ Творцомъ. Неужели это не лучшая проповѣдь о подчиненіи своей ограниченной воли волѣ Высочайшаго Существа? Не будутъ ли законы, которымъ подчинена природа, стимуломъ для одареннаго безсмертнымъ духомъ человѣка слѣдовать велѣніямъ Божественнаго Откровенія, если бездушная природа осуществляетъ волю Создателя? А изученіе законовъ естествовѣдѣнія не выполняетъ ли завѣтъ Апостола созерцать Бога чрезъ Его творенія и познавать „присносущную силу Его и Божество"? Вся природа—это храмъ, предназначенный человѣку для служенія Божеству. Все въ немъ связано единствомъ плана. Растенія, переработывая неорганическія вещества въ органическія (азотъ, кислородъ, водородъ, углеродъ—въ углеводы, бѣлковыя вещества и масла), дѣлаютъ возможнымъ существованіе животнаго міра и царя его, человѣка. Въ вырастаніи каждой былинки заключается больше идеи, чѣмъ въ великолѣпныхъ созданіяхъ изъ неодушевленныхъ металловъ и минераловъ?

Духовенство занимается сельскимъ хозяйствомъ. Неужели ему не

полезно знать условія наиболѣе быстраго и успѣшнаго проростанія сѣмянъ и сознавать, что возвращая землѣ лишь неусвоенные живыми организмами остатки растительнаго міра, сельскій хозяинъ изъ воздуха и солнечнаго луча получаетъ все новую и новую жатву?

Прежде указывали на мнимую враждебность естественныхъ наукъ по отношенію къ религіи. Но не была ли это вина увлекающихся адептовъ науки, принимающихъ отдѣльные факты и законы за міровые? Пресловутая борьба за существованіе,—не частный ли случай и одна изъ стадій болѣе общаго и всеобъемлющаго положенія Ньютона, что дѣйствіе равно противодѣйствію и что природа стремится къ равновѣсію и, слѣдовательно, къ общему миру? Чтобы понять поэта, по словамъ Гете, нужно побывать въ его странѣ, а мы—богословы, были ли въ лагерѣ казавшихся намъ враждебными естествовѣдовъ и могли ли по достоинству понять и оцѣнить положенія природовѣдѣнія?

Не менѣе равнодушно духовная школа относилась къ математикѣ, въ частности—къ алгебрѣ. Въ семинаріяхъ ея программа была урѣзана, а въ епархіальныхъ училищахъ ея нѣтъ вовсе. А между тѣмъ, кромѣ логическаго значенія, математика важна, какъ наука, указывающая предѣлы нашего знанія и всего нагляднѣе говорящая объ ограниченности нашего ума и невозможности понять и рѣшить міровые вопросы.

Послѣднія извѣстія о церковно-общественной жизни и дѣятельности миссіи.

— *Засѣданія особаго предсоборнаго присутствія* при Св. Синодѣ открываются со второй недѣли великаго поста. Работы продолжатся до трехъ мѣсяцевъ и будутъ имѣть комиссійный характеръ.

— *Харьковскій архіепископъ Арсеній на ходатайство городского головы о допущеніи къ священнослуженію нѣкоторыхъ мѣстныхъ пастырей*, запрещенныхъ въ священнослуженіи, письменно отвѣтилъ, что онъ всегда былъ и будетъ искренно благожелателенъ къ своимъ батюшкамъ: но теперь онъ, къ своему сожалѣнію, ничего не можетъ сдѣлать для нихъ, такъ какъ это дѣло должно быть доложено Св. Синоду. Архипастырь надѣется, что, по окончаніи слѣдствія, запрещеніе священнослуженія будетъ снято.

— Въ Полтавской епархіи *неблагонадежные священники отстраняются епархіальнымъ начальствомъ отъ должностей.*

— Ялтинскій благочинный Таврической епархіи *уволенъ за самовольный созывъ собранія, обсуждавшаго политическіе вопросы.*

— Казанскимъ епархіальнымъ начальствомъ *за распространеніе вольныхъ идей отстранены отъ должности и лишены права священнослуженія* три священника, одинъ діаконъ и одинъ псаломщикъ.

— Херсонскій архіепископъ циркулярно предписалъ подвѣдомственному ему духовенству, подъ угрозой строгой отвѣтственности, *ни въ какомъ случаѣ не участвовать въ самовольныхъ съѣздахъ по вопросамъ церковно-общественной жизни.*

— На послѣднемъ съѣздѣ духовенства Симферопольскаго благо-

чинническаго округа сдѣланы такія постановленія: *образовать комиссію для выработки проекта правилъ объ организаціи общихъ приходскихъ собраній, церковно-приходскихъ совѣтовъ и пастырскихъ собраній;* принять съ любовію и молитвеннымъ благодареніемъ манифестъ 17 октября 1905 г., *но проводить въ жизнь всѣ данныя народу свободы въ строгомъ согласіи съ евангельскимъ закономъ* и въ соотвѣтствіи съ гражданскими распоряженіями и опредѣленіями, регулирующими данныя свободы.

— На одномъ изъ благочинническихъ собраній духовенства Вятской епархіи обсуждался вопросъ о томъ, *какія разумныя мѣры могло бы принять духовенство въ борьбѣ съ усиленно распространяемымъ въ настоящее время среди крестьянъ соціалъ-революціоннымъ ученіемъ.* По всестороннемъ обсужденіи вопроса, собравшіеся пришли къ такимъ заключеніямъ. Такъ какъ соціалъ-революціонное ученіе, исходя изъ христіанскихъ началъ—братства, равенства и свободы, въ дальнѣйшихъ своихъ выводахъ и особенно въ примѣненіи этихъ началъ къ жизни является прямымъ противорѣчіемъ основнымъ пунктамъ христіанства, то духовенство не можетъ вступить въ сдѣлку, или дѣлать какія нибудь уступки этому крайнему ученію, а должно употребить особое свое усиліе, чтобы, насколько возможно, предохранить крестьянъ отъ увлеченія имъ: а) рекомендовать духовенству самымъ надлежащимъ образомъ ознакомиться съ сущностью и докриной ученія соціалъ-революціонеровъ, чтобы запастись затѣмъ вѣрными и убѣдительными данными для опроверженія его, для чего пріобрѣтать, по возможности, всѣ какъ капитальныя произведенія, такъ и періодическія изданія и прокламаціи этихъ партій на личныя средства духовенства, выписывать на церковныя средства серьезные богословскіе журналы, въ которыхъ можно было бы найти основательный разборъ и критику новыхъ ученій, несогласныхъ съ взглядами православно-христіанской церкви; в) выразить пожеланіе, чтобы отдѣльно отъ Епархіальныхъ Вѣдомостей издавался въ Вяткѣ небольшой періодическій органъ, или хотя отдѣльныя брошюры полемическаго характера, съ опроверженіемъ ученія соціалъ-революціонеровъ и указаніемъ его слабыхъ сторонъ и недостатковъ; г) въ случаѣ устройства въ приходѣ народныхъ митинговъ, духовенству не чуждаться вожаковъ этихъ партій, не устраняться отъ собраній, напротивъ, желательно присутствовать на нихъ и, въ случаѣ подготовки, дѣлать свои возраженія съ общехристіанской точки зрѣнія, по возможности не касаясь политической борьбы партій; д) въ противовѣсъ собраніямъ соціалъ-революціонеровъ устраивать свои собранія прихожанъ, на которыхъ въ живой бесѣдѣ выяснять всю несостоятельность ихъ ученія, напередъ знакомя ихъ съ ученіемъ соціализма и разбивать его доводы, причемъ не должно касаться политическихъ тенденцій, но имѣть въ виду, главнымъ образомъ, огражденіе отъ посягательства на вѣру и церковь.

— *Черниговскій епархіальный съѣздъ призналъ необходимымъ* замѣнить консисторію совѣтомъ пресвитеровъ, избираемыхъ на срокъ духовенствомъ всей епархіи, ввести братскій судъ чести, дозволить сложеніе сана безъ лишенія правъ по рожденію и образованію и разрѣшить вдовымъ священнослужителямъ вступать во второй бракъ, отмѣнить знаки отличія.

— Недавно состоявшійся *миссіонерскій Тамбовскій епархіальный съѣздъ* отличался большою оживленностью, хотя постановленій практическаго характера далъ немного. Особенно живо прошелъ вопросъ объ организаціи миссіонерскаго дѣла въ епархіи. Миссіи въ епархіи грозила серьезная опасность. Духовенство, увлекаясь чрезъ мѣру чувствомъ своей силы, сознаніемъ своей отвѣтственности за пасомыхъ и обязанности быть ихъ пастыремъ и охраной, подняло вопросъ о ненужности никакой спеціально-миссіонерской организаціи, въ видѣ-ли братства, или въ видѣ института миссіонеровъ. Вопросъ о братствѣ рѣшенъ, однако, лишь въ смыслѣ реформы послѣдняго. Духовенство рѣшило сдѣлать участіе въ братствѣ обязательнымъ для всѣхъ своихъ членовъ, ежегодно собираться на общее братское собраніе, а для текущихъ дѣлъ—имѣть уполномоченный выборный совѣтъ, какъ исполнительный органъ. Вопросъ о спеціально-миссіонерскомъ институтѣ рѣшенъ тоже въ духѣ осторожности и благоразумія. Миссіонеры епархіальные и окружные признаны полезными и необходимыми особенно послѣ того, какъ на съѣздѣ выяснилась вся та сила, съ какою надвигается на насъ расколосектантство. Съѣздъ сдѣлалъ постановленіе, чтобы семинарія, настоящая-ли, будущая-ли, практически готовила воспитанниковъ къ миссіонерству, чего не давала донынѣ Тамбовская семинарія.

Религіозно-просвѣтительная дѣятельность Харьковскаго Епархіальнаго Братства.

Помимо распространенія религіозно-нравственныхъ брошюръ, братство заботилось объ устройствѣ подвижныхъ библіотекъ. Осуществленіе этого дѣла было возложено на особую комиссію, въ составѣ епархіальнаго наблюдателя В. Ѳ. Давыденко, свящ. университетской церкви о. І. Инокова и свящ. М. Ѳеодоровскаго. Комиссіей этой было устроено двѣ подвижныхъ библіотеки: 1) на Благовѣщенскомъ базарѣ при лавкѣ купца Чепахина и 2) на Рыбномъ базарѣ при лавкѣ купца Цуканова. Кромѣ того, по предложенію той же комиссіи, открыта подвижная библіотека на мѣстныя средства при Іоанно-Богословской церкви пригородной слободы Ивановки. Въ этихъ библіотекахъ выставляются листки религіозно-нравственнаго содержанія, каковыя, по свидѣтельству многихъ лицъ, съ большимъ интересомъ читаются народомъ.

Сознавая всю важность существованія подобныхъ подвижныхъ библіотекъ, совѣтъ братства при обсужденіи вопроса объ ихъ открытіи, между прочимъ постановилъ: просить Харьковскую духовную консисторію напомнить духовенству о бывшемъ уже по настоящему предмету распоряженіи Епархіальнаго Начальства съ поясненіемъ, что практическія указанія относительно того, какимъ образомъ приступить къ открытію этихъ библіотекъ, желающіе могутъ найти въ статьѣ В. Ѳ. Давыденко, помѣщенной въ „Листкѣ для Харьковской епархіи“ за 1897 годъ, № 40. Къ сожалѣнію, братство не располагаетъ свѣдѣніями о томъ, существуютъ ли гдѣ-либо въ епархіи, кромѣ названныхъ, еще такія же библіотеки, а между тѣмъ въ настоящее тревожное время, когда изъ различныхъ подпольныхъ типографій выбрасываются на улицу тысячи различныхъ брошюръ и прокламацій противоправительственнаго и противоцерковнаго содержанія; сколь возможно широкое

распространеніе библіотекъ-читаленъ, съ листками религіозно-нравственнаго содержанія, является дѣломъ существенной важности и крайней необходимости.

Стремилось братство въ отчетномъ году также и къ тому, чтобы пріобрѣсти свою книжную лавку и устроить при ней братскую библіотеку—читальню, но этому стремленію не суждено было осуществиться, главнымъ образомъ, по недостатку матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для этого дѣла, а также вслѣдствіе невозможности найти за недорогую плату соотвѣтствующее помѣщеніе для лавки и читальни.

Братство старалось не ограничивать своей дѣятельности однимъ городомъ Харьковомъ, а распространять ее на всю епархію и потому въ одномъ изъ своихъ засѣданій Совѣтъ призналъ необходимымъ для расширенія круга своей дѣятельности открыть отдѣленія братства во всѣхъ уѣздныхъ городахъ епархіи, предоставивъ симъ послѣднимъ съ своей стороны открывать отдѣленія въ тѣхъ селахъ и мѣстечкахъ, гдѣ это окажется возможнымъ.

Дѣятельность уѣздныхъ отдѣленій должна была происходить на основаніи устава братства, а сверхъ сего для нихъ были составлены особыя дополнительныя правила, которыя по утвержденію ихъ Его Высокопреосвященствомъ и были разосланы для руководства всѣмъ отдѣленіямъ. Дѣло открытія уѣздныхъ отдѣленій Его Высокопреосвященствомъ, согласно заключенія совѣта братства, было возложено на настоятелей уѣздныхъ соборовъ. Лица эти, являясь такимъ образомъ организаторами уѣздныхъ отдѣленій, должны были въ то же время быть предсѣдателями ихъ совѣта, согласно дополнительныхъ правилъ. Совѣтъ братства, обращаясь съ просьбой къ о. о. настоятелямъ уѣздныхъ соборовъ объ открытіи уѣздныхъ отдѣленій и о принятіи ими на себя руководства этими отдѣленіями, выражалъ увѣренность, что о. о. настоятели приложатъ все свое стараніе къ тому, чтобы открываемыя ими отдѣленія не существовали только на бумагѣ, а были бы дѣйствительно живымъ разсадникомъ духовно-нравственнаго просвѣщенія среди окружающаго ихъ населенія. Къ чести о. о. настоятелей уѣздныхъ соборовъ, надобно сказать, что всѣ они лишь за малымъ исключеніемъ, весьма отзывчиво отнеслись къ просьбѣ совѣта братства объ открытіи отдѣленій и, несмотря на то, что со времени изданія правилъ для дѣйствія отдѣленій прошло всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ, совѣтъ братства имѣетъ свѣдѣнія объ открытіи отдѣленій братствъ въ городахъ: Ахтыркѣ, Богодуховѣ, Валкахъ, Волчанскѣ, Изюмѣ, Крупянскѣ и Лебединѣ. Свѣдѣнія же о дѣятельности этихъ отдѣленій имѣютъ войти въ слѣдующій годовой отчетъ.

Корреспонденціи „Миссіонерскаго Обозрѣнія".

Изъ Новочеркасска.

На должность ректора Донской духовной семинаріи, освободившуюся за назначеніемъ бывшаго ректора, архимандрита Митрофана, епископомъ Чебоксарскимъ, викаріемъ Казанскимъ, назначенъ преподаватель Донской семинаріи по каѳедрѣ исторіи и обличенія старообрядческаго раскола и мѣстныхъ сектъ священникъ Евграфъ Овсянниковъ. Новый молодой ректоръ хорошо извѣстенъ, и какъ практическій дѣятель на миссіонерскомъ поприщѣ и какъ литературный сотрудникъ миссіонерскихъ журналовъ, въ томъ числѣ и „Миссіонерскаго Обозрѣнія", „Православнаго Путеводителя" и „Миссіонерскаго Сборника". Въ „Донскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ" о. Овсянниковъ редактировалъ до послѣдняго времени заведенный по его иниціативѣ особый отдѣлъ подъ заглавіемъ: „Расколъ и сектантство". Какъ практическій дѣятель по миссіи въ Донской епархіи, о. Овсянниковъ заявилъ себя своими миссіонерскими экскурсіями съ воспитанниками Донской духовной семинаріи, имѣвшими весьма важное значеніе для изученія современнаго состоянія мѣстнаго раскола и сектантства и для практическаго ознакомленія воспитанниковъ съ пріемами веденія собесѣдованій съ старообрядцами и сектантами. Сообщенія объ этихъ экскурсіяхъ печатались въ „Миссіонерскомъ Обозрѣніи" и въ „мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ".

Изъ литературныхъ трудовъ о. Овсянникова отмѣтимъ: 1) его церковно-историческое изслѣдованіе—„Константинопольскій патріархъ Кириллъ Лукарисъ и его борьба съ римско-католическою пропагандою на востокѣ", 2) „Причины широкаго распространенія старообрядческаго раскола на Дону", 3) „Святитель Митрофанъ, первый епископъ Воронежскій, какъ дѣятель противъ раскола въ Донской Украйнѣ" и др. Много статей по вопросамъ миссіи и другимъ церковно-общественнымъ вопросамъ помѣщались о. Овсянниковымъ въ „Церковномъ Вѣстникѣ" и „Церковныхъ Вѣдомостяхъ".

Въ послѣдніе три года о. Овсянниковъ работалъ надъ изученіемъ исторіи старообрядческаго раскола на Дону въ XVIII и началѣ XIX вѣковъ по даннымъ мѣстныхъ архивовъ, каковую работу обѣщалъ доставить въ редакцію нашего журнала.

Надѣемся, что почтенный о. ректоръ и въ новой отвѣтственной и многотрудной должности начальника духовной школы не оставитъ своего любимаго дѣла миссіи и литературнаго сотрудничества въ нашемъ миссіонерскомъ журналѣ и, какъ начальникъ семинаріи въ Донской епархіи, сильно зараженной расколомъ и сектантствомъ, будетъ стараться внушать любовь къ святому миссіонерскому дѣланію питомцамъ Донской семинаріи.

Изъ религіозно-общественной жизни г. Минска.

22 января православное населеніе г. Минска торжественно встрѣтило прибытіе иконы Божіей Матери, пожертвованной аѳонскими старцами Минскому каѳедральному собору. Святое изображеніе Богоматери прислано было съ Аѳона въ Холмъ еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ и тогда же предполагалось перенесеніе ея въ Минскъ, но смутное время, опасеніе могущаго случиться погрома, заставило епархіальную власть отклонить перенесеніе св. иконы до болѣе удобнаго времени.

Св. икона Богоматери встрѣчена Минскимъ епископомъ Михаиломъ крестнымъ ходомъ, съ пѣніемъ и музыкою, при массѣ богомольцевъ и любопытствующихъ зрителей, собравшихся около собора. Да покроетъ же своимъ омофоромъ небесная предстательница г. Минскъ со всѣми чтущими ея ликъ и молящимися предъ нею. Съ прибытіемъ честнаго образа ея да водворится у насъ миръ, тишина, да пробудится сердце русскихъ людей къ храненію ученія Православной церкви и своей русской самобытности!

Высказывая такое пожеланіе жителямъ Минскаго края, мы имѣемъ въ виду именно такихъ людей, которые только считаются русскими и православными, въ церковныхъ спискахъ такъ обозначены, а на дѣлѣ представляютъ собою полуполяковъ, полуевреевъ. Изъ среды такихъ русскихъ лицъ вы увидите живущихъ съ еврейками, имѣющихъ отъ нихъ дѣтей, которыя, конечно, не крещены, а обрѣзаны, и эти русскіе люди, не совѣстясь, выдаютъ такихъ женщинъ за своихъ женъ. Въ церкви Божіей такіе люди бываютъ очень рѣдко; о св. причащеніи они и понятіе утратили, а сами они настолько сроднились съ евреями, что живутъ мыслью и интересами послѣднихъ. Тоже самое можно сказать и о полуполякахъ. Эти русскіе люди, женившись на полькахъ подпали подъ вліяніе женъ своихъ и окатоличились. До 17 апрѣля въ такихъ семьяхъ дѣти оставались не крещенными, до 10—12 лѣтъ, но были воспитываемы матерью въ католичествѣ. Съ нею они ходили въ костелъ слушать „мессу“, съ ними ходилъ и православный отецъ ихъ, всѣ говорили по-польски, исполняли католическіе праздники, обряды и обычаи въ жизни. Кромѣ этихъ лицъ есть еще особый сортъ русскихъ людей, которые, слившись съ такими же поляками и евреями, говорятъ: Богъ одинъ у насъ, а остальное—ненужныя перегородки, построенныя попами, ксендзами и раввинами. Принадлежность такихъ лицъ къ православію проявляется только по смерти ихъ, когда приходится хоронить ихъ православному священнику, а не ксендзу и раввину. Но и тутъ, въ чемъ выражается ихъ православіе? Служитъ священникъ панихиды, совершаетъ погребеніе и провожаетъ тѣло на кладбище. И только въ этомъ. Всѣ умираютъ безъ причащенія св. таинъ; поминовеній никакихъ, и никогда. За то считаются необходи-

мыми: дорогой роскошный гробъ, вѣнки, цвѣты изъ оранжерей, рѣчи на могилѣ, трауръ въ обстановкѣ, богатый катафалкъ, бросаніе по пути шествія гроба зелени, и за все это платятся большія деньги. При такихъ роскошныхъ похоронахъ хорошій доходъ пѣвчимъ, но скудное вознагражденіе священнослужителю; ничего въ церковь и копѣечное освѣщеніе храма при богослуженіи. Оба кладбища, какъ военное, такъ и городское, лежатъ далеко за городомъ и причту, прошедшему 5 верстъ при похоронной процессіи, обратно приходится также идти пѣшкомъ, такъ какъ извозчиковъ въ такихъ случаяхъ нанимать не въ обычаѣ.

Какъ относятся показанные люди къ православной вѣрѣ, свидѣтельствуетъ слѣд. фактъ: женская министерская гимназія въ Минскѣ осталась безъ православнаго законоучителя, такъ какъ бывшій до этого законоучитель о. Шенецъ отказался отъ уроковъ. По сношенію съ дирекціей преосвященный назначилъ законоучителемъ каѳедральнаго протоіерея В. Успенскаго. Это было вскорѣ послѣ забастовокъ. И что же? 2 русскія лица, состоящія на государственной службѣ, и сами, и жены ихъ тотчасъ начали агитировать среди ученицъ, побуждая ихъ отказаться отъ слушанія Закона Божія, и подать о семъ начальству петицію. Но ученицы не согласились, не смотря на энергичную пропаганду этихъ 2-хъ лицъ и подговоренныхъ ими ученицъ тѣхъ же классовъ, евреекъ. Православныя ученицы твердо стояли на своемъ и говорили: католички изучаютъ законъ Божій у ксендза, еврейки у раввина, почему же мы не будемъ изучать законъ Божій?! Вотъ и судите: откуда идутъ всѣ эти забастовки! Они отъ насъ исходятъ. Въ отцахъ дѣло состоитъ. Каковы отцы, таковы и дѣти. Именно такъ. Во время безумныхъ ученическихъ вакханалій прошлаго года, жена минскаго губернскаго предводителя дворянства г-жа Матвѣева, приглашенная дирекціею гимназіи, какъ мать, на ряду съ прочими родителями, на совѣтъ, крикнула въ собраніи: „не надо намъ законоучителей! Вычеркнуть ихъ изъ списка преподавателей гимназіи и дать свободу дѣтямъ не ходить въ гимназическую церковь къ богослуженію и пр.

За то католики твердо держатъ свое знамя. Паства ихъ тѣсно сплочена съ своимъ ксендзомъ и чтитъ его и слушаетъ во всемъ. Едва раздался голосъ свободы вѣроисповѣданія, какъ католики рѣшили построить въ Минскѣ огромныхъ размѣровъ костелъ. На лучшей Захарьевской улицѣ, рядомъ съ желѣзнодорожной церковью, маленькой и невидной, они откупили дома обывателей, расчистили мѣсто и произвели закладку новаго костела. Жертвы на это дѣло посыпались тысячами. А у насъ?! Задумалъ каѳедральный протоіерей построить маленькую деревянную церковь тысячи въ 4—5 для бѣдныхъ чиновниковъ и рабочихъ, проживающихъ на окраинѣ Минска, вдали отъ собора, составилъ подписной листъ, самъ подписалъ 100 р., епископъ вложилъ свою

ленту, побѣгали съ листомъ по мѣстной знати, и на этомъ стало дѣло. Мелкіе люди, бѣдняки, даютъ рубли, копѣйки, а высшіе... говорятъ, что денегъ нѣтъ. И замерзло доброе дѣло, остановилось благое начинаніе въ самомъ своемъ зародышѣ.

Въ смѣшанныхъ бракахъ ксендзы прямо и категорически заявили, чтобы католическая половина всячески старалась убѣдить мужа или жену перейти въ католичество; въ противномъ случаѣ они не будутъ допускать до причащенія. Этимъ распоряженіемъ ксендзовъ положенъ теперь великій раздоръ въ смѣшанныхъ бракахъ, преимущественно въ простомъ народѣ, гдѣ православныя лица твердо держатся православной вѣры, и вмѣстѣ съ собою воспитываютъ въ православіи и дѣтей своихъ. И вотъ недавній фактъ. Въ приходѣ с. Прилукъ, Мин. у., въ смѣшанномъ крестьянскомъ бракѣ, родился ребенокъ. Мужъ православный, жена католичка. Крещеніе въ здѣшнемъ краѣ и въ деревняхъ совершается также весьма поздно. Случилось, что родившая женщина простудилась и слегла въ постель; мужъ привезъ ксендза напутствовать жену. Казалось, какой бы еще вѣротерпимости и для чего ксендзу вносить раздоръ въ семью „малыхъ сихъ“. Не тутъ то было: воинственный ксендзъ поступилъ иначе и внесъ раздоръ въ семью своимъ прибытіемъ. Тотчасъ онъ объявилъ мужу и женѣ, что прежде, чѣмъ напутствовать больную, онъ желаетъ окрестить новорожденнаго младенца. Мужъ и жена заявили ксендзу, что у нихъ еще есть дѣти и всѣ они крещены по православному и посему раздѣлять ихъ въ данномъ случаѣ имъ вовсе нежелательно. Ксендзъ остался непреклоненъ и заявилъ, что иначе онъ уѣдетъ и причащать больную не станетъ. Эта угроза ксендза испугала бѣдную женщину, но мужъ тоже не уступалъ ксендзу. Тогда ксендзъ выслалъ мужа изъ хаты и началъ увѣщевать женщину, не скупясь на проклятія и адскія мученія въ пеклѣ. И это предъ одромъ умирающей женщины! Кончилось тѣмъ, что пока мужъ былъ на дворѣ, ксендзъ окрестилъ ребенка, а потомъ уже причастилъ больную. Такъ поступаютъ вѣрные сыны Рима. Такъ понимаютъ они свободу вѣроисповѣданія. А у насъ, православныхъ?! У насъ не считаютъ нужнымъ убѣждать иновѣрцевъ къ переходу въ православіе и существованіе епархіальнаго миссіонера въ епархіи само духовенство считаетъ излишнимъ, не нужнымъ, что и говорилось нѣкоторыми депутатами на бывшемъ епархіальномъ съѣздѣ, хотя внѣ публичныхъ засѣданій, такъ какъ, благодаря преосвященному Михаилу, вопросъ этотъ не допущенъ къ обсужденію съѣзда.

Свящ. *К. Поповъ.*

Братство безъ братства.

(Изъ Костромы).

Вышелъ отчетъ о дѣятельности Костромскаго епарх. Ѳёдоровско-Сергіевскаго Братства за 1904 г. (въ послѣд. № Епар. Вѣд.). Въ другихъ городахъ подобныя учрежденія (братства) отличаются живой и плодотворной дѣятельностію: ведутъ, напр., широкую, книжную и иконную торговлю, устраиваютъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ библіотеки и читальни, ведутъ въ разныхъ пунктахъ богословскія и религіозно-нравств. чтенія и бесѣды, устраиваютъ попечительства о бѣдныхъ, стараются объединить и сплотить не только духовенство, но и мірянъ въ просвѣтительной и благотворительной дѣятельности и т. д.

Всего этого вполнѣ возможно бы ожидать и отъ Костр. Братства. Въ исполнительномъ комитетѣ (совѣтѣ) состоятъ самыя почтенныя и видныя лица по духовному вѣдомству: предсѣдатель—заштатный каѳедр. протоіерей, члены—два соборныхъ протоіерея и соборный священникъ, секретарь консисторіи, епархіал. наблюдатель школъ, епархіал. миссіонеръ, одинъ видный преподаватель семинаріи и четыре городскихъ священника. Дѣятелей, кажется, достаточно, и все люди съ достоинствомъ и честію. Между тѣмъ, братство все чахнетъ и чахнетъ...

Собственно говоря, и братства-то нѣтъ. Слово это звучитъ здѣсь фальшиво. Братство предполагаетъ внутреннее, тѣснѣйшее объединеніе его членовъ на почвѣ общей, живой дѣятельности. А такого-то объединенія членовъ въ Ѳеод.-сергіевскомъ братствѣ и не существуетъ. Члены братства даже не знаютъ: собирается-ли когда выбранный ими, а вѣрнѣе сказать навязанный имъ Совѣтъ для обсужденія живыхъ, просвѣтительныхъ и благотворительныхъ дѣлъ, или только ведутся кѣмъ-либо письменные журналы и дѣлаются соотвѣтствующія распоряженія? Скорѣе послѣднее... Вѣдь въ Совѣтѣ-то сидятъ большею частью власть имущіе, которые привыкли болѣе къ бюрократическому веденію дѣлъ, а не къ живой дѣятельности; привыкли распоряжаться, а не совѣтоваться съ другими. Не потому ли отчетъ братства не говоритъ даже, были-ли когда собранія совѣта, въ какомъ количествѣ? Но за-то ясно видно (стр. 38), что на жалованье должностнымъ лицамъ при Совѣтѣ при оборотномъ капиталѣ 5500 р. тратится 360 руб. Можно смѣло надѣяться, что журналы въ совѣтѣ пишутся исправно, и для начальства все обстоитъ благополучно, но какъ обстоятъ дѣла въ дѣйствительности, это вопросъ... изъ отчета даже не видно, было-ли въ 1904 г. хоть одно общее собраніе членовъ? Намъ достовѣрно извѣстно, что по крайней мѣрѣ въ 1905 г. *ни одного* такого *собранія не было*. Между тѣмъ, Совѣтъ братства по уставу есть только исполнительный органъ мѣропріятій братства. Чьи же мѣропріятія онъ

исполняетъ. А участвовать въ общихъ собраніяхъ есть кому: въ составѣ братства числится 128 чел., вносящихъ членскіе взносы. Да и поговорить на общихъ собраніяхъ есть о чемъ, и не одинъ разъ въ году, а хотя бы каждый мѣсяцъ, особенно въ нынѣшнее, столь трудное въ церковной жизни время.

Ужели дѣятельность братства должна состоять только въ томъ, чтобы Совѣтъ властныхъ лицъ собиралъ разные взносы: членскіе, по церковнымъ кружкамъ и тарелкамъ, по подписнымъ листамъ и т. под. и распредѣлялъ эти суммы изъ года въ годъ по разъ намѣченному плану?

Къ сожалѣнію, дѣятельность Совѣта только этимъ и ограничивается. Братство существуетъ уже болѣе 15 л. Что дѣлалось имъ годовъ десять или болѣе тому назадъ, то дѣлается и теперь. Собирается съ церквей и духовенства добровольныхъ и недобровольныхъ сборовъ ежегодно до 5000 рублей. На эти суммы Совѣтъ братства, какъ видно изъ отчета, содержитъ нѣсколько противораскольническихъ миссіонеровъ-священниковъ, заботится о распространеніи въ средѣ простого народа полезныхъ книгъ религіозно нравств. содержанія, чрезъ продажу ихъ изъ церковно-книжныхъ складовъ, и заботится о поддержаніи церковно-прих. школъ въ приходахъ, зараженныхъ расколомъ.

Но какъ миссія, такъ и книжное дѣло поставлены очень, очень печально. Уѣздные братскіе миссіонеры изъ приходскихъ священниковъ получаютъ изъ суммъ братства каждый по 200—300 руб. въ годъ. За эту сумму три миссіонера-свящ. Николаевскій, Смирновъ и Скворцовъ провели—одинъ три, другой четыре и третій пять публичныхъ бесѣдъ. Очевидно, этимъ труженикамъ было болѣе пріятно получать деньги, а не дѣло дѣлать. Оттого и результаты миссіи ничтожные. Въ разбираемомъ отчетѣ на стр. 30 сказано объ успѣхахъ миссіи такъ: со стороны миссіонеровъ въ отчетномъ 1904 г. дѣятельность миссіи проявлялась въ безукоризненномъ видѣ (?). Но весьма желательно поддержаніе миссіонерскаго дѣла приходскими пастырями, чтобы оно не оставалось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Замѣчательныхъ случаевъ присоединенія къ православной церкви не было; но были (?) присоединенія какъ по убѣжденію въ правотѣ св. церкви, такъ и по разнымъ житейскимъ расчетамъ и выгодамъ. Точныхъ свѣдѣній о числѣ присоединенныхъ миссіонерами не представлено, по неполученію (?) ими таковыхъ свѣдѣній отъ приходскихъ священниковъ. Были и уклоненія въ расколъ крещенныхъ въ православной церкви (!)". Вотъ вамъ и плоды миссіонерскихъ усилій восьми миссіонеровъ (по отчету), получившихъ за свои труды изъ суммъ братства 2861 р. 80 к. вознагражденія.

Не болѣе успѣшно идутъ и книжныя операціи братства. По при-

ложенной къ отчету вѣдомости видно, что въ вѣдѣніи Совѣта братства числилось по разнымъ селамъ епархіи 165 церковныхъ книжныхъ складовъ, и ни одного склада по городамъ. Цифра 165 почтенная. Но если вглядѣться повнимательнѣе, то оказывается, что въ теченіе отчетнаго года книги посылались, и то въ кредитъ, только въ 15 складовъ всего на сумму 282 р. 6 коп. Деньги за книги получены изъ 27 складовъ, всего 512 р., въ томъ числѣ изъ 15 складовъ высылался долгъ за прежніе годы. Слѣдовательно 123 склада (изъ 165), въ отчетномъ году не функціонировали и никакой связи съ братствомъ не имѣли. По отчету числится 37 даже такихъ книжныхъ складовъ, въ которые книгъ не посылалось, денегъ отъ нихъ не получалось и долга за ними нѣтъ, слѣдовательно, и книгъ тамъ нѣтъ. Склады фактически т. е. не существуютъ, а числятся... Для чего?..

Еще можно прибавить развѣ то, что за весь годъ выслано безвозмездно мелкихъ брошюръ для раздачи народу *на 15 рублей* (?).

Въ отчетѣ значится еще школьная дѣятельность братства, именно въ одну открытую братствомъ въ с. Шадринѣ школу и четыре другія школы послано пособіе 530 руб. 72 коп.

Вотъ и вся дѣятельность общеепархіальнаго просвѣтительнаго учрежденія.

Отчета за 1905 г. будемъ ждать, вѣроятно еще цѣлый годъ, тѣмъ болѣе, что дѣятельность братства была, кажется, еще слабѣе.

Тяжело замѣчать, что дѣло, которое могло бы быть при другихъ обстоятельствахъ весьма живымъ и плодотворнымъ, чахнетъ и умираетъ только оттого, что во главѣ его стоятъ люди, не желающіе влить въ него живую струю и своимъ мертвымъ отношеніемъ къ дѣлу отталкивающіе всѣхъ полезныхъ дѣятелей.

Пора братскимъ дѣятелямъ оставить свой покой, сплотить вокругъ себя въ истинное братство духовенство и мірянъ и идти широкимъ путемъ просвѣщенія народа. Тогда и народъ пойдетъ къ нимъ и составится братство, основанное не на денежныхъ только взносахъ, но на почвѣ любви и взаимнаго довѣрія. Христосъ Спаситель, апостолы и ихъ ближайшіе ученики не ждали, чтобы народъ шелъ къ нимъ и искалъ случая сблизиться съ ними, а сами шли въ народъ, ходили вездѣ, сами старались приблизить къ себѣ народъ и помочь, кому можно или словомъ, или дѣломъ. Не для своего только времени Спаситель учитъ: „*кто хочетъ быть изъ васъ большимъ, да будетъ всѣмъ слугой*“. *Братчикъ.*

Американскій лжепророкъ Илья.

Бельгійская газ. „Le Précurseur“ въ статьѣ „Пророкъ“ приводитъ слѣдующія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности „пророка Ильи II“.

Америка страна сектъ. Онѣ кишатъ тамъ не менѣе, чѣмъ въ му-

сульманской Африкѣ; также выдвигаютъ время отъ времени изъ среды своей пророковъ, не менѣе восторженныхъ, чѣмъ муллы, и такихъ-же властныхъ, какъ эмиры чернаго континента.

Исторія мормоновъ хорошо извѣстна. Они сумѣли создать цвѣтущій городъ на западѣ Союза, на берегу Соленаго озера и жили тамъ долгіе годы, не смотря на то, что укладъ ихъ жизни не согласовался съ законами республики, а нѣкоторые обычаи прямо оскорбляли правила общепринятой морали.

Самый необыкновенный пророкъ, возставшій въ Америкѣ въ послѣднее время, безъ сомнѣнія Доуи. Онъ воздвигъ въ Иллинойсѣ городъ, больше того—цѣлое царство, такъ какъ онъ распоряжается съ неограниченной властью, противъ которой изъ 200,000 человѣкъ не рѣшается возстать ни одинъ.

Жизнь его полна случайностей, хотя онъ выступилъ на арену общественной дѣятельности сравнительно недавно. Психологія его, весьма сложная на первый взглядъ и очень простая на самомъ дѣлѣ, занимаетъ многихъ американскихъ писателей, которые тщательно ее изучаютъ. Въ немъ уживаются свойства, какъ будто противорѣчащія другъ другу, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ общемъ, они служатъ источникомъ его необыкновенной силы. Это проповѣдникъ, глава государства и въ то же время человѣкъ одаренный удивительными практическими, дѣловыми способностями; въ этомъ онъ тоже сходится съ нѣкоторыми мусульманскими эмирами.

Онъ родился въ Эдинбургѣ, въ Шотландіи въ 1847 г., а молодость провелъ въ Аделаидѣ, въ Австраліи, куда родители его отправились искать счастья. По окончаніи богословскаго образованія, онъ сдѣлался пасторомъ въ Сиднеѣ и сразу имѣлъ на этомъ поприщѣ такой успѣхъ что ему былъ предложенъ портфель министра народнаго просвѣщенія въ Новой Южной Галліи. Несмотря на заманчивость предложенія, онъ отказался, такъ какъ цѣнилъ свои способности очень высоко и стремился къ болѣе широкому полю дѣятельности.

Въ ожиданіи лучшаго, онъ отдался своей миссіи, стараясь исполнять всѣ завѣты священнаго Писанія, въ которомъ онъ находилъ, судя по его словамъ, готовыя правила на всѣ случаи жизни и рѣшеніе всевозможныхъ вопросовъ, и довольствовался тѣмъ, что получалъ отъ своихъ прихожанъ. Скопивъ извѣстную сумму денегъ, онъ употребилъ ее на постройку церкви, въ которой и сдѣлался полновластнымъ хозяиномъ.

Въ 1878 г. онъ переселился изъ Сиднея въ Мельбурнъ и въ этомъ городѣ выступилъ въ походъ, доставившій ему извѣстность. Онъ объявилъ войну медицинѣ, сталъ доказывать ея безсилье и утверждать, что только вѣра можетъ исцѣлять больныхъ.

Инстинктивно понимая значеніе и силу ассоціаціи у англо-саксовъ, онъ основалъ общество, которое, проникнувшись его ученіемъ, стало распространять его въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ. Въ скоромъ времени отдѣленія общества возникли въ Новой Зеландіи, въ Америкѣ и впослѣдствіи въ Европѣ. Для Доуи насталъ часъ выступить на широкую арену.

Изъ Австраліи онъ отправился въ Лондонъ, а оттуда въ 1890 г. въ Чикаго, гдѣ и поселился въ одномъ изъ предмѣстій города.

Онъ имѣлъ колоссальный успѣхъ. Біографіи его, появившіяся въ

безчисленномъ множествѣ, свидѣтельствуютъ всѣ о неотразимомъ вліяніи его личности и о необыкновенной магнетической силѣ, напоминавшей Месмера. Будучи, какъ всякій хорошій богословъ, знатокомъ священнаго Писанія, онъ былъ въ то же время близко знакомъ съ самыми смѣлыми теоріями современной науки. Гипнотизмъ не имѣлъ тайнъ для этого необычно умнаго человѣка, также какъ и задачи телепатіи, которую онъ основательно изучилъ. Не удивительно, что при такихъ условіяхъ онъ имѣлъ успѣхъ при излѣченіи нервныхъ болѣзней и скоро сдѣлался знаменитостью.

Онъ провозгласилъ себя представителемъ Божества, новымъ Ильей, пророкомъ пророковъ. Онъ собралъ вокругъ себя въ своемъ предмѣстіи, которое росло не по днямъ, а по часамъ, всѣхъ послѣдователей, желавшихъ жить его жизнью и основалъ такимъ образомъ секту доуистовъ. Большія деньги стекались къ нему со всѣхъ сторонъ, изъ Австраліи и Китая, изъ Норвегіи и Аравіи, и давали ему средства развивать дѣятельность своего антимедицинскаго союза. Онъ основалъ отдѣленія его въ Лондонѣ, Сиднеѣ и Мельбурнѣ. Въ своемъ городѣ—Новомъ Сіонѣ—онъ построилъ церкви, различныя школы, основалъ всевозможныя учрежденія и даже собственный банкъ.

Все это внушило наконецъ опасеніе правительству Соединенныхъ Штатовъ, несмотря на всю царствующую тамъ свободу. Правительство не могло остаться равнодушнымъ, когда сила, вначалѣ только нравственная, грозила принять другой характеръ; Доуи сосредоточилъ въ своихъ рукахъ слишкомъ большую власть надъ сотней тысячъ (въ настоящее время болѣе 200 тыс.) своихъ послѣдователей.

Тогда начались гоненія, продолжавшіяся нѣсколько лѣтъ и надѣлавшія много шума за Атлантическимъ океаномъ; эти гоненія напоминали преслѣдованія, нѣкогда направленныя противъ мормоновъ. Пророкъ былъ болѣе ста разъ арестованъ за нарушеніе законовъ; его схватывали за столомъ, въ постели, уводили съ каѳедры, тѣмъ не менѣе ему всегда удавалось отдѣлаться отъ тюрьмы. Когда на него налагали штрафъ, онъ протестовалъ, жаловался въ судъ, тратилъ до 100 тыс. франковъ въ нѣсколько мѣсяцевъ и въ концѣ концовъ выходилъ сухимъ изъ воды.

Путешествуя за предѣлами сферы своего вліянія, онъ не разъ подвергался преслѣдованіямъ толпы, при чемъ ему угрожала иногда серьезная опасность. Въ 1900 г. онъ рѣшилъ наконецъ покинуть Чикаго и основать настоящее государство; за 5 милліоновъ долларовъ онъ пріобрѣлъ нѣсколько тысячъ акровъ земли и воздвигъ на берегахъ озера Мичигана Новый Сіонъ, гдѣ и царствуетъ, какъ самодержавный владыка.

Доуи располагаетъ капиталомъ въ слишкомъ 60 милліоновъ долларовъ; подданные его не смѣютъ себѣ позволить ни малѣйшаго проявленія собственной воли. Онъ запрещаетъ употребленіе табака и спирта, изгоняетъ докторовъ, не разрѣшаетъ театровъ и допускаетъ только самыя простыя развлеченія. Окруженный своей Сіонской гвардіей, онъ дѣйствительно напоминаетъ предводителей магометанскихъ сектъ, которые безконтрольно распоряжаются имуществомъ и жизнью своихъ опслѣдователей.

ОТКЛИКИ.

Противъ насильниковъ.

(Голосъ священника).

I.

Свѣтлый день царскаго Манифеста, возвѣстившаго свободу гражданской жизни въ Россіи, закончился во многихъ мѣстахъ Россіи мрачнымъ ужасомъ погромовъ, насилія и убійства. Несчастье разразилось быстро, неожиданно. Сознаніе помутилось, чувства разстроились, и добрая воля оказалась безсильной даже у тѣхъ, кто могъ бы и долженъ былъ остановить разыгравшуюся бурю человѣческихъ страстей и произвола.

Въ эти черные дни общаго для всей христіанской и нехристіанской Россіи несчастья, православное духовенство оказалось въ самомъ тяжкомъ положеніи. Лишь только послышались первые тревожные крики междоусобной распри и вражды, многіе пастыри Церкви выходили къ народу, чтобъ призвать чадъ своихъ къ миру и успокоенію. Одни изъ пастырей совершали для собравшагося народа молебствія, надѣясь дать проявленію чувствъ народныхъ молитвенное направленіе, другіе выходили къ бушевавшей уже толпѣ и во имя Христа призывали ее къ кротости и благоразумію. Въ Кіевѣ, напр., самъ епископъ Церкви православной, во всемъ церковномъ величіи своего сана, преклонялъ колѣна предъ насильниками, умоляя ихъ прекратить грабежъ и убійство... Но все было напрасно! Богъ не благословилъ на этотъ разъ подвигъ и молитву пастырскую и ярость народныхъ страстей свирѣпствовала до тѣхъ поръ, пока не насытилась.

Пусть же разумъ нашъ приметъ свершившееся, какъ страшное наказаніе для всего православнаго народа, наказаніе ничѣмъ несмываемаго стыда и позора, а для насъ, пастырей, какъ страшное напоминаніе о долгѣ нашемъ, долгѣ предъ всѣмъ христіанскимъ и нехристіанскимъ міромъ. И теперь, когда мы очнулись отъ нежданнаго потрясенія, мы должны со всею ясностью указать, въ обличеніе и запрещеніе однимъ, въ утѣшеніе и успокоеніе другихъ, что совершавшіяся въ минувшіе дни насилія суть грѣхъ противъ Христа и Его святой Церкви.

Происшедшія нападенія христіанъ на евреевъ стоятъ въ тѣсной связи съ послѣдними событіями общественной жизни въ Россіи. Когда одни добивались этой перемѣны въ общественной жизни, другіе не желали ея, старались не допустить ее. И вотъ борьба политическихъ партій обратилась къ насилію, какъ средству достиженія своихъ цѣлей. Православные пастыри, по долгу своему и совѣсти своей, со всею силою должны возвысить голосъ свой противъ этого нехристіанскаго образа дѣйствій, безразлично къ тому, какая бы партія его ни проявляла.

Мы, православные пастыри, признаемъ всякую внѣшнюю власть, какъ данную Богомъ для того, чтобы проводить жизнь тихую и безмятежную (1 Тим. 2, 2). Мы призываемъ повиноваться ей Господа ради (1 Петр. 2 13). И до тѣхъ поръ, пока власть эта не станетъ въ противорѣчіе съ прямыми и ясными заповѣдями Божіими, повиновеніе ей есть повиновеніе божественному установленію. Мы не можемъ вмѣшиваться ни въ существо, ни въ формы внѣшней мірской власти, обязанные къ повиновенію ей въ мірскихъ дѣлахъ. И даже въ томъ случаѣ, когда мірская власть станетъ нарушать заповѣди Божіи, наше отношеніе къ ней ни въ какомъ случаѣ не можетъ проявиться въ мятежѣ, ослушаніи, или своеволіи. Намъ остается одинъ способъ дѣйствованія: непротивленіе злу, по заповѣди Спасителя. (Мѳ. 5, 39). Мы должны въ этомъ случаѣ сказать, какъ сказали Апостолы членамъ синедріона: „должно повиноваться больше Богу, нежели человѣкамъ“ (Дѣян. 5, 29), сказать такъ, и поступать такъ.

Въ такомъ именно настроеніи православное духовенство исполняло свое служеніе въ теченіе долгихъ лѣтъ неограниченнаго царскаго самодержавія, благословляя въ этой власти то, что вело къ дѣйствительно тихому и безмятежному житію. Съ такими именно чувствами и настроеніемъ православное духовенство должно отнестись и къ совершившемуся 17 октября со-

бытію въ политической жизни Россіи. Верховная власть законодательства и управленія отнынѣ будетъ осуществляться не въ одной самоличной Особѣ Государя, а въ тѣсномъ единеніи Царя и земли, въ лицѣ ея представителей. Да будетъ же эта объединенная власть Царя и земли источникомъ и залогомъ мира и тишины въ отечествѣ нашемъ и пусть станетъ предметомъ церковныхъ молитвъ и благословеній!

II.

Мы, служители Церкви, какъ Тѣла Христова, создающаго для всѣхъ христіанъ единство духа въ союзѣ мира, мы, православные пастыри, отрицаемъ всякое раздѣленіе на партіи только въ Церкви. Въ мірской гражданской жизни мы не можемъ отрицать необходимости образованія различныхъ политическихъ партій для достиженія различныхъ политическихъ цѣлей. Мы сами, совершая свое служеніе среди міра, не можемъ замкнуться въ область однихъ лишь церковныхъ интересовъ и быть чистыми выразителями однихъ лишь церковныхъ взглядовъ. Граждане земли русской, мы въ себѣ носимъ и выражаемъ своими словами и дѣйствіями различныя политическія убѣжденія. Одни изъ насъ, напр., съ боязнью и трепетомъ за судьбы русской земли, взираютъ на совершающуюся перемѣну въ государственной жизни Россіи. Они сожалѣютъ о преходящихъ порядкахъ и поколебленныхъ старыхъ устояхъ земли русской. Другіе съ свѣтлою надеждою на будущее привѣтствуютъ засіявшую зарю гражданской свободы, видя въ ней источникъ лучшаго будущаго. Всѣ мы, далѣе, одинаково не можемъ отрѣшиться отъ заботъ о внѣшней судьбѣ Церкви Христовой. Всѣ мы однако вѣруемъ въ вѣчность и неодолѣнность Церкви, хотя бы Ей пришлось бѣжать въ пустыню, или спуститься въ катакомбы, но мы не одинаково, а различно смотримъ на отношеніе того или иного государственнаго строя къ внѣшнему благополучію Церкви Христовой. Однимъ изъ насъ кажется, что для Церкви болѣе благопріятенъ прошедшій государственный строй, когда права и привиллегіи Церкви обезпечивались силою и властью царскаго самодержавія. Для другихъ—болѣе благопріятнымъ кажется новый государственный строй, со свободою личности и союзовъ, ибо онъ обезпечиваетъ свободу Церкви отъ внѣшняго посягательства на ея внутреннюю жизнь.

Весьма понятно, поэтому, что въ области политическихъ убѣжденій православные пастыри какъ-будто и сами дѣлятся на политическія партіи, высказывая и устно и печатно самыя различныя политическія убѣжденія. Но общее у нихъ—христіанское настроеніе, общее послушаніе Христу, Царю мира и любви, не должно ни въ коемъ случаѣ допустить между ними насилія другъ надъ другомъ—во имя различія политическихъ убѣжденій. Пастыри Церкви должны признать, что свободное различіе въ политическихъ убѣжденіяхъ и идейная, мирная, ненасильственная борьба ихъ можетъ способствовать истинному и дѣйствительному преуспѣянію государства. Даже въ Церкви Христовой, этомъ органическомъ, догматами и канонами установленномъ единствѣ вѣрующихъ, „приращеніе любви“ совершается „посредствомъ всякихъ взаимно скрѣпляющихъ связей“, при свободномъ „дѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена“ (Еф. 4, 16). Тѣмъ болѣе въ государствѣ. Здѣсь должно быть даже обезпечено свободное дѣйствіе каждой политической партіи, свободное выраженіе каждаго политическаго убѣжденія. Но всѣ эти дѣйствія и эти выраженія должны носить христіанскій, совершенно мирный, ненасильственный характеръ.

Держась тѣхъ или другихъ политическихъ убѣжденій, мы, православные пастыри, должны быть осторожны въ своихъ дѣйствіяхъ и выраженіяхъ, чтобы не давать ни малѣйшаго повода заподозрить насъ въ отступленіи отъ идеаловъ мира и любви. Мы всѣ одинаково должны скорбѣть о томъ, когда кто нибудь изъ насъ поддается страстности, когда рѣчи нашихъ собратій могутъ звучать призывомъ не къ мирному разрѣшенію вопросовъ, а къ насильственному отстаиванію своихъ и къ насильственному же подавленію чужихъ убѣжденій. Мы должны открыто признаться, что содержаніе и характеръ такихъ рѣчей не есть общепастырскій и ни въ коемъ случаѣ не долженъ быть имъ. Для насъ, православныхъ пастырей, если возможна какая-либо борьба, то борьба словъ и убѣжденій, борьба добра противъ зла, благости противъ насилія. „Такова есть воля Божія,—заповѣдалъ намъ Апостолъ, научая насъ, какъ мы должны вести себя въ борьбѣ даже съ невѣжественными и безумными,—чтобы мы, *дѣлая добро*, заграждали уста невѣжеству безумныхъ людей, какъ свободные, не какъ употребляющіе свободу для прикрытія зла, но какъ рабы Божіи“ (2 Петр. 5, 16).

Въ такомъ именно смыслѣ мы, пастыри Церкви, свободны въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ, и мы должны желать ви-

дѣть только такую свободу и въ своихъ пасомыхъ, свободу безъ внѣшняго насилія надъ чужими убѣжденіями. Для Церкви Христовой, для этого вселенскаго царства Христова, должны быть близки и равноцѣнны какъ тѣ, что видятъ благо государственное въ возвращеніи къ старинѣ, такъ и тѣ, что желали бы вести государство по пути дальнѣйшихъ реформъ и усовершенствованій. Такъ называемые либералы и консерваторы, монархисты и республиканцы, націоналисты и космополиты, всѣ одинаково могутъ быть членами Церкви Христовой, но въ ней не могутъ быть обидчики и насильники.

Какою же тяжкою скорбію должно было омрачиться сердце пастырей Церкви и всѣхъ вѣрныхъ чадъ ея, признающихъ мирную ненасильственную свободу, уже въ первый день свободы, когда ликованіе одной части народа, по поводу объявленной гражданской свободы, приняло такой ужасный характеръ! Не сама эта радость, не опьяненіе даже этою радостью въ рѣчахъ, кликахъ восторга, въ красныхъ значкахъ и знаменахъ должны были вызвать скорбь нашу и возмущеніе, а то, что на ряду съ этой живой, свѣтлой и искренней радостью, стало проявляться насиліе, насиліе въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ, насиліе одной ликующей части населенія надъ другой—или смущенной, или тихо радующейся. Чѣмъ, какъ не ругательствомъ и оскорбленіемъ, должно показаться разрываніе портретовъ царскихъ для всѣхъ тѣхъ, кому образъ Царя—священенъ, дорогъ и милъ? Что, какъ не посягательство на величіе и славу русскаго народа, должно было являть собою ниспроверженіе царской короны и національныхъ флаговъ для всѣхъ тѣхъ, кто не утратилъ еще вѣры въ міровое значеніе русскаго государства? Не преступное-ли, наконецъ, посягательство на жизнь человѣческую—эти неоднократные выстрѣлы по войскамъ и полиціи, это нападеніе изъ-за угла на стоявшихъ на посту своемъ и еще не смѣненныхъ часовыхъ, стражей мира и спокойствія?..

Тысячи спокойнаго и мирнаго народа видѣли эту вакханалію свободы, свободы дикой и насильственной. И мы, свидѣтели событій, знаемъ всю горечь обиды и оскорбленнаго чувства нашихъ пасомыхъ, спокойныхъ и мирныхъ гражданъ. Мы видѣли ихъ слезы, мы слышали ихъ ропотъ... Да будетъ же благословенъ тотъ, кто нашелъ въ себѣ и въ своей покорности Христу силы справиться со своими чувствами, какъ подобаетъ христіанину, не отвѣтилъ зломъ за зло, а возложилъ печаль свою на Господа. Ибо не успѣло еще раздаться слово наше въ обличеніе

совершающагося насилія и въ успокоеніе смущенныхъ имъ, какъ разразилось нѣчто ужасное, при воспоминаніи о чемъ цѣпенѣетъ умъ и на лицо выступаетъ краска стыда и позора. Свершился самосудъ толпы и христіане покрыли себя позоромъ хищничества и убійствъ.

Мы со всею силою своего пастырскаго долга и сознанія должны возвысить свой голосъ противъ всякихъ насильственныхъ революцій и контръ-революцій, противъ грабежа и убійства, которыми мстятъ противникамъ своихъ политическихъ убѣжденій и въ которые втягиваютъ мирное и спокойное населеніе. Мы должны возвысить свой голосъ во имя Христа, заповѣдавшаго намъ любить враговъ нашихъ, благословлять проклинающихъ насъ, благотворить ненавидящихъ насъ и молиться за обижающихъ насъ и гонящихъ насъ (Мѳ. 5, 44). Мы должны возвысить голосъ свой противъ всякаго насилія во имя обязательныхъ для всего человѣчества заповѣдей Божіихъ: „не убій“ и „не укради“, и возвысить тѣмъ громче и сильнѣе, чѣмъ яростнѣе насиліе, чѣмъ слабѣе жертвы... Насилію же христіанъ надъ евреями въ эти позорные дни грабежа и убійства не было предѣловъ, не было препонъ...

И пусть не говорятъ, что насиліе надъ евреями чинили одни лишь хулиганы, т. е. люди, потерявшіе совѣсть и стыдъ предъ Богомъ и людьми. О, если бы это было такъ! Мы скорбѣли бы тогда о развитіи въ городѣ преступнаго элемента, мы взывали бы тогда къ тѣмъ, кто долженъ блюсти за злодѣями, мы смотрѣли бы тогда на погромъ еврейскій, какъ на обычное, хотя и безмѣрно громадное, печальное происшествіе, какъ на бѣдствіе, независимое отъ насъ... Но нѣтъ! Грабили и убивали не одни хулиганы, не одни лишь тѣ, на кого не простирается наше вліяніе, кто не молится у алтарей Господнихъ, кого не видимъ мы у каѳедръ церковныхъ... Увы, мы знаемъ, что въ грабежѣ и убійствахъ принимали участіе православные христіане, наши пасомые. Нѣтъ тайны, которая бы не открылась, и если мы будемъ молчать и не призовемъ грѣшниковъ къ покаянію, то камни возопіютъ, ибо пролитая кровь вопіетъ къ Богу о мщеніи.

Мы должны обратиться къ православнымъ христіанамъ, къ братьямъ и чадамъ нашимъ, со своимъ пастырскимъ словомъ увѣщанія и обличенія, потому что на насъ, пастырей Церкви, ложится стыдъ и позоръ. Мы должны со всею рѣшительностью сказать всѣмъ: кто приложилъ руку свою и сердце свое къ дѣлу убійцъ и грабителей и не покается, тому не будетъ оправданія на судѣ Божіемъ.

И пусть не говорятъ они, въ свое оправданіе, что они были оскорблены безумными дѣйствіями революціонеровъ, необузданнымъ поношеніемъ царскаго величія, что они выступили на защиту чести и славы Россіи, и что это только подняло ихъ на месть и жестокую расправу. Кто поставилъ ихъ судить чужого раба (Рим. 14, 4)? Кто далъ имъ мечъ въ отмщеніе злое творящему (Рим. 13, 4)? Развѣ забыли они, что заповѣдалъ намъ Христосъ въ лицѣ апостола Петра, когда онъ всталъ на защиту Господа: „вложи мечъ твой въ ножны, ибо всѣ, взявшіе мечъ, мечомъ погибнутъ (Мѳ. 26, 52)? И развѣ у Царя нашего еще не осталось многихъ легіоновъ вѣрныхъ ему войскъ, которыми онъ, можетъ защитить честь свою и достоинство Россіи? Своимъ непрошеннымъ, своимъ преступнымъ вмѣшательствомъ въ дѣло воздаянія за сдѣланныя обиды, они только сдѣлали досажденіе Царю и поставленнымъ отъ Него правителямъ.

Но мало того. Они сдѣлали не только недолжное, но и глубоко несправедливое дѣло. Если чувства ихъ оскорблены революціонными насильниками, то они должны были бы найти виновниковъ, чтобы предать ихъ судіямъ. Но нашли-ли они ихъ? Взявшись за самосудъ въ ярости и безуміи чинили-ли они его, по крайней мѣрѣ, надъ виновными? О, нѣтъ? Они напали на евреевъ. Они обратили свою ярость на весь народъ еврейскій, какъ будто весь народъ еврейскій, и онъ одинъ только, виноватъ въ происходящихъ въ Россіи мятежахъ и убійствахъ.

Дѣло еще пока темное, кто виноватъ, кто первый подалъ поводъ къ происшедшему несчастію, евреи или русскіе, и не намъ судить объ этомъ. Но одно несомнѣнно, что въ нападеніяхъ на евреевъ сказалось не столько оскорбленое на этотъ разъ чувство, сколько древняя застарѣлая вражда христіанъ къ еврейскому народу. Это несправедливая и неугодная Богу вражда. Если-бы для христіанъ еврейскій народъ казался дѣйствительно отверженнымъ Богомъ, то и въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ прилагать свою грѣшную руку къ неисповѣдимой волѣ Божіей. Мы должны помнить, что Божіе попеченіе о народѣ еврейскомъ еще не кончено. Въ Св. Писаніи есть указаніе, что ожесточеніе евреевъ противъ Христа только временное, и что придетъ время, когда весь народъ еврейскій спасется (Рим. 11, 26). Не должно-ли намъ стараться, чтобы это свершилось скорѣе? и не должны-ли мы, поэтому, относиться къ евреямъ по-христіански, т. е., по-братски, чтобы они узнавали вѣру нашу по добрымъ дѣламъ нашимъ. Мстить евреямъ за то, что предки ихъ распяли Христа—

богопротивно. Христосъ простилъ ихъ: какое же мы имѣемъ право мстить за прощенное Христомъ? Не лучше-ли намъ, христіанамъ, и не богоугоднѣе-ли думать не о злѣ предковъ еврейскихъ, а о добрѣ, содѣянномъ для насъ Богомъ черезъ народъ еврейскій? думать не о распинателяхъ Христа, а о патріархахъ, пророкахъ, апостолахъ, евангелистахъ, Божіей Матери и Самомъ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, чьи имена мы носимъ, чьи заповѣди мы исповѣдуемъ, и чьимъ дѣламъ должны мы подражать: всѣ они по плоти принадлежали еврейскому народу?

Мы, пастыри Церкви, во имя вселенскаго значенія христіанства и Церкви Христовой, должны противостать тому, чтобы христіане вымещали зло свое на евреяхъ. Мы должны представить себѣ весь ужасъ еврейскаго погрома и слово наше должно зазвучать силою грома небеснаго противъ насильниковъ. Стыдъ горе и позоръ! Христіане нападали на проходящихъ и проѣзжающихъ, если ихъ наружность указывала на принадлежность къ еврейскому народу, отыскивали дома евреевъ, магазины и мастерскія и громили ихъ. Они врывались въ жилища ихъ, только что объявленныя царскимъ указомъ неприкосновенными, и производили страшныя опустошенія. Забывши всякую жалость и состраданіе, безъ всякаго разбора, они нападали, били и увѣчили мужчинъ, женщинъ, стариковъ и дѣтей, какъ жертвы своей ярости. Они убивали тѣхъ, кто встрѣчалъ ихъ безъ сопротивленія, а съ мольбою о жалости и состраданіи, или со слабыми попытками недостаточнаго сопротивленія. Неслыханное злодѣяніе Такъ пусть же не считаютъ они себя судьями оскорбленнаго народнаго чувства. Ни одинъ въ мірѣ судія, если онъ только не насильникъ, не казнитъ женъ за мужей, дѣтей за родителей, родителей за дѣтей, а они совершили это вопіющее къ Богу преступленіе. Если они хотѣли наказать виновныхъ, то зачѣмъ они опозорили еще себя убійствомъ, воровствомъ и грабежомъ чужого добра? Еврейское добро—чужое, не наше. И христіанинъ, изнывая подъ тяжкимъ трудомъ добыванія куска насущнаго хлѣба, не можетъ, не долженъ протянуть руку къ чужому, чтобы запятнать себя позоромъ гнуснаго преступленія. Воры и грабители, на ряду съ убійцами, царства Божія не наслѣдуютъ.

Омыть содѣянный грѣхъ мы можемъ только покаяніемъ, и къ этому покаянію мы, пастыри Церкви, должны призвать своихъ пасомыхъ. Сознать свою вину, возвратить отнятое, утереть слезы обиженныхъ, испросить прощеніе, любовью и братствомъ заглушить свой грѣхъ—вотъ путь для исправленія тяжкаго преступ-

лепія столько же противъ обиженныхъ евреевъ, сколько и противъ Христа и Его святой Церкви. Нужно христіанамъ уразумѣть наконецъ и навсегда, что христіанская вѣра наша положительно запрещаетъ всякое незаконное насиліе и насильники напрасно христіанами именуются. Беззаконное насиліе надъ противниками своихъ взглядовъ и убѣжденій, надъ обвиненными безъ суда, надъ беззащитными, надъ слабыми, надъ семьями, жилищами и имуществами ихъ, останется всегда и вездѣ не судомъ и борьбой, а разбоемъ, грабежомъ и убійствомъ. Пусть же покаются насильники и вмѣстѣ съ нами не дадутъ уклониться сердцу своему въ словеса лукавства, чтобы найти извиненіе совершенному грѣху.

Буди милостивъ къ нимъ, Господи, ради тѣхъ, кто сохранилъ вѣру Христову и соблюлъ дѣла благія въ эти дни тяжкаго паденія христіанскаго, кто удерживалъ руку нападающаго, останавливалъ хищниковъ, противосталъ убійцамъ, обуздалъ ругателей, умиротворялъ враждующихъ, кто, не затворивъ дверей сердца своего, отверзъ двери дома своего, далъ убѣжище искавшимъ у него спасенія отъ руки хищниковъ и убійцъ! Благословенные Отцомъ небеснымъ, они примутъ установленное имъ отъ сложенія міра! Буди милостивъ и къ намъ, Господи, и прости намъ грѣхи наши вольные и невольные.

Священникъ *С. Цотъхинъ.*

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ДУХОВНЫЙ ЖУРНАЛЪ

МИССІОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

«Миссіонерское Обозрѣніе» вступило во 2 десятилѣтіе своей жизнедѣятельности во славу св. Церкви и на пользу дорогого Отечества. Христіанская правда и миръ о Духѣ Святомъ—вотъ знамя «Миссіонерскаго Обозрѣнія въ предстоящей его дѣятельности въ новомъ 1906 г.

Программа журнала остается прежняя.

1) Руководственныя (передовыя) статьи по апологетикѣ православія и по современнымъ церковно-общественнымъ вопросамъ, по миссіонерству и расколо-секто-вѣдѣнію. 2) **Миссіонерскіе отвѣты на запросы и на сомнѣнія вѣрныхъ и отпадшихъ чадъ Церкви.** 3) Изъ миссіонерскихъ записокъ и дневниковъ. Мысли и наблюденія текущей пастырско-миссіонерской практики. 4) **Изъ миссіонерской полемики** съ сектантами и раскольниками **(образцовыя собесѣдованія).** 5) **Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати** и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи церкви. 6) **Миссіонерство, секты и расколъ.** Хроника о дѣятельности епархіальныхъ миссій и о современномъ состояніи и жизни русскаго сектантства и раскола. 7) **Изъ міра инославія и заграничнаго сектантства** (иностранная хроника). 8) Корреспонденція «Мисс. Обозр.». извѣстія и замѣтки. 9) **Отклики изъ литературы и жизни** и жизненныя наблюденія, бесѣды со «взыскующими путь, истину и жизнь», обозрѣніе текущей литературы съ точки зрѣнія того же «исканія жизненной церковной правды». Обмѣнъ мнѣній по поводу напечатанныхъ въ «Мисс. Обозр.» статей. 10) **Сокрижалей сердца** (бесѣда редактора съ читателями по церковно-публицистическимъ вопросамъ, составляющимъ злобу дня въ жизни Церкви, народа и обществъ.

Въ новомъ году будетъ разослана подписчикамъ, въ качествѣ безплатнаго приложенія, «Симфонія» на ветхій и новый завѣтъ съ общими и миссіонерскими параллелями въ 2-хъ томахъ.

Выдержка изъ новаго изданія *Симфоніи*, назначеннаго въ качествѣ безплатнаго приложенія на 1906 г. къ жур. „Миссіонерское Обозрѣніе“.

Апостоловъ. 2 *Кор.* 11, 13—принимаютъ видъ *а.* Христовыхъ (Дѣян. 15, 24) (**Тит. 1, 10—11; 2 Кор. 6, 4—5**).

Здѣсь въ первой общей параллели указывается сущность лжеапостольства; изъ первой цитаты миссіонерской параллели, напечатанной болѣе крупнымъ шрифтомъ, вытекаетъ совѣтъ, какъ относиться вѣрующему къ лжеапостоламъ; послѣдняя цитата даетъ представленіе объ истинномъ апостольствѣ.

Блаженнѣе. *Дѣян.* 20, 35—*б.* давать, нежели принимать (Лук. 6, 38; 18, 22) (**1 Кор. 9, 13; Фил. 4, 10—17**)

Въ первой общей параллели раз-

вивается мысль: почему именно блаженнѣе давать, нежели принимать, а во второй—миссіонерской, предупреждается ложное понятіе текста: Дѣян. 20, 35, по которому пастыри будто бы не должны пользоваться пропитаніемъ за свой пастырскій трудъ.

Даровалъ. *Гал.* 5, 1—стойте въ свободѣ, которую *д.* намъ Христосъ, и не подвергайтесь опять игу рабства (Дѣян. 15, 10; 1 Петр. 2, 16) (**Гал. 5, 13; 1 Кр. 8, 9; 2 Кор. 3, 17**).

Цитаты первой общей параллели развиваютъ мысль о христіанской свободѣ; цитаты слѣдующихъ трехъ миссіонерскихъ параллелей предупреждаютъ ложное пониманіе христіанской свободы.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою 6 р. Подписавшіеся на газету «Колоколъ» вносятъ при подпискѣ на «Миссіонерское Обозрѣніе только 4 р.,—за оба изданія 10 р., при чемъ допускается разсрочка во взносѣ подписной платы, а именно при подпискѣ вносятся 6 р. за оба изданія, и 4 р. послѣ Пасхи.

ВЪ СКЛАДѢ РЕДАКЦІИ

ЖУРНАЛА

„МИССІОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

1) 1. Сборникъ статей по вопросамъ вѣры и жизни 1-й и 2-й т. Ц. 2 р. 2. Проповѣди на Пассіи (за 48 лѣтъ проповѣдничества по одному и тому же случаю). Проф. Пѣвницкаго, ц. 1 р. 50 к.

2) По поводу отпаденія отъ Церкви гр. Л. Н. Толстого. В. М. Скворцова, изданіе 3-е, вновь дополненное, ц. 2 р.

3) Миссіонерскій Щитъ Вѣры. Діак. І. Смолина. 2-е изд., дополненное отдѣломъ Обличенія (въ текстахъ Свящ. Писанія) философскаго невѣрія, ц. 1 р. 50 к.

4) Миссіонерскій путеводитель по Св. Библіи. Его же, ц. 60 к.

5) Миссіонерскій спутникъ,—настольная книга для пастырей и миссіонеровъ. Изд. 2-е, дополненное, ц. 1 р. 50 к.

6) ~~Отвѣты~~ изъ Слова Божія вопрошающимъ сектантамъ и раскольникамъ, ц. 1 р.

7) Проповѣди на всевозможные случаи пастырской практики. Свящ. С. Брояковскаго, ц. 1 р. 50 к.

8) Церковная исторія въ пастырскихъ поученіяхъ, изложенная по жизнеописаніямъ великихъ свѣтильниковъ православія. Прот. Н. Русанова, ц. 75 к.

9) Священная исторія въ пастырскихъ поученіяхъ. Прот. Н. Русанова, ц. 50 к.

10) **Сборникъ отвѣтовъ изъ Слова Божія и старопечатныхъ книгъ** вопрошающимъ сектантамъ и раскольникамъ 38 назв. въ переплетѣ Ц. 1 р.

Отвѣты изъ Слова Божія можно выписывать и отдѣльнымиброшюрами. Ц. 2 к, за экз. При выписки сотнями, хотя и разныхъ названій, по 1 р. 75 к. за сотню и по 15 р. за тысячу.

11) **Миссіонерскія проповѣди** въ обличеніи хлыстовскаго лжеученія. Свящ. *А. Совѣтова.* Ц. 50 к.

12) **По всѣмъ вопросамъ миссіи.** Дѣянія всероссійскихъ мисс. съѣздовъ. *В. М. Скворцова.* Ц. 1 р.

13) **„Сіонская вѣсть"** секта іеговистовъ. Ц. 5 к.

14) **Основныя** причины и сущность нашего сектантства (опытъ философско-психологическаго освѣщенія сектантства). *В. Базарянинова.* Ц. 10 к.

15) **Православно-русское дѣло** въ Холмской Руси. О такъ называемомъ уніатскомъ упорствѣ и о средствахъ борьбы съ нимъ. *М. Кобрина.* Ц. 20 к.

16) **Болгарская ересь.** Свящ. *Стеллецкаго.* Ц. 25 к.

17) **Внутреннее устройство** секты странниковъ или бѣгуновъ. Проф. *Н. И. Ивановскаго.* Ц. 50 к.

18) **О почитаніи святого храма.** (въ обличеніе мнимо духовныхъ христіанъ). *Кутеповъ.* Ц. 5 к.

19) **Бесѣды:** свящ. *Злотникова* «О святомъ Причащеніи». Первая Ц. 10 к. Вторая Ц. 5 к.

20) **О святыхъ иконахъ.** Ц 5 к.

21) **О Св. Крестѣ Госпоанемъ.** Ц. 5 к.

22) **О перстосложеніи.** Ц. 5 к.

23) **О пастыряхъ церкви.** Свящ. *С. Богдановича.* Ц. 3 к.

24) **У колодца.** (Миссіонерскій очеркъ). Ц. 3 к.

25) **Наши родные изъ „постниковъ"** (разсказъ). Свящ. *А. Совѣтова.* Ц. 3 к.

26) Армія спасенія (Заграничная секта). *Рождественскаго.* Ц. 50 к.

27) **Всемірная задача христіанства.** Христіанское самодержавіе. *И. Г. Айвазова.* Ц. 25 к.

28) Изъ исторіи борьбы и полемики по вопросу объ иконопочитаніи въ древнее и настоящее время. Свящ. *А. Синайскаго.* Ц. 25 к.

29) Голосъ свѣтскаго человѣка о православномъ богослуженіи и истовости его отправленія. *С. Апраксина.* Ц. 15 к.

30) Церковная мозаика и ея участь въ Россіи. *А. А. Карелина.* Ц 10 к.

31) Таинство и обряды православной церкви. *Стефана,* еписк. Могилевскаго. Ц. 10 к.

32) **Къ вопросу о предстоящей реформѣ.** Молоканство, баптизмъ и наша великая церковная нужда. *А. И. Платонова.* Ц. 10 коп.

33) Изъ переписки вѣрующаго интеллигента со студентомъ. *Θеодула.* Ц. 10 к.

34) Двадцатипятилѣтіе пастыре-миссіонер. дѣятельности синод. мисс. протоіерея Крючкова. Ц. 10 к.

35) Конфликты въ духовной жизни современной интеллигенціи. Д-ра мед. *Н. Пясковскаго.* Ц. 10 к.

36) Письмо къ молодежи, ищущей смыслъ жизни. *Горожова.* Ц. 10 к

37) «Меморабилія», «записки раскаявшаго толстовца». *М. Аркадьева.* Ц. 5 к.

38) Воинъ-миссіонеръ св. Севастьянъ мученикъ (переводъ съ нѣмецкаго *М. Козловской*). Ц. 20 к.

39) Судебный процессъ ковенскаго ксендза Бѣлякевича и католическая церковная дисциплина. *В. М. Скворцова.* Ц. 15 к.

40) Историческія записки о скопческой сектѣ въ Россіи съ 1843—1870 гг Ц. 10 к

41) Открытое письмо къ шалопутамъ гор. С.-Петербурга. *Н. Волочугина.* Ц. 5 к,

42) Болгарская ересь богомиловъ и вліяніе на ея возникновеніе русскихъ религіозныхъ сектъ. Свящ. *Н. Стеллецкаго.* Ц. 15 к.

43) **Критическій разборъ** раскольничьяго сочиненія Усова: «О мyропомазаніи священнослужителей, присоединяемыхъ къ православію отъ ереси второго чина». Свящ. *Д. Александрова.* Ц. 50 к.

44) **Антиканоническій характеръ** австрійской старообрядческой іерархіи. Свящ. *Н. Попова.* Ц. 30 к.

45) **Единовѣріе** за время столѣтія существованія его въ русской Церкви. *М. П. Чельцова.* Ц. 50 к.

46) **Юбилейное торжество** православнаго старообрядческаго (единовѣрія). *В. М. Скворцова.* Ц. 10 к.

47) **Архимандритъ Павелъ Прусскій.** *Н. Беренскаго.* 50 к.

48) **Бесѣда двухъ друзей**—православнаго и безпоповца: о лѣтахъ 1666-ти и о лицѣ антихриста. Ц. 5 к.

49) **О таинствахъ** вообще и св. крещеніи въ частности. Ц. 5 к.

50) **О Церкви Божіей.** Ц. 5 к.

51) **О продолж. царств.** антихриста и предтечахъ втор. приш. Христова. Ц. 5 к.

52) **О таинствѣ** причащенія. Ц. 5 к.

53) **О священствѣ.** Ц. 5 к.

54) **Православная страдалица** въ раскольничьей семьѣ. *Ѳ. Круглова.* Ц. 5 к.

55) **День въ раскольничьемъ скиту.** *М. Огибенина.* Ц. 5 к.

56) **Защита бѣлокриницкаго устава.** Ц. 5 к.

57) **Ученіе св. Іоанна Златоустаго** о единовѣріи при разнообрядствѣ. Свящ. *Е. Зубарева.* Ц. 3 к.

58) **Похожденіе бѣглаго попа** среди Кидашинскихъ раскольниковъ. Свящ. Афанасій *Веселицкій.* Ц. 5 к.

59) **Познай свое нововѣріе,** мнимый старовѣръ. *Н. Гринякина.* Ц. 5 к.

60) **Попъ Марфентій.** (Изъ жизни раскольниковъ на Уралѣ). Макарія *Огибенина.* Ц. 10 к.

Съ требованіями обращаться въ редакцію „Мисс. Обозр.". С.-Петербургъ. Невскій, 153. Телефонъ № 5226.

1906. Мартъ. XI.

МИССІОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЖУРНАЛЪ ВНУТРЕННЕЙ МИССІИ.

№ 3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Т-ва «СВѢТЪ» Невскій, 136. Редакція „Миссіонерск. Обозр.“
1906. Невскій, 153. Телеф. № 5226

Содержаніе мартовской книжки

журнала „Миссіонерское Обозрѣніе“ за 1906 годъ.

По общимъ вопросамъ православной вѣры и церковной жизни.

Церковная мозаика и ея участь въ Россіи. Императорской Академіи Художествъ почетный общникъ. *А. А. Карелинъ*. 273—298

О судебныхъ доказательствахъ по каноническому праву (къ предстоящей реформѣ церковнаго судопроизводства). *В. Троицкій* . . . . . 299—328

Какъ японцы относятся къ христіанству. *А. А. Берсъ* . 329—333

Тридцатилѣтнее служеніе въ священномъ санѣ преосвященнаго Гурія, епископа симбирскаго и сызранскаго. Свящ. *А. Ивановъ* . . . . . 334—342

Миссіонерскій отдѣлъ.

Къ вопросу о перечисленіи изъ православія въ единовѣріе. Профессоръ *П. Ивановскій* 343—361

По сектовѣдѣнію.

Обличеніе лжеученія хлыстовской секты. *Д. Грацiанскій* 362—367

Духовныя пѣсни скопцовъ Курской епархіи. Свящ. *Шевалеевскій* . . . . . 368—375

Надгробныя надписи субботниковъ и молоканъ с. Разсказова, Тамбовскаго уѣзда. Епарх. миссіонеръ *М. Третьяковъ* . . . . . 376—380

По расколовѣдѣнію.

Изъ жизни современной бѣглопоповщины. *В. Демидовъ* . 381—384

Церковь Христова и временно безъ епископа быти не можетъ. Свящ. *С. Шалкинскій* . . . . . 385—391

ХРОНИКА.

Лѣтопись періодической и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.

Сущность христіанства. *Зееберг.*—Основныя истины христіанскихъ исповѣданій. Баронъ *М. Ф. Таубе*. . . . . 392—396

По общимъ вопросамъ вѣры и церковной жизни.

Церковная мозаика и ея участь въ Россіи.

На долю православнаго иконописанія выпали счастливыя техническія данныя, какими полностью не обладала религіозная живопись запада. Если припомнить пріемъ такъ называемаго яичнаго иконнаго письма, то станетъ очевидною незыблемая прочность и долговѣчность этого рода своеобразной живописи, которая лишь потому зачастую доходитъ до нашихъ дней въ грубо испорченномъ видѣ, что ее не умѣютъ беречь, варварски протирая иконы деревяннымъ масломъ, сдирая слой этой костеобразной по твердости краски всевозможными, крайне невѣжественными пріемами. Между тѣмъ только единственный родъ живописи — восковой (энкаустика) можетъ сравниться съ долговѣчностью, какою обладаетъ иконописная техника красками, разведенными на яичномъ бѣлкѣ. Но энкаустика, несмотря на свои высокія свойства, превышающія всѣ другіе типы художественной техники, утратила незаслуженно права гражданства, тогда какъ яичное письмо продолжаетъ быть въ дѣлѣ православнаго иконописанія пріемомъ наиболѣе чтимымъ народомъ и болѣе другихъ подходящимъ къ характеру нашихъ священныхъ изображеній. Не вдаваясь въ настоящей статьѣ въ изложеніе причинъ упадка и этого типа нашего иконописанія, чему мы посвятимъ особый спеціальный очеркъ, на этихъ страницахъ мы займемся другимъ вѣковѣчнымъ художественно-техническимъ пріемомъ, издревле предназначавшимся служить незыблемымъ устоямъ православія, тѣми своими драгоцѣнными свойствами, которыя можно опредѣлить, назвавъ ихъ *абсолютно нерушимыми*. Рѣчь будетъ о *мозаикѣ*.

Съ 1017—1037 годъ соборъ Св. Софіи въ Кіевѣ украшался по

повелѣнію Ярослава I стеклянной мозаикой, часть которой, не тронутая рукою разрушителей, незыблемо стоитъ и въ наши дни, вызывая изумленіе простого народа, зовущаго горнее мѣсто *нерушимою стѣною*. Эти слова „Нерушимая Стѣна“ и служатъ однимъ изъ церковныхъ поэтическихъ именованій Богоматери [1]). Народъ смѣшиваетъ это представленіе, относя его непосредственно *къ мозаичному* воспроизведенію Св. Дѣвы Маріи. Въ работахъ греческихъ мастеровъ, дѣлавшихъ эту мозаику, принималъ участіе Св. Олимпій Печерскій. Въ Златоверхомъ соборѣ Михайловскаго монастыря, построеннаго великимъ княземъ Святополкомъ Изяславичемъ (1008 г.) сохранилась въ полной своей неприкосновенности мозаика, изображающая Св. Троицу съ предстоящими ангелами и Тайную вечерю. Древне-русскую мозаику мы встрѣчаемъ еще у насъ въ Россіи и въ третьемъ мѣстѣ, а именно въ Новгородѣ Великомъ, въ алтарѣ Софійскаго собора. Здѣсь не разрушенъ лишь орнаментъ, составленный изъ плиточекъ: бѣлаго, желтаго, зеленаго, фіолетоваго, амарантоваго и кофейнаго цвѣтовъ. Въ Синопсисѣ имѣется указаніе о бывшихъ мозаикахъ въ церквахъ Печерской и Св. Ирины—въ Кіевѣ. Одного времени съ кіевскими мозаиками имѣются еще остатки таковой въ Гелатѣ близъ Кутаиса и въ Имеретіи, въ храмѣ Богоматери, построенномъ царемъ Грузіи Давидомъ II Возстановителемъ (XII в.). Здѣсь въ алтарной апсидѣ сохранились мозаичныя изображенія, на золотомъ фонѣ: Богоматери, сидящей на престолѣ, съ младенцемъ Іисусомъ, и архангеловъ Михаила и Гавріила по бокамъ ихъ. Мозаика эта, впрочемъ, подарокъ восточнаго императора царю Давиду. Перечисленныя древнія мозаики, находящіяся въ Россіи, принадлежатъ приблизительно одному періоду художественнаго творчества и съ полной наглядностью говорятъ о своей необычайной стойкости въ борьбѣ съ всеразрушающимъ временемъ. Необыкновенно страннымъ является то обстоятельство, что въ дѣлѣ воспроизведенія въ Россіи священныхъ изображеній мозаикою съ XII до XVIII вѣка наблюдается ничѣмъ не оправдываемый промежутокъ. Это тѣмъ болѣе необъяснимо, что въ указанный промежутокъ времени на Руси воздвигались огромные, роскошные по художественности храмы, которые вовсе не носили въ себѣ слѣдовъ мозаичныхъ украшеній, не смотря на очевидное богатство и вѣковѣчную прочность этого типа художественной техники.

[1]) „Царствія Нерушимая Стѣна“, „Стѣна и утвержденіе“ и пр.

Трудно подсчитать тѣ брошенные капиталы, которые тратились на всевозможныя *возобновленія* стѣнной росписи въ храмахъ всей Россіи за періодъ болѣе чѣмъ полутысячелѣтія, брошенные непроизводительно только потому, что, вначалѣ *или исподволь*, не покрывали церковныхъ стѣнъ вѣковѣчной мозаикой. Несомнѣнно, этотъ капиталъ доросъ до милліардовъ рублей. Такая потеря тѣмъ болѣе обидна, что такимъ образомъ утрачено неперечислимое количество великолѣпныхъ образцовъ православной иконографіи, испорченной реставраціей, перепиской или погубленной невѣжественными обновителями.

Въ XVIII вѣкѣ начинается возрожденіе русской мозаики. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, подъ впечатлѣніемъ увидѣннаго имъ въ домѣ его покровителя вице-канцлера М. Л. Воронцова мозаичнаго портрета императрицы Елизаветы Петровны, сдѣланнаго итальянскимъ художникомъ, приступилъ въ 1751 году со свойственною ему горячностью за изслѣдованіе мозаичной стеклянной массы, твердо рѣшивъ начать самому дѣлать въ Россіи мозаики. Въ рапортѣ М. В. Ломоносова о своихъ „совершенныхъ трудахъ съ 1751—1756 г.“ а именно въ 1752 году, вмѣстѣ съ предварительными работами по мозаикѣ, были уже указаны результаты:—„изыскивалъ способы и практикою доказалъ, какъ составлять *мусію*“. А далѣе:—„по канцелярскому указу обучалъ составленію разноцвѣтныхъ стеколъ присланнаго изъ канцеляріи строеній ученика Дружинина для здѣшнихъ стеклянныхъ заводовъ“. Кромѣ него Ломоносовъ взялъ изъ рисовальныхъ классовъ при Академіи Наукъ (Академіи Художествъ еще не существовало) ученика Матвѣя Васильева (октябрь 1752 г.), впослѣдствіи лучшаго мастера на его фабрикѣ. Представивъ къ концу года первые опыты изобрѣтенной имъ мозаики на Высочайшее воззрѣніе, Ломоносовъ получилъ (по указу Сената 23 февраля 1753)—„для заведенія бисерной фабрики“ въ Копорскомъ уѣздѣ, изъ Коважской мызы, землю и 211 душъ, въ 6 деревняхъ. Въ этомъ помѣстьѣ, отстоящемъ отъ столицы въ 70 верстахъ (на мызѣ Усть Рудицы), Ломоносовъ построилъ заводъ, гдѣ кромѣ выдѣлки стекла, приготовлялась и *смальта*. Такимъ образомъ было положено начало возрожденію въ Россіи мозаики. Слова смальта происходитъ отъ латинскаго esmaltum или smaltum, какъ и итальянское smalti и французское email. Отсюда, цвѣтное стекло для мозаичнаго набора называется для отличія смальтою.

Подъ словомъ *мусія* древніе греки и византійцы разумѣли нынѣшнюю мозаику. Ученые несогласно опредѣляютъ смыслъ и происхожденіе этого слова. Чампини, отыскивая колыбель мозаики на востокѣ, считалъ корень этаго слова еврейскимъ; Буленгеръ (De Pictura кн. 1 глава 8) объяснялъ слово мусія глаголомъ мусейнъ, т. е. разнообразить, различать, расцвѣчивать колерами. Въ примѣчаніяхъ къ книгѣ Манилія, Скалигеръ просто переводилъ греческое слово мусеіонъ или латинское musivus — мозаическій — эпитетами *искусно, изящно составленный*. Было еще мнѣніе о прозводствѣ этого слова отъ mucis — такъ какъ работа изъ малѣйшихъ камешковъ, или musis, такъ какъ составленіе мозаики предполагало и требовало, по самой своей трудности, особенныхъ, *поэтическихъ* способностей. Курьезнѣйшее объясненіе слову мусія далъ Фуріетти — „отъ слова музей, означающаго публичное мѣсто, гдѣ собирались ученѣйшіе мужи и гдѣ обыкновенно, какъ замѣтилъ Спонъ, полъ украшался мозаикой".

Древнѣйшій видъ мозаики — мраморный изъ разноцвѣтныхъ кусочковъ этого матерьяла *въ узоръ*, въ силу чего мозаика, какъ мраморная, такъ и стеклянная, долго назывались дѣломъ рѣзнымъ — sectilia, наборнымъ — tesselata, или просто половымъ — lithostrota.

Въ христіанскихъ церквахъ мозаикою украшалась апсида (алтарная сферическая ниша). Въ Византіи во дворцахъ императоровъ мозаика покрывала своды трулловъ (trullus) и столовыхъ (triclinium). Павзаній изобрѣтеніе выдѣлки мраморныхъ плитъ для обшивки стѣнъ приписываетъ Бизасу (за 6 вѣковъ до нашей эры). Затѣмъ прошелъ большій или меньшій періодъ времени съ изобрѣтенія Бизаса, когда дошли до рѣзки мрамора въ маленькіе кусочки произвольной величины, подборъ которыхъ по рисунку назывался opus tesselatum. Позднѣе появилась архитектурная орнаментація — opus sectile или opus segmentatum, хотя римляне удерживали греческое общее имя lithostroton (каменная настилка). Opus segmentatum — уже изображеніе фигуръ изъ животнаго или растительнаго царства посредствомъ двухъ или трехъ (не болѣе) цвѣтовъ мрамора, т. е. то самое, что въ ближайшія къ намъ времена во Флоренціи извѣстно подъ именемъ opera di Comesso. Ограниченность цвѣтовъ мрамора заставила искать матерьяла болѣе разнообразнаго по богатству колеровъ. Энкаустика [1]) своею прочностью

[1]) Восковыя краски приготовляются плавленіемъ воска и размѣшиваніемъ его съ красящими веществами.

давала поводъ заключить о возможности получить огненнымъ путемъ такой матерьялъ, который ни время, ни атмосферныя перемѣны не будутъ портить и уничтожать. Такимъ образомъ вниманіе было обращено и на стекло, которое финикіяне умѣли окрашивать въ болѣе или менѣе произвольные цвѣта и не только однотонные, а какъ бы и мраморнаго характера. Мозаичное дѣло въ первое время смѣшивали съ мраморною инкрустаціею, иногда давая обоимъ общее названіе. Иногда мозаику обозначали и особымъ греческимъ словомъ *асаротонъ* (отъ саронъ—стекло). Издѣлія этаго рода, по словамъ Плинія, стали впервые фабриковать въ Пергамѣ и родоначальникомъ считается нѣкто Sosus. Древнѣйшіе остатки *асаротнаго* дѣла найдены въ развалинахъ виллы Адріана въ Тиволи, гдѣ въ одномъ мѣстѣ изображены съ высокимъ совершенствомъ четыре голубя и остатки трапезы. Въ III вѣкѣ мозаичная орнаментика не ограничивается полами и изъ нея уже дѣлали портреты. *Съ введеніемъ христіанства, въ храмахъ съ перваго-же момента мозаика нашла себѣ пріютъ* въ качествѣ украшенія потолковъ или даже и всѣхъ стѣнъ, представляя въ лицахъ *для непосвященныхъ* всѣ главныя событія ветхаго и новаго завѣта. Въ эдиктѣ Константина Великаго отъ 337 года говорится уже о мозаичныхъ мастерахъ (musivarii artifices). Древнѣйшимъ христіанскимъ храмомъ, украшеннымъ мозаикою, была равеннская церковь св. Агаты. Одновременно съ этими замѣчательными мозаиками были украшены такимъ-же пріемомъ арка въ базиликѣ Св. Павла въ Римѣ и храмъ мучениковъ Назарія и Цельса въ Равеннѣ (440 г.). Въ 451 г. *куполъ* храма св. Іоанна на водахъ былъ весь выложенъ стеклянной мозаикой. Самая значительная по размѣрамъ мозаика была сдѣлана при Теодорикѣ, въ церквѣ S. Maria, доказывающая огромную тогда наличность искусныхъ мозаичистовъ. Высшая степень совершенства христіанской мозаики въ православной Византіи всего ярче и полнѣе сказалась въ первомъ храмѣ во всемъ христанскомъ мірѣ—соборѣ св. Софіи (536 г.) въ Константинополѣ. Блескъ и художественность этого сооруженія были такъ ослѣпительны, что вѣнцомъ своей земной славы Ярославъ I и его сынъ Владиміръ, при сооруженіи ими много позднѣе храмовъ св. Софіи въ Кіевѣ и Новгородѣ, считали осуществленіе желанія хоть сколько-нибудь приблизиться къ великолѣпной постройкѣ Юстиніана I. Мозаики константинопольской св. Софіи, послѣ

перехода ея въ турецкое владычество, были временно раскрыты изъ-подъ штукатурки только въ 1847 г.—1848 г. архитекторомъ Гасп. Фоссати.

Въ томъ-же 1848 году Высочайше повелѣно было реставрировать мозаики кіевской св. Софіи,—тоже, въ силу невѣжества, бывшія многіе годы подъ штукатуркой. Мы не будемъ перечислять всѣхъ дворцовъ, украсившихся въ дни византизма мозаикой. Храмъ, построенный въ дворцѣ Василіемъ Македонянином, могъ спорить по богатству и совершенству мозаикъ съ св. Софіей. Послѣдняя была такъ безподобна своими мозаиками, что Юстиніанъ въ день ея освященія призналъ себя „превзошедшимъ Соломона". Равенна видѣла примѣръ щедрости этого императора, украсившаго ее въ 553 году храмомъ св. Виталія. Нѣсколько рутинными начинаютъ быть мозаичныя изображенія святыхъ въ церкви св. Лаврентія въ Вероно (578 г.), какъ и въ церквахъ св. Агнесы (623 г.) и въ ораторіи св. Веранція (623 г.) въ Римѣ, равно какъ и въ церквахъ св. Стефана на Монте-Челіо и св. Петра (582 г.). Мозаики св. Евангелистовъ въ с. св. Марка и Спаситель со святыми (774 г.), служеніе ангеловъ въ церкви св. Нерея и Ахиллея (796 г.), Христа съ апостолами и другое изображеніе Спасителя и св. Петра въ Латеранѣ (797 г.), Христа на престолѣ (тамъ-же) и Карла Великаго въ церкви св. Сусанны—представляютъ уже полную рутину и произведенія жалкаго искусства. Совершенно утеряны первоначальные типы въ мозаикахъ церкви св. Пракседы (819 г.). Въ капуанской церкви конца XIII и начала IX вѣка снова видимъ чистѣйшій византійскій стиль. Италія, южная часть которой долго принадлежала восточной имперіи, во все продолженіе среднихъ вѣковъ наводнялась приливомъ византійскихъ художниковъ мозаичистовъ, или строившихъ дворцы и храмы въ ней самой, или переправлявшихся на западъ и сѣверъ. Венеція, какъ одинъ изъ приморскихъ городовъ, составлявшихъ тогда центры, при постоянныхъ сношеніяхъ съ Византіей и снабженіи всѣхъ прочихъ странъ произведеніями ея фабрикъ, привлекала къ себѣ капиталы, часть которыхъ удѣляла на храмъ своего патрона—св. Евангелиста Марка. Этотъ храмъ въ теченіе вѣковъ сдѣлался сокровищницею всего лучшаго, что успѣли добыть деньги и произвести искусство венеціанъ. Соборъ св. Марка обязанъ прежде всего генію византійцевъ. Въ 970 г. дожъ Піетро Орсеоло призвалъ строителей изъ

Константинополя для постройки этого собора, длившейся цѣлый вѣкъ и оконченный при дожѣ Доменико Сельво въ 1084 г. Первыя мозаики св. Марка должны быть отнесены къ этому времени и оказали благодѣтельное вліяніе на позднѣйшее возрожденіе мозаики, какъ въ самой Италіи, такъ и во всей Европѣ. *Сюда относится сооруженіе мозаикъ св. Софіи Кіева (1017—1037) и Новгорода (1044)—одновременно съ установкою главныхъ первыхъ мозаикъ собора св. Марка въ Венеціи.*

Съ 1000 года *при соборѣ св. Марка* безпрерывно 905 лѣтъ *работала собственная мозаичная мастерская*, украшавшая несравненный памятникъ, какъ музей тысячелѣтней эволюціи мозаичнаго искусства. Въ настоящее время этою мозаичною студіею завѣдуетъ синьоръ Агацци. Изготовленіе цвѣтныхъ массъ стекла перенеслось въ Мурано, расположенное близъ Венеціи. Точно такъ-же *при соборѣ св. Петра въ Римѣ* съ момента начала постановки въ немъ мозаикъ, замѣщающихъ произведенія тлѣнной живописи, *работаетъ*, обслуживая его нужды, *мозаическая студія Ватикана*. Матерьялъ для мозаикъ св. Петра изготовляется въ Ватиканѣ и выдѣлкою смальтъ завѣдуетъ въ наши дни синьоръ Мануччи. Мурано и Ватиканская студія продаютъ свои смальты почти всему мозаичному міру.

Въ Россіи М. В. Ломоносовъ изобрѣлъ свою собственную смальту и, возродивъ угаснувшее съ XII вѣка русское мусійное дѣло, долженъ считаться родоначальникомъ нынѣ функціонирующихъ у насъ фабрикъ. Необходимо обратить вниманіе на постановку русскаго мозаичнаго дѣла сравнительно съ соборами св. Петра и св. Марка, прослѣдить съ XVIII вѣка исторію русской мозаики, взглянувъ на *утраченные завѣты Ломоносова, подкрѣплявшіеся въ свое время предначертаніями Екатерины Великой и императора Николая I*. Но ради нѣкоторой послѣдовательности въ изложеніи исторіи мозаики, предпошлемъ еще нѣкоторыя строки.

Возстановителемъ мозаики на итальянской почвѣ считается грекъ Ѳеофанъ, приглашенный въ Венецію для украшенія собора св. Марка. Ѳеофанъ открылъ въ Венеціи (въ 1200 году) школу живописи, въ которой изученіе мозаичнаго искусства составляло обязательную часть техническаго образованія живописца, настолько же для него въ тѣ времена необходимаго, какъ писаніе по сырой (al fresco) и

сухой (al secco, al tempera) штукатуркѣ. Школа Ѳеофана создала цѣлый рядъ замѣчательныхъ мозаичистовъ, изъ которыхъ назовемъ грека Аполлонія, феррарца Джелазіо, флорентинца Тафи. Андреа Тафи (1213—1294) обучилъ мозаикѣ Гаддо Гадди (1239—1312), въ свою очередь ученикомъ котораго былъ знаменитый Джотто (1267—1321), создавшій мозаическій chef d'oeuvre своего времени „укрощеніе бури Іисусомъ Христомъ на Тиверіадскомъ озерѣ". Помощникомъ Джотто былъ Пьетро Кавалини, исполнившій мозаики на фасадѣ церкви Богородицы въ Трастеверѣ (Римъ). При папѣ Павлѣ II дѣлались мозаики въ Петровскомъ соборѣ и при Сикстѣ IV—въ апсидѣ капеллы его сооруженія. Вѣкъ возрожденія и самое высшее развитіе живописи не только не уничтожило мозаическаго производства, но даже поддержало его. Великій Тиціанъ принималъ живѣйшее участіе въ усовершенствованіи колорита мозаики, исполнявшейся въ соборѣ св. Марка Франческомъ Цуккато. Тиціанъ давалъ свои картоны и внимательно слѣдилъ за выполненіемъ мозаики. Кавалеръ Арпино и Гвидо Рени въ свое время принимали не менѣе дѣятельное участіе, такъ что общими усиліями искусныхъ мозаичистовъ (*создававшихъ и смальту*) вмѣстѣ съ великими мастерами живописи, мозаика наконецъ была доведена до возможности передавать гармонію тоновъ картины, нисколько не уменьшая въ такомъ воспроизведеніи свѣжести и силы оригинала. Огромную услугу мозаикѣ оказало папское правительство, предпринявшее изготовленіе мозаичныхъ копій съ chef d'oeuvre'овъ великихъ художниковъ, наполнявшихъ соборъ св. Петра въ Римѣ.

Высотѣ совершенства мозаичныхъ работъ способствовало открытіе синьоромъ Маттіоли (въ XVIII в.) пурпуровой смальты, что дало возможность передавать тончайшіе нюансы живописи. Къ сожалѣнію *для итальянцевъ,* секретъ пурпуровыхъ смальтъ (purpurini) ими затерянъ и не возобновленъ, такъ что папскій магазинъ смальтъ, продавая въ недавнемъ прошломъ запасы этихъ оттѣнковъ стекла чуть ли не на вѣсъ золота, нынѣ прекратилъ его выдачу.

Въ 20-хъ годахъ прошлаго вѣка мозаичисты Giovanni Moro и Gazetti впервые примѣнили упрощенный ими мозаичный пріемъ набора кусочковъ смальты при реставраціи нѣкоторыхъ мозаикъ св. Марка въ Венеціи. Какъ извѣстно, имѣются двѣ главныхъ разновидности мозаичной

техники — римскій и венеціанскій. Первый, практикуемый въ Ватиканѣ и въ русскомъ мозаичномъ отдѣленіи, состоитъ въ наборѣ мозаики съ лицевой стороны, второй—съ обратной стороны, такимъ образомъ, что правая сторона ея находится на лѣвой отъ зрителя или такъ, какъ мы видимъ себя въ зеркалѣ. Для этой цѣли прорисовываютъ контуры оригинала на прозрачныя бумагу или провосченую матерію, положенныя плотно на картину. На такой рисунокъ, перевернутый на другую сторону, приклеиваютъ, смотря по оригиналамъ, разноцвѣтные кусочки смальтъ, которые, по окончанію набора, заливаютъ цементомъ и отмочивъ первоначальный прозрачный рисунокъ получаютъ готовую мозаику. Способъ этотъ имѣетъ тысячи пріиммуществъ передъ римскимъ пріемомъ и особенно драгоцѣненъ при реставраціяхъ мозаики.

Одинъ изъ экземпляровъ мозаичной работы Ватиканской студіи и далъ толчекъ М. В. Ломоносову положить начало чисто русской мозаикѣ. Мы не будемъ указывать на ту разницу въ производствѣ мозаикъ, какая имѣется между римскимъ способомъ и работами Ломоносова, такъ какъ это совершенно не имѣетъ существеннаго значенія для качества мозаики, укажемъ лишь *на основу* введенія въ Россіи мозаичнаго дѣла *открытіемъ имъ первой русской фабрики, изготовляющей смальту*. Какъ бы велики ни были запасы смальтъ, сколько бы десятковъ тысячъ готовыхъ разноцвѣтныхъ кусочковъ стекла не были приготовлены, все-таки *постоянно и непремѣнно приходится приготовлять новыя смальты новыхъ оттѣнковъ*, по той причинѣ, что *градаціи красочныхъ тоновъ картинъ безконечны*. Основа мозаики смальтовареніе. Начало искусства мозаики *въ печи*, гдѣ готовится смальта первымъ художникомъ, приступающимъ къ мозаичному дѣлу. *Въ печи* начало художественности мозаики. Съ этого момента, *главнымъ образомъ*, начинается разрѣшеніе художественныхъ данныхъ сути „запечатлѣнія авторства“ въ вѣковѣчный матеріалъ—стекло. Кусокъ стекла— только кусокъ, и брилліантъ—тѣло какъ бы стекловидное; но и въ смальтѣ, и въ драгоцѣнныхъ камняхъ заключены: въ послѣднихъ—отблескъ даровъ природы, въ первой —*художественная* мысль *основного* мозаичиста. Повторяю, основа мозаики—*прежде всего* въ смальтовареніи, какъ въ живописи умѣнье распоряжаться смѣшеніемъ красокъ на палитрѣ. До тѣхъ поръ, пока возможность получать любыя цвѣтные оттѣнки

въ смальтѣ не была рѣшена, не могло быть и совершенства мозаики. Мы обращаемъ особенное вниманіе на изложенныя основныя положенія мозаичнаго дѣла, такъ какъ въ дальнѣйшемъ намъ придется исходить изъ этихъ данныхъ. Обратимъ теперь вниманіе на тѣ цѣли, которыя рисовались М. В. Ломоносову, при его стремленіи къ введенію мозаичнаго искусства въ Россіи. Наиболѣе картинно, чѣмъ пишетъ объ этомъ самъ „господинъ коллежскій совѣтникъ Ломоносовъ, Санктъ-Петербургской Императорской и Королевской Шведской Академіи наукъ членъ и химіи профессоръ", изложить трудно, а потому приведемъ его прошеніе къ Императрицѣ Екатеринѣ. „Понеже указомъ Вашего Императорскаго Величества, даннымъ изъ Правительствующаго сената прошлаго 1756 года повелѣно, чтобъ я особливо къ размноженію мозаичнаго искусства прилагалъ стараніе, —того ради, исполняя указъ, паче прочихъ вещей старался о произведеніи въ совершенство помянутаго художества, которое и достигло уже такого состоянія, что совершенно служить можетъ *для украшенія церквей Божіихъ и другихъ публичныхъ строеній, каковые Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества повелѣніемъ строятся* къ украшенію отечества и къ вѣчной славѣ благословеннаго государствованія. А какъ черезъ многіе достовѣрные опыты изъ древнихъ лѣтъ подлинно извѣстно, что мозаичная живопись не подвержена такому тлѣнію, какъ ея другіе роды, но кромѣ чрезвычайныхъ и насильныхъ дѣйствій, ни воздухомъ, ни долготою времени не повреждаются, онымъ неувядающими цвѣтами могу и желаю я, нижайшій, какъ *для церквей Божіихъ святые образы, такъ и для другихъ публичныхъ строеній*, изображать на моихъ заводахъ лица и дѣла Вашихъ предковъ, а особливо безсмертныя памяти дражайшихъ Вашихъ родителей, равно какъ геройское Вашего Величества на родительскій престолъ восшествіе и благодѣянія къ отечеству, гдѣ Высочайшимъ Вашимъ указомъ повелѣно мнѣ будетъ; которое дѣло производить имѣю по даннымъ оригиналамъ или рисункамъ, со всякимъ требуемымъ совершенствомъ *за надлежащую цѣну*. И дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе въ Правительствующій Сенатъ принять и Всемилостивѣйше указать на моихъ заводахъ составлять мозаичныя живописныя вещи *для украшенія казенныхъ* строеній по даннымъ оригиналамъ или

рисункамъ за надлежащую цѣну, дабы возобновленное и въ несравненно лучшее состояніе приведенное мною сіе въ Россіи искусство *могло размножиться*". Изъ этого замѣчательнаго прошенія совершенно ясенъ здравый взглядъ Ломоносова на роль мозаики, которая и въ дѣйствительности должна была бы обслуживать храмы и правительственныя зданія, сооружаемые по Высочайшему повелѣнію, за оплату *дѣйствительной ихъ стоимости* и кромѣ того послужила бы вообще распространенію этого искусства въ Россіи. Такъ ясно выраженная *мысль* Ломоносова положительно *не осуществилась*. Мы постепенно подойдемъ къ этому печальному историческому явленію и объяснимъ его причины.

Ломоносовъ исполнилъ мозаикою 7 образовъ, 6 портретовъ, нѣсколько незначительныхъ или затерявшихся работъ, а такъ же большую мозаику (2 на $6^1/_2$ аршинъ), изображавшую „Полтавскую битву", воспроизводившую оригиналъ, написанный масляными красками, придворнымъ живописцемъ Петромъ Дени Мартеномъ младшимъ. На верху этой мозаики, *въ выгибѣ* былъ сдѣланъ образъ Св. апостола Павла съ перомъ въ рукѣ. Кромѣ того, его же фабрикою начата была мозаика „Азовское взятіе" и „Начало государевой службы", не сохранившіяся и неизвѣстно куда исчезнувшія. Послѣднія три большія мозаичныя картины набирались Ломоносовымъ для крайне сложнаго памятника Петру Великому, который предполагалось поставить въ Петропавловскомъ соборѣ. Проектъ былъ составленъ самимъ М. В., а исполненіе, какъ слѣдствіе вышеприведеннаго прошенія 1757 года, было поручено ему же по Высочайшему разрѣшенію 26 октября 1760 года за сумму 148,682 рубля. Съ 29 марта слѣдующаго года Ломоносовъ приступилъ къ выполненію названныхъ большихъ мозаикъ. Въ 1764 году мозаика „Полтавская битва" была окончена и вызвала полное одобреніе Сената. Весь проектъ Ломоносова, касавшійся памятника Петру Великому, помимо многихъ фигуръ и чисто архитектурнаго построенія, состоялъ изъ 10 очень большихъ мозаикъ, не меньшихъ размѣра „Полтавской битвы". Смерть геніальнаго, перваго *ученаго* русскаго мозаичиста (7 апрѣля 1765 года) пресѣкла дальнѣйшее выполненіе изумительнаго по богатству и широтѣ замысла памятника великому преобразователю. Общее число квадратныхъ аршинъ всѣхъ мозаикъ монумента должно было рав-

няться шестистамъ. Нельзя искренно не пожалѣть, что сооруженіе не могло быть окончено. Какъ будто бы рокъ тяготѣлъ надъ первыми шагами возрожденной русской мозаики, продолжавшій быть немилостивымъ и въ дальнѣйшемъ развитіи русской мозаики. Ломоносовская мозаичная фабрика, строго говоря, принадлежала казнѣ, выдавшей на нее тринадцать тысячъ рублей и М. В. былъ т. с. арендаторомъ на 30 лѣтъ. Ссора жены Ломоносова съ мозаичистами понудила Сенатъ указомъ 17 іюня 1766 года вывести мозаичную мастерскую изъ дома изобрѣтателя съ Большой Морской и передать ее въ контору Ея Императорскаго Величества. Инспекція надъ мозаичнымъ производствомъ была ввѣрена *живописцу* Ивану Ивановичу Бѣльскому (1720—1799), при которомъ были исполнены только два образа, попавшіе на академическую выставку 1770 года. Несмотря на оффиціальное существованіе мастерской до 1798 года, мы не находимъ данныхъ о большей ея дѣятельности, хотя встрѣчаются свѣдѣнія о доставленіи смальтъ на Императорскій стеклянный заводъ. Въ половинѣ семидесятыхъ годовъ исчезаетъ лучшій мастеръ мозаичистъ, которымъ держалось учрежденіе по смерти Ломоносова, и покидаетъ фабрику составитель смальтъ, шуринъ М. В.—Иванъ Цильхъ. Съ 1798 года до 1829 мозаичное дѣло, въ томъ видѣ, о какомъ мечталъ Ломоносовъ, фактически не существовало, если не считать тѣхъ мозаичистовъ, которые работали изъ заграничныхъ покупныхъ и ломоносовскихъ смальтъ.

Дальнѣйшій историческій путь русской мозаики обязанъ своимъ бытіемъ Императору Николаю I. Посѣтивъ студію мозаичиста-академика Веклера (1800—1861), государь обратилъ вниманіе на плачевное состояніе, въ которомъ оказалась мозаика „Полтавская битва“, сосланная въ Академію художествъ, заколоченная досками, искрошившаяся отъ небрежнаго съ ней обращенія, съ отломаннымъ и утерянным изображеніемъ св. апостола Павла. Тогда же былъ отданъ приказъ реставрировать эту драгоцѣнность, для чего вызвали изъ за границы (въ 1829 г.) мозаичиста Дольфини, который вскорѣ умеръ, и работа перешла къ самому Веклеру. Георгъ Фердинандъ Веклеръ, какъ мозаичистъ, стоялъ совсѣмъ обособленно отъ дѣятельности образовывавшейся новой „николаевской“ мозаичной студіи, сдѣлавшись совершенно случайно въ 1856 году питомцемъ римскаго мозаи-

чиста Молья, учившагося у Агацци (изобрѣтателя *мелкой* мозаики, отца нынѣ работающаго въ соборѣ св. Марка въ Венеціи). Въ нашемъ обзорѣ нельзя не упомянуть его имени, какъ все таки нѣкоторымъ образомъ заполнившаго пробѣлъ между погибшимъ дѣломъ Ломоносова и новымъ возрожденіемъ русской мозаики, обязанной императору Николаю I. Веклеръ былъ рижанинъ, величался „Егоромъ Яковлевичемъ", и оставилъ послѣ себя болѣе полусотни прекрасныхъ и очень цѣнныхъ мозаикъ. Реставрація „Полтавскаго боя" не двинулась ни на шагъ, потому что Веклеръ не успѣлъ приспособиться къ болѣе широкой манерѣ Ломоносовской мозаики. У Веклера было два ученика, и одинъ изъ нихъ сложившійся, послѣ поѣздки за границу, въ самостоятельнаго мастера, одиноко практиковалъ образа, портреты и мелкія мозаики.

Существеннымъ рычагомъ къ реставраціи мозаичнаго дѣла послужилъ докладъ Кривцова—„начальника русскихъ художниковъ-пенсіонеровъ", жившихъ въ Римѣ, доложившаго въ 1842 году министру Императорскаго двора о желательности и практичности учредить русское мозаичное заведеніе. Несомнѣнно эта идея была подсказана Кривцову строителемъ Исаакіевскаго собора архитекторомъ Монферраномъ, тѣмъ болѣе, что докладъ былъ написанъ и поданъ послѣ поѣздки Монферана въ вѣчный городъ. Къ осуществленію проекта возрожденія мозаичный студіи являлись тѣ данныя, что строившійся соборъ сооружался изъ цѣннѣйшихъ и вѣковѣчныхъ матеріаловъ и еще то, что можно было дешево купить до *35,000 фунтовъ смальты*, оставшейся отъ прекращенія мозаичной фабрики вице-короля итальянской республики герцога Мельци, существовавшей въ Миланѣ на правительственную субсидію, неожиданно прекращенную извѣстному мастеру-мозаичисту Рафаэлли. Кривцовъ купилъ эту смальту и предлагалъ правительству вызвать въ Петербургъ знаменитаго римскаго мозаичиста кавалера Микель-Анджело Барбери, бравшагося организовать студію, указывая на желательность пригласить и профессоровъ-итальянцевъ для обученія въ 3—4 года русскихъ молодыхъ людей. При этомъ Кривцовъ сообщалъ что Барбери находитъ возможнымъ исполнять картины для собора *болѣе декоративнымъ типомъ мозаики* сравнительно съ тѣмъ, къ которому привыкли въ русской академіи художествъ. Наше *высшее художественное*

учрежденіе оказалось не на высотѣ своего положенія и ограничилось выраженіемъ своего неодобренія проекту Кривцова, найдя, что 35000 фунтовъ смальты мало, что обучить мозаичному набору нельзя такъ скоро и что Барбери ошибается, предлагая декоративное выполненіе. Вполнѣ естественнымъ результатомъ такого отзыва академіи художествъ явилось то, что государь принужденъ былъ написать не иную резолюцію, какъ—*„повременить“* съ исполненіемъ проекта Кривцова. Мы нарочно *подчеркиваемъ мнѣніе академіи художествъ, потому что оно легло въ главныхъ своихъ частяхъ совершенно ложной основой, за которую приходится расплачиваться слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ спустя.* Мы придемъ еще къ этому выводу совершенно осязательно, въ заключеніяхъ настоящей статьи.

12 августа 1845 года государь повелѣлъ прекратить писаніе иконъ для Исаакіевскаго собора на трудно поддававшихся изготовленію мѣдныхъ доскахъ, приказалъ писать на холстахъ и постановилъ „учредить мозаичное заведеніе для изображенія послѣ сихъ иконъ мозаикою“. Министръ Императорскаго Двора князь Петръ Михайловичъ Волконскій, жившій въ то время въ Италіи, составилъ записку-проектъ объ учрежденіи *въ Римѣ* мозаичной студіи для обученія русскихъ мастеровъ, которые впослѣдствіи могли бы въ Россіи вести самостоятельное дѣло. Барбери брался приготовить шестерыхъ мозаичистовъ въ четыре года, въ продолженіе которыхъ они успѣли бы сдѣлать одинъ мозаичный образъ для Исаакіевскаго собора; при этомъ князь Волконскій проектировалъ будущую въ Россіи „Императорскую мозаичную фабрику“ ввѣрить академіи художествъ *съ подчиненіемъ коммиссіи Исаакіевскаго собора* (М. В. Д.). Въ ожиданіи того времени, когда русскіе пенсіонеры закончатъ свое образованіе въ Римѣ, князь Волконскій предлагалъ поручить въ Петербургѣ Веклеру заняться исполненіемъ иконъ изъ римской смальты или прислать его, Кокки-отца профессора съ двумя учениками Веклера и двумя химиками въ Римъ, такъ что черезъ тѣ же четыре года создался бы штатъ только русскихъ мозаичистовъ и изготовителей смальтъ. *„Мозаика же потребоваться можетъ не для одного Исаакіевскаго собора, храмъ Спасителя (въ Москвѣ) сооружается тоже вѣковымъ памятникомъ; наконецъ галлереи*

Императорскихъ дворцовъ могутъ потребовать воспроизведенія chef d'oeuvre'овъ своихъ для увѣковѣченія ихъ“,—заканчивалъ министръ свой проектъ, указывая на желательнаго директора предполагаемаго мозаичнаго отдѣленія профессора Ѳ. А. Бруни, а профессора Винченцо Рафаэлли въ качествѣ руководителя по изготовленію смальтъ. На этотъ разъ проектъ былъ осуществленъ; Рафаэлли приглашенъ на четыре года съ обязательствомъ поставить всю техническую сторону дѣла, съ условіемъ „передать свою опытность“ по устройству всѣхъ частей мозаичнаго искусства. Римскихъ пенсіонеровъ-художниковъ, жившихъ въ Римѣ, опредѣлили, по выраженному ими согласію, въ науку къ Барбери, съ обязательствомъ прослужить по окончаніи курса десять лѣтъ на петербургской мозаичной фабрикѣ, послѣднюю причислить къ академіи художествъ, а печи устроить на Императорскомъ стекляномъ заводѣ. Рафаэлли двинулся въ Россію черезъ Константинополь на Одессу, откуда ѣхалъ шестьдесятъ восемь дней до Петербурга. То, что было Ломоносову по силамъ *одному*, потребовало учрежденія цѣлой комиссіи для выясненія всего необходимаго по оборудованію печи и набора мозаикъ. Съ десятаго іюля 1848 г. до 10 марта 1850 дѣлались приготовленія, когда, наконецъ, зажгли первый огонь въ построенной плавильнѣ. Десятаго іюня послѣдовало Высочайшее повелѣніе о передачѣ въ мозаичное заведеніе перваго оригинала, которымъ былъ иконостасный образъ Спасителя работы профессора Неффа. По предложенію д. с. с. князя Гр. П. Волконскаго—ввести въ техническіе пріемы Рафаэлли по изготовленію смальты улучшенный методъ Барбери, были приглашены синьоры Кокки (лучшій мозаичистъ ватиканской студіи), Рубиконди и Джустиніано Бонафеде—„самый способный для выполненія обязанностей *инспектора* всякаго рода работъ въ петербургскомъ мозаическомъ отдѣленіи“. О Джустиніано Бонафеде Г. П. Волконскій писалъ: „геніальному таланту Джустиніано Бонафеде образцовая мастерская св. Николая (такъ называлъ Г. П. будущую мозаичную студію) можетъ быть одолжена заведеніемъ плавильной и изготовленіемъ въ ней смальтъ по качеству своему и въ самомъ Римѣ считающихся выше всѣхъ до сихъ поръ фабрикуемыхъ“. Между тѣмъ въ Римѣ шестеро русскихъ пансіонеровъ, обучаясь мозаикѣ, исполнили пять иконъ и двѣ копіи съ пола, открытаго въ Отриколи. По окончаніи

этихъ работъ въ іюлѣ 1851 г. римская студія была закрыта и наши мозаичисты водворены при петербургскомъ мозаичномъ заведеніи (кромѣ умершаго отца Дмитріева) художниками мозаичистами (Раевъ, Солнцевъ, Шаповаловъ, Ѳедоровъ и Дмитріевъ-сынъ). Къ нимъ положено было выбрать 6 учениковъ. Мозаичное отдѣленіе было раздѣлено на художественное отдѣленіе и техническую часть. Первое обосновалось при академіи художествъ, вторая при Императорскомъ стеклянномъ заводѣ. Штаты ихъ были 17,030 р. и 20,200 р. въ годъ.

При техническомъ отдѣленіи были опредѣлены сплавщики и химики. Синьоры Д. Бонафеде, его братъ Л. Бонафеде, проф. Кокки и инженеръ-технологъ П. И. Михайловъ, учившійся у Рафаэлли, большой знатокъ мозаичнаго дѣла. Рафаэлли въ 1852 году уѣхалъ, награжденный пенсіономъ въ 1000 скуди. Общее завѣдываніе въ обоихъ отдѣленіяхъ мозаичнаго отдѣленія. было возложено на Дж. Бонафеде, какъ на химика и главнаго мастера, на обязанности котораго лежало наблюденіе за приготовленіемъ массъ всякаго рода, устройство химическихъ печей, свидѣтельствованіе матерьяловъ, завѣдываніе лабораторіею, руководство мастеровъ, не только сплавщиковъ, *но и живописцевъ*.

Графъ Л. А. Ченовскій въ 1856 г. впервые *выразилъ естественное недовольство медленностью производства мозаикъ* и провелъ мѣры къ нѣкоторому ускоренію дѣла, *соединивъ* оба разрозненные отдѣлы на стеклянномъ заводѣ. Мозаичное заведеніе оставалось подъ покровительствомъ президента академіи художествъ, но подчинялось управляющему кабинетомъ Его Величества, причемъ полное завѣдываніе хозяйственной частью было возложено на г. управляющаго Императорскими заводами, помощникомъ котораго долженъ былъ быть директоръ стекляннаго завода. Должностныя лица опредѣлялись съ разрѣшенія управляющаго кабинетомъ. При сдачѣ магазина *смальтъ* запаса этого матеріала *оказалось 2467 пудовъ 4 фунта на сумму 126,649 р. 30¼ к.* Въ мозаичную студію были допущены въ 1858 году монахини Дивѣевскаго монастыря. Ихъ занятія не оказали виднаго вліянія на распространеніе мозаичнаго дѣла внѣ предѣловъ Петербурга.

13 января 1862 года рѣшено было вновь *перенести мозаич-*

ное заведеніе въ академію художествъ, упразднивъ техническое отдѣленіе и предоставивъ Императорскому стеклянному заводу снабжать заведеніе смальтою. Такое мѣропріятіе являлось похожимъ на то, если бы художникъ смѣшивалъ краски на палитрѣ за одной заставой, а писалъ картину за заставой противоположной. Такимъ образомъ на Васильевскомъ островѣ въ третьей линіи возникло учрежденіе, помѣщенное въ спеціальное зданіе, именуемое „теперь *Императорскимъ мозаичнымъ отдѣленіемъ*“. Ко времени открытія мозаичнаго отдѣленія (7 декабря 1864 г.) слѣдующіе мозаичисты были работниками по созданію мозаичныхъ иконъ Исаакіевскаго собора: М. А. Хмѣлевскій, академикъ М. Н. Алексѣевъ, П. Д. Бурухинъ, М. П. Щетининъ, Г. М. Агафоновъ, Ѳ. Ѳ. Гартунгъ, А. Н. Фроловъ, Н. М. Голубцовъ. М. П. Муравьевъ, П. С. Васильевъ, В. А. Колосовъ, Е. Г. Солнцевъ и И. С. Шаповаловъ.

Мирное процвѣтаніе новаго мозаичнаго отдѣленія внѣшне ничѣмъ не было нарушено до настоящихъ дней. Послѣ Д. Бонафеде оффиціально во главѣ мозаичнаго отдѣленія стояли: Ѳ. А. Бруни (живописецъ), Ѳ. И. Іорданъ (граверъ), А. Н. Фроловъ (мозаичистъ-наборщикъ) и П. П. Чистяковъ (живописецъ). Съ 64 года прошло уже 41 годъ и какъ дѣло было поставлено, такъ оно какъ будто бы не хуже и не лучше двигается по разъ установленному пути. Въ дѣйствительности, не все обстоитъ такъ благополучно, какъ слѣдовало бы. Необходимо упомянуть о случившихся перемѣнахъ въ главномъ личномъ составѣ дѣятелей нашего мозаичнаго дѣла. Въ непосредственные помощники Леопольду Бонафеде былъ приглашенъ въ 1896 году инженеръ-технологъ С. П. Пѣтуховъ. Приблизительно въ это время умеръ инженеръ-технологъ П. И. Михайловъ. Въ 1878 г. со смертію обоихъ братьевъ Бонафеде, С. П. Пѣтуховъ принялъ на себя тѣ же обязанности, какія несъ Джустиніано Бонафеде, и исполнялъ ихъ вплоть до 1892 года, когда новообразовавшееся управленіе Императорскихъ стеклянныхъ заводовъ, въ свою очередь, не занеся въ свой штатъ, передало смальтовый заводъ въ кабинетъ Его Величества. Съ 1882 года десять лѣтъ С. П. Пѣтуховъ обучалъ кандидата естественныхъ наукъ В. Н. Селезнева смальтовому производству, который и остался при заводѣ съ уходомъ С. П. Пѣтухова въ качествѣ производителя этого матеріала. Одно

время В. Н. Селезневъ страдалъ дальтонизмомъ, а самое производство смальтъ сократилось до такой степени, что заводскіе рабочіе стали жаловаться на начинающееся отъ бездѣлья одичаніе. Очевидно, что мозаичное отдѣленіе, вступивъ на путь экономіи, стало довольствоваться запасами смальтъ. Не надо забывать, что какъ бы ни былъ великъ запасъ матеріала, его все-таки необходимо переплавлять для полученія вполнѣ точныхъ колеровъ. Въ Мурано, близъ Венеціи и въ складахъ Ватикана накопились вѣковые запасы смальтъ, но и они почти постоянно требуютъ такой переработки. Въ настоящее время завѣдующимъ мозаичнымъ отдѣленіемъ числится профессоръ живописи П. П. Чистяковъ и работы по набору мозаикъ исполняются тѣмъ же удручающе - кропотливымъ способомъ, какимъ дѣлались съ средины 1850 года, съ тою только разницею что задѣльная плата мозаичистовъ съ 20 рублей за квадратный вершокъ мозаичнаго набора лица, которыя платились въ концѣ царствованія Николая I, уменьшилась до 4,5 рублей. Но все-таки стоимость большихъ мозаикъ мозаическаго отдѣленія представляетъ устрашающія цифры, такъ, напримѣръ, воспроизведеніе картины „Лобзаніе Іуды“ обошлось около 70,000 руб., а оплата мозаикъ по 50—60 тысячъ не составляетъ рѣдкости въ мозаичномъ отдѣленіи. Цѣны мозаикъ мозаичнаго отдѣленія становятся прямо нелѣпыми даже для позапрошлаго вѣка, если сравнить площадь всѣхъ мозаикъ, сдѣланныхъ для Исаакіевскаго собора, съ площадью 10 картинъ Ломоносова, которыя тотъ брался сдѣлать не менѣе тщательно, при разницѣ цифръ 5 милліоновъ и 148,682 р. Теперь мы просимъ вспомнить мнѣніе Барбери, высказанное въ 1842 г., о возможности дѣлать мозаики для Исаакіевскаго собора менѣе драгоцѣннымъ и ничуть не худшимъ способомъ, въ особенности для произведеній, къ которымъ нельзя будетъ послѣ ихъ постановки, подходить вплотную, просимъ вспомнить мнѣніе по этому поводу академіи художествъ. Къ этому необходимо добавить, что *даже* въ соборѣ св. Петра въ Римѣ принято за правило воспроизведеніе мозаикъ верхнихъ частей *дѣлать декоративнымъ, несравненно болѣе дешевымъ способомъ.* Теперь становится ясна та живучесть академической рутины, которая процвѣтаетъ, вопреки всякому здравому смыслу, до настоящаго времени и обошлась правительству *не въ одинъ лишній милліонъ рублей.* Вина мозаичнаго отдѣленія еще

болѣе усугубляется, если принять во вниманіе слѣдующую видную картину русскаго мозаичнаго дѣла, которая уже стала исторической.

Великій князь Константинъ Николаевичъ, видя непомѣрныя траты на мозаики Исаакіевскаго собора и будучи хорошо знакомъ съ постановкою мозаичнаго дѣла на западѣ, высказалъ мысль о необходимости ввести въ Россіи удешевленный и упрощенный типъ мозаичнаго производства. По его иниціативѣ, конференцъ-секретарь академіи художествъ П. О. Исѣевъ, по порученію президента академіи обратился въ 1888 году къ упомянутому уже нами инженеръ-технологу С. П. Пѣтухову за разрѣшеніемъ вопроса объ удешевленной декоративной мозаикѣ, и по разъясненію С. П. Пѣтухова, высшія сферы убѣдились въ цѣлесообразности и полезности введенія этого способа въ Россіи. Отсюда вытекла командировка Академіею Художествъ С. П. Пѣтухова, единственнаго оставшагося прямого преемника Джустиніано и Леопольда Бонафеде, за границу для детальнаго и ближайшаго ознакомленія съ постановкою въ Италіи и Франціи этого удешевленнаго декоративнаго производства. Въ 1889 году С. П. Пѣтуховъ въ званіи *инспектора* сопровождалъ для этой же цѣли трехъ учениковъ академіи художествъ и осмотрѣвъ все, что было необходимо, работалъ съ учениками въ мастерскихъ—Сальвіатти (Венеція), Морелли (Миланъ) и Гильберъ-Мартенъ (Парижъ). Академія Художествъ снабдила С. П. Пѣтухова необходимыми полномочіями и оффиціальными просьбами во всѣ императорскія посольства, миссіи и консульства объ оказаніи содѣйствія цѣли экспедиціи. По возвращеніи изъ командировки, несмотря на блестяще выполненную миссію всѣми членами экспедиціи, *ни Академія Художествъ, ни мозаичное отдѣленіе не воспользовались результатами добытыхъ знаній.* По архивнымъ документамъ мы видимъ, что наибольшіе успѣхи изъ посылавшихся трехъ учениковъ академіи оказывалъ архитекторъ А. А. Фроловъ, которому, по докладу С. П. Пѣтухова Академіи Художествъ, Августѣйшій ея президентъ В. К. Владиміръ Александровичъ нашелъ *безусловно необходимымъ* продолжать пенсіонерство. По возвращеніи изъ-за границы С. П. Пѣтухова и А. А. Фролова, Академія не покидала мысли привить въ мозаичномъ отдѣленіи новые техническіе пріемы работы, такъ что С. П. Пѣтухову пришлось, продолжая свою оффиціальную миссію, находиться въ неизбѣжныхъ сношеніяхъ съ

А. А. Фроловымъ по совмѣстному устройству технической и искусственной части мастерскихъ декоративной мозаики, *которую* предполагалось въ то время *учредить* при мозаичномъ отдѣленіи Академіи. Такимъ образомъ А. А. Фролову разрѣшено было работать по удешевленному декоративному способу при мозаичномъ отдѣленіи и принимать тамъ заказы. Но все это продолжалась не долго по причинѣ крайне непріязненнаго отношенія завѣдующаго отдѣленіемъ П. П. Чистякова ко всякому новаторству. Необходимо пояснить, чѣмъ невыгодно было для чиновъ мозаичнаго отдѣленія и ея шефа П. П. Чистякова введеніе новыхъ практичныхъ техническихъ пріемовъ. При новой постановкѣ дѣла непомѣрно *ускорялось* производство, при томъ оно черезвычайно *удешевлялось*. Опытъ С. П. Пѣтухова и А. А. Фролова доказывалъ, что мозаичисту наборщику не надо было быть семи пядей во лбу, такъ что ореолъ геніальности мозаичистовъ мозаичнаго отдѣленія спускался до выучки мальчиковъ и *не-художниковъ* простой копировкѣ оригинала. Въ мастерской Фролова ученики настолько осваивались съ подборомъ цвѣтныхъ смальтъ, что нерѣдко превосходили, въ смыслѣ тонкости передачи оригинала, своихъ товарищей, умѣвшихъ рисовать. Такимъ образомъ пала бы казенная задѣльная плата, то, что дѣлалось годами, стало бы изготовляться въ мѣсяцы и пришлось бы энергично работать, а не прохлаждаться, къ чему такъ привыкли въ отдѣленіи. А. А. Фроловъ *принужденъ* былъ покинуть негостепріимный кровъ, а мозаичное отдѣленіе не всосало ни крупицы бывшихъ подъ его руками элементовъ освѣжающихъ знаній. Руководимый С. П. Пѣтуховымъ, А. А. Фроловъ проявилъ большую энергію, сталъ создавать и добиваться заказовъ. Благодаря его настойчивости ему былъ переданъ подрядъ на изготовленіе 3.700.000 квадратныхъ вершковъ декоративной и мелкой мозаики для храма Воскресенія въ Петербургѣ на мѣстѣ смертельнаго пораненія въ Бозѣ почившаго императора Александра II. *Никому изъ членовъ академіи художествъ не показалось страннымъ, что такой огромный заказъ миновалъ мозаическое отдѣленіе.* Курьезнѣе всего то, что А. А. Фроловъ и его наслѣдники обогатились на этомъ подрядѣ, а мозаичное отдѣленіе продолжало только поглощать несуразно огромныя правительственныя суммы, ничего не дѣлая иного, кромѣ мозаикъ для Исаакіевскаго собора. То немногое, что мозаичное отдѣленіе дѣ-

лало не для собора, такъ ничтожно, что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Дѣятели академіи и ея членъ П. П. Чистяковъ оказались въ незавидномъ положеніи, быть можетъ не замѣтномъ для нихъ самихъ, но буквально юмористическомъ для знающихъ дѣло. Академія посылала людей изучить новый, современный и практичнѣйшій пріемъ мозаики, а сама имъ не воспользовалась. Непростительно и прямо было преступно со стороны П. П. Чистякова изгнаніе новаго способа мозаики, даже не испробовавъ его въ отдѣленіи руками его мастеровъ. Самъ П. П. Чистяковъ никогда лично мозаикою не занимался, имѣя смутное представленіе о химіи и техникѣ изготовленія смальтъ. Между тѣмъ мы въ самомъ началѣ нашей статьи привели слова М. В. Ломоносова о той широтѣ задачъ, которыя надлежитъ, по здравому смыслу, исполнять казенной мозаичной студіи—обслуживаніе *всѣхъ* правительствомъ строющихся церквей и зданій. Что же дѣлаетъ мозаичное отдѣленіе? Оно довольно жалованьемъ двадцатаго числа и ему никакого нѣтъ дѣла ни до храма Воскресенія, ни до варшавскаго, новочеркасскаго и ревельскаго соборовъ. Оно пассивно относится къ гибели картинъ храма Спаса въ Москвѣ, тогда какъ на необходимость подумать объ исполненіи мозаикою его картинъ было указано, какъ я писалъ, еще въ 1845 году княземъ Волконскимъ. Рутинная техническая дѣятельность мозаичнаго отдѣленія подъ управленіемъ П. П. Чистякова, огромнѣйшіе запасы—завали смальтъ, омертвѣніе смальтоваго завода заставляютъ указать на полную несостоятельность учрежденія, отставшаго ровно на сто пятьдесятъ лѣтъ отъ тѣхъ указаній, которыя были ясно подчеркнуты, какъ желательныя (а нынѣ болѣе чѣмъ возможныя), Екатериною Великой и позднѣе Великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Безразличное отношеніе къ прямому долгу подумать объ использованіи средствъ мозаичнаго отдѣленія на нужды всѣхъ казенныхъ зданій—не имѣетъ оправданія, но, къ несчастью, имѣетъ объясненіе.

Обращаясь къ даннымъ архива академіи художествъ, мы открываемъ причину всѣхъ печальныхъ сторонъ рутинной дѣятельности мозаичнаго отдѣленія. Причина эта—*грубое невѣжество*. Приведемъ доказательства.

Въ 1896 года въ документѣ отъ 8 февраля видимъ, что П. П. Чистяковъ сообщилъ объ изготовленіи четырехъ мозаикъ св. Еван-

гелистовъ, для парусовъ Исаакіевскаго собора и поднялъ вопросъ о задачѣ постановки этихъ мозаикъ на мѣста. Эти мозаики составляютъ пятьдесятъ одну тысячу девятьсотъ шестьдесятъ два квадратныхъ вершка. Смѣшанная комиссія изъ членовъ мозаичнаго отдѣленія и техническо-художественнаго совѣщанія по Исаакіевскому собору, въ пунктѣ третьемъ своего совѣщанія отъ того же числа, пришла къ заключенію, „что необходимо предварительно *обсудить* всѣ способы и средства къ исполненію задачи и затѣмъ составить въ мозаичномъ отдѣленіи модель прикрѣпленія этихъ мозаикъ“. Для знатоковъ мозаическаго дѣла такое постановленіе равносильно признанію всѣми господами членами смѣшанной комиссіи своего совершеннаго незнанія того дѣла, за рѣшеніе котораго они взялись. Видимо, что рѣшеніе задачи казалось членамъ комиссіи настолько сложнымъ, что немедленно рѣшено было разграничить стороны отвѣтственности при исполненіи казавшейся для нихъ столь трудной задачи. „Самое прикрѣпленіе мозаикъ должно лежать на отвѣтственности обоихъ учрежденій мозаичнаго отдѣленія и техническо-художественнаго совѣщанія при Исаакіевскомъ соборѣ, при чемъ отвѣтственность при исполненіи этихъ работъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ: а) Мозаичное отдѣленіе одно отвѣтствуетъ за прочность мозаики какъ ея отдѣльныхъ частей, такъ и за прочное и художественное соединеніе частей между собою, б) Техническо-художественное совѣщаніе собора принимаетъ на себя отвѣтственность за прочность мѣстъ прикрѣпленія мозаикъ и за соотвѣтствующую подготовку этихъ мѣстъ и в) отвѣтственность за способъ прикрѣпленія и установку мозаикъ на мѣстахъ лежитъ на обоихъ учрежденіяхъ и самый способъ прикрѣпленія долженъ быть установленъ по совмѣстному соглашенію“. Забавенъ и этотъ документъ весь съ начала до конца, но особенно курьезенъ его пунктъ а) изъ котораго такъ и кажется, что комиссія *первый разъ* соединяетъ отдѣльные большіе куски мозаикъ въ одно общее цѣлое. Въ 1899 году была изготовлена желѣзная *модель* для постановки мозаикъ и сдѣланы два куска орнамента, для ихъ прикрѣпленія къ модели, что и было продѣлано къ полному удовольствію членовъ комиссіи. Завѣдующій мозаичнымъ отдѣленіемъ П. П. Чистяковъ предложилъ еще *новый* способъ прикрѣпленія на пиронахъ. Комиссія осталась при прежнемъ своемъ постановленіи „повѣсить каркасы на поясахъ и пространство

между мозаикою и стѣною цементомъ не заливать". Но рѣшеніе это *все таки* оставили открытымъ, при предположеніи, что придется пространство между мозаикою и стѣною залить цементомъ. Изъ двухъ-этихъ противорѣчій ясно, что для членовъ мозаичнаго отдѣленія совершенно было неизвѣстно, какой полагается примѣнить въ данномъ случаѣ способъ. Наконецъ актомъ отъ 27 іюня 1901 года комиссія постановила: „мозаичныя изображенія Евангелистовъ поставить на особый желѣзной конструкціи каркасъ съ отступленіемъ отъ кирпичной кладки". Такое постановленіе комиссіи *для спеціалиста* равносильно тому, что методъ выработанъ *будто-бы нарочно для того, чтобы вся система перетерлась, переломалась и обрушила мозаики*. Невольно вспоминается тоже историческій курьезъ по поводу конкурса XV вѣка, когда забыли и не умѣли строить купола. Рѣшено было покрыть флорентинскую Баптистерію куполомъ. Въ числѣ проектовъ, достойныхъ рѣшеній смѣшанной комиссіи Исаакіевскаго собора, былъ и такой: насыпать куполовидную гору земли, перемѣшанную съ мѣдными деньгами, и на ней произвести каменную кладку купола. Деньги должны были сыграть роль приманки для доброхотныхъ очищателей купола отъ земляной начинки. Заливка и незаливка цементомъ — та-же гора земли, она стоитъ далеко не мѣдныхъ денегъ, но съ большей легкостью неминуемо докажетъ еще разъ законъ тяготѣнія. Объ актѣ 27 іюня 1901 года мы высказали сужденіе. Теперь, очевидно, что-сама комиссія почувствовала что-то неладное въ своихъ предварительныхъ пятилѣтнихъ работахъ по постановкѣ мозаикъ въ паруса собора, ибо въ нынѣшнемъ году исполнится десятилѣтній юбилей „полной несостоятельности прямаго дѣла мозаичнаго отдѣленія", такъ какъ поставить изображенія св. Евангелистовъ *не рѣшаются*. Отчего же наша старѣйшая мозаичная студія оказалась такой несостоятельной? Причина очень простая. Мозаичная мастерская не можетъ быть управляема только наборщиками мозаики и смотрителемъ этого дѣла, такъ какъ всѣ они совершенно не знакомы съ основною сущностью мозаичнаго дѣла. И ломоносовское дѣло погибло въ рукахъ *только художника* Бѣльскаго, по уходѣ мастера смальтъ. Нельзя было и теперь оставлять мозаичное отдѣленіе на отвѣтственности живописца, давно уже не работающаго и кистью, безъ наличнаго главнаго присутствія знатока дѣла мозаики во всѣхъ ея деталяхъ отъ альфы до

омеги. Вопросъ о постановкѣ этихъ парусовъ давнымъ-давно рѣшенъ въ бывшемъ художественно-техническомъ отдѣлѣ мозаичнаго отдѣленія г.г. Джустиніано и Леопольдомъ Бонафеде вмѣстѣ съ инженеръ-технологомъ С. П. Пѣтуховымъ, еще до начала изготовленія этихъ мозаикъ.

Скандалъ съ неумѣньемъ десять лѣтъ поставить мозаики на ихъ мѣста разросся до такой степени, что П. П. Чистяковъ высказывалъ мысль о постройкѣ особаго зданія для помѣщенія въ немъ этихъ мозаичныхъ парусовъ картинами—какъ въ музеѣ. Болѣе курьезнаго анекдота, чѣмъ этотъ, который дала сама дѣйствительность, невозможно придумать!.. Существеннѣйшей ошибкою, за которую теперь приходится расплачиваться, было сначала отдѣленіе технической части отъ мозаичной студіи, а затѣмъ низведеніе ее до степени почти лишняго учрежденія, конечно, при существующемъ только положеніи дѣлъ. Теперь ясно, почему мозаика не развилась изъ Кіева послѣ постройки ея Св. Софіи, такъ какъ при послѣдней не было ученыхъ искусниковъ-техниковъ со смальтовымъ заводомъ, какъ то всегда было при Ватиканѣ и с. св. Марка Не надо забывать, что процвѣтаніе мозаичнаго дѣла возможно только при безпрерывномъ огнѣ въ печи, плавящей смальту, при постоянномъ, *всестороннемъ* компетентномъ вліяніи и руководствѣ дѣломъ такихъ людей, какимъ былъ Д. Бонафеде и есть С. П. Пѣтуховъ. Никто не будетъ оспаривать желательности художественной экспертизы, которая конечно быть должна. Надо помнить, что подобныхъ комуфлетовъ, какъ произошелъ съ постановкою парусовъ, ожидается еще много. Апатичная бездѣятельность мозаичнаго отдѣленія сказалась и въ полномъ невниманіи къ мозаикѣ Ломоносова „Полтавскій бой“, которою по всей справедливости надо было бы украсить хотя бы фасадъ этой студіи. Пришлось частному человѣку платить деньги за ея реставрацію частному мозаичисту. Реставрація мозаикъ новогородской Св. Софіи тоже сдѣлана не этимъ учрежденіемъ. Не слѣдуетъ забывать, что еще въ 1870 году количество безцѣльно отягощающей землю смальты, лежащей въ казенныхъ запасахъ, было достаточное для выстилки тротуара въ аршинъ шириною отъ стекляннаго завода до мозаичнаго отдѣленія. Каково же *теперь* это количество?! Этимъ количествомъ не передѣлать мозаиками картинъ въ вышеупомянутыхъ нашихъ позднѣйшихъ соборахъ, вмѣстѣ съ храмомъ св. Владиміра въ Кіевѣ. Кромѣ того русскую смальту будутъ

покупать даже за границу, такъ какъ она выше всѣхъ другихъ, фабрикуемыхъ въ Европѣ. Тона purpurini, leonati и тѣльныя не имѣютъ себѣ равныхъ въ цѣломъ мірѣ. Мы должны подчеркнуть, что для С. И. Пѣтухова—какъ ученаго стекловѣда, извѣстнаго и рядомъ своихъ по этой отрасли печатныхъ трудовъ, нѣтъ такого тона любого цвѣта, который имъ не могъ бы быть сплавленъ. Умри этотъ дѣятель и Россія останется безъ замѣстителя въ области тѣхъ ученыхъ и практическихъ знаній, которыя необходимо передать *на дѣлѣ* новымъ лицамъ. Правительство въ настоящій моментъ обладаетъ такимъ запасомъ смальты, что реорганизація мозаичнаго отдѣленія сразу станетъ давать даже доходъ казнѣ. Примѣръ веденія мозаичнаго дѣла наслѣдниками А. А. Фролова, у котораго вся спеціальная часть и плавка смальты была поставлена С. И. Пѣтуховымъ, но, къ сожалѣнію, перешедшая въ руки человѣку безъ всякой спеціальной научной подготовки, съ полной очевидностью доказываетъ матеріально-коммерческую выгодность мозаичнаго дѣла. Эта фирма успѣла изготовить уже массу мозаикъ, изъ которыхъ особенно крупныя въ церквахъ Дармштадта и села Хрустальный Гусь. Зачѣмъ-же оставлять безъ вниманія вопіющіе факты убыточности и ничтожности продуктированія казеннаго мозаичнаго отдѣленія? Реорганизація этого учрежденія съ достиженіемъ *сразу* цѣли обслуживанія хотя-бы *не въ убытокъ* казнѣ и съ ея гарантіей, всѣхъ правительственныхъ сооруженій—дѣло назрѣвшей, сложившейся реформы. Въ наши дни, когда у насъ въ Россіи еще живъ *ученый знатокъ* римской и венеціанской *удешевленной* и *упрощенной* мозаики, смѣшно читать оффиціальную бумагу отъ 28 іюня 1902 года, въ которой говорится, что однѣ мозаики по аттику Исаакіевскаго собора *потребуютъ еще 73 года*. Смѣшно потому, что мозаичное отдѣленіе можетъ быть поставлено въ одинъ годъ такъ, что не только будетъ имѣть возможность закончить въ нѣсколько лѣтъ работы по Исаакіевскому собору, но и обслужить мозаиками всѣ вновь строющіяся государственныя постройки. Лучшія иконы обязательно должны быть увѣковѣчиваемы мозаикою. Поговариваютъ уже о скорой гибели живописи Васнецова въ Кіевѣ. Въ интересахъ православія и сохраненія лучшихъ религіозныхъ произведеній буквально необходимъ указъ объ исполненіи ихъ вѣковѣчнымъ стекломъ.

Судьбы мозаичнаго дѣла въ Россіи, подпавъ подъ невѣжественный бюрократическій режимъ, печальны. Частное мозаичное дѣло мастерской Фролова и „декоративно-монументальной мозаики инженеръ-технолога С. П. Пѣтухова и К°“ доказываютъ полную, назрѣвшую возможность реорганизовать „Императорское мозаичное отдѣленіе“.

Существенной части настоящей статьи, въ видѣ особаго доклада, дано надлежащее движеніе и мы твердо вѣримъ въ грядущую реформу правительственнаго мозаичнаго дѣла, имѣющаго всѣ данныя, чтобы занять первенствующее мѣсто во всемъ мірѣ.

А. А. Карелинъ,

Императорской Академіи Художествъ Почетный Общникъ.

О судебныхъ доказательствахъ по каноническому праву [1]).

(Къ предстоящей реформѣ церковнаго судопроизводства).

II.

Знакомясь съ каноническимъ судопроизводствомъ по дѣламъ преступленій (винамъ церковнымъ), мы должны признать за несомнѣнное, что въ основаніе его устройства и построенія на немъ системы доказательствъ былъ положенъ законъ нравственный, что началомъ, которое было принято на судѣ каноническомъ для установленія факта виновности или невиновности подсудимаго, служила совѣсть, личное сознаніе и внутреннее убѣжденіе судей. Въ этомъ мы убѣждаемся прежде всего изъ разсмотрѣнія каноновъ, начертывающихъ правила для постановленія судебныхъ приговоровъ. Знакомясь съ ними, мы ясно видимъ, что они въ основаніе вмѣненія виновному преступленія полагаютъ именно живое воззрѣніе судей на совершенное преступленіе,—вообще ихъ свободное благоусмотрѣніе и въ частности,—принятіе въ соображеніе нравственнаго состоянія преступившаго. Въ согласіи съ этимъ основнымъ принципомъ, каноны, начертывая, напр., правила относительно принятія въ Церковь падшихъ и устанавливая для нихъ опредѣленные роды церковныхъ наказаній, замѣчаютъ: „позволительно епископу и человѣколюбнѣе нѣчто о нихъ устроити“ (I—12 пр.), или: „епископы да имѣютъ власть испытавъ образъ обращенія человѣколюбствовати, или большее время покаянія приложити. Паче всего да испытуется житіе, предшествующее искушенію и послѣдовавшее за

[1]) См. „Мисс. Обозр.“, 1906 г. № 2.

онымъ и тѣмъ да размѣряется человѣколюбіе“ (Анк. 5 пр.). Точно также въ согласіи съ тѣмъ-же началомъ, каноны, начертывая правила для суда и разрѣшенія вообще духовно-преступившихъ, повелѣваютъ: „разсматривати качество грѣха... расположеніе согрѣшившаго... и наблюдати, къ здравію ли онъ, или напротивъ, собственными правами привлекаетъ къ себѣ болѣзнь и како между тѣмъ учреждаетъ свое поведеніе (VI—102 пр.) [1]).

На томъ же принципѣ основываются каноны и при опредѣленіи правилъ касательно постановленія приговоровъ на судѣ открытомъ, по обвиненіямъ „людей вѣроятія достойныхъ“. Такъ, дѣлая постановленія относительно суда надъ епископомъ въ томъ случаѣ, когда послѣдній не пожелаетъ явиться къ дѣлу судопроизводства, и повелѣвая произвести судъ въ его отсутствіе, каноны прямо опредѣляютъ: „Аще не предстанетъ (обвиняемый), соборъ по *благоусмотрѣнію* своему да произнесетъ о немъ рѣшеніе (74 Ап. пр.) [2]).

Историческія данныя, изображающія практику каноническаго судопроизводства, показываютъ также намъ, что на послѣднемъ, въ согласіи съ тѣмъ общимъ, принятымъ на немъ правиломъ, по которому судебное рѣшеніе дѣлъ предоставлялось внутреннему убѣжденію судей, всегда требовалось разсмотрѣніе самой сущности изслѣдуемаго факта, и что подобная постановка дѣла была, такъ сказать, постоянною при-

---

[1]) По изъясненію Зонары: „разсудивъ о многихъ и различныхъ епитиміяхъ и назначивъ епитимію, соотвѣтствующую каждому изъ паденій, соборъ настоящимъ правиломъ предоставилъ все суду епископовъ... разсматривать... качество грѣха... расположеніе согрѣшившаго къ покаянію... и такимъ образомъ... подавать соотвѣтствующее врачеваніе“ (Правила свв. Всел. Соборовъ съ толкованіями. Изд. Общ. л. д. пр. стр. 610). А Вальсамонъ, объясняя это правило, говоритъ: „и на другихъ соборахъ опредѣлено, чтобы епископъ... не всегда обращалъ вниманіе на положенное правилами относительно епитимій, но чтобы назначалъ оныя примѣнительно къ лицамъ, подлежащимъ епитиміи, т. е... къ возрасту ихъ и къ расположеніямъ, къ способностямъ... и къ качеству грѣха... и настоящее правило опредѣляетъ тоже самое, *возлагая все дѣло врачеванія болящаго на разсужденіе врачующаго*...“ (Ibid. стр. 613.)

[2]) Въ славянской Кормчей это правило передается такимъ образомъ: „оклеветаемь епископъ, и позываемь на судъ, и не послушая дващи и трищи, двѣма епископома да позванъ будетъ. Аще же не пріидетъ, *якоже хощетъ* соборъ да осудитъ таковаго“. (Прр. свв. Ап. съ толкованіями. Изд. О. л. д. пр. стр. 150).

надлежностью и главнымъ преимуществомъ каноническаго судопроизводства.

Такъ, въ Апостольскихъ постановленіяхъ, изображающихъ практику церковнаго суда въ первые вѣка существованія Церкви, мы находимъ свидѣтельство, что церковные судьи того времени, постановляя приговоры относительно подлежавшихъ ихъ разсмотрѣнію дѣлъ, „произносили свои мнѣнія, со многою тщательностью, вникнувъ въ дѣло... и со многимъ благоразуміемъ осуждая каждое прегрѣшеніе какъ малое, такъ и великое... уподобляясь такимъ образомъ въ искусствѣ свѣдущимъ мастерамъ серебряныхъ дѣлъ, тонко отличающимъ поддѣльныя монеты отъ настоящихъ“ [1]), то-есть, что приговоры этихъ судей, являясь выраженіемъ ихъ собственныхъ мнѣній, были результатомъ ихъ внутренняго, основаннаго на самомъ тщательномъ разсмотрѣніи существа дѣла, убѣжденія и ихъ благоусмотрѣнія.

Подобное же свидѣтельство находимъ у Тертулліана, который говоритъ, что церковный судъ въ его время „производился со строгимъ изслѣдованіемъ преступленій“.

Помимо приведенныхъ свидѣтельствъ, мы встрѣчаемъ и такое, которое показываетъ, что ко времени вселенскихъ и вообще, бывшихъ послѣ III вѣка, соборовъ, рѣшеніе судебныхъ дѣлъ по внутреннему, основанному на непосредственномъ знакомствѣ съ существомъ дѣла, убѣжденію судей было вообще дѣломъ прочно установившагося и строго охранявшагося церковною властью порядка церковнаго судопроизводства.

Разумѣемъ свидѣтельство, находящееся въ извѣстномъ обличительномъ посланіи Юлія папы римскаго къ Евсевіевымъ приверженцамъ — епископамъ, судившимъ Аѳанасія Великаго.

Въ этомъ посланіи, въ высшей степени замѣчательномъ, какъ отличающемся тою характерною чертою, что авторъ его излагаетъ требованія правильнаго порядка судопроизводства и обличаетъ уклоненія отъ него съ полною увѣренностью и положительностью, мы встрѣчаемъ, между прочимъ, такія слова: „Суды церковные не по Евангелію уже производятся, возлюбленные, но домогаются заключеній и смерти. Если и подлинно, какъ говорите, была въ нихъ (осужденныхъ) какая вина, то по церковному правилу, а не такъ надлежало произвести

[1]) Διαταγ. τ. ἁγ. Ἀποστ. II cap. 42 и 48. Pitra c. p. 192—194.

судъ; надобно было написать ко всѣмъ намъ, чтобы, такимъ образомъ, всѣми произнесено было справедливое рѣшеніе... Теперь же намъ не сообщили ясныхъ свѣдѣній, а сами сдѣлали дѣло, какъ хотѣли, и, наконецъ, требуютъ, чтобы, *не разобравъ дѣла,* подали одинъ съ ними голосъ. Не таковы Павловы постановленія; не такъ предали отцы; это—иной образъ дѣйствованія, это—новое предначертаніе" [1]).

Чтобы видѣть, какъ выясненное нами, начало, установленное канонами для судопроизводства, было развито собственно въ самой постановкѣ судебныхъ доказательствъ,—и вообще, чтобы ближе ознакомиться съ имѣвшею мѣсто въ каноническомъ судопроизводствѣ системою доказательствъ, разсмотримъ всѣ, какіе употреблялись въ немъ, роды доказательствъ, и вмѣстѣ всѣ тѣ правила, соблюденіе которыхъ считалось необходимымъ при собираніи и оцѣнкѣ ихъ.

Собственное признаніе подсудимаго, какъ доказательство.

Однимъ изъ самыхъ употребительныхъ и обыкновенныхъ условій для открытія истины въ каноническомъ судопроизводствѣ служило собственное признаніе подсудимаго. По своему значенію, какъ судебное доказательство, признаніе подсудимаго почиталось равносильнымъ всѣмъ остальнымъ, вмѣстѣ взятымъ, доказательствамъ, такъ что все обличеніе обвиняемаго при помощи послѣднихъ употребляемо было только тогда, когда недоставало перваго. Указаніе на такое значеніе собственнаго признанія подсудимаго въ дѣлѣ судебнаго рѣшенія можно ясно видѣть, напр., въ 74 апостол. правилѣ, которое прямо повелѣваетъ: „Епископъ обвиняемый... аще предстанетъ и *признается*, или *обличенъ будетъ*, да опредѣлится епитимія", или въ 69 правилѣ Василія Великаго, гдѣ читаемъ: „прикосновенный къ которому либо изъ вышереченныхъ грѣховъ, и *не исповѣдавшій, но обличенный*, да будетъ подъ епитиміею столько же времени, на сколько подвергается епитиміи дѣлатель зла".

Но признавая собственное признаніе подсудимаго однимъ изъ

---

[1]) Творенія иже во святыхъ отца нашего Аѳанасія, архіеп. александрійскаго. Москва, 1851 г. „Защитительное слово противъ аріанъ", стр. 231—237.

важныхъ средствъ для открытія судебной истины, каноны въ тоже время указываютъ, что не всякое признаніе подсудимаго безотносительно и всегда должно быть принимаемо, какъ полное доказательство его виновности, но только такое, справедливость и истинность и вообще полная достовѣрность котораго остается внѣ всякаго сомнѣнія для судей. Это со всею ясностью можно видѣть, напр., изъ 147 правила Карѳагенскаго собора, которое гласитъ: „постановлено (на соборѣ) и сіе: аще епископъ глаголетъ, яко нѣкто ему одному исповѣдалъ свое преступленіе, а тотъ не признается (на общемъ *соборномъ* обсужденіи) [1]), то епископъ да не обращаетъ себѣ въ обиду того, что не полагаются въ семъ на него единаго. Аще же речетъ, яко по возмущеніи совѣсти своея не хощетъ имѣти общенія съ не признающимся: то доколѣ отлученнаго по сему случаю не пріемлетъ въ общеніе свой епископъ, дотолѣ сего епископа да не пріемлютъ въ общеніе прочіе епископы: *да тѣмъ паче блюдется епископъ, да не глаголетъ о комъ либо, чего предъ другими не можетъ утвердити доказательствами*“. Ясное указаніе на то, что въ каноническомъ судопроизводствѣ обращалось строгое вниманіе на искренность и достовѣрность признанія, дѣлаемаго подсудимымъ, можно видѣть также въ письмѣ Кирилла Александрійскаго къ константинопольскому клиру о Несторіи, гдѣ читаемъ: „Мы ожидали, что достопочтеннѣйшій Несторій придетъ на соборъ и раскается во всѣхъ богохульствахъ, какія онъ изрыгалъ своими устами со времени своего посвященія, и будетъ просить прощенія у святаго собора, *хотя и весьма опасно даровать ему прощеніе*: ибо этотъ человѣкъ, своими проповѣдями возмутившій всю вселенную и поколебавшій содержимую въ церквахъ вѣру, не заслуживаетъ прощенія... По истинѣ мы удивились жестокосердію этого человѣка, ибо онъ не раскаялся и не восплакалъ о томъ, что дерзнулъ говорить противъ величія и достоинства общаго нашего Спасителя и Христа“ [2]).

На ряду съ тѣмъ общимъ правиломъ, по которому для принятія дѣлаемаго подсудимымъ признанія въ своей винѣ, какъ вполнѣ достаточнаго для постановленія судебнаго приговора доказательства, требо-

[1]) Вальсамонъ въ толкованіи прав. Правила св. пом. соб. II. о. л. д. пр. с. 758.

[2]) Дѣян. Вселен. соб. въ русс. переводѣ т. I, стр. 609—610.

валось установленіе полной достовѣрности этого признанія, къ каноническомъ судопроизводствѣ имѣли приложеніе и важное значеніе и особенныя правила, соблюденіе которыхъ должно было гарантировать въ извѣстной мѣрѣ правильность самаго дѣла установленія достовѣрности признанія, какъ доказательства, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, и съ которыми поэтому всякій разъ должны были сообразоваться и суды.

Знакомясь съ этими правилами, опредѣляющими условія, съ какими соединена была на каноническомъ судѣ цѣнность собственнаго признанія подсудимаго, какъ доказательства, мы видимъ, что самымъ общимъ требованіемъ по отношенію къ признанію, какъ къ доказательству, было то, чтобы признаніе было добровольное, а не вынужденное, чтобы признающійся имѣлъ желаніе говорить передъ судомъ правду (animus confitendi). Это отчасти видно изъ характера выраженія 74 апостольскаго правила: „*аще* предстанетъ (обвиняемый) и признается“, и яснѣе изъ 4-го правила Григорія Нисскаго, въ которомъ читаемъ: „Возбудившій самъ себя къ исповѣданію грѣховъ, какъ уже начавшій врачеваніе своего недуга, тѣмъ самымъ, что рѣшился по собственному побужденію быти обличителемъ своихъ тайнъ и какъ показавшій знаменіе своего измѣненія къ лучшему, да будетъ подъ епитиміею болѣе снисходительною, а уловленнаго во злѣ, или по нѣкоему подозрѣнію, или обвиненію невольно обличенный, подвергается продолжительнѣйшему исправленію“.

Ясныя указанія находимъ мы въ памятникахъ каноническаго судопроизводства также и относительно внѣшнихъ (формальныхъ) условій, съ которыми соединена была цѣнность собственнаго признанія подсудимаго, какъ доказательства. Такъ, несомнѣнно, что по правиламъ каноническаго судопроизводства, полную силу, какъ доказательство, имѣло лишь признаніе подсудимаго, данное именно въ судѣ самимъ подсудимымъ лично и въ присутствіи судей. Это видно уже изъ словъ 74 апостольскаго правила: „аще *предстанетъ*, и признается... да опредѣлится епитимія“. Свидѣтельство, подтверждающее тоже самое, можно видѣть и въ приведенныхъ ранѣе нами словахъ письма Кирилла Александрійскаго къ константинопольскому клиру о Несторіи: „мы ожидали, что достопочтеннѣйшій Несторій *придетъ на соборъ* и раскается во всѣхъ богохульствахъ“. Но особенно ясное свидѣтель-

ство, показывающее, что на каноническомъ судѣ имѣло цѣнность лишь признаніе, сдѣланное лично подсудимымъ на судѣ въ присутствіи судей, можно видѣть въ слѣдующихъ словахъ патріарха Флавіана, сказанныхъ имъ на Константинопольскомъ 448 года соборѣ, созванномъ по дѣлу Евтихія: „о если бы онъ (Евтихій), *прійдя сюда и сознавъ* свое заблужденіе, раскаялся... Посему посланные теперь почтеннѣйшіе пресвитеры Мама и Ѳеофилъ, отдавъ ему посланную отъ насъ къ нему вызывную грамоту, пусть убѣдятъ его *придти на нашъ святый соборъ*, соблазняемый обвинительными противъ него записками, представленными боголюбезнѣйшимъ епископомъ Евсевіемъ и донесеніями Іоанна, Андрея и Аѳанасія. Если же онъ придетъ сюда, изрыгнетъ прежде свое нечестіе и признаетъ истинную вѣру и изложеніе святыхъ отцовъ нашихъ, тогда онъ получитъ прощеніе, какое мы обыкновенно даемъ раскаивающимся“ [1]).

Нужно замѣтить, что требованіе, по которому признаніе дѣлалось подсудимымъ именно на судѣ, было вообще согласно съ правилами каноническаго судопроизводства, по которымъ вызовъ подсудимаго на судъ, для подачи вообще своихъ показаній, былъ обязателенъ. Этотъ вызовъ составлялъ необходимую, всегда строго исполнявшуюся, часть каноническаго судопроизводства. Въ доказательство этого можно привести, напр., слѣдующія слова одного изъ епископовъ, судившихъ Несторія: „такъ какъ не слѣдуетъ ничего опускать *изъ церковнаго порядка*, а между тѣмъ боголюбезнѣйшій Несторій, не смотря на двукратное напоминаніе вчера и сегодня, очевидно противится, то снова нужно напомнить ему третьимъ предписаніемъ. Именно благочестивѣйшіе епископы—Анисій и (4 другіе) пусть отправятся къ нему“ [2]). Обязанностью собора все производить „согласно съ канонами“ было мотивировано точно также и отцами IV Вселенскаго собора отправленіе троекратнаго посольства къ Діоскору [3]).

---

[1]) Дѣянія Всел. соб. т. III стр. 253—254.

[2]) Дѣян. Всел. соб. т. I-й стр. 504.

[3]) Дѣян. Всел. соб. т. III-й стр. 596.—При вызовѣ подсудимаго на судъ соблюдался и особый опредѣленный порядокъ. Обыкновенно къ подсудимому были отправляемы особые послы изъ духовныхъ лицъ, не менѣе двухъ и притомъ равной степени съ нимъ. (Апост. пр. 74). Такихъ пословъ мы встрѣчаемъ при всѣхъ важнѣйшихъ процессахъ IV и V-го вѣковъ, напр.: при процесахъ св. Златоуста, Несторія, Евтихія, Діоскора и др. (Дѣян. Вс. соб. т. I—507 и т. III—208 стр.). Посылавшуюся отъ суда призывную

Признаніе было вообще явно выраженное, а не безмолвное. Но и безмолвное признаніе, открывавшееся изъ какихъ-либо опредѣленныхъ данныхъ, какъ напр., неявка на судъ съ явною цѣлью уклоненія отъ судебнаго разбирательства, также принималось во вниманіе. Такая неявка (послѣ троекратнаго вызова), оставляя въ сильномъ подозрѣніи подсудимаго, въ связи съ другими, подтверждающими обвиненіе обстоятельствами, могла служить основаніемъ для постановленія обвинительнаго приговора. Доказательствомъ этого можетъ служить, напр., приговоръ отцовъ Антіохійскаго собора по дѣлу Аѳанасія, епископа Перрской церкви. „Если бы епископъ Аѳанасій дорожилъ мнѣніемъ о себѣ,—говорили отцы собора, постановляя приговоръ,—то онъ не избѣгалъ бы изслѣдованія взведенныхъ на него обвиненій, и тѣмъ болѣе, когда судопроизводство передано было блаженнѣйшему Пановлію, бывшему епископу Іеропольскому, который, какъ самъ Аѳанасій неоднократно высказалъ въ своихъ грамотахъ, былъ ему другомъ и благосклонно былъ расположенъ къ нему. Но онъ трижды отказался отъ епископства Перрскаго письменно, чрезъ свои грамоты, которыя онъ посылалъ къ блаженному Пановлію, и въ которыхъ умолялъ о томъ, чтобы получить покой. Но онъ не исполнилъ этого; а совершивъ длинное путешествіе, утруждалъ слухъ святѣйшихъ и боголюбезнѣйшихъ архіепископовъ Прокла и Кирилла, не сообщивъ имъ ничего вѣрнаго. И послѣ этого, неоднократно бывъ вызываемъ то святѣйшимъ отцомъ нашимъ и архіепископомъ Домномъ, то святымъ соборомъ снять съ себя взводимыя на него обвиненія, онъ не хотѣлъ прибыть. Итакъ, что опредѣляютъ церковныя постановленія? — Того,

---

грамоту послы должны были вручить подсудимому непремѣнно въ собственныя руки (Д. Вс. с. т. III—253—254—560 стр.). По возвращеніи на судъ, послы, каждый отдѣльно, въ строгомъ порядкѣ и съ мельчайшими подробностями, передавали весь разговоръ свой съ подсудимымъ, а также сообщали собору о всѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ приходилось имъ найти доступъ къ обвиняемому. Эта настойчивость пословъ—непремѣнно видѣть подсудимаго лично и непремѣнно самому ему передать призывную грамоту, и затѣмъ строгая отвѣтственность ихъ за неточное донесеніе собору словъ подсудимаго,—объясняется тѣмъ, что ихъ показанія, за упорствомъ подсудимаго явиться на судъ, служили противъ него уликою: при постановленіи заочнаго приговора, судъ основывался на нихъ, какъ на свидѣтельскихъ показаніяхъ, какъ это было, наприм., при разбирательствѣ дѣла Евтихія на пятомъ засѣданіи Константинопольскаго собора 448 года. (Дѣян. Вс. соб. т. III стр. 270).

кто обвиняется въ какихъ-либо неумѣстныхъ поступкахъ и, будучи вызываемъ въ третій разъ, не явится, лишать той чести, какую онъ имѣетъ. Но оказывается, что упомянутый Аѳанасій не трижды только, а часто былъ вызываемъ, и не оказалъ послушанія и не хотѣлъ отвѣчать на взводимыя на него обвиненія“ [1]).

Доказательство посредствомъ свидѣтелей.

Самымъ употребительнымъ доказательствомъ и обыкновеннымъ условіемъ для открытія истины въ каноническомъ судопроизводствѣ служило точно также и *доказательство посредствомъ свидѣтелей.* Важное значеніе присутствію свидѣтелей при изобличеніи виновнаго придается Самимъ Спасителемъ въ Его изреченіи: „Аще ли тебе не послушаетъ братъ твой (обличаемый), пойми съ собою еще единаго, или два: да при устѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ“. (Мѳ. XVIII, 15—18).

Тоже наставленіе повторено и апостоломъ Павломъ, который, поучая Тимоѳея относительно суда надъ пресвитерами, говоритъ: „на пресвитера хулы не пріемли, развѣ при двою, или тріехъ свидѣтеляхъ“. (Тим. IV, 19). Таже заповѣдь приводится въ 75 апостольскомъ правилѣ, въ которомъ читаемъ: „Во свидѣтельство противъ епископа не пріимати еретика; но и вѣрнаго единаго не довольно. На устахъ бо двоихъ, или тріехъ свидѣтелей твердо станетъ всякъ глаголъ“; и во 2-мъ правилѣ I-го Вселенскаго собора, гдѣ говорится: „Аще душевный нѣкоторый грѣхъ обрѣтенъ будетъ въ нѣкоемъ лицѣ, и будетъ обличенъ двумя, или тремя свидѣтелями, таковый да будетъ исключенъ изъ клира“.

Историческіе памятники, изображающіе практику каноническаго судопроизводства, показываютъ также, что и въ ней свидѣтельскія показанія нѣсколькихъ лицъ имѣли важное значеніе при открытіи судебной истины. Такъ напр., Апостольскія постановленія свидѣтельствуютъ, что въ судопроизводствѣ древней вселенской церкви никогда не довѣрялось показаніямъ одного обвинителя, хотя бы онъ былъ благонамѣреннѣйшимъ человѣкомъ („благой совѣсти“), но каждый обвинитель

1) Дѣян. Вс. соб. т. IV—стр. 139 II-го изданія.

долженъ былъ имѣть всегда и другихъ свидѣтелей“ [1]). Св. Аѳанасій Великій, описывая судопроизводство, происходившее по его дѣлу на Сардикійскомъ соборѣ 347 года, дѣлаетъ, между прочимъ, такое сообщеніе о результатахъ этого судопроизводства: „Когда мы пересказали (собору), какъ было поступлено съ нами, и ***представили свидѣтелей*** и доказательства, тогда всѣ удивились и признали, что поэтому вѣроятно и убоялись они (враги его) собора, чтобы не быть обличенными въ лицѣ“ [2]). Изъ исторіи судопроизводства по дѣлу Діоскора, разбиравшемуся на Халкидонскомъ вселенскомъ соборѣ 451 года, извѣстно, что одинъ изъ обвинителей Діоскора, Ѳеодоръ, діаконъ Александрійской церкви, подавая на него свою письменную жалобу собору „и поименовавъ въ ней четырехъ свидѣтелей“, просилъ соборъ задержать этихъ послѣднихъ, „дабы они не укрылись отъ свидѣтельствованія“ [3]). Эти и имъ подобные примѣры показываютъ, какое важное значеніе придавалось свидѣтельскимъ показаніямъ на каноническомъ судопроизводствѣ.

Что касается тѣхъ условій, съ которыми соединялось принятіе свидѣтельскихъ показаній, какъ доказательства, то и въ этомъ случаѣ имѣло приложеніе то же общее требованіе, какое прилагалось и по отношенію къ признанію, какъ доказательству, то-есть, что свидѣтельскія показанія точно также принимались, какъ доказательство, только послѣ тщательнаго изслѣдованія ихъ собственной справедливости и истинности. Для сего правила канонической судопроизводства предписываютъ судьямъ обращать самое строгое вниманіе на самую личность свидѣтелей, какъ и вообще, и—на личность обвинителей. „Епископъ, ***отъ людей вѣроятія достойныхъ*** обвиняемый въ чемъ либо... долженъ быть призванъ епископами“ на судъ,—читаемъ въ 74 Апостольскомъ правилѣ. — „Поелику многіе, желая привести въ замѣшательство, и неспровергнути церковное благочиніе, враждебно и клеветнически вымышляютъ на правящихъ церквами православныхъ епископовъ нѣкія вины... того ради соборъ стекшихся въ Константинополѣ

1) Μὴ πιστευέσθω μόνος, ἀλλ' ἐχέτω καὶ ἑτέρους μάρτυρας.—Διατ. τ. ἁγ. Ἀποστ. II сар. 49, с. р. 194.

2) Процессы духовнаго суда въ древней вселенской церкви. Барсова. «Хр. Чт.» 1871 г., II ч. стр. 208.

3) Дѣянія Всел. соб., т. II, стр. 578.

епископовъ заблагоразсудилъ: *не безъ изслѣдованія допускати обвинителей, ниже позволяти всякому приносити обвиненія на правителей церкви...* Аще возводимая на епископа вина будетъ церковная [1]), *но подобаетъ разсмотрѣти лице обвинителя*",— читаемъ въ 6 правилѣ II Вселенскаго собора. Это правило было повторено и отцами IV Вселенскаго собора, которые опредѣлили: „отъ клириковъ, или мірянъ, доносящихъ на епископовъ или на клириковъ, не принимати доноса просто и безъ изслѣдованія; но предварительно извѣдывати общественное о нихъ мнѣніе (21 пр.). Указаніе на требованіе именно достовѣрныхъ свидѣтелей при обвиненіяхъ находимъ также у Ѳеофила Александрійскаго: „о состоящихъ въ клирѣ, если обвиняются въ любодѣяніи, должно быть произведено изслѣдованіе. И если будутъ достовѣрные обвинители, и преступленіе доказано будетъ представленіемъ *достовѣрныхъ свидѣтелей*, то виновные должны быть извержены",—читаемъ у него въ 9 правилѣ.

Что требованіе представленія при обвиненіяхъ лишь достовѣрныхъ свидѣтелей было общимъ правиломъ каноническаго судопроизводства, ясное указаніе на то даютъ и историческія свидѣтельства, изображающія самую практику производства дѣлъ на судѣ въ древней вселенской церкви.

Такъ, въ Апостольскихъ постановленіяхъ относительно практики духовнаго суда въ первые вѣка христіанской церкви пишется: „одному обвиняющему, хотя бы онъ былъ добросовѣстенъ, не вѣрьте, ибо это противозаконно, а пусть будутъ у него и другіе свидѣтели, подобные ему по поведенію, какъ говоритъ законъ; при устѣхъ двою и тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ (Втор. 19, 15 с.). Почему же должно изслѣдовать, каково поведеніе ихъ? — Потому, что часто случается, что и двое и большее число свидѣтелей свидѣтельствуютъ злѣ, и согласно утверждаютъ ложь, какъ поступили въ Вавилонѣ два старца

---

[1]) Подъ «виною церковною» или публичною разумѣется обвиненіе въ преступленіяхъ, которыя причиняютъ ущербъ правамъ состоянія обвиняемаго и которыя подвергаютъ его церковному наказанію — лишенію сана и проч. «Винѣ церковной» противополагается въ правилѣ «частная жалоба», какъ-то, въ притязаніи имѣнія, или въ иной какой-либо потерпѣнной неправдѣ, при каковыхъ обвиненіяхъ правило не требуетъ изслѣдованія личности обвинителя. Толк. Зонары. Прав. Вс. соб. И. О. л. д. пр. стр. 101—102.

противъ Сусанны (Дан. 13, 36—40), въ Самаріи — сыны беззаконныхъ противъ Навуѳея (3 Цар. 21. 15), въ Іерусалимѣ множество іудеевъ противъ Господа (Мрк. 14, 36), и противъ первомученика св. Стефана (Дѣян. 6, 11). Итакъ свидѣтели да будутъ кротки, негнѣвливы, справедливы, любовны, цѣломудренны, воздержны, не злы, вѣрующіе, благочестивые, ибо свидѣтельство таковыхъ по самому поведенію ихъ твердо и по образу жизни ихъ истинно. А кто не таковъ, тѣхъ свидѣтельства не принимайте, хотя бы и казались они согласными въ обвиненіи, ибо въ законѣ повелѣвается: да не будеши со многими на злобу, да не пріимеши слуха суетна, да не приложишися ко множеству превратити праведное“ (Исх. 23, 1. 2 с.) [1]). Такое же прямое свидѣтельство о томъ, что на духовномъ судѣ въ древней церкви при выслушиваніи обвиненій обращалось вниманіе на личное достоинство обвинителя и свидѣтелей, мы усматриваемъ у св. Кипріана. „Когда послы Новаціана, произнося въ собраніи христіанъ (Карѳагенской церкви) хулы и возмутительныя вещи, неотступно требовали отъ насъ и народа публично выслушать то обвиненіе, которое они намѣревались представить и доказать, то мы почли несовмѣстнымъ съ достоинствомъ нашимъ допустить, чтобы добрая слава товарища нашего, уже избраннаго, посвященнаго (епископа Корнилія) и заслужившаго отъ многихъ похвалу и одобреніе, была долѣе поносима злорѣчивыми устами завистниковъ“,—читаемъ мы въ 35 письмѣ его.

Несомнѣнно, что и за позднѣйшее послѣ III вѣка время, за періодъ Вселенскихъ соборовъ на судѣ церковномъ обращалось строгое вниманіе на личное достоинство свидѣтелей.—„Я имѣю достовѣрнѣйшихъ свидѣтелей, при которыхъ онъ (обвиняемый Евтихій) училъ и проповѣдывалъ превратно и пробовалъ спорить“,—говорилъ, напр., обвинитель Евтихія, Евсевій на Константинопольскомъ соборѣ 448 г. [2]). „Богъ мнѣ свидѣтель и сильные и почтенные (заслуживающіе полное довѣріе) люди“,—говорилъ также бывшій епископъ ефесскій Вассіанъ при представленіи своей жалобы на соборѣ Халкидонскомъ 451 г. [3]).

Въ виду важной роли свидѣтельскихъ показаній въ дѣлѣ отысканія судебной истины, на каноническомъ судопроизводствѣ были при-

[1]) Διατ. τ. ἁγ. Ἀποστ. II гл. 49; Pitra 1. c. p. 195.
[2]) Дѣян. Всел. соб., т. III, стр. 266.
[3]) Дѣян. Всел. соб., т. IV, стр. 112.

няты, со всею строгостію и тщательностію разработанныя, правила, необходимыя при установленіи достовѣрности свидѣтельскихъ показаній, — и указывавшія условія, съ какими должна была соединяться цѣнность послѣднихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Эти условія могутъ быть подраздѣлены на внутреннія и внѣшнія.

Для большей ясности обозрѣнія, разсмотримъ сначала внутреннія условія, а потомъ внѣшнія.

Внутреннія условія, съ какими въ тѣсной связи находилась достовѣрность свидѣтельскихъ показаній въ каноническомъ судопроизводствѣ, могутъ быть подведены къ двумъ главнымъ вопросамъ: 1) кто можетъ быть свидѣтелемъ (о качествѣ свидѣтеля), — и 2) сколько должно быть свидѣтелей (о числѣ свидѣтелей).

Въ первомъ случаѣ—для рѣшенія того, кто можетъ быть свидѣтелемъ—имѣютъ значеніе два главныя условія: знаніе предмета свидѣтелями и желаніе дать справедливое показаніе. Въ отношеніи къ первому условію, то-есть къ знанію того, о чемъ дается свидѣтельское показаніе, въ судопроизводствѣ древней Вселенской церкви имѣло силу требованіе, по которому свидѣтелемъ могъ быть только очевидецъ дѣла. Это подтверждается примѣрами, какіе мы встрѣчаемъ въ самой судебной практикѣ древней Вселенской церкви. Однимъ изъ такихъ примѣровъ можетъ служить, напр., фактъ кассированія на Римскомъ соборѣ 342 года судебнаго рѣшенія собора Тирскаго по дѣлу Аѳанасія Великаго,—кассированія по той именно причинѣ, что рѣшеніе это основывалось на показаніяхъ свидѣтелей неочевидцевъ. „Вы, обвинители Аѳанасія, собравшіеся въ Антіохіи и писавшіе оттуда посланіе къ папѣ, живете вдали,—писалъ послѣдній въ отвѣтномъ посланіи къ нимъ,—между тѣмъ, какъ писавшіе въ защиту Аѳанасія *живутъ вмѣстѣ съ нимъ и знаютъ его*, они свидѣтельствуютъ объ его жизни и утверждаютъ, что онъ во всемъ оклеветанъ по заговору“. Таковъ же фактъ оправданія того же Аѳанасія Великаго во взводимыхъ на него обвиненіяхъ, имѣвшій мѣсто на Сардикійскомъ соборѣ 347 года, для котораго собору послужило основаніемъ точно также то обстоятельство, что для доказательства обвиненій не было представлено свидѣтелей очевидцевъ, а между тѣмъ опровергнуты они были свидѣтелями очевидцами. „Разглашали они (обвинители Аѳанасія) и о чашѣ, будто-бы разбитой Аѳанасіевымъ пресвитеромъ,—говорилось въ

окружномъ посланіи собора,—но пришедшіе изъ Александріи, Маркота и прочихъ мѣстъ засвидѣтельствовали, что ничего этого не было, и епископы, писавшіе изъ Египта къ сослужителю нашему Юлію, достаточно подтвердили, что тамъ не было вовсе и подозрѣнія о чемъ либо подобномъ".

Въ „гражданскихъ законахъ" (въ греко-римскомъ правѣ), имѣвшихъ приложеніе въ духовномъ судѣ древней Вселенской церкви (144 прав. Карѳаг. собора), требованіе отъ свидѣтелей непосредственнаго ознакомленія съ дѣломъ, о которомъ они даютъ показанія, было выражено въ видѣ слѣдующаго законоположенія: „свидѣтели не должны свидѣтельствовать по слуху, хотя и тавулларіи будутъ дѣлать это показаніе: ибо необходимо, чтобы въ уголовныхъ обвиненіяхъ приводимы были свидѣтели, а не слова ихъ" [1]).

Съ полною несомнѣнностью мы можемъ утверждать, что и второе условіе достовѣрности свидѣтельства, заключающееся въ желаніи свидѣтеля дать истинное и справедливое показаніе, въ древней Вселенской церкви признавалось однимъ изъ важнѣйшихъ на судѣ. За это говоритъ та подробность и вообще та внимательность, съ какою были опредѣлены правилами каноническаго судопроизводства самыя основанія, которыя могли бы свидѣтельствовать о присутствіи, или отсутствіи означеннаго условія, то-есть желанія въ свидѣтелѣ дать правдивое показаніе, которымъ-бы не прикрывалась намѣренная ложь.

Всѣ тѣ основанія, которыя считались по правиламъ каноническаго судопроизводства достаточными для убѣжденія въ присутствіи или отсутствіи въ свидѣтелѣ искренняго желанія дать правдивое показаніе, могутъ быть подведены подъ двѣ рубрики: личныя качества свидѣтелей и отношеніе свидѣтелей къ тяжущимся сторонамъ.

Разсматривая частности, на которыя обращалось вниманіе на каноническомъ судѣ при изслѣдованіи личныхъ качествъ свидѣтелей, мы видимъ, что однимъ изъ главныхъ условій для принятія показаній отъ свидѣтеля считалась правая вѣра послѣдняго и вообще принадлежность его къ Церкви. „Въ свидѣтелехъ взыскаютъ . . . и вѣры", — читаемъ мы въ гражданскихъ, имѣвшихъ приложеніе на судѣ древней

---

[1]) Proch. Harm. lib. I, tit. VI, cap. V, p. 100. Но Алфавит. синт. Властаря. Переводъ Ильинскаго, стр. 169.

Вселенской церкви законахъ [1]). — Церковныя же правила, перечисляя, такъ сказать, отдѣльные виды лицъ, не принадлежащихъ къ Церкви, запрещаютъ въ частности принимать свидѣтельскія показанія, какъ и вообще обвиненія (по крайней мѣрѣ противъ духовныхъ лицъ) прежде всего отъ еретиковъ и раскольниковъ. „Въ свидѣтельство противъ епископа не пріимати еретика“,—говорится въ 75 Апостольскомъ правилѣ. — „Не позволяти еретикамъ приносити обвиненія на православныхъ епископовъ по дѣламъ церковнымъ“,—читаемъ также въ 6 правилѣ II-го Вселенскаго собора [2]).

Вмѣстѣ съ еретиками и раскольниками къ числу лицъ, которымъ воспрещалось давать свидѣтельскія показанія и дѣлать обвиненія противъ духовныхъ лицъ по церковнымъ дѣламъ, правила относятъ далѣе іудеевъ и еллиновъ, то-есть, вообще не-христіанъ. „Положено и сіе: не пріимати доносовъ... отъ еретиковъ, или еллиновъ, или іудеевъ“,—читаемъ въ 144 правилѣ Карѳагенскаго собора. — Къ той же категоріи лицъ, не имѣвшихъ права обвинять епископа, относятся и тѣ изъ „принадлежащихъ къ Церкви“, которые „за нѣкія вины прежде были осуждены и извержены, или отлучены изъ клира, или изъ разряда мірянъ [3]), доколѣ не очистятъ себя отъ обвиненія, которому сами подпали, а равно и тѣ, которые подверглись предварительному доносу, пока также не докажутъ съ несомнѣнностью свою невинность противу возведенныхъ на нихъ обвиненій“ (6 пр. II-го Всел. собора).

---

[1]) Proch. Nomos Zachar. t. XXVII r. 7. Dig. XXII, 5. 2. Кормч. Слав. 48 гр. КЗ.

[2]) Здѣсь же дается объясненіе, кого должно разумѣть подъ еретиками. «Еретиками-же»—говорится въ правилѣ,—«именуемъ какъ тѣхъ, которые издавна чуждыми Церкви объявлены, такъ и тѣхъ, которые послѣ того нами анаѳемѣ преданы; кромѣ же сего—и тѣхъ, которые, хотя притворяются, будто вѣру нашу исповѣдаютъ здраво, но отдѣлились и собираютъ собранія противъ нашихъ правильно поставленныхъ епископовъ». Подъ послѣдними—притворяющимися, будто вѣру исповѣдаютъ здраво, но отдѣлившимися отъ православныхъ епископовъ — нужно разумѣть именно раскольниковъ, каковымъ именемъ могутъ быть названы, по правилу Василія Великаго, всѣ раздѣлившіеся въ мнѣніяхъ о нѣкоторыхъ предметахъ церковныхъ и о вопросахъ, допускающихъ врачеваніе. (Толкованіе Зонары на 6 пр. II Всел. собора. Прав. Всел. соборовъ. И. О л. д. пр. стр. 102).

[3]) Подъ извержеными, по толкованію Зонары, должно разумѣть тѣхъ, которые совершенно отсѣчены отъ Церкви, а подъ отлученными—тѣхъ, которые на время лишены церковнаго общенія (Прав. Всел. соб. И. о. л. д. пр., стр. 102).

Другимъ не менѣе важнымъ условіемъ для принятія показаній отъ свидѣтелей по церковнымъ дѣламъ, на которое обращалось строгое вниманіе въ каноническомъ судопроизводствѣ при изслѣдованіи личныхъ качествъ свидѣтелей, служила добрая нравственность послѣднихъ. „Въ свидѣтеляхъ должно испытывать и нравы“,—читаемъ мы въ гражданскихъ законахъ о свидѣтеляхъ. „О каждомъ свидѣтелѣ, — читаемъ далѣе, – должно изслѣдовать, который честенъ и непороченъ, или который безчестенъ и достоинъ порицанія“ [1]). — Усвояя это правило, церковные каноны запрещаютъ свидѣтельствованіе людямъ вообще „неблагонравнымъ“ (οὐκ ἀγαθῆς ἀναστροφῆς) (8 прав. Карѳагенск. собора,— то-есть, людямъ недобраго поведенія, нехорошей жизни [2]), и „опороченнымъ“ (8 и 28 правила Карѳаген. собора), на которыхъ лежитъ „пятно безчестія“ (144 пр. Карѳаг. собора).

Если строги были положительныя правила судопроизводства древней Вселенской церкви по отношенію къ требованію доброй нравственности, то не менѣе строга была въ исполненіи этого требованія и самая практика судопроизводства древней Вселенской церкви, какъ это можно видѣть изъ знакомства съ нею по историческимъ свидѣтельствамъ. Такъ, въ Апостольскихъ постановленіяхъ изображающихъ практику древняго церковнаго суда, наряду съ другими наставленіями, служившими руководствомъ для церковнаго судопроизводства, находятся весьма строгія и подробныя наставленія и относительно изслѣдованія нравственнаго характера свидѣтелей.

Повелѣвая изслѣдовать самихъ тяжущихся въ отношеніи къ ихъ нравственности, „Постановленія“ предписываютъ требовать отъ нихъ и свидѣтелей „подобныхъ имъ по нравственности“; причемъ повелѣваютъ, чтобы свидѣтелями были люди „кроткіе, несклонные къ гнѣву, тихіе, любящіе, цѣломудренные, воздержные, нелукавые, вѣрные, благочестивые; ибо свидѣтельство ихъ твердо по нравственнымъ ихъ качествамъ и истинно по ихъ образу жизни. А свидѣтельство тѣхъ, кои не таковы, не принимайте, хотя бы повидимому они и согласовались въ своемъ свидѣтельствѣ, ибо въ законѣ повелѣно: да не пріимеши слуха суетна, да не изволиши со множествомъ уклонити праведное“ (Исх. XXIII,

---

1) Prochir. Nomos Zachar. tit. XXVII, стр. 147. Dig. XXII, 5. 2.

2) Толков. Зонары къ 8 пр. Карѳ. соб. Прав. помѣстн. соб. И. О. л. д. пр., стр. 392.

1—2) [1]). Такое же прямое свидѣтельство о томъ, что въ судебной практикѣ древней Вселенской церкви добрая нравственность обвинителей и свидѣтелей считалась важнымъ условіемъ для принятія отъ нихъ судебныхъ показаній, можно видѣть также въ приведенныхъ нами выше словахъ изъ 35 письма св. Кипріана: „Когда послы Новаціана, произнося въ собраніи христіанъ хулы и возмутительныя вещи, требовали выслушать обвиненіе..., то мы почли несовмѣстнымъ съ достоинствомъ нашимъ допустить, чтобы добрая слава товарища нашего... была поносима злорѣчивыми устами завистниковъ“ [2]).

---

[1]) Διατ. τ. ἁγ. Ἀποστ. II гл. 49. Pitra I, стр. 195.

[2]) Въ гражданскихъ законахъ, на которые въ данномъ случаѣ ссылаются и каноны (144 пр. Карѳ. соб.), дѣлаются частныя указанія относительно того, кого должно разумѣть подъ „неблагонравными“, не имѣвшими права подачи свидѣтельскихъ показаній на судѣ. Всѣ эти лица, которымъ въ виду ихъ нравственнаго недостоинства запрещалось свидѣтельствовать гражданскими законами, могутъ быть подраздѣлены на двѣ категоріи. Къ одной относятся люди неправственные въ собственномъ смыслѣ, какъ обнаружившіе свое личное неблагонравіе, какъ напр., люди, ведущіе распутную жизнь—блудники (ἄσωτος, prodigus,—Proch. N. t. XXII. 33 Zach. Theophil. 1, 1. Harm. § 54); — или осужденные за прелюбодѣяніе (adulterii condemnatus...—Zach. Proch. N. t. XXVII, 26 г. Diag. h. t. 14. Harm. § 38); люди, способные оклеветать, или уже оклеветавшіе (Zach. Proch. 20 гл. Nov. 90),—и въ частности,—люди, осужденные за сочиненіе возмутительнаго пасквиля (Bas. XXI, t. I, cap. 20, t. II-й p. 400; Proch. tit. XXVII, cap. 52, p. 209; Phottii Nov t. IX, cap. 2. Synt. R. t. I, 178. Алфав. синт. Властаря, перев. Ильинскаго, стр. 169); люди, способные ради выгоды дать ложное показаніе и, въ частности,—осужденные за то, что взяли деньги за подачу ложнаго показанія, или—за показаніе или непоказаніе свидѣтельства (Synopsis Basilicorum Zach. гл. VI, περὶ μαρτύρων. — Къ другой категоріи нравственно неблагонадежныхъ лицъ, не имѣвшихъ права свидѣтельствовать на судѣ, относятся тѣ, на которыхъ налагаетъ пятно безчестія родъ занятія ихъ, носящаго низкій характеръ и потому лишающаго этихъ лицъ довѣрія на судѣ. Таковы, напр., упоминаемые и въ 144 правилѣ Карѳагенскаго собора «позорищные», подъ которыми разумѣются играющіе на сценѣ (μίμοι—смѣхотворцы); причемъ безчестными и нравственно неблагонадежными почитались собственно тѣ изъ нихъ, которые играютъ на торжищахъ и въ народныхъ собраніяхъ; исполняющіе же свое дѣло предъ лицемъ царя въ законахъ почитаются почетными (Толков. Зонары къ 144 пр. Карѳ. собора. Прав. пом. соб. II. о. л. д. пр., стр. 7 48). Таковы же борцы со звѣрями, называющіеся также псовыми охотниками (κυνηγοί),— и единоборцы (Synopsis Basilic. Zach.); причемъ эти лица точно также, какъ и «позорищные», раздѣляются на два разряда: тѣ изъ нихъ, которые борются со звѣрями или единоборствуютъ для показанія мужества и по любви къ славѣ, почитались почетными, а если—ради вознагражденія, то—безчестными: ибо кто не щадитъ собственной

Помимо нравственныхъ качествъ при оцѣнкѣ личности свидѣтеля обращалось вниманіе и на физическія способности его дать вѣрный отчетъ о томъ, что онъ наблюдалъ. Это ясно видно изъ запрещенія свидѣтельствовать „глухому“ (surdus), „нѣмому“ (mutus) и „бѣсноватому (furiosus). (Theophil. 11. Harm. § 51. Prochir. H. Zach. t. XXVII, s. 33).

Обращалось вниманіе также и на возрастъ свидѣтеля, какъ это видно изъ запрещенія свидѣтельствовать „несовершеннолѣтнему“ (ἄνηβος— impubes) [1]).

Съ меньшимъ довѣріемъ принимались показанія женщинъ сравнительно съ показаніями мужчинъ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго постановленія гражданскихъ законовъ: „жены не проходятъ мужской должности и не свидѣтельствуютъ въ завѣщаніи; въ другихъ же случаяхъ — тогда, когда мужчины не призываются“ [2]).

жизни, но отдаетъ ее за вознагражденіе, и изъ-за корысти презираетъ смерть, какъ избѣжитъ дурнаго мнѣнія о немъ» (Толк. Зонары ibid.). Наконецъ, къ категоріи лицъ, нравственно неблагонадежныхъ и не заслуживающихъ довѣрія на судѣ, относились, какъ въ собственномъ смыслѣ «къ срамнымъ дѣламъ неприкосновенные» (144 прав. Карѳ. собора) «сводники», содержатели блудницъ (Толков. Вальсамона къ 144 правилу Карѳаг. собора. Прав. пом. соб. II. о. л. д. пр., стр. 750) и сами блудницы (публичныя женщины), и имъ подобные (Synopsis Basil. Zach. ὁ. κεφ.).

[1]) Карѳ. соб. 146 пр. Theophil. 1. 1. Harm. § 51. Proch. N. Zach. t. XXVII г. 33.—Подъ несовершеннолѣтними правила церковныя (146 с. Кар. с.) разумѣютъ не достигшихъ 14 лѣтъ: «свидѣтельство имѣющихъ менѣе 14-ти лѣтъ возраста да не пріемлется»; а по законамъ гражданскимъ разумѣются не достигшіе 20 лѣтъ (Dig. 3, § 5. Harm. § 36. Proch. N. Zach. t. XXVII, 24 гл.). Обращая вниманіе на эту разность, Вальсамонъ говоритъ: „Сопоставляя настоящее правило, которое говоритъ, что имѣющіе менѣе 14 лѣтъ не должны свидѣтельствовать, а только старшіе, съ 20-ю главою 1-го титула, 21 книги, говорящаго буквально такъ: „обвинитель не можетъ призывать ко свидѣтельству того, кому менѣе 20 лѣтъ“, — кто нибудь спроситъ: „на что же мы должны обращать вниманіе?“ И мнѣ кажется, что скорѣе—на законъ; ибо тотъ, кому менѣе 20 лѣтъ, хотя и болѣе 14, не долженъ быть допускаемъ къ свидѣтельству въ уголовномъ дѣлѣ, какъ не обладающій еще твердымъ мышленіемъ. Притомъ законъ — и много позднѣе правила, потому что онъ былъ принятъ въ пересмотрѣнный кодексъ Василикъ спустя много лѣтъ послѣ настоящаго собора. (Прав. пом. соб. Изд. о. л. д пр., стр. 755).

[2]) Basil. lib. XXI, т. I, cap. 17; t. II, p. 348.

Встрѣчаемъ далѣе (въ гражданскихъ законахъ) запрещеніе принимать свидѣтельство бѣдныхъ противъ богатыхъ [1]).

Встрѣчаемъ, наконецъ, весьма важное для характеристики каноническаго судопроизводства, запрещеніе относительно принятія свидѣтельскихъ показаній отъ лицъ, отправлявшихъ обязанности судей при разсмотрѣніи дѣла. „Я поставленъ судьею, и не могу быть свидѣтелемъ“,—говорилъ напр. Мара при разбирательствѣ дѣла Ивы Эдесскаго. А относительно свидѣтельствованія, при пересмотрѣ дѣла по апелляціи, бывшихъ по тому же дѣлу судей или даже лицъ, присутствовавшихъ при его разсмотрѣніи, въ 70 правилѣ Карѳагенскаго собора читаемъ: „Подобаетъ просити благочестивѣйшихъ царей, да благоволятъ узаконити и сіе: аще нѣкоторые пожелаютъ по какому-либо дѣлу имѣти судъ въ Церкви, по праву апостольскому, принадлежащему Церквамъ, и, можетъ быть, рѣшеніемъ клириковъ одна сторона будетъ недовольна, то да не будетъ позволено призывати въ судъ къ свидѣтельству того клирика, который прежде сіе самое дѣло разсматривалъ, или при разсмотрѣніи онаго присутствовалъ“. Изъ всего этого видно, съ какою строгостью на каноническомъ судѣ разграничивалась функція свидѣтеля отъ функціи судьи и съ какою внимательностью правила каноническаго судопроизводства старались обезпечить охраненіе, такъ сказать, цѣлостность той и другой: судья, и даже лицо, ранѣе разсматривавшее или только присутствовавшее при разсмотрѣніи дѣла, не могло быть свидѣтелемъ при новомъ разсмотрѣніи того же дѣла. Это важно замѣтить, какъ характерную черту каноническаго судопроизводства.

Отношеніе свидѣтелей къ тяжущимся лицамъ.

Весьма строги и внимательны были правила каноническаго судопроизводства и касательно отношеній свидѣтелей къ тяжущимся лицамъ. Согласно съ этою строгостью прежде всего было запрещено при-

---

[1]) Бѣдные не свидѣтельствуютъ: бѣдный-же тотъ, кто не имѣетъ 50-ти номизмъ (νομισμάτων). (Dig. XLVIII. 2. 10. Proch. N. Zach. t. XXVII. 22) Νόμισμα—solidus—дукатъ=приблизительно 3 рублямъ. Заозерскій—Происхожденіе Византійскаго Номоканона стр. 130.

нимать свидѣтельскія показанія отъ лицъ подвластныхъ, находящихся вообще подъ вліяніемъ лица, ихъ,—свидѣтелей, представляющаго. Относительно свидѣтельствованія такихъ лицъ въ законахъ мы читаемъ: „Недостовѣренъ свидѣтель, которому я могу приказывать“ [1]). Согласно съ этимъ общимъ правиломъ, каноны запрещаютъ въ частности принимать свидѣтельскія показанія отъ тѣхъ липъ, которыхъ доноситель (обвинитель) представитъ изъ своего дома. „Никто изъ домашнихъ лица церковнаго да не вводится въ судъ, съ обязанностію свидѣтельствовати“: или: „свидѣтелей же къ свидѣтельству не пріимати... тѣхъ, которыхъ самъ доноситель представитъ изъ своего дома“,—читаемъ въ 70 и 146 правилахъ Карѳагенскаго собора [2]). Согласно съ тѣмъ же основнымъ правиломъ—не принимать свидѣтельскія показанія отъ лицъ подвластныхъ—запрещалось на судѣ въ древней Вселенской Церкви допускать къ свидѣтельствованію рабовъ. „Не пріимати доносовъ отъ всѣхъ рабовъ“—читаемъ въ 144 правилѣ Карѳагенскаго собора [3]). Точно также запрещено было свидѣтельствованіе отпущенникамъ противъ своихъ освободителей, или ихъ дѣтей, или наслѣдниковъ, имѣющихъ надъ ними право патроната. „Положено и сіе: не пріимати доносовъ отъ отпущенниковъ тѣхъ самыхъ, на которыхъ доносити хотятъ“,—читаемъ въ томъ же 144 правилѣ Карѳагенскаго собора [4]).—Не оставлялись безъ вниманія при оцѣнкѣ свидѣтельскихъ показаній и род-

---

[1]) Synopsis Bas. Zach. VI—περὶ μαρτύρων. Dig. h. t. dig. 6. Harm. § 37, Proch. N. Zach. t. XXVII гл. 25.

[2]) Въ гражданскихъ законахъ относительно свидѣтельствованія домашнихъ лицъ читаемъ: «Обвинитель не можетъ приводить домашнихъ свидѣтелей», «свидѣтельства домашнихъ отвергаются». (I т. XXI Basil. 24 и 27. с.). Нужно замѣтить, что подъ домашними, отъ которыхъ законы запрещаютъ принимать свидѣтельскія показанія, разумѣются, по толкованію Зонары, собственно подвластные того самаго лица, которое приводитъ ихъ, или незначительные подручные, которыхъ можно заставлять дѣлать показанія и, въ случаѣ непослушанія, наказывать. А если подчиненные будутъ достойны уваженія, какъ-то: священники, или діаконы или грамматики и всѣ подобные имъ, то не должны быть не допускаемы къ свидѣтельству (Прав. Пом. соб. И. о. л. д. пр. стр. 754).

[3]) Относительно свидѣтельствованія рабоъ въ гражданскихъ законахъ читаемъ: «Рабъ не свидѣтельствуетъ» (Proch. N. Z. t. XXVII с. 28. Nov. 90). «Рабы безъ сомнѣнія ни за господина, ни противъ господина не могутъ быть спрашиваемы». (Synopsis Basil. 21).

[4]) Въ гражданскихъ законахъ относительно того же читаемъ: «Не свидѣтельствуетъ отпущенникъ противъ патрона или дѣтей его», (Dig. XXII 5. 4. На rm. § 34. Zach. Proch. N. t. XXVII—23 с.).

ственныя связи лицъ свидѣтельствующихъ съ тяжущимися, какъ это видно, напримѣръ, изъ запрещенія свидѣтельствовать сыну отца, или отцу—относительно сына, каковое запрещеніе находимъ въ гражданскихъ законахъ. „Не свидѣтельствуетъ ни сынъ относительно отца, ни отецъ относительно сына“,—читаемъ мы въ этихъ законахъ [1]). —Наконецъ, принимались въ соображеніе при оцѣнкѣ показаній свидѣтелей и враждебныя или дружественныя отношенія послѣднихъ къ тяжущимся лицамъ. „Относительно каждаго свидѣтеля должно изслѣдовать—не другъ-ли онъ лица представляющаго и не врагъ-ли тому, противъ кого представляется“,—читаемъ мы въ гражданскихъ законахъ [2]). Изъ разсмотрѣнія практики судопроизводства древней Вселенской Церкви видно, что это послѣднее правило было общепринятымъ на немъ и строго выполнялось. Такъ, напримѣръ, изъ исторіи судопроизводства по дѣлу Аѳанасія Великаго на соборѣ Тирскомъ извѣстно, что, когда соборъ для изслѣдованія на мѣстѣ преступленія пресвитера Макарія, въ которомъ обвиняли его враги Аѳанасія и вообще для разъясненія всѣхъ сомнительныхъ обстоятельствъ, происшедшихъ, по показаніямъ ихъ же, въ Марсотѣ, назначилъ комиссію, составленную изъ злѣйшихъ враговъ Аѳанасія, то послѣдній, пользуясь правами закона, рѣшительно протестовалъ противъ этой комиссіи, заявивъ собору, что „это—явная несправедливость, что это видимое коварство; комиссіею въ такомъ составѣ, очевидно, будутъ собраны доказательства, нужныя только для обвиненія подсудимыхъ“ [3]). Тѣмъ же правиломъ руководствовался и Ива Эдесскій, когда онъ, при судебномъ разбирательствѣ его дѣла съ четырьмя клириками Эдесской церкви на Халкидонскомъ (451 г.) соборѣ въ X-е засѣданіе, требовалъ устраненія представленныхъ обвинителями троихъ свидѣтелей на томъ именно основаніи, что они свидѣтели—явные враги его и друзья обвинителей [4]).

---

[1]) Proch. N. Z. t. XXVII—c. 27.

[2]) Synopsis Basil. Zachar. VI c. περὶ μαρτύρων.

[3]) Сокр. I гл. 31 стр. Созом. 137—138. Процессы дух. суда въ древ. Всел. Церкви—Барсова. Христ. Чтеніе 1871 г. II г. 276 стр.

[4]) Дѣян. Всел. соб. т. IV-й изд. 2-е стр. 96.

О числѣ свидѣтелей.

Что касается числа свидѣтелей, то обычно требовалось возможно полное количество ихъ. „Мы спрашивали васъ (обвинителей)—въ Церкви ли Ива училъ тому, о чемъ вы говорите? И вы сказали, что онъ училъ объ этомъ въ присутствіи всего клира въ столовой комнатѣ епископіи: поэтому, какъ каноны и законы установили только въ случаѣ недостатка приводить опредѣленное число свидѣтелей; а въ настоящемъ случаѣ не недостатокъ, а избытокъ; то необходимо спрашивать не только тѣхъ, которыхъ указали вы и которыхъ Ива однакожъ устраняетъ, какъ своихъ враговъ, но и другихъ, принимавшихъ въ то время отъ него благословеніе“,—говорили, напримѣръ, судьи при разбирательствѣ дѣла Ивы Эдесскаго на IV Вселенскомъ Соборѣ [1]). Что же касается необходимаго числа свидѣтелей, то въ отношеніи къ этому предмету въ судопроизводствѣ древней Вселенской Церкви было общимъ строгимъ правиломъ, по которому требовалось всякій разъ не менѣе двоихъ свидѣтелей. „На устѣхъ бо двоихъ, или тріехъ станетъ всякъ глаголъ“,—говорится въ 75 Апостольскомъ правилѣ [2]).

О присягѣ свидѣтелей.

Несомнѣнно, что подача показаній свидѣтелями на судѣ въ древней Вселенской Церкви предварялась всякій разъ принятіемъ послѣдними присяги. „Свидѣтели прежде, чѣмъ будутъ свидѣтельствовать, должны принять присягу“,—читаемъ въ гражданскихъ законахъ [3]). Только лица духовныя были освобождены отъ нея. „Не знаемъ, чтобы до этого времени епископы давали клятву“,—отвѣчали епископы свѣтскимъ судьямъ, требовавшимъ отъ нихъ присяги въ судѣ по дѣлу о

---

[1]) Цѣян. Всел. соб. т. IV—стр. 186—246.

[2]) Мѳ. 18. 16; I Тим. 5. 19.—Съ такою же строгостію выражено запрещеніе относительно принятія свидѣтельства отъ одного лица и въ гражданскихъ законахъ, гдѣ читаемъ: «Свидѣтельство одного не принимается ни въ какой тяжбѣ, хотя бы (этотъ свидѣтель) былъ изъ сенаторовъ». (Synopsis Basil. Zach. περὶ μαρτύρων. Basil. lib. XXI. t. I. 20; t. II p. 400 Proch. auct. t. XXVII c. 52 p. 209. Nomoc. t. IX c. 2; Synt. Rhalli t. I. p. 178. Алф. Синт. Властаря) переводъ Ильинскаго, стр. 158.

[3]) Zach. Synopsis Bas.— περὶ μαρτύρων; Bas. l. XXI t. I. c. 20; t. II p. 400 Proch. Auct. t. XXVII c. 52. p. 209; Phot. Nomoc. t. IX. Synt. R. t. I. p. 178.

нотаріяхъ св. Флавіана [1]). Но и духовныя лица обычно давали свои показанія передъ св. Евангеліемъ, что такимъ образомъ, должно было замѣнять присягу. „Я узналъ кое отъ кого, что когда вашъ святый соборъ дѣлалъ второй вызовъ (Евтихію),—говорилъ Евсевій отцамъ Константинопольскаго 448 года собора,—посланные вами почтеннѣйшіе пресвитеры Мама и Θеофилъ слышали отъ пресвитера и архимандрита Евтихія нѣчто такое, чего не изложили въ памятникахъ вѣры. Если и это уяснится, то будетъ очевидное доказательство его мудрствованія. Поэтому я прошу, чтобы пресвитеры Мама и Θеофилъ были призваны и предъ святымъ Евангеліемъ сказали, что они слышали отъ пресвитера и архимандрита Евтихія“ [2]). „Здѣсь епископъ Фотій (свидѣтель по дѣлу Ивы Эдесскаго): положите предъ нимъ Евангеліе“,—требовали на Халкидонскомъ соборѣ прежде, чѣмъ этотъ епископъ началъ свои показанія [3]).—„Ваше благочестіе обѣщало созвать монастыри и насъ съ ними и, положивши святое Евангеліе, разобрать дѣло между нами обоими“,—такъ обращались обыкновенно тяжущіеся къ суду [4]).

Порядокъ допроса свидѣтелей.

Что касается, наконецъ, того порядка, какой былъ принятъ въ судопроизводствѣ древней Вселенской Церкви при допросѣ свидѣтелей, то въ этомъ отношеніи было установлено то общее правило, по которому требовалось, чтобы свидѣтели были допрашиваемы на судѣ самолично и обязательно въ присутствіи самихъ тяжущихся сторонъ, причемъ требовалась именно устная подача показаній.

А) Правилъ относительно самоличной подачи показаній свидѣтелями, выраженныхъ въ видѣ опредѣленныхъ постановленій, собственно въ канонахъ мы не находимъ [5]). Но въ гражданскихъ законахъ слу-

---

[1]) Дѣян. Всел. соб. т. III—стр. 303—304.

[2]) Дѣян. Всел. соб. т. III стр. 272.

[3]) Дѣян. Всел. соб. т. IV 2-го изд. стр. 87.

[4]) Заозерскаго—ibid. стр. 287.

[5]) Положительное требованіе обличенія виновнаго именно въ личномъ присутствіи свидѣтелей, по нашему мнѣнію, можно усматривать въ извѣстномъ изреченіи Самого Спасителя относительно обличенія ближняго: «аще ли тебе не послушаетъ, пойми съ собою еще единаго, или два: да при устахъ двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ» (Мѳ. XVIII 15—18).

жившихъ руководствомъ въ судопроизводствѣ древней Вселенской Церкви, мы встрѣчаемъ ясно выраженное правило относительно самоличной подачи свидѣтелями показаній. „Свидѣтелямъ, а не свидѣтельствамъ должно вѣрить; поэтому они самолично должны быть спрашиваемы судьями относительно преступленій“,—читаемъ мы въ нихъ [1]).

Разсматривая извѣстные въ исторіи Вселенской Церкви процессы духовнаго суда, мы точно также видимъ, что допросъ свидѣтелей въ тѣхъ или другихъ случаяхъ всегда производился на судѣ въ личномъ ихъ присутствіи,—и убѣждаемся, что такой порядокъ былъ общимъ, строго установленнымъ и всегда неуклонно соблюдавшимся въ судебной практикѣ древней Вселенской Церкви. Примѣровъ уклоненія отъ этого обычнаго порядка мы не встрѣчаемъ въ исторіи этихъ процессовъ. Наоборотъ, встрѣчаемъ такого рода факты, когда судьи обращались съ положительнымъ требованіемъ самоличной явки свидѣтеля на судъ. Такъ было, напримѣръ, при разбирательствѣ дѣла Евтихія на Константинопольскомъ соборѣ 448 года, изъ актовъ котораго именно узнаемъ, что, когда въ одно изъ засѣданій (15 ноября) собора одинъ изъ дававшихъ свидѣтельскія показанія противъ Евтихія, пресвитеръ Іоаннъ, заявилъ, что свидѣтелемъ показываемаго имъ противъ Евтихія былъ еще нѣкій діаконъ Аѳанасій, то соборъ немедленно потребовалъ, чтобы этотъ послѣдній явился предъ лицемъ суда, „ставъ на срединѣ“ (обычномъ мѣстѣ для свидѣтелей) [2]). Или же встрѣчаемъ фактъ, когда сами тяжущіеся обращались къ судебнымъ властямъ съ требованіемъ о распоряженіяхъ касательно вызова свидѣтелей въ судъ для разбирательства дѣла именно въ ихъ личномъ присутствіи, какъ поступилъ напримѣръ, обвинитель Евтихія Евсевій въ шестое (20 ноября) засѣданіе того же Константинопольскаго (448 г.) собора, когда онъ просилъ соборъ, чтобы ко дню, въ который обѣщалъ Евтихій явиться на судъ, были вызваны необходимыя (указанныя имъ же Евсевіемъ) для него лица изъ числа приверженцевъ Евтихія, „дабы сдѣлавъ дознаніе въ ихъ присутствіи,—говорилъ онъ,—яснѣе открыть истину“ [3]). Подобнымъ же образомъ поступилъ одинъ изъ обличителей Діоскора—Ѳеодоръ, діаконъ Александрійской Церкви, который, подавая свою жа-

[1]) Prochir. Nomos Zachar. tit. XXVII c. 9.
[2]) Дѣян. Всел. соб. т. III стр. 252.
[3]) Дѣян. Всел. соб. т. III стр. 272.

лобу на перваго отцамъ Халкидонскаго (451 г.) собора, обратился къ нимъ, между прочимъ, съ просьбою приказать задержать (заключить подъ стражу) обозначенныхъ имъ свидѣтелей, „дабы обнаружилась истина“ [1]).

В) Присутствіе тяжущихся — обвинителя и въ особенности обвиняемаго — при допросѣ свидѣтелей на судѣ, какъ и вообще при судебномъ разбирательствѣ, почиталось по правиламъ церковнаго судопроизводства строго необходимымъ условіемъ для установленія судебной истины, почему всегда и требовалось неукоснительно. Такое требованіе прямо высказано, напримѣръ, въ 74 апостольскомъ правилѣ, въ которомъ читаемъ: Епископъ... обвиняемый въ чемъ-либо, *необходимо самъ* долженъ быть призванъ епископами, и аще предстанетъ и признается, или обличенъ будетъ: да опредѣлится епитимія. Аще же званъ бывъ, не послушаетъ: да позовется вторично... аще же и тако не послушаетъ: да позовется и въ третій разъ“. И только тогда, когда онъ не явится и послѣ этого третьяго приглашенія, „соборъ по благоусмотрѣнію своему“ долженъ произнести о немъ рѣшеніе „да не мнится выгоду имѣти, бѣгая отъ суда“.

Точно также весьма строгія наставленія касательно необходимости присутствія обѣихъ тяжущихся сторонъ при судебномъ разбирательствѣ, слѣдовательно и при допросѣ свидѣтелей, мы находимъ въ Апостольскихъ постановленіяхъ. „Какъ войдутъ оба лица, да станутъ въ срединѣ суда, какъ и законъ говоритъ (Втор. XIX, 17), тѣ, у кого есть тяжба. И, выслушавъ ихъ, справедливо произносите свои мнѣнія“, — читаемъ мы здѣсь.

„Если противъ кого возводится кѣмъ-либо обвиненіе и въ неправомъ хожденіи о Господѣ,—читаемъ далѣе,—то и о семъ случаѣ подобнымъ же образомъ выслушивайте каждое изъ лицъ, обвинителя или обвиняемаго, безпристрастно и не односторонне, какъ дающіе приговоръ о вѣчной жизни или смерти... Односторонне судъ производить несправедливо. Ибо, если вы выслушаете одно лицо, безъ присутствія другого, не выслушавъ защиты его противъ взводимаго на

[1]) Дѣян. Всел. соб. т. III стр. 574.

него обвиненія, и (такъ) безразсудно вынесете на него приговоръ осужденія, вы будете повинны въ убійствѣ и предъ праведнымъ судомъ Божіимъ раздѣлите жребій съ клеветникомъ: якоже держай за ошибъ (за хвостъ) пса, тако предсѣдательствуяй чуждему суду (Прит. XXVI—17). Если вы сдѣлаетесь подражателями старцевъ въ Вавилонѣ, которые, согласясь съ лжесвидѣтельствами на Сусанну, осудили ее на смерть, вы раздѣлите участь совершившагося надъ ними суда и осужденія. Ибо Сусанну Господь изъялъ чрезъ Даніила изъ рукъ законопреступниковъ, повинныхъ же въ крови ея старцевъ осудилъ на сожженіе огнемъ, и васъ чрезъ него (уже) подвергъ укоризнѣ, говоря: еще ли юродивы сынове Израилевы? Не испытавше, ни истины разумѣвше, осудисте дщерь Израилеву? Возвратитеся на судище: лжу бо сіе послушествовавше на ню“ (Дан. XIVII 48—42) [1]).

Сколь важнымъ и потому необходимымъ условіемъ для отысканія судебной истины почиталось въ судопроизводствѣ древней Вселенской церкви присутствіе при разбирательствѣ дѣла и допросѣ свидѣтелей тяжущихся и въ особенности обвиняемаго, ясное свидѣтельство объ этомъ находимъ также въ извѣстномъ посланіи папы Юлія къ Евсевіевымъ приверженцамъ, врагамъ Аѳанасія Великаго. Въ этомъ посланіи папа Юлій, объясняя причины кассированія имъ суда Тирскаго собора по дѣлу Аѳанасія Великаго, какъ дѣла „неблагочестиваго, незаконнаго, совершеннаго не по правиламъ Церкви“, и касаясь въ частности факта разслѣдованія дѣла, произведеннаго назначенною соборомъ комиссіею, въ Мареотѣ, пишетъ: „О судебнымъ записяхъ, сдѣланныхъ въ Мареотѣ, подтвердилось, что онѣ составлены по *односторонней* излѣдованіи дѣла: ибо не были тамъ ни обвиняемый пресвитеръ Макарій, ни самъ епископъ его Аѳанасій. И это стало намъ извѣстно изъ самыхъ записей, какія принесли намъ Мартирій и Исихій. Прочитавъ ихъ, мы нашли, что былъ тамъ обвинитель Исхиръ, но не было тамъ ни Макарія, ни епископа Аѳанасія, ни даже Аѳанасіевыхъ пресвитеровъ, которые желали быть, но не были допущены. Если-бы судъ производился справедливо, то надлежало бы, возлюб-

[1] Λιατ. τ. ἁγ. Ἀποστ. II cap. 47. 51 стр. Pitra стр. 194. 197.

ленные, *лично* тамъ быть не только обвинителю, но и обвиняемому. Какъ въ Тирѣ *лично* были и обвиняемый Макарій, и обвинитель Исхиръ, и ничто не было доказано: такъ надлежало и въ Мареотъ идти не одному обвинителю, но и обвиняемому, чтобы тамъ или лично его уличили, или—если не уличатъ—доказалъ онъ, что все клевета. А теперь, поелику сего не было, обвинитель пошелъ одинъ туда въ сопровожденіи людей, которыхъ Аѳанасій устранялъ отъ дѣла, то и самое дѣлопроизводство кажется подозрительнымъ“ [1]).

Однимъ словомъ, присутствіе обвиняемаго при допросѣ свидѣтелей и вообще при разбирательствѣ дѣла требовалось со всею строгостію уставами суда древней Вселенской Церкви, что составляло отличительную характерную черту послѣдняго. Такъ, когда при разсмотрѣніи на Халкидонскомъ соборѣ 451 года дѣла Ивы Эдесскаго по осужденію его на Ефесскомъ соборѣ 449 года, Ива обратился къ собору съ жалобою: „прошу васъ, я осужденъ въ отсутствіи; я не присутствовалъ, я не имѣлъ возможности защищаться, меня не удостоили слова“,—то отцы собора воскликнули: „худо поступили осудившіе его вопреки канонамъ, пусть будетъ отмѣнено то, что сдѣлано противъ отсутствующаго, всѣ мы говоримъ это,—отсутствующаго никто не осуждаетъ“ [2]).

С) Что подача свидѣтельскихъ показаній была *устная* и—что это было также именно строгимъ требованіемъ судопроизводства въ древней Вселенской Церкви, въ этомъ мы точно также съ полною очевидностію убѣждаемся изъ разсмотрѣнія судебной практики ея. Такъ, напр., изъ исторіи процесса Ивы Эдесскаго съ четырьмя клириками извѣстно, что при разбирательствѣ его дѣла на IV Вселенскомъ соборѣ, одинъ изъ обвинителей (Самуилъ) обратился, между прочимъ, къ судьямъ со слѣдующимъ заявленіемъ: „у насъ есть свидѣтели этого; мы просимъ, чтобы они, вызванные вами, отвѣчали и *собственнымъ голосомъ* заявили, не слышали ли, когда онъ (Ива) говорилъ это“,—слова: „не завидую Христу, сдѣлавшемуся Богомъ,

---

[1]) Твореніе иже во святыхъ отца нашего Аѳанасія архіепископа Александрійскаго Ч. 1. Москва.—Защитительное слово противъ Аріанъ, стр. 218.

[2]) Дѣян. Всел. Соб. т. IV 2 изд. стр. 86.

ибо насколько сдѣлался Онъ, сдѣлался и я", въ произнесеніи какового именно Ива обвинялся [1]).

Нужно замѣтить, что устный способъ подачи свидѣтельскихъ показаній былъ вообще согласенъ съ правилами судопроизводства древней Вселенской Церкви, строго требовавшими, чтобы и показанія самихъ обвинителей и обвиняемыхъ подавались также устно.

„Каждый пусть собственнымъ голосомъ заявитъ, настаиваетъ ли онъ на обвиненіи по поданнымъ пунктамъ",—говорили, напр., судьи обвинителямъ Ивы на Халкидонскомъ соборѣ [2]).—„Говори самъ собою; что за нужда тебѣ въ бумагѣ?" требовали судьи отъ обвиняемаго Евтихія при разбирательствѣ его дѣла на Константинопольсокмъ соборѣ 448 года, когда онъ сдѣлалъ попытку прочитать письменное изложеніе своей вѣры [3]).

Что касается, наконецъ, собственно права допроса свидѣтелей, то оно обыкновенно принадлежало прежде всего судьѣ, который начиналъ его тѣмъ, что удостовѣрялся въ имени, званіи и образѣ жизни и занятій свидѣтеля: затѣмъ предлагалъ вопросы касательно подлежащаго изслѣдованію дѣла. Въ примѣръ можно привести начало допроса, произведеннаго св. Флавіаномъ, архіепископомъ Константинопольскимъ, по дѣлу объ Евтихіи, обвинявшемся епископомъ Евсевіемъ на Константинопольскомъ соборѣ. Святѣйшій Флавіанъ сказалъ: „здѣсь ли тотъ, о которомъ ты сказалъ?"—Нотаріи сказали: „Здѣсь".—Флавіанъ: „Пусть станетъ на срединѣ".—Флавіанъ: „Какъ тебя зовутъ?"—Отвѣтъ: „Авраамій".—Вопросъ: „Какого ты удостоенъ сана?"—Отвѣтъ: „Я просвитеръ въ Евдолѣ у твоей святости".—Вопросъ: „Слышалъ ли ты, что говорилъ благочестивѣйшій епископъ Евсевій?"—Отвѣтъ: „Да, клянусь стопами ногъ твоихъ".—Вопросъ: „Что такое?"—Отвѣтъ: „Пресвитеръ и арх. Мануилъ посылалъ меня къ пресвитеру Астерію извѣстить его, что пресвитеръ и арх. Евтихій присылалъ ему статью о вѣрѣ и убѣждалъ его подписаться подъ нею. Объявилъ онъ это съ тѣмъ, чтобы пресвитеръ Астерій извѣстилъ объ этомъ вашу святость".—Евсевій: „Такъ какъ онъ (Евтихій) осмѣлился сдѣ-

[1]) Дѣян. Всел. Соб. т. IV, 2-е изд. стр. 86.
[2]) Дѣян. Всел. Соб. т. IV, 2 изд. стр. 88.
[3]) Дѣян. Вс. Соб. т. III, стр. 283—284.

лать это не только въ монастырѣ пресвитера Мануила, то я прошу послать и въ другіе монастыри и узнать напередъ: посылалъ ли онъ и туда для подписи статью о вѣрѣ“ [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли право допроса свидѣтелей и обвинитель, и обвиняемый, а равно и другія, прикосновенныя къ дѣлу лица, которыя отъ себя могли предлагать имъ вопросы и обращаться за разъясненіями по поводу ихъ показаній, такъ что ***перекрестный допросъ*** являлся обычнымъ пріемомъ разслѣдованія дѣлъ на судѣ въ древней Вселенской Церкви. Образцомъ такого перекрестнаго допроса можетъ служить, напр., слѣдующій отдѣлъ изъ процесса между нотаріями Константинопольскаго архіепископа Флавіана и адвокатами Евтихія, обвинявшими первыхъ въ поддѣлкѣ дѣяній Константинопольскаго собора. „По прочтеніи отрывка изъ дѣяній Константинопольскаго собора, діаконъ Константинъ (повѣренный Евтихія) сказалъ: „просимъ спросить ихъ: слышали ли они это?“ Знатнѣйшій Патрицій сказалъ: „Пусть и Ѳеофилъ, по обнародованіи его показаній, скажетъ: сознаетъ ли онъ, что онъ это слышалъ или говорилъ? И когда почтенѣйшій пресвитеръ Ѳеофилъ вышелъ на средину, то сказалъ: „Я и пресвитеръ Мама, посланные святѣйшимъ архіепископомъ и святымъ соборомъ, ходили въ монастырь Евтихія; и точно... это самое, что (сейчасъ) прочитано, мы слышали изъ устъ почтеннѣйшаго мужа (Евтихія) и не сдѣлали ни прибавленія какого-нибудь, ни опущенія“.—Константинъ: „Онъ (Ѳеофилъ) не слышалъ ничего другого?“—Патрицій: „Кромѣ того, что объявилъ ты, ничего другого ты не слышалъ?“—Ѳеофилъ: „Онъ говорилъ: я слѣдую и изложеніямъ отцовъ: это онъ говорилъ“.—Патрицій (къ повѣреннымъ Евтихія): „Чего еще требуете?“—Діаконъ Константинъ: „Просимъ, чтобы спрошенъ былъ и господинъ Мама“. Патрицій: „Пусть и почтеннѣйшій Мама объяснитъ, что знаетъ“. Елевсиній (другой повѣренный Евтихія): „Онъ (Ѳеофилъ) показалъ, что Евтихій говорилъ: слѣдую и изложеніямъ отцовъ; и это не внесено въ документы“ (дѣянія собора).—Патрицій (Ѳеофилу): „Почему вовсе не содержится въ документахъ то, что, какъ сказанное Евтихіемъ, ты послѣ прибавилъ въ своемъ показаніи?“—Ѳеофилъ: „Онъ сказалъ и другое, клянусь стопами

[1]) Дѣян. Всел. Соб. т. III—стар. 256.

ногъ вашихъ, чего я не помню, а что помню, то я объявилъ".—Патрицій: „Почему въ то время ты вовсе не включилъ этого въ документы?" Елевсиній: „А выше онъ еще сказалъ, что онъ ничего ни прибавилъ, ни убавилъ изъ словъ Евтихія".—Ѳеофилъ: „Я сказалъ то, что слышалъ изъ устъ самого архимандрита. Если же хотятъ, чтобы я сказалъ больше, то я не слышалъ (больше)".—Патрицій: „Пусть дастъ показаніе и пресвитеръ Мама, какъ сказано".—Мама: „Ради стопъ вашихъ, пусть прочтется показаніе, данное тогда, потому что я забылъ его".—Патрицій: Пусть прочтутся изъ документовъ слова его, чтобы по прочтеніи ихъ, онъ сказалъ, что онъ слышалъ по его сознанію". Мама (по прочтеніи его показанія): „Это такъ, клянусь стопами ногъ вашихъ, я показалъ то, что прочитано, и больше ничего не показалъ". И. т. д. [1])

В. Троицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Какъ японцы относятся къ христіанству.

Достигла-ли христіанская миссія въ Японіи за послѣднія три—четыре десятилѣтія (т. е. съ тѣхъ поръ, какъ Японія открыла Европѣ свои двери) благихъ результатовъ? Можно-ли сказать, что японцы поняли и прониклись духомъ Христа съ такою же легкостью и быстротою, съ какою они поняли и заимствовали у Европы всѣ ея новѣйшія изобрѣтенія, касающіяся практической жизни? Могутъ-ли христіанскія миссіи разсчитывать въ будущемъ на быстрый успѣхъ? Вотъ рядъ вопросовъ, на которые мы постараемся отвѣтить.

Миссіонерской дѣятельности приходилось на своемъ пути встрѣчать не мало всякихъ препятствій, а въ особенности въ послѣднее время, когда въ странѣ началась поразительная и еще небывалая въ исторіи народовъ по своей силѣ и быстротѣ хода переработка государственнаго строя. Это движеніе всецѣло охватило умы и отодвинуло на дальній планъ вопросы духа, не поддающіеся такой быстрой переоцѣнкѣ: теперь страна всецѣло занята не небомъ, а землей. Къ числу главныхъ тормазовъ, препятствующихъ успѣху христіанской проповѣди, надо отнести тѣсную и неразрывную сплоченность въ Японіи религіи съ государственною жизнью страны. Для японца микадо есть неоспоримый 121-й потомокъ богини солнца; слѣпое повиновеніе властелину, затѣмъ культъ горячо любимой природы, обожествленіе ея силъ, культъ предковъ, и наконецъ, необыкновенно сильная любовь къ своей родинѣ,—все это вмѣстѣ составляетъ сущность нехитраго религіознаго воззрѣнія японца (шинтоизмъ). Его религіозная жизнь, если только шинтоизмъ можно назвать религіей, растворяется въ жизни государственной. При такомъ образѣ мыслей, японцу—простолюдину трудно усвоить себѣ мысль, что Бога должно любить больше, чѣмъ человѣка, больше, чѣмъ предковъ; ему трудно понять слова Спасителя: кесарево кесарю,

а Божіе Богу; по его мнѣнію, проповѣдь Христа о равенствѣ и любви къ Богу только вооружаетъ дѣтей противъ родителей, а гражданъ противъ микадо.

Лѣтъ сорокъ тому назадъ, первые піонеры христіанства (не считая католическихъ миссіонеровъ XVII-го вѣка, дѣятельность которыхъ была весьма кратковременна,—они были убиты японцами),—эти первые піонеры нашли тамъ совсѣмъ самобытную, съ своеобразной культурой, страну, въ которой высшій классъ жилъ безъ всякаго Бога, а низшій утопалъ въ суевѣріяхъ. Жрецы безмолвствовали, ибо имъ не о чемъ было говорить со своей паствой, все уже было высказано консервативнымъ, парализующимъ всякую эволюцію духа шинтоизмомъ и безотраднымъ буддизмомъ, перешедшимъ въ страну изъ Китая 1500 лѣтъ тому назадъ, тоже не могшимъ внести живую струю въ духовный міръ японца. Вотъ съ этой-то консервативной стороной японца въ дѣлѣ эволюціи духа, и пришлось, какъ приходится и теперь, бороться піонерамъ христіанства. Въ дѣлѣ же обновленія своей практической жизни они оказались значительно болѣе воспріимчивыми, чѣмъ въ дѣлѣ обновленія своей духовной жизни. Да это и понятно; для воспріятія ученія Христа японцу пришлось бы измѣнить самыя основы своего міровоззрѣнія, переработать въ корнѣ весь свой исторически сложившійся характеръ. А для такой метаморфозы сорока лѣтъ вѣдь слишкомъ мало.

Христово ученіе захватило японца лишь крылышкомъ; а потому, поневолѣ возникаетъ вопросъ, дѣйствительно ли Японія—страна культурная, понимая настоящую культуру не только въ смыслѣ проявленія творческаго генія народа въ практической жизни, или въ его способности къ заимствованію, но и въ смыслѣ усвоенія высшихъ началъ духовной жизни,—вопросъ, на который приходится отвѣтить отрицательно. Но въ тоже время, приходится отмѣтить и особую духовную черту, свойственную этому народу, еще не имѣвшему во всемірной исторіи себѣ предшественника въ смыслѣ быстраго роста своей матеріальной культуры. По словамъ серьезныхъ наблюдателей, интересующихся миссіонерскимъ дѣломъ, въ этомъ народѣ несомнѣнно таится Божья искра къ воспріятію ученія Христа, искра, которая при болѣе благопріятныхъ, чѣмъ теперь, обстоятельствахъ, а главное, при нѣкоторомъ измѣненіи пріемовъ, практикуемыхъ миссіями (о чемъ рѣчь будетъ ниже), можетъ разгорѣться въ большое пламя.

Первое впечатлѣніе, вынесенное японцами при сближеніи съ европейцами, было таково, что всѣ дары европейской культуры слѣдуетъ отнести къ вліянію на Европу христіанской религіи. Несмотря на сильный протестъ противъ сближенія съ Европой, оказанный лѣтъ сорокъ тому назадъ старой Японіей, молодая Японія, чтобы не прерывать завязавшихся въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія сношеній съ Европой, ухватилась за христіанскую религію и послала въ Европу своихъ ученыхъ буддійскихъ жрецовъ съ цѣлью ознакомленія съ христіанствомъ. По своемъ возвращеніи на родину, жрецы заявили, что между христіанской религіей и культурой (они понимали это слово, какъ его понимаютъ многіе и у насъ, а именно какъ комфортъ въ жизни, наличность телефоновъ, фонографовъ и проч.) они не нашли ничего общаго и что заимствовать плоды культуры можно и безъ перенесенія на ихъ родину христіанской религіи. Они сдѣлали весьма мѣткое замѣчаніе на счетъ того, что въ Европѣ жизнь расходится съ религіей и что общественная жизнь въ христіанскихъ столицахъ гораздо распущеннѣе, чѣмъ въ Токіо или Кіото. Ко всему этому, въ христіанской религіи они не нашли ничего такого, что отличало бы ее особенно сильно отъ буддизма; ясно, что они подмѣтили только общія внѣшнія черты, свойственныя обѣимъ религіямъ и проглядѣли, вслѣдствіе своей духовной малоразвитости, самое ядро христіанства. Всѣ эти замѣчанія охладили первый порывъ молодой Японіи, рѣшившей, что христіанская религія не заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ общемъ же, исповѣдной вопросъ предоставленъ въ настоящее время въ Японіи полной свободѣ личнаго вкуса и выбора. Многіе склонны приписать религіозную свободу въ Японіи терпимости японцевъ, т. е. чувству, свойственному только культурному народу, каковымъ является уваженіе къ чужой религіи. Но ничего подобнаго здѣсь нѣтъ. Здѣсь имѣетъ мѣсто не терпимость, а только полное религіозное безразличіе; а къ христіанству, могущему, по мнѣнію японцевъ, подорвать его гражданскую любовь къ родинѣ и ихъ властелину, они чувствуютъ даже нѣкоторую боязнь, сильно тормозящую миссіонерское дѣло. Миссіонеры, однако, не теряютъ надежды на успѣхъ своего дѣла, ибо народъ, такъ энергично работающій надъ укладомъ общественной жизни, рано или поздно пойметъ всю важность христіанской религіи для успѣховъ соціальной жизни, важность христіанскаго начала—не дѣлать другому того, чего не желаешь, чтобъ тебѣ дѣлали другіе. Наблюдательные и безпартійные мис-

сіонеры полагаютъ, что наибольшее число *убѣжденныхъ* неофитовъ (наша рѣчь идетъ только о дѣйствительно убѣжденныхъ, а не о тѣхъ, которыми руководитъ какой-нибудь разсчетъ) должно выпасть на долю евангелической миссіи. И это вотъ почему. Японецъ, *дѣйствительно* почувствовавшій стремленіе къ духовному перерожденію, предвидитъ, что православная и католическая миссіи поставятъ его въ духовную зависимость отъ совсѣмъ чуждыхъ ему церковныхъ столицъ—отъ Петербурга и Рима; ритуалъ въ церквахъ будетъ напоминать ему не потомка богини солнца, а лицъ совсѣмъ ему чуждыхъ. Церковные сборы также не по вкусу японцу. Все это вмѣстѣ взятое точно отрываетъ его отъ родной земли и ставитъ его какъ бы въ зависимость отъ иноземнаго вліянія. Кто знаетъ патріотическій духъ японца, его преданность микадо, тотъ пойметъ, что все это не можетъ ему нравиться. Ничего подобнаго не встрѣтитъ ищущій обновленія въ евангелической миссіи. Рѣшительно ничѣмъ *иноземнымъ* она его не стѣсняетъ. Такъ, что въ результатѣ, всѣ неофиты евангелической миссіи, какъ думаютъ ея піонеры, поголовно будутъ только такіе, которые сумѣли понять ученіе Христа. Истинный же успѣхъ христіанской миссіи опредѣляется не количествомъ неофитовъ, а числомъ *дѣйствительно* убѣжденныхъ. Смогутъ-ли современемъ похвастать не цифровымъ, а дѣйствительнымъ успѣхомъ православные и католическіе миссіонеры, на которыхъ японцы, почувствовавшіе стремленіе къ Христу, смотрятъ скорѣй, какъ на посланниковъ изъ Петербурга и Рима, чѣмъ на посланцевъ Христа. Хотя въ настоящее время паства католическихъ и православныхъ неофитовъ, благодаря энергіи отдѣльныхъ личностей, и многочисленнѣе паствы евангелической, но мы говоримъ объ *успѣхѣ* въ будущемъ пропаганды христіанской идеи, а не о *числѣ* неофитовъ, которые, въ католической и православной миссіяхъ, иногда находятъ удовлетвореніе, какъ разсказываютъ путешественники, развѣ только въ томъ, что ихъ икона стоитъ, и то не всегда на первомъ планѣ, возлѣ идоловъ, принадлежащихъ остальнымъ, не принявшимъ крещеніе, членамъ семьи.

Многое говоритъ въ пользу того, что душа японца слегка уже подготовлена къ воспринятію божественнаго откровенія. Отчасти подготовила его къ тому особая форма буддизма, распространяемая въ особенности среди высшихъ классовъ.

Буддистъ Шинранъ (1262) сдѣлалъ большое отступленіе отъ первоначальной формы безотраднаго индусскаго буддизма, твер-

дившаго только о злѣ на землѣ и обѣщавшаго за добродѣтель нирвану, но ни единымъ словомъ не обмолвившагося о *грѣхѣ* и объ *отвѣтственности* за грѣхъ. Ширванъ внесъ въ буддизмъ новый элементъ,—онъ считалъ Амиду—Будду богомъ боговъ, безъ помощи котораго человѣку невозможно достичь блаженства (нирваны). Въ свой, такъ сказать, протестантскій буддизмъ (Schinsekte) онъ внесъ идею *спасенія* слабаго человѣчества, идею, подобную той, которая въ началѣ нашей эры воодушевляла первыхъ христіанъ и указывала имъ путь, по которому духъ, почуявшій правду, могъ выйти изъ тяжелаго, безотраднаго состоянія. На этой, отчасти уже подготовленной почвѣ, сѣмена христіанской проповѣди, конечно, не иначе, какъ только умѣло посѣянныя, могутъ пустить благодатные корни въ языческой странѣ *восходящаго солнца*, какъ ее назвалъ, очень много вѣковъ тому назадъ, народъ, подошедшій съ материка къ тихоокеанскому побережью Китая и устремившій свой взоръ къ благодатному острову, по направленію восходящаго солнца.

А. А. Берсъ.

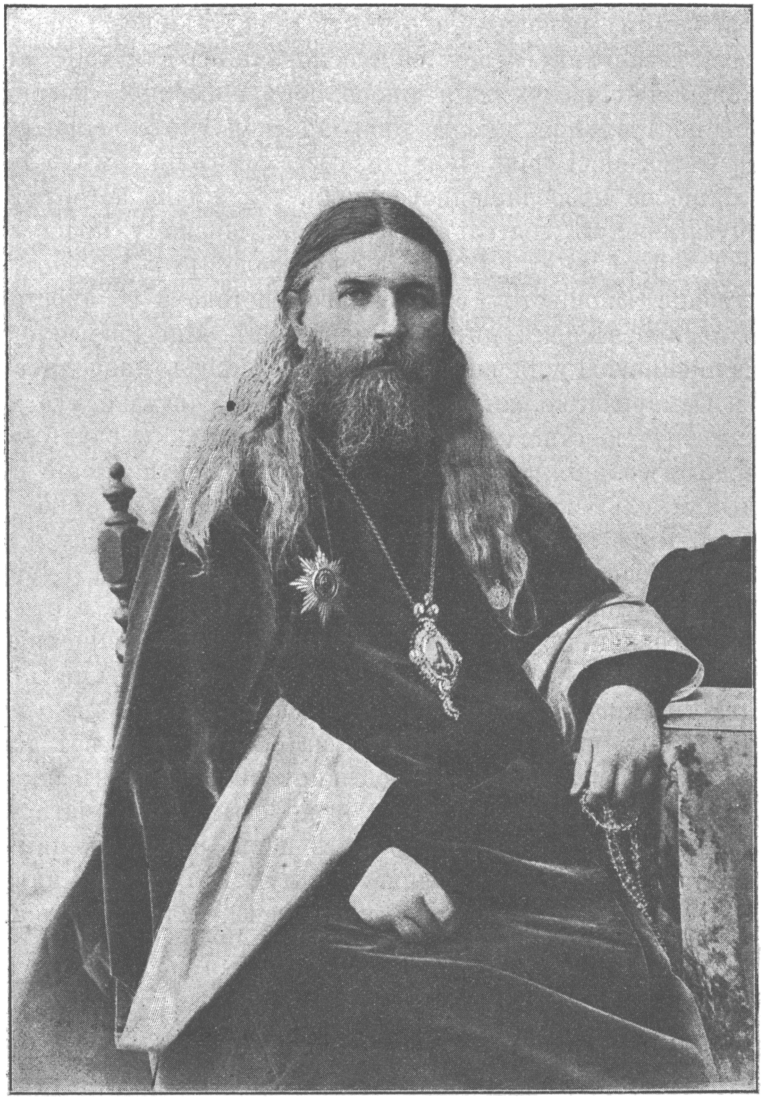
Тридцатипятилѣтнее служеніе въ священномъ санѣ Преосвященнаго Гурія, Епископа Симбирскаго и Сызранскаго.

16 марта сего 1906 года исполняется тридцатипятилѣтнее служеніе въ священномъ санѣ преосвященнаго Гурія, епископа Симбирскаго и Сызранскаго. Преосвященный Гурій принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ архипастырей — миссіонеровъ. Почти всю свою жизнь онъ посвятилъ миссіонерскому служенію. Считаемъ долгомъ сказать по поводу 35-лѣтняго его служенія нѣсколько словъ о его плодотворной миссіонерской дѣятельности.

Преосвященный Гурій, въ мірѣ Сергій Васильевичъ Буртасовскій, сынъ діакона г. Казани, высшее богословское образованіе получилъ въ Казанской духовной академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1872 году. Еще въ академіи, молодой студентъ Сергій Буртасовскій принялъ монашество съ именемъ Гурія, въ честь перваго святителя Казанскаго, и тѣмъ посвятилъ себя на служеніе Церкви Божіей. Монашество онъ принялъ 13 марта 1871 г. Тотчасъ же, по окончаніи академическаго образованія, онъ былъ посланъ въ далекую Сибирь, гдѣ служилъ двадцать лѣтъ, положивши много апостолоскихъ трудовъ для просвѣщенія дикихъ инородцевъ отдаленной окраины. Онъ послѣдовательно проходилъ должности преподавателя Иркутской духовной семинаріи, смотрителя Иркутскаго духовного училища, начальника Иркутской духовной миссіи, ректора Благовѣщенской духовной семинаріи, и наконецъ, 11 мая 1885 года поставленъ на высшее служеніе въ санѣ епископа Камчатскаго. Камчатской епархіей преосвященный Гурій управлялъ до 24 октября 1902 года, когда былъ перемѣщенъ на Самарскую каѳедру. Съ 24 апрѣля 1904 года преосвященный Гурій управляетъ Симбирскою епархіей.

Преосвященный Гурій учился въ академіи въ то самое время, когда въ Казани шла самая оживленная и дѣятельная работа

по христіанскому просвѣщенію мѣстныхъ инородцевъ. Главными руководителями этого дѣла были: высокопреосвященный Антоній, архіепископъ Казанскій, который въ виду вѣроотступничества



крещеныхъ татаръ и другихъ инородцевъ, отпадавшихъ отъ Церкви. Христовой цѣлыми деревнями, цѣлыми тысячами, со всею энергіею принялся за устройство миссіонерскаго дѣла въ

здѣшнемъ краѣ, — и приснопамятный Николай Ивановичъ Ильминскій, сначала профессоръ духовной академій, затѣмъ директоръ Казанской инородческой учительской семинаріи, всей душой преданный дѣлу христіанскаго просвѣщенія и вразумленія инородцевъ. На глазахъ преосвященнаго Гурія, тогда еще молодого студента академіи, происходило открытіе и дальнѣйшее развитіе различныхъ казанскихъ учрежденій, основанныхъ для христіанскаго просвѣщенія и вразумленія инородцевъ,—именно: крещено-татарской центральной школы, инородческой учительской семинаріи, Братства св. Гурія. Все это, безъ сомнѣнія, имѣло громадное вліяніе на преосвященнаго Гурія, вся жизнь котораго ушла на самую тяжелую дѣятельность по христіанскому просвѣщенію темныхъ инородцевъ. Онъ всѣ свои молодые годы употребилъ на служеніе юношеству отдаленнаго востока и на апостольскіе труды по просвѣщенію дикихъ инородцевъ. Миссіонерскіе труды преосвященнаго Гурія по просвѣщенію дикихъ инородцевъ Сибири и Самарскаго края столь велики, что, читая о его миссіонерскихъ путешествіяхъ по самымъ дальнимъ и глухимъ инородческимъ селеніямъ, невольно приходишь въ удивленіе и переносимыя мыслью къ далекимъ временамъ первыхъ вѣковъ христіанства. Вотъ какъ описываютъ жилище и обстановку жилищъ гиляковъ очевидцы, среди которыхъ преосвященный Гурій проповѣдывалъ слово спасенія: „зимнимъ убѣжищемъ, а отчасти и лѣтнимъ, говоритъ одинъ изъ спутниковъ преосвященнаго Гурія, служитъ юрта. Самая архитектура этой юрты такъ не затѣйлива и такъ непрактична, что заставляетъ только жалѣть живущихъ въ ней. Она дѣлается на скорую руку изъ тонкихъ жердей. У дверей юрты, по обыкновенію, сдѣланъ очагъ, въ которомъ всегда поддерживается огонь. Дымъ изъ очага частью уходитъ въ трубу, проведенную подъ нары, расположенныя кругомъ юрты, частью же наполняетъ самую юрту. Дымъ изъ очага самъ по себѣ не былъ бы такъ убійственъ, если бы онъ не смѣшивался съ паромъ, исходящимъ изъ котла на очагѣ, въ которомъ варится часто полусгнившая сушеная рыба, въ изобиліи наловленная въ лѣтнее время. Вотъ въ такихъ-то юртахъ приходилось преосвященному Гурію проповѣдывать слово Божіе. Самое путешествіе по сибирскимъ тундрамъ представляетъ не менѣе ужасное зрѣлище. На нартахъ (родъ саней) всю дорогу приходится сидѣть неподвижно, прислонившись къ спинкѣ и вытянувши впередъ ноги. Нарты издали представляются похожими на маленькую колыбель, а путникъ—полулежащій на нартахъ и имѣющій свободными однѣ лишь руки,—на спеленатаго ребенка.

Въ эти нарты впрягаются собаки, которыя страшно быстро бѣгутъ, подкидывая путника изъ стороны въ сторону. Съ величайшими опасностями сопряжены разъѣзды миссіонеровъ въ зимнее время, и въ особенности въ лѣтнее. При отыскиваніи своихъ чадъ, въ лѣтнее время разселяющихся по берегамъ Амура, миссіонерамъ волей неволей приходится совершать опасныя плаванія по Амуру на ладьяхъ, которыя, по справедливости, нужно назвать щепками по сравненію съ могучимъ и страшнымъ Амуромъ. Преосвященному Гурію, во время одной поѣздки по Амуру (въ 1887 г.), пришлось испытать и пережить страшный штормъ на этой рѣкѣ, вздымавшей свои волны далеко выше парохода, на которомъ совершалъ архипастырь свое путешествіе по обозрѣнію инородцевъ, на лѣто перебравшихся къ Амуру. „Душа наша“, писалъ преосвященный путешественникъ, „въ злыхъ таяше и вся мудрость наша“, по выраженію псалмопѣвца, „поглощена бысть“, когда волны восходили до небесъ и нисходили до бездны (Пс. 106, 26, 27). Такихъ миссіонерскихъ путешествій владыка Гурій совершалъ почти ежегодно по 4 и 5 тысячъ верстъ.

Останавливаясь въ каждомъ поселеніи, преосвященный совершалъ, гдѣ были храмы Божіи, всенощныя бдѣнія и литургіи, а гдѣ ихъ не было — молебныя пѣнія съ водоосвященіемъ. Вездѣ онъ велъ бесѣды, въ которыхъ словами, доступными пониманію „темныхъ людей“, излагалъ основное ученіе христіанской вѣры. Бесѣда изливалась отъ сердца отца, желавшаго своею любовью возгрѣть въ сердцахъ новопросвѣщенныхъ свѣтъ Христовой вѣры. Инородцы, слушая бесѣду, умилялись сердцемъ. По свидѣтельству спутниковъ преосвященнаго, его бесѣды отличались „сердечностью“, въ особенности тогда, когда онъ встрѣчалъ среди инородцевъ недовѣріе или озлобленіе противъ русскихъ вообще и „попа“ въ особенности. „Я буду всегда молиться о васъ“, говорилъ владыка, обращаясь къ запуганнымъ собесѣдникамъ, „буду молиться, чтобы вы на землѣ были счастливы и по смерти вашей Богъ вамъ далъ райскую жизнь“. Памятникомъ архипастырской ревности о наилучшей постановкѣ миссіонерскаго дѣла среди приамурскихъ инородцевъ служитъ „внушеніе“ преосвященнаго Гурія, опубликованное указомъ изъ камчатской духовной консисторіи, содержащимъ въ себѣ предложеніе его преосвященства отъ 27 января 1887 г. за № 217. Въ этомъ предложеніи весьма опредѣленно указаны задачи, возложенныя на россійскія миссіи, дѣйствующія среди инородцевъ, и показаны наилучшія средства къ осуществленію таковыхъ задачъ.

Преосвященный Гурій въ апостольскихъ трудахъ по христіанскому просвѣщенію дикихъ инородцевъ Сибири провелъ 12 лѣтъ, съ 12 сентября 1880 года по 24 октября 1892.

Не меньшую заботу и энергію проявилъ преосвященный Гурій и въ Самарской епархіи по просвѣщенію разныхъ инородцевъ, старообрядцевъ и сектантовъ. Онъ особенное вниманіе обратилъ на инородцевъ епархіи: чувашъ, татаръ, мордву и вотяковъ, которые особенно представляли собою совершенно невоздѣланную почву. Какъ чуваши и вотяки язычествующіе, такъ и татары—мусульмане крѣпко держатся своей вѣры, считая перемѣну ея измѣной своей народности, и на убѣжденія православныхъ священниковъ въ превосходствѣ Христовой вѣры предъ ихъ вѣрою отвѣчаютъ, что у всякаго народа есть своя вѣра, что каждая вѣра хороша, что-де русская вѣра также хороша, пожалуй, лучше ихъ вѣры, но только она чужая для нихъ, что кто родился въ какой вѣрѣ, въ той и долженъ умереть. Что же касается самаго исповѣданія христіанской вѣры принявшими христіанство инородцами, то она въ представленіяхъ ихъ соединяется съ коренными ихъ языческими понятіями и міровоззрѣніями. Вотъ почему именно крещеные названные инородцы до сихъ поръ и пребываютъ въ „двоевѣріи“, младенцами въ вѣрѣ, полухристіанами, и со стороны миссіонерствующихъ среди нихъ лицъ требуется самое внимательное проникновеніе въ ихъ міросозерцаніе наряду съ самымъ неослабымъ пастырскимъ воздѣйствіемъ.

Дѣло христіанскаго просвѣщенія этихъ инородцевъ преосвященный Гурій принялъ близко къ сердцу. Предварительно онъ самъ лично, черезъ свои неоднократныя поѣздки по инородческимъ селеніямъ, ознакомлялся съ религіозно-нравственнымъ состояніемъ инородцевъ и затѣмъ уже изыскивалъ средства для ихъ просвѣщенія. Усмотрѣвъ, въ одной стороны, насколько серьезнаго вниманія заслуживаетъ инородческое миссіонерское дѣло въ Самарской епархіи, особенно въ виду пропаганды татаръ-мусульманъ, родственныхъ инородцамъ по языку, а съ другой — ограниченность средствъ, находящихся въ распоряженіи мѣстнаго миссіонерскаго комитета, преосвященный Гурій обращается къ св. Синоду, православному миссіонерскому обществу и къ разнымъ другимъ учрежденіямъ, обществамъ и лицамъ за содѣйствіемъ и матеріальною помощью для удовлетворенія неотложныхъ нуждъ епархіальной инородческой миссіи. Результатомъ этихъ ходатайствъ и просьбъ была постройка во многихъ инородческихъ селеніяхъ новыхъ церквей, церквей-школъ, школъ грамоты, открытіе новыхъ причтовыхъ штатовъ,

съ жалованьемъ отъ казны, постройка причтовыхъ домовъ и т. д.

Преосвященный Гурій, какъ опытный миссіонеръ, прекрасно зналъ, что большого успѣха въ достиженіи миссіонерскихъ цѣлей среди инородцевъ Самарской епархіи нельзя ожидать, пока во главѣ инородческихъ приходовъ не будутъ поставлены священники — или изъ самихъ инородцевъ, получившихъ образованіе, или изъ русскихъ, но въ совершенствѣ знающихъ инородческіе языки. Вотъ почему онъ и сталъ вызывать къ себѣ на службу окончившихъ курсъ Казанской инородческой учительской семинаріи, Симбирской чувашской учительской школы, а также учителей инородческихъ школъ—Казанской, Симбирской и Уфимской епархій для замѣщенія священническихъ и учительскихъ должностей въ инородческихъ приходахъ Самарской епархіи. Въ 1903 году священниковъ изъ инородцевъ въ Самарской епархіи было уже около 70, діаконовъ около 20, псаламщиковъ 50, учителей—до 120, тогда какъ до поступленія преосвященнаго Гурія, вполнѣ владѣющихъ инородческимъ языкомъ было только три священника, одинъ діаконъ и одинъ учитель.

Всѣмъ священникамъ инородческихъ приходовъ епархіи преосвященнымъ Гуріемъ было поставлено въ непремѣнную обязанность возможно чаще объѣзжать деревни своихъ приходовъ и проповѣдывать инородцамъ Христово ученіе на ихъ родномъ языкѣ, прилагать заботы о возможно лучшей постановкѣ богослуженія на инородческихъ нарѣчіяхъ, отправлять по деревнямъ всенощныя бдѣнія съ произнесеніемъ поученій, научать инородцевъ — молитвамъ, заботиться объ устройствѣ по деревнямъ церковныхъ школъ, о лучшей ихъ организаціи, обращая особенное вниманіе на церковное пѣніе и пр.

За дѣятельностью ихъ наблюдалъ самъ преосвященный лично, преподавая имъ благопотребныя архипастырскія наставленія и распоряженія относительно христіанскаго образованія и просвѣщенія инородцевъ. Онъ ежегодно по нѣскольку разъ совершалъ миссіонерскія поѣздки по старообрядческимъ и инородческимъ селеніямъ, устраивалъ въ нихъ торжественная богослуженія, предлагалъ поученія и бесѣды, направленныя преимущественно на опроверженіе заблужденій старообрядцевъ, сектантовъ и инородцевъ. Ни одна сторона церковно-общественной жизни не ускользала отъ бдительнаго ока архипастырья: церковь и школа, нравственное состояніе пастырей и пасомыхъ, ихъ взаимныя отношенія и матеріальное благосостояніе, старообрядчество и мѣстныя секты, церковно-приходскія попечительства и ихъ дѣятель-

ность, внѣшній и внутренній бытъ крестьянъ, ихъ занятія, нажитые временемъ навыки и привычки, ихъ суевѣрія, общественныя и семейныя отношенія, — все это, смотря по удобству мѣста и времени, обсуждалось преосвященнымъ Гуріемъ или съ церковной каѳедры, или въ школѣ, или на открытомъ воздухѣ, а иногда, въ минуты отдохновенія, и въ домахъ священниковъ.

Владыка Гурій первый изъ самарскихъ архипастырей проникалъ въ самыя отдаленныя и глухія мѣстности съ проповѣдью слова Божія. Съ 1893 г. онъ посѣтилъ всѣ инородческія селенія, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ бывалъ даже по два — по три раза. Главная цѣль этихъ путешествій была — распространеніе вѣры Христовой между коснѣющими въ языческихъ заблужденіяхъ инородцами и отклоненіе ихъ отъ языческаго идолопоклонства и магометанскаго вліянія. Путешествія эти приносили большую пользу темнымъ инородцамъ. Вездѣ инородцы встрѣчали владыку съ великою радостью, устраивали торжественныя встрѣчи, оставляли обычныя полевыя работы, несли кошмы и холсты и разстилали по пути слѣдованія архипастыря, давали обѣщанія исполнить его архипастырскія наставленія и совѣты, искренно благодарили его за заботы о нихъ, строили школы и церкви-школы, оставляли языческіе обычаи и обряды. Чуваши дер. Иштулкиной, Бугурусланскаго уѣзда, выразили свою благодарность владыкѣ Гурію въ слѣдующихъ словахъ: „Ваше преосвященство, милостивый архипастырь и отецъ! На второй седмицѣ текущей св. четыредесятницы, въ нашей церкви-школѣ, сооруженной по благоволенію вашего преосвященства, отправлялось богослуженіе, а въ субботу даже совершалась и божественная литургія. Мы отъ мала до стара, назидались наставленіями, поученіями и службою Божіею на нашемъ родномъ языкѣ. Какъ послѣ холодной и бурной зимы лучи весенняго солнца согрѣваютъ и оживляютъ мертвую землю, такъ и божественная служба минувшей недѣли внесла свѣтъ и теплоту въ наши души. Многіе изъ насъ впервые слышатъ богослуженіе, въ полномъ его кругѣ, да при томъ по-чувашски: такъ ясно, понятно и трогательно! Великая радость и праздникъ для насъ, великое счастіе наше. Виновникомъ этого духовнаго торжества мы считаемъ васъ, ваше преосвященство! Христіанская проповѣдь и богослуженіе на чувашскомъ языкѣ, эти источники свѣта среди насъ, темныхъ чувашъ,—все плоды апостольскихъ трудовъ вашихъ. Мы свято хранимъ въ душахъ нашихъ неоднократное посѣщеніе вашимъ преосвященствомъ нашей бѣдной деревни, вашу проповѣдь о пагубности язычества, о благодатныхъ дарахъ св. церкви, и вспо-

миная все это, теперь воочію убѣждаясь въ правотѣ и святости словъ вашихъ, вполнѣ понимаемъ и цѣнимъ важность вашихъ посѣщеній. Движимые искренней сыновней признательностью и любовію, мы, нижеподписавшіеся, осмѣливаемся повергнуть вашему преосвященству свои чувства безпредѣльной благодарности за вашу заботливость, труды и милость къ намъ — чувашамъ". Приговоръ этотъ подписанъ 157 чувашами.

Миссіонерскіе труды преосвященного Гурія въ Самарской епархіи велики, плоды ихъ весьма замѣтны. О нихъ настоящій Самарскій архипастырь преосвященный Константинъ такъ свидѣтельствуетъ: „Нынѣ я посѣтилъ немало инородческихъ приходовъ и селеній и всюду замѣтилъ одно отрадное явленіе: у инородцевъ вездѣ есть пѣвческіе хоры, которые поютъ очень стройно и одушевленно. Инородцы стекались большими массами для встрѣчи меня, храмы были вездѣ полны народа,— изъ чего я заключаю, что они любятъ храмъ Божій и весьма религіозны" [1]).

Не меньше вниманія обратилъ владыка Гурій на борьбу съ вѣковымъ зломъ — расколомъ и сектантствомъ въ епархіи, и, болѣя душой и сердцемъ, что старообрядческая пропаганда ведется дружно и усиленно, что волки со всѣхъ сторонъ окружаютъ овецъ, онъ открылъ должность епархіальнаго миссіонера, справедливо полагая, что до того времени жившіе, быть можетъ, въ гордомъ сознаніи своей правоты, старообрядцы изъ бесѣдъ епархіальнаго миссіонера могутъ и должны, если не разубѣдиться, то, по крайней мѣрѣ, усумниться въ своей правотѣ, а православные и единовѣрцы, иногда духовно пригнетенные и колеблющіеся, при торжественномъ засвидѣтельствованіи истинности ихъ вѣры, получатъ возможность воспрянуть духомъ и сознательно укрѣпятся въ преданности православной церкви. Справедливо полагая, что одному епархіальному миссіонеру въ такой епархіи, какъ Самарская, которая и по пространству, и по числу старообрядцевъ велика, не поспѣть всюду съ проповѣдью, онъ учредилъ должности окружныхъ миссіонеровъ, призвавъ къ борьбѣ и назначивъ на эти мѣста людей, получившихъ спеціальную миссіонерскую подготовку, или вышедшихъ изъ раскола и основательно изучившихъ миссіонерское дѣло на практикѣ. О миссіонерскихъ трудахъ преосв. Гурія среди старообрядцевъ Самарскій епархіальный миссіонеръ о. Александровъ такъ свидѣтельствуетъ: „Ваше,—говорилъ миссіонеръ владыкѣ,—полное довѣ-

[1]) Правосл. Собесѣд. 1906 г. № 22.

ріе къ миссіонерамъ, ваша любовь, мудрое и опытное руководительство придавали намъ бодрость духа и сообщали энергію. Миссія окрылилась, стала твердо и съ успѣхомъ шла впередъ, дѣйствуя на заблуждающихся и устно, и путемъ публичной и частной проповѣди, и письменно, путемъ распространенія полемическихъ книгъ и брошюръ. За 11½-лѣтнее служеніе Самарской церкви миссія привлекла въ лоно церкви болѣе 6000 человѣкъ, сдѣлавъ ихъ вѣрными св. церкви и преданными вамъ дѣтьми". (Изъ рѣчи, сказанной при прощаніи съ преосвященнымъ Гуріемъ).

Здѣсь мы говорили о миссіонерскихъ трудахъ преосвященнаго Гурія. Но и другія стороны его дѣятельности не менѣе важны. Владыка особенное вниманіе обращалъ также и на дѣло начальнаго народнаго образованія въ своей епархіи. Онъ всѣми зависящими отъ него способами старался воздѣйствовать на духовенство, чтобы оно относилось съ должною заботливостью и внимательностью къ церковнымъ школамъ. Церковно-приходское дѣло въ епархіи онъ считалъ настолько близкимъ себѣ, что не отказывался принимать лично почти всѣ прошенія объ опредѣленіи на учительскія мѣста, о выдачѣ учащимъ вознагражденія и о другихъ школьныхъ дѣлахъ,—и это не смотря на то, что по опубликованнымъ руководственнымъ въ епархіи опредѣленіямъ къ архіерею должны были поступать только важнѣйшія изъ дѣлъ и при томъ не иначе, какъ чрезъ посредство епархіальнаго училищнаго совѣта. При такомъ отношеніи владыки къ церковно-приходскому школьному просвѣщенію въ Самарской епархіи, церковныя школы, естественно, умножались и улучшались въ матеріальномъ и качественномъ отношеніяхъ.

Преосвященный Гурій въ Самарской епархіи не мало заботился и объ улученіи быть духовенства какъ въ матеріальномъ, такъ и нравственномъ отношеніяхъ.

Архипастырско-миссіонерская дѣятельность преосвященнаго Гурія въ Симбирской епархіи продолжается въ томъ же духѣ апостольской ревности, какъ и въ Самарской епархіи. Въ заключеніе нашей настоящей статьи искренно пожелаемъ архипастырю-миссіонеру, чтобы Господь продлилъ жизнь его на пользу Христовой церкви и православной миссіи и помогъ ему въ дальнѣйшемъ его святомъ и великомъ служеніи.

Свящ. **А. Ивановъ.**

Миссіонерскій отдѣлъ.

Къ вопросу о перечисленіи изъ православія въ единовѣріе.

(Заключеніе по прошенію крестьянъ села Марьина, православныхъ, о приписк҃ѣ ихъ къ мѣстному храму и Марьинскому приходу, единовѣрческому).

Консисторія проситъ дать заключеніе по дѣлу относительно поданнаго въ Св. Синодъ прошенія крестьянами, живущими въ единовѣрческомъ селѣ Марьинѣ, Тет. уѣзда, въ количествѣ 18 человѣкъ, о приписк҃ѣ ихъ съ семействами къ приходу своего села. Объясняется эта просьба, дошедшая до высшей церковной власти, тѣмъ обстоятельствомъ, что просители—люди православные, а храмъ въ Марьинѣ единовѣрческій. Такимъ образомъ вопросъ, повидимому, совершенно простой, осложняется возможностью или невозможностью перечисленія просителей изъ православія въ единовѣріе. Дѣло въ томъ, что Марьино — приходъ новый, образовавшійся 16 лѣтъ назадъ (1890 г.). До этого времени это была захолустная деревня, входившая въ составъ православнаго Ишеевскаго прихода, за немногими семействами вся населенная старообрядцами австрійскаго согласія противоокружниками. Бывшій ихъ священникъ Матвѣй Лещинъ и привелъ часть своего стада въ ограду св. Церкви на правахъ единовѣрія; изъ нея и образовался единовѣрческій приходъ.

Остающаяся часть православныхъ, по своей склонности къ „старому“ обряду, были всѣ, — какъ и теперь, — двуперстники, любители посолонія и другихъ особенностей старообрядства. Совершенно естественно, что когда въ ихъ деревнѣ построенъ былъ храмъ и въ немъ стало совершаться богослуженіе, то и въ силу ихъ внѣшняго положе-

нія, вблизи новаго храма, вслѣдствіе стародавнихъ привычекъ, ихъ потянуло къ нему, такъ что они тогда же, на самыхъ первыхъ порахъ, хотѣли уже просить о приписк̀ѣ къ своему храму (единовѣрческому). Въ свое время мы удерживали ихъ отъ подобной формальной просьбы, понимая и объясняя имъ невозможность исполненія ихъ желаній. Но при этомъ, само собой понятно, нельзя было воспретить имъ посѣщать богослуженіе, въ ихъ храмѣ (единовѣрческомъ) совершаемое. Такимъ образомъ и оставшіеся въ Марьинѣ православные стали ходить молиться въ свой храмъ, а церковно-религіозная связь съ Ишеевымъ незамѣтно стала ослабѣвать. Въ тоже время, частію вслѣдствіе словесныхъ разрѣшеній мѣстныхъ преосвященныхъ, а еще болѣе на основаніи смягченныхъ въ 1881 году правилъ единовѣрія,—по которымъ, въ облегченіе доступа въ него неотписнымъ раскольникамъ, были значительно измѣнены 5-й и 11-й пункты „правилъ“ митр. Платона и въ тоже время разрѣшено единовѣрческимъ священникамъ исповѣдывать и причащать православныхъ вслѣдствіе болѣзни, или иныхъ случаевъ нужды („Церк. Вѣстн.“ 1881 г., № 37 и „Руководство по ист. раск.“ ч. 1, стр. 219 и 224),—православные марьевцы исполняли нѣкоторыя требы и у единовѣрческаго священника, а также принимали его на праздникахъ съ крестомъ и св. водой. Такъ шло дѣло до послѣднихъ лѣтъ. Въ послѣдніе годы, не довольствуясь такимъ неопредѣленнымъ положеніемъ, они стали добиваться формальной приписки ихъ къ марьинскому храму. Въ 1900 году, какъ пишутъ въ прошеніи Св. Синоду, они подали о томъ прошеніе епархіальному начальству, которое „ничего не отвѣтило“. Такъ ли это было, намъ неизвѣстно и прошеніе до насъ, по крайней мѣрѣ, не доходило. Въ концѣ 1903 г. поступилъ „приговоръ“ ихъ о томъ же. Мотивы указаны въ „приговорѣ“ не однородные:—съ одной стороны бѣдность и неимѣніе лошадей, чтобы привезти православнаго священника изъ Ишеева въ Марьино, или самимъ ѣхать, напримѣръ съ покойникомъ, въ Ишеево для отпѣванія и погребенія на ишеевскомъ кладбищѣ, а съ другой стороны и „ревность къ старому обряду и богослуженію“, при нежеланіи уклониться въ расколъ. Высокопреосвященный Димитрій, бывшій архіепископъ казанскій и свіяжскій, посмотрѣлъ на этотъ „приговоръ“, какъ на стремленіе православныхъ марьинцевъ перейти изъ православія въ единовѣріе, что и указалъ въ своей резолюціи отъ 23

ноября 1903 г. Но при этомъ онъ присовокупилъ: „Марьинскія дѣла хорошо извѣстны профессору Ивановскому. Просить его дать отзывъ по содержанію этого приговора“.

Мы были поставлены въ немалое затрудненіе, чтобы не пойти съ одной стороны противъ резолюціи высокопреосвященнаго,—при сознаніи, что мы ничего этимъ не достигнемъ,—а съ другой, чтобы какъ-нибудь и насколько возможно, успокоить и удовлетворить просителей. Для личнаго съ ними объясненія и переговоровъ мы сочли необходимымъ побывать на мѣстѣ. Результатомъ нашихъ взаимныхъ объясненій было слѣдующее, представленное въ консисторію заключеніе, изъ котораго и выписываемъ все существенное. „Просьба живущихъ въ Марьинѣ ишеевскихъ прихожанъ является переходомъ изъ православія въ единовѣріе, что запрещается прямыми правилами единовѣрія. На обстоятельство это указано и въ резолюціи его высокопреосвященства. Посему приговоръ просителей съ этой точки зрѣнія не можетъ подлежать удовлетворенію. Но при этомъ нельзя не обратить вниманія на бытовыя условія просителей, которыя, по преимуществу, ими и выдвигаются. При личномъ объясненіи съ ними и по засвидѣтельствованію священника села Ишеева (онъ же и благочинный) о. Богоносцева, я не могъ не убѣдиться, что дѣйствительными побужденіями со стороны просителей были не унизительный или пренебрежительный взглядъ ихъ на православіе, сравнительно съ единовѣріемъ, а *главнымъ образомъ* означенныя въ приговорѣ бытовыя условія. Посему, принявъ во вниманіе послѣднія и соображаясь съ существующими „правилами“ единовѣрія, я полагалъ бы: 1) Просьбу православныхъ жителей села Марьина о припискѣ ихъ къ марьинскому единовѣрческому приходу *въ настоящее время* отклонить, какъ не соотвѣтствующую „правиламъ“ единовѣрія. Подчеркиваю: „въ настоящее время“, потому что сила вещей и привычка къ своему мѣстному храму (помимо всякихъ другихъ причинъ) въ будущемъ, рано или поздно, сдѣлаетъ свое дѣло и закрывать на это глаза намъ нечего. 2) Относительно таинствъ исповѣди и св. причащенія, а равно и крещенія младенцевъ (о посѣщеніи богослуженій и не говоримъ) оставить все такъ, какъ и теперь дѣлается, т. е. предоставить продолжать совершеніе ихъ, въ случаяхъ какой либо нужды, для православныхъ и единовѣрческому священнику. При этомъ относительно говѣнія въ великомъ постѣ я находилъ бы не лиш-

нимъ предписать тому и другому священникамъ (ишеевскому и марьинскому) располагать православныхъ жителей Марьина къ тому, что если они и могутъ невозбранно посѣщать богослуженія въ мѣстномъ храмѣ, то для исповѣди и св. причастія должны, — по крайней мѣрѣ болѣе здоровые и свободные отъ семейныхъ обязанностей, приходить въ свой приходскій храмъ. Этимъ они и покажутъ на дѣлѣ, что православнаго храма они и семейства ихъ не чуждаются и таинствъ, православнымъ священникомъ совершаемыхъ, не избѣгаютъ. Тогда и настоящее ихъ ходатайство получитъ одинъ опредѣленный смыслъ. 3) Погребеніе умершихъ въ затруднительныхъ случаяхъ можетъ быть совершаемо православнымъ ишеевскимъ священникомъ и въ марьинскомъ храмѣ, причемъ и мѣстомъ погребенія можетъ быть и марьинское кладбище. Вопросъ о кладбищахъ правилами единовѣрія и не предусмотрѣнъ, и практической важности не имѣетъ. Въ подобныхъ же случаяхъ возможнымъ представляется, по соглашенію съ православнымъ священникомъ, совершить погребеніе и священнику единовѣрческому. 4) Остается только совершеніе браковъ. За рѣдкостію ихъ и по другимъ причинамъ нецерковнаго свойства, браки обязательно должны быть совершаемы въ приходскомъ храмѣ. 5) Возбуждаемы были, при личномъ объясненіи, и другіе вопросы, въ приговорѣ не упомянутые, и выходящіе за предѣлы тайнодѣйствій. Должны упомянуть объ одномъ, независимомъ уже отъ бѣдности просителей, вопросѣ: можетъ ли мѣстный единовѣрческій священникъ ходить въ дома православныхъ, къ ишеевскому приходу приписанныхъ, по праздникамъ съ крестомъ и св. водой? Повторю, что отвѣтилъ: я не вижу никакой серьезной причины воспрещать сіе и единовѣрческому священнику, по желанію, конечно, православныхъ прихожанъ. Въ правилахъ единовѣрія запрета на это не было и нѣтъ. Пусть поэтому они принимаютъ и священника ишеевскаго (православнаго), какъ своего приходскаго пастыря марьинскаго (единовѣрческаго), какъ ближайшаго по мѣсту жительства, въ храмѣ котораго присутствовали и при богослуженіи".

„Со стороны формальной, сказанное не могло служить переходомъ изъ православія въ единовѣріе, а въ тоже время и просители получали бы фактически почти все, чего желали. Когда обстоятельство это было нами разъяснено, то, видимо, оно успокоило просителей и примирило ихъ съ положеніемъ вещей. Можно было надѣяться, что они

и въ будущемъ примирятся съ этимъ на болѣе или менѣе продолжительное время. И это тѣмъ болѣе, что настоящій ишеевскій священникъ (Богоносцевъ) велъ и ведетъ дѣло съ тактомъ и не любитель придираться къ мелочамъ, могущимъ возбуждать непріятную, безплодную переписку и поддерживать неудовольствіе и взаимную непріязнь и пререканія".

Составивъ такое заключеніе, мы надѣялись на полную возможность осуществленія всего нами сказаннаго. Надежды наши не оправдались. Къ сожалѣнію, консисторія не пожелала посмотрѣть на дѣло всесторонне, ограничившись лишь первымъ пунктомъ моего заключенія, вѣрнѣе же, хорошо ей извѣстнымъ запрещеніемъ въ правилахъ единовѣрія митр. Платона; при этомъ она не поинтересовалась даже новѣйшими распоряженіями Св. Синода. 8 марта 1904 г. былъ посланъ внушительный указъ ишеевскому священнику Богоносцеву, коимъ подтверждалось ему „принять самыя усиленныя воздѣйствія на указанныхъ крестьянъ, пожелавшихъ отчислиться къ единовѣрческой церкви и со всѣмъ усердіемъ убѣждать ихъ неуклонно, до скончанія жизни своей пребывать въ неразрывномъ единствѣ съ породившею ихъ духовно церковію, а не оставлять ее ради обрядовъ, по снисхожденію допущенныхъ къ употребленію въ единовѣрческихъ церквахъ". При этомъ консисторія затребовала отъ о. Богоносцева точныхъ свѣдѣній, сколько именно верстъ отъ Марьина до Ишеева (просители указывали $4^1/_2$), всѣ ли просители живутъ въ Марьинѣ, всѣ ли они не имѣютъ лошадей и сколько лицъ въ каждомъ семействѣ просителей. Въ тоже время посланъ былъ указъ и единовѣрческому благочинному Мансурову, съ требованіемъ самыхъ вѣрныхъ свѣдѣній: „сколько лицъ съ 1900 по 1904 г. по каждому единовѣрческому приходу въ отдѣльности присоединилось изъ раскола въ единовѣріе и сколько перешло изъ единовѣрія и обратно,—сколько ушло изъ православія въ единовѣріе (этого оффиціально не могло и быть, а неоффиціальные случаи обращеній православныхъ къ единовѣрческому священнику за исправленіемъ нѣкоторыхъ требъ не есть переходъ) и сколько изъ единовѣрія отпало въ расколъ?" Когда отвѣты Мансурова и Богоносцева были получены, консисторія составила 23, іюля 1904 г. обстоятельное, мотивированное по дѣлу опредѣленіе, его высокопреосвященствомъ утвержденное, на основаніи котораго и послала 14 октября указъ.

Указомъ этимъ просьба православныхъ крестьянъ села Марьина о причисленіи ихъ къ своему единовѣрческому приходу была отклонена, о чемъ просители и увѣдомлены. Основаніемъ для отказа послужили усмотрѣнныя консисторіею противорѣчія въ побужденіяхъ, высказываемыхъ просителями, неправильное показаніе разстоянія отъ Марьина до Ишеева (въ 4½ в., благоч. Богоносцевъ показалъ 4 в., благоч. Мансуровъ словесно заявилъ въ 3 в., тогда какъ на самомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ, отъ храма до храма будетъ не менѣе 4 верстъ, отъ мѣста же нахожденія дома или нѣсколько болѣе или менѣе), указаніе на неимѣніе лошадей, тогда какъ лошади у нѣкоторыхъ имѣются и т. п. Но едва ли эти именно основанія и соображенія могли и могутъ имѣть важное, рѣшающее значеніе. Необходимо искать чего либо другого. Дѣйствительно, въ концѣ опредѣленія брошена фраза, что перечисленіемъ изъ православія въ единовѣріе „сдѣланъ будетъ значительный шагъ въ сторону раскола“ (Журн. Консист. 1904 г., іюня 23, № 90). Въ этихъ немногихъ словахъ,—намъ кажется, и заключается главная причина отказа. Подтвержденіемъ этого можетъ служить первичная резолюція, имѣющаяся въ дѣлѣ (12 февр. 1904 г. № 12), подлежащаго о. члена консисторіи, въ коей и раскрывается взглядъ на единовѣріе съ его принципіальной стороны. На основаніи рапорта о. Богоносцева, въ коемъ прописано заявленіе марьинцевъ, что „существованіе въ ихъ селеніи церкви, по разъясненію *миссіонеровъ*, приводящей ко спасенію *одинаково* съ православною, располагаетъ ихъ“ и т. д., замѣчается, что „эту причину признать безусловно уважительной нельзя“. Почему нельзя, не объясняется, но получается впечатлѣніе, что „миссіонеры“ православные говорятъ не совсѣмъ правду, а дальше понимай и о единовѣріи иначе. Затѣмъ это непріятное впечатлѣніе усиливается. „Нельзя согласиться, читаемъ далѣе, и на то, чтобы дозволить православнымъ села Марьина исповѣдываться и причащаться у единовѣрческаго священника (что уже дѣлалось), такъ какъ таковое дозволеніе явно противорѣчитъ пункту правилъ митр. Платона, при чемъ и выписывается полностію извѣстный пунктъ (5-й),—отживший уже свое время и замѣненный опредѣленіемъ Св. Синода 1881 г., нами указаннымъ. Еще далѣе: „Крайне также неудобно дозволить единовѣрческому священнику ходить по домамъ православныхъ и со св. водой, такъ какъ святость этой воды, въ виду прошенія, читаемаго

на великой эктеніи при освященіи ея, *не несомнительна*. Прошеніе же это въ старопечатномъ чинопослѣдованіи изложено такъ: „о погрузитися силѣ душетлѣннаго супостата въ водахъ сихъ, Господу помолимся“.

Мы привели эти выдержки изъ проекта опредѣленія для иллюстраціи, брошенной въ подлинномъ консисторскомъ журналѣ фразы объ уклоненіи (при томъ значительномъ) единовѣрія въ сторону раскола. Нельзя не видѣть во всемъ этомъ недоразумѣнія понятій старообрядства и раскола (см. подробно нашу статью: „Старообрядство и расколъ“, въ „Собраніи“ нашихъ сочин., т. 1, стр. 33 и дал.). Вмѣстѣ съ симъ сказанное представляетъ глухую критику послѣдующихъ (за первымъ) пунктовъ нашего заключенія, хотя полностію не оглашенную и отодвигаетъ положеніе дѣла церковнаго общенія и единенія даже назадъ, въ обратную сторону сравнительно съ тѣмъ, какъ оно стояло до даннаго времени. Ясно, наконецъ, что въ приложеніи къ настоящему случаю оно не могло успокоить просителей, и въ результатѣ послѣдовало какъ-бы апелляціонное прошеніе въ Св. Синодъ.

Такъ какъ главный узелъ вопроса и затрудненіе его распутать заключается въ принципіальномъ взглядѣ на единовѣріе, то, изложивъ въ послѣдовательномъ порядкѣ обстоятельства образованія марьинскаго прихода и весь ходъ настоящаго дѣла,—мы считаемъ себя не только въ правѣ, но и обязанными, во 1-хъ, освѣтить его съ той же принципіальной стороны, установивъ надлежащую, какъ мы понимаемъ, точку зрѣнія, и во 2-хъ, войти въ сужденіе о настоящемъ дѣлѣ и со стороны церковно-практической, имѣя въ виду пользу церкви.

1. Съ принципіальной стороны въ основу единовѣрія положены два принципа, не совпадающіе между собою, изъ коихъ второй служитъ какъ бы ограниченіемъ перваго. Поэтому, всѣ, кому приходится вести рѣчь о единовѣріи, должны и говорить съ двухъ точекъ зрѣнія: со строго богословской и церковно-административной. Эти-то точки зрѣнія по нѣкоторымъ практическимъ вопросамъ и расходятся между собою, такъ что при рѣшеніи этихъ вопросовъ въ каждомъ данномъ случаѣ необходимо отыскивать что-либо посредствующее и какъ бы примиряющее. Постараемся раскрыть эти положенія, чтобы подойти къ болѣе правильному, соотвѣтствующему интересамъ церкви, рѣшенію вопроса и въ данномъ случаѣ.

а) Единовѣріе прежде всего представляетъ собою единеніе старообрядцевъ съ православною церковію, при которомъ въ подчиненіи ея священноначалію и въ участіи святыхъ таинствъ открывается и для вступившихъ въ оное путь ко спасенію въ равной степени, какъ и для православныхъ. Никто и никогда въ этомъ не сомнѣвался, какъ никто и никогда не сомнѣвался въ православіи и благодатности церкви до-Никоновской, при употребленіи ею извѣстныхъ книгъ и обрядовъ. Пусть это сдѣлано „по снисхожденію“, но изъ этого для вопроса о полученіи спасенія ничего еще не слѣдуетъ, такъ какъ сдѣлано по исконному праву церкви оказывать таковое снисхожденіе въ предметахъ, существа вѣры не касающихся, во имя, такъ называемаго церковнаго „домостроительства“. При этомъ вопросы объ обрядовыхъ или буквенно-словесныхъ преимуществахъ отошли и должны, естественно, были отойти, въ сознаніи церкви и церковной власти, на задній планъ. И это тѣмъ болѣе, что во взглядѣ на эти вопросы заключается въ сущности и вся разница между православіемъ и расколомъ: первое допускаетъ измѣняемость и разнообразіе, послѣдній стоитъ за каждую іоту, провозгласивъ ея неизмѣнность и почивъ на этой именно буквѣ, или внѣшнемъ обрядѣ. По этому признаку мы цѣнимъ людей церкви и людей не духа церкви и въ нѣкоторыхъ случаяхъ не болѣе, какъ запутавшагося въ мелочахъ фанатика. Нужно ли для того, что мы сказали, указывать на авторитеты? Если нужно, то можемъ назвать имена двухъ святителей,—греческаго и русскаго: константинопольскаго патріарха Паисія, современника патр. Никона, который писалъ Никону и о возможности обрядового разнообразія, не вредящаго единству вѣры и церкви, и осуждалъ распри изъ-за этого (Посл. его въ „Скрижали“ и въ новомъ переводѣ при „Христ. Чтеніи“, проф. И. Е. Троицкаго),—и митр. Платона—творца единовѣрія. Послѣдній замѣчалъ, что „надлежало бы (патр. Никону), объяснивъ всѣ причины исправленія книгъ и представивъ предъ очи видимыя ошибки, также оговоривъ, что и въ старыхъ книгахъ ничего церкви противнаго не заключается... надлежало бы оставить на волю: по старымъ ли служить книгамъ или по новымъ. „Вѣроятно“, заключаетъ митр. Платонъ, „что симъ поступкомъ умы были бы успокоены“. Но какъ стали вездѣ вводить новыя книги, а старыя отбирать, возсталъ общій ропотъ, возмущеніе, мятежъ и расколъ (Кратк. церк. ист., т. II, стр. 234—235). Одновременно

эту точку зрѣнія раздѣляли митр. новгородскій Димитрій Сѣченовъ, епископъ псковскій Гедеонъ и др. (см. въ изслѣд. Лысогорскаго о митр. Платонѣ, 1905 г., стр. 295). Въ послѣднія десятилѣтія современная церковная власть не разъ во всеуслышаніе заявляла, что, не смотря на обрядовое разнообразіе, единовѣріе и православіе составляютъ *едину* святую, апостольскую церковь. Отсюда самъ собою ясенъ выводъ и о возможности спасенія, *одинаковой* какъ въ православіи, такъ и въ единовѣріи, съ дозволеннымъ употребленіемъ старыхъ книгъ и обрядовъ. Ясно такимъ образомъ, что и миссіонеры говорятъ объ этомъ сущую правду. На этой точкѣ зрѣнія,—строго богословской,—стоятъ и наши просители, какъ стояли всегда всѣ искавшіе единовѣрія,—за исключеніемъ лишь тѣхъ, которые хотѣли получить законное священство съ иными задними, сепаративными цѣлями, а не ради соединенія; что безъ особаго труда всегда и предусматривалось, кѣмъ должно. Искренно же ищущихъ единовѣрія сбить съ ихъ позиціи невозможно.

б) Но изъ указанной, высшей, богословской точки зрѣнія *въ жизни* церковной не всѣ сдѣланы практическіе выводы. Именно, желающимъ перейти изъ *православія* въ единовѣріе поставленъ запретъ. Такое ограниченіе уже не богословскаго характера, изъ понятія о Христовой церкви вытекающее, а церковно-административнаго свойства, явившееся по другимъ болѣе внѣшнимъ побужденіямъ,—охраненія порядка церковію принятаго и обдержно-существующаго, исправленнаго обряда. „Породившая же духовно“ *церковь* одна и таже. Поэтому, когда и значащійся „православнымъ“ любитель стараго обряда обопрется на понятіе о единствѣ церкви (православной и единовѣрческой) и объ одинаковыхъ въ той и другой условіяхъ спасенія, то ему трудно втолковать *причину* запрета быть ему членомъ общества единовѣрческаго. И на самомъ дѣлѣ, разсуждая отвлеченно, если церковь едина, то почему запретъ? Если же есть запретъ, то заключеніе относительно единовѣрія напрашивается иное, какое-то двусмысленное. Отвѣтъ, если угодно, пожалуй, на это готовъ: „единовѣріе допущено и благословлено *только* для обращающихся изъ раскола. Но почему же, является опять вопросъ со стороны догматической, — что можно позволить одному, того нельзя позволить другому, *когда цѣли жизни одинаково достижимы?* Былъ и есть и на это отвѣтъ,—что единовѣріе дано по *снисхожденію къ немощной совѣсти*, въ благомъ чаяніи, что со

временемъ такое снисхожденіе приведетъ къ полному и *обрядовому* единенію. Но и здѣсь новый вопросъ: если возможно оказать снисхожденіе одному,—раскольнику „немощному“, то почему же нельзя оказать его другому, тоже немощному, слѣпо приверженному къ извѣстнымъ обычаямъ, также хромающему на оба колѣна, хотя формально и именующемуся православнымъ? Вѣдь, и такъ называемыхъ „православныхъ“ не всѣхъ же приходится питать твердой пищей, а многихъ еще и молокомъ. Если, такимъ образомъ, мы снисходимъ, изъ жалости погибели, къ первымъ (чтобы привлечь ихъ въ церковь), то отъ чего же, изъ той же жалости и опасенія (чтобы не ушли они за ограду церкви), не снизойти и къ послѣднимъ,—еще болѣе намъ близкимъ,—особенно если бытовая ихъ обстановка по какимъ-либо причинамъ можетъ располагать ихъ къ тому?.. А что до благихъ надеждъ, основателемъ единовѣрія высказанныхъ и за нимъ, особенно въ предшествовавшее время, часто повторявшихся, — на основаніи чего единовѣріе называли мостомъ къ православію или больницей въ домѣ здоровыхъ, то объ этой *переходной* лишь ступени теперь уже перестали говорить. Единовѣріе просуществовало болѣе ста лѣтъ (если считать со времени митр. Платона, а не Никодима, за 16 лѣтъ ранѣе, подъ именемъ „Согласія“), какъ учрежденіе самостоятельное и съ задатками будущности. И однако, и при неосуществившихся надеждахъ его основателя, никто не думаетъ поворачивать назадъ, къ тому времени, когда его не было; напротивъ, высшая власть церковная, поддерживаемая единодушнымъ голосомъ бывшихъ миссіонерскихъ съѣздовъ (московскихъ и казанскаго), облегчаетъ способы доступа въ него и образованіе новыхъ единовѣрческихъ приходовъ. Теперь рѣчь можетъ быть о томъ только, чтобы воспитывать и укрѣплять единовѣрцевъ въ духѣ единенія съ православіемъ, дабы и самое единовѣріе было единымъ не на словахъ только, или въ отвлеченно-богословскихъ умозрѣніяхъ, но и въ самой жизни. Имѣя въ виду недостатки воспитанія и смотря на единичные случаи жизни, нѣкоторые бросаютъ относительно единовѣрія даже такую непозволительную фразу, что оно есть „мостъ къ расколу“. Фразу эту мы назвали непозволительной не только съ точки зрѣнія *понятія* о единовѣріи и его содержанія, но и самой жизни. И на самомъ дѣлѣ, что она означаетъ? То ли, что употребленіе менѣе исправныхъ богослужебныхъ книгъ и обрядовъ приближаетъ уже единовѣрцевъ тѣмъ

самымъ къ расколу (который *по существу* есть раздоръ съ церковію), такъ что и самое единовѣріе не столь уже спасительно, какъ православіе или, что тоже, „не несомнительно"? Но не нужно ни на минуту забывать хотя бы того, что оно благословлено Церковію, какъ спасительное и подтверждается ею, какъ едино съ православіемъ. Или то, быть можетъ, разумѣютъ, называя единовѣріе „мостомъ къ расколу", что единовѣрцы съ большею легкостію уходятъ въ расколъ, чѣмъ православные? Но для подтвержденія этого требуются факты, которыхъ указать невозможно. Одно знаемъ, что въ средѣ единовѣрцевъ встрѣчаются нѣкоторые съ чисто раскольническими убѣжденіями въ своихъ взглядахъ на прав. церковь,—какъ есть подобные и въ православіи,—и таковымъ прямо идти бы въ расколъ, не заходя попутно въ единовѣріе; есть и люди тенденціозные, стремящіеся къ тому, чтобы изъ самаго единовѣрія сдѣлать расколъ, придавъ ему видъ особой церкви. Но все это уже нѣчто другое, внутренняго положенія самаго единовѣрія касающееся, а не мостъ къ другому берегу. Но объ этомъ и свои заботы и свои печалованія... Благочинный Мансуровъ, какъ мы говорили уже, и о томъ былъ спрошенъ, сколько въ приходахъ его благочинія изъ единовѣрія ушло въ расколъ, и отвѣтилъ, что ни одного. А между тѣмъ, если бы, помимо этого оффиціальнаго вопроса и отвѣта, сличить два хотя прихода единовѣрческихъ и два зараженные духомъ раскола православные и составить дѣйствительную, а не формальную только статистику уклоненія въ расколъ прихожанъ, то результаты,—смѣло можемъ говорить,—получились бы обратные. Единовѣріе не только не мостъ къ расколу, а болѣе удерживаетъ колеблющихся въ церкви. И причина этого понятна и у всѣхъ на глазахъ. Это во-первыхъ привычка къ излюбленнымъ обычаямъ и большая уставность въ богослуженіи.

в) Раскрывъ два, положенные въ основаніе единовѣрія, несоотвѣтствующіе между собою, принципа и слѣдующія изъ нихъ неодинаковыя заключенія и примѣненія къ жизни, мы должны каждому изъ нихъ дать надлежащую цѣну, чтобы ни на минуту не отклоняться отъ главнаго и болѣе существеннаго и цѣннаго. Въ духовно-религіозномъ отношеніи первый принципъ выше и устойчивѣе, такъ что при нарушеніи его исчезаетъ самая идея единовѣрія, какъ *единенія* съ церковію. Въ отношеніи административномъ второй принципъ опредѣленнѣе и

удобнѣе, повидимому, для примѣненія, какъ принципъ церковнаго порядка. Но при этомъ, если перваго невозможно ослабить, то второй, по самому существу своему, можетъ подлежать измѣненіямъ и допускать исключенія по разнымъ благословнымъ винамъ, съ вѣдома, конечно, той же власти церковной. Въ исторіи единовѣрія онъ и подвергался такимъ измѣненіямъ. Начальными пунктами „единовѣрія“ митр. Платона только записнымъ раскольникамъ предоставлялось присоединяться къ церкви на его правахъ, незаписные же, хотя и издавна уклонившіеся въ расколъ, не могли быть единовѣрцами, а это на дѣлѣ равнялось почти всѣмъ, рожденнымъ не въ расколѣ. Впослѣдствіи же времени (въ 30-хъ годахъ минувшаго столѣтія) предоставлена была возможность дѣлаться единовѣрцами и тѣмъ, которые пробыли въ расколѣ не менѣе 10 лѣтъ, а 50 годовъ спустя послѣ этого (1881 г.) облегченъ доступъ въ единовѣріе пятилѣтнимъ пребываніемъ въ расколѣ,— что существуетъ и доселѣ. Въ тоже время и высшая церковная власть и епархіальные преосвященные разрѣшали нѣкоторымъ священникамъ употребленіе стараго, отмѣненнаго обряда и для лицъ, въ расколѣ не находящихся, но приверженныхъ къ означенному обряду. Такова возможность измѣненій и исключеній изъ существующаго запрета переходить православнымъ въ единовѣріе. Измѣненія и исключенія могутъ идти и далѣе.

Само собою разумѣется, что экспертъ, какъ лицо свѣдущее, но не властное, долженъ считаться со всѣми существующими правилами и требованіями, — особенно, если они не гармонируютъ между собою,— и въ своемъ заключеніи по каждому данному дѣлу имѣть ихъ въ виду. Здѣсь нерѣдко ему приходится проходить между сциллой и харибдой, склоняясь то на одну, то на другую сторону, смотря по обстоятельствамъ дѣла. Какой же, спрашивается, долженъ быть принятъ посредствующій, руководящій критерій за точку отправленія для рѣшенія каждаго отдѣльнаго дѣла по вопросу о разрѣшеніи быть причисленнымъ къ единовѣрію лицу, не подходящему подъ существующія правила? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы можемъ позаимствовать у того же творца единовѣрія, митр. Платона. Какъ въ своемъ „Увѣщаніи“, такъ и въ другихъ сочиненіяхъ, онъ выдвигалъ болѣе всего миръ церкви и любовь христіанскую, которые далеко выше и важнѣе обрядовой привычки. Съ этой точки зрѣнія и мы будемъ смотрѣть на дѣло. Если

чье либо стремленіе къ единовѣрію можетъ породить соблазнъ и смуту а тѣмъ паче униженіе достоинства православной церкви,—въ общемъ нарушить ея миръ и порядокъ, то, конечно, необходимо строго держаться административной точки зрѣнія, и это не въ *противорѣчіи* стояло бы и съ основной идеей *церковнаго единства*. Иллюстрируемъ нашу мысль хотя однимъ-двумя примѣрами, близко намъ извѣстными. Въ Нижегородской епархіи явилась просьба прихожанъ и предположеніе нѣкоторыхъ обратить существующій издавна православный храмъ и приходъ въ единовѣрческій, замѣнивъ въ немъ исправленныя книги „старыми“, съ употребленіемъ и „старыхъ“ обрядовъ. Дѣло доходило до Св. Синода. Случайно мы были спрошены дать объ этомъ свое заключеніе, побывавъ на мѣстѣ. Поговоривъ съ толпой собравшихся, а потомъ съ нѣкоторыми отдѣльно, мы должны были посмотрѣть на начатую въ такомъ видѣ затѣю, какъ на церковную смуту, на демонстрацію противъ прав. церкви, какъ на униженіе ея достоинства, а кромѣ того и какъ на прецедентъ къ дальнѣйшимъ нежелательнымъ движеніямъ народнымъ. Заключеніе наше было въ свое время представлено Св. Синоду [1]). Были и въ нашей епархіи подобныя попытки, частію словесно намъ заявляемыя (въ с. Ходяшевѣ, Свіяж. у.), частію на бумагѣ, на имя епархіальнаго начальства выраженныя (въ с. Шелангѣ и въ Урюмѣ, тет. у.). Въ первомъ случаѣ и подобныхъ мы вліяли словомъ и совѣтомъ, въ послѣднихъ давали отрицательный отзывъ на бумагѣ, въ консисторію. Сверхъ сего, мы всегда о томъ старались, чтобы не строить единовѣрческихъ храмовъ въ самыхъ селахъ православныхъ,—во избѣжаніе нежелательной конкуренціи и столкновеній,—а строить ихъ въ деревняхъ, болѣе или менѣе удаленныхъ отъ православныхъ храмовъ. По счастію, такъ это у насъ и выходило. Четыре, выстроенные за послѣдніе 25 лѣтъ, единовѣрческіе храма,—всѣ въ деревняхъ. Три открытыхъ при нихъ вновь прихода мало соприкасаются съ приходами православными, находясь отъ нихъ въ 4—9 верстахъ.

Но съ другой стороны, въ тѣхъ обстоятельствахъ и при такой

1) Въ минувшемъ году это дѣло разрѣшилось постройкой новой единовѣрческой церкви въ приходской деревнѣ, гдѣ большинство формально православныхъ, но откуда вышли главные ходатаи по единовѣрію. Объ этомъ будетъ сказано еще ниже.

обстановкѣ, когда не угрожаетъ какая-либо смута церковная и соблазнъ, могущій породить непорядокъ, когда не страдаетъ при этомъ достоинство православія, когда и количество чадъ единой церкви, чрезъ уходъ въ расколъ, не умаляется, когда при томъ и рѣчь идетъ не о массовыхъ движеніяхъ, а о единицахъ или не болѣе, какъ о десяткахъ людей, — церковно-административный запретъ безъ всякаго ущерба можетъ быть оставленъ въ сторонѣ, на первое же мѣсто, какъ спорное, и должна быть, кажется, выдвинута богословская идея церковнаго единства единовѣрія и православія, со всѣми логическими ея послѣдствіями. И это соображеніе особенно примѣнимо къ тѣмъ ищущимъ единовѣрія православнымъ, которые живутъ въ единовѣрческихъ селеніяхъ, вблизи единовѣрческихъ храмовъ и болѣе или менѣе въ отдаленіи отъ храмовъ православныхъ. Мы глубоко убѣждены въ томъ, (что высказали и въ первомъ своемъ заключеніи), что если въ какомъ-либо единовѣрческомъ селеніи окажутся нѣсколько семействъ православныхъ, въ православныхъ же селеніяхъ нѣсколько семействъ единовѣрческихъ, то сила вещей и привычка къ мѣстному храму сдѣлаетъ первыхъ единовѣрцами (по меньшей мѣрѣ, фактически), а послѣднихъ православными (если не послѣдуетъ какихъ-либо неудовольствій на мѣстнаго священника); и если этого не послѣдуетъ почему-либо въ наличномъ поколѣніи, то послѣдуетъ во второмъ, когда дѣти съ малыхъ лѣтъ будутъ посѣщать мѣстный храмъ. И одного этого соображенія, казалось бы, достаточно было для даннаго случая. Заключимъ, что съ этимъ обстоятельствомъ невозможно и бороться, не порождая въ народѣ такихъ недоразумѣній и неудовольствій, которыя далеко не въ интересахъ Церкви.

2. Переходя отъ принципіальныхъ взглядовъ и разсужденій и слѣдующихъ изъ нихъ выводовъ ближе къ настоящему дѣлу, къ указанію настроенія просителей и ихъ бытовой обстановки, мы должны были еще разъ повидаться съ ними и побесѣдовать съ каждымъ въ отдѣльности. Впечатлѣніе отъ всего видѣннаго и слышаннаго получилось слѣдующее:

1) *Захаровъ Иванъ.* У него трое дѣтей, послѣднему 6 мѣсяцевъ, человѣкъ бѣдный, имѣетъ одну лошадь, коровы нѣтъ. Старшихъ дѣтей крестилъ въ Ишеевѣ, а послѣдняго, по случаю распутицы, въ Марьинѣ. Говѣлъ и причащался въ Марьинѣ, по близости храма,—

что и побуждаетъ его желать приписки къ оному. Православіе не только не зазираетъ, но и почитаетъ, считая то и другое за едино. Но самъ и семейные молятся двуперстно, такъ издѣтства наученъ и такъ онъ и жена учили и своихъ дѣтей.

2) *Архиповъ Иванъ*. Имѣетъ 5 дѣтей, но изъ нихъ работниковъ нѣтъ ни одного. Хотя есть и лошадь и корова, но едва кормиться только можно. Желаетъ быть прихожаниномъ Марьинской церкви, потому что она близко. Вслѣдствіе близости, прошедшій годъ и говѣлъ въ Марьинѣ, тамъ же крестилъ и двоихъ послѣднихъ дѣтей, чему никто не препятствовалъ.

3) *Захаровъ Егоръ*. Женатъ, но безсемейный, живетъ „по среднему“. Вмѣстѣ съ нимъ живетъ его мать, единовѣрка. По близости храма и ему *удобнѣе* быть вмѣстѣ съ матерью.

4) *Зоринъ Александръ*. Былъ вдовъ и женился вторично на единовѣркѣ. Вѣнчался въ прав. церкви, но могъ вѣнчаться и въ единовѣрческой. Отъ первой жены двѣ дѣвочки, младшая, которой 6 лѣтъ, крещена была въ Марьинѣ. Думаетъ, что обѣ церкви (ишеевская и марьинская за-едино, а по женѣ онъ полагаетъ, что и можетъ, если пожелаетъ быть марьинскимъ прихожаниномъ [1]). Теперь стѣсняется только нести нѣкоторыя повинности на ишеевскую церковь, отъ которыхъ не освобождаютъ, — желая участвовать въ расходахъ на мѣстную марьинскую церковь. Потому и подписалъ прошеніе.

5) *Тимухинъ Кипріанъ*. Зажиточный. Какъ церковь въ Марьинѣ поставили, такъ и пересталъ ходить въ Ишеево. Шесть лѣтъ не говѣлъ. Отецъ и мать—старики, по болѣзни, причащались въ Марьинѣ. Относительно убѣжденій говоритъ сдержанно.

6) *Бурановъ, Осипъ Григорьевъ*. Бѣднякъ и многосемейный (8 чел. дѣтей), часто отлучается на заработки. Давно не говѣлъ; семейные же говѣли. Желаетъ, чтобы они были поближе къ церкви. Куда, при бѣдности, ходить за 4 версты?

7) *Игнатьевъ Филиппъ*. Имѣетъ жену и троихъ дѣтей. Бѣднякъ, никакой скотины нѣтъ. Года три назадъ говѣлъ въ Ишеевѣ. Жена и нынѣ говѣла, но въ Марьинѣ, дѣтей нельзя однихъ оставлять, ишеевскую церковь и священника почитаетъ, какъ и марьинскаго.

---

[1]) Предположеніе вѣрное, ибо при смѣшанныхъ бракахъ и вѣнчаться и дѣтей крестить можно и у единовѣрч. священника (п. 16 прав.).

8) *Скворцовъ Онисимъ Яковлевъ.* Многосемейный (6 чел. дѣтей), но живетъ еще сносно: есть лошадь и корова. Раньше былъ въ расколѣ и теперь придерживается старообрядчества. Дома молится „по началу“, утромъ и вечеромъ. „Желаемъ, желаемъ“, повторяетъ, „быть единовѣрцами“... да и церковь близко.

9) *Михайловъ Андрей.* Въ семействѣ жена, мать и двѣ сестры. Бѣдный, лошади нѣтъ, а только корова. Лѣтъ 5 не говѣлъ, хотя съ крестомъ священника принималъ и въ церковь ходилъ въ Марьино. Близко она, а Ишеево далеко, а лошади нѣтъ. Относительно убѣжденій сдержанъ.

10) *Антиповъ Андрей Васильевъ* (за себя и за отца Василья Антипова). Многосемейные (отецъ и мать Андрея и 6 чел. дѣтей), живутъ бѣдно, лошадь есть. Говѣли въ Марьинѣ, потому что церковь въ сосѣдствѣ съ ихъ домомъ. Какъ имъ не быть прихожанами къ своей церкви? Молятся по старому, но ишеевскую церковь почитаютъ. да и священникъ тамъ хорошій человѣкъ.

11) *Захаровъ Маркъ Дмитріевъ.* Бѣднякъ, хотя и бездѣтный. Причина просьбы—близость къ церкви. Православіемъ не гнушается. вѣдь церковь одна и спасеніе въ той и другой получить можно.

12) *Захаровъ Дмитрій.* Тоже бѣднякъ и 5 чел. дѣтей. Ишеево далеко, а своя церковь близко.

13) *Зорина Анна* (жена Сергѣя Зорина). Мужъ работаетъ въ Казани, у Алафузова, двое дѣтей и отецъ съ матерью. Живутъ бѣдно, лошади нѣтъ. Говѣла въ Марьинѣ, въ Ишеево же лѣтъ 14 не ходила, какъ церковь свою построили, за дальностію. Отецъ и сейчасъ старообрядецъ. Имъ сподручнѣе молиться въ нашей (единовѣрч.) церкви, отецъ не такъ сердится.

14) *Митягина Марія,*—хотя прошенія и не подписывала, но того же желаетъ. Вдова, бѣдная, имѣетъ малолѣтняго сына. Говѣла въ Марьинѣ, въ Ишеево не ходитъ за дальностію.

15) *Савельева Наталья.* Бѣдная. Два сына семейные, въ отлучкѣ, на работахъ. Ни лошади, ни коровы нѣтъ. Говѣла въ Марьинѣ, въ Ишеево ходить далеко. Жена сына Павла и теперь не могла придти, трое дѣтей малыхъ и больны. Послѣдній ребенокъ и крещенъ въ Марьинѣ.

16) *Солтыева Анна,*—хотя подъ прошеніемъ не подписывалась,

но о томъ же проситъ. Мужъ почти всегда въ Казани, дѣтей трое. Бѣдность одолѣваетъ, даже земли нѣтъ. „Куда пойдешь въ Ишеево? Какъ церковь почти подъ глазами поставили, такъ и хожу въ нее".

Судя по объясненіямъ просителей и нѣкоторыхъ другихъ, желающихъ перечислиться изъ ишеевскаго прихода къ марьинскому, картина выходитъ пестрая. Въ числѣ побужденій есть и бѣдность, и многосемейность, при отсутствіи рабочихъ силъ, и семейныя связи съ единовѣрцами и старообрядцами, и любовь къ извѣстному обряду (что консисторіи угодно было назвать отклоненіемъ въ сторону раскола), болѣе же всего близость храма, при желаніи и исканіи повинности нести на его поддержаніе. Но такое разнообразіе побужденій не есть противорѣчіе,—какъ то выражено въ опредѣленіи консисторіи,—а есть *именно* только разнообразіе, а въ общемъ совокупность мотивовъ, которой не съумѣли выразить просители, какъ должно, ни въ своемъ „Приговорѣ", ни въ своей апелляціи Св. Синоду. Во всякомъ же случаѣ нѣтъ ничего здѣсь похожаго на церковную смуту, не видится ничего демонстративнаго по отношенію къ православію. Остановимся нѣсколько на одномъ изъ мотивовъ, брошенномъ вскользь въ первомъ прошеніи или „приговорѣ", который и послужилъ основаніемъ для всего направленія дѣла, столь для просителей нежелательнаго,—именно на стремленіи къ излюбленному обряду. И ранѣе и при нашихъ объясненіяхъ мотивъ этотъ не только не выдвигался, но большинствомъ, можетъ быть, и намѣренно, скрывался и замалчивался. Но если это и такъ, если *его* имѣть въ виду, какъ главное, предполагаемое побужденіе, то и въ такомъ случаѣ отъ перечисленія просителей къ единовѣрческому храму никакого ущерба для церкви не будетъ. Станемъ даже и на точку зрѣнія консисторіи, что единовѣріе есть отклоненіе въ сторону раскола или, какъ говорятъ, „мостъ къ расколу"; то и въ такомъ случаѣ необъяснимо, почему они—просители желаютъ остановиться на этомъ мосту, а не идти прямо на чужой берегъ, что и прежде они могли сдѣлать безнаказанно, а теперь, въ силу Высочайшаго повелѣнія отъ 17 апр., и совсѣмъ свободно?... Если единовѣріе, какъ еще говорили (о. архим. Павелъ) есть больница для немощныхъ, то съ какой стати ложиться въ нее, по личному ощущенію, здоровому, въ тѣхъ лишь видахъ, чтобы потомъ не въ домъ возвратиться, а идти на улицу въ сугробы снѣга, въ непроглядную тьму? Не естественнѣе ли идти туда прямо

изъ дому?.. Ясно, что просители наши не тянутъ къ расколу. Да наконецъ, если предположить и послѣднее, то намъ-то и въ такомъ случаѣ весь интересъ задержать ихъ на мосту, плотно примыкающему къ нашему берегу, въ надеждѣ, что, остановившись на немъ и успокоившись, они не сдѣлаютъ рискованнаго шага удалиться на другой берегъ; не намъ своимъ отказомъ толкать ихъ туда. Мы остановились ad hominem, на послѣднемъ предполагаемомъ опасеніи въ настроеніи просителей, при подозрительномъ взглядѣ на единовѣріе. Сами же мы держимся болѣе всего того убѣжденія, что существованіе въ Марьинѣ храма и притягиваетъ къ нему православныхъ, около него живущихъ, *помимо всякихъ другихъ причинъ.*

Что убѣжденіе наше не безъосновательно, тому мы видимъ и наглядный примѣръ, который у всѣхъ тамъ на лицо. Въ то время, когда православные марьинцы хлопочутъ о припискѣ ихъ къ своему храму, единовѣрческому, единовѣрцы, живущіе въ Ишеевѣ, перечисляются къ мѣстному храму, православному. Изъ 15 единовѣрческихъ семействъ, оказавшихся при открытіи Марьинскаго прихода, теперь только 6 семействъ, — 9 семействъ перечислились уже къ своему приходу. Тамъ это перечисленіе произошло легко и просто, здѣсь оно соединено съ большими затрудненіями, которыя въ данномъ, по крайней мѣрѣ, случаѣ представляется необходимымъ устранить. Мы могли бы указать примѣры такой практики и въ другихъ епархіяхъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ строятся, или построены уже единовѣрческіе храмы. Но такъ какъ большинство подобныхъ случаевъ, болѣе или менѣе намъ извѣстныхъ, нами не провѣрены, то, естественно, неудобно перечислять ихъ полностію. Въ настоящее время мы имѣемъ подъ руками два дѣла Нижегородской дух. консисторіи (1899 г. № 212 и 1902 г. № 189). Изъ нихъ видно: 1) Въ дер. Евлашкѣ, Васильскаго у., Воротынской вол., построена единовѣрческая церковь. Между тѣмъ, подавляющее большинство жителей этой деревни православные, входящіе въ составъ Воротынскаго прихода, отстоящаго всего въ 3 верстахъ. 83 домохозяина означенной деревни, православные, просили перечислить ихъ къ своему единовѣрческому храму. Преосвященный Назарій, епископъ нижегородскій и арзамасскій, вслѣдствіе „настойчиваго ихъ домогательства присоединиться къ единовѣрію“, въ своемъ представленіи и заключеніи Св. Синоду призналъ необходимымъ удовлетворить ихъ же-

ланіе и Св. Синодъ, указомъ отъ 14 іюня 1905 года, № 5904, заключеніе преосвященнаго призналъ правильнымъ и утвердилъ. 2) Указанное нами выше выѣздновское дѣло, согласно представленію преосвященнаго, окончилось тѣмъ, что указомъ Св. Синода отъ 25 іюня того же года, № 6380 разрѣшено въ одной изъ приходскихъ деревень построить единовѣрческій храмъ и образовать при немъ особый единовѣрческій приходъ. Предположено построить означенный храмъ въ деревнѣ Келейниково, отстоящей въ одной верстѣ отъ с. Выѣзднаго, въ которой проживаютъ главные ходоки по этому дѣлу. Приходъ будетъ состоять изъ наличныхъ православныхъ, такъ какъ изъ прямыхъ старообрядцевъ никто не принималъ участія въ настоящемъ ходатайствѣ. Оба указанныя дѣла, восходившія на усмотрѣніе высшей церковной власти, далеко оставляютъ за собою наше дѣло, о которомъ говоримъ.

Въ заключеніе не можемъ обойти молчаніемъ примѣръ, оповѣщенный въ печати,—хотя касающійся частнаго только вопроса относительно единовѣрія, — возможности православному столь близко къ нему придвинуться, чтобы идти изъ его храма и на вѣчный покой и кости свои сложить въ его оградѣ. Извѣстный ратоборецъ противъ раскола и ревнитель православія, усерднѣйшій сынъ церкви святой, профессоръ-спеціалистъ, Н. Ив. Субботинъ отпѣтъ въ Никольскомъ единовѣрческомъ монастырѣ и погребенъ въ его оградѣ, рядомъ съ извѣстнымъ отцомъ Павломъ. И никто сему не воспрепятствовалъ, никто, сколько видится, противъ сего и не возражалъ. Это ли не показаніе лучшихъ людей нашего времени, что православіе и единовѣріе, дѣйствительно, едина церковь, одинъ путь ко спасенію?!.. Примѣръ весьма поучительный!.. А что было-бы, думается намъ по этому поводу, что если бы какой нибудь православный житель Марьина пожелалъ быть отпѣтымъ въ своемъ храмѣ и похороненнымъ на марьинскомъ единовѣрческомъ кладбищѣ, хотя бы ради того, чтобы близкіе и родные чаще могли навѣщать его могилу и помолиться на ней? Что тогда?..

Итакъ, сколько и какъ ни разсуждай, на какія точки зрѣнія ни становись, заключеніе получается одно, — въ пользу удовлетворенія и успокоенія просителей.

Профессоръ *Н. Ивановскій.*

По сектовѣдѣнію.

Обличеніе лжеученія хлыстовской секты [1]).

II.

Разсудимъ теперь о томъ,—почему и въ какомъ смыслѣ, согласно слову Писанія, мы можемъ называться „дѣтьми Божіими"?

Мы, православные христіане,—молимся по заповѣди Христовой: „Отче нашъ!" (Матѳ. 6, 9) и тѣмъ называемъ Бога, „сущаго на небесахъ",—Отцемъ нашимъ. Ибо Господь „тѣмъ, которые приняли Его, далъ власть быть чадами Божіими, которые не отъ крови, не отъ хотѣнія мужа, но отъ Бога родились" (Іоан. 1, 12—13).

Когда человѣкъ рождается отъ Бога?—Въ св. таинствѣ крещенія. „Если кто не родился отъ воды и Духа, не можетъ войти въ царствіе Божіе" (Іоанна 3, 5; ср. ст. 3).

Человѣкъ, рожденный отъ Бога, творитъ добрыя дѣла. „Кто будетъ исполнять волю Отца Моего Небеснаго, тотъ Мнѣ братъ, и сестра, и мать", сказалъ Г. І. Христосъ; и указавъ рукою на учениковъ Своихъ, сказалъ: „вотъ матерь Моя и братья Мои", (Матѳ. 12, 49—50).

По плоти вѣрующіе суть дѣти Адама, во Христѣ они—дѣти Божіи (1 Кор. 15, 45—49). „Когда пришла полнота временъ, Богъ послалъ Сына Своего (Единороднаго), Который родился отъ жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконныхъ, дабы намъ получить усыновленіе. А какъ вы сыны, то Богъ послалъ въ сердца ваши Духа Сына Своего, вопіющаго: Авва, Отче! Посему ты уже не рабъ, но сынъ, а если сынъ, то и на-

1) См. «Мисс. Обозр.» 1906 № 2.

слѣдникъ Божій чрезъ Іисуса Христа" (Гал. 4, 4—7). „Ибо кого Онъ предузналъ, тѣмъ и предопредѣлилъ быть подобными образу Сына Своего, дабы Онъ былъ первороднымъ между многими братіями" (Римл. 8, 29).

Люди созданы Богомъ по Его образу и подобію (Быт. 1, 26—27),—въ нихъ живетъ печать, искра Божія; но—по тѣлесной природѣ, какъ дѣти падшаго Адама, они всѣ „чада гнѣва" и всегда имѣютъ остатки грѣха (1 Іоанна 1, 8). Св. пророкъ, царь Давидъ, сказалъ: „Богъ сталъ въ сонмѣ боговъ; среди боговъ произнесъ судъ: доколѣ будете вы судить неправедно и оказывать лицепріятіе нечестивымъ?.. Я сказалъ: „вы—боги, и Сыны Всевышняго всѣ вы; но вы умрете, какъ человѣки, и падете, какъ всякій изъ князей" (Псаломъ 81, 1—2. 6—7). Эти слова означаютъ, что хотя въ людяхъ есть образъ Божій, но люди затмили его своей грѣховностью. Возмездіе за грѣхъ—смерть (Римл. 6, 23), поэтому всѣ мы при жизни на землѣ носимъ „смертное тѣло" (12).

Во Христѣ мы—дѣти Божіи по благодати Духа Его, но оправданіе и увѣнчаніе праведные изъ насъ получатъ только по смерти: „когда Онъ пріидетъ прославиться во святыхъ Своихъ и явиться дивнымъ во всѣхъ вѣровавшихъ" (2 Ѳессал. 1, 10)—тогда праведные получатъ отраду (7) и вѣнецъ правды (2 Тим. 4, 8).

Если бы люди не имѣли слѣдствій грѣха на землѣ, они не умирали бы. Полнаго, окончательнаго суда и оправданія нѣтъ для человѣка на землѣ, и мы можемъ только надѣяться на полученіе его послѣ смерти. „Возлюбленные! мы теперь дѣти Божіи, но еще не открылось, что будемъ. Знаемъ только, что, когда откроется, будемъ подобны Ему, потому что увидимъ Его, какъ Онъ есть" (1 Іоанна 3, 2). А теперь „мы сами, имѣя начатокъ Духа, стенаемъ, ожидая усыновленія, искупленія тѣла нашего, ибо мы спасены въ надеждѣ. Надежда же, когда кто видитъ, не есть надежда, ибо если кто видитъ, то чего ему и надѣяться? Но когда надѣемся того, чего не видимъ, тогда ожидаемъ въ терпѣніи" (Римл. 8, 23—25).

Итакъ, Единородный Сынъ Божій, ставшій по великой любви Своей первороднымъ между многими братіями,—Богъ; вѣрующіе въ Него, дѣти небеснаго Отца по благодати Божіей,—суть смертные люди: усыновленіе ихъ Богу вполнѣ еще не совершилось; мы надѣемся на усыновленіе, но его не видимъ—по слову Писанія. Поэтому, покланяться людямъ (что дѣлаютъ тайно сектанты), хотя бы и праведнымъ, при жизни ихъ, и покланяться имъ,

какъ Божеству, нельзя. Это запрещено апостолами: Корнилій поклонился Ап. Петру, какъ божеству, и Апостолъ запретилъ это, сказавъ: „встань, я тоже человѣкъ“ (Дѣянія 10, 25—26); тоже самое сдѣлали апостолы Павелъ и Варнава во время пребыванія ихъ въ городѣ Листрѣ (Дѣянія 14, 11—15).

Въ сердцѣ человѣка христіанина—Христосъ; въ немъ же—и Духъ Божій, Духъ Христовъ. „Не знаете ли, что тѣла ваши суть храмъ живущаго въ васъ Духа, Котораго имѣете вы отъ Бога“ (1 Кор. 6, 19). „Развѣ вы не знаете, что вы—храмъ Божій и Духъ Божій живетъ въ васъ?“ (3, 16).

Въ апостольскія времена присутствіе Духа Божія въ людяхъ выражалось въ пророчествахъ, въ способности говорить на иныхъ языкахъ (Дѣяній 2, 4. 1 Кор. 12, 9—10). Говорятъ: почему этихъ даровъ Духа мы не видимъ во всѣхъ христіанахъ теперь?

Отвѣтъ на это данъ св. Апостоломъ Павломъ, который предсказалъ: „любовь никогда не перестаетъ, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ и знаніе упразднится“ (1 Кор. 13, 8). Такъ и нынѣ: сила Духа Божія, главнымъ образомъ, дѣйствуетъ въ любви, а пророчества сократились и дары языковъ умолкли.

Если сказано, что всякій человѣкъ грѣховенъ (1 Іоанна 1, 8), какъ въ немъ можетъ имѣть обитаніе Духъ Божій: „какое общеніе праведности съ беззаконіемъ? Что общаго у свѣта со тьмою? Какое согласіе между Христомъ и Веліаромъ?“ (1 Кор. 6, 14—15).

Нужно различать грѣхъ, какъ проявленіе злой, непокорной воли человѣка и грѣхи немощи, слабости воли, въ корнѣ не отвергнется Бога, но стремящейся къ Нему. Если человѣкъ намѣренно идетъ по пути грѣха, соуслаждается ему (Ис. 5, 12) и противится Богу, Духъ Божій не обитаетъ въ немъ. Но, если человѣкъ, при всей своей духовной немощи, отворяетъ дверь Христу, стучащему въ его сердце, то и Духъ Божій можетъ обитать въ смертномъ тѣлѣ его: „сокровище сіе мы носимъ въ глиняныхъ сосудахъ, чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не намъ“ (2 Кор. 4, 7). „И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма не объяла его“ (Іоанна 1, 5).

„Когда умножился грѣхъ, стала преизбыточествовать благодать“. „Что же скажемъ? оставаться ли намъ во грѣхѣ, чтобы умножилась благодать? Никакъ. Мы умерли для грѣха: какъ же намъ жить въ немъ?“ (Римл. 5, 20. 6, 1—2). „Всякій рожденный отъ Бога не дѣлаетъ грѣха, потому что сѣмя Его пребываетъ

въ немъ и онъ не можетъ грѣшить, потому что рожденъ отъ Бога" (1 Іоанна 3, 8—9).

И—при этомъ—„не тотъ достоинъ, кто самъ себя хвалитъ, но кого хвалитъ Господь". (2 Кор. 10, 18).

Мы грѣшны предъ Богомъ, оправдываемся предъ Нимъ по Его великой милости чрезъ Іисуса Христа, распятаго за насъ, но да избавитъ насъ Господь отъ всякаго грѣха!

Что означаетъ слово Писанія: „Христосъ въ васъ"?

„Всѣ мы, во Христа крестившіеся, во Христа облеклись" (Гал. 3, 27). Въ Церкви Господь поставилъ руководителями для насъ пророковъ, апостоловъ, пастырей и учителей, доколѣ всѣ мы возрастемъ „въ мѣру возраста Христова" (Еф. 4, 13). „Подражайте мнѣ, какъ я Христу" (1 Кор. 4, 16. 11, 1), говорилъ св. Ап. Павелъ. „Дѣти мои, для которыхъ я снова въ мукахъ рожденія, доколѣ не изобразится въ васъ Христосъ" (Гал. 4, 19).

Облечься во Христа значитъ—стараться подражать Ему, быть кроткимъ и смиреннымъ, носить Его благое и легкое бремя на себѣ (Матѳ. 11, 28—30).

„Се стою у двери и стучу; если кто услышитъ голосъ Мой и отворитъ дверь, войду къ нему и буду вечерять съ нимъ, и онъ со Мною" (Откр. 3, 20).

„Кто любитъ Меня, тотъ соблюдетъ слово Мое; и Отецъ Мой возлюбитъ Его, и мы придемъ къ нему и обитель у него сотворимъ" (Іоанна 14, 23).

Господь обитаетъ въ сердцѣ любящаго Бога и вѣрующаго въ Него человѣка. По толкованію святыхъ отцовъ, понять это можно чрезъ слѣдующіе примѣры. Какъ солнце, оставаясь въ небѣ, лучами своими входитъ въ каплю воды, сверкающую въ травѣ, и отражается въ водѣ, какъ огонь проникаетъ желѣзо въ горнѣ: такъ и Богъ Своею благодатію, Духомъ Своимъ, живетъ въ сердцахъ вѣрующихъ. Вода отражаетъ подобіе солнца, но она не солнце. Желѣзо въ горнѣ проникается огнемъ, но не смѣшивается съ нимъ. Такъ и вѣрующій и любящій Бога человѣкъ уподобляется Богу, но не отожествляется съ нимъ, не дѣлается Богомъ.

„Если Христосъ въ васъ, то тѣло мертво для грѣха, духъ живъ для праведности" (Римл. 8, 10), говоритъ св. Ап. Павелъ. Въ христіанинѣ, который носитъ Христа въ сердцѣ своемъ, тѣло мертво, т. е. не дѣлаетъ грѣха, духъ же живъ для добрыхъ дѣлъ: для грѣха праведный долженъ быть, какъ мертвецъ, онъ долженъ жить только для добра.

Богъ указалъ человѣку путь быть подобнымъ Ему: „будьте святы, потому что Я святъ“ (Лев. 19, 2. 1 Петра 1, 16); „будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный“ (Мѳ. 5, 48). Богъ, по великой своей благости и любви къ человѣку, воплотился и тѣмъ далъ человѣку возможность итти по пути къ совершенству, или, по выраженію святыхъ отцовъ Церкви, Богъ въ воплощеніи „снизошелъ до насъ, чтобы возвести насъ до Себя“.

Уподобляясь Христу, человѣкъ не долженъ превозноситься своей добродѣтелью, ставить ее на видъ. Спаситель поучаетъ Своихъ послѣдователей: „когда исполните все повелѣнное вамъ, говорите: мы рабы ничего не стоющіе, потому что сдѣлали, что должны были сдѣлать“ (Луки 17, 10).

А что, если человѣкъ ложно самъ себя будетъ называть богомъ (какъ дѣлаютъ нѣкоторые сектанты)?

Діаволъ, когда искушалъ Еву, сказалъ ей: „въ день, въ который вы вкусите ихъ (т. е. плоды древа, съ котораго Богъ запретилъ вкушать), откроются глаза ваши и вы будете, какъ боги, знающіе добро и зло“ (Быт. 3, 5). Ева послушалась и тяжко согрѣшила. Такъ и всякій человѣкъ, если онъ помыслитъ, что въ немъ есть что либо отъ Бога, а самъ грѣшитъ, то этотъ человѣкъ тонетъ въ тьмѣ гордости и идетъ по пути діавола. Діаволъ хотѣлъ, не покоряясь Богу, быть равнымъ Ему и сталъ отцомъ лжи, человѣкоубійцею. Такъ и люди, которые называютъ себя святыми, или „богами“ а дѣлаютъ злое,—такіе суть дѣти лжи и зла. (ср. Ис. 65; 2—6).

Вотъ, положимъ, какой либо человѣкъ называетъ себя святымъ, или пророкомъ—какъ узнать его?

„Берегитесь лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные: по плодамъ ихъ узнаете ихъ! Собираютъ ли съ терновника виноградъ, или съ репейника смоквы? Такъ всякое дерево доброе приноситъ и плоды добрые, а худое дерево приноситъ и плоды худые“... „Итакъ, по плодамъ ихъ узнаютъ ихъ“ (Матѳ. 7, 15—20). Хотя называющій себя пророкомъ ведетъ себя снаружи и тихо, кажется овцой, однако нужно посмотрѣть на плоды его ученія: если плоды его т. е. дѣла, которыя выходятъ изъ его ученія, скверны, значитъ, и человѣкъ тотъ лжепророкъ, волкъ—внутри, и нужно избѣгать его.

Служители діавола, ложные пророки, любятъ иногда казаться кроткими снаружи. „Ибо таковые лжеапостолы, лукавые дѣлатели, принимаютъ видъ Апостоловъ Христовыхъ. И не удиви-

тельно: потому что самъ сатана принимаетъ видъ Ангела свѣта; а потому не великое дѣло, если и служители его принимаютъ видъ служителей правды; но конецъ ихъ будетъ по дѣламъ ихъ“ (2 Кор. 11, 13—15). Лжепророки скрываютъ свои злыя дѣла, но не могутъ скрыть ихъ. „Грѣхи нѣкоторыхъ людей явны и прямо ведутъ къ осужденію, а нѣкоторыхъ открываются впослѣдствіи. Равнымъ образомъ и добрыя дѣла явны; а если и не таковы, скрываться не могутъ“ (1 Тимоѳ. 5, 24—25).

„Дѣти Божіи и дѣти діавола узнаются такъ: всякій, не дѣлающій правды, не есть отъ Бога; равно и не любящій брата своего“ (1 I. 3, 10).

Изъ указанныхъ мѣстъ св. Писанія мы видимъ, что „дѣти Божіи“, истинно вѣрующіе, познаются по добрымъ дѣламъ, а тѣ, которые содержали ученіе, плодами коего бываютъ злыя дѣла, суть лжеапостолы, лукавые дѣлатели, дѣти діавола.

Не нужно вѣрить сразу новому, еще неиспытанному ученію: нужно сначала узнать о немъ, нѣтъ ли въ немъ вреда, погибели? Неосмотрительный и довѣрчивый человѣкъ легко можетъ погибнуть во льсти лжеученія. Необходимо для насъ всегда просить Бога: „не введи насъ во искушеніе, но избавь насъ отъ лукаваго!“

Д. Граціанскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Духовныя пѣсни скопцовъ Курской епархіи [1]).

II.

Пѣсни вѣроучительныя.

До сихъ поръ мы приводили пѣсни, по преимуществу, посвященныя выясненію нравственныхъ скопческихъ правилъ добродѣтельной жизни. Теперь нашему разсмотрѣнію подлежатъ пѣсни, преобладающимъ содержаніемъ которыхъ служатъ истины сектантской вѣры.

Какъ въ системѣ нравственнаго ученія сектантовъ различныя нравственныя истины исходятъ изъ общаго отрицательнаго взгляда на міръ, какъ на совокупность одного только зла, такъ и въ системѣ скопческаго вѣроученія всѣ истины сектантовъ исходятъ изъ одного главнаго источника—изъ основного ученія объ Искупителѣ и совершенномъ Имъ дѣлѣ искупленія. Вотъ почему всѣ пѣсни, относящіеся къ уясненію вѣры, группируются вокругъ этого ученія, какъ около главной и основной своей темы. Почти всѣ онѣ прославляютъ Искупителя и его дѣло. Имена—Батюшка, Царь, Свѣтъ, Орелъ бѣлый, Красное Солнушко, Агнецъ, Отецъ—эти постоянные эпитеты Искупителя, постоянно пестрятъ въ пѣсняхъ—и мы по необходимости, чтобы облегчить пониманіе текста пѣсенъ, должны изложить, хотя вкратцѣ, указанный сектантскій догматъ.

Іисусъ Христосъ, учатъ скопцы, приходилъ въ міръ только затѣмъ, чтобы научить людей оскопленію, чрезъ то освободить ихъ отъ плотской жизни и открыть имъ путь къ святости и чистотѣ. Пришедши въ міръ, Христосъ Самъ принялъ оскопленіе отъ Іоанна Крестителя, оскопилъ потомъ на тайной вечери Своихъ учениковъ и всю Свою жизнь только и училъ соблюденію заповѣди объ оскопленіи. Въ этомъ—все Его дѣло.

---

[1]) См. „Мисс. Обозр.“ февраль 1906 г.

Явившись въ первый разъ въ смиренномъ и уничиженномъ видѣ, Христосъ Искупитель обѣщалъ придти на землю вторично. И вотъ, когда люди стали забывать Его ученіе и стали предаваться „лѣности“, Онъ явился вторично, въ лицѣ нѣкоего Кондратія Селиванова, который есть тотъ же Христосъ, второй Сынъ Божій. На этотъ разъ Искупитель пришелъ въ царскомъ величіи, ибо Селивановъ не кто другой, какъ Императоръ Петръ Ѳеодоровичъ III-й, потому и въ пѣсняхъ онъ величается Царемъ и Государемъ.

Но какъ первый Христосъ за свою проповѣдь объ оскопленіи подвергся гоненію со стороны невѣрующихъ іудеевъ, такъ и второй Христосъ искупитель Селивановъ претерпѣлъ тѣ же „страды“, былъ битъ и мучимъ, за наученіе людей оскопленію, отъ невѣрныхъ жидовъ и послѣ мученій въ Тулѣ и Моршѣ (Мордовскѣ) былъ сосланъ въ Иркутскую страну.

Однако, страды его—только временныя. Когда число скопцовъ достигнетъ 144 тысячъ—числа указаннаго въ Откровеніи (14, 1—4), тогда Искупитель снова „прикатитъ“ въ Россію и здѣсь, въ Москвѣ, совершитъ свой страшный судъ надъ міромъ, смиритъ русскаго царя и весь его „синодъ“, самъ возьметъ скипетръ и державу и воцарится въ обновленной Россіи.

Онъ дастъ тогда своимъ дѣтушкамъ счастье, миръ и покой, а невѣрныхъ накажетъ вѣчными муками.

Всѣ указанныя положенія скопческаго ученія объ Искупителѣ находятъ себѣ ясное и полное выраженіе въ подлежащихъ нашему обзору пѣсняхъ. Рожденіе Искупителя, Его страды, Его будущее пришествіе судъ и Его будущее славное царствованіе описываются въ пѣсняхъ съ самыми тщательными подробностями

1) Батюшка искупитель есть второй Сынъ Божій, второй Христосъ. Онъ жилъ на землѣ, претерпѣлъ муки въ Тулѣ. Онъ училъ людей отвращаться отъ лѣности, возвѣстилъ имъ царствіе, далъ радость и утѣху и освободивъ людей отъ плотскаго грѣха, далъ имъ сладкій источникъ несказаннаго блаженства. Онъ—истинный свѣтъ и солнце.

Второй Сынъ Божій былъ,
Дѣла свои повторилъ,
Въ Тулѣ былъ мучимъ, гонимъ.
Истинный Свѣтъ пребывалъ,
По сырой землѣ каталъ
Всю вселенну освѣщалъ.
Какъ во прежнее было время,
Красное солнышко свѣтило,
Высоко оно всходило,

Лучи свои простирало,
Во всю землю свѣтъ давало,
Всякое сердце просвѣщало,
Отъ лѣности отвращало,
А царствіе возвѣщало.
То нашъ Батюшка Родимый
Источникъ далъ намъ сладимый.
Мы къ нему, Свѣту, сходились,
Въ немъ утѣху находили,
Всѣ въ радости пребывали,
Сердца свои обмывали
Его сладкою рѣкою,
Всѣ сосуды наполняли.
Быстрота изъ устъ сремилась,
Во сердца наши вселилась
Наше сердіце распалилось,
Головушка приклонилась,
Отдавалась во власть Божью.

2) Сей искупитель есть истинный Богъ—Богъ Промыслитель и Вседержитель. Небо, земля и вся вселенная—все держится его рукою. Цари получаютъ отъ него власть. И хотя на землѣ люди гнали искупителя, но онъ подаетъ имъ свои милости.

На органахъ на духовныхъ
Нашу радость запоемъ,
Безпрестанно въ любви чистой
Сей день праздновать начнемъ.
Богъ Отецъ, Создатель міра,
Излилъ милость намъ Свою,
Послалъ Сына Богослова
Избавить отъ смерти насъ.
Побѣждаетъ естество
Человѣческое все.
Богъ во плоть нашу облекся,
Ради насъ Онъ и родился,
Человѣкомъ Богъ родился,
Чтобы сдѣлать насъ святыми.
удемъ мы имъ наполнены,
Съ нимъ во вѣки пребывать.
Когда кончимъ путь сей узкій,
Придемъ въ вѣчный упокой.
О премудрость невѣдома,
Глубина непостижима!
Ни одинъ высокій въ мірѣ
Не можетъ тебя понять.
Ты есть камень укрѣпленья
Для всѣхъ гордыихъ умовъ.
Только знаютъ Тебя свѣта
Сердцемъ простыя души—

Любовь, вѣра, простота,
Смиренье, чистота,
Коимъ можно только видѣть
Свѣтъ младенецъ нашъ тебя.
Ты владычною рукою
Всю вселенну держишь.
Въ твоей власти, искупитель,
Небо, и земля, и тварь.
Про тебя батюшку не знаютъ,
Хотя всѣ тобой живутъ.
Ты презрѣнъ, свѣтъ, умаленъ
Отъ іудеевъ на землѣ.
Ты даешь всѣмъ имъ пищу
Ты порядокъ ихъ хранишь.
Всѣ державы тобой крѣпки,
Ибо Ты имъ власть даешь.
Хотя они тебя гонятъ
Какъ злодѣя на землѣ,
Ты, нашъ агнецъ незлобивый,
Терпишь всякое ихъ зло.
За зло ты ихъ благословляешь
И покоемъ награждаешь,
Власть имъ крѣпче управляешь
И во всемъ успѣхъ даешь.

3) Рожденіе искупителя было чудесное. Мать пресвятая богородица породила его, „скативши“ со седьмаго неба. Она обрядила его въ дорогія бѣлыя ризы, осыпала жемчугомъ, бисеромъ, золотомъ и серебромъ, посадила на добраго коня и на вервіяхъ спустила на землю, умоляя его явиться къ вѣрнымъ.

Матушка родная
Со седьма неба скатила,
Изъ-за облакъ окомъ зрила,
Своего сына породила,
Хорошо его урядила,
Ризы бѣлыя надѣвала.
Она золотомъ золотила,
Она серебромъ серебрила,
Крупнымъ жемчугомъ низала,
Мелкимъ бисеромъ усыпала,
На добра коня сажала,
На вервіяхъ съ неба спускала,
Большой колоколъ прозвонила,
По всей землѣ слухъ пустила,
Своего сына упросила:
Сынъ мой, умилися,
По всей землѣ покатися,
Своимъ вѣрнымъ появися.
Государь батюшка умилился,

По всей землѣ покатился,
Къ своимъ вѣрнымъ появился,
Ко избраннымъ Онъ открылся.
Онъ сталъ жаловать, дарить,
Дары вѣрнымъ разносить—
Кому пѣнье, кому чтенье;
Кому вѣру и радѣнье,
Кому сердца разсужденье,
Кому кротость и смиренье,
Кому совѣтъ духовный,
Кому крылья херувимски,
Кому кони колесницы,
Кому огненны языцы.
За кѣмъ гонцы,
Тому вѣнцы.
За Его, Свѣта, страданья
Благодати съ неба подаянье.

4) Съ особенной нѣжностью изображаются въ пѣсняхъ страданія Искупителя.

Батюшка-Искупитель претерпѣлъ тѣ самыя муки, какія и переносилъ Іисусъ Христосъ, и Его страданія должны быть одушевляющимъ примѣромъ къ терпѣнію и безропотному перенесенію житейскихъ бѣдствій:

Терпите, сиротинушки, вы гонимыя.
Несите распятый крестъ вы съ любовію.
Надѣйтесь, дѣтушки, на Своего Отца.
Страдателя Батюшку, Вышняго Творца.
Не покинетъ Батюшка никого изъ васъ,
Всегда Онъ помощникъ, вездѣ подлѣ насъ.
Подумайте, дѣтушки, какъ Онъ Самъ страдалъ,
Оставлялъ прискорбный путь въ знакъ памяти.
Пойдемъ по дороженькѣ Его чистой,
Вслѣдъ которой нашъ Батюшка шелъ, истинный Свѣтъ.
Взяли Отца нашего невѣрны жиды,
Повели во допросъ Его безо всякой вины.
Безъ отвѣту Батюшка вмѣстѣ съ ними шелъ,
Шелъ, какъ сиротушка, будто силы нѣтъ.
Смотрѣлъ на всѣхъ жалобно,
А самъ воздохнулъ.
Несетъ Онъ тяжелый крестъ
На Валгоръ-гору.
Осудили Батюшку на распятіе,
Сняли со Страдателя ризы свѣтлыя.
Бросили тутъ жребій, кому ризы взять.
Съ креста смотрѣлъ Батюшка,
А самъ воздохнулъ.

Пожелалъ Страдателъ нашъ уста промочить.
Жиды Ему подали чашу съ желчію.
Не принялъ Страдалецъ нашъ,
А самъ воздохнулъ.

5) Въ другой пѣснѣ повѣствуется о тѣхъ бичеваніяхъ и истязаніяхъ, какія претерпѣлъ искупитель Селивановъ въ Тулѣ и Моршанскѣ отъ арестовавшихъ его властей.

Послушайте вы, любезные,
Сына Божія мученья,
Какъ страдалъ онъ на крестѣ,
Его мучили вездѣ,
Какъ сидѣлъ онъ на томъ стулѣ,
Отвѣчалъ онъ прежде въ Тулѣ.
Наказали его въ Моршѣ
Пречистыя его мощи.
Пилатъ билъ его бичемъ
По могучимъ по плечамъ.
Его били до руды (до крови)
Не жалѣлъ свои труды,
Задалъ просьбу онъ туда,
Во вышніи небеса,
Не жалѣлъ онъ тѣлеса.
Потекли кровью потоки,
Запѣли о немъ пророки
Про его свѣта страды,
Полилъ кровью онъ сады.
Запечатались уста
У Іисуса у Христа.
Съ неба ангелы слетали,
Его манною питали,
Причастьицемъ причастили,
Всѣмъ праведнымъ возвѣстили,
Про отца вѣрнымъ сказали,
Они скоро подбѣжали
Іудеевъ упрошали,
Его казной откупили,
За Іисуса заступили.

6) Но страданія искупителя, это—только путь къ будущей его славѣ. Въ одной пѣснѣ искупитель увѣщеваетъ дѣтушекъ, чтобы они не соблазнялись его мученіями, но твердо берегли его ученіе и завѣты и не уклонялись бы на распутія міра. Муки его временныя. Придетъ скоро времячко, когда онъ „прикатитъ“ въ Россію, соорудитъ здѣсь царскій престолъ, соберетъ всѣхъ вѣрныхъ дѣтушекъ и ублажитъ ихъ блаженствами.

Проглаголовалъ Іисусъ
Изъ пречистыхъ своихъ устъ:

Пойдите други вы въ соборъ,
Просите въ небѣ вы Творца,
Умолите и Отца.
Обо всемъ я вамъ прорекъ,
На страды васъ поберегъ.
Хоть приму за васъ мученья,
Не забудьте вы ученье,
Всѣ мои вы словеса,
Не уклоняйтесь во лѣса,
Ждите отъ Бога чудеса.
Я дождуся того время,
Когда Господь посѣетъ сѣмя.
Прикачуся я въ Рассею,
Всѣ полянушки посѣю,
Долинушки украшу,
У Бога милости попрошу,
Со грѣхомъ васъ развяжу,
Чистый слѣдъ вамъ укажу,
Всѣхъ утѣшу, ублажу,
Престолъ Божій сооружу.

7) Въ этомъ будущемъ царствѣ искупителя измѣнится вся жизнь; все будетъ по новому, будутъ новыя книги, и для всѣхъ будетъ одна вѣра и одинъ законъ.

Ужъ и въ ту пору, да и въ то время
Что сойдутъ чудеса съ неба на землю.
Перемѣнитъ Богъ всю жизнь явную,
По закону вѣра установится,
Вотъ глаголъ идетъ съ неба на землю,
Чтобы всѣ въ жизни опасалися.
Ужъ Аминь Царю небесному,
Сокровищу прелюбезному.

8) То будетъ царство любви, кротости и мира, счастливое время соцарствованія съ Богомъ. Но наступленію его будутъ предшествовать страшныя знаменія въ мірѣ и людяхъ. Будутъ мятежи, возстанія, войны, убійства и вообще крайнее умноженіе зла. И только тогда, когда чаша беззаконій наполнится, и люди сознаютъ зло, обратятся къ покаянію, и будутъ искать обновленной жизни,—только тогда откроется незлобивый Агнецъ Искупитель и явитъ свое славное царствованіе.

Вотъ проходитъ, други, время,
Наступаетъ скорый часъ,
Ужъ какъ ты, смиренный Агнецъ,
Укатишь, свѣтъ, отъ насъ.
Протекутъ тогда рѣки
Кровавыя на землѣ,

Застонутъ всѣ въ это время,
Станутъ смерти всѣ искать.
Страхъ и ужасъ тогда станетъ
И во всѣхъ тогда странахъ
Возмятутся, потрясутся
Всѣ народы дочиста.
Убивать другъ друга будутъ,
И не будетъ мира въ нихъ.
Тогда всяко зло прольется
Живущимъ на землѣ,
Тогда всѣ нужду узнаютъ,
Своимъ сердцемъ обратятся.
И станутъ искать Его,—
Незлобивый кроткій Агнецъ
Откроется имъ тогда;
Блаженное Свое царство
Утвердитъ онъ на землѣ.
Возмутятся силенъ, связанъ
Всегда будетъ Онъ вездѣ.
Духъ кротости и любви
Прольется во всѣ концы,
Животворной своей силой
Оживитъ мертвымъ сердца.
Любовь чистая Христова
Всѣми будетъ управлять,
Укротится ярость гнѣва
И миръ будетъ почивать.
О, счастливые мы люди,
Кѣмъ мы созданы сюда!
Прежде общаго всѣмъ царства
Мы царствуемъ теперь.
Самимъ Богомъ мы созданы
Видѣть тайныя дѣла:
Какъ присутствуетъ въ семъ родѣ
Воплощенный Божій Сынъ,
Какъ живой безсмертный Агнецъ
Закалался Свѣтъ за насъ.
Самовидцы тайные,
Всѣ братцы и сестрицы,
Соберемся вмѣстѣ всѣ,
Братцы милые, друзья.
Соединимся въ одно сердце
И въ единую душу.
Про земное позабудемъ,
Въ любви чистой, въ вѣрѣ будемъ.

Священникъ *В. Шевалеевскій.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

Надгробныя надписи субботниковъ и молоканъ с. Разсказова Тамбовскаго уѣзда [1]).

Въ надгробныхъ памятникахъ и особенно въ надписяхъ на нихъ такъ или иначе сказывается религіозное міровоззрѣніе народа. Мусульмане, напр., выражаютъ въ надписяхъ свой строгій монотеизмъ, вѣру Магомета, какъ послѣдняго пророка Божія и какъ ходатая за нихъ на всеобщемъ судѣ; православные христіане—свою вѣру въ Единаго Бога, Троичнаго въ лицахъ, свою надежду на будущее воскресеніе, свою увѣренность въ помощи молитвъ св. церкви.

Мы намѣрены предложить вниманію участниковъ 3-го миссіонерскаго съѣзда Тамбовской епархіи нѣсколько надгробныхъ надписей субботниковъ и молоканъ перваго въ епархіи по численности сектантовъ села Разсказова. Мы полагаемъ, что надгробныя надписи нашихъ сектантовъ могутъ оказать не малую услугу всякому цѣятелю миссіи. Можетъ быть, онѣ прольютъ хоть небольшой лучъ свѣта, необходимаго для всесторонняго пониманія сектантства. Одинъ проф. Московской духовной академіи высказалъ однажды такую мысль: „у насъ не изучены даже вѣрованія собственныхъ инородцевъ“. Отъ себя мы прибавили бы: и далеко не всѣхъ русскихъ сектантовъ. Имѣя сказанное въ виду, мы и ставимъ вопросъ: если въ надгробныхъ памятникахъ страны вообще выражаются религіозныя убѣжденія, то весьма важно знать, дѣйствительно-ли въ надгробныхъ надписяхъ нашихъ сектантовъ, въ частности субботниковъ и молоканъ, выражаются ихъ религіозныя міровоззрѣнія?

У сектантовъ, именующихъ себя *субботниками* или жидовствующими, т. е., тѣхъ, которые не признаютъ Троичности лицъ въ Богѣ, Іисуса Христа не считаютъ за Сына Божія и Бога, вѣруютъ только въ Ветхій Завѣтъ,—мы видѣли слѣдующія надгробныя надписи:

---

[1]) Изъ доклада 3-му миссіонерскому съѣзду Тамбовской епархіи.

1) „Господи, Боже Израилевъ! Упокой младенца Исаака. Здѣсь покоится прахъ младенца С., жизни его 1 г. 1 м. Миръ праху его!“

2) „Благословенъ Богъ, благословенно имя Его!“

3) „Въ десницѣ Всемогущаго Бога Израилева находятся всѣ души сыновъ человѣческихъ. Здѣсь покоится тѣло М., скончался тогда-то, жизни его было столько-то“.—Надпись эта сдѣлана славянскимъ шрифтомъ. Должно сказать, что эта послѣдняя надпись самая употребительная у субботниковъ. Она видоизмѣняется иногда такъ:

„Во всемогущей десницѣ Бога Израилева находятся души человѣческія“; варіація: „покоятся“ всѣ души сыновъ человѣческихъ; или: „въ десницѣ все могущество Бога Израилева“.

4) „Господи, Всемогущій Боже Израилевъ! не суди меня по дѣламъ моимъ, а суди по милосердію Своему“. Иногда послѣднія слова относительно суда присоединяются къ словамъ: „Въ десницѣ Всемогущаго Бога“...

5) „Господи, да на яростію Твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ Твоимъ накажеши мене“.—Какъ видно, слова эти взяты изъ 37 псалма, стихъ 2-й или изъ 6 пс. тоже стихъ 2-й. Цитаты въ надписи нѣтъ.

6) „Грѣхъ юности моея и невѣдѣнія моего не помяни: по милости Твоей помяни мя Ты, ради благости Твоея, Господи“.—Эти слова взяты изъ 24 псалма, ст. 7. Но указанія на это опять нѣтъ. Послѣднія двѣ надписи свидѣтельствуютъ, что субботники пользуются славянскимъ языкомъ. А извѣстно, что они въ обычно пользуются библіей вѣнскаго изданія—на русскомъ языкѣ или виленскаго на еврейскомъ и русскомъ.

7) „Боже любвеобильный! Упокой подъ крыломъ величія Твоего среди святыхъ и пречистыхъ, озаренныхъ свѣтомъ небеснымъ, душу отошедшей въ вѣчность рабы Твоей Е., незабвенной матери дѣтей, и да дастъ ей Господь милосердный вѣчну охрану въ сѣни крылъ Своихъ и да пріиметъ ее для вѣчной жизни. Господь удѣлъ ея; да почіетъ она на ложѣ своемъ въ мирѣ. Аминь“.—Могила, гдѣ находится это надпись, обнесена чугунной оградой; на могилѣ чугунная плита, на ней вышеприведенная надпись. Такая внѣшняя обстановка на очень немногихъ могилахъ. Внѣшность большинства такова. На могилѣ, въ одномъ концѣ ея, врытъ столбъ, вершка $1^1/_2$ въ діаметрѣ; иногда два столба, на разстояніи $1^1/_2$ аршина другъ отъ друга, въ ширину могилы. Къ нимъ сверху прибивается деревянная доска; на доскѣ желѣзная или жестяная пластинка, на пластинкѣ надпись. На

нѣкоторыхъ могилахъ есть металлическія вѣнки съ лентами и надписями на нихъ. Вѣнки обыкновенно вкладываются въ деревянный со стекломъ съ лицевой стороны ящикъ, который прикрѣпляется или къ нижней части столбовъ, или верхней.

У молоканъ, т. е. тѣхъ сектантовъ, которые отрицаютъ „видимость“ въ религіи, не признаютъ молитвъ за умершихъ и всегда вооружаются за это на православныхъ, мы видѣли такія надписи:

1) „Боже, буди милостивъ къ усопшей рабѣ Твоей М., скончавшейся тогда-то на такомъ-то году жизни“.

2) „Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа Аминь. Господи, Боже Израилевъ! не суди меня по дѣламъ моимъ, но суди меня по милости Твоей. Господи, Боже Израилевъ! отвори мнѣ врата вѣчныя, восточныя и я вниду въ нихъ со святыми Твоими ангелами. Всели меня, Господи, съ лицемъ Твоимъ, который Ты уготовалъ любящимъ Тебя“ (1 Кор. 2, 9).

3) „Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Господи, Боже Израилевъ! отвори мнѣ врата вѣчныя и вниду я въ нихъ со святыми Твоими Ангелами. Всели меня, Господи, гдѣ *святые* Твои пребываютъ вѣчно ибо всѣмъ намъ должно явиться предъ судилище Христово, чтобъ каждому получить доброе или худое (2 Кор. 5, 10). Но не суди меня, Господи, по дѣламъ моимъ, суди меня, Господи, по милости Твоей! пріими духъ мой съ миромъ“.

4) „Господи, Боже, Царь Боговъ и царей! Прими душу рабы Твоея во Царство Твое небесное“.

5) „Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Господи, прими духъ мой съ миромъ. Не суди меня, Господи, по дѣламъ моимъ, суди меня, Господи, по милости Твоей.

6) „Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Господи, Царь Небесный! Отвори врата рая Твоего рабѣ (имя) и пріими душу ея во пресвѣтлый рай Твой“.

7) „Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Азъ рѣкохъ: въ высотѣ дней моихъ пойду я, во-врата адовы оставлю лѣта прочія; ктому не узрю спасенія Божія, къ тому не узрю спасенія Израилева, къ тому не узрю спасеніе съ человѣками, со живущими на землѣ“.

8) „Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Ибо знаемъ, что, когда земный нашъ домъ,—эта хижина,—разрушится, мы имѣемъ отъ Бога жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный, вѣчный“ (2 Кор. 5, 1).

9) „Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа; аминь. Господи, Вседержителю, Боже Отецъ нашихъ! Воззри милосерднымъ окомъ

Твоимъ на рабовъ Твоихъ, отвори имъ врата рая Твоего, гдѣ пребываютъ *святые* твои вѣчно.

10) „Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа; аминь. Господи, не помяни наши беззаконія; но скоро да предварятъ на щедроты Твоя, Господи (Псал. 78, 8). Пріидите ко Мнѣ вси труждающія и обремененніи и Я успокою васъ; возьмите иго Мое на себя и поучитеся отъ меня, ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и найдете покой душамъ вашимъ (Мѳ. 11, 29). Пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте царство, уготованное вамъ отъ созданія міра“ (Мѳ. 25, 34).

11) „Боже, Господи, Вседержителю! Богъ отецъ нашихъ, щедрый, долготерпѣливый и многомилостивый. Воззри милосерднымъ окомъ Твоимъ на рабу твою (имя); избави душу ея отъ ада преисподняго; всели меня, Господи, во святый рай твой“.

Помимо этихъ надписей, содержаніе которыхъ, какъ видно, заимствовано изъ Св. Писанія иногда дословно, иногда съ перефразировкой, намъ встрѣтились еще слѣдующія двѣ надписи.

12) „Спи, дитя мое, въ могилѣ прохладной и порой мы къ тебѣ придемъ“.

13) „Господи, мы всегда въ житейскихъ заботахъ пребываемъ, безъ страха жизнь свою проводимъ. Мы никогда не тщимся на судъ явиться; тамъ осужденіе будетъ грозно, а каяться будетъ поздно“.

Относительно послѣдней надписи мы должны сказать, что она очень близка, почти тожественна съ надписью на памятникѣ бывшей богородицы тамбовскихъ хлыстовъ (съ 1831 по 1892 г.) Анисьи Ивановны Копыловой. Могила послѣдней находится на православномъ кладбищѣ села Перевоза, Кирсановскаго уѣзда Тамбовской губерніи. „Среди бѣдныхъ сѣрыхъ деревянныхъ крестовъ православныхъ бросается въ глаза,—пишетъ очевидецъ [1]),—дорогой мраморный памятникъ, кругъ памятника приличная ограда. На задней сторонкѣ его стихи:

„Всегда въ заботахъ пребываемъ,
Безъ страха жизнь провождаемъ.
Въ жизни сей весьма гордимся,
На страшный судъ предстать не тщимся.
Осужденіе будетъ грозно,
А каяться тамъ ужъ будетъ поздно“.

---

[1]) Тамб. Епарх. Вѣдом. 1902 г., № 46, стр. 915, примѣчаніе.

Мы намѣрены сказать нѣсколько словъ о характерѣ надписей субботниковъ с. Разсказова. Какъ видно изъ нихъ, они признаютъ необходимость молитвъ за умершихъ. Въ самомъ дѣлѣ, что представляютъ изъ себя такія выраженія: „Господи! упокой младенца Исаака“, или „упокой душу рабы твоей, дай ей вѣчну охрану, пріими ее для вѣчной жизни“. Мы отмѣчаемъ эту мысль потому, что въ разговорахъ съ ними мы слышали упрекъ православной церкви за молитвы объ умершихъ.

Характеръ надписей надгробныхъ у молоканъ-уклеинцевъ даетъ возможность предполагать, что они „признаютъ святыхъ“, когда говорятъ: „Господи, всели меня, гдѣ „святые“ Твои пребываютъ вѣчно“; признаютъ молитвы за умершихъ, когда взываютъ къ Богу съ такой просьбой: „Господи, пріими душу рабы Твоей въ царство небесное, всели ее въ пресвѣтлый рай Твой“... Именно *эти* мысли мы подчеркиваемъ на томъ основаніи, что на бесѣдахъ мы слышали противоположное.

Наше сообщеніе относительно надгробныхъ надписей субботниковъ и молоканъ-уклеинцевъ мы считаемъ „каплей въ морѣ“. Но мы будемъ весьма довольны, если эта „капля“ дастъ возможность нашимъ собратьямъ миссіонерамъ и приходскимъ пастырямъ остановиться своимъ вниманіемъ на *необходимости* знакомиться съ надписями надгробными нашихъ сектантовъ. Лично мы признаемъ за этими надписями *большое значеніе для полемики.*

Епарх. миссіонеръ *М. Третьяковъ.*

По расколовѣдѣнію.

Изъ жизни современной бѣглопоповщины.

За послѣднее пятилѣтіе въ бѣглопоповщинѣ, и особенно въ ея центрѣ—Москвѣ, ощущается большой недостатокъ въ бѣглыхъ попахъ. Объяснить это явленіе не беремся, но несомнѣнно, что бѣглопоповщина ослабѣваетъ и ей грозитъ полное паденіе. Среди бѣглопоповцевъ почти уже нѣтъ такихъ ловкихъ, предпріимчивыхъ и энергичныхъ искателей-ловцовъ бѣглыхъ іереевъ, въ родѣ тѣхъ, какими славились бѣглопоповцы 10—15 лѣтъ тому назадъ. Такіе „ловцы“, какъ Кадысевъ (Родники—Оренбург. губер.), Доронинъ-Матросовъ (Сухиничи—Калуж. губ.), В. Студенковъ (Русск. Порѣчье—Курск. губ.), въ бѣглопоповствѣ за послѣдніе годы не появлялись. Да и „тайное іерейство“ поизмельчало. Прежніе „бѣгствующіе“ іереи сознавали, что въ нихъ все спасеніе бѣглопоповцевъ, и поэтому, требовали себѣ подчиненія и уваженія.

Прежде и сами бѣглопоповцы строго относились къ своимъ, хотя и не законнымъ, пастырямъ. Нынѣ не то. Вершители судебъ бѣглопоповства теперь забрали въ свои руки власть надъ бѣглыми іереями, и распоряжаются ими, какъ своими наемными людьми.

Если возникаетъ какое-либо недоразумѣніе между бѣглыми іереями и ихъ паствами, судъ и расправу чинятъ попечители, присвояя себѣ власть епископскую. Стоитъ только бѣглому іерею немножко не угодить попечителю и надъ этимъ іереемъ собирается грозная туча. Попечитель приглашаетъ своихъ „христіянъ“ порадѣть на пользу древляго благочестія—такихъ же толстосумовъ, какъ и онъ самъ, и вотъ надъ своимъ пастыремъ стадо совершаетъ строгій судъ. А причина всегда найдется.

Въ Москвѣ, напримѣръ, нѣсколько ужъ разъ судили за всякія мелочи непокорнаго іерея о. Максима Горева: то о. Максимъ не такъ кадитъ, какъ того требуетъ уставъ, и его судятъ, то о. Максимъ ведетъ компанію съ уставщиками Рогожскаго кладбища и имѣетъ знакомыхъ іеромонаховъ въ Никольскомъ единовѣрческомъ монастырѣ—и за это его запрещаютъ; то онъ допускаетъ до общественной молитвы молодыхъ купчиковъ, „блудолюбнаго образа прелесть, душегубительную, помрачительную ересь“ имѣющихъ—еже есть постризаніе брады,—и за сіе судъ.

Зимой 1903 года о. Максима судили за кажденіе не по уставу и за брадобрійцевъ. Предсѣдателемъ на этомъ „собраніи“ былъ московскій купецъ Третьяковъ. Обращался съ своимъ священникомъ этотъ бѣглопоповскій тузъ невыносимо плохо: отпускаетъ непристойныя, по его адресу, остроты, безцеремонно шутитъ и поминутно наноситъ ему всякія другія оскорбленія.

М. Ѳ. Ясашновъ, попечитель моленной, гдѣ служитъ о. Максимъ, былъ возмущенъ дикими выходками г. Третьякова и сдѣлалъ ему, при собраніи, замѣчаніе:—„прекратите, пожалуйста, свои неумѣстныя остроты, сказалъ Ясашновъ Третьякову, вы не должны забывать, что вы имѣете дѣло не съ ломовымъ извозчикомъ, а со священникомъ“.

Третьяковъ былъ задѣтъ за живое и, желая отплатить тою же монетой, сказалъ:—„ну, ужъ извините, уважаемый Михаилъ Ѳедоровичъ,—если батюшка и не ломовой извозчикъ, то-ужъ во всякомъ разѣ и не шапошникъ, поэтому я съ ними не больно люблю сантиментальничать (у Ясашнова фабрика смушковъ для шапокъ).

Ясашновъ огорчился; произошла ссора. Съ затаенной злобой съ той поры на Третьякова Ясашновъ искалъ случая отомстить ему.

Случай скоро представился. На упомянутомъ „собраніи“ было рѣшено, въ виду скудости въ „священникахъ“, пріискать и перемапить изъ Великороссійской церкви іерея, ибо одинъ о. Максимъ не въ силахъ исправлять требы у московскихъ старообрядцевъ, на просьбы же изъ провинціи приходится отказывать. Отыскать и уговорить кого-нибудь изъ православныхъ священниковъ перейти въ расколъ поручено было гусляку Ѳедору Поликарпову (который прежде состоялъ при московскомъ же бѣгломъ священникѣ Александрѣ Плавтовѣ и за выѣздомъ Плавтова изъ Москвы, оставался безъ дѣла). Поликарпова снабдили достаточной суммой сребренниковъ и онъ отправился уловлять православнаго священника, который бы согласился

продаться на службу старообрядцамъ. Послѣ долгихъ странствованій и неудачныхъ попытокъ купить кого-либо изъ священниковъ центральныхъ губерній, Ѳедоръ Поликарповъ обрѣлъ близъ Симбирска „о. Евгенія“, который изъявилъ желаніе перейти къ бѣглопоповцамъ.

Поликарповъ привезъ этого отца въ Москву, представилъ его попечителямъ и его рѣшили принять, по обыкновенію, вторымъ чиномъ—чрезъ миропомазаніе. Третьякову о. Евгеній очень понравился, и онъ хлопоталъ, чтобы новаго отца скорѣе принять въ ихъ общество. Онъ снялъ для о. Евгенія квартиру (въ 50 руб. въ мѣсяцъ), и заботился о немъ, какъ ни объ одномъ изъ прежде-бывшихъ іереевъ. Это было въ половинѣ великаго поста 1903 года. Тѣмъ временемъ Ясашновъ не дремалъ. Онъ разослалъ письма по всѣмъ центрамъ бѣглопоповщины, спрашивая,—не знаетъ-ли кто чего-нибудь объ о. Евгеніи. Первымъ откликнулся Н. А. Бугровъ. Онъ писалъ М. Ѳ. Ясашнову, что „сей попъ Евгеній волкъ въ овечьей шкурѣ, пагубу овцамъ содѣвающъ“, и что ужъ нѣсколько лѣтъ онъ, Бугровъ, его знаетъ, какъ человѣка, способнаго на обманъ. Самого Бугрова этотъ о. Евгеній ужъ не разъ обманывалъ.

Нѣсколько разъ онъ давалъ согласіе перейти къ бѣглопоповцамъ, и какъ только получалъ „мзду въ десницу“, тотчасъ-же скрывался. И не одного только Бугрова обставилъ о. Евгеній; его помнятъ и другихъ городовъ бѣглопоповцы. Получивши свѣдѣнія о прошломъ о. Евгенія, М. Ѳ. Ясашновъ сдѣлалъ приказаніе о. Максиму, чтобы послѣдній не соглашался перемазывать его. Но Третьяковъ спѣшилъ. Когда онъ узналъ о несогласіи о. Максима принимать новаго „батюшку“, то, не долго думая, телеграммой вытребовалъ изъ Самары бѣглаго попа Петра. Итакъ, на пятой недѣлѣ Великаго поста состоялось, наконецъ, перемазаніе въ расколъ бѣглымъ раскольническимъ попомъ Петромъ бѣжавшаго отъ Грекороссійской церкви попа Евгенія.

Послѣ присоединенія въ расколъ, попъ Евгеній сталъ учиться служить по-старообрядчески, для чего ему велѣли ходить въ моленную М. Ѳ. Ясашнова на Ирининской улицѣ, гдѣ служитъ о. Максимъ.

На шестой недѣлѣ Великаго поста онъ вдругъ оставляетъ Москву и ѣдетъ въ Курскъ и Воробьевку, куда якобы бѣглопоповцы просили его „для говѣнія“. Третьяковъ и Ермоловъ, взявшіе о. Евгенія подъ свое покровительство, не хотѣли было отпускать его, но онъ ихъ не слушался и они принуждены были его отпустить. Въ качествѣ уставщика, къ о. Евгенію наз-

начили того же Ѳ. Поликарпова и они, побывъ въ Курской губ., безъ всякаго уже соизволенія своихъ московскихъ заправилъ посѣтили г. Сухиничи, Калужск. губ. Болѣе 600 руб. о. Евгеній собралъ съ бѣглопоповцевъ за эту поѣздку (уставщику своему не далъ ни одной копѣйки). Возвратившись въ Москву на страстной недѣлѣ поста, о. Евгеній заявилъ попечителямъ, что жена его серьезно заболѣла и телеграммой требуетъ его домой, въ Симбирскую губернію. Ничего не подозрѣвая, довѣрчивые попечители, снабдивши его сребренниками, съ миромъ отпустили его во-свояси. Третьяковъ на дорогу далъ ему 300 р., а Сергѣй Ермолаевъ 200 р. Съ этими и прежде собранными деньгами о. Евгеній, въ сопровожденіи того же Ѳ. Поликарпова, отправился въ Симбирскъ и, по пріѣздѣ на мѣсто, сказалъ своему спутнику: „вотъ что, другъ, поѣзжай-ка ты обратно въ Москву и скажи попечителямъ, что я пріѣду въ Великую пятницу, а въ Симбирскѣ тебѣ дѣлать нечего“. Ѳ. Поликарповъ возвратился въ Москву, сообщилъ попечителямъ обѣщаніе о. Евгенія и они терпѣливо стали дожидать назначеннаго срока. Но о. Евгеній и не думалъ возвращаться въ Москву. Пришла Великая пятница, московскіе бѣглопоповцы ждутъ о. Евгенія, но онъ какъ въ воду канулъ.

Впослѣдствіи же оказалось, что сей „бѣгствующій іерей Евгеній“, добывши въ Москвѣ отъ доктора свидѣтельство о постигшей, якобы, его внезапной болѣзни, по причинѣ которой, будто-бы, онъ прожилъ значительное время въ Москвѣ, возвратился потомъ въ свой приходъ, гдѣ продолжаотъ служить и въ настоящее время.

А бѣглопоповцы и до сихъ поръ не могутъ понять, что по убѣжденію къ нимъ никогда никто, даже изъ недостойныхъ православныхъ іереевъ не присоединится. Если-же иногда и являются отцы, клятвопреступкики, то не лучше о Евгенія, о которомъ мы сейчасъ разсказали.

В. Демидовъ.

Церковь Христова и временно безъ епископа быти не можетъ [1]).

(Изъ полемики).

(Замѣчанія на книгу Ивана Усовъ „Церковь Христова временно безъ епископа“ миссіонеровъ священника *Сергія Шалкинскаго и Калл. Картушина*).

13. О паденіи епископовъ.

Если всѣ епископы одновременно могли пасть не просто въ заблужденіе, а даже въ невѣріе воскресенію Христа, то тѣмъ болѣе могутъ уклониться въ заблужденіе епископы, какъ и дѣйствительно уклонились въ половинѣ семнадцатаго столѣтія. И то еще нужно замѣтить, что апостолы всѣ сразу пали въ сказанное невѣріе, а епископы не сразу всѣ, а по частямъ.

Новообрядецъ. А какъ же вы утверждаете, что во времена Никона всѣ епископы сразу пали въ ересь?

Старообрядецъ. Никто вамъ этого не говоритъ. Тогда только частичка, и притомъ очень малая частичка епископовъ уклонилась въ заблужденіе. Еще задолго до Никона одна частичка епископовъ впала въ аріанство, другая—въ несторіанство, потомъ еще часть уклонилась въ монофизитство, а еще часть—въ моноѳелитство и проч. и проч.; а черезъ нѣсколько времени еще огромная часть епископовъ отпала отъ православія вмѣстѣ съ папою римскимъ. Осталась самая малая часть епископовъ. И вотъ эта часть въ половинѣ семнадцатаго столѣтія уклонилась въ заблужденіе. Насколько ничтожна была эта послѣдняя частичка, можно видѣть изъ того, что на самомъ большомъ, по сравненію съ предыдущими, соборѣ 1667 года всѣхъ епископовъ было только двадцать девять (Ист. руск. церк. Мак., т. 12, стр. 683), и трехъ десятковъ не набралось. И эта ничтожная частичка епископовъ уклонилась въ ересь не сразу, а по частямъ. Сначала уклонился только одинъ московскій патріархъ Никонъ, когда издалъ свою „память“, или распоряженіе съ превратнымъ ученіемъ о поклонахъ и о перстосложеніи для крестнаго знаменья въ 1653 году (тамъ же стр. 118); потомъ въ слѣдующемъ 1654 году на соборѣ обманомъ и насиліемъ были привлечены на сторону Никона еще восемь епископовъ; затѣмъ года черезъ два, именно въ 1656 году къ этимъ отступникамъ присоединилось еще четыре греческихъ іерарха, когда прокляли православныхъ

[1]) См. „Мисс. Обозр.“ 1906. № 2.

христіанъ; въ томъ же году на соборѣ десять епископовъ отвергли двоеперстное сложеніе, какъ ересь, и подтвердили проклятье на православныхъ христіанъ, за моленіе двоеперстнымъ сложеніемъ. Потомъ лѣтъ черезъ одиннадцать послѣ этого, въ 1667 году, къ этимъ ересіархамъ присоединилось еще епископовъ четырнадцать. Это были послѣдніе епископы, отпавшіе отъ православія: послѣ нихъ не осталось ни одного истинно-православнаго епископа. Изъ этого ясно, что епископы, хотя и всѣ уклонились въ заблужденіе, но не разомъ, а по частямъ.

Замѣчаніе. Какъ выше разъяснено, апостолы не уклонялись отъ той вѣры, которой ихъ до Своихъ страданій научилъ Спаситель: они лишь не повѣрили благовѣстію женъ мироносицъ о воскресеніи Спасителя, не повѣрили потому, что „оставались какъ бы въ нѣкоемъ мракѣ, не зная, что должно Ему воскреснуть“ (Злат. бес. 54 на Ев. Матѳ.); они не знали, что Христу Спасителю должно воскреснуть, по Его Святой волѣ, по Его особому промыслительству—такова была воля Божія. Гдѣ же въ писаніи Усовъ найдетъ указаніе въ подтвержденіе той нечестивой мысли, что и на уклоненіе всѣхъ епископовъ въ ересь была особая воля Божія, что Богу было угодно, чтобы всѣ они были еретиками?!

Помимо этого, разсужденія Усова о постепенномъ уклоненіи въ ересь *всѣхъ* епископовъ страдаетъ большими „натяжками“. Правда то, что нѣкоторые епископы уклонялись въ ереси: аріанскую, несторіанскую, монофелитскую, и пр., но не должно забывать, что и по уклоненіи *нѣкоторыхъ* епископовъ въ еретичество, Церковь Христова *никогда* безъ епископовъ истинно-православныхъ не была и какія бы вновь явившіяся ереси ни отторгали отъ Православія *нѣкоторыхъ* епископовъ, она безъ истинныхъ епископовъ не будетъ. Справедливо-ли, что съ отдѣленіемъ отъ Православія римской церкви „осталась самая малая часть епископовъ? Это неправда: остался въ Православіи весь востокъ во главѣ съ четырьмя патріархами, возсіялъ свѣтъ Православія и въ нашей святой Руси. При вступленіи на патріаршій престолъ п. Никона всѣ восточные патріархи и подчиненные имъ митрополиты, архіепископы и епископы были православны, что свидѣтельствуютъ и изданныя при п. Іосифѣ въ Москвѣ книги, завѣщавшія слушать восточныхъ патріарховъ, какъ Христа (кн. о вѣрѣ л. 232). Слѣдовательно, при п. Никонѣ не двадцать девять только епископовъ было въ Христовой Церкви, а многое множество ихъ, во главѣ съ пятью патріархами. Это первая неправда Усова. Далѣе онъ говоритъ, что при п. Никонѣ всѣ епископы „уклонились *въ ересь*“.

Въ какую же? Патр. Никонъ, отвѣчаетъ Усовъ, уклонился въ ересь, когда издалъ въ 1653 г. „память“, въ которой повелѣвалось для изображенія на себѣ крестнаго знаменія слагать три первые перста и

при чтеніи молитвы св. Ефрема Сирина полагать вмѣсто 16 земныхъ поклоновъ 4 земныхъ и 12 малыхъ.

Въ 1654 г. эту ересь, продолжаетъ Усовъ, приняли на соборѣ еще восемь епископовъ. Легко назвать того или другого человѣка еретикомъ, но вѣдь для того, чтобы доказать его еретичество, нужны данныя. Св. Василій Великій въ первомъ своемъ каноническомъ посланіи (къ Амфилохію еп. икон.) говоритъ: Древніе еретиками называли *совершенно* отторгшихся, и въ самой вѣрѣ отчуждавшихся (Тр.) Толковникъ Аристинъ поясняетъ: „Еретики суть тѣ, которые совершенно отчуждили себя отъ вѣры въ Бога, какъ пепузіане, манихеи, валентіане, маркіониты и др.! Ибо пепузіане именуютъ Монтана утѣшителемъ и блудно сожительствовавшихъ съ нимъ двухъ женъ—Прискиллу и Максимиллу признаютъ за пророчицъ; безъ разбору расторгаютъ браки; неправильно совершаютъ Пасху; три ипостаси единосущнаго Божества сливаютъ въ одно лице и держатся другихъ, столь же нечестивыхъ мнѣній. Манихеи вводятъ два противныя и равносильныя начала и думаютъ, что первое есть причина свѣта, второе—тьмы; обоготворяютъ солнце и луну; діавола называютъ начальникомъ вещества; бракъ признаютъ законоположеніемъ демона; и подаяніе нуждающимся считаютъ беззаконіемъ; учатъ также, что Господь, воплотившись, не принялъ ничего человѣческаго; унижаютъ крестъ, смерть и воскресеніе, какъ будто бы этого не было на самомъ дѣлѣ; и держатся множества другихъ нечистыхъ ученій. Валентіане отрицаютъ воскресеніе плоти, отвергаютъ Ветхій Завѣтъ; читая пророковъ и толкуя ихъ по своему произволу, выдумываютъ разныя баснословія и говорятъ, что Христосъ принесъ плоть съ неба и прошелъ чрезъ Дѣву, какъ чрезъ каналъ, и изрыгаютъ нѣкоторыя другія хульныя пустословія въ томъ же родѣ. Маркіониты суть массаліане, называемые также евхитами, которые имѣютъ многоглавую и многоименную ересь". „Ересь состоитъ въ низвращеніи догмата",—говоритъ и бл. Іеронимъ.

Правъ-ли послѣ этого Усовъ, утверждая, что п. Никонъ въ 1653 г. принялъ ересь? И какъ можетъ онъ ставить патр. Никона въ ряду еретиковъ: Арія, Несторія и пр.? Чему учили Арій и Несторій, и чему—патр. Никонъ? Арій „хуляще Сына Божія Господа нашего Іисуса Христа истиннаго Бога: тварь убо Того глаголаше нечестивый, и не единосущна Отцу: и глаголаше (какъ учитъ теперь и собратъ Усова, лжеепископъ Арсеній Швецовъ), яко бѣ нѣкогда, егда не бѣ" (Корм. предисл. л. 6). Несторій же „человѣка вѣрующа Христа... проста человѣка быти Того глаголаше, а не Бога воплощшася... Два Сына о единомъ Христѣ Бозѣ глаголя... ни Богородицу, но Христородицу Пресвятую Дѣву Марію, рождшую Того Господа нашего и Бога Іисуса

Христа именоваше (тамъ же л. 7—8). Чему же училъ патр. Никонъ? Училъ слагать первые три перста, а не первый и два послѣднихъ, для изображенія на себѣ крестнаго знаменія! И это, по мнѣнію Усова, ересь, равная аріанской, несторіанской и имъ под.! Но кто же не посмѣется надъ такимъ ученіемъ? Даже начитанные раскольники давно уже заявили, что греко-россійская церковь въ догматахъ вѣры о самомъ Божествѣ никакой погрѣшности не имѣетъ, что есть главный пунктъ православія (Инока Павла Бѣлокр. „Краткое сличеніе“) и въ другомъ мѣстѣ: „нынѣшняя греко-россійская церковь... въ догматахъ Богословія не погрѣшаетъ“ (отвѣты на восемь вопросовъ, отв. 7). Въ Окружномъ посланіи, изданномъ отъ лица собора австрійскихъ лжеепископовъ, сказано: „Господствующая нынѣ въ Россіи церковь, вкупѣ же и греческая, вѣруетъ не во иного Бога, но во единаго съ нами: Творца небу и земли“ и пр. (ст. 2).

Итакъ, въ 1653 г. никто изъ великаго сонма пастырей Церкви Христовой: патріарховъ, митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ— ни въ какую ересь не впадалъ.

Чтоже касается троеперстія, то оно не есть ересь, ибо не отчуждаетъ отъ вѣры въ Бога, а напротивъ служитъ къ прославленію Св. Троицы. Оно даже и „не новшество“, а обрядъ древній: такое перстоложеніе употреблялось не только въ греческой, но и въ русской церкви, далеко раньше патр. Никона (см. Выписки А. Озерскаго ч. 2).

Уменьшеніе числа земныхъ поклоновъ при чтеніи молитвы св. Ефрема Сирина никто и изъ раскольниковъ, кромѣ Усова, не дерзнетъ признать ересью. Усовъ, вѣроятно, думаетъ: аще кто прибавитъ или убавитъ поклоны да будетъ проклятъ. Но тогда подвергнется проклятію и самъ св. Ефремъ Сиринъ за *прибавленіе* этой молитвы въ богослуженіи, проклятъ и тотъ, кто вновь установилъ полагать извѣстное число поклоновъ при чтеніи этой молитвы, такъ какъ отъ св. Ефрема не было указанія о количествѣ поклоновъ. Въ древности читалась эта молитва съ 4 земными и 12 малыми поклонами (Выписки А. Озерскаго ч. 2). Но посмотримъ, какъ учитъ о поклонахъ другой, болѣе искренній и правдивый, защитникъ раскола.

„Въ 1654 г.,—пишетъ австрійскій попъ Механиковъ,—собранъ былъ подъ предсѣдательствомъ царя первый соборъ изъ русскихъ іерарховъ. Патріархъ началъ соборъ рѣчью, въ которой, прикрываясь (не прикрываясь, а будучи на самомъ дѣлѣ таковымъ) личиной строгаго послѣдователя древности и исправителя вкравшихся въ церковно-богослужебныя книги многихъ будто бы погрѣшностей, указывая на *самыя непредосудительныя* изъ нихъ: напримѣръ... поклоновъ во святую четыредесятницу“ (В. Механиковъ. Историк.-кан. обозрѣніе стар. общ. л. 12).

Итакъ, Усовъ называетъ отмѣненіе нѣсколькихъ земныхъ поклоновъ ересью, а Механиковъ—дѣломъ „самымъ непредосудительнымъ“. Кто же изъ нихъ правъ?

Какія, далѣе, ереси нашелъ Усовъ на соборахъ въ 1656 и 1667 годахъ? Такія же, какъ и только что указанныя.

„Въ 1656 г., говоритъ Усовъ, къ этимъ отступникамъ присоединилось еще *четыре* греческихъ іерарха, когда прокляли православныхъ христіанъ“. Этими словами Усовъ самъ себя обличаетъ. До 1656 года всѣ греческіе іерархи, по его словамъ, были православны и только въ этомъ году *четыре* изъ нихъ будто бы присоединились къ мнимымъ отступникамъ. Но развѣ не извѣстно Усову, что въ греческой церкви и вообще на Востокѣ православная іерархія состояла въ то время не изъ четырехъ только іерарховъ, а изъ многочисленнаго сонма митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ во главѣ съ четырьмя патріархами. И если бы въ 1656 г. *четыре* іерарха уклонились въ заблужденіе, то оставалось вѣдь еще сотни не уклонившихся, слѣдовательно, церковь Христова не оставалась безъ епископовъ.

Но въ 1656 году и эти „четыре іерарха“ ни къ какимъ отступникамъ „не присоединялись“—они ни предъ кѣмъ не отказывались отъ Православія, они не приняли въ Россіи никакихъ еретическихъ „новшествъ“, а лишь засвидѣтельствовали, что на Востокѣ всѣ православные издревле молятся троеперстно; двумя перстами молятся лишь армяне, преданные Св. Церковію проклятію и не за двуперстіе, а за ереси. Если бы Усовъ доказалъ, что восточные іерархи до прибытія въ Москву молились двуперстно, и только здѣсь измѣнили своему обычаю, тогда еще онъ имѣлъ бы нѣкоторое основаніе считать ихъ отступниками отъ прежняго обряда (а не отъ истинной вѣры). Но доказать этого онъ не можетъ, такъ какъ ему извѣстно, что въ Греціи всѣ молились троеперстно. Это видно, между прочимъ, и изъ православнаго исповѣданія, за нѣсколько лѣтъ до этого утвержденнаго соборомъ восточныхъ іерарховъ. Въ этомъ „исповѣданіи“ повелѣвается слагать для изображенія крестнаго знаменія „три первые перста“. Признавая греческихъ іерарховъ, молившихся троеперстно и до 1656 г., православными, Усовъ впалъ въ обычное защитникамъ неправды противорѣчіе: п. Никона за ученіе о троеперстіи онъ сравнялъ съ еретиками аріанами, несторіанами и под., а греческихъ іерарховъ, содержащихъ издревле такое же ученіе, вполнѣ православными. Невольно скажемъ вмѣстѣ съ царемъ-пророкомъ: *солга неправда себѣ!*

Но, скажетъ Усовъ, они признаются имъ еретиками не за троеперстіе, а за то, что прокляли православныхъ христіанъ. И здѣсь будетъ искаженіе правды. Восточные патріархи никого изъ православныхъ христіанъ проклятію не предавали: они лишь засвидѣтельство-

вали, что у нихъ на Востокѣ никто изъ православныхъ христіанъ не молится двуперстно; такъ молятся у еретиковъ-арменъ только, и если бы кто *отъ* православныхъ христіанъ,—тамъ на Востокѣ, а не здѣсь въ Россіи,—сталъ молиться двуперстно, тотъ считался бы у нихъ подражателемъ не пастырямъ православной церкви, а арменомъ, тотъ вышелъ бы изъ повиновенія ученію св. Церкви, довѣрился бы болѣе еретикамъ, чѣмъ православнымъ—отдѣлился бы отъ общенія со св. Церковію, и за это бы преданъ былъ проклятію. О русскихъ двуперстникахъ восточные іерархи не сказали ни слова, клятвъ противъ нихъ не произносили, да и не имѣли на то и каноническаго права. Слѣдовательно, Усовъ признаетъ ихъ еретиками только за то, что они *разсказали*, кто и какъ молится на Востокѣ!

„Они отвергли двоеперстіе, какъ ересь“,—продолжаетъ Усовъ. Но двуперстіе никогда ересью не считалось и не считается. Не отвергалось оно, а ему лишь было предпочтено троеперстіе во-первыхъ потому, что троеперстно крестились на православномъ Востокѣ, а восточныхъ патріарховъ должно слушать (кн. о вѣрѣ л. 232), и потому еще, что троеперстіе точнѣе символизируетъ ученіе о Св. Троицѣ. Но если бы случилось и то, что хотѣлось доказать Усову,—т. е. „двуперстіе было бы отвергнуто“, такъ неужели за это епископы стали бы всѣ еретиками? Но тогда пришлось бы считать, напримѣръ, и патр. Іоасафа еретикомъ за то, что онъ *отвергъ*, исключилъ изъ требника чинъ священническаго погребенія, назвавъ его еретическимъ...

„Въ 1667 г. присоединилось къ ересіархамъ еще четырнадцать епископовъ“, продолжаетъ Усовъ. „Это были *послѣдніе* епископы, послѣ нихъ не осталось ни одного истинно-православнаго епископа“!

„Ересіархомъ“ называется начальникъ ереси. Но кто же изъ указанныхъ Усовымъ 29 епископовъ ввелъ какую-либо *ересь*? Усовъ говорилъ мнѣ въ Ростовѣ на бесѣдахъ: „вы сдѣлали пугало и, считая это пугало за живое существо, устрашаете имъ слушателей“... Да, разсматриваемыя нами слова г. Усова нельзя назвать иначе, какъ пугаломъ, которымъ онъ хочетъ устрашить раскольниковъ. Онъ хорошо понимаетъ, что такія слова, какъ „ересіархъ“, „отступникъ“ и пр. по адресу православныхъ очень любезны раскольникамъ и читаются съ особеннымъ наслажденіемъ. Но мы вправѣ настаивать, чтобы Усовъ *доказалъ* на основаніи Слова Божія и святоотеческихъ твореній: какихъ ересей начальниками („ересіархами“) были патр. Никонъ и современные ему епископы?

„Это были *послѣдніе* епископы!“ говоритъ Усовъ; *послѣдніе*, конечно, подразумѣваетъ онъ, въ Церкви Христовой.

Со словомъ *послѣдній* подразумѣвается конечное прекращеніе того или другого рода, времени и т. п. Напримѣръ, *послѣдняя* минута

жизни человѣка, послѣ которой наступаетъ смерть; *послѣдній* антихристъ, послѣ котораго антихристовъ *никогда* уже не будетъ; *послѣдній* судный день, послѣ котораго настанетъ жизнь новая...

Въ 1667 г. уклонились въ ересь *послѣдніе* православные епископы, учитъ Усовъ. Слѣдовательно, епископы *навсегда* оставили Церковь Христову, ихъ *никогда* уже въ ней не будетъ—они будутъ только въ обществахъ еретическихъ. Какая ложь, какое пагубное ученіе! Чтобы очевидна была эта ложь, спросите Усова: „а ваши епископы православны“? Конечно, православны! отвѣтитъ онъ. Но вѣдь въ 1667 г. впали въ ересь уже *послѣдніе* православные епископы, получившіе начало отъ св. апостолъ, а съ этого времени ихъ совершенно не стало на свѣтѣ?.. Значитъ, ваши епископы получили начало *отъ новаго* основателя іерархіи, не отъ Христа, не отъ апостоловъ? Тѣ всѣ прекратились?

Удивительно не то, что Усовъ такъ пишетъ, а то, что находятся въ старообрядчествѣ люди, которые его ложному писанію внемлютъ и довѣряютъ.

Священство Христово или трехчинная іерархія въ Церкви Христовой, какъ уже раньше доказано, никогда, до скончанія вѣка не прекратится, „церковь безъ епископа быти не можетъ“ (Златоустъ).

Во всѣхъ предъидущихъ главахъ своего сочиненія Усовъ, такъ сказать, только вводилъ читателя въ курсъ своего богословія, и не приводилъ положительныхъ доказательствъ своего ученія, что „Церковь Христова временно“ можетъ быть „безъ епископа“. Въ дальнѣйшемъ же изложеніи онъ приступаетъ къ рѣшенію главной своей задачи—„указанію свидѣтельствъ“. Эта часть его книги (гл. 13, 14, 15 и 16) требуетъ особаго вниманія.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ХРОНИКА.

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.

Сущность христіанства.

(*R. Seeberg.* Grundwahrheiten der christlichen Religion. Leipzig. Georg Böhme. Зеебергъ. Основныя истины христіанскихъ исповѣданій. Лейпцигъ. Г. Беме).

Богатая нѣмецкая богословская литература дала не мало сочиненій, цѣль которыхъ выяснить основную сущность христіанства внѣ вѣроисповѣдныхъ различій. Богословскій трудъ, заглавіе котораго выписано выше, принадлежитъ протестантскому богослову, получившему свое образованіе въ Юрьевѣ, но перенесшему свою ученую дѣятельность въ Берлинскій университетъ. Такъ какъ за этимъ ученымъ извѣстно нѣкоторое знаніе русскаго языка и знакомство съ православнымъ богословіемъ, то можно было ожидать отъ него болѣе широкаго взгляда на все христіанство безъ выключенія основъ Православія.

Но узкіе взгляды протестантства не позволили ему перейти границы, свойственной мышленію протеста, и выйти на просторъ вселенской истины. Очевидно, профессоръ имѣлъ въ виду протестантскую аудиторію по преимуществу, несмотря на то, что, судя по заглавію, онъ желалъ выразить сущность всѣхъ христіанскихъ вѣрованій, такъ какъ вниманіе его обращено на тѣ только черты христіанской жизни и ученія, которыя всего болѣе понятны безцерковному протестантству, оставляя остальныя воззрѣнія въ нѣкоторомъ перспективномъ удаленіи или чаще всего умалчивая о нихъ совершенно. *Православный же основываетъ свое вѣроисповѣдное міровоззрѣніе и жизнепониманіе на началахъ соборнаго объединенія многочленнаго разнообразія* и стремится къ *полнотѣ* доступнаго человѣку вѣдѣнія, а потому при разсмотрѣніи указаннаго труда, православный легко находитъ пропуски

и пробѣлы. Строгая систематизація изслѣдованія проф. Зееберга облегчаетъ трудъ опредѣленія, въ чемъ заключаются пропуски. Все содержаніе книги сосредоточивается главнымъ образомъ на трехъ вопросахъ: на полнотѣ могущества Бога, христіанскихъ добродѣтеляхъ и „христіанскомъ достиженіи", или небесной наградѣ. Въ рѣшеніи каждаго вопроса православный мыслитель не можетъ не замѣтить важныхъ для профессора недочетовъ.

I. Полнота могущества Бога мыслима не только въ Его Владычествѣ (Herrschaft; „Да святится Имя Твое"), не только въ Его Царствѣ (Reich; „Да пріидетъ Царство Твое"), какъ указываетъ берлинскій профессоръ, но и въ Его домостроительствѣ („да будетъ воля Твоя"), осуществляемомъ въ Церкви Христовой. Церковь эта—соборная, ибо таковой изображается въ священномъ писаніи и исповѣдуется въ Символѣ вѣры. Въ этой полнотѣ могущества Бога, обнаруживается не только вѣрованіе и религія, но и единая „*вѣра*". Вѣра есть союзъ Бога съ духовными существами (ангелами) и съ людьми, на землѣ живущими и умершими, между тѣмъ, какъ „религія" есть только союзъ людей между собой во имя Бога. Вотъ почему религій (croyances) много, а вѣра (foi) едина, и она всегда истинная и иною быть не можетъ. Убѣжденій, увѣреній, исповѣданій много, а истина одна, вѣчная и неизмѣнная. Вѣра есть око истины, и объ этой всеединой вѣчной вѣрѣ нѣтъ и намека у проф. Зееберга. Вѣра, какъ союзъ всего творенія съ Богомъ; и чувство вѣры каждаго отдѣльнаго человѣка не одно и то же.

II. Полнота христіанскихъ добродѣтелей и стремленій не можетъ ограничиться только чувствами вѣры (Glaube) и любви, какъ указываетъ Зеебергъ, и должна быть дополнена еще и чувствомъ *упованія*, ибо душевныхъ свойствъ или силъ человѣческихъ, не два, а три: 1) разумъ (Vernunft), возвышающійся до „ума" (νοῦς; соотвѣтственнаго слова въ романо-германскомъ словарѣ нѣтъ: лютеровскій переводъ νοῦς—Geist означаетъ собственно Духъ); 2) чувство, возвышающееся до богосознанія, и 3) хотѣніе, возвышающееся до творческой свободы воли. Вѣра есть выраженіе духовнаго ума; любовь—духовной свободной воли. Духовное чувство проявляется въ упованіи. Объ этомъ послѣднемъ ученый богословъ совершенно умалчиваетъ.

III. Полнота христіанскаго достиженія, или полнота небесной награды,—не въ одномъ только мирѣ всего міра (Friede) и не только въ добродѣяніи (Tat), чѣмъ ограничиваетъ „христіанское достиженіе" берлинскій богословъ, но и въ истинѣ, ибо только истина вкупѣ съ миромъ и святостью составитъ полноту христіанскихъ цѣледостиженій всѣхъ духовныхъ сторонъ человѣка, разума, чувства и воли, его вѣры, упованія и любви. Полнота духовныхъ стремленій: боговѣдѣніе, все-

общая связь въ любви и всесвободное произволеніе въ творчествѣ. Вотъ тѣ основанія, на которыхъ созидается и обосновывается богословское воззрѣніе Православія.

Православный читатель найдетъ въ богословскомъ трудѣ Зееберга, говоря философскимъ языкомъ, „послѣдовательную двусторонность“ (дуализмъ). У автора, міръ распадается на міръ духовный и міръ вещественный; двойное проявленіе этихъ міровъ въ духовномъ—божескомъ и душевномъ,—психическомъ. Мы строго отличаемъ понятія „тѣлесность“, „тѣло“, т. е. организація (домостроительство), отъ „плоти“ и „вещества“ (Leib), ибо по апост. Павлу существуетъ тѣло духовное, тѣло душевное и тѣло плотское, а потому, кромѣ проявленія духовнаго — божескаго, душевнаго — психическаго, существуетъ еще проявленіе тѣлеснаго домостроительства, а эти три выражаютъ собою три области, а не только двѣ, на что указываетъ протестантскій ученый. Вообще, православному мышленію свойственно признаніе тройственнаго проявленія, тройственнаго начала въ трехъ областяхъ или мірахъ и съ трехъ сторонъ.

Въ заключительномъ опредѣленіи труда проф. Зееберга сущность христіанства выражается въ слѣдующихъ двустороннихъ положеніяхъ: „Владычество Бога и вѣрованіе (croyance, Glaube), Царство Божіе и любовь—вотъ христіанское вѣроисповѣданіе. Она даетъ намъ миръ и добродѣяніе (Tat) и тѣмъ *наполняетъ* потребу нашей души. И это *все*. Вотъ выводъ профессора. По-нашему-же это „все“—не все, а часть всего, это „наполненіе“ (полнота), по нашему, не полное, а частичное. Постараемся параллельно, т. е. соотвѣтственно сему, выразить трихотомично наше воззрѣніе на внутреннее содержаніе христіанства, которое также тройственно-сложно. Оно не есть простая сущность (Wesen), а состоитъ собственно изъ домостроительной (организаціонной) тѣлесной существенности (субстанціи), душевной сущности (субстанціонности) и духовной сути (субстанціональности—οὐσία).

Существенность христіанскаго домостроительства состоитъ изъ Владычества Бога, Царства Бога и Церкви Божіей.

Сущность добродѣтелей христіанства—Вѣра, Надежда, Любовь.

Суть христіанства — правда (миръ), истина и добро (Tat), т. е святость.

Вся эта полнота вѣры опредѣляется догматически-христіанскою формулою равнопрославленія и равнопочитанія Тріединой Трисвятой Троицы: „во имя Отца и Сына и Святаго Духа“, нераздѣльныхъ и несліянныхъ. Причемъ Церковь Божія исходитъ непосредственно отъ владычества Бога, любовь исходитъ непосредственно отъ вѣры и добро исходитъ непосредственно отъ правды, точно такъ же, какъ и Духъ Святой исходитъ непосредственно отъ Бога Отца, а не отъ

Бога Сына. Вообще православное мышленіе никакого филіоквизма не признаетъ, даже въ философіи. Психологическая основа христіанства замѣчательно правильно подтверждается авторомъ книги ссылкою на святоотеческое изреченіе, что „душа человѣка — по природѣ христіанка". Душевность тутъ должна быть мыслима отдѣльно отъ духовности. Душа-же сама состоитъ изъ тріединой способности: разума, чувства и воли. Связь души съ божествомъ посредствомъ духовнаго ума (νοῦς)— есть *вѣра*, духовнаго чувства — *упованіе*, духовной воли — *любовь*, и эта связь или богоношеніе приводитъ человѣка къ святости здѣсь на землѣ, въ нашей земной жизни, ибо настоящій совершенный христіанинъ—всегда святой.

Гносеологія христіанская, какъ и христіанская психологія,—весьма сложная и основывается на сложной способности человѣка къ цѣльному познанію, называемому Хомяковымъ *вѣрующимъ познаніемъ*; оно-же обозначается словами *„вѣросознаніе"*, *„боговѣдѣніе"*.

Православный взглядъ, стремясь достичь этого цѣльнаго познанія помощью вѣрующаго сознанія, усматриваетъ въ воззрѣніяхъ протестантства неправоту въ томъ, что послѣднее принимаетъ *частичность или частность за полноту*; въ воззрѣніяхъ-же римско-католичества, ставшаго съ 1870 г. католичествомъ ватиканскимъ,—въ томъ, что оно принимаетъ *единоличное за цѣлое*; общее-же свойство, какъ ватиканскаго католичества, такъ протестантства, заключается въ—*протестѣ*, перваго — противъ соборной вселенской церкви, чтобы возвеличить мѣстную церковь до превосходства во власти надъ всѣми, и второго — противъ церкви вообще, чтобы ограничиться мелкими церковными общинами безъ ихъ единенія мысли и исповѣданія обще-церковнаго земного устройства. *Православіе-же требуетъ соборнаго единенія всѣхъ церквей, всѣхъ частей безъ остатка для образованія полноты, всеедино-цѣлаго.* Это и есть коренное свойство или суть христіанства, и оно недостижимо безъ вселенской совѣсти, безъ вселенной любви, безъ вселенской церкви.

Итакъ, нужны для христіанина вѣра, надежда, любовь въ цѣлокупности своихъ стремленій къ истинѣ, миру и святости. Божественная сила проявляется въ своемъ Владычествѣ, Царствѣ и Вселенской Церкви, безъ которыхъ удовлетвореніе полноты жизни духовной, душевной и плотской тѣлесности (организаціи) человѣчества немыслимо.

Въ заключеніе позволяемъ себѣ выразить пожеланіе, чтобы ученые запада, пытаясь выяснить сущность христіанства, не пренебрегали бы и философско-богословскими трудами православія. Безъ этого всѣ ихъ попытки изобразить основныя начала всего христіанства во всей ихъ полнотѣ будутъ тщетными и останутся всегда отрывочными, а по-

тому и неправильными. Пора западу приняться изучать православныхъ богослововъ и учиться у востока тому, что исторія на западѣ не сохранила, а сберегла исключительно только въ нѣдрахъ православія. Несправедливо признавать свою науку полною, когда пренебрегаютъ богатымъ кладеземъ знанія истины и свѣтомъ востока. Удивительно встрѣтить эту неполноту у тѣхъ западныхъ ученыхъ, которые, владѣя въ достаточной мѣрѣ русскимъ языкомъ, имѣютъ возможность пополнить свои знанія православною богословскою наукою, не ограничиваясь узкими предѣлами мѣстнаго мышленія, т. е. пытаться достичь вселенскаго уразумѣнія истины.

Баронъ М. Ф. Таубе.

Пора дать и православной церкви свободу.

(По поводу статьи старообрядца о вѣротерпимости).

Помѣщенная въ № 202 газеты „Русск. Лист.“ за 1905 г. статья В. Механикова, подъ заглавіемъ „старообрядецъ о вѣротерпимости“, вызываетъ на размышленія. Заглавіе статьи не совсѣмъ соотвѣтствуетъ ея содержанію. Вмѣсто принципіальнаго рѣшенія вопроса о свободѣ вѣры, авторъ дѣлаетъ только односторонній подборъ церковно-историческихъ фактовъ и каноновъ, въ которыхъ говорится о снисходительныхъ и кроткихъ мѣрахъ, съ какими обращались отцы церкви къ иновѣрцамъ. Вопросъ о свободѣ вѣры въ той его постановкѣ, какую ему далъ авторъ статьи, намъ кажется неразрѣшимымъ. Факты церковной исторіи говорятъ только о томъ, что есть и было въ извѣстное время, а вовсе не о томъ, что должно быть нормой, которой руководится вся церковь. Правда, такой абсолютной нормой для христіанина должна быть любовь. Но конкретно осуществляется эта норма въ разные періоды и моменты церковной исторіи неодинаково. Авторъ говоритъ о снисходительныхъ и кроткихъ мѣрахъ по отношенію къ еретикамъ. Но изъ той же исторіи извѣстенъ рядъ суровыхъ мѣръ, какимъ подвергала церковь упорныхъ еретиковъ. Дѣло — въ цѣлесообразности той или другой мѣры. Извѣстно, прежде всего, неодинаковое отношеніе Христа къ іудеямъ. Когда онъ обращался къ „труждающимся и обремененнымъ“, то кротко говорилъ: „пріидите ко Мнѣ, Азъ упокою вы“. Но какъ Христосъ относился къ агитаторамъ іудействующей партіи, стремившихся насильственными средствами погубить все дѣло Христово? Скрывая скорбь въ душѣ, Онъ взиралъ на нихъ съ гнѣвомъ. Онъ бичомъ изгонялъ тѣхъ, которые попирали святые храмы. Св. Григорій Богословъ писалъ Константинопольскому патріарху

Нектарію, чтобы онъ въ борьбѣ съ аполлинаристами обратился за содѣйствіемъ къ гражданской власти. Св. Златоустъ просилъ императора Аркадія объ изгнаніи аріанъ изъ Константинополя (см. также Собор. Карѳаген. прав. 94 и 97; „Просвѣтитель“ Іосифа Волоколамскаго, стран. 526 — 555). Конечно, авторъ, задавшійся цѣлью рѣшить вопросъ о свободѣ вѣры на основаніи церковной исторіи, не долженъ забывать и объ этихъ фактахъ, долженъ объяснить ихъ. Въ разрѣзъ съ основнымъ принципомъ старообрядчества, по которому каноны и установленія древней церкви имѣютъ незыблемое ученіе и авторитетъ отцовъ церкви непоколебимъ, онъ скажетъ, что факты послѣдней категоріи находятъ свое объясненіе въ условіяхъ того времени, когда христіанство не проникло еще во всѣ сферы жизни и не было еще понятно, какъ ученіе о всеобъемлющей любви. Помимо того что въ подобномъ объясненіи нужно усматривать измѣну старообрядчеству, оно само по себѣ недостаточно. Неужели христіанство менѣе глубоко, чѣмъ современнымъ обществомъ, было усвоено первоверховнымъ апостоломъ Петромъ, поразившимъ смертью Ананію?! Неужели и великій проповѣдникъ Евангелія апостолъ Павелъ, ослѣпившій Елима, въ дѣлѣ пониманія христіанства стоялъ ниже уровня современнаго интеллигента?! Не думаемъ... Что, наконецъ, скажетъ старообрядецъ о Самомъ Основателѣ христіанства, Который двукратно изгналъ бичемъ торгующихъ изъ храма... Чтобы быть послѣдовательнымъ, старообрядецъ долженъ отречься не только отъ старины, но и отъ самаго христіанства.

Для объясненія того противорѣчія, которое, повидимому, возникаетъ между христіанскимъ ученіемъ о любви и насильственными мѣрами, можно предложить слѣдующее. Нужно прежде всего смотрѣть на мѣры внѣшняго воздѣйствія по отношенію къ еретикамъ, какъ на исключительныя, когда усиленная агитація вызывала исключительныя по своему характеру противодѣйствія со стороны представителей церковной власти. Не рѣшаясь на эти мѣры, отцы церкви должны бы были мириться съ осквернѣніемъ святыни, съ расхищеніемъ стада Христова. Нѣтъ, — они дорожили истиной болѣе, нежели своими отношеніями къ къ тѣмъ, которые насильственными средствами старались подавить истину, и это не было плодомъ неразумной ревности, о которой говоритъ апостолъ, это было сознательное, разумное стремленіе покорить Богу вселенную, сохранить въ чистотѣ ученіе Христово, и ту вѣру, безъ которой дѣла мертвы. Говоря объ исключительныхъ фактахъ отношеній къ еретикамъ со стороны отцовъ древней церкви, мы вовсе не желаемъ писать апологію инквизиціи. Извѣстно, что католицизмъ, породившій инквизицію, подпалъ третьему искушенію Христа и стремился къ политическому господству надъ міромъ. Нѣтъ, конечно, при-

чины указывать разницу между дѣятельностью, напримѣръ, Іоанна Златоуста и дѣятельностью инквизиторовъ. Что касается тѣхъ суровыхъ мѣръ, которыя принимала будто бы русская церковь противъ старообрядцевъ, то,—кромѣ того, что эти послѣдніе, желая оправдать свое отдѣленіе отъ церкви, обыкновенно сгущаютъ краски въ описаніи этихъ мѣръ,—хорошо извѣстно, кто здѣсь больше виноватъ. Развѣ можно здѣсь обвинять ту церковь, которая находилась въ это время въ „параличѣ“? Петръ I, стремясь къ неограниченной власти, перенесъ идеи цезаропапизма съ запада на русскую почву, и здѣсь осуществилъ ихъ, превративъ русскую церковь въ простой аттрибутъ русской государственности. Въ интересахъ государственно-общественной жизни необходимо было подавить религіозныя волненія и разногласія; отсюда и преслѣдованія старообрядцевъ гражданскою властью... Такимъ образомъ, факты пока остаются фактами; мы только объясняемъ ихъ, только оцѣниваемъ не съ точки зрѣнія выработанной заранѣе нормы отношеній церкви къ другимъ исповѣданіямъ, а съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности въ дѣлѣ распространенія Христова ученія и съ точки зрѣнія того одушевленія, которымъ руководствуются люди, ихъ совершившіе. Одни изъ этихъ фактовъ вполнѣ одобряемъ, другія оправдываемъ, третья извиняемъ, а вопросъ о свободѣ вѣры остается пока открытымъ.

Авторъ статьи направляетъ свою аргументацію противъ тѣхъ немногихъ органовъ, которые развиваютъ враждебное отношеніе къ старообрядчеству. Самъ же онъ съ большинствомъ нашей прессы ратуетъ за принципы свободы вѣры. Но въ данномъ случаѣ старообрядецъ „своихъ не позна“: въ рѣшеніи вопроса о свободѣ вѣры онъ опирается на авторитетъ отцовъ церкви и древнія церковныя законоположенія, тогда какъ большинство нашей прессы въ рѣшеніи того же вопроса стоитъ на почвѣ юридической, на почвѣ ученія соціальной біологіи, по законамъ которой жизнь общества можетъ развиваться только тогда, когда всѣ члены и части его правильно совершаютъ свои функціи Положительное рѣшеніе вопроса о свободѣ вѣры на почвѣ юридической мы вполнѣ раздѣляемъ, потому что такое именно рѣшеніе этого вопроса таится въ глубинѣ человѣческаго сознанія и гражданскій актъ, осуществившій этотъ принципъ, мы можемъ только привѣтствовать. Но вѣдь, когда старообрядцы говорятъ о правѣ ихъ исповѣданія на свободу, то они хлопочутъ изъ-за торжества своей вѣры; они желаютъ, чтобы имъ дана была возможность свободно развивать свои силы, вести побѣдоносную борьбу съ иновѣрцами. Церковь мистическая не боится этой борьбы, она можетъ принять чей угодно вызовъ; она выше историческихъ условій, ее не страшитъ ни мечъ государственный, ни усиленная пропаганда не вѣрующихъ въ нее и борющихся съ нею, и совершенно напрасны хлопоты обезсилить всесильную силу. Что же

касается церкви исторической, то она находится въ сравнительно другомъ положеніи, борьба съ нею должна быть равной и честной. А мы вѣдь знаемъ, что наша церковь вотъ уже около двухъ сотъ лѣтъ находится подъ опекой государственной власти. Внѣшняя сила обезоружила нашу церковь, лишивъ ее свободы дѣйствія; — такъ какъ государственною печатью придавлены всѣ тѣ мощныя силы, которыя хранитъ въ своихъ нѣдрахъ наша церковь. Съ такою церковью не можетъ быть равной борьбы. Но мы вѣримъ, что недалеко то свѣтлое будущее, когда съ нашей церкви спадутъ цѣпи чуждой ей опеки, она востанетъ для борьбы во всемъ своемъ грозномъ величіи и будетъ въ состояніи исполнить ту великую миссію предъ народомъ, о которой говорилъ Достоевскій. Есть сила въ той церкви, которая выдѣлила такую умственную силу, какъ Филаретъ, какъ Иннокентій, есть сила въ той церкви, которая воспитала Тихона Задонскаго, Серафима Саровскаго и друг. многихъ, предъ которой преклонялся Хомяковъ, въ которую вѣрилъ Вл. С. Соловьевъ?! Дарованіе церкви свободы считается теперь въ нѣкоторыхъ кругахъ вельможныхъ людей несвоевременнымъ въ виду тѣхъ волненій, которыми обуревается наша родина. Намъ, наоборотъ, кажется, что теперь и является самымъ насущнымъ вопросъ о предоставленіи церкви свободы, потому что церковь можетъ остановить русскій народъ отъ взаимнаго самоистребленія. Теперь-то именно церковь обнаружитъ тѣмъ болѣе могучія силы, что въ составъ ея должна войти большая часть интеллигенціи, которая вѣдь какъ бы то ни было искренно стремится къ воплощенію въ своей жизни религіозно-нравственныхъ идеаловъ. Такого рода интеллигенты— это будущіе прозелиты, отрѣшившіеся отъ марксизма, позитивизма и разнаго рода другихъ „измовъ“. Нужна реформа всего строя нашей церковной жизни, потому что современный ея строй не удовлетворяетъ мыслящей части нашего населенія, въ сознаніи котораго замѣчается поворотъ къ идеаламъ религіи. И тѣ изъ православныхъ, которые вѣруютъ въ истину православія по привычкѣ и не различаютъ церковь мистическую и церковь историческую, должны безъ боязни смотрѣть на эту будущую реформу, потому что пора уже умѣть различать божественный элементъ отъ человѣческаго въ ученіи Христа. Божественная сторона христіанства, заключающаяся въ Его догматическомъ и нравственномъ ученіи, должна оставаться незыблемой до самаго конца всемірной исторіи; тогда какъ внѣшняя жизнь церкви можетъ прогрессировать и измѣняться на лучшее въ зависимости отъ тѣхъ историческихъ условій, среди которыхъ церкви приходится бороться съ заблужденіями и разнаго рода полуистинами. Итакъ, пора стряхнуть съ церкви тотъ „соръ, который на историческомъ торжищѣ покрылъ Христову жемчужину“.

Священникъ-миссіонеръ *Дометій І. Холоповъ.*

Миссіонерство, секты и расколъ.

Печать и общество о миссіи и миссіонерахъ.—Общій взглядъ на современное состояніе внутренней миссіи.—Организація миссіи въ Тамбовской епархіи.—Двадцатипятилѣтіе миссіонерской дѣятельности.

Съ прискорбіемъ приходится отмѣчать, что нападки на миссію и ея дѣятелей, какъ въ печати, такъ и въ обществѣ продолжаются, а за послѣднее время пожалуй, и усиливаются. Говорятъ прежде всего: „зачѣмъ теперь миссія, когда съ высоты Царскаго Престола объявлена вѣротерпимость, всѣмъ дарована полная свобода совѣсти, свобода не только убѣжденій, но и внѣшняго религіознаго культа? Не является ли послѣ этого миссія съ ея насиліемъ (?) надъ личными убѣжденіями анархизмомъ, совершенно неумѣстнымъ въ наше время пережиткомъ прошлаго“? Не скрывая правды, замѣтимъ кстати, что подобные голоса раздаются не изъ одного свѣтскаго лагеря недоброжелателей миссіи. Нѣтъ, ихъ можно услышать и въ нашихъ церковныхъ кругахъ: они раздаются на нѣкоторыхъ съѣздахъ духовенства, на пастырскихъ собраніяхъ...

Прискорбный фактъ...

Свѣтской печати и свѣтскому обществу, неосвѣдомленнымъ въ спеціально-церковныхъ вопросахъ, конечно, до нѣкоторой степени еще простительно непониманіе смысла и важности миссіонерской работы. Но что сказать объ этомъ недоразумѣніи, которымъ проникнуты нѣкоторые дѣятели церкви? Неужели они доселѣ не могутъ понять, что миссія—это органически-составная часть общепросвѣтительной церковной дѣятельности? Что „воинствующая“ Церковь Христова (а таковою она останется до конца своихъ дней на землѣ) не можетъ отказаться отъ вразумленія заблуждающихся и охраненія вѣрныхъ своихъ чадъ? Что подобный отказъ былъ бы со стороны Церкви *само-*

отказомъ, отреченіемъ отъ своей великой и святой миссіи среди людей?

Когда, впрочемъ, попытки унизить и дискредитировать миссію, какъ именно явленіе церковной жизни, оказываются построенными на пескѣ и встрѣчаютъ должный отвѣтъ въ печати, особенно на страницахъ епархіальныхъ органовъ (см., напр., рѣчь г. Зороастрова въ № 1-мъ „Мисс. Обозр." за тек. г. изъ „Астрах. Епарх. Вѣдом."), то пресса, особенно свѣтская, старается, во что бы то ни стало, набросить тѣнь на дѣятельность представителей миссіи, на ненавистныхъ ей „миссіонеровъ", чтобы доказать, что миссія не только безполезна, но даже вредна для общественнаго блага и чуть-ли не грозитъ гибелью всему русскому обществу... Вотъ типическій образецъ такихъ сужденій, найденный нами на стр. „Нижегородскаго Листка":

„Каждый долженъ себѣ задать вопросъ: для чего миссіонеры? полезны-ли они? и есть-ли надобность тратить на нихъ милліоны рублей, собираемыхъ съ голоднаго народа, который они своими поступками не привлекаютъ въ церковь, а отгоняютъ отъ нея даже тѣхъ, которые и желали бы находиться въ ней? Они скорѣе поселяютъ въ народѣ смуту, разжигаютъ страсти. Это неудивительно. На бесѣдѣ въ Городцѣ называли старообрядцевъ слушатели японцами, а митрополитовъ ихъ купленными и фальшивыми".

Удивляемся злословію и клеветничеству этой „филиппики". Откуда газета взяла это лживое сообщеніе, что на миссію тратятся милліоны? Ничего, хотя бы приблизительно похожаго на эти миѳическіе „милліоны", въ дѣйствительности нѣтъ. На всѣхъ миссіонеровъ Имперіи Св. Синодъ тратитъ *изъ своихъ спеціальныхъ средствъ* не болѣе 4—5 десятковъ тысячъ рублей, если не считать тѣ буквально крохи, которыя удѣляются на миссіонерское дѣло изъ мѣстныхъ епархіальныхъ средствъ. „Миссіонеры сѣютъ смуту"... Что-то похожее на революцію... Но кромѣ „слезъ и смѣха" такое утвержденіе едва-ли заслуживаетъ хоть сколько-нибудь серьезнаго возраженія. Не можемъ, однако, не порекомендовать „Листку" и его единомышленникамъ вспомнить одно золотое правило здраваго человѣческаго смысла: „злословіе не есть доказательство".

* * *

Нельзя обойти молчаніемъ тѣхъ извѣстій о дѣятельности миссіи, которыя нами получены за послѣднее время, извѣстій тѣмъ болѣе важныхъ по своему значенію для характеристики современной миссіонерской работы и тѣмъ болѣе утѣшительныхъ, что они фактически, данными самой неприкрашенной живой дѣйствительности говорятъ противъ недоразумѣній, которыми окружено миссіонерское „дѣланіе".

Съ юга, юго-востока, изъ западнаго и сѣвернаго края намъ сообщаютъ весьма отрадныя вѣсти. Миссіонеры почти вездѣ работаютъ по сравненію съ прошлымъ съ удвоенной энергіей. Миссіонерскія поѣздки въ епархіяхъ, бесѣды съ заблуждающимися и православными участились. Епархіальные преосвященные въ епархіяхъ, зараженныхъ расколо-сектантствомъ, изыскиваютъ новыя и новыя мѣры къ оживленію и усиленію миссіонерской дѣятельности. Возникаютъ и съ успѣхомъ работаютъ новые и новые братства и кружки ревнителей православія. Учреждаются миссіонерскіе комитеты для содѣйствія миссіи и миссіонерамъ, миссіонерскіе курсы, школы для подготовленія миссіонеровъ изъ народа. Идутъ вѣсти и о добрыхъ благотворныхъ результатахъ дѣятельности миссіи, миссіонерской проповѣди. Въ одномъ мѣстѣ прекращена пропаганда сектантовъ среди православныхъ, въ другомъ сектанты обращаются въ лоно православной Церкви и т. п. И все это несмотря на всѣ тѣ, порой, повидимому, непреодолимыя препятствія, непобѣдимыя препоны, которыя лежатъ на пути миссіонерской проповѣди. Не надо упускать изъ вида и того, что съ объявленіемъ вѣротерпимости наши диссиденты стали относиться къ миссіонерамъ и православію по мѣстамъ съ гораздо большимъ недоброжелательствомъ, чѣмъ до изданія законовъ о свободѣ совѣсти. Вотъ что, напримѣръ, пишетъ свящ. Е. Зубаревъ въ „Костр. Епарх. Вѣдомостяхъ“:

„Отношенія раскольниковъ къ миссіонерамъ и православію послѣ дарованія свободы исповѣданія нѣсколько измѣнились къ худшему. Миссіонеру Макарьевскаго и Юрьевецкаго уѣздовъ они говорили; „Нынѣ всѣ спутались въ вѣрѣ и само начальство не знаетъ, какая истинная вѣра, оттого оно и дозволило всѣ вѣры, велѣло вѣровать всякому, кто какъ хочетъ. Въ старину начальство знало истину и за нее стояло, а еретиковъ преслѣдовало и старалось обратить на правый путь, оттого ересей и расколовъ тогда и не было. Появилась было ересь (собственно расколъ) стригольниковъ, но скоро была уничтожена. Нынѣ же всѣ вѣры признаны истинными“. Далѣе говорили раскольники, что „на бесѣды ходить ужъ не пошто“, что „и миссіонеровъ-то скоро уничтожатъ, да и поповъ-то скоро не будетъ“. И на самомъ дѣлѣ, замѣчаетъ о. миссіонеръ, раскольники почти не стали ходить на бесѣды, а если упросишь и придутъ, то прямо говорятъ: „теперь насъ не заставишь вѣровать по вашему: само начальство признало нашу вѣру правой“. Раньше въ нихъ было нѣкоторое сомнѣніе, продолжаетъ о. миссіонеръ, въ расколѣ; я знаю и священники сообщаютъ нѣсколько примѣровъ, что были колеблющіеся и желавшіе присоединиться къ православію, теперь-же они успокоились въ своемъ заблужденіи, и это ихъ спокойствіе едва ли скоро растревожишь. Народъ русскій смотритъ больше на начальство, въ немъ сильно воспитано благоговѣніе предъ властію и пока оно еще не истреблено прокламаціями,—и вотъ онъ видитъ,

что власть его вѣру признаетъ законной, посему и успокаивается, говоря: „начальство больше знаетъ“.

Успокоенію раскола, по словамъ того же миссіонера, много способствуютъ и свѣтскіе писатели-никудышники. Книги съ предвзятыми взглядами, каковы „Великій расколъ“ Мордовцева, „Обмірщеніе“ Боборыкина и т. п., имѣются у раскольниковъ Макарьевскаго уѣзда и много способствуютъ укрѣпленію ихъ въ расколѣ. Они не могутъ еще понять, что есть не дѣйствительные, а только именуемые православные, которые ихъ ложно защищаютъ; они говорятъ: „если насъ защищаютъ, то, значитъ, вамъ нечего прать противъ правды“. Результатъ всего этого тотъ, говоритъ о. миссіонеръ, что въ нынѣшнемъ (1905) году, не смотря на бесѣды, веденныя епархіальнымъ миссіонеромъ, пріѣзжавшимъ два раза въ здѣшнюю мѣстность, и обычныя мои, обращеній изъ раскола въ православіе было менѣе всѣхъ прежнихъ лѣтъ. Безпорядковъ раскольники во время собесѣдованій въ нынѣшнемъ году не производили, а фанатизмъ ихъ нами рѣдко очисывается.

Однако считаю нужнымъ сказать, пишетъ онъ, что здѣшніе раскольники всѣ фанатики; особенно фанатичны женщины. Онѣ здѣсь—сила раскола, расколъ ими живетъ и крѣпнетъ; онѣ здѣсь часто исполняютъ и обязанности требоисправителей. Онѣ православнымъ не даютъ ни прохода, ни проѣзда, чтобы не посмѣяться надъ ихъ вѣрой; гдѣ ни сойдутся, на базарѣ ли, въ деревнѣ ли, въ лѣсу ли, на рѣкѣ ли,—вездѣ только и разговоръ о насъ, православныхъ. Нами раскольники въ большинствѣ гнушаются, какъ погаными. Наши обряды называютъ самыми мерзкими именами. Въ деревняхъ, гдѣ большинство раскольниковъ, православнымъ положительно житья нѣтъ,—они просто мученики: ихъ и срамятъ, и землю отъ нихъ огбираютъ десяткомъ, и въ нуждахъ ихъ никогда не удовлетворяютъ и т. п. Подлинно, только благодать Божія еще удерживаетъ здѣсь православіе при такихъ, почти невозможныхъ, условіяхъ жизни. Этотъ раскольническій фанатизмъ, въ случаѣ нужды соединяемый съ лицемѣріемъ, и служитъ препятствіемъ къ откровеннымъ отношеніямъ ихъ къ миссіонерамъ и священникамъ. Какъ они рѣшатся откровенничать съ человѣкомъ, съ которымъ считаютъ грѣхомъ ѣсть и пить [1]), котораго считаютъ поганымъ, слугою сатаны, при встрѣчѣ съ которымъ стараются отворотиться или, какъ нѣкоторые, лечь ницъ лицомъ на землю, чтобы не видѣть его. Если нѣкоторые священники смягчительно говорятъ о раскольникахъ въ этомъ отношеніи, то это происходитъ или оттого, что раскольники умѣютъ и любятъ лицемѣрить, или же оттого, что священникамъ просто не хочется писать о фанатизмѣ раскольниковъ, да еще съ указаніемъ фактовъ. Это ли не фанатизмъ, когда раскольники, идя мимо храма, стараются идти отъ него такъ, чтобы даже тѣнь храма не пала на нихъ и не „осквернила ихъ“? Это ли не фанатизмъ, когда своихъ же, принужденныхъ обстоятельствами жизни обращаться съ православными, они считаютъ „обмірщившимися“ и

---

[1]) Меня, какъ рѣдко бывающаго въ Макарьевскомъ уѣздѣ, раскольники въ большинствѣ встрѣчали не фанатично и угощали чаемъ за однимъ съ собою столомъ. Впрочемъ, это далѣе отъ Волги, въ глуши.

Свящ. *Е. Зубаревъ.*

„осквернившимися“, и съ ними уже не ѣдятъ и не пьютъ вмѣстѣ, пока не „очистятъ“ ихъ? Это ли не фанатизмъ, когда они даже воды не дадутъ православному изъ своего колодца, боясь, что онъ „осквернитъ“ ихъ колодецъ? И таковыхъ фанатиковъ здѣсь большинство, чуть ли не всѣ, а потому трудно ожидать скоро большихъ плодовъ отъ миссіонеровъ и ихъ собесѣдованій. Такъ заключаетъ о. миссіонеръ Макарьевскаго и Юрьевецкаго уѣздовъ.

Къ миссіонеру Варнавинскаго уѣзда раскольники и сектанты, по его сообщенію, относились съ уваженіемъ, а къ бесѣдамъ его со вниманіемъ, хотя взглядъ на миссіонеровъ, говоритъ онъ, не успѣлъ еще выработаться у нихъ, какъ на людей—проповѣдниковъ безусловной истины. По мнѣнію многихъ, особенно главарей раскола, миссіонеры—это люди мастеровые, души продажныя, подкупленныя жалованьемъ. Поэтому и къ доводамъ ихъ относятся съ большимъ разборомъ. Надо полагать, что частыя собесѣдованія съ ними, исполненныя мира, любви и снисходительности къ заблудшимъ, заставятъ ихъ отказаться отъ своего взгляда на миссіонеровъ, какъ на узкихъ спеціалистовъ, работающихъ „не ради Іисуса, а ради хлѣба куска“. Откровеннымъ отношеніямъ раскольниковъ и сектантовъ къ миссіонерамъ много препятствуютъ ихъ уважаемые „старики“ и „старухи“, къ которымъ они относятся съ большимъ довѣріемъ, какъ хранителямъ старой вѣры, а также страхъ лишиться молитвеннаго общенія съ ними. Миссіонерскія бесѣды многими раскольниками и сектантами посѣщаются охотно и на нихъ старообрядцы стараются сохранить должный порядокъ. Побуждающіе мотивы посѣщать бесѣды они находятъ прежде всего въ своемъ сердцѣ, въ желаніи узнать „вѣчную истину“ и спасти свою душу. Правда, бывали на бесѣдахъ у о. миссіонера и противоположныя явленія, но это благодаря обнаруженному упорному невѣжеству собесѣдниковъ: Якова Петрова, Максима Сергѣева (по слухамъ, нынѣ уклонившагося въ молоканство) и Якова Онисимова. Доводы о. миссіонера, очевидно, подрывали ихъ авторитетъ предъ слушателями, какъ неопытныхъ и самозванныхъ учителей, потому они старались замять дѣло то зачитываніемъ, то крикомъ и даже бранью, и т. п.“

* *

Въ послѣднемъ номерѣ „Тамбовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ истекшаго года напечатана новая мѣстная инструкція епархіальнымъ миссіонерамъ.

Бѣдная наша противо-расколосектантская миссія, пасынокъ среди другихъ епархіальныхъ дѣлъ и учрежденій, въ каждой епархіи устроена на свой образецъ и вездѣ неопредѣленно касательно своихъ правъ и отношеніи къ другимъ должностнымъ лицамъ и мѣстамъ епархіи. Поэтому, вопросъ о реформѣ миссіи въ одной какой-либо епархіи пріобрѣтаетъ всеобщій интересъ: больныя мѣста у миссіи разныхъ епархій обычно одни и тѣ-же; а если и не такъ, то сравненіе устройства миссіонерскаго дѣла разныхъ епархій должно послужить матеріаломъ къ созданію общими силами лучшаго типа миссіонерской

организаціи. И, кажется, настанетъ время, о которомъ миссіонеры должны думать: теперь или никогда, т. е. если послѣ объявленныхъ религіозныхъ свободъ мы не добьемся твердаго признанія Церковью нашего дѣла и ясной правовой регламентаціи нашего института, то, значитъ, этого никогда и не будетъ.

Миссія тамбовская, можетъ быть, одна изъ самыхъ многострадальныхъ. У нея много дѣла. Епархія изстари имѣетъ тысячъ 13 молоканъ, штундо-баптистовъ, жидовствующихъ, хлыстовъ и скопцовъ и тысячъ 8 послѣдователей австрійщины, безпоповства и бѣглопоповства. Но служебныхъ правъ, дѣлового значенія и иниціативы у миссіонеровъ было очень и очень мало. Долгое время, несмотря на Синодскіе указы и правила о миссіи, миссіонеры считались наймитами мѣстнаго миссіонерскаго [1]) Братства, безъ права участія въ его Совѣтѣ и безъ доступа къ центру епархіальной жизни и управленія. Это положеніе вещей санкціонировала старая мѣстная инструкція 1893 года. Послѣ миссіонеры были допущены въ Совѣтъ Братства и стали имѣть доступъ въ епархіальному преосвященному. Но Совѣтъ оставался ихъ ближайшимъ начальствомъ и всегда держался такого взгляда, что епархіальный миссіонеръ есть только подвѣдомый ему разъѣзжій проповѣдникъ. Служебное отношеніе епархіальнаго миссіонера къ епископу и Совѣту Братства стало крайне двусмысленнымъ; отношенія-же къ другимъ касающимся дѣла миссіи епархіальнымъ учрежденіямъ, какъ напримѣръ консисторіи, были совсѣмъ даже и не намѣчены. Миссіонеры епархіальные не знали даже и того, кто они въ отношеніи миссіонеровъ окружныхъ и приходскихъ священниковъ. Это лишало ихъ служебной иниціативы и возможности вліять на миссіонерское дѣло епархіи. Между тѣмъ, жизнь ясно доказала, что два—три миссіонера епархіальныхъ, безъ вліянія на общее миссіонерское дѣло епархіи и безъ ясно установленной связи съ миссіонерами окружными и приходскими, просто какъ одинокіе и отъ всего отъединенные проповѣдники, сдѣлать многаго не въ силахъ противъ раскиданныхъ на 400 верстъ въ длину и 200 въ ширину 20 тысячъ диссидентовъ. Однако отъ означенной должности ждали многаго: духовенство думало, что 3 миссіонера должны работать *вмѣсто него*, а миссіонерское Братство,—что оно можетъ *лишь руководить* миссіонерами; и сектантство купно съ расколомъ должно-дескать быть сокрушено. Послѣдняго не случилось. Статистика не вполнѣ удовлетворительна. Ergo: миссіонеры худы. Положеніе миссіонеровъ стало нравственно тяжелымъ. Не довернись—виноватъ, перевернись—тоже. Хочешь приложить силы въ помощь дѣлу: оказывается, ты не въ курсѣ епархіальнаго миссіонерскаго

[1]) См. Ив. Маріупольскій. „Исторія Тамбовской миссіи“. 1905 г.

дѣла; оказывается, ты не знаешь, что указываютъ по миссіи въ епархіи, чего желаетъ Синодъ и т. д. Хочешь узнать что-либо по этой части,— тамъ не имѣешь права, а это дано „конфиденціально“, а тутъ надоѣдаешь, часто одолжаешься... Что увидѣлъ своими глазами или узналъ случайно и келейно, лишь то и твое. А всего однимъ своимъ глазомъ не измѣришь, келейно всего не узнаешь...

Все сіе и побудило тамбовскую миссію искать себѣ бумажнаго опредѣленія своихъ служебныхъ правъ и отношеній. Преосвященный отнесся къ этой мысли сочувственно. Составленная, при его личномъ участіи, инструкція именно и имѣла въ виду дать епархіальному миссіонеру опредѣленное мѣсто въ ряду другихъ служебныхъ лицъ и мѣстъ епархіи, чтобы дать ему возможность имѣть служебное вліяніе на миссіонерское дѣло епархіи. Задача эта выполнена слѣдующимъ образомъ.

Инструкція подчеркиваетъ всеобщую обязательность Синодальныхъ правилъ о миссіи 1888 года и опредѣляетъ служебное положеніе епархіальныхъ миссіонеровъ, почти дословно выраженіями Синодальныхъ правилъ, въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ епископу.

§ 11. „Въ служебномъ отношеніи епархіальный миссіонеръ состоитъ въ ближайшемъ и непосредственномъ распоряженіи епархіальнаго преосвященнаго, будучи имъ назначаемъ въ должность, отъ него непосредственно получая руководственныя по службѣ указанія, къ нему входя съ докладами по всѣмъ дѣламъ миссіи въ епархіи и ему давая отчетъ о своихъ служебныхъ занятіяхъ, состояніи сектъ или старообрядчества и вообще о всѣхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, благопріятствующихъ миссіонерскому дѣлу или тормозящихъ его. Епархіальный епископъ, по своему ближайшему усмотрѣнію, распредѣляетъ между епархіальными миссіонерами ихъ служебныя занятія“.

Отношенія къ консисторіи выражены такъ:

§ 12. „Не будучи подвѣдомы консисторіи и не входя въ составъ ея ни въ какомъ качествѣ, епархіальные миссіонеры, по ея приглашенію или по нарочитому распоряженію епископа, даютъ однако свои письменные отзывы и заключенія по дѣламъ, касающимся миссіи, напримѣръ о состояніи зараженныхъ сектами или старообрядчествомъ приходовъ, о принимаемыхъ въ оныхъ мѣропріятіяхъ и дѣйствованіяхъ со стороны приходскаго духовенства, объ открытіи въ такихъ мѣстностяхъ новыхъ приходовъ или построеніи церквей, объ открытіи единовѣрческихъ приходовъ и т. п., а равно исполняютъ ея порученія касательно миссіи, но не иначе, какъ по утвержденіи ихъ епархіальнымъ епископомъ. Но для сего они должны быть поставляемы въ извѣстность обо всемъ, что можетъ имѣть руководственное по дѣламъ, касающимся миссіи вообще и мѣстной въ частности, значеніе“.

Отношенія къ Братству, служившія изстари для миссіонеровъ источникомъ всякихъ дрязгъ и служебныхъ недоразумѣній, теперь опредѣлены въ слѣдующихъ чертахъ:

§ 13. „Такъ какъ для цѣлей миссіонерства въ ближайшемъ распоряженіи епархіальнаго епископа, кромѣ епархіальныхъ миссіонеровъ, есть еще и Казанско-Богородичное Братство, уставъ котораго ставитъ ему въ задачу борьбу противъ сектъ и старообрядчества, то для установленія между братствомъ и епархіальной миссіей единства дѣйствій, общенія и взаимопомощи, епархіальные миссіонеры, по должности, входятъ въ Совѣтъ Братства въ качествѣ непремѣнныхъ членовъ онаго. Въ силу своей обоюдной подчиненности одному епископу, епархіальные миссіонеры, какъ и совѣтъ Братства одинаково исполняютъ порученія преосвященнаго, будутъ-ли они выражены на докладахъ ему епархіальныхъ миссіонеровъ или на журнальныхъ постановленіяхъ предъ нимъ Совѣта Братства".

Епархіальные миссіонеры по должности введены въ составъ епархіальнаго училищнаго совѣта, какъ сверхштатные его члены (Инстр. § 14). Служебная связь миссіонеровъ епархіальныхъ съ окружными установлена въ такомъ видѣ:

§ 15. „Назначаемые епархіальнымъ преосвященнымъ, согласно § 6 Синод. пр., окружные миссіонеры изъ приходскихъ или безприходныхъ священниковъ, равно и изъ среды мірянъ, впослѣ способныхъ къ миссіонерской дѣятельности, являются сотрудниками и помощниками миссіонеровъ епархіальныхъ, коими они руководствуются въ своей миссіонерской дѣятельности, къ нимъ обращаются во всѣхъ недоумѣнныхъ случаяхъ, свой отчетъ представляютъ въ Совѣтъ Братства, а о всѣхъ болѣе важныхъ обстоятельствахъ миссіонерскаго дѣла своего округа (особенно о случаяхъ совращеній) сообщаютъ имъ или епархіальному архіерею немедленно".

Касательно приходскаго духовенства для миссіонера создано слѣдующее положеніе:

§ 16. „Будучи первымъ миссіонеромъ своего прихода, священникъ непрерывно ведетъ въ немъ миссіонерское дѣло. Въ лицѣ епарх. миссіонера онъ имѣетъ себѣ сотрудника и совѣтника, къ которому непосредственно и обращается въ нужныхъ и недоумѣнныхъ по дѣлу миссіи случаяхъ. Долгъ епарх. миссіонера ободрять и оживлять энергію дѣятелей приходской миссіи и обратно—дѣло послѣднихъ освѣдомлять епарх. миссіонера о состояніи миссіи, сектъ и старообрядчества въ своемъ приходѣ"...

Наконецъ, формулировано служебное отношеніе епархіальнаго миссіонера ко всѣмъ остальнымъ сторонамъ миссіонерскаго дѣла.

§ 17. „Рекомендація миссіонерскихъ брошюръ и листковъ для без-

платнаго распространенія въ народѣ, а равно—и миссіонерскихъ книгъ для приходскихъ и иныхъ миссіонерскихъ библіотекъ епархіи входитъ въ кругъ правъ и обязанностей епархіальнаго миссіонера. Миссіонеры-книгоноши и ревнители изъ крестьянъ, въ отношеніи миссіонерства, получаютъ отъ епарх. миссіонера руководственныя указанія. Епарх. миссіонеръ по возможности располагаетъ къ занятію миссіонерствомъ низшихъ членовъ клира и является совѣтникомъ по миссіонерской части учителей церковныхъ школъ въ зараженныхъ сектами и старообрядчествомъ приходахъ и особенно—школъ, субсидируемыхъ въ миссіонерскихъ цѣляхъ. Онъ радѣетъ и ходатайствуетъ предъ преосвященнымъ о приходскихъ миссіонерскихъ кружкахъ или братствахъ, о повременныхъ миссіонерскихъ курсахъ, объ устройствѣ школъ для подготовки къ миссіонерской дѣятельности крестьянъ—ревнителей, объ учрежденіи миссіонерскихъ фондовъ, особенно для помощи новообращенныхъ и вообще изыскиваетъ, съ вѣдома преосвященнаго, лучшіе пути и мѣропріятія миссіонерства".

§ 20. „Забота и ходатайство предъ преосвященнымъ о миссіонерскихъ съѣздахъ есть дѣло епархіальнаго миссіонера".

Инструкція, какъ видно, не представляетъ собою окончательнаго слова и опредѣляетъ служебныя права миссіонера не вполнѣ твердою рукою. Такъ, напримѣръ, въ отношеніи консисторіи на миссіонеровъ возложены однѣ обязанности; права же ихъ выражены крайне общо: „они должны быть поставляемы въ извѣстность (кѣмъ) обо всемъ, что можетъ имѣть руководственное по дѣламъ миссіи значеніе". Удаленный же отъ оффиціальнаго руководственнаго бумажнаго матеріала, какъ сможетъ миссіонеръ руководить дѣло миссіи въ епархіи? Есть въ инструкціи и такое противорѣчіе: хотя миссіонеръ объявляется неподвѣдомымъ консисторіи, а лишь непосредственно одному преосвященному, но ему вмѣняется въ обязанность исполнять утвержденныя епископомъ миссіонерскія порученія консисторіи. Слабо выражено въ инструкціи и руководительное положеніе миссіонера къ приходскому духовенству. Наконецъ, епархіальный миссіонеръ поставленъ совершенно въ сторонѣ отъ отчетности миссіонеровъ окружныхъ, что едва-ли будетъ полезно его дѣлу.

Но за всѣмъ тѣмъ, инструкція есть громадный шагъ впередъ сравнительно съ прежнимъ положеніемъ вещей въ епархіи Тамбовской. Вѣримъ, что выясняющееся новое трудное положеніе миссіонерства побудитъ сочувствующую дѣлу миссіи власть идти еще впередъ по принятому направленію.

* * *

13 марта сего года исполнится двадцатипятилѣтіе служебнаго подвига на миссіонерскомъ поприщѣ проживающаго здѣсь Саратовскаго епархіальнаго миссіонера, священника Павла Димитріевича Шалкинскаго.

Почтенный юбиляръ происходитъ изъ крестьянъ Саратовской губерніи,—крещенъ въ православной Церкви, но въ дѣтствѣ, вмѣстѣ съ отцемъ, уклонился въ расколъ безпоповщины. Съ дѣтства, отличаясь природнымъ умомъ и любовію къ чтенію свято-отеческихъ и богослужебныхъ книгъ, онъ еще въ юношескіе годы занималъ видное положеніе въ безпоповщинѣ, въ особенности послѣ посѣщенія с. Самодуровки, гдѣ онъ проживалъ, преосвященнаго Іоанникія саратовскаго, которому юный защитникъ раскола въ церковной оградѣ предложилъ нѣсколько устныхъ вопросовъ и вручилъ тетрадь, излагающую причины, служащія препятствіемъ къ возсоединенію старообрядцевъ съ Св. Церковію.

Съ этого времени П. Д. выступилъ уже, какъ признаный защитникъ безпоповщины, въ собесѣдованія съ „внѣшними“, т. е. не безпоповцами, и предназначался въ кандидаты „наставника“. Но, вступая въ собесѣдованія и наталкиваясь на разные жгучіе вопросы по церковной догматикѣ, онъ сталъ колебаться въ правотѣ раскола и усерднѣе изучать творенія св. отцовъ и каноны св. Церкви.

Сомнѣніе, какъ червь, точило его сердце, не давало душевнаго покоя. И вскорѣ онъ вполнѣ убѣдился, что спасеніе только въ православной Церкви. Но порвать сразу съ расколомъ, гдѣ онъ пользовался такимъ почетомъ, было трудно: нужна была помощь свыше, чтобы переломить себя—и она явилась въ видѣ сильной болѣзни. Надежды на выздоровленіе не было,—и больной проситъ Бога исцѣлить его, обѣщаясь по выздоровленіи посвятить свою жизнь на служеніе святой Церкви. Богъ услышалъ молитву.

По выздоровленіи П. Д., еще не присоединяясь, началъ объѣзжать всѣ села и деревни, въ которыхъ совратилъ въ расколъ не одну сотню православныхъ, и убѣждалъ ихъ возвратиться въ православную Церковь. Кромѣ устной проповѣди, онъ велъ съ раскольниками и переписку. Одно изъ такихъ писемъ—посланій попало въ руки священника с. Шалкина П. Георгіевскаго, который и напечаталъ это посланіе въ мѣстныхъ „Епарх. Вѣд.“. Преосвященный саратовскій Тихонъ, прочитавъ письмо, пожелалъ познакомиться съ авторомъ и пригласилъ къ себѣ въ Саратовъ. 8 марта 1881 года преосвященный Тихонъ лично присоединилъ П. Д. къ православной Церкви, въ саратовскомъ каѳедральномъ соборѣ и въ этотъ же день новоприсоединенный провелъ бесѣду въ Саратовѣ съ извѣстнымъ защитникомъ австрійщины И. П. Масловымъ, а 13 того же марта утвержденъ миссіоне-

ромъ на три уѣзда. И съ тѣхъ поръ, въ продолженіе 25 лѣтъ, о. Павелъ съ истиннымъ апостольскимъ самоотверженіемъ трудится на пользу св. Церкви, не желая промѣнять эту должность на болѣе спокойную и обезпеченную жизнь приходскаго священника.

Съ какою ревностью отдался онъ своему св. служенію, видно изъ его отчетовъ и извѣстно всѣмъ, близко знакомымъ съ о. юбиляромъ: онъ проводилъ въ годъ иногда болѣе 200 публичныхъ бесѣдъ, продолжавшихся по 5, 8, 10, а иногда и 12 часовъ безъ перерыва. Кромѣ того, онъ находилъ время писать статьи и замѣтки по расколо-обличенію въ журналахъ: „Истина“, „Братское Слово“, „Миссіонерское Обозрѣніе“, „Православный Путеводитель“ и др. Особенно много его статей напечатано въ мѣстныхъ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“; сотрудничалъ онъ и въ ежедневныхъ газетахъ столичныхъ и провинціальныхъ. И труды его не оставались тщетными. Непосредственно имъ самимъ присоединено къ св. Церкви болѣе тысячи человѣкъ, не говоря уже о присоединеніяхъ, совершенныхъ благодаря его проповѣди, приходскими священниками.

Отъ души пожелаемъ ревностному проповѣднику св. истины, труженику миссіи, еще многіе годы во здравіи съ прежней энергіей и пользою потрудиться на тернистомъ пути миссіонерскаго служенія.

Вѣстникъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“

Бѣглый попъ въ Забайкальѣ.

Въ ноябрѣ минувшаго года забайкальская бѣглопоповская община, отъ разныхъ селъ и деревень снарядила депутацію человѣкъ въ 7 или 8, въ Москву—по разнымъ дѣламъ, кого на предстоявшій въ декабрѣ мѣсяцѣ старообрядческій соборъ, кого раздобыть древній антиминсъ (въ нѣкоторыхъ селеніяхъ послѣ Указа 17 апрѣля 1905 года бѣглопоповцы построили форменныя церкви); а кого спеціально за попомъ.

Община, конечно, не поскупилась собрать на проѣздъ своей депутаціи пенязей довольно. Всѣ благодушествовали и радовались, благодарили Всевышняго, что наконецъ Господь сподобилъ ихъ дождаться того свѣтлаго и всерадостнаго, давно желаннаго времени, о которомъ пророчествовали старики,—что „настанетъ время, когда процвѣтетъ Христова вѣра яко кринъ сельный“.

Бѣглопоповцы съ нетерпѣніемъ ждали возвращенія своей депутаціи, которая, думалось имъ, навезетъ для общины всякой благодати. Депутація въ первыхъ числахъ января сего года, возвратилась обратно, но ничего свѣжаго не привезла: соборъ не состоялся, антиминсовъ не раздобылись, привезли только попа, да разной шелковой матеріи, кототою теперь депутаты потихоньку и торгуютъ. Попа привезли совсѣмъ какого-то изъ новенькихъ, называется онъ Сергіемъ И—скимъ.

Депутаты разсказываютъ:

„Только что, Богъ далъ, нашли священника, присоединили его, хотѣли было отправляться въ путь, вдругъ забастовка, желѣзно-дорожное движеніе прекратилось, пришлось въ Москвѣ просидѣть лишнихъ двѣ недѣли. А сколько пришлось въ это время принять голоду и холоду и всякой страсти натерпѣться? Не одинъ разъ случалось по нѣскольку часовъ сидѣть въ отхожихъ мѣстахъ. Но за то и привезли уже слишкомъ авторитетнаго батюшку, съ большими правами; онъ никого не боится, все можетъ совершить, что угодно, не опасаясь ни-

какого преслѣдованія, потому что ему права даны отъ самаго Государя и ему не смѣетъ никто указать".

И, дѣйствительно, старообрядцы нисколько не преувеличиваютъ, что ихъ попъ никого не боится, что хочетъ, то и дѣлаетъ. Вотъ фактъ. Въ Бичурское волостное правленіе поступило отъ крестьянскаго начальника распоряженіе, чтобы вновь избранныхъ волостныхъ судей и помощниковъ волостного старшины привести къ присягѣ. Волостной старшина, родной братъ бѣглопоповскаго уставщика, который въ качествѣ старшаго депутата ѣздилъ въ Москву и привезъ попа, 5 февраля текущаго года роздалъ повѣстки волостнымъ судьямъ и помощникамъ старшины, чтобы на слѣдующій день они непремѣнно явились въ бѣглопоповскую часовню для приведенія ихъ къ присягѣ; и всѣ они явились въ часовню, гдѣ приняли присягу и подписали присяжный листъ; подписалъ его въ настоящей формѣ и самъ бѣглый попъ. Все это продѣлывается на основаніи указа 17 апрѣля 1905 г., хотя вообще раскольническіе начетчики и говорятъ относительно своеводы вѣроисповѣданія съ указомъ 17 апр., что это самая тонкая сѣть антихристова, въ которую хотятъ оставшуюся горсть христіанства, т. е. ихъ, старообрядцевъ, уловить и погубить...

Свящ. *А. Павловъ.*

Отвѣтное открытое письмо баптистскому наставнику Дѣю Ивановичу Мазаеву.

Многоуважаемый Дѣй Ивановичъ!

Слово Божіе говоритъ намъ, что Господь Іисусъ Христосъ есть дверь во дворъ овчій, т. е. церковь. Какимъ образомъ должно входить этой дверью?—путемъ исполненія Его заповѣдей.

Предположимъ, что кто-либо безъ вашего вѣдома будетъ внушать дѣтямъ вашимъ ученіе, которое вы считаете вреднымъ. Вы зовете этого человѣка на объясненіе, а онъ заявляетъ вамъ: „съ вами я бесѣдовать не желаю". Вы будете совершенно правы, когда скажете, что человѣкъ этотъ входитъ не дверью, а „перелазитъ индѣ" (Іоан. 10, 1), что онъ далекъ отъ завѣтовъ Христовой любви и правды, что въ немъ отсутствуетъ прямота, приличная христіанину.

Господь сказалъ: „будьте мудры, какъ зміи, и просты, какъ голуби" (Матѳ. 10, 16). При наличности перваго качества необходимо имѣть и второе.

Для того, чтобы понять это,—увѣряю васъ—нѣтъ никакой нужды считать меня дверью церкви, или читальни.

Затрудняюсь допустить, что вамъ неизвѣстно было, что преобладающее населеніе г. Новочеркасска—православное. Какъ мнѣ извѣстно, баптисты во время своего пріѣзда сюда, не только читали, но и объясняли Писаніе.

По своему, или какъ написано? что дѣлаютъ православные миссіонеры—спорятъ или проповѣдуютъ—на бесѣдахъ? насколько близко сердцу баптистовъ ученіе св. Аѳанасія Великаго и Іоанна Златоуста?—эти вопросы лучше всего выяснились бы на публичной бесѣдѣ съ вами.

Вы глубоко правы въ томъ, что „пріемы“ православныхъ миссіонеровъ и баптистскихъ наставниковъ различны: мнѣ ни разу не приходилось замѣчать, чтобы „въ планы“ православныхъ миссіонеровъ „входило“—избѣгать публичныхъ бесѣдъ съ распространителями баптизма.

Чтенію слова Божія я всегда радуюсь. Баптистской пропагандой „исподтишка“, какъ и всякимъ поступкомъ, въ которомъ недостаетъ нравственной корректности, я, дѣйствительно, бываю огорченъ.

Святый Апостолъ Петръ пишетъ: „будьте всегда готовы всякому, требующему у васъ отчета въ вашемъ упованіи, дать отвѣтъ съ кротостью и благоговѣніемъ“ (1 Петр. 3, 15).

Я просилъ васъ и собратьевъ вашихъ прибыть на 1, 2 и 3 марта въ Новочеркасскъ на публичныя бесѣды. Вопреки повелѣнію Апостола вы не явились.

Надѣюсь, и вы простите мнѣ, если я на вашу откровенность отвѣчу откровенностью: ваше отсутствіе было понято мною и другими, собиравшимися на предполагаемыя бесѣды,—въ томъ смыслѣ, что вы не такъ чувствуете себя сильными „за истину“, какъ „противъ истины“, что вы отсутствовали потому, что предчувствовали обличеніе, или обнаруженіе несогласія вашего упованія со словомъ Божіимъ.

Огорченъ вашими поступками вдвойнѣ и сожалѣю о васъ.

Желающій вамъ всего добраго отъ Господа.

Миссіонеръ *Д. Граціанскій.*

∞ *О единеніи духовенства на почвѣ народнаго образованія.* По поводу не прекращающагося спора между представителями церковно-приходской и земской школъ, свящ. А. Ромодановъ въ „Таврич. Епарх. Вѣд.“ справедливо замѣчаетъ:

„Земству и духовенству нужно дружно сплотиться и соединиться и не укорять другъ друга, а вѣрить, что какъ ни одиноко пока стоятъ ихъ школы, какъ ни страшно медленно, но дѣло народнаго образо-

ванія подвигается уже впередъ; сѣются уже сѣмена будущей лучшей жизни для Россіи, и главными сѣятелями этихъ лучшихъ основъ должны быть школы и ихъ учителя. Пускай-же поймутъ это и наши реформаторы и убѣдятся, что не забастовками, насиліями и беззаконіями можно возродить страну къ лучшему, а пусть сначала оглянутся на ниву народную, поддержатъ духъ народныхъ тружениковъ—русскихъ учителей, поддержатъ въ нихъ сознаніе важности и необходимости того дѣла, которому они служатъ, давъ имъ прежде всего полныя матеріальныя средства; тогда труды ихъ двинутъ родину по пути къ достиженію давно желаннаго счастія и добра, которые заключаются въ правильномъ усвоеніи идеаловъ и завѣтовъ Евангельской жизни съ одной стороны, а съ другой—въ проведеніи въ жизнь истинно русскихъ національныхъ желаній и стремленій.

∞ *Оригинальный проектъ.* На первомъ полоцкомъ епарх. съѣздѣ свящ. А. Гегель выступилъ съ докладомъ по вопросу объ отношеніи православія къ инославію и сектантству и въ числѣ мѣръ для ослабленія иновѣрной пропаганды среди православныхъ предложилъ двѣ мѣры, выхваченныя очевидно авторомъ изъ средневѣковыхъ католическихъ лѣтописей и въ качествѣ анахронизма удерживающихся по недоразумѣнію въ современномъ католическомъ мірѣ. Эти мѣры: преобразованіе духовно-учебныхъ заведеній въ совершенно закрытыя заведенія съ монастырскими порядками и установленіе на будущемъ помѣстномъ Русскомъ Соборѣ обязательнаго безбрачія духовенства, которое, по мысли о. Гегеля, „въ общемъ можетъ возвысить пастырей въ глазахъ народа (!) и будетъ способствовать усиленію въ нихъ пастырской ревности (!)

Отмѣчаемъ это мнѣніе, какъ совершенно исключительное среди русскаго духовенства.

∞ *Мѣткій отвѣтъ миссіонера на рѣчь старообрядца объ исключительной спасительности старообрядчества.* На бесѣдѣ Полоцкаго епарх. миссіонера съ старообрядцами въ г. Рѣжицѣ одинъ молодой старообрядецъ произнесъ длинную рѣчь о томъ, что Государь Императоръ въ манифестѣ 17 апр. 1905 г. призналъ безпоповскую вѣру законной и правильной и что старообрядцы—единственная опора Царя и Отечества. Въ отвѣтъ на эту рѣчь миссіонеръ отвѣтилъ, что законность и спасительность вѣры познается не по манифестамъ, а по писанію (кн. о вѣрѣ, л. 216), и что свою преданность отечеству старообрядцы скорѣе доказали бы вступленіемъ въ единеніе вѣры съ Царемъ и большинствомъ русскаго народа, и что, наконецъ, въ самомъ манифестѣ высказано пожеланіе, чтобы старообрядцы пришли къ этому единенію съ православной церковью.

∞ *Чудесное исцѣленіе.* Свящ. Успенскій въ „Черниговскихъ Епарх. Вѣд.“ (№ 3), сообщаетъ объ исцѣленіи жителя г. Ново-Архангельска А. Соколова по молитвамъ пр. Серафима Саровскаго. Соколовъ настолько страдалъ отъ ранъ и сведенія жилъ въ ногахъ, что не могъ

почти ходить. Омывшись въ источникѣ преподобнаго, больной сталъ совершенно здоровымъ. Это было въ пасху 1905 г.

∞ *Новая секта въ Англіи.* Въ Англіи, въ Іоркширѣ появилась новая секта подъ названіемъ „Христова Церковь“ или „Заря тысячелѣтія“. Послѣдователи ея считаютъ, что человѣкъ смертенъ и что онъ будетъ одаренъ безсмертной душой только послѣ воскресенія мертвыхъ, которое имѣетъ быть въ 1905 году.

Тогда на землѣ появится Христосъ и встанетъ во главѣ Своей Церкви, которая будетъ состоять изъ тѣхъ, кто былъ вѣренъ новому завѣту. Съ этого года начнется новый періодъ, въ продолженіе котораго Христосъ и Его Церковь будутъ судить и всѣ, кто не присоединился къ новой Церкви, будутъ имѣть возможность сдѣлать это и достигнутъ совершенной жизни.

Этотъ періодъ будетъ продолжаться тысячу лѣтъ.

Чтобъ направлять людей по пути благочестія, появятся вожди и дьяволъ будетъ преслѣдоваться, чтобъ люди были избавлены отъ искушенія. Если къ концу тысячнаго года они достигнутъ своего первобытнаго состоянія—состоянія безгрѣшнаго Адама—имъ будетъ дарована вѣчная жизнь. Но къ церкви будутъ причтены только тѣ, которые присоединились къ ней до зари тысячелѣтія.

Членами этой церкви будутъ мудрыя дѣвы новой эры, и онѣ первыя встанутъ въ день воскресенія, за ними послѣдуютъ тѣ, которые снискали спасеніе и получили вѣчную жизнь, тогда какъ всѣ остальные пойдутъ во вторую смерть—вѣчную смерть.

Между послѣдователями новой секты есть три мѣстныхъ методистскихъ священника. Они говорятъ, что „смерть есть плата за грѣхи“ и увѣрены, что Христосъ придетъ снова и всякій будетъ имѣть возможность спастись. (Daily Chronicle).

ОТКЛИКИ.

Тернистый путь современнаго пастыря церкви.—Объ оживленіи прихода.

Революціонное движеніе какъ всѣмъ извѣстно, проникло и въ нашу деревню, не знавшую до послѣдняго времени никакой политики, кромѣ развѣ миѳологическихъ разсказовъ о томъ, что „агличанка“ собирается воевать съ Россіей... Тяжелыя, порой невыносимыя страданія приходится испытывать нашему сельскому батюшкѣ при видѣ того, какъ быстро и охотно деревенскія массы поддаются вліянію соціалъ-революціонеровъ, ихъ пропагандѣ и революціонной литературѣ,—и это тѣмъ болѣе, что революціонная пропаганда, въ виду несомнѣнно еще большого вліянія духовенства на простой вѣрующій народъ, старается всячески, прежде всего, подорвать въ глазахъ послѣдняго авторитетъ священника, высвободить паству изъ-подъ вліянія „батюшки“. Вотъ какъ одинъ „пастырь“ рисуетъ въ „Церковно-Обществ. Жизни“ положеніе сельскаго священника въ настоящее время:

„Трудно,—говоритъ авторъ,—приходится духовенству въ настоящее переходное время,—время всевозможныхъ броженій. Теперь языкъ развязался у всѣхъ и противъ всѣхъ и особенно противъ духовенства. Дѣло доходитъ до насилій, и это:—въ мѣстахъ самыхъ тихихъ и спокойныхъ, гдѣ раньше не было ни шума, ни крика, гдѣ раньше священническое слово было закономъ. Въ селѣ Абашевѣ, Чебокс. у., чуваши выгнали священника изъ церкви, и онъ нѣкоторое время скрывался въ чужомъ селѣ.

Въ с. Анатъ-Киндяряхъ, Козм. у., чувашская толпа подступила къ духовенству и, подъ угрозой насилія, потребовала водки, а у дьякона, отказавшагося отъ выдачи, была выломана дверь. Потомъ--на приходскомъ сходѣ тамъ же лѣсникъ Никифоръ Ермолаевъ давалъ читать литографированную прокламацію противъ духовенства. Шумъ и крикъ въ церкви былъ страшный. Говорили ужасныя вещи... Въ селѣ Убѣевѣ, Ядр. у., на приходскомъ сходѣ отказывались нанять сторожа, говоря, что „одинъ попъ пусть служитъ, а другой звонитъ“ (по очереди) и т. п. Въ селѣ Чемѣевѣ, Ядр. у., священникъ едва уцѣлѣлъ отъ погрома. Нечего и говорить про то, сколько оскорбленій приходится терпѣть духовенству. Отъ любого деревенскаго кулака теперь можно услышать самыя оскорбительныя насмѣшки.

Да мало ли чего увидишь и услышишь въ деревнѣ! И испытывать приходится всѣмъ: и хорошимъ и плохимъ священникамъ. Просто хоть бѣги, куда глаза глядятъ.

Что же дѣлать? Какъ упорядочить въ селахъ церковную жизнь? Какія предпринять мѣры?

Конечно,—не безъ вины и само духовенство... Но не во всемъ оно виновато...

Какъ же въ самомъ дѣлѣ выйти изъ такого положенія? Авторъ замѣтки рекомендуетъ „принять самыя рѣшительныя мѣры къ закрѣпленію нравственныхъ связей пастыря съ пасомыми, тѣхъ связей, которыя до сихъ поръ поддерживались большей частью только внѣшними средствами“. Въ числѣ такихъ мѣръ „Пастырь“ указываетъ на общеепархіальные съѣзды духовенства и мірянъ, на которыхъ можно было бы „обсуждать положеніе дѣлъ приходскихъ сообща—пастырями и пасомыми“. Думается, однако, что для удовлетворительнаго разрѣшенія вопроса этого недостаточно. Нужно обратить теперь вниманіе на созиданіе прихода, христіанской братской общины. Никакіе съѣзды не помогутъ, если священникъ, по настойчиво предъявляемымъ требованіямъ времени, не отдастся всецѣло и самоотверженно дѣлу возрожденія прихода. Пастырь долженъ выйти изъ своихъ узкихъ рамокъ исполнителя требъ, сдѣлаться „душой“ народа, нести въ него свѣтъ и теплоту правды Христовой. Конечно, и здѣсь много терній. Но эти терніи—неизбѣжны и заглушить свѣтлаго сознанія честно исполненнаго пастырскаго долга въ доброй душѣ самоотверженнаго священника они не могутъ.

* * *

Приходское православное духовенство, повторяемъ, должно приложить теперь всѣ свои усилія къ оживленію прихода для того, чтобы сохранить и поддержать не только свой авторитетъ, но и авторитетъ всей Церкви. Въ чемъ заключается основная идея этого „приходскаго возрожденія“, отъ котораго ожидаетъ столько благотворныхъ для жизни церкви результатовъ церковное общество? Прекрасный отвѣтъ на это даетъ свящ. С. Четвериковъ въ „Душеполезномъ Чтеніи“ (въ статьѣ „Неотложная забота Церкви“).

„Мы привыкли думать,—говоритъ авторъ,—что пастырская ревность должна особенно проявляться *въ проповѣди* (кромѣ, конечно, богослуженія и требоисправленія). Хорошая проповѣдь, несомнѣнно, вещь хорошая и необходимая. Но проповѣдь сама по себѣ, взятая отдѣльно, мало имѣетъ значенія: приглашать къ добродѣтели, разъяснять христіанскія истины, обличать заблужденія и пороки,—все это хорошо, но у слушателя иногда можетъ явиться невольное *досадное* чувство: «все проповѣдь да проповѣдь—надо бы дѣла“! Душа проситъ работы, положительной, хорошей, дружной работы, а не одного только наставленія, или обличенія. У насъ

и молодежь, и интеллигенція томятся бездѣльемъ, да и всякій другой человѣкъ съ радостью готовъ послужить дѣйствительно доброму дѣлу. Вотъ и надо, чтобы у прихода было это общее доброе дѣло, къ которому могли бы приложить свои руки всѣ, и богатые, и бѣдные, и знатные, и простые, и мужчины, и женщины, и даже дѣти".

Но какимъ образомъ, спрашивается, возможно создать приходское общее дѣло? Прежде всего *не* предоставленіемъ приходамъ новыхъ юридическихъ и др. правъ. Это предоставленіе правъ создастъ только мишуру, шумиху приходскаго дѣла, его грубую поддѣлку, а не настоящее приходское дѣло. Зло не въ отсутствіи правъ, *а въ отсутствіи яснаго сознанія идеи, цѣли, значенія приходскаго союза.*

Не права создаютъ идею учрежденія, а наоборотъ, выработавшаяся идея облекается въ извѣстныя права.

Вспомнимъ, напр., какъ возникли старинныя западно-русскія братства, имѣвшія такое громадное и благотворное значеніе въ отстаиваніи и сохраненіи православія въ Западной Россіи отъ притязаній и [насилій со стороны католичества.

Они возникли изъ *религіозной идеи* приходскихъ собраній въ большіе праздники, а потомъ уже сама жизнь указывала дальнѣйшее развитіе и расширеніе программы ихъ практической дѣятельности. И теперь жизнь требуетъ приходскаго единенія, безъ него угасаетъ церковное, христіанское міросозерцаніе, безъ него одолѣваютъ насъ всякія ложныя идеи и понятія, которыми хотятъ въ корнѣ перевернуть и изуродовать нашу жизнь. Это общее дѣло всѣхъ—и мірянъ, и духовенства, которые и должны всѣ объединиться дружно, безкорыстно, съ полнымъ взаимнымъ довѣріемъ и искренностью. И это единеніе не требуетъ, повторяемъ, для своего осуществленія никакихъ новыхъ внѣшнихъ формъ приходской жизни. Какъ все истинно плодотворное, истинно глубокое, оно должно осуществляться не въ одинъ краткій моментъ времени, путемъ правительственнаго распоряженія, а *должно вырасти органически, медленно, но прочно, путемъ постоянной, настойчивой работы со стороны духовенства и мірянъ, работы, сопровождаемой молитвою, самоотверженіемъ, скорбью, даже слезами...*

Чтобы началось формированіе живого приходскаго тѣла, необходимо, чтобы въ приходѣ появились нѣсколько человѣкъ, хотя бы два или три, которые бы, будучи въ полномъ единодушіи съ настоятелемъ приходской церкви, вмѣстѣ съ нимъ понимали всю важность объединенія прихода и искренно захотѣли послужить этому дѣлу. Лучше всего, если бы эти люди составляли приходское попечительство, или по крайней мѣрѣ часть его, включая сюда и предсѣдателя попечительства.

Изъ церковно-приходскаго попечительства, одушевляемаго приходскимъ священникомъ, можетъ и должна исходить иниціатива самой широкой приходской внутренней самодѣятельности, взаимопопечительства и приходскаго единенія. Помощь бѣднымъ членамъ прихода, подыскиваніе имъ работы, уходъ за безпомощными больными, устройство яслей, устройство приходской библіотеки, устройство любительскаго хора пѣвчихъ при церкви, приходскія собранія, поминовеніе умершихъ безродныхъ членовъ прихода, организація приходскихъ праздниковъ и проч. и проч.,—все это можетъ быть устрояемо церковно-приходскимъ попечительствомъ, все это входитъ въ его прямыя задачи и всѣмъ этимъ достигается оживленіе и объединеніе приходовъ.

Серьезное недоразумѣніе о нашемъ миссіонерствѣ.

(По поводу ст. въ 9 № „Церк. Вѣд.“ „О миссіи и ея постановкѣ“).

Въ № 9 „Церковныхъ Вѣдомостей“ за текущій годъ помѣщена довольно любопытная статья г. Я. В. „о миссіи и ея постановкѣ“. Любопытна, оговоримся, съ той стороны, что она нашла себѣ мѣсто въ оффиціальномъ синодальномъ органѣ. Появись эта статья на столбцахъ какого-нибудь другого изданія, мы бы приняли ее только къ свѣдѣнію. Теперь же мы нравственно вынуждены откликнуться на нее болѣе подробно.

Дѣло, извольте видѣть, въ томъ, что на страницахъ органа св. Синода извѣщается, якобы дѣятели нашей спеціальной противорасколо-сектантской миссіи до сихъ поръ только „били воздухъ“ и обременяли лишь бюджетъ вѣдомства. Не сказано этого въ статьѣ буквально, но весь ея смыслъ говоритъ ни болѣе, ни менѣе, какъ это. Вотъ что въ ней пишется:

«Опредѣленіемъ св. Синода отъ 25 мая 1888 г. за № 1116, утверждены правила объ устройствѣ миссіи и способѣ дѣйствій миссіонеровъ и пастырей по отношенію къ старообрядцамъ и сектантамъ... Чтобы представить себѣ всю силу миссіонерской рати, нельзя забывать, что въ нее вошли многіе богато надѣленные высшимъ богословскимъ вѣдѣніемъ и даромъ краснорѣчія питомцы духовныхъ академій и весь цвѣтъ приходскаго духовенства. Исполнилась во всей полнотѣ заповѣдь апостола языковъ: проповѣдуй слово... обличай, запрещай, убѣждай со всякимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ... Миссіонеры обошли море и сушу. Ихъ слова раздавались и въ убогихъ деревенскихъ храмахъ, школахъ и избушкахъ, и въ блестящихъ залахъ столицъ и губернскихъ городовъ, и на пароходахъ и подъ открытымъ небомъ. Но поколеблены-ли лжеученія старообрядцевъ и сектантовъ, много-ли послѣднихъ возвратилось въ лоно церкви?.. Бѣгутъ старообрядцы общенія съ церковью... И нынѣ, какъ и 10 и 40 лѣтъ назадъ, старообрядчество и сектантство представляетъ собою все ту же одинаковую и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи силу»...

Изъ этихъ словъ „Церк. Вѣд.“, слѣдуетъ, думаемъ, съ неумолимой логической необходимостью, что нашъ спеціально миссіонерскій институтъ давно пора бы прикрыть: работаетъ себѣ въ убытокъ. Въ самомъ дѣлѣ. Почти 20 лѣтъ прошло со времени синодальнаго утвержденія „правилъ объ устройствѣ миссіи

и способѣ дѣйствій миссіонеровъ". Въ составъ „миссіонерской рати" входили богато одаренные высшимъ богословскимъ вѣдѣніемъ и даромъ краснорѣчія питомцы духовныхъ академій... Они исполняли во всей полнотѣ апостольскую заповѣдь о проповѣданіи слова... обошли „море и сушу", устроили нѣсколько всероссійскихъ и окружныхъ миссіонерскихъ съѣздовъ, пооткрывали множество миссіонерскихъ комитетовъ, провели тысячи публичныхъ бесѣдъ съ вожаками расколо-сектантскихъ упованій, создали цѣлую полемико-апологетическую миссіонерскую литературу и т. под., словомъ „изъ кожи лѣзли вонъ, а возу все нѣтъ ходу": расколо-сектантство и *количественно* и *качественно* все таже *одинаковая* сила и нынѣ, „что и 20 и 40 лѣтъ назадъ". Не ясно-ли, что на миссіонерскомъ институтѣ нѣтъ руки Божіей и „это предпріятіе должно разрушиться"... О дѣйствительномъ положеніи дѣла: что миссіонеры трудились не „бія воздухъ", пока помолчимъ. Скажемъ лишь нѣсколько словъ. Если расколо-сектантство теперь *количественно* то же, что было и 40 лѣтъ назадъ, такъ это слава Богу: такъ какъ считая въ годъ обычные 3% рождаемости и 1% смертности населенія, расколо-сектантство за 40 лѣтъ *количественно* должно бы, пожалуй, удвоиться, а не оставаться тѣмъ же самымъ. Трудно, затѣмъ, согласиться, чтобы отступничество *качественно* было теперь то же, что и 40 лѣтъ назадъ: его нетерпимость и фанатизмъ по отношенію къ Церкви значительно смягчены; обращенія въ лоно церкви были во множествѣ, единовѣріе каждогодно пополнялось на счетъ раскола новыми чадами; въ православныхъ—гражданскихъ и даже церковно-приходскихъ школахъ нерѣдкость теперь встрѣтить и дѣтей старообрядческихъ и сектантскихъ и т. п. Ужели тутъ наша спеціальная миссія не при чемъ?..

Приведены въ статьѣ г. Я. В. и причины безуспѣшности нашей миссіи. Причины тѣже самыя, которыя на всѣ лады повторяются ужъ десятки лѣтъ и въ отчетахъ оберъ-прокурора св. Синода, и въ миссіонерской литературѣ, и въ миссіонерскихъ отчетахъ. Это—религіозное невѣжество народа, которому недоступны „разумъ православнаго ученія, святость таинствъ и красота богослуженія православной церкви". У насъ нѣтъ простого научающаго слова пастыря. Приходская жизнь у насъ въ упадкѣ. Словомъ, у насъ дома неблагополучно. Между тѣмъ въ расколо-сектантствѣ есть „стороны привлекательныя, говорящія уму и сердцу вѣрующаго. Тамъ существуетъ самоуправляющаяся, съ выборнымъ духовенствомъ, съ широко развитою и прекрасно организованною благотворительно-просвѣ-

тительною дѣятельностію, приходская община". Религіозное ученіе тамъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Уста отступническихъ наставниковъ „медоточивы". „Слова ихъ согрѣты огнемъ и ревностью". Въ виду этого „настоящее положеніе православной паствы среди борющихъ ее старообрядчества и сектъ можетъ быть сравнено съ домомъ, построеннымъ на пескѣ... Пастыри же и миссіонеры, исходящіе со дворовъ Господнихъ на распутія и дебри старообрядчества и сектантства, подобны врачамъ, которые, не замѣчая болѣзни всего организма, срѣзаютъ на немъ нарывы: вѣдь на мѣсто срѣзаннаго появится другой, ибо надо лѣчить болѣзнь организма".

По смыслу приведеннаго панегирика „Церк. Вѣд." по адресу отступничества въ сравненіи его съ „больнымъ организмомъ" православной церкви, раскольники и сектанты будутъ, думается, правы, если скажутъ намъ: не плачьте о насъ, а плачьте о себѣ и о чадахъ вашихъ, и, приходя къ намъ, не учите, а учитесь... И можемъ ручаться чѣмъ угодно, а въ отступническомъ мірѣ слова синодальнаго органа такъ именно и будутъ поняты и пронесены въ „концы земли": Синодъ призналъ-де насъ за настоящихъ христіанъ, а православную церковь объявилъ „больнымъ организмомъ". Намъ извѣстно, съ какимъ усердіемъ и коварствомъ пользуются расколо-сектантскіе наставники, на миссіонерскихъ бесѣдахъ, словами даже какой-нибудь пустой газетки, которая хоть малость похвалитъ отступниковъ или укоритъ православныхъ; а тутъ вдругъ на страницахъ „Церк. Вѣд." православная паства объявлена „больнымъ организмомъ" „домомъ, построеннымъ на пескѣ", а ея пастыри и миссіонеры [врачами, которымъ прежде самимъ нужно исцѣлиться! Нѣтъ спора, Церковь Христова не боится правды и никогда не стѣснялась обнаруживать недуги свой паствы, но г. Я. В., противопоставляя худшее въ церкви лучшему въ отступничествѣ, не щадитъ совѣсти немощныхъ братій своихъ, слѣдуя тѣмъ, которые, не вѣдая подлинной правды о жизни расколо-сектантскихъ общинъ, вѣрятъ „всякому слуху" о „славныхъ бубнахъ за горами". Думается поэтому, что съ „оживленіемъ" „Церков. Вѣдомостей", въ нихъ замѣтно начинаетъ умирать тактъ.

Коснувшись самыхъ способовъ миссіонерскаго воздѣйствія на отступниковъ, г. Я. В., между прочимъ, пишетъ:

«Опытъ свидѣтельствуетъ, что публичныя бесѣды въ большинствѣ случаевъ ведутъ не столько къ уясненію и спокойному познанію пререкаемой истины, сколько къ внѣшнему и тщеславному торжеству одержав-

шей верхъ въ словопреніи стороны, а потому *всегда* вызываютъ раздраженіе, а иногда и разжигаютъ страсти... Наша миссія, не познавшая своего стада по именамъ и не ходившая предъ нимъ, спокойно бросаетъ его и устремляется за заблудшими. Да возвратится же миссія во дворы Господни, а за ограду ихъ выходитъ лишь тогда, когда или нужно отогнать хищныхъ волковъ, или обрѣсти овцу заблудшую изъ стада. Миссія должна сдѣлаться по преимуществу приходской... Миссіонерскія бесѣды желательно вести частнымъ образомъ, въ частныхъ домахъ и семьяхъ».

Тутъ сплошное недоразумѣніе. Въ церкви должны быть и есть „пастыри и учители“ (1 Кор. 12, 28; Ефес. 4, 11). То, что въ статьѣ г. Я. В. разумѣется подъ познаваніемъ своего стада по именамъ, хожденіемъ предъ нимъ и частно-миссіонерской проповѣдью и т. п., все это, какъ авторъ и самъ далѣе говоритъ объ этомъ, дѣло приходскаго пастыря. Спеціальная миссія и публичныя бесѣды имѣютъ свои особыя основанія и задачи.

„Опытъ“ г. Я. В. на счетъ публичныхъ бесѣдъ едва ли подтвердятъ гг. и оо. миссіонеры; а они хорошо знаютъ этотъ „опытъ“. Онъ не вѣренъ фактически. Да не будетъ почтено нескромностью. Предо мной, сейчасъ на столѣ письма отъ бывшихъ раскольническихъ начетчиковъ (въ Орскомъ и Оренб. уу., нынѣ миссіонеровъ православной церкви), которые оставили свое заблужденіе именно послѣ и по причинѣ публичныхъ съ ними нашихъ бесѣдъ; и вообще Богъ благословлялъ успѣхомъ нашу миссіонерскую проповѣдь и отступники обращались въ лоно церкви, именно послѣ публичнаго собесѣдованія съ ихъ вожаками. Частною бесѣдою и убѣганіемъ отъ бесѣды публичной „во дворы Господни“ „хищнаго волка“ не „отогнать“. Кому извѣстна народная психологія и въ частности психологія расколо-сектантской массы, тотъ прекрасно поймётъ это. На частной бесѣдѣ рядовой старообрядецъ или сектантъ скажетъ вамъ, и по праву: я человѣкъ темный, вотъ побесѣдуйте-ка съ нашимъ наставникомъ, а мы послушаемъ... Что же, ужели вы скажете ему: нѣтъ благодарю покорно,—„опытъ свидѣтельствуетъ, что публичныя бесѣды не ведутъ къ уясненію и познанію истины, онѣ вызываютъ раздраженіе и разжигаютъ страсти“... Мнѣ не до этого, мнѣ нужно возвратиться „во дворы Господни“?.. Да вѣдь вы этимъ прямо погубите дѣло: а... дай Богъ ноги „во дворы Господни“, бѣжать отъ нашего-то миссіонера, дѣло-то, стало быть, неважно обстоитъ у тебя, боишься... Вѣдь вотъ какъ заключитъ отступникъ изъ такой „частной“ бесѣды и, несомнѣнно, еще болѣе укрѣпится въ своемъ заблужденіи. А „волки хищные“, опираясь на народную психологію, въ данномъ случаѣ именно и будутъ домогаться публичныхъ бе-

сѣдъ и, внѣ всякаго сомнѣнія, будутъ устраивать ихъ, хоть бы безъ православныхъ совопросниковъ, и въ похуленіяхъ на св. церковь и ея служителей, будьте увѣрены, прекрасно воспользуются словами писанія: „бѣгаетъ нечестивый, ни единому же гонящу“...

Печальные случаи послѣ публичныхъ бесѣдъ въ с. Павловкахъ (Харьков. губ.) и въ г. Ставрополѣ, на которые указываетъ г. Я. В., зависѣло-ли тутъ дѣло отъ руководителей бесѣдъ, или отъ ихъ слушателей, какъ исключительные, въ разсчетъ едва ли нужно брать. Въ ликаонскомъ г. Листрѣ, апп. Павла и Варнаву послѣ ихъ проповѣди и исцѣленія безногаго, жители приняли за боговъ (Зевеса и Ермія) и хотѣли принести имъ жертвы (Дѣян. 14, 6—18). Значило-ли это, что во избѣжаніе такихъ случаевъ апостолы должны были прекратить свою публичную проповѣдь и чудотвореніе и „возвратиться во дворы Господни“, тѣмъ болѣе, что и въ ихъ уже церкви были и нестроенія, и раздѣленія, и даже кровосмѣсники?

Г. Я. В., зная такихъ апологетовъ раскола, какъ Коноваловъ, Перетрухинъ, Мельниковъ, которые при бесѣдахъ съ православными миссіонерами, часто даютъ своимъ единовѣрцамъ право восклицать: „побѣдихомъ, препрѣхомъ“, знаетъ и то, что эти и под. миссіонеры отступничества „создали цѣлую апологетическую литературу“, „обосновали“ расколъ и сектантство и „тѣмъ расширили пропасть, отдѣляющую православіе отъ стародрядчества и сектантскихъ заблужденій“ и что борьба съ ними сдѣлалась для православной миссіи весьма трудною. Что же въ виду этого желательно ему? Усилить спеціальное миссіонерство? Нѣтъ,—совсѣмъ обратное. „Скромная миссія приходскаго духовенства“ и упраздненіе спеціально миссіонерскихъ публичныхъ бесѣдъ! Мы бы спросили его послѣ этого объ одномъ,—какъ поступить приходскому духовенству, даже въ Петербургѣ, если сюда пріѣдетъ какой-нибудь Коноваловъ или Мельниковъ, „побѣждающіе и препирающіе“ даже спеціалистовъ миссіонеровъ, и объявятъ публичную бесѣду. Принимать ее приходскимъ пастырямъ или отклонять. Въ томъ и другомъ случаѣ будетъ одно „посрамленіе“: пойти имъ на эту бесѣду значитъ напередъ обречь себя на „безотвѣтность“ въ своемъ упованіи предъ вопросами раскольничьяго миссіонера, не пойти, значитъ подать поводъ послѣднему издѣваться надъ православіемъ и его „бѣгающими“ отъ отвѣта пастырями...

Отмѣчая хорошія стороны въ отступничествѣ, г. Я. В. напрасно не усмотрѣлъ, между прочимъ, и ту, что въ немъ съ каждымъ годомъ усиливается спеціальная миссія, съ каждымъ

годомъ тамъ появляются все новыя и новыя миссіонерскія силы, новые миссіонеры; тамъ давно уже сознано, что пастырство, при многосложности своихъ обязанностей, никогда не можетъ замѣнить миссіонеровъ спеціалистовъ въ дѣлѣ защиты или проповѣди внѣ „дворовъ Господнихъ“ своего упованія. Упомянутые г—номъ Я. В. — Коноваловъ, Перетрухинъ и Мельниковъ—въ своихъ обществахъ только миссіонеры; и мы, быть можетъ, вовсе не знали бы объ ихъ существованіи, какъ сильныхъ защитниковъ раскола, будь они раскольничьими требоисправителями, да и для своихъ единовѣрцевъ они, надо думать, не имѣли бы никакого авторитета, какъ не имѣли бы и успѣха въ своей пропагандѣ, избѣгай они публичныхъ собесѣдованій съ православными миссіонерами. Къ прискорбію, должны сознаться, что отступники лучше насъ знаютъ душу народа... Да и по классической мудрости e contrariis veritas cognoscitur. А у насъ, видите-ли, полагаютъ, что публичныя бесѣды безполезны и даже вредны, такъ какъ онѣ не ведутъ къ уясненію и познанію пререкаемой истины, а всегда вызываютъ только раздраженіе... Приходилось, кстати замѣтимъ, слышать и такія сужденія нашихъ слащавыхъ богослововъ на счетъ публичныхъ бесѣдъ, что онѣ-де носятъ характеръ спора и вражды, а мы должны приходить къ заблудшимъ со словомъ мира и любви. Не будемъ распространяться о томъ, что публичныя полемическія собесѣдованія съ еретиками и раскольниками освящены примѣрами древнѣйшей исторіи церкви Христовой, еще эпохи вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ. Обратимъ вниманіе на слѣдующее. Собираете вы бесѣду съ раскольниками или сектантами и держите рѣчь: братцы, Христосъ намъ заповѣдалъ миръ и любовь, мы должны жить въ мирѣ и любить другъ друга, не разъединяться намъ нужно, а соединяться и т. п. А вамъ какой-нибудь Мельниковъ или Перетрухинъ и скажетъ: заповѣдь Христову о мирѣ и любви мы и безъ васъ довольно знаемъ и не за тѣмъ, чтобы послушать о ней, мы пришли сюда,—вы намъ отвѣтьте, заповѣдано-ли Словомъ Божіимъ и отеческимъ вести единеніе, миръ и любовь съ еретиками, проклятыми отъ святыхъ отецъ. Доказывать это, если вы знакомы съ тайнымъ смысломъ вопроса, вы не рѣшитесь; а вамъ затѣмъ станутъ изъяснять, что въ православной церкви сотня злѣйшихъ ересей, отъ которыхъ „христіанамъ“ надобно бѣгать, какъ отъ заразы... Ужели вы и послѣ этого все будете навязываться со своею любовью... а не говорить дѣло?.. Упоминаемъ объ этомъ отрицаніи публичныхъ бесѣдъ отъ „мира и любви“, чтобы дополнить имъ доказательства „Церк. Вѣдомостей“.

Памятуя о справедливости, не можемъ умолчать, наконецъ, что „Церк. Вѣд.“ не упраздняютъ спеціальныхъ миссіонеровъ. Имъ вѣдомо, что сектантство и расколъ „подъ вліяніемъ миссіонерскихъ бесѣдъ (какихъ—частныхъ или публичныхъ, не писано) слабѣютъ“ все же. Небезызвѣстно имъ и то, что борьба съ отступниками теперь трудна, что приходскій пастырь не располагаетъ для этого ни „ясно сознанными задачами и цѣлями“, ни „опредѣленными пріемами и умѣньемъ и, главное, спеціальными для дѣла знаніями“. А потому они не отрицаютъ спеціальной миссіи. Но только не для публичныхъ бесѣдъ, а для другого. „Великое бы дѣло совершили наши епархіальные академисты-миссіонеры, если-бы взяли на себя трудъ странствующихъ учителей и совѣтниковъ въ дѣлѣ миссіи приходскому духовенству“. Вотъ пожеланіе „Церк. Вѣдомостей“. Вполнѣ понимаемъ, съ какимъ недоумѣніемъ будетъ встрѣчено оо. и гг. миссіонерами это пожеланіе обратить ихъ во что-то въ родѣ средневѣковыхъ странствующихъ трубадуровъ и „совѣтниковъ“ для „частныхъ бесѣдъ“! Если бы г. Я. В. когда-либо практически имѣлъ дѣло съ тѣмъ, о чемъ онъ пишетъ, или хоть бы былъ пастыремъ въ приходѣ, зараженномъ отступничествомъ, онъ, внѣ всякаго сомнѣнія, понялъ бы, что одна публичная бесѣда опытнаго епархіальнаго миссіонера съ отступническимъ начетчикомъ, проведенная въ присутствіи приходскаго пастыря, бываетъ для послѣдняго въ тысячи разъ цѣннѣе всякихъ миссіонерскихъ „совѣтовъ странствующихъ учителей“, если бы они преподавались этому пастырю въ его столовой цѣлые мѣсяцы. Для людей, знакомыхъ съ дѣломъ, эта истина не требуетъ доказательства, а для незнакомыхъ съ нимъ, такія доказательства были бы длинною повѣстью.

Въ общемъ статья г. Я. В. блещетъ красотами выраженій, образовъ и всѣмъ прочимъ, что принято мыслить въ терминѣ „поэтическія вольности“. Предъ этими ея достоинствами совершенно тушуется ея маленькій невольный грѣхъ--практическое незнакомство съ дѣломъ миссіи. Конецъ статьи, въ смыслѣ вдохновеннаго краснорѣчія, не оставляетъ желать ничего... лучшаго. Вотъ онъ. „Не забудемъ и того, въ какое тревожное время мы живемъ. Событія, мѣняясь, точно картины въ кинематографѣ, бѣгутъ одно за другимъ съ головокружительной быстротой... На поверхность и церковной и общественной жизни, какъ бы изъ кратера вулкана, выбрасываются все новые и новые запросы и потребности. Исторія открываетъ страницы, которыя мы еще не умѣемъ читать“. Послѣдняя поэтическая фраза является реальной, кажется, правдой по адресу автора. Пусть проститъ намъ, если ошибаемся. На самомъ

дѣлѣ. Теперь всѣ истины, всѣ дѣла нашей общественно-государственной жизни, которыя раньше содержались подъ семью печатями департамента полиціи и за прикосновеніе къ которымъ еще недавно грозили семью замками Петропавловской крѣпости, обсуждаются публично „на кровляхъ“, и это входитъ нынѣ въ нашу политическую догматику; а онъ вопросы религіознаго разномыслія, ту сферу, которая прежде всего есть правда и свобода, хочетъ упрятать въ кутузку „частныхъ“ бесѣдъ!.. Да если мы станемъ уклоняться отъ публичныхъ собесѣдованій съ раскольниками и сектантами, они съ полнымъ правомъ подумаютъ, что мы раньше звали ихъ на эти бесѣды только потому, что осмѣливались бесѣдовать изъ-за спины станового пристава. Намъ придется такимъ образомъ расписываться подъ собственнымъ позоромъ. Ужели это кому-нибудь непонятно?!

Заключительныя строки статьи г. Я. В. безусловно интересны и мы съ удовольствіемъ беремъ ихъ для заключенія и своей замѣтки. „Не слышится твердой, смѣлой, увѣренной, властной, живой, благонамѣренной рѣчи. Не раздается и проповѣди. Взамѣнъ—дерзкая пропаганда агитаторовъ и масса всевозможныхъ прокламацій... Масса народная живетъ не умомъ, она повинуется чувству и впечатлѣнію. Она пойдетъ туда, куда ее поведутъ, и за тѣмъ, кто громче и смѣлѣе заговоритъ. И такъ, довольно молчанія! Пастыри, насталъ вашъ часъ. Родина ждетъ вашей службы и заранѣе благословляетъ ее. Отверзайте же ваши уста. Пусть слово ваше пламенѣетъ, зажигаетъ сердца и освѣщаетъ свѣтомъ правды, мира и любви великія милости царскія и событія нашихъ дней. Но уста ваши молчатъ, еще не готово ваше слово. Вы ждете учителей и вдохновителей. Такъ пусть же идутъ впереди васъ миссіонеры (только, разумѣется, не вспять „во дворы Господни“!... Нельзя больше медлить ни мѣсяца, ни дня! Иначе жатва будетъ снята иными жателями“.

Прекрасныя слова! Только мы окончили бы ихъ такъ: изучайте поэтому миссіонерски защиту своего упованія, зовите заблудшихъ на публичныя бесѣды, предъ всѣми откройте нашу правду и обличите ихъ ложь; гдѣ чувствуете себя слабыми, пригласите миссіонера, чтобы онъ опять-таки „предъ лицемъ всѣхъ людей“ далъ отвѣтъ вопрошающимъ. Помните, что теперь, болѣе чѣмъ когда-либо прежде, настоитъ нужда открыто показать, что нашъ свѣтъ не боится отступнической тьмы, что наша св. Церковь сама по себѣ сильна; сильна своей святой истиной и „сею побѣдитъ“!

Н. Гринякинъ.

СО СКРИЖАЛЕЙ СЕРДЦА.

Pro domo sua.

Промчались уже три мѣсяца новаго года, полнаго какой-то мучительной таинственности и гнетущаго страха предъ самымъ ближайшимъ будущимъ... Никто не увѣренъ въ томъ, „что день грядущій намъ готовитъ!..“ И сколько за это время совершилось самыхъ неожиданныхъ и, конечно, больше печальныхъ, ужасныхъ, чѣмъ радостныхъ событій и явленій во всѣхъ сферахъ современной жизни, не исключая и нашей, церковно-общественной... А мы, къ нашей великой скорби, физически не могли доселѣ въ новомъ году взяться за перо, чтобы, по обычаю прежнихъ лѣтъ, откликаться въ нашихъ „Скрижаляхъ“ на жгучіе запросы нашего тревожнаго реформаторскаго времени,—бесѣдовать о „злобахъ дня“—по совѣсти и по сердцу, съ нашими „старыми друзьями“,—постоянными читателями „Мисс. Обозрѣнія“... Остававшійся отъ служебныхъ занятій весь досугъ поглощался у насъ кипучей организаціонной работой въ новомъ ежедневномъ органѣ нашей редакціи—„Колоколѣ“.

Изъ подписныхъ бюллетеней конторы видно, что главный контингентъ подписчиковъ „Колокола“ составляютъ постоянные читатели „Мисс. Обозрѣнія“, которые оказались опорой и основой новой газеты. Такъ мы и думали, на это только и надѣялись, когда предпринималось столь рискованное по теперешнимъ временамъ и громоздкое новое издательское дѣло.

Слѣдовательно, и безъ нашихъ объясненій, надѣемся, большинству читателей, знакомыхъ съ „Колоколомъ“, вполнѣ ясно и понятно наше молчаніе на страницахъ „Мисс. Обозр.“.

И мы для выясненія пережитыхъ трудностей въ этомъ новомъ редакціонно-издательскомъ нашемъ предпріятіи отмѣтимъ лишь нѣкоторыя стороны дѣла.

Вопросъ объ изданіи церковной газеты носился въ воздухѣ ужъ нѣсколько лѣтъ. Энергично защищалъ эту мысль извѣстный

московскій протоіерей и плодовитый писатель о. Дьяченко и онъ несомнѣнно осуществилъ бы эту идею и удовлетворилъ бы этой назрѣвшей въ церкви и обществѣ потребности и нуждѣ, если бы неожиданно смерть не прервала дорогую жизнь этого неутомимаго труженика. Захватывала эта мысль и нашихъ столичныхъ, чуткихъ къ запросамъ духовной жизни пастырей и мірянъ-писателей. Одно время, дѣло это считалась совсѣмъ близкимъ осуществленію, организовался было для этой цѣли даже кружокъ во главѣ съ однимъ извѣстнымъ духовнымъ писателемъ изъ чернаго духовенства, выпущенъ былъ и пробный № церковной газеты, но дальше этого дѣло не пошло. А когда повѣяло „весной“, то изданіе церковной газеты считалось дѣломъ совершенно рѣшеннымъ, такъ что въ одной духовной академіи, между прочимъ, ради этого дѣла два „прогрессивныхъ“ преподавателя оставили свои каѳедры... Во главѣ предпріятія называли и о. Г. Петрова, и Сытина, и Сойкина и др.

Въ живомъ и ясномъ сознаніи того, что русской великой церкви и православному духовенству—нельзя, а послѣ 17 апрѣля прямо непростительно—оставаться безъ ежедневнаго органа, редакція наша еще осенью приняла рѣшеніе издавать газету съ новаго 1906 г.

Но вотъ разбушевалась политическая буря, зашумѣли буйныя волны дикой революціи, прокатился опустошительный девятый валъ въ видѣ страшныхъ забастовокъ. Наконецъ, дожили до 17 октября. Смута властвовала, начали быстро нарождаться партіи, и сначала только однѣ радикальныя, лѣвыя и крайнія. Появилась ожесточенная борьба всѣми средствами. Новыя партійныя газеты нарождались, какъ грибы послѣ дождя, цѣлыми „пачками“, мода опредѣлилась только на одно красное, все не красное объявлено „чернымъ“, „черносотеннымъ“, мода дѣйствовала властно и повелительно: все, что не красно или только не полосато-розово, подвергалось „бойкоту“, топталось въ грязь. Почтово-телеграфная забастовка запугала провинцію такъ, что и старыя-то, прочныя, казалось, изданія пошатнулись. Послѣ всего этого до новыхъ ли тутъ, да еще „клерикальныхъ“ изданій?! Всѣ предполагаемые издатели церковной газеты усумнились въ успѣхѣ и остановились въ осуществленіи этой идеи.

Мучительный моментъ колебанія и нерѣшительности пережитъ и нашей редакціей. Наши убѣжденія слишкомъ опредѣленны для того, чтобы рѣшиться плыть по бурному теченію или входить въ компромиссы, дѣлать уступки партійнымъ вѣяніямъ мятежнаго времени.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы ясно понимали, что церковная политическая газета, чтобы быть вѣрной выразительницей голоса Церкви,—понимаемаго въ неразрывномъ единеніи пастырей и вѣрующей паствы со вселенской истиною и канонической правдою не должна быть партійнымъ, словомъ съ модным органомъ.

Божью помощію, въ надеждѣ на сплоченную аудиторію читателей „М. О.“, мы рѣшили издавать *первую* и пока *единственную* церковно-политическую ежедневную газету и вести ее по тернистому въ наше набатное время пути спокойнаго безпристрастнаго, безпартійнаго и искренняго обсужденія вопросовъ внутренней и церковной политики, по мѣрѣ крайняго нашего разумѣнія и силъ.

Позже, когда политическія стихіи нѣсколько успокоились, народились кромѣ „Колокола“ и другіе церковно-общественные органы въ Казани и Харьковѣ, но всѣ они *еженедѣльные*.

* * *

Если трудно было начать церковную газету, то не менѣе трудно и вести ее безъ уступокъ духу времени, когда на рынкѣ газетнаго торга цѣнно и единственно модно только лишь то, что набатно-крикливо, что партійно-радикально... Этотъ набатный призывъ, истерическій пѣнистый прибой моднаго, такъ называемаго, освободительнаго движенія глубоко захватилъ и нашу среду писателей, ну и, конечно, извѣстнаго сорта читателей изъ „передоваго духовенства“...

И нынѣ подобрать единомышленныхъ идейныхъ писателей кажется труднѣе, чѣмъ собрать аудиторію читателей. Въ этомъ новая трудность новаго и стараго издательства, хотя это вполнѣ понятно и совершенно естественно. Таковъ законъ переходнаго времени.

Теперь трудно каждому установить единомыслiе и единодушiе въ собственной своей семьѣ, гдѣ часто родители не понимаютъ дѣтей и наоборотъ, что-же удивительнаго въ томъ, если теперь почти немыслимо составить единоубѣжденный, „редакціонный кабинетъ“. Вы посмотрите, кто два-три года назадъ стоялъ въ однихъ писательскихъ рядахъ, искренно защищая единомышленныя начала, нынѣ они политическіе враги прежняго своего лагеря, работающіе уже въ противоположномъ станѣ, апологетствуя совсѣмъ за другія убѣжденія, поклоняясь инымъ богамъ. Расхожденіе совершается также быстро и легкомысленно, какъ все нынѣ. А потому теперь одинаково трудно какъ новоеизданіе основательно поставить на свои рельсы и пустить

закономѣрнымъ ходомъ, какъ и старое удержать на своемъ сторожевомъ посту, безъ измѣны своему прошлому, безъ колебанія отвердѣвшихъ основъ, ибо все и вездѣ нынѣ трещитъ, дрожитъ и рвется...

Да, отцы и братіе, великій историческій переломъ переживаютъ и государство, и Церковь русская. Ломка и созиданіе, отрицательная критика и положительное творчество такъ тѣсно сплелись, такъ перепутались между собою, что нелегко разобраться, гдѣ кончается разрушеніе и когда начинается созиданіе, кто ваши друзья и кто враги,—ошую или одесную навѣтники и льстецы, честные и преданные своему долгу патріоты и сыны... Все настолько замутилось, затуманилось, облегло густою тьмою, что нѣтъ силъ, нѣтъ почвы даже самому мужественному и стойкому твердо стоять, мужественно держаться убѣжденій своего внутренняго голоса совѣсти. И это понятно: потрясеніе, шатаніе и колебаніе внѣшнихъ условій государственной и церковной жизни не можетъ же не отражаться и на состояніи внутренней жизни духа каждаго живущаго въ сей юдоли плача,—въ условіяхъ пространства и времени... Теперь строго нельзя никого ни винить, ни казнить. Переживаемъ эпидемическій болѣзненный моментъ историческаго процесса, попущеннаго волею Всевышняго, видимо отнявшаго свою промыслительную десницу отъ многонагрѣшившей Руси, которая должна искупить свои вѣковыя беззаконія въ крови и слезахъ многихъ...

А между тѣмъ надо работать всѣмъ, кто какъ и чѣмъ можетъ работать,—всѣмъ сердцемъ и всѣми силами души и тѣла на пользу Церкви и отчизны, ибо другого такого момента уже не будетъ въ нашей исторіи... Иначе вѣдь можно оказаться предъ судомъ исторіи въ положеніи евангельскихъ „юродивыхъ дѣвъ“, а говоря языкомъ нынѣшняго дня,—въ положеніи правыхъ политическихъ партій на петербургскихъ выборахъ, запоздавшихъ въ своей предвыборной работѣ и оказавшихся побитыми, побѣжденными со стороны такъ называемыхъ „кадетъ“—внѣ чертога будущей Думы.

* * *

Въ послѣднее десятилѣтіе наша личная работа и служеніе Церкви и отечеству главнымъ образомъ выражалось чрезъ основанный и руководимый нами печатный апологетическій органъ „Мисс. Обозрѣніе“, завоевавшій себѣ за 10 лѣтъ изданія прочное и опредѣленное положеніе въ духовной журналистикѣ. И мы считаемъ непозволительнымъ выпускать изъ своихъ рукъ это великое въ наше время орудіе борьбы чрезъ печатное слово правды съ религіозною и политическою неправдою нашей смутной

эпохи, съ тьмою злокозненныхъ ухищреній противъ истины: мы снова съ этого № становимся у редакціоннаго кормила нашего апологетическаго журнала, такъ какъ и уклонялись мы только временно отъ редактированія, въ виду сверхслужебныхъ занятій въ Особомъ Высочайше утвержденномъ совѣщаніи по дѣламъ вѣры, гдѣ наши работы нынѣ уже въ концѣ.

Съ настоящей книжки „М. О.“ для удобства читателей мы произвели нѣкоторыя измѣненія во внѣшнемъ распредѣленіи по отдѣламъ печатнаго матеріала.

Всѣ статьи, входящія въ мѣсячную книжку журнала мы подраздѣляемъ на 5 отдѣловъ, изъ нихъ *первый* отводимъ для статей по *общимъ* вопросамъ вѣры и церковной жизни,—сюда будутъ относиться статьи богословскаго, догматическаго, церковно-историческаго, апологетическаго характера. Отдѣлъ *второй* посвящается статьямъ по основнымъ и общимъ вопросамъ миссіи, миссіонерской методики и техники вообще, отд. *третій—сектовѣдѣнію* и сектообличенію, *четвертый—расколовѣдѣнію* и полемикѣ съ старообрядчествомъ—*пятый* отдѣлъ посвящается *хроникѣ*, куда войдутъ лѣтопись печати и библіографія, „миссіонерство, секты и старообрядчество“, миссіонерскій вѣстникъ (извѣстія, замѣтки и корреспонденціи). Независимо отъ сихъ отдѣловъ въ каждой книжкѣ журнала будутъ помѣщаться **„Отклики“**, посвящаемые критическимъ очеркамъ выдающихся современныхъ событій въ жизни церковно-общественной и политической, въ области науки и искусствъ.

Заключать каждую по возможности книжку будемъ нашими „Скрижалями“.

* * *

Останавливаясь за симъ на задачахъ, запросахъ и требованіяхъ, налагаемыхъ на духовную печать нашимъ временемъ, мы долгомъ считаемъ объясниться, что по нашему крайнему разумѣнію первый долгъ современной апологетической печати сосредоточить свое вниманіе на борьбѣ съ невѣріемъ и антихристіанскимъ противоцерковнымъ направленіемъ общественной жизни и мысли. Духъ этотъ, подъ видомъ соціалъ-демократическихъ доктринъ, видимо проникаетъ и въ народныя массы, производя страшное опустошеніе вѣры въ ихъ сердцахъ. Для борьбы съ этимъ грознымъ врагомъ церкви и государства весьма важно объединить всѣ живыя вѣрующія во Христа—Искупителя силы, даже и тѣ, которые будутъ находиться и въ разъединенномъ отъ насъ лагерѣ догматическаго старообрядчества и даже въ станѣ суемудрствующему сектантства, гдѣ, несмотря на пагубныя религіозныя заблужденія ума, много живо и

дѣйственно вѣрующихъ сердцемъ и живущихъ благочестивой, нравственной жизнью.

Особенно важно это объединеніе съ старообрядческимъ міромъ, сохранившимъ у себя во всей строгости исконныя начала и духъ церковности и народности.

Пора перестать ссориться изъ-за буквы и обряда двумъ ближайшимъ, и кровно, и духовно родственнымъ церковнымъ великимъ русскимъ теченіямъ. Если не о примиреніи, которое, въ виду еще болѣзненной чувствительности ранъ старообрядческаго сердца, образовавшихся отъ историческихъ тисковъ вѣкового прошлаго, не можетъ быстро по мановенію совершаться,—то объ устраненіи причинъ къ дальнѣйшему раздору и ожесточенію слѣдуетъ позаботиться съ обѣихъ сторонъ, хотя бы въ виду общаго врага,—безбожнаго антихристіанства, одинаково грозящаго матеріалистическимъ растлѣніемъ и нигилистическимъ погубленіемъ и православнаго и старообрядческаго народа, свято вѣрующаго и блюдущаго церковныя традиціи вѣры и жизни.

Въ этомъ отношеніи желательно, чтобы піонерами мира выступила миссія и съ нашей и старообрядческой стороны: ей необходимо перемѣнить прежній задорно-бранчивый тонъ и направленіе на болѣе христіански-мирный и взаимно уважительный, искренно довѣрчивый и любовный. Только благожелательная любовь способна сближать разъединенныя сердца, расторгнутыя коварствомъ врага, полною рукою посѣявшаго плевелы раздора, въ теченіе столькихъ вѣковъ засорявшаго святорусскую народную ниву столь тучными плевелами многочисленнаго раскола и сектъ.

Мы увѣрены, что когда миссія господствующей православной церкви направитъ свои любовныя стремленія и усилія къ примиренію съ вселенской церковной истиной, свято хранимой въ нашей церкви, враждующаго старообрядческаго міра, найдутся и въ этомъ послѣднемъ духовные вожди, дѣятели мира и единенія вродѣ доблестныхъ изслѣдователей путей къ миру и истинѣ, почившихъ Никодима, Ксеноса, Павла и др. Долгъ духовной печати въ этомъ направленіи идти впереди и освѣщать путь, прокладывать слѣдъ...

Таково наше, выношенное въ сердцѣ, выстраданное долгимъ опытомъ литературно-миссіонерской дѣятельности убѣжденіе и мы его будемъ по мѣрѣ силъ осуществлять въ нашихъ изданіяхъ, при содѣйствіи нашихъ сотрудниковъ и читателей. И да поможетъ намъ воскресый изъ мертвыхъ Господь Богъ. Христосъ воскресе!

В. Скворцовъ.

1906. Апрѣль. XI.

МИССІОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЖУРНАЛЪ ВНУТРЕННЕЙ МИССІИ.

№ 4

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Т-ва «СВѢТЪ» Невскій, 136. 1906.
Редакція „Миссіонерск. Обозр.“ Невскій, 153. Телеф. № 5226.

Содержаніе апрѣлъской книжки

журнала „Миссіонерское Обозрѣніе“ за 1906 годъ.

По общимъ вопросамъ православной вѣры и церковной жизни.

О духовномъ чтеніи. *Сергій Загребинъ.* . . . 433—445

Викарные епископы. *Д. Андреевъ* . . . . . 446—453

Жестокій законъ (о сложившихъ священный санъ). *В. Бударовскій* . . . . . 453—458

О судебныхъ доказательствахъ по каноническому праву (къ предстоящей реформѣ церковнаго судопроизводства). *В. Троицкій* . . . . . 459—483

Миссіонерскій отдѣлъ.

Къ вопросу о постановкѣ миссіонерскаго образованія въ духовныхъ семинаріяхъ. (По поводу предполагаемой реформы духовныхъ семинарій). *А. Высотскій* . . . 484—495

Записка по вопросамъ о расколо-сектантствѣ и объ устройствѣ миссіи. Профессоръ *Н. Ивановскій* . . . . . 496—519

Къ вопросу объ открытіи въ Кіевѣ миссіонерскихъ противосектантскихъ курсовъ. *П. Козицкій* . . . . . 520—529

По сектовѣдѣнію.

Обличеніе лжеученія хлыстовской секты. *Д. Граціанскій.* 530—538

По расколовѣдѣнію.

Церковь Христова и временно безъ епископа быти не можетъ. (Замѣчанія на книгу Ивана Усова „Церковь Христова временно безъ епископа“). *С. Шалкинскій.* 539—546

ХРОНИКА.

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.

Обзоръ свѣтской печати. (О новой книгѣ В. В. Розанова „Около церковныхъ стѣнъ“). *Н. Пустынникъ* . . . . 546—562

По общимъ вопросамъ вѣры и церковной жизни.

О духовномъ чтеніи.

I.

„Духа не угашайте“. (1 Сол. V, 19).

Для „естественнаго“, нравственно неразвитаго человѣка самое сильное и дѣйственное проявленіе сознанія есть плотское выраженіе и влеченіе.

Психическій прогрессъ, интеллектуальное развитіе ведетъ къ подчиненію плотскихъ вожделѣній, непосредственныхъ желаній, душевному органу — разсудку. Съ интеллектуальнымъ преобладаніемъ связано сознаніе, увеличеніе душевныхъ, сердечныхъ волненій, заканчивающееся болѣе или менѣе полнымъ самосознаніемъ.

Съ самосознаніемъ, рефлексіей, выявляется свобода воли. Какъ и всякая сила въ природѣ, самосознаніе обладаетъ тенденціей къ росту, расширенію. Самоуглубленіе же порождаетъ духовное вѣдѣніе.

Такія фазы психическаго процесса выведены, однако, изъ наблюденія надъ неограниченнымъ количествомъ недѣлимыхъ. Тутъ психика понимается, какъ единая сущность, разбивающаяся въ дѣйствительности на обособленныя единицы—личныя сознанія. Если же разсматривать сознаніе лишь по даннымъ, доставляемымъ одной индивидуальной жизнью, то вышеприведенная психическая эволюція не получитъ достаточнаго количества своихъ признаковъ. Жизнь отдѣльнаго человѣка представляетъ матеріалъ, далеко не подтверждающій нашихъ положеній въ ихъ цѣломъ. Для проведенія идеи психической

эволюціи, въ ея наиболѣе широкомъ объемѣ, лучше всего распространить наблюденіе на весь родъ человѣческій, на все его прошлое и настоящее состояніе.

Теперь приступая къ расчлененію человѣчества по принципу повышенія этической цѣнности въ его представителяхъ, мы образовываемъ слѣдующія группы психически-сродныхъ, составляющихъ человѣчество, единицы: первая – это люди плоти, чувственности, рабы грѣха; вторая – лица съ достаточнымъ умственнымъ развитіемъ, контролирующія свои непосредственныя, инстинктивныя движенія, надѣленныя внутренней борьбой съ искушеніями и соблазнами; наконецъ, третья — „свѣточи духа“, тѣ, которымъ дана въ удѣлъ и которыя сами пріобрѣли власть надъ своими страстями и похотями, завоевали душевный миръ, ясность и спокойствіе сознанія, внутреннее обновленіе и перерожденіе.

Въ количественномъ взаимоотношеніи эти группы могутъ быть представлены въ уменьшающемся послѣдовательно порядкѣ, являясь своего рода зданіемъ съ непомѣрно огромнымъ нижнимъ этажемъ (первая группа), съ рѣзко съуженнымъ вторымъ (вторая группа) и шпицеобразной башенкой на вершинѣ (третья группа).

Слѣдуетъ замѣтить, что, несмотря на выдѣленіе членовъ по одному исключительному, характерному признаку, у выдѣленныхъ другіе элементы сознанія не отсутствуютъ совершенно, не уничтожаются основнымъ, а лишь организуются главнымъ, становятся къ господствующему въ соотвѣтствующее положеніе.

Конечно, у подвижниковъ, у достигшихъ состоянія полной святости, плотскія страсти не выказываютъ надъ ними своей власти, но, напр., тѣло—сѣдалище плоти въ земной жизни не оставляетъ святыхъ и, такъ называемыя, физическія потребности, не заключающія грѣха, удовлетворяются ими: напр., голодъ, жажда.

Такъ же и у подавленныхъ чувственностію, безраздѣльно господствующей надъ послушными ей манекенами, бываютъ минуты, когда что-то, какой то отзвукъ изъ другого міра, хоть и чуть-чуть примѣтный, является въ сознаніи. Пробужденнымъ отъ чувственнаго угара, близки въ эти минуты отрезвленія и раскаянія, эти страшные моменты для переживающаго ихъ.

II.

Въ современной психологіи существуетъ дѣленіе психическихъ явленій на феномены познанія, чувства и воли. Такое раздѣленіе вертикально пересѣкается вышеприведеннымъ расчлененіемъ на плоть, душу, духъ. Каждому изъ членовъ вышеприведеннаго разчлененія свойственны признаки познанія, чувства и воли, но только въ рѣзко отличномъ одного отъ другого качествѣ. При этомъ подобное различіе у духа отъ души несомнѣнно болѣе, нежели у души отъ плоти. Душевному, не говоря уже о плотскомъ, человѣку непостижимо духовное ощущеніе непосильно дѣло духовной воли. Отъ него скрыты тайны духовнаго пониманія, безконечно далеко общее чисто-духовное настроеніе. Сфера испытаній душевнаго человѣка—соотвѣтствующія внѣшнему міру, безмѣрность и хаотичность сердечныхъ волненій; бореніе, междоусобица желаній и разсчетливость поведенія. Умъ для такого есть единственный пособникъ въ пониманіи правды, точно такъ же, какъ пресыщеніе и разочарованія, жестокіе удары окружающей среды,—для плотскаго сознанія.

Многочисленны, доходящія до души, вѣсти отъ развернувшагося возлѣ нея міра,—различно ее волнующія, приковывающія къ себѣ ея вниманіе. Обширенъ матеріалъ для жизни, но не находитъ тутъ человѣкъ удовлетворенія.

Удовлетвореніе не тоже, что пріятное удовольствіе. Послѣднее поверхностно и преходяще, можетъ быть сильнымъ, но никогда не становится, такъ сказать, центральнымъ, глубоко западающимъ въ душевные родники, не ассимилируется нашей жизненной основой. Правда, удовольствіе сохраняется въ памяти, оставляетъ слѣдъ въ сознаніи, но мы не знаемъ такого удовольствія, которое бы вынесло всѣ житейскія скорби, устояло бы противъ всевозможныхъ жизненныхъ испытаній. Нѣтъ удовольствія, отсѣкающаго у души всѣ ея интересы и стремленія, сосредоточивающагося лишь на самомъ себѣ,—удовольствія, признаннаго размышленіемъ равноцѣннымъ и даже стоящимъ выше всего дѣйствительнаго и возможнаго психическаго содержанія.

III.

При отчетливомъ самонаблюденіи улавливаемъ чувственный оттѣнокъ не только въ фактахъ внѣшнихъ, конкретныхъ ощущеній, но и въ самыхъ тонкихъ умственныхъ движеніяхъ, въ абстрактнѣйшихъ представленіяхъ. Разсужденіе, столь свойственное находящемуся на ступени „душевной“ жизни, является богатымъ источникомъ всевозможныхъ чувствованій. Чѣмъ глубже, шире, детальнѣе размышленіе, тѣмъ больше, сильнѣе наполняется грудь мыслящаго эмоціями, сердечными раздраженіями. Обильный потокъ переживаній особенно порождается выработкой міросозерцанія, метафизическимъ творчествомъ, философскимъ углубленіемъ, завися отъ обширности и многогранности разсматриваемаго въ нихъ предмета— природы, міра, сущаго.

Обладающій способностью широкаго разсужденія—философъ—является, такимъ образомъ, этическимъ высшимъ продуктомъ природы, содержательнѣйшимъ и сложнѣйшимъ ея произведеніемъ.

Законъ Божій, написанный, по слову ап. Павла, даже въ сердцѣ язычниковъ, благодаря высокой интеллигенціи философа, съ большей ясностью проявляется въ сознаніи, принудительно говоритъ о слѣдованіи ему. Отсюда этическая высота философа. Разсудочность развиваетъ скрытое въ немъ зерно совѣсти въ роскошный моральный плодъ.

Исключенія въ кругу представителей „науки наукъ“ объясняются или интеллектуальной ограниченностью, или же преобладаніемъ чувственныхъ влеченій надъ нравственной рефлексіей личности, несмотря на сравнительно сильный интеллектъ. Нужно извѣстное соотвѣтствіе между умомъ и чувственностью, ихъ энергіями для того, чтобы побѣдилъ первый.

Міръ идей даетъ личности новые объективы для воли и для чувства, измѣняетъ ея отношеніе къ даннымъ ощущеній, иначе освѣщаетъ послѣднія. Онъ отстраняетъ отъ человѣка грубый животный сенсуализмъ, плоское самодовольство. Не даромъ мы имѣемъ всѣ эти высокоположительные отзывы о философіи многихъ изъ отцовъ Церкви! Не даромъ Григорій Богословъ совѣтовалъ учиться христіанамъ у греческихъ философовъ! Не даромъ Василій Великій, покидая Аѳины, облился слезами, сожалѣя о разлукѣ съ очагомъ эллинскаго любо-

мудрія! Стремленіе къ истинѣ, попытка отыскать ее хоть бы однимъ естественнымъ разумомъ есть, если и не сама лѣстница, соединяющая небо съ землей, то по крайней мѣрѣ одна или нѣсколько изъ ея ступеней.

Существуетъ мнѣніе, что интеллектуализмъ порождаетъ пессимизмъ. Кажется, Гартманъ сдѣлалъ цѣлый рядъ выписокъ изъ произведеній различныхъ мыслителей, для подтвержденія этого мнѣнія. Чѣмъ же, въ такомъ случаѣ, объясняется констатируемый имъ фактъ? Истощеніемъ ли силъ, черезъ непомѣрную мозговую работу, малою ли инностью уединенной, кабинетной жизни, — или же неудовлетворенностью конечными результатами умственнаго изслѣдованія, тѣмъ, что послѣдніе не отвѣтили, въ достаточномъ размѣрѣ, на интимнѣйшіе душевные запросы?

Какъ бы ни были сильны доказательства чисто органическихъ причинъ такого пессимизма, нельзя отрицать въ немъ участія и мотивовъ второго рода. Постоянная смѣна философемъ въ исторіи, мятущаяся, судорожно хватающаяся за всякую новую теорію человѣческая мысль— самое очевидное свидѣтельство того, что унынie мыслящихъ связано съ убѣжденіемъ въ недостижимости раціонализмомъ полной, абсолютной истины. Бѣдная мысль увлекается миражами!

Вспоминаемъ о Фаустовой трагедіи. Но разочарованіе въ интеллектуализмѣ не имѣетъ никакой необходимости, вопреки поведенію гетевскаго героя, обращаться къ чувственнымъ наслажденіямъ. И разувѣрившись въ энергіи разума, не послѣдуемъ совѣту „ѣсть, пить и веселиться“, ограничиваться лишь этими потребностями въ своемъ существованіи. Возможенъ иной, чуждый раціональному, путь для достиженія истины. Есть выходъ изъ того тупого угла, куда приводятъ насъ непомѣрныя притязанія интеллекта, слишкомъ высокая оцѣнка его силъ; существуетъ новый путь для достиженія недостигнутыхъ цѣлей, путь мистическаго познанія. О немъ намъ можетъ сказать самое стремленіе къ истинѣ.

Что порождаетъ стремленіе къ истинѣ? кто ставитъ передъ личностью цѣлью истину? Откуда получаетъ личность, въ порывѣ къ адекватному знанію, отрадное предчувствіе существованія объективной, безстрастной, общеобязательной Истины? Гдѣ таится счастье перваго, не обвѣяннаго испытаніями, стремленія къ теоретической правдѣ?

Для отвѣта, обратимся къ непосредственному опыту, къ самонаблюденію. Увидимъ слѣдующее: „я“, сдѣлавшее предположеніе о существованіи истины, уяснившее себѣ идею истины во всей ея возвышенности, всей своей цѣлостностью радостно отзывается на эту мысль, какъ-то сливается съ ней, дѣлаетъ для себя очевидной ея достовѣрность, нревращаетъ предположеніе въ убѣжденіе. Все существо личности непроизвольно, какъ растеніе къ солнечному свѣту и теплу, тянется къ познанію и прочувствованію содержанія Истины.

Такимъ образомъ, влеченіе въ объективнему знанію есть убѣждающее, мистическое, безсознательное влеченіе, въ противоположность поверхностнымъ и преходящимъ внѣшнимъ ощущеніямъ и чувствованіямъ, дробнымъ и отдѣленнымъ отъ самосознанія, въ противоположность пустотѣ и ясности обыденныхъ пожеланій и аппетитовъ.

То, что обозначалъ Давидъ выраженіемъ: „внутренняя моя“, утверждаетъ и вызываетъ основу философіи.

Но тамъ, гдѣ хранится голая, формальная постановка проблемы, объ Истинѣ, находится и ея разрѣшеніе. Въ самоуглубленіи мы имѣемъ особый и цѣнный органъ познанія. Для успѣшнаго пользованія внутреннимъ, какъ и всякимъ, органомъ познанія, необходимо соблюденіе извѣстныхъ условій. Описывать здѣсь эти условія не входитъ въ нашу задачу. Интересующихся отсылаемъ къ спеціальной литературѣ о принципахъ мистическаго вѣдѣнія. Съ своей стороны, мы ограничимся лишь указаніемъ одного, существеннаго, подчеркнемъ необходимость особенныхъ условій для полученія „духовныхъ созерцаній“.

Обыденное — плотское и разсудочное — мышленіе такъ поспѣшно на выводы, такъ пристрастно къ одному лишь знакомому, что, во имя послѣдняго, готово отрицать все, отъ него болѣе или менѣе отдаленное, ему недоступное.

Человѣческое сознаніе можно сравнить съ глубокимъ колодцемъ, достаточно заглохшимъ, но въ своихъ низинахъ скрывающимъ чистую и свѣжую воду. Жаждущему стоитъ только зачерпнуть поглубже изъ этого колодца, прорвать его сорныя наслоенія и онъ получитъ кристально-чистый, холодный, освѣжающій напитокъ: на днѣ колодца струится оживотворяющій ключъ.

Плѣсенью для человѣческаго сознанія служатъ грѣховныя ощущенія и дѣйствія, пагубные помыслы и позывы, человѣческая суетность

и разсѣянность. Мы обтянуты этою плѣсенью, поросли дурными травами души, мучимся и страдаемъ отъ нихъ. Между тѣмъ, для избавленія отъ коренящагося въ насъ зла, имѣется близкое и вѣрное средство. Черезъ углубленіе въ самого себя, черезъ строгій отчетъ въ своихъ состояніяхъ и дѣйствіяхъ, черезъ борьбу съ грѣхомъ, черезъ вниманіе къ своимъ переживаніямъ, вообще, благодаря такъ наз. „умному дѣланію“ человѣкъ постепенно доходитъ и до желаннаго освобожденія—мистическаго познанія, духовной жизни.

Въ храмъ духовнаго вѣдѣнія сверхъ-природный и нерукотворный, широко и привѣтливо раскрыты двери всѣмъ алчущимъ и жаждущимъ правды. Такой храмъ и есть истинный храмъ Божій, обитель Духа Святаго.

IV.

Представленія вызываютъ соотвѣтствующія имъ чувства. Изъ чувствъ образуется настроеніе. Укрѣпляясь, настроеніе мало-по-малу переходитъ въ душевную основу, получаетъ эмпирическій характеръ. Послѣдній же выражается и поведеніемъ, дѣйствіями, поступками. Таковы звенья цѣпи вліянія представленій на жизнь.

Содержаніемъ идей опредѣляется жизненный процессъ. Весь составъ сознанія, всѣ сознательныя проявленія, въ значительной мѣрѣ, зависятъ отъ того, какимъ воззрѣніямъ питалось и питается сознаніе.

И какъ необходимо, для жизненнаго обновленія, обратить вниманіе на появляющіяся и господствующія въ нашей душѣ представленія.

Представленія могутъ быть пріятными и непріятными, вредными и полезными, спасительными и грѣховными.

Одни изъ нихъ доходятъ до сознанія благодаря непосредственному впечатлѣнію отъ адэкватныхъ имъ вещей, другіе посредствомъ какого-либо знака: звуковою или свѣтовою, рѣчи или письма.

Самостоятельное наблюденіе, чужая рѣчь и поучающая книга—основы образованія.

Достигнувшій пониманія психической обусловленности, уяснившій себѣ зависимость душевнаго строя, точно опредѣлившій характеръ тѣхъ или иныхъ вліяній на сознаніе и, вмѣстѣ съ этимъ, поставившій себѣ

цѣлью моральное самоулучшеніе, отдаетъ и свои разсудочныя проявленія подъ строгій контроль влекущаго идеала.

Просвѣщенному искателю правды извѣстна очерченная здѣсь власть разсудка надъ внутреннимъ существомъ человѣка. Онъ знаетъ какимъ чуждымъ растеніемъ для земной грѣховной почвы является личное совершенствованіе. И въ мірѣ, и въ падшей человѣческой природѣ личное совершенствованіе встрѣчаетъ ожесточенныхъ противниковъ. И умъ,—мелочный, житейскій умъ,—умъ въ естественномъ состояніи, не просвѣщенный свыше идущей благодатью, есть союзникъ, слуга міра и естества. Только тоскующая философская натура можетъ возвыситься до воззрѣній разума, породитъ возвышенныя метафизическія проблемы. Въ обыденности же, сознаніе подавлено думами о плотскомъ, суетномъ, - ограничено въ своемъ интеллектуальномъ кругозорѣ. Лишь усиленно сосредоточась на поставленной цѣли, строго разбирая, при ея свѣтѣ, наплывающія переживанія, неукоснительно преслѣдуя поведеніемъ желаемое, воспитаетъ въ себѣ духовнаго человѣка. Твердый въ этомъ стремленіи вымететъ изъ разсудка все страстное и незначительное, развлекающее и угнетающее. Онъ проведетъ передъ судомъ основного принципа и впечатлѣнія, и окружающія рѣчи, мнѣнія, и закрѣпленное, увѣковѣченное человѣческое слово-литературу. Здѣсь мы разберемъ отношеніе душевно-обновляющагося къ литературѣ. Постараемся опредѣлить, къ какимъ вопросамъ приводитъ повышенное самосознаніе, какъ зарождаются и гдѣ таятся эти вопросы.

V.

Точкой отправленія беремъ непосредстренное опознаніе существованія и существа душ и „Декартовское „cogito, ergo sum“. Узелъ всякаго бытія и всякой цѣнности, зажигательное стекло, концентрирующее для насъ всѣ явленія, есть наше „я“, потайная внутренняя клѣть человѣка, нѣчто чувствующее и мятущееся, доступное самоуглубленію.

Одновременно съ чутьемъ самого себя, это „нѣчто“ противопоставляетъ сознанію міръ чуждыхъ ему, отдѣльныхъ, внѣшнихъ вещей.

Характеръ такого міра, для отдѣльнаго лица, обыкновено обра-

зуется слѣдующимъ: мѣстность, въ которой приходится жить, двигаться; наполняющія ее вещи, неорганическія и органическія; одушевленныя существа, личности, съ которыми приходится сталкиваться. Здѣсь заключается опытное, твердое знаніе, свойственное личности. Изъ этихъ данныхъ особо выдѣляется, очерченный чувствомъ, кругъ матеріальной собственности, любимыхъ предметовъ, близкихъ лицъ—родныхъ и знакомыхъ. Чувство расцѣниваетъ и все остальное, раздѣляетъ на враждебное и благопріятное сознающему. Такимъ образомъ, элементарными понятіями дѣйствительно жизненнаго, выходящаго изъ сердцевины жизни, размышленія будетъ слѣдующее: сознаніе себя самого, сознаніе внѣшней реальности и оцѣнка данныхъ сознанія. Явленіями, отображенными въ этихъ понятіяхъ, обусловлена жизнь, въ содержаніи ихъ глубже всего заинтересовано все живое.

Наблюдающему факты не представляются всегда въ неизмѣнномъ видѣ: время господствуетъ надъ фактами. Послѣдніе появляются и исчезаютъ, и никогда болѣе не возвращаются на свѣтъ дѣйствительности въ такомъ же образѣ, какой носили раньше. Теряется сознаніемъ дурное и хорошее, вредное и полезное, внѣ стоящее и ему присущее, объективное и субъективное. Уходятъ куда-то отъ обозрѣвающаго взгляда и жизнь, и міровой обликъ. Дѣйственное, волевое сознаніе протестуетъ, борется съ этой вѣчной смѣной сущаго. Оно стремится сохранить изъ общаго потока бытія гармонирующее съ его чувствомъ, обнаруживаетъ консервативную силу.

Правда, сохраненіе многаго желается лишь на время, на различные сроки времени, смотря по предмету, но и съ этимъ ограниченіемъ дѣйствительность не соотвѣтствуетъ желанію. А, между тѣмъ, среди нашихъ симпатій имѣются и такія, которыя мы хотѣли бы сохранить, избавить отъ уничтоженія, навсегда, навѣки. Чаще всего къ такимъ принадлежатъ одушевленныя разумныя существа. Смерть дорогихъ намъ лицъ вызываетъ, можетъ быть, самые сильные взрывы отчаянія.

Разочарованіе вынуждаетъ человѣка углубиться въ данныя сознанія, расширить свой умственный кругозоръ, пересмотрѣть свои мнѣнія. Удары судьбы, въ особенности, обращаютъ вниманіе на загадку о томъ, что „едино на потребу“ человѣку, что составляетъ единственое его спасеніе, ибо строй міра не осуществляетъ обыкновенныя, обы-

денныя человѣческія хотѣнія. Какая потребность въ человѣкѣ должна считаться основной?

Къ этой загадкѣ присоединяется мысль объ одиночествѣ человѣка. Беззащитенъ ли смертный въ своемъ бореніи съ міромъ, отданъ ли онъ на растерзаніе враждебнымъ стихіямъ, одна ли личная энергія служитъ ему защитой? Есть ли человѣкъ незначительная капля въ космическомъ кипѣніи? Равноцѣненъ ли онъ всякой другой части существующаго, предстоитъ ли ему погрузиться, послѣ смерти, въ безмолвное бытіе?

Какъ-то невольно зарождается протестъ противъ утвердительныхъ отвѣтовъ на поставленные вопросы.

Контрастъ съ отрицательными сторонами сущаго, жажда представить порядокъ природы въ согласіи съ возможностью безусловнаго удовлетворенія личности, создаетъ мысль о вѣчномъ и неизмѣнномъ, одушевленномъ и личномъ, содержащемъ въ себѣ всѣ блага и цѣнности, о Верховномъ Существѣ. Верховное Существо,—такъ требуетъ практическій разумъ, горячее желаніе погибающихъ въ мірской сутолокѣ,—должно состоять въ интимнѣйшихъ отношеніяхъ съ одинокимъ въ вихрѣ вещественнаго движенія разумнымъ сознаніемъ.

Содержаніе сейчасъ излагаемыхъ идей и проблемъ образуютъ, какъ видимъ, духовные предметы, въ полномъ смыслѣ слова: душа, Богъ, ихъ отношеніе. Мы видимъ, какъ эти идеи и проблемы вытекаютъ изъ корня жизни.

Духовнымъ предметамъ посвящена особая литература, посвящены многочисленныя размышленія.

Познаніе духовныхъ предметовъ, какъ нами уже сказано, предпринимается двоякимъ образомъ: черезъ діалектику и черезъ чувство. Правда на сторонѣ послѣдняго.

Только чувство разрѣшило недоумѣнія, отвѣтило на жизненные, вѣковѣчные вопросы,—отвѣтило на нихъ содержательно и успокоительно. Объ этомъ свидѣтельствуютъ мистическія писанія. Духовное преображеніе сознанія слѣдуетъ за ознакомленіемъ съ мистическими идеями, вписываніемъ ихъ въ сознаніе.

VI.

Для образца, возьмемъ дѣйствіе святоотеческаго творенія на читающаго.

Съ многочисленными плотскими помыслами, съ душевной раздражительностью и неустойчивостью, со всѣмъ дурнымъ психическимъ скарбомъ, накопившимся въ сознаніи отъ житейскихъ треволненій, приступаетъ „рабъ грѣха и печали“ къ ознакомленію съ полнымъ духовнаго горѣнія произведеніемъ. Глухо сердце вначалѣ къ глубокому и важному смыслу словъ книги, но, постепенно, отраженіе нездѣшняго, лучшаго міра въ читаемомъ растопляетъ сердечный ледъ, вызываетъ умиленіе, очищаетъ сердце отъ страстей и волненій. Душа постепенно наполняется радостью, умиротворяется какой-то внутренней легкостью. Удаленный отъ смущающихъ и развлекающихъ чувственныхъ движеній, чистымъ сердцемъ, умъ обращается ко Христу, вызываетъ представленіе о Богочеловѣкѣ. Тогда-то сознаніе дѣлается способнымъ къ безусловному отчужденію міра, къ переживанію глубокаго покоя, доступнаго лишь уединяющимся,—хотя бы только внутренно—для думъ о Спасителѣ міра.

Трансцендентное становится живымъ понятіемъ въ читающемъ.

Такова одна изъ дверей въ царство вѣчности, въ прекрасный садъ духовныхъ ощущеній! Устремись къ ней, взыскующій „горнаго града“! Неудовлетворенный попытками достигнуть познанія истины однимъ естественнымъ разумомъ, стремящійся къ существенному перерожденію самого себя, къ преобразованію въ духовнаго человѣка, пусть искренно обратится, отбросивъ всякія сомнѣнія, къ помощи духовнаго, мистическаго чтенія. Онъ найдетъ въ немъ оправданіе своимъ чаяніямъ, удовлетвореніе разбитымъ надеждамъ.

Какъ магнитъ притягиваетъ желѣзо, такъ духовное чтеніе вызываетъ духовныя настроенія, при немъ произростаетъ духовное зерно сознанія [1]).

---

[1]) Взгляды на духовнные предметы могутъ быть христіанскими и антихристіанскими. Отчего же, спрашивается, говоря о духовной литературѣ, мы называемъ ее христіанской? Отвѣтъ простъ: строго духовныя писанія, изъясняющія все съ чисто духовной точки зрѣнія, даны лишь

Изъ необозримой дали вѣковъ слышится голосъ Исаака Сирина: „Сподоби насъ, Господи, познать и возлюбить Тебя не тѣмъ вѣдѣніемъ, какое пріобрѣтается чрезъ упражненіе съ расточеніемъ ума, но сподоби насъ того вѣдѣнія, въ которомъ умъ, созерцая Тебя, прославляетъ естество Твое въ созерцаніи, похищающемъ у мысли ощущеніе міра... Исполни сердца наши жизни вѣчной; да возсіяетъ въ нихъ Истина Твоя, Христе, *полнота* Истины, и да познаемъ, какъ по волѣ Твоей ходить путемъ Твоимъ“.

Жизнь духовная, вѣчная, сверхъестественная, новозавѣтная—высшее благо, корень религіи, дарованный падшему Адаму—человѣчеству воскресеніемъ Христа. Воскресеніе Христа есть опорный камень всего христіанскаго исповѣданія. Такъ говоритъ ап. Павелъ: „если Христосъ не воскресъ, то и проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣра наша“... и еще: „если Христосъ не воскресъ, то вѣра ваша тщетна: вы еще во грѣхахъ вашихъ; поэтому и умершіе во Христѣ погибли“ (Кор. XV, 14, 17 и 18).

Истина воскресенія Христа должна существенно измѣнить наши взгляды. Вотъ въ подтвержденіе слова современнаго намъ писателя, горячаго апологета опытнаго богопознанія:

„Если Христосъ воскресъ и слѣдовательно св. Писаніе истинно, то историку уже нельзя вѣрить въ безконечный прогрессъ на землѣ; экономисту—считать желудокъ основнымъ двигателемъ (исторической) жизни, а производительность земли независимой отъ религіозно-нравственнаго состоянія человѣка; зоологу нельзя признавать неизмѣнной нормой борьбу за существованіе; астроному—видѣть въ движеніи планетной системы бездушную механическую силу, управляемую слѣпымъ рокомъ; физику—утверждать всеобщность закона тяготѣнія, не выпускающаго изъ-подъ своей желѣзной руки и свободно-разумнаго существа—человѣка; моралисту нельзя строить правилъ поведенія человѣка на основаніи выводовъ, сдѣланныхъ изъ наблюденій надъ животными; психологу и историку литературы нельзя обозрѣвать движеній чело-

---

христіанскими подвижниками, свѣтилами Церкви. Всѣ же иные, думавшіе о духовномъ, говорятъ о немъ языкомъ плотскихъ ощущеній, безсильнаго, въ этой сферѣ, разума,—рѣчью «прелести», исходятъ изъ нервныхъ раздраженій, обольщеній и мечтаній (см. еп. Игнатія Брянчанинова Аскетическіе опыты. 18-й томъ).

вѣческой души, смѣны типовъ и характеровъ внѣ ихъ отношенія къ Солнцу Правды Христу; философу нельзя и теорію познанія, и все зданіе философіи опирать на познавательныя силы одного лишь „натуральнаго“ человѣка, мудрствовать по стихіямъ міра, а не по Христу (Кол. II, 8); серьезному политику нельзя съ высокомѣрной снисходительностью относиться къ указанію на теократическій строй царства еврейскаго.

Изображеніе процесса и финала всемірной исторіи по указаніямъ Слова Божія не должно уже вызывать насмѣшки историка.

Молитвы о дождѣ, раннемъ и позднемъ, объ умноженіи плодовъ земныхъ, объ избавленіи отъ глада не должны удивлять экономиста. Левъ, послушный старцу Герасиму, и медвѣдь, питающійся отъ трапезы преп. Сергія, не должны вызывать недовѣрія со стороны зоолога.

Солнце, остановившееся надъ долиною Аіалонскою, не должно вызывать иронической улыбки на устахъ астронома.

Марія Египетская, переходящая рѣку по поверхности воды, не должна казаться существомъ фантастическимъ физику. Отрѣшеніе сотенъ и тысячъ людей не только отъ брака, но и отъ какихъ-либо чувственныхъ влеченій не должно представляться страннымъ или невозможнымъ моралисту и безумнымъ психіатру.

Изученіе не только „естественной“, но и „возрожденной во Христѣ“ души человѣческой не должно ли входить въ обязанность психолога? Попытка оцѣнивать писателей, этихъ руководителей человѣческой мысли и совѣсти, съ точки зрѣнія идеала Христова, съ точки зрѣнія пѣстунствованія людей во Христа, не есть ли прямой долгъ историка литературы?

Не надлежитъ ли истинному „другу мудрости“, минуя Сциллу раціонализма и Харибду эмпиризма, устремляться въ тихія, безконечно глубокія и необозримо широкія, текущія въ жизнь вѣчную, воды „духовнаго вѣдѣнія?

Возлюбленный пѣвецъ и рабъ Іеговы, типичный царь теократическаго царства, не долженъ ли приковывать къ себѣ вниманіе того, кому вручаются судьбы родного государства“? [1])

Сергѣй Загребинъ.

---

[1]) М. А. Новоселовъ. «Забытый путь опытнаго богопознанія». 2 изд. 66—67 стр.

Викарные епископы.

Вопросъ объ измѣненіи существующаго положенія викаріевъ, помимо каноническихъ соображеній, выдвигается на очередь насущною потребностью—облегчить чрезмѣрный трудъ епархіальныхъ архіереевъ, упростить ихъ служеніе и чрезъ это приблизить ихъ къ паствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, управлять епархіею, раскинувшеюся на огромное пространство съ громаднымъ количествомъ приходовъ—трудъ непосильный для одного лица. Епископу при нынѣшнихъ условіяхъ его служенія, какъ это признаютъ сами архипастыри, невозможно стать въ живое и тѣсное общеніе съ паствою, непосредственно руководить дѣятельностью пастырей, самому входить во всѣ религіозно-нравственныя нужды пасомыхъ. А извѣстно, что чѣмъ меньше въ дѣлѣ управленія непосредственнаго наблюденія, тѣмъ больше бумажныхъ распоряженій. Отсюда и происходитъ наша бѣда: преобладаніе бумагъ надъ живымъ дѣломъ. Въ настоящее время у всѣхъ пробудилось желаніе освободиться отъ мертвящаго вліянія канцелярской письменности, установить близкія, свободныя, истинно-церковныя отношенія между архипастыремъ, клиромъ и народомъ. Прежде всего надо измѣнить условія дѣятельности архіереевъ. Практическій путь къ установленію такихъ отношеній заключается главнымъ образомъ въ раздѣленіи нынѣшнихъ большихъ епархій на меньшія, чтобы имѣть епископовъ не только въ губернскихъ городахъ, но и во многихъ уѣздныхъ.

Но открытіе отдѣльныхъ и самостоятельныхъ епархій вызываетъ образованіе новыхъ органовъ управленія, реорганизацію сложнаго общеепархіальнаго хозяйства, учебнаго дѣла и проч., что является дѣломъ нелегкимъ, требующимъ во всякомъ случаѣ времени и средствъ для своего осуществленія. Между тѣмъ жизнь не ждетъ и заставляетъ искать выхода: такъ или иначе предѣлы нынѣшнихъ епархій должны быть сокращены. Если нельзя вновь образовать необходимое количество

самостоятельныхъ каѳедръ, то вполнѣ возможно предоставить викарнымъ епископамъ управленіе на опредѣленныхъ правахъ отдѣльной части епархіи. Такими полномочіями пользовались викаріи на Руси до начала прошлаго столѣтія.

Въ этомъ отношеніи, полагаемъ, небезъинтереснымъ будетъ привести нѣсколько данныхъ изъ прошлаго и современнаго положенія у насъ викаріатства.

Должность викаріевъ въ составѣ епархіальнаго управленія впервые появляется въ Новгородской епархіи въ самомъ концѣ XVI в. Первый викарій ея епископъ Корельскій и Ладогскій былъ посланъ патріархомъ Іовомъ *для управленія* Кореліею, тогда вновь завоеванною. При учрежденіи Синода викаріевъ было двое: въ московской и новгородской епархіяхъ. „Въ этихъ епархіяхъ и церквей и городовъ не малое число и въ отдаленныхъ мѣстахъ между собою состоитъ, и поэтому епархіальному архіерею и управленія и самоперсональнаго въ оныхъ надсмотрѣнія имѣть неудобно; то для того въ нихъ викаріи опредѣляемы бываютъ". Такъ объясняетъ оффиціальный документъ происхожденіе викаріатства. По штатамъ епархій 1764 г. положено „быть особливому епископу, и жительство изъ нихъ имѣть новгородскому викарію въ Олонцѣ, а другому (т. е. московскому) въ Сѣвскѣ, съ тѣмъ именно, чтобы они отдѣленныя имъ отъ мѣстныхъ архіереевъ епархіи управляли сами, непосредственно подчинены были тѣмъ своимъ мѣстнымъ архіереямъ, отъ которыхъ они и ризницею и прочимъ до священнослуженія принадлежащимъ облаченіемъ снабжены быть должны" (Полн. Собр. Закон. 1764 г. №12060).

Характеристикой компетенціи викарія въ сферѣ управленія можетъ служить инструкція митроп. Платона московскому викарію—епископу Дмитровскому Серапіону. Викарію поручались въ управленіе Дмитровъ съ уѣздомъ и другіе города съ уѣздами съ тѣмъ, чтобы онъ управлялъ на основаніи правилъ св. отецъ, духовнаго регламента и указовъ; управляя ввѣренными городами и уѣздами, викарій долженъ былъ выслушивать въ чтеніи и пѣніи желающихъ вступить на священнослужительскія мѣста, посвящать ставленниковъ и выдавать имъ грамоты отъ своего имени. Дѣла, по разсмотрѣніи духовныхъ правленій, подвѣдомыхъ преосвященному городовъ, рѣшать ему самому, исключая тѣхъ дѣлъ, по которымъ священники и діаконы будутъ подлежать ли-

шенію священства. О таковыхъ, произведши дѣла въ духовныхъ правленіяхъ и разсмотрѣвъ оныя, съ приложеніемъ своего мнѣнія, викарій долженъ представлять митрополиту при рапортѣ съ требованіемъ конечнаго рѣшенія. По прочимъ-же дѣламъ, ежели священно-церковнослужители рѣшеніемъ викарія будутъ недовольны, о пересмотрѣ дѣла могутъ просить самого митрополита; ввѣренныя викарію духовныя правленія потребныхъ по дѣламъ свѣдѣній могутъ просить отъ консисторіи; съ указовъ св. Синода, по касающимся до епархіи дѣламъ, доставлять викарію копіи; въ священнослуженіяхъ имя викарія воспоминать послѣ имени митрополита только во ввѣренныхъ викарію городахъ и уѣздныхъ церквахъ и въ монастыряхъ, гдѣ онъ имѣетъ пребываніе; управляя своею епархіею, можетъ въ Москвѣ исправлять служеніе, и въ случаѣ болѣзни митрополита, посвящать ставленниковъ церквей, непосредственно подвѣдомыхъ митрополиту. Викаріи давали даже увольнительныя свидѣтельства, если кто изъ ихъ вѣдомства желалъ поступить къ церквамъ, подвѣдомымъ митрополиту (Истор. Моск. епарх. управл. Н. Розанова кн. 1 стр. 163—165).

На такихъ началахъ викаріи управляли отдѣльною частью епархіи до конца XIX вѣка. Въ 1799 г. произошло новое распредѣленіе епархіальныхъ границъ, сообразно съ границами губерній, коснувшееся и викаріатствъ. Число ихъ увеличено двумя новыми. А главное—положеніе ихъ съ этого времени измѣняется кореннымъ образомъ: съуживается кругъ ихъ дѣятельности, зависимость ихъ отъ правящаго архіерея дѣлается полною, при чемъ онъ уже не завѣдуетъ опредѣленною частью епархіи. „Въ Кіевской, Новгородской, Московской и Казанской—читаемъ въ постановленіяхъ екатерининской комиссіи о штатахъ епархій—учредить для вспомоществованія мѣстнымъ архіереямъ въ управленіи епархіальныхъ дѣлъ викарныхъ епископовъ на такомъ положеніи, чтобы викаріи, состоя въ непосредственномъ вѣдѣніи и зависимости мѣстныхъ преосвященныхъ, исправляли поручаемыя имъ дѣла, производящіяся въ консисторіяхъ тѣхъ архіереевъ, заимствуя отъ нихъ въ церковномъ служеніи и все при томъ нужное“ (Полн. Собр. Зак. 1799 г. № 19156).

Вышеприведенными законодательными актами 1764 и 1799 г г. въ сущности и исчерпывается все внутреннее развитіе института викаріатства. Сравнивая права и обязанности викаріевъ по положенію

того и другого акта мы видимъ умаленіе ихъ власти съ 1799 г. Этому содѣйствовали двѣ причины. Во 1-хъ, увеличеніе количества епархій (съ 29 до 36) и слѣдовательно сокращеніе объема епархій: самостоятельные викаріи, управляющіе отдѣльною частью епархіи, признаются, поэтому, излишними. Съ другой стороны общее направленіе епархіальной жизни складывается крайне неблагопріятно для викаріевъ. Къ этому времени петровскій коллегіальный строй управленія, введенный и въ епархіяхъ, получаетъ полное развитіе: консисторіи дѣлаются средоточіемъ управленія и регламентируютъ всѣ сношенія съ епархіальной властью въ разныя инструкціи, формы и предписанія. Вмѣстѣ съ централизаціей управленія приходъ утрачиваетъ прежнюю самостоятельность (напримѣръ, въ правѣ самостоятельно распоряжаться церковнымъ хозяйствомъ, избирать клириковъ и проч.). Этотъ-то вновь утверждающейся видимый порядокъ и внѣшняя законность и вызвалъ пышный расцвѣтъ плевелъ канцелярской формалистики, понизилъ живую дѣятельность архипастырей, приковавъ ихъ вниманіе къ консисторскимъ бумагамъ. Сообразно съ этимъ измѣняется и самое назначеніе викаріевъ. Если прежде викарій нуженъ былъ для управленія епархіею (частью общей епархіи) и для самоперсональнаго надсмотрѣнія, то теперь онъ уже понадобился для разсмотрѣнія консисторскихъ дѣлъ, „Исправленіе поручаемыхъ викарію дѣлъ, производящихся въ консисторіяхъ“ буквально стало главнѣйшею обязанностью викарія, о другихъ даже не упоминается; канцелярія и бумага возобладали надъ жизнью и духомъ. Викарій ставится для исполненія распоряженій правящаго архіерея въ полную его зависимость. Съ тѣхъ поръ положеніе викаріевъ не измѣнилось. Замѣчательно, что уставъ духовной консисторіи посвящаетъ викарію одну только статью, весьма характерную: „въ епархіяхъ, гдѣ есть викарій, говорится въ этой статьѣ, и имѣетъ мѣстопребываніе въ епархіальномъ городѣ, разсмотрѣніе и утвержденіе журналовъ епархіальный архіерей можетъ предоставить ему. Такъ особенно поступать во время отсутствія епархіальнаго архіерея изъ епархіальнаго города“ (ст. 331-я). Это—тѣже канцелярскія обязанности, о которыхъ упоминается въ законѣ 1799 года. Значитъ жизнь не выдвинула иныхъ задачъ: весь строй епархіальнаго управленія до нашихъ дней движется по тому-же направленію—приказному канцелярскому.

Такъ какъ викаріи поставляются въ непосредственное вѣдѣніе епархіальныхъ архіереевъ, то имъ обыкновенно преподаетъ инструкцію епархіальный архіерей въ предѣлахъ, разумѣется, устава духовной консисторіи. Инструкціи эти по всѣмъ епархіямъ однообразны: предварительное чтеніе консисторскихъ протоколовъ и утвержденіе нѣкоторыхъ незначительныхъ и шаблонныхъ журналовъ, просмотръ журналовъ епархіальнаго попечительства, духовныхъ училищъ по хозяйственной части, училищнаго совѣта, назначеніе на сельскіе приходы псаломщиковъ, наконецъ рукоположеніе ставленниковъ по порученію правящаго епископа—вотъ и всѣ обязанности викарія, при чемъ викарій можетъ быть лишенъ и этихъ обязанностей, по усмотрѣнію епарх. архіерея. Исключеніе составляетъ вятскій викарій епископъ Сарапульскій, имѣющій Синодскую инструкцію: онъ управляетъ церквами, монастырями и духовенствомъ трехъ городовъ Вятской губ., съ ихъ уѣздами. Вообще Сарапульскій викарій близко напоминаетъ, по своимъ полномочіямъ, викаріевъ перваго времени.

Всѣ остальные викаріи—а ихъ въ настоящее время 42 въ 69 епархіяхъ—не пользуются никакими самостоятельными полномочіями, кромѣ развѣ совершенія богослуженія въ своемъ монастырѣ.

Полное безусловное подчиненіе викарія епархіальному епископу вмѣстѣ съ отсутствіемъ опредѣленныхъ, начертанныхъ въ законѣ или преподанныхъ высшею церковною властью правилъ, создаютъ для викарія безпримѣрное положеніе въ исторіи православной Церкви, какъ восточной, такъ и русской до начала прошедшаго столѣтія.

Викаріатство въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ у насъ въ настоящее время, не можетъ найти себѣ оправданія ни въ практическихъ потребностяхъ, ни въ каноническихъ правилахъ.

На практикѣ дѣятельность викарія слишкомъ незначительна по ограниченности круга его вѣдѣнія, чтобы онъ могъ оказать дѣйствительную помощь правящему архіерею. Въ составѣ епархіальнаго управленія онъ является не больше, какъ канцелярскою инстанціею между архіереемъ и епархіальными учрежденіями. Безъ обращенія къ главному архіерею онъ не можетъ шагу ступить въ своей архипастырской дѣятельности, не можетъ отслужить, напримѣръ, по своему желанію въ какой-либо церкви внѣ своего монастыря. Лица, имѣющія надобность въ епархіальномъ начальствѣ, къ викарію не обращаются, зная, что

это безполезно, такъ какъ викарій не имѣетъ никакой власти. Даже епархіальныя учрежденія, журналы коихъ онъ прочитываетъ, не считаютъ его своимъ начальникомъ и при всякомъ разногласіи съ нимъ переносятъ дѣло на усмотрѣніе правящаго архіерея, чѣмъ нерѣдко создается для послѣдняго затрудненіе при разрѣшеніи разногласій. Все это не можетъ не ослаблять ревности викарія, не возбуждать въ немъ опасенія, какъ-бы не выйти изъ границъ своихъ полномочій, не встать въ противорѣчіе съ намѣреніемъ и усмотрѣніемъ епархіальнаго архіерея и не создать какого-либо инцидента. При такихъ условіяхъ въ епархіи оказывается „удобнымъ“ большею частію такой викарій, который проявляетъ меньшую иниціативу и дѣятельность, безропотно переноситъ свой послушническій искусъ, соединенный съ званіемъ викарія.

Титулуясь епископомъ Михайловскимъ, Чебоксарскимъ и проч. по имени какого-либо уѣзднаго города, викарій можетъ и совсѣмъ не посѣтить своей номинальной паствы: обыкновенно онъ проживаетъ вмѣстѣ съ правящимъ епископомъ въ одномъ епархіальномъ городѣ. И въ этомъ нельзя не видѣть извѣстной ненормальности, такъ какъ многія церкви епархіи въ продолженіи цѣлыхъ десятилѣтій не видятъ у себя епископа.

Правда, изрѣдка викаріи обозрѣваютъ, по порученію епископа, епархію, но въ этомъ случаѣ они лишь случайные посѣтители. Не имѣя самъ никакой власти, свои наблюденія викарій изложитъ въ письменномъ докладѣ архіерею, а архіерей черезъ консисторію сдѣлаетъ письменное-же распоряженіе. Однимъ словомъ, опять дѣло сводится къ той-же канцелярской письменности.

Что касается канонической точки зрѣнія, то и съ этой стороны современное положеніе викаріевъ слѣдуетъ признать уклонившимся отъ каноническихъ правилъ. Каноны не знаютъ такихъ отношеній между епископами, какъ непосредственное и можно сказать исключительное подчиненіе одного другому во всѣхъ дѣйствіяхъ, свойственныхъ и викарію, какъ епископу. Вмѣстѣ съ хиротоніей епископъ получаетъ каноническія права въ церкви (право рукоположенія въ священныя степени по своей совѣсти, учительства, управленія). Между тѣмъ нашъ викарій не можетъ воспользоваться данною ему чрезъ благодать властью, дѣлаясь и въ этой области исполнителемъ чужой воли (при выборѣ рукополагаемыхъ клириковъ), и является устраненнымъ отъ непосредственнаго управленія епархіею.

„Епископы малыхъ городовъ въ древности были въ зависимости отъ епископовъ большихъ городовъ“ (Лаод. Соб. 53 пр.), но эта зависимость совсѣмъ иного рода. Св. правилами повелѣвается епископамъ всякаго народа признавать перваго епископа, яко главу, и ничего превышающаго ихъ власть не творити безъ его разсужденія: *творити-же каждому только то, что касается до его епархіи* и до мѣстъ, къ ней принадлежащихъ (34 апост. прав., 9 пр. Анк. Соб.).

Въ древней церкви также строго соблюдалось правило не назначать двухъ епископовъ въ одинъ и тотъ-же городъ (1 Всел. Соб. 18 прав.).

Уклоненіе отъ этихъ правилъ ведетъ къ умаленію въ лицѣ викарія епископскаго достоинства, къ возможному нарушенію братскихъ отношеній между епископами, наконецъ, къ безполезности самаго института викаріевъ.

Итакъ, преобразованіе нашихъ викаріатствъ необходимо. Не новъ въ нашей исторіи и путь для приведенія ихъ въ соотвѣтствіе съ канонами: надлежитъ—лишь возстановить ихъ первоначальное значеніе въ епархіальномъ управленіи.

Викаріи перваго періода до начала XIX в. управляли *своею* епархіею, какъ называлась отдѣленная въ ихъ вѣдѣніе часть епархіи. Они были архипастырями не по имени только, а въ дѣйствительности, какъ облеченные властью: имѣли *надсмотрѣніе* за церквами, избирали и рукополагали священнослужителей, судили ихъ, разрѣшали построеніе храмовъ и проч. И лишь въ превышающихъ ихъ власть случаяхъ просили „совѣта и наставленія“ (какъ и въ нынѣшнихъ викаріальныхъ граматахъ говорится) у митрополитовъ. Отношенія къ послѣднимъ викаріевъ строго каноничны, такъ какъ они самостоятельно совершали епископскія дѣйствія, касающіяся до ихъ епархіи.

Участвуя въ управленіи епархіей, они оказывали дѣйствительную, а не канцелярскую помощь своему епархіальному архіерею.

Развитіе викаріатствъ въ этомъ направленіи, сокращая постепенно границы нынѣшнихъ епархій, послужило-бы средствомъ къ сближенію епископовъ съ клиромъ и народомъ, къ упрощенію существующей сложной системы епархіальнаго управленія.

Преобразованіе викаріатствъ, полагаемъ, должно быть предметомъ разсужденій предстоящаго собора.

Д. Андреевъ.

Жестокій законъ.

(О сложившихъ священный санъ).

Среди пережитковъ русскаго законодательства, стѣсняющихъ свободу человѣческой личности въ ущербъ его нравственнымъ интересамъ, нужно отмѣтить жестокую статью нашего закона, по которой лицо, добровольно сложившее съ себя священный санъ, лишается права государственной службы (діаконъ въ теченіе пяти, священникъ — десяти лѣтъ), и, по возвращеніи ему правъ государственной службы, по истеченіи указанныхъ сроковъ, во всю свою жизнь не можетъ служить въ предѣлахъ той епархіи, гдѣ оно находилось до сложенія сана.

По смыслу нашего закона, лицо, сложившее съ себя священный санъ, такимъ образомъ, приравнивается къ преступникамъ и выходъ изъ духовнаго званія квалифицируется, какъ гражданское преступленіе.

Общественное мнѣніе, какъ извѣстно, относится къ лицамъ, выходящимъ изъ духовнаго званія, очень сурово, и тѣмъ, слѣдовательно, ставитъ ихъ въ тяжелыя моральныя условія жизни. Правительство, съ своей стороны, какъ мы видимъ, ставитъ ихъ въ тяжелыя матеріальныя условія (а вмѣстѣ конечно—также и въ моральныя).

Но чѣмъ оправдать этотъ тяжелый гнетъ, тяготѣющій надъ лицами, выходящими изъ духовнаго званія? Мы не говоримъ объ общественномъ мнѣніи: оно всегда—продуктъ сложныхъ, разнообразныхъ факторовъ и прежде всего продуктъ культурнаго развитія самого общества, и находится въ зависимости отъ того, насколько, такъ сказать, тонка общественная психическая организація и воспріимчивость ко всякаго рода человѣческимъ болямъ: воспринимаетъ и понимаетъ ли общество, т. е. средній человѣкъ—только то, что лежитъ на поверхности человѣческаго существа и рѣзко само по себѣ бросается въ лаза, или оно имѣетъ такой развитой слухъ, что и при наружныхъ

признакахъ благополучія способно уловить симптомы, выражающіе тяжелыя страданія и жестокую борьбу между жизнью и смертью, идущую въ далекой сердцевинѣ человѣческаго существа. Побѣдить общественное мнѣніе, въ виду нашей малокультурности, въ данномъ случаѣ пока нельзя. Но протестовать противъ законодательныхъ ограниченій правъ для лицъ, слагающихъ съ себя священный санъ, мы можемъ и должны. Мы ставимъ вопросъ: Чѣмъ оправдать эти ограниченія? На какое моральное право опирается въ данномъ случаѣ нашъ законъ?

Это ограниченіе въ правахъ есть ли возмездіе за выходъ изъ клира и жестокое потому, что велико само преступленіе? Или эта мѣра, продиктованная страхомъ, что если не подвергать наказанію лицъ, слагающихъ съ себя санъ, то найдется слишкомъ много желающихъ выйти изъ духовнаго званія?

Разберемъ первое предположеніе, что права лицъ, слагающихъ съ себя духовный санъ, ограничиваются въ возмездіе за ихъ преступленіе.

Повторяемъ свой вопросъ: въ чемъ состоитъ это преступленіе?

Слагающіе санъ не совершаютъ никакого внѣшне-преступнаго дѣянія и не угрожаютъ никакимъ общественнымъ устоямъ, если просто отказываются совершать извѣстное дѣло, которое отъ этого отнюдь ничего не терпитъ, и переходятъ, такъ сказать, въ пассивное состояніе. Значитъ, съ этой точки зрѣнія въ сложеніи сана нѣтъ проступка. Но можетъ быть проступокъ заключается въ внутреннемъ состояніи лица, слагающаго санъ?

Разберемся въ причинахъ, которыя могутъ побуждать отдѣльныхъ лицъ искать выхода изъ духовнаго сословія.

Причины эти могутъ быть двоякаго характера: или перемѣна убѣжденій, или чувство нравственной непригодности для служенія въ священномъ санѣ.

Можетъ случиться, что человѣкъ перестанетъ вѣрить въ то, во что долженъ вѣрить по своему положенію, какъ духовное лицо. Въ такомъ случаѣ человѣкъ можетъ стремиться къ выходу изъ духовнаго званія изъ нежеланія допускать ложь въ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ, пусть ложь субъективную, но для него во всякомъ случаѣ ложь. Если такой человѣкъ слагаетъ съ себя священный санъ, то, очевидно, изъ уваженія къ требованіямъ своей совѣсти и, слѣдовательно, морально

онъ не преступенъ, такъ какъ жить по своимъ убѣжденіямъ—право всякаго человѣка, разъ такая жизнь не противорѣчитъ свободѣ отдѣльныхъ лицъ.

При существовавшихъ условіяхъ рукоположенія въ іерархическія степени (закрытіе доступа для семинаристовъ въ свѣтскія высшія учебныя заведенія и косвенное принужденіе окончившихъ семинарію искать священнаго сана, а также и то, что ихъ рукополагаютъ обыкновенно въ ранніе годы 20—23 л.) возможны и такіе случаи, когда человѣкъ надѣваетъ рясу безъ надлежащаго самоиспытанія и съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ къ *теоретическому сознанію* своей неподготовленности въ виду относительной безвыходности положенія при недостаточной твердости характера. Такой человѣкъ со временемъ можетъ на опытѣ *почувствовать* то, о чемъ неясно говорило только голое сознаніе, именно, что въ его личномъ складѣ нѣтъ того, что необходимо для его служенія, хотя бы религіозныя воззрѣнія его и отвѣчали этому служенію, и также стремиться къ выходу изъ духовнаго званія. Но и такой человѣкъ не совершаетъ нравственнаго проступка и также, какъ въ первомъ приведенномъ случаѣ, признаетъ для себя обязательность требованій нравственнаго закона. Спрашивается: за что же карать того и другого? Развѣ они были бы нравственно чище, если бы одинъ училъ тому, во что самъ не вѣруетъ, а другой училъ бы вопреки настойчивому свидѣтельству совѣсти, что онъ учитъ не по праву?

Едва ли можно оспаривать, что въ сложеніи сана изъ-за убѣжденій или изъ-за личнаго признанія себя недостойнымъ носителемъ священнаго сана нѣтъ признаковъ преступленія, за которое нужно было бы наказывать.

Нерѣдко изъ духовнаго званія выходятъ вдовые священнослужители затѣмъ, чтобы вступить во второй бракъ. Совершаютъ ли они преступленіе сложеніемъ священнаго сана?

Наши священнослужители люди брачные (діаконы и священники). Бракъ—одно изъ условій рукоположенія, и всякій, принимающій рукоположеніе, разсчитываетъ, на семейную жизнь, такъ что многіе и многіе никоимъ образомъ не рѣшались бы принимать посвященіе, если бы они были лишены правъ на семью. Если, теперь, рукоположенный лишается жены, условія его служенія рѣзко измѣняются и

притомъ,—въ зависимости отъ индивидуальныхъ особенностей, иногда такъ, что дѣлаютъ совершенно невозможнымъ спокойное, уравновѣшенное прохожденіе служенія, требующаго особенной чистоты настроенія и свободы отъ дисгармоніи въ физической жизни. Въ такомъ случаѣ для обездоленнаго и подвергнутаго тяжелымъ испытаніямъ вдоваго священно-служителя остается два выхода: или компромиссъ, не одобряемый, но легко извиняемый и обществомъ и даже властью, разъ соблюдается извѣстный декорумъ,—или монастырь. Но компромиссъ нравственнаго успокоенія дать не можетъ, а къ монашеству не всѣ подготовлены и не всѣ пригодны, о чемъ свидѣтельствуютъ частые случаи моральнаго разложенія въ средѣ самихъ монашествующихъ. Спрашивается, какой же нравственный законъ нарушаютъ вдовые священнослужители, если они выходятъ изъ своего званія затѣмъ, чтобы вступить въ бракъ? И какой другой выходъ можно указать имъ въ ихъ тяжеломъ положеніи?.. А если здѣсь нѣтъ преступленія, то за что же ихъ наказывать?

Обыкновенно на всякіе разговоры о бракѣ священнослужителя смотрятъ, какъ на что-то унизительное для него, и бракъ священнослужителя служитъ болѣе темою пикантныхъ шутокъ и остротъ въ гостиныхъ, чѣмъ предметомъ серьезнаго обсужденія. Можетъ быть, въ этомъ сказывается высокій взглядъ на дѣло священнослужителя, который, значитъ, настолько долженъ быть занятъ духовными интересами, что долженъ перестать считаться съ сердечными и физическими условіями своего существованія; но здѣсь во всякомъ случаѣ нѣтъ практически правильнаго взгляда на вещи и желанія считаться съ психо-физической организаціей человѣка, какова она есть въ дѣйствительности. Кромѣ того, если священнослужитель стремится ко второму браку, это отнюдь не значитъ, что онъ интересамъ тѣла приноситъ въ жертву интересы своего духа. Нужно имѣть въ виду, что ни при какомъ общественномъ служеніи внутреннія дисгармоніи и внутренняя неуравновѣшенность, хотя бы и на физической основѣ, не чувствуются такими тяжелыми, неумѣстными и вяжущими, какъ именно въ священническомъ служеніи. Мы даже думаемъ, что внутреннія дисгармоніи выступали бы менѣе остро, если бы вдовый священнослужитель занималъ другое какое-либо общественное служеніе, а не былъ служителемъ церкви: отъ священнослужителя требуется особенная чи-

стота настроенія въ силу самаго характера его служенія, а это обстоятельство вынуждаетъ его быть особенно внимательнымъ къ себѣ и, слѣдов., тѣмъ яснѣе видѣть несоотвѣтствіе того, чѣмъ онъ долженъ быть,—тому, что онъ есть. Значитъ, если вдовый священнослужитель стремится къ браку, это отнюдь не служитъ знакомъ того, что у него физическая жизнь подавляетъ духовную сторону его существа. Во-вторыхъ—если даже и физическія или—вѣрнѣе—психофизическія причины вынуждаютъ человѣка сложить санъ (изъ-за брака), то онѣ во всякомъ случаѣ выступаютъ не какъ желаніе счастья и возможной полноты жизни, а какъ тормазы нравственнаго развитія прежде всего, какъ факторы, нарушающіе нравственное спокойствіе человѣка и лишающіе его возможности вести духовную работу въ обществѣ. И мы опять ставимъ вопросъ, что преступнаго дѣлаютъ лица, слагающія съ себя священный санъ изъ-за брака?

Наконецъ, позволительно спросить: „а судьи кто“? Нѣтъ ли въ ихъ приговорахъ лицемѣрія и лжи, если они квалифицируютъ сложеніе сана изъ-за брака, какъ преступленіе? И достаточно ли они сами уважаютъ нравственные принципы, если ограниченія священнослужителей въ отношеніи брака—„преданіе человѣческое ставятъ выше заповѣди: „не прелюбы сотвори“—установленія божественнаго. Приходится слышать иногда, что ограниченія въ правахъ службы для лицъ, выходящихъ изъ духовнаго званія, налагаются въ тѣхъ видахъ, чтобы предупредить частые случаи подобныхъ выходовъ, являющихся для общества соблазномъ. Но въ чемъ тутъ соблазнъ? Въ измѣнѣ убѣжденій?... Едвали нужно доказывать, что тутъ соблазнительнаго ничего не можетъ быть. Въ религіозномъ маловѣріи? Но ни для кого не тайна, что не всѣ носители рясы—глубоко вѣрующіе люди. Въ пренебреженіи къ сану? Но если священнослужитель становится въ ряды мірянъ по мотивамъ нравственнаго характера, желая остаться вѣрнымъ основнымъ началамъ евангельской морали, то почему нужно думать, что онъ пренебрегаетъ саномъ? Не наоборотъ-ли? Не выражаетъ ли онъ своимъ поступкомъ высокой оцѣнки своего сана, подобно пророку, который просилъ Бога не посылать его на проповѣдь, потому что онъ недостоинъ этой высокой миссіи!?...

Мы даже думаемъ, что если бы всѣ, не имѣющіе искреннихъ убѣжденій или неспособные безъ компромиссовъ выполнить священниче-

ское служеніе, выходили изъ духовнаго званія, то этимъ они не только не понизили бы, но даже подняли бы уваженіе къ священному сану, потому что тогда въ обществѣ твердо держалось бы убѣжденіе, что носящіе санъ, дѣйствительно, люди убѣжденные, а не приспособляющіеся къ жизни, между тѣмъ, какъ теперь-то именно, при искусственныхъ мѣрахъ внушенія и поддержанія довѣрія къ искренности слова и дѣла священнослужителя, довѣрія къ нему какъ разъ часто недостаетъ.

Не отрицаемъ, почему бы священнослужитель ни слагалъ съ себя санъ, это во всякомъ случаѣ указываетъ на нѣкоторые недочеты въ общемъ духовномъ его строѣ. Пусть такъ! Но это, однако, не значитъ еще, что онъ хуже другихъ, также слабыхъ, членовъ человѣческаго общества и что, поэтому, доступъ въ это общество долженъ быть ограниченъ для него, какъ это выходитъ по смыслу нашихъ законовъ...

Если ограниченіе въ правахъ лица, сложившаго священный санъ, никоимъ образомъ не можетъ быть принимаемо, какъ мѣра наказанія и если стѣсненіе свободы выхода изъ клира, не принося пользы церкви, ведетъ только къ тому, что въ рядахъ священнослужителей могутъ насильственно удерживаться люди недостойные или деморализоваться люди слабые,—дѣйствительно къ соблазну членовъ церкви,—то, спрашивается, что хорошаго достигается этою суровою мѣрою въ отношеніи къ самимъ лицамъ, выходящимъ изъ клира?

Мы утверждаемъ, что мѣра эта, ничего хорошаго не достигая, очень часто оказывается и безусловно пагубною для лицъ, вышедшихъ изъ духовнаго званія. Жизнь на нихъ обыкновенно ложится тяжелымъ гнетомъ; вслѣдствіе приниженнаго положенія, въ которое они становятся, и общественнымъ мнѣніемъ и *закономъ*, они нерѣдко дѣлаются алкоголиками, опускаются „на дно“, даже доканчиваютъ жизнь самоубійствомъ. Если говорить о возмездіи, то для сложившихъ съ себя санъ достаточно и одного гнетущаго сознанія, что жизнь ихъ нравственно не удалась и пошла по кривому направленію. Одна эта мысль, отъ которой, обыкновенно, они не освобождаются во всю жизнь, способна доставить много острой и жгучей сердечной боли въ придатокъ къ тѣмъ нравственнымъ мукамъ, которыя предшествуютъ рѣшенію о сложеніи сана. Къ чему же новыя муки?

В. Бударовскій.

О судебныхъ доказательствахъ по каноническому праву [1]).

(Къ предстоящей реформѣ церковнаго судопроизводства).

III.

На ряду съ разсмотрѣнными родами доказательствъ весьма важнымъ и употребительнымъ доказательствомъ на судѣ древней Вселенской Церкви служили также различнаго рода *письменные документы*. Въ самыхъ правилахъ церковныхъ въ числѣ письменныхъ документовъ, имѣвшихъ значеніе судебныхъ доказательствъ, указываются, напр. акты или постановленія соборовъ, утверждающіе права митрополита на извѣстныя епархіи. Такъ, на основаніи древняго акта, хранившагося въ Нумидійскомъ архивѣ, Карѳагенскій соборъ утвердилъ митрополитское достоинство за епископами Нумидіи и Мавританіи. „Да сохраняется право первенствующихъ епископовъ Нумидіи и Мавританіи, на основаніи Нумидійскаго письменнохранилища и *списка* престоловъ. Потомъ угодно было всѣмъ епископамъ, подписавшимъ опредѣленія сего собора, чтобы списокъ престоловъ и первоначальное постановленіе Нумидійское находились и у перваго престола, и въ митрополіи Константина“,—читаемъ въ 97 правилѣ Карѳагенскаго собора. Подобнаго же содержанія и 8-е правило III Вселенскаго собора.

Въ самой практикѣ древняго церковнаго суда также встрѣчаемъ примѣры употребленія различнаго рода письменныхъ документовъ въ качествѣ судебныхъ доказательствъ. Такъ извѣстно, что Аѳанасій Великій при помощи письменнаго документа—подлиннаго списка пресвитеровъ Мареотскихъ, рукоположенныхъ епископомъ Мелетіемъ, опровергнулъ на Тирскомъ соборѣ обвиненіе въ нападеніи, будто-бы учи-

*) См. „Мисс. Обозр.“ мартъ 1906 г.

ненномъ на пресвитера Исхираса, указавши судьямъ, что въ этомъ спискѣ нѣтъ вовсе пресвитера съ такимъ именемъ [1]). Весь процессъ противъ Несторія на III Вселенскомъ соборѣ состоялъ почти изъ разбора однихъ письменныхъ документовъ, какъ-то: символовъ вѣры, сочиненій отцовъ и учителей Церкви, соборныхъ опредѣленій, а также сочиненій самого обвиняемаго: его бесѣдъ, поученій и посланій, на основаніи каковыхъ документовъ и осуждено было его лжеученіе [2]). Письменные документы, въ качествѣ судебныхъ доказательствъ, встрѣчаемъ также въ извѣстномъ процессѣ между Аѳанасіемъ и Савиніаномъ, епископами Перрской церкви. Такъ при разбирательствѣ дѣла этихъ епископовъ на Антіохійскомъ соборѣ для ознакомленія съ послѣдствіями раннѣйшаго разбирательства того же дѣла митрополитомъ Іерапольскимъ Пановліемъ было читано посланіе этого Пановлія. Здѣсь же были читаны „подлинники“ и „копіи“ съ отказовъ епископа Аѳанасія отъ Перрской каѳедры, на основаніи которыхъ было постановлено соборное рѣшеніе о лишеніи его этой каѳедры. Всѣ эти документы вновь пересматривались и при разбирательствѣ дѣла на IV Вселенскомъ соборѣ [3]). Точно также при разбирательствѣ дѣла Ивы Эдесскаго на соборѣ въ Беритѣ для ознакомленія съ постановленіями, сдѣланными относительно того же дѣла на ранѣе бывшемъ Антіохійскомъ соборѣ, были потребованы судьями отъ Ивы и читаны акты этого послѣдняго собора [4]). Наконецъ, извѣстно, какое важное значеніе имѣло при оправданіи Ивы Эдесскаго противъ обвиненія его Марою, опровергающее это обвиненіе, письмо Ивы къ Марію Персу, представленное Ивою и прочитанное на соборѣ [5]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ такого рода фактъ, какъ внимательноо разсмотрѣніе представляемыхъ въ качествѣ доказательствъ письменныхъ документовъ предъ лицомъ всего состава судей, причемъ каждый изъ нихъ долженъ былъ высказать свое мнѣніе по поводу разсмотрѣннаго документа, какъ это было, напр., при разбирательствѣ дѣла Несторія

---

[1]) „Процессы духовн. суда въ древней Вселенской Церкви“ Барсова. Христіанское Чтеніе 1871 г. Августъ.

[2]) Дѣян. Всел. Соб. т. I, стр. 311—389.

[3]) Дѣян. Всел. Соб. т. IV, 127—143 стр.

[4]) Дѣян. Всел. Соб. т. IV, 2-го изд., стр. 89.

[5]) Дѣян. Вс. Соб. т. IV, 2-го изд., стр. 100—101.

на III-мъ Вселенскомъ соборѣ [1]), или такого рода фактъ, какой встрѣчаемъ въ процессѣ Ивы Эдесскаго при разбирательствѣ его дѣла на соборѣ Беритскомъ, на которомъ, послѣ чтенія представленныхъ Ивою, для ознакомленія собора съ рѣшеніемъ раннѣйшаго Антіохійскаго собора, актовъ этого собора, направленныхъ противъ его обвинителей, послѣдніе требовали, чтобы, для удостовѣренія въ подлинности этихъ актовъ, были разсмотрѣны находящіяся на нихъ подписи обрѣтавшихся на соборѣ епископовъ, что и было исполнено [2]); эти и имъ подобные факты свидѣтельствуютъ, что и принятіе письменныхъ документовъ, какъ доказательствъ, на судѣ древней Вселенской Церкви соединялось со строгимъ изслѣдованіемъ со стороны судей ихъ достовѣрности.

Фактъ представленія письменнаго одобрительнаго свидѣтельства отъ цѣлаго общества въ пользу обвиняемаго, какой встрѣчаемъ въ процессѣ Ивы Эдесскаго, представившаго, какъ извѣстно, одобрительное свидѣтельство въ свою пользу отъ клириковъ Эдесской церкви, которое было читано при разбирательствѣ его дѣла въ Беритѣ и приложено къ дѣяніямъ этого судебнаго процесса [3]), указываетъ, что на судѣ древней Вселенской церкви имѣлъ приложеніе, какъ судебное доказательство, и, такъ называемый *повальный обыскъ*.

Наконецъ въ числѣ употреблявшихся на судѣ древней Вселенской Церкви доказательствъ, должно отмѣтить еще доказательства, выводимыя изъ различнаго рода обстоятельствъ совершенія преступленія, разныхъ слѣдовъ его (вещественныя доказательства), подозрѣнія, подтверждающагося послѣдующими или предшествующими поступками подсудимаго, хотя и не прямо относящимися къ совершенному преступленію,—вообще argumenta per indicia древне-римскаго права.

Прямое свидѣтельство о пользованіи на судѣ древней Вселенской Церкви доказательствами per indicia, мы можемъ видѣть въ Апостольскихъ постановленіяхъ, въ которыхъ среди наставленій касательно судопроизводства, между прочимъ, находится и слѣдующее: „И относительно другой стороны — обвиняемаго — вы должны знать, какой онъ нравственности и каковъ образъ жизни его. Одобрительна ли жизнь

---

[1]) Дѣян. Всел. Соб. IV т. 2-го изд. стр. 100—101.
[2]) Дѣян. Всел. Соб. IV т. 2-го изд. стр. 89.
[3]) Дѣян. Всел. Соб. т. IV изд. 2. стр. 102—103.

его, не преступна ли, ревнуетъ ли онъ о благочестіи, благотворитъ ли онъ вдовамъ, страннымъ, бѣднымъ, братолюбивъ ли, не любостяжателенъ ли, не чревоугодникъ ли, не лихоимецъ ли, цѣломудренъ ли, не развратникъ ли, не пьяница ли, не тунеядецъ ли, сострадателенъ ли, щедродателенъ ли. Ибо если за нимъ и прежде были худыя дѣла, то этимъ въ нѣкоторой мѣрѣ подтверждаются и возводимыя на него обвиненія, если только не стоитъ на его сторонѣ правда. Ибо возможно, что нѣкогда онъ дѣйствительно согрѣшилъ, но свободенъ отъ настоящаго. Посему со всею тщательностью вникнувъ въ дѣло, произносите приговоры твердые и ясные на изобличаемаго... Но не оставляйте безнаказаннымъ и клеветника, дабы онъ не оклеветалъ и другого кого-либо, хорошо живущаго, или не подалъ примѣра кому-либо другому сдѣлать подобное“ [1]).

Такое же свидѣтельство находимъ также у Св. Кипріана, который, излагая отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ относительно падшихъ, въ посланіи своемъ къ епископу Антонину, между прочимъ, говоритъ: „мы желали внушить имъ, что они долго должны приносить покаяніе и сокрушенно просить отеческой милости и что надобно изслѣдовать *вины, побужденія* и *обстоятельства* каждаго изъ нихъ. Все это содержится въ свиткѣ, гдѣ по главамъ прописаны всѣ рѣшенія“ [2])...

Встрѣчаемъ много и отдѣльныхъ примѣровъ приложенія доказательствъ—per indicia—въ судебной практикѣ древней Вселенской Церкви. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что исповѣдникъ Наталій, чтобы получить прощеніе у Римскаго епископа и возвратиться къ общенію съ Церковію долженъ былъ свидѣтельствоваться своими собственными язвами [3]). Почти все обвиненіе противъ св. Аѳанасія основывалось точно также на доказательствахъ per indicia. Такъ, при обвиненіи Аѳанасія въ убійствѣ и волшебствѣ, кромѣ множества лжесвидѣтелей, была представлена въ судъ, будто-бы найденная у него и нужная ему при занятіяхъ волшебствомъ, рука убитаго имъ же клирика Арсенія. Со своей стороны Аѳанасій, чтобы опровергнуть это, столь повидимому очевидное вещественное доказательство его вины, долженъ былъ представить argumentum per indicia, что онъ и сдѣлалъ. Въ тотъ мо-

---

[1]) Διατ. τ. ἁγ. Ἀποστ. II с. 50 Pitra. 196—197.
[2]) Письмо 43, стр. 157 158.
[3]) Приводится у Заозерскаго, ibid. стр. 252.

ментъ, когда, въ виду лежавшей руки и наглыхъ показаній обвинителей и свидѣтелей, всѣ присутствовавшіе на соборѣ были увѣрены въ виновности св. Аѳанасія, онъ, предварительно спросивъ, кто изъ присутствующихъ и обвиняющихъ знаетъ Арсенія и, когда на этотъ вопросъ многіе дали утвердительный отвѣтъ, приказалъ своимъ приближеннымъ привести Арсенія съ скрытыми подъ плащемъ руками. Представивъ его собору, Аѳанасій спросилъ: „это ли тотъ самый Арсеній, котораго онъ, по показанію обвинителей, умертвилъ и у котораго отсѣкъ руку?“ Смутивши такою неожиданностью своихъ враговъ, Аѳанасій, чтобы довершить свое оправданіе, послѣдовательно, съ нѣкоторою торжественною медленностію показалъ одну за другою обѣ руки Арсенію и не безъ ироніи сказалъ при этомъ присутствующимъ: „Арсеній, какъ видите, имѣетъ двѣ руки, а мѣсто, откуда отсѣчена третья, пусть покажутъ обвинители“. Послѣ этого обвинители, воспользовавшись общимъ смущеніемъ на соборѣ, скрылись [1]). Представленіемъ подобнаго же рода доказательства защищался св. Аѳанасій и противъ другаго обвиненія. Его обвиняли въ томъ, что будто бы онъ учинилъ въ Мареотѣ нападеніе на пресвитера Исхираса во время совершенія послѣднимъ литургіи и при этомъ разбилъ святый потиръ. Противъ этого обвиненія св. Аѳанасій возражалъ именно, что пресвитеръ Исхирасъ не могъ совершать литургію, такъ по точному списку всѣхъ клириковъ Мареотиды пресвитера съ именемъ Исхираса въ числѣ послѣднихъ не оказалось. Возраженіе это, впрочемъ, не было принято, вслѣдствіе чего была назначена особая коммисія для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ [2]). Обращаетъ на себя вниманіе оригинальный, допустившій также доказательство per indicia въ судебное слѣдствіе, процессъ, имѣвшій мѣсто въ IV вѣка на Западѣ. Передъ епископомъ Веронскимъ была обвиняема своимъ зятемъ одна дѣвственница Индиція въ прелюбодѣяніи. Хотя обвинитель, подавъ обвиненіе, скрылся, однако соблазнительное дѣло произвело въ городѣ большое волненіе. Напуганный этимъ обстоятельствомъ, епископъ Веронскій распорядился произвести судъ объ Индиціи безъ обвинителя, на осно-

---

[1]) Сократ. 107—108; Созомен. 139—140; Ѳеодор. 103—104. Процессы духовн. суда въ древней Вселенской Церкви—Барсова. Хр. Чт. 71 г. 274—275.

[2]) Fessler. Kanonische Process, стр. 38—40.

ваніи тѣлеснаго осмотра чрезъ свѣдущихъ женъ и показаній свидѣтелей. Но Индиція обратилась съ жалобою на это къ медіоланскому епископу Амвросію, какъ митрополиту, который отмѣнилъ рѣшеніе Веронскаго епископа, оправдалъ Индицію и отъ имени собора сдѣлалъ выговоръ судьѣ за его поспѣшное и неправильное рѣшеніе [1]). Многіе изъ тѣхъ 18-ти пунктовъ обвиненія, какіе были представлены противъ Ивы епископа Эдесскаго и епископа Даніила, необходимо также должны были быть подтверждены доказательствами per indicia [2]). Вообще виды доказательствъ per indicia, употреблявшихся на судѣ древней Вселенской Церкви, могли быть весьма разнообразны, какъ могли быть разнообразны самыя дѣла и преступленія, на немъ разсматривавшіяся, а также разнообразны и лица, въ этихъ дѣлахъ заинтересованныя [3]). Но несомнѣнно, что эти доказательства per indicia точно также принимались послѣ тщательнаго изслѣдованія ихъ собственной достовѣрности. Такъ, Апостольскія постановленія, повелѣвая судьямъ разузнавать относительно обвиняемаго, какой онъ нравственности и каковъ образъ жизни его... „ибо если за нимъ и прежде были худыя дѣла, то этимъ въ нѣкоторой мѣрѣ подтверждаются и возводимыя на него обвиненія“, въ тоже время прямо требуютъ, чтобы судьи „со всею тща-

---

[1]) Fessler ibid. § 64.

[2]) Напр., 15-й обвинительный пунктъ: «Халлоя, любовница епископа Даніила, прежде ничего не имѣвшая, злоупотребляя многими, находящимися у нея церковными вещами, отдаетъ въ ростъ по 200 и 300 монетъ, такъ что отсюда ясно становится, откуда собраны эти вещи» Дѣян. Всел. Соб. т. IV изд. 2-е стр. 94—95.

[3]) По римскому праву признаки совершенія преступленія раздѣлялись на предыдущіе (antecedentia), сопутствовавшіе (conjuncta) и послѣдующіе (sequentia). Къ первымъ причислялись: вражда, угрозы, явное намѣреніе причинить вредъ и т. п. Къ сопутствовавшимъ: слышанный зовъ на помощь на мѣстѣ дѣйствія и вообще всякій шумъ, о которомъ обвиняемый отзывается незнаніемъ и т. п. Къ послѣдующимъ: слѣды крови на одеждѣ или оружіи, обладаніе предметами, находившимися при совершеніи преступленія, отысканіе на мѣстѣ преступленія такихъ вещей, послѣднимъ обладателемъ которыхъ былъ обвиняемый; его боязливое и безпокойное поведеніе послѣ совершившагося преступленія и т. п. Различались далѣе признаки ближайшіе (necessaria) и отдаленнѣйшіе (non necessaria). Къ послѣднимъ принадлежали: указаніе на мотивъ, достаточный для совершенія преступленія, и въ особенности репутація обвиняемаго, его характеръ, товарищество, наклонность къ непозволительнымъ дѣйствіямъ, или даже прямо къ разсматриваемому дѣянію и т. д. Seib. cit. lib. §. 358—368.

тельностію вникали въ дѣло и клеветника не оставляли бы безнаказаннымъ". Точно также несомнѣнно, что одна достовѣрность фактовъ, представляющихъ собою доказательства per indicia, не могла однако служить основаніемъ для того, чтобы на этихъ фактахъ, какъ совершенно достаточныхъ доказательствахъ, вполнѣ могло утверждаться судебное рѣшеніе. Такіе факты, какъ видно изъ Апостольскихъ постановленій, только тогда могли служить „подтверждающими въ нѣкоторой степени" возводимое на то или другое лицо обвиненіе, „когда не стоитъ на его (обвиняемаго) сторонѣ правда", то есть, когда имѣются на лицо и другія естественныя доказательства: собственное сознаніе обвиняемаго, свидѣтели и пр. [1]).

Такимъ образомъ, послѣ сдѣланнаго нами обозрѣнія установленной законодательствомъ и принятой судебною практикою древней Вселенской Церкви системы доказательствъ, мы можемъ вполнѣ выяснить общія начала и характеръ устройства процессуальнаго акта доказательствъ на „каноническомъ" судѣ.

А. Прежде всего, мы съ полною несомнѣнностію можемъ утверждать, что построеніе „каноническаго" судопроизводства основывалось на томъ общемъ положеніи, по которому принципомъ для рѣшенія подлежащихъ судебному разсмотрѣнію дѣлъ—при постановленіи судебныхъ приговоровъ—признается внутреннее убѣжденіе, личное сознаніе, совѣсть судей. Въ согласіи съ этимъ положеніемъ, каноны церковные, а равно и судебная практика древней Вселенской Церкви не предписываютъ какой-либо сложной искусственной теоріи судебныхъ доказательствъ, но твердо постановляя только одно, что, при отсутствіи доказательствъ, обвиненіе не можетъ быть состоятельнымъ; они ограничиваются требованіемъ простыхъ естественныхъ доказательствъ, какія необходимы по существу дѣла и могутъ служить средствомъ къ отысканію истины, и присовокупляютъ къ этому еще строгое требованіе

---

[1]) По римскому праву помимо того, что каждое доказательство per indicia должно было подтверждаться естественными доказательствами, требовалось, чтобы ихъ было нѣсколько и чтобы они представляли цѣлую цѣпь явленій, одно другое предполагающихъ и дополняющихъ: отдѣльно взятое доказательство per indicia не принималось во вниманіе. Ibid.

самаго тщательнаго изслѣдованія достовѣрности представляемыхъ, при судебномъ разбирательствѣ обвиненій, доказательствъ.

Б. Установляя начало свободнаго отношенія судей къ дѣлу констатированія достовѣрности преступныхъ дѣяній, подлежащихъ судебному разсмотрѣнію, и не стѣсняя въ этомъ дѣлѣ судей какими-либо заранѣе опредѣленными предписаніями, а всецѣло предоставляя ихъ внутреннему убѣжденію, по тщательномъ разсмотрѣніи всѣхъ, уясняющихъ дѣло, обстоятельствъ въ ихъ совокупности, вмѣнить, или не вмѣнить фактъ преступленія обвиняемому, въ тоже время церковное законодательство, съ цѣлью именно обезпеченія самой правильности составленія убѣжденія судей въ винѣ или невиновности подсудимаго въ томъ, или другомъ случаѣ, находитъ нужнымъ указать, въ качествѣ руководства при собираніи, разсмотрѣніи и оцѣнкѣ доказательствъ, особыя, выработанныя путемъ своей судебной практики, а равно и заимствованныя изъ гражданскихъ законовъ, правила о „силѣ“ доказательствъ.

В. Что касается, наконецъ, того внѣшняго порядка, какой былъ принятъ въ судопроизводствѣ древней Вселенской Церкви при собираніи и разсмотрѣніи доказательствъ, то устройство этого порядка основывалось на той главной мысли, чтобы содѣйствовать ближайшему ознакомленію судей съ существомъ дѣла, при каковомъ условіи единственно только и возможно образованіе болѣе или менѣе правильнаго убѣжденія въ истинѣ изслѣдуемаго дѣла. Въ согласіи съ этою мыслію, правила церковнаго судопроизводства требуютъ именно непосредственнаго разсмотрѣнія дѣла самими судьями, при которомъ они должны лично знакомиться со всѣми, могущими служить къ уясненію дѣла, доказательствами, повѣряя ихъ самымъ внимательнымъ образомъ чрезъ личный и непремѣнно устный допросъ всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ: обвинителя, обвиняемаго и свидѣтелей. Такой порядокъ, требующій непосредственнаго разсмотрѣнія судьями доказательствъ въ присутствіи всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ чрезъ устный ихъ допросъ, составлялъ, такъ сказать, отличительную характерную черту „каноническаго“ судопроизводства, и наряду съ другими правилами, формами и обрядами, считавшимися обязательными для соблюденія при собираніи и разсмотрѣніи доказательствъ, получилъ полное юридическое значеніе, сообщая всѣмъ дѣйствіямъ суднаго процесса законную

и обязательную силу; такъ что несоблюденіе этого порядка при судебномъ разбирательствѣ того или другого дѣла почиталось вполнѣ достаточнымъ и важнымъ основаніемъ для кассированія постановленнаго судебнаго рѣшенія при новомъ разбирательствѣ того же дѣла.

О судебныхъ доказательствахъ по нынѣ дѣйствующимъ судебнымъ уставамъ.

Ознакомившись съ устройствомъ процессуальнаго акта доказательствъ, какое послѣдній имѣлъ на судѣ древней Вселенской Церкви по правиламъ „каноническаго“ судопроизводства, обратимся къ разсмотрѣнію нашихъ, нынѣ дѣйствующихъ, судебныхъ уставовъ, то-есть, уставовъ, дѣйствующихъ собственно на нашемъ современномъ церковномъ судѣ и новыхъ уставовъ свѣтскаго суда 20 ноября 1864 года, чтобы видѣть, сколь согласны тѣ и другіе въ дѣлѣ опредѣленія ими правилъ о судебныхъ доказательствахъ, и такимъ образомъ рѣшить вопросъ о томъ, могутъ ли оставаться въ силѣ на церковномъ, всегда и во всемъ долженствующемъ быть согласнымъ съ каноническими началами судѣ правила, устанавливаемыя первыми, и, если не могутъ, то поскольку послѣдніе—судебные уставы 20 ноября 1864 года—могутъ служить руководствомъ для устройства процессуальнаго акта доказательствъ на нашемъ церковномъ судѣ.

Останавливаясь на судебныхъ уставахъ, дѣйствующихъ въ нашемъ современномъ церковномъ судѣ, и разсматривая тѣ правила, какія устанавливаются ими для доказательствъ, мы не можемъ не видѣть, что они въ опредѣленіи этихъ правилъ совершенно разногласятъ съ каноническими началами и что устройство процессуальнаго акта доказательствъ, какое имѣетъ послѣдній по дѣйствующимъ уставамъ церковнаго судопроизводства, вовсе не согласно съ тою постановкою этого акта, какая была принята канонами и имѣла мѣсто на судѣ древней Вселенской Церкви. Тѣ начала, на какихъ былъ построенъ актъ доказательствъ на судѣ древней Вселенской Церкви, такъ сказать совершенно игнорируется на нашемъ современномъ церковномъ судѣ.

Такъ, мы видѣли, что въ основаніе устройства „каноническаго“, судопроизводства была положена та общая мысль, что правильное

судебное рѣшеніе и вообще установленіе истины въ подлежащихъ судебному разбирательству фактахъ преступныхъ дѣяній должно быть слѣдствіемъ только внутренняго свободнаго убѣжденія судей, основаннаго на внимательномъ ознакомленіи ихъ съ самою сущностью дѣла, для чего требовалось разсмотрѣніе судьями всѣхъ обстоятельствъ, могущихъ служить для уясненія дѣла доказательствами,—и самое тщательное изслѣдованіе собственной достовѣрности послѣднихъ.

Дѣйствующіе на современномъ церковномъ судѣ уставы совершенно оставляютъ безъ вниманія принятый канонами принципъ для судопроизводства. Въ силу этихъ уставовъ на нашемъ современномъ церковномъ судѣ со всею строгостію принята и имѣетъ полное господство, такъ называемая, теорія формальныхъ доказательствъ, при которой внутреннему свободному убѣжденію судей при постановленіи ими судебныхъ приговоровъ относительно разсматриваемыхъ фактовъ преступныхъ дѣяній, уже не остается мѣста.

Знакомясь съ статьями дѣйствующаго нынѣ устава духовныхъ консисторій, излагающими правила относительно постановленія судебныхъ приговоровъ, мы видимъ, что для правильности послѣднихъ статьи устава требуютъ, между прочимъ, согласія ихъ приговоровъ съ закономъ. „При разногласіи членовъ (при постановленіи судебнаго рѣшенія о томъ или другомъ дѣлѣ), секретарь объясняетъ существо дѣла и докладываетъ о *законахъ*, на которыхъ можетъ быть основано единогласное рѣшеніе. Такимъ же образомъ поступаетъ онъ и при единогласномъ рѣшеніи, если бы оное не согласовалось съ обстоятельствами дѣла или *законами*“. Или: „При разногласномъ рѣшеніи дѣла протоколъ составляется по большинству голосовъ. Членъ, оставшійся при своемъ особомъ мнѣніи, обязанъ изложить оное съ объясненіемъ причинъ и основаній въ дѣлѣ и *законѣ*, по которымъ онъ не соглашается съ общимъ рѣшеніемъ“...—читаемъ мы въ статьяхъ устава духовныхъ консисторій (315, 324 стт.). Въ этомъ же, то-есть, въ томъ же уставѣ духовныхъ консисторій, помѣщены въ тоже время такого рода статьи, которыя дѣлаютъ нѣкоторыя доказательства прямо обязательными для духовнаго суда при опредѣленіи вины или невиновности подсудимыхъ въ преступленіяхъ и проступкахъ, подвѣдомственныхъ этому суду. Такъ, въ 249 статьѣ устава духовныхъ консисторій, касающейся доказательствъ, требуемыхъ при

расторженіи духовнымъ судомъ браковъ по искамъ супруговъ, мы читаемъ: „Представленные на судоговореніи обвиненія (въ нарушеніи святости брака), доводы и оправданія подвергаются изслѣдованію. Главными доказательствами преступленія должны быть признаны: а) показанія двухъ или трехъ очевидныхъ свидѣтелей и б) прижитіе дѣтей внѣ законнаго супружества, доказанное метрическими актами и доводами о незаконной связи съ постороннимъ лицомъ. Затѣмъ прочія доказательства, какъ-то: письма, обнаруживающія преступную связь отвѣтчика, показанія свидѣтелей, не бывшихъ очевидцами преступленія, но знающихъ о томъ по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, или по слухамъ; показанія обыскныхъ людей о развратной жизни отвѣтчика, и другія,—тогда только могутъ имѣть свою силу, когда соединяются съ однимъ изъ главныхъ доказательствъ, или же въ своей совокупности обнаруживаютъ преступленіе“.—Если буквальнымъ смысломъ этого постановленія и допускается обвиненіе подсудимаго по внутреннему убѣжденію судей при совокупности всѣхъ, уясняющихъ дѣло, доказательствъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ не отрицается, но съ ясностью получаетъ силу и то, чтобы въ томъ случаѣ, когда именно отсутствуетъ полное убѣжденіе въ виновности подсудимаго, но въ то же время имѣются на лицо „главныя“ доказательства, напр., показанія двухъ свидѣтелей, судьи не могли не обвинить его, то-есть, рѣшить дѣло формальнымъ образомъ на основаніи только законныхъ доказательствъ.

Таково же по своему характеру постановленіе устава духовныхъ консисторій и относительно собственнаго признанія подсудимаго, какъ доказательства при обвиненіи въ нарушеніи святости брака.—„Собственное признаніе отвѣтчика въ нарушеніи святости брака прелюбодѣяніемъ не принимается въ уваженіе, если оно не соглашается съ обстоятельствами дѣла и не сопровождается доказательствами“,—читаемъ мы въ 250 статьѣ Устава консисторіи, а если собственное признаніе подсудимаго согласуется съ обстоятельствами и сопровождается однимъ изъ „главныхъ“ доказательствъ, напр. показаніями двухъ свидѣтелей,—можемъ продолжить тоже правило,—то, въ силу приведенной 249 статьи Устава духовныхъ консисторій, такое признаніе должно быть принято во вниманіе при постановленіи судебнаго приговора.

Такимъ образомъ ясно, что указанными статьями Устава духов-

ныхъ консисторій допускается соединеніе въ одно несоединимыхъ началъ, то есть, допускается именно та ошибка, которая ясно раскрывается въ мотивахъ къ статьѣ 766 Устава Уголовнаго Судопроизводства 20 ноября 1864 года, въ которыхъ замѣчено: „Основаніемъ приговора о винѣ или невинности подсудимаго можетъ быть: или положительный законъ, такъ называемая, „теорія законныхъ доказательствъ", или законъ нравственный, совѣсть или внутреннее убѣжденіе судей. По теоріи законныхъ доказательствъ, судьи не могутъ ни обвинить подсудимаго, когда не открыто требуемыхъ закономъ доказательствъ, ни оправдать его, когда такія доказательства обнаружены. По началу внутренняго убѣжденія отъ судей требуется только то, чтобы они поставили приговоръ по совѣсти, основываясь не на теорическихъ умозрѣніяхъ, а на томъ убѣжденіи, къ которому привело ихъ тщательное соображеніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла въ совокупности. Ни наука, ни законодательство до сихъ поръ не могли открыть ничего промежуточнаго между этими двумя началами. Принявъ за коренное начало правосудія, что судьи должны постановлять приговоры о винѣ или невинности подсудимыхъ по внутреннему убѣжденію, законодательная власть не можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ предписывать какія-либо правила на счетъ тѣхъ условій, при которыхъ судьи обязаны считать себя убѣжденными или неубѣжденными въ дѣйствительности и истинѣ преступленія. Предписаніе подобныхъ правилъ равнялось уничтоженію свободы по той причинѣ, что убѣжденіе не знаетъ другихъ законовъ, кромѣ указаній разума и внушеній совѣсти. Притомъ правила о доказательствахъ, сколько бы они ни представлялись вѣрными a priori, не могутъ быть почитаемы непреложными въ примѣненіи ко всѣмъ случаямъ многообразной дѣйствительности. Никакимъ правиломъ, въ какой бы полной и обдуманной формѣ оно ни было постановлено, нельзя замѣнить живого возрѣнія на то, что справедливо или истинно въ каждомъ данномъ случаѣ. Вообще означенныя два начала столь несовмѣстимы, что никакая попытка къ сліянію ихъ не можетъ быть успѣшною" [1]).

Что касается собственно судопроизводства по проступкамъ и преступленіямъ лицъ духовнаго званія противъ должности, благочинія и

[1]) Суд. Уставы 20 ноября 1864 года, съ приложеніемъ разсужденій, на коихъ они основаны. Часть II-я стр. 272—273.

благоповеденія, то въ статьяхъ Устава духовныхъ консисторій, касающихся судопроизводства по этимъ дѣламъ, относительно судебныхъ доказательствъ нѣтъ никакихъ правилъ. Но несомнѣнно, что при судопроизводствѣ по преступленіямъ лицъ духовнаго званія противъ должности, благочинія и благоповеденія, церковные судьи, въ силу дѣйствующихъ уставовъ, обязаны руководиться именно теоріею формальныхъ доказательствъ, принятою Сводомъ Законовъ Россійской Имперіи 1857 года [1]). Такъ въ томъ же Уставѣ духовныхъ конси-

[1]) По правиламъ, заключающимся въ статьяхъ Свода Законовъ 1857 года, всѣ доказательства со стороны ихъ силы раздѣляются на совершенныя и несовершенныя. Совершенными доказательствами виновности почитаются тѣ, которыя исключаютъ всякую возможность къ показанію невинности подсудимаго и изъ числа которыхъ одного доказательства достаточно для признанія осужденія несомнительнымъ. Несовершенными признаются такія, которыя не исключаютъ возможности къ показанію невинности подсудимаго, и изъ числа которыхъ одно доказательство виновности вмѣняется только въ подозрѣніе подсудимому, а нѣсколько несовершенныхъ доказательствъ въ совокупности могутъ составить совершенное доказательство, исключающее возможность недоумѣнія о винѣ подсудимаго. Совершеннымъ доказательствомъ почитается прежде всего: собственное признаніе подсудимаго, учиненное добровольно въ судебномъ мѣстѣ предъ судьею, въ совершенномъ согласіи съ происшедшимъ дѣйствіемъ, притомъ съ показаніемъ такихъ обстоятельствъ дѣйствія, по которымъ въ достовѣрности и истинѣ онаго сомнѣваться невозможно. При такомъ сознаніи не требуется уже дальнѣйшихъ доказательствъ и судья не можетъ опасаться учинить по дѣлу приговоръ. Если же при учиненіи признанія представляются такія обстоятельства, съ которыми происшедшее дѣйствіе несходно, тогда признаніе не составляетъ совершеннаго доказательства. Къ совершеннымъ же доказательствамъ какъ относительно событія преступленія, такъ и виновности преступленія относятся: письменные документы, признанные дѣйствительными тѣмъ лицомъ, противъ котораго они представлены; личный осмотръ, учиненный на мѣстѣ преступленія и приведшій къ удостовѣренію въ дѣйствительности послѣдняго; свидѣтельство экспертовъ, когда оно, содержа ясное и положительное удостовѣреніе объ освидѣтельствованномъ предметѣ, не противорѣчитъ достовѣрнымъ обстоятельствамъ дѣла; далѣе—свидѣтельство двухъ достовѣрныхъ свидѣтелей, не отведенныхъ подсудимымъ совершенно согласныхъ въ своихъ показанія и очистительная присяга. Несовершенными доказательствами признаются: оговоръ подсудимаго другихъ лицъ, повальный обыскъ, служащій лишь подкрѣпленіемъ другихъ доказательствъ, улики или признаки преступленія, которыхъ сила увеличивается въ томъ случаѣ, когда многіе признаки соединяются вмѣстѣ, или когда подсудимый не представитъ на нихъ никакого уважительнаго опроверженія, а уменьшается тогда, когда опроверженія подсудимаго найдены будутъ болѣе уважительными, нежели улики, обвиняющія его. Сводъ Законовъ т. XV, кн. II, стт. 304—309—318; 322—324; 327—330; 336 (342. 344).

сторій, въ которомъ, какъ мы сказали, нѣтъ особыхъ правилъ касательно судебныхъ доказательствъ при судопроизводствѣ по преступленіямъ духовныхъ лицъ, имѣются однако такого рода статьи, которыя предписываютъ на недостающіе случаи руководствоваться дѣйствующими въ государствѣ узаконеніями (6 ст.) и въ частности Сводомъ Законовъ Россійской Имперіи (195 ст.). Между тѣмъ во 2-ю часть XV тома Свода Законовъ 1876 года вошли какъ новыя постановленія Устава Уголовнаго Судопроизводства 1864 года касательно судопроизводства и судебныхъ доказательствъ, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и статьи стараго закона, то есть, „закона о судопроизводствѣ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ“ (Свод. зак. 1856 года). Но въ тоже время Указъ Св. Синода (1871 года за № 23) гласитъ, что „преобразованіе судебной части на основаніи Уставовъ 20 ноября 1864 года (отмѣнившихъ формальную теорію доказательствъ, принятую законами 1857 года) вовсе не касается духовныхъ судовъ“. А въ примѣчаніи къ статьѣ 2-ой Учрежд. Судебн. Установл. мы читаемъ: „судебная власть духовныхъ, военныхъ, коммерческихъ, крестьянскихъ и инородческихъ судовъ опредѣляется особыми о нихъ узаконеніями“. Такъ какъ въ узаконеніяхъ о духовномъ судѣ, подъ которыми прежде всего должно разумѣть Уставъ духовныхъ консисторій, относительно пользованія собственно правилами Уставовъ 20 ноября 1864 года для собиранія и разсмотрѣнія судебныхъ доказательствъ, нѣтъ никакихъ предписаній, то въ силу всѣхъ приведенныхъ постановленій о духовномъ судѣ, на немъ и должна оставаться въ силѣ формальная теорія доказательствъ, принятая законами 1857 года. Новыя же правила о доказательствахъ Уставовъ 20 ноября 1864 года могутъ прилагаться на духовномъ судѣ, очевидно, лишь въ той мѣрѣ, въ какой приложеніе ихъ согласно съ теоріею формальныхъ доказательствъ, если только это возможно.

Разнствуютъ съ католическими началами дѣйствующіе на нашемъ современномъ церковномъ судѣ Уставы и въ отношеніи къ опредѣленію ими того внѣшняго порядка, съ какимъ долженъ соединяться процессуальный актъ доказательствъ, то есть самое собственно судебное разсмотрѣніе послѣднихъ.

Общею отличительною чертою каноническаго судопроизводства, какъ мы видѣли, было то, что, по его правиламъ, разсмотрѣніе всѣхъ

обстоятельствъ, могущихъ служить къ уясненію разбираемаго судебнымъ порядкомъ того или другого обвиненія въ преступленіи, производилось непосредственно на судѣ самими судьями въ обязательномъ личномъ присутствіи всѣхъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, лицъ, которыя, будучи допрашиваемы устно, принимали въ разбирательствѣ дѣла самое живое участіе. Такой порядокъ, какъ стоящій въ связи съ основнымъ требованіемъ каноническаго судопроизводства, чтобы судебное рѣшеніе и приговоръ о винѣ или невинности подсудимаго постановлялись по внутреннему убѣжденію судей, правильное образованіе котораго въ свою очередь невозможно безъ ближайшаго, непосредственнаго ознакомленія судей съ существомъ дѣла, получилъ на судѣ древней Вселенской Церкви полное юридическое значеніе и, какъ мы видѣли, выполнялся со всею строгостью.

Но дѣйствующіе на нашемъ церковномъ судѣ Уставы, оставляя для руководства на немъ формальную теорію доказательствъ и игнорируя основное правило „каноническаго“ судопроизводства о постановленіи судебнаго приговора по внутреннему убѣжденію судей, оставляютъ безъ вниманія и соединенное съ нимъ требованіе непосредственнаго разсмотрѣнія судьями представляемыхъ для уясненія дѣла доказательствъ, и не требуютъ обязательнаго присутствія при этомъ разсмотрѣніи прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ.

Разсматривая статьи Устава духовныхъ консисторій, опредѣляющія внѣшній порядокъ судопроизводства по дѣламъ о преступленіяхъ лицъ духовнаго званія противъ должности, благочинія и благоповеденія [1]), мы видимъ, что это судопроизводство по своему характеру есть именно судопроизводство *слѣдственное*, - слѣдственное не въ томъ смыслѣ, что судебный процессъ возбуждается и направляется ex officio, органомъ власти, а не частнымъ лицомъ, въ порядкѣ частнаго обвиненія. Въ нынѣшнемъ консисторскомъ судѣ дѣло можетъ быть начато и на основаніи слуховъ, и по поводу донесеній, сообщеній и отношеній должностныхъ лицъ и присутственныхъ мѣстъ, свѣтскихъ и духовныхъ, на основаніи жалобъ и по искамъ (Уст. дух. конс. стт.

[1]) Порядокъ судопроизводства по дѣламъ о расторженіи браковъ опредѣляется другими статьями Устава и отличается отъ порядка судопроизводства по дѣламъ о преступленіяхъ лицъ духовнаго званія по должности, противъ благочинія и благоповеденія, какъ это увидимъ ниже.

153, 206, 238). Сущность „слѣдственнаго“ консисторскаго судопроизводства состоитъ въ томъ, что результатъ всего процесса рѣшительно опредѣляется предварительнымъ слѣдствіемъ, которое производиться на мѣстѣ по распоряженію епархіальнаго архіерея особо назначеннымъ духовнымъ слѣдователемъ, въ присутствіи подсудимаго и всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ (стт. 156, 158 и 161). Участіе же въ разсмотрѣніи дѣла консисторіи, которая собственно является въ роли судьи, какъ постановляющая окончательный приговоръ о дѣлѣ (стт. 158, 166), носитъ совершенно внѣшній формальный характеръ. Это участіе ограничивается лишь тѣмъ, что, получивъ произведенное на мѣстѣ, прочитанное прикосновенными къ дѣлу лицами, подписанное ими, съ объясненіемъ довольства или недовольства изслѣдованіемъ дѣла (ст. 161), слѣдствіе, консисторія (собственно канцелярія ея подъ руководствомъ секретаря) „обозрѣваетъ, произведено ли оное согласно съ установленными формами и правилами, вполнѣ ли обнимаетъ и уясняетъ дѣло, и если отъ подсудимаго и прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ сдѣланы въ подписи возраженія на неполноту слѣдствія, то учинены ли по онымъ дополнительныя изысканія, и буде не учинены, то по основательнымъ ли причинамъ“. И если окажутся какіе-либо недостатки, то консисторія предписываетъ дополнить слѣдствіе прежнимъ производителямъ, или же другимъ (162). На основаніи данныхъ, добытыхъ предварительнымъ слѣдствіемъ, составляется канцеляріею письменный докладъ, который уже и служитъ основаніемъ для членовъ консисторіи, участвующихъ въ разсмотрѣніи дѣла, при постановленіи судебнаго приговора о немъ; причемъ, при выслушиваніи этого доклада члены руководятся лишь объясненіями существа дѣла, представляемыми секретаремъ, и указаніями его о законахъ, на которыхъ можетъ быть основано единогласное рѣшеніе (ст. 315). Что касается наличности подсудимаго и прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, то она не требуется при судебномъ разбирательствѣ дѣла въ консисторіи. Только, впрочемъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда сдѣланныя подсудимымъ при допросѣ показанія представляются почему-либо неполными или неудовлетворительными, консисторія обязана требовать его на лицо и допросить подробнѣе; причемъ по разстоянію мѣста, гдѣ живетъ подсудимый, личный вызовъ его для допроса и въ этомъ случаѣ можетъ быть замѣненъ дополнительнымъ допросомъ на мѣстѣ

прежнимъ слѣдователемъ, или другими лицами (163 ст.). О личномъ вызовѣ для допроса другихъ, прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ и обвинителей и др. въ Уставѣ духовныхъ консисторій вовсе нѣтъ и рѣчи. Есть только постановленіе, которымъ требуется прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ вмѣстѣ съ подсудимымъ по ихъ собственной просьбѣ допускать лишь къ прочтенію слѣдствія или составленной изъ онаго записки и къ рукоприкладству въ томъ случаѣ, когда они не подписывали его ранѣе (164) [1]).

Такимъ образомъ, послѣ сдѣланнаго нами сопоставленія постановки процессуальнаго акта доказательствъ, сохраняющейся въ силу дѣйствующихъ уставовъ на нашемъ современномъ церковномъ судѣ съ устройствомъ того же акта на судѣ древней Вселенской Церкви, мы съ полною несомнѣнностью убѣждаемся въ явномъ противорѣчіи нашихъ уставовъ церковнаго суда, въ дѣлѣ опредѣленія правилъ о судебныхъ доказательствахъ, началамъ и требованіямъ каноническаго судопроизводства,—и отсюда—въ необходимости отмѣны этихъ, устанавливаемыхъ ими правилъ о доказательствахъ—и замѣны ихъ такими, которыя дѣлали бы постановку процессуальнаго акта доказательствъ на нашемъ церковномъ судѣ вполнѣ согласною съ каноническими началами.

Разсматривая дѣйствующіе нынѣ на нашемъ церковномъ судѣ Уставы, мы ясно видѣли ихъ полную несостоятельность съ точки зрѣнія каноническаго права въ дѣлѣ опредѣленія ими правилъ для устройства процессуальнаго акта доказательствъ.

Остановимся на новыхъ, нынѣ дѣйствующихъ на нашемъ свѣтскомъ судѣ Уставахъ 20 ноября 1864 года, которые, будучи направлены къ улучшенію дѣла судопроизводства, являются, такъ сказать, послѣднимъ словомъ науки и законодательства по отношенію къ дѣлу примѣненія судопроизводства къ условіямъ и потребностямъ времени, что,

---

[1]) Отступленіе отъ этого порядка духовнаго судопроизводства представляетъ судопроизводство по дѣламъ бракоразводнымъ Въ этихъ дѣлахъ и по закону требуется судоговореніе съ обязательнымъ вызовомъ сторонъ въ присутствіе консисторіи (241), гдѣ «отвѣтчикъ допрашивается противу обвиненій, изложенныхъ въ исковомъ прошеніи; потомъ истецъ изъясняетъ улики и доказательства, представляетъ документы, буде имѣетъ, и указываетъ свидѣтелей преступленія, если таковые были, а отвѣтчикъ изъясняетъ свои оправданія» (247 ст.).

конечно, не должно быть оставлено безъ вниманія и при преобразованіи церковно-судебной части. Эти уставы должны быть приняты во вниманіе и потому еще, что они были приняты въ соображеніе и руководство при оффиціальномъ обсужденіи вопроса о преобразованіи духовно-судейской части и при составленіи комитетомъ 12 января 1864 года проекта основныхъ положеній для этого преобразованія [1]).

Знакомясь съ судебными уставами 20 ноября 1864 года и разсматривая содержащіяся въ нихъ правила о доказательствахъ съ тою цѣлью, чтобы видѣть, сколь возможно съ точки зрѣнія каноническихъ началъ приложеніе этихъ Уставовъ для преобразованія церковнаго судопроизводства и собственно для преобразованія устройства процессуальнаго акта доказательствъ на нашемъ церковномъ судѣ, мы можемъ рѣшить этотъ вопросъ положительно, то есть, можемъ признать, что для принятія этихъ Уставовъ въ качествѣ ближайшаго руководства для преобразованія устройства процессуальнаго акта доказательствъ на нашемъ церковномъ судѣ съ канонической точки зрѣнія нѣтъ никакихъ препятствій.

Разсматривая правила о доказательствахъ, принятыя судебными Уставами 20 ноября 1864 года, мы убѣждаемся, что они совершенно согласны съ основными требованіями каноническаго судопроизводства.

По правиламъ каноническаго судопроизводства судебное рѣшеніе постановлялось по внутреннему свободному убѣжденію судей, независимо отъ какихъ-либо положительныхъ предписаній закона, причемъ однако судьи при разсмотрѣніи и оцѣнкѣ доказательствъ должны были руководиться и установленными закономъ и судебною практикою правилами о „силѣ“ доказательствъ, какъ вспомогательнымъ средствомъ

---

[1]) См. объясн. къ преобраз. дух.-суд. части. Въ частной литературѣ, по вопросу о преобразованіи нашей духовно-судебной части, мы находимъ, между прочимъ, слѣдующее сужденіе относительно приложенія въ дѣлѣ преобразованія церковнаго судопроизводства Уставовъ 20 ноября 1864 года: «Извѣстно, что сохранившіеся до сего времени обряды и формы судопроизводства развились и получили свое примѣненіе на духовномъ судѣ подъ вліяніемъ и зависимости отъ судовъ свѣтскихъ. Слѣдовательно, и устраненіе тѣхъ обрядовъ и формъ, а равно и замѣна ихъ новыми могутъ послѣдовать и должны совершиться при ближайшемъ руководствѣ улучшенными обрядами и формами судовъ свѣтскихъ, образованныхъ на основаніи судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 года». „Пр. Обозр.“ 1877 ноябрь, 553 стр.

для правильнаго изслѣдованія ихъ достовѣрности и отсюда для правильности убѣжденія въ степени виновности или невиновности подсудимаго. То же общее правило положено въ основаніе для устройства процессуальнаго акта доказательствъ и по судебнымъ Уставамъ 20 ноября 1864 года. „Теорія доказательствъ, основанная единственно на ихъ формальности, отмѣняется. Правила о силѣ судебныхъ доказательствъ должны служить только руководствомъ при опредѣленіи вины или невинности подсудимыхъ по внутреннему убѣжденію судей, основанному на совокупности обстоятельствъ, обнаруженныхъ при производствѣ слѣдствія и суда“,—читаемъ еще въ „Основныхъ Положеніяхъ преобразованія судебной части въ Россіи“; то есть „Основныя Положенія“, опредѣляя постановленіе приговора дѣлать по внутреннему убѣжденію судей и отмѣняя законную теорію доказательствъ, въ тоже время признаютъ значеніе за правилами о силѣ ихъ, какъ важнымъ руководствомъ для судей. Это основное начало, содержащее два положенія о постановленіи судебнаго рѣшенія по внутреннему убѣжденію судей и о необходимости при этомъ правилъ о силѣ доказательствъ, какъ руководства для судей при составленіи убѣжденія, вполнѣ усвояется и Судебными Уставами 20 ноября 1864 года, развивающими въ полномъ согласіи съ этими положеніями всѣ правила о доказательствахъ. Согласно съ основнымъ правиломъ, чтобы судебное рѣшеніе постановлялось свободно по внутреннему убѣжденію судей, Уставами предписывается, чтобы въ качествѣ доказательствъ были принимаемы всѣ, какія только могутъ быть представлены для уясненія дѣла, обстоятельства, такъ что свобода судей при постановленіи ими судебнаго приговора не стѣсняется какими-либо обязательными постановленіями о доказательствахъ, съ подраздѣленіемъ послѣднихъ на главныя и неглавныя, на совершенныя и несовершенныя и т. п. „Судьи должны опредѣлять вину или невинность подсудимаго по внутреннему своему убѣжденію, основанному на обсужденіи въ совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла“; или: „Предсѣдатель суда заключаетъ свое объясненіе (существенныхъ обстоятельствъ дѣла и законовъ, ст. 801) напоминаніемъ присяжнымъ засѣдателямъ, что они должни опредѣлить вину или невинность подсудимаго по внутреннему своему убѣжденію, основанному на обсужденіи въ совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла...“,—читаемъ въ 766 и 804 статьяхъ Уставовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ по судебнымъ Уставамъ 20 ноября 1864 года признается умѣстною и необходимою въ судопроизводствѣ и теорія доказательствъ, какъ ученіе, изъясняющее ихъ сравнительную силу и относительное значеніе, но только въ смыслѣ руководства къ правильному убѣжденію. „Въ дѣлахъ, разсматриваемыхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, предсѣдатель суда, вручая ихъ старшинѣ вопросный листъ, объясняетъ имъ существенныя обстоятельства дѣла и законы, относящіеся къ опредѣленію свойства разсматриваемаго преступленія или проступка“,—читаемъ въ 801 статьѣ Уставовъ, а 803 статья добавляетъ: „общія основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ объясняются предсѣдателемъ суда, не въ видѣ непреложныхъ положеній, но лишь въ смыслѣ предостереженія отъ всякаго увлеченія къ обвиненію или оправданію подсудимаго“.

Что касается самыхъ правилъ, какія указываются Уставами для руководства судей при оцѣнкѣ доказательствъ, то въ числѣ ихъ мы находимъ, напримѣръ, правило относительно собственнаго признанія подсудимаго, требующее, чтобы послѣднее было всегда ясно выраженнымъ (685 ст.). Таковы же правила о свидѣтельскихъ показаніяхъ, содержащіяся въ 704—709 статьяхъ Уставовъ, запрещающихъ принимать свидѣтельскія показанія отъ различнаго рода лицъ, не заслуживающихъ довѣрія или въ виду собственныхъ личныхъ качествъ, какъ-то: отъ безумныхъ, слабоумныхъ, малолѣтнихъ и пр.,—или въ виду особенныхъ отношеній къ подсудимому—родственныхъ, враждебныхъ и пр.

Наконецъ и въ отношеніи къ дѣлу опредѣленія внѣшняго порядка судебнаго разсмотрѣнія доказательствъ мы усматриваемъ полное тожество правилъ касательно этого предмета, устанавливаемыхъ судебными Уставами 20 ноября 1864 года, съ правилами „каноническаго“ судопроизводства.

При опредѣленіи правилъ для порядка судебнаго разсмотрѣнія доказательствъ Уставы имѣютъ въ виду ту-же задачу—обезпечить ближайшее внимательное ознакомленіе судей съ существомъ дѣла, для чего въ свою очередь необходимо непосредственное личное разсмотрѣніе и повѣрка самими судьями доказательствъ. Съ этою цѣлью, по Уставамъ, требуется прежде всего обязательный вызовъ на судъ для допроса самого подсудимаго (636—638 стт.). Точно также со всею

строгостью требуется обязательный вызовъ на судъ для личнаго допроса и свидѣтелей. За неявкою въ судъ тѣхъ изъ нихъ, показаніе которыхъ имѣетъ въ дѣлѣ существенное значеніе, судъ постановляетъ опредѣленіе объ отстрочкѣ судебнаго засѣданія (639. 640. 641 стр.). Вещественныя доказательства, могущія служить къ обнаруженію преступленія, или же къ обличенію, или къ оправданію подсудимаго, по требованію Уставовъ, точно также представляются въ засѣданіе суда, если не встрѣтится къ тому препятствій въ объемѣ или качествѣ вещей (696 ст.). А по 690 статьѣ позволяется суду вызывать въ свое засѣданіе лицъ, производившихъ освидѣтельствованіе или испытаніе на мѣстѣ преступленія, и требовать отъ нихъ обстоятельнаго отчета въ ихъ дѣйствіяхъ. Въ чрезвычайныхъ же случаяхъ, когда приходится имѣть дѣло съ важнымъ преступленіемъ, судъ лично выѣзжаетъ въ узаконенномъ составѣ на мѣсто преступленія, гдѣ и открываетъ судебное засѣданіе установленнымъ порядкомъ (689 ст.).

Вообще приведенныхъ данныхъ для сравненія правилъ о доказательствахъ, принятыхъ судебными Уставами 20 ноября 1864 года, съ правилами о доказательствахъ каноническаго судопроизводства совершенно достаточно, чтобы со всею ясностью убѣдиться въ полной возможности заимствованія правилъ Уставовъ и примѣненія ихъ къ нашему церковному судопроизводству, какъ такъ съ точки зрѣнія общихъ требованій или началъ каноническаго судопроизводства для сего нѣтъ никакихъ препятствій. Постановка процессуальнаго акта доказательствъ, какъ она рисуется по статьямъ судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 года, вполнѣ тождественна съ постановкою его на судѣ древней Вселенской Церкви. Она въ томъ и другомъ случаѣ имѣетъ полное сходство въ отношеніи къ общимъ началамъ, на которыхъ построена, а также сходна и въ отношеніи къ частностямъ, то есть, въ разработкѣ правилъ о „силѣ“ доказательствъ. Понятно, что этихъ правилъ о „силѣ“ доказательствъ, заключающихся въ статьяхъ Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 года, какъ примѣненныхъ только къ судопроизводству надъ свѣтскими лицами, недостаточно для церковнаго судопроизводства, имѣющаго дѣло съ обвиненіями лицъ духовнаго званія, и что они должны быть дополнены правилами спеціальнаго характера, имѣющими значеніе на судѣ по обвиненіямъ лицъ духовнаго званія. Мы видѣли, что на судѣ древней Вселенской Церкви

со всею строгостью выполнялись правила, запрещающія свидѣтельствовать противъ православныхъ духовныхъ лицъ—лицамъ иныхъ исповѣданій, не христіанамъ и вообще лицамъ, нравственное и христіанское достоинство которыхъ можетъ быть заподозрѣно. (75 Апост. пр. 6 пр. П. Всел. Соб. 144 пр. Карѳ. соб.). Очевидно, что въ данномъ случаѣ Церковь руководствовалась заботливостью о сохраненіи собственнаго престижа святости. Церковь была неукоснительно строга къ своей паствѣ и въ частности къ клиру, какъ носителю идеи апостольства Христова, освященному высокимъ званіемъ изъ устъ Самого Христа Его словами:—вы соль земли, вы свѣтъ міру. Но она была строга, внимательна и въ дѣлѣ изслѣдованія данныхъ при возникновеніи обвиненій противъ того или иного лица изъ клира и, дабы не дать простора злонамѣренности, строго изслѣдовала на своемъ судѣ нравственное и христіанское достоинство подателя этихъ данныхъ.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ сдѣлать нѣкоторое замѣчаніе относительно положеній для преобразованія постановки акта доказательствъ на нашемъ церковномъ судѣ, помѣщенныхъ въ проектѣ комиссіи по преобразованію духовно-судебной части 12 января 1870 г. Разсматривая внимательно эти положенія, мы не можемъ не замѣтить, что они, разнствуя съ общими опредѣленіями о доказательствахъ судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 года, такъ сказать, не выдерживаютъ согласія и съ требованіями каноническаго судопроизводства. Такъ, въ 62 статьѣ проекта говорится: „приговоръ духовнаго суда постановляется по повѣркѣ и дополненіи представленныхъ доказательствъ въ засѣданіи суда“ [1]). Въ 82 статьѣ сказано: „при разсмотрѣніи дѣлъ по отзывамъ и приговорамъ свидѣтели и свѣдущіе люди требуются въ судъ, когда послѣдній, по особенно уважительнымъ причинамъ, признаетъ это необходимымъ“. Въ 108 статьѣ читаемъ: „требованіе личной явки обвиняемаго на судѣ и вызовъ къ суду сви-

---

[1]) Въ проектѣ Лаврова, представляющемъ, такъ сказать, критику комитетскаго проекта, тоже положеніе передается слѣдующимъ образомъ „Приговоръ духовнаго суда постановляется не иначе, какъ по повѣркѣ и дополненіи въ засѣданіи суда представленныхъ доказательствъ (45 ст.) См. „Предполагаемая реформа церковнаго суда“, выпускъ II-й стр. 329.

дѣтелей, указанныхъ сторонами, зависитъ отъ усмотрѣнія суда“ [1]). Въ Ш-й статьѣ излагается: „представленныя доказательства повѣряются и дополняются въ засѣданіи суда: а) разсмотрѣніемъ подлинныхъ протоколовъ и другихъ письменныхъ и вещественныхъ доказательствъ и б) отобраніемъ показаній отъ подсудимаго, свѣдущихъ людей, свидѣтелей и участвующихъ въ дѣлѣ лицъ“ [2]). Изъ сопоставленія этихъ статей мы видимъ, что ими устанавливаются два способа для повѣрки и дополненія въ засѣданіи духовнаго суда представленныхъ доказательствъ: 1) разсмотрѣніе членами суда письменныхъ и вещественныхъ доказательствъ и 2) отобраніе показаній отъ подсудимаго и прочихъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. При этомъ второй способъ не составляетъ, какъ видно изъ 82 и 108 стт. проекта, существенной необходимости для постановленія приговора, и допустить этотъ способъ или не допустить - будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія судей, а усмотрѣніе, въ свою очередь, будетъ зависѣть отъ уважительности причинъ къ тому, чтобы допустить; его или не допустить: слѣдовательно, существенно необходимымъ и въ тоже время вполнѣ достаточнымъ способомъ для повѣрки и дополненія представленныхъ доказательствъ въ засѣданіи суда комитетомъ признанъ только одинъ — именно разсмотрѣніе письменныхъ и вещественныхъ доказательствъ.

Но проектировать такого рода статьи, которыми признается необходимость одного только способа для повѣрки и дополненія въ засѣданіи суда представленныхъ доказательствъ именно лишь чрезъ разсмотрѣніе письменныхъ документовъ и вещественныхъ доказательствъ, и отмѣнять другой — чрезъ выслушаніе сторонъ—значитъ, такъ сказать, смѣщать духовный судъ съ канонической почвы и устанавливать на новой, гдѣ ясно предвидится только ущербъ для правосудія и лишенія для духовенства. По правиламъ „каноническаго“ судопроизводства повѣрка и дополненіе доказательствъ въ засѣданіи суда должны

---

1) Это положеніе у Лаврова замѣняется слѣдующимъ: «Вызовъ къ суду свидѣтелей, требуемыхъ сторонами, обязателенъ для суда лишь въ случаяхъ, именно доказанныхъ закономъ. Но судъ не вправѣ отказать въ допросѣ свидѣтелей, представленныхъ сторонами лично въ судебное засѣданіе, если они были спрошены при предварительномъ слѣдствіи» (ст. 90). Ibid. стр. 341.

2) Это положеніе Ш ст. комитетскаго проекта у Лаврова остается безъ измѣненія.

были производиться, какъ мы видѣли, обязательно по двумъ способамъ: черезъ разсмотрѣніе письменныхъ документовъ и чрезъ выслушаніе сторонъ; причемъ судебное слѣдствіе, состоящее въ повѣркѣ и дополненіи представленныхъ доказательствъ указанными двумя способами, составляло самый центръ, существенную и важнѣйшую часть всего процесса и служило главнымъ основаніемъ для постановленія приговора; несоблюденіе же этого порядка повѣрки и дополненія доказательствъ почиталось нарушеніемъ правъ подсудимыхъ на защиту и составляло достаточный поводъ къ кассаціи судебнаго приговора. Да и въ объяснительныхъ запискахъ, приложенныхъ къ проекту, вполнѣ ясно разъясняется необходимость того и другого способа повѣрки и дополненія доказательствъ въ засѣданіи суда, какъ именно согласныхъ съ правилами каноническаго судопроизводства и требованіями правосудія. Такъ, комитетъ, указывая, въ своемъ разсужденіи по поводу содержанія проектируемой имъ 63 статьи, на необходимость устраненія изъ духовныхъ судовъ, отмѣненной въ свѣтскихъ судахъ, теоріи формальныхъ доказательствъ и на необходимость того, чтобы духовный судъ производился въ проектируемыхъ судебныхъ установленіяхъ „со всѣми обезпеченіями, которыя признаны необходимыми и допущены на свѣтскомъ судѣ“, „согласно съ разспросомъ сторонъ и свидѣтелей...“, касаясь собственно существующаго порядка духовнаго судопроизводства, въ тѣхъ же объяснительныхъ запискахъ говоритъ: „Духовный судъ производится въ тайнѣ, безъ бытности подсудимаго, по письменнымъ актамъ, составленнымъ во время слѣдствія. Этотъ порядокъ вполнѣ согласенъ съ порядкомъ, существовавшимъ въ гражданскомъ судѣ до Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 года, но не имѣетъ никакого сходства съ порядкомъ, какой установленъ для суда церковными правилами. По церковнымъ правиламъ обвиняемый непремѣнно долженъ быть вызванъ къ суду лично; заочныя рѣшенія допускались только какъ изъятія: если подсудимый не являлся къ суду по тремъ вызовамъ, въ такомъ случаѣ судъ могъ постановить о немъ заочное рѣшеніе, какъ бы въ наказаніе за неявку, да не мнится выгоду имѣти, бѣгая отъ суда (Ап. 74). Постановленіе рѣшеній безъ бытности подсудимаго по письменнымъ актамъ, составленнымъ во время слѣдствія, сопряжено вмѣстѣ съ тѣмъ съ крайне вредными послѣдствіями. Опытъ судебныхъ установленій, образованныхъ по Уставамъ 20 ноября

1864 года, почти ежедневно убѣждаетъ, что по актамъ такъ называемаго предварительнаго слѣдствія, можно вывести заключеніе совершенно противоположное тому, къ которому судъ приходитъ на основаніи слѣдствія судебнаго, при которомъ подсудимый и свидѣтели лично передъ судьями даютъ показанія. Предварительное слѣдствіе, даже при самомъ добросовѣстномъ его производствѣ, не можетъ исчерпать всѣхъ средствъ къ открытію истины въ данномъ случаѣ, а представляетъ только собраніе матеріаловъ для полнаго ея обнаруженія на судебномъ слѣдствіи. Въ этомъ послѣднемъ судъ и долженъ искать основаній къ оправданію или обвиненію подсудимаго, такъ какъ при этомъ (судебномъ) слѣдствіи заявляются и обнаруживаются обстоятельства, какъ обвиняющія, какъ и оправдывающія подсудимаго, совокупность которыхъ и должна служить основаніемъ того внутренняго убѣжденія, по которому составляется рѣшеніе“ [1]). Такимъ образомъ, если 82 и 108 статьи комитетскаго проекта явно противорѣчатъ правиламъ каноническаго судопроизводства и вмѣстѣ несогласны съ началами правосудія, какъ то и другое ясно раскрывается и въ объяснительныхъ запискахъ къ проекту, то онѣ, безъ всякаго сомнѣнія, должны быть отмѣнены и замѣнены такими, которыя находились бы въ полномъ соотвѣтствіи со статьею Ш-ю того же проекта, то есть, которыя дѣлали бы вызовъ сторонъ и вообще всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ въ засѣданіе суда для устнаго допроса строго обязательнымъ во всѣхъ случаяхъ безъ исключенія.

В. Троицкій.

(1 Краткая объяснительная записка стр. 13.

Миссіонерскій отдѣлъ.

Къ вопросу о постановкѣ миссіонерскаго образованія въ духовныхъ семинаріяхъ.

(По поводу предполагаемой реформы духовныхъ семинарій).

Вышелъ Высочайшій указъ 17 апрѣля объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости. По прочтеніи его невольно думалось: „Итакъ, въ распоряженіи Православной Церкви отнынѣ не будетъ болѣе никакихъ внѣшнихъ мѣръ для борьбы съ расколомъ и сектантствомъ, для противодѣйствія имъ. Никакихъ репрессалій, никакихъ ограничительныхъ мѣръ по отношенію къ раскольникамъ и сектантамъ, никакихъ преимуществъ для Православной Церкви, благодаря которымъ она занимала бы положеніе *господствующей* Церкви. Пало это внѣшнее средостѣніе, стоящее между Православіемъ и расколо-сектантствомъ, какъ двумя противоборствующими силами. Отнынѣ расколъ и сектантство, не сдерживаемыя никакою внѣшнею силою, свободно устремятся на борьбу съ Православіемъ. Для нихъ открыта свобода проповѣди (свободная пропаганда) своихъ ученій, свобода публичнаго оказательства своей вѣры на соблазнъ православнымъ, свободная организація миссіонерскихъ учрежденій. И хотѣлось отъ души выразить пожеланіе: о, далъ бы Богъ, чтобы Православная Церковь нашла въ себѣ достаточно духовныхъ силъ для того, чтобы это новое положеніе, въ которое она должна теперь стать по отношенію къ расколу и сектантству, оказалось лишь на пользу ей; далъ бы Богъ, чтобы борьба съ расколомъ и сектантствомъ однѣми духовными мѣрами была столь же ревностной, сколь и правильно поставленной, а по результатамъ— благоплодной. Многое нужно для этого. О многомъ въ интересахъ

Православной Церкви и для успѣховъ православнаго миссіонерскаго дѣла нужно теперь подумать и позаботиться,—обо всемъ, что имѣетъ и можетъ имѣть прямое или косвенное отношеніе къ дѣятельности православной миссіи, направленной къ огражденію чадъ Православной Церкви отъ увлеченія расколомъ или сектантствомъ и къ возвращенію самихъ раскольниковъ и сектантовъ въ лоно Св. Православной Церкви. А между прочимъ и не прежде ли всего слѣдуетъ намъ въ особенности теперь приложить всѣ старанія и заботы къ *усиленію миссіонерскаго образованія* пастырей нашей Православной Церкви. Кажется, дѣло такъ ясно, что едва-ли нужно усиливаться все это доказывать. Въ самомъ дѣлѣ, что означаетъ для пастырей Православной Церкви указъ 17 апрѣля о вѣротерпимости, какія обязанности налагаетъ на нихъ? Означаетъ ли онъ конецъ ихъ пастырско-миссіонерской дѣятельности, или, наоборотъ, пробужденіе ея и возможное усиленіе? Конечно, послѣднее. Прежде, до изданія этого указа, за пастыря Церкви иногда дѣйствовали то административныя, то полицейскія, то судебныя власти, репрессивными и ограничительными мѣрами подавляя пропаганду и публичное оказательство раскола и сектантства. Теперь для цѣлей борьбы съ расколомъ и сектантствомъ и для огражденія православныхъ отъ пропагаторскихъ вліяній со стороны раскольниковъ и сектантовъ одно важнѣйшее средство—пастырско-миссіонерская дѣятельность православныхъ священниковъ. Слѣдовательно, если когда, то въ особенности теперь, духовная семинарія должна позаботиться давать своимъ воспитанникамъ, будущимъ пастырямъ Церкви, возможно совершенное пастырско-миссіонерское образованіе.

Такъ думалось. Такъ естественно было желать. Но что же оказывается въ дѣйствительности? Изъ № 46 *„Церк. Вѣдомостей“* узнаемъ, что по выработанному Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ проекту реформы духовныхъ семинарій спеціальная каѳедра для преподаванія миссіонерскаго предмета о расколѣ и сектантствѣ упраздняется; для изученія этого предмета вмѣсто 6 недѣльныхъ уроковъ, полагаемыхъ по нынѣ дѣйствующимъ программамъ, оставлено только три и они присоединены къ каѳедрѣ церковной исторіи.

Итакъ, миссіонерское образованіе для будущихъ пастырей Церкви не только не усиливается, какъ требуютъ того обстоятельства времени

напротивъ, оно ослабляется до такой степени, что предполагаемая постановка его въ реформированной дух. семинаріи фактически будетъ равняться упраздненію его, именно *какъ миссіонерскаго*. Почему такъ, это объяснимъ ниже. А теперь продолжимъ наши соображенія по вопросу о томъ, о чемъ теперь, соотвѣтственно вопросамъ жизни, слѣдуетъ думать—объ ослабленіи, или, наоборотъ, объ усиленіи миссіонерскаго образованія въ духовной семинаріи.

По обнародованіи указа 17 апрѣля о вѣротерпимости, естественно, всѣхъ и каждаго интересовалъ вопросъ: какъ отзовутся на этотъ указъ раскольники и сектанты? Какія ближайшія послѣдствія онъ будетъ имѣть для ихъ религіозной жизни и для опредѣленія ими своихъ отношеній къ Правосл. Церкви? Отвѣта пришлось ждать не долго. Раскольники и сектанты вскорѣ же отозвались на указъ объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости. Для своей цѣли мы будемъ говорить только о сектантахъ.

Дарованіе сектантамъ свободы вѣроисповѣданія способствовало подъему духа, оживленію религіозной жизни и усиленію пропагаторскихъ стремленій у нихъ. Подъемъ духа и религіозное одушевленіе въ средѣ молоканскихъ общинъ имѣли своимъ ближайшимъ послѣдствіемъ устроеніе всероссійскихъ молоканскихъ съѣздовъ. Первый такой съѣздъ былъ въ концѣ іюля (начался 22 іюля) въ с. Воронцовкѣ Тифлисской губ., второй—въ началѣ сентября въ с. Астраханкѣ Таврической губ. Послѣдній происходилъ отдѣльно у старомолоканъ (2, 3 и 4 сент.) и отдѣльно у новомолоканъ (4, 5, и 6 сент.). На съѣздахъ старомолоканъ и новомолоканъ, бывшихъ въ с. Астраханкѣ, мнѣ пришлось присутствовать. Я видѣлъ огромное религіозное одушевленіе сектантовъ; слышалъ множество проповѣдей и рѣчей, произнесенныхъ молоканскими пресвитерами и проповѣдниками, съѣхавшимися на съѣздъ со всѣхъ концовъ Россіи; со стороны наблюдалъ ихъ оживленныя совѣщанія въ закрытыхъ собраніяхъ представителей ихъ общинъ. Не трудно догадаться, что сектанты обсуждали на этихъ послѣднихъ, закрытыхъ собраніяхъ. Вопросъ о пропагандѣ своей вѣры былъ, несомнѣнно, однимъ изъ главныхъ вопросовъ, подвергавшихся обсужденію. На юбилейныхъ молитвенныхъ собраніяхъ молоканами высказывались пожеланія, чтобы подобные общемолоканскіе съѣзды повторялись и впредь по возможности чаще. Описывая все видѣнное мною на

съѣздѣ, я тогда же говорилъ: „послѣдствіемъ такого оживленія религіозной жизни въ средѣ сектантовъ, несомнѣнно, будетъ усиленіе пропагаторскихъ стремленій и дѣятельности ихъ, направленной къ распространенію секты. Начало такимъ стремленіямъ у новомолоканъ, намъ кажется, уже положено постановленіемъ объ открытіи въ с. Астраханкѣ учебнаго заведенія для приготовленія пресвитеровъ и проповѣдниковъ въ ихъ сектѣ. Все это намъ, православнымъ, слѣдуетъ имѣть въ виду. Намъ нужно быть насторожѣ, чтобы всѣ послѣдствія указа 17 апрѣля объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости, какъ уже проявившіяся въ сектантскихъ обществахъ, такъ и впредь могущія быть, не наносили ущерба интересамъ Правосл. Церкви“ (*Таврич. Епарх. Вѣдом.* 1905 г. № 18).

Итакъ, намъ нужно быть насторожѣ. Что же нужно для этого? Несомнѣнно, прежде всего и ближайшимъ образомъ потребуется усиленіе пастырско-миссіонерской дѣятельности приходскихъ священниковъ. А для того, чтобы наши приходскіе священники были подготовлены къ такой усиленной пастырско-миссіонерской дѣятельности, необходимо позаботиться объ усиленіи миссіонерскаго образованія для будущихъ пастырей Церкви въ духовной семинаріи. Пусть же каждый разсудитъ, своевременно ли теперь поднимать вопросъ объ упраздненіи въ семинаріяхъ спеціальной каѳедры для изученія миссіонерскихъ предметовъ?

На всероссійскомъ съѣздѣ новомолоканъ въ с. Астраханкѣ, какъ сказано выше, постановлено открыть школу для приготовленія пресвитеровъ и проповѣдниковъ въ ихъ сектѣ, т.-е., говоря иначе, сдѣлано постановленіе объ открытіи *миссіонерской* школы (которая юридически будетъ носить, вѣроятно, какое-нибудь другое наименованіе, фактически же будетъ именно миссіонерскою). Такое постановлені новомолоканъ (иначе штундо-молоканъ) насъ нисколько не удивило и не поразило неожиданностью. Напротивъ, это было такъ естественно. Желая процвѣтанія своей сектѣ, во зможно широкаго распространеніе ея, конечно, нужно прежде всего позаботиться о возможно лучшей постановкѣ миссіонерскаго образованія для представителей секты—пресвитеровъ и проповѣдниковъ. Сектанты всегда это понимали и къ этому стремились. Доселѣ, не имѣя возможности завести у себя на родинѣ миссіонерскихъ школъ, они посылали будущихъ своихъ пресвитеровъ и миссіонеровъ для полученія миссіонерскаго образованія за границу,

преимущественно въ Гамбургскую баптистскую семинарію. Да, не останавливались ни предъ какими трудностями. Ну, а теперь, получивъ свободу вѣроисповѣданія, конечно, прежде всего позаботятся объ открытіи миссіонерскихъ школъ у себя дома. Такъ поступаютъ сектанты. Они заботятся объ открытіи спеціальныхъ миссіонерскихъ школъ. А мы? Увы, мы не только не думаемъ объ усиленіи и лучшей постановкѣ миссіонерскаго образованія для нашихъ будущихъ пастырей Церкви, а хотимъ въ этомъ отношеніи пойти назадъ. Мы не только не заводимъ спеціальныхъ миссіонерскихъ школъ, но хотимъ упразднить и спеціальную миссіонерскую каѳедру въ духовныхъ семинаріяхъ. Какое грустное недоразумѣніе!

Проектъ постановки миссіонерскаго образованія въ реформированной духовной семинаріи, какъ сообщено въ *Православномъ Путеводителѣ* (окт., стр. 417), составленъ профессоромъ Петербургской дух. академіи П. С. Смирновымъ; программа же, составленная въ 1901 году комиссіей преподавателей семинаріи, не принята. Не подлежитъ сомнѣнію ученая компетентность составителя проекта. Впрочемъ, вынуждаемся сказать, что признаемъ это съ оговоркою. П. С. Смирновъ—извѣстный въ наукѣ спеціалистъ по исторіи старообрядческаго раскола. Но, сколько намъ извѣстно, ни въ бытность преподавателемъ Рязанской дух. семинаріи, ни теперь, состоя профессоромъ академіи, П. С. не занимался *спеціальнымъ* изученіемъ сектантства и не имѣетъ никакого отношенія къ *живому миссіонерскому дѣлу*. Не зная же детально сектантства и тѣмъ болѣе живого миссіонерскаго дѣла, онъ едва ли могъ живо представить себѣ, сколько запросовъ наше современное русское сектантство ставитъ пастырю Православной Церкви и въ какой высокой степени долженъ имѣть миссіонерское образованіе современный священникъ въ приходѣ, уже зараженномъ сектантствомъ или гдѣ начинаетъ проявляться сектантская пропаганда. Мы нимало не сомнѣваемся, что всякій, кто не захочетъ спрятаться въ своемъ ученомъ кабинетѣ, а почтетъ своимъ долгомъ внимательно присматриваться къ самой жизни, не произнесетъ приговора объ ослабленіи миссіонерскаго образованія для современнаго пастыря нашей Православной Церкви.

Въ самомъ дѣлѣ, попробуемъ хотя на короткое время заглянуть, напр., въ наши широкія южно-русскія степи и посмотрѣть, что тамъ

дѣлается въ православныхъ приходахъ. Мы хотѣли бы говорить лишь то, что сами видѣли, слышали и, главное, перечувствовали, для того, чтобы о такомъ живомъ и жизненномъ дѣлѣ, какъ пастырско-миссіонерская дѣятельность и миссіонерское образованіе пастырей церкви, говорить отъ жизни, а не на основаніи теоретическихъ соображеній и кабинетныхъ размышленій.

Напомнимъ прежде всего о томъ, что было на новомолоканскомъ всероссійскомъ съѣздѣ въ с. Астраханкѣ. Какъ мы уже сообщали въ свое время (*Таврич. Епарх. Вѣдом.* 1905 г. № 18), на съѣздъ прибыли проповѣдники не только изъ разныхъ мѣстъ Россіи, но изъ-за границы: изъ Германіи, Австріи и даже одинъ изъ Америки. Въ числѣ русскихъ проповѣдниковъ были лица изъ интеллигентныхъ классовъ общества (орловскій помѣщикъ Н. П. Зиновьевъ, Яковлевъ—изъ Москвы и другіе). Прибывшіе изъ-за границы были баптистскіе, пресвитеріанскіе или методистскіе пасторы и спеціальные миссіонеры. Нужно ли пояснять, что означаетъ такое собраніе интеллигентныхъ сектантскихъ проповѣдниковъ, не только русскихъ, но и иностранныхъ? Эти полчища сектантскихъ проповѣдниковъ и миссіонеровъ не будутъ ли разносить свое ученіе по разнымъ мѣстамъ нашего отечества, особенно ставшаго гостепріимнымъ по отношенію къ нимъ теперь послѣ указа 17 апрѣля объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости.

Въ молитвенныхъ собраніяхъ новомолоканъ я слышалъ оживленныя проповѣди и зажигательныя рѣчи собравшихся проповѣдниковъ и миссіонеровъ. Я видѣлъ, какое сильное впечатлѣніе производили они. И больно сжималось мое сердце при мысли, что не всегда и не всѣ мои бывшіе ученики, теперь пастыри церкви, окажутся имѣющими достаточное миссіонерское образованіе для того, чтобы быть готовыми разрѣшить всѣ недоумѣнія, возбуждаемыя сектантскими проповѣдниками въ душахъ православныхъ слушателей.

Тутъ же, въ Астраханкѣ, втеченіе засѣданій всероссійскаго молоканскаго съѣзда я обмѣнивался своими впечатлѣніями съ моими бывшими воспитанниками, которыхъ теперь встрѣтилъ уже пастырями Церкви. И согласное было наше общее сужденіе, что въ семинаріи должно быть усилено миссіонерское образованіе, съ предоставленіемъ преподавателю возможности большей свободы въ исполненіи про-

граммы [1]). Такъ думали всѣ мы, стоя лицомъ къ лицу съ запросами жизни. Иначе думали тамъ, въ Петербургѣ, вдали отъ нашихъ степей, гдѣ вопросъ о миссіонерскомъ образованіи для будущихъ пастырей церкви разрѣшается самою жизнью. Тамъ, вдали отъ жизни, рѣшили иначе—не только не усиливать миссіонерскаго образованія для будущихъ пастырей церкви, но еще ослабить, а собственно даже упразднить его, какъ живое, именно *миссіонерское*, практически поставленное, образованіе.

Какъ извѣстно изъ донесеній священниковъ, по Таврической епархіи разъѣзжаетъ теперь немало сектантскихъ проповѣдниковъ, не только русскихъ, но и заграничныхъ. Въ рапортахъ въ Таврическій епархіальный миссіонерскій комитетъ священники называютъ нѣкоторыхъ изъ нихъ: Герасименко, Розенцвай, Квиринхъ, Эксцпахъ, Штеккеръ и друг. Въ числѣ ихъ есть заграничные пасторы и миссіонеры; есть, говорятъ, и профессора заграничныхъ университетовъ. (за достовѣрность послѣдняго не ручаемся). Всѣ сектантскіе миссіонеры состоятъ на опредѣленномъ жалованьѣ. Дѣятельность ихъ послѣ 17 апрѣля приняла характеръ открытой свободной пропаганды. Является сектантскій миссіонеръ въ какую-нибудь нѣмецкую колонію или русскую деревню; оповѣщаетъ, что пріѣхалъ *миссіонеръ* (часто вводятъ этимъ въ заблужденіе православныхъ; послѣдніе думаютъ, что пріѣхалъ православный миссіонеръ); назначается время и мѣсто, когда и гдѣ онъ будетъ проповѣдывать; собираются слушатели; начинается открытая публичная пропаганда лжеученія... Здѣсь все это мы видимъ, слышимъ, читаемъ донесенія объ этомъ. И для насъ несомнѣнно, что на русскую православную церковь ополчается съ страшною силою протестантизмъ. Онъ распространяется не только среди простого народа въ видѣ сектантства, но начинаетъ проникать въ чистомъ его видѣ (западно-европейскія протестантскія исповѣданія) и въ интеллигентные классы нашего общества. Можетъ быть, для васъ, г.г. представители богословской науки, какъ отвлеченнаго вѣдѣнія,

---

[1]) Хочу сказать, что преподаватель долженъ быть хорошо знакомъ съ мѣстными фракціями сектантства и преподаваніе своего предмета долженъ ставить практически, жизненно. На преподаваемый предметъ онъ долженъ смотрѣть не какъ на одну изъ богословскихъ наукъ, которыя лишь теоретически изучаютъ въ семинаріи, а какъ на живой миссіонерскій предметъ.

это безразлично? А у насъ душа болитъ при видѣ нашей Св. Православной Церкви, терзаемой сектантскою пропагандой. Станьте же ближе къ запросамъ жизни и подумайте, время ли теперь говорить объ ослабленіи миссіонерскаго образованія для нашей церкии. Вѣдь наслушавшись соблазнительныхъ для своей православной вѣры рѣчей сектантскихъ проповѣдниковъ, православные слушатели идутъ, затѣмъ, къ приходскому священнику и, смущенные въ своей религіозной совѣсти, просятъ у него разрѣшенія навѣянныхъ сомнѣній. И теперь-то не всегда и не всякій священникъ найдется, что отвѣтить въ разрѣшеніе возбужденныхъ недоумѣній и сомнѣній. Значитъ, слѣдовало бы подумать объ усиленіи миссіонерскаго образованія въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ, а ужъ, конечно, не объ ослабленіи его.

Прислушайтесь еще и еще къ тому, что говорятъ люди жизни. Въ № 45 „*Церк. Вѣдом.*“ дано сообщеніе о пастырскомъ собраніи духовенства Ставропольской епархіи. Коснувшись вопроса о нуждахъ миссіи въ епархіи, духовенство постановило между прочимъ: „просить правленіе семинаріи поставить преподаваніе обличенія раскола и сектантства въ соотвѣтствіе съ условіями религіозной жизни населенія епархіи“. Считаемъ лишнимъ дѣлать комментаріи къ этому постановленію приходскихъ пастырей церкви—людей, непосредственно знакомыхъ съ запросами жизни.

На Одесскомъ областномъ съѣздѣ миссіонеровъ южныхъ епархій, бывшемъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1905 г., было сужденіе о послѣдствіяхъ изданія указа 17 апрѣля о вѣротерпимости и о вытекающихъ отсюда нуждахъ православной миссіи. Было констатировано, что „указъ 17 апрѣля поднялъ духъ и энергію сектантовъ, они увеличиваютъ количество своихъ спеціальныхъ разъѣздныхъ проповѣдниковъ, организуютъ свою миссію путемъ назначенія новыхъ миссіонеровъ и увеличенія имъ жалованья, а новомолокане хотятъ открыть семинарію для подготовленія миссіонеровъ. Онъ предоставилъ сектантамъ право проповѣди въ многолюдныхъ собраніяхъ“. Въ противовѣсъ развитію сектантской пропаганды съѣздомъ выражены, между прочимъ, слѣдующія пожеланія: „духовенство, а отчасти и спеціальная миссія должны постараться восполнить то, чего имъ недостаетъ, усиливъ свою противосектантскую подготовку. Необходимо во всѣхъ академіяхъ имѣть каѳедры исторіи и обличенія сектантства“. („Кишин. Епарх.

Вѣдом.“ 1905 г. № 22, стр. 593—594). Вотъ о чемъ мечтали представители миссіонерскаго дѣла, собравшіеся въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Одессѣ. Имъ представлялось необходимымъ учрежденіе спеціальной каѳедры для изученія исторіи и обличенія сектантства во всѣхъ четырехъ нашихъ духовныхъ академіяхъ. Допускали ли они мысль о возможности упраздненія этой каѳедры даже и въ семинаріяхъ. А между тѣмъ проектъ такого упраздненія миссіонерскаго образованія въ семинаріяхъ былъ уже готовъ, хотя и лежалъ еще подъ спудомъ.

Мы уже говорили выше, что проектируемая новымъ уставомъ дух. семинарій постановка изученія раскола и сектантства не только ослабитъ миссіонерское образованіе будущихъ пастырей церкви, но фактически будетъ равняться совершенному упраздненію его. Теперь въ заключеніе нашихъ разсужденій пояснимъ это.

1) При трехъ урокахъ въ недѣлю можно пройти только исторію старообрядческаго раскола и въ самыхъ лишь основныхъ положеніяхъ обличеніе его. На изученіе исторіи и обличеніе сектантства времени совсѣмъ не остается. Для болѣе или менѣе удовлетворительнаго изученія исторіи и обличенія раскола и сектантства потребно не менѣе 7 уроковъ въ недѣлю. Чтобы не быть голословнымъ, я поясню свое разсужденіе собственнымъ педагогическимъ опытомъ. По нынѣ дѣйствующей программѣ на изученіе раскола и сектантства положено 2 урока въ V кл. и 4 урока въ VI кл. Пользуясь этими 6 недѣльными уроками, учебный матеріалъ я располагаю такимъ образомъ. Въ 5 кл. прохожу исторію старообрядческаго раскола и часть курса обличенія его; повторить успѣваю едва четвертую часть пройденнаго; остальное ученики повторяютъ лишь при подготовкѣ къ экзаменамъ. Въ 6 классѣ къ половинѣ ноября мѣсяца оканчиваю курсъ обличенія раскола (значительно сокращая его противъ дѣйствующей программы). Затѣмъ во все остальное время до конца учебнаго года прохожу исторію и особенно обличеніе сектантства (молоканства и штундизма, отчасти толстовщины). Повторить изъ пройденнаго успѣваю лишь немногое. Отчего такъ медленно? Лица, освѣдомленныя въ миссіонерскомъ дѣлѣ, легко отвѣтятъ за меня на этотъ вопросъ. И я, и они скажутъ, что матеріалъ, относящійся къ обличенію сектантства, долженъ быть поставленъ преподавателемъ и усвоенъ учениками практи-

чески, живо и вполнѣ сознательно; урокъ долженъ быть воспроизведеніемъ полемико-апологегической противосектантской бесѣды, а не механическимъ заучиваніемъ и воспроизведеніемъ извѣстныхъ теоретическихъ богословскихъ свѣдѣній. При этомъ позволяю себѣ думать и сказать, что учениковъ не тяготитъ изученіе исторіи и обличенія сектантства, напротивъ, привлекаетъ къ себѣ ихъ интересъ и вниманіе. Но это именно лишь при условіи, если изученіе предмета ставить живо, а не теоретически отвлеченно, если преподаватель обращается къ живой характеристикѣ мѣстныхъ фракцій сектантства и ставитъ возраженія сектантскія и способы и пріемы опроверженія ихъ также живо — отъ опыта.

2) Изъ сказаннаго видно, что преподаватель исторіи и обличенія раскола и сектантства долженъ быть спеціалистомъ своего предмета и потому каѳедра для преподаванія его должна быть особая спеціальная въ семинаріи. Я сталъ чувствовать себя хозяиномъ своего дѣла въ классѣ лишь послѣ того, какъ побывалъ въ главныхъ центрахъ сектантства въ нашей Таврической губерніи и такимъ образомъ имѣлъ возможность непосредственно ознакомиться съ мѣстнымъ сектантствомъ, а затѣмъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ велъ полемико-апологетическія бесѣды съ сектантами или же апологетическія противосектантскія бесѣды для православныхъ.

3) Въ виду вышесказаннаго, затѣмъ, очевидно, что упраздненіе особой спеціальной каѳедры для преподаванія раскола и сектантства въ семинаріи не ослабитъ только миссіонерское образованіе, а фактически будетъ равняться именно упраздненію его для будущихъ пастырей церкви. Дадите ли преподавателю церковной исторіи 3, 4 5 уроковъ для преподаванія ученія о расколѣ и сектантствѣ, онъ будетъ почитать себя *спеціально* преподавателемъ церковной исторіи; преподаваніе исторіи и обличенія раскола и сектантства онъ всегда будетъ почитать придаточнымъ сверхштатнымъ предметомъ, почему-то навязаннымъ ему такъ, между прочимъ. Полагаемъ, что такого отношенія его къ дѣлу не измѣните никакими *мѣрами внушенія*. Въ самомъ дѣлѣ, примите во вниманіе, что, помимо спеціальнаго изученія исторіи раскола и сектантства, преподавателю для обличенія сектантства необходимо очень основательное изученіе Св. Писанія и до-

гматическаго богословія [1]). Прибавьте къ этому обширный предметъ общей и русской церковной исторіи, многотрудный для памяти курсъ обличенія старообрядческаго раскола, и посудите сами, справедливо ли требовать, чтобы преподаватель церковной исторіи вмѣстилъ весь этотъ многопредметный, разнообразный и обширный матеріалъ въ свою голову? Справедливо ли требовать отъ него же, чтобы онъ поѣздилъ по епархіи для непосредственнаго ознакомленія съ мѣстными фракціями сектантства, а затѣмъ отъ времени до времени велъ и бесѣды полемико-апологетическія съ сектантами или противосектантскія апологетическія съ православными? Конечно, требовать отъ него всего этого было бы явно несправедливо, а между тѣмъ это безусловно необходимо для преподавателя исторіи и обличенія сектантства, какъ было уже сказано выше.

4) Если признаемъ, что изученіе обличенія раскола и сектантства должно быть поставлено практически, то этимъ самъ собою будетъ разрѣшаться вопросъ о числѣ уроковъ по каѳедрѣ миссіонерскихъ предметовъ въ семинаріи. Повторяемъ, что число этихъ уроковъ должно быть не менѣе семи. При разрѣшеніи этого вопроса мы хотѣли бы обратить вниманіе на слѣдующій примѣръ. Для преподаванія очень краткаго по объему курса педагогики и дидактики въ дух. семинаріи по нынѣ дѣйствующему уставу полагается 2 урока въ недѣлю для теоретическаго изученія учебнаго матеріала и 4 урока для практическаго изученія его въ образцовой при семинаріи школѣ. Курсъ исторіи и обличенія раскола и сектантства, вѣроятно, разъ въ пять по объему шире курса педагогики и дидактики. Итакъ, если для практическаго преподаванія послѣднихъ предметовъ признается

---

[1]) Кстати замѣтимъ, что если въ виду хозяйственныхъ или иныхъ какихъ соображеній признано будетъ необходимымъ упразднить въ семинаріи особую каѳедру исторіи и обличенія раскола и сектантства, пріурочивъ преподаваніе этого предмета къ другимъ положеннымъ по штату каѳедрамъ, то обличеніе сектантства во всякомъ случаѣ было бы гораздо естественнѣе возложить на преподавателя догматическаго богословія по однородности учебнаго матеріала; къ каѳедрѣ же церковной исторіи обличеніе сектантства не можетъ имѣть никакого отношенія. Но при такой группировкѣ вышла бы та несообразность, что исторію сектантства будетъ преподавать одинъ преподаватель, а обличеніе его—другой, тогда какъ въ изученіи каждой секты даже съ исторической стороны необходимо долженъ входить и полемическаго характера матеріалъ (молоканство, обличаемое своей исторіей и пр.).

необходимымъ 6 недѣльныхъ уроковъ, то какимъ образомъ находятъ возможнымъ для преподаванія исторіи и обличенія раскола и сектантства назначать только 3 урока, между тѣмъ какъ, повторяемъ, преподаваніе обличенія раскола и сектантства должно быть поставлено непремѣнно практически, каждый урокъ по обличенію раскола или сектантства долженъ быть не сообщеніемъ только извѣстныхъ теоретическихъ свѣдѣній, и воспроизведеніемъ полемико-апологетической противораскольничьей или противосектантской бесѣды.

Итакъ, по нашему мнѣнію, которое, какъ намъ кажется, вытекаетъ изъ современныхъ запросовъ жизни, думать въ настоящее время, особенно послѣ изданія указа 17 апрѣля объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости, объ ослабленіи или почти полномъ упраздненіи миссіонерскаго образованія въ нашихъ семинаріяхъ для будущихъ пастырей церкви едва ли умѣстно и соотвѣтственно интересамъ св. Православной Церкви. Какова должна быть соотвѣтственно нуждамъ времени и дѣйствительнымъ жизненнымъ интересамъ Церкви постановка миссіонерскаго образованія въ духовной семинаріи, этотъ вопросъ компетентно и справедливо, дастъ Богъ, разрѣшатъ люди жизни и опыта въ лицѣ архипастырей—членовъ Св. Синода, гдѣ проектъ реформы духовной школы будетъ еще разсматриваться, а затѣмъ въ лицѣ архипастырей и пастырей Церкви, имѣющихъ собраться на всероссійскій церковный соборъ, на которомъ выработанный проектъ долженъ будетъ, вѣроятно, получить послѣднюю санкцію.

А. Высотскій.

Записка по вопросамъ о расколо-сектантствѣ и объ устройствѣ миссіи.

Борьба не съ иновѣріемъ только, но и съ инославіемъ, въ разнородныхъ видахъ сектантства и всякаго религіознаго неправомыслія, составляетъ исконную задачу Церкви. Всегда и и всѣ ее сознавали и никто никогда не оспаривалъ. Религіозно-церковный индифферентизмъ всегда считался явленіемъ аномальнымъ. Сказать: „вѣруй, какъ хочешь и принадлежи къ какой угодно церковной общинѣ и достигнешь цѣли бытія“ значитъ отрицать всякое значеніе содержанія вѣры и авторитетъ церкви. Расколъ или раздоръ съ Церковію есть вражда противъ нея и въ этой враждѣ весь его смыслъ. Не двуперстіе, или посолоніе и проч. зазорны; зазорно то, что изъ-за этого враждуютъ. Въ иныхъ, чуждыхъ благовѣствованію Христову вѣрованіяхъ (догматахъ) заключается то, что принято называть „ересью“. Въ этихъ положеніяхъ исходный пунктъ настоящихъ объясненій и предначертаній. До послѣдняго времени въ борьбѣ съ сектами принимало у насъ участіе и гражданское правительство изданіемъ разныхъ воспретительныхъ законовъ. Обстоятельство это отодвигало какъ-бы на второй планъ чисто духовныя воздѣйствія словомъ вразумленія, мало того: оно направляло и дѣятельность духовенства на несвойственную ему роль быть болѣе всего надзирателями надъ противозаконными дѣяніями расколосектантовъ. По донесеніямъ священниковъ и по почину мѣстныхъ духовныхъ властей вчинались и судебные процессы. Высочайшимъ указомъ 17 апрѣля положеніе дѣла круто измѣнилось. Для внѣшнихъ правительственныхъ запретовъ не осталось почти и мѣста; пастыри церкви не призываются уже ни къ какому административному надзору. Такъ, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ по смыслу указа, хотя частные законы многіе еще не измѣнены принятымъ юридически порядкомъ и не исключены изъ существующихъ кодексовъ. Церковному пастырству указы-

вается одинъ путь *духовнаго* воздѣйствія. Является отсюда вопросъ: достаточно ли наши пастыри къ этому подготовлены и въ силахъ ли справиться одни, каждый въ своемъ мѣстѣ? Не требуется ли имъ помощь извнѣ, отъ такъ называемыхъ „миссіонеровъ“ или спеціально свѣдущихъ людей, причемъ самое названіе „миссіонера“ лучше замѣнить какимъ либо другимъ именемъ, болѣе скромнымъ въ родѣ „катихизатора“, „проповѣдника“ или какъ-нибудь иначе. Въ настоящее время помощь свѣдущихъ въ миссіонерскомъ дѣлѣ людей является неотложною и чѣмъ больше окажется такихъ свѣдущихъ людей, тѣмъ лучше. Уравновѣшеніе отношеній между пастырями и людьми, имъ помогающими, неприходными, можетъ опредѣляться особыми на сей предметъ инструкціями, утвержденными мѣстными преосвященными. Во всякомъ случаѣ свобода и независимость пастырскаго вліянія не должна никоимъ образомъ быть ими стѣсняема.

Изъ сказаннаго и является первый вопросъ: какъ поставить миссіонерскій (проповѣднический) институтъ? Въ настоящее время de facto онъ хотя и существуетъ, но de jure нѣтъ. Все зависитъ отъ личныхъ чисто взглядовъ и отношеній мѣстныхъ преосвященныхъ и по большей мѣрѣ отъ разныхъ Братствъ и другихъ частныхъ учрежденій, которыя по принятымъ ими задачамъ, заботятся о поддержаніи миссіонерскаго дѣла. Но разъ сознана необходимость въ особыхъ спеціальныхъ дѣятеляхъ, необходимо создать имъ и соотвѣтствующее положеніе. Не говоря о дѣятеляхъ второстепенныхъ такого или иного рода, занимающихъ въ общественной лѣстницѣ свое мѣсто, попеченіе о которыхъ можетъ быть всецѣло возложено на означенныя просвѣтительныя учрежденія и на епархіальныя начальства, располагающія мѣстными средствами, нельзя не обратить вниманія на существующихъ, такъ называемыхъ, миссіонеровъ епархіальныхъ. Въ настоящее время эти миссіонеры, не занимающіе никакихъ другихъ должностей и всецѣло отдавшіе себя на служеніе своему дѣлу, будучи въ священномъ санѣ, состоятъ приписными сверхъ штата священниками къ какимъ либо церквамъ, а не имѣющіе священнаго сана, хотя и окончившіе даже академическое образованіе, псаломщиками. Ясно, что ихъ правовое по службѣ положеніе совершенно неестественно; первые имѣютъ еще права на протоіерейскую пенсію, послѣдніе ничего. Между тѣмъ обязанности ихъ очень тяжелыя и отвѣтственныя— по крайней мѣрѣ со стороны нравственной. Провести 4-часовую бесѣду терпѣливо съ достоинствомъ и безъ нервнаго разд-

раженія руководить массою, толково разъясняя казуистическіе вопросы, при томъ же знать, что далѣе ожидаетъ перетолкованіе, а нерѣдко и прямая клевета, которую нужно будетъ разоблачать,—это прямо подвигъ...

Какое же было бы справедливымъ создать имъ положеніе?

Обсуждая поставленный вопросъ, мы сочли соотвѣтствующимъ обязанностямъ епархіальнаго миссіонера остановиться на близкомъ по задачѣ служенія положеніи епархіальнаго наблюдателя церковныхъ школъ. Какъ послѣдній поставленъ во главѣ образованія дѣтей въ духѣ церковномъ, такъ первый стоитъ во главѣ церковно-просвѣтительнаго воздѣйствія на взрослыхъ, смущаемыхъ ложнымъ проповѣданіемъ,—въ чемъ чувствуется не меньшая потребность. При томъ обязанности послѣдняго лишь контролирующія и внѣшне-административныя, не соединенныя въ сущности ни съ какою личною отвѣтственностію и сверхъ того во многомъ, если не во всемъ, онъ можетъ укрыться за Училищнымъ Совѣтомъ. Миссіонеръ долженъ дѣлать дѣло *самъ*, быть передовымъ бойцомъ, другихъ же направлять и руководить, укрыться ему не за кѣмъ. И по своей подготовкѣ онъ долженъ стоять выше, обладая, кромѣ обще-богословскихъ и педагогическихъ, знаніями еще спеціальными. Наконецъ, требуется отъ него и больше народничества, такта и умѣнья держать себя предъ другими, никого противъ себя не возбуждая. Все это обязанности, а права какія?

Существующая безправность миссіонеровъ продолжаетъ такое нежелательное явленіе, что прослужившіе въ означенномъ званіи 10—15 лѣтъ стараются перемѣнить свою службу, хотя и на менѣе обезпеченную, но на болѣе опредѣленную. Мѣста ихъ занимаютъ новички, бываетъ, очень неподготовленные, отъ чего все дѣло очевидно проигрываетъ. Какъ быть, чтобы не было послѣдняго? Для этого желательно, чтобы епархіальными миссіонерами назначались лица, послужившія уже въ семинаріяхъ, преподаватели по расколу-сектантству, извѣстные своею практическою дѣятельностію съ такимъ расчетомъ, чтобы ихъ служба зачлась въ пенсію и чтобы по выслуженіи оной, они могли снова, если силы не позволятъ продолжать миссіонерское служеніе,—занять мѣста преподавателей семинарій, сохраняя пенсію. Въ этомъ нѣсколько другая система въ сравненіи съ приравненіемъ миссіонеровъ съ наблюдателями церковныхъ школъ, но что же нибудь необходимо сдѣлать, смотря по средствамъ. Оставлять дѣло въ такомъ положеніи, въ какомъ находится оно теперь, прямо невозможно. На основаніи сказаннаго было

бы справедливо сравнять епархіальныхъ миссіонеровъ по службѣ и по пенсіи съ епархіальными наблюдателями церковныхъ школъ, назначать и утверждать ихъ по представленіямъ мѣстныхъ преосвященныхъ и по исполненію обязанностей поставить въ непосредственную зависимость отъ епархіальныхъ лишь преосвященныхъ, минуя другія учрежденія, за исключеніемъ учрежденій миссіонерскаго характера, въ Совѣтахъ коихъ они должны быть непремѣнными членами. При этомъ образовательный ихъ цензъ долженъ быть академическій. Существующіе теперь миссіонеры, хотя и низшаго образованія, по признаніи преосвященными ихъ полезности, могутъ оставаться на своихъ мѣстахъ и пользоваться всѣми означенными правами.

Что касается простецовъ, то они, хотя и могутъ быть хорошими спеціалистами и опытными бесѣдниками и, наконецъ, людьми близкими къ народу, но не могутъ быть руководителями другихъ, а тѣмъ болѣе составителями какихъ либо предначертаній и изобрѣтателями духовныхъ мѣропріятій, требующихъ богословскаго, каноническаго и археологическо-литургическаго образованія, такъ какъ и цѣли практическія не должны, да и не будутъ достигаться съ нарушеніемъ основныхъ нормъ церковной жизни. (Такова предоставленная православнымъ священникамъ возможность уходить безнаказанно со стороны церковной власти къ бѣглопоповцамъ).

Само собою понятно, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ могутъ быть не одинъ, а два епархіальныхъ миссіонера: одинъ противостарообрядческій (съ церковной чисто точки зрѣнія „противораскольническій“, такъ какъ со старообрядствомъ, какъ *таковымъ*, борьбы быть не можетъ и не должно), другой противосектантскій. Совмѣщеніе въ одномъ лицѣ обязанностей того и другаго весьма нежелательно по причинѣ разнообразія источниковъ и пріемовъ и по существу самыхъ вопросовъ, какіе выдвигаются противными сторонами: что важно въ глазахъ одной противной стороны, то совсѣмъ не важно или не нужно въ глазахъ другой, и оріентироваться одному человѣку во всей массѣ разнообразнѣйшихъ источниковъ просто не подъ силу.

Подъ руководствомъ епархіальныхъ миссіонеровъ и при непосредственномъ ихъ участіи и можетъ въ каждой епархіи, по мѣрѣ надобности и наличныхъ силъ, образовываться своего рода дружина миссіонерскихъ дѣятелей, въ которую могутъ призываться лица всѣхъ званій и состояній. Задача епархіальнаго миссіонера сплотить ихъ между собою, а епархіальныхъ начальствъ озаботиться изысканіемъ средствъ, чтобы каждаго

вознаградить за труды, поглощающіе его время, и поощрить труженика, поддерживая его энергію своимъ вниманіемъ.

При предполагаемомъ устроеніи просвѣтительно-миссіонерскаго дѣла является уже аномаліею существованіе какого-то сверхъепархіальнаго (Синодальнаго) миссіонера, не то начальника надъ другими, вмѣшивающагося и въ дѣла епархіальнаго управленія, безъ всякаго юридическаго права, не то, не знаемъ, какъ и выразиться. Если же было бы признано полезнымъ имѣть общее руководящее лицо, то оно должно быть выше другихъ, какъ по спеціальному знанію, такъ и по общему богословскому образованію,—состоя безъ сомнѣнія, въ непосредственномъ вѣдѣніи центральной власти. Но и при этомъ скорѣе всего на дѣлѣ вышла бы таже неестественность и давленіе на епархіальную миссію. Посему, если бы гдѣ понадобились лучшіе руководители и бесѣдники, чѣмъ какіе имѣются, то сами преосвященные могли бы приглашать ихъ въ свои епархіи.

Спеціальные миссіонеры отъ малаго и до большого,—суть помощники пастырству. Но какія дать указанія самимъ пастырямъ? Безъ сомнѣнія, прежде всего хорошо было бы спросить ихъ самихъ, и тѣхъ именно изъ нихъ, которые поставлены въ непосредственныя отношенія къ расколо-сектантству,—но не посторонних, могущихъ разсуждать лишъ апріорно, а иногда и тенденціозно. Нужно узнать отъ нихъ самихъ, какъ они ведутъ дѣло церковнаго домостроительства и гдѣ и въ чемъ со стороны миссіонерскаго дѣланія затрудняются, чтобы явиться имъ на помощь.

1) На бывшемъ въ Казани въ сентябрѣ 1905 года Миссіонерскомъ съѣздѣ и былъ поставленъ и обсуждаемъ вопросъ „о привлеченіи къ миссіонерскому дѣлу церковныхъ пастырей". Съѣздъ, по заявленіямъ пастырей—миссіонеровъ, справедливо остановился на двухъ обстоятельствахъ сближенія пастыря съ своими прихожанами въ виду облегченія пастырскаго на нихъ вліянія. И прежде всего на общности чистаго, честнаго труда, въ родѣ пчеловодства, садоводства и т. п. Здѣсь, на нейтральной почвѣ легче сближаться даже и съ раскольничествующими прихожанами и пріобрѣтать ихъ довѣріе. Съ другой же стороны въ жизни церковной являются полезными нѣкоторыя приспособленія къ излюбленнымъ народомъ обычаямъ, не нарушающимъ, конечно, существа вѣры, изъ коихъ нѣкоторые и нашею Церковію узаконяются, а иные разрѣшаются церковною властью; таковы для при-

мѣра: наложеніе епитиміи,—хотя и не тяжелой, на кающихся, употребленіе въ частныхъ случаяхъ двуперстнаго благословенія, положеніе предъ началомъ церковныхъ службъ и по окончаніи оныхъ, такъ наз., „начала“, т. е. произнесенія вслухъ молитвеннаго возглашенія: „Боже, милостивъ буди ми грѣшному“ и проч. чтеніе тропаря празднику, или храму въ началѣ и „Достойно“ или Задостойника въ концѣ. (Здѣсь можетъ быть и не все такъ, какъ принято старообрядцами). Само собой понятно, что такая приспособляемость можетъ быть рекомендована тамъ, гдѣ она могла бы быть полезною въ смыслѣ привлеченія народа къ Церкви.

Вопросъ о приспособляемости возбудилъ, правда, на общемъ засѣданіи миссіонеровъ съ депутатами отъ духовенства, бывшими на Епархіальнымъ съѣздѣ, пререканія и возраженія со стороны нѣкоторыхъ, особенно городскихъ священниковъ. Но эти пререканія были сплошнымъ недоразумѣніемъ, тѣмъ болѣе необъяснимымъ, что помимо данныхъ уже церковною властію указаній и разрѣшеній (благословлять двуперстно),—рѣчь шла о потребностяхъ деревни и при томъ извѣстнаго рода мѣстностей. По существу начало приспособленіямъ, не касающимся существа вѣры, положилъ еще св. Апостолъ Павелъ, обрѣзавшій нѣкогда Тимоѳея и сказавшій о себѣ: „съ іудеемъ былъ я, какъ іудей, съ еллиномъ, какъ еллинъ, всѣмъ бывъ вся, да всяко нѣкіи пріобрящу“. (1 Коринѳ. 9, 20—23). „Мы сильніи, говорилъ онъ и въ другомъ мѣстѣ, немощи немощныхъ должны носити, а не себѣ угождати“. (Римл. 15, 1).

2) Но это только начало, какъ бы зародышъ пастырско-миссіонерскаго воздѣйствія, а не конецъ его и даже не продолженіе, это лишь первая ступень длинной лѣстницы. Въ чемъ же должно заключаться продолженіе? Объ этомъ даны уже подробныя указанія частію въ распоряженіяхъ Св. Синода, частію Миссіонерскими съѣздами. Очень хорошую ихъ группировку представляетъ изданная редакціею „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ „*Пастырская миссіонерская памятка*“. Полезно было бы пересмотрѣть эту „Памятку“ и, исправивъ, примѣнительно къ обстоятельствамъ и потребностямъ настоящаго времени, издать вновь, *по благословенію высшей церковной власти* для всеобщаго руководства. Бывшій въ Казани съѣздъ и просилъ уже сдѣлать это своего предсѣдателя (профессора Казанской Духовной Академіи Ивановскаго), совмѣстно съ преподавателемъ Казанской Духовной Семинаріи священникомъ Н. Воронцовымъ.

3) Верхомъ миссіонерскаго воздѣйствія являются, безпорно бесѣды (публичныя или частныя), требующія спеціальныхъ поз-

наній,—обладая которыми пастырь могъ бы обходится и безъ посторонней помощи; это такія познанія, чтобы онъ могъ, дѣйствительно, дать неопровержимый отвѣтъ о словеси своего упованія, обличить лжеумствованія и вольнодумства и защитить церковь православную отъ всѣхъ извѣтовъ. Но объ этомъ рѣчи и надежды на рядовыхъ пастырей далеко еще впереди. Хитрая казуистика расколо-сектантства придумала слишкомъ много запросовъ и обвиненій противъ православія нашей церкви, по существу хотя и мелочныхъ, но практически въ глазахъ народа кажущихся весьма важными, съ самымъ понятіемъ объ ученіи Христа-Спасителя связанными, а при этомъ и слишкомъ большую изворотливость въ защиту своихъ доктринъ. И широкій умъ и богатая начитанность не всегда способны сладить съ этимъ, чтобы распутывать искусно затянутые узлы софизмовъ и сразу показать свѣтъ истины. Поэтому, по отношенію къ рядовымъ приходскимъ пастырямъ можно говорить о познаніяхъ не болѣе, какъ посредственныхъ, могущихъ удовлетворять безхитростнымъ вопросамъ своихъ прихожанъ, чтобы они не мутились совѣстью въ своихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ. Для пріобрѣтенія и такихъ знаній необходима прежде всего предварительная школьная подготовка, при которой вступившему въ жизнь пастырю была бы облегчена возможность усовершенствовать себя и съ этой стороны путемъ чтенія и личнаго опыта.

Вопросъ о школьной подготовкѣ уже поставленъ и разрѣшенъ нами въ статьѣ „Наканунѣ объявленія полной вѣротерпимости“ (Правос. Собесѣд. 1905 г. и отд. оттиски). Въ школѣ и теперь преподается ученіе о расколѣ и о сектахъ со стороны исторической и полемической. Но еще на Казанскомъ Миссіонерскомъ съѣздѣ, въ 1897 г. сознана была необходимость въ пересмотрѣ программъ преподаванія означенныхъ предметовъ. Четыре года назадъ программы были пересмотрѣны при учебномъ комитетѣ при Святѣйшемъ Синодѣ. Но дѣло это такъ и заглохло. Теперь существенно необходимымъ представляется, прямо злобою дня, пересмотрѣвъ ихъ снова,—при участіи людей не теоріи только, но и практики,—ввести по нимъ преподаваніе и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Вмѣстѣ съ этимъ, предметамъ этимъ должно быть отведено въ школахъ наиболѣе видное мѣсто.

Въ школѣ высшей, откуда поступаютъ преподаватели въ семинаріи, пусть и не всѣ этому учатся,—у большинства другія поприща жизни,—но кто уже захотѣлъ учиться, то учился бы

какъ слѣдуетъ, не третируя предмета, какъ малопотребнаго, могущаго развѣ только на случай пригодиться. При этомъ необходимо рекомендовать г.г. профессорамъ академій, чтобы они не обходили „полемики“, какъ науки скучной, безъидейной, даже мелочной. Дѣло впрочемъ и не въ мелочахъ, а въ томъ, чтобы не путемъ только научныхъ чтеній, а демонстративнымъ, наглядным ознакомлять будущихъ семинарскихъ преподавателей съ первичрыми источниками полемики и главнѣйшими наилучшими пособіями,—указывая и ихъ недостатки, дабы потомъ не повторять ихъ,—а также и съ новѣйшими старообрядческими произведеніями. Все это при ознакомленіи и съ общей системой вопросоотвѣтовъ, и эту науку сдѣлаетъ нескучною, а жизненною и интересною. Исторія же расколо-сектантства и сама по себѣ очень интересна. Расколъ и сектантство (раціоналистическое и мистическое) могутъ даже и раздѣлены быть между двумя профессорами, починъ чему сдѣланъ уже въ Московской Академіи.

2) Въ ближайшей къ сельскимъ пастырямъ средней школѣ должно, по возможности, быть увеличено число уроковъ, хотя и немного (1—2). Но дѣло, впрочемъ, не въ количествѣ только уроковъ, а опять въ самомъ преподаваніи, чтобы поставить его на жизненную почву. Поясняя послѣднія слова, мы не имѣемъ въ виду сказать, чтобы въ каждой семинаріи велись публичныя бесѣды въ присутствіи воспитанниковъ. Гдѣ онѣ ведутся, пусть будутъ. (Въ настоящее время публичныя бесѣды вступили въ такой фазисъ развитія, что на нихъ много затуманивающихъ сознаніе пустословій, съ примѣсью непорядочныхъ словъ и выраженій). Желательно, чтобы преподавателю было время, если не по утрамъ, то по вечерамъ устроять въ семинаріи домашнія бесѣды, въ присутствіи, если то возможно, и учениковъ V класса и всѣхъ желающихъ. При такомъ обмѣнѣ мыслей, чуждымъ улицы, учились бы сдержанности, добропорядочности и знанію дѣла. На этихъ домашне-школьныхъ бесѣдахъ выработывалась бы гибкость мысли, свобода слова, знакомство съ тѣми мѣстами изъ разныхъ книгъ и ихъ сочетаніями, какое потребно въ данное время. Такія бесѣды могли бы быть практической школой, въ тоже время очень занимательными, такъ какъ будили бы мысль. Расколъ не спитъ: одно мѣсто или одну книгу „вышибутъ у него изъ рукъ“ (разъяснятъ, опровергнутъ), хватаются за другую, перечитываютъ многотомныя произведенія письменности, чтобы отыскать нѣсколько подходящихъ мѣстъ, мало кому извѣстныхъ, въ отрывкахъ, которыя и выдвигаютъ. Теперь налегли особенно на творенія блаженнаго Іеронима. Полемика съ

расколомъ такимъ образомъ, годъ отъ году мѣняется и за всѣми этими измѣненіями слѣдить необходимо, не довольствуясь одними руководствами и извѣстными пособіями. Когда подготовленный къ пастырскому служенію семинаристъ будетъ обо всемъ этомъ, хотя и въ общихъ чертахъ, освѣдомленъ, то, поступивъ на приходъ, онъ будетъ уже знать, что и какъ дѣлать и что сказать, или по крайней мѣрѣ, гдѣ о чемъ прочитать, а не будетъ ошеломленъ тѣмъ, что старообрядецъ вычитывать станетъ. Для него не будетъ уже такихъ сюрпризовъ (какъ теперь), что и не особенно начитанный старообрядецъ можетъ ставить его въ затрудненіе по вопросу, напримѣръ, о томъ, православно ли двуперстіе, было ли оно въ Россіи и въ другихъ древнихъ церквахъ во время „благочестія“ и можно ли имъ знаменоваться человѣку строго *православному*, или почему священникъ самъ не молится двуперстно, или что такое единовѣріе и можно ли совершать богослуженіе совмѣстно съ единовѣрческимъ священникомъ, или на сколькихъ просфорахъ совершается литургія и др. под. Для пастыря церкви, имѣющаго уже достаточный запасъ знаній, хотя и общихъ (средняя школа не можетъ дать видныхъ спеціалистовъ), вынесшаго изъ школы правильный только взглядъ и надлежащія понятія, не трудно будетъ сказать здравое слово по подобнымъ вопросамъ, затѣмъ совершенствоваться и далѣе посредствомъ чтенія или разъясненій болѣе свѣдущаго лица; этимъ разъясненіямъ, иногда сложнымъ и обстоятельнымъ, будетъ уже къ чему привиться, такъ что они могутъ быть вполнѣ усвоены“.

Могутъ замѣтить, что усиливая урочныя и неурочныя даже занятія по изученію раскола и сектантства, мы вносимъ новую, непосильную тяготу для учащихся. Многопредметность съ обширными программами, и безъ того подавляя память, затемняетъ сознаніе и ослабляетъ логическое развитіе. Нельзя накладывать на лошадь возъ не по силамъ: повезетъ она, да и изъ силъ выбьется и неспособна станетъ къ дальнѣйшей работѣ. Нельзя не признать вѣрности такого замѣчанія. Многопредметность страшная, программы невозможно обширныя. Конечно, съ академической точки зрѣнія всякое знаніе полезно и чѣмъ больше его, тѣмъ лучше; но въ семинаріяхъ мы готовимъ не ученыхъ энциклопедистовъ, а пастырей церкви, людей жизни, а не кабинета. Поэтому все то, чего наиболѣе требуетъ жизнь, и должно быть предметомъ особаго вниманія и заботливости. Остальное многое и обширное изъ области чисто теоретической можетъ, если является необходимость, быть урѣзано и сокращено. Съ ограниченностію

силъ необходимо считаться и лучше знать меньше, но отчетливо, чѣмъ много, да не ясно.

Отъ школы переходимъ къ жизни. И здѣсь не можемъ не повторить сказаннаго въ той же статьѣ.

„И хорошо подготовленный священникъ одинъ въ приходскомъ полѣ не воинъ. Необходимо группировать около себя другихъ, болѣе ревностныхъ къ церкви прихожанъ, болѣе отзывчивыхъ на нужды духовныя, а иногда и матеріальныя, могущихъ помочь ему и въ дѣлѣ борьбы съ иномысліемъ. И такъ не только въ деревняхъ, но и въ городахъ. Изъ этого соображенія вытекаетъ необходимость организаціи разныхъ обществъ,—образованія Братствъ и ихъ Отдѣленій въ городахъ и миссіонерскихъ кружковъ въ деревняхъ.. Въ эти общества и должно главнымъ образомъ привлекать людей изъ мірянъ, которые такимъ или инымъ путемъ и доселѣ оказывали и будутъ оказывать поддержку и содѣйствіе пастырямъ“. Въ настоящее время Святѣйшій Синодъ, озабоченный возрожденіемъ приходской жизни, дабы всѣхъ прихожанъ привлечь къ активной дѣятельности, уже предписалъ озаботиться образованіемъ приходскихъ Совѣтовъ съ болѣе широкими задачами. (Опредѣленіе Святѣйшаго Синода 18 ноября 1905 года № 5900). Но пока эти предначертанія не проведены еще въ жизнь и какъ осуществятся, сказать трудно. Поэтому невозможно игнорировать означенныхъ существующихъ уже мѣстами обществъ съ спеціальными задачами, тѣмъ болѣе, что члены ихъ могли бы составить ядро предначертанныхъ приходскихъ Совѣтовъ и сплоченія всей приходской общины. И такъ, рѣчь о Братствахъ съ ихъ Отдѣленіями и о кружкахъ.

1. „Уже около 40 лѣтъ назадъ, у насъ сознана была нужда въ привлеченіи мірянъ къ содѣйствію пастырямъ въ охраненіи интересовъ церкви и къ живому развитію церковно-общественной жизни. Годъ отъ году постоянно образовывались миссіонерскія и просвѣтительныя братства и другія общества, поставлявшія для себя разныя задачи, какія указывала жизнь. Учрежденія эти принесли много пользы. О нихъ говорили и писали, какъ объ учрежденіяхъ жизнедѣятельныхъ. Но въ послѣднее время, близкое къ настоящему, вѣянія какъ то измѣнились, живое участіе общества стало игнорироваться, самая идея братствъ съуживаться. Общество, такимъ образомъ, отдалялось отъ дѣлъ и жизнь очень многихъ братствъ захудала. Отъ какихъ причинъ все это происходило, сказать трудно. Можетъ быть, въ разныхъ мѣстахъ и причины

были разныя, а общая заключалась во всемъ направленіи жизни: въ потерѣ довѣрія къ людямъ не духовнымъ и въ апатіи послѣднихъ къ интересамъ церкви. Поэтому, не раскрывая ихъ, напомнимъ только про основную идею Братствъ, что это есть живой, свободный, *желанный* союзъ духовенства и народа, пастырей и мірянъ „подъ покровительствомъ" мѣстныхъ владыкъ. Не болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ эту мысль нужно было раскрывать и доказывать, теперь это уже не требуется. Перемѣна взглядовъ и понятій происходитъ съ такою головокружительною быстротою, что то, что говорилось вчера, стало уже излишнимъ, или непригоднымъ сегодня. Но надѣемся, что идея Братствъ устоитъ надолго, и знающіе дѣло міряне займутъ подобающее мѣсто и въ Совѣтахъ братскихъ, и въ руководствѣ другихъ. Подъ высшимъ, зоркимъ и любвеобильнымъ наблюденіемъ епископа братчики пусть дѣйствуютъ согласно уставамъ по своему усмотрѣнію, гдѣ и какъ находятъ лучшимъ и цѣлесообразнымъ.

Если въ городахъ Братства и другія общества изъ членовъ всѣхъ сословій сплотившіяся, то въ деревняхъ пусть придутъ на помощь пастырямъ, такъ называемые, „миссіонерскіе кружки". Тамъ эти кружки изъ мірянъ еще болѣе вызываются жизнію. И доселѣ въ тѣхъ приходахъ и другихъ мѣстностяхъ, гдѣ въ помощь миссіонеру и священнику являлись 5 — 10 человѣкъ, хотя и немногознающихъ, но преданныхъ церкви, борьба всегда бывала успѣшна и плодотворна. Безъ нихъ рѣдко гдѣ что либо достигалось. Но эти 5—10 человѣкъ дѣйствовали отдѣльно, не связанные между собою. Существенная необходимость теперь связать ихъ. Потребность въ организаціи кружковъ сознана была еще 8 лѣтъ назадъ Казанскимъ Миссіонерскимъ Съѣздомъ (1897 г.), и образованіе ихъ было предписано Святѣйшимъ Синодомъ. Тоже повторено и на бывшемъ (въ сентябрѣ 1905 года), въ Казани, съѣздѣ. Необходимо еще разъ напомнить о семъ духовенству. Иниціативу образованія кружковъ безъ сомнѣнія должны дать пастыри. Нѣтъ надобности съ членовъ этихъ кружковъ требовать и опредѣленныхъ взносовъ, пусть одинъ дастъ, что можетъ и пожелаетъ, хотя 5—10 копеекъ, а другой— свой трудъ, по силѣ возможности. Задача пастырства сплотить ихъ между собою и указать имъ дѣло, которое они и раздѣлятъ. Поэтому нѣтъ надобности писать и подробныхъ правилъ. Всѣ деревенскіе кружки должны входить въ составъ Братствъ, или ихъ отдѣленій, или даже и сами называться таковыми, гдѣ уже принято (дѣло не въ названіяхъ) — которыя

(т. е. Братства) могутъ оказывать имъ и матеріальную помощь. Вообще здѣсь городъ пусть помогаетъ деревнѣ.

Когда такимъ образомъ и наличные свѣдущіе люди займутъ подобающее имъ мѣсто, и приходскіе пастыри будутъ оживленно работать на миссіонерскомъ поприщѣ, ревниво охраняя каждый свою паству, и общество мірянъ всѣхъ званій и состояній выдѣлитъ болѣе или менѣе значительное количество людей способныхъ вести активную борьбу, а всѣ другіе отнесутся къ нимъ сочувственно и съ нравственной поддержкой, словомъ: когда вся церковь выступитъ на дѣло Божіе, тогда можно надѣяться и на желанный успѣхъ борьбы. Тогда съ другой стороны и только тогда и обѣтованіе Господа о неодолѣнности церкви получитъ въ нашихъ устахъ болѣе наглядный, жизненный смыслъ, не будетъ повторяться оно какъ-то безучастно, точно съ нашей стороны ничего и не требуется, а доставитъ намъ отрадную увѣренность, что и мы, входя въ составъ этой неодолѣнной церкви, не покладаемъ рукъ, надѣясь на данныя только обѣтованія, не впадаемъ въ спячку, а являемся борцами за церковь и трудниками ея. Мы про то забываемъ, что Господь, надѣлившій насъ преизобильными духовными дарами, хощетъ, чтобы и мы, пользуясь ими, вносили каждый лепту своихъ трудовъ и подвиговъ въ ея сокровищницу, обогащая ее.

Работая въ наше время, мы должны и о будущемъ подумать, о томъ позаботиться, чтобы и послѣ насъ, не только ученые и пастыри, но и люди изъ народа были болѣе, чѣмъ теперь, готовы къ борьбѣ. Въ этомъ *народная школа* должна сослужить свою службу. Нѣкоторые архипастыри и пастыри положили уже сему начало, а другіе теперь полагаютъ, образованіемъ особыхъ миссіонерскихъ школъ для приготовленія дѣятелей изъ народа. Къ сожалѣнію, уставы этихъ школъ общи, неразработаны и несогласованы, да и результаты отъ нихъ мало извѣстны. Знаютъ ли объ этомъ даже свои епархіи? Ни желательныхъ сообщеній, а тѣмъ болѣе взаимныхъ совѣщаній, хотя бы на миссіонерскихъ съѣздахъ, почти не было и не бываетъ. Всякій проектируетъ дѣло и дѣлаетъ его по личному только своему усмотрѣнію (да нѣкоторыя уже и закрылись,—ясно, что поставлены были нецѣлесообразно). А между тѣмъ школы эти могли бы приносить большую пользу. Необходимо посему постараться воскресить и оживить ихъ. Вышедшіе изъ нихъ могли бы быть борцами за церковь по деревнямъ, своего рода „начетчиками“; они составляли бы ядро „миссіонерскихъ кружк-

ковъ", а въ случаѣ надобности могли бы опредѣляться на низшія хотя, церковныя должности. Для миссіонерскихъ школъ найдутся люди толковые и ревностные, могущіе потомъ вліять на народъ.

Для образованія и надлежащей постановки означенныхъ школъ требуется выработать *въ общемъ* единообразный уставъ, съ указаніемъ задачъ, содержанія и методовъ преподаванія. Въ подробныхъ программахъ и регламентаціяхъ надобности не видится. Пусть предоставлена будетъ свобода школьнымъ совѣтамъ и преосвященнымъ дѣлать измѣненія въ частностяхъ, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ. Если бы Святѣйшему Синоду благоугодно было утвердить проектъ „миссіонерской школы" въ Нижнемъ Новгородѣ, то его можно было бы принять за образецъ.

Нельзя пройти далѣе молчаніемъ и существующихъ народныхъ школъ, особенно „церковныхъ", которыя также не могутъ стоять въ сторонѣ отъ церкви и ея задачъ. Съ этой стороны и онѣ потребуютъ нѣкоторой реформы. Намъ (собственно Церкви) не особенно нужны грамматисты, ариѳметисты, чистописатели, намъ нужны *главнымъ образомъ* люди церкви, преданныя, ревностныя, подготовленныя ея чада. Большихъ миссіонерско-спеціальныхъ знаній, конечно, невозможно дать дѣтямъ, но заинтересовать ихъ той обстановкой, въ которой они живутъ, ознакомить съ самыми общими понятіями—и возможно и обязательно. И это прямой долгъ школьныхъ руководителей. Поэтому не требуется ли теперь, пересмотрѣвъ программы по предаванію Закона Божія, ввести въ нихъ и сообщеніе спеціальныхъ нѣкоторыхъ свѣдѣній, какъ то рекомендовано было тѣмъ же Казанскимъ съѣздомъ и разрѣшено Святѣйшимъ Синодомъ (опред. отъ 18 іюня 1897 года, „Церк. Вѣдом." № 28). Необходимость такого улучшенія въ церковныхъ школахъ тѣмъ болѣе назрѣла, что старообрядческіе „настоятели" и „наставники" получили право преподавать въ существующихъ школахъ дѣтямъ своихъ единовѣрцевъ Законъ Божій. Значитъ, на ряду съ православнымъ законоучителемъ явится и другой, вчерашній безправный „раскольникъ" явится, какъ полноправный. Думаемъ впрочемъ, что картина получится другая: старообрядцы будутъ открывать свои школы, въ которыя и отвлекутъ многихъ дѣтей. Есть о чемъ тутъ подумать.

Что же и какъ дѣлать по улучшенію преподаванія Закона Божія въ мѣстностяхъ съ старообрядческимъ населеніемъ? На этотъ вопросъ можно отвѣтить такъ, чтобы и ломки большой

не было и вопросъ болѣе или менѣе разрѣшался. Будемъ имѣть школы начальныя и высшихъ типовъ (второклассныя и учительскія семинаріи). Въ первыхъ школахъ, взявъ въ руки существующую программу, можно сдѣлать указанія, какіе вопросы въ отношеніи къ расколо-сектантству полезно было бы предлагать и разрѣшать, не входя при этомъ ни въ какую полемику и даже ни на кого не указывая. Вотъ два-три примѣра. Урокъ о почитаніи Креста Христова. Можно описать его разные виды, съ поясненіемъ, что они равночестны. Урокъ о крестномъ знаменованіи себя. Хорошо объяснить внутреннее значеніе перстосложенія,—что въ троеперстномъ и двуперстномъ заключаются однѣ и тѣ же мысли и, значитъ, можно знаменоваться такъ и иначе, не чуждаясь другъ друга. Урокъ о Спасителѣ. Можно войти въ разъясненіе начертанія его имени (*Іисусъ*, *Ісусъ*),— что эти начертанія одно и то же лицо означаютъ. Урокъ объ исповѣди. Хорошо спросить: можетъ ли несвященникъ *разрѣшить* грѣхи отъ имени Божія, и отвѣтить, какъ слѣдуетъ. Нѣкоторыя свидѣтельства о Христовой Церкви, объ іерархіи, о таинствѣ св. причащенія требуется подчеркивать, чтобы сильнѣе запечатлѣть ихъ въ сознаніи и памяти дѣтей. Ученіе объ антихристѣ нѣсколько дополнить (примѣнительно къ тому, какъ учатъ безпоповцы). И все это и многое другое сдѣлать кратко, сердечно, какъ-бы попутно. Думаемъ, что при сдѣланныхъ указаніяхъ,—примѣрныхъ, и все другое подобное выполнить будетъ нетрудно всякому законоучителю, не становясь въ тоже время ни съ кѣмъ въ какой-либо антагонизмъ и не возбуждая личныхъ неудовольствій. А для дѣтей это будетъ весьма полезно.

Для школъ болѣе высшихъ типовъ можно и особую программу составить по исторіи и обличенію расколо-сектантства, но краткую, и отдѣлить на нее нѣсколько уроковъ. Эта программа въ каждой епархіи можетъ быть не одинакова, смотря по мѣстнымъ условіямъ, гдѣ—расколъ и гдѣ—сектантство, такое, или иное. Во всякомъ случаѣ въ программу исторіи должна быть введена краткая характеристика всего расколо-сектантства, а въ программу обличенія—замѣчанія объ ученіи сектъ наличныхъ. Впрочемъ, если высшею церковною властью признана будетъ цѣлесообразность нашихъ словъ, то частности безъ особаго труда могутъ быть разрабатываемы по указаніямъ мѣстныхъ нуждъ и опыта. Одно можно сказать, что вышедшіе изъ школъ съ свѣдѣніями, касающимися указанныхъ предметовъ, и душевно преданные церкви люди всегда встрѣтятъ любовь народную и принесутъ несомнѣнную пользу.

Если, Богъ дастъ, церковная жизнь забьетъ живымъ ключемъ,—о чемъ теперь думаютъ крѣпкую думу всѣ радѣтели церковнаго устроенія,—то и все то, что сказано, дастъ немалую струю живой воды. Для того, чтобы провести сказанное въ жизнь, требуется много и много работы.

Единовѣріе и возникающіе въ немъ вопросы.

Въ связи со старообрядческимъ церковнымъ „расколомъ“ стоитъ вопросъ о „единовѣріи“.

Единовѣріе, какъ *учрежденіе*, безспорно, и законно и цѣлесообразно. Законно оно потому, что разнообразіе въ предметахъ, существа вѣры не касающихся, всегда было, есть и будетъ. И это не только между частными церквами, но и приходами одной и той же помѣстной церкви. И у насъ въ до-николаевское время, при единовременномъ существованіи и употребленіи печатаемыхъ въ разное время богослужебныхъ книгъ, было не мало разностей въ чинахъ и обрядахъ. Особенно разнятся въ этомъ потребники патр. Филарета и п. п. Іоасафа I и Іосифа. Цѣлесообразно оно потому, что многіе, при допущенномъ употребленіи старыхъ обрядовъ, вошли въ единеніе церковное, безъ чего совѣсть претила имъ сдѣлать это по укоренившейся привычкѣ къ извѣстнымъ обрядамъ.

Со стороны практической дѣятельности и ревности о благѣ Св. Церкви единовѣрцы должны бы быть самымъ передовымъ отрядомъ въ нашей миссіонерской арміи и ея развѣдчиками. Они тѣсно соприкасаются со старообрядческой средой и по своему внѣшнему положенію, а частію и по своему настроенію. Кому бы кажется, какъ не имъ именно, и быть передовыми борцами за отечеств. православіе? Но жизнь говоритъ другое. Дѣло въ томъ, что самая эта близость соприкосновенія, при неодинаковомъ душевномъ настроеніи, при двойственности принциповъ, положенныхъ въ основу единовѣрія (единеніе съ православіемъ и общеніе въ таинствахъ и въ тоже время допущеніе церковныхъ особенностей) дѣлаетъ массу единовѣрцевъ чрезвычайно разнообразною. Выдвинутая на передовыя позиціи она вся перепутается, какъ перепутались и мы во взглядахъ на нее. Общество единовѣрцевъ—это поле великое и пространное, на которомъ виднѣются и полные аромата цвѣты, и цвѣточки неароматные, и простая трава, и крапива Требуется пока обрабатывать самое это поле, давая большій просторъ цвѣтамъ чрезъ очище-

ніе разнаго сора и культивируя даже крапиву, наблюдая, не пойдетъ ли цвѣточекъ и около ея корня, или подчищая ея стволъ отъ колючекъ. Тѣ, которые дорожили и дорожатъ первымъ принципомъ, какъ наиважнѣйшимъ, которые проникнуты наиболѣе всего сознаніемъ необходимости церковнаго единенія, расцвѣтали подобно пышнымъ розамъ и на самомъ дѣлѣ становились въ самомъ центрѣ борьбы, создавъ себѣ имя въ исторіи миссіи, и съумѣли сгруппировать около себя и многихъ другихъ. Таковъ былъ, напримѣръ, о. Павелъ (Прусскій). Ученики его, одного съ нимъ духа, не перевелись и теперь. Но есть другіе, которыхъ больше,—тяготѣющіе къ излюбленнымъ особенностямъ, общимъ и съ прямыми противниками церкви, промѣнивающіе церковь съ ея благодатію на обряды и привычные имъ обычаи. До крайности ими увлеченные, они стремились и стремятся поставить единовѣріе на другой путь, путь большаго обособленія отъ православія, почему и затрудняли издавна власть церковную въ рѣшеніи выдвигаемыхъ ими запросовъ и требованій. Эти требованія были, повидимому, очень благовидны, но вездѣ сквозила въ нихъ одна мысль и цѣль, создать изъ общества единовѣрцевъ особую отъ православія церковь, перетянувъ въ нее и многихъ православныхъ, имѣть свое церковное управленіе [1]). Изъ массы людей, мало понимающихъ и инертныхъ, весьма многіе примыкали къ послѣднимъ, давая свои подъ прошеніями подписи,—такъ какъ наглядность казалась имъ яснѣе и заманчивѣе. Оцѣнить же силу и значеніе принциповъ было выше ихъ разумѣнія.

Въ настоящее время при полной вѣротерпимости всплывутъ и всплываютъ уже старые вопросы, а можетъ быть и новые появятся, и церковной власти придется неизбѣжно считаться съ ними на иной, чѣмъ прежде, почвѣ. Обсуждая такое положеніе дѣла относительно Единовѣрія, мы остановились на нижеслѣдующихъ мнѣніяхъ и заключеніяхъ.

1. Чтобы яснѣе каждый могъ представлять себѣ идею Единовѣрія и опредѣлить, какъ должно, взаимныя отношенія между православными и единовѣрцами, необходимо прежде всего пе-

---

[1]) До какой степени доходитъ сепаратическій взглядъ нѣкоторыхъ единовѣрцевъ на православную церковь и ея обряды, видно изъ того, что одна единовѣрка не подошла къ Св. Причастію только потому, что рядомъ съ нею кто-то изъ православныхъ, пришедшій помолиться, знаменовался троеперстно; другая, дошедшая уже до совершенной безсмысленной крайности, серьезно и упорно заявляла, что въ православной церкви господствуетъ апокалипсическій звѣрь *седмиглавый*, и насчитывала семь главъ въ высшемъ церковномъ управленіи.

ресмотрѣть снова „Правила Единовѣрія“ митрополита Платона, имѣя въ виду и нѣкоторыя позднѣйшія въ нихъ измѣненія.

Исходнымъ пунктомъ при такомъ пересмотрѣ должна быть положена коренная мысль о единовѣріи, какъ единой церкви съ православною, хотя и имѣющей нѣкоторыя въ богослуженіи и обычаяхъ особенности, разрѣшенныя и благословленныя. Мысль эта особенно громко и не разъ провозглашалась въ позднѣйшее время высшею властію отечественной церкви. При этомъ должны быть обойдены и исключены разныя оговорки прежняго времени въ родѣ какой-то *временности* единовѣрія, какъ учрежденія церковно-государственной политики, въ надеждѣ и съ цѣлью *полнаго сліянія* его съ православіемъ, т. е. поступленія его особенностями. Будетъ оно, пусть будетъ, не будетъ—пусть живутъ единовѣрцы при своихъ обычаяхъ, въ полномъ успокоеніи, что этихъ обычаевъ никто не тронетъ. Единовѣріе—не больница *только*, какъ выражались лѣтъ 20—30 назадъ, не мостъ *только* къ православію, не притворъ къ храму, а самый храмъ, въ коемъ совершаются всѣ благодатныя дѣйствія, для конечной цѣли нашей жизни необходимыя, храмъ, въ коемъ преподаются одинаковые дары духовнаго возрожденія и укрѣпленія печатью Духа Святаго, разрѣшенія грѣховъ, гдѣ и Жертва Христова и причащеніе единой безсмертной пищи и животворящаго питія. Ничто въ немъ существующее этому не вредитъ и нимало сего не умаляетъ,—до тѣхъ поръ, пока хранится въ единовѣріи единеніе и общеніе съ великою восточно-россійскою православною церковію, безъ чего единовѣріе снова стало бы расколомъ. Это *первое*, это общее начало и почва для дальнѣйшихъ разсужденій и заключеній. Далѣе *второе*, какъ выводное, является желательнымъ частое возможности молитвенное общеніе съ единовѣрцами архипастырей, какъ наглядное показаніе единой церкви, съ соблюденіемъ излюбленныхъ ими обычаевъ, которые необходимо и знать въ совершенствѣ [1]). Обстоятельство это предусмотрѣно частію и правилами митрополита Платона, которыя съ этой стороны требуется уяснить и дополнить. Здѣсь рѣчь опять о тѣхъ же приспособленіяхъ, уже прямо узаконенныхъ, и опять тоже слово Св. Апостола: „Мы, сильніи, немощи немощныхъ должны носити, а не себѣ угождати“. *Третье*, не только желательно, но и прямо необходимо избѣгать всякихъ пререканій о сравнительномъ достоин-

---

[1]) Въ этихъ видахъ, а отчасти и другихъ,—ученыхъ и практическихъ,—признается весьма полезнымъ ввести въ семинарскій курсъ по литургикѣ ознакомленіе съ старыми нашими уставами до патріарха Никона.

ствѣ обычаевъ и обрядовъ, пререканій, которыя не приведутъ ни къ чему хорошему. Если два взрослые *кровные* брата, разошедшіеся между собою, а потомъ примирившіеся, и, *по примиреніи*, будутъ возбуждать старыя недоразумѣнія, доказывая каждый свою правоту и свое превосходство въ предметахъ почти безразличныхъ, то что изъ этого можетъ произойти, кромѣ новой ссоры и отчужденія?.. Людямъ силы и необходимо всячески этого избѣгать, а тѣмъ болѣе непростительно самимъ напрашиваться, молчаливо переносить то, что имъ хотя и не по вкусу и уже не по привычкѣ. Пусть каждый останется при своемъ во имя мира. Эти мысли проводились и учредителемъ единовѣрія митрополитомъ Платономъ. Единовѣріе не есть только вынужденный старообрядцами компромиссъ, но сознаніе церкви въ лицѣ многихъ ея іерарховъ, что старый отмѣненный обрядъ самъ по себѣ спасенію не вредитъ, ибо противнаго правой вѣрѣ ничего въ немъ не заключается.

2. Это одна сторона дѣла. Но есть и другая, съ которой, по малоразвитости единовѣрцевъ, труднѣе считаться и сладить, поставивъ ихъ на высоту надлежащаго пониманія дѣла. О тождествѣ православія и единовѣрія со стороны *догматической*, т. е. о единствѣ церкви и они довольно громко заявляютъ, но практическихъ выводовъ изъ этого не дѣлаютъ, или,—что хуже,—дѣлаютъ неправильные выводы, въ родѣ *своего* единовѣрческаго епископа и т. п. Поэтому мы поставляемъ свою задачею указать, какъ и въ чемъ ихъ можно было бы поправить. Выходя изъ общепризнанной основной мысли *единства церкви*, представляется необходимымъ, во-первыхъ, исключить тотъ пунктъ „Правилъ“ митрополита Платона, въ коемъ говорится о неприглашеніи единовѣрческаго духовенства на общія моленія въ каѳедральный соборъ, что показуетъ разобщеніе его съ православными. Во-вторыхъ, есть нѣчто еще болѣе важное. Разумѣемъ довольно открытое, а иногда и рѣзко выражаемое непризнаніе *святыхъ*, которые жили и канонизованы церковію послѣ патріарха Никона: св. Димитрія Ростовскаго, Иннокентія Иркутскаго, Митрофана Воронежскаго, Тихона Задонскаго, Ѳеодосія Черниговскаго и послѣдняго прославленнаго подвижника Серафима Саровскаго. Если церковь (единовѣрческая и православная) едина, святая и апостольская, то и канонизаціи въ ней угодниковъ Божіихъ обязательно всѣми должны признаваться и всѣми они должны чтиться. Было бы благопристойно праздновать и дни ихъ памяти. Но для того, чтобы избѣжать рѣзкостей и не производить „новшествъ“, столь непріятныхъ единовѣрцамъ, представляется возможнымъ допустить,

чтобы службы помянутымъ святымъ совершались по Общимъ Минеямъ. Въ этомъ ничего особеннаго не будетъ, но празднованіе должно совершаться во имя единства церкви, чтобы заявленіе о церкви единой было не на словахъ только, но и на дѣлѣ. Можно этого въ Правила и не вводить, но въ практикѣ располагать къ сему нетребовательно и нестѣснительно.

Могутъ найтись и другіе пункты, требующіе исправленій, которые сейчасъ трудно предвидѣть. Всѣ таковыя частности могли бы быть разработаны и подвергнуться всестороннему обсужденію въ особой смѣшанной (православныхъ и единовѣрцовъ) комиссіи и внесены на разсмотрѣніе и одобреніе церковной власти. Только болѣе удобопріемлемое, изъ примѣрно сказаннаго, могло бы, по Соборному установленію, приводиться въ осуществленіе и теперь. Наконецъ, необходимо достигнуть единства взглядовъ и дѣйствій мѣстныхъ церковныхъ властей.

3. Переработанныя въ означенномъ духѣ правила Единовѣрія желательно было бы для успокоенія умовъ,—въ виду нѣкотораго несоотвѣтствія самого допущенія къ употребленію „старыхъ“ отмѣненныхъ обрядовъ съ постановленіями Собора 1667 г., при участіи восточныхъ патріарховъ происходившаго, — внести на благословеніе и подтвержденіе восточныхъ патріарховъ, чрезъ особое посланіе отъ имени Высшей Власти Россійской Церкви. Такое представленіе о подтвержденіи единовѣрія восточными святителями представляется тѣмъ болѣе удобопріемлемымъ, что вселенскому патріарху Константинопольскому оно уже вѣдомо, какъ существующее и въ его области (въ Майносѣ). При этомъ по тѣсной связи, неизбѣжно выдвинулся бы и вопросъ о смыслѣ и значеніи клятвъ собора 1667 года, который доселѣ сильно мутитъ умы и требуетъ посему и самъ по себѣ разъясненія со стороны церкви вселенской,—относительно чего и предположенія были лѣтъ около 40 — 30 назадъ, при жизни въ Бозѣ почивающаго Московскаго митрополита Филарета и при его участіи. Вопросъ этотъ въ настоящее (и въ прошедшее) время представляется большинству людей ученыхъ и практически опытныхъ или чѣмъ-то чрезмѣрно затруднительнымъ, или уже слишкомъ легкимъ. Сказалъ, что „клятвы“ положены на противниковъ, и подъискалъ кой-какіе подходящія выраженія, и дѣлу конецъ. Но не нужно забывать, что его рѣшали нѣкогда такіе сильные умомъ, люди, какъ профессоръ Иванъ Ѳеодоровичъ Нильскій и Тертій Ивановичъ Филипповъ, въ своихъ обширныхъ рѣчахъ и не только не пришли къ соглашенію, но и разошлись радикально и одни слушатели и читатели этихъ рѣчей убѣдились въ одномъ,

другіе въ другомъ, противоположномъ. Ясно, что-нибудь—да не такъ, не та была дана самая постановка вопроса. Намъ кажется, что разъясненіе вопроса, болѣе удовлетворяющее и въ духѣ древней (временъ соборовъ) церковной практики возможно. Стоитъ только посмотрѣть на слово „клятва“ съ двухъ сторонъ: какъ на *судъ* современниковъ и какъ на *законоположеніе* для будущихъ поколѣній. Первое—совершившійся фактъ (хотя и судебныя рѣшенія иногда пересматриваются), послѣднее—законъ, съ *угрозою* наказанія, который при измѣнившихся обстоятельствахъ и наличныхъ признакахъ *извѣстныхъ* людей, въ главномъ на своихъ предковъ уже и непохожихъ, можетъ быть и измѣняемъ или, говоря точнѣе, именно *разъясняемъ*. Мысли эти требуютъ, конечно, раскрытія, но въ данномъ случаѣ оно не можетъ быть, даже по недостатку времени, сдѣлано. Довольно сказать, что и разъясненіе клятвъ, по связи съ единовѣріемъ, не невозможно и можетъ быть всѣми принято, за исключеніемъ, конечно, людей тенденціозно упорствующихъ.

„Распри и хулы, писали Московскіе старообрядцы, ищущіе единовѣрія, да не слышатся между содержателями разныхъ обрядовъ“, и митрополитъ Платонъ призналъ это желаніе „благимъ“. Къ сожалѣнію, въ жизни оно недостаточно осуществляется. Требуется, чтобы оно повторено было *соборнъ* отъ лица всей церкви.

Когда по совершенномъ прекращеніи распрей, наступитъ общеніе въ мирѣ, тогда и Богъ мира будетъ съ нами.

4. Помимо общаго благоустроенія Единовѣрія жизнь выдвигаетъ два частныхъ вопроса, какъ требованія со стороны единовѣрцевъ, на которыхъ нельзя не остановиться. Это вопросъ о переходѣ изъ Православія въ Единовѣріе и второй вопросъ о единовѣрческомъ епископѣ. Вопросы эти старые, прошедшіе, можно сказать, чрезъ всю исторію Единовѣрія.

Въ основаніе единовѣрія съ этой стороны положены два несогласующіеся между собою принципа: понятіе *церковнаго единенія* (т. е. что православіе и единовѣріе—одна церковь) и запрещеніе православнымъ переходить въ единовѣріе. Въ этомъ запрещеніи, даже въ запрещеніи исповѣдываться и причащаться православному у единовѣрческаго священника (п.п. 5 и 11 Правилъ митрополита Платона) единовѣрцы видѣли униженіе и даже оскорбленіе единовѣрія, какъ единой съ православною церкви. По существу и значенію первый принципъ догматическій, второй церковно-административный, имѣющій свои практическіе резоны; ибо ни въ какомъ обществѣ (ни даже въ семьѣ) не могутъ быть два *одинаково правовые* порядка, а одинъ будетъ

общимъ „обдержнымъ“, а другой только допустимымъ „смотрительнымъ“ (по усмотрѣнію). Тѣмъ не менѣе послѣдній, какъ только административный, потерпѣлъ уже значительныя измѣненія,—отъ безусловнаго запрещенія всѣмъ „незаписнымъ“ старообрядцамъ (иначе: не отъ рожденія) дѣлаться единовѣрцами, до 5 только лѣтъ пребыванія въ расколѣ съ церковью, причемъ *въ случаяхъ нужды* разрѣшено православному исповѣдываться и причащаться у единовѣрческаго священника. Но и при этомъ запрещеніе православнымъ переходить въ единовѣріе въ общемъ осталось. Правда, лѣтъ 17—18 назадъ вопросъ этотъ былъ поднятъ въ правительственныхъ сферахъ гораздо шире и радикальнѣе, въ смыслѣ совершенно свободнаго желанія оставаться ли православнымъ, или стать единовѣрцемъ. Онъ обсуждался въ Комиссіяхъ при Св. Синодѣ, но рѣшеніе его въ положительномъ смыслѣ оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ, какъ думали тѣ, которые его возбудили. Трудность эта и на самомъ дѣлѣ заключалась не въ догматически-церковныхъ вѣрованіяхъ и соображеніяхъ, ни въ какомъ-нибудь подозрительномъ взглядѣ на такъ наз. „старые“ обряды, какъ то было прежде, а въ той неурядицѣ церковной жизни, какая наступила бы при двустороннемъ противоположномъ требованіи, чтобы духовенство церквей приходскихъ служило бы и по старымъ и по исправленнымъ книгамъ, или одно село раздѣлилось бы на два, съ взаимною конкуренціею и съ колеблющимся количествомъ прихожанъ, да и отъ архіереевъ стали бы требовать перемѣннаго служенія. При томъ реформа эта задѣвала бы и другія стороны церковной жизни и духовнаго образованія пастырей. Такъ по крайней мѣрѣ смотрѣли на дѣло тогда люди установившагося порядка, и проектъ остался безъ осуществленія.

Но въ жизни такія вѣянія времени не остались безслѣдными. Они породили замѣтную нежелательную рознь между дѣйствіями церковныхъ властей и иныхъ вліятельныхъ лицъ и послужили поводомъ къ непріятнымъ недоразумѣніямъ и пререканіямъ. Съ одной стороны усматривается столь ревнивое охраненіе воспретительнаго закона, что если, напримѣръ, во вновь образовавшемся единовѣрческомъ селѣ оказывалось немного семействъ, числящихся православными, то и имъ не позволяли приписываться къ своему храму, единовѣрческому, а оставляли приписанными къ православному приходу, несмотря даже на то, что приходскій храмъ отстоялъ отъ ихъ жительства на 5, на 10 верстъ, при затруднительномъ сообщеніи. Какъ-то не желали понять, укрываясь за буквою, той простой вещи, что въ концѣ концовъ

жизнь притянетъ ихъ къ своему храму и если не ихъ самихъ, то дѣтей ихъ. Или: неужели же ради этого нужно было пробыть имъ 5 лѣтъ въ удаленіи отъ церкви, чтобы потомъ сдѣлаться единовѣрцемъ?! Средство нравственно тяжелое и опасное.

Съ другой стороны, есть люди, руководящіеся мыслію о церковномъ домостроительствѣ (по крайней мѣрѣ по виду и по словамъ), чтобы не ушелъ кто въ расколъ. При перечисленіи изъ православія въ единовѣріе они не задумывались ни надъ какими законами ограничительными и даже надъ обстановкой. Широко раскрывали они двери единовѣрія всѣмъ желающимъ, оказывая имъ свое содѣйствіе и покровительство. Но здѣсь были другаго рода крайности. Бывало, что строили церкви и открывали единовѣрческіе приходы въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ одна треть или даже четверть населенія обратившіеся изъ раскола единовѣрцы, остальные же не чуждались православія, хотя и молились двуперстно. Бывало и еще хуже. Просили и проектировали православные храмы обратить въ единовѣрческіе, измѣнивъ богослужебный чинъ и перемѣнивъ обряды и обычаи. Здѣсь уже являлось нѣчто похожее на смуту, могущее породить соблазнъ и унизить достоинство церкви. Какъ же быть при настоящемъ порядкѣ вещей, когда всѣ свободно могутъ сдѣлаться старообрядцами (раскольниками)? Какъ быть съ тѣми, которые пожелали бы стать единовѣрцами? Такимъ образомъ компетенція власти государственной, открывшей двери вѣроисповѣдной свободы, касается и компетенціи власти церковной относительно единовѣрія. По тщательномъ и всестороннемъ обсужденіи этого вопроса мы пришли къ слѣдующему: а) П. п. 5 и 11 Правилъ митрополита Платона совершенно, какъ мы и сказали уже, отмѣнить. б) Не открывая широко дверей желающимъ перейти изъ православія въ единовѣріе, не обращать вниманія на частные переходы, особенно тѣхъ, которые живутъ ближе къ храмамъ единовѣрческимъ, чѣмъ къ православнымъ. в) Охранять достоинство церкви православной, и г) Каждое затруднительное дѣло разсматривать особо и по данной его обстановкѣ постановлять рѣшеніе, согласно заключеніямъ свѣдущихъ лицъ.

Въ дальнѣйшемъ жизнь подскажетъ, что потребуется сдѣлать.

5. Второй вопросъ объ особомъ *единовѣрческомъ* епископѣ уже выдвинутъ единовѣрцами во главѣ съ священникомъ Семеномъ Шлеевымъ. Послѣднимъ былъ составленъ и проектъ прошенія о единовѣрческомъ епископѣ, подъ которымъ и собирались тѣмъ или инымъ путемъ подписи. Единовѣрцы разныхъ городовъ и селеній охотно давали свои подписи, не понимая того, какъ

трудно церковной власти осуществить это. Въ августѣ 1905 года проектъ о. Шлеева сдѣлавшійся уже извѣстнымъ съѣхавшимся въ Нижній-Новгородъ миссіонерамъ, разсматривался на ихъ собраніи въ присутствіи самого о. Шлеева и когда предсѣдателемъ собранія было заявлено, что дарованіе самостоятельнаго единовѣрческаго епископа пойдетъ въ разрѣзъ съ церковными канонами [1]) и нарушитъ понятіе о единствѣ церкви, то о. Шлеевъ, не имѣющій прямо сказать что-либо противъ, согласился на образованіе при Св. Синодѣ особой комиссіи по единовѣрческимъ дѣламъ, подъ предсѣдательствомъ постояннаго члена Синода епископа, и свое согласіе скрѣпилъ подписью подъ протоколомъ. Все это правдиво описано въ обстоятельной критической статьѣ г. Сенатова, помѣщенной въ Миссіонерскомъ Обозрѣніи (№ 16). Казалось бы, здѣсь, если уже не конецъ, то поворотъ къ болѣе пріемлемому. Но о. Шлеевъ не разстался съ своимъ намѣреніемъ. Поэтому вопросъ о единовѣрческомъ архіереѣ снова былъ разсмотрѣнъ, въ присутствіи двухъ приглашенныхъ единовѣрческихъ старостъ г. Казани, на бывшемъ здѣсь въ сентябрѣ 1905 года миссіонерскомъ съѣздѣ. Когда прочитаны были относящіяся къ вопросу соборныя правила, то одинъ староста согласился, что мысль объ особомъ епископѣ, дѣйствительно, не осуществима, другой же остался при своемъ сложившемся уже мнѣніи, что и просилъ записать въ протоколъ. Въ минувшемъ Ноябрѣ мѣсяцѣ прошеніе объ особомъ епископѣ, по достовѣрнымъ сообщеніямъ, внесено въ Святѣшій Синодъ и несомнѣнно будетъ представлено на усмотрѣніе предстоящаго Всероссійскаго Собора.

По настоящему вопросу считаемъ долгомъ сказать слѣдующее:

Нѣкогда Московскіе единовѣрцы принесли прошеніе объ отдѣльномъ епископѣ митрополиту Филарету. Приснопамятный Владыка, выслушавъ ихъ, замѣтилъ: „а я думалъ, что вы меня любите... Чѣмъ я вамъ не архіерей?“ Прошеніе осталось неподаннымъ. Впослѣдствіи, когда новое ходатайство о епископѣ дошло до Петербурга, одинъ весьма умный и строго церковный человѣкъ замѣтилъ, что „это значитъ покрыть домъ другой крышей“. Выходитъ, или старая крыша обветшала, или отдѣленіе дома подъ другой крышей будетъ имѣть видъ другого дома, хотя и близко пристроеннаго. Къ сказанному присоединимъ и свое уподобленіе. Когда въ корпусѣ одной арміи свой

[1]) 1-го всел. соб. прав. 8-е. Сн. 3-го всел. соб. прав. 8-е, 4-го соб. прав. 12-е и Двукратн. соб. прав. 16-е.

командиръ, независимый отъ главнокомандующаго, преслѣдующій свои цѣли и своими средствами, то это уже не корпусъ одной арміи, а своя самостоятельная армія, помогающая кому захочетъ и въ чемъ захочетъ.

Если, оставивъ образы, станемъ говорить языкомъ церковнаго права, то увидимъ соборныя постановленія, воспрещающія въ одной епархіи быть двумъ самостоятельнымъ епископамъ. А далѣе, если станемъ и на почву догматическую, такъ сказать, самый источникъ правилъ, то можемъ читать у древнихъ отцовъ церкви, что „епископъ въ церкви и церковь въ епископѣ“ (Св. Кипріанъ, посл. 69). Послѣдуетъ заключеніе, что если въ одной церкви два самостоятельныхъ, другъ отъ друга независимыхъ епископа, тамъ окажется и двѣ церкви, тогда, какъ Святая и апостольская церковь едина. При этомъ обѣ эти церкви, какъ двѣ арміи, неизбѣжно будутъ соперничать между собою, а не съ внѣшними врагами бороться за-едино. Тогда и возраженіе старообрядцевъ, которое и теперь громко раздается, что у насъ двѣ церкви (православная и единовѣрческая), будетъ, уже прямо скажемъ, убійственнымъ.

Существуетъ другой проектъ о рукоположеніи викаріевъ для единовѣрцевъ пока хотя двухъ (для Москвы и для Уральска). Этотъ проектъ намъ кажется болѣе пріемлемымъ, если права ихъ не будутъ превышать правъ викаріевъ. По разрѣшенію же и сношенію мѣстныхъ преосвященныхъ они могутъ совершать богослуженія и рукоположенія и въ другихъ епархіяхъ [1]).

Профессоръ *Николай Ивановскій.*

---

[1]) Послѣ составленія настоящей записки, когда начались уже предсоборныя занятія Присутствія, послѣдовалъ новый проектъ объ особомъ единовѣрческомъ епископѣ, при учрежденіи митрополита, наравнѣ съ другими епископами, подчиненнымъ областному митрополиту и собору. Проектъ этотъ подлежитъ разсмотрѣнію.

Къ вопросу объ открытіи въ Кіевѣ миссіонерскихъ противосектантскихъ курсовъ.

Въ силу Высочайшаго Указа 17 апрѣля 1905 года о вѣротерпимости, охранительный законъ, имѣвшій до 17 апрѣля широкое примѣненіе въ нашей православной церкви и охранявшій немощныя души отъ соблазна лжеученій, палъ. Въ нашей церкви началась новая эра жизни. Теперь нужно всѣмъ стоящимъ на стражѣ православія и всѣмъ, кому ввѣрены его судьбы, работать, не покладая рукъ, съ энергіей и съ пламенной надеждой на успѣхъ выступить только съ своими силами и во всеоруженіи знаній на защиту православія, на защиту его кровныхъ интересовъ отъ всякихъ хищниковъ, проторгающихся въ ограду церкви подъ видомъ инославныхъ и сектантскихъ пропагаторовъ. При вошедшемъ въ силу Указѣ 17 апрѣля о вѣротерпимости, открывшемъ широкій просторъ инославной и сектантской пропагандѣ, ставятся новыя задачи для пастырства—вообще и для миссіи—въ частности.

Къ сожалѣнію, эта святая и въ тоже время простая истина сознается далеко не всѣми! Послѣ изданія Указа 17 апрѣля въ публику и даже въ среду духовенства проторглась весьма нежелательная струя по отношенію къ миссіи. Нѣкоторые даже изъ высокопоставленныхъ духовныхъ лицъ заговорили о ненужности въ настоящее время миссіи. По психологическому закону раболѣпнаго преклоненія младшихъ предъ старшими, низшихъ предъ высшими это мнѣніе, подобно эху, быстро разнеслось повсюду и получило широкую огласку и въ сферахъ, соприкосновенныхъ съ дѣломъ миссіи. Многіе изъ православныхъ—частью по сочувствію къ инославію и сектантству, частью—по необдуманности и легкомыслію—стали громко и настойчиво говорить: теперь, послѣ 17 апрѣля, православію миссія не нужна и безполезна; миссіонерскій институтъ, какъ не соотвѣтствующій своимъ задачамъ и назначенію, совершенно излишнее и безполезное учрежденіе!

Такія рѣчи—плодъ недомыслія и непониманія задачъ миссіи; плодъ недоразумѣнія и заблужденія. Несочувственное и даже

отрицательное отношеніе къ дѣлу миссіи не только въ свѣтскихъ, но даже и въ духовныхъ сферахъ—явленіе не новое. Такое теченіе всегда замѣчалось и въ обществѣ, и въ правящихъ церковныхъ сферахъ. Только теперь оно вынаружилось яснѣе и выпуклѣе. Нужно и должно глубоко скорбѣть, что такой взглядъ на дѣло миссіи, какъ плодъ печальнаго недоразумѣнія и заблужденія, находитъ для себя сочувствіе и въ обществѣ, и церковныхъ сферахъ! Но имѣетъ-ли онъ для себя какую-нибудь реальную почву, можетъ-ли онъ быть оправданъ фактами прежняго времени и переживаемыми нами текущими событіями? Нѣтъ и нѣтъ! Не забираясь въ глубь исторіи нашей миссіи,—что отвлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ прямой цѣли,—мы остановимся только на ближайшихъ событіяхъ, связанныхъ съ Указомъ 17 апрѣля, имѣвшихъ мѣсто въ инославномъ и сектантскомъ мірѣ, и посмотримъ, что тамъ творится. Обратимъ вниманіе на сектантовъ и послѣдователей инославія, какъ они почувствовали себя послѣ Указа 17 апрѣля и что они предприняли въ интересахъ пропаганды своихъ ученій? Факты, на которыхъ мы остановимъ свое вниманіе,—надѣемся,—послужатъ наглядным подтвержденіемъ ложности взгляда, что въ настоящее время, послѣ Указа 17 апрѣля, миссія въ нашей церкви будто бы не нужна и излишня.

Католичество и протестантство въ своихъ взаимоотношеніяхъ къ православію, какъ повѣствуетъ объ этомъ исторія, никогда не сходили съ боевыхъ позицій. На протяженіи всего XIX столѣтія шла борьба православія съ католичествомъ на пространствѣ всего юго-западнаго, сѣверо-западнаго и привислинскаго края — и съ протестантствомъ въ остзейскихъ губерніяхъ. Борьба эта то обострялась, то затихала, смотря по тѣмъ или другимъ политическимъ теченіямъ въ жизни нашего государственнаго организма. Особенно сильно обострилась борьба православія во 2-й половинѣ XIX ст. съ раціоналистическимъ сектантствомъ — штундо-баптизмомъ, отпрыскомъ чистѣйшаго протестантства, пустившимъ глубокіе корни на южно-русской преимущественно почвѣ, причинившимъ нашей церкви не мало бѣдъ и, благодаря своему воинствующему характеру, держащимъ православіе и доселѣ въ крайнемъ напряженіи. Не касаясь исторіи этой борьбы, мы только замѣтимъ, что, благодаря штундо-баптизму, вызванъ къ жизни противосектантскій миссіонерскій институтъ во всѣхъ епархіяхъ, гдѣ только появилось это сектантство. Это ли не доказательство настоятельной нужды въ этомъ институтѣ и его жизненности? Что сдѣлалъ институтъ миссіонеровъ въ дѣлѣ

борьбы православія съ штундо-баптизмомъ и вообще раціоналистическимъ сектантствомъ, сколько онъ принесъ пользы для науки сектовѣдѣнія и сектообличенія—объ этомъ нѣтъ надобности много распространяться: факты—на лицо, и они, какъ непреложные свидѣтели истины, являются наилучшимъ защитникомъ настоятельной необходимости, полезности и жизненности для православія миссіонерскаго института вообще, и противосектантскаго—въ частности.

Развернемъ лѣтопись событій, имѣвшихъ мѣсто по изданіи Указа 17 апрѣля о вѣротерпимости, и посмотримъ, какіе плоды принесъ этотъ законъ въ мірѣ инославія и сектантства въ теченіе года со дня его опубликованія.

Католицизмъ, притихшій въ послѣднее время и исподтишка ведшій пропаганду въ сѣверо-западной, и юго-западной и Холмской Руси, послѣ 17 апрѣля гордо поднялъ голову, прямо—грудью двинулся на православіе и повелъ самую широкую пропаганду; состоялся цѣлый рядъ торжественныхъ по городамъ процессій и объѣздовъ католическими епископами своихъ епархій; устроенъ былъ цѣлый рядъ съѣздовъ католическихъ ксензовъ и на этихъ съѣздахъ выработана цѣлая программа пропаганды католичества, т. е. совращенія православныхъ въ католичество, съ цѣлымъ рядомъ льготъ и милостей со стороны ксендзовъ и костела, и экономическихъ выгодъ и преимуществъ со стороны помѣщиковъ-католиковъ для совратившихся изъ православія въ католичество крестьянъ. Какіе же получились результаты этого систематическаго похода католичества противъ православія въ этотъ сравнительно небольшой промежутокъ времени? Холмская Русь прежде всего почувствовала на себѣ тиски польско-католической пропаганды. Бывшіе уніаты массами возвратились въ католичество, перешли въ католичество многіе при смѣшанныхъ бракахъ. Массовый переходъ изъ православія въ католичество совершился на протяженіи всего западнаго и сѣверо-западнаго края. Православіе и католичество обмѣнялись своими ролями: и православіе изъ господствующей превратилось въ гонимую вѣру. Въ Холмской Руси дѣло польско-католической пропаганды приняло такой серьезный оборотъ, что понадобилась такая экстренная мѣра, какъ выдѣленіе изъ Холмско-варшавской епархіи Холмской Руси въ самостоятельную епископію. А теперь таже Холмщина по чисто политическимъ соображеніямъ, спасаясь отъ польскаго вліянія и окончательнаго ополяченія, ходатайствуетъ объ отдѣленіи себя отъ польскихъ губерній и причисленіи къ юго-западному краю. Въ основѣ всѣхъ этихъ волненій лежитъ, безспорно, польско-католическая пропаганда.

Не лучше обстоитъ дѣло и въ Прибалтійскомъ краѣ. И здѣсь многіе исконно-русскіе перешли изъ православія въ протестанство. Переходъ этотъ совершился не безъ участія и вліянія нѣмецкихъ пасторовъ!

При такомъ стремительномъ натискѣ католической, отчасти и протестантской пропаганды—что предпринять и что дѣлать пастырямъ православной церкви? Сидѣть сложа руки и безучастно смотрѣть на расхищеніе своего словеснаго стада инославной пропагандой, легкомысленно сдавать свои позиціи католицизму и протестантству и упорно отрицать безполезность миссій? Или ждать чудеснаго огражденія сыновъ православія отъ католической и протестантской пропаганды? Отвѣтъ на эти вопросы — ясенъ какъ Божій день!

А вотъ что представляетъ изъ себя въ настоящее время вѣчно волнующееся, вѣчно пѣнящееся и бурлящее море нашего раціоналистическаго сектантства.

Сектантство во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ еще больше, чѣмъ католичество, зашевелилось, встрепенулось и пришло въ движеніе. Молокане устроили съѣзды въ Воронцовкѣ на Кавказѣ, и въ Ново-Астраханкѣ, Таврической губерніи; среди духоборовъ и баптистовъ—также движеніе. По проникшимъ въ печать извѣстіямъ, выселившіеся въ Канаду духоборы подняли вопросъ о возвращеніи въ Россію. Но больше всего нашумѣли молокане съ своими съѣздами на Кавказѣ и въ Крыму. Особенно шумнымъ и многолюднымъ оказался Ново-Астраханскій съѣздъ, привлекшій къ себѣ молоканъ со всѣхъ концовъ Россіи и даже изъ-за-границы. На этотъ съѣздъ, какъ оказалось, прибыли представители молоканскихъ общинъ — преимущественно пресвитеры и проповѣдники съ своими хорами; они явились не только изъ внутреннихъ губерній и Поволжья, но даже изъ отдаленнаго Кавказа и Закавказья, Терской и Кубанской областей, изъ Бессарабіи и Тульчи въ Румыніи. Въ числѣ гостей оказались также проповѣдники изъ Германіи, Австріи и одинъ даже изъ Америки. Эти послѣдніе были преимущественно методистскіе и пресвитеріанскіе проповѣдники, произносившіе свои рѣчи на нѣмецкомъ языкѣ. Добавимъ также, что на открытіи Ново-Астраханскаго молоканскаго съѣзда присутствовалъ Таврическій губернаторъ. Отсюда ясно обрисовывается смыслъ и значеніе этого молоканскаго движенія сравнительно недавняго времени.

Что же? Предъ грознымъ призракомъ надвигавшагося сектантства съ его усиленной пропагандой, подъ напоромъ католицизма сложить ли православію свое оружіе, и склонивши свою

вью, покорно ждать расхищенія своихъ чадъ,—или выступить на борьбу съ врагами православія, на рѣшительный бой? Да, и только да! На ратоборство, на рѣшительную борьбу! Послѣ 17 апрѣля миссія въ православной церкви должна возродиться на новыхъ началахъ, на новыхъ основаніяхъ,—и съ новыми силами развернуть во всей мощи и красѣ свою дѣятельность и расцвѣсть! Этого требуетъ настоятельно новое положеніе вещей въ церкви и государствѣ, созданное Указомъ 17 апрѣля, этого требуютъ интересы церкви, этого требуетъ разумъ и смыслъ всей нашей прежней и настоящей государственной и церковной жизни.

Такія перспективы для нашей православной миссіи открываетъ Указъ 17 апрѣля.

Если такъ, то отсюда съ логическою необходимостью вытекаетъ новое положеніе: приспѣло время, обнаружились повелительныя требованія организовать дѣло нашей миссіи на самыхъ раціональныхъ началахъ, съ болѣе широкими, чѣмъ прежнія, задачами и цѣлями, сообщить ей болѣе жизненный, болѣе практическій характеръ, вдохновить ея дѣятелей на подвигъ борьбы съ надвигающимися врагами православія и вселить въ нихъ духъ энергіи, бодрости и апостольской ревности. Короче сказать—въ въ настоящее время необходимо пополнить ряды миссіи болѣе энергичными, болѣе подготовленными для миссіонерскаго дѣла ратоборцами и дѣятелями. Это же насущное требованіе выдвигаетъ на очередь другой не менѣе серьезный вопросъ—о болѣе раціональной, болѣе жизненной, болѣе широкой, чѣмъ теперь, подготовкѣ будущихъ дѣятелей миссіи.

Нашъ взоръ невольно обращается къ Казани съ ея миссіонерскими курсами. Эти курсы, раньше сушествовавшіе при Казанской дух. академіи, а теперь получившіе самостоятельную организацію, удовлетворяютъ нуждамъ миссіи среди инородцевъ Сибири, Уральскаго края и Поволжья, доставляя довольно подготовленный контингентъ миссіонеровъ. Отъ бывшей столицы Казанскаго царства съ ея миссіонерскими курсами мысль наша переносится къ древнему стольному граду Кіеву, откуда распространился по всей Руси свѣтъ вѣры Христовой, откуда благодать Божія чрезъ сонмъ Кіево-Печерскихъ угодниковъ незримо осіяла, изливалась и изливается на всю Русскую землю, куда стекаются десятками тысячъ богомольцы со всей Руси православной и гдѣ теперь, не смотря на осіявшую благодать Божію, утвердился почти центръ нашего моднаго сектантства—штундобаптизма. Все вмѣстѣ взятое—и прошлыя историческія судьбы

г. Кіева съ его государственнымъ и церковно-просвѣтительнымъ вліяніемъ и настоящее его положеніе, какъ крупнаго культурно-административнаго центра всего юго-западнаго края Россіи — говоритъ за то, что именно здѣсь, на горахъ кіевскихъ долженъ основаться, утвердиться и расцвѣсть новый разсадникъ вѣры и благочестія, вызываемый современнымъ положеніямъ нашихъ церковныхъ дѣлъ,—именно—постоянные миссіонерскіе противосектантскіе курсы. Эти курсы и должны служить, по примѣру Казанскихъ, разсадникомъ опытныхъ противосектантскихъ миссіонеровъ на всю Россію.

Едва ли кто станетъ сомнѣваться въ полезности учрежденія этихъ курсовъ и оспаривать у Кіева право пріютить на своихъ горахъ этотъ институтъ. Въ пользу Кіева говоритъ цѣлый рядъ данныхъ. Кіевъ, какъ крупный умственный и религіозный центръ, является наиболѣе подходящимъ пунктомъ для открытія постоянныхъ миссіонерскихъ курсовъ. Здѣсь есть и духовная академія, которая можетъ своими научными силами придти на помощь курсамъ; здѣсь и богатѣйшая Кіево-Печерская лавра, которая можетъ ущедрить отъ избытка своихъ благъ на содержаніе курсовъ; здѣсь есть правильно организованный институтъ опытныхъ миссіонеровъ, которые благодаря своему опытно-добытому знанію сектантства, могутъ принести немалую пользу практическимъ занятіямъ на курсахъ,—и наконецъ наличіе среди городскихъ жителей сектантовъ дастъ возможность слушателямъ курсовъ примѣнять на дѣлѣ, въ живыхъ собесѣдованіяхъ съ сектантами, пріобрѣтенныя знанія, пріемы и методы миссіонерствованія.

Еще одно весьма серьезное обстоятельство выдвигаетъ вопросъ о необходимости учрежденія постоянныхъ миссіонерскихъ курсовъ. Какъ извѣстно, на очереди реформа духовно-учебныхъ заведеній. Учебнымъ Комитетомъ уже выработаны и опубликованы въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ проекты измѣненій учебной части въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ. Измѣненія коснутся въ семинарскомъ курсѣ постановки преподаванія исторіи и обличенія расколо-сектантства. Теперь, при нынѣ дѣйствующемъ уставѣ дух. семинарій, въ семинарскомъ курсѣ этому предмету отведено 6 недѣльныхъ уроковъ (2—въ V-мъ и 4—въ VI-мъ классахъ); при чемъ въ тѣхъ семинаріяхъ, гдѣ въ епархіяхъ нѣтъ сектантства, съ разрѣшенія св. синода, изучается во всей полнотѣ исторія и обличеніе раскола; сектантству же удѣляется самое незначительное вниманіе; тамъ же, гдѣ въ епархіи нѣтъ раскола, сектантство съ расколомъ мѣняется ролями, т. е. расколъ остается въ тѣни, а сектантству отдается исключительное

вниманіе. По новымъ программамъ расколу и сектантству предположено удѣлить, вмѣсто 6, только 3 урока, т. е. вдвое меньше, чѣмъ теперь. Вслѣдствіе этого предположено историческую часть расколо-сектантства отнести къ церковной исторіи, обличенію его предоставить 3 урока; преподаваніе же этого предмета возложить на наставника церковной исторіи. Иначе—самостоятельная каѳедра расколо-сектантства, съ отдѣльнымъ наставникомъ, по новому проекту совершенно упраздняется. Если теперь, при существованіи въ курсѣ семинарскихъ наукъ отдѣльной каѳедры по расколо-сектантству, миссія наша стоитъ далеко не на подобающей высотѣ, то что будетъ съ миссіей съ упраздненіемъ въ семинаріяхъ отдѣльныхъ каѳедръ по расколо-сектантству и отдѣльныхъ преподавателей? А вѣдь за 20 лѣтъ существованія каѳедры расколо-сектантства преподаватели по этому предмету сдѣлали весьма и весьма много какъ для самой науки, такъ и для миссіи.

Отсюда еще болѣе очевидно, что открытіе въ Кіевѣ постоянныхъ миссіонерскихъ противосектантскихъ курсовъ — настоятельно необходимое, безотлагательное и святое дѣло, тѣсно связанное съ насущными интересами самого православія.

Какова же должна быть учебная организація проектируемыхъ нами миссіонерскихъ противосектантскихъ курсовъ въ Кіевѣ, дабы они вполнѣ отвѣчали высокимъ задачамъ и цѣлямъ миссіи?

По нашему мнѣнію, миссіонерскіе курсы въ Кіевѣ, ставящіе своей задачей какъ теоретическую, такъ и практическую подготовку миссіонеровъ, по постановкѣ на нихъ учебнаго дѣла, по типу своему должны занимать срединное мѣсто между духовными семинаріями и академіями. Организація учебнаго дѣла на курсахъ должна быть приблизительно такова.

На курсы поступаютъ безъ экзамена окончившіе полный курсъ семинарскихъ наукъ, имѣющіе любовь и призваніе къ миссіи. Для привлеченія на курсы семинаристовъ слѣдуетъ, кромѣ безплатнаго содержанія ихъ пищею, одеждой и квартирой, засчитывать имъ 2-лѣтнее пребываніе на курсахъ въ епархіальную службу. Предоставленіе имъ особыхъ правъ и преимуществъ предъ рядовыми семинаристами—должно быть общепризнаннымъ правомъ во всѣхъ епархіяхъ.

На миссіонерскихъ курсахъ, съ двухлѣтнимъ періодомъ обученія, слѣдовало бы преподавать слѣдующіе предметы: 1) Свящ. Писаніе В. и Н. Завѣтовъ; 2) исторію русской церкви; 3) обличительное богословіе, разборъ и обличеніе сектантства; 4) русскую гражданскую исторію 5) исторію литературы (преиму-

щественно новѣйшую) и нѣмецкій языкъ. Детальная сторона преподаванія всѣхъ предметовъ должна быть направлена къ миссіонерскимъ цѣлямъ, потому и самыя программы предметовъ должны быть согласованы съ этими именно цѣлями. Такъ, при прохожденіи Н. Завѣта должно быть обращаемо преимущественное вниманіе на уясненіе и разборъ тѣхъ мѣстъ, на которыя опираются сектантскія лжеученія,—а также и на строго научное сопоставленіе всѣхъ этихъ мѣстъ съ контекстомъ рѣчи. Изъ в.-завѣтныхъ книгъ должны быть разсмотрѣны въ такомъ же порядкѣ только тѣ мѣста, на которыя ссылаются сектанты, какъ въ подтвержденіе своихъ догматическихъ положеній, такъ и въ полемикѣ съ православнымъ ученіемъ; такъ напр. объ иконопочитаніи и священствѣ (противъ штундо-баптистовъ), пророчества о Мессіи и ихъ исполненіе въ Новомъ Завѣтѣ (противъ жидовствующихъ) и т. п. Преподаватель русской церковной исторіи долженъ обратить особенное вниманіе на исторію сектантства у насъ на Руси, начиная съ ереси стригольниковъ и оканчивая новѣйшимъ сектантствомъ, и подчеркнуть тѣ условія церковной жизни, которыя способствовали появленію и развитію въ нашей церкви ересей и сектъ. Преподаватель русской гражданской исторіи долженъ остановить свое вниманіе на культурныхъ теченіяхъ XVIII и XIX вѣковъ, подготовившихъ почву въ нашемъ обществѣ для воспріятія протестантскихъ идей, мистицизма, разныхъ философскихъ и политико-экономическихъ ученій, вселившихъ разладъ между интеллигенціей и церковью и создавшихъ почву для сектантства въ народѣ. Преподаватель обличительнаго богословія и сектообличенія кромѣ систематическаго разбора сектантскихъ заблужденій, долженъ обстоятельно ознакомить слушателей съ сектообличительной литературой,—съ указаніемъ достоинства и недостатковъ существующихъ руководствъ и пособій. Такая постановка преподаванія этого предмета вызывается какъ практическими соображеніями, такъ и центральнымъ положеніемъ сектообличенія среди другихъ предметовъ на курсахъ. Преподаваніе нѣмецкаго языка, на которомъ написаны главныя баптистическія руководства и которымъ съ большимъ успѣхомъ пользуются для цѣлей пропаганды вожаки русскихъ баптистовъ, не есть прихоть, а вызывается самимъ существомъ дѣла, потому должно быть поставлено въ совершенствѣ. Слушатели должны къ концу 2-го года своего пребыванія на курсахъ свободно владѣть нѣмецкимъ языкомъ. Только при этомъ условіи они явятся серьезными противниками въ борьбѣ съ баптизмомъ.

Такимъ образомъ, на курсахъ нами предположено имѣть *шесть* постоянныхъ лекторовъ-преподавателей. Кстати, замѣтимъ,

что система преподаванія должна быть лекціонно-собесѣдовательная. Лекторы періодически по прочтеніи отдѣловъ въ своихъ наукахъ, устраиваютъ репетиціи — собесѣдованія для контроля занятій и провѣрки знаній у слушателей.

Но необходимою принадлежностью курсовъ должны быть періодическія чтенія лекцій спеціалистами, вызываемыми въ послѣдовательномъ порядкѣ на курсы изъ разныхъ мѣстъ имперіи. Чтенія каждаго изъ спеціалистовъ ограничиваются двухнедѣльнымъ періодомъ времени. Такими спеціалистами, которые могли бы предложить интересныя чтенія на курсахъ, могутъ быть извѣстные миссіонеры и преподаватели дух. семинарій, заявившіе о себѣ литературно и практически въ качествѣ выдающихся дѣятелей.

Что же касается постоянныхъ лекторовъ, то, какъ на таковыхъ, мы можемъ указать на профессоровъ Кіевской духовной академіи: Д. И. Богдашевскаго (Свящ. Писаніе Н. З.), В. П. Рыбинскаго (Св. Писаніе В. З.), В. З. Завитневича (русская исторія) и протоіерея Ѳ. И. Титова (русская церковная исторія). Преподаваніе же обличительнаго богословія и сектообличенія можетъ быть поручено, какъ спеціалистамъ, весьма опытнымъ и дѣльнымъ миссіонерамъ Кіевской епархіи—свящ. С. М. Потѣхину и Н. А. Бѣлогорскому.

На 2-мъ курсѣ слушатели составляютъ самостоятельные рефераты по вопросамъ, пререкаемымъ сектантами, а также и отзывы о тѣхъ или другихъ руководствахъ по сектообличенію. Для обсужденія этихъ рефератовъ и отзывовъ, подъ руководствомъ преподавателей обличительнаго богословія и сектообличенія,—назначается 3 лекціонныхъ часа въ недѣлю.

Недѣльное росписаніе чтенія лекцій по предметамъ на курсахъ могло бы быть, по нашему мнѣнію, приблизительно такое:

	I-й курсъ.	II-й курсъ.
Св. Писаніе В. З.	2 лекціи	2 лекціи.
Св. Писаніе Н. З.	3 „	3 „
Русская церковная исторія .	2 „	2 „
Русская гражданская исторія . .	3 „	— „
Обличительное богословіе и сектообличеніе	3 „	3 „
Исторія русской литературы. . . .	2 „	2 „
Чтенія сторонніхъ лекторовъ . .	— „	4 „
Практическія занятія (разборъ рефератовъ)	— „	3 „
Нѣмецкій языкъ	3 „	3 „
	18 лекцій	22 лекціи.

Само собою разумѣется, что предложенная нами учебная организація на курсахъ— есть только приблизительная. При учреж-

деніи и открытіи курсовъ она могла бы быть переработана и расширена по указанію свѣдущихъ людей. Наши предположенія—только pia desideria.

Въ заключеніе мы коснемся самаго труднаго вопроса—о средствахъ содержанія курсовъ. Расчитывать устроителямъ курсовъ на ассигнованіе средствъ изъ казны—болѣе чѣмъ наивная мечта. Нужно изыскивать средства на мѣстѣ, въ епархіяхъ. Открытіе и устраненіе курсовъ — дѣло общецерковное, общерусское. Потому каждая изъ епархій, гдѣ есть сектантство, должна придти на помощь посильной лептой предполагаемымъ къ открытію миссіонерскимъ курсамъ въ Кіевѣ. Если допустить, что 25—30 епархій, наиболѣе зараженныхъ сектантствомъ, согласятся дѣлать ежегодные взносы по 500 р., то получится довольно порядочная сумма отъ 12—15 тысячъ рублей. Этой суммы хватитъ на содержаніе постоянныхъ преподавателей и на вознагражденіе лекторовъ, вызываемыхъ изъ другихъ мѣстъ, а также на наемъ помѣщенія для курсовъ. Содержаніе же пищевымъ довольствомъ курсистовъ можетъ принять на себя богатая Кіево-Печерская лавра, снабжая курсы продуктами въ натурѣ. Желательно было бы, что бы пришли на помощь курсамъ и Почаевская лавра и нѣкоторые богатые монастыри другихъ епархій (напр. Курской, Калужской и др.). Матеріальная помощь миссіонерскимъ курсамъ со стороны епархій и монастырей окупится сторицею. Это святая и непреложная истина!

На настоятельную нужду открытія постоянныхъ миссіонерскихъ курсовъ въ Кіевѣ мы обращаемъ благосклонное вниманіе всѣхъ владыкъ, епархіи которыхъ заражены сектантствомъ, и вообще всѣхъ радѣтелей нашихъ церковныхъ интересовъ и преуспѣянія нашей миссіи въ борьбѣ съ все больше и больше надвигающимся на православную церковь сектантствомъ. Откладываніе въ долгій ящикъ выдвигаемаго нами вопроса — положительно немыслимо. Промедленіе въ данномъ дѣлѣ принесетъ неисчислимыя бѣды православію, особенно теперь послѣ Указа 17 апрѣля о вѣротерпимости, предоставившаго свободу пропаганды инославію и сектантству.

Мы будемъ безконечно счастливы, если наша мысль упадетъ на добрую почву и принесетъ добрый плодъ. Пусть наша настоящая краткая замѣтка явится первой лептой для благаго дѣла миссіи и пусть она будетъ первымъ камнемъ для основанія миссіонерскихъ противосектантскихъ курсовъ въ родномъ и дорогомъ для насъ Кіевѣ. И такъ въ добрый часъ!

П. Козицкій.

По сектовѣдѣнію.

Обличеніе лжеученія хлыстовской секты [1]).

III.

Перейдемъ къ изложенію того, — какъ учитъ Слово Божіе о бракѣ.

Въ ветхомъ завѣтѣ было строго запрещено нарушеніе святости брака. Въ заповѣдяхъ десятословія сказано: „не прелюбодѣйствуй“ (Исх. 20, 14). Позднѣе эту заповѣдь законодатель разъясняетъ въ такихъ словахъ: „если кто будетъ прелюбодѣйствовать съ женою замужнею, если кто будетъ прелюбодѣйствовать съ женою ближняго своего, да будутъ преданы смерти и прелюбодѣй и прелюбодѣйка“ (Левитъ 20, 10). Ветхій завѣтъ запрещаетъ даже дурное пожеланіе въ отношеніи жены ближняго (Исх. 20, 17).

Въ новомъ завѣтѣ Господь еще болѣе возвышаетъ святость брака, признавая за прелюбодѣяніе даже нечистыя мысли или пожеланія: „вы слышали, что сказано древнимъ: не прелюбодѣйствуй (Исх. 20, 14). А Я говорю вамъ, что всякій, кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ“ (Матѳ. 5, 28).

Въ ветхомъ завѣтѣ допускался разводъ въ виду жестокосердія народа, по многимъ, иногда совсѣмъ не важнымъ причинамъ. (Второз. 24, 1; Матѳ. 19, 8). Въ новомъ завѣтѣ разводъ съ женою не дозволяется: „кто разведется съ женою своею не за прелюбодѣяніе, и женится на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ; и женившійся на разведенной — прелюбодѣйствуетъ“ (Матѳ. 19, 9; 31—32). Основаніемъ нерасторжимости брака служитъ его бого-

[1]) См. „Миссіон. Обозр.“ 1906 № 3.

учрежденность. Господь сказалъ фарисеямъ: „не читали ли вы, что Сотворившій въ началѣ мужчину и женщину сотворилъ ихъ? (Быт. 1, 27) И сказалъ: посему оставитъ человѣкъ отца и мать, и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ два одною плотью (Быт. 2, 24); такъ-что они уже не двое, но одна плоть. Итакъ, что Богъ сочеталъ, того человѣкъ да не разлучаетъ“ (Матѳ. 19, 4—6 [1]).

Тоже ученіе Христово о бракѣ излагаетъ и св. Апостолъ Павелъ въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ.

„А о чемъ вы писали ко мнѣ, то хорошо человѣку не касаться женщины. Но, во избѣжаніе блуда, каждый имѣй свою жену, и каждая имѣй своего мужа. Мужъ оказывай женѣ должное благорасположеніе; подобно и жена мужу. Жена не властна надъ своимъ тѣломъ, но мужъ; равно и мужъ не властенъ надъ своимъ тѣломъ, но жена. Не уклоняйтесь другъ отъ друга, развѣ по согласію, на время, для упражненія въ постѣ и молитвѣ, а потомъ опять будьте вмѣстѣ, чтобы не искушалъ васъ сатана невоздержаніемъ вашимъ“. „Безбрачнымъ же и вдовамъ говорю: хорошо имъ оставаться, какъ и я (т. е. безбрачными) но если не могутъ воздержаться, пусть вступаютъ въ бракъ, ибо лучше вступить въ бракъ, нежели разжигаться. А вступившимъ въ бракъ—не я повелѣваю, а Господь: женѣ не разводиться съ мужемъ (если же разведется, то должна оставаться безбрачною, или примириться съ мужемъ своимъ), и мужу не оставлять жены своей“ (1 Кор. 7, 1—5, 8—9). Тотъ же св. Апостолъ пишетъ: „соединенъ ли ты съ женою? Не ищи развода. Остался ли безъ жены? Не ищи жены. Впрочемъ, если и женишься, не согрѣшишь; и если дѣвица выйдетъ замужъ, не согрѣшитъ“ (27—28).

Какъ понимать слова Апостола: „время уже коротко, такъ что имѣющіе женъ должны быть, какъ не имѣющіе“?

Далѣе въ томъ же мѣстѣ св. Писанія сказано: „и плачущіе (должны быть), какъ не плачущіе; и радующіеся, какъ не радующіеся; и покупающіе, какъ не пріобрѣтающіе; и пользующіеся міромъ симъ, какъ не пользующіеся; ибо проходитъ образъ міра сего“ (1 Кор. 7, 29 — 31). Эти слова означаютъ то, что не слѣдуетъ любить міръ больше Бога (Матѳ. 10, 37—39. 16, 24—27), что должно искать „прежде всего царствія Божія“ (Матѳ. 6, 33),

---

[1]) Когда при совершеніи таинства бракосочетанія священникъ молитъ Бога о ниспосланіи благословенія брачущимся, то ихъ невидимо благодатію Своею сочетаваетъ Самъ Богъ.

ибо всѣ мы—„странники и пришельцы на землѣ“ (Евр. 11, 13. 13, 14).

Слова „имѣющіе женъ должны быть, какъ не имѣющіе“—означаютъ тоже, что „пользующіеся міромъ симъ, какъ не пользующіеся“, то есть—должно пользоваться міромъ симъ, но не должно ради него забывать о Богѣ; точно также тѣ, кто не можетъ воздержаться, лучше пусть вступаютъ въ бракъ, и вступившіе не должны разводиться; необходимо только, чтобы человѣкъ, заботясь о семьѣ, прежде всего и болѣе всего любилъ Бога (Матѳ. 10, 37—39) и искалъ царства Его. Однако, эти слова св. Писанія не означаютъ того, что мужъ не долженъ жить съ женой: Апостолъ ясно сказалъ: „а вступившимъ въ бракъ—не я повелѣваю, а Господь—женѣ не разводиться съ мужемъ и мужу не оставлять жены своей“.

Какъ понимать слова св. Ап. Павла: „или (мы) не имѣемъ власти имѣть спутницею сестру жену, какъ и прочіе Апостолы, и братья Господни, и Кифа?“

Несомнѣнно то, что св. Апостолъ Павелъ, когда писалъ приведенныя слова, былъ безбраченъ и не имѣлъ спутницей жены. „Безбрачнымъ же и вдовамъ говорю: хорошо имъ оставаться, какъ и я“, говорилъ онъ выше. „Или одинъ я и Варнава не имѣемъ власти не работать?“—спрашиваетъ св. Павелъ далѣе и самъ увѣряетъ: „Но я не пользовался ничѣмъ таковымъ. И написалъ это не для того, чтобы такъ было для меня“ (1 Кор. 9, 5—6. 15).

Что касается другихъ Апостоловъ, то возможно, что они были женаты: объ Апостолѣ Петрѣ мы несомнѣнно знаемъ, что онъ состоялъ въ бракѣ: Господь исцѣлилъ его тещу (Луки 4, 38—39).

Грѣхъ нарушенія брака строго запрещается св. Писаніемъ: „бракъ у всѣхъ да будетъ честенъ и ложе непорочно; блудниковъ же и прелюбодѣевъ судитъ Богъ“ (Евр. 13, 4; 1 Кор. 6, 13—18).

Семейная жизнь—по смыслу св. Писанія, не препятствуетъ человѣку достигать спасенія, праведности; о женѣ прямо сказано, что „она спасется чрезъ чадородіе, если пребудетъ въ вѣрѣ и любви и въ святости съ цѣломудріемъ“ (1 Тимоѳ. 2, 15).

Семейныя обязанности родителей въ отношеніи дѣтей состоятъ въ попеченіи объ ихъ благосостояніи—духовномъ и тѣлесномъ (1 Тим. 5, 8; Еф. 6, 4); дѣти-же должны почитать и повиноваться своимъ плотскимъ родителямъ: „почитай отца и мать“. Самъ Господь неоднократно повторялъ эту заповѣдь,

данную еще въ ветхомъ завѣтѣ (Матѳ. 15, 4. 19, 19 ср. Еф. 6 1—3).

Что означаютъ слова св. Писанія: „мы теперь не подъ закономъ, а подъ благодатію"?

Въ ветхомъ завѣтѣ Богъ далъ человѣку заповѣди, и человѣкъ долженъ былъ исполнить „*весь*" законъ, чтобы оправдаться (Іак. 2, 10). Но своими естественными, поврежденными грѣхомъ, силами (Еф. 2, 3) человѣкъ не могъ исполнить законъ и оправдаться дѣлами закона (Рим. 3, 20): ветхозавѣтный законъ пробуждалъ только въ человѣкѣ сознаніе своей немощи и желаніе божественной помощи во Христѣ-Спасителѣ и Искупителѣ (Гал. 3, 24).

Когда пришелъ Христосъ, Онъ искупилъ людей отъ наказанія за грѣхъ (Римл. 3, 25), и люди получили возможность оправдываться предъ Богомъ не дѣлами закона, но вѣрой, — получать спасеніе по милости Божіей чрезъ І. Христа (ст. 24). Человѣкъ не могъ молиться: „Господи, по дѣламъ моимъ оправдай меня!"— какъ онъ долженъ былъ молиться по смыслу ветхозавѣтнаго закона; люди могли только говорить: „Господи, по Твоей милости спаси насъ!" и это оправданіе даруется чрезъ Христа въ новомъ завѣтѣ. Поэтому, отмѣнено оправданіе ветхозавѣтнымъ закономъ, но самый законъ въ его существѣ не отмѣненъ.

„Если закономъ оправданіе, то Христосъ напрасно умеръ" (Гал. 2, 21). „Итакъ мы уничтожаемъ законъ вѣрою? Никакъ. Но законъ утверждаемъ" (Римл. 3, 31).

Мы оправдываемся въ новомъ завѣтѣ не дѣлами закона, а по милости Божіей. Однако, мы никакъ не должны нарушать законъ,—въ его существенной — догматической и нравственной части,—а должны исполнять его.

„И не дѣлать ли намъ зло, чтобы вышло добро?" „Что же скажемъ? Оставаться ли намъ во грѣхѣ, чтобы умножилась благодать? Никакъ, мы умерли для грѣха: какъ же намъ жить въ немъ? (Римл. 3, 8; 6, 1—2). „Итакъ, да не царствуетъ грѣхъ въ смертномъ тѣлѣ вашемъ, чтобы вамъ повиноваться ему въ похотяхъ его; и не предавайте членовъ вашихъ грѣху въ орудія неправды, но представьте себя Богу, какъ ожившихъ изъ мертвыхъ, и члены ваши Богу въ орудія праведности. Грѣхъ не долженъ надъ вами господствовать, ибо вы не подъ закономъ, но подъ благодатію. Что же? Станемъ ли грѣшить, потому что мы не подъ закономъ, а подъ благодатью? Никакъ" (Рим. 6, 12—15).

Что такое грѣхъ? „Всякій дѣлающій грѣхъ, дѣлаетъ и беззаконіе; и грѣхъ есть беззаконіе“ (1 Іоанна 3, 4). Грѣхъ есть нарушеніе закона.

Въ текстѣ св. Писанія: „замужняя женщина привязана закономъ къ живому мужу; а если умретъ мужъ, она освобождается отъ закона замужества“ (Римл. 7, 2) никакимъ образомъ нельзя видѣть оправданія беззаконію, какъ думаютъ нѣкоторые. Ибо Апостолъ здѣсь же говоритъ, что при живомъ мужѣ жена не должна выходить за другого; а если выйдетъ, то будетъ „прелюбодѣйцею“ (ст. 3).

„Чада вѣка сего женятся и выходятъ замужъ: а сподобившіеся достигнуть того вѣка и воскресенія изъ мертвыхъ ни женятся, ни замужъ не выходятъ“ (Луки 20, 34—35).

„Если ища оправданія во Христѣ, мы и сами оказались грѣшниками,—то неужели Христосъ есть служитель грѣха? Никакъ!“ (Гал. 2, 17).

Можетъ быть, только духомъ нельзя грѣшить, а тѣломъ можно?

Нѣтъ. По слову Божію, и тѣломъ нельзя грѣшить. Тѣло наше послѣ смерти, по истлѣніи, воскреснетъ,—какъ стебель изъ пшеничнаго зерна и будетъ безсмертно (1 Кор. 15, 35—38): „ибо тлѣнному сему надлежитъ облечься въ нетлѣніе, и смертному сему облечься въ безсмертіе“ (ст. 53).

Посему, Апостолъ говоритъ: „удерживайтесь отъ всякаго рода зла. Самъ же Богъ мира да освятитъ васъ во всей полнотѣ; и вашъ духъ, душа и тѣло во всей цѣлости да сохранится безъ порока въ пришествіе Господа нашего Іисуса Христа“ (1 Ѳессал. 5, 22—23).

„Развѣ вы не знаете, что тѣла ваши суть члены Христовы?“ (Церковь есть тѣло Христово, глава тѣла Церкви—Христосъ; вѣрующіе—члены тѣла Церкви,—Ефес. 1, 23. 5, 23. 1 Кор. 12, 27).

„Итакъ отниму ли члены у Христа, чтобы сдѣлать ихъ членами блудницы? Да не будетъ“. „Бѣгайте блуда; всякій грѣхъ, какой дѣлаетъ человѣкъ, есть внѣ тѣла, а блудникъ грѣшитъ противъ собственнаго тѣла“ (1 Кор. 6, 18).

Тѣло свое мы должны соблюдать въ непорочности: „ибо всѣмъ намъ должно явиться предъ судилище Христово, чтобы получить каждому соотвѣтственно тому, что онъ дѣлалъ, живя въ тѣлѣ, доброе, или худое“ (по славянски: „яже съ тѣломъ содѣла блага или зла“ (2 Кор. 5, 10).

„Къ свободѣ призваны вы, братія, только бы свобода ваша не была поводомъ къ угожденію плоти, но любовью служите другъ другу“ (Гал. 5, 13).

„Я говорю: поступайте по духу и вы не будете исполнять вождѣленій плоти". „Дѣла плоти извѣстны; они суть: прелюбодѣяніе, блудъ, нечистота, непотребство, идолослуженіе, волшебство, вражда, ссоры, гнѣвъ, распри, разногласія (соблазны), ереси, ненависть, убійства, пьянство, безчинство и тому подобное; предваряю васъ, какъ и прежде предварялъ, что поступающіе такъ Царствія Божія не наслѣдуютъ. Плодъ же духа: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе. На таковыхъ нѣтъ закона" (законъ остается внѣшнимъ предписаніемъ для грѣшника, для праведника же онъ — внутренняя потребность — подобно тому, какъ, напр., гражданскій законъ страшенъ для нарушителей его и не стѣсняетъ тѣхъ, которые, сами дѣлаютъ добро (Римл. 13, 3: „законъ положенъ не для праведника, но для беззаконныхъ и непокоривыхъ, нечестивыхъ и грѣшниковъ, развратныхъ и осквернённыхъ, для оскорбителей отца и матери, для человѣкоубійцъ, для блудниковъ, мужеложниковъ, лжецовъ, клятвопреступниковъ, и для всего, что противно здравому ученію". (1 Тимоѳ. 1, 9—10).

„Если мы живемъ духомъ, то по духу и поступать должны" (Гал. 5, 16—25).

Что значатъ слова: „духовный человѣкъ судитъ о всемъ, а о чемъ судить никто не можетъ" (1 Кор. 2, 15)?

Праведникъ можетъ понять грѣшника, такъ праведные люди могутъ давать совѣты согрѣшающимъ; а грѣшникъ, какъ помраченный грѣхомъ, не можетъ понять праведника.

Грѣшникъ—плотской человѣкъ; ибо онъ дѣлаетъ дѣла плоти; духовный человѣкъ—это праведникъ, который дѣлаетъ добрыя дѣла—духа.

Возвратимся теперь опять къ разсужденію о людяхъ, называемыхъ хлыстами.

Изъ изложеннаго ученія слова Божія о Лицѣ Господа Іисуса Христа видно, что хлыстовское ученіе о боговоплощеніяхъ—ложно, что само св. Писаніе заповѣдуетъ не слушать, не вѣрить ученію о новыхъ пришествіяхъ Христа, кромѣ второго—страшнаго пришествія; видно также, что добродѣтельные изъ христіанъ могутъ быть увѣнчаны Богомъ, но только по смерти; на землѣ же усыновленіе вѣрующихъ не можетъ считаться полнымъ и оконченнымъ.

Изъ ученія Слова Божія о бракѣ ясно видно, что и хлыстов-

ская заповѣдь: „женатые разженитесь, не женатые не женитесь“. равно какъ всѣ тайныя и явныя нарушенія церковнаго брака, допускаемыя сектантами,—противны св. Писанію, суть прелюбодѣяніе и блудъ.

„Есть пути“, говоритъ Премудрый, „которые кажутся человѣку прямыми, но конецъ ихъ путь къ смерти“ (Притча Солом. 14, 12).

Бываетъ, что къ хлыстамъ ходятъ такіе люди, которые не видятъ на ихъ собраніяхъ ничего особеннаго; и сами хлысты сначала учатъ о томъ, что „не нужно ходить на мірскія сборища, ругаться нехорошими словами“ и т. п. И о самихъ себѣ они часто говорятъ миссіонерамъ: „за что вы насъ упрекаете? Мы, правда, собираемся, поемъ, читаемъ слово Божіе и—только, Неужели мы должны оставить все это и ругаться, пить водку, какъ прежде? Такія рѣчи хлыстовъ—лукавы. Дай, Господи, всякаго добра человѣку, который не пьетъ, не ругается, живетъ мирно и благочестиво, читаетъ Слово Божіе и поетъ церковныя пѣснопѣнія! Но зачѣмъ же хлысты собираются тайно, по ночамъ? Спросите людей, кто бывалъ на большихъ собраніяхъ сектантовъ, что скажутъ они? „Грѣхи нѣкоторыхъ людей явны и прямо ведутъ къ осужденію, а нѣкоторыхъ открываются впослѣдствіи, равнымъ образомъ и добрыя дѣла явны, а если не таковы, скрыться не могутъ“ (1 Тимоѳ. 5, 24—25)...

„Что-жъ? у насъ бываютъ и женщины; только у насъ—„нѣсть мужескій полъ, нѣсть женскій“ (Гал. 3, 28), говорятъ иногда сектанты.

Это сказано о будущей жизни (Луки 20, 34—35). А объ этой земной жизни вотъ что говоритъ св. Писаніе: „можетъ ли кто взять себѣ огонь въ пазуху, чтобы не прогорѣло платье его? Можетъ ли кто ходить по горящимъ угольямъ, чтобы не обжечь ногъ своихъ? Тоже бываетъ и съ тѣмъ, кто входитъ къ женѣ ближняго своего: кто прикоснется къ ней, не останется безъ вины“ (Притч. Сол. 6, 27—29).

Есть еще примѣта, почему можно замѣтить хлыста. Это—лживость; хлысты—„лжесловесники“, солгать—ничего не стоитъ для нихъ. Совѣсть сожжена у этихъ людей (1 Тимоѳ. 4, 2).

Между тѣмъ, по Слову Божію „отецъ лжи-діаволъ“ (Іоанна 8, 44); христіанину должно всякому спрашивающему давать правый отвѣтъ (1 Петра 3, 15) и ложь строго запрещается (Лев. 19. 11. Еф. 4, 25. Колосс. 3, 9).

Свои тайныя, неприличныя дѣла хлысты всегда стараются скрыть. „Ибо всякій, дѣлающій злое, ненавидитъ свѣтъ и не идетъ къ свѣту чтобы, не обличились дѣла его, потому что они злы. А поступающій по правдѣ идетъ къ свѣту, дабы явны были дѣла его, потому что они въ Богѣ содѣланы“ (Іоанна 3, 20—21).

Хлыстовское „хожденье въ духѣ“, хлыстовскія пляски—суть своего рода болѣзнь въ родѣ „падучей“ (эпилепсіи), болѣзнь нервовъ, пріобрѣтаемая сектантами путемъ искусственнаго возбужденія. Отъ этой болѣзни разстраивается и душевное и тѣлесное здоровье сектантовъ. Хлыстовское ученіе распространяетъ „запахъ смертоносный на смерть“ (2 Кор. 2, 16. Римл. 6, 23).

Того человѣка, который привыкъ ходить къ хлыстамъ, тянетъ идти туда; бываетъ, что, если не пустить его туда, онъ заплачетъ. Такому человѣку нужно помнить слово, которое Богъ сказалъ Каину: „почему ты огорчился? и отчего поникло лицо твое? Если дѣлаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? А если не дѣлаешь добраго, то у дверей грѣхъ лежитъ; онъ влечетъ тебя къ себѣ, но ты господствуй надъ нимъ“ (Быт. 4, 6—7).

Хлысты иногда говорятъ: „христіанъ прежде ненавидѣли, гнали, — вотъ и насъ теперь гонятъ, значитъ, мы правы,—„та вѣра спасима, которая гонима“.

Нужно сказать на это, что не всякая „гонимая вѣра спасима“; еретики всѣхъ временъ жаловались на преслѣдованія. Неужели, поэтому, они были правы?... „Что за похвала, если вы терпите, когда васъ бьютъ за проступки?“ (1 Петра 2, 20).

Государство позволяетъ жить магометанамъ, евреямъ, а хлыстовская секта государственными законами преслѣдуется. Почему? Потому, что хлысты вредны для государства.

Государство состоитъ изъ семействъ, точно также какъ домъ состоитъ изъ камней, или деревъ. Если кто сталъ бы раздѣлять камни, или деревья дома и перекладывать однѣ половинки къ къ другимъ, тогда домъ бы разрушился. Если кто сталъ бы разлучать жену отъ мужа, мужа отъ жены, родителей отъ дѣтей, дѣтей отъ родителей, словомъ — разрушать семьи, тотъ разрушалъ бы и государство. Хлысты разрушаютъ семью, потому они и вредны для государства и собранія хлыстовъ—считаются запрещенными.—„Какъ же тѣхъ, кто не хлыстъ, а живетъ съ чужой женой, никто не гонитъ?“—спрашиваютъ сектанты.

Въ мірѣ встрѣчаются такіе; и ихъ государство не караетъ.

Почему? Потому, что они не заражаютъ своимъ грѣхомъ другихъ. Если человѣкъ самъ выпьетъ ядъ и его вылечатъ, то его не осудитъ гражданскій законъ. А если онъ отравитъ другого, то отравителя судятъ, какъ убійцу. Такъ точно, и хлыстовъ судятъ за то, что они приносятъ вредъ обществу, распространяя свое пагубное ученіе.

Тѣмъ людямъ, которые зовутся хлыстами, мы отъ лица Церкви и Слова Божія, ею хранимаго, скажемъ: „обратись каждый человѣкъ, посѣщающій ночныя собранія хлыстовъ, къ своей совѣсти, если она не сожглась еще огнемъ хлыстовскаго грѣха, спроси себя, свою душу: не говоришь ли ты пагубной лжи? Не близокъ ли ты къ нечистотѣ, распутству на собраньи? Не запутываешься ли ты въ сѣтяхъ отца лжи и человѣкоубійцы (2 Тим. 2, 26)?

„Скрывающій свои преступленія не будетъ имѣть успѣха; а кто сознается и оставляетъ ихъ, тотъ будетъ помилованъ. Блаженъ человѣкъ, который пребываетъ въ благочестіи, а кто ожесточаетъ сердце свое, тотъ попадетъ въ бѣду“ (Прем. Сол. 28, 13—14).

Православные же должны помнить слова Писанія:

„Завѣщеваемъ же вамъ, братія, именемъ Господа нашего Іисуса Христа; удаляться отъ всякаго брата, поступающаго безчинно, а не по преданію, которое приняли отъ насъ“. „Если же кто не послушаетъ слова нашего въ семъ посланіи, того имѣйте на замѣчаніи и не сообщайтесь съ нимъ, чтобы устыдить его; но не считайте его за врага, а вразумляйте, какъ брата. Самъ же Господь мира да дастъ вамъ миръ всегда во всемъ; Господь со всѣми вами!“ (2 Θессал. 3, 6. 14—16).

Д. Граціанскій.

По расколовѣдѣнію.

Церковь Христова и временно безъ епископа быти не можетъ [1]).

(Изъ полемики).

(Замѣчанія на книгу Ивана Усова „Церковь Христова временно безъ епископа“ миссіонеровъ священника *Сергія Шалкинскаго и Калл. Картушина*).

Посмотримъ, какими „доказательствами“ будетъ оправдывать свою вдовствующую церковь ея сынъ.

Изъ книги Усова.

«Но если бы не только по частямъ, а всѣ сразу епископы уклонились въ заблужденіе, и тогда не должно бы смущаться, какъ чего-то необычнаго и измѣнять православной вѣрѣ. На это кромѣ вышепредставленныхъ есть много другихъ доказательствъ, изъ которыхъ представлю нѣкоторыя. Когда преподобнаго Максима исповѣдника еретики единовольники посадили въ неволю, и начали увѣщевать его принять ихъ ереси, представляя, что съ ними согласились очень многіе епископы, въ томъ числѣ и пришедшіе изъ Рима отъ папы два апокрисарія,—тогда отвѣща (имъ) преподобный (Максимъ): аще и вся вселенная начнетъ съ патріархомъ (еретикомъ) причащатися, азъ не имамъ причаститися съ нимъ: вѣмъ бо Духа Святаго чрезъ апостола Павла, и ангеловъ анаѳемѣ предающаго аще бы инако благовѣстили, новое что вносяще и (чет. мин. генв. 21). Замѣчательно, что преп. Максимъ не сказалъ еретикамъ, что не можетъ быть, чтобы всѣ епископы уклонились въ ересь, сколько нибудь осталось епископовъ, которые не могутъ уклониться. Нѣтъ; онъ сказалъ о паденіи епископовъ больше и сильнѣе, чѣмъ еретики, полагавшіе изумить и убѣдить его множествомъ падшихъ епископовъ; когда они стали говорить ему, что и римскіе апокрисаріи съ ними соединились, и очень многіе епископы, то онъ имъ сказалъ, что если бы не только многіе епископы уклонились въ заблужденіе, но хотя бы даже и вся вселенная,—и то не поколеблюсь въ православіи, хотя и одинъ останусь. А онъ былъ не епи-

[1]) См. „Мисс. Обозр.“ 1906. № 3.

скопъ, а просто игуменъ. Я согласенъ допустить, что еретики обманывали его, когда говорили, что съ ними соединились очень многіе епископы, согласенъ допустить даже, что съ ними никто не соединился: одни они были съ цареградскимъ патріархомъ. Не это важно, а то, что сказалъ преподобный Максимъ исповѣдникъ: если и вся вселенная уклонится въ ересь я одинъ не имамъ причаститися съ отступниками, не послѣдую за ними. Онъ, конечно, не вралъ. Если бы въ его время дѣйствительно случилось, что всѣ епископы уклонились въ ересь, онъ бы сдержалъ свое слово: не послѣдовалъ бы за ними. Мало всѣ епископы; хотя бы вся вселенная уклонилась въ ересь,—и то онъ не смутился бы: остался бы въ православной вѣрѣ. Если бы преподобный Максимъ исповѣдникъ жилъ во времена Никона, онъ нисколько не смутился бы отъ того, что всѣ, или точнѣе—остальные, епископы пали въ заблужденіе, и не послѣдовалъ бы за ними. Но хотя онъ въ то время и не былъ на землѣ, однако содержатели и исполнители его ученія были, и ничуть не смутились отъ того, что остальные епископы пали въ заблужденіе,—не смутились, повторяя слова преподобнаго: «аще и вся вселенная» (а не только двадцать девять епископовъ) начнетъ мудрствовать по-еретически, и то православный христіанинъ не долженъ соблазняться.

Такимъ образомъ древняя святая церковь, святые отцы и учители церкви отнюдь не содержали вашего миссіонерскаго ученія, что всѣ епископы не могутъ уклониться въ ересь. Такъ училъ не одинъ преподобный Максимъ исповѣдникъ, а и другіе святые отцы церкви. Такъ, когда Мартину папѣ римскому предложили принять еретическое ученіе, изложенное въ книгѣ, именуемой «Типъ»,—то онъ отвѣчалъ: «аще бы и весь міръ новое то ученіе, православію противное, восхотѣлъ пріяти, азъ не пріиму, ни отступлю евангельскаго и апостольскаго ученія и святыхъ отецъ преданія, аще ми будетъ и смертію пострадати» (чет. мин. генваря 21).

Замѣчаніе. Преподобный Максимъ Исповѣдникъ и папа Мартинъ, какъ истинные сыны св. Церкви; знали, что слова Спасителя: „созижду Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей“—суть слова Господа Всемогущаго, обѣщанія Котораго истинны и непреложны. Они вѣровали, что какія бы козни ни изобрѣтали еретики,—именуемыя вратами ада,—противъ св. Церкви, она вѣчно будетъ сіять красотой непорочнаго ученія, не уступитъ никакимъ искушеніямъ. Пусть на сторону еретиковъ склонится одинъ—два, даже и больше епископовъ, пусть отпадаетъ цѣлая область, но св. церковь отъ этого не потеряетъ дарованной ей силы „побѣждать міръ“. Они такъ проникнуты были вѣрою въ неодолѣнность еретиками Церкви Христовой, что на временные успѣхи еретиковъ, отторгавшихъ нѣкоторыхъ епископовъ въ свое заблужденіе, смотрѣли, какъ на явленіе, надъ которымъ и не стоило задумываться. И когда еретики указывали имъ на отпаденіе нѣкоторыхъ епископовъ, какъ на доказательство превосходства ереси предъ православіемъ, они отвѣчали:—что вы указываете намъ на нѣкоторыхъ отступниковъ? Если бы вы сказали намъ, что

и вся вселенная, весь міръ, принялъ ваше новое, еретическое ученіе, то мы его не примемъ! Такъ отвѣчали еретикамъ единовольникамъ пр. Максимъ и папа Мартинъ.

Слова ихъ служатъ доказательствомъ не того, что всѣ епископы могутъ уклониться въ ересь, а выраженіемъ ихъ личной твердой вѣры въ непобѣдимость св. Церкви. Церковь же изъ *одного* человѣка состоять не можетъ, какъ извѣстно было имъ изъ словъ св. апостола Павла: „*какъ тѣло одно, но имѣетъ многіе члены, и всѣ члены одного тѣла, хотя ихъ и много, составляютъ одно тѣло: такъ и Христосъ* (1 Кор. 12, 12), такъ и Церковь, поясняетъ св. І. Златоустъ. И въ этомъ церковномъ тѣлѣ *иныхъ Богъ поставилъ во-первыхъ апостолами, во-вторыхъ пророками, въ третьихъ учителями. А если бы всѣ были одинъ членъ, то гдѣ было бы тѣло, т. е. Церковь* (ст. 28, 19). Никто не допуститъ мысли, чтобы пр. Максимъ и папа Мартинъ не знали этихъ словъ, или, что и зная ихъ, они не соглашались съ ученіемъ апостола. Усовъ же не стѣсняется приписывать этимъ защитникамъ апостольскаго ученія такое лжемудрованіе, которое противорѣчитъ словамъ апостола Павла: апостолъ поучаетъ, что *вся* Церковь Христова *изъ одного члена* состоять не можетъ, а они будто бы допускали возможность существованія *всей церкви изъ одного человѣка*. Нѣтъ, пр. Максимъ говоритъ: „вѣмъ бо Духа Святаго чрезъ ап. Павла и ангеловъ анаѳемѣ предающаго, аще бы *инако* благовѣстили, новое что вносяще“. А ученіе о церкви, состоящей изъ одного человѣка, или одного члена, ученіе новое, непреданное св. апостоломъ. Какъ же могъ пр. отецъ проповѣдывать такое ученіе, за которое ему грозитъ страшная анаѳема? Неправду говоритъ Усовъ и въ слѣдующихъ словахъ: „Если бы пр. Максимъ исповѣдникъ жилъ во времена Никона, онъ нисколько не смутился бы отъ того, что всѣ, или точнѣе—остальные, епископы пали въ заблужденіе, и не послѣдовалъ бы за ними“. На чемъ же основано такое предположеніе? Если пр. Максимъ не соглашался принять *ересь* единовольниковъ, не право мудрствующихъ о Лицѣ Господа нашего Іисуса Христа, то это еще не доказываетъ, что онъ сталъ бы спорить изъ-за церковныхъ обрядовъ. Вѣдь онъ не Аввакумъ, не Никита Пустосвятъ, а св. отецъ, святые же отцы говорятъ: „срамно есть изъ-за обрядовъ ратоватися“! Да, живи онъ во времена п. Никона, онъ сказалъ бы расколовождямъ: „срамно, братія, изъ-за обрядовъ ратоватися!.. смотрите, не оцѣживаете ли вы комара, глотая верблюдовъ: спорите изъ-за обрядовъ и чрезъ этотъ споръ разрываете союзъ со св. Церковью, являетесь преслушниками Спасителя нашего, заповѣдывавшаго слушаться пастырей церкви, какъ Его Самого... Стыдитесь“!

Таково первое и самое сильное доказательство Усова, положенное

въ основу всей его книги. Но это доказательство, какъ ясно каждому, ни единымъ словомъ не оправдываетъ положенія Усова, а лишь обличаетъ его въ клеветѣ на преподобнаго *Условныя выраженія* пр. Максима: „*аще* и вся вселенная *начнетъ*“ и папы Мартина: „*аще бы* и весь міръ *восхотѣлъ* пріяти“—Усовъ безцеремонно выдаетъ *за положительное* ихъ ученіе. Кромѣ того, допуская возможность бытія Церкви Христовой изъ одного человѣка, который подлежитъ смерти, Усовъ допускаетъ конечное прекращеніе существованія Церкви Христовой: померъ этотъ челоѣкъ, и на землѣ не осталось ни одного истиннаго христіанина, не осталось Церкви. И такое-то свое нечестивое ученіе онъ выдаетъ за ученіе пр. Максима исповѣдника и папы Мартина.

Такъ поступать свойственно только еретикамъ: „Еретицы же сердца людей простыхъ вводятъ въ обманъ добрыми и сладкими рѣчами, Христовымъ именемъ, какъ медомъ, прикрывая ядъ злочестивыхъ ученій. О всѣхъ нихъ въ совокупности говоритъ Господь: *блюдите, да никто же васъ прельститъ* (Матѳ. 24, 4). Для сего-то и проповѣдуется ученіе вѣры и изъясненіе оной“ (Св. Кирилла. 40 гл. сл. ст. 2).

Изъ книги Усова:

Такъ и святый Василій Великій, вселенскій учитель, писалъ къ монахамъ, утѣсненнымъ отъ аріанъ: «Да не устрашаетъ васъ многочисленность народа, волнуемая, какъ вода въ морѣ, вѣтрами, ибо, если и одинъ кто спасется, какъ Лотъ въ Содомѣ, долженъ держаться здраваго сужденія, имѣя непоколебимое упованіе о Христѣ, потому что Господь не оставитъ преподобныхъ Своихъ» (твор. его ч. 7, письмо 249).

Замѣчаніе. Второе „доказательство“ о возможности бытія церкви Христовой безъ епископа Усовъ усматриваетъ въ приведенныхъ словахъ св. Василія Великаго. Но въ этихъ словахъ никто, кромѣ Усова, не найдетъ такого ученія. Изъ нихъ видно только, что св. отецъ увѣщеваетъ монаховъ пребывать непоколебимыми въ Православіи, уповать на Господа, который не оставитъ *преподобныхъ* (не одного, а многихъ) Своихъ, какъ не оставилъ праведнаго Лота съ семействомъ въ Содомѣ, но спасъ его отъ угрожавшей опасности. „Если“ (опять *если*) и *одинъ* кто изъ братіи этого монастыря „спасется“, т. е. останется живъ, и тотъ не долженъ смущаться. Но васъ спасется много, ибо Господь не оставитъ *преподобныхъ* Своихъ, не допуститъ, чтобы еретики одержали побѣду надъ Святой Церковью.

Изъ книги Усова.

Такъ и другой вселенскій учитель, святый Іоаннъ Златоустъ, указывая, что безначаліе есть зло, а такъ же зло есть неповиновеніе подчиненныхъ, говоритъ, между прочимъ, такъ: «Но скажетъ кто нибудь, есть еще третье зло,—когда начальникъ нехорошъ. Знаю: это не малое зло, и

даже гораздо большее, нежели безначаліе, потому что лучше не управляться никѣмъ, нежели быть подъ управленіемъ дурного начальника. Въ первомъ случаѣ народъ иногда подвергается опасности, а иногда и спасается. Въ послѣднемъ же всегда находится въ опасности и увлекается въ пропасть. Почему же Павелъ говоритъ: повинуйтеся наставникамъ вашимъ и покоряйтеся? Онъ выше сказалъ: ихже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ, а потомъ и говоритъ: повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покоряйтеся. А что, скажешь, когда начальникъ нехорошъ, то не нужно повиноваться ему? Нехорошъ,—въ какомъ смыслѣ говоришь ты? Если по отношенію къ вѣрѣ, то бѣги отъ него и не сообщайся съ нимъ, хотя бы онъ былъ не только человѣкъ, но даже ангелъ сшедый съ небесъ: если же по отношенію къ жизни, то не спрашивай объ этомъ (34 бесѣда на посл. евр.).

Замѣчаніе. Третье свидѣтельство Усовъ находитъ, и опять ложно, у св. Іоанна Златоуста. Въ виду того, что эти слова великаго учителя часто приводятъ не только австрійцы въ оправданіе „временнаго“ состоянія ихъ мнимой церкви безъ епископа, но и безпоповцы видятъ въ нихъ ученіе о возможности бытія церкви Христовой безъ священства, мы обращаемъ на него особенное вниманіе.

Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе, что св. Іоаннъ Златоустъ былъ архіепископомъ церкви Православной—жилъ въ такое время, когда Церковь Христова обуревалась еретическими лжеученіями—и, несмотря на это, онъ никогда ни однимъ словомъ не высказалъ той мысли, какую настойчиво проповѣдуютъ съ настоящее время безпоповцы и единомысленные имъ въ этомъ вопросѣ австрійцы,—что Церковь Христова можетъ совершенно лишиться всѣхъ истинно-православныхъ епископовъ и священниковъ. Кто знакомъ съ твореніями св. Іоанна Златоуста, тотъ знаетъ, что св. Іоаннъ, напротивъ, убѣждалъ своихъ пасомыхъ, что неправильно называютъ себя православными тѣ лжеучители и ихъ послѣдователи, которые не имѣютъ епископовъ. „Непщуете ли сіе довлѣти, говоритъ онъ, яко православни суть? А яже рукоположенія исчезаютъ и погибаютъ? И кая польза есть иныхъ, сему не сущу опасну? Якоже бо за вѣру, тако и за сіе ратоватися подобаетъ“ (11 нравоуч. на посл. Ефес. стр. 1693). Если бы во времена св. Іоанна Златоуста были бѣглопоповцы (каковыми были австрійцы до принятія бѣглаго митрополита Амвросія) и стали бы доказывать ему, что они содержатъ *обряды*, *считая* ихъ *за старую вѣру*, что они совершаютъ уставное богослуженіе, постятся, помогаютъ ближнимъ своимъ и пр., св. Златоустъ сказалъ бы имъ: напрасно вы хвалитесь своей вѣрой, своимъ богослуженіемъ и под.: ни вѣра ваша, ни богослуженіе не даютъ вамъ права именоваться православными христіанами: „кая вамъ польза есть иныхъ“, когда у васъ нѣтъ совершенія таинства рукоположенія? Не забывайте, что это таин-

ство должно быть для истиннаго христіанина такъ же дорого, какъ и самая вѣра. Истинно-православная Церковь не можетъ быть безъ епископовъ: если въ какомъ обществѣ повидимому и содержится правая вѣра, но епископовъ, совершителей таинства рукоположенія, нѣтъ то такое общество я не назову православнымъ; принадлежащіе къ нему тяжко погрѣшаютъ, думая, что и одной вѣры достаточно, что бы именоваться и быть православными.

Такъ сказалъ бы св. Іоаннъ и Усову.

Однажды, когда св. Іоанна Златоуста неправедно осудили въ ссылку и паства его горько плакала, высказывая даже свое намѣреніе не подчиняться епископу, котораго поставятъ вмѣсто сосланнаго св. Іоанна, святитель Божій говорилъ имъ: „не мозите никто-же васъ отторзатися отъ Церкви... не можетъ бо церкви безъ епископа быти... и тако милость примите отъ Бога“ (Марг. л. 154 об. втор. счета). Не подчиненіе законно поставленному (хотя бы и на мѣсто незаконно изгнаннаго) епископу св. отецъ называетъ „отторженіемъ“ отъ св. Церкви.

Слѣд. св. учитель вселенной—„Павловы уста, уста котораго суть Христовы уста“—поучаетъ, что милость и вѣчное спасеніе получатъ только пребывающіе въ единеніи со св. Церковію, тою св. Церковію, которая „безъ епископа быть не можетъ“.

Но, скажутъ, въ другомъ мѣстѣ св. Златоустъ учитъ, что можно быть не только безъ епископовъ, но и совершенно безъ пастырей, да не только можно, но еще и *лучше* быть безъ нихъ, чѣмъ съ пастырями.

„Кто же изъ читателей будетъ настолько несправедливъ,—говоритъ блаженный Іеронимъ,—чтобы судить меня не изъ моихъ собственныхъ словъ, но по своему разумѣнію ихъ?.. Обязанность толкователя излагать не то, что ему вздумается, но то, что думаетъ тотъ, кого истолковываетъ. Если бы кто-нибудь сталъ поступать наоборотъ, то онъ сталъ бы не столько толкователемъ, сколько противникомъ того, кого старался объяснить“ (твор. бл. Іерон. т. 2, стр. 18, 39, изд. 2, Кіевъ 1894 г.). Несправедливымъ толкователемъ св. Златоуста и противникомъ его является и Усовъ. Своимъ толкованіемъ онъ допускаетъ мысль, что св. отецъ не всегда училъ одному и тому же, что его ученіе противорѣчитъ само себѣ. Въ одномъ мѣстѣ онъ учитъ, что „безъ епископа церковь не можетъ быти“, въ другомъ говоритъ, что „безъ пастырей *лучше* спасешься“. Такъ учить св. отецъ не могъ, иначе его никто изъ пастырей церкви не считалъ бы достовѣрнымъ учителемъ. „Подобаетъ вѣдати, говоритъ преп. Максимъ Грекъ,—яко всяко писаніе треми нѣкіими свойствы изряднѣ достовѣрное и твердое имать: аще убо отъ благовѣрнаго и соборнѣй церкви знаема.

и знаменитаго списателя сложено бысть; второе, аще по всему согласуетъ апостольскимъ догматомъ и преданіямъ, третіе, аще кто само къ себѣ по всему согласуетъ, а нигдѣ же разликуетъ" (Твор. Макс. Грек. ч. 3, стр. 104, по 2 изд. Казань 1897 годъ).

Но какъ же, однако, понимать слова св. Іоанна, приведенные Усовымъ: „*лучше* не управляться никѣмъ, нежели быть подъ управленіемъ дурного начальника"? Для правильнаго разумѣнія этого отрывочнаго изреченія, прочитаемъ полностью слова св. Іоанна по старопечатной книгѣ „Бесѣды на 14 посланій ап. Павла". Вотъ что говоритъ въ нихъ святитель Божій. „Злое убо есть вездѣ безначаліе, и многихъ золъ вина, и начало безчинія и сліянія: наипаче же въ Церкви толико не твердое есть, елика и начала вящшее и высочайшее. Яко же бо аще лика Верховнаго отъимеши, не будетъ Ликъ по пѣсни и по чину и аще есть полка воинству Воеводу оставивши, не къ тому правленіемъ и чиномъ яже ополченія будутъ, и отъ корабля кормчію аще отъимеши, погрузиши корабль: тако и отъ стада пастыря аще оставивши, вся развратилъ еси и погубилъ: зло убо безначаліе, и возмущенію вина. Злое же не мнѣе и неповиновеніе начинаемыхъ. Тожде бо бываетъ паки. Людіе бо князю не повинующеся, подобни суть не имущему: негли же и горшіи тако убо (поне) и прощеніе имутъ о безчиніи: здѣ же нектому, но и мучими бываютъ. Но негли (если) кто речетъ намъ, яко есть и третье зло, егда Начальникъ будетъ золъ; вѣмъ и азъ, яко не мало сіе зло, но и безначалія много злѣйшее: лучше бо есть ни отъ единаго водиму (обладану) быти, нежели отъ злаго водиму быти, той бо многажды спасеся, многажды же и бѣду подъятъ: сей же всячески бѣду пріиметъ, въ яму ведомъ сый... Что убо рече, егда золъ будетъ, не повинемся ли; золъ, како глаголеши; аще убо вѣры ради, бѣгай его и отрицайся... аще же ли житія ради, не испытуй". (34 бес. на посл. Евр. зач. 335, стр. 3113—14).

Намъ уже извѣстно, что св. Іоаннъ Златоустъ не допускалъ и мысли о возможности бытія Церкви безъ епископа. Теперь, въ поясненіе того же ученія онъ говоритъ: „Злое убо есть вездѣ безначаліе, и многихъ золъ вина, и начало безчинія и сліянія: наипаче же въ церкви (ибо) отъ стада пастыря аще оставиши, *вся развратилъ еси и погубилъ*: *зло* убо есть *безначаліе*, и возмущенію вина. Эти слова Усовъ намѣренно опустилъ, какъ рѣзко обличающіе его лжетолкованіе. А въ нихъ и содержится главная мысль всего разсужденія св. отца. Онъ говоритъ, что быть безъ начальника есть *зло* во всякомъ дѣлѣ, а особенно въ церкви, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ такое *зло*, что безъ пастыря церковь есть *развращенная* и *погубленная*, т. е. не Христова. Съ этимъ невольно соглашается и самъ Усовъ, говоря ниже (гл. 14): „пребываніе церкви безъ епископа—состояніе жестокое, испы-

таніе великое и тяжкое, бѣдствіе горестное“ и ниже: „когда митрополитъ Амвросій присоединился къ ней (церкви развращенной и погубленной) и она снова стала съ епископами, тогда она представилась въ самомъ дѣлѣ *возустроенною, воскресшею*, т. е. до бѣглеца Амвросія расколо-бѣглопоповщинская церковь была разрушенной, мертвой и только благодаря прикосновенію къ ней еретика (каковымъ считала Амвросія) „мертвая“ бѣглопоповщинская церковь снова устроилась и воскресла! Вотъ какую силу приписываетъ Усовъ еретику: онъ не только можетъ воскрешать мертвыхъ, но даже воскресилъ Церковь, глава Которой Христосъ не могъ, по его мнѣнію, воскресить Свою Церковь, а еретикъ-епископъ могъ!

Итакъ, бытіе церкви безъ епископа есть такое страшное *зло*, которое умерщвляетъ всю Церковь.

Но есть и второе *зло*, говоритъ св. Златоустъ: зло это состоитъ въ неповиновеніи законнымъ пастырямъ.

Третье зло, продолжаетъ Златоустъ, еще злѣе хуже перваго—безначалія.

Какое же *это зло*? *Злый начальникъ*. Но говоритъ ли онъ, что всѣ и всюду начальники будутъ злы? Нѣтъ, не говоритъ, ибо онъ раньше еще сказалъ, что истинная Церковь Христова безъ истинныхъ православныхъ епископовъ быть не можетъ.

Если вдуматься въ слова св. Іоанна, то они безпощадно осуждаютъ раскольниковъ: всѣ три вида зла постигли ихъ по отдѣленіи отъ св. Церкви. Они, порвавъ единеніе со *сз.* Церковію, остались безъ начальниковъ церковныхъ — епископовъ. А гдѣ нѣтъ епископовъ, тамъ нѣтъ и Церкви (св. Кипр.), нѣтъ и не дается таковымъ и Духъ Святый (Ник. Черн.)--такая церковь становится мертвою, какою ее считаетъ и самъ Усовъ.

Второе зло—неподчиненіе раскольниковъ законнымъ пастырямъ церкви Православной.

Третье зло — признаніе ими „злыхъ“ пастырей-мірянъ епископами, священниками и діаконами.

Это третье зло самое худшее, такъ что безпоповцы, пребывающіе безъ пастырей, *лучше* австрійцевъ: безпоповцы „многажды“ спасутся, обращаясь ко св. Церкви, а австрійцы „всячески бѣду пріимутъ, въ яму ведоми суть“ злыми пастырями—мірянами.

Вотъ въ какомъ отношеніи безначаліе *лучшее зло* по сравненію съ пребываніемъ подъ управленіемъ злыхъ пастырей. Но какъ первое, такъ и второе зло тоже спасти никого изъ пребывающихъ въ немъ не можетъ. „Спасеніе“ даруетъ намъ не зло, а св. „*церковь*“. (В. Кат. л. 119—122 Ник. Черн. л. 141).

(Продолженіе слѣдуетъ).

ХРОНИКА.

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и нѣкоторыя мнѣнія по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.

Обзоръ свѣтской печати.

(О новой книгѣ В. В. Розанова „Около церковныхъ стѣнъ“).

I.

Нынѣшняя смута захватила все русское общество какъ-то врасплохъ. Ея не ждали. Казалось, что вездѣ „все обстоитъ благополучно“, прогрессъ шибко идетъ впередъ, эволюція дѣйствуетъ во всю, „мыслящая Россія“ „сознательно“ идетъ къ вполнѣ опредѣленной цѣли, жизнь организуется и кристаллизуется, а „вожди человѣчества“ и „властители думъ“ отлично знаютъ дорогу и ведутъ за ссбою толпы „впередъ и выше, все впередъ и все выше“.

Но—одинъ взмахъ какой-то магической и волшебной палочки, одинъ крутой поворотъ исторіи, котораго не ждали, въ который не вѣрили,—и все измѣнилось.

Храмъ науки, о которомъ такъ много и краснорѣчиво говорили на всѣхъ торжищахъ и рынкахъ, которыми гордились и хвалились,—оказался убогимъ и дешевымъ балаганомъ. Обои отстали и клочьями висятъ вдоль стѣнъ, осыпалась штукатурка, на подгнившемъ полу валяется мусоръ. Старые шуты скинули свои колпаки съ погремушками, пестрые костюмы и мишурныя украшенія и на ихъ усталыхъ, дряблыхъ и желтыхъ послѣ долгаго грима лицахъ видны слѣды утомленія, унынія, скуки.

Они знаютъ, что имъ уже не вѣрятъ и больше вѣрить не будутъ и не возлагаютъ надеждъ на новый успѣхъ своего надоѣвшаго всѣмъ фарса.

Въ какую трясину затащилъ насъ недавно ликовавшій прогрессъ! До чего довертѣлась „общественная стихійная эволюція“! Гдѣ тѣ прославленныя „идеи“, на которыя такъ долго и такъ слѣпо возлагала всѣ свои надежды „мыслящая Россія“?

Миражъ—пропалъ. Слишкомъ сурово дохнулъ на него свѣжій, холодный и отрезвляющій воздухъ реальной жизни. Пустыня оказалась пустыней. Ничего впереди и ничего позади.

Мы говоримъ объ огромномъ большинствѣ такъ называемаго „интеллигентнаго“ общества. Было, конечно, и меньшинство. Эти старовѣры недовѣрчиво и подозрительно относились къ той волшебной сказкѣ, которую такъ монотонно и утомительно разсказывали разные „передовые умы“. Они говорили, что это только слова, а не понятія, только „идеи“ мечтательнаго воображенія, а не ростъ мысли въ видѣ широкаго знанія и умнаго опыта. Но они были одиноки. Ихъ голосъ былъ голосомъ „вопіющаго въ пустынѣ“. Торжествующій прогрессъ шелъ своей дорогой, не слышалъ угрозъ и предостереженій, какъ новый Нарциссъ, любовался собою въ отраженіи на глади стоячей воды, пока не свалился въ болото.

Полное банкротство обнаружилось такъ недавно, произвело такое ошеломляющее впечатлѣніе, что точно и безошибочно подвести всѣ итоги—время еще не настало. Но крупныя цифры и главнѣйшіе промахи и ошибки очевидны для каждаго, кто не утратилъ способности просто смотрѣть на вещи и отдавать себѣ отчетъ въ событіяхъ, людяхъ и идеяхъ.

Дѣло въ томъ, что признаки приближающагося урагана—были на глазахъ у всѣхъ. На глазахъ у всѣхъ популярные писатели и журналисты сѣяли вѣтеръ, готовя бурю. Происходила самая комическая переоцѣнка цѣнностей. Сбывалось то, что отмѣтилъ когда-то покойный Влад. Соловьевъ въ шуточномъ стихотвореніи о библейскомъ пророкѣ Валаамѣ, которому Господь запретилъ говорить и отверзъ уста его ослицѣ. Въ этомъ талантливый юмористъ видѣлъ предсказаніе для Россіи.

Гонима, Русь, ты безпощаднымъ рокомъ,
Какъ нѣкогда невѣрный Валаамъ:
Заграждены уста твоимъ пророкамъ
И слово вольное дано твоимъ осламъ.

Это, конечно, оказало и должно было оказать огромное вліяніе на предпринятую въ то время оцѣнку цѣнностей. Все, что считалось порокомъ, мало по малу становилось добродѣтелью. Полуграмотная полуобразованность въ каждой распивочной газетѣ выдавала себя за послѣднее слово науки. Наслѣдственные лѣнтяи и эгоисты возлагали

на себя затасканные вѣнки жрецовъ человѣчества и братства народовъ.

Такая переоцѣнка была, конечно, только манерой рѣчи и на жизнь не вліяла. Все по прежнему оставалось на своихъ мѣстахъ—порокъ и добродѣтель, умъ и глупость, знаніе и идейное невѣжество. Въ итогѣ этой переоцѣнки остались только нелѣпыя и безполезныя „вѣрованія и убѣжденія лучшей части русской интеллигенціи“.

Каждый работалъ въ своей области. Беллетристы пѣли босяковъ, бродягъ и хулигановъ и только въ нихъ видѣли предшественниковъ торжествующаго и державнаго пролетаріата. Публицисты на тысячи ладовъ перетряхивали засаленныя популярныя книжки съ изложеніемъ великихъ идей Маркса и Энгельса, Бебеля и Либкнехта, Бернштейна и Каутскаго. Юристы говорили о постоянной амнистіи, о безотвѣтственности и невмѣняемости каждаго преступленія и о той прожорливой „средѣ“, которая въ лицѣ воровъ и убійцъ „заѣдаетъ“ самые лучшіе элементы роста личности и правоваго сознанія. Богословы говорили...

Но здѣсь сдѣлаемъ остановку. Именно о богословахъ-то мы и хотимъ повести рѣчь. За послѣднее время заговорили, какъ кажется, настоящіе богословы и рѣчи ихъ слѣдуетъ выслушать съ полною серьезностью и съ полнымъ вниманіемъ. Но еще недавно вмѣсто настоящихъ богослововъ на богословскія темы говорили...

Впрочемъ скажу просто и коротко: въ этомъ первомъ моемъ „Обзорѣ печати“ въ „Миссіонерскомъ Обозрѣніи“ мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ о новой книгѣ В. В. Розанова „Около церковныхъ стѣнъ“, въ которой онъ безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія и злого умысла собралъ нѣсколько своихъ журнальныхъ и газетныхъ статей.

II.

Удивительная книга!

Впрочемъ, это выраженіе блѣдно и слабо.

Неправдоподобная книга!

Каждая страница и почти каждый абзацъ на страницѣ—въ своемъ родѣ перлъ, достойный чрезвычайнаго изумленія. Яхонтовъ, алмазовъ и жемчужинъ такъ много, что просто глаза разбѣгаются. Извѣстно,

Что въ морѣ купаться, то Данте читать.

Тоже можно сказать и про В. В. Розанова. Поэтому во что бы то ни стало необходимо ограничить почти необозримое поле зрѣнія. Мы будемъ говорить только о характерномъ „Предисловіи“ автора и обо его первой статьѣ „Религія, какъ свѣтъ и радость“, съ которой

г. Розановъ восторженно привѣтствуетъ литературные опыты „батюшки Петрова“. Но и здѣсь—увы!—мы не надѣемся сдѣлать полную опись золотой розсыпи отдѣльныхъ словъ и выраженій.

„Ничто изъ далекихъ моихъ воспоминаній, — такъ г. Розановъ начинаетъ свое „Предисловіе“,—такъ не ярко, какъ весеннія игры на бугоркѣ, гдѣ стояла наша Покровская церковь“.

Будьте внимательны, читатель! Это не спроста. Тутъ многозначительный намекъ на рядъ большихъ выводовъ и неожиданныхъ обобщеній.

Во-первыхъ,—*Покровъ*.

„На вопросъ, что это такое,—не только всякій мужикъ, но и почти всѣ образованные даютъ отвѣтъ: *„не знаю“*.

Возможно. Но что-же изъ этого слѣдуетъ?

„Это странная смѣсь *любви* и *незнанія*, *молитвы* съ *невѣдѣніемъ*, къ чему она собственно прикрѣплена,—напоминаетъ наивный отвѣтъ древнихъ на вопросъ: „чей жертвенникъ это стоитъ?“—„Это жертвенникъ Невѣдомому Богу“, „Deo ignoto“. Достопочтеннѣйшій архимандритъ (нынѣ епископъ) Антонинъ на одномъ изъ Религіозно-философскихъ Собраній въ 1903 г. объяснилъ объ этомъ Templo Dei ignoti аѳинянъ, что древніе политеисты не только не исключали поклоненія никакому чуждому имъ самимъ Богу, но были такъ простодушны и ласковы ко всѣмъ народамъ, что на тотъ случай, если въ какой-нибудь странѣ, такъ сказать географически не открытой, тамошнее населеніе или по забывчивости, или отъ бѣдности, или по какой-нибудь случайности не поставило алтаря своему Богу,—то вотъ они, аѳиняне, ставятъ этому Deo ignoto алтарь; и такимъ образомъ божество не останется безъ жертвы, а народецъ ничего не потерпитъ за безбожіе“.—Неправда-ли, какая простота и грація? Любовь и братство международное еще въ пору, когда не существовало науки международнаго права“.

При такомъ „выступленіи“ авторъ сама собою припоминается одна старая побасенка.

— Для начала недурно,—сказалъ смуглый турокъ, когда его посадили на колъ.

Г. Розановъ въ дѣтскомъ простодушіи не хочетъ знать, что каждый, кто молится чужимъ невѣдомымъ богамъ, не чтитъ и не знаетъ своего Бога, что это не вѣротерпимость, а безвѣріе. Пусть у насъ плохо знаютъ, что такое „Покровъ“, но это отнюдь не та степень религіознаго безразличія, на которой молятся всякому невѣдомому богу—и только потому, что онъ—„невѣдомый“. Это повадка нашей интеллигенціи, а вовсе не простого народа. Отъ маленькаго факта г. Розановъ, этотъ сущій младенецъ въ логикѣ, очертя голову пере-

прыгнулъ въ лоно „братства международнаго“, гдѣ его пучина и поглотила, какъ китъ Іону.

Впрочемъ дѣлать логическій учетъ выводамъ г. Розанова—довольно мудрено. И по этому образцу видно, что мысли у него, какъ у пушкинскаго мельника, „разсѣяны, какъ листья послѣ бури“.

III.

Вернемся къ первой фразѣ „Предисловія“. Былъ „Покровъ“.

Теперь, во-вторыхъ, „на бугоркѣ“.

„Хорошій обычай у русскихъ ставить храмъ на бугрѣ, на горѣ. Это напоминаетъ обычай древнихъ поклоняться Богу „на высотахъ“, „высокихъ мѣстахъ“, „горахъ“. Еще Соломонъ „приносилъ жертвы и куренія на высотахъ“... Мартовское—апрѣльское солнце обсушитъ, бывало, этотъ бугорокъ раньше всей околицы. Вездѣ зима, а около храма—весна. Какъ это хорошо. Пусть физики догадываются, что каменныя ступени паперти и отраженіе отъ бѣлыхъ каменныхъ стѣнъ солнечныхъ лучей нагрѣвали бугорокъ. Я не дѣлю Бога и солнце: Солнце—какъ правый глазъ Божій, а луна—лѣвый, и ими обоими Небо смотритъ на нашу милую землю. Значитъ, если Небо сушитъ бугорокъ своего возлюбленнаго мѣста—это Богъ его сушитъ. Вѣдь земля—дитя Солнца... Но я все сбиваюсь въ сторону и пишу разсѣянно“.

„Не то, чтобы разсѣянно... Тутъ-бы лучше другое слово... Надо сообразить все... Солнце, Небо, Богъ... Пожалуй, и это по своему Троица... Но не та, очевидно, не та... Такъ и кажется, что это отрывокъ изъ догматическаго богословія „древнихъ“, покланявшихся Хорсу и Дажбогу, Ваалу и Мелиттѣ“.

Часъ отъ часу не легче. Начали съ „невѣдомаго бога“ пришли къ догматикѣ солнцепоклонниковъ!

Вотъ до чего гг. Розановыхъ „бугорки“ доводятъ! Вещь маленькая, а приводитъ—къ откровенному язычеству.

Впрочемъ, это, быть можетъ, слѣдствіе литературной манеры автора. При начитанности онъ не обладаетъ логическимъ мышленіемъ, не умѣетъ точно, строго и послѣдовательно дѣлать необходимые выводы.

Нельзя назвать его методъ и мистическимъ. Тамъ есть единобожіе, есть одно начало. Здѣсь мистическій методъ проникается насквозь аппетитами эпикуреизма и поэтому пріобрѣтаетъ направленіе собирательное, эклектическое, валитъ въ одну кучу Бога и Небо, Солнце и Луну, благочестіе и шалости Венеры.

При такомъ методѣ каждый пустякъ пріобрѣтаетъ неподобающее ему всеобщее и таинственное значеніе, становится прообразомъ и символомъ.

На соблазнъ и искушеніе г. Розанова около церкви былъ цвѣтникъ, были колокольчики, розы и астры. Для простого человѣка тутъ ничего чудеснаго и пророческаго—нѣтъ. Но г. Розановъ—не таковъ. Онъ съ мѣста въ карьеръ начинаетъ декретировать новую главу языческой миѳологіи.

„Я удлинилъ-бы эти грядочки цвѣтовъ и узкой полосой ввелъ бы ихъ въ церковь: пусть и цвѣточки, какъ я же, слушаютъ неизъяснимую херувимскую пѣснь, которую, если и я слушаю, то не понимаю, а все-же хорошо. И я думаю: все хорошо, что мы не понимаемъ; а что мы понимаемъ, то не очень хорошо“.

Это была-бы типичная и характерная рѣчь типичнаго русскаго интеллигента, который вѣритъ только въ то, чего не понимаетъ, если бы сквозь эту проповѣдь безсознательности и принципіальнаго невѣжества не пробивалась струйка задорнаго и чувственнаго пантеизма. Пока опредѣлимъ эту удивительную тираду, какъ желаніе автора, чтобы земля, мать сыра земля, вошла въ церковь. И отмѣтимъ мимоходомъ слащавую и приторную манеру его рѣчи. Грядочки... цвѣточки... Такъ нѣжно и мягко играютъ на уменьшительныхъ и ласкательныхъ именахъ, какъ извѣстно, скопцы.

Но изъ этихъ „цвѣточковъ“ выходятъ и другія ягодки.

Авторъ на какой-то стражѣ „Около стѣнъ церковныхъ“.

„Стѣны эти какъ-бы расходятся; служба становится открытою; херувимская несется по лугамъ, лѣсамъ; умиляетъ птичекъ, смиряетъ звѣрей, всѣ спѣшатъ къ человѣку: „благодаримъ, что ты не забылъ про насъ и вынесъ Бога твоего всѣмъ твоимъ братьямъ по райскому саду. Нынѣ какъ и тогда, Богъ ходитъ между своихъ тварей“.

Значитъ,—земля цвѣточной дорожкой вошла въ церковь, а церковь вышла изъ церковныхъ стѣнъ, пошла по землѣ, слилась съ землей и въ ней исчезла.

Вотъ чего ждалъ и ждетъ В. В. Розановъ „около церковныхъ стѣнъ“!

Такихъ чудаковъ, какъ онъ, конечно, немного. У „церковныхъ стѣнъ“ христіанской церкви ему ждать нечего. Здѣсь онъ случайный туристъ, изучающій архитектурный стиль церковной постройки. Здѣсь онъ чужой.

Передъ аудиторіею русской интеллигенціи, темной и невѣжественной, онъ могъ за туманными образами и символами прятать свой младенчески-наивный пантеизмъ, прикрывать подогрѣтое язычество

именемъ и формулами христіанства. Но для зрячаго и знающаго человѣка сквозь дыры его краснорѣчія просвѣчиваетъ лукавство и лицемѣріе.

Пантеизмъ, какъ такой, мы порицать не будемъ. Въ исторіи философіи онъ долженъ былъ имѣть и имѣлъ свое мѣсто. Въ нѣдрахъ этой доктрины рождались и работали и великіе умы, и благородные характеры. Но они имѣли мужество исповѣдывать свою доктрину. Унихъ была своя честность невѣрія. Они не терлись „около церковныхъ стѣнъ“ и не поддѣлывались подъ церковный языкъ. Они были такъ-же далеки отъ лицемѣрной казуистики, какъ и отъ шпіонства.

Чего-же или, вѣрнѣе, кого-же ждетъ В. В. Розановъ „Около стѣнъ церковныхъ“?

Оказывается, „батюшку Петрова“ и ему подобныхъ.

Какъ только „батюшка“ пришелъ, религія стала „свѣтомъ и радостію“.

Переходимъ къ этой главѣ „Голубиной книги“ нашего язычника-мистика.

IV.

Пришелъ „батюшка“ и у Розанова—пиръ горой.

„Мы даже вовсе и совершенно безгрѣшны, дѣти Божій, птицы Божіи, лиліи Божіи, безъ какой-либо тѣни первородной испорченности въ нашелъ „я“. Маленькое психологическое наблюденіе: вы даже невиновны. но сознаете, что васъ *подозрѣваютъ* въ винѣ, что на васъ *дурная тѣнь*, и которой вамъ нѣтъ стредствъ избыть: какая унылость, апатія устанавливается въ душѣ! До чего не хочется ничего дѣлать! И эта психика угнетенности наконецъ переходитъ и въ психику *озлобленія*. Такъ тяжело, что я становлюсь и въ самомъ дѣлѣ дуренъ, я ищу и подлинно нахожу (сознаю) вину! Т. е. *иллюзія грѣха создаетъ въ самомъ дѣлѣ грѣхъ*. Вотъ психологія: и кто не узнаетъ ее, оглянувшись кругомъ на помертвѣлыя, тусклыя очи міра? Но мы похвалены: а, теперь-то уже мы побѣдимъ! И ноги не устанутъ, и руки не опустятся Теперь это частное практическое наблюденіе раздвинемъ до края „видимаго и невидимаго“. Мы всемірно милы. Богъ прямо не *налюбуется* на насъ и нашу невинность и, такъ сказать, ежесекундно въ творческихъ нѣдрахъ Своихъ повторяетъ: какую тварь я создалъ: кто подобенъ въ красотѣ и совершенствѣ ей“.

Признаюсь, что привожу эти вздорныя и языческія фразы съ чувствомъ конфузливости и даже нѣкоторой брезгливости. Есть здѣсь и неприкрытый цинизмъ, и та болѣзненная самовлюбленность, которая

когда-то довела Нарцисса до того, что онъ потерялъ человѣческій образъ и, ставъ цвѣткомъ, попалъ въ болото. А вѣдь то Нарциссъ, красавецъ и по мѣркѣ такихъ тонкихъ цѣнителей красоты, какъ греки!

Какъ-же это угораздило г. Розановъ влюбиться въ себя и свои грѣхи?

Всѣ эти разсужденія по своей нелѣпости и вздорности вызвали-бы только пренебрежительную улыбку у всякаго серьезнаго человѣка, если-бы подъ ними не таились лукавство и постороннія цѣли. Цѣль его, какъ мы видѣли, выманить церковь изъ церковныхъ стѣнъ... Явный жрецъ тайныхъ пороковъ, онъ хотѣлъ замѣнить церковь чувственной и пьяной вакханкой, и не безъ успѣха трудился на этомъ поприщѣ, стяжалъ себѣ имя богослова, чуть не учителя церкви, спорилъ съ епископами и учеными профессорами,—и ему серьезно отвѣчали, вѣрили его мнимому христіанству, въ спорѣ съ нимъ ссылались на тексты писанія и даже договаривались о компромиссѣ,—можетъ быть, подъ вліяніемъ старой легенды о сатирѣ, который,—на зло стихіямъ,—сталъ монахомъ, подвижникомъ и анахоретомъ.

Но попробуемъ всмотрѣться въ узоры этой лукавой и лживой діалектики, поискать въ нихъ другого смысла, посмотрѣть на нихъ при иномъ освѣщеній.

Грѣха—нѣтъ. Нѣтъ отвѣтственности, нѣтъ вмѣненія. Беремъ общую и голую форму. Богословскія разсужденія о первородномъ грѣхѣ и искупленіи—здѣсь, конечно, не къ мѣсту. Г. Розановъ вовсе не къ тому клонитъ.

Нѣтъ-ли среди „вѣяній и теченій“ нашей интеллигенціи такой идеи, которая другими словами и въ другомъ контекстѣ намѣчали-бы такую-же тенденцію? Если она есть, мы можетъ быть поймемъ, какимъ порохомъ заряжаетъ свои пулеметы безгрѣшный трубадуръ нашей прелести, невинности и совершенства и къ какой собственно цѣли онъ бьетъ.

А вѣдь такая „тенденція“ несомнѣнно существуетъ, существуетъ давно и крѣпко засѣла въ мозгахъ „мыслящей Россіи“.

Въ грубѣйшей и особенно комической формѣ ее далъ Горькій въ девизѣ: „впередъ и выше, все впередъ и все выше“,—который сталъ козырнымъ тузомъ въ азартной идейной игрѣ передовыхъ умовъ, утратившихъ здравый смыслъ и способность сужденія о событіяхъ съ человѣческой точки зрѣнія.

Признаніе грѣха требуетъ отъ человѣка постоянной самокритики и пристальнаго самонаблюденія. Если грѣхъ не упраздненъ, совсѣмъ не выброшенъ изъ совѣсти и сознанія, возможно, что каждый изъ насъ

можетъ нагрѣшить, идти не впередъ, а назадъ,—не выше, а ниже,—иногда-же „все назадъ и все ниже“. Если-же грѣха нѣтъ и человѣку все возможно и дозволительно, если онъ, какъ крѣпкій и задорный козелъ, можетъ смѣло отдаваться каждой „стихійной общественной эволюціи“, безъ фиговаго листка и безъ зазрѣнія совѣсти,—то онъ заранѣе оправданъ, поэтому „рукъ не опуститъ“, а, напротивъ, на руку охулки не положитъ.

V.

Ученіе о прогрессѣ и общественной эволюціи въ сознаніи русской интеллигенціи и „мыслящей Россіи“ приняло такія болѣзненно-уродливыя, прямо чудовищныя формы, что разбудило въ „сознательномъ“ обществѣ безсознательный и темный инстинктъ непримиримой борьбы противъ всякой реальной культуры и всякаго истиннаго прогресса.

По наивности и самодовольному недомыслію наши прогрессисты не замѣчаютъ, не хотятъ замѣтить, нарочно закрываютъ глаза, чтобы не замѣтить,—что они стали сторонниками злѣйшей реакціи и самаго свирѣпаго консерватизма. Они хотятъ сохранить пыльныя и затхлыя формулы застарѣлой идейности, дѣлаютъ ошибку за ошибкой, не понимаютъ смысла событій, пускаются въ схоластику въ духѣ лживаго педантизма и, когда жизнь бьетъ ихъ на каждомъ шагу, говорятъ, что прогрессъ идетъ все таки своей дорогой и что судьбы эволюціи въ ихъ рукахъ. Личной вины, личной отвѣтственности нѣтъ уже потому, что нѣтъ ни грѣха, ни преступленія. Общественная жизнь создается, движется и растетъ *стихійно*, безъ участія воли, сознанія и совѣсти отдѣльныхъ лицъ. Здѣсь нѣтъ мысли ни для похвалы, ни для порицанія. Никто ни за что не отвѣчаетъ. Все дѣлается само собой. Ученіе о прогрессѣ—въ той формѣ, въ которой оно усѣлось въ передовыхъ мозгахъ,—категорически и принципіально отрицаетъ всякую самокритику и самодѣятельность.

Ясно, что это оправдываетъ многолѣтнюю спячку нашей интеллигенціи, ея идейный застой, ея умственную отсталость и неразвитость. За щитомъ этой теоріи прятались и прячутся всѣ лѣнивые и праздные люди, всѣ невѣжды и недоучки, которые по эпикурейской повадкѣ мнимаго прогресса всякую новую глупость называли новымъ словомъ, новой правдой, новымъ путемъ.

Можетъ быть, эти рѣчи покажутся слишкомъ непривычными для „мыслящей Россіи“. Она привыкла къ газетной и журнальной лести, къ тому, чтобы поставщики періодическаго общественнаго мнѣнія

восторгались ея прогрессивностью, ея утонченностью, ея всечеловѣчностью, ея корректнымъ національнымъ самоотреченіемъ.

Но уже многіе заговорили другимъ языкомъ. Они не дѣлаютъ выводовъ и обобщеній, но ихъ замѣчанія по частнымъ вопросамъ ясно свидѣтельствуютъ, что здоровымъ людямъ идейныя кумирни осточертѣли, что идейные фешиши сданы въ археологическій музей.

Пора замѣтить и понять одно явленіе общественной жизни. По всей линіи идетъ борьба съ бюрократическимъ строемъ государства. Эта борьба, которую первыми начала славянофилы, имѣла за собою два вѣка произвола и насилія, и отвлеченности, безпочвенности и формализма. Два вѣка Россія не была національной. Два вѣка она не служила интересамъ своей страны и своего народа. Самоуправленіе вездѣ исчезло, церковь притаилась и замолчала.

Это былъ хронической недугъ русской жизни, подтачивающій организмъ и парализующій его самодѣятельность. Илья сиднемъ сидѣлъ тридцать лѣтъ и три года. Русскому народу пришлось просидѣть больше. Теперь, повидимому, книжныя и бумажныя чары, погрузившія его въ сонъ, спали. Дай Богъ. Привѣтъ новому дню и новой творческой работѣ!

Но смыслъ переживаемаго момента затемняетъ одинъ грубый предразсудокъ. Съ бюрократіей въ первую голову будто-бы бьется интеллигенція. Она будто бы стоитъ за жизненные интересы страны и народа. У нея будто-бы другіе идеалы и другія средства дѣйствія.

Въ этомъ весь смыслъ взаимнаго непониманія враждующихъ сторонъ. Бюрократія плоть отъ плоти и кость отъ костей нашей интеллигенціи. Интеллигенція по всему составу своихъ убѣжденій и программѣ бюрократична до мозга костей. Та и другая хотятъ *править* народомъ съ высоты птичьяго полета, подавляя всякую самобытность и самодѣятельность,—одна по министерскимъ циркулярамъ, другая по популярнымъ переводнымъ книжкамъ.

Если проснутся живыя силы народа, бюрократія будетъ введена въ подобающее ей русло, но уничтожена не будетъ, такъ какъ безъ нея государственный организмъ обойтись не можетъ. Она будетъ только подчинена авторитетному контролю, въ которомъ она давно нуждается. А интеллигенція, въ ея теперешнихъ опредѣленіяхъ должна, будетъ безслѣдно исчезнуть, такъ какъ она все время жила идеями и теоріями, которыя оправдывали ея бездѣятельность и тунеядство. Вся сумма текущей и дѣйствующей идеологіи—это самозащита паразитизма, самодовольнаго, отрицающаго грѣхъ въ принципѣ, чтобы побольше грѣшить, проповѣдующаго непрерывную амнистію, потому что самое существованіе его—преступно.

Этотъ интеллигентный строй мышленія сгнилъ до конца. Средства, которыми онъ пользуется для своихъ цѣлей, ведутъ его къ гибели. Забастовка, которая въ идейномъ освѣщеніи казалась послѣднимъ словомъ науки и лучшимъ перломъ государственной мудрости, ясно показала, что вооруженное меньшинство населенія, дѣйствующее въ интересахъ только этого меньшинства, побѣды никогда не достигнетъ и не пріобрѣтетъ долговременнаго господства. Вооруженное возстаніе до конца подорвало кредитъ революціи. Теперь на очереди торжество кадетовъ, послѣдній, повидимому, опытъ управлять страною вопреки дѣйствительному соотношенію реальныхъ силъ въ странѣ. Не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать полную неудачу этой фантастической и рискованной попытки.

На очереди стоитъ такимъ образомъ государственный экзаменъ нашей интеллигенціи. Она, конечно, блистательно срѣжется на немъ, какъ наша бюрократія срѣзалась въ русско-японской войнѣ.

Теперь въ кровавомъ заревѣ вечерней зари подаетъ свой послѣдній голосъ отходящій міръ русской интеллигенціи. Она не признавала грѣха, ни за что и никогда не брала на себя отвѣтственности и поэтому отвѣтственныя дѣла ей снова придется передать въ руки другого закала,—на этотъ разъ и не въ бюрократическія руки.

VI.

А вѣдь теперь, пожалуй, становится вполнѣ понятнымъ, почему г. Розановъ трется именно „Около церковныхъ стѣнъ“. Тамъ знаютъ отвѣтственность не только за дѣла, но и за помышленія. Тамъ знаютъ, что не каждый идетъ все впередъ и все выше, но многіе падаютъ и въ придорожныя канавы. Тамъ знаютъ, что есть грѣхъ и что грѣхъ недозволителенъ. Туда не проникла еще та форма идейнаго безумія, которая такъ долго объединяла интеллигенцію съ бюрократіей. Поэтому церковь—единственная твердыня, гдѣ еще не водворился острый духъ времени разложенія и упадка. Церковь на всемъ протяженіи своего ученія стоитъ гораздо ближе къ народной совѣсти, чѣмъ бюрократія и интеллигенція.

И вотъ новому Мефистофелю захотѣлось проникнуть въ „пріютъ священный“ новой Маргариты. Замыселъ удался. Не всякая добродѣтель умѣетъ устоять противъ соблазновъ и искушеній. Не „*около*“ церковныхъ стѣнъ, а уже *внутри* этихъ стѣнъ нашлись сѣдовласые Улиссы, которые весело и задорно откликнулись на соблазнительныя

пѣсни новой сладкогласной сирены. Чѣмъ-же очаровалъ затворницу предпріимчивый гусляръ?

Самыми пошлыми пѣснями улицы и рынка.

Вотъ еще нѣсколько игривыхъ прибаутокъ изъ залихватской серенады русскаго Донъ-Жуана.

„Чтобы не страдалъ человѣкъ—Спаситель *пострадалъ*; чтобы маленькій и слабосильный онъ *не гнулся* подъ грѣхомъ—Спаситель тяжесть мірского грѣхъ *взялъ* на себя, человѣкъ сталъ черезъ это сейчасъ-же абсолютно безгрѣшенъ, свободенъ отъ первороднаго грѣха и способенъ къ грѣху лишь личному, у каждаго своему, ничтожненькому и легонькому, затираемому легко-же добрымъ (малѣйшимъ) дѣломъ. Отсюда неразгаданныя слова Спасителя, что „меньшій въ царствѣ благодати—больше Іоанна Крестителя и Моисея, ибо на тѣхъ лежалъ первородный грѣхъ и при всей высотѣ личной—онъ понижалъ ихъ долу“. Но „въ благодати“, уже „купленные“ отъ грѣха Спасителемъ—подобны пустымъ корпусамъ кораблей, которые выпираетъ изъ воды наверхъ, и они чуть-чуть донышкомъ погружены въ „океанъ“ побѣжденнаго грѣха.

„Но явилось исканіе страданій, „терновыхъ вѣнцовъ“, „оковъ“, „оплеваній“.

„Юдаизмъ, іудейскіе крики; величайшій изломъ сознанія въ исторіи. Но читатель уже видитъ въ самомъ дѣлѣ, что черезъ этотъ изломъ мысли все „дѣло“ Іисуса, „актъ искупленія“ прошелъ *мимо* человѣка и рухнулъ въ какую-то бездну, въ пустоту—никого и ничего не спася („не захотѣли сами спасенія“, „со Христомъ въ темницѣ“).“

Воистину—идиллія во вкусѣ Теокрита и Виргилія. Грѣхи такіе милые, легонькіе и веселенькіе! И „затереть“ ихъ такъ легко! Махнулъ платяной щеткой и—готово! Это полный контрастъ покаянному канону Андрея Критскаго. Тамъ другой взглядъ на грѣхъ, своя поэзія,—строгая, чистая, поэзія покаянія и молитвы.

Какъ смѣшонъ и неумѣстенъ веселый и убѣжденный грѣшникъ, влюбленный въ свои грѣхи и грѣшки, когда онъ думаетъ пѣть свои опереточные куплетцы передъ людьми строгой и честной совѣсти, чистыхъ помысловъ и думъ! Но по нынѣшнимъ временамъ—оперетка и фарсъ дѣлаютъ успѣхи и въ иныхъ слояхъ общества, гдѣ по старой привычкѣ всѣ ждутъ серьезности и авторитета.

Статья г. Розанова—это пламенная, наивная апологія „существующаго интеллигентнаго строя“, канканной размашистости, развеселой оргіи, забубеннаго безстыдства.

А если всѣ эти грѣхи не такъ ничтожны, какъ это кажется самоувѣренному грѣшнику? И съ какой поры г. Розановъ взялъ на себя

папскія привиллегіи вязать и рѣшить узы грѣховности при жизни грѣшниковъ и непремѣнно въ ихъ пользу? Правда, судъ его не строгъ и по душѣ многимъ, которые въ своихъ грѣхахъ ничего грѣшнаго не видятъ. Но угодливый и легкомысленный судья—не судья въ дѣлахъ совѣсти. Это скорѣе адвокатъ, софистъ изъ эпикурейской школы языческой богини Вожделѣнія. Здѣсь мы на порогѣ не столько богословія, сколько порнографіи,—не „около церковныхъ стѣнъ“, а у дверей лупанара.

„Эротическихъ поэтовъ соблазна полные стихи“—имѣютъ свое мѣсто въ исторіи литературы. Но есть какая-то утонченная половая извращенность, какой-то особый оттѣнокъ садизма въ неодолимомъ желаніи пѣть непристойные куплеты не на подмосткахъ кафешантана, а непремѣнно „около церковныхъ стѣнъ“.

Это, конечно, спеціальность В. В. Розанова. Но и она обвѣяна духомъ времени, носитъ несомнѣнные слѣды общей идейности, лукавой и безотвѣтственной. И онъ имѣлъ и имѣетъ несомнѣнный успѣхъ въ обществѣ. Это фактъ, значеніе котораго надо помнить и съ которымъ надо считаться.

Отмѣтивъ примѣры „радостнаго полета души добраго батюшки“, г. Розановъ кличетъ боевой кличъ: „подвизайтесь-же, пастыри Божіи“, „ибо въ мірѣ-то, отъ грѣшныхъ мірскихъ человѣковъ, и идетъ „воня святости“ (церковный терминъ), благоуханіе почти мощей“.

Это г. Розановъ, очевидно, говоритъ въ пику старцу Зосимѣ изъ романа Достоевскаго „Братья Карамазовы“, которому въ статьѣ посвящено не мало страницъ. Думали, что тлѣніе не коснется тѣла Зосимы, но почившій, по энергичному выраженію о. Ѳерапонта, „провонялъ“.

Это тоже особенность литературной манеры г. Розанова. Вмѣстѣ съ Бодлеромъ онъ любитъ поэзію и символизмъ запаховъ—и охотно отмѣчаетъ вонь христіанскихъ мощей и благоуханіе еврейской миквы.

Но тутъ, пожалуй, и ключъ къ его таинственной пентаграммѣ: „воня святости“ идетъ отъ *грѣшныхъ* мірскихъ человѣковъ, „отъ труда, отъ пота, а не отъ минеральныхъ частицъ“.

Такъ-то оно такъ: отъ пота всегда бываетъ „воня“. Только всегда-ли „воня святости“?

VII.

Если смотрѣть на опредѣленность терминовъ, на ясность мысли, на обдуманность и серьезность аргументаціи,—то статья г. Розанова представляетъ изъ себя младенчески-наивный лепетъ, рѣзвость и

задоръ мышинаго жеребчика, неожиданные скачки расходившагося козла, почувствовавшаго избытокъ силъ. По мѣстамъ она носитъ слѣды явнаго сумашествія. И это не можетъ быть обидно для В. В. Розанова. Онъ и самъ точно такъ-же смотритъ на дѣло.

На 4 страницѣ своей книги, въ началѣ статьи о радостныхъ порывахъ „добраго“ батюшки, стоитъ буквально слѣдующее:

„Я говорю о литературѣ и о „призваніи писателя“, которое есть до нѣкоторой степени „призваніе къ сумасшествію“, и позывъ „сойти съ ума“.

Много горькой правды въ этомъ неожиданномъ самозаушеніи. Много писателей и органовъ печати въ настоящее время обращается къ „мыслящей Россіи“ съ настойчивымъ позывомъ „сойти съ ума“. И много читателей съ непонятнымъ самоотреченіемъ отзываются на это радушное и гостепріимное приглашеніе.

Но не однимъ сумашествіемъ объясняется возможность такого „позыва“. Тутъ есть и лукавый разсчетъ. Чувствуется: автору очень *нужно*, чтобы кто-то сошелъ съ ума, для чего онъ и самъ по мѣстамъ притворяется сумасшедшимъ.

Сложный и загадочный типъ! Но чѣмъ проще смотрѣть на людей и на ихъ дѣла, тѣмъ скорѣе можно разгадать потаенный шифръ узорнаго письма.

Время наше треожное и смутное. Мнѣній и рѣчей много, а на душѣ у всѣхъ одинъ затаенный и грозный вопросъ.

Проститъ-ли насъ великій нашъ народъ,
Когда онъ нашъ великій грѣхъ узнаетъ?...

Въ этомъ сознаніи вины, преступной тяжести наслѣдственнаго великаго грѣха—единственный выходъ для честной и разумной части образованнаго общества. Споры о соціализмѣ и націонализаціи земли, партійные споры кадетовъ и октябристовъ, формы и формулы чистаго парламентаризма—все это пѣна, накипь надъ водоворотомъ, надъ пучиной потревоженной народной жизни.

Нравственный смыслъ начинающагося движенія не здѣсь, не на поверхности не въ весенней перебѣжкѣ воды на отмели, а глубже, внизу, въ народной массѣ, въ мужицкой совѣсти.

Два вѣка мы жили только для себя, а не для народа.

И всѣ это знали.

Только многіе думали, что это очень хорошо, что такъ и слѣдуетъ, что мы бѣлая кость, а тамъ черная, что мы призваны „на просторъ мірового служенія“, а народъ коснѣетъ въ невѣжествѣ и темнотѣ, что мы ни въ чемъ не виноваты, что наши грѣхи маленькіе и веселенькіе,

что въ нашихъ ошибкахъ и въ нашей распущенности виноваты фатальный прогрессъ и стихійная эволюція и мы имѣемъ право продолжать свой пиръ, не смущаясь нравственнымъ осужденіемъ тѣхъ, на чьи деньги мы кутили.

А славянофилы устами Достоевскаго говорили: смирись, гордый человѣкъ,—брось твои завиральныя идеи, отъ которыхъ никому ни тепло, ни холодно,—работай для своего народа, а не для всего человѣчества, для котораго ты ничего не сдѣлалъ и сдѣлать не можешь,—перестань болтать и научись дѣло дѣлать.

Многіе чувствуютъ, что настало время осуществить эти благородные и чистые, истинно-христіанскіе завѣты, освободить церковь отъ вѣковыхъ полицейскихъ и идейныхъ узъ, въ христіанской общинѣ дать просторъ совѣсти и свободѣ, не парить въ эфирѣ безвоздушнаго пространства, и просто и честно дѣлать свое честное будничное дѣло.

А въ отвѣтъ на этотъ „позывъ“ къ честной и нужной работѣ имъ отвѣчаютъ: „мы всемірно милы“, „Богъ не налюбуется на насъ и нашу невинность“, грѣхи у насъ самые пустяковые и веселенькіе.

Развѣ въ этомъ отвѣтѣ не побиты всѣ рекорды безстыдства? Развѣ можно съ большимъ комизмомъ защищать права тунеядства и мечтательности, взлелѣянной на пресыщеніи? Развѣ съ такими негодными средствами стоятъ за права вѣковой лѣности и идейнаго паразитизма? Что можетъ сказать честный и серьезный служитель церкви, когда „отъ имени мірскихъ грѣшныхъ человѣковъ“ г. Розановъ засвидѣтельствуетъ, что „Богъ не налюбуется на насъ“, что „отъ насъ идетъ вонь святости?“.

Скромность, можетъ быть, не позволитъ служителю церкви отвѣтить такъ, какъ отвѣтилъ-бы каждый разумный „мірской человѣкъ“.

— Нахалъ, не говори глупостей!

VIII.

„Богъ не налюбуется на насъ“...

Сколько высокомѣрія, тупости и безстыдства въ одной этой фразѣ!

Какой Богъ? На кого *на васъ*?

Это „Покровъ?“ „Невѣдомый Богъ на бугоркахъ, которому Соломонъ, склонившійся къ идолопоклонству, приносилъ жертвы на высотахъ?“ Это Богъ, у котораго правый глазъ—солнце, а лѣвый глазъ—луна?

Что за безумная чепуха, которую говоритъ читаемый писатель

совершенно серьезно, хотя и не безъ гримасъ скомороха? И что за общество, которое безъ хохота смотритъ на этого гороховаго шута?

И кто—эти мы? Гдѣ вы слышали „въ сновидѣніяхъ эту музыку, по коей человѣкъ обнимется (?) съ ланью, какъ бы съ понимающимъ его существомъ, заговоритъ съ медвѣдемъ—какъ говорилъ одинъ святой пустынникъ, гдѣ откроется разумѣніе истины животнымъ и человѣкомъ, и какая-то разумѣющая, имъ обоимъ родственная и обоюдно-общая имъ радость, восторгъ даже?“

Человѣкъ человѣка не понимаетъ, въ тунеядствѣ и паразитизмѣ грѣха не видитъ, а туда-же съ ланью обниматься и съ медвѣдемъ разговаривать хочетъ—даже въ восторгѣ и „совокупной радости“!

Но лани и медвѣди не спасутъ того сектанта-изувѣра, который позволяетъ себѣ говорить: „Мы—святы; вотъ подлинный восторгъ христіанства; мы свободны (такъ и учили апостолы) не внѣшнею независимостью, но внутреннею—отъ грѣха“.

Недавно кто-то безъименный въ газетахъ выражалъ сожалѣніе, что такіе столпы и утвержденія истины, какъ гг. Розановъ и Мережковскій, не приглашены въ комиссію для совѣщанія о созывѣ церковнаго собора.

Въ самомъ дѣлѣ, отчего ихъ не пригласили, прихвативъ и „батюшку Петрова“?

Можетъ быть только потому, что они не христіане, а язычники?

Но по нынѣшнимъ временамъ этого слишкомъ мало для отвода.

Можетъ быть, спеціально г. Розанова не пригласили только потому, что „призваніе писателя“ онъ понимаетъ, какъ „призваніе къ сумасшествію“, а тамъ нѣтъ еще должной готовности „сойти съ ума“?

Н. Пустынникъ.

Миссіонерство, секты и расколъ.

Миссія по епархіямъ: миссіонерскія бесѣды архипастыря съ сектантами.—Тамбовская миссія.—Новый миссіонер. комитетъ въ Могилевѣ.—Миссіонер. дѣятельность вятскаго братства.—Инородческая миссія.

∞ *Миссія по епархіямъ.* Для болѣе нагляднаго представленія современной миссіонерской дѣятельности приводимъ факты, характеризующіе ростъ нашей внутренней миссіи.

Въ Благовѣщенскѣ самъ преосвященный ведетъ лично и систематически т. н. „четверговыя“ бесѣды съ сектантами, которые для собесѣдованій съ преосвященнымъ миссіонеромъ являются иногда изъ окружающихъ поселковъ. Миссіонерская дѣятельность въ Благовѣщенской епархіи, кстати замѣтить, весьма нуждается въ просвѣщенномъ архипастырскомъ руководствѣ, такъ какъ епархія въ сильной степени заражена сектантствомъ, пропагандируемымъ многочисленными переселенцами-сектантами, вышедшими съ юга Европейской Россіи.—Возрастаетъ въ успѣхѣ миссіонерское дѣло и въ епархіи *Тамбовской*, гдѣ работаютъ такіе ревностные и преданные своему дѣлу миссіонеры, какъ г.г. Базарянниновъ и Третьяковъ. Не мало надеждъ миссія возлагаетъ и на бывшій въ январѣ т. г. Тамбовскій епархіальный съѣздъ, на которомъ духовенство единогласно высказалось за необходимость развитія дѣла приходской миссіи.

Нужно отмѣтить также учрежденіе миссіонерскаго комитета въ *Могилевской* епархіи, который, судя по уставу его, обѣщаетъ быть весьма многоплоднымъ по своей дѣятельности. Вотъ нѣкоторыя статьи этого устава, осуществленіе которыхъ принесетъ несомнѣнную пользу Могилевской миссіи:

§ 18. Для болѣе подробнаго ознакомленія съ нуждами миссіонерскаго дѣла и лучшей его постановки, миссіонерскій совѣтъ, по мѣрѣ надобности, созываетъ благочинническіе, уѣздные и епархіальные миссіонерскіе съѣзды и, на основаніи состоявшихся на этихъ съѣздахъ постановленій, совѣтъ дѣлаетъ соотвѣтствующія распоряженія въ предѣлахъ своей компетенціи.

§ 19. Благочинническіе миссіонерскіе съѣзды созываются совѣтомъ

подъ предсѣдательствомъ благочиннаго и состоятъ изъ слѣдующихъ лицъ: благочиннаго, духовенства благочинія, миссіонерствующихъ въ благочиніи лицъ, уѣзднаго миссіонера, если таковой въ уѣздѣ имѣется, и епархіальнаго миссіонера.

§ 20. Уѣздные миссіонерскіе съѣзды созываются совѣтомъ изъ слѣдующихъ лицъ: епархіальнаго миссіонера, настоятеля собора уѣзднаго города, уѣзднаго наблюдателя церковныхъ школъ, миссіонеровъ уѣзда, благочинныхъ, священниковъ приходовъ, зараженныхъ расколомъ и сектантствомъ и другихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, интересующихся дѣлами миссіи. Предсѣдателемъ уѣзднаго съѣзда бываетъ лицо по назначенію епархіальнаго преосвященнаго или по избранію съѣзда.

§ 21. Епархіальные миссіонерскіе съѣзды созываются подъ предсѣдательствомъ епархіальнаго преосвященнаго и составляются: изъ всѣхъ членовъ миссіонерскаго совѣта, всѣхъ миссіонеровъ епархіи и другихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу миссіи, могущихъ сообщить съѣзду полезныя свѣдѣнія, а также миссіонеровъ сосѣднихъ епархій, по особому приглашенію совѣта.

Не можемъ, однако, не порекомендовать вновь учрежденному комитету удѣлять возможно меньше мѣста канцелярской волокитѣ, сухой формалистикѣ, только убивающей и тормозящей миссіонерское дѣло. Согласно § 22 устава комитета совѣтъ, если признаетъ нужнымъ, составляетъ и даетъ въ руководство миссіонерамъ и другимъ дѣятелямъ миссіи инструкціи или руководственныя правила въ ихъ миссіонерской дѣятельности.

„Инструкціи“ и „руководственныя правила“ безусловно необходимы для всякаго рода дѣятельности, но только до тѣхъ поръ, пока послѣдняя не превращается въ безконечныя измѣненія и передѣлки этихъ правилъ, пока правила не начинаютъ сковывать свободное творчество, живую иниціативу. А творчество, широкая свободная иниціатива, необходимыя во всякомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе нужны въ такой дѣятельности, какъ миссіонерская, являющаяся не столько обычной шаблонной профессіональной работой, сколько искусствомъ, скажемъ болѣе: искусствомъ изъ искусствъ. Для большей успѣшности и плодотворности проповѣди миссіонеровъ, которымъ приходится переносить въ ихъ путешествіяхъ столько и физическихъ невзгодъ и, порой острыхъ нравственныхъ переживаній во время бесѣдъ, необходимо также, чтобы миссіонерскіе комитеты озаботились назначеніемъ опредѣленнаго времени для отдыха миссіонеровъ. Было бы въ высшей степени справедливымъ дать имъ тѣ же вакаціи, какими пользуются учащіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.—Съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаемся на дѣятельности Вятской миссіи. Судя по отчету Вятскаго Николаевскаго Братства, эта миссія по широтѣ и раціональности своей постановки нисколько не уступаетъ выдающейся по своей организаціи миссіи Астраханской, отмѣченной нами въ январьской книжкѣ нашего журнала. Вотъ нѣкоторыя, наиболѣе важныя и характерныя черты изъ жизни Вятской миссіи. Прежде всего въ Вятской епархіи дѣйствуетъ на пользу миссіи 47 миссіонерскихъ школъ.

Въ г. Вяткѣ такихъ школъ, называющихся центральными, двѣ: мужская, учрежденная въ 1875 г. прот. С. Кашменскимъ, и женская, основанная по его же идеѣ въ 1891 г.

Всѣхъ учащихся 1904—5 уч. г. въ мужской школѣ было 23 въ возрастѣ отъ 20 до 53 лѣтъ; въ женской 15 крестьянскихъ дѣвицъ отъ 17 до 24 лѣтъ.

Соотвѣтственно установленной для школъ программѣ, предметами изученія въ нихъ были: 1) священная исторія, 2) катихизисъ, 3) церковная исторія, 4) историко-литургическія свѣдѣнія и 5) а) исторія и б) обличеніе русскаго старообрядчества.

Главное вниманіе учащихся было обращено на изученіе этого послѣдняго предмета.

Ученіе продолжалось въ теченіе шести мѣсяцевъ: началось 2 октября 1904 года и окончилось 31 марта 1905 года. Уроки въ обѣихъ школахъ были ежедневные, съ 8 часовъ утра до 12 часовъ дня, исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Во внѣклассное время учащіеся знакомились со старопечатными книгами и читали книги миссіонерскаго и другого содержанія, обсуждали и рѣшали разные вопросы; бесѣдовали съ приходившими въ школу старообрядцами.

Съ практическими пріемами собесѣдованій со старообрядцами учащіеся знакомились, присутствуя на публичныхъ собесѣдованіяхъ со старообрядцами, происходившихъ въ г. Вяткѣ въ декабрѣ, февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ въ зданіи двухклассной церковно-приходской женской школы и народномъ домѣ.

Кромѣ центральныхъ миссіонерскихъ школъ, Вятское братство содержитъ 45 церковно-приходскихъ школъ въ селахъ и деревняхъ, зараженныхъ старообрядчествомъ. Эти школы также могутъ быть названы миссіонерскими въ виду того, что въ нихъ преподаются краткія свѣдѣнія по расколовѣдѣнію, выясняются въ доступной дѣтскому пониманію заблужденія старообрядцевъ.

Въ школахъ обучаются не только православные, но и старообрядцы, составляющіе 43% общаго числа учащихся.

О благотворномъ воспитательно-миссіонерскомъ вліяніи братскихъ школъ на дѣтей и мѣстное населеніе свидѣтельствуютъ многочисленныя сообщенія о.о. миссіонеровъ и завѣдующихъ школами. Для примѣра приводимъ свѣдѣнія, данныя миссіонеромъ о. Шерстенниковымъ о Большелукошечной школѣ и свящ. Васнецовымъ о Подгорновской школѣ. Первый пишетъ:

„Большелукошечная школа въ предыдущіе годы считалась одною изъ лучшихъ братскихъ школъ, мнѣ подвѣдомственныхъ, по истинно-христіанскому настроенію, неизмѣнно господствовавшему въ ней во все время занятій учителя Александра Палкина. Такою эта школа была и въ отчетномъ году. Учитель Палкинъ былъ не столько учителемъ, сколько пѣстуномъ дѣтей, усерднымъ и религіозно-настроеннымъ человѣкомъ. Частыя молитвы, общее согласное пѣніе, катихизаторскій способъ обученія Закону Божію, ревностное внѣдреніе въ учениковъ послушанія и почтенія къ старшимъ, взаимопомощь ихъ въ школьныхъ трудахъ—все это дѣлало школу не такою, какъ многія другія, не монотонною, а глубоко осмысленною и весьма пріятною для крестьянскаго люда.

За Большелукошечною школою нужно признать весьма важное миссіонерское значеніе въ мѣстности: благодаря ей, православное насе-

леніе укрѣпилось въ православіи и значительное количество старообрядцевъ присоединилось въ разное время къ православію".

Необходимо при этомъ замѣтить, что учителя и учительницы братскихъ школъ не ограничиваются исполненіемъ только прямыхъ школьныхъ обязанностей. Въ свободное отъ учебныхъ занятій время они ведутъ миссіонерскую проповѣдь среди населенія—православнаго и старообрядческаго. 17 учителей и учительницъ на этомъ поприщѣ работаютъ съ неослабной энергіей и трудолюбіемъ. Вотъ какъ отзываются о.о. миссіонеры и завѣдующіе школами о нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Миссіонеръ южной полосы Глазовскаго уѣзда, священникъ Даніилъ Шерстенниковъ сообщаетъ: „Учитель Большелукошечной братской школы А. Палкинъ неутомимъ въ собесѣдованіяхъ со старообрядцами."

Тотъ же миссіонеръ: „Учитель Клабуковской школы І. Сиковъ не ограничивался одними школьными занятіями: какъ извѣстный ревнитель православія, вышедшій изъ грубаго раскола и перенесшій на себѣ всѣ ужасы борьбы съ темною средою, Сиковъ не оставлялъ бесѣдъ съ заблудившими: въ зданіи школы было устроено имъ 9 бесѣдъ, въ окружающихъ школу деревняхъ — 12 и въ деревняхъ Святогорскаго, Васильевскаго и Архангельскаго приходовъ — 19. Кромѣ того, Сикову мною были дѣлаемы порученія увѣщевать разныхъ лицъ, нетвердыхъ въ православіи, что онъ исполнялъ охотно".

О томъ же учителѣ Клабуковской школы Іосифѣ Сиковѣ завѣдующій школою, свящ. Васнецовъ, сообщаетъ: „Миссіонерской дѣятельности учителя Сикова обязаны своимъ обращеніемъ въ православіе его отецъ и зять".

Завѣдующій Слѣповскою школою, свящ. Селивановскій: „Въ свободное отъ учебныхъ занятій время учитель школы Михаилъ Рябовъ производилъ бесѣды со старообрядцами деревень моего прихода, чѣмъ немало содѣйствовалъ мнѣ въ приходско-миссіонерской дѣятельности. Чрезъ него я всегда былъ въ курсѣ тѣхъ религіозныхъ движеній, какія за отчетный годъ замѣчались среди старообрядцевъ моего прихода".

Вообще миссіонерское и школьно-миссіонерское дѣло въ Вятской епархіи поставлено весьма высоко. Дай Богъ, чтобы оно нашло своихъ подражателей...

И это тѣмъ болѣе, что, какъ сообщаютъ миссіонеры и приходскіе батюшки, отпаденія въ сектантство за послѣднее время принимаютъ по мѣстамъ угрожающій массовый характеръ, и сектантское вліяніе заявляетъ о себѣ уже тамъ, гдѣ еще вчера, повидимому, не могло быть о немъ и рѣчи. Вотъ что, напр., пишетъ намъ священникъ изъ города Курска, изъ прихода, въ которомъ доселѣ была „тишь да глядь, да Божья благодать": пришлось, сообщаетъ о. Мѣшковскій, сдѣлаться миссіонеромъ: жаль православныхъ! „Батюшка, заявилъ мнѣ одинъ изъ нихъ, насъ забили шалопуты (такъ православные называютъ въ этомъ приходѣ баптистовъ-субботниковъ); помогите намъ... Богъ васъ не оставитъ". Неутѣшительныя вѣсти по этой части идутъ также съ юга и запада Россіи гдѣ отпаденія въ католичество и баптизмъ стали самымъ заурядымъ явленіемъ.

Инородческая миссія. Говоря о миссіонерско-просвѣтительной дѣятельности церкви, нельзя обойти молчаніемъ миссіи инородческой. Факты изъ этой области весьма немногочисленны. Миссіонерская дѣятель-

ность среди инородцевъ вообще представляетъ собой для русскаго общества что-то въ высшей степени таинственное, малоизвѣстное. Успѣхи ея, насколько можно судить по даннымъ скудныхъ миссіонерскихъ отчетовъ, весьма незначительны. По мѣстамъ, какъ напр., въ Закавказьѣ, на сѣверѣ, Енисейской епархіи (послѣ извѣстнаго труженика-миссіонера о. Платона) миссіонерская инородческая проповѣдь почти замерла.

Цѣлыя племена, даже бывшія православными, какъ напр. аджарцы (100,000) Гурійской епархіи, эти когда-то грузины, омусульманившіеся подъ владычествомъ турокъ и сдѣлавшіеся русскими подданными послѣ войны русскихъ съ турками въ 1877-78 г. г. остаются у насъ въ совершенномъ забросѣ, лишенные всякаго христіанско-просвѣтительнаго вліянія (не до пріѣзда ли вездѣ поспѣвающихъ съ своей проповѣдью англійскихъ и шведскихъ миссіонеровъ)? И тѣмъ, конечно, съ большей любовью останавливаешься на тѣхъ немногихъ фактахъ изъ жизни многострадальной инородческой миссіи, которые свидѣтельствуютъ о томъ, что дѣло просвѣщенія инородцевъ еще не умерло окончательно, и что и теперь по мѣстамъ оно поддерживается усердіемъ отдѣльныхъ дѣятелей, горячо преданныхъ своему дѣлу. Изъ настоящей книжки журнала читатель можетъ узнать о высоко-просвѣщенной дѣятельности въ этомъ направленіи преосвященнаго *Гурія*, епископа Симбирскаго (бывшаго Самарскаго). „Благовѣщ. Епарх. Вѣдомости“ съ своей стороны сообщаютъ о неустанной миссіонерской дѣятельности владыки *Благовѣщенскаго*, который вмѣстѣ съ своими 15 сподвижниками-миссіонерами предпринимаетъ поѣздки къ тунгусамъ и якутамъ, бесѣдуетъ съ инородцами, отправляетъ у нихъ богослуженіе, и пользуется среди нихъ большой любовью, какъ истинный отецъ-архипастырь, идущій навстрѣчу всякой нуждѣ этихъ малыхъ, вновь пріобрѣтаемыхъ для царства Божія. Тотъ же епархіальный органъ сообщаетъ и еще объ одномъ, къ сожалѣнію скончавшемся, труженикѣ-миссіонерѣ свящ. П. Протодіаконовѣ, который почти половину своей жизни посвятилъ на беззавѣтное и безкорыстное служеніе гольдамъ, гилякамъ, орочонамъ, самогирцамъ, негидальцамъ, якутамъ и тунгусамъ, дѣйствуя среди нихъ то въ качествѣ миссіонера-проповѣдника истины евангельской, то въ роли переводчика на гольдскій языкъ св. евангелія, краткой священной исторіи и богослужебныхъ книгъ, а также и медицинскихъ брошюръ (о дифтеритѣ и о привитіи предохранительной оспы), то, наконецъ, какъ лингвистъ-диллетантъ при составленіи гольдской азбуки и гольдско-русскаго словаря. И трудился онъ на нивѣ Христовой *не нуждею*, а именно *волею*, при слабыхъ физическихъ силахъ, но съ неослабѣвающею энергіею въ пастырско-миссіонерскомъ дѣйствованіи.

Миръ душѣ проповѣдника, честно и свято потрудившагося въ дѣлѣ благовѣствованія святой истины Христовой!

Изъ жизни инославія и изъ міра заграничнаго сектанства.

Конференція миссіонеровъ въ Галлѣ.—Заботы миссіи о школахъ.—Плодотворность миссіи въ юго-восточной Африкѣ. — Персидская секта кающихся.—Церемонія, совершамая наканунѣ праздника Ашара.—Гуссейнъ, внукъ пророка Магоммеда.—Эфіопскій орденъ.

Газета „Magdeburgishe Zeitung“ говоритъ, что 19 и 20 февраля с. г. состоялась конференція миссіонеровъ въ Галлѣ. Это уже по счету 28 годовое собраніе. Весьма интересныя дѣлали сообщенія инспектора миссій Аксенфельдъ и Трительвицъ. Кромѣ того, говорилъ миссіонеръ пасторъ Ротербергъ, инспекторъ миссіи Гаусмейтеръ, профессоръ Варнекъ и нѣкоторые другіе. Главнымъ предметомъ сообщеній были и наибольшій интересъ представляли собою сообщенія о возстаніи въ германскихъ владѣніяхъ въ юго-восточной Африкѣ и отношеніи къ нему миссій, а также о положеніи послѣднихъ.

Оказывается, что климатическія условія не особенно тягостно отзываются на здоровьи миссіонеровъ и „malaria“ (родъ болотной лихорадки) не особенно ихъ одолѣваетъ, какъ видно изъ отчета инспектора миссіи г. Трительвица. Въ горныхъ мѣстностяхъ малярія довольно рѣдкое и одиночное явленіе. Въ настоящее время желѣзная дорога ведетъ до самой подошвы горы Килиманджаро, чѣмъ избѣгается переходъ по нездоровымъ низменностямъ. Отношенія къ нѣмецкому правительству весьма удовлетворительны. Недоразумѣнія возникаютъ только по вопросамъ о землевладѣніи. Вопросъ главный заключается въ томъ, что миссія, въ интересахъ туземцевъ и для обезпеченія послѣднимъ постоянной и достаточно оплачиваемой работы, должна стремиться къ обладанію возможно большимъ количествомъ земли.

Кромѣ того, изъ другихъ сообщеній оказывается, что возстаніе весьма мало коснулось Узамбары, такъ что туземцы оставались тамъ почти совершенно спокойными.

Миссіи весьма озабочены и находятъ самымъ важнымъ устройство школъ. Весьма утѣшительнымъ находятъ также то обстоятельство, что во время возстанія въ германскихъ владѣніяхъ юго-восточной

Африки, католическія и евангелическія миссіи дѣйствовали весьма дружно и единодушно.

Хотя приходится миссіямъ значительно бороться съ исламомъ, сильно распространеннымъ среди населенія береговъ и въ особенности изъ Суагелиса, проникающимъ внутрь колоніи, но вообще можно сказать, что дѣятельность миссій плодотворна и въ будущемъ подаетъ большія надежды.

Значительный интересъ въ конференціяхъ возбужденъ былъ вопросомъ о томъ, что Евангеліе язычникамъ должно быть проповѣдуемо на ихъ родномъ языкѣ, причемъ миссіонеры, при изученіи туземныхъ языковъ должны главнымъ образомъ обращать вниманіе на духъ языка, такъ какъ представленія и понятія туземцевъ весьма существенно отличаются отъ понятій и воззрѣній европейцевъ. Сообщеніе объ этомъ дѣлалъ г. Мейнгофъ, профессоръ семинаріи восточныхъ языковъ въ г. Берлинѣ.

* * *

Въ газетѣ „Berliner Tageblatt“ въ корреспонденціи изъ Константинополя отъ 10 марта говорится о значеніи и вліяніи на народъ персидской секты „кающихся“. Въ этой странѣ до сихъ поръ преобладаетъ идея о гнѣвномъ Богѣ, прощеніе и благоволеніе котораго можно пріобрѣсти только жертвами и самоистязаніемъ, кровью и ранами. Съ этимъ воззрѣніемъ въ связи хотя весьма мало эстетическая, но потрясающая церемонія, совершаемая наканунѣ празднованія Ашара.

Первоначально празднество это или лучше сказать траурная церемонія была установлена и введена въ воспоминаніе смерти Гуссейна, внука пророка Магоммеда, который, сражаясь за свою вѣру и владычество, былъ разбитъ непріятелемъ въ сраженіи при Кербелѣ 10 Мухареха 680 года. Отсюда происходитъ и самое названіе празднества: праздникъ десятаго дня. Разбитый въ сказанномъ сраженіи, Гуссейнъ умеръ въ пустынѣ мученической смертью. Съ теченіемъ времени развился культъ Гуссейна въ воспоминаніе его смерти, убитаго его брата Гассана, а также увода въ рабство сыновей Гуссейна. Ихъ судьба разукрашена и дополнена была весьма сложной легендой и теперь мы видимъ ее вполнѣ реально изображаемой въ Константинополѣ.

Все обставляется траурно, всюду покаяніе и печаль. Всѣ входныя двери, стѣны, окна, все сплошь завѣшивается матеріей чернаго цвѣта. Всѣ скамьи и трибуны покрыты темными коврами. Съ этихъ трибунъ персидскій посолъ и высшее духовенство указываютъ на черныя доски, на которыхъ серебряными буквами изображены изреченія, разъясняющія значеніе этого дня. Пылающіе факелы отбрасываютъ кровавый блескъ на громадную толпу народа и отражаются на оружіи турец-

кихъ солдатъ, густыми шпалерами, въ виду сохраненія порядка, окружающихъ дворцовую площадь, на которой происходитъ торжественная церемонія. Среди многочисленной толпы персовъ видно много иностранцевъ и не мало женщинъ. Церемонія начинается съ заходомъ солнца. Послѣ омовенія и произнесенія молитвъ въ сосѣдней мечети изъ главныхъ входныхъ дверей появляется первая группа страждущихъ и раздается траурное, печальное пѣніе. Всѣ они одѣты въ черныя одежды и видна только голая грудь. Еще до ихъ появленія, оно возвѣщается особаго рода шумомъ, производимымъ ритмическими размѣренными ударами, постоянно наносимыми ими себѣ въ грудь рукою или сжатымъ кулакомъ, въ знакъ глубокаго траура. Эти удары такъ жестоки и продолжительны, что вызываютъ опасныя и тяжкія заболѣванія.

Послѣ того какъ эта первая группа обойдетъ площадь вокругъ устроеннаго по срединѣ мѣста для моленія, появляется другая группа, также одѣтая въ черное, но выказывающая свою скорбь уже не ударами кулакомъ въ грудь, а жестокимъ и безпрестаннымъ постегиваніемъ своихъ голыхъ спинъ тонкими ремнями, соединенными въ одинъ пучекъ. Не успѣвали они обойти кругъ, какъ уже вся спина была окровавлена и виднѣлось разсѣченное въ клочья тѣло. Они также совершали свое шествіе съ пѣніемъ, при чемъ иногда прерывали его дикими и жалобными возгласами, выкрикивая: „Гассанъ, Гуссейнъ!“ Эти двѣ процессіи должны были изображать печаль и воспоминаніе религіозной общины по поводу смерти Гуссейна. Слѣдующая за ними группа должна была символически напоминать о страданіяхъ его въ пустынѣ. На сцену появлялись школьники въ бѣломъ одѣяніи съ чашами въ рукахъ, наполненными водою. Вслѣдъ за ними появляется бѣлая лошадь, на которой сидитъ связанный и покрытый кровавыми пятнами мальчикъ, одѣтый въ бѣлое. Этимъ должна быть изображена судьба сыновей Гуссейна, которыхъ отняли у отца и увели въ рабство. Въ заключеніе появляются мальчики, несущіе воткнутыя на копья руки, сдѣланныя изъ окрашенной жести, и изображающіе участь поборника родной религіи, которому отсѣчены были руки въ тотъ моментъ, когда онъ хотѣлъ защитить своихъ дѣтей.

Послѣ этой послѣдней сцены мы наконецъ имѣемъ дѣло съ настоящими кающимися и мучениками. Они въ длинныхъ бѣлыхъ одеждахъ съ непокрытыми головами. Приближеніе ихъ возвѣщается пѣніемъ, сходнымъ съ воемъ, при чемъ безпрестанно выкрикиваются имена: Гуссейнъ и Гасанъ. Они появляются съ блестящими мечами въ рукахъ и уже окрававленные. Они съ трудомъ дождались этого момента и еще до появленія на площадь, на пути наносили себѣ сильно наточенными мечами раны въ лицо, грудь и куда попало. Они были глу-

боко убѣждены, что этимъ они неизбѣжно прокладываютъ себѣ путь въ рай. Все это представляло ужасную, отвратительную картину. Эти окровавленныя лица, эти глаза, горящія дикимъ, неистовымъ фанатизмомъ, эти размахиванія блестящими, острыми мечами, эти порывистыя, отчаянныя тѣлодвиженія, эти потоки крови, лившіеся по бѣлымъ одѣяніямъ, и все это освѣщенное кровавымъ яркимъ отблескомъ пылавшихъ факеловъ,—все было ужасно.

Многіе при этомъ умираютъ отъ ранъ, самими себѣ нанесенныхъ, но это нисколько не мѣшаетъ на будущій годъ устраивать такое же торжественное, кровавое празднество. Это „покаяніе“ напротивъ того устраивается еще болѣе ярко и кровопролитно и такъ повторяется изъ года въ годъ. Правъ былъ Мефистофель, говоря, что „кровь:—это какой-то особый, необычайный сокъ“; изувѣрство процвѣтаетъ и въ наше время настолько же сильно, какъ и во времена аммонитянъ, приносившихъ Молоху человѣческія жертвы.

* * *

Въ одной корреспонденціи, помѣщенной въ газетѣ „Koelnische Volkszeitung“, говорится, что прежде, чѣмъ вспыхнуло возстаніе въ различныхъ пунктахъ германскихъ владѣній въ юго-восточной Африкѣ, ходили слухи о сильномъ эфіопскомъ движеніи. Предполагаютъ, что существовало задолго предъ тѣмъ подготовленное движеніе фанатическаго характера среди туземныхъ племенъ, къ которому примкнуло фанатическое магометанское движеніе. Нѣкоторые утверждали, будто за спиной этого движенія втайнѣ стояли аравитяне, другіе же утверждали, что арабы ему не сочувствовали, такъ какъ многіе изъ ихъ вождей обязаны были выгодными должностями и высокимъ положеніемъ германскому вліянію. Кто знакомъ съ хитростью и скрытной натурой арабовъ, тотъ, конечно, не повѣритъ послѣднему, такъ какъ не напрасно у арабовъ существуетъ поговорка: „Цѣлуй ту руку, которую не въ силахъ отсѣчь“. Слѣды общаго эфіопскаго движенія усматриваются англичанами даже въ волненіяхъ, возникшихъ теперь въ Наталѣ. Собственно говоря, внѣшнимъ толчкомъ, вызвавшимъ волненіе, было возвышеніе пошлинъ и налоговъ, которое пришлось очень не по вкусу туземцевъ. Вѣдь лозунгъ: „Южная Африка должна быть для чернокожихъ“ давно уже существуетъ. Кромѣ того на это движеніе повліяли еще весьма значительно и нѣкоторыя религіозныя причины, въ особенности съ переходомъ громаднаго числа туземцевъ изъ веслеянской церкви въ епископальную. Въ ней образовался т. н. „эфіопскій орденъ“. Религіозные энтузіасты посѣщали одно племя за другимъ и убѣждали туземцевъ, принявшихъ христіанство, имѣть священниковъ не изъ бѣлыхъ, а изъ чернокожихъ. Случалось даже такъ, что эти проповѣдники снова совершали крещеніе надъ тѣмн туземцами, кото-

рые были крещены англійскими священниками. Пріѣзжали также въ южную Африку негры-миссіонеры изъ сѣверной Америки и изъ Либеріи. Эти агитировали въ пользу „освобожденія африканской расы". „Daily Chronicle" сообщала изъ Бломфонтэна, что въ странѣ находится очень много такихъ проповѣдниковъ изъ сѣверной Америки и изъ Либеріи, посѣщающихъ африканскія племена и убѣждающихъ ихъ что они такіе же, какъ бѣлые, и должны сбросить съ себя иго послѣднихъ, Въ силу этого опасались въ Бломфонтенѣ всеобщаго возстанія туземцевъ. 80,000 вооруженныхъ базутосовъ были уже на границѣ колоніи Оранжевой рѣки. Конечно, ихъ бы возможно было обезоружить, пока лордъ Робертсъ находился съ своими войсками въ южной Африкѣ, но теперь это дѣло немыслимое. Вмѣстѣ съ тѣмъ указывается на тѣ затрудненія, съ которыми удалось Германіи подавить возстаніе въ своихъ владѣніяхъ. Въ виду того, что германцы сильнѣйшая нація въ военномъ отношеніи, это обстоятельство вселяетъ въ туземцахъ убѣжденіе, что англичанамъ не удастся сломить ихъ.

Волненія въ Наталѣ, возникшія въ настоящее время, невольно вызываютъ размышленія о томъ, каково теперь дѣйствительное положеніе „бѣлаго человѣка" въ южной Африкѣ. Уже привыкли на нее смотрѣть, какъ на владѣніе бѣлаго человѣка. А между тѣмъ на самомъ дѣлѣ поселенія бѣлыхъ крайне незначительны численностью среди густаго населенія африканскихъ туземцевъ. Если они возстанутъ, то есть основаніе опасаться истребленія бѣлыхъ. Самая большая опасность угрожаетъ Наталю, такъ какъ тамъ нѣтъ англійскихъ войскъ, а вся его милиція не свыше 3500 человѣкъ. Наталь не можетъ оказаться въ состояніи снабдить гарнизонами города и села и одновременно съ этимъ выслать войско въ окрестности. Туземцевъ въ десять разъ болѣе, нежели бѣлыхъ. Въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ южной Африки это процентное отношеніе не такъ сильно, но все же весьма значительно. Въ Капскихъ колоніяхъ имѣется 75 процентовъ чернокожихъ. Въ колоніяхъ Оранжевой рѣки отношеніе бѣлыхъ къ чернокожимъ какъ 1 : 2. Въ Трансваалѣ приходится трое чернокожихъ на одного бѣлаго, а въ Родезіи одинъ бѣлый на 50 чернокожихъ. Такъ какъ германскія и португальскія поселенія по малой мѣрѣ имѣютъ два милліона чернокожаго населенія, можно сказать, что къ югу отъ Замбези туземцевъ въ пять разъ болѣе, нежели бѣлыхъ. Если бы только среди этого чернаго населенія появился энергичный вожакъ, или если бы какое-либо всеобщее неудовольствіе объединило всѣ туземныя племена, то можно предвидѣть ужасную, истребительную войну, изъ которой южно-африканская цивилизація можетъ выйдти побѣдительницей только послѣ продолжительной и тяжелой борьбы. Эти религіозныя секты представляютъ собою главную и страшную опасность южной Африки.

Вѣстникъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія"

Новые законы о положеніи римско-католическаго духовенства въ Россіи.

Въ №№ 37 и 42 „Собранія узаконеній и распоряженій Правительства" распубликованъ рядъ законовъ, касающихся римско-католическаго духовенства. Таковы законы: 1) о порядкѣ назначенія, перемѣщенія и увольненія приходскаго римско-католическаго духовенства, ректоровъ, инспекторовъ и профессоровъ Императорской римско-католической духовной академіи и семинарій, а также регенсовъ и секретарей консисторій, и объ установленіи въ законѣ взысканій съ духовныхъ лицъ римско-католическ. исповѣданія. 2) Объ измѣненіи существующаго порядка отпуска духовныхъ лицъ р.-к. исповѣданій. 3) Объ отмѣнѣ постановленій относительно упраздненія и закрытія р.-к. монастырей въ губерніяхъ Царства Польскаго, сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ. 4) О р.-к. крестныхъ ходахъ и религіозныхъ процессіяхъ, и 5) О постановкѣ р.-к. крестовъ и священныхъ изображеній.

Законы эти вносятъ значительныя облегченія въ бытъ римско-католическаго духовенства и населенія, сравнительно съ прежде существовавшими по сему предмету ограничительными узаконеніями и распоряженіями административныхъ властей.

1) Такъ, хотя, закономъ объ установленіи новаго порядка назначенія римско-католическихъ духовныхъ лицъ на должности, за органами правительственной власти и сохранено право контроля въ отношеніи *первоначальнаго назначенія* ксендзовъ къ духовнымъ должностямъ, въ формѣ предварительныхъ сношеній епархіальныхъ начальниковъ съ гражданской властью, однако *перемѣщеніе* и *увольненіе* духовныхъ лицъ всецѣло предоставлено епископамъ.

Кромѣ того допущено поступленіе иностранныхъ ксендзовъ на службу въ Привислинскій край на тѣхъ же основаніяхъ, какъ это существовало до настоящаго времени для Имперіи, съ замѣною дозволенія министра внутреннихъ дѣлъ разрѣшеніемъ варшавскаго генералъ-губернатора. Равнымъ образомъ р.-к. священники изъ русскихъ подданныхъ, полу́чившіе образованіе и рукоположеніе за границею, сравнены въ правахъ съ ксендзами, посвященными въ Россіи, и для

нихъ, въ отмѣну прежнихъ воспрещеній, установленъ общій, указанный выше порядокъ назначенія къ должностямъ.

Ненависимо отъ этого, гражданской власти, во избѣжаніе всякихъ проволочекъ въ дѣлѣ назначенія духовныхъ лицъ, отнынѣ вмѣняется въ обязанность давать свои отвѣты на обращаемые къ нимъ епископами запросы по этимъ дѣламъ въ мѣсячный срокъ, причемъ неполученіе епархіальною властью отвѣта въ указанный срокъ признается равносильнымъ изъявленію согласія на предложенное назначеніе.

2) Относительно отлучекъ римско-католическаго духовенства отмѣнена дѣйствовавшая доселѣ установленная, подъ вліяніемъ польскаго мятежа, сложная система надзора правительственной власти за передвиженіемъ р.-к. духовныхъ лицъ не только внѣ предѣловъ губерній, гдѣ они состояли на службѣ, но даже и за отлучками ихъ изъ приходовъ. Увольненіе этихъ лицъ въ отпуски нынѣ предоставлено духовному начальству, отъ котораго ксендзы, на основаніи закона 26 декабря, и будутъ получать безсрочныя паспортныя книжки. Такимъ образомъ отмѣненными являются всѣ прежнія распоряженія, налагавшія на р.-к. духовныя власти обязанность при разрѣшеніи отлучекъ подвѣдомственнымъ имъ ксендзамъ, предварительно сноситься съ мѣстнымъ административнымъ или полицейскимъ начальствомъ.

3) Что касается наложенія административныхъ взысканій на лицъ р.-к. духовенства, то въ этомъ отношеніи закономъ 26 декабря внесены въ существовавшій порядокъ весьма существенныя измѣненія въ двоякомъ отношеніи: во-первыхъ, право на наложеніе взысканія въ административномъ порядкѣ сосредоточено въ рукахъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ отмѣну прежнихъ правилъ, въ силу которыхъ такое право принадлежало, кромѣ министра, генералъ-губернаторамъ и даже губернаторамъ; во-вторыхъ обширная система административныхъ каръ, до заключенія въ монастырь включительно, замѣнена правомъ министра предлагать епархіальному начальству о принятіи соотвѣтственныхъ мѣръ къ прекращенію вредной дѣятельности ксендза съ указаніемъ, что лишь въ томъ случаѣ, если епархіальный начальникъ не приметъ надлежащихъ мѣръ или таковыя будутъ признаны недостаточными, министръ имѣетъ право требовать увольненія ксендза отъ должности. Въ силу сказаннаго, наказанія на ксендзовъ будутъ отнынѣ фактически налагаться духовнымъ начальствомъ, усмотрѣнію котораго предоставено устанавливать и самую мѣру взысканія, не говоря уже о правѣ епископа давать министру внутреннихъ дѣлъ объясненія, которыя по мнѣнію епархіальной власти могли бы служить основаніемъ къ оправданію обвиняемаго священника.

4) Въ отношеніи крестныхъ ходовъ и религіозныхъ процессій, совершеніе коихъ внѣ костельныхъ оградъ въ городахъ 9 западныхъ и Курляндской губерніяхъ до настоящаго времени вообще не допускалось, а въ селахъ и деревняхъ было ограничено случаями крайней необходимости, установленъ для упомянутыхъ губерній и Царства Польскаго общій, сближающій совершеніе р.-к. крестныхъ ходовъ съ условіями допущенія православныхъ процессій, порядокъ, въ силу котораго р.-к. духовенство, совершающее или устраивающее крестные ходы, похоронныя шествія или паломничества съ религіозною цѣлью, обязано руководствоваться указаніями своего епархіальнаго начальства и только каждый разъ заблаговременно предупреждать мѣстную по-

лицію о времени и мѣстѣ предполагаемой процессіи. Такимъ образомъ, съ устраненіемъ администраціи отъ участія въ дѣлѣ разрѣшенія тѣхъ или иныхъ религіозныхъ процессій, роль полиціи въ настоящемъ дѣлѣ сводится лишь къ наблюденію за порядкомъ во время упомянутыхъ шествій.

5) По вопросу о постановкѣ р.-к. крестовъ и священныхъ изображеній въ Западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ отмѣнено ограниченіе, въ силу котораго постановка означенныхъ сооруженій ставилась въ зависимость отъ предварительнаго разрѣшенія гражданской власти. Такое разрѣшеніе, по мысли Государственнаго Совѣта, должно быть испрашиваемо лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда, на основаніи дѣйствующихъ узаконеній, оно требуется для всякихъ вообще сооруженій, возводимыхъ, напримѣръ, въ городахъ, на земляхъ общаго пользованія и т. д. Такимъ образомъ, всѣ имѣвшіяся до сего времени ограниченія въ правѣ населенія не только сооружать новые, но даже поддерживать и ремонтировать уже существовавшіе р.-к. кресты, новымъ закономъ совершенно отмѣнены и лишь въ отношеніи надписей на крестахъ и священныхъ изображеніяхъ законъ 26 декабря удержалъ за губернаторами право утверждать таковые и то за исключеніемъ текстовъ изъ Священнаго Писанія.

6) Съ отмѣною въ законодательномъ порядкѣ статьи 187 и примѣчанія къ ней уст. ин. исп. и Высочайшаго повелѣнія 2 апрѣля 1866 г. о закрытіи р.-к. монастырей, положенъ предѣлъ дальнѣйшему упраздненію существующихъ въ Западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ р.-к. монастырей, каковые, такимъ образомъ,—въ числѣ 9 для Имперіи и 13 для Царства Польскаго,—будутъ оставлены неприкосновенными. Особое значеніе этотъ законъ пріобрѣтаетъ въ виду предстоящаго, на основаніи Высочайше утвержденнаго 17 апрѣля мин. года журнала Комитета Министровъ, разсмотрѣнія въ особомъ по дѣламъ вѣры совѣщаніи вопроса объ упрощеніи самаго порядка пріема новиціевъ въ монастыри и объ устраненіи всѣхъ тѣхъ сохранившихся еще въ уставѣ иностранныхъ исповѣданія ограниченій, которыя могли бы создавать некомплектность монастыря и затѣмъ влечь за собою его упраздненіе по недостатку монашествующихъ, когда и по р.-к. церковнымъ постановленіямъ монастырь долженъ прекратить свое существованіе (Булла Папы Бенедикта XIV, 1744 г.). Съ предположенною затѣмъ отмѣною также и тѣхъ статей закона (189, 190), въ силу коихъ обители штатныя пополнялись монашествующими исключительно изъ нештатныхъ монастырей, вступленіе же въ эти послѣдніе было воспрещено, р.-к. населеніе получитъ полную возможность удовлетворенія въ этомъ направленіи своихъ религіозныхъ нуждъ и потребностей, такъ какъ въ ближайшемъ будущемъ устранятся всѣ вытекавшія изъ приведенныхъ законовъ препятствія къ пополненію р.-к. монастырей до положенной въ нихъ нормы.

Къ изложенному слѣдуетъ прибавить, что законы 26 декабря 1905 г. не исчерпываютъ всей совокупности преобразованій въ отношеніи р.-к. духовенства и населенія, а дополняютъ лишь обширную систему льготъ, которыя предоставлены инославнымъ церквамъ въ Россіи Высочайшими указами 12 декабря 1904 г., 17 апрѣля 1905 г. и Всеми-

лостивѣйшимъ Манифестомъ 17 октября того же года объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости.

Существенныя въ этомъ мѣропріятія получили конкретное опредѣленіе преимущественно въ указѣ 17 апрѣля, главнѣйшія положенія котораго сводятся къ слѣдующему: всѣмъ лицамъ, исповѣдующимъ православіе и достигшимъ совершеннолѣтія, предоставлено безпрепятственно переходить въ инославныя исповѣданія; разрѣшеніе постройки, возобновленія и ремонта церквей всѣхъ христіанскихъ исповѣданій поставлено въ зависимость лишь отъ согласія духовнаго начальства подлежащаго исповѣданія, наличности денежныхъ средствъ и соблюденія техническихъ требованій устава строительнаго; преподаваніе въ учебныхъ заведеніяхъ Закона Божія инославныхъ христіанскихъ исповѣданій допущено на природномъ языкѣ учащихся, причемъ преподаваніе это должно быть поручаемо духовнымъ лицамъ подлежащаго исповѣданія и только при отсутствіи ихъ свѣтскимъ учителямъ того же исповѣданія и т. п.

Наконецъ, нельзя упускать изъ виду, что, на основаніи Высочайше утвержденнаго 11 февраля 1905 г. положенія Комитета Министровъ, отмѣнены, во исполненіе п. 6 Высочайшаго указа 12 декабря 1904 г. всѣ стѣснявшія свободу исповѣданія вѣры и не основанныя прямо на законѣ административныя распоряженія, отъ какихъ бы начальствъ они ни исходили.

Изъ числа такихъ стѣсненій, отмѣна которыхъ несомнѣнно имѣетъ весьма важное значеніе и вноситъ коренныя измѣненія въ положеніе р.-к. церкви въ Россіи, слѣдуетъ отмѣтить, напримѣръ: основанное на Высочайшемъ повелѣніи 27 ноября 1872 г. ограниченіе р.-к. епископовъ въ посѣщеніи мѣстностей съ уніатскимъ населеніемъ и находившіяся въ связи съ этимъ циркулярныя распоряженія мѣстныхъ властей западныхъ губерній и Царства Польскаго, устанавливавшія особый порядокъ предварительныхъ сношеній при объѣздѣ епархіальными начальниками своихъ епархій и воспрещавшія торжественныя встрѣчи епископовъ въ приходахъ; административныя распоряженія о предварительномъ цензированіи свѣтскою властью пастырскихъ посланій епархіальныхъ начальниковъ; распоряженія центральной и мѣстной власти, ограничивавшія съѣзды ксендзовъ для совершенія сорокачасового богослуженія и на храмовые праздники; воспрещеніе открытаго ношенія Св. Даровъ и развоза органистами р.-к. церквей облатокъ съ религіозными изображеніями и цѣлый рядъ иныхъ болѣе или менѣе мелкихъ ограниченій, устраненіе которыхъ составляетъ весьма чувствительное облегченіе для всего римско-католическаго духовенства и населенія.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

О согласованіи нѣкоторыхъ постановленій свода законовъ съ ВЫСОЧАЙШЕ утвержденными 17-го апрѣля 1905 г. положеніями Комитета Министровъ объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости.

94. Духовное лицо инославнаго христіанскаго вѣроисповѣданія, состоящее въ санѣ священнослужителя или въ званіи настоятеля или наставника старообрядческаго согласія или сектантской общины, виновное:

1) въ совершеніи брака лица инославнаго христіанскаго исповѣданія съ лицомъ завѣдомо православнаго исповѣданія, если бракъ потомъ не былъ совершенъ по православному обряду;

2) въ совершеніи брака между завѣдомо православными,

наказывается:

денежною пенею не свыше пятисотъ рублей.

Сверхъ того, виновный удаляется отъ занимаемой должности на время отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года, а при повтореніи—на время отъ одного года до трехъ лѣтъ или навсегда.

96. Виновный въ принадлежности къ изувѣрному ученію, соединенному съ посягательствомъ на жизнь свою или другихъ, или съ оскопленіемъ себя или другихъ, или съ явно безнравственными дѣйствіями, наказывается:

ссылкою на поселеніе въ особо предназначенныя для сихъ осужденныхъ мѣстности.

Сему же наказанію подлежитъ виновный въ оскопленіи самого себя по заблужденію фанатизма.

98. Лицо нехристіанскаго вѣроисповѣданія, послѣдователь изувѣрнаго ученія, сектантъ или лицо инославнаго христіанскаго вѣроисповѣданія, а также старообрядецъ, виновные въ оскорбленіи православнаго священнослужителя или въ предусмотрѣнномъ статьею 475 насиліи надъ его личностью не во время совершенія имъ службы Божіей или духовной требы, но съ цѣлью оказать неуваженіе къ вѣрѣ и церкви православной, наказываются:

заключеніемъ въ тюрьмѣ.

Если сіе оскорбленіе или насиліе надъ личностью учинено во время совершенія священнослужителемъ службы Божіей или духовной требы, то виновный наказывается:

за оскорбленіе—заключеніемъ въ исправительномъ домѣ на срокъ не свыше трехъ лѣтъ;

за насиліе—заключеніемъ въ исправительномъ домѣ.

380. Виновный въ устройствѣ, безъ надлежащаго разрѣшенія, старообрядческаго или сектантскаго скита или иного сего рода обиталища, наказывается:

денежною пенею не свыше трехсотъ рублей.

381. Сооруженные, безъ надлежащаго разрѣшенія церковь или молитвенный домъ, скитъ или иное сего рода обиталище, въ случаяхъ, статьями 379 и 380 предусмотрѣнныхъ, могутъ быть сохранены по воспослѣдованіи надлежащаго на то разрѣшенія.

413. Духовное лицо христіанскаго вѣроисповѣданія, состоящее въ санѣ священнослужителя или въ званіи настоятеля или наставника старообрядческаго согласія или сектантской общины, участвовавшее завѣдомо въ совершеніи брака, предусмотрѣннаго статьями 408—412, наказывается:

заключеніемъ въ исправительномъ домѣ на срокъ не свыше трехъ лѣтъ или заключеніемъ въ тюрьмѣ.

. . . . . .

425. Духовное лицо инославнаго христіанскаго вѣроисповѣданія, состоящее въ санѣ священнослужителя или въ званіи настоятеля или наставника старообрядческаго согласія или сектантской общины, или духовное лицо нехристіанскаго вѣроисповѣданія, или служащій, обязанные вести метрическія книги или записи о рожденіи, смерти или бракосочетаніи, виновные въ невнесеніи въ оныя свѣдѣній, коими обусловливаются гражданскія послѣдствія сихъ событій, наказываются:

заключеніемъ въ тюрьмѣ.

Сверхъ того, суду предоставляется удалить виновное духовное лицо отъ занимаемой духовной должности на время отъ шести мѣсяцевъ до трехъ лѣтъ.

426. Духовное лицо инославнаго христіанскаго вѣроисповѣданія, состоящее въ санѣ священнослужителя или въ званіи настоятеля или наставника старообрядческаго согласія или сектантской общины, или духовное лицо нехристіанскаго вѣроисповѣданія, или служащій, обязанные вести метрическія книги или записи о рожденіи, смерти или бракосочетаніи, виновные:

1) въ невнесеніи по небрежности въ таковыя книгу или запись надлежащихъ свѣдѣній;

2) во внесеніи по небрежности въ таковыя книгу или запись невѣрныхъ свѣдѣній;

3) въ неисполненіи установленныхъ закономъ или обязательнымъ постановленіемъ правилъ о порядкѣ веденія или храненія таковыхъ книгъ или записей, а равно о представленіи оныхъ, своевременно въ подлежащія мѣста,

наказываются:

денежною пенею не свыше трехсотъ рублей.

455. Виновный въ убійствѣ:

. . . . . .

2) духовнаго лица христіанскаго вѣроисповѣданія состоящаго въ санѣ священнослужителя или въ званіи настоятеля или наставника старообрядческаго согласія или сектантской общины, при совершеніи имъ службы Божіей или духовной требы;

. . . . . .

наказывается:

каторгою безъ срока или на срокъ не ниже десяти лѣтъ.

. . . . . .

471. Виновный въ причиненіи тѣлеснаго поврежденія:

. . . . . .

2) духовному лицу христіанскаго вѣроисповѣданія, состоящему въ санѣ священнослужителя или въ званіи настоятеля или наставника

старообрядческаго согласія или сектантской общины, при совершеніи имъ службы Божіей или духовной требы;

. . . . . .

наказывается:

каторгою на срокъ свыше десяти лѣтъ, если поврежденіе весьма тяжкое;

заключеніемъ въ исправительномъ домѣ на срокъ не ниже трехъ лѣтъ, если поврежденіе тяжкое;

заключеніемъ въ исправительномъ домѣ, если поврежденіе легкое.

. . . . . .

510. Виновный въ умышленной угрозѣ лишить жизни или свободы угрожаемое лицо или члена его семьи, или учинить насильственное на ихъ личность посягательство, или произвести поджогъ, взрывъ или потопленіе ихъ имущества, если таковая угроза могла вызвать у угрожаемаго опасенія ея осуществимости, наказывается:

арестомъ на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ или денежною пенею не свыше трехсотъ рублей.

Если означенная угроза была выражена на письмѣ или направлена противъ:

. . . . . .

2) духовнаго лица христіанскаго вѣроисповѣданія, состоящаго въ санѣ священнослужителя или въ званіи настоятеля или наставника старообрядческаго согласія или сектантской общины, при совершеніи имъ службы Божіей или духовной требы;

. . . . . .

то виновный наказывается:

арестомъ.

532. Виновный въ оскорбленіи:

. . . . . .

2) духовнаго лица христіанскаго вѣроисповѣданія, состоящаго въ санѣ священнослужителя или въ званіи настоятеля или наставника старообрядческаго согласія или сектантской общины, при совершеніи имъ службы Божіей или духовной требы;

. . . . . .

наказывается:

заключеніемъ въ тюрьмѣ.

. . . . . .

II. Въ статьѣ 37 (п. 2) Высочайше утвержденнаго, 22-го марта 1903 года, уголовнаго уложенія исключить ссылку на статью 380 (ч. 2), а въ статьѣ 53 того же уложенія: въ части 2—исключить ссылку на статью 84 (ч. 2); въ части же 3—ссылку на статью 84 (ч. 4) замѣнить ссылкою на статью 84 (ч. 2).

III. Статьи 91, 92 и 301 Высочайше утвержденнаго, 22-го марта 1903 г., уголовнаго уложенія отмѣнить.

IV. Въ измѣненіе, дополненіе и отмѣну подлежащихъ узаконеній, постановить:

1) По дѣламъ о нарушеніи ограждающихъ вѣру постановленій, не ожидая введенія въ дѣйствіе Высочайше утвержденнаго, 22-го марта

1903 года, уголовнаго уложенія („Собр. узак.“, ст. 416) въ полномъ его объемѣ, вступаютъ въ силу глава вторая и статья 309 сего уложенія, а по примѣненію къ преступнымъ дѣяніямъ, предусмотрѣннымъ указанными главою второю и статьею 309, и глава первая упомянутаго уложенія, а также отдѣлы I и II Высочайше утвержденнаго, 22 марта 1903 года, мнѣнія Государственнаго Совѣта по проекту уголовнаго уложенія;

2) При примѣненіи уголовнаго уложенія къ указаннымъ въ пунктѣ 1 дѣламъ (отд. IV) соблюдаются временныя правила, изложенныя въ статьяхъ 3—7 отдѣла VII Высочайше утвержденнаго, 7-го іюня 1904 г., мнѣнія Государственнаго Совѣта о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ порядкѣ производства по дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ государственныхъ и о примѣненіи къ онымъ постановленій новаго уголовнаго уложенія („Собр. узак.“. 1904 г. № 98, ст. 966).

V. Статьи 206, 234, 1585_1 и 1585^2 и оглавленіе отдѣленія четвертаго главы первой раздѣла одиннадцатаго уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ (свод. зак., т. XV, изд. 1885 г.) изложить слѣдующимъ образомъ:

206. За устройство, безъ надлежащаго разрѣшенія, старообрядческаго или сектантскаго скита или иного сего рода обиталища, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей.

Все, ими открытое или устроенное безъ надлежащаго разрѣшенія, подлежитъ закрытію впредь до полученія сего разрѣшенія.

234. За разрытіе могилъ для ограбленія мертвыхъ, виновные приговариваются:

къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на время отъ двухъ съ половиною до шести лѣтъ.

Отдѣленіе четвертое.

О нарушеніи постановленій о бракахъ старообрядцевъ и сектантовъ.

1585_1. За преступленія противъ союза брачнаго старообрядцы и сектанты приговариваются къ наказаніямъ, опредѣленнымъ въ семъ уложеніи, кромѣ заключенія въ монастырѣ и преданія церковному покаянію.

1585^2. За умышленно ложное показаніе, данное заявившими о ихъ бракѣ при записи онаго въ метрическую книгу, въ томъ, что они не состоятъ въ бракѣ, совершенномъ по правиламъ православной церкви или по обрядамъ другого признаваемаго въ Государствѣ исповѣданія, виновные подвергаются:

наказаніямъ, опредѣленнымъ въ статьяхъ 236 и 238 сего уложенія.

VI. Статью 86 уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ (свод. зак., т. XV, изд. 1885 г.) дополнить слѣдующимъ постановленіемъ:

86_1. Старообрядческіе и сектантскіе настоятели и наставники приговариваются въ случаяхъ, закономъ опредѣленныхъ, къ удаленію отъ

должности настоятеля или наставника на время отъ одного года до пяти лѣтъ или навсегда.

VII. Отдѣленіе первое главы 1 раздѣла XI уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ (свод. зак., т. XV, изд. 1885 г.) дополнить слѣдующимъ примѣчаніемъ:

„Постановленія статей 1557 (ч. 2), 1575, 1577 и 1578 распространяются и на состоящихъ въ званіи настоятелей, либо наставниковъ старообрядческаго согласія или сектантской общины, но виновные приговариваются въ подлежащихъ случаяхъ, вмѣсто лишенія духовнаго сана и отрѣшенія отъ должности, къ удаленію отъ должности настоятеля или наставника (ст. 86^1 сего уложенія)".

VIII. Въ статьяхъ 215, 1004, 1021, 1022 и 1026 уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ (свод. зак., т. XV, изд. 1885 г.) ссылки: въ статьѣ 215 на статью 213 исключить, а въ статьяхъ 1004, 1021, 1022 и 1026—на статьи 181 и 189 того же уложенія замѣнить ссылками на статьи 73 и 90 Высочайше утвержденнаго, 22 го марта 1903 г., уголовнаго уложенія („Собр. узак.", ст. 416).

IX. Статьи 176, 177 (по прод.), 178 (по прод.), 179, 180, 181 (по прод.), 182, 183, 184, 185, 186 (по прод.), 187 (по прод.), 188, 189 (по прод.), 190—192, 193 (по прод.), 194 (по прод.), 194^1 (по прод.), 195, 196 (по прод.), 197 (по прод.), 200, 201 (по прод.), 202, 203 (по прод), 204 (по прод.), 205, 207—209, 209^1 (по прод.), 210, 213, 216, 217, 936 (по прод.), 1361 и 1576 уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ (свод. зак., т. XV, изд. 1885 г. и по прод. 1902 г.) и статьи 35, 36 и 48^2 устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями (свод. зак., т. XV, изд. 1885 г. и по прод. 1902 г.)—отмѣнить.

X. Статьи 200, 201 и 620^2 устава уголовнаго судопроизводства (свод. зак., т. XVI ч. 1, изд. 1892 г.) изложить слѣдующимъ образомъ:

200. Окружнымъ судамъ, въ общемъ порядкѣ судопроизводства, подсудны всѣ уголовныя дѣла, изъятыя изъ вѣдомства мировыхъ судей, а также дѣла о преступныхъ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ статьями 73, 74, 78—80, 82—90 и 93—98 Высочайше утвержденнаго, 22-го марта 1903 г., уголовнаго уложенія.

201. Дѣла о преступленіяхъ или проступкахъ, за которые въ законѣ положены наказанія, соединенныя съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенно лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, а равно дѣла о преступныхъ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ второю главою Высочайше утвержденнаго, 22-го марта 1903 г., уголовнаго уложенія, когда высшее за сіи преступныя дѣянія наказаніе опредѣлено въ уголовномъ уложеніи не ниже исправительнаго дома, вѣдаются окружнымъ судомъ съ присяжными засѣдателями.

620^2. Изъ правила, изложеннаго въ статьѣ 620, изъемлются и подлежатъ разсмотрѣнію при закрытыхъ дверяхъ присутствія дѣла: 1) о нарушеніи ограждающихъ вѣру постановленій (Выс. утв., 22-го марта 1903 г., угол. улож., ст. 73, 74, 84, 85 и 96); 2) о преступленіяхъ противъ правъ семейственныхъ (улож. наказ., ст. 1549—1575 и 1577—1594, 1596 и 1597); 3) о преступленіяхъ противъ чести и цѣломудрія женщинъ (улож. наказ., ст. 1523—1532) и 4) о развратномъ поведеніи, противоестественныхъ порокахъ и сводничествѣ (улож. наказ., ст. 993—1000).

XI. Статью 828 устава уголовнаго судопроизводства (свод. зак., т. XVI ч. 1. изд. 1892 г.) дополнить примѣчаніемъ слѣдующаго содержанія:

„По дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ статьями 73 (ч. 1), 79 (ч. 1 и 2), 82, 83 (ч. 2), 84, 85, 87, 96, 97 (ч. 2) и 98 (ч. 2) Высочайше утвержденнаго, 22-го марта 1903 г., уголовнаго уложенія, въ случаѣ признанія присяжными засѣдателями подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія, наказаніе смягчается по правиламъ, въ статьѣ 53 уголовнаго уложенія изложеннымъ".

XII. Уставъ уголовнаго судопроизводства (свод. зак., т. XVI ч. 1, изд. 1892 г.) дополнить новыми статьями слѣдующаго содержанія.

33_1. Вѣдомству мировыхъ судей сверхъ дѣлъ, означенныхъ въ статьѣ 33 съ примѣчаніями, подлежатъ преступныя дѣянія, предусмотрѣнныя статьями 75, 76, 77 и 81 Высочайше утвержденнаго, 22-го марта 1903 г., уголовнаго уложенія. При опредѣленіи наказаній по этимъ дѣламъ мировые судьи руководствуются предѣлами наказаній, установленными статьями 20 и 21 сего уложенія.

34_1. Дѣла, означенныя въ статьѣ 33_1, изъемлются изъ разбирательства мировыхъ судей, когда на основаніи Высочайше утвержденнаго, 22-го марта 1903 г., уголовнаго уложенія заключеніе въ тюрьмѣ можетъ быть назначено на срокъ свыше одного года и арестъ на срокъ свыше шести мѣсяцевъ (ст. 64), а также въ случаяхъ, указанныхъ пунктомъ 2 статьи 34 сего устава.

1287_1. Вѣдомству мировыхъ судей сверхъ дѣлъ, означенныхъ въ статьяхъ 1287 и 1288, подлежатъ преступныя дѣянія, предусмотрѣнныя статьями 75, 76, 77 и 81 Высочайше утвержденнаго, 22-го марта 1903 г., уголовнаго уложенія.

При опредѣленіи наказаній по этимъ дѣламъ мировые судьи руководствуются предѣлами наказаній, установленными статьями 20 и 21 сего уложенія.

1289_1. Дѣла означенныя въ статьѣ 1287_1, изъемлются изъ разбирательства мировыхъ судей, когда на основаніи Высочайше утвержденнаго, 22-го марта 1903 г., уголовнаго уложенія заключеніе въ тюрьмѣ можетъ быть назначено на срокъ свыше одного года и арестъ на срокъ свыше шести мѣсяцевъ (ст. 64), а также въ случаяхъ, указанныхъ пунктами 2 и 3 статьи 1259 сего устава.

1290_1. Сверхъ дѣлъ, указанныхъ въ предшедшихъ статьяхъ (1289 и 1290), вѣдомству гминныхъ судовъ не подлежатъ преступныя дѣянія, предусмотрѣнныя статьями 75, 76, 77 и 81 Высочайше утвержденнаго, 22-го марта 1903 г., уголовнаго уложенія. Дѣла о сихъ преступныхъ дѣяніяхъ подсудны мировому судьѣ, въ участкѣ котораго они совершены.

XIII. Статью 1260 устава уголовнаго судопроизводства (свод. зак., т. XVI ч. 1, изд. 1892 г.) дополнить новымъ (5) пунктомъ слѣдующаго содержанія:

„дѣла о преступныхъ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ статьями 73, 74, 78—80, 82—90 и 93—98 Высочайше утвержденнаго, 22-го марта 1903 г., уголовнаго уложенія".

XIV. Статьи 124 и 1263 устава уголовнаго судопроизводства (свод. зак., т. XVI ч. 1, изд. 1892 г.) дополнить примѣчаніемъ слѣдующаго содержанія:

„По дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ статьями 75, 76, 77 и 81 Высочайше утвержденнаго, 22-го марта 1903 г., уголовнаго уложенія, приговоръ мирового судьи почитается во всякомъ случаѣ неокончательнымъ".

XV. Статью 1004 и примѣчаніе къ ней устава уголовнаго судопроизводства (свод. зак., т. XVI ч. 1, изд. 1892 г.) отмѣнить.

Его Императорское Величество изложенное мнѣніе Государственнаго Совѣта, 14-го марта 1906 г., Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Вятское Братство святителя и чудотворца Николая за 1904—1905 годы [1])

За 1904 и 1905 годы Братство состояло изъ 2-хъ попечителей, 19 почетныхъ членовъ и 831 годовыхъ членовъ. Цѣль Братства заключалась въ томъ, чтобы „содѣйствовать Вятской епархіальной власти и духовенству Вятской епархіи въ ихъ противораскольнической дѣятельности (§ 2 Устава Братства)". Средствами для этой цѣли служили: а) школы, б) безплатныя брошюры и книги, в) публичныя бесѣды съ раскольниками, г) матеріальная помощь миссіонерскимъ дѣятелямъ. Совѣтъ Братства состоялъ изъ предсѣдателя, его товарища и 9 членовъ. Онъ завѣдывалъ 1) экономическою частью, 2) школами, 3) брошюрами и книгами миссіонерскаго и религіозно-нравственнаго содержанія (таковыхъ было разослано по епархіи въ истекшемъ году до 6470 экземпляровъ и 4) устройствомъ публичныхъ бесѣдъ съ старообрядцами (всѣхъ бесѣдъ было 8).

Особый интересъ представляетъ школьное дѣло, въ которомъ на первый планъ выдвигаются центральныя двѣ школы въ г. Вяткѣ. Въ мужской школѣ было 23 человѣка въ возрастѣ отъ 20 до 53 лѣтъ, въ женской—15 дѣвицъ въ возрастѣ отъ 17 до 24 л. Въ обѣихъ школахъ преподавались 1) Священная Исторія, 2) Катихизисъ, 3) Церковная исторія, 4) Историко-литургическія свѣдѣнія и 5) Исторія и Обличеніе раскола. Съ практикою веденія бесѣдъ учащіеся знакомились, присутствуя на публичныхъ раскольническихъ бесѣдахъ.

Что же касается остальныхъ 45-ти братскихъ школъ, разбросанныхъ по Вятской епархіи въ мѣстахъ, зараженныхъ расколомъ, то учебныя программы ихъ были значительно меньше, чѣмъ въ центральныхъ школахъ. Въ нихъ преподавались: Законъ Божій, Св. Исторія. Объясненіе символа Вѣры, 10-ти заповѣдей, молитвъ, церковныхъ

---

[1]) Основано покойнымъ протоіер. С. Н. Кашменскимъ въ 1860-тыхъ г.г. и офиц. учр. св. Синодомъ въ 1882 г.

службъ, русское и церковно-славянское чтеніе, счисленіе и чистописаніе. Сообщались также элементарныя свѣдѣнія по расколовѣдѣнію. Число учащихся во всѣхъ братскихъ школахъ было 988 (558 правосл. и 430 раск.). Учителями и учительницами въ нихъ были крестьяне и крестьянскія дѣвицы, окончившіе курсъ въ центральныхъ миссіонерскихъ школахъ.

О постановкѣ учебнаго дѣла и воспитанія въ братскихъ школахъ миссіонеры и священники, посылавшіеся Совѣтомъ Братства для ревизіи, даютъ самые прекрасные отзывы. Такіе же отзывы читаемъ и въ отчетахъ о миссіонерской—просвѣтительной дѣятельности учителей и учительницъ. Эти труженики, почти отдѣленные отъ міра, живущіе въ глухихъ мѣстахъ населенныхъ большей частью раскольниками, относящимися враждебно къ православнымъ христіанамъ, несмотря ни на какія лишенія и невзгоды, съ несокрушимой энергіей борются съ окружающей ихъ темнотой и вносятъ въ нее истинный свѣтъ Христова ученія.

Опечаливаетъ насъ одинъ горькій фактъ, съ которымъ приходится считаться Братству—это недостатокъ матеріальныхъ средствъ. Вслѣдствіе этого недостатка въ школахъ нѣтъ учебныхъ пособій и принадлежностей въ достаточной мѣрѣ, у братства не достаетъ книгъ и брошюръ противораскольническаго содержанія, учителя и учительницы живутъ въ крайней нуждѣ, довольствуясь очень скуднымъ жалованьемъ (90 р. въ годъ). И нѣкоторые изъ нихъ оставляютъ свои обязанности и переходятъ къ другимъ, болѣе обезпечивающимъ ихъ существованіе. Это обстоятельство, грозящее Братству оскудѣніемъ, въ высшей степени печально, особенно въ виду того, что въ настоящее время, послѣ указа 17 апрѣля расколъ (равно какъ и сектантство) могутъ свободно осуществлять разные коварные замыслы противъ чадъ истинной Церкви Христовой.

По поводу корреспонденціи изъ Волчанска Харьковской губерніи „Въ пользу миссіи“ Якова Глаголева.

18 марта 1906 года въ корреспонденціи изъ Волчанска, Харьковской губерніи, я прочелъ лживую замѣтку Якова Глаголева, помѣщенную въ газетѣ „Колоколъ“, Глаголевъ пишетъ, что безпоповцами-старообрядцами въ село Красный Логъ, Воронежскаго уѣзда былъ, приглашенъ для собесѣдованія начетчикъ Пичугинъ. Въ данномъ случаѣ авторъ лжетъ. Дѣло въ томъ, что г. Пичугинымъ была прислана въ село Красный Логъ лживая и грязная брошюрка, въ которой Пичугинъ предъ своими единовѣрцами всячески старался очернить Синодальнаго миссіонера отца Ксенофонта Крючкова. Нашъ же приходскій

священникъ, узнавши о такомъ гнусномъ поступкѣ Пичугина, задался цѣлію во что бы то ни стало обличить ложь Пичугина. А для этого съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства были посланы одновременно телеграммы: протоіерею отцу Ксенофонту Крючкову и Пичугину, въ которыхъ послѣднихъ просили прибыть въ с. Красный Логъ съ цѣлью изобличенія лживой брошюры Пичугина. Но Пичугинъ никакъ не хотѣлъ быть вмѣстѣ съ отцомъ Ксенофонтомъ въ селѣ Красномъ Логѣ и вести бесѣду съ послѣднимъ, что лично и сказалъ мнѣ Пичугинъ въ бытность мою у него въ домѣ 22-го апрѣля 1905 года.

25 октября 1905 года отецъ Ксенофонтъ уѣхалъ въ Екатеринбургъ, а Пичугинъ, пользуясь отсутствіемъ отца Ксенофонта, заявился въ Красный Логъ. И пріѣхалъ Пичугинъ въ Красный Логъ не съ цѣлію вести общую бесѣду, такъ какъ онъ отказался вести бесѣду съ священникомъ и мною, а съ тѣмъ, какъ онъ мнѣ лично сказалъ, чтобы побесѣдовать съ своими собратіями. И на это собесѣдованіе, происходившее въ домѣ раскольника, изъ православныхъ никто не былъ допущенъ. Откуда же Глаголевъ вывелъ заключеніе, что раскольники укрѣпились въ своемъ заблужденіи, а православные пали духомъ? Не ясное ли дѣло, что Глаголевъ Яковъ задался цѣлью попрать правду, и наклеветать на нашего достойнаго и заслуженнаго батюшку, съ горячею любовію относящагося къ дѣлу миссіи, что доказываютъ пріобрѣтенныя имъ весьма цѣнныя книги противъ раскольниковъ и частыя домашнія собесѣдованія съ раскольниками, результатомъ чего является присоединеніе къ православной церкви раскольниковъ въ числѣ четырнадцати человѣкъ (14 ч.). Больно было читать такую грязную и ложную замѣтку Глаголева, да еще подъ заглавіемъ: „Въ пользу миссіи“. Но къ сожалѣнію это явленіе не первое. Въ „Воронежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ за 1905 годъ № 13-й окружной миссіонеръ священникъ Феоктистъ Глаголевъ въ своемъ отчетѣ дерзнулъ безъ зазрѣнія совѣсти напечатать, что онъ съ сыномъ своимъ, авторомъ выше изложенной грязной замѣтки, велъ бесѣды съ раскольниками въ селѣ Красномъ Логѣ и по пяти часовъ къ ряду. На самомъ же дѣлѣ о. Глаголевъ съ своимъ сыномъ ни разу у насъ бесѣды не вели, да и сынъ то его Яковъ едва ли и издали видѣлъ Красный Логъ.

Шесть лѣтъ тому назадъ епархіальный миссіонеръ Тихонъ Семеновичъ Рождественскій велъ бесѣды съ раскольниками, былъ и о. Глаголевъ и не разъ было вмѣшивался въ бесѣду, но Т. С. Рождественскій любезно просилъ его не принимать участія, дабы не портить бесѣду. Великое спасибо Т. С. Рождественскому! Великую онъ пользу оказалъ нашему народу чрезъ свои частыя собесѣдованія. Но нынѣшній миссіонеръ о. Михаилъ Граціанскій не принимаетъ никакого участія. Три года тому назадъ проѣздомъ чрезъ наше село онъ былъ въ домѣ у нашего любимаго батюшки и обѣщалъ непремѣнно быть въ Красномъ Логу и вести бесѣды, но это къ сожалѣнію осталось словами.

О. миссіонеръ Граціанскій, должно быть, забылъ про существованіе Краснаго Лога, а вѣдь въ немъ 1500 душъ обоего пола пребываютъ въ расколѣ. Жалкое и грустное явленіе!!

Помощникъ миссіонера *Иванъ Болдиновъ*.

ОТКЛИКИ.

Христосъ и революція.

«Я получилъ запросъ: можно-ли крестьянскій съѣздъ назвать христіанскимъ?

Если-бъ былъ живъ сейчасъ Христосъ, Онъ былъ-бы среди насъ: Онъ всегда стоялъ за угнетенныхъ, Онъ былъ первый соціалистъ». (Рѣчь воронежскаго делегата-священника на 1-мъ крестьянскомъ съѣздѣ).

Въ виду того, что крестьянскій съѣздъ является такимъ-же революціоннымъ, какъ и рабочій союзъ, а этими двумя союзами и держится главнымъ образомъ русская революція, вышеприведенныя слова священника можно приложить вообще къ нашей революціи и спросить: „можно-ли ее назвать христіанской? былъ-ли бы среди ея дѣятелей Христосъ“? Эти вопросы настолько важны, настолько требуютъ твердаго обоснованія, что рѣшать ихъ сплеча не приходится. Посильное рѣшеніе этихъ вопросовъ и будетъ предметомъ настоящей статьи.

Покойный философъ-христіанинъ Владиміръ Соловьевъ въ своемъ сочиненіи „Духовныя основы жизни“, говоря объ обязанности христіанина воплощать Христа въ своей личной жизни и общественной дѣятельности, представляя предъ своимъ „духовнымъ окомъ“ свѣтлый образъ Христа и отражая его чрезъ себя въ жизнь, совѣтуетъ достигать этой цѣли слѣдующимъ образомъ: „Слѣдуетъ только предъ тѣмъ, какъ рѣшаться на какой-нибудь поступокъ, имѣющій значеніе для личной или для общественной жизни, вызвать въ душѣ своей нравственный образъ Христа. сосредоточиться на Немъ и спросить себя; могъ-ли бы Онъ совершить этотъ поступокъ, или другими словами—одобритъ Онъ

его или нѣтъ? благословитъ меня на его совершеніе или нѣтъ? Предлагаю эту повѣрку всѣмъ—она не обманетъ“ [1]). Спасибо покойному философу за совѣтъ! Только я сильно сомнѣваюсь, чтобы дѣятели нашей революціи—оба священника—и о. Гапонъ, ринувшій рабочихъ въ пучину революціонной бездны, и воронежскій священникъ делегатъ отъ трехъ волостей, могли серьезно воспользоваться совѣтомъ нашего философа. Хотя воронежскій священникъ (фамилія его въ газетномъ отчетѣ не обозначена) категорически увѣряетъ спрашивающихъ его о христіанскомъ значеніи крестьянскаго съѣзда, что Христосъ непремѣнно былъ-бы съ ними, потому что Онъ самъ—первый соціалистъ, но это увѣреніе послѣ провѣрки его критеріемъ подлинной правды Христа оказывается безусловно неправильнымъ.

Прежде всего, нѣсколько странно слышать изъ устъ священника такія слова: „если-бы живъ былъ сейчасъ Христосъ“... Что это значитъ? Неужели Христа *сейчасъ нѣтъ въ живыхъ*? По какому вѣроисповѣданію это такъ выходитъ? По-нашему, по православному, Христосъ и теперь *живетъ*, такъ какъ Онъ живымъ вознесся на небо, и послѣдними словами Воскресшаго изъ мертвыхъ Христа, обращенными къ ученикамъ, были: „и се Азъ съ вами есть во вся дни до скончанія вѣка“ (Матѳ. 28 гл. ст. 20).

Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, Іисусъ Христосъ ясно сказалъ, когда люди могутъ быть увѣрены, въ присутствіи Его между ними: „гдѣ двое или трое собраны *во имя Мое*, тамъ Я посреди нихъ“ (Матѳ. гл. 18, ст. 20).

Очевидно, воронежскій священникъ полагаетъ, что крестьянскій съѣздъ потому могъ-бы видѣть въ своей средѣ Христа, что делегаты этого съѣзда собрались *во имя Христа*, а еще потому, что Христу, какъ „первому соціалисту“, и надлежало бы быть среди революціоннаго сообщества.

Постараемся разубѣдить воронежскаго священника въ его будто-бы совершенно правдивомъ пониманіи нравственнаго образа Христа Спасителя, и показать единомышленникамъ священника, что Христосъ Своимъ ученіемъ и дѣятельностью являетъ великую противоположность ученію и дѣятельности нашихъ революціонеровъ.

Соціалъ-демократы, ведущіе за собою рабочихъ, и соціалъ-революціонеры, агитирующіе крестьянъ, стремятся, какъ извѣстно, къ тому, чтобы рабочіе и крестьяне не были обездолены на жизненномъ пиру. Они обѣщаютъ и тѣмъ и другимъ „земной

[1]) Стр 177.

рай", наступленіе „золотого вѣка", когда въ руки рабочихъ перейдутъ орудія производства, т. е. когда фабрики и заводы, съ ихъ машинами, будутъ не частной собственностью „капиталистовъ", а „общественной собственностью рабочаго класса". Равнымъ образомъ, они увѣряютъ, что крестьяне начнутъ благоденствовать только тогда, когда *вся* земля, отнятая у частныхъ владѣльцевъ, перейдетъ въ трудовое пользованіе крестьянъ. Тенденція революціонеровъ, какъ видимъ, чисто эгоистическая, матеріальная, имѣющая въ виду „земныя блага". Съ этой стороны ученіе Христа представляетъ собой противоположную доктрину. Христосъ „земныя блага" поставляетъ на второй планъ, заповѣдуя прежде всего заботиться о пріобрѣтеніи „благъ духовныхъ", ведущихъ въ Царство Небесное. Христосъ основалъ на землѣ Царство Божіе, а не „земной рай", и къ людямъ, поставляющимъ главною заботою своей жизни стремленіе къ эгоистичному пользованію земными благами, могутъ быть отнесены слова Христа: „Марѳа, Марѳа! ты заботишься и суетишься *о многомъ*, а *одно* только нужно" (Лук. XI, 41 — 42). И это „одно только нужное" есть именно Царство Божіе. И такъ, не заботьтесь, учитъ Христосъ, и не говорите: что намъ ѣсть? или что намъ пить? или во что одѣться? Потому что всего этого ищутъ язычники, и потому, что Отецъ вашъ Небесный знаетъ, что вы имѣете нужду во всемъ этомъ. *Ищите же прежде Царства Божія и правды Его и это все приложится вамъ* (Матѳ. 7, ст. 31—33). Царство же Божіе, по словамъ Христа, не приходитъ замѣтнымъ образомъ, ибо Царство Божіе „внутрь насъ есть". Признакомъ этого Царства служитъ христіански-радостное состояніе нашего духа, который, чрезъ исполненіе заповѣдей Христовыхъ, входитъ въ общеніе съ Самимъ Господомъ Богомъ. Но достиженіе этого блаженства требуетъ отъ человѣка „внутренняго перерожденія и обновленія", основывается на внутренней свободѣ человѣка отъ всякаго зла, „отъ всякія скверны плоти и духа". Только цѣной этой свободы и пріобрѣтается право на вступленіе въ Царство Божіе. Іисусъ Христосъ никого не прельщалъ земными благами: наоборотъ всѣмъ истиннымъ Своимъ послѣдователямъ Онъ завѣщалъ несеніе тяжелаго креста страданій, всякихъ гоненій и уничиженій, и за самоотверженіе, за самопожертвованіе своими земными интересами, за безпредѣльную любовь къ Нему и ко всѣмъ людямъ, обѣщалъ лишь загробное блаженство въ Царствіи Отца Своего. Соотвѣтственно этому Іисусъ Христосъ училъ, какъ надо смотрѣть на богатство. Въ нашихъ революціонерахъ „богатство", очевидно, возбуждаетъ зависть, разъ они стремятся

обогатить обоздоленныхъ рабочихъ и крестьянъ. По ученію же Христа богатство само по себѣ не представляетъ для Его послѣдователей предмета зависти, наоборотъ, Христосъ учитъ, что богатство само по себѣ не представляетъ для Его послѣдователей предмета зависти, наоборотъ, Христосъ учитъ, что богатство очень часто служитъ только препятствіемъ для спасенія души.

Онъ прямо называетъ *безумцами* тѣхъ, которые собираютъ только себѣ, а не въ Бога богатѣютъ. Припомните бесѣду Христа съ богатымъ юношей, которому Онъ, для достиженія совершенства, для полученія сокровища на небѣ, совѣтовалъ продать все имѣніе и раздать нищимъ. Юноша не могъ исполнить этого совѣта, потому что былъ очень богатъ, и отошелъ отъ Христа очень опечаленнымъ. „Іисусъ же сказалъ ученикамъ Своимъ: истинно говорю вамъ, что трудно богатому войти въ Царство Небесное; и еще говорю вамъ: удобнѣе верблюду пройти сквозь игольныя уши, нежели богатому войти въ Царство Божіе". (Матѳ., гл. 19, ст. 23—24). Въ другихъ мѣстахъ Евангелія мы встрѣчаемъ тотъ-же взглядъ Христа на богатство, какъ на такое состояніе, которое всецѣло покоряетъ душу человѣка и отдаляетъ его отъ Бога. „Не можете, говоритъ Христосъ, Богу работать и маммонѣ" (богатству). Притча о богачѣ и нищемъ еще яснѣе говоритъ намъ, какъ безполезно для спасенія души человѣка богатство, и, наоборотъ, какъ велика награда тѣхъ, кто подобно Лазарю, до конца дней своихъ безропотно несетъ свое обездоленное существованіе. Поэтому-то Христосъ и говоритъ: „не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, но собирайте себѣ сокровища на небѣ, гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше". (Матѳ. VI, 19—21).

Изъ сказаннаго съ достаточной ясностью открывается, что человѣческое ученіе соціалъ-революціонеровъ совершенно противоположно божественному ученію Христа.

По ихъ ученію, все счастье человѣка заключается въ здѣшней, земной жизни и достигается „внѣшнимъ образомъ", пріобрѣтеніемъ „сокровищъ" земныхъ; а счастье есть только „*земной рай*", который приходитъ къ людямъ совершенно видимымъ образомъ. По Христову же ученію счастье есть блаженство, находящееся *внутри* человѣка, въ его душѣ, и достигается не земными сокровищами, а, наоборотъ, отреченіемъ отъ нихъ. „земной рай" и „Золотой вѣкъ" нашихъ революціонеровъ наступитъ тогда для всѣхъ обездоленныхъ, когда явится ихъ „Мессія" и „Избавитель", когда *всѣ* машины и фабрики, когда *вся* земля будутъ въ ихъ рукахъ, когда, слѣдовательно совершится внѣш-

ній переворотъ, когда богатство перейдетъ въ ихъ руки. Царство же Божіе, или царство Христа наступитъ для всѣхъ и для каждаго только тогда, когда произойдетъ внутренній переворотъ въ душѣ человѣка, когда человѣкъ почувствуетъ отвращеніе отъ всякаго зла, въ какомъ бы то ни было видѣ, когда почувствуетъ влеченіе къ добру, ради самого добра, къ правдѣ, ради самой правды, къ любви, къ истинѣ и красотѣ. По ученію революціонеровъ, богатство цѣль всѣхъ стремленій человѣка, по ученію Христа, богатство скорѣе тормозъ, препятствіе для истиннаго духовнаго совершенствованія, преграда на пути къ Богу. Итакъ, „земной рай“ нашихъ соціалистовъ и „Царство Божіе“, основанное Христомъ, ничего общаго не имѣютъ: основаніемъ перваго служить чисто плотское, внѣшнее, эгоистичное самоуслажденіе, основаніемъ второго служить чисто—духовное блаженство, заключающееся въ святости жизни, въ исполненіи воли Божіей, въ терпѣливомъ перенесеніи всякихъ страданій ради „загробнаго“ блаженства.

Воронежскій делегатъ-священикъ говоритъ, что дѣятели крестьянскаго союза, а съ ними вмѣстѣ, конечно, и дѣятели рабочаго союза солидарны съ Іисусомъ Христомъ потому, что „Онъ всегда стоялъ за угнетенныхъ“. Но, и здѣсь мы находимъ опять лишь кажущуюся солидарность, а на самомъ дѣлѣ совершенную противоположность.

Прежде всего въ ученіи Іисуса Христа нѣтъ и самомалѣйшей тѣни насилія надъ совѣстью человѣка и надъ его достояніемъ. Если Христосъ говоритъ: „Приходите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ“, то въ этомъ случаѣ разумѣется нравственное успокоеніе, что и ясно изъ слѣдующихъ далѣе словъ: „Возьмите иго Мое на себя и научитесь отъ Меня, *ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ*, и найдете покой душамъ вашимъ“. (Мат., XII. 28—29). Изъ этого видно, что Іисусъ Христосъ призываетъ къ Себѣ всѣхъ „труждающихся и обремененныхъ“, оскорбленныхъ, и униженныхъ, обездоленныхъ и угнетенныхъ, затѣмъ, чтобы „научить“ ихъ, *какъ* переносить жизненныя невзгоды *„съ кротостію и смиреніемъ“*. Въ этомъ только смыслѣ и заботится Христосъ объ угнетенныхъ, давая имъ нравственное мужество бороться съ неизбѣжными въ жизни страданіями. Совершенно иначе заботятся и строятъ за угнетенныхъ соціалъ-демократы и соціалъ-революціонеры: они „призываютъ“ угнетенныхъ рабочихъ и крестьянъ, и вообще всѣхъ обездоленныхъ ни болѣе, ни менѣе, какъ къ вооруженному возстанію, зовутъ ихъ завоевывать себѣ земныя блага съ оружіемъ въ рукахъ, разбойнически

отнять эти блага у всѣхъ имущихъ. Спрашивается, какая же здѣсь солидарность? что между этими различными „призываніями угнетенныхъ“ общаго.

Священникъ-делегатъ увѣряетъ, что Христосъ потому былъ бы среди крестьянскаго съѣзда, что „Онъ былъ первый соціалистъ“. Невѣрно и это утвержденіе.

Если можно говорить о *соціализмѣ* Христа, то только въ томъ смыслѣ, что Онъ призывалъ всѣхъ людей къ любви, и къ врачеванію этой любовью всѣхъ ранъ и болѣзней общественнаго организма, призывалъ любить не только кровныхъ и друзей, но всѣхъ и каждаго, даже своихъ враговъ, и для другихъ жить столько-же, сколько и для себя, даже больше,—полагать, въ случаѣ надобности, и душу свою за ближнихъ. Эта-то всеобъемлющая любовь, соединяющая все человѣчество въ одну семью, въ одно огромное „братство“, и произвела тотъ переворотъ во всемірной исторіи, который именуется „христіанствомъ“. Любовь къ Богу въ христіанствѣ нераздѣльно соединяется съ любовью ко всѣмъ людямъ, что опредѣленно высказано въ слѣдующихъ словахъ Христа: „что вы сдѣлали одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ и, чего вы не сдѣлали одному изъ сихъ меньшихъ, то не сдѣлали Мнѣ“ (Матѳ. гл. 25, ст. 40, 45). Значитъ, вотъ въ чемъ состоитъ христіанскій „соціализмъ“,—въ нераздѣльной любви къ Богу и людямъ, и если Христосъ призываетъ всѣхъ быть „милостивыми“, то милость наша, по ученію Христа, должна быть совершенно свободной, добровольной, и девизомъ ея должно служить исключительно добровольное: „*все мое—твое*“.

Иное явленіе представляетъ изъ себя соціализмъ нашихъ революціонныхъ партій. Основаніемъ его служитъ не любовь ко всѣмъ людямъ безъ различія, а, наоборотъ, вражда, страшная вражда между классами одного и того же народа, вражда между рабочими и фабрикантами, между крестьянами и помѣщиками, между подчиненными и начальниками, между обществомъ и правительствомъ. Психологически революціонный соціализмъ есть зависть ко всѣмъ, имущимъ власть и богатство, зависть, переходящая въ непримиримую вражду. Основаніемъ соціалистической реформы служитъ не свободная, добровольная „милость“, какъ въ христіанствѣ, а кровавое, насильническое, разбойническое отнятіе собственности и власти у всѣхъ имущихъ,—а девизомъ крикъ: „*все твое—мое*“. Только что сказаннымъ еще болѣе усугубляется противоположность между соціалистическимъ „земнымъ раемъ“ и „Царствомъ Божіимъ“, основаннымъ Христомъ. Соціа-

листы-революціонеры видятъ источникъ всѣхъ золъ во внѣшнихъ порядкахъ. Для того, чтобы осушить этотъ источникъ, по ихъ мнѣнію, нужно ниспровергнуть существующій строй политической жизни, совершить внѣшній переворотъ общественной и государственной жизни. Совершенно иное представляетъ собой „Царство Божіе“, которое можетъ существовать при какомъ угодно общественномъ и государственномъ строѣ, потому что оно создается не внѣшними переворотами, а внутреннимъ перерожденіемъ самого человѣка; не внѣшними условіями жизни, а внутренними. „Царство Божіе“ не земное богатство и не наслажденіе всѣми благами жизни, не пища и питіе, а внутренняя чистота и просвѣтлѣніе души свѣтомъ Христовой правды и любви, радость, о Духѣ Святомъ, однимъ словомъ, „святость“ наша—вотъ въ чемъ заключается Царство Божіе. „Царство Божіе“ есть царство добродѣтели и борьбы со зломъ, которое должно быть побѣждаемо *только* добромъ, *только* любовью. „Земной же рай“ соціализма есть плодъ борьбы со всѣми власть и богатство имущими: правительствомъ, начальствомъ, фабрикантами, заводчиками, помѣщиками, купцами, которые тоже должны быть побѣжденными, но только не любовью и добромъ, а насиліемъ, разбоемъ и убійствомъ. Въ „Царствѣ Божіемъ“ награду избранникамъ этого Царства Христосъ обѣщалъ лишь на небѣ, а созидатели „земного рая“ такой отдаленной наградой недовольны,—загробный идеалъ, вѣчное блаженство на лонѣ Авраама ихъ не соблазняетъ,—они стремятся къ болѣе практическимъ цѣлямъ,—именно, къ сытому и довольному „земному блаженству“.

„Равенство“ людей въ Царствіи Божіемъ также не имѣетъ ничего общаго съ „соціальнымъ равенствомъ“. Въ Царство Божіе призываются всѣ люди безъ различія: и бѣдные, и богатые, и знатные, и убогіе, и ученые, и невѣжды, они всѣ могутъ быть равны предъ Богомъ по своей добродѣтели, и, не смотря на свое общественное неравенство, могутъ получить равную награду. „Соціальное же равенство“, наоборотъ, не принимая во вниманіе „добродѣтели“, стремится исключительно къ всеобщей нивелировкѣ, личностей и состояній. „Горе вамъ, богатые! ибо вы получили свое утѣшеніе. Горе вамъ, пресыщенные нынѣ! ибо взалчете. Горе вамъ, смѣющіеся нынѣ! ибо восплачете и возрыдаете“! (Луки, VI, 24—25). Этими словами Христосъ не безусловно осуждаетъ всѣхъ богатыхъ, пресыщенныхъ и смѣющихся, а только тѣхъ, кто забылъ „о меньшихъ братьяхъ“, кто забылъ заповѣдь Христову о любви къ ближнему, о милосердіи, кто злоупотребилъ дарованнымъ имъ отъ Бога „изобиліемъ“ благъ земныхъ

и забылъ подѣлиться съ неимущими. Такихъ-то жестокосердыхъ богачей ожидаетъ въ загробной жизни *горе*, потому что они ничѣмъ не заслужили „награды на небесахъ". Но изъ этого не слѣдуетъ, что Христосъ осуждалъ всѣхъ богачей, даже и тѣхъ, которые дѣлились своимъ богатствомъ. Въ Евангеліи указывается нѣсколько случаевъ благорасположенія Христа къ богатымъ людямъ, которые того заслуживали, напр., къ Закхею, отдавшему полъ-имѣнія нищимъ, къ богатому семейству Лазаря, Марѳы и Маріи, которыхъ Христосъ очень любилъ. Онъ похвалилъ также вѣру Іаира, начальника синагоги, человѣка властнаго и богатаго, и др. Все это доказываетъ, что Христосъ ничего не имѣлъ ни противъ богатства, ни противъ бѣдности,—въ глазахъ Іисуса Христа заслуживалъ благословенія *богачъ*, отдающій половину своего имѣнія нищимъ, и „гнойный Лазарь", валявшійся у воротъ жестокаго богача. Но богачъ, ничего не жертвовавшій бѣднымъ, всецѣло прилѣпившійся къ своему золоту, и бѣднякъ, постоянно мечтающій о богатствѣ, для Христа—люди потерянные, потому что помыслы этихъ богача и бѣдняка не могутъ уже возноситься „горѣ", къ небесной высотѣ; эти люди, какъ къ тачкѣ, прикованы къ землѣ. „Горе вамъ, богатые!" говоритъ Христосъ, и въ притчѣ о богачѣ и бѣднякѣ Лазарѣ даетъ намъ истинное пониманіе богатства и бѣдности. Себялюбивый, въ высшей степени эгоистичный богачъ, пресыщающійся и веселящійся „по вся дни свѣтло", получаетъ свое *утѣшеніе здѣсь*, но его ждетъ, по слову Іисуса Христа, *страданіе тамъ*, ибо онъ не исполнилъ на землѣ своего главнаго назначенія,—онъ не заботился о своемъ религіозно-нравственномъ совершенствованіи, не исполнилъ главнѣйшей Заповѣди Божіей—„любви, милосердія, благотворенія" людямъ; хотя имѣлъ къ тому *полную возможность*, будучи очень богатымъ. Онъ промѣнялъ „вѣчное блаженство" на „земной рай". Лазарь же, поставленный въ соціальномъ смыслѣ на самую низшую ступень, валяющійся, такъ сказать, на „днѣ" жизненнаго моря, въ то же время не роптalъ ни на Бога, ни на людей, ни на этого жестокаго богача, у воротъ котораго лежалъ онъ, ожидая напрасно хоть крошки хлѣба, упавшей со стола этого сластолюбца. И вотъ, за свое *страданіе здѣсь*, онъ, по смерти, *за гробомъ* получаетъ истинное блаженство вмѣстѣ со всѣми угодниками Божіими. Этой притчей Христосъ даетъ истинный, вѣчный урокъ какъ себялюбцамъ богачамъ, позабывшимъ „сотворить милость", такъ и горькимъ бѣднякамъ, *безропотно* несущимъ крестъ своей тяжелой доли. Говоря поэтому: „горе вамъ, богатые", Христосъ напоминаетъ имъ объ ожидающей ихъ участи,

если они *всецѣло* только одни воспользуются своимъ богатствомъ и не подѣлятся добровольно, изъ чувства „состраданія, милосердія“ съ бѣдняками: ихъ ожидаетъ „судъ безъ милости, потому что они не сотворили милости“. Соціалисты-революціонеры тоже кричатъ: „горе вамъ, богатые, пресыщенные и веселящіеся!“ Но этотъ крикъ — крикъ пиратовъ, браконьеровъ, флибустьеровъ, бандитовъ и нашей „почизовой вольницы“, съ ея разбойническимъ „сарынь на кичку!..“ Этотъ крикъ—открытое возстаніе противъ всѣхъ власть и богатство имущихъ которымъ они грозятъ гибелью.

Намъ могутъ, конечно, возразить, что мы, взявшись за сравненіе соціалъ-революціоннаго ученія съ ученіемъ Христа, совершенно не понимаемъ сущности перваго. „По вашему, скажутъ намъ соціалъ-революціонеры, мы всѣ отчаянные головорѣзы и отпѣтые разбойники? И это въ то время, какъ въ сущности соціализмъ развивается мирнымъ, легальнымъ путемъ и сама жизнь идетъ планомѣрно къ тому, чтобѣ водворился во всѣхъ образованныхъ обществахъ соціалистическій строй жизни?“ Смѣемъ увѣрить, что отлично понимаемъ эту планомѣрную тенденцію формъ жизни къ соціалистическому строю, но въ то же время и соціалъ-демократы и революціонеры должны отлично знать, что соціальныя формы жизни могутъ создаваться двоякимъ путемъ: *эволюціоннымъ* (т. е. постепенно подготовляясь, развиваясь и складываясь), или *революціоннымъ* (т. е. безъ подготовки, а *сразу*, *насильственно*). Они должны знать, что въ соціальныхъ партіяхъ есть „террористическія“ фракціи, которыя дѣйствуютъ всегда насиліемъ, ужасомъ, стремясь совершить кровавый переворотъ, общественнаго и государственнаго строя. Они должны знать, что есть соціализмъ легальный, парламентарный и есть также иной типъ (французскій), который дѣйствуетъ конспиративнымъ путемъ, путемъ заговоровъ, баррикадъ, крови, огня и желѣза.

Этотъ-то послѣдній типъ соціализма, типъ революціонный играетъ роль и у насъ. Но дѣятельность такихъ „созидателей соціалистическаго строя“ ничѣмъ не отличается отъ дѣятельности „разрушителей всякаго строя“, т. е. анархистовъ. Карлъ Марксъ въ своемъ манифестѣ говоритъ: „Пролетаріи всѣхъ странъ, объединяйтесь!“ У нашихъ бунтарей, этотъ призывъ выходитъ нѣсколько драматичнѣе: „Пролетаріи всѣхъ странъ, *вооружайтесь!*“

Какая непроходимая пропасть между такой кровавой борьбой и между *борьбой*, проповѣдуемой Христомъ! Христосъ тоже призывалъ на борьбу, но... *на борьбу съ самимъ собой, и съ своею грѣхов-*

ною природою, со своими страстьми и похотьми, съ мірскими соблазнами, со всею силою дьявольскою...

Ясно, что *„нѣтъ ни малѣйшаго основанія для того, чтобы Христосъ благословилъ нашу революцію, одобрилъ ее“*... Что касается въ частности собственно „крестьянскаго съѣзда“, то для доказательства, что онъ тоже не имѣетъ со Христомъ ничего общаго, я приведу нѣсколько подлинныхъ выраженій самихъ делегатовъ съѣзда.

Предсѣдатель Купринъ сказалъ: „Настала новая жизнь. Русскій народъ почувствовалъ въ себѣ силу... Теперь мы свободный народъ. *Съ нами сила* [1]). *Мы возьмемъ* себѣ всю землю, *возьмемъ* всю власть!“ Делегатъ Мазуренко высказался: *„Гибель* всѣмъ, кто пилъ и пьетъ нашу кровь! Сила на нашей сторонѣ. Стомилліонный народъ *раздавитъ* стоголовую гидру... Крестьянство проснулось, и *гибель* полицейскому государству! Нужно правильно организовать *боевую* мощную армію, на подобіе организованной арміи рабочихъ, вложить въ нее сознательность и вести къ побѣдѣ. *Мы одолѣемъ* стоголовую гидру, ибо насъ сто милліоновъ. *Мы завоюемъ* свободу“ [2]). Делегатъ Бѣлоруссіи говоритъ: „Сознаніе крестьянъ просвѣтлено. Они понимаютъ, что *они—одно, а помѣщики и полиція—другое.* Чтобы *побороть* полицію, нужно самоуправленіе, ибо надѣяться не на кого. Бѣлоруссія ждетъ, но *ждетъ съ оружіемъ въ рукахъ.* Ждетъ только отъ Великоруссіи знака и начала. „Нужно объединить крестьянство въ *боевую дружину*“. Слова Макарова: Во многихъ мѣстахъ крестьяне говорятъ: „Манифестовъ было много, но отъ этого ничего не было хорошаго, *лучше отнять* землю“. Изъ сообщеній другихъ делегатовъ выяснилось, что во многихъ углахъ Россіи крестьяне прямо говорятъ: „Если нынѣшней зимой намъ не отдадутъ землю,—весной мы сами ее возьмемъ“. Делегатъ Саратовской губ.: „Наши крестьяне вступили въ открытую *борьбу.* Идетъ борьба съ оружіемъ. Образовываются крестьянскія боевыя дружины, вооруженныя револьверами, ружьями. Но одни саратовскіе крестьяне не могутъ одолѣть врага. Они будутъ биться до конца, но *побѣда будетъ тогда, когда встанетъ съ оружіемъ вся Россія.* Обращаюсь къ вамъ,—зовите интеллигенцію, зовите рабочихъ, и всѣ вмѣстѣ встанемъ на защиту своихъ правъ и *уничтожимъ врага.* „Казанскій делегатъ“: *Сейчасъ же за оружіе!* Всѣ средства законны. Сейчасъ крестьянскій союзъ хотятъ подвести подъ мирное знамя. Боятся. Но придетъ время, и онъ силою вещей станетъ революціоннымъ. *Придется взяться*

[1]) А не „съ нами Богъ?“ Богъ-то, вѣдь, не *въ силѣ*?!

[2]) Всѣ цитаты приведены по отчету о съѣздѣ въ газ. „Русское Слово“. Курсивъ вездѣ нашъ.

за оружіе. Мирный путь невозможенъ“... Помѣщикъ изъ Ярославля: „Я, помѣщикъ и дворянинъ, говорю вамъ, если вы сами не возьмете силой земли, то Дума ея вамъ не дастъ. *Никакой мирный путь не дастъ вамъ земли*“... И т. д., и т. д. Нѣтъ надобности продолжать выписки. Изъ приведенныхъ заявленій делегатовъ видно, *чѣмъ пахнетъ крестьянскій союзъ*. Хотя нѣкоторые делегаты и высказывались за „мирное“ рѣшеніе вопроса, но, вѣдь, въ концѣ концовъ, они сами же поддавались обанію революціонеровъ, и революціонный, террористическій характеръ крестьянскаго движенія этими „мирными“ разрѣшителями не устраняется. Невозможность „мирнаго“ разрѣшенія крестьянскаго вопроса подтвердилъ и воронежскій делегатъ-священникъ въ словахъ, сказанныхъ имъ въ назиданіе „истерзанной“ его паствы. Паства обращалась къ нему: „Научи“! — Что я имъ отвѣчу? Что скажу? Внутренній голосъ мнѣ подсказываетъ одно: безъ свободы—*террора*!“ Ужъ если священнику, приносящему безкровную жертву, представителю христіанской любви, милосердія, братства и мира, „внутренній голосъ“ говоритъ, что *безъ террора* (ужаса, насилія) *не обойтись*, то что же говорить о другихъ? Когда этотъ священникъ произнесъ приведенныя эпиграфомъ слова о томъ, что Самъ Христосъ посѣтилъ бы крестьянскій съѣздъ, то рѣчь его покрылась бурными апплодисментами. Что же это значитъ? Чему здѣсь больше удивляться? Апломбу ли священника, съ такимъ легкимъ сердцемъ санкціонировавшаго Божественнымъ авторитетомъ Спасителя завѣдомо революціонное соборище, или же невѣжеству рукоплескавшихъ, не на шутку возомнившихъ, что Христосъ съ ними? Они всѣ, очевидно, заблуждаются, думая, что Христосъ былъ „политическимъ“ дѣятелемъ, что онъ занимался соціальными, соціалистическими и революціонными вопросами!.. Божественнаго Основателя Царства Божія, царства „не отъ міра сего“, они насильно хотятъ сдѣлать покровителемъ ихъ революціоннаго сброда! Что-то дикое, что-то нелѣпое творится съ мудрецами вѣка сего! Зачѣмъ они кощунничаютъ, зачѣмъ совмѣщаютъ несовмѣстимое? Ужъ пусть бы„ дѣлали революцію“, пусть бы на свой страхъ и рискъ ломали *всѣхъ и вся*, кто имъ не по нраву,—зачѣмъ же имя-то Божіе призывать всуе? Вотъ ужъ поистинѣ, „не вѣдятъ, что творятъ!..“ *). Вдохновительницею революціоннаго движенія рабочихъ, крестьянъ, солдатъ и матросовъ, кромѣ всякихъ делегатовъ, ораторовъ, агитаторовъ, является

*) Если бы воронежскій свящ. сказалъ, что на ихъ съѣздъ пришли бы, если были живы, *Робеспьеръ и Маратъ*, то это было бы ближе къ правдѣ, противъ этого *возражать* мы ничего бы не могли!..

еще и революціонная печать, буквально наводнившая всѣ грады и веси нашей родины всякими листками, брошюрами, книгами и газетами. Въ короткое время создалась цѣлая революціонная литература! И здѣсь, во всей этой „бумажной“ революціи, тѣ же пѣсни, что и на крестьянскомъ съѣздѣ... Кто хотя немного знакомъ съ этими революціонными изданіями, тотъ, навѣрно, понялъ, какой тонъ задаютъ они всему революціонному хору, — какой ужасной ненавистью, злобою, враждою дышатъ ихъ „зажигательныя“ воззванія, къ чему сводятся ихъ мятежныя вожделѣнія: кровавая, безпощадная борьба съ правительствомъ, со всѣми, имущими власть и богатство,—вотъ ихъ пѣсни, вотъ ихъ крики. „Душите *ихъ* всѣхъ! Раздавите эту гадину!“ вотъ смыслъ всей революціонной литературы. И „хоръ“ отлично повинуется своимъ регентамъ: онъ всю Россію „оглушилъ“ раскатами рабочаго, солдатскаго и крестьянскаго разгрома. Но это пока лишь отдѣльныя спѣвки! Они готовятся дать „грандіозный“ концертъ, такой концертъ, отъ одного „объявленія“ о которомъ становится жутко и страшно!.. Такъ „дѣло обстоитъ“ съ революціей „крайнихъ лѣвыхъ партій“. Но не лучше и въ „крайнихъ правыхъ“, которыя соперничаютъ съ лѣвымъ революціоннымъ хоромъ. Устроенные ими погромы, а также организованныя избіенія интеллигенціи, евреевъ, студентовъ и учащихся,—все это довольно краснорѣчиво говоритъ, что „правый хоръ“ не хочетъ уступать „лѣвому“ первенства въ кровавомъ концертѣ. И здѣсь также *не обошлось* безъ того, чтобы кощунственно не освятить разбойническихъ убійствъ именемъ Христа, и здѣсь богохульственно призывается „Святыхъ Святѣйшее Слово“ для благословенія „братоубійственныхъ мечей“, и здѣсь собирались въ домъ молитвы и „лобызали подножіе креста“, и здѣсь устраивались боевыя дружины и тоже прикрывались именемъ Христа, умышленно искажая Его святыя слова, запрещающія всякое *произвольное насиліе и самосудъ* даже для защиты самаго праваго, самаго святого дѣла... Апостолу Петру, хотѣвшему „защитить“ своего Невиннаго Учителя мечемъ, Христосъ сказалъ: „Вложи мечъ въ ножны, *ибо взявшій мечъ отъ меча погибнетъ*“. Это-то слова Христа и послужили для нихъ основаніемъ, чтобы *обнажить мечъ* для убійства своихъ же братьевъ! Христосъ—*и вражда*! Христосъ—*и насиліе*! Христосъ—*и варварское убійство*! Христосъ—*и революція*!.. Что же здѣсь общаго? Какое общеніе свѣту со тьмою? Какое общеніе Христу и Веліару? Вожди слѣпые! Вожди безумные! Какъ вы ни старайтесь соблазнить темныхъ и невѣжественныхъ людей тѣмъ, что съ вами Христосъ, что

вы боретесь за *Христову правду*,—ваши старанія тщетны! Неужели вы, именующіе себя христіанами, не знаете, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ страдалъ для того, чтобы *прекратить* въ людяхъ *всякую* вражду, *всякое* насиліе, *всякое* убійство, отъ кого бы они ни исходили! Не затѣмъ ли Христосъ страдалъ, чтобы внести *примиреніе* человѣка съ Богомъ, и человѣка съ человѣкомъ. Не затѣмъ ли Онъ и страдалъ, чтобы былъ на землѣ миръ? Вы, называясь христіанами, въ сущности вновь распинаете Христа! Паки Голгоѳа и Крестъ! Снова Христосъ забичуется, заушенія и раны пріемлетъ, снова возносится на крестъ, снова слышатся восклицанія: „Радуйся, Царь іудейскій!». Безумные вожди братоубійственной революціи! Вы—въ сѣтяхъ діавола! Вѣдь это онъ—человѣкоубійца искони! Вы залили всю Русь братскою кровью, вы захлебываетесь въ ней... и вы Христа зовете! Знайте же, что вы лжете, и нѣтъ истины въ васъ! Опомнитесь, что вы дѣлаете? Очнитесь отъ кроваваго кошмара! Сдѣлайтесь изъ озвѣрѣлыхъ братоубійцъ *„благоразумными разбойниками“* и принесите, пока не поздно, искреннее раскаяніе Тому, Кого вы такъ богохульственно призываете: Иначе горе вамъ, братоубійцы! Вы не услышите кроткаго прощенія Голгоѳскаго Страдальца: *„Отче, прости имъ, не вѣдятъ бо что творятъ“*, для васъ прозвучитъ грозный голосъ Нелицепріятнаго Судіи: *„Идите отъ Меня проклятые... Что Меня зовете?.. Не вѣмъ васъ!..*

Діаконъ Михаилъ Антоновъ.

Какъ началось пасхальное богослуженіе на татарскомъ языкѣ въ поволжьѣ.

„ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!“

«Божественною *Силою Воскресенія* Христова Церковь Его, вотъ уже 19 столѣтій, побѣдоносно *Отражаетъ всѣ нападенія на нее злобы земной и адской*... И въ богослуженіи Пасхальномъ вся судьба міра горняго и дольняго, неба и земли—изображается въ чертахъ величественныхъ, дивно прекрасныхъ»...

Въ дни, когда со всѣхъ сторонъ все только обвиняютъ Русскую Православную Церковь въ безжизненности и въ извращеніи задушевности богослуженія, отрадно напомнить обстоятельства противоположныя такимъ укоризнамъ.

Шестидесятые годы и часть семидесятыхъ нашего времени были весьма бурны на Руси и во многихъ мѣстностяхъ требовалось усмиреніе волненій даже войсками. Волновались также и въ Поволжьѣ давно крещеные инородцы. Въ Казани только-что началъ архипастырствовать тогда извѣстный ревностный святитель Антоній (Амфитеатровъ) и имъ было учреждено религіозно-просвѣтительное Братство Святителя Гурія. Дѣятельные члены совѣта этого Братства благотворно проявили миротворное воздѣйствіе на упомянутыя волненія своими посѣщеніями взволнованныхъ инородческихъ мѣстностей, успокоительными бесѣдами и устройствомъ въ деревняхъ небольшихъ религіозно-просвѣтительныхъ школъ съ обученіемъ грамотѣ и церковному пѣнію на родномъ инородцамъ языкѣ.

Въ самой же Казани энергично дѣйствовала въ этомъ направленіи *частная* крещенотатарская школа извѣстныхъ ревнителей профессоровъ Академіи Н. И. Ильминскаго и Е. А. Малова. Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ въ возбужденію и воспитанію въ инородцахъ умиротворяющаго христіанскаго ре-

лигіознаго чувства признано было пѣніе и чтеніе церковныхъ молитвъ *на народномъ* языкѣ. Литургія Св. Іоанна Златоустаго была переведена на татарскій языкъ Алтайскими миссіонерами и напечатана въ Синодальной типографіи еще въ 1866 году по распоряженію графа Д. А. Толстого. Были переведены и въ Казани утреннія, вечернія и другія обычнѣйшія молитвы, а также главныя изъ всенощнаго богослуженія, и татарчата распѣвали ихъ въ школѣ домашнимъ образомъ, въ видѣ учебно-воспитательнаго упражненія. А лѣтомъ, разъѣзжая по своимъ деревнямъ, ученики этой Казанской школы пѣніемъ такихъ молитвъ по домамъ и улицамъ селеній привлекали расположеніе и приводили въ умиленіе односельчанъ.

И вотъ въ 1869 году пріѣзжаетъ по дѣламъ Алтайской миссіи іеромонахъ Макарій Невскій (нынѣ святительствующій въ Томскѣ). Въ Алтайской миссіи іеромонахъ Макарій тогда уже много лѣтъ успѣшно продолжалъ благовѣстническое дѣло извѣстнаго апостола Алтая архимандрита Макарія Глухарева. Увидя начатокъ такого же святого дѣла въ Казани, задушевный, энергичный, любвеобильный сибирскій миссіонеръ посвящаетъ всѣ свои досуги Казанской крещенотатарской школѣ и составляетъ изъ учениковъ ея стройный церковный хоръ. Владыка казанскій и члены Братства сочувственно поддержали эту просвѣтительную ревность отца Макарія. Владѣя въ совершенствѣ татарскимъ нарѣчіемъ, отцу Макарію удалось впервые для сотни говѣвшихъ татарчатъ отслужить всенощную въ школѣ, а литургію въ недѣлю. Православія въ кладбищенской церкви близъ школы. Этакое полное и торжественное въ храмѣ богослуженія на родномъ языкѣ произвело чрезвычайно сильное впечатлѣніе на татарчатъ, возбудило въ нихъ усердное желаніе чаще слушать такое богослуженіе и любвеобильный алтайскій миссіонеръ каждый воскресный и праздничный день Четыредесятницы служилъ съ ними всенощную въ школѣ, а раннюю литургію въ кладбищенскомъ храмѣ. Совершеніе такого богослуженія повело къ исполненію въ Казанѣ переводовъ на татарскій языкъ литургійныхъ часовъ, праздничныхъ стихиръ, ирмосовъ, каноновъ и надлежащихъ чтеній изъ апостольскихъ посланій. Къ предстоящей тогда Пасхѣ было переведено все положенное по церковному уставу пасхальное богослуженіе и напечатано отдѣльною книжкою. И вотъ Пасхальная утреня и ранняя литургія въ день Воскресенія Христова совершены были на татарскомъ языкѣ

---

[1]) Свѣтлое Христово Воскресеніе. Профес. А. Царевскаго. Изд. 1897 г. стр. 25 и 45.

отцомъ Макаріемъ при пѣніи татарчатъ съ особою торжественностью въ великолѣпномъ храмѣ Богоявленія Господня, почти въ центрѣ города Казани. Живое сочувствіе этому оказали мѣстный священникъ профессоръ Евѳимій Маловъ и православные прихожане. Русское богослуженіе совершено было въ теплой церкви, а на татарскомъ языкѣ въ холодной въ одно время, свидѣтельствуя братство во Христѣ обѣихъ народностей. Торжество это привлекло всеобщее сочувственное вниманіе жителей Казани; о немъ оживленно говорили и обсуждали его всѣ. И по желанію многихъ русскихъ, знающихъ въ Казани татарскій языкъ, пасхальная утреня и литургія въ томъ же Богоявленскомъ храмѣ еще были отслужены на татарскомъ языкѣ и въ четвергъ пасхальной недѣли, а татарчата школы считали такое богослуженіе уже насущною своею потребностію. Но оно должно было на время прерваться, такъ какъ отецъ Макарій тогда же былъ вызванъ въ Москву для участія въ обсужденіи проекта устава Всероссійскаго Миссіонерскаго Общества. А возвратясь въ Казань, онъ помѣстился въ крещенотатарской школѣ, все лѣто неопустительно продолжалъ совершать богослуженіе на татарскомъ языкѣ и довелъ школьный хоръ до полной возможности сознательно и правильно отправлять воскресное и праздничное богослуженіе на татарскомъ языкѣ.

Съ живѣйшимъ сочувствіемъ къ этому дѣлу отнесся и высокопреосвященнѣйшій Антоній Казанскій, рѣшивъ упрочить навсегда въ Казани такое богослуженіе рукоположеніемъ особаго для этого священника изъ крещеныхъ татаръ. Выборъ архипастыря и Совѣта Братства Святителя Гурія остановился на ученикѣ профессора Ильминскаго и учителѣ этой школы Василіѣ Т. Тимоѳеевѣ [2]). По рукоположеніи 7 сентября 1869 года новопосвященнаго отца Василія Тимоѳеева, отецъ Макарій Алтайскій руководилъ и его съ величайшею попечительностью, пріучая къ

---

[2]) Василій Т. Тимоѳеевъ, много потрудившійся надъ просвѣщеніемъ своихъ соплеменниковъ—крещеныхъ татаръ, первый и лучшій сотрудникъ Н. И. Ильминскаго, родомъ изъ бѣднѣйшихъ государственныхъ крестьянъ Мамадышскаго уѣзда, представляетъ собою живой образецъ глубокоискренняго, простого, дѣятельнаго христіанскаго пастыря первыхъ временъ христіанства. Насильно взятый для обученія русской грамотѣ въ старинную сельскую приходскую школу, онъ не получилъ дальнѣйшаго образованія въ учебномъ заведеніи, но за то самоотверженно прошелъ чрезъ практическую школу житейской трудовой жизни земледѣльца и самоучкою деревенскаго шляпоката, шерстобита, плотника и работалъ еще въ кузницѣ и на мельницѣ. Только всѣ такія занятія не удовлетворяли истиннымъ склонностямъ Василія, которыя тогда еще безсознательно

истовому задушевному, проникновенному церковному священнослуженію. Школа татарская и Братство Святителя Гурія жили въ это время особенно дѣятельно, возвышенно и душою этого просвѣтительнаго движенія былъ отецъ Макарій Алтайскій.

Повидимому случайное прибытіе въ Казань этого любвеобильнаго алтайскаго миссіонера явилось условіемъ, благодаря которому исключительно осуществилось и упрочилось сначала въ школѣ Казанской, а затѣмъ и въ инородческомъ Поволжьѣ богослуженіе на языкѣ инородцевъ, имѣвшее чрезвычайно благотворное вліяніе на просвѣщеніе многочисленныхъ поволжскихъ инородцевъ. Родной и при томъ вполнѣ удобопонятный языкъ, на который было переведено для крещеныхъ татаръ богослуженіе, придалъ всѣмъ богослужебнымъ возгласамъ, прошеніямъ, славословіямъ и исповѣданіямъ—дѣйствительное и сильное впечатлѣніе и непосредственный доступъ къ мысли и чувству предстоящихъ инородцевъ, воодушевляетъ ихъ и даетъ имъ твердыя нравственныя правила.

Окончательно же упрочилось такое просвѣтительное богослуженіе въ центральной руководительной Казанской крещенотатарской школѣ въ 1871 году, когда, благодаря сочувственнымъ заботамъ графа Д. А. Толстого, для этой частной школы былъ выстроенъ трехъ-этажный каменный домъ, а попеченіемъ одного изъ ревнителей миссіонерскаго братства Казанскаго П. В. Щетинкина устроена была домовая церковь, освященная во имя Святителя Гурія Казанскаго 12 декабря 1871 года съ особенною торжественностію высокопреосвященнѣйшимъ Антоніемъ, сказавшимъ тогда глубоко назидательное и воодушевленное слово на молитвенный текстъ: „*Утвержденіе на Тя надѣющихся, утверди, Господи, Церковь!*“

Для большей торжественности и полноты церковнаго чина высокопреосвященнѣйшій Антоній благоволилъ назначить въ школьную крещенотатарскую церковь и діакона изъ крещеныхъ же татаръ, для чего избранъ былъ помощникъ отца Василія по

влекли его къ міру высшему, церковному. И вотъ лѣтъ 20 онъ поступилъ послушникомъ въ мужской Іоанновскій Казанскій монастырь; тогда, въ числѣ другихъ добрыхъ вліяній, познакомился онъ съ своимъ впослѣдствіи наставникомъ и руководителемъ, профессоромъ Н. И. Ильминскимъ, который слышалъ о Василіи много хорошаго отъ мамадышскаго протоіерея Д. Пенковскаго. Въ 1862 году Н. И. Ильминскій прожилъ мѣсяцъ въ деревнѣ Василія, гдѣ они и подружились надъ переводомъ букваря на народный татарскій языкъ, а въ 1863 году Василій пришелъ опять въ Казань и съ тѣхъ поръ уже не разставался съ профессоромъ Ильминскимъ.

школѣ крестьянинъ Козьма Прокофьевъ. Послѣ подготовленія его въ Спасскомъ монастырѣ подъ личнымъ наблюденіемъ викарнаго епископа Викторина, онъ рукоположенъ былъ 20 февраля 1872 года.

Такимъ полнымъ устроеніемъ крещенотатарская церковь-школа дала большое удобство и всегдашнюю свободу совершать всегда все церковное богослуженіе на татарскомъ языкѣ безъ всякихъ препятствій. И на первой же недѣлѣ Великаго поста, кромѣ учащихся въ школѣ, пріѣзжали говѣть въ эту церковь многіе пожилые крещеные татары обоего пола даже изъ отдаленныхъ селеній. Служба совершалась по три раза ежедневно. Послѣ каждой службы отецъ Василій говорилъ сердечныя и разъяснительныя поученія. На страстной недѣлѣ всѣ учащіеся опять говѣли; было много и пріѣзжихъ изъ деревень, желавшихъ видѣть и послушать на своемъ родномъ языкѣ особенно пасхальное богослуженіе, которое дѣйствительно было прекрасно.

Это было *первое* пасхальное богослуженіе въ собственной церкви инородческой съ полнымъ составомъ клира и молящихся. Всѣ готовились къ нему особенно, съ воодушевленіемъ. Ктиторъ новаго храма не пожалѣлъ всевозможнаго освѣщенія и все устроено было соотвѣтственно великому торжеству. Были многіе изъ русскихъ казанцевъ, былъ тамъ и я, пишущій эти строки, какъ пожизненный членъ просвѣтительнаго Братства Святителя Гурія. И никогда не забуду я высокаго отраднаго впечатлѣнія отъ этого инородческаго пасхальнаго богослуженія, вдохновленнаго Алтайскимъ миссіонеромъ отцомъ Макаріемъ. Настоятель отецъ Василій Тимоееевъ, діаконъ и два стройныхъ хора пѣвчихъ изъ учениковъ и учениць школы, совершали это богослуженіе съ энтузіазмомъ, съ торжествующимъ ликованіемъ, вызываемымъ возвышенными чудными пѣснопѣніями пасхальной утрени, часовъ и литургіи. Наполнившіе церковь старые и малые инородцы относились съ чуткимъ вниманіемъ къ понятнымъ пѣснопѣніямъ, къ развитію священнослуженія и молились съ сердечнымъ умиленіемъ. Общее восторженное увлеченіе съ продолженіемъ богослуженія не только не ослабѣвало, а увеличивалось настолько, что среди обѣдни на одного русскаго братчика, пріѣзжаго академическаго богослова, присутствовавшаго съ женою своею, это дивное религіозное торжество произвело столь сильное впечатлѣніе, что выразилось у него радостными слезами, а когда, чтобы успокоиться, онъ вышелъ на прилегающую къ церкви площадку, то истерически разрыдался и по

томъ горячо сталъ благодарить вызваннаго къ нему начальника этой школы профессора Н. И. Ильминскаго за истинно христіанское, животворное просвѣщеніе и развитіе религіозныхъ силъ въ простыхъ деревенскихъ людяхъ...

— Вотъ такъ-то, — говорилъ потомъ добрѣйшій и незабвенный профессоръ Ильминскій,—слышали вы и видѣли, каковы наши мужички-простачки и ребятки, просвѣщенные и освѣщенные христіанскою благодатію... Какъ апостолы Христовы, плѣняютъ они мудрыхъ и ученыхъ мужей и тѣмъ болѣе своихъ простодушныхъ односельчанъ... Да,—*писалъ онъ* въ другой разъ,—я воображаю нѣкоторое Царство Божіе на землѣ, только вмѣсто ангеловъ Божіихъ у меня вертятся татарчата... Мнѣ хотѣлось-бы, чтобы всѣ пылали самороднымъ огнемъ усердія ко благу церкви, отечества и татарскаго человѣчества. Чудная вещь произойдетъ въ нашемъ татарскомъ краѣ, когда татары и все татарство предпримутъ торжественный ходъ въ Царство Христово... Пусть будутъ какіе-нибудь, землѣ свойственные, недостатки, только-бы любовь-то христіанская не оскудѣла,—она, любовь эта, вынесетъ на своихъ плечахъ все дѣло"...

И дѣйствительно, вся обширная благовѣстническая просвѣтительная дѣятельность Н. И. Ильминскаго съ почтенными отцами Макаріемъ, Евѳиміемъ, Василіемъ и всѣми прочими искренними его сотрудниками представляетъ собою свѣтлыя, отрадныя, глубоко задушевныя животворныя черты восторженнаго и любвеобильнаго церковнаго служенія пасхальнаго, которое они начали и распространили между татарами и другими инородцами въ Поволжьѣ.

Е. В.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ДУХОВНЫЙ ЖУРНАЛЪ

МИССІОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

«Миссіонерское Обозрѣніе» вступило во 2 десятилѣтіе своей жизнедѣятельности во славу св. Церкви и на пользу дорогого Отечества. Христіанская правда и миръ о Духѣ Святомъ—вотъ знамя «Миссіонерскаго Обозрѣнія въ предстоящей его дѣятельности въ новомъ 1906 г.

Программа журнала остается прежняя.

1) Руководственныя (передовыя) статьи по апологетикѣ православія и по современнымъ церковно-общественнымъ вопросамъ, по миссіонерству и расколо-секто-вѣдѣнію 2) **Миссіонерскіе отвѣты на запросы и на сомнѣнія вѣрныхъ и отпадшихъ чадъ Церкви.** 3) Изъ миссіонерскихъ записокъ и дневниковъ. Мысли и наблюденія текущей пастырско-миссіонерской практики. 4) **Изъ миссіонерской полемики** съ сектантами и раскольниками **(образцовыя собесѣдованія).** 5) **Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати** и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи церкви. 6) **Миссіонерство, секты и расколъ.** Хроника о дѣятельности епархіальныхъ миссій и о современномъ состояніи и жизни русскаго сектантства и раскола. 7) **Изъ міра инославія и заграничнаго сектантства** (иностранная хроника). 8) Корреспонденція «Мисс. Обозр.». извѣстія и замѣтки. 9) **Отклики изъ литературы и жизни** и жизненныя наблюденія, бесѣды со «взыскующими путь, истину и жизнь», обозрѣніе текущей литературы съ точки зрѣнія того же«исканія жизненной церковной правды». Обмѣнъ мнѣній по поводу напечатанныхъ въ «Мисс. Обозр.» статей. 10) **Сокрижалей сердца** (бесѣда редактора съ читателями по церковно-публицистическимъ вопросамъ, составляющимъ злобу дня въ жизни Церкви, народа и обществъ.

Въ новомъ году будетъ разослана подписчикамъ, въ качествѣ безплатнаго приложенія, «Симфонія» на ветхій и новый завѣтъ съ общими и миссіонерскими параллелями въ 2-хъ томахъ.

Выдержка изъ новаго изданія *Симфоніи*, назначеннаго въ качествѣ безплатнаго приложенія на 1906 г. къ жур. „Миссіонерское Обозрѣніе“.

Апостоловъ. 2 *Кор.* 11, 13—принимаютъ видъ *а.* Христовыхъ (Дѣян. 15, 24) (**Тит. 1, 10—11; 2 Кор. 6, 4—5**).

Здѣсь въ первой общей параллели указывается сущность лжеапостольства; изъ первой цитаты миссіонерской параллели, напечатанной болѣе крупнымъ шрифтомъ, вытекаетъ совѣтъ, какъ относиться вѣрующему къ лжеапостоламъ; послѣдняя цитата даетъ представленіе объ истинномъ апостольствѣ.

Блаженнѣе. *Дѣян.* 20, 35—*б.* давать, нежели принимать (Лук. 6, 38; 18, 22) (**1 Кор. 9, 13; Фил. 4, 10—17**)

Въ первой общей параллели раз-

вивается мысль: почему именно блаженнѣе давать, нежели принимать, а во второй—миссіонерской, предупреждается ложное понятіе текста: Дѣян. 20, 35, по которому пастыри будто бы не должны пользоваться пропитаніемъ за свой пастырскій трудъ.

Даровалъ. *Гал.* 5, 1—стойте въ свободѣ, которую *д.* намъ Христосъ, и не подвергайтесь опять игу рабства (Дѣян. 15, 10; 1 Петр. 2, 16) (**Гал. 5, 13; 1 Кр. 8, 9; 2 Кор. 3, 17**).

Цитаты первой общей параллели развиваютъ мысль о христіанской свободѣ; цитаты слѣдующихъ трехъ миссіонерскихъ параллелей предупреждаютъ ложное пониманіе христіанской свободы.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою 6 р. Подписавшіеся на газету «Колоколъ» вносятъ при подпискѣ на «Миссіонерское Обозрѣніе только 4 р.,—за оба изданія 10 р., при чемъ допускается разсрочка во взносѣ подписной платы, а именно при подпискѣ вносятся 6 р. за оба изданія, и 4 р. послѣ Пасхи.

———

ВЪ СКЛАДѢ РЕДАКЦІИ

ЖУРНАЛА

„МИССІОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

1) 1. Сборникъ статей по вопросамъ вѣры и жизни 1-й и 2-й т. Ц. 2 р. 2. Проповѣди на Пассіи (за 48 лѣтъ проповѣдничества по одному и тому же случаю). Проф. Пѣвницкаго, ц. 1 р. 50 к.

2) По поводу отпаденія отъ Церкви гр. Л. Н. Толстого. В. М. Скворцова, изданіе 3-е, вновь дополненное, ц. 2 р.

3) Миссіонерскій Щитъ Вѣры. Діак. І. Смолина. 2-е изд., дополненное отдѣломъ Обличенія (въ текстахъ Свящ. Писанія) философскаго невѣрія, ц. 1 р. 50 к.

4) Миссіонерскій путеводитель по Св. Библіи. Его же, ц. 60 к.

5) Миссіонерскій спутникъ,—настольная книга для пастырей и миссіонеровъ. Изд. 2-е, дополненное, ц. 1 р. 50 к.

6) Отвѣты изъ Слова Божія вопрошающимъ сектантамъ и раскольникамъ, ц. 1 р.

7) Проповѣди на всевозможные случаи пастырской практики. Свящ. С. Брояковскаго, ц. 1 р. 50 к.

8) Церковная исторія въ пастырскихъ поученіяхъ, изложенная по жизнеописаніямъ великихъ свѣтильниковъ православія. Прот. Н. Русанова, ц. 75 к.

9) Священная исторія въ пастырскихъ поученіяхъ. Прот. Н. Русанова, ц. 50 к.

10) **Сборникъ отвѣтовъ изъ Слова Божія и старспечатныхъ книгъ** вопрошающимъ сектантамъ и раскольникамъ 38 назв. въ переплетѣ Ц. 1 р.

Отвѣты изъ Слова Божія можно выписывать и отдѣльными брошюрами. Ц. 2 к, за экз. При выписки сотнями, хотя и разныхъ названій, по 1 р. 75 к. за сотню и по 15 р. за тысячу.

11) **Миссіонерскія проповѣди** въ обличеніи хлыстовскаго лжеученія. Свящ. *А. Совѣтова.* Ц. 50 к.

12) **По всѣмъ вопросамъ миссіи.** Дѣянія всероссійскихъ мисс. съѣздовъ. *В. М. Скворцова.* Ц. 1 р.

13) **„Сіонская вѣсть“** секта іеговистовъ. Ц. 5 к.

14) **Основныя** причины и сущность нашего сектантства (опытъ философско-психологическаго освѣщенія сектантства). *В. Базарянинова.* Ц. 10 к.

15) **Православно-русское дѣло** въ Холмской Руси. О такъ называемомъ уніатскомъ упорствѣ и о средствахъ борьбы съ нимъ. *М. Кобрина.* Ц. 20 к.

16) **Болгарская ересь.** Свящ. *Стеллецкаго.* Ц. 25 к.

17) **Внутреннее устройство** секты странниковъ или бѣгуновъ. Проф. *Н. И. Ивановскаго.* Ц. 10 к.

18) **О почитаніи святого храма.** (въ обличеніе мнимо духовныхъ христіанъ). *Кутеповъ.* Ц. 5 к.

19) **Бесѣды:** свящ. *Злотникова* «О святомъ Причащеніи». Первая Ц. 10 к. Вторая Ц. 5 к.

20) **О святыхъ иконахъ.** Ц 5 к.

21) **О Св. Крестѣ Госцоднемъ.** Ц. 5 к.

22) **О перстосложеніи.** Ц. 5 к.

23) **О пастыряхъ церкви.** Свящ. *С. Богдановича.* Ц. 3 к.

24) **У колодца.** (Миссіонерскій очеркъ). Ц. 3 к.

25) **Наши родные изъ „постниковъ“** (разсказъ). Свящ. *А. Совѣтова.* Ц. 3 к.

26) Армія спасенія (Заграничная секта). *Рождественскаго.* Ц. 50 к.

27) **Всемірная задача христіанства.** Христіанское самодержавіе. *И. Г. Айвазова.* Ц. 25 к.

28) Изъ исторіи борьбы и полемики по вопросу объ иконопочитаніи въ древнее и настоящее время. Свящ. *А. Синайскаго.* Ц. 25 к.

29) Голосъ свѣтскаго человѣка о православномъ богослуженіи и истовости его отправленія. *С. Апраксина.* Ц. 15 к.

30) Церковная мозаика и ея участь въ Россіи. *А. А. Карелина.* Ц 10 к.

31) Таинство и обряды православной церкви. *Стефана,* еписк. Могилевскаго. Ц. 10 к.

32) **Къ вопросу о предстоящей реформѣ.** Молоканство, баптизмъ и наша великая церковная нужда. *А. И. Платонова.* Ц. 10 коп.

33) Изъ переписки вѣрующаго интеллегента со студентомъ. *Θсодула.* Ц. 10 к.

34) Двадцатипятилѣтіе пастыре-миссіонер. дѣятельности синод. мисс. протоіерея Крючкова. Ц. 10 к.

35) Конфликты въ духовной жизни современной интеллигенціи. Д-ра мед. *Н. Пясковскаго.* Ц. 10 к.

36) Письмо къ молодежи, ищущей смыслъ жизни. *Горохова.* Ц. 10 к

37) «Меморабилія», «записки раскаявшаго толстовца». *М. Аркадьева.* Ц. 5 к.

38) Воинъ-миссіонеръ св. Севастьянъ мученикъ (переводъ съ нѣмецкаго *М. Козловской*). Ц. 20 к.

39) Судебный процессъ ковенскаго ксендза Бѣлякевича и католическая церковная дисциплина. *В. М. Скворцова.* Ц. 15 к.

40) Историческія записки о скопческой сектѣ въ Россіи съ 1843—1870 гг. Ц. 10 к.

41) Открытое письмо къ шалопутамъ гор. С.-Петербурга. *Н. Волочугина.* Ц. 5 к,

42) Болгарская ересь богомиловъ и вліяніе на ея возникновеніе русскихъ религіозныхъ сектъ. Свящ. *Н. Стеллецкаго.* Ц. 15 к.

43) **Критическій разборъ** раскольничьяго сочиненія Усова: «О мѵропомазаніи священнослужителей, присоединяемыхъ къ православію отъ ереси второго чина». Свящ. *Д. Александрова.* Ц. 50 к.

44) **Антиканоническій характеръ** австрійской старообрядческой іерархіи. Свящ. *Н. Попова.* Ц. 30 к.

45) **Единовѣріе** за время столѣтія существованія его въ русской Церкви. *М. П. Чельцова.* Ц. 50 к.

46) **Юбилейное торжество** православнаго старообрядческаго (единовѣрія). *В. М. Скворцова.* Ц. 10 к.

47) **Архимандритъ Павелъ Прусскій.** *Н. Беренскаго.* 50 к.

48) **Бесѣда двухъ друзей**—православнаго и безпоповца: о лѣтахъ 1666-ти и о лицѣ антихриста. Ц. 5 к.

49) **О таинствахъ** вообще и св. крещеніи въ частности. Ц. 5 к.

50) **О Церкви Божіей.** Ц. 5 к.

51) **О продолж. царств.** антихриста и предтечахъ втор. приш. Христова. Ц. 5 к.

52) **О таинствѣ** причащенія. Ц. 5 к.

53) **О священствѣ.** Ц. 5 к.

54) **Православная страдалица** въ раскольничьей семьѣ. *Ѳ. Круглова.* Ц. 5 к.

55) **День въ раскольничьемъ скиту.** *М. Огибенина.* Ц. 5 к.

56) **Защита бѣлокриницкаго устава.** Ц. 5 к.

57) **Ученіе св. Іоанна Златоустаго** о единовѣріи при разнообрядствѣ. Свящ. *Е. Зубарева.* Ц. 3 к.

58) **Похожденіе бѣглаго попа** среди Кидашинскихъ раскольниковъ. Свящ. Аѳанасій *Веселицкій.* Ц. 5 к.

59) **Познай свое нововѣріе,** мнимый старовѣръ. *Н. Гринякина.* Ц. 5 к.

60) **Попъ Марфентій.** (Изъ жизни раскольниковъ на Уралѣ). Макарія *Огибенина.* Ц. 10 к.

Съ требованіями обращаться въ редакцію „Мисс. Обозр.". С.-Петербургъ. Невскій, 153. Телефонъ № 5226.

1906. Май. XI.

МИССІОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЖУРНАЛЪ ВНУТРЕННЕЙ МИССІИ.

№ 5.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Т-ва «СВѢТЪ» Невскій, 136. 1906.
Редакція „Миссіонерск Обозр. Невскій, 153. Телеф. № 5226

Содержаніе майской книжки

журнала „Миссіонерское Обозрѣніе“ за 1906 годъ.

— —

По общимъ вопросамъ православной вѣры и церковной жизни.

Мѣры къ уничтоженію русской иконописи. (Матеріалы къ исторіи современнаго иконоборства). *Карелинъ* . 609—622

Герценъ и наши дни. *И. М. Соколовъ* . . . . . 623—648

Къ вопросу о смертной казни. (По поводу сужденій о ней въ періодической печати). *И. Мариупольскій* . . . . . 649—669

Миссіонерскій отдѣлъ.

Миссіонерская полемика. *И. Айвазовъ* . . . . 670—689

По сектовѣдѣнію.

Духовныя пѣсни скопцовъ Курской губерніи. Свящ. *Владиміръ Шевалевскій* . . . . . 690—703

Какъ проповѣдуютъ книгоноши. (Изъ отчета миссіонера-книгоноши). *Влад. Базарянинов*ъ 704

По расколовѣдѣнію.

Какъ смотрѣть на Бѣлокриницкую іерархію. Профес. *Н. И. Ивановскій* . . . . . 705—714

Возстановленіе истины. (По поводу неправды „Нижегород. Листка“ о миссіонерскихъ бесѣдахъ). Очевидецъ *К. Корелинъ* . . . . . 715—721

Бесѣда со старообрядцемъ „Спасова“ согласія по вопросу о таинствѣ „Покаянія“. Самарскій епарх. миссіонеръ іер. *Д. Александровъ* . . . . . 722—731

ХРОНИКА.

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи Церкви.

Обзоръ печати. По поводу статьи Д. С. Мережковскаго „Пророкъ русской революціи“. „Вѣсы“—№ 2 и № 3—4). *И. Пустынникъ* . . . . . 732—748

Православно-догматическое ученіе о первородномъ грѣхѣ. Свящ. *Алексія Бугрова* 749

1905 годъ въ международномъ отношеніи. (Рѣчь, произнесенная А. Штиглицомъ). . . . . —

По общимъ вопросамъ вѣры и церковной жизни.

Мѣры къ уничтоженію русской иконописи.

(Матеріалы къ исторіи современнаго иконоборства).

Начало текущаго года вписало двѣ грустныя страницы въ лѣтопись русскаго искусства, вопія о глубокомъ пренебреженіи къ нуждамъ національнаго художественнаго творчества, указывая на полное невниманіе къ одному изъ существенныхъ путей народнаго благосостоянія и развитія, вычеркнувъ изъ намѣченной разработки вопросовъ государственнаго значенія дѣловую возможность обсужденія въ Государственныхъ Думѣ и Совѣтѣ всего того, что касается не только чистаго, но даже и прикладного искусства. По установленнымъ правиламъ выборовъ, въ Думу не могъ попасть ни одинъ представитель искусства. Казалось, могла еще остаться надежда на выборы въ Совѣтъ, но и тутъ упомянутыми были лишь Академія наукъ и университетъ, а *Академія художествъ забыта и лишена права посылки своихъ выборныхъ.* Такое болѣе чѣмъ печальное явленіе явилось слѣдствіемъ полной апатіи членовъ академической корпораціи къ сознанной всѣми насущности всюду назрѣвшихъ реформъ и гражданской молодости дѣятелей нашего художественнаго міра. Забытъ оказался историческій примѣръ, который представленъ Франціей: — Тьеръ, непосредственно вслѣдъ за избраніемъ его „главою исполнительной власти“ новоявленной республики, ранѣе пріема делегацій, явившихся къ нему съ поздравленіями, принялъ только двухъ чиновниковъ: префекта полиціи и главнаго инспектора школъ, и первыя его слова, къ нимъ обращенныя, были высокознаменательны: „мы вернемъ милліарды контрибуціи обновленіемъ нашей художественной промышленности“. Въ Россіи забыли, что послѣдовавшее затѣмъ обновленіе художественной промышленности Франціи было однимъ изъ могучихъ рычаговъ къ созданію ея высокаго матеріальнаго благосостоянія. У насъ забыли так-

же и то, что *русское искусство тѣсно связано* съ первѣйшими духовными народными нуждами, съ дѣломъ удовлетворенія религіозныхъ потребностей всякаго православнаго—*съ иконою*. Забота попечительства о русской иконописи, какъ это ни странно, находится въ свѣтскихъ рукахъ, при чемъ въ такомъ учрежденіи, въ которомъ не нашлось мѣста ни одному художнику.

Забытыя въ нашихъ будущихъ законодательныхъ учрежденіяхъ нужды искусства и въ частности иконописанія оказались переданными группѣ теоретиковъ, создавшихъ, въ концѣ концовъ, такой проектъ попеченія объ иконописи, который составляетъ вторую безмѣрно печальную страницу лѣтописи редакціонныхъ работъ русскаго законосозидательства по предмету нашего обездоленнаго и безправнаго художества...

Золотыми буквами должны быть занесены на скрижали исторіи слова именного Высочайшаго указа Правительствующему Сенату, ясно и безъ всякихъ сомнѣній указывавшихъ людямъ, облеченнымъ довѣріемъ и властью, тотъ *истинный путь*, котораго Государь Николай Александровичъ повелѣлъ придерживаться въ дѣлѣ роста православнаго иконописанія. „Въ Монаршихъ заботахъ“, гласитъ указъ, — „о процвѣтаніи русской иконописи и охраненіи въ ней плодотворнаго вліянія художественныхъ образцовъ нашей старины, признали Мы за благо учредить подъ непосредственнымъ покровительствомъ Нашимъ Комитетъ попечительства о русской иконописи“. Какъ много сказано этими словами! Охраненіе плодотворнаго вліянія *художественныхъ образцовъ старины*—путь, *не допускающій* отклоненія отъ древнихъ истинно чтимыхъ иконописныхъ подлинниковъ *во всѣхъ ихъ положительныхъ качествахъ*. Древняя православная иконопись, помимо многихъ своихъ высокихъ свойствъ, обладаетъ незамѣнимой прочностью своей техники, такъ называемаго, яичнаго письма. Это одна положительная сторона нашей образцовой художественной иконописи. Другая существенная сторона „образцовъ“—ихъ *ручное* производство. Государь опредѣленно говоритъ, *именно* объ иконо-*писаніи*. Изъ приведеннаго и сказаннаго ясно, что заботы Высочайше утвержденнаго Комитета должны быть направляемы *только* на попечительство *ручной* иконописи и борьбы противъ всѣхъ тѣхъ способовъ изготовленія иконъ,

которыя могутъ вредить процвѣтанію работъ нашихъ изографовъ. Понято-ли это основное предначертаніе и повелѣніе Государя членами Комитета и какъ оно ими усвоено ранѣе *и теперь* — мы внимательно разсмотримъ въ настоящей статьѣ.

Въ Положеніи о Высочайше учрежденномъ Комитетѣ попечительства о русской иконописи въ пунктѣ пятомъ читаемъ: „Комитетъ имѣетъ цѣлью: *изысканіе мѣръ къ обезпеченію благосостоянія и дальнѣйшаго развитія русской иконописи*“... (Курсивъ нашъ). 17 мая 1901 года состоялось первое постановленіе Комитета, подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева, въ присутствіи непремѣннаго члена, – управляющаго дѣлами Комитета Академіи Н. П. Кондакова и членовъ Комитета: т. с. В. И. Ковалевскаго, гофмейстера Ю. С. Нечаева-Мальцева, графа И. И. Толстого — бывшаго въ то время вице-президентомъ Академіи Художествъ, профессора Н. В. Покровскаго, д. с. с. Н. В. Султанова и с. с. Н. В. Пономарева. Значеніе и трезвость *перваго* постановленія Комитета такъ существенны, что мы приведемъ главную его часть.

„Комитетъ, *всесторонне обсудивъ* современное положеніе русской иконописи и, въ частности, бѣдственное состояніе иконописныхъ селъ Владимірской губерніи, доселѣ поставлявшихъ рукописныя иконы почти на всю Россію и на часть христіанскаго востока, пришелъ къ убѣжденію, что *русское иконописаніе ведетъ нынѣ непосильную для него борьбу съ машиннымъ производствомъ подобій рукописной иконы на жести и впало отъ того въ крайность, которая грозитъ въ ближайшемъ будущемъ уничтоженіемъ общаго народнаго мастерства иконописанія*, за исключеніемъ лишь немногихъ мастерскихъ и заводовъ, производящихъ самые дешевые сорта иконъ, способныхъ выдержать конкурренцію съ машинными издѣліями. Въ настоящее время *машинное производство вытѣсняетъ повсюду въ иконныхъ лавкахъ и монастырскихъ складахъ рукописную икону*, въ силу того экономическаго обстоятельства, что его издѣлія, производимыя съ наименьшею затратою, могутъ быть поставляемы дешевле писанныхъ иконъ продавцамъ, которымъ оно приноситъ, поэтому, наибольшую выгоду. Вмѣстѣ съ тѣмъ, распространеніе машинныхъ издѣлій за послѣдніе годы въ продажѣ не способство-

вало видимому удешевленію иконы, такъ какъ жестяныя поддѣлки подъ иконы, производимыя нынѣ фабрикою Жако и Бонакеръ, идутъ по цѣнѣ настоящихъ иконъ, но зато оно усилило и довело до крайности погоню заводовъ за дешевизною производства, умноживъ имитацію молебной иконы въ видѣ фолежныхъ издѣлій, бумажныхъ листковъ, наклеиваемыхъ на деревянныя доски, и иные виды печатныхъ издѣлій. Такой опытъ машиннаго производства иконъ убѣждаетъ, что оно нисколько не исправляетъ существующихъ въ русскомъ иконописаніи недостатковъ и не придаетъ новаго художественнаго или духовнаго достоинства русской иконѣ. Напротивъ того, машинное производство поведетъ къ быстрой утратѣ православнаго характера священныхъ ликовъ, выработанныхъ вѣковою работою русскихъ иконописцевъ, такъ какъ мастера, призванные фабрикою для исполненія лика, воспроизводимаго печатнымъ способомъ, необходимо будутъ въ угоду фабриканта, представителя базарныхъ вкусовъ, стремиться къ прикрасамъ, а въ ликахъ къ слащавости и миловидности, которыя отличаютъ печатныя и литографскія воспроизведенія религіозныхъ образовъ въ католическомъ мірѣ. Но когда машинное производство задавитъ живую среду народнаго иконописнаго мастерства, оставивъ отъ него только немногія мастерскія, имѣющія работать на любителей, оно обратитъ русскую иконопись, съ ея обширнымъ цикломъ ликовъ и сюжетовъ, въ тѣсный торговый подборъ ходовыхъ иконъ, печатаемыхъ массами на продажу. Такимъ образомъ уничтожится православный обычай имѣть, при желаніи, каждому икону своего святаго. Когда-же распространеніемъ машинныхъ издѣлій будетъ уничтожена среда иконописцевъ, понынѣ разрабатывающая дѣло иконописанія, то въ самой иконописи отнимется сила личнаго религіознаго чувства и благочестія, дарующаго даже неискусному образу высокій характеръ, вліяющій на молебщика. Машинное исполненіе унизитъ икону, поставитъ ее наряду и наравнѣ съ другими издѣліями фирмы, производящей изъ крашеной жести коробки для ваксы. Поддѣльная икона вызоветъ неуваженіе къ образу и нарушитъ вѣковые обычаи и преданія греко-русской церкви. *Основываясь на таковомъ своемъ глубокомъ убѣжденіи и исходя изъ основныхъ положеній Высочайше учрежденнаго комитета и Высочайшей воли*, объявленной въ указѣ Правительствующему

Сенату, отъ 19 марта сего года, *Комитетъ единогласно опредѣлилъ:* обратиться къ Святѣйшему Правительствующему Синоду съ просьбою *воспретить указомъ* на будущее время *всякое машинное производство печатныхъ подражаній рукописной иконѣ, исполняемыхъ на жести, деревѣ и т. п.*, разрѣшивъ лишь обращеніе въ продажѣ гравюръ и литографій въ видѣ отдѣльныхъ листковъ, не наклеиваемыхъ на доску. *Особеннымъ распоряженіемъ Святѣйшаго Синода желательно объявить монастырямъ и духовнымъ властямъ*, въ подтвержденіе православнаго обычая, *что иконами храмовыми и молебными должны быть признаваемы только иконы, писанныя рукою*"...

Какъ бы въ подтвержденіе этого замѣчательнаго и мотивированнаго *единогласнаго опредѣленія* Комитета, строго исполнявшаго *Монаршую* волю, графъ С. Д. Шереметевъ и профессоръ В. М. Васнецовъ представили названному учрежденію свои записки. Графъ С. Д. Шереметевъ сообщалъ, что въ его поѣздку еще въ 1901 году по монастырямъ *даже московской епархіи*, какъ то Даниловскомъ, Симоновомъ и Новоспасскомъ, онъ не нашелъ въ нихъ ни одной продажной писанной иконы, совершенно вытѣсненныхъ машинными иконами. Въ этихъ монастыряхъ съ усмѣшкой говорили, что *писанныхъ иконъ болѣе не принято держать!* Въ *Кремлевскомъ* Вознесенскомъ манастырѣ оказались тоже лжеиконные продукты фирмы Жако. Графъ наблюдалъ это же явленіе въ монастыряхъ: Ростовскомъ Борисоглѣбскомъ, въ Лубенскомъ Мгарскомъ, въ Софійскомъ Кіевскомъ и Златоверхомъ Михайловскомъ, въ Печерской Лаврѣ и др. и даже на Кавказѣ, куда тоже проникла машинная икона. „Въ Москвѣ", — пишетъ графъ,—„В. М. Васнецовъ съ огорченіемъ передавалъ мнѣ, что его же произведенія въ снимкахъ Жако и К° расходятся вездѣ и продаются въ самомъ Владимірскомъ соборѣ въ Кіевѣ, помимо его и внѣ его согласія". „Не доказываетъ ли все это ненормальность современнаго положенія вопроса и отсутствіе рѣшимости чистосердечно признать эту ненормальность!?.. *Въ такомъ вопросѣ не можетъ быть средняго мнѣнія, не можетъ быть недомолвокъ*"—заканчиваетъ графъ С. Д. Шереметевъ свою записку. Профессоръ В. М. Васнецовъ сообщалъ такое свое мнѣніе: „Монастыри и иконныя лавки

и даже въ храмахъ, что казалось-бы даже и грѣшно, такъ какъ самъ Спаситель изгонялъ торгующихъ изъ храма—вездѣ и всюду въ огромномъ количествѣ предлагаются православнымъ печатные образа на мѣди, жести и бумагѣ, и *неопытному трудно избѣгнуть пріобрѣтенія этихъ поддѣльныхъ фальсификацій образовъ. Трудно бороться живому искусству съ наплывомъ этихъ мертвыхъ продуктовъ промышленности и спекуляціи*, въ основѣ которыхъ—капиталъ и нажива!" Въ заключеніе В. М. Васнецовъ настаивалъ *„на повелѣніи священно-церковно-служителямъ освящать для молитвы въ храмахъ и домахъ образа только рукописныя, безъ всякихъ исключеній"*.

Не смотря на присутствіе 17 мая въ засѣданіи Комитета попечительства о русской иконописи всего вышеперечисленнаго личнаго его состава и не взирая на то, что комитетъ *единогласно* сдѣлалъ уже нами приведенное опредѣленіе, основанное на *глубокомъ убѣжденіи всѣхъ господъ членовъ*, однимъ изъ нихъ была написана статья, помѣщенная сначала въ „Церковномъ Вѣстникѣ", а затѣмъ изданная отдѣльной книжкой, въ которой по изложенному опредѣленію былъ высказанъ *діаметрально противоположный взглядъ*. Такое необычное и странное, если не сказать болѣе, раздвоеніе одноличнаго мнѣнія принадлежало профессору Н. В. Покровскому. Не станемъ вспоминать, какое впечатлѣніе произвело появленіе въ свѣтъ этого мнѣнія на сочленовъ Н. В. Покровскаго, но разберемъ его „историческія справки", художественные и практическіе взгляды, а также выводы, шедшіе въ разрѣзъ съ постановленіемъ комитета, въ которомъ онъ участвовалъ съ „глубокимъ убѣжденіемъ". Просматривая внимательно эту его статью „Къ вопросу о мѣрахъ улучшенія русскаго иконописанія", мы видимъ, прежде всего, что Н. В. Покровскій старается доказать, будто-бы „воспроизведеніе священныхъ изображеній механическимъ способомъ — посредствомъ печатанія ихъ на бумагѣ, полотнѣ и *жести*, — получило свое начало *уже давно*". Положеніе это прежде всего совершенно невѣрное *въ главной* его и существеннѣйшей для дѣла части. *На жести* печатать стали *очень недавно*, этотъ типъ печатанія появился не болѣе, какъ двадцать лѣтъ назадъ, противъ чего въ иконномъ дѣлѣ и ополчились

иконописцы, а по Монаршей волѣ комитетъ. Такимъ образомъ историческій вопросъ сводится только къ печатанію на полотнѣ и бумагѣ.

Говорить о печатаніи на полотнѣ не стоитъ, такъ какъ антиминсовъ народъ не видитъ и соблазна отъ того, что они сдѣланы машиной, а не руками, произойти не могло и не можетъ. Вопросъ могъ сводиться только къ печатнымъ священнымъ изображеніямъ на бумагѣ. Н. В. Покровскій сообщалъ, что печатныя „картинки“ стали входить въ обращеніе только съ XVII вѣка (значитъ совсѣмъ недавно), т. е. съ начала упадка нашей иконографіи, происшедшей главнымъ образомъ отъ вторженія этихъ печатанныхъ, *именно картинокъ* въ нашъ религіозный обиходъ. Самъ Н. В. Покровскій указываетъ, что патріархъ Іоакимъ въ томъ же XVII вѣкѣ, видя полную непригодность и непристойность бумажныхъ нѣмецкихъ листовъ, воспретилъ употребленіе ихъ въ церквахъ и домахъ вмѣсто иконъ. Подобные указы повторялись до 1761 г. и позднѣе того. Борьба духовной власти велась противъ „смѣхотворныхъ“ и неискусныхъ гравюръ. На стр. 14-й Н. В. Покровскій высказываетъ резонное и въ концѣ концовъ совершенно побивающее его резюме, умозаключеніе. По вопросу оцѣнки, для случаевъ изъятія изъ обращенія бумажныхъ священныхъ изображеній, онъ говоритъ, что не было свыше указано никакого критерія: „даже не сдѣлано ссылки на исконный критерій—подражаніе древнимъ лучшимъ иконописнымъ образцамъ, и это, быть можетъ, потому, что *находили почему либо неумѣстнымъ сравненіе иконы съ гравюрою, или же потому, что чувство уваженія къ иконописной старинѣ было въ XVIII вѣкѣ сильно поколеблено*“. Выходитъ такъ:—или видѣли въ гравюрѣ, что безусловно вѣрно, суррогатъ, не могущій дать даже мысли замѣнить рукописную икону, или представленіе о здоровомъ и исконномъ типѣ русской иконы стало уже утрачиваться. Мы знаемъ, что истинно православному чужда мысль о замѣнѣ печатнымъ листкомъ молельной рукописной иконы, а съ другой стороны намъ вѣдомо, что, при небрежности къ сохраненію вѣками сложившихся церковныхъ обычаевъ, для многихъ стало все равно, чему бы ни молиться. Западное безразличіе въ этомъ отношеніи вторглось въ православную Русь и породило, въ средѣ шаткихъ въ почитаніи и храненіи старины, разлагающій индифферентизмъ. Н. В. Покровскій самъ говоритъ

что „въ рѣшеніи вопроса о гравюрѣ, какъ механическаго произведенія, и не ставился ребромъ кардинальный вопросъ—быть или не быть“. Отсюда ясно, что „механическая“ зараза завоевала не только массы темнаго люда, но *и допускалась* власть имущими. Разумѣется, самъ Н. В. Покровскій признаетъ потерю уваженія къ иконописной старинѣ *нежелательною*. Но, несмотря на это, на страницѣ 18 онъ приходитъ къ неожиданному *„убѣжденію“*, что запрещеніе печатныхъ иконъ *„доколѣ преждевременно“*. Это „доколѣ преждевременно“ сдѣлалось знаменитымъ выраженіемъ въ рѣшеніи вопросовъ на плохихъ и шаткихъ доказательствахъ. Въ чемъ же гнилость подпорокъ, поддерживающихъ изумительное новое „убѣжденіе“ Н. В. Покровскаго?

Предпошлемъ разбору этихъ шаткихъ доказательствъ и разсужденій Н. В. Покровскаго указаніе на его, вообще, давно выяснившуюся въ художественномъ мірѣ полную некомпетентность касательно вопросовъ искусства. Будучи замѣчательнымъ энциклопедистомъ знатокомъ по церковной археологіи, онъ совершенно невоспріимчивъ къ пониманію произведеній художественнаго творчества, представляя собою какъ-бы трубу архангела, черезъ которую проходятъ слова Божіи, но не оставляютъ въ ней никакого слѣда. Напримѣръ, невозможно сказать, что лучше: акварель, фреска, масляная живопись или мозаика; а между тѣмъ Н. В. Покровскій рѣшаетъ, что гравюра на деревѣ хуже гравюры на мѣди. Тутъ уже играетъ роль вкусъ судьи, а не дѣйствительность оцѣнки способа воспроизведенія. Можетъ быть, Н. В. Покровскому пріятнѣе и кажется лучшимъ теноръ, чѣмъ басъ, но никто не рѣшится сказать, что одинъ изъ этихъ голосовъ лучше другого. Г. профессоръ—рѣшается и идетъ далѣе, говоря, что „икона, писанная отъ руки, гораздо выше иконы печатной: въ первой *всегда* чувствуется незримое вѣяніе жизни, духа, во второй все безжизненно, мертво и плоско“.

Уже поэтому несомнѣнно, что профессоръ археологіи некомпетентенъ въ вопросахъ искусства, такъ какъ совсѣмъ не всегда въ рукописной иконѣ можетъ чувствоваться „жизнь и духъ“, тогда какъ „съ точки зрѣнія идеальной“ (его выраженіе) печатная икона можетъ быть не безжизненна, не мертва и не плоска. Но оставимъ художественную сторону вопроса, перейдемъ къ подпоркамъ, поддерживающимъ „доколѣ преждевременно“. Главнѣйшей защитой бытія печатныхъ

иконъ Н. В. Покровскій выставляетъ слѣдующія положенія. Въ рѣшеніи вопроса о выборѣ между рукописными и печатными иконами онъ видитъ *„неодолимыя практическія затрудненія“*. Онъ спрашиваетъ и отвѣчаетъ: „если будутъ запрещены печатныя изображенія, то чѣмъ мы замѣнимъ ихъ? Иконами, писанными отъ руки? Но, во 1-хъ, современный спросъ на иконы *такъ великъ*, что наличныя иконописныя силы *едва-ли* въ состояніи будутъ удовлетворить этому спросу въ той мѣрѣ, какъ желательно“.

Устрашающая цѣнность этой боязни сводится къ нулю: двадцать лѣтъ тому назадъ печатной иконы на жести не было и православные не ощущали недостатка въ рукописныхъ иконахъ на протяженіи столѣтій. Неужели въ послѣднія 20 лѣтъ такъ возросъ спросъ на иконы, что приходится помогать производительности иконописцевъ машинами?

Въ дѣйствительности происходитъ совершенно обратное—спросъ на иконы *уменьшается* подъ отрицательнымъ давленіемъ духа времени.

„Едва-ли“ — совершенно неосновательно и потому еще, что Комитетъ, въ которомъ засѣдалъ и Н. В. Покровскій, высказалъ, что *„по его глубокому убѣжденію* (стало быть и *дѣйствительному* мнѣнію самого профессора), приведеніе въ исполненіе таковой мѣры (запрещеніе печатать и продавать иконы) не можетъ вызвать *ни экономическаго ущерба, ни недостатка иконъ въ продажѣ“*. Такимъ образомъ, отъ „во 1-хъ“ Н. В. Покровскаго ни остается ровно ничего и его заботы о народѣ значительно скромнѣе заботъ о благополучіи фабрикантовъ печатныхъ иконъ. „Во 2-хъ“,—пишетъ тотъ же ученый,—„наличная дѣйствительность показываетъ, что нѣкоторыя иконы отъ руки, исполненныя плохими ремесленниками и находящіяся въ обращеніи на провинціальныхъ рынкахъ, а иногда достигающія и Петербурга, бываютъ хуже, чѣмъ хорошая олеографія“. Ссылаясь на вышеприведенное мнѣніе Н. В. Покровскаго о безжизненности, мертвенности и плоскости всякихъ печатныхъ иконъ, даже съ идеальной точки зрѣнія, становится яснымъ, что нечего и безпокоиться о *нѣкоторыхъ* плохихъ рукописныхъ иконахъ. Далѣе, профессоръ сообщаетъ о разницѣ въ стоимости обоихъ типовъ иконъ, указывая на дешевизну печатныхъ и дороговизну писанныхъ иконъ и восклицаетъ:

„А кто будетъ въ отвѣтѣ, если разные штундисты, баптисты, духоборы, пашковцы, молокане и т. п. (имя имъ легіонъ!) воспользуются этимъ налогомъ на иконы и будутъ усиленно приглашать православныхъ въ свою компанію, гдѣ нѣтъ излишнихъ расходовъ на иконы?“ Если бы такъ случилось, то въ отвѣтѣ долженъ быть Н. В. Покровскій, какъ ученый, какъ представитель Св. Синода, въ свое время *не замѣтившій* лавины фальсификацій, позорящей исконныя православныя святыни и не принявшій мѣръ противъ возмутительной *поддѣлки* подъ иконы въ *наклейкѣ бумажныхъ изображеній на доски*—вѣдь этотъ продуктъ *совсѣмъ недавній*.

Въ статьѣ Н. В. Покровскаго ловко скрытъ имъ въ началѣ пущенной фразой переходъ къ апогею фальсификаціи иконы, что *нажести уже давно* печатаютъ иконы, а затѣмъ не указано значенія разницы листа и его наклейки на доску, что весьма существенно въ иконоборствѣ нашихъ дней, противъ *совершенно новаго* типа поддѣлки, не освященной хотя бы какою-либо существенной давностью.

Странно читать мнѣніе Н. В. Покровскаго о сравнительной дешевизнѣ иконъ печатныхъ и придаваніе этому какого-либо значенія, когда онъ же въ комитетѣ выразился согласно съ постановленіемъ, изъ котораго нами уже были приведены строки, что иконы печатныя *идутъ по цѣнѣ настоящихъ рукописныхъ иконъ*.

Шедевромъ защиты печатныхъ иконъ является мнѣніе Н. В. Покровскаго, гдѣ онъ совѣтуетъ отказаться отъ запрещенія столь полезныхъ машинныхъ иконъ до тѣхъ поръ, „когда хорошая иконопись въ состояніи будетъ сама собою, безъ всякихъ внѣшнихъ репрессалій, удалить всѣхъ механическихъ конкурентовъ“. Вспомнимъ и сопоставимъ съ этимъ взглядомъ мнѣніе *дѣйствительно правдивое* и компетентное М. В. Васнецова, въ которомъ онъ говоритъ: „трудно бороться живому искусству съ наплывомъ мертвыхъ продуктовъ промышленности и спекуляціи, въ основѣ которыхъ—капиталъ и нажива“! Вспомнимъ мнѣніе *всѣхъ* членовъ Комитета, высказавшаго, что въ ближайшемъ будущемъ грозитъ уничтоженіе общаго народнаго мастерства иконописанія изъ-за конкуренціи съ машиной.

Для кого и ради чего профессоръ Н. В. Покровскій обнародовалъ такое свое мнѣніе, которое ничто иное, какъ явное противорѣ-

чіе здравому смыслу? Не принадлежи это мнѣніе профессору Н. В. Покровскому, мы были бы увѣрены, что оное высказалъ со всѣми приведенными гнилыми подпорками *участникъ* фирмъ Жако и Бонакера, Ѳесенко, Ракочій и К° и т. под.

„Доколѣ преждевременно“ профессора Н. В. Покровскаго, создало первый удручающій по своимъ послѣдствіямъ шагъ къ мѣрамъ *уничтоженія* русскаго иконописанія.

Судьба русскаго искусства многосторонне печальна. Наша высшая художественная инстанція – Академія Художествъ совершенно не входитъ и не считаетъ своимъ долгомъ входить въ нужды художественныхъ корпорацій, хотя бы имъ грозила опасность быть стертыми съ лица земли. Другого вѣдомства, которому была бы дорога та часть благосостоянія государства, которая находится въ прямой зависимости отъ роста искусства, — у насъ нѣтъ. Частично, въ послѣдніе годы, лишь министерство финансовъ обратило было вниманіе на желательность развитія художественной промышленности и 10 іюня 1902 года обнародовано было положеніе о нормальныхъ художественно-промышленныхъ учрежденіяхъ этого министерства. Съ этого момента особенно осязательно стала видима—оффиціальная подчеркнутость дѣленія искусства на „чистое“ и „прикладное“. То, что совершенно не можетъ и не должно быть раздѣляемо оффиціально, оказалось размежеваннымъ. Путаница въ понятіяхъ о томъ, что должно относиться къ „чистому“ искусству и что къ „прикладному“,—увеличились во вредъ тому и другому. Ни Академія Художествъ не желала входить въ нужды иконописцевъ и русской иконописи — какъ *„нечистаго“* искусства, ни министерство финансовъ — какъ искусства, хотя и „прикладнаго“, но якобы болѣе подвѣдомаго Святѣйшему Синоду. Ни въ уставѣ Академіи, ни въ Положеніи о художественно промышленныхъ учрежденіяхъ вѣдомства министерства финансовъ съ художественной инспекціею не имѣется указаній (прямыхъ) пещись о благосостояніи несомнѣнно цѣнной и *продуктивнѣйшей отрасли русскаго искусства*—иконографіи. Такимъ образомъ, *сто шестьдесятъ тысячъ русскихъ иконописцевъ* не имѣли до 1901 года по русскому законодательству нигдѣ и ни въ комъ оффиціальнаго защитника или покровителя. Въ Академіи до сихъ поръ отсутствуетъ даже каѳедра иконографіи, такъ что,

не покровительствуя „чистой“ религіозной живописи, ей ли было заботиться о той иконографіи, которая еще до зачатія предназначалась продажѣ на рынкахъ?!. Нашимъ иконописцамъ пришлось причислить себя къ *кустарямъ* и рѣшиться попытать счастья въ ходатайствѣ защиты противъ машинныхъ иконъ также и передъ министерствомъ финансовъ. Это первое ходатайство иконописцевъ селъ Владимірской губерніи: Холуя, Мстеры и Палехи было направлено въ 1898—1899 годахъ и въ немъ просили министерство о запрещеніи печатныхъ иконныхъ поддѣлокъ, какъ *убивающихъ* производство рукописныхъ иконъ, съ просьбою помочь такому ходатайству въ Святѣйшемъ Синодѣ.

Министерство, не разсмотрѣвъ просьбы по существу, сослалось на компетенцію Святѣйшаго Синода. Въ такомъ разсмотрѣніи вопроса или сказать почти въ полномъ игнорированіи ходатайства кустарей съ отсылкою ихъ лишь въ другую инстанцію, *совершенно чуждую художественной компетенціи*, сказалось мертвящее бюрократическое начало, не пожелавшее вникнуть даже въ принципіальное обсужденіе идейнаго и практическаго спора между *ста шестьюдесятью тысячами* человѣкъ *рабочихъ и двумя иностранцами — фальсификаторами народной святыни.*

Полуторастатысячная армія *православныхъ* иконописцевъ въ лицѣ представителей Владимірскаго района ударила челомъ Святѣйшему Синоду. Въ этой инстанціи имъ отказали. Мотивомъ отказа было *отсутствіе* какихъ-либо *каноническихъ постановленій, воспрещающихъ печатаніе священныхъ изображеній.* Въ такой мотивировкѣ и въ самомъ прошеніи десятковъ тысячъ человѣкъ существовалъ одинъ и тотъ же непростительно досадный пропускъ — обмолвка или случайное обхожденіе молчаніемъ того, что должно было составить идейную сущность ходатайства и *законнаго* предлога, не могшаго привести къ отказу. Съ началомъ наклейки печатныхъ изображеній *на доску*, или съ печатаніемъ на жести, прибиваемой *къ доскѣ*, было положено начало *подлога и фальсификаціи* вѣками освященнаго типа рукописной иконы на доскѣ. Противъ *такого* новшества *и не могло быть,—ранѣе* приведенной челобитной, какъ всплеска негодованія противъ прямого обмана нашего невѣжественнаго народа,—

какого бы то ни было каноническаго постановленія. Представитель Св. Синода въ Комитетѣ, профессоръ Н. В. Покровскій, въ своей знаменитой, цитированной нами книгѣ, дойдя на стр. 15-ой до новѣйшихъ печатныхъ всевозможныхъ типовъ репродукцій священныхъ изображеній, произноситъ, какъ бы вскользь, не придавая особаго значенія, фразу: „нѣкоторые изъ нихъ (предпринимателей печатниковъ) *наклеиваютъ* печатные бумажные листы *на доску* и такимъ образомъ *придаютъ* имъ *видъ настоящей иконы*. Бонакеръ и Жако въ Москвѣ печатаютъ священныя изображенія на жести и прикрѣпляютъ эти жестяные листы къ доскамъ, обтянутымъ двойнымъ коленкоромъ, *какъ настоящія иконы*“. (Курсивъ нашъ). Слова Н. В. Покровскаго *„придаютъ* имъ *видъ* настоящей иконы“ и *„какъ настоящія* иконы“ — равносильно выраженію—*ловко поддѣлываютъ*. Что Н. В. Покровскій проговорился именно въ этомъ духѣ, видно изъ его же словъ на страницѣ 18-й его книги: „не только для $^{9}/_{10}$ изъ простонародья, но и для многихъ интеллигентныхъ людей различіе иконы писанной отъ печатной—дѣло нелегкое“... Этими словами профессоръ Н. В. Покровскій признаетъ наличность фальсификаціи и обмана. Какое же „присутствіе“ каноническихъ постановленій можно было отыскать о *новоявленномъ* подлогѣ придѣлыванія печатнаго изображенія къ доскѣ, чему нельзя насчитать и двухъ десятилѣтій и что выросло во зло, —поѣдающее *все* ручное производство? Мы подчеркиваемъ слово *все* потому, что на-дняхъ г. Өесенко сообщилъ намъ о приготовленныхъ имъ печатныхъ *иконостасныхъ* иконахъ. Очевидно, что при энергіи Н. В. Покровскаго и игнорированіи вопроса о *поддѣлкѣ и обманѣ народа* — иконописное письмо будетъ уничтожаться печатнымъ хламомъ на доскахъ. Инымъ эпитетомъ, какъ хламъ, нельзя наградить печатныя иконы сравнительно съ рукописными яичными красками — такъ велика разница *прочности* фальсификаціи сравнительно съ настоящей иконой. Отстаиваніе печатныхъ иконъ, такимъ образомъ, есть еще и посягательство на народныя деньги. *Безразличіе къ народнымъ нуждамъ, игнорированіе* вѣками упрочившихся *традицій имѣть вѣковую, прочную, ручную икону* и предоставленіе меньшей братіи произволу и обману продавца сказывается въ слѣдующихъ словахъ

Н. В. Покровскаго: — „*Въ церковномъ* употребленіи несомнѣнно должна быть настоящая, хорошая иконопись; сильныхъ затрудненій— здѣсь не было и нѣтъ. Для храма Божія всегда найдутся хорошія иконы, а гравюры, которыя намъ лично доводилось видѣть даже въ нѣкоторыхъ подгородныхъ петербургскихъ храмахъ, здѣсь не должны имѣть мѣста. Другое дѣло — частное, домашнее употребленіе иконъ". Можно ли отнестись съ большимъ легкомысліемъ къ народу, которому, слѣдовательно, по мнѣнію Н. В. Покровскаго, можно позволять всучивать *ненастоящія, дурныя и нерукописныя* иконы. Въ вопросахъ религіи, мы полагали бы, непозволительно дѣлать такія подраздѣленія, а тѣмъ болѣе профессору и члену Комитета *попечительства* о русской иконописи.

Въ своемъ ходатайствѣ иконописцы допустили нѣкоторую ошибку, назвавъ Жако евреемъ. Св. Синодъ указалъ на неправильность этого положенія, сообщивъ, что Жако христіанинъ...

Карелинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Герценъ и наши дни.

I.

„Прощай, отходящій міръ! Прощай, Европа!“

„Святая почва Европы,—благословеніе ей, благословеніе!“ (VI, 142).

Такъ писалъ въ своемъ «Дневникѣ» Герценъ въ тѣ годы, когда, въ долгомъ и долго напрасномъ ожиданіи заграничнаго паспорта, онъ мечталъ объ Европѣ по книжкамъ, создавалъ великолѣпныя легенды и красивые миѳы о далекихъ волшебныхъ мірахъ, гдѣ мысль свободна и сильна, гдѣ жизнь построена на правѣ и правдѣ, гдѣ соціализмъ идетъ впередъ въ сапогахъ скороходахъ и стоитъ уже на порогѣ своего осуществленія, гдѣ прогрессъ на коврѣ-самолетѣ несетъ все впередъ и впередъ счастливое человѣчество, гдѣ люди дѣятельны и энергичны и работаютъ только ради общаго блага.

Но въ концѣ концовъ онъ получилъ этотъ заграничный паспортъ, который унесъ всѣ его мечты и надежды. Ему казалось постыднымъ не присутствовать на парижской революціи 1848 г. Онъ отбросилъ счастливыя впечатлѣнія прекрасной Италіи и въ тревожномъ энтузіазмѣ помчался къ всемірному очагу всемірной свободы.

Онъ видѣлъ и зналъ,—близко зналъ,—всѣхъ великихъ дѣятелей революціи и демократической республики, зналъ ихъ не только по книгамъ, но зналъ ихъ по ихъ рѣчамъ и дѣламъ, зналъ, какъ людей своего круга, своихъ близкихъ знакомыхъ, со всѣми ихъ достоинствами и недостатками. Отъ него эти властители думъ и вожди человѣчества не могли спрятать своей мечтательности и безпочвенности подъ дырявымъ плащемъ бумажнаго періодическаго величія и громкихъ, но безсодержательныхъ фразъ.

„Прощай, отходящій міръ! Прощай Европа!“ (V, 247) —съ ужасомъ и отвращеніемъ кричалъ обманутый и разочарованный трубадуръ Европы, подводя итоги своихъ яркихъ и живыхъ наблюденій, своего долгаго и многосторонняго опыта.

„Я пять лѣтъ не видалъ свѣтлаго лица, не слыхалъ простого смѣха, понимающаго взгляда“. (III, 263).

„Мудрено теперь сбить ихъ (славянофиловъ) примѣромъ запада, когда достаточно одного нумера любой газеты, чтобы увидѣть страшную болѣзнь, подъ которою ломится Европа. Отворачиваться отъ ея ранъ и поклоняться *не только идеямъ*, которыя она выработала и съ которыми не можетъ сладить ея современная жизнь, но и ей самой,—столько-же невозможно, какъ увѣрить насъ, что фанатически поврежденная умственная дѣятельность поклонниковъ Будды или карпатскихъ раскольниковъ важнѣе и глубже всѣхъ вопросовъ, занимающихъ насъ“. (V, 391).

„Міръ европейскій въ той формѣ, въ которой онъ теперь существуетъ, окончилъ свою карьеру. Но намъ кажется, что ему слѣдовало окончить ее торжественнѣе: если не безъ страданій и боли, то, по крайней мѣрѣ, безъ стыда и униженія. Консерваторы, какъ вообще старые скупцы, боятся только наслѣдника и отдаляются отъ него. Ихъ въ ночное время задушатъ и ограбятъ воры и разбойники“. (V, 313).

Недуги запада перебросились и къ намъ. И теперь, когда незаконные наслѣдники „отходящаго міра“, подлинные воры и разбойники, въ ночное время пришли душить и грабить, можно оцѣнить это пророчество Герцена во всей его полнотѣ и опредѣленности.

„Не любитъ романскій міръ свободы: онъ любитъ только домогаться ея. Силы на *освобожденіе* онъ иногда находитъ, но на *свободу* — никогда“. (III, 160).

И это мы видимъ теперь своими глазами. Русскіе революціонеры, плагіаторы и рутинеры по шаблонамъ запада, на зарѣ освобожденія обнаруживаютъ столько деспотизма и тиранніи, что давно уже набили рекордъ злѣйшихъ тирановъ міра. Западъ передалъ свое роковое наслѣдство русскимъ ренегатамъ и общая болѣзнь вскрылась прежде

всего среди младенчески довѣрчиваго и наивнаго поколѣнія подражателей и приспѣшниковъ чужой мудрости.

„Когда я спорилъ въ Москвѣ съ славянофилами (между 1842—1846 годами), мои воззрѣнія въ основахъ были тѣже. Но тогда я не зналъ запада, т. е. зналъ его книжно, теоретически—и еще больше любилъ его всею ненавистью къ петербургскимъ порядкамъ. Видя, какъ Франція смѣло ставитъ соціальный вопросъ, я предполагалъ, что она хоть отчасти разрѣшитъ его,—и отъ того былъ, какъ тогда называли, *западникомъ*. Парижъ въ одинъ годъ отрезвилъ меня,—но за то этотъ годъ былъ 1848. Во имя тѣхъ-же началъ, во имя которыхъ я спорилъ съ славянофилами за западъ, я сталъ спорить съ нимъ самимъ.

„Обличая революцію, я вовсе не былъ обязанъ переходить на сторону ея враговъ. Паденіе февральской республики не могло меня отбросить ни въ католицизмъ, ни въ консерватизмъ; оно меня снова привело *домой*.

„Стоя въ стану побитыхъ, я указывалъ имъ на народъ, носящій въ бытѣ своемъ больше условій къ экономическому перевороту, чѣмъ окончательно сложившіеся западные народы. Я указывалъ на народъ, у котораго нѣтъ тѣхъ нравственныхъ препятствій, о которыя разбивается въ Европѣ всякая новая общественная мысль, а напротивъ есть *земля подъ ногами* и увѣренность, что *она его*.

„И вотъ пятнадцать лѣтъ я проповѣдую это. Слова мои возбуждали смѣхъ и негодованіе, но я шелъ своей дорогой. Пришла крымская война,—смѣхъ смѣнился свистомъ, клеветой... Но я шелъ своей дорогой. По странной ироніи мнѣ пришлось на развалинахъ французской республики проповѣдывать на западѣ часть того, что въ сороковыхъ годахъ проповѣдывали въ Москвѣ Хомяковъ, Кирѣевскіе... и на что я возражалъ“. (VI, 284).

II.

Старая ложь.

Повидимому, ясно. Герценъ самъ, своими собственными словами формулируетъ мысль, которую онъ проповѣдывалъ пятнадцать лѣтъ,

которую онъ сохранилъ до конца жизни, въ которой завѣтное его убѣжденіе. Онъ *былъ* западникомъ и пересталъ имъ быть. Но влюбленные—по плохому портрету—и мало освѣдомленные его поклонники изъ лагеря западниковъ никакъ не могутъ съ этимъ примириться. Они хотятъ быть больше строгими Герценами, чѣмъ самъ Герценъ, т. е. послѣдовательными западниками, какимъ Герценъ не былъ.

Это особый видъ партійнаго дальтонизма. Они не хотятъ видѣть того, что у нихъ передъ глазами, и представляются слѣпыми. Чтобы сохранить свою младенческую вѣру въ Герцена, они не вѣрятъ Герцену, а вѣрятъ его тенденціознымъ и невѣжественнымъ комментаторамъ, которые создали изъ его осколковъ западническаго фетиша и поклонялись своей суевѣрной мечтѣ, не считаясь съ дѣйствительностью.

Свою позицію они защищали самыми террористическими средствами, предавая то либеральной, то радикальной, то просто нигилистической анаѳемѣ всякаго, кто имѣлъ мужество говорить правду. Для этой цѣли сфабриковано много мнимо-литературныхъ формъ запугиванья, шуллерства и скоморошества. Пользуясь умственнымъ и теоретическимъ одичаніемъ русской интеллигенціи и такъ называемой „мыслящей Россіи“, давно утратившей способность и умѣнье мыслить, литературные кондотьеры подъ угрозою отлученія заставляютъ читателей видѣть то, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. И тѣ, по силѣ смиреннаго и всесторонняго невѣжества,—*видятъ*. Эта одна изъ многочисленныхъ формъ умственнаго упадка нашей лѣнивой и праздной, но деспотической въ своемъ безграмотствѣ интеллигенціи.

Но эти полемическіе и публицистическіе фокусы безнаказанно могли сходить съ рукъ только тогда, когда Герценъ былъ подъ спудомъ. Теперь, чтобы, съ прежнею увѣренностью продолжать эту нечистую игру и врать, нужно особое своеобразное мужество. Мы приводили подлинныя слова Герцена, чтобы никакихъ недоразумѣній не было. Если въ томъ, что вышло въ свѣтъ за послѣднее время въ русскомъ изданіи Герцена, или въ томъ, что было исключено цензурою, Герценъ высказывалъ не эти, а другія, противоположныя мысли, пусть ихъ дословно приведутъ поклонники измышленнаго Герцена и только тогда будетъ возможенъ споръ по документамъ, а не по сомнительнымъ тенденціямъ партійной изворотливости. Но такихъ словъ

Герцена они никогда не приведутъ, потому что такихъ словъ нѣтъ. Кромѣ того, рѣшающимъ и послѣднимъ доказательствомъ въ этомъ спорѣ является то, что сущность подлинной „идеологіи“ Герцена заключается именно въ этихъ выводахъ, что безъ нихъ Герценъ и не былъ-бы Герценомъ, что именно въ нихъ всѣ его права на самобытность и оригинальность, что безъ нихъ онъ безслѣдно потонулъ бы въ безличномъ стадѣ многоименныхъ, но всѣхъ на одно лицо русскихъ западниковъ.

Стройность и гармоничность воззрѣній Герцена съ логическою необходимостью требуетъ именно этихъ выводовъ, а не какихъ-либо другихъ, потому что только они соотвѣтствуютъ его посылкамъ.

Убѣдиться въ этомъ — нетрудно.

III.

Нищета современной идеологіи.

Почтальоны, которые перестали носить письма, кондуктора и смазчики, которые остановили желѣзнодорожное движеніе, вооруженный и чуть не до-гола обнаженный пролетаріатъ, адвокаты изъ судовъ и фармацевты изъ аптекъ, „сознательные“ борцы за свободу изъ матросовъ и слезоточивые трусы изъ офицеровъ, даже члены союза союзовъ, даже члены державной и правящей рабочей организаціи,—знаютъ-ли они, за что они подняли красное знамя, за что они проливаютъ кровь,—чужую, конечно,—чѣмъ они могли-бы оправдать свой произволъ и свое насиліе?

Быть можетъ, они слышали уличные и площадные девизы и усвоили ихъ звуковой обликъ, не зная ихъ содержанія. Быть можетъ, они слышали прихотливыя сказки о рѣкахъ молочныхъ и берегахъ кисельныхъ, которыхъ такъ много въ книжкахъ и которыхъ никогда не было въ дѣйствительности, нѣтъ теперь и не будетъ никогда. Быть можетъ, ихъ соблазняетъ уличная кутерьма и убогая роскошь процессій съ красными знаменами.

Людямъ, дѣйствительно обездоленнымъ, достаточно самаго ничтожнаго повода, чтобы глупо и грозно производить безтолковое движеніе,

если имъ будто-бы „ученые“ люди обѣщаютъ журавля въ небѣ. Они легкомысленны и легковѣрны, потому что опытъ исторіи имъ совершенно неизвѣстенъ, а сулятъ имъ золотой вѣкъ „господа“, которыхъ теперь въ участокъ не тащатъ. Если рабочій, не перевирая иностранныхъ названій, связно скажетъ два членораздѣльныхъ слова,—и то изъ книжки, или съ чужого голоса,—вся передовая пресса приходитъ въ умиленіе отъ его непомѣрной идейности. Вѣдь и пресса наша въ своей идейности и убѣжденности недалеко ушла отъ полуграмотнаго рабочаго.

Нѣтъ нужды давать себѣ отчетъ въ теоретическихъ основаніяхъ движенія и многочисленному классу такъ называемыхъ агитаторовъ и пропагандистовъ. Они бунтуютъ народъ. Въ этомъ вся ихъ цѣль и вся ихъ философія. Они торгуютъ въ розницу и въ разносъ тѣмъ товаромъ, который имъ сбываютъ въ радикальныхъ газетахъ и въ передовыхъ ежемѣсячникахъ.

Какой-же товаръ они получаютъ у этихъ оптовиковъ? Самый гнилой и самый залежалый. На почвѣ нелѣпой теоріи о фатальномъ прогрессѣ и стихійной общественной эволюціи имъ даютъ соблазнительный и произвольный выводъ, будто-бы законы историческаго развитія для всѣхъ народовъ одинаковы, и толкуютъ этотъ выводъ съ самымъ мальчишескимъ легкомысліемъ. На западѣ была конституція, значитъ и у насъ должна быть конституція. Революція была, подавай ее и намъ. Тамъ забастовки, и у насъ забастовки. И все это безъ пониманія дѣла, на авось, съ дикимъ разгуломъ и свирѣпой непреклонностью.

Прогрессъ—знаетъ, куда вести. Онъ ведетъ все впередъ. И самое простое соображеніе никому не приходитъ въ голову. „Идя безъ оглядки впередъ,—говорилъ Герценъ,—можно затесаться, какъ Наполеонъ, въ Москву и погибнуть, отступая отъ нея, не доходя даже до Березины“ (V, 446). Наши Наполеоны не имѣютъ маршрута и географической карты, идутъ впередъ, но не знаютъ, куда и зачѣмъ, въ надеждѣ, что прогрессъ, какъ и всякая кривая, вывезетъ.

Они не знаютъ ни прошедшаго, ни настоящаго, но они удивительно знаютъ будущее, потому что все будетъ точно такъ, какъ было на западѣ. Другихъ доказательствъ нѣтъ и быть не можетъ. Въ этомъ всѣ вѣрованія и убѣжденія нашей интеллигенціи. Кромѣ этого

ничтожнаго и нищенскаго софизма, у нея ничего за душою нѣтъ. И когда кровь перестанетъ литься, когда первобытная одичалость животныхъ страстей уляжется, когда люди поймутъ преступность и омерзительность своего безсмысленнаго движенія и спросятъ у своихъ вожаковъ, во имя чего ихъ завели въ грязное и кровавое болото,— какой отвѣтъ дадутъ тупые властители смутныхъ думъ? Скажутъ-ли они имъ, что это была только схоластическая полемика, защита академической диссертаціи, идейный экспериментъ за счетъ револьвернаго мяса?.. А на самомъ дѣлѣ, это вѣдь такъ. Революція, прежде чѣмъ выйти на улицу, жила въ идейномъ мозговомъ туманѣ доктринеровъ и мечтателей, которымъ страстно хотѣлось, чтобы всѣ люди и народы были лицо въ лицо и шаблонъ въ шаблонъ.

Настоящій терроръ льетъ настоящую живую кровь: меньшинство путемъ кровавой бойни навязываетъ свою волю большинству. Но это меньшинство мыслью, творчествомъ и опытомъ—мертво, книжно и невѣжественно. Его убило убожество его идеологіи. Пока люди далекихъ идеаловъ, непризнанные возстановители правъ разума въ пестрой сказкѣ исторіи, не перестанутъ мѣшать другимъ людямъ жить по своему уму и по своей совѣсти, революція не кончится, потому что въ тираннической свободѣ меньшинства жить нельзя. Нынѣшняя революція, всегда книжная и отвлеченная, начинается съ того момента, когда педанты и рутинеры начинаютъ утверждать, что люди и народы всегда и во всемъ похожи другъ на друга, что исторія постоянно и во всемъ повторяется, что неудержимая эволюція творила чудеса, мѣняя людей во мгновеніе ока въ какую-то совершенно новую породу двуногихъ. А такъ какъ новой породы не является, то подъ ея флагомъ показываютъ на балаганныхъ подмосткахъ нравственные и умственные отбросы здороваго человѣческаго общества.

IV.

Идейный спортъ.

Герценъ не только былъ-бы, какъ онъ и былъ, но и остался-бы, чего къ счастью не случилось, западникомъ, если бы онъ усвоилъ себѣ эту форму теоретическаго помѣшательства. Но онъ былъ слиш-

комъ трезвъ и здоровъ, чтобы опьянѣть на этой безпутной вакханаліи.

„Путь человѣчества неизвѣстенъ“,—писалъ онъ въ январѣ 1843 г., писалъ въ „Дневникѣ“, т. е. въ ту пору, когда такъ легко отдавался всѣмъ теоріямъ и гипотезамъ, когда весь отъ головы и до пятъ былъ западникомъ. Но эта мысль засѣла глубоко въ его мозгу и осталась тамъ до его смерти.

„Пути исторіи, пути природы отъ того такъ и кажутся намъ неисповѣдимы, что они прокладываются безъ плана, ломаютъ безъ жалости и пользуются всѣмъ по дорогѣ, какъ настоящіе мародеры“. (VI, 311).

„Пути развитія очень туги и непросты въ природѣ, въ исторіи: они употребляютъ страшное количество силъ и формъ. Намъ это мало видно, потому что мы всегда находимся лицомъ къ лицу съ результатомъ, съ выработавшимся, съ успѣхомъ. Ряды неудачныхъ формъ были вызваны по дорогѣ, жили не вполнѣ (по сравненію съ послѣдующими) и замѣнялись другими, намъ неизвѣстными. Они не были пожертвованы, потому что они жили для себя, но, отживши, передали свое наслѣдіе не дѣтямъ, а чужимъ. Мамонты и ихтіозавры—слонамъ и крокодиламъ, Египетъ и Индія—Греціи и Риму. Весьма можетъ быть, что вся творческая способность западныхъ народовъ истратилась, истощилась, создавая свой общественный идеалъ, свою науку,—стремясь къ нимъ и осуществляя отдѣльныя, одностороннія фазы ихъ со всею страстностью и увлеченіемъ борьбы, въ которой оттого людямъ такъ легко умирать, что они на всякомъ шагу думаютъ достигнуть *полнаго* идеала своего“ (V, 332).

Это легкомысленная ошибка всѣхъ мечтательныхъ оптимистовъ. На нашихъ глазахъ начиналось столько новыхъ эръ и эпохъ, что міръ будто бы за это время вертѣлся волчкомъ и торопился тащить катаклизмами и катастрофами вѣчно юныхъ педантовъ и доктринеровъ. Плохъ тотъ журналистъ, который на своемъ вѣку не отмѣтилъ дюжины новыхъ эпохъ. Все течетъ, все льется, все мѣняется, всюду новыя формы и новыя породы. Это, конечно, характерный признакъ самоувѣреннаго невѣжества. Все ново для того, кто не знаетъ стараго. Для людей этого типа старое такъ-же неинтересно и безразлично, какъ и настоящее. Они всѣ въ будущемъ, потому что мечтать и гре-

зить гораздо легче, чѣмъ познавать и изучать. Таково постоянное свойство лѣниваго мышленія.

Если мышленіе на протяженіи вѣка обнаружило такую легковѣсность и поверхностность, необходимо допустить, что оно надолго останется такимъ-же и долго не измѣнитъ своей старой привычкѣ. Нужны новыя породы людей неистощенныхъ и свѣжихъ, которые могли-бы перестроить всю систему познанія и мышленія. Кровь нашихъ интеллигентныхъ поколѣній такъ испорчена и истощена, что отъ нихъ, не обнаружившихъ творческой способности на протяженіи вѣка, смѣшно было бы ждать личнаго опыта и личной наблюдательности. Съ наслѣдственною привычкою жить чужимъ умомъ, они не носятъ въ себѣ и не передадутъ потомству умѣнья пользоваться своей головой для надобностей личной и общественной жизни. Ихъ мозгъ парализованъ идейнымъ рабствомъ и только это рабство они могутъ передать потомству, какъ свое наслѣдство. Поэтому они не могутъ и не должны дѣлать никакого живаго дѣла и жизнь такъ или иначе устранитъ ихъ съ общественной арены, такъ какъ они здѣсь не только безполезны, но по легковѣрію и легкомыслію прямо вредны.

Не здоровой молодостью, но безсильной, апатичной и застывшей въ узкомъ эгоизмѣ старостью вѣетъ отъ этой закостенѣлой идеологіи. Всѣ пути испробованы и изжиты. Новаго въ мірѣ нѣтъ ничего и никогда не будетъ. Шаблоны исторіи будутъ повторяться изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ. Нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ, какъ говорилъ ветхозавѣтный когелетъ.

Кто сталъ на эту дорогу, тотъ дряхлъ и немощенъ духомъ, какъ старецъ на краю могилы, хотя бы по годамъ и здоровью это былъ цвѣтущій юноша. Онъ уже несетъ смерть въ себѣ и для жизни не нуженъ. Его дѣло кончено. Онъ не повѣритъ и жизни, когда она развернетъ передъ нимъ пеструю и равнообразную картину своихъ типовъ, своихъ видовъ, своихъ явленій. Онъ наскоро наклеитъ старый ярлыкъ на новое явленіе, хотя бы онъ къ этому явленію совсѣмъ не подходилъ, и пройдетъ мимо. Только самое общее, самое формальное, т. е. безжизненное и безсодержательное въ жизни ему по книжкѣ чуть-чуть знакомо.

Его бѣда въ томъ, что ничто другое его и не интересуетъ. Онъ близорукъ, его кругозоръ тѣсенъ, онъ старецъ, покончившій счеты съ

жизнью и равнодушный по ея кипучей энергіи. Ему кажется, что онъ все знаетъ, когда знаетъ два десятка отвлеченныхъ терминовъ, чтобы ими, какъ пентаграммой, оградить себя отъ живыхъ впечатлѣній и прожить всю жизнь въ душной кельѣ отшельника-мечтателя.

Ему кажется, что его не понимаютъ. Но это только потому, что онъ никого и ничего не понимаетъ. Въ минуты идейнаго изступленія онъ выходитъ на площадь съ бомбой и револьверомъ, чтобы отрицать и разрушать,—прямолинейный и ограниченный, какъ схоластикъ. И какъ-же онъ сердится, когда ни бомба, ни револьверъ ни къ какимъ результатамъ не приводятъ! Кромѣ насилія, у него никакихъ средствъ нѣтъ,—кромѣ идейнаго произвола, нѣтъ никакихъ побужденій. Онъ разрушаетъ, потому что ненавидитъ жизнь и людей,—ненавидитъ за то, что они не подходятъ къ его педантической мѣркѣ. Онъ не ищетъ, потому что онъ все нашелъ.

У него нѣтъ пытливости, потому что онъ, какъ ему кажется, уже владѣетъ всевѣдѣніемъ. У него нѣтъ снисходительности и прощенія, потому что онъ не видитъ и не хочетъ видѣть живыхъ людей, а живетъ въ мірѣ грезъ и фантазій.

Поколѣніе современныхъ революціонеровъ воспитано на книжкахъ и доктринѣ. Теперь въ ихъ безсознательной и безсмысленной дѣятельности мы видимъ всѣ характерные признаки ихъ воспитанія и ихъ дикой идеологіи. Никто не имѣетъ права жить по своему. Всѣ должны жить по произвольной и случайной доктринѣ. Смерть тому, кто захочетъ строить свою жизнь по своему уму. Легкомысленная проповѣдь историческаго монизма, т. е. того, что законы историческаго развитія для всѣхъ народовъ одинаковы, уже таила въ себѣ сѣмена идейной, т. е. самой безсмысленной и нелѣпой революціи, предсказывала револьверы и бомбы, кровь и подлую забастовку.

Результаты революціоннаго эксперимента можно предвидѣть заранѣе. Педанты и доктринеры ошибались, потому что знали свои теоріи и не знали жизни. Новый строй жизни не падаетъ съ неба. Люди останутся людьми и подъ легкими перемѣнами внѣшнихъ формъ сохранятъ основной типъ своей совѣсти и своей мысли. Силою вещей дикіе звѣри и хищники разойдутся по своимъ трущобамъ. Хулиганы не станутъ правителями и царями. Пролетаріи станутъ на свои мѣста, вынужденные всѣмъ строемъ общественной жизни отказаться отъ смѣшной меч-

тательности, отъ несбыточныхъ утопій. Подлые люди такъ и сохранятъ за собою Каиново клеймо подлости.

Никакой переоцѣнки цѣнностей не произойдетъ. Плохой рабочій такъ и останется плохимъ рабочимъ и за плохой трудъ не получитъ баснословно огромной заработной платы. Дураки не станутъ и не будутъ признаны мудрецами, хотя бы они пролили моря крови. Вожаки революціи съ жиру бѣсятся, а когда придется поголодать и поработать, начнутъ бранить правительство за то, что оно допустило ихъ до революціи. Вѣдь наши революціонеры безъ правительства жить не могутъ: надо-же имъ кого-нибудь обвинять, кому-нибудь дѣлать оппозицію. Русскій революціонеръ безъ правительства не мыслимъ и для него немыслимо объявить себя правительствомъ, потому что онъ неопытенъ, несвѣдущъ, не знаетъ и не понимаетъ дѣла и по привычкѣ долженъ будетъ агитировать противъ самаго себя.

Это идейный спортъ, „безпощадный и безсмысленный“,—болѣе безпощадный и безсмысленный, чѣмъ пугачевскій бунтъ.

Надо дивиться тому, что умные и почтенные люди не видѣли, что школы и университеты, газеты и журналы идейной убѣжденности проповѣдывали и проповѣдуютъ постоянную и непрерывную революцію. Единство законовъ историческаго развитія всѣхъ народовъ предполагаетъ уже кровавую и безконечную борьбу съ русскимъ народомъ, потому что онъ дома устроился по своему. Для того, чтобы доказать эту теоретическую догадку, надо извести весь русскій народъ, начиная съ черной сотни, духовенства, донскихъ и другихъ казаковъ, лавочниковъ и торговцевъ, ломовыхъ и дворниковъ, мясниковъ и краснорядцевъ, Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, и кончая самыми низшими слоями „темнаго и невѣжественнаго народа“. И никого эта перспектива не пугаетъ. Напротивъ, интеллигенція восторженно привѣтствуетъ эту программу. Проповѣдуя истребленіе русскаго народа, она и не думаетъ о возможности такого же рѣшенія со стороны населенія, обреченнаго ими на упраздненіе.

Слабый и больной умъ, отупѣвшій и малоподвижный отъ постоянной праздности, ищетъ короткихъ путей, слишкомъ общихъ формулъ и всю сложность исторіи хочетъ перевязать тонкой идейной ниточкой, чтобы носить ее, какъ казенный пакетъ, у себя подъ мышкой. Ему кажется, что дорога передъ нимъ пряма и ровна, безъ сучка и задо-

ринки и пройти ее можно даже въ нетрезвомъ видѣ или въ присядку.

V.

Остановка прогресса.

„При отсутствіи плана и срока, аршина и часовъ,—говорилъ Герценъ,—развитіе въ природѣ, въ исторіи не то, что *не можетъ* отклониться, но *должно* безпрестанно отклоняться, слѣдуя всякому вліянію и въ силу своей безпечной страдательности, происходящей отъ отсутствія опредѣленныхъ цѣлей. Въ отдѣльномъ организмѣ иногда отклоненіе даетъ себя знать болью и тутъ часто боль является слишкомъ позднимъ предостереженіемъ. Сложные, сводные организмы сбиваются съ своихъ діагоналей и уносятся по скатамъ, вовсе не замѣчая ни дороги, ни опасности, благодаря смѣнѣ поколѣній. Возможность остановить отклонившееся, удержать набѣжавшее или догнать его очень мала и мало желается; желаніе предполагало-бы всякій разъ сознаніе и цѣль“ (V, 364).

Именно такое отклоненіе мы и видимъ въ исторіи нашей интеллигенціи за послѣдній вѣкъ. Съ половины XIX в. русскіе передовые умы занялись переоцѣнкою цѣнностей, т. е. употребили всѣ усилія подлое представить честнымъ, злое добрымъ, глупое умнымъ. Это „отклоненіе“ завертывалось все круче, скользило внизъ по скату пропасти, а вожди человѣчества говорили, что это-то именно и есть прогрессъ, что каждый новый ущербъ въ скудномъ и безъ того запасѣ ума и совѣсти—огромный шагъ впередъ по пути эволюціи и теперь нестерпимая боль во всемъ общественномъ организмѣ является результатомъ разложенія мозга, отравленнаго винными и идейными парами, алкоголемъ и теоріей. Каждое паденіе внизъ торжественно провозглашается подъемомъ по лѣстницѣ эволюціи и всякое загниваніе—ростомъ то личности, то общества. Паденіе на дно считаютъ движеніемъ впередъ и выше и при общемъ идейномъ восторгѣ справляется тріумфъ крайней реакціи и самаго дремучаго обскурантизма.

Прогрессъ— это щитъ, за которымъ скрывается всякая бездарность и всякое нравственное уродство, хищническіе инстинкты черни и про-

тивоестественная порнографія сластолюбивыхъ мистиковъ, грубое невѣжество, прикрывающееся плащемъ мнимой науки, и безграничная алчность мародеровъ, расхищающихъ общее достояніе подъ флагомъ общаго блага.

Въ основѣ этого гнилаго и затхлаго мышленія лежитъ то глупое предположеніе, будто всѣ люди одинаковы, будто бы нѣтъ ни честныхъ, ни подлыхъ, ни умныхъ, ни глупыхъ,—нѣтъ устойчивости въ добрѣ и злѣ, устойчивости типовъ природы и исторіи. Все это „массы", нули, созданіе стихійной эволюціи, которая съ ловкостью и быстротою шуллера, мѣняетъ формы физической и общественной жизни, мѣняетъ всю поверхность вселенной и каждую секунду творитъ баснословныя чудеса. По общему убѣжденію—стихійная общественная эволюція проворнѣе блохи, быстрѣе и поворотливѣе юлы, перемѣнчивѣе Протея. Она чуть не каждый день создаетъ эры и полагаетъ новыя условія бытія и мышленія.

А исторія движется медленно и природа никуда не торопится.

„Тамъ, гдѣ видъ сложился, *исторія* почти прекращается,—по крайней мѣрѣ, становится скромнѣе, развивается исподволь—въ томъ родѣ, какъ и планета наша. Дозрѣвши до извѣстнаго періода охлажденія, она мѣняетъ свою кору понемногу: есть наводненія, нѣтъ всемірныхъ потоповъ, есть землетрясенія тамъ сямъ, нѣтъ всеобщаго переворота... Виды останавливаются, консолидируется на разныхъ возможностяхъ,—больше или меньше, въ ту или другую сторону, односторонніхъ. Они ихъ удовлетворяютъ, перешагнуть ихъ они почти не могутъ, а если-бъ перешагнули, то въ смыслѣ той-же односторонности. Моллюскъ не домогается сдѣлаться ракомъ, ракъ—форелью, Голландія—Швеціей... Если-бъ можно было предположить животные идеалы, то идеалъ рака былъ бы тоже ракъ, но съ болѣе совершеннымъ организмомъ. Чѣмъ ближе страна къ своему окончательному состоянію, тѣмъ больше она считаетъ себя средоточіемъ просвѣщенія и всѣхъ совершенствъ, какъ Китай, стоящій безъ соперниковъ, какъ Англія и Франція, не сомнѣвающіяся въ своемъ антагонизмѣ, въ своемъ соревнованіи, въ своей взаимной ненависти, что онѣ передовыя страны міра. Пока одни успокаиваются на достигнутомъ, развитіе совершается въ несложившихся видахъ возлѣ, около *готоваго*, совершившаго свой циклъ вида". (V, 372).

Можно подумать, что это говоритъ не Герценъ, а Н. Я. Данилевскій. Такъ близка ихъ мысль даже по внѣшней формѣ. Очевидно, что наслѣдственный и преемственный прогрессъ самыхъ различныхъ народовъ по одной линіи,—этотъ чудовищный угорь зарапортововавшейся софистики,—не придушилъ живой и свѣжей мысли Герцена и не сдѣлалъ его жалкимъ рабомъ стихійности, т. е. безсознательности и безотвѣтственности.

VI.

Идейная лесть толпѣ.

Забавенъ и поученъ тотъ поводъ, который побудилъ Герцена высказать эти азбучныя и простыя истины объ устойчивости типовъ исторіи и природы,—истины, убѣдительныя и доступныя даже для дѣтскаго пониманія, но давно забытыя передовыми умами.

Къ нему зашелъ одинъ изъ тогдашнихъ Милюковыхъ и обрушился на него всею тяжестью идейной декламаціи.

— Вы съ большою чуткостью,—говорилъ онъ,—производите діагнозу современнаго человѣка, да только, разобравши всѣ признаки хронической болѣзни, вы говорите, что все это произошло отъ того, что паціенты—французъ или нѣмецъ. А тѣ, дома у насъ и въ самомъ дѣлѣ воображаютъ, что у нихъ-то и молодость, и будущность. Все, что намъ дорого въ преданіи, въ цивилизаціи, въ исторіи западныхъ народовъ, вы вырѣзываете безъ оглядокъ, безъ жалости, выставляя наружу страшныя язвы. И тутъ вы въ вашей прозекторской роли. Но валандаться вѣчно съ трупами вамъ надоѣло. И вотъ вы, отрекшись отъ всѣхъ идеаловъ въ мірѣ, сотворяете себѣ новый кумиръ,—не золотого тельца, а бараній тулупъ—да и давай ему поклоняться и славословить его: „абсолютный тулупъ, тулупъ будущности, тулупъ общинный, соціальный“! Вы, который сдѣлали себѣ изъ скептицизма должность и занятіе, ждете отъ народа, ничего не сдѣлавшаго, всякую благодать, новизну и оригинальность будущихъ общественныхъ формъ,—и въ ультра-фанатическомъ экстазѣ затыкаете уши, зажимаете глаза, чтобы не видать, что вашъ богъ въ грубомъ безобразіи не уступаетъ любому японскому кумиру, у котораго животъ въ три яруса, носъ ра-

сплюснутъ до скулъ и усы сардинскаго короля. Вамъ, что ни говори, какіе ни приводи факты, вы „въ восторгѣ нѣкомъ пламенномъ“ толкуете о весенней свѣжести, о благодатныхъ буряхъ, о много обѣщающихъ радугахъ, всходахъ! Чему-же дивиться, что наша молодежь, упившись вашей неперебродившей соціально-славянофильской брагой, бродитъ потомъ, отуманенная и хмѣльная, пока себѣ сломитъ шею или разобьетъ носъ объ *дѣйствительную* дѣйствительность нашу. Разумѣется, что ихъ, какъ васъ, протрезвить трудно: исторія, филологія, статистика, неотразимые факты вамъ обоимъ ни по чемъ.

— Позвольте, однако и я въ свою очередь скажу: надобно знать мѣру. Какіе же это *несомнѣнные* факты?

— Бездна.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, фактъ, что мы, русскіе, принадлежимъ и по языку, и по породѣ къ европейской семьѣ, genus europeum, и слѣдовательно, *по самымъ неизмѣннымъ законамъ физіологіи должны идти по той-же дорогѣ*. Я не слыхалъ еще объ уткѣ, которая, принадлежа къ породѣ утокъ, дышала бы жабрами...

— Представьте себѣ, что и я не слыхалъ“... (V, 401).

„Я ненавижу, особенно послѣ бѣдъ 1848 г.,—говорилъ Герценъ въ другомъ мѣстѣ,—демагогическую лесть толпѣ. Но аристократическую клевету на народъ ненавижу еще больше“. (II, 24—25).

Нашимъ Милюковымъ никакъ не уйти съ честью изъ этого Кавдинскаго ущелья. Въ мирное время они не находятъ достаточно оскорбительныхъ словъ для „темнаго и невѣжественнаго“ народа, во имя своей мнимой культурности всячески бранятъ и поносятъ его. Въ немирное время они ползаютъ передъ нимъ на брюхѣ и „вооруженный народъ“ становится ихъ фетишемъ, ихъ послѣднею надеждою, самымъ грознымъ и величавымъ изъ ихъ девизовъ. На самомъ дѣлѣ, конечно, и въ томъ и другомъ случаѣ донъ-Кихоты научности и революціи въ обоихъ случаяхъ имѣютъ дѣло съ вѣтряными мельницами и въ имени народа воплощаютъ свои домотканныя бредни.

„Ученый другъ мой, — говоритъ Герценъ про своего софиста-собесѣдника,— приходившій возмущать покой моей берлоги, принимаетъ за *несомнѣнный фактъ*, за *несомнѣнный физіологическій законъ*, что, если *русскіе* принадлежатъ къ европейской семьѣ, имъ

предстоитъ таже дорога и тоже развитіе, которое совершено романо-германскими народами. Но въ сводѣ физіологическихъ законовъ такого § не имѣется“ (V, 402).

Такъ изъ мечтательнаго невѣжества создается современная научность! Свои случайныя мечты разные Милюковы выдаютъ за послѣднее слово науки и „мыслящая Россія“, съ наукою незнакомая, вѣритъ имъ на слово.

VII.

Отвѣтственность въ исторіи.

Клиническая картина современнаго мышленія дополняется мечтательнымъ суевѣріемъ о всемогуществѣ стихійнаго общественнаго процесса и о полномъ безсиліи личности. Можетъ быть, именно изъ этого потаеннаго сознанія о ничтожествѣ личности, выброшенной изъ жизни и плавающей въ идейномъ эѳирѣ „безъ руля и безъ вѣтрилъ“, и вызванъ этотъ видъ холопскаго идолопоклонства. Обособленная личность не знаетъ, что надо дѣлать и куда идти, поэтому не сознаетъ отвѣтственности за свою прихотливую блажь, чувствуетъ себя „самодержавной“ для всякой порочности и всякаго преступленія и поэтому въ общественной жизни требуетъ для себя амнистіи, возлагая отвѣтственность за себя на среду, ходъ событій и эволюцію. Если судить по идеологіи, люди еще никогда не были такъ ничтожны, такъ плутоваты и трусливы, такъ лѣнивы и лукавы, какъ въ наши дни.

„Чѣмъ кончилось польское возстаніе, невозможное по несоразмѣрности силъ?

„Каково теперь на совѣсти тѣхъ, которые подталкивали поляковъ?

„На это говорятъ наши противники съ какимъ-то философскимъ фатализмомъ:

„Избраніе путей исторіи не въ личной власти; не событія зависятъ отъ лицъ, а лица отъ событій. Мы только мнимо заправляемъ движеніемъ, но въ сущности плывемъ, куда волна несетъ, не зная, до чего доплывемъ“.

„Пути вовсе не неизмѣнимы. Напротивъ, они-то и измѣняются съ обстоятельствами, съ пониманіемъ, съ личной энергіей. Личность соз-

дается средой и событіями, но и событія осуществляются личностями и носятъ на себѣ ихъ печать: тутъ взаимодѣйствіе. Быть страдательнымъ орудіемъ какихъ-то независимыхъ отъ насъ силъ намъ не по росту. Чтобы стать слѣпымъ орудіемъ судебъ, бичомъ, палачомъ божіимъ, надобно наивную вѣру, простоту невѣдѣнія, дикій фанатизмъ и своего рода младенчество мысли. Честно мы не можемъ брать на себя ни роль Аттилы, ни даже роль Антона Петрова. Принимая ихъ, мы должны будемъ обманывать другихъ или самихъ себя. За эту ложь намъ придется отвѣчать передъ своею совѣстью и передъ судомъ близкихъ намъ по духу". (V, 449—450).

Аттила не боялся отвѣтственности за свои разбойничьи подвиги. Онъ чувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы ставить себя выше всякой отвѣтственности. Но Аттилы нашихъ дней — жалкіе трусы. Чтобы не подвергнуться отвѣтственности, они кричатъ, будто бы пакостятъ и безчинствуютъ для блага человѣчества. Если возьметъ верхъ противная партія, они не будутъ каяться даже въ теоретической ошибкѣ: въ жизни и въ исторіи *все* стихійно, т. е. *все* глупо и при универсальной глупости личностей никто за свою собственную глупость не отвѣтчикъ. Тамъ, гдѣ за все отвѣтственность несутъ на себѣ среда и эволюція, нѣтъ цѣлей въ жизни, нѣтъ смысла въ дѣятельности, нѣтъ совѣсти въ сердцѣ, нѣтъ ума въ засохшемъ мозгу.

VIII.

Разбитыя надежды.

Это мертвое механическое мышленіе, эта истощенность анемичнаго мозга, эта ограниченность пониманія—могутъ и должны возбуждать самыя тревожныя опасенія для будущаго. Всѣ передовые умы полны мечтами о счастьи, но все счастье у нихъ сводится только къ сытости. Дальше ихъ фантазія не идетъ. Въ грезахъ объ этомъ „золотомъ вѣкѣ" интеллигенція живетъ отъ колыбели до могилы.

„Часть образованнаго міра страждетъ стародѣвическою тоской— о счастьи, которое она не утратила, а вовсе не имѣла. И вмѣсто того, чтобы твердо рѣшиться на вдовство безъ замужества, хнычетъ о

томъ, что *идеалъ* молодыхъ лѣтъ не похитилъ, не увезъ ее... Что дѣлать? Не увезъ,—а теперь поздно...

„Люди досадуютъ за то, что у нихъ нѣтъ крыльевъ, и отъ этого не заботятся объ обуви. Тягость европейской жизни въ наиболѣе развитыхъ слояхъ въ прямой зависимости отъ ея ложнаго положенія между несбыточными мечтами и пренебреженіемъ того, что есть". (V, 391).

„Мудрено-ли послѣ этого, что мы не умѣемъ уладить ни внутренняго, ни внѣшняго быта, лишнее требуемъ, лишнее жертвуемъ, пренебрегаемъ возможнымъ и негодуемъ на то, что невозможное нами пренебрегаетъ: возмущаемся противъ естественныхъ формъ жизни и покоряемся произвольному вздору". (V, 177).

Жизнь, которую передовые умы называютъ жизнью, только призрачное существованіе, невеселый монотонный досугъ людей сытыхъ и праздныхъ, платоническій порывъ импотентовъ. А реальная жизнь—внѣ круга ихъ наблюденія, внѣ ихъ контроля, внѣ ихъ вліянія. Они, какъ имъ кажется, ушли слишкомъ высоко, такъ высоко, что дальше и дороги нѣтъ.

„Фанатическія вѣрованія въ осуществимость гармоническаго порядка, общаго блаженства, въ осуществимость истины, *потому что она истина*, это отрѣшеніе отъ всего частнаго, личнаго, эта преданность, переживающая всѣ испытанія, всѣ удары,—это-то и есть *вершина*. Гора окончена. Выше, дальше—холодный воздухъ, мгла, ничего. Опять спускаться? Отчего нельзя продолжать? Отчего Монбланъ не стоитъ на Чимборазо и Гималай не продолжаетъ ихъ? Какова бы была гора"? (V, 369—370).

Какъ бы ни была высока эта гора, но на ней тѣсно и холодно. Съ нея надо спускаться: ни климатъ, ни флора, ни фауна не соотвѣтствуютъ организму жителя долинъ. Эта гора—только мгновеніе, только случайный подъемъ. Ночевать на ней нельзя. *Надо* спускаться и, спускаясь, крѣпко подумать, истина-ли то, что считалось за истину и разумъ-ли то, что привело насъ къ этой туманной и никому не нужной истинѣ. При свѣтѣ этого вопроса горный туманъ пропадаетъ. Горы—для туриста, а не для поля или пастбища.

„Тому, кто прозрѣлъ эту европейскую Майю, которая гораздо прозрачнѣе и безтѣлеснѣе великой Майи индусовъ, скучно и сиротливо

живется на свѣтѣ. Безсиліе того, что привыкли называть умомъ, наукой, прогрессомъ, цивилизаціей, искусственность и вымученность модной идейной декламаціи, нелѣпость риторическаго паѳоса, дешевая гниль напускнаго негодованія, дѣтская наивность глупаго восторга, шаблоны проклятій и благословеній — весь пестрый маскарадъ идейнаго балагана — передъ строгимъ испытующимъ взоромъ обнажаетъ все свое духовное ничтожество, свою рыночную продажность, свое уличное фокусничество.

„Мнѣ-же особенно посчастливилось,—говоритъ Герценъ. — Мѣсто въ анатомическомъ театрѣ досталось славное и возлѣ самой клиники. Не стоило смотрѣть въ атласъ, ходить на лекціи парламентской терапіи и метафизической патологіи: болѣзнь, смерть и разложеніе совершались передъ глазами“.

„Десять лѣтъ!

„Былъ досугъ всмотрѣться въ эту жизнь,—въ то, что дѣлалось вокругъ. Но мое мнѣніе не измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ въ сорокъ восьмомъ году я осмѣлился, еще съ нѣкоторымъ ужасомъ, разобрать на лбу этихъ людей цицероновское vixerunt!

„Съ каждымъ днемъ я бьюсь болѣе и болѣе объ непониманіе этихъ людей, объ ихъ равнодушіе ко всѣмъ интересамъ, ко всѣмъ истинамъ, объ легкомысленную вѣтряность ихъ стараго ума, объ невозможность растолковать имъ, что рутина не есть безапеляціонный критеріумъ, и привычка — не доказательство. Иногда я пріостанавливаюсь. Мнѣ кажется, что лучшее время пришло. Я стараюсь быть непослѣдовательнымъ: мнѣ кажется, напримѣръ, будто стѣсненное слово во Франціи выростаетъ въ мысль... Я жду, надѣюсь... Бываетъ-же иногда и исключеніе! Будто что-то брезжитъ... Нѣтъ, ничего!“ (V, 366).

IX.

Вѣра въ Россію.

Но въ этой безпроглядной ночи вдругъ загорѣлся новый свѣтъ, совсѣмъ неожиданный и даже невидимый для каждаго настоящаго западника. Lux ex oriente! Въ безрадостномъ и безутѣшномъ пессимизмѣ, къ которому привелъ Герцена трезвый и строгій анализъ холодной

интеллигенціи съ ея мечтами и теоріями, пробилась брешь. Въ сознаніе вмѣсто книжной пыли проникла живая, непочатая сила съ инымъ кругомъ понятій, съ иною совѣстью, съ другимъ складомъ жизни. Нашлось что-то такое, что спасло Герцена, какъ отъ барскаго эпикуреизма, такъ и отъ идейнаго омертвѣнія мозга.

Была минута, когда ему было очень тяжело, когда онъ боялся за свою послѣднюю крѣпкую вѣру.

„Гдѣ революція? Гдѣ Грановскій?... Осталась еще вѣра въ Россію. Неужели и отъ нея придется отвыкать?“ (II, 394).

Но эта вѣра не измѣнила Герцену. Отъ нея отвыкать не пришлось.

„Начавши съ крика радости при переѣздѣ черезъ границу, я окончилъ моимъ духовнымъ возвращеніемъ на родину.

„Вѣра въ Россію спасла меня на краю нравственной гибели“. (V, 2).

Какъ же родина могла сдѣлать то, чего не могли сдѣлать чужіе края?

„Условія, свойства русской жизни, русскаго бытія---иныя, оригинальныя, *свои*. Этого ни признать, ни изслѣдовать никто ни хочетъ. Особенность-же его ставится ему въ преступленіе на томъ основаніи, на которомъ французъ не можетъ простить англичанину, что онъ обѣдаетъ безъ салфетки, а англичанинъ французу, что онъ носитъ бороду. Западная цивилизація срѣзывается на своемъ первомъ слѣдственномъ допросѣ своей собственной нетерпимостью и остается при одномъ негодованіи“. (VI, 221).

„Пусть узнаютъ европейцы своего сосѣда. Они его только боятся Надо имъ знать, чего они боятся.

„До сихъ поръ мы были непростительно скромны и, сознавая свое тяжкое положеніе безправія, забывали все хорошее, полное надежды и развитія, что представляетъ наша народная жизнь. Мы дождались нѣмца для того, чтобы рекомендоваться Европѣ. Не стыдно-ли?

„Успѣю-ли я что сдѣлать?.. Не знаю,—надѣюсь“. (V, 173).

Нѣмецъ, рекомендовавшій насъ Европѣ, это, конечно, Гакстгаузенъ.

„Народъ русскій, широко раскинувшійся *между* Европой и Азіей, принадлежащій какимъ-то двоюроднымъ братомъ къ общей семьѣ народовъ европейскихъ,—не принималъ почти никакого участія въ се-

мѣйной хроникѣ запада. Сложившійся туго и поздно, онъ долженъ внести или свою неспособность къ развитію или развить что-нибудь свое подъ вліяніемъ былаго и заимствованнаго, сосѣдняго примѣра и угла отраженія". (V, 403).

„Русскій народъ, милостивый государь, живъ, здоровъ и даже не старъ: напротивъ того, очень молодъ,—писалъ Герценъ И. Мишлѣ („Русскій народъ и соціализмъ").—Умираютъ люди и въ молодости. Это бываетъ. Но это ненормально". (V, 263).

И это совсѣмъ неожиданно? Въ прославленномъ западникѣ вы не предполагали чистокровнаго славянофила? Въ его посылкахъ вы не замѣчали необходимыхъ выводовъ? Вамъ трудно связать начала съ концами? Отъ васъ ускользнули промежуточныя звенья въ стальной цѣпи логическихъ заключеній? Вы еще не вѣрите глазамъ и хотите провѣрить послѣднія станціи пройденной дороги?

Что-же? Можно будетъ сдѣлать и это для школьной наглядности, для тѣхъ умовъ, которые ощупью бродятъ по дорогѣ выводовъ.

X.

Повторять-ли Европу?

Что-же скрывало и скрываетъ отъ запада и западниковъ важный и огромный фактъ яркой самобытности русскаго народа?

„Это одна изъ старческихъ ошибокъ западныхъ народовъ. Они думаютъ, что имѣютъ монополь историческаго бытія и единоспасающую форму образованія. Все самобытное и независимое кажется имъ варварскимъ и крамольнымъ. Все новое обижаетъ ихъ, какъ нелѣпость. Къ тому же они до такой степени привыкли думать и разсуждать по своимъ шаблонамъ, что они не понимаютъ ничего, не подходящаго подъ нихъ. Въ той *неспособности* славянъ, въ которой нѣмцы видятъ низшую, недоразвившуюся *до нихъ* натуру, мы видимъ залогъ *нашего будущаго развитія*"! (VI, 240).

А это главный козырь въ азартной игрѣ интеллигенціи. Внѣ Европы нѣтъ общественной жизни, нѣтъ разума, нѣтъ совѣсти. Творчество — истощено до тла. Единственная задача человѣчества—тащиться по кровавымъ слѣдамъ хищнаго запада и подражать ему во всемъ.

Но это сонъ идейнаго невѣжества. Когда факты дадутъ себя знать и теоріи упадутъ, ненависть и месть народа дадутъ понять интеллигенціи, что она ошиблась, что она спала, выпустивъ изъ рукъ компасъ разума и совѣсти.

„Какъ бы то ни было, но теперь вопросъ собственно вотъ въ чемъ: имѣя западную фасаду и формы безъ лучшей стороны содержанія, что намъ придется,—разбить-ли чужія формы или усвоить чужое содержаніе?

„То, что въ Европѣ есть общечеловѣческое,—т. е. наука и больше ничего,—само собою принадлежитъ всѣмъ, какъ воздухъ принадлежитъ каждому, имѣющему легкія. Стало быть, рѣчь не о наукѣ, а о томъ, могутъ-ли другіе результаты западнаго развитія усвоиться нами, не мѣшая нашему собственному росту или мы разовьемъ какіе-либо иные историческіе элементы“? (VI, 318).

„Серьезный вопросъ не въ томъ, которое состояніе лучше и выше, — европейское, уравновѣшенное, правильное, или наше хаотическое, гдѣ только однѣ рамы какъ-то сколочены, а содержаніе вяло бродитъ или дремлетъ въ какомъ-то допотопномъ растворѣ, въ которомъ едва сдѣлано различіе свѣта и тьмы, добра и зла. Тутъ не можетъ быть двухъ рѣшеній.

„Остановиться на этомъ хаосѣ мы не можемъ. Это тоже ясно. Но для того, чтобы *сознательно* выйти изъ него, намъ предстоитъ другой вопросъ для разрѣшенія: есть-ли путь европейскаго развитія единый возможный, необходимый, такъ что каждому народу, гдѣ-бы онъ ни жилъ, какіе-бы антецеденты ни имѣлъ, должно пройти имъ, какъ младенцу прорѣзываніемъ зубовъ, сростаніемъ черепныхъ костей и проч.? Или оно самобытный случай развитія, имѣющій въ себѣ общечеловѣческую канву, которая сложилась и образовалась подъ вліяніями частными, индивидуальными, вслѣдствіе извѣстныхъ событій, при извѣстныхъ элементахъ, при извѣстныхъ помѣхахъ и отклоненіяхъ? И въ такомъ случаѣ не странно-ли намъ повторять теперь всю длинную метаморфозу западной исторіи, *зная впередъ* le secret de la comédie, т. е. что со всѣмъ этимъ развитіемъ рано или поздно насъ такъ-же причалитъ къ той межѣ, передъ которой вся Европа свернула паруса и, испугавшись, гребетъ назадъ“... (VI, 274).

Послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и мы,

и Европа совсѣмъ не тѣ. И мы, и Европа стоимъ у какого-то предѣла. И мы, и она коснулись чертъ, которой оканчивается томъ исторіи.

„Тогда западные люди еще не знали своей границы. Они свой бытъ высокомѣрно принимали за идеалъ всѣхъ народовъ. Они соглашались, что въ немъ надобно кое-что почистить, но въ фондѣ никто не сомнѣвался“...

„Тогда, униженные, забитые, и мы вѣрили въ западный бытъ и мы —тянулись къ нему.

„Теперь—западъ пошатнулся. Мы вышли изъ оцѣпенѣнья. Мы рвемся куда-то, онъ стремится удержаться на мѣстѣ. Черта, до которой мы дошли, значитъ, что мы кончили ученическое подражаніе, что намъ слѣдуетъ изъ Петровской школы становиться на свои ноги и не твердить больше чужихъ задовъ. Въ идеѣ, въ меньшинствѣ мыслящихъ людей, въ литературѣ, въ казематахъ,—мы прожили западную исторію, и будто теперь намъ надобно ее повторять оптомъ“. (VI, 274).

Давно это было сказано. Много воды утекло съ тѣхъ поръ. Но не впрокъ пошло мудрое и вѣрное предсказаніе Герцена. Петры Великіе не переводились среди идейныхъ дикарей. Теперь они разошлись во всю, работаютъ бомбами и дубинами и хотятъ повторить всю исторію запада отъ начала до конца. Надо надѣяться, что это послѣдній опытъ палачей и фанатиковъ. Жизнь не приметъ ихъ теорій и, какъ злокачественную грязь, выброситъ ихъ утопіи. Въ безсильномъ гнѣвѣ имъ придется сознаться, что ни фанатизмъ, ни тираннія не могутъ повернуть жизнь по указкѣ младенческой безграмотности. Когда рабочіе начинаютъ руководить интеллигенціей, это прежде всего свидѣтельствуетъ о первобытномъ невѣжествѣ интеллигенціи.

„Что европейскія гражданскія формы были несравненно выше не только старинныхъ русскихъ, но и теперешнихъ,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. И вопросъ не въ томъ, догнали-ли мы западъ или нѣтъ, а въ томъ, слѣдуетъ-ли его догонять по длинному шоссе его, когда мы можемъ пуститься въ объѣздъ. Намъ кажется, что, пройдя западной дрессировкой, подкованные ей, мы можемъ стать на свои ноги и вмѣсто того, чтобы твердить чужіе зады и прилаживать стоптанные сапоги,—намъ слѣдуетъ подумать, нѣтъ-ли въ народномъ быту, въ народномъ характерѣ нашемъ, въ нашей мысли, въ нашемъ художествѣ чего-нибудь такого, что можетъ имѣть притязаніе на устройство, несрав-

ненно высшее западнаго. Хорошіе ученики часто переводятся черезъ классъ". (VI, 260—261).

XI.

Западъ и славянство.

„Неужели вы въ самомъ дѣлѣ не видите, въ чемъ дѣло? Историческія формы западной жизни—въ одно и тоже время будучи *несравнимо-выше* политическаго устройства Россіи, не соотвѣтствуютъ больше современной нуждѣ, современному пониманью. Это пониманье развилось на западѣ, но съ той минуты, какъ оно было сознано и высказано, оно сдѣлалось общечеловѣческимъ достояніемъ всѣхъ понимающихъ. Западъ носитъ въ себѣ зародышъ, но желаетъ продолжать свою прежнюю жизнь и дѣлаетъ все, чтобы произвести абортивъ. Кто изъ нихъ останется живъ—мать-ли, ребенокъ-ли, или какъ они примирятся,—этого мы не знаемъ. Но что мать представляетъ больше воспоминаній, а зародышъ больше надеждъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

„Въ виду этой борьбы возникаетъ страна, имѣющая только маску, и то проскверную, западной гражданской жизни, только ея фасадъ, и народный бытъ, неразвитый, полудикій, но нисколько не похожій на народный бытъ европейскихъ народовъ. Онъ въ своей маскѣ такъ-же мало можетъ идти, какъ Европа въ своей кожѣ. Что-же ему дѣлать? Слѣдуетъ-ли ему пройти всѣми фазами западной жизни для того, чтобы дойти въ потѣ лица, съ подгибающимися колѣнами, черезъ рѣки крови—до того-же выхода, до той-же идеи будущаго устройства и невозможности современныхъ формъ, до которыхъ дошла Европа? И при томъ зная впередъ, что все это *не въ самомъ дѣлѣ*, а только для какого-то искуса. Да развѣ вы не видите, что это безумно? Довольно, что мы постоянно играемъ въ маневры и представляемъ мирную борьбу. Зачѣмъ-же еще представлять прошлую исторію цивилизаціи?

„А потому существенный вопросъ въ томъ,—*какъ* относится нынѣ народный бытъ не къ обмирающимъ формамъ Европы, а къ тому новому идеалу ея будущности, передъ которымъ она поблѣднѣла, какъ передъ головой Медузы". (VI, 278—279).

Въ этомъ освѣщеніи Герценъ ставитъ вопросъ и о славянскомъ мірѣ вообще.

„Чего домогается этотъ *нѣмой* міръ, прожившій въ постоянномъ

a parte, не раскрывая рта, цѣлый рядъ столѣтій, со времени переселенія народовъ до нашихъ временъ.

„Міръ странный, не имѣющій почти ничего общаго ни съ Европой, ни съ Азіей.

„Европа занята крестовыми походами. Славяне сидятъ спокойно дома.

„Европа развиваетъ феодальную систему, строитъ большіе города, составляетъ законодательства, основанныя на римскомъ правѣ и на германскихъ обычаяхъ; Европа становится послѣдовательно протестантской, либеральной, парламентской, революціонной. Славяне не имѣютъ ни большихъ городовъ, ни аристократическаго дворянства; они не понимаютъ римскаго права, не знаютъ различія между крестьяниномъ и горожаниномъ; они предпочитаютъ жизнь сельскую и сохраняютъ патріархальныя и демократическія учрежденія,—свою сельскую общину и вѣче.

„Часъ этихъ народовъ еще не пробилъ. Они всѣ въ ожиданіи чего-то. Ихъ теперешнее status quo какое-то предварительное состояніе. Такъ, по крайней мѣрѣ, кажется“. (V, 305—306).

„Я не фаталистъ и ни въ какія предопредѣленія не вѣрю, ни даже въ пресловутое „совершенствованіе человѣчества“. Природа и исторія плетутся себѣ со дня на день и во вѣки вѣковъ, сбиваясь съ дороги, прокладывая новыя, попадая на старыя, удивляя то быстротой, то медленностью, то умомъ, то глупостью, толкаясь всюду, но идя только туда, гдѣ ворота отперты. Говоря о возможномъ развитіи, я не говорю о его *неминуемой необходимости*. Что изъ возможнаго осуществится, что нѣтъ,—я не знаю, потому что въ жизни народовъ очень много зависитъ отъ лицъ и воли. Я чую сердцемъ и умомъ, что исторія толкается именно въ наши ворота. Если мы безсильны ихъ отворить, а сильные не хотятъ или не умѣютъ, дальнѣйшее развитіе прошедшаго найдетъ болѣе способные органы въ Америкѣ, въ Австраліи, гдѣ гражданственность складывается совсѣмъ на иной ладъ. Можетъ, и сама Европа переработается, встанетъ, возьметъ одръ свой и пойдетъ по святой землѣ, подъ которой лежитъ столько мучениковъ и на которую пало столько поту и столько слезъ. Можетъ быть!“ (V, 338).

„О странномъ и независимомъ положеніи русскаго относительно

Европы, этого *своего и чужого*, мы говорили много разъ. Мысль запада легко усвояется нами. У насъ нѣтъ азіатскаго отвращенія отъ науки. Историческій бытъ его для насъ необязателенъ. Для насъ все это одинъ костюмъ. Сверхъ того, на западѣ мы были знакомы съ однимъ образованнымъ слоемъ. Отдѣленные отъ своего народа, мы и съ нимъ потеряли связь. Его *незападный* бытъ былъ непонятенъ намъ, да и не интересовалъ насъ. Можетъ быть, западъ коснулся вопросовъ, несовмѣстныхъ съ его государственными формами, и на первый случай срѣзался. И мы вспомнили тутъ особенно ярко, что подъ внѣшними западными формами русскаго государства, сохранился какой-то *иной* народный бытъ, основанный на *иномъ понятіи* объ отношеніи человѣка *къ землѣ* и *къ ближнему*“ (VI, 314).

„Къ землѣ и къ ближнему“... Важно и то, и другое. Отношенія къ ближнему, конечно, еще важнѣе отношеній къ землѣ, хотя они неразрывно связаны между собою. Но Герценъ, смотрѣвшій на русскую деревню изъ дали европейскихъ столицъ, лучше видѣлъ внѣшнюю сторону мужицкаго уклада, т. е. его отношенія къ землѣ, а не духъ жизни, проявляющійся въ отношеніяхъ къ ближнимъ. Тутъ, конечно, серьезной помѣхой былъ духъ матеріализма и эпикурейскій складъ мышленія, отъ котораго Герценъ никогда не могъ освободиться. Въ этомъ объясненіе неполноты и недосказанности его конечныхъ выводовъ.

Н. М. Соколовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ вопросу о смертной казни.

(По поводу сужденій о ней въ періодической печати).

«Царствіе Божіе внутрь васъ есть».

Тревожныя событія нашего времени снова съ особенною силою выдвинули вопросъ о смертной казни. На него горячо откликнулась наша пресса. Въ ней раздались голоса православныхъ пастырей, юристовъ и прочихъ лицъ. Одни высказались за смертную казнь, примѣняемую въ крайнихъ случаяхъ. Другіе негодующе протестовали противъ смертной казни и назвали сторонниковъ ея „палачами“ и „убійцами“!.. Очевидно, „Юпитеры“, потерявъ душевное равновѣсіе, забыли, что вопросъ о смертной казни имѣетъ свою вѣковую исторію; что онъ является своего рода „Гордіевымъ узломъ“, котораго нельзя разсѣчь однимъ взмахомъ пера; что положительно рѣшали его Кантъ, Гегель, Сталь, Тренделенбургъ и другіе *философы и мыслители*.

Насъ въ данномъ случаѣ интересуютъ собственно сужденія православныхъ пастырей, высказавшихся въ прессѣ противъ смертной казни. Что касается другихъ лицъ, преимущественно юристовъ, то о нихъ мы скажемъ коротко.

Въ своемъ отрицаніи смертной казни эти лица исходятъ изъ ложныхъ воззрѣній на сущность права. По установившемуся мнѣнію, подъ правомъ разумѣется организованная защита отношеній гражданъ въ данномъ государствѣ [1]). Тамъ, гдѣ такая защита признана, „сила перестаетъ быть правомъ, а право становится силою“ [2]). Сила права заключается въ томъ, что оно въ своемъ сохраненіи и осуществленіи опирается на могущественную государственную власть и является воплощеніемъ идей правды и справедливости. Правдѣ присуща идея возмездія. И право посему требуетъ наказанія. Такъ что право прояв-

---

[1]) См. книгу Іеринга.—Цѣль въ правѣ. Русскій переводъ.

[2]) Проф. Фойницкій. Курсъ уголовн. судопр. Изд. 2; стр. 126.

ляется или въ формѣ исполненія, или въ формѣ возмездія. Въ послѣднемъ случаѣ власть, призванная осуществлять и охранять право, выступаетъ „отмстителемъ въ наказаніе дѣлающему злое“ (Римл. 13, 4). Этимъ путемъ право возстановляетъ и подтверждаетъ за собою „всеобщее признаніе“ (Гегель), наглядно доказываетъ, что „нравственный порядокъ господствуетъ“ (Сталь). Наказаніе является собственно необходимою реакціею права противъ его нарушителей. Степень реакціи зависитъ отъ силы нарушенія. Отсюда съ неумолимою логикою вытекаетъ пропорціональность отношеній между преступленіемъ и наказаніемъ. Это требуется природою права, коренящеюся въ немъ идеею справедливости. За абсолютное преступленіе — убійство должно быть и абсолютное возмездіе—смертная казнь преступника... И законодательство, налагающее за убійство не смертную казнь, а только ограниченіе свободы, не соблюло бы закона, охраняющаго жизнь, во всей его святости; слѣдовательно, оно далеко не было-бы человѣчнымъ, напротивъ того, оно отреклось-бы отъ уваженія къ человѣческой жизни, было-бы несправедливымъ законодательствомъ (Сталь). Нѣтъ никакой соразмѣрности между жизнью, какъ-бы она ни была горька, и смертью, и такъ какъ жизнь обнимаетъ все существованіе, то и наказаніе за нее не можетъ заключаться ни въ какомъ иномъ возмездіи, какъ только опять въ лишеніи жизни (Кантъ и „Philos. des Rechts“ Гегеля). Правда, въ большинствѣ случаевъ нужно ограничить смертную казнь; но если упразднить ее закономъ, то за преступникомъ будетъ признано право на жизнь, котораго онъ не имѣетъ, отчего произойдетъ путаница въ понятіяхъ о правѣ, основывающихся на пропорціональности отношеній (Тренделенбургъ). И если, по мѣткому выраженію Іеринга, изъ двухъ заповѣдей: „не дѣлай беззаконія“ и „не терпи беззаконія“,— въ практической жизни болѣе важна вторая заповѣдь, менѣе—первая, то на ряду съ второю заповѣдью можно поставить заповѣдь: „наказывай соотвѣтственно преступленію“!..

Между тѣмъ, подъ вліяніемъ гуманизма и зародившихся въ Италіи въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, въ золотой вѣкъ естественныхъ наукъ, идей криминальной антропологіи въ наукѣ уголовнаго права произошелъ переворотъ. Центръ тяжести съ преступленія былъ перенесенъ на преступника. Со всею силою былъ выдвинутъ вопросъ: что-же такое преступникъ? И хотя этотъ вопросъ доселѣ не разрѣ-

шенъ, но подъ его вліяніемъ образовался въ наукѣ новый взглядъ на наказаніе, какъ *на средство исправленія преступника*. Понятно, что этимъ взглядомъ въ корнѣ подрывалось основное требованіе права, чтобы наказаніе соотвѣтствовало преступленію. Высшимъ преступленіемъ считалось лишеніе жизни. Но оно уже не могло влечь за собою и высшее наказаніе—смерть преступника. Жизнь послѣдняго была неприкосновенна и подлежала только исправленію. Отсюда шло отрицаніе смертной казни. Такимъ образомъ, общественное благо, охраняемое и олицетворяемое правомъ, приносилось въ жертву благу „преступнаго человѣка". Возвращался старый порядокъ, гдѣ „сила была правомъ", потому что общество, не находя организованной защиты своей безопасности,—защиты отъ убійцъ въ правѣ,—вынуждалось къ самоохранѣ на личный произволъ каждаго. Становилось яснымъ, что право не можетъ имѣть своею задачею исправленіе преступника; иначе оно перестанетъ быть правомъ. Милость къ преступнику, стремленіе исправить его—все это служитъ предметомъ не права, а христіанской любви, которая осуществляетъ право и сочетаваетъ съ нимъ—милость къ преступнику, въ зависимости отъ его внутренняго состоянія, стараніе исправить его. Здѣсь Церковь подаетъ государству руку. Здѣсь сбывается: „милость превозносится надъ судомъ" (Іак. 2, 13); „превозносится", но не отмѣняетъ справедливости права, суда! Когда-же подъ вліяніемъ ложно понятой гуманности и разныхъ вѣяній въ наукѣ, въ правѣ водворяется милосердіе на счетъ справедливости, когда рушится основа права, т. е. требованіе пропорціональности отношеній между преступленіемъ и наказаніемъ, тогда преступленія теряютъ свой ужасъ и преступникъ перестаетъ „бояться носящаго мечъ" (Римл. 13, 4). Гибельныя послѣдствія отъ этого неисчислимы!.. Почему въ европейскихъ кодексахъ доселѣ существуетъ смертная казнь, какъ высшее наказаніе за крайнее преступленіе.

Теперь разсмотримъ сужденія православныхъ богослововъ, высказавшихся въ прессѣ противъ смертной казни.

Съ наибольшею подробностью эти сужденія изложены въ *„Голосѣ священника о смертной казни и объ убійствѣ, какъ средствѣ политической борьбы"* [1]).

---

[1] «Волна» 1906 г. 1 янв. Харьк.

Опуская въ немъ все несущественное и къ дѣлу не относящееся, мы разберемъ только основныя положенія „Голоса“.

Впрочемъ, не лишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ по поводу весьма характернаго обвиненія, брошеннаго „Голосомъ“ пастырей по адресу тѣхъ, которые „молчатъ“ по вопросу о смертной казни.

„Мы всѣ—убійцы и палачи, пишутъ пастыри, если допускаемъ смертную казнь, если не кричимъ, не протестуемъ противъ нея. Молчаніе знакъ согласія, и мы, если молчимъ, то eo ipso соглашаемся“. Невольно хочется спросить „любвеобильныхъ“ пастырей-прокуроровъ, кто-же призналъ, что „молчаніе знакъ согласія“?

Житейскій обиходъ? Жаль, что пастыри въ такомъ источникѣ черпаютъ мудрость для составленія столь грозныхъ обвинительныхъ актовъ! Впрочемъ, при желаніи покопаться въ томъ-же арсеналѣ лучше, можно найти тамъ и другое: „слово—серебро; молчаніе—золото“. Значитъ, молчаніе не всегда—знакъ согласія!.. И въ Библіи на счетъ молчанія сказано: „всему свое время... время молчать, и время говорить... бываетъ обвиненіе, но не во время, и бываетъ, что иной молчитъ—и онъ благоразуменъ. Иной молчитъ, потому что не имѣетъ, что отвѣчать; а иной молчитъ, потому что знаетъ время. Мудрый человѣкъ будетъ молчать до времени, а тщеславный и безразсудный не будетъ ждать времени? Не давайте святыни псамъ, говоритъ Христосъ, и не бросайте жемчуга вашего предъ свиньями. Ясно, что молчаніе молчанію рознь. Можно молчать, потому что „время молчать“; можно молчать, потому что нечего отвѣчать (Мѳ. 22 гл. 34 ст.); можно молчать, потому что время обсуждать: такъ или иначе; можно молчать, потому что согласны; можно молчать, какъ молчалъ однажды Христосъ (Іоан. 8, 3—7) и т. д. и т. д... Признать-же за молчаніемъ исключительно значеніе *согласія* и для „Голоса“ врядъ-ли будетъ удачнымъ? Вѣдь пастыри выразили въ немъ свой „крикливый протестъ“ только въ январѣ 1906 г. Значитъ, если держаться логики названныхъ пастырей, то *до этого времени* они своимъ молчаніемъ выражали *согласіе* на смертную казнь и, такимъ образомъ, были „палачами и убійцами“? Если-же окажется, что осужденіе смертной казни *всегда* гнѣздилось *въ душѣ* пастырей, то почему-же нельзя допустить этого и относительно другихъ душъ, которыя en masse причислены пастырями къ „убійцамъ“ и „палачамъ“

за одно только „молчаніе“!.. Не напрасно-же Писаніе говоритъ: „не дѣлайте другимъ того, чего себѣ не хотите“?!..

Но обратимся къ разбору основныхъ мыслей „Голоса священника“. „Нѣтъ ничего на свѣтѣ ужаснѣе убійства“, заявляетъ „Голосъ“, разумѣя убійство тѣла человѣческаго. „Не бойтесь убивающихъ тѣло, души-же не могущихъ убить; а бойтесь болѣе того, кто можетъ и душу и тѣло погубить“—учитъ Христосъ. Разница, какъ видимъ, огромная! Въ „Голосѣ“ самымъ ужаснымъ признается зло физическое, въ Евангеліи—зло нравственное. По Евангелію, всякій, убивающій душу человѣка, убиваетъ *всего* человѣка: и душу и тѣло его; а убивающій тѣло человѣка, далеко еще не убиваетъ и души его. Это—азбука Писанія!.. Къ сожалѣнію, „Голосъ“ старается оправдать себя даже Писаніемъ, указывая, что въ немъ-де діаволъ—это „олицетвореніе зла“—называется „человѣкоубійцею“. Но наивность такой ссылки слишкомъ очевидна. Въ своей рѣчи къ іудеямъ Христосъ говорилъ о діаволѣ, какъ объ убійцѣ душъ первыхъ людей ложью (Іоан. 8, 44). Никакихъ тѣлъ человѣческихъ діаволъ не убивалъ „отъ начала“ и въ раю похоронъ не было. Тамъ произошла смерть духовная. И только уже послѣ нравственной смерти появились, какъ ея необходимыя слѣдствія, на землѣ физическія болѣзни и, наконецъ, тѣлесная смерть (Римл. 5, 12 ст. и др.). Въ смыслѣ перваго убійцы душъ человѣческихъ діаволъ и называется въ Писаніи „человѣкоубійцею“ и „отцомъ лжи“. Все это—„млеко“ Писанія!..

Если-же ужаснѣйшимъ зломъ по Евангелію является убійство души человѣка, то „Голосъ“, протестующій противъ *„самаго ужаснаго на свѣтѣ“*, долженъ былъ-бы „протестовать“ именно противъ отравы или убійства *души* человѣческихъ. Особенно—это долгъ пастырей Церкви, которые призваны насаждать Царство Божіе „внутрь“ людей.

Но если пастыри, вмѣсто лѣченія душъ человѣческихъ, станутъ бороться съ гнилыми плодами больныхъ душъ, да еще путемъ „крикливыхъ протестовъ“ и воплей: мы не допустимъ [1])..., то въ результатѣ

[1]) Характерны и весьма поучительны въ устахъ пастырей возгласы: „мы—всѣ убійцы и палачи, если допускаемъ смертную казнь, если не кричимъ, не протестуемъ противъ нея“... Или: „мы протестуемъ противъ смертной казни и противъ убійства, какъ средства политической борьбы. Мы протестуемъ противъ всякихъ убійствъ, разстрѣловъ, погромовъ и избіеній кого-бы то ни было. Довольно крови!“ Комментаріи излишни...

получится еще горшее зло, еще большая сумятица. За призракомъ лѣченія, какъ за надежною ширмою, зло спокойно станетъ расти въ глубь человѣка. Нужно взять въ послушаніе истинѣ душу человѣка и тогда гнилые плоды послѣдней, лишившись питанія, сами изсохнутъ. Всякая другая работа будетъ трудомъ Данаидъ...

Между тѣмъ „Голосъ“ не только этого не сознаетъ, но даже заявляетъ, что и солдатъ и революціонеръ, борющіеся за свои убѣжденія оружіемъ, —*„оба правы*, каждый со своей точки зрѣнія, *оба честные, хорошіе люди*“ [1]) и посему „Голосу священника“ *одинаково* (?!) жаль и убитаго революціонера и солдата, убитаго на своемъ посту. Признаемся, что ничего подобнаго мы не ожидали услышать отъ пастырей Церкви, у которыхъ должна быть *своя*, христіанская точка зрѣнія, и съ этой точки зрѣнія они обязаны были оцѣнить по достоинству убѣжденія солдата, за которыя онъ пошелъ и убѣжденія павшаго въ битвѣ революціонера [2]). Двухъ правдъ для христіанскаго пастыря нѣтъ. Одно изъ двухъ: или солдатъ правъ, а революціонеръ неправъ; или наоборотъ. Если-же окажутся оба неправыми, то пастырь обязанъ съ кротостью повѣдать имъ правду и плѣнить ею души ихъ. Тогда кончится между ними и борьба за убѣжденія. Страдалецъ-же за правду всегда и вездѣ удостоивался не только неизмѣримо большей жалости, чѣмъ погибшій за неправду, но и память о немъ пребывала благословенной (Мѳ. 5, 11; 1 Петр. 2, 19—20; 2 Тим. 2, 5). Это также—„млеко“ Писанія!.. Да, пастырямъ Церкви Христовой надлежитъ выступать не съ „крикливыми протестами“, по духу и формѣ подобными прокламаціямъ, а съ увѣщаніемъ ко всѣмъ творить отъ чистаго сердца дѣла Христовы, какъ единственно спасительныя для человѣка...

Но посмотримъ, что говорится далѣе въ „Голосѣ священника“. „Убійство—діаметрально противоположно любви... Господь Іисусъ Христосъ запрещаетъ Своимъ ученикамъ не только убійство, но и гнѣвливое, грубое отношеніе къ ближнимъ“... Такъ-ли? И во-первыхъ, *всякій*-ли гнѣвъ запрещенъ Христомъ? Въ Евангеліи сказано: „Я говорю вамъ, что всякій, гнѣвающійся на брата своего *напрасно*, подлежитъ суду“ (Мѳ. 5, 22). Значитъ, *не всякій*, а только *напрас-*

---

[1]) Курсивъ мой.

[2]) Впослѣдствіи *два* изъ пяти пастырей, подавшихъ «Голосъ», внесли поправку въ пользу солдата—«Волна» № 5.

ный гнѣвъ преступенъ, какъ преступна и всякая неправда. Справедливый-же гнѣвъ былъ присущъ и Христу и Богу-Отцу и Апостоламъ, и это понятно, потому что божественная любовь „не безчинствуетъ“ и „не радуется неправдѣ“. Такъ: Христосъ *„съ гнѣвомъ“* отнесся къ жестокосердымъ фарисеямъ (Мр. 3, 5) и однажды *„вознегодовалъ“* даже на учениковъ Своихъ (Мр. 10, 14); Апостолы говорятъ намъ о *„гнѣвѣ Божіемъ“* на людей, упорно подавляющихъ истину неправдою (Рим. 1, 18; 2, 4—8; 12, 19), и свидѣтельствуютъ, что *„гнѣвъ Божій“* вполнѣ мирится съ божественною „благостью“ и требуется божественнымъ правосудіемъ (Рим. 2, 4—5; 3, 5—8). Припомнимъ проявленіе гнѣва Христова въ храмѣ, какъ свидѣтельство „ревности“ Его по домѣ Божіемъ (Іоан. 2, 15—17). Негодовали на зло въ людяхъ и апостолы. Такъ *„вознегодовали“* они на сыновей Зеведеевыхъ (Мѳ. 20, 24); такъ вознегодовалъ ап. Павелъ (Дѣян. 16, 18)... И думается, что отвергать возможность *справедливаго* гнѣва—противно разуму и сердцу человѣка, любящаго правду.

Ну, а *убійство?* Всякое-ли убійство—„діаметрально противоположно любви“? Въ „Голосѣ“ говорится, что *всякое*. Къ сожалѣнію, ссылаясь на ученіе Христа, „Голосъ“ не только не привелъ полностью словъ Іисуса Христа относительно убійства, но и не сдѣлалъ никакихъ къ нимъ поясненій. Между тѣмъ въ данномъ случаѣ, какъ и въ вопросѣ о „гнѣвѣ“, необходимо процитировать слова Христа и пояснить ихъ. „Вы слышали, что сказано древнимъ: не убивай; кто же убьетъ, подлежитъ суду“,—такъ Христосъ подтверждаетъ ученикамъ древнюю заповѣдь (Мѳ, 5, 21).

Какъ видимъ, здѣсь не только запрещается убійство, но и совершившій убійство отдается „суду“. Что же это за „судъ“? Еще Ною Богъ сказалъ: „кто прольетъ кровь человѣческую, того кровь прольется рукою человѣка“. Моисей по повелѣнію Бога ввелъ *въ законъ* месть за кровь убитаго и убійца, *виновный* въ пролитіи крови человѣческой, подвергался смерти отъ родственниковъ убитаго. Впослѣдствіи, въ цѣляхъ уничтоженія злоупотребленій этимъ правомъ, дѣла убійцъ были переданы особымъ „судамъ“, состоявшимъ обычно изъ 23-хъ членовъ. Приговоры „судовъ“, опредѣляющіе смертную казнь убійцамъ, утверждались верховнымъ судилищемъ или „синедріономъ“. Затѣмъ „судъ“ приводилъ въ исполненіе смертный приговоръ. За этими-то „судами“

Христосъ и признавалъ право по прежнему вѣдать дѣла убійцъ. Значитъ, Христосъ допускалъ *возможность* смертной казни въ нарушеніе заповѣди: „не убій“ и рѣзко отличалъ такую казнь, какъ *возмездіе* за грѣхъ, отъ убійства, какъ *преступленія*.

Если-же, далѣе, признать, что *всякое* убійство, *всякая* смертная казнь —„діаметрально—противоположны любви“, то какъ тогда смотрѣть на убійства и казни, совершенныя Богомъ лично и чрезъ людей? Вѣдь примѣрами такихъ убійствъ и казней полна исторія ветхозавѣтной Церкви. Въ Новомъ-же Завѣтѣ мы видимъ Христа, то съ бичомъ въ рукахъ выгоняющаго изъ храма людей и животныхъ, разсыпающаго деньги у мѣновщиковъ, опрокидывающаго ихъ столы; то повторяющаго иными словами древнюю угрозу: „всѣ, взявшіе мечъ, *мечемъ* погибнутъ“ (Мѳ. 26, 52; ср. Бт. 9, 6). Замѣчательно, что на судѣ у Пилата Христосъ не только не отвергъ власти послѣдняго предавать извѣстнаго рода преступниковъ смертной казни, но прямо санкціонировалъ эту власть Божественнымъ происхожденіемъ!.. На вопросъ Пилата: не знаешь-ли, что я имѣю власть распять Тебя, и власть имѣю отпустить Тебя?—Іисусъ отвѣчалъ: „ты не имѣлъ-бы надо Мною никакой власти, еслибы не было дано тебѣ свыше“ (Ін. 19, 10 11). Укажемъ еще на казнь Ап. Петромъ Ананіи и Сапфиры, на ослѣпленіе Ап. Павломъ волхва. Не будемъ уже говорить объ Апостольскомъ *ученіи*, по которому человѣческія власти имѣютъ право силою меча наказывать преступниковъ: убійцъ, воровъ, злодѣевъ, посягающихъ на чужое (1 Петр. 2, 13—20; 4, 15; Римл. 13, 1 - 10)... [1]). И оспаривать съ христіанской точки зрѣнія *самую возможность* и *законность* наказанія властями преступниковъ, начиная отъ minimum'а и кончая maximum'омъ наказаній, отнюдь нельзя. Другое дѣло, когда говорятъ о *помилованіи* преступниковъ, о *смягченіи* наказанія,—тогда дѣйствительно въ такихъ рѣчахъ чувствуется настоящій духъ Христа,

[1]) Если ап. Павелъ (Римл. 13, 4) указываетъ на мечъ у начальниковъ, то безспорно, что этотъ мечъ здѣсь разумѣется, какъ знакъ «права меча» (jus gladii i. e. necis). По Ульпіану, „кто управляетъ всѣми провинціями, тотъ имѣетъ право меча“. Ап. Павелъ здѣсь говоритъ не только о языческомъ начальствѣ, но вообще о начальствѣ, и о томъ, что вытекаетъ отсюда. Ясно также, что мечъ не можетъ быть знакомъ карательной власти съ исключеніемъ смертной казни, но именно указываетъ на послѣднюю. (См. Лютардта, пер. А. Лопухина, ПБ. 1892 г. стр. 938-я).

сказавшаго: „блаженны милостивые, ибо они помилованы будутъ“. Писаніе ясно говоритъ: „милость превозносится надъ судомъ“, хотя милостивымъ нужно быть „съ разсмотрѣніемъ“ (Іуд. 22 ст.). И вотъ въ оказаніи дѣлъ *„милости“* къ преступникамъ и заключается святѣйшая обязанность пастырей Церкви.

„Запрещая всякое (?!) убійство, читаемъ далѣе въ „Голосѣ“, Господь запретилъ и смертную казнь. Къ нему привели женщину, взятую въ прелюбодѣяніи. По закону евреевъ ее нужно было побить камнями. Спросили у Іисуса, что съ ней дѣлать, желая обличить Его въ неуваженіи къ отеческимъ законамъ и зная напередъ (?!), что Онъ смертной казни не одобритъ (?!). Господь отвѣчалъ: „кто изъ васъ безъ грѣха, пусть первый броситъ въ нее камнемъ“ (нужно *точнѣе* приводить текстъ). Тогда строгіе судьи, обличаемые совѣстью, стали расходиться и оставили женщину одну, стоящую передъ Іисусомъ. Господь, наставивши ее на добрый путь, отпустилъ. Кого-же, спрашиваетъ „Голосъ“, послѣ приведенныхъ словъ Спасителя, можно казнить и кто имѣетъ право казнить (sic!..)? Грѣшникъ? Но сказано: „кто безъ грѣха, пусть броситъ камень“. Значитъ грѣшникъ не можетъ казнить, такъ какъ и самъ такой-же грѣшникъ, какъ и казнимый (sic!..). Праведникъ?—Но онъ не станетъ казнить, потому что любитъ“ (sic!!!)...

Передъ такою экскурсіею въ область богословской экзегетики остается только руками развести! Откуда „Голосъ“ взялъ, что фарисеи *напередъ знали, что Христосъ смертной казни не одобритъ*?.. Изъ ученія Христа *„о судѣ“* надъ убійцами, какъ мы уже знаемъ,— такого заключенія нельзя сдѣлать, да и никто его не дѣлалъ. И нашъ евангельскій текстъ, передающій событіе съ женщиною—прелюбодѣйцею также не даетъ никакого основанія къ такому заключенію. Новыхъ-же „египетскихъ“ текстовъ мы не знаемъ, а харьковскому не имѣемъ права вѣрить...

Да если-бы фарисеи дѣйствительно *„напередъ знали“*, что Христосъ отвѣтитъ вопреки закону Моисея, то что мѣшало имъ раньше, когда Христосъ такъ училъ, и въ данномъ случаѣ прямо предъявить ко Христу обвиненіе?!. Между тѣмъ они настойчиво *вымогаютъ* у Христа отвѣтъ и такъ формулируютъ свой вопросъ, что въ немъ нѣтъ и намека на то, что имъ уже вѣдомо ученіе Христа. А вѣдь такимъ умолчаніемъ они сами даютъ Христу возможность разрушить ихъ козни!

Другое дѣло, еслибы фарисеи спросили Христа: „Моисей заповѣдалъ въ законѣ побивать такихъ камнями, а Ты *училъ* иному. Что *теперь* скажешь?“ Картина рѣзко мѣняется. Думать-же, что совопросники Христа, опытные въ лукавыхъ вопросахъ, допустили навязанную имъ „Голосомъ“ оплошность,—крайне было-бы наивнымъ!

Не менѣе наивно и другое поползновеніе „Голоса“—это приписать фарисеямъ цѣль обвинить Христа только „въ неуваженіи къ отеческимъ законамъ“?!. Въ Евангеліи ясно сказано: „говорили это, искушая Его, чтобы найти *что-нибудь* къ обвиненію Его“. А *„что-нибудь“* могло быть и полное *согласіе* Христа съ закономъ Моисея. Фарисеи, иродіане и книжники обычно такъ вопрошали Христа, что и положительный и отрицательный отвѣтъ на ихъ вопросы равно могъ дать имъ поводъ къ обвиненію Христа. Такъ, напримѣръ, они вопрошали Христа о подати Кесарю. Иногда и Христосъ мѣрилъ имъ тою же мѣрою (Мр. 11, 28—33). Такъ было и въ случаѣ съ прелюбодѣйцею. Въ то время Палестина была подъ властью Римскаго Кесаря, отнявшаго у іудеевъ право смертной казни („намъ не позволено предавать смерти никого“—Ін. 18, 31). И вотъ, если бы Христосъ далъ согласіе на исполненіе закона Моисеева, то совопросники обвинили бы Его въ противленіи *кесарю*; но если бы Онъ отвергъ законъ Моисея, то его обвинили бы въ неуваженіи отеческихъ законовъ и въ предпочтеніи Кесаря Моисею. Посему Христосъ на такіе вопросы всегда отвѣчалъ такъ, что ни въ томъ, ни въ другомъ Его нельзя было обвинить. Такъ Онъ отвѣтилъ и на вопросъ о женщинѣ-прелюбодѣйцѣ. Зная коварство фарисеевъ, Христосъ въ то же время видѣлъ, что его совопросники сами же прелюбодѣи, только не *„взятые“* въ прелюбодѣяніи, благодаря своей хитрости. Предъ Нимъ они выступили не въ качествѣ оффиціальнаго *„суда“*, который по „отеческимъ законамъ“ вѣдалъ дѣла прелюбодѣйцевъ, а въ качествѣ добровольныхъ обвинителей—судей. Между тѣмъ послѣдніе и сами подлежали „суду“. Такимъ положеніемъ Своихъ совопросниковъ Христосъ и воспользовался. Онъ уклоняется отъ прямого и принципіальнаго рѣшенія поставленнаго Ему вопроса, а только даетъ понять коварнымъ вопрошателямъ, что они сами повинны въ грѣхѣ прелюбодѣянія. Не ожидавшіе такого оборота дѣла, когда изъ ловцовъ они превратились въ уловленныхъ,—фарисеи и книжники поспѣшили уйти.

Такъ Христосъ отвѣтомъ: „кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось на нее камень“—избѣжалъ обвиненія Его въ нарушеніи закона Моисея, потому что не отвергъ возможности наказанія прелюбодѣйцы по Моисееву закону; а также не проявилъ и противленія волѣ Кесаря, такъ какъ сдѣлалъ невозможнымъ осуществленіе этого наказанія въ данномъ случаѣ. Отпуская женщину, Христосъ сказалъ: «и Я не осуждаю тебя», но не потому опять, чтобы Христосъ отвергалъ «судъ» надъ прелюбодѣйцами и возмездіе за грѣхъ прелюбодѣянія, а потому, что женщина раскаялась и ей оставалось лишь *„впредь“* не грѣшить: „иди, и впредъ не грѣши“,—сказалъ Христосъ.

Извративъ смыслъ евангельскаго текста, «Голосъ» далѣе изъ словъ Христа дѣлаетъ такое, по-истинѣ, изумительное заключеніе: *„кого-же*,—спрашиваетъ онъ, послѣ приведенныхъ словъ Христа (разумѣются слова: „кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось на нее камень“), *можно казнить и кто имѣетъ право казнить?“* Не отвѣчая на первый вопросъ, такъ какъ на него отвѣтъ дается рѣшеніемъ вопроса: «кто имѣетъ право казнить?». «Голосъ» на этотъ послѣдній вопросъ отвѣчаетъ: «Грѣшникъ? Но сказано: кто безъ грѣха, пусть броситъ камень. Значитъ, грѣшникъ не можетъ казнить, такъ какъ и самъ такой же грѣшникъ, какъ и казнимый. Праведникъ? Но онъ не станетъ казнить, потому что любитъ».

Жалкая софистика! Не будемъ уже говорить о томъ, что въ словахъ Христа: «кто изъ васъ безъ грѣха»—разумѣлся грѣхъ прелюбодѣянія, за который и побивали камнями, а не вообще грѣхъ!... Не будемъ говорить и о томъ, что въ словахъ Христа: «пусть броситъ камень» ясно указана возможность для того, кто безъ грѣха, бросить камень!... Не будемъ говорить также и о томъ, что всѣ заключенія «Голоса» здѣсь лишены элементарной логики!... Но укажемъ на то, что «Голосъ» въ принципѣ отвергъ собственно *всякое* наказаніе «грѣшника», такъ какъ де *грѣшники не наказываютъ* грѣшника, а *праведники любятъ* грѣшниковъ!... А если нѣтъ тѣхъ, кто наказываетъ, то ясно, что нѣтъ и наказуемости, нѣтъ и наказуемыхъ! Дальше уже идти некуда!.. Вполнѣ понятно, что если оспаривается *возможность* борьбы со зломъ въ людяхъ путемъ физическихъ наказаній на томъ основаніи, что грѣшники не имѣютъ права наказывать, такъ какъ сами грѣшатъ, а праведники не наказываютъ, а лю-

бятъ, — то отсюда понятна невозможность для грѣшниковъ и вообще какой-либо, хотя бы то и духовной борьбы со зломъ въ другихъ, такъ какъ они сами грѣшники. Со зломъ могутъ бороться только праведники и опять только „любовью“. Интересно знать, къ какому разряду причисляютъ себя пастыри, подписавшіе «Голосъ»: къ «грѣшникамъ» или къ «праведникамъ»? Извѣстно, что они борятся со зломъ, — значитъ они „праведники“. Тогда остается только спросить ихъ: отъ кого ихъ праведность? Мы знаемъ, что Евангельская праведность и вообще Библейская всегда допускала возможность не только любви грѣшниковъ, но и наказанія упорныхъ и нераскаянныхъ людей, примѣры чего мы уже приводили.

Далѣе въ «Голосѣ» читаемъ: «Къ чести русскаго законодательства нужно сказать, что русское уголовное право, въ противоположность уголовному праву западныхъ государствъ, *не знаетъ* [1]) (sic!..) смертной казни. Тѣмъ ужаснѣе, непослѣдовательнѣе, несправедливѣе *факты* смертной казни у насъ въ Россіи»!

Выходитъ, что смертная казнь въ Россія является произволомъ правительства!.. Подобной нелѣпости въ наше время не скажетъ и школьникъ. Очевидно, что пастыри не поняли, въ чемъ дѣло. Въ уголовномъ правѣ преступленія дѣлятся на: общественныя, въ тѣсномъ смыслѣ, и личныя; что тоже: преступленія противъ общества и преступленія противъ личности. И вотъ въ то время, какъ въ *европейскихъ* кодексахъ: французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, венгерскомъ и другихъ существуетъ смертная казнь, какъ высшее наказаніе за преступленія противъ личности (квалифицированныя дѣйствія), въ нашемъ уголовномъ правѣ высшимъ наказаніемъ за тѣ же преступленія, именуемыя «тяжкими», является безсрочная каторга. Что же касается преступленій противъ общества, главнымъ образомъ преступленій *государственныхъ*, то и въ нашемъ Уложеніи 1845 г., и въ новомъ Уголовномъ Уложеніи 22 марта 1903 г. въ числѣ наказаній, какъ высшее наказаніе, полагается *„смертная казнь“*, совершаемая чрезъ повѣшеніе, непублично (Угол. Улож. ст. 2; ст. 15) и опредѣляемая за квалифицированныя преступленія *государственнаго* характера (ст. 99; 100; 101; 104; 108; т. 6-й). И мы удивляемся,

[1]) Курсивъ мой.

какъ это *юридическая* газета «Волна» допустила на своихъ столбцахъ такую «юридическую» простоту!...

«Страхомъ смертной казни нельзя запугать убѣжденнаго революціонера, или анархиста, отдавшагося всѣмъ существомъ своему дѣлу, ни убѣжденнаго черносотенника, ни закоренѣлаго злодѣя»,—говоритъ «Голосъ» и посему-де смертная казнь излишня.

Но при такомъ разсужденіи и *всякое* наказаніе является излишнимъ!... Ошибка такъ разсуждающихъ заключается въ томъ, что они наказанію приписываютъ цѣль запугиванія. Между тѣмъ запугиваніе не составляетъ сущности и цѣли наказанія. Наказаніе по существу своему есть возмездіе или «отмщеніе». Если же съ нимъ и связывается нѣчто запугивающее, то послѣднее является уже субъективнымъ чувствомъ каждаго отдѣльнаго человѣка. Наказаніе и боязнь наказанія нельзя смѣшивать. Посему, если бы въ извѣстномъ случаѣ и не было боязни наказанія, то послѣднее должно свершиться въ осуществленіе *своей* цѣли—возмездія. Иначе, и человѣческое и божественное право «закоренѣлыми злодѣями» будетъ попираться безнаказанно и вмѣсто «права» воцарится произволъ. Сверхъ того, необходимо принять во вниманіе, что наказаніе должно оцѣниваться не только съ точки зрѣнія личности преступника, но и по дѣйствію его на общество. А въ такомъ случаѣ кто станетъ утверждать, что съ ослабленіемъ наказаній уменьшатся въ обществѣ преступленія? Развѣ наказанія породили преступленія, а не наоборотъ: преступленія вызвали различныя наказанія?!. Пусть существуютъ груды уголовныхъ законовъ, пусть начальникъ носитъ мечъ, но если я не дѣлаю злого, то и законъ и мечъ не для меня. Я не только не чувствую тяжести ихъ, но даже не замѣчаю ихъ и живу по закону *Христовой свободы*. Но если я стремлюсь дѣлать злое, то изъ моихъ устъ будетъ раздаваться протестъ противъ *всякаго* наказанія, какъ своего рода плотины, преграждающей теченіе рѣки. И конецъ протеста совпадаетъ только съ концомъ наказаній. Но это настанетъ только тогда, когда человѣчество снова потеряетъ мѣрку отличія добра отъ зла и снова воскликнетъ: «что есть истина»?

„Злодѣю, рѣзавшему людей изъ-за денегъ, даруютъ жизнь, пишетъ „Голосъ“, а человѣка безусловно честнаго, правдиваго (sic!..), но лишь чрезмѣрно увлекшагося (sic!..) политической или соціальной идеей, до забвенія себя, до преступленія, казнятъ!“

Какая наивность! Кто-же не знаетъ, что интересы общества и государства выше интересовъ отдѣльнаго лица?!. И въ Писаніи сказано: „больше сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ *за други* своя“. Почему нарушеніе или посягательство на благо общества и государства всегда и вездѣ считалось неизмѣримо большимъ преступленіемъ, чѣмъ причиненный отдѣльному лицу вредъ. Большее-же преступленіе влечетъ за собою и большее возмездіе. Что-же касается „чрезмѣрныхъ увлеченій“, то они болѣе бываютъ присущи „злодѣю“ — грабителю, чѣмъ анархистамъ и революціонерамъ, которые сознательно и заранѣе возвели убійство непріятныхъ имъ лицъ *въ догматъ*!.. Во всякомъ случаѣ, крайне наивно требовать отмѣны смертной казни за политическія или соціальныя преступленія на томъ основаніи, что преступники „чрезмѣрно увлеклись идеей“!.. „Безусловная-же честность и правдивость“ никогда не вяжутся съ преступными дѣйствіями, съ заранѣе обдуманнымъ истребленіемъ должностныхъ лицъ, съ метаніемъ бомбъ и прочими революціонно-анархическими аттрибутами.

Въ своемъ „увлеченіи“ противъ смертной казни пастыри въ „Голосѣ“ дошли до того, что даже св. Серафима Саровскаго привлекли къ защитѣ своихъ положеній. „Вспомнимъ хоть нашего недавно прославленнаго угодника Божія, преподобнаго Серафима Саровскаго, пишутъ они. На него напали въ лѣсу разбойники, думая, что у него есть деньги. Они звѣрски избили его, искалѣчили на всю жизнь. Разбойники были пойманы и посажены въ тюрьму. Тогда святой отецъ потребовалъ ихъ освобожденія, угрожая въ противномъ случаѣ оставить монастырь. Разбойники были выпущены на свободу“.

Но, какъ видимъ, описанный случай ни слова не говоритъ о смертной казни и прямого отношенія къ ней не имѣетъ. Святой старецъ простилъ *своихъ* обидчиковъ и попросилъ имъ свободы — вотъ все, о чемъ говоритъ данный случай. Но кто-же, на основаніи этого случая, потребуетъ отъ *правительства*, чтобы всѣ вообще преступники пользовались неограниченною свободою и чтобы ни одинъ изъ нихъ не былъ заключаемъ въ тюрьму?! Развѣ допустима полная безнаказанность преступленій?!. И власть, призванная носить мечъ въ отмщеніе дѣлающимъ злое, если откажется дѣйствовать мечомъ, то тѣмъ самымъ не упразднитъ-ли себя?.. Вѣдь безъ меча власть немыслима! Понятно, что объ упраздненіи властей, объ отнятіи у нихъ

освященнаго словомъ Божіимъ права на мечъ, св. Серафимъ и думать не могъ! Своимъ-же отношеніемъ къ разбойникамъ онъ показалъ намъ только примѣръ того, какъ мы должны относиться къ своимъ *личнымъ* врагамъ и обидчикамъ. Власть-же имѣетъ свои особыя обязанности по отношенію къ дѣлающимъ злое отдѣльнымъ людямъ, обществу и государству и этихъ обязанностей св. Серафимъ никогда не отрицалъ. Просить о помилованіи преступниковъ — это не значитъ отрицать за властью право наказанія ихъ. Пора это понять нашимъ „гуманистамъ“!.. Пора и перестать „играть въ имена“ великихъ писателей, а тѣмъ болѣе святыхъ угодниковъ Божіихъ и даже Самого Христа!..

Между тѣмъ эта „игра въ имена“ стала отличительною чертою „свободной совѣсти“ нашего времени. И особенно она сказалась въ вопросѣ о смертной казни. Примѣру „Голоса“, учинившаго возмутительное насиліе надъ мыслію св. Серафима, стали подражать другіе, въ томъ числѣ и профессора. Такъ, въ 22 № „Смоленскаго Вѣстника“ было помѣщено „Письмо въ редакцію“, перепечатанное большинствомъ нашихъ газетъ, въ которомъ предлагалось Святѣйшему Синоду „отчислить отъ лика святыхъ преподобнаго Николая Чудотворца, такъ какъ онъ не только противъ смертной казни вообще (?!.), но однажды собственною своею властью воспрепятствовалъ оной, удержавъ за руку палача, честно исполнявшаго свои непосредственныя гражданскія обязанности“.

Читаешь, и глазамъ не вѣришь! Сколько наглости, сознательной лжи проявилъ авторъ этого письма!.. [1]). Гдѣ-же и когда св. Николай высказался противъ смертной казни *„вообще“*, т. е. принципіально?!. И дѣйствительно-ли приведенный авторомъ случай говоритъ объ отрицаніи св. Николаемъ *всякой* смертной казни? Въ житіи св. Николая Чудотворца объ этомъ читаемъ слѣдующее: когда святитель Николай находился въ Плакоматѣ, сюда явились къ нему изъ Мѵръ нѣкоторые изъ горожанъ, прося его *о заступничествѣ за трехъ ни въ чемъ неповинныхъ ихъ согражданъ*, которыхъ градоначальникъ Мѵрскій Евстаѳій, подкупленный завистниками этихъ людей, осудилъ на смерть. Горожане просили св. Николая повліять на Евстаѳія и не допустить этой *несправедливости*. Святитель немедленно поспѣшилъ въ Мѵры,

[1]) Мы посылали въ нѣкоторыя газеты, перепечатавшія это письмо, опроверженіе, но «свобода слова» этихъ газетъ отвѣтила отказомъ!..

чтобы успѣть освободить *незаконно осужденныхъ* къ смертной казни и попросилъ слѣдовать за собою также и трехъ царскихъ воеводъ. Но при всей своей поспѣшности угодникъ засталъ осужденныхъ на Діоскуровомъ полѣ готовыми принять казнь, когда палачъ уже обнажилъ мечъ. Святитель вырвалъ изъ рукъ палача мечъ и бросилъ его на землю, освободивъ *невинно-осужденныхъ*. Народъ благодарилъ св. Николая за заступничество. Но вотъ пришелъ къ мѣсту казни и Евстаѳій. Видя правоту св. Николая и сознавая свою виновность, за которую онъ могъ потерпѣть наказаніе отъ царя, Евстаѳій припалъ къ ногамъ святителя, умоляя его о прощеніи. Но такъ какъ онъ сваливалъ свою вину на другихъ, то святитель *хотѣлъ донести на него царю* и угрожалъ ему и самъ муками на томъ свѣтѣ за несправедливое управленіе. И только, когда Евстаѳій чистосердечно покаялся, святитель простилъ его.

Въ другой разъ св. Николай, по случаю осужденія на смертную казнь трехъ *ни въ чемъ неповинныхъ* воеводъ, явился во снѣ царю и сказалъ ему: „освободи изъ темницы трехъ воеводъ, потому что они *неправедно* осуждены и *невинно* страдаютъ“. Разсказавъ царю, какъ оклеветаны были воеводы, святитель въ заключеніе добавилъ: „если ты не послушаешь меня и не отпустишь ихъ, то воздвигну такой-же мятежъ, какъ во Фригіи, и ты погибнешь“ [1]).

Предъ нами здѣсь ясно выступаетъ обликъ святителя Николая, какъ *заступника* за *невинно-осужденныхъ* и *грознаго карателя несправедливыхъ*.

Можно-ли, спросимъ теперь, болѣе извратить въ этомъ случаѣ сказаніе о святителѣ, чѣмъ извратилъ его авторъ письма въ «Смоленскомъ Вѣстникѣ»?!.

Безъименному автору письма въ «Смоленскомъ Вѣстникѣ» нисколько не уступаетъ въ жаждѣ «играть въ имена» и профессоръ Харьковскаго университета Н. Сумцовъ. Въ своей замѣткѣ: «По поводу одного духовнаго чтенія» («Южный Край» № 8717-й) г. Сумцовъ заявляетъ: «Златоустъ былъ противъ смертной казни... Этотъ великій учитель церкви громко и ясно высказался противъ смертной казни». Къ сожа-

---

[1]) «Житіе и чудеса св Николая Чудотворца» А. Вознесенскаго и Ѳ. Гусева СПБ. стр. 46—65.

лѣнію, профессоръ не только не привелъ подлинныхъ словъ св. Златоуста, но даже не проставилъ и соотвѣтственной цитаты изъ его твореній!.. [1]). Мы же настойчиво утверждаемъ, что великій учитель церкви никогда и нигдѣ ни «громко», ни тихо, ни «ясно», ни туманно не высказывался противъ смертной казни *вообще* или *въ принципѣ*. Наоборотъ, въ одномъ мѣстѣ своихъ твореній, проводя параллель между „житейскими властями“ и „властями духовными“, св. Златоустъ пишетъ: „какіе знаки начальства и что долженъ имѣть начальникъ? Власть надъ темницею, чтобы онъ былъ властенъ однихъ связывать, а другихъ разрѣшать; однихъ выпускать, а другихъ ввергать туда... Еще власть - осуждать на смерть и освобождать отъ смерти; или, вѣрнѣе, это—власть не начальника, а одного только царя, или даже и царю не принадлежитъ вполнѣ этотъ даръ, потому что онъ освобождаетъ не отъ смерти уже умершаго, а только отъ осужденія на смерть; приговоръ онъ можетъ отмѣнить, а возвратить къ жизни отъ смерти не можетъ“... Разсматривая затѣмъ власть апостольскую, св. Златоустъ вопрошаетъ:. „нужно-ли доказывать, что они (апостолы) осуждали и на смерть и возвращали отъ смерти, не отъ приговора только освобождая и веденія на смерть, но и умершихъ и уже подвергшихся тлѣнію возстановляя отъ смерти? Когда-же они осуждали на смерть? Когда освобождали отъ смерти?“ На два эти вопроса св. Златоустъ отвѣчаетъ фактами: на первый—умерщвленіемъ Ананіи и Сапфиры, а на второй—воскрешеніемъ Тавиѳы. Умерщвленію Ананіи, по св. Златоусту, предшествовалъ «допросъ», затѣмъ смертный «приговоръ» и, наконецъ, Апостолъ «поражаетъ» или «умерщвляетъ святотатца». Въ заключеніе св. отецъ снова вопрошаетъ: «видишь-ли, какъ они властны посылать на смерть?» [2]). Въ другомъ мѣстѣ тотъ-же св. Златоустъ такими словами доказываетъ необходимость наказаній «оружіемъ чувственнымъ»: «вездѣ можно видѣть оттачиваемые мечи, палачей, казни, пытки, мученія, власть надъ жизнью и смертью. А что и этотъ

[1]) Всѣ попытки запросить проф. Сумцова путемъ „Южн. Кр.“ и другихъ харьковскихъ газетъ: „гдѣ и когда св. Златоустъ громко и ясно высказался противъ смертной казни?“—оказались тщетными и голословное заявленіе профессора осталось безъ опроверженія. Такова теперь у насъ „свобода слова“!..

[2]) Т. III, стр 80—83.

видъ господства сталъ необходимъ вслѣдствіе грѣха, послушай слова любомудрствующаго объ этомъ Павла. Аще же *хощеши*, говоритъ онъ, *не боятися власти, благое твори: и имѣти будеши похвалу отъ* нея. *Аще же злое твориши, бойся; не бо всуе мечъ носитъ* (Римл. 13, 3. 4). Видишь-ли, что и начальникъ, и мечъ для дѣлающихъ зло? Послушай еще (сказанное) о томъ-же съ большею ясностью. *Отмститель есть*, говоритъ, *злое творящему*. И не сказалъ онъ: «не напрасно существуетъ начальникъ», а что? *не всуе мечъ носитъ*. Богъ поставилъ надъ тобою судью вооруженнаго. Какъ сердобольный отецъ по своей добротѣ отдаетъ дѣтей, когда они оказываютъ ему невниманіе и пренебреженіе, злоупотребляя родительскою любовью,— отдаетъ строгимъ наставникамъ и учителямъ, такъ и Богъ, по благости Своей отдалъ нашу природу, оказавшую невниманіе къ Нему, начальникамъ, какъ бы учителямъ и наставникамъ, чтобы они исправили ихъ отъ безпечности»... [1]).

Пользу отъ дѣйствія меча начальниковъ св. отецъ доказываетъ и примѣромъ пережитаго его слушателями возмущенія: «въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, когда уже при начальникахъ и вооруженныхъ воинахъ, неистовство нѣсколькихъ бродягъ и пришлецовъ въ самое короткое время произвело у насъ такой пожаръ и воздвигло такую бурю, что заставило всѣхъ бояться кораблекрушенія, то если-бы не было совсѣмъ страха отъ начальниковъ, до какого неистовства не дошли-бы эти люди? Не разрушили-ль бы они у насъ города до основанія и, перевернувъ все вверхъ дномъ, не лишили-ль бы насъ и самой жизни? Уничтожь судилища—и уничтожишь всякій порядокъ въ нашей жизни; удали съ корабля кормчаго—и потопишь судно; отними вождя у войска—и предашь воиновъ въ плѣнъ непріятелямъ. Такъ, если отнимешь у городовъ начальниковъ, мы будемъ вести себя безумнѣе безсловесныхъ звѣрей,—станемъ другъ друга угрызать и снѣдать: богатый—бѣднаго, сильнѣйшій—слабаго, дерзкій—кроткаго. Но теперь, по милости Божіей, ничего такого нѣтъ. Живущіе благочестиво, конечно, не имѣютъ нужды въ мѣрахъ исправленія со стороны начальниковъ: *праведнику законъ не лежитъ*, сказано. Но люди порочные, если бы не были удержи-

[1]) Т. IV, стр. 746.

ваемы страхомъ отъ начальниковъ, наполнили-бы города безчисленными бѣдствіями“ [1]).

Мы могли-бы привести и еще много такихъ-же выдержекъ изъ твореній св. Златоуста, но полагаемъ, что и этихъ достаточно для того, чтобы видѣть, что св. отецъ „громко“ и „ясно“ признавалъ за властью право казнить мечомъ преступниковъ. Почему онъ и различалъ *„праведную казнь“* отъ *„неправедной“*, когда казнили невиннаго. Само собою понятно, что и у св. Златоуста каждый актъ наказанія освѣщался христіанскою любовью, которая сочетаетъ справедливость съ милосердіемъ и которая милуетъ съ разсмотрѣніемъ, не безчинствуя. И опять тамъ, гдѣ идетъ рѣчь *о помилованіи* преступника,—тамъ нельзя видѣть отрицаніе права казнить виновнаго. Это—азбука здравой логики!..

Но, быть можетъ, проф. Н. Сумцовъ правъ, когда свое голословное утвержденіе силится оправдать слѣдующимъ событіемъ изъ жизни св. Іоанна Златоуста: „съ какимъ усердіемъ, говоритъ онъ, Златоустъ отстаивалъ за церковью право убѣжища. Уже въ IV вѣкѣ гражданская власть стремилась лишить церковь этого права. По настоянію знатнаго царедворца Евтропія, право убѣжища было отмѣнено. Но судьба сыграла злую шутку надъ временщикомъ. Вскорѣ Евтропій запутался въ придворныхъ интригахъ, былъ лишенъ должностей, и ему угрожала смертная казнь. Тогда онъ вспомнилъ о томъ правѣ, которое было отмѣнено по его настоянію, и скрылся въ церкви. Ненавидѣвшая его толпа требовала его выдачи; но Іоаннъ Златоустъ безстрашно выступилъ на его защиту. „Вы убьете Евтропія, сказалъ онъ толпѣ, не раньше, какъ умертвивъ меня“. Затѣмъ онъ самъ отправился къ императору и выпросилъ для Евтропія помилованіе“.

Что приведенный фактъ служитъ доказательствомъ усиленныхъ стараній св. Златоуста отстоять за церковью право убѣжища,—это не подлежитъ сомнѣнію. Но нелогично и исторически несправедливо выводить отсюда, что святый отецъ былъ противъ смертной казни вообще?!.. „Право убѣжища“ ведетъ свое начало отъ ветхозавѣтной Церкви. Тамъ оно существовало на ряду съ законами о смертной казни,

[1]) Т. 2-й, стр. 85—86.

отнюдь не исключая послѣднихъ, потому что дѣйствовало въ строго отведенной ему области. И въ древней новозавѣтной Церкви „право убѣжища“ не отмѣняло гражданскихъ законовъ о смертной казни, дѣйствуя въ предѣлахъ Церкви надъ лицами, ищущими въ ней убѣжища. Это подтверждается и случаемъ съ Евтропіемъ. Когда Евтропій бѣжалъ отъ царскихъ слугъ, пришедшихъ взять его „насильно“ за оскорбленіе императрицы, и скрылся въ церковномъ алтарѣ, то св. Златоустъ, отстаивая за церковью право убѣжища, не выдалъ его воинамъ и негодующей на бывшаго надменнаго временщика толпѣ. Въ блестящей рѣчи „на Евтропія евнуха“ онъ говорилъ, что Евтропій, заградившій „здѣшнее убѣжище разными указами и законами, самъ теперь нарушилъ эти законы и что „несчастіе сдѣлало его учителемъ“ того, что нельзя отнять отъ Церкви священнаго права убѣжища. Взывая далѣе къ народу о помилованіи „просящаго помощи“ Евтропія, св. Златоустъ свидѣтельствовалъ, что царь, узнавъ о бѣгствѣ Евтропія въ церковь, съ своей стороны *уже помиловалъ* его и къ тому-же слезно призывалъ войско, напомнивъ воинамъ, что „несчастный“ прибѣгнулъ къ „священной трапезѣ“. Если же царь, оскорбленный Евтропіемъ, простилъ его, то *„теперь приложимъ и мы должное съ нашей стороны“*, продолжалъ свою рѣчь къ народу св. Златоустъ, и „приступимъ къ человѣколюбивому царю, прося его *во имя Церкви, во имя алтаря*, даровать священной трапезѣ одного человѣка [1]). Если мы это сдѣлаемъ, то и самъ царь будетъ доволенъ“. Такимъ образомъ, въ случаѣ съ Евтропіемъ св. Златоустъ усиленно защищалъ *церковное право убѣжища* и если склонялъ народъ просить царя о помилованіи Евтропія, то только *„во имя Церкви, во имя алтаря“*. Никакого протеста противъ законовъ, по которымъ Евтропій подлежалъ смертной казни, здѣсь не было. Рѣчь шла только о „помилованіи“ *праведно* осужденнаго и при томъ „просящаго помощи“ у Церкви. Право наказанія Евтропія св. Златоустъ признавалъ за властью и потому взывалъ только о „помилованіи“, отстаивая собственно въ этомъ случаѣ за церковью „право убѣжища“. Почему, когда помилованный Евтропій послѣ за свои дѣянія былъ

[1]) Курсивъ нашъ.

схваченъ, сосланъ и казненъ, то св. Златоустъ съ негодованіемъ отвергалъ обвиненія, что онъ не заступился за Евтропія. Въ казни Евтропія онъ обвинялъ самого Евтропія, но не власть. за которою всегда признавалъ право отмщенія мечомъ въ наказаніе дѣлающимъ злое.

Понятно теперь, что ссылка проф. Сумцова на св. Златоуста такъ-же неудачна, какъ и ссылка неизвѣстнаго автора вышеупомянутаго письма на св. Николая Чудотворца.

Въ заключеніе не лишнимъ считаемъ напомнить, что *„протестовалъ“* противъ смертной казни и Робеспьеръ, который, однако, почуявъ власть въ своихъ рукахъ, залилъ Францію кровью своихъ политическихъ враговъ!.. Фактъ весьма поучительный для нашихъ наносныхъ «гуманистовъ», которымъ мы посовѣтовали-бы всѣ свои силы направить на лѣченіе душъ человѣческихъ, на созданіе такой атмосферы, чтобы люди сознали прежде всего преступность дѣяній, вызывающихъ то или другое наказаніе. Тогда и только тогда сами собою упразднятся законы о смертной казни и многіе другіе, вызванные къ жизни преступленіями. «Царствіе Божіе *внутрь* васъ есть»!..

И. Маріупольскій.

Миссіонерскій отдѣлъ.

Миссіонерская полемика.

Миссіонерская полемика въ наше время возбуждаетъ много вопросовъ, изъ которыхъ прежде всего обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе: нужна-ли миссіонерская полемика и законна ли она съ точки зрѣнія дѣйствующаго по дѣламъ вѣры государственнаго законодательства?

Только послѣ разрѣшенія этихъ кардинальныхъ въ миссіонерской полемикѣ вопросовъ, мы находимъ возможнымъ перейти къ частному сужденію о видахъ миссіонерской полемики, ея характерѣ, методахъ и полнотѣ.

Итакъ, *нужна-ли миссіонерская полемика?* Тотъ или другой отвѣтъ на этотъ вопросъ возможно дать только тогда, когда мы выяснимъ, что должно разумѣть и что обычно нѣкоторые разумѣютъ подъ миссіонерскою полемикою. Лица, отрицающія миссіонерскую полемику, смотрятъ на нее, какъ на словесный турниръ миссіонера съ сектантомъ. Въ ихъ мысляхъ она рисуется чѣмъ-то въ родѣ логомахіи, или искуснаго метанія словъ. Самъ же миссіонеръ-полемистъ—это Хилонъ Хилонидъ (въ „Quo vadis?“ Г. Сенкевича). Конечно, такая полемика и такой полемистъ не только не нужны, но даже вредны. Такая полемика обязательно разовьетъ въ миссіонерѣ „*страсть* къ состязаніямъ и словопреніямъ“, а отсюда, по слову апостола, потекутъ „зависть, распри, злорѣчія, лукавыя подозрѣнія“. Полемика въ этомъ случаѣ превращается въ „пустые споры“, въ „глупыя и невѣжественныя состязанія“ (1 Тим. 6, 4—5; 2 Тим. 2, 23).

Но есть и другого рода полемика. Это та, которой училъ и которую велъ апостолъ Павелъ. Осудивъ „глупыя и невѣжественныя состязанія, рождающія ссоры“, онъ далѣе писалъ: „рабу-же Господа не должно ссориться, но быть привѣтливымъ ко всѣмъ, учительнымъ, незлобивымъ, съ кротостью наставлять противниковъ, не дастъ-ли имъ Богъ покаянія къ познанію истины, чтобы

они освободились отъ сѣти діавола, который уловилъ ихъ въ свою волю" (2 Тим. 2, 27—26). Обличеніе, запрещеніе, увѣщаніе людей, противящихся истинѣ, развращенныхъ умомъ и невѣждъ въ вѣрѣ, должно, по Апостолу, вести „со всякимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ" (2 Тим. 3,8; 4,2). Въ такомъ именно духѣ вели „немалое состязаніе" Павелъ и Варнава въ Антіохіи съ людьми, которые учили объ обязательности для увѣровавшихъ во Христа язычниковъ закона Моисеева и обрѣзанія (Дѣян. 15, 2—5). Въ такомъ духѣ св. Павелъ бесѣдовалъ съ іудеями въ синагогѣ, когда „открывалъ" Писаніе и „доказывалъ" имъ, что Христу надлежало пострадать и воскреснуть (Дѣян. 17, 1—3). Также св. Павелъ „спорилъ" на площади и въ Ареопагѣ съ эпикурейцами и стоиками о Богѣ, Іисусѣ Христѣ и воскресеніи мертвыхъ (Дѣян. 17, 18—34); а въ другой разъ онъ-же возбудилъ „распрю" между фарисеями и саддукеями по тому-же вопросу о воскресеніи мертвыхъ (Дѣян. 23, 6—10).

И мы увѣрены, что послѣдняго рода полемика коренится въ самомъ существѣ церковнаго учительства и обязательна для Церкви, которая не можетъ спрятать зажженную свѣчу подъ сосудомъ и не должна равнодушно смотрѣть на заблужденія людей, особенно-же бывшихъ чадъ своихъ. Но гдѣ Церковь сталкивается съ заблужденіями, тамъ естественно обѣ стороны даютъ одна другой отчетъ о своемъ упованіи, тамъ происходитъ обмѣнъ мнѣній или полемика. И, конечно, православный миссіонеръ, спрашивающій и отвѣчающій противной сторонѣ, долженъ дѣлать это „съ кротостью и благоговѣніемъ" (1 Петр. 3,15).

Понятно теперь, что нельзя упразднить *всякую* полемику. Нужно позаботиться только, чтобы полемика съ заблудшими велась въ духѣ кротости, съ долготерпѣніемъ и назиданіемъ, какъ вели ее апостолы.

Законна ли миссіонерская полемика съ точки зрѣнія дѣйствующаго по дѣламъ вѣры гражданскаго законодательства? Лично для насъ такого вопроса не существуетъ. Мы твердо увѣрены, что уста истиннаго благовѣстника Евангелія можетъ сомкнуть только смерть. Но разъ этотъ вопросъ задается и при томъ во всеуслышаніе, то мы считаемъ долгомъ дать на него отвѣтъ. Дѣйствующее нынѣ законодательство по дѣламъ вѣры, разумѣю новое „Уголовное Уложеніе" 22 марта 1903 года въ томъ его видѣ, какъ оно исправлено Высочайшимъ Указомъ 17 апр. о вѣротерпимости и редактировано Государственымъ Совѣтомъ 14 марта 1906 г., нисколько не поколебало установленнаго основными законами государства *первенствующаго* въ Россіи положенія православной

Церкви, каковое положеніе подтверждено въ полной силѣ и вновь изданными 23 апрѣля сего года „Основными Государственными Законами“ (ст. 24-я). Посему незыблемымъ остается и право православной Церкви свободно и притомъ публично проповѣдывать иномыслящимъ свое вѣроученіе и путемъ убѣжденій и мѣрами нравственнаго воздѣйствія привлекать ихъ въ свое лоно. Всякія сомнѣнія въ этомъ случаѣ должны быть признаны излишними. Скорѣе можно ожидать, что государство разрѣшитъ также инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ публичную пропаганду ихъ ученія, чѣмъ запретитъ православной церкви публичную проповѣдь своего ученія иномыслящимъ. Такимъ образомъ, миссіонерская полемика съ иномыслящими безспорно является вполнѣ законной съ точки зрѣнія дѣйствующаго у насъ по дѣламъ вѣры свѣтскаго законодательства.

Виды миссіонерской полемики. Миссіонерская полемика бываетъ публичная и частная. Первая ведется въ публичныхъ мѣстахъ, въ собраніи болѣе или менѣе многолюдномъ; вторая въ частныхъ домахъ, въ небольшомъ кругу родственныхъ и другъ другу близкихъ лицъ, или же наединѣ съ заблудшимъ и колеблющимся въ православіи.

Съ увѣренностью можно сказать, что ни одна изъ отраслей миссіонерской дѣятельности не оспаривается такъ настойчиво, какъ публичныя миссіонерскія собесѣдованія съ заблудшими. Но за то и никто не проявляетъ большаго незнакомства съ практическою стороною миссіонерскаго дѣла, какъ именно отрицающіе публичныя миссіонерскія бесѣды. Мы сочли долгомъ разобрать возраженія противъ публичныхъ миссіонерскихъ бесѣдъ, такъ какъ считаемъ эти бесѣды однимъ изъ краеугольныхъ камней миссіонерскаго зданія.

Говорятъ, что публичныя собесѣдованія съ заблудшими излишни, потому что: во 1-хъ, они ведутся чисто-раціоналистическимъ путемъ, безъ доказательствъ ad hominem; а между тѣмъ, послѣдняго рода доказательства имѣютъ главное значеніе въ дѣлѣ вразумленія заблудшихъ. Посему-де необходимо вмѣсто публичныхъ преній войти съ заблудшими въ интимныя бесѣды, съ каждымъ отдѣльно и особенно съ представителями сектантскихъ общинъ; во 2-хъ, — они дали небольшой % обращеній и большую пищу для праздныхъ пересудовъ и такимъ образомъ не достигли своей цѣли: массовыхъ обращеній сектантовъ и раскольниковъ въ лоно Церкви и въ 3-хъ, — они разжигаютъ народныя страсти, вносятъ въ приходъ смуту и сопровождаются иногда печальными инцидентами. Въ послѣднее время появилось и еще

одно возраженіе противъ публичныхъ миссіонерскихъ бесѣдъ съ сектантами и раскольниками. Оно исходитъ изъ той мысли, что теперь надо направить всѣ силы исключительно на охрану православныхъ чадъ отъ соблазновъ, а не отвлекать части силъ на вразумленіе заблудшихъ или отпавшихъ отъ Церкви.

Начнемъ разборъ приведенныхъ возраженій съ послѣдняго. Отрицать вразумленіе заблудшихъ на томъ основаніи, что теперь всѣ силы нужно направить на охрану православныхъ отъ соблазновъ,—значитъ не понимать духа Христовой вѣры, который насквозь пропитанъ прозелитизмомъ. Благовѣстіе Христовой вѣры иновѣрцамъ не можетъ быть прекращено въ Церкви никакими соображеніями, а тѣмъ болѣе ошибочными. Вѣдь охрана своихъ чадъ отъ соблазновъ—это не теперешняя только, а всегдашняя задача Церкви Христовой и, безъ сомнѣнія, въ наше время не болѣе сложная и трудная, чѣмъ въ былыя времена. И, однако, Церковь никогда не замуровывалась въ разъ построенныхъ ею стѣнахъ, а расширялась пристройкою все новыхъ и новыхъ живыхъ стѣнъ изъ людей, раньше чуждыхъ ей по вѣрѣ. Особенно же пеклась Церковь о чадахъ, покинувшихъ ее и пошедшихъ блуждать по стихіямъ міра. Глубоко вѣрно просвѣщеннѣйшій іерархъ нашей Церкви Херсонскій архіепископъ Димитрій замѣтилъ въ своей рѣчи предъ открытіемъ въ сентябрѣ прошлаго года областного миссіонерскаго съѣзда въ Одессѣ: „имъ показалось, что 17-е апрѣля означаетъ почти что прекращеніе дѣла миссіонерскаго. Не понимаютъ самаго существа жизни церкви и истиннаго характера ея благовѣстія. Церковь есть свѣточъ, долженствующій озарять лучами истины всѣ самые темные углы человѣчества. Благовѣстіе о свѣтѣ истинномъ, христіанская миссія, это—сущность дѣятельности церкви. Церковь сама вся есть великій богоучрежденный станъ миссіонерскій, выдвигающій на святое дѣло еще особыхъ, хорошо подготовленныхъ, работниковъ миссіи. И прекращеніе дѣла благовѣстническаго, миссіонерскаго, было-бы равносильно прекращенію добраго воздѣйствія церкви на жизнь человѣчества; это была бы угроза самому ея существованію“. Тотъ же іерархъ въ другомъ мѣстѣ еще лучше намѣчаетъ задачи Церкви: она должна „охранять чадъ своихъ отъ религіозныхъ заблужденій, вразумить уже заблудшихъ и отпавшихъ отъ нея овецъ и нѣчто пріобрѣсть со стороны“. И мы увѣрены, что двухъ мнѣній въ данномъ вопросѣ не можетъ быть. Заповѣдь Христа: „идите, научите *всѣ* народы“... останется и впредь *„во всѣ дни“* обязательной къ осуществленію для православной Церкви Христовой.

Публичныя бесѣды, говорятъ, разжигаютъ народныя страсти, вносятъ въ приходъ смуту и сопровождаются иногда печальными инцидентами, посему-де онѣ и не нужны. Въ данномъ возраженіи противъ публичныхъ бесѣдъ кроется большое недоразумѣніе. Не будемъ уже говорить о томъ, насколько въ каждомъ отдѣльномъ „печальномъ инцидентѣ“ повиненъ самъ миссіонеръ-полемистъ. Но допустимъ, что именно его бесѣда повела къ „печальному инциденту“. Что же отсюда слѣдуетъ? Не нужно бесѣдъ, или не нужно печальныхъ инцидентовъ? Если признаемъ первое, то тогда придется зачеркнуть и многія другія отрасли церковнаго воздѣйствія на людей, такъ какъ съ каждой изъ нихъ можетъ случиться „печальный инцидентъ“. Вѣдь никто же не станетъ утверждать, что „печальный инцидентъ“ есть неотъемлемая и исключительная принадлежность публичныхъ бесѣдъ?!. Тогда такихъ инцидентовъ были-бы тысячи, или столько, сколько проведено публичныхъ бесѣдъ!.. Значитъ, бесѣда и „печальный инцидентъ“—это два отдѣльныя явленія. А если такъ, то миссіонеру должно на бесѣдахъ всѣми силами стараться избѣгать „печальнаго инцидента“, а не зачеркивать самыхъ бесѣдъ. Но при этомъ необходимо помнить, что въ „печальномъ инцидентѣ“ можетъ быть повинна, что и бываетъ, среда, въ которой дѣйствуетъ миссіонеръ, такъ что будь его бесѣда и въ апостольскомъ духѣ, а его противники могутъ устроить инцидентъ, чтобы сгладить впечатлѣніе его бесѣды на слушателей. Развѣ апостольская проповѣдь не сопровождалась также „печальными инцидентами“ и отъ „возбужденія народа“ не были побиты камнями Стефанъ и Павелъ (Дѣян. 6,12. Дн. 14,19)?!. А „немалый мятежъ“ въ Ефесѣ и обвиненіе апостоловъ въ томъ, что они „всесвѣтные возмутители“ (Дѣян. 17; 19 гл.)?!. Что же, все это побудило апостоловъ бросить дѣло проповѣди евангелія иномыслящимъ?!. Нѣтъ. Они продолжали свое дѣло „съ долготерпѣніемъ, назиданіемъ, кротостью и благоговѣніемъ“. Если бесѣды, далѣе, „разжигаютъ страсти и вносятъ въ приходъ смуту“, то опять здѣсь все зависитъ отъ способа веденія бесѣдъ и опять здѣсь бываетъ повинной и среда заблудшихъ. Мы уже видѣли, что и апостольская проповѣдь „разжигала страсти и вносила въ народъ смуту“. Да и всякое ли „разжиганіе страстей“ и всякая ли „смута“—преступны? Миссіонеръ долженъ разжечь въ спящемъ народѣ страсть къ познанію истины, воспламенить огонь Христовой любви и ревности по домѣ Божіемъ. Состояніе „теплоты“ противно христіанству: „но какъ ты теплъ, то извергну тебя изъ устъ Моихъ“. *Преступной* же смуты и „разжиганія“ *дурныхъ* страстей миссіо-

перъ, конечно, долженъ всегда и всюду избѣгать. При обсужденіи этого вопроса, Одесскій областной миссіонерскій съѣздъ въ сентябрѣ прошлаго года постановилъ: „миссія должна какъ можно мягче вести бесѣды съ заблудшими, передъ бесѣдою слѣдуетъ условиться съ сектантами, чтобы не допускать ни съ чьей стороны рѣзкихъ и хульныхъ сужденій. Если же собесѣдники миссіонера или слушатели станутъ производить смуту, то тактично прекращать бесѣду пѣніемъ молитвы. Тамъ же, гдѣ есть опасность подобныхъ явленій, бесѣдъ въ храмѣ не производить". И мы увѣрены, что другого рѣшенія по вопросу объ огражденіи публичныхъ бесѣдъ отъ инцидентовъ нельзя дать. Всѣ опасенія на счетъ „разжиганія страстей" или „смуты" не могутъ и не должны быть устраняемы прекращеніемъ бесѣдъ!.. Послѣднее походило бы на то, какъ если бы кто, желая сохранить свое платье отъ моли, сжегъ самое платье.

Публичныя бесѣды, говорятъ, не нужны, потому что онѣ ведутся чисто-раціоналистическимъ путемъ, безъ доказательствъ ad hominem; а между тѣмъ послѣдняго рода доказательства имѣютъ главное значеніе въ дѣлѣ вразумленія заблудшихъ. Посему, вмѣсто публичныхъ преній необходимо-де войти съ заблудшими въ интимныя бесѣды, съ каждымъ отдѣльно и особенно съ представителями сектантскихъ общинъ.

Въ этомъ отрицаніи сказывается полное незнаніе практической стороны миссіонерскаго дѣла. Но скажемъ прежде о логической несостоятельности такого отрицанія. Казалось-бы, что если публичныя бесѣды не достигаютъ своей цѣли потому, что ведутся неправильнымъ путемъ, то стоитъ только направить ихъ на надлежащій путь, а отнюдь не уничтожать бесѣдъ, потому что и каждымъ средствомъ воздѣйствія на заблудшихъ можно пользоваться ошибочно... Нельзя-же по этой причинѣ совсѣмъ бросить дѣло вразумленія заблудшихъ! Посмотримъ теперь, дѣйствительно-ли неправиленъ тотъ путь, по которому нынѣ ведутся миссіонерами публичныя бесѣды? Что такое „чисто-раціоналистическіе пріемы", въ которыхъ видятъ главный недостатокъ публичныхъ бесѣдъ? Подъ этими „пріемами" обычно разумѣютъ старанія миссіонеровъ убѣдить своихъ совопросниковъ въ истинѣ православнаго ученія *путемъ ссылокъ на Священное Писаніе*. Правиленъ-ли этотъ путь? Думаемъ, что каждый миссіонеръ-практикъ отвѣтитъ: не только правиленъ, но и единственно возможенъ на публичныхъ бесѣдахъ съ заблудшими. Это вотъ почему: публичная миссіонерская бесѣда не есть въ тѣсномъ смыслѣ

проповѣдь, предлагаемая слушателямъ съ цѣлью побудить ихъ на извѣстнаго рода нравственный поступокъ, какъ напримѣръ: любить ближняго, не пьянствовать, не прелюбодѣйствовать и пр..., а—полемика по вопросамъ *вѣры* и притомъ, по характеру и содержанію своему, зависящая отъ болѣзни и требованій немощнаго въ вѣрѣ собесѣдника. Чего-же требуетъ отъ миссіонера и чѣмъ болѣетъ сектантъ или раскольникъ? „Докажите намъ истину вашего вѣроученія и ложь нашего упованія, говоритъ сектантъ миссіонеру, и докажите не отъ своего разума, и не отъ измышленій сердца, а *отъ строки Св. Писанія*, или, если то будетъ раскольникъ, „*старопечатныхъ книгъ*“... И на первую попытку миссіонера повліять на заблудшихъ — доказательствами „отъ сердца“ или „ad hominem“ его собесѣдникъ-сектантъ тотчасъ съ улыбочкой отвѣтитъ: „Эхъ, г. миссіонеръ, не о томъ мы васъ спрашиваемъ; вы намъ туману поменьше разводите; всѣ то мы знаемъ, что вы человѣкъ ученый и красно говорить можете; хотите поучать, такъ поучайте своихъ, а съ нами давайте побесѣдуемъ о предметахъ нашего упованія; по части-же жизни въ міру намъ и безъ васъ заповѣди вѣдомы, не язычники мы: и ближняго по силѣ любимъ и водки поменьше православныхъ пьемъ... Лучше вы вотъ растолкуйте, въ чемъ у насъ съ вами разладица... Въ Писаніи сказано: не дѣлай изображеній мужчины и женщины, а вы понадѣлали. Можетъ, мы и „немудрые“, такъ ужъ Богъ намъ судилъ, а что-то не находимъ, чтобы Писаніе велѣло нарисовать Спасителя, аль Божію Матерь, аль Николая Угодника“... И тутъ-же другой сектантъ лукаво добавитъ: „нешто ученіе Николаитовъ Господь уважаетъ?“ (Апок. 2, 15). За этимъ пойдутъ другіе вопросы и все такого-же рода: гдѣ въ Писаніи сказано тремя перстами креститься, длинные волосы пастырямъ носить, или въ храмѣ сидѣть? Это антихристъ въ храмѣ сядетъ, раздается изъ сектантской толпы. А тамъ пойдутъ рѣчи о „золотой чашѣ въ рукѣ жены“ (Апок. 17 гл.) съ явнымъ указаніемъ, что это „православная чаша причащенія“ и т. д. и т. д... Съ трудомъ миссіонеръ удержитъ своихъ собесѣдниковъ на одномъ предметѣ бесѣды и приступитъ къ подробному выясненію его „отъ Писанія“. Кто скажетъ, что миссіонеръ долженъ уклониться отъ рѣшенія этихъ вопросовъ и притомъ по буквѣ писанія или старопечатныхъ книгъ, тотъ не знаетъ ни сектанта, ни раскольника. Вопросы „видимаго упованія“ или вопросы обрядовые и догматическіе съ внѣшними ихъ проявленіями для того и другого—вопросы жизни; надъ ихъ рѣшеніемъ онъ просиживаетъ не одинъ день и своими выводами волнуетъ цѣлое

село, тѣмъ болѣе что каждый сектантъ въ своемъ родѣ—миссіонеръ... Въ *интимной*-ли бесѣдѣ съ сектантомъ, или *на публичной* вы столкнетесь все съ *одними и тѣми-же* вопросами, все *съ одной и той-же* постановкой ихъ и все съ однимъ и *тѣмъ-же* требованіемъ „показать отъ Писанія“. Такъ въ селѣ, такъ въ городѣ, такъ и въ столицѣ. Если-же дѣйствительность такова, то виноватъ-ли миссіонеръ, употребляя въ своихъ бесѣдахъ съ сектантами „пріемы чисто-раціоналистическіе, т. е. рѣшая запросы своей больной паствы примѣнительно къ ея дѣйствительному духовному гладу—„*отъ строки Писанія*“.

Говорятъ, что миссіонеръ не долженъ спускаться до уровня совершенства сектанта, а возводить послѣдняго до своего уровня. Но полагаю, что такое средство возможно прописать только на бумагѣ, а провести его въ жизнь ex abrúpto невозможно. Необходимо прежде спуститься до уровня совершенства больнаго паціента, если это, конечно, не соблазняетъ другихъ, поговорить съ нимъ на его языкѣ, а затѣмъ уже незамѣтно для него самого возводить его отъ степени въ степень, иначе вы для него будете чужестранецъ (Кор. 9, 19—22).

Такимъ образомъ, если миссіонеръ въ своей борьбѣ съ заблудшими, путемъ публичныхъ или же частныхъ бесѣдъ съ ними, броситъ тѣ пріемы, которые называютъ „чисто-раціоналистическими“, то съ увѣренностью можно сказать, что онъ погубитъ дѣло миссіи, такъ какъ и среди сектантовъ и среди православныхъ поселитъ убѣжденіе, что православное ученіе основано не на Св. Писаніи, а на философіи и пустомъ обольщеніи, по преданію человѣческому!..

Что-же касается „сердечности“ въ миссіонерской полемикѣ, то полагаемъ, что она необходима не только въ полемикѣ, но и во всѣхъ отрасляхъ миссіонерской дѣятельности и состоитъ въ томъ, что каждое свое слово миссіонеръ растворяетъ чувствомъ любви и состраданія къ заблудшему, что свое дѣло онъ ведетъ не какъ машина, а какъ преданный миссіонерству душею и тѣломъ. Такая „сердечность“ не измѣряется наборомъ „помазанныхъ“ словъ, а, такъ сказать, исходитъ отъ всего миссіонера. Слово такого миссіонера дѣйственно и когда онъ „свѣтитъ міру“ и когда съ кѣмъ-либо, какъ съ евнухомъ, говоритъ наединѣ.

Публичныя бесѣды, говорятъ далѣе, нужно бросить еще и потому, что онѣ даютъ большую пищу для праздныхъ пересудовъ и небольшой процентъ обращеній и, такимъ образомъ, не достигаютъ своей цѣли: массовыхъ обращеній сектантовъ или раскольниковъ въ лоно Церкви.

Но кому изъ миссіонеровъ неизвѣстно, что интимныя бесѣды ихъ съ сектантами, и особенно съ сектантскими представителями даютъ еще большую пищу для пересудовъ? Приведу одинъ изъ многихъ примѣровъ: какъ-то въ с. Разсказово, Тамбовской губ., послѣ публичной бесѣды съ сектантами, ко мнѣ подошла группа православныхъ, среди которыхъ были и очень почтенныя лица, и убѣдительно просила меня не ходить въ дома сектантскихъ заправилъ для частныхъ бесѣдокъ съ ними „одинъ- на-одинъ", потому что, по отъѣздѣ миссіонера, эти лица распространяютъ про такія бесѣдки очень обидныя для православныхъ небылицы. И я не разъ имѣлъ возможность убѣдиться, что довѣрять честности сектантскихъ заправилъ можно только тогда, когда поставишь себѣ за правило: жить абстракціями, а не дѣйствительностью!.. Но что-же? Неужели миссіонеру бросить частныя бесѣды съ сектантами изъ боязни кривотолковъ?.. Не лучше-ли поискать средствъ къ устраненію пересудовъ, чѣмъ сокращать самое дѣло миссіи въ явный ущербъ послѣднему?

Публичныя бесѣды, говорятъ, излишни и потому еще, что даютъ небольшой процентъ обращеній и не достигаютъ своей цѣли: массовыхъ обращеній заблудшихъ въ православіе.

Мы не будемъ говорить о томъ, что, за нѣкоторыми исключеніями, самъ сектантъ на публичной бесѣдѣ не сознается во лжи своего „упованія", что свой переходъ въ православіе онъ совершаетъ втихомолку, какъ изъ ложнаго чувства стыда, такъ и изъ боязни своихъ „собратій". Но на публичной бесѣдѣ онъ имѣетъ полную возможность убѣдиться во лжи своихъ „пресвитеровъ" и вотъ, когда онъ приходитъ къ батюшкѣ съ просьбою „присоединить" его, или ѣдетъ за этимъ на сторону, что бываетъ очень часто, потрудитесь-ка опредѣлить: подъ вліяніемъ публичной или частной бесѣды съ нимъ миссіонера созрѣла въ его душѣ рѣшимость присоединиться къ православію? Нерѣдко самъ сектантъ отказывается дать на этотъ вопросъ опредѣленный отвѣтъ и понятно почему: наблюдать за жизнью души несравненно труднѣе, чѣмъ за теченіемъ самой быстрой рѣки, а разобраться въ этой жизни и тѣмъ болѣе!.. Но все-же, насколько можно судить объ этомъ со словъ бывшихъ сектантовъ, публичныя бесѣды миссіонеровъ всегда врѣзывались въ ихъ душу и служили однимъ изъ самыхъ сильныхъ побужденій къ обращенію ихъ въ лоно православной церкви.

Съ увѣренностью скажемъ, что прежде чѣмъ миссіонеръ не подорветъ авторитета сектантскихъ заправилъ доводами „отъ Писанія", до тѣхъ поръ онъ не откроетъ себѣ сердца искренно

заблудшаго рядоваго сектанта. А этого и можно достигнуть только при помощи публичныхъ бесѣдъ, такъ какъ невозможно же миссіонеру ходить съ сектантскимъ начетчикомъ по избамъ и предъ каждымъ заблудшимъ въ отдѣльности устраивать бесѣду съ его наставникомъ. Если же миссіонеръ самъ придетъ къ рядовому сектанту, то послѣдній тотчасъ скажетъ ему: я неграмотный, малосвѣдущій, а вы лучше поговорите съ нашимъ братомъ N.—онъ у насъ за „старшого“; мы-же послушаемъ васъ и тогда рѣшимъ, кто изъ насъ идетъ по Писанію. И всѣ попытки миссіонера завязать разговоръ останутся тщетными, если онъ не проведетъ прежде публичныхъ бесѣдъ со „старшимъ“ у сектантовъ. Такова внутренняя связь между сектантскимъ „пресвитеромъ“ и его паствою и миссіонеру необходимо прежде всего порвать или ослабить именно эту связь и притомъ путемъ гласнымъ, публичнымъ, чтобы внушить къ себѣ довѣріе не только со стороны рядовыхъ сектантовъ, но и мѣстной православной паствы, нерѣдко живущей подъ обаяніемъ „учености“ сектантскаго „пресвитера“. Лишенный въ приходѣ довѣрія, сектантскій „пресвитеръ“ или смиряется духомъ, стушевывается, или еще болѣе ожесточается, чувствуя, что съ потерею своего первенства онъ лишается и многихъ земныхъ благъ... Если-же миссіонеръ начнетъ съ того, чтобы заручиться симпатіями сектантскихъ „пресвитеровъ“ путемъ интимныхъ съ ними бесѣдокъ, то онъ, во 1-хъ, тотчасъ возбудитъ и среди рядовыхъ сектантовъ и среди православныхъ недовѣріе къ своей дѣятельности и тѣмъ обезцѣнитъ особенно въ глазахъ сектантовъ фактъ присоединенія къ православію ихъ „пресвитера“; а во 2-хъ, что очень важно, вскорѣ убѣдится, что среди „передовыхъ“ сектантовъ слишкомъ мало лицъ, искренно и безкорыстно вѣрующихъ въ истину своего „упованія“ и ищущихъ спасенія „по Писанію“. Отсюда, невольно явится у миссіонера неотложная нужда въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе снять съ темныхъ, рядовыхъ сектантовъ умственно-религіозный гнетъ ихъ „передовиковъ“.

Мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы публичныя бесѣды оцѣнивались количествомъ происшедшихъ на нихъ обращеній заблудшихъ въ лоно Церкви и чтобы въ „массовыхъ обращеніяхъ“ видѣть единственную, или хотя-бы главную цѣль публичныхъ бесѣдъ. Что таковыя обращенія на публичной бесѣдѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, *и не могутъ быть*, объ этомъ мы уже сказали. Но къ сказанному считаемъ долгомъ прибавить нѣсколько словъ въ разъясненіе *истиннаго значенія* публичныхъ бесѣдъ.

Прежде всего спросимъ: кто навязываетъ публичнымъ бесѣдамъ вышеупомянутую цѣль—„массовое обращеніе заблудшихъ“? Миссіонеры? Нѣтъ! А кто-же? Это: а) или враги миссіи, стремящіеся возложить на выю миссіонеровъ „иго неудобоносимое“, чтобы затѣмъ проливать „крокодиловы слезы“ о недостиженіи миссіей этой цѣли и, какъ-бы нехотя, ставить на очередь вопросъ объ уничтоженіи миссіонерскаго института, такъ сильно мѣшающаго имъ сѣять на народной нивѣ всевозможные плевелы... б) или искренно желающіе чѣмъ-либо помочь миссіи, но по неопытности дающіе миссіонерамъ неудобоисполнимые совѣты. Я не имѣю никакого желанія говорить здѣсь о тѣхъ печальныхъ явленіяхъ, имѣющихъ у насъ мѣсто, когда люди, *по личной непріязни* къ дѣятелямъ миссіи, трубятъ объ уничтоженіи миссіонерскаго института, для чего только прикрываются тѣмъ соображеніемъ, что миссіонерскія-де бесѣды не сопровождаются „массовымъ обращеніемъ заблудшихъ“!.. Наше слово будетъ только къ искренно ревнующимъ о благѣ Церкви. Только имъ мы скажемъ нѣсколько словъ объ истинномъ значеніи публичныхъ миссіонерскихъ бесѣдъ.

Необходимо принять во вниманіе, что публичная миссіонерская бесѣда ведется съ *представителями* сектантскихъ общинъ, которые связаны съ своими послѣдователями главнымъ образомъ узами не св. Писанія. Насколько дорога „передовымъ“ сектантамъ истина, можно отчасти судить по тому, какъ легко они мѣняютъ секты при условіи *всегда стоять во главѣ*. Сверхъ того, они находятся въ большой зависимости, особенно матеріальной, *со стороны* и эта зависимость несравненно тяжелѣе мѣстной. Вотъ почему миссіонеръ, хотя имѣетъ дѣло на публичной бесѣдѣ съ сектантскимъ „пресвитеромъ“, но преимущественною своею цѣлью поставляетъ воздѣйствовать чрезъ обличеніе и увѣщаніе „пресвитера“ на массу *рядовыхъ* сектантовъ и православныхъ, живущихъ въ общеніи съ сектантами и подвергающихся вліянію ихъ „пресвитера“. Болѣе подробно цѣль публичныхъ бесѣдъ можно формулировать такъ: онѣ даютъ миссіонеру возможность—а) подорвать въ глазахъ крестьянъ авторитетъ сектантскихъ наставниковъ и тѣмъ снять умственно-религіозный гнетъ послѣднихъ какъ съ рядовыхъ сектантовъ, такъ и съ немощныхъ православныхъ, б) открыто защитить православіе отъ нареканій, что оно, какъ говорятъ сектанты, якобы „лишь шепчетъ въ кулакъ“, в) гласно предъ народомъ, въ средѣ котораго работаютъ сектанты—пропагандисты, доказать ложь сектантскаго ученія, г) показать православнымъ на живомъ примѣрѣ, какъ имъ должно защищать

себя отъ сектантовъ ученіемъ Слова Божія [1]), д) подойти съ открытымъ лицомъ, въ сознаніи *доказанной* своей правоты, къ душѣ рядовыхъ сектантовъ и немощныхъ православныхъ, которые въ такомъ случаѣ съ большимъ довѣріемъ и сердечностью откликаются на рѣчи миссіонера, с) поднять въ общей массѣ крестьянъ угасающій и раздуть уже погасшій духъ православія и побудить ихъ не только къ храненію православной вѣры, но и къ защитѣ ея и ж) сильнѣе расположить и приблизить крестьянъ къ дѣятелямъ миссіи [2]) и тѣмъ дать послѣднимъ возможность глубже проникнуть въ тайники религіозной жизни народа и тамъ подготовить благодарную почву для всесторонняго вліянія Церкви на сердца особенно немощныхъ и заблудшихъ ея чадъ. Восьмилѣтній миссіонерскій опытъ убѣдилъ насъ въ томъ, что послѣ успѣшной публичной защиты православія въ душѣ ищущихъ истины, но заблудшихъ, зарождается склонность къ православію, просыпается пытливость и возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, которые нерѣдко также разнообразны, какъ разнообразна религіозная психика крестьянъ. И вотъ тогда уже необходимо прійти на помощь къ каждому больному отдѣльно и *въ частной бесѣдѣ* съ нимъ удовлетворить *его* религіозно-нравственнымъ запросамъ. Впрочемъ, нерѣдко и *частная бесѣда* переходитъ въ публичную, по количеству слушателей.

Частныя бесѣды съ заблудшими, съ немощными православными и даже просто съ вопрошающими чадами Церкви миссіонеръ считаетъ своимъ непремѣннымъ долгомъ вести въ каждомъ приходѣ, конечно, по мѣрѣ физической возможности. Не разъ мы наблюдали, что чѣмъ успѣшнѣе проходила наша публичная бесѣда, тѣмъ больше являлось охотниковъ побесѣдовать съ нами въ тѣсномъ кругу, или наединѣ, тѣмъ откровеннѣе шли эти бесѣды и тѣмъ плодотворнѣе онѣ были. И эта тѣсная связь между публичными и частными или интимными бесѣдами вполнѣ понятна. Вѣдь внутренняя жизнь обыденной личности находится въ большой зависимости отъ настроенія окружающей ее среды.

---

[1]) Съ этою цѣлью православные слушаютъ бесѣду миссіонера съ Библіею или книгами Новаго Завѣта въ рукахъ. По нимъ они слѣдятъ за ходомъ бесѣды, отмѣчаютъ необходимые тексты, провѣряютъ правильность сектантскихъ толкованій и т. п...

[2]) Въ огромномъ большинствѣ случаевъ именно на публичныхъ бесѣдахъ обнаруживаются люди изъ среды народа съ миссіонерскимъ огонькомъ, желающіе и умѣющіе постоять за вѣру православную. Изъ такихъ лицъ затѣмъ формируются въ приходахъ «кружки ревнителей православія».

И если публичная бесѣда создаетъ въ массѣ извѣстное настроеніе, то послѣднее властно прокрадывается въ душу каждаго слушателя и тамъ творитъ обновленіе ея. Такимъ моментомъ и пользуется миссіонеръ, чтобы довершить обновленіе отдѣльной души по завѣтамъ Церкви Православной.

Понятно теперь, что публичныя и частныя бесѣды съ заблудшими и другими чадами Церкви являются для миссіонера главными камнями, на которыхъ онъ строитъ свое миссіонерское зданіе. И мы глубоко убѣждены, что фундаментъ изъ этихъ камней не только прочный, но и крайне необходимый, особенно въ наше время и притомъ въ той средѣ и при тѣхъ условіяхъ, въ какой и при какихъ миссіонеру приходится дѣйствовать. Эти камни, этотъ фундаментъ заложенъ Христомъ. На немъ Церковь со временъ апостольскихъ строила и, увѣрены, что и впредь будетъ строить живой храмъ Господу Богу. Правда, публичная полемическая бесѣда для миссіонера—бремя тяжелое и весьма отвѣтственное. Но снять его съ миссіонера намъ не велитъ наша совѣсть, не велитъ, наконецъ, польза Церкви Христовой и завѣтъ ея Основателя.

Говоря о публичныхъ и частныхъ бесѣдахъ съ заблудшими, мы отнюдь не устраняемъ для миссіонера возможности и даже необходимости, особенно въ зараженныхъ лжеученіями приходахъ, прибѣгать и къ обычной *проповѣди* въ храмѣ и другихъ мѣстахъ, когда слушателями являются почти всегда исключительно православные. Но мы только утверждаемъ, что публичныя и частныя бесѣды съ заблудшими и немощными православными представляютъ собою два главныхъ камня, лежащихъ въ основѣ миссіонерскаго дѣланія. Посему на нихъ и должно быть обращено *особливое* вниманіе миссіонера.

Характеръ миссіонерской полемики. Когда мы отвѣчали на вопросъ: нужна-ли миссіонерская полемика?—то мы начертили два типа полемики: одинъ отрицательный, а другой положительный или апостольскій. Обрисовывая апостольскую полемику, мы тѣмъ самымъ опредѣляли и характеръ миссіонерской полемики. Несомнѣнно, что послѣдняя должна быть запечатлѣна духомъ Апостольскимъ. Она должна быть кротка, назидательна, долготерпѣлива, благоговѣйна, незлобива, привѣтлива и учительна (2 Тим. 2, 23—26; 3, 8; 4, 2). Все, присущее „глупымъ и невѣжественнымъ состязаніямъ“, когда люди спорятъ изъ любви или страсти къ словопреніямъ, должно быть чуждо миссіонерской полемикѣ (1 Тим. 6, 4—5; 2 Тим. 2, 23.). Какъ-бы ни былъ грубъ, бранчливъ и невѣжественъ собесѣдникъ миссіонера,

послѣдній долженъ увѣщевать его съ кротостью, незлобіемъ и долготерпѣніемъ. Болѣе того, къ такому-же отношенію къ заблудшему онъ долженъ побуждать и всѣхъ слушателей, погашая духомъ любви вспышки гнѣва со стороны слушателей на сектанта или на раскольника. Въ крайнемъ случаѣ, если негодованіе слушателей принимаетъ грозный видъ, то тихо и съ любовью внести въ полемику молитвенное настроеніе, пригласивъ всѣхъ пропѣть молитву, или даже отслужить молебенъ о вразумленіи заблудшихъ и затѣмъ спокойно расходиться по домамъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что моленіе, особенно продолжительное, успокоитъ страсти народа и онъ разойдется съ миромъ въ душѣ.

Методика миссіонерской полемики. Вопросъ, *съ чего начинать бесѣды съ сектантами*?—много разъ обсуждался въ миссіонерской литературѣ и на миссіонерскихъ съѣздахъ. Съ своей стороны мы ставимъ отвѣтъ на этотъ вопросъ въ зависимость отъ того, о чемъ собственно долженъ бесѣдовать миссіонеръ? Несомнѣнно, *о вѣрѣ Христовой*. Такихъ бесѣдъ требуетъ отъ него и сектантъ. Здѣсь у нихъ общая точка отправленія. Далѣе предъ ними невольно встаетъ также общій вопросъ: откуда каждый изъ нихъ черпаетъ *вѣру Христову*? У того и другого въ рукахъ Библія. Уже это свидѣтельствуетъ, что оба они пришли побесѣдовать о вѣрѣ Христовой не отъ себя, не отъ собственнаго вымысла, а отъ св. Писанія. Но какъ каждый изъ нихъ смотритъ на книги св. Писанія? Этотъ вопросъ требуетъ разъясненія и есть *исходный* для всей ихъ дальнѣйшей бесѣды. Не разрѣшить его значитъ начать дѣло собесѣдованій съ неизвѣстнаго. Посему и необходимо въ бесѣдѣ съ сектантами прежде всего выяснить взглядъ ихъ на источники христіанской вѣры, съ точки зрѣнія которыхъ они оспариваютъ истину православія и отстаиваютъ свое ученіе. Это важно и по слѣдующимъ практическимъ соображеніямъ: сектантъ черпаетъ свою вѣру только изъ книгъ Св. Писанія или Библіи и старается привить такой-же взглядъ на Библію, какъ на единственный источникъ христіанской вѣры, и православнымъ. Отсюда у православныхъ, общающихся съ сектантами, образуется привычка искать указаній на все, что есть въ Православной Церкви, только въ Библіи. Понятно, что, не находя многаго въ Библіи, они вступаютъ на путь соблазновъ, чѣмъ искусно пользуются сектанты. И если въ вопросѣ объ источникахъ христіанской вѣры не послѣдуетъ у миссіонера соглашенія съ сектантомъ, то все-же бесѣда объ этомъ внѣдритъ въ сознаніе слушателей, что нельзя искать въ Библіи отвѣта на всѣ вопросы вѣры, что есть еще и другой источникъ христіанскаго вѣроученія. А

уже одна мысль объ этомъ предохранитъ многихъ отъ соблазна сектантствомъ. Особенно, если важность Св. Преданія будетъ обстоятельно выяснена и со стороны необходимости его для правильнаго истолкованія Св. Писанія. Такъ что вопросъ объ источникахъ христіанскаго вѣроученія мы считаемъ неотъемлемою принадлежностью и притомъ *начальнымъ* въ полемикѣ миссіонера съ сектантами.

Одновременно съ вопросомъ объ источникахъ христіанскаго вѣроученія, необходимо внѣдрить въ сознаніе сектантовъ и всѣхъ вообще слушателей, что принимаются для разъясненія недоумѣній и «свидѣтельства человѣческія» (Іоан. 5, 9) и что первыя лишь больше и важнѣе послѣднихъ. Это побудитъ сектантовъ изучать исторію церкви и перенести полемику на болѣе сознательную почву, чѣмъ привязанность къ буквѣ Писанія. И самая буква Писанія тогда будетъ ими пониматься несравненно разумнѣе.

Всѣ другого рода вопросы могутъ быть предметомъ бесѣдъ не въ зависимости отъ какого-либо строгаго порядка ихъ, а лишь примѣнительно къ потребностямъ слушателей и немощныхъ чадъ Церкви. При этомъ миссіонеръ обязательно долженъ подкрѣплять свои сужденія и ссылками на Св. Преданіе и свидѣтельствами церковной исторіи, несмотря на то, приметъ ли ихъ или не приметъ его собесѣдникъ-сектантъ. Такимъ путемъ миссіонеръ закрѣпитъ въ сознаніи слушателей весьма важную для успѣха миссіонерскаго дѣла мысль о необходимости рѣшать вопросы на основаніи и другихъ источниковъ, кромѣ Библіи. Да и каждое слово миссіонера будетъ являться обоснованнымъ на извѣстныхъ источникахъ, а не на собственномъ вымыслѣ и чрезъ это будетъ дѣйственнѣе сектантской рѣчи.

Какъ завязать бесѣду съ сектантами? Конечно, этотъ вопросъ возникаетъ только тогда, когда сектанты *молча* присутствуютъ на бесѣдѣ. Въ такихъ случаяхъ необходимо бесѣду вести апологетическимъ методомъ, разбирая несправедливость сектантскаго ученія объ извѣстномъ предметѣ вѣры. Если сектанты не вступятъ въ бесѣду, то указать имъ на повелѣніе Ап. Петра: «будьте всегда готовы всякому, требующему у васъ отчета въ вашемъ упованіи, дать отвѣтъ съ кротостью и благоговѣніемъ». Если опять они не пожелаютъ бесѣдовать, то указать на *противленіе* ихъ заповѣди Ап. Петра. Всѣ эти указанія и увѣщанія должны быть кроткими и назидательными. Исчерпавъ освященные Христомъ и Апостолами способы завязать бесѣду съ сектантами, необходимо дать полную возможность православнымъ высказать

всѣ, накопившіяся и царящія среди нихъ недоумѣнія, а затѣмъ постепенно разрѣшить ихъ. Бесѣда и въ такомъ видѣ принесетъ большую пользу дѣлу миссіи въ приходѣ.

Въ какой формѣ вести бесѣду съ задлудшими? Собственнымъ опытомъ мы убѣдились, что продолжительныя рѣчи обѣихъ сторонъ мало способствуютъ выясненію предъ слушателями, особенно предъ крестьянами, спорнаго вопроса. Получается впечатлѣніе, что и миссіонеръ говорилъ много, и сектантъ не меньше. А на чьей сторонѣ правда, этого собственнымъ умомъ крестьянинъ не разрѣшитъ. Посему лучше вести бесѣду краткимъ діалогомъ или путемъ совопросничества, чтобы каждый вопросъ немедленно получалъ себѣ разрѣшеніе. Это—любимая крестьянами форма собесѣдованій. И только предварять и заключать бесѣду можно болѣе продолжительнымъ словомъ на тему бесѣды. Что касается *перерыва бесѣды* съ цѣлью передохнуть, то это зависитъ уже отъ усмотрѣнія миссіонера, который въ этомъ случаѣ будетъ соображать, не сгладитъ-ли такой перерывъ впечатлѣнія бесѣды на слушателей, не понизитъ-ли въ нихъ отраднаго воодушевленія? Въ своей личной практикѣ я рѣдко прибѣгалъ къ перерыву, хотя бы бесѣда продолжалась и до восьми часовъ. Но если перерывъ сдѣланъ, то необходимо заполнить его пѣніемъ духовныхъ молитвъ и пѣснопѣній, чтобы религіозное настроеніе въ слушателяхъ не превратилось во взаимную распрю по вопросамъ бесѣды и чтобы шумъ и гамъ отъ входящихъ и выходящихъ не нарушали божественной гармоніи бесѣды.

Положеніе собесѣдниковъ. Въ настоящее время сектанты особенно часто стали изъявлять претензіи на то, чтобы во время бесѣды стоять рядомъ съ миссіонеромъ или же смѣнять другъ друга за каѳедрой и чтобы имъ также говорить лицомъ къ народу. Если подобныхъ требованій нельзя отклонить, то миссіонеру никогда не надо сходить съ своего мѣста и уступать его сектанту. Народъ всегда на бесѣдѣ долженъ видѣть *лицо* миссіонера—это психологія бесѣды. Но удовлетворить требованіе сектанта-собесѣдника возможно другимъ путемъ,—это поставивъ ему другую каѳедру, столъ и т. под.

Время бесѣдъ опредѣляется свободою крестьянъ отъ полевыхъ работъ, а *мѣсто* избирается по усмотрѣнію миссіонера и пастыря прихода; причемъ, если возможна со стороны сектантовъ грубость, то въ храмѣ не устраивать бесѣдъ.

Какъ приглашать сектантовъ на бесѣды? Самымъ лучшимъ способомъ долженъ быть признанъ тотъ, когда «кружки ревнителей православія», или вообще православные прихожане, а осо

бенно православные члены смѣшанныхъ семей, сами, по просьбѣ священника или миссіонера, зовутъ сектантовъ побесѣдовать. Но хорошо, если и миссіонеръ съ пастыремъ побываютъ у сектантовъ и лично пригласятъ ихъ на бесѣду въ школу, храмъ и проч. Можно приглашать и письменно. Но всячески должно избѣгать приглашеній сектантовъ на бесѣду чрезъ посредство лицъ, состоящихъ въ приходѣ на полицейской или земской службѣ, чтобы не дать никакого повода къ обвиненіямъ въ насиліи. Единственнымъ основаніемъ приглашенія сектантовъ на бесѣды должны быть слова Ап. Петра (1 Птр. 3, 15) и вообще Св. Писанія.

Полнота миссіонерской полемики. Миссіонерская полемика со стороны разработки въ ней *тѣхъ или другихъ* вопросовъ вѣры и жизни стоитъ въ зависимости отъ требованій текущаго времени. Считаясь съ запросами современности, она рѣшаетъ ихъ въ духѣ ученія Христа и Его Св. Православной Церкви. Наше время съ его рѣзкою соціально-экономическою и политическою борьбою выдвинуло на первую очередь много такихъ вопросовъ, которые раньше лишь изрѣдка всплывали на поверхность житейскаго моря и которымъ посему мало удѣлялось или вовсе не удѣлялось вниманія въ миссіонерской полемической литературѣ. Сверхъ того, эти вопросы нерѣдко рѣшаются теперь у насъ не только отдѣльными лицами, но и цѣлыми партіями, группами и братствами, какъ напримѣръ: партіями соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ, «Группою христіанъ», „Христіанскимъ Братствомъ Борьбы“ и друг.—*на христіанской почвѣ* и проводятся въ жизнь подъ *знаменемъ Христа*. Все это будитъ уснувшую, волнуетъ пытливую мысль христіанина даже въ захолустной деревнѣ, а особенно въ зараженныхъ сектантами приходахъ, гдѣ многіе давно уже лелѣютъ соціально-коммунистическія мечты. Подъ давленіемъ новыхъ думъ и сомнѣній православный горожанинъ, а тѣмъ болѣе сельчанинъ, идетъ за совѣтомъ къ пастырямъ и служителямъ Церкви. И послѣдніе *должны* разрѣшить его сомнѣнія, *должны* успокоить его мятущуюся совѣсть. Посему необходимо, чтобы миссіонерско-полемическая литература обстоятельно и въ доступной для народа формѣ разработала и освѣтила съ христіанской точки зрѣнія слѣдующіе жизненные вопросы нашего времени: во 1-хъ, вопросъ о частной собственности и общности имѣній; во 2-хъ, вопросъ о добромъ и преступномъ богатствѣ, а также о доброй и преступной бѣдности; въ 3-хъ, вопросъ о необходимости и значеніи для человѣка труда; въ 4-хъ—

о власти: ея происхожденіи, свойствахъ и назначеніи; ея правахъ и обязанностяхъ; о необходимости повиновенія властямъ и о крайнемъ предѣлѣ повиновенія; въ 5-хъ—объ истинной свободѣ, равенствѣ и братствѣ; въ частности: о совмѣстимости свободы съ порядкомъ и законностью, а равенства и братства со старшинствомъ однихъ и повиновеніемъ другихъ; въ 6-хъ—о стачкахъ и забастовкахъ; въ 7-хъ—о возмездіи за преступленіе въ связи съ оцѣнкою одного и того же дѣйствія съ точки зрѣнія преступленія и съ точки зрѣнія возмездія или наказанія за преступленіе и въ 8-хъ, наконецъ, всѣ вообще вопросы, выдвинутые разлившимся по всему лицу земли русской ученіемъ соціалистовъ, коммунистовъ, революціонеровъ и анархистовъ. Каждый вопросъ долженъ освѣщаться съ христіанской точки зрѣнія такъ, чтобы въ его рѣшеніи можно было найти и опроверженіе ложныхъ взглядовъ, порожденныхъ тѣми или другими соціальными ученіями. Возьмемъ для примѣра вопросъ о происхожденіи власти. Въ его рѣшеніи, соотвѣтственно нуждамъ нашего времени, надо рельефно обрисовать то положеніе, что узаконяющею власть санкціею является *воля Бога, а не народа*, потому что делегаціею власти отъ народа, какъ суверена, уничтожается взглядъ на носителя власти, какъ на „небеснаго“ или „Божьяго помазанника“, что противорѣчитъ ученію Св. Писанія и, въ частности, ученію Христа и Его св. Апостоловъ и т. д. и т. д...

Кромѣ перечисленныхъ религіозно-соціальныхъ вопросовъ миссіонерская полемическая литература должна пополниться разработкою и вопросовъ чисто-религіозныхъ. Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ вопросъ о взаимномъ отношеніи двухъ завѣтовъ: Ветхаго и Новаго. Сектанты, отрицающіе *„видимость“* въ Церкви: церковные обряды, внѣшнюю сторону въ таинствахъ и пр., обосновываютъ свое отрицаніе на томъ соображеніи, что вся вообще «видимость», о которой упоминаетъ новозавѣтное св. Писаніе, является остаткомъ ветхозавѣтной обрядности. Послѣдняя полностью уничтожена Христомъ. Христосъ пришелъ «исполнить всякую правду»,—говорятъ они,—т. е. выполнить весь ветхій законъ и тѣмъ самымъ отмѣнить его навсегда, что и исполнилось, когда Христосъ въ моментъ Своей смерти сказалъ: «свершилось», т. е. кончился ветхій законъ, какъ о томъ и говоритъ Ап. Павелъ: „кончина закона – Христосъ“. Со смерти Христа начался новый завѣтъ, какъ и сказалъ Христосъ: „новый завѣтъ въ Моей Крови“. Въ новомъ завѣтѣ поклоненіе Богу надлежитъ воздавать въ „духѣ“, а не „видимости“. Если же и послѣ смерти Христа Апостолы придерживались „видимости“, то это потому, что они

не могли сразу отрѣшиться отъ всѣхъ обрядовъ, отъ предписаній своего прежняго закона, а иногда совершали обрядъ, чтобы не соблазнить немощной совѣсти вѣрующихъ изъ іудеевъ. Такъ, они продолжали ходить въ храмъ, приносить жертвы по закону, совершать омовеніе водою или водное крещеніе, молиться руками, мазать елеемъ и проч... Между тѣмъ для истинныхъ христіанъ, которые находятся не подъ закономъ, а подъ благодатью,—всѣ эти дары, жертвы, омовенія и храмы не нужны. Истинный христіанинъ крестится не водою, а въ смерть Христа (Римл. 6, 3), какъ крестился Самъ Христосъ, на что и Апостоламъ Онъ указалъ и т. д... и т. д... И какой вопросъ не поставьте предметомъ бесѣды съ такими сектантами (преимущественно молоканами), они все сведутъ: и храмъ, и водное крещеніе, и елеопомазаніе, и иконы и пр...—къ Ветхому Завѣту, который де полностью отмѣненъ смертью Христа. Такъ что необходимо прежде рѣшить общій и главный вопросъ объ отношеніи Ветхаго завѣта къ Новому. Въ нашей полемической миссіонерской литературѣ этотъ вопросъ почти совсѣмъ не затронутъ, что объясняется сложностью даннаго вопроса. Когда выяснится общая мысль, что не все изъ Ветхаго закона упразднено, что многое видоизмѣнено, а кое-что и оставлено въ прежнемъ видѣ, тогда уже въ каждомъ отдѣльномъ вопросѣ: о храмѣ, иконахъ и т. д... будетъ обсуждаться частная мысль, т. е. отмѣнены ли храмы, иконы и проч...

Въ зависимости отъ такого взгляда сектантовъ на Ветхій Завѣтъ миссіонерская полемика по вопросу, напримѣръ, объ иконахъ, должна исчерпать собою не только возраженія, что „иконы—идолы“, но и болѣе трудныя, когда сектанты признаютъ иконы священными изображеніями, но отрицаютъ ихъ на томъ основаніи, что онѣ даны были для Ветхаго Завѣта и притомъ по повелѣнію Бога. Между тѣмъ послѣдняго рода возраженія въ нашей полемической литературѣ или едва разбираются, или совершенно обходятся. Также и въ вопросѣ о водномъ крещеніи необходимо подробно доказать, что крещеніе не есть ветхое омовеніе. Вообще должно сказать, что сектантская изворотливость въ защитѣ своего ученія прогрессируетъ и новозавѣтную обрядность болѣе умные сектанты отвергаютъ уже не отдѣльными упреками въ идолопоклонствѣ и проч., а общимъ обвиненіемъ въ служеніи буквѣ Ветхаго Закона. Такъ что такое обвиненіе должно предвидѣть при рѣшеніи каждаго вопроса миссіонерской полемики.

Я не касаюсь здѣсь неправильнаго рѣшенія въ нашей полемической литературѣ нѣкоторыхъ вопросовъ, натяжекъ и т. под.

недостатковъ, такъ какъ все это не имѣетъ отношенія къ полнотѣ миссіонерской полемики. Но укажу еще на нѣкоторые вопросы, которые, по моему мнѣнію, должно подробно разработать въ миссіонерской литературѣ. Къ числу такихъ вопросовъ принадлежитъ вопросъ о чудесахъ, какъ признакѣ истинной Церкви Христовой, въ которой пребываетъ полнота даровъ св. Духа. Обличеніе заблужденій жидовствующихъ, хлыстовъ и скопцовъ также требуетъ большого вниманія со стороны миссіонерской литературы. Необходимымъ признаю ко всему сказанному добавить, чтобы каждый вопросъ въ полемической литературѣ обстоятельно разрѣшался при свѣтѣ св. Писанія, св. Преданія и исторіи христіанской Церкви. Польза отъ этого для миссіи неоспорима [1]).

Итакъ, миссіонерская полемика нужна, законна, проявляется въ публичныхъ и частныхъ бесѣдахъ, ведется въ духѣ кротости, назидательности, учительности, долготерпѣнія и благоговѣнія, строится по извѣстной методикѣ и должна исчерпывать полностью недоумѣнные вопросы, со стороны ихъ количества и содержанія.

Харьковскій епархіальный миссіонеръ

Иванъ Айвазовъ.

---

[1]) Въ интересахъ миссіонерской полемики необходимо пользоваться принятыми у сектантовъ «сборниками духовныхъ стихотвореній» и другими богослужебными и вообще духовными книгами, въ которыхъ содержится много матеріала, обличающаго самихъ сектантовъ.

По сектовѣдѣнію.

Духовныя пѣсни скопцовъ Курской епархіи [1]).

III.

9) Вѣчное царство Искупителя откроется страшнымъ судомъ. Вышній Владыка Судія провозвѣститъ о судѣ съ неба трубнымъ звукомъ, потомъ сойдетъ на землю со всею небесною силою, поставитъ вѣсы и всѣхъ потребуетъ къ отвѣту. Страхъ охватитъ тогда всѣхъ. Суда этого недолго ждать. Время его близко. А потому нужно оставить гордость и угоду плоти и со слезами, смиреньемъ и постомъ ожидать пришествія Судіи.

Небеса радость поютъ,
Хвалу Богу воздаютъ
За великій Его трудъ.
Загремитъ Вышній Владыка
Во двѣнадцать страшныхъ трубъ.
На матушкѣ на землѣ,
Во израильской семьѣ.
Судить Агнецъ будетъ судъ.
Такого страшнаго суда
Не бывало никогда,
А судилъ вамъ Мой пророкъ,
Покрывалъ грѣшнымъ порокъ—
Онъ до время до поры,
Чтобы ждали. Съ Сіонъ горы
Катитъ грозенъ къ намъ гонецъ
Саваоѳъ Господь Творецъ,
Милосердый нашъ Отецъ,
Избранный Божій Сынъ,
И вся сила Божья съ Нимъ--
Все Ангелы, Архангелы,
Херувимы, Серафимы
И вся сила Свѣтъ небесна.
Утвердитъ Нашъ Государь
Свои страшные вѣса,

[1]) См. «Мисс. Обозр.» 1906. № 3.

Поколеблются тѣлеса,
И отъ страха Его гласу,
Грома страшнаго, ужаса,
Многи будутъ держать страхъ.
Судья скажетъ—на отвѣтъ,
А кто не хранилъ мой свѣтъ,
И не шелъ во мой слѣдъ?..
Всѣ ли Богу, мои дѣти,
Держите данны вамъ завѣты?..
Я вамъ милости снискалъ.
Соловей гнѣздо свивалъ,
По ночамъ онъ рано пѣлъ,
А виноградъ мой бѣлый
Въ садахъ спѣлъ и зеленѣлъ.
На древа ваши садился,
Сладкимъ пѣньемъ усладился.
Почто вѣтви повредили,
Живу Богу не угодили,
Страдать Его проводили,
Плоть богатствомъ оградили?
Тѣмъ вы души погубили,
Всюду цвѣты посорвали,
Плоды мои поснимали,
На бесѣдахъ много спали,
Во саду моемъ зеленомъ
Соловью мѣста не дали.
Въ томъ поруку вы давали,
Чтобы муку миновали.
Я жалѣлъ васъ, Искупитель,
Чтобъ отъ стадичка не отстали.
А теперь вы мои други,
Предъ судомъ вы Божьимъ стали.
Спохватитесь, мои други;
На святой Божьей округѣ
Вертитеся, мои други.
Когда крестъ не понесете,
То и души не спасете.
Сребра и золота у васъ много,
Заставили страдать Бога.
До суда времени немного.
Вы вставайте, пробудитесь
Отъ тѣлеснаго, други, сна,
Свѣтильнички въ сердцѣ жгите
Меня Бога съ судомъ ждите.
Дни златые провожайте,
Плотямъ своимъ не угождайте.
А судъ страшный ужъ у двери.
Всѣ пороки обозрите,
Во слезахъ Бога примите,
Во кротости, во смиреньи

Мои други помолитесь,
Другъ на друга не гордитесь.
Скоро Батюшка родимый
До насъ грѣшныхъ умилится,
И съ покровомъ къ намъ явится,
По заслугамъ дастъ награду,
Своимъ вѣрнымъ—отраду,
Соберетъ овецъ въ ограду,
Которыя безъ пороку—
То—учители, пророки,
Чины дѣвственны непорочны,
Грѣховъ тяжкихъ недоточны.

10) Судъ будетъ въ Москвѣ. Искупитель батюшка откроется съ чудесами. Онъ вострубитъ во сто трубъ—и вся Россія изумится его славному явленію. Соучастникомъ въ судѣ будетъ Духъ Святой и Матушка Царица. Времени до суда немного. Нужно поститься, говѣть и терпѣть, чтобы съ честью встрѣтить Христа. Нужно оставить также и всякую заботу о тѣлѣ, а вмѣсто того—пріобрѣтать сокровища духа—вѣру, любовь, чистоту и смиренье.

Успенья Божья Мать,
Пошли свою благодать
Во всѣ чистыя сердца
Проповѣдать про Отца.
Пошли Сына съ высоты,
Мы остались сироты.
Души плачутъ въ тѣлесахъ—
Виденъ Агнецъ въ небесахъ.
Унываетъ Духъ нашъ въ тѣлѣ,
Ждемъ на всякой мы недѣлѣ.
Духъ Святой насъ утѣшаетъ,
Въ страхѣ время совершаетъ.
Судитъ Матушка Царица,
Полетитъ къ намъ Орелъ птица.
Ужъ этому не бывать,
Чтобы вѣрнымъ унывать.
Откроется Богъ Богамъ,
Судья праведный нашъ самъ.
Откроется съ чудесами—
Увидите тогда сами.
Объявится Царь предъ нами,
И не будетъ Москва въ пламени,
Не сгоритъ она, не утонетъ,
И никто ее не тронетъ.
Отецъ числа отстрадалъ
И на крестъ Себя отдалъ.
Духъ евангелье складалъ,
Всѣ страды его, терпѣнье.

Сама Матушка Успенье
На Господа уповала,
На глась она распѣвала,
Въ соборъ Христа убирала,
Который за насъ умиралъ.
На крестѣ онъ Свѣтъ распятъ.
Прогекли рѣки Его кровью.
Судить судъ Онъ будетъ вновь.
Судитъ Матушка Царица
И Духъ Святой—райская птица.
Катитъ съ неба колесница
Къ Ильѣ Божію пророку.
Отъ Христа чиста дорога
А время идетъ немного.
Съ чѣмъ мы встрѣтимъ жива Бога?
Его жизнію, страдами.
Тѣмъ мы ему не угодили—
Далеко Свѣта проводили.
Вотъ какое, други, дѣло
Что намъ Матушка запѣла—
Сердца наши обогрѣла
Съ неба своей теплотою
И покрыла высотою,
Приказала Христа ждать,
Чтобы въ очи увидать
А намъ надо поболѣть,
Попоститься, поговѣть
И душою пострадать,
Чтобы честь Христу отдать.
Возлюбите Божье слово,
Не ходите безъ покрова,
Ожидайте моей славы,
Приклоните свои главы
Живъ Богъ, живъ Царь нашъ на свѣтѣ,
А мы, Свѣтъ нашъ, Твои дѣти.
Ожидайте съ неба судъ,
Великъ Батюшка твой трудъ.
Какъ вострубитъ во сто трубъ,
Всю Рассею удивитъ,
Насъ счастливыми явитъ.
Всѣмъ намъ гласъ свой подаетъ,
Птица райская вѣщаетъ.
Чистота въ крылахъ летаетъ
Прямо къ своему Отцу,
А время идетъ къ концу.
Вы подумайте о томъ,
Оставляйте всякъ свой домъ,
Не жалѣйте тѣлеса,
Ждите съ неба чудеса,
Любовь пойте на гласа.

Довѣряйтеся тому—
Богъ живетъ въ чистомъ дому,
Завсегда съ дѣтьми бесѣдуетъ
И никто про то не вѣдаетъ.
Мы возьмемъ ему вѣру,
Любовь, правду, чистоту;
Какъ оставимъ простоту,
Тѣмъ дойдемъ мы въ высоту.

11) Государь Батюшка заповѣдуетъ дѣтушкамъ достойно приготовиться къ суду—оставить все тѣлесное, взять одно только небесное. О томъ же завѣщалъ и Илья пророкъ, который заповѣдалъ молиться и не дѣлать грѣховъ „слабости".

Проглаголовалъ Государь
Изо устъ своихъ златыхъ:
Кабы вы, мои любезные,
Жили бы да не грѣшили,
А меня, жива Бога,
Отъ себя не отпустили.
Кабы вы, мои любезные,
Оставили все тѣлесное,
А взяли бы небесное.
Его дѣти не стерпѣли,
За нимъ во слѣдъ полетѣли,
Просвирочки получали,
Сами голосомъ кричали,
Что судьбу не замѣчали.
Они въ пречистыхъ рукахъ были,
А сердцами крѣпко ныли.
Была намъ, други, судьба—
Дождемся страшнаго суда.
Илья пророкъ загремѣлъ,
Слабо жить всѣмъ не велѣлъ.
Молитеся, не унывайте,
Отъ слабости отставайте.
Оглянитеся назадъ,
Обозрите всѣ пороки,
Въ чемъ вы прежде находились.
А нашъ Батюшка силенъ,
У него гора Сіонъ,
Мы дождемся тѣхъ временъ,
Какъ пойдетъ Царь нашъ со славой,
Объявитъ онъ свой указъ
Не будетъ вѣрнымъ отказъ,
А грѣшнымъ откажу,
Хоть на время погожу
И Аминь слово скажу.

12) Есть и другіе варіанты на ту же тему о страшномъ судѣ.

Царь Искупитель сойдетъ на землю съ ключами отъ неба. Съ нимъ сойдетъ и вся небесная сила. Все небо зажжется тогда свѣчами. Искупитель сойдетъ на землю, подниметъ бѣлое знамя и поставитъ тронъ. Его окружатъ царіи и патріархи. Херувимы и серафимы будутъ стоять около трона. Илья пророкъ съ Предтечею будутъ держать надъ нимъ корону. Тутъ же будетъ присутствовать и ап. Петръ съ ключами отъ темничныхъ дверей. Искупитель зазвонитъ въ большой колоколъ, и по этому звону соберутся въ Москву всѣ его вѣрныя сироты. Явный Царь Россіи будетъ преслѣдовать „дѣтушекъ“ мученіями, но Искупитель оградитъ ихъ чудесами.

Во превышнемъ небѣ,
Въ пресвѣтломъ раю
Отъ престола Духа Свята
Нову радость запоемъ.
Саваоѳу живу Богу
Убратъ тайный кабинетъ,
Скоро будетъ новый вѣкъ,
Будетъ радость во весь свѣтъ.
Саваоѳъ со славой будетъ,
Со небесными ключами,
И все небо со свѣчами
Сына Божія встрѣчать.
Матерь Божія вначалѣ
Непорочна чиста дѣва
Во престолѣ жалко пѣла
И молила Тебѣ, Свѣтъ:
Почто страдамъ конца нѣтъ.
Кроткій Агнецъ отвѣчалъ:
Страдамъ моимъ есть началъ
Во имя Вышняго Творца,
А страдамъ нѣту конца.
Скоро придетъ пора время,
Подниму я бѣлое знамя,
Объявлю скоро указъ,
Приготовьтесь на мой гласъ,
И реку я въ одинъ часъ.
Дни, минуты тѣ настали,
Херувимски полки стали,
Серафимски поютъ славу,
Преклоняютъ низко главу.
А небесны патріархи
Всѣ страдатели монархи
Управляютъ Отца тронъ
Илья пророкъ со Предтечей
Держатъ Агничу корону.
Всѣ Ангелы, Архангелы

Къ суду страшному готовы
На главахъ вѣнцы покровы,
И Архангельски соборы.
Свѣтелъ мѣсяцъ со лучами—
Петръ Апостолъ со ключами
У темничныхъ у дверей,
Гдѣ нашъ Агнецъ Богъ Владыка
И небесный Архіерей
Сократилъ Онъ, Государь, .
Гордыхъ, лютыхъ Онъ звѣрей.
Отопри замки, печати,
Пора страды покончати,
Чинамъ дѣвственнымъ, непорочнымъ
Жива Бога въ ризы бѣлыя облачати.
А вы дѣтушки любезны
Извольте судъ мой замѣчать.
Въ Словѣ Божьемъ говорится:
Огнемъ грѣхъ загорится.
Духъ глаголетъ пресвятой:
Несите крестъ распятый свой,
И законъ чистый, святой.
Я открылъ вамъ тайный свѣтъ,
Призову всѣхъ на отвѣтъ,
Зазвоню я въ большой звонъ,
Во всю землю будетъ стонъ
Соберу своихъ сиротъ.
О, прекрасная Москва!
Ты прославилась весьма.
Въ тебѣ будетъ Искупитель
Судъ со славою судить.
Обѣщался Искупитель
Всѣ иконы позлатить,
Златы вѣнцы накладать,
Чтобы небомъ завладать.
Чудесами Москву прославлю,
Я и Питеръ такъ не оставлю
Храбрыхъ воиновъ поставлю.
Тогда, други, не робѣть.
Царь васъ будетъ совращать,
Честью, славою прельщать
И мученіемъ тращать.
Многихъ звѣри растащатъ
Въ темные лѣса,
Въ черные моря,
А съ вами Богъ, страдальцами,
Чудеса буду творить.
Ильи Пророка отъ престолу
Колесница загремитъ.

13) Судъ искупителя настолько близокъ, что считается какъ бы

совершившимся фактомъ: воображеніе уже рисуетъ возвращающагося изъ ссылки Искупителя. А съ нимъ—силы неисчетныя: милліоны и билліоны скопцовъ, какъ стаи бѣлыхъ голубей, тучами летятъ встрѣчать его славное явленіе.

Отъ бѣлой зари,
Отъ крутой горы,
Отъ Иркутской,
Выкатало къ намъ
Красно Солнышко—
Сударь Батюшка,
Искупитель Свѣтъ
Выкаталъ онъ къ намъ
Яснымъ Солнышкомъ.
Полный Духа Свѣтъ
Кораблемъ плыветъ.
Въ кораблѣ томъ
Огонь, полымя.
Жарка молнія.
Въ корабляхъ силы неисчетныя
Милліонами, билліонами
Бѣлы голуби летятъ тучами,
Летятъ тучами,
За крестъ мучены,
Все скопцы, бѣльцы,
Земли греческой,

Въ слѣдующихъ двухъ пѣсняхъ изображаются обстоятельства возвращенія Искупителя-Селиванова изъ ссылки въ Петербургъ (въ 1802 г.), когда онъ нѣкоторое время пользовался свободой и покровительствомъ Императора Александра I-го.

14) Искупитель сидитъ на царскомъ тронѣ, въ порфирѣ и коронѣ, имѣя въ рукахъ державу и щитъ. Явный царь ему служитъ защитникомъ.

Какъ во Питерѣ во градѣ,
При духовномъ виноградѣ,
Жили праведны въ оградѣ.
Стоялъ тамъ Божій домъ,
Радости были всѣ въ немъ.
Онъ со царскимъ со тономъ,
Со небеснымъ со покровомъ.
Сидѣлъ Батюшка на тронѣ,
Онъ въ порфирѣ былъ въ коронѣ,
А въ правой ручкѣ держава,
А въ другой ручкѣ два щита,
А явный царь ему былъ защитой.

15) По другой пѣснѣ, Селивановъ изображается въ Сенатѣ, среди царя и вельможъ ходатайствующимъ за свободу своихъ дѣтушекъ.

Онъ страдаетъ за насъ Свѣтъ,
Вспомнимъ всякъ его завѣтъ.
Онъ намъ притчу говорилъ,
Неволюшку растворилъ,
Открылъ волюшку на вѣкъ.
О томъ Духъ намъ святой рекъ.
Вы служите Отцу съ вѣрою,
Иди всякій его путемъ смѣло,
Нашъ Батюшка лучемъ свѣтитъ,
За всѣхъ за насъ отвѣчаетъ,
Хотя слезы проливаетъ.
Ко царю тайно катитъ,
Царское сердце сокращаетъ
Рукой, сильною десницей
Во Сенатѣ, при всѣхъ лицахъ.
Удивляются вельможи,
Что премудрый идетъ Судъ Божій.
Творитъ Онъ волю по глаголу,
Перемѣняетъ нашу волю,
А намъ плакать надо болѣ.
Наливайте слезъ сосуды,
Разбирайте Божьи суды,
Не угождайте плоти ради,
Поминайте Божьи страды.
Принесите всякъ плоды
Совершенные къ Отцу,
Приготовьтеся къ вѣнцу,
Будьте чисты всѣ сердцами,
Предстань всякій предъ зерцаломъ
Во пророческихъ трубахъ.
Пребывай всякъ во трудахъ,
Во любви, вы во совѣтѣ,
Чего нѣтъ краше на свѣтѣ.

* * *

Кромѣ пѣсенъ въ честь Искупителя, къ разряду вѣроучительныхъ пѣсенъ нужно отнести нѣсколько стиховъ, прославляющихъ Пречистую Матушку Богородицу, нѣкоторыхъ пророковъ и ангеловъ.

16) Матушка Богородица есть достойная царица, скорая помощница въ житейскихъ бѣдахъ. Къ Ней нужно прибѣгать въ молитвахъ.

Достойная Матерь Божія
Засудила судъ неложный,
Строго съ гнѣвомъ поступила,
Жива Бога откупила
Казною своею небесной.
О, достойная Царица
Приказала всѣмъ молиться
И слезами горько литься,
Удостоилась страдати,
Душу святостью награждати
Многихъ въ царствіе провожати.
Всѣхъ насъ грѣшныхъ прощаетъ
Къ намъ на помощь поспѣшаетъ
Научи насъ Чистая Дѣва,
Какъ прожить намъ здѣсь безъ гнѣва.
Станемъ Христа Бога славить
Святой престолъ Ему ставить.
Пришло время прославляться,
Второму Христу являться.
Началъ въ небѣ творить будетъ,
Какъ Нашъ Батюшка засудитъ,
Во все небушко затрубитъ,
Во всей землѣ будетъ слышно,
Это отъ Батюшки намъ вышло.
Сойдетъ съ неба суда много
Про живого Христа Бога
Всѣ года, числа поставить
И часы его прославить
Предъ лицомъ Творца прославить,
Достойно есть съ Богомъ поздравить.

17) Матушка Богородица научаетъ своихъ дѣтушекъ радѣнію. Радѣніе — ремесличко Божіе, трудъ Божій. Радѣть нужно усердно, неустанно. Съ радѣніемъ должно соединять молитву, чтобы благополучно переплыть житейское море и не увязнуть въ тинѣ мірской жизни. Пѣсня изображаетъ далѣе пречистое Успенье Богородицы и приводитъ ея предсмертные завѣты и наставленія. Смерть Богородицы сравнивается съ закатомъ солнца. Для принятія тѣла усопшей Богородицы Батюшка посылаетъ съ неба цѣлый полкъ ангеловъ со свѣчами. Четыре патріарха на пеленахъ несутъ ея пречистую главу въ седьмое небо, гдѣ будутъ называть ее царицей.

Наша Матушка родная въ полку пребывала,
Она вѣрныхъ избранныхъ научала,
Ремесличко имъ Божіе вручала:
Вы, возлюбленные мои дѣтушки, радѣйте,
Божіимъ ремесличкомъ владѣйте,

Что которое главы сильныя вамъ вручала,
И служить живому Богу научали.
Безпрестанно труды въ небо предносите,
А у Батюшки вы милости просите,
Чтобы вамъ житейское море переплыти
Да у Батюшки въ Сіонѣ градѣ быти,
Посреди вамъ синяго моря не погрязнуть,
А при краюшкѣ вамъ въ тинѣ не увязнуть.
О, великая надежда наша Матерь!
Жаль Пречистую твою плоть землѣ предати,
Чтобъ намъ Матушку родную не видати,
Изъ пречистыхъ устъ глаголу не слыхати.
Неотступно она Саваоѳа проситъ
Изъ очей она слезушки роситъ,
И сердечныя колѣна преклоняетъ,
Сама себя предъ Батюшкой извиняетъ:
Государь, Родной Батюшка помощникъ,
Помоги мнѣ сиротѣ корабль управить
А святое твое имячко прославить.
Съ востока красное солнышко выходило,
И за темныя оно облака заходило
И покрыло сыру землю темнотою.
А вѣрные избранные замѣчали,
Что не будетъ ли отъ Батюшки печали,
Не пошлетъ ли полкъ ангеловъ со свѣчами
И четыре патріарха съ пеленами
И положатъ нашу Матушку Родную
Понесутъ ее въ седьмое небо ко престолу,
Пречистую главу будутъ принимати
И царицей ее будутъ называти.
О великая Царица наша Матерь!
Жаль пречистую твою плоть къ землѣ предати,
Неутѣшно будутъ праведные рыдати,
Знать намъ Матушку Родную не видати,
Изъ пречистыхъ устъ глаголу не слыхати.
Наша Мать глаголетъ слова строго:
А вы будьте, мои дѣтушки, готовы,
Вы, снимайте съ рукъ и съ ногъ оковы,
Смиренныхъ нашъ Батюшка принимаетъ,
Горделивыхъ же онъ отметаетъ,
Онъ и хочетъ ихъ нещадно покарати,
Что нельзя имъ это время воротити.
По рукамъ и по ногамъ ихъ тогда свяжетъ,
Отъ вѣчнаго царствія небеснаго откажетъ.
Тогда злѣй будутъ страдати,
Что не умѣли ремесличкомъ Божіимъ владати,
Тѣмъ лишилися небесной благодати.

18) Матушка Богородица требуетъ отчета у пророковъ—всегда ли они усердно радѣютъ и не угождаютъ ли плоти. Она даетъ

имъ наставленіе упражняться въ чтеніи евангелія и чаще возноситься мыслями къ небу. За это въ небѣ ихъ приметъ Саваоѳъ и облечетъ ихъ въ золотыя ризы. Сама же Матушка неизмѣнно пребываетъ съ радѣющими.

Наша Матушка родная
Со соборомъ покатила,
Всѣхъ пророковъ запросила:
Нутка, здравствуйте, пророки,
Каковы ваши истоки,
Какъ часто ходите,
Какъ на кручи водите,
По округѣ ходите,
А плотямъ волю даете;
Это надо прекратить,
Только въ небушко ходить.
Читайте евангеліе—
Примутъ въ небѣ ангелы.
Саваоѳъ будетъ встрѣчать
Въ златы ризы облачать.
Наша Матушка родная
По округѣ покатила,
Служителей удивила.
Служители совстрѣчали
Они свѣчи засвѣчали.
Наша Матушка нетлѣнна,
Какъ солнышко, непремѣнна,
Во трехъ лицахъ возсіяла,
Всѣхъ покровомъ покрывала.
Свѣтъ нашъ Батюшка Родимый
Во гостяхъ у насъ бываетъ,
Нагостился, распростился,
Въ седьмо небо укатился,
Засудилъ Божьимъ судомъ,
Взялъ Сына къ себѣ въ домъ,
Одно словечко сказалъ,
Строго Сыну приказалъ:
Ужъ ты Сынъ ты мой сынокъ,
Я дарю тебѣ замокъ,
Еще золоты ключи,
Чтобъ не спать тебѣ въ ночи—
Братьевъ, сестеръ собирать,
Всѣхъ ихъ кротко научать,
Ко царствію прилучать,
Постригать ихъ во монахи,
Нарекать имъ имена,
Отдавать имъ стремена,
Золотыя удила
Зануздывать свою плоть
Не пускать ко аду плоть.

Вы припомните поруку,
Обойдите горьку муку.
Свѣтъ нашъ Батюшка Родимый
На седьмомъ небѣ катаетъ,
За престоломъ обитаетъ,
Вокругъ ангелы летаютъ,
На свои жалостные корабли
Свѣтъ очами онъ взираетъ,
Всѣмъ избраннымъ сиротамъ
Милость Божью посылаетъ
И покровомъ покрываетъ.

19) Наряду съ Матушкой Богородицей прославляется архангелъ Гавріилъ, предвозвѣстившій ей тайну рожденія отъ нея Искупителя.

Избранная Воевода,
Наша Матушка Родная,
Благодатная Марія
Благовѣщенье имѣла.
Архангелъ Гавріилъ
Тайну Божью объявилъ,
На округѣ не молчалъ,
Неоднократно возвѣщалъ,
Святымъ Духомъ отвѣчалъ.
Жива Бога назначалъ.
Чистая Дѣва ввѣрилась,
По глаголу сотворилась.
Святымъ Духомъ воспалилась,
Благодать ей съ неба лилась.
Живой источникъ течетъ,
Духъ Святой ко всѣмъ речетъ.
Птица райская поетъ
Гласъ небесный подаетъ,
Приказъ новый отдаетъ.
Кто изъ васъ, други, пойметъ,
Про Спасителя Христа
Путь дороженька чиста...

20) Прославляются также пророки—Даніилъ, Энохъ и Илія, долженствующіе предварить своимъ пришествіемъ судъ Искупителя. Пророкъ Илія прославляется, какъ примѣръ спасительнаго страданія и терпѣнія:

Илія пророкъ былъ славенъ,
Его жизнь была невольна,
Били всѣ его довольно,
Онъ въ горахъ больше скрывался
Да слезами заливался.

21. Энохъ и Даніилъ вмѣстѣ съ Ильею пророкомъ устраиваютъ ковчегъ для всѣхъ Божіихъ людей—для бѣлыхъ голубей, и увѣщеваютъ ихъ плыть въ этомъ ковчегѣ внизъ по тихому Дону къ спасительному дому Давидову, гдѣ Божій судъ и правда.

Даніилъ, Энохъ, Илья,
Они судари пророки
Построили ковчегъ
Для Божіихъ людей
Для бѣлыхъ голубей.
Ребятушки молодцы,
Проплывемъ-те мы, ребята,
Внизъ по Тихому по Дону,
Ко Давидову мы дому,
Проплывемте мы туда,
Гдѣ Божіи суда.
Протрубила къ намъ труба
Блаженная изъ рая.
Кто во трубушку трубилъ,
Того Батюшка любилъ,
Еще жаловалъ, дарилъ,
Онъ конями, богатырями,
Еще царствіемъ небеснымъ,
Еще раемъ преблаженнымъ.

Этимъ мы и закончимъ обзоръ духовныхъ пѣснопѣній скопцовъ Курской епархіи. Мы далеки отъ мысли, что приведенныя пѣснопѣнія обнимаютъ собой весь пѣсенный матеріалъ, находящійся въ обращеніи среди сектантовъ. Но думаемъ, что онѣ въ достаточной полнотѣ раскрываютъ міровоззрѣніе сектантовъ, касаются всѣхъ главнѣйшихъ сторонъ скопческаго ученія и достаточно ясно показываютъ, насколько вообще безотрадно міросозерцаніе скопцовъ, какъ далеко оно отъ вѣяній жизни и какъ оно мертво. Отчужденіе отъ всякихъ радостей и счастья жизни, призывъ къ терпѣнію, къ страданію, къ безстрастію, соединенному фактическимъ самоизуродованіемъ, и къ яко бы ангелоподобной жизни, проникающіе собой разсмотрѣнныя пѣсни, сообщаютъ скопчеству характеръ сложнаго религіознаго психоза, противный истинѣ подлиннаго христіанства.

Священникъ Владиміръ *Шевалеевскій.*

Какъ проповѣдуютъ книгоноши.

(*Изъ отчета миссіонера — книгоноши*).

Прихожу я въ одинъ молоканскій домъ и предлагаю купить книги.

„А нѣтъ-ли у тебя портретовъ нашихъ воякъ — Куропаткина, Макарова, Стесселя?—спрашиваетъ меня старикъ: —вотъ ихъ-бы мы купили, пожалуй".

— Нѣтъ, говорю, такихъ нѣтъ. А есть у меня портреты тѣхъ воиновъ, которые побѣдили не японцевъ, а всѣ силы ада.

„Да это кто-же такіе?"

— А Господь, апостолы...

„О, это ты про иконы что-ли!?"

— Да, да, про портреты нашихъ защитниковъ отъ враговъ невидимыхъ.

„Э, этого намъ не нужно, мы о нихъ читаемъ въ Евангеліяхъ; изображенія ихъ безполезны".

— Эхъ, старина, старина, грѣхъ тебѣ! Вѣдь и про Куропаткина-то ты небось читаешь въ телеграммахъ и газетахъ. И кажется, довольно-бы. Нѣтъ, ты еще спрашиваешь ихъ картины. Для чего? почему? Да читать про кого-нибудь — это одно, а кромѣ того хочется еще видѣть и портретъ или картину. Читаешь ты, примѣрно, про сраженіе. Нѣтъ, мало того, ты еще повѣсишь на стѣну и картину этого сраженія: такъ оно понятнѣе, виднѣе, да и сердце больше трогается. А вѣдь въ спасеніи—въ этомъ все, чтобы сердце обратить къ Богу...

И начавъ отъ сего, я благовѣствовалъ имъ о душевной пользѣ христіанскаго иконопочитанія и его различіи отъ языческаго идолослуженія.

Другой разъ, усталый, я попросился въ молоканскій домъ попить чайку.

„Слышу я про тебя, дядя, говоритъ мнѣ за чаемъ хозяинъ, что ты знаешь въ Словѣ Божіемъ. Вотъ и библію съ собой носишь. Но зачѣмъ же ты продаешь несогласное съ Писаніемъ?"

— Ты это про что? Какъ это несогласное?

„Да вонъ у тебя въ коробѣ иконы".

— То-то и есть, что несогласнаго-то въ нихъ съ Писаніемъ равно ничего нѣту.

Я пододвинулъ коробъ и сталъ вынимать изъ него одну за другой бумажныя иконки.

— Вотъ тебѣ, смотри, напримѣръ,—взялъ я одну,—нарисованъ Христосъ, на крестѣ распятый среди двухъ разбойниковъ; у креста стоитъ Богословъ и Богоматерь; вдали — городъ; кругомъ—толпа народа. Вѣдь это же все изъ Писанія. Не вѣришь?

И я раскрылъ Евангеліе и сталъ читать о распятіи.

Вотъ въ этой близости къ народу, простотѣ логики, естественности и жизненности построенія проповѣди—сила и польза книгоношества—миссіонерства. *Влад. Базаряниновъ.*

По расколовѣдѣнію.

Какъ смотрѣть на Бѣлокриницкую іерархію.

Послѣдователи Бѣлокриницкой іерархіи добиваются признанія ея законности, хотя-бы чрезъ Константинопольскаго патріарха, и обвиняютъ православную Россійскую Церковь въ люциферіанской ереси за то, что при обращеніи членовъ означенной іерархіи къ православной церкви ихъ принимаютъ какъ простецовъ-мірянъ, или иноковъ. Нѣкоторые, хотя этого обвиненія и не высказываютъ, но заявляютъ, что при пріемѣ ихъ въ сущихъ санахъ имъ легче было-бы придти къ соединенію съ православною церковью. Заявленія эти могутъ быть неискренни, искусительны только въ извѣстныхъ расчетахъ, но есть и такія, искренность которыхъ заподозрить нельзя. Отсюда является необходимость установить точный взглядъ на Бѣлокриницкую старообрядческую іерархію, дабы опредѣлить и способъ пріема обращающихся. Взглядъ этотъ можетъ и долженъ быть установленъ съ двухъ точекъ зрѣнія: со стороны догматико-канонической и церковно-практической, такъ какъ вопросъ о способахъ принятія въ церковь обращающихся не догматическій, почему въ разныя времена церковь рѣшала его не единообразно и не на основаніи только теоретическихъ принциповъ, но и по церковному усмотрѣнію пользы, или вреда для церкви.

Мнѣніе наше со стороны догматико-канонической (теоретической) нижеслѣдующее:

И прежде всего необходимо установить раздѣльность понятій „догматическій“ и „каноническій“, часто сливаемыхъ, отъ чего получаются невѣрныя, или, по меньшей мѣрѣ, недостаточно точныя представленія о предметѣ и всегда спутанность въ разсужденіяхъ по извѣстному вопросу. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ они и на самомъ дѣлѣ сливаются, но во многихъ не могутъ быть сливаемы. Иллюстрируемъ нашу мысль двумя примѣ-

рами, касающимися таинствъ крещенія и брака,—которые едва-ли кто станетъ оспаривать. Возьмемъ вопросъ о крещеніи съ нѣкоторыхъ, относящихся къ намъ сторонъ. Согласно повелѣнію Господа оно должно совершаться „во имя Отца и Сына и Св. Духа“ (сторона догматическая, непреложная), такъ что крещеніе, по Господней заповѣди совершенное, есть дѣйствительное, а вопреки ея—не дѣйствительное и крещенный все равно, что не крещенъ; въ апостольскихъ правилахъ оно называется еретическимъ по существу и потому, что въ то время такіе еретики были, которые нарушали заповѣдь Христову (подробно сіе раскрыто въ нашемъ сочиненіи: „Критическій разборъ ученія безпоповцевъ“). Но есть другія стороны въ совершеніи этого таинства. По церковному устроенію, по правиламъ и практикѣ крещеніе долженъ совершать священнослужитель, по извѣстному чину, извѣстнымъ способомъ (погруженіемъ). Нарушеніе сего, особенно въ обдержность введенное, будетъ противозаконно, но дѣйствительности его такая противозаконность не уничтожаетъ: крещенный крещеннымъ и останется. Принципъ св. Кипріана, что „еретическое“,—въ смыслѣ всякаго еретика или раскольника,—„крещеніе нѣсть крещеніе, но паче осквернѣніе“, церковью не принятъ. Вотъ почему, признавая крещеніе нашихъ безпоповцевъ незаконнымъ, мы, при обращеніи кого-либо изъ нихъ въ прав. церковь,—не повторяемъ его. Тоже нужно сказать и о бракахъ. Чтобы бракъ былъ церковнымъ таинствомъ, нерасторгаемымъ (за исключеніемъ извѣстной причины), требуется молитвенное благословеніе церкви, низводящее на брачущихся извѣстнаго вида благодать. Таково вѣрованіе нашей церкви. Въ этомъ его дѣйствительность.

Но законность его совершенія обставлена еще большими условіями, до троекратнаго предбрачнаго оглашенія. Нерѣдко бываетъ, что условій этихъ не соблюдаютъ, совершитель подвергается дисциплинарному наказанію, но бракъ не расторгается, но остается дѣйствительнымъ. Иногда, какъ сказали мы, законность и дѣйствительность сливаются, напримѣръ: если повѣнчать кого-либо при живой женѣ, или брата на родной сестрѣ,—иногда же, повидимому, полная законность, напримѣръ: собраніе всѣхъ документовъ, не дѣлаетъ бракъ дѣйствительнымъ, который и расторгается; но это далеко не всегда и главнымъ образомъ по отношенію только къ браку, который есть установленіе не исключительно церковное, и церковно-гражданское.

На основаніи сказаннаго думаемъ, что понятіе дѣйствительности нужно отличать отъ понятія законности и еще отъ понятія благодатности, о которомъ скажемъ ниже. Первое, какъ и

третье, входятъ въ область вѣрованій (догматъ), второе въ область права. И еще полагаемъ, что такое расчлененіе не есть пустая схоластика, а необходимо вызывается силою вещей, чтобы получить точно-раздѣльное о предметѣ представленіе, что далѣе еще яснѣе увидимъ.

Итакъ приступаемъ къ посильному рѣшенію поставленнаго вопроса о Бѣлокриницкой іерархіи, имѣя въ виду установленную нами точку зрѣнія.

I. Когда мы видимъ предъ собою старообрядческаго архіерея (по австрійскому священству), или священника (по гражданскому термину „настоятеля“), то, естественно, возникаетъ первый вопросъ: кого мы видимъ предъ собой, лицо-ли, священную степень имѣющее, хотя-бы и не нашей церкви, или простого міянина, или инока. Въ нашемъ сознаніи еще и вопроса не представляется пока о его законности, или незаконности; да разъ онъ не нашъ, то это послѣднее какъ-то мало для насъ и интересно. Отвѣчая на вопросъ, мы и останавливаемся: первое, дѣйствительно-ли онъ получилъ преемственную отъ епископа хиротонію, второе, не былъ-ли рукополагавшій запрещенъ, или изверженъ и третье, не принадлежалъ ли онъ къ такимъ еретикамъ, отъ коихъ не принято и крещеніе? Въ данномъ случаѣ третій признакъ совершенно устраняется. Второй возбуждалъ и возбуждаетъ сомнѣнія и прекеканія. Но до тѣхъ поръ, пока мы не удостовѣримся документально или ничѣмъ неоспоримо въ фактѣ запрещенія до, или даже послѣ уклоненія въ расколъ, изверженія изъ сана (а прямого удостовѣренія въ этомъ мы пока не имѣемъ), до тѣхъ поръ всѣ сомнѣнія должны быть въ пользу подсудимаго, что до прекеканій, то высказываютъ два положенія: а) что поступокъ Амвросія подпадалъ подъ правила, подвергающія виновнаго изверженію, а равно всѣхъ отъ него поставленныхъ. Такія правила есть, но правила сами по себѣ не судятъ, а судятъ власть имѣющіе люди по этимъ правиламъ, и пока не произнесенъ судъ, дѣйствія виновнаго (но не осужденнаго) лица всѣми признаются дѣйствительными. Иначе и не возможно. Сколько и у насъ можетъ оказаться священныхъ лицъ, иногда довольно открыто совершающихъ такіе проступки, за которые они съ неменьшею рѣшительностью, по правиламъ, подлежатъ изверженію; но до тѣхъ поръ, пока не состоялось надъ ними суда церковнаго, они продолжали священнодѣйствовать и „таины строити“ и никто въ дѣйствительности ихъ не сомнѣвался и не можетъ сомнѣваться. Такъ и по отношенію къ Амвросію. Говорятъ при этомъ о какомъ-то „самоотлученіи“. Терминъ этотъ

существуетъ и встрѣчается, между прочимъ, въ Номоканонѣ, печатавшемся при п. п. Іоасафѣ I и Іосифѣ, извѣстномъ подъ именемъ Афонскаго Номоканона, и потому обязательномъ въ глазахъ старообрядцевъ. Но понятіе „самоотлученія“ скорѣе всего развѣ только нравственное, касающееся совѣсти извѣстнаго лица, но въ глазахъ другихъ никакого значенія не имѣющее. Можетъ быть, и изъ насъ многіе, за тѣ или иные пороки, правилами предусмотрѣнные, самоотлучены, но продолжаютъ отправленіе своего служенія, котораго никто не считаетъ ничтожнымъ, ничего незначущимъ. Лучше было-бы такого термина при рѣшеніи вопросовъ каноническихъ совсѣмъ не употреблять, какъ имѣющаго лишь нравственное (а не каноническое) значеніе. На этой почвѣ „самоотлученія“ мы ничего не рѣшимъ, а откроемъ только двери къ произволу каждаго непризваннаго судіи.

б) Иные вставляютъ сюда вопросъ о благодатности. Это, понятіе также догматическое. Но вопросъ о благодатности совсѣмъ другой вопросъ, чѣмъ о видимой дѣйствительности таинодѣйствій, которая можетъ быть или не быть, признаваться или не признаваться, а потому и при обращеніи въ церковь изъ другихъ религіозныхъ обществъ повторяться или не повторяться. И рѣшеніе вопроса о благодатности или безблагодатности опирается, какъ ниже увидимъ, совсѣмъ на другихъ основаніяхъ и вытекаетъ изъ другихъ принциповъ. При разсужденіяхъ по поставленному вопросу онъ совершенно неумѣстенъ.

Третій признакъ о преемствѣ происшедшей отъ Амвросія хиротоніи очевиденъ. Какъ Амвросій получилъ рукоположеніе преемственное, такъ и всѣ отъ него происшедшіе не лишены этой преемственности. Нѣкоторые стараются различать внѣшнюю преемственность отъ внутренней какой-то, чтобы сдѣлать потомъ болѣе рѣзкій практическій выводъ. По правдѣ, мы не знаемъ такого различія и не представляемъ ясно, что такое эта внутренняя преемственность. Если это преемственность вѣры и благодати, то это другой вопросъ, о которомъ будетъ еще рѣчь. Но рѣшеніе вопроса съ разсматриваемой стороны имѣетъ одну зацѣпку, которую невозможно пройдти молчаніемъ. Если имѣть въ виду собственно іерархію Бѣлокриницкую, то вопросъ о преемственности, безспорно, рѣшается въ смыслѣ положительномъ; но если брать то общество, къ которому пришелъ Амвросій, то въ немъ былъ въ теченіе цѣлыхъ 180 лѣтъ перерывъ преемства хиротоніи, такъ что Амвросію пришлось возстановлять преемство, связать собою и чрезъ себя порванную нить. Это какъ-бы новая пятидесятница, только совсѣмъ не чудесная. Очевидно,

здѣсь двѣ точки зрѣнія на предметъ, съ двумя противоположными выводами. Каждый можетъ отстаивать ту или другую, примиреніе же между ними невозможно. Мы выдвигаемъ это обстоятельство тоже не по любви къ схоластикѣ, а по требованію жизни. Въ настоящее время мы, православные, отстаиваемъ послѣднюю точку зрѣнія, тогда какъ старообрядцы упорно держатся первой. Которая изъ нихъ болѣе правильна и можемъ-ли мы отстоять свою, вопросъ оставляемъ открытымъ. Мы желали-бы лишь освѣдомить о семъ Высшую церковную власть. Ниже мы увидимъ, почему въ данномъ случаѣ мы довольствуемся этимъ. При видимой преемственности хиротоніи, при отсутствіи ересей, требующихъ перекрещиванія, при сомнительности изверженія изъ сана и даже формальнаго, каноническаго запрещенія, склоняясь видѣть въ членахъ австрійской іерархіи не простыхъ мірянъ только, а тѣмъ болѣе самозванцевъ, а людей, посвященныхъ въ извѣстной степени, мы усвояемъ имъ очень немного. Мы знаемъ и древнихъ и новыхъ отдѣлившихся раскольниковъ и еретиковъ, —новаціанъ, донатистовъ, несторіанъ, армянъ, католиковъ, даже англиканъ, которые ушли отъ церкви дальше, чѣмъ наши старообрядцы, но духовенство которыхъ не мыслилось и не мыслится какъ простецы, хотя среди упомянутыхъ такіе даже есть, признаніе хиротоніи которыхъ, при обращеніи ихъ въ пр. церковь, является въ глазахъ православныхъ іерарховъ (хотя и не всѣхъ) очень сомнительнымъ и затруднительнымъ. Итакъ, даже и приравненіе, по признанію хиротоніи, членовъ Бѣлокриницкой іерархіи къ помянутымъ диссидентамъ дѣлаетъ имъ еще небольшую честь и едва-ли можетъ надмевать ихъ и давать основаніе къ широкимъ, успокоительнымъ для нихъ выводамъ, въ людяхъ же, къ нимъ нерасположенныхъ по своимъ религіознымъ упованіямъ, производить смущеніе. Насколько можно дѣлать изъ этого благопріятныя заключенія, сейчасъ увидимъ.

2. Бѣлокриницкая іерархія можетъ-ли быть признана канонической? Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ имѣть болѣе рѣшительный характеръ. Съ самаго начала ея появленія и до настоящаго времени указывали на 34 прав. св. апостолъ, 15 перваго Вселенскаго Собора, 13 и 15 Антіохійск. и др., въ коихъ говорится о самовольномъ удаленіи епископа изъ своей области, или епархіи и о совершеніи рукоположеній въ предѣлахъ чуждыхъ,—что сдѣлалъ Амвросій, а равно и о пріемѣ его въ сущемъ санѣ іеромонахомъ, какъ о событіи небываломъ, безпримѣрномъ, нарушающемъ коренные устои церковнаго порядка и устроенія. Іеромонахъ объявилъ и „достоинство митрополита“ и какъ-бы

вручилъ ему паству, точнѣе—всю церковь, епископства дотолѣ лишенную. Правда, указанныя правила относятся къ внутреннему порядку православной церкви, Амвросій-же удалился въ иное церковное общество, перешелъ „отъ ереси въ православіе“, какъ замѣчаютъ старообрядцы. Поэтому и поступокъ его они подводятъ подъ 15 пр. перво-второго Собора. Но личное сознаніе самого Амвросія было другое. Въ своемъ объясненіи причинъ перехода, данномъ на вопросъ австрійскаго правительства,—онъ ни единымъ словомъ не коснулся чистоты православія Греческой церкви, не высказалъ ни малѣйшаго подозрѣнія въ содержаніи ею какихъ-либо ересей, а указалъ на тѣ, именно, побужденія, какія предусмотрѣны вышеуказанными правилами и еще 13 правиломъ перво-второго Собора. Отъ словъ его мы и должны судить его. Посему точка зрѣнія старообрядцевъ, по сущей справедливости, не можетъ быть принята за основаніе. А что до указанія послѣдними историческихъ примѣровъ, подходящихъ къ пріему Амвросія іеромонахомъ, то эти примѣры совсѣмъ неподходящи [1]). Ибо „якоже невозможно духовнику (разумѣй священнику) хиротонисати, сице и испадшаго на степень священства паки возвращати“ (Номокан. Потр. Іос. патр.). Амвросій на взглядъ старообрядцевъ былъ еретикъ, да при томъ 2-го чина и тоже, значитъ, „испадшій“. Пріемъ отъ нѣкоторыхъ еретиковъ конечно возможенъ, но онъ требуетъ другой обстановки, канонической.

Заключеніе о совершенной неканоничности австрійскаго старообрядческаго священства понятно. Скажемъ болѣе. Если бы даже такъ могло случиться, что къ старообрядцамъ ушли не одинъ, а десять епископовъ и если бы съ видимой стороны были соблюдены всѣ церковныя правила, то и въ такомъ представляемомъ мыслію случаѣ положеніе дѣла, взглядъ и отношеніе православной Церкви, въ лицѣ ея кормчихъ, мало бы измѣнились,—такъ какъ они ушли къ обществу людей, раскольничествующихъ съ Церковью и неподчиняющихся ея священноначалію,—что Амвросій учинилъ. И это по существу самое главное. Тогда выдвинулись бы только другіе вопросы, еще болѣе важнаго свойства: о раздраніи Христовой Церкви, созданіи другихъ алтарей и подобные, вызываемые обстановкой. Съ обратной же стороны, если бы Амвросій, учинившій рядъ противоканоническихъ дѣяній, завершилъ свою дѣятельность тѣмъ, что привелъ свою новую паству въ ограду Церкви, раскаявшись самъ и другихъ расположивъ къ тому же, то, полагаемъ, что церковь не только приняла бы его, простивъ его видимыя прегрѣшенія, но и самое

[1]) Можно читать въ нашемъ руководствѣ по обличенію раскола.

его дѣяніе признала бы подвигомъ апостольства, если бы не оказалось побочныхъ обстоятельствъ, затемняющихъ его славу. Должны пояснить, что это говоримъ не въ умаленіе значенія каноновъ, а въ томъ соображеніи, что церковь можетъ допускать въ частныхъ случаяхъ нѣкоторыя исключенія, не возводя ихъ въ законъ и обдержность. Это неоспоримое ея право на всѣ времена, какъ вѣчно живой и не старѣющейся со всѣми присущими ей правами и полномочіями, Господомъ данными. Послѣдней нашей вставкой заключеніе не ослабляется, но усиливается.

3. Благодатна ли Бѣлокриницкая іерархія? Здѣсь мы оставляемъ каноническую почву и возвращаемся снова на догматическую, съ почвы правилъ переходимъ на почву вѣры. По исконному вѣрованію церкви, благодать святаго Духа, въ день пятидесятницы ниспосланная на сидящихъ лишь въ Сіонской горницѣ, навсегда осталась и пребываетъ лишь въ истинной Христовой Церкви, откуда, какъ отъ источника, и изливаются лучи ея на весь увѣровавшій міръ. Внѣ же Христовой Церкви, во всѣхъ отдѣлившихся отъ нея обществахъ (еретиковъ или раскольниковъ,—все равно) этой благодати нѣтъ. Такимъ образомъ вопросъ о благодатности, или безблагодатности сводится къ вопросу о Церкви. Прилагая этотъ вопросъ къ іерархіи, отъ Амвросія ведущей начало, мы, оставляя уже разсужденіе о преемственности, должны обратить вниманіе только на то, къ истинной-ли Христовой Церкви пришелъ Амвросій? Если съ точки зрѣнія нашей Церкви отвѣтъ на вопросъ получается отрицательный (а это совершенно вѣрно и по существу ученія о церкви съ полнотою священныхъ чиновъ и таинствъ, тогда какъ у бѣглопоповцевъ не было преемственнаго епископства),—тогда и вопросъ о благодатности не можетъ получить иного рѣшенія, кромѣ отрицательнаго. И въ такомъ именно рѣшеніи нѣтъ ничего искусственнаго. Не можемъ не привести здѣсь двухъ-трехъ словъ изъ I-го правила св. Василія Великаго, что при безблагодатности хиротоніи рукоположенные суть даже простые міряне. Буквально въ немъ читаемъ: „хотя начало отступленія произошло чрезъ расколъ (рѣчь о каѳарахъ), но отступившіе отъ Церкви уже не имѣли на себѣ благодати св. Духа. Ибо оскудѣло преподаніе благодати... Отторженные, содѣлавшись мірянами, не имѣли власти ни крестить, ни рукополагать“.

Однако при обращеніи въ православную Церковь не только крещеніе, но и рукоположеніе каѳаровъ принимали и св. Василій В. сего не отрицалъ, а не то, чтобы всѣ внѣ Церкви рукоположенные уже ничего, даже внѣшняго вида и названія не полу-

чили, и при обращеніи въ прав. Церковь не могли быть принимаемы въ прежнихъ званіяхъ. Правила Соборовъ относительно принятія въ нее переходящихъ отъ расколовъ и нѣкоторыхъ ересей достаточно ясны и внушительны. (8-го прав. всел. Соб. 95-е шестого, 112 и 132 карѳ. и др).

Итакъ, съ одной стороны Бѣлокриницкая хиротонія можетъ быть названа дѣйствительною, но съ другой противоканонической и раскольнической, наконецъ, безблагодатною.

На основаніи сказаннаго мы переходимъ къ рѣшенію и выводного, практическаго вопроса о пріемѣ въ прав. Церковь обращающихся ея членовъ въ „сущихъ санахъ“, или какъ простецовъ. И прежде всего должны замѣтить и объяснить,—что и въ началѣ выразили,—что самый вопросъ о способѣ пріема обращающихся къ церкви еретиковъ и раскольниковъ не-догматическій, тѣсно связанный съ правовѣріемъ или неправовѣріемъ, а каноническій, отъ древнихъ вѣковъ и до настоящаго не единообразно церковью рѣшаемый. Возьмемъ для примѣра признаніе или непризнаніе дѣйствительности крещенія,—этого первѣйшаго таинства, которое при томъ, по символу вѣры, должно быть едино, а отсюда и о повторяемости или неповторяемости онаго. Сколько было разнообразія въ рѣшеніи этого вопроса по отношенію къ однимъ и тѣмъ же отдѣлившимся, начиная со св. Кипріана и кончая позднѣйшимъ временемъ. Древнихъ новаціанъ одни принимали чрезъ крещеніе, другіе просто чрезъ возложеніе рукъ, нѣкоторые въ прежнее время и армянъ крестили (Корм. л. 636), въ первой половинѣ 17 вѣка и латинъ у насъ, въ Великоруссіи, крестили (Соборн. изложен. патр. Филарета, см. въ п. п. Іосифа), тогда какъ въ Кіевской церкви не крестили (требник. Петра Могилы), раньше же этого ни въ церквахъ греко-славянскихъ и ни у насъ ихъ не крестили (Окруж. посл. Марка Ефесскаго, Житіе Саввы сербскаго, Отвѣты Нифон. Кирік.). Примѣчательно при этомъ, что представители восточной церкви во второй половинѣ 17 вѣка убѣдили русскихъ отложить крещеніе латинъ (Дѣяніе Собор. 1667 г.), а потомъ, сто лѣтъ спустя, сами же ввели у себя перекрещиваніе, которое и доселѣ продолжается въ Константинопольской церкви. При такомъ разнообразіи слѣдуетъ то еще отмѣтить, что никогда никого и иначе и не совсѣмъ правильно мыслящихъ и дѣйствовавшихъ, никто ни изъ древнихъ, ни изъ новыхъ,—еретиками не называлъ, а много-много старался, убѣдить въ неправильности и несоотвѣтствіи съ коренными церковными принципами (Діонисій александр. убѣждалъ Кипріана, патріарх. антіохіскій Макарій русскихъ епископовъ). Тимоѳей

пресвитеръ, правила котораго помѣщены въ Кормчей, устанавливаетъ при пріемѣ обращающихся отъ еретиковъ принципъ совершенно не догматическій, а нравственно-педагогическій. Видимо, онъ раздѣляетъ на крещеніе еретиковъ точку зрѣнія св. Кипріана, хотя выражается сдержанно и прямо этого не говоритъ, но поясняетъ, что мы не покрещеваемъ еретиковъ ради облегченія присоединенія для тѣхъ изъ нихъ, которые могли устыдиться крещенія и отложить самое присоединеніе (прав. 1-е). Принципъ этотъ чисто нравственнаго свойства церковью не отвергнутъ и никѣмъ не былъ оспариваемъ.

Тоже должно сказать и относительно миропомазанія и хиротоніи, имѣя въ виду принятіе переходящихъ съ признаніемъ ихъ, или съ повтореніемъ. И здѣсь тоже свободное усмотрѣніе церкви. Примѣръ перваго мы усматриваемъ въ Окружномъ посланіи Марка Ефесскаго, написаннаго послѣ Флорентійской уніи. Въ немъ онъ устанавливаетъ принятіе латинъ чрезъ миропомазаніе; тоже подтвердилъ и нашъ Соборъ 1667 г. Между тѣмъ практика церковная послѣдующаго времени, неизвѣстно (по крайней мѣрѣ намъ) когда и по какому установленію, допустила и допускаетъ у насъ пріемъ латинъ третьимъ чиномъ. Относительно признанія хиротоніи, внѣ прав. церкви полученной, въ древней церкви видимъ слѣдующее. Въ то время, какъ первый Вселенскій Соборъ установилъ принимать въ сущихъ санахъ новаціанъ (прав. 8-е), второй Соборъ не призналъ хиротоніи Максима Киника и имъ поставленныхъ, хотя по существу заблужденія ихъ отстояли отъ прав. Церкви отнюдь не далѣе новаціанъ. Должно сказать болѣе: погрѣшность Максима К. чисто нравственная, дисциплинарная, и тогда какъ новаціане названы въ правилѣ соборномъ еретиками, по отношенію къ Максиму К. и имъ поставленнымъ отцы Собора названія этого не усвояли. Только впослѣдствіи было открыто, что онъ держится мнѣній аполлинаріевыхъ,—но обстоятельство это, какъ только привходящее, на судъ Собора видимо вліянія не имѣло. Выписываемъ самое объ этомъ правило, недостаточно общеизвѣстное. Второго Всел. Собора прав. 4-е. „О Максимѣ Киникѣ и о произведенномъ имъ безчиніи въ Константинополѣ: ниже Максимъ былъ, или есть епископъ, ниже поставленные имъ на какую бы то ни было степень клира“. Зонара поясняетъ, что „Максимъ было философъ, циникъ. Циниками эти философы назывались за ихъ наглость, дерзость и безстыдство“. Вина его въ томъ заключалась, что онъ былъ призванными изъ Египта епископами рукоположенъ въ Константинополѣ (безъ вѣдома мѣстнаго епископа

Григорія Богослова), что толковникъ называетъ „злодѣяніемъ“ (см. и толкованіе Вальсамона). Изъ приведеннаго правила ясно, что церковь имѣла при сужденіи о людяхъ, нарушившихъ ея миръ, болѣе широкій взглядъ, чѣмъ одно содержаніе ересей или раскольничьихъ мнѣній по ихъ существу; она не стѣснялась произносить строгій судъ и за смуту церковную, отъ чего бы такова ни происходила и какой бы характеръ ни имѣла. Думаемъ, что въ этомъ (т.-е. въ охраненіи церковнаго мира и порядка) и заключается основной принципъ церковнаго устронія.

Прилагая все сказанное къ нашему вопросу относительно принятія обращающихся изъ Бѣлокриницкой іерархіи въ сущихъ санахъ, или какъ простецовъ, мы видимъ, что со стороны теоретической можно оправдывать и тотъ и другой способъ. Такимъ образомъ острота вопроса теряется, о какой-то люциферіанской ереси не можетъ быть и рѣчи, руки церковной власти развязываются,—что особенно мы и имѣли въ виду. Вѣдь нельзя забывать того, что Амвросій произвелъ большую смуту въ прав. церкви, гораздо большую, чѣмъ Максимъ Киникъ; да и преемники его со всею силой ее поддерживаютъ. Относительно же еретичества не безъ основанія указываютъ въ самомъ Бѣлокриницкомъ Уставѣ, какъ основаніи Бѣлокриницкой іерархіи, мнѣнія, съ аріанскими очень близкія. Можно сдѣлать по этому поводу и болѣе рѣзкое заключеніе о преданіи Амвросія анаѳемѣ и всѣхъ отъ него происшедшихъ, кто по меньшей мѣрѣ раздѣляетъ эти мнѣнія, подобно тому, какъ былъ анаѳематствованъ Максимъ, когда обнаружилось, что онъ держится Аполинаріевыхъ мнѣній (Зонара и Вальсамонъ, въ толк. 4-го прав.). Но мы не рѣшаемся такого заключенія сдѣлать.

Останавливаемся на одномъ, наиболѣе мягкомъ и самомъ, кажется, корректномъ. Если отъ измѣненія чинопріема будетъ польза для церкви, чрезъ облегченіе въ нее доступа отчуждившимся, раскольничествующимъ,—пусть церковная власть въ силу присущихъ ей правъ это сдѣлаетъ, и мы должны преклониться предъ нею. Если же это породитъ еще большую смуту и вредъ, то пусть остается существующая практика. Во всякомъ случаѣ починъ измѣненія чинопріема должны дать не мы, а ищущіе примиренія и соединенія.

Профессоръ *Н. Ивановскій.*

Возстановленіе истины.

(По поводу неправды „Нижегород. Листка“ о миссіонерскихъ бесѣдахъ).

Въ концѣ сентября и началѣ октября 1905 года въ Городцѣ (Нижегород. губ.) производились собесѣдованія православными миссіонерами епархіальнымъ—И. П. Ломакинымъ и окружнымъ—свящ. В. Орловымъ, со старобрядцами австрійскаго толка. Собесѣдники австрійскіе хвалились: „Мы казенныхъ миссіонеровъ прохватимъ въ газетахъ“, и дѣйствительно въ „Нижегородскомъ Листкѣ“ въ № 270 было напечатано въ отдѣлѣ хроники слѣдующее: „25 и 26 сентября состоялись бесѣды миссіонеровъ окружного—священника Владиміра и епархіальнаго—г. Ломакина со старобрядцами. 25 сентября бесѣду велъ священникъ Владиміръ съ однимъ старобрядческимъ начетчикомъ. По окончаніи бесѣды, стали сговариваться объ условіяхъ слѣдующей бесѣды Во время этого г. Ломакинъ заявилъ: „Я завтра буду бесѣдовать о томъ-же предметѣ; они обманули слушателей; я ихъ обличу“. Старобрядцы, какъ знающіе г. Ломакина, что бесѣдовать съ нимъ не возможно, категорически отказались. 26 сентября г. Ломакинъ бесѣду открылъ и старобрядцы увидѣли г. Ломакина возсѣдающимъ вмѣсто о. Владиміра. И что-же собесѣдники услышали отъ епархіальнаго миссіонера? Во-первыхъ, онъ не сдержалъ честнаго слова, даннаго наканунѣ, говорить по 20 минутъ, а говорилъ, сколько ему хочется, а старобрядческаго начетчика перебивалъ на каждой рѣчи. Во-вторыхъ, отмѣтимъ образецъ проповѣди и слова увѣщанія нашихъ миссіонеровъ къ „заблудшей братіи“. Вотъ они: „онъ обманывалъ“ „онъ кривотолчилъ“, „цѣль лукавая“, „ложная“, „безсовѣстно“, „не обманывай народъ“, „пріѣхали обманывать“, „болтуны“ и т. п. Послѣ перечисленныхъ „задушевныхъ словъ“, думаемъ, каждый долженъ задать себѣ вопросъ: для чего миссіонеры? Полезны-ли они? и есть-ли надобность тратить на нихъ милліоны рублей, собираемыхъ съ голоднаго народа, который они своими поступками не привлекаютъ въ церковь, а отгоняютъ отъ нея, даже тѣхъ, которые и желали бы находиться въ ней. А 2 октября въ

соборѣ бесѣда не состоялась. Собесѣдники спорили 5 часовъ объ условіяхъ собесѣдованія, чтобы говорить по 30 минутъ, а г. Ломакинъ соглашался бесѣдовать, лишь бы говорить сколько угодно. На такія условія старообрядческіе начетчики не соглашались. Всетаки эти 5 часовъ недаромъ прошли миссіонеру: онъ обращался съ новыми словами проповѣди, которыхъ не произносилъ на прошлой бесѣдѣ: „ты лгунишка“, „вашъ архіерей кукольникъ“. Съ такими наставленіями и пришлось разойтись слушателямъ по домамъ“. („Нижегород. Листокъ“ № 270 1905 г.).

Какъ очевидецъ помянутыхъ въ означенной корреспонденціи бесѣдъ, считаю своимъ нравственнымъ долгомъ печатно заявить о моемъ отъ нихъ впечатлѣніи.

Корреспондентъ говоритъ, что мѣстные старобрядцы пригласили своихъ собесѣдниковъ, но не говоритъ того, кто они—эти *свои* собесѣдники. О. Владиміръ открылъ и велъ бесѣду съ мѣстнымъ мнимымъ начетчикомъ австрійской секты. Начетникъ этотъ оказался очень слабымъ и вынужденъ былъ пригласить на помощь болѣе его знающихъ раскольническую казуистику, и пригласилъ какихъ-то двухъ знаменитостей изъ Н.-Новгорода (проживающихъ на хлѣбахъ у нѣкоего Сироткина). И дѣйствительно 25 сентября въ слободской церкви мы впервые увидѣли съ о. Владиміромъ бесѣдующихъ, или точнѣе, спорящихъ-двухъ молодыхъ субъектовъ, много напоминающихъ собою (по странному костюму и прическѣ волосъ) одинъ—швейцара грязненькихъ номеровъ городской окраины, а второй—конторщика или жидка-вояжера, въ цилиндрѣ неопредѣленнаго цвѣта, грязненькой, когда-то бѣленькой сорочкѣ и измятомъ ошейникѣ или галстукѣ.

Субъектъ въ швейцарской формѣ речитативомъ и крикливо ведетъ рѣчи, оборотясь къ народу, поднявшись на свой дорожный чемоданъ и еще выше поднимая книгу, отчеканиваетъ: „Добрые слушатели, вотъ ихъ церковь-то—въ этой книгѣ написано есть—*сомнище іудейское*“ (и другія хульныя рѣчи), а наша старобрядческая—Христова церковь 180 лѣтъ была вдовою, не просто, а по пророчеству Исаіи пророка: о вдовствѣ ея написано у него въ 54 главѣ, это вѣрно“.

Старообрядцы съ умиленіемъ слушаютъ ругательныя рѣчи своего новаго защитника, но какъ-то конфузливо опускаютъ долу свои очи изъ-за такихъ нескромныхъ учителей; лица ихъ выражаютъ внутреннее недовольство, — они какъ бы говорятъ, хорошо-то оно хорошо по нашему, да сами-то вы вѣрите-ли во что: вѣдь въ священномъ же писаніи сказано: „брѣющій браду есть еретическій слуга, вотъ оно что“...

Что это за артисты? Кто они?—думалось намъ. Оказалось, что это Василій Усовъ, братъ архіерея Иннокентія Усова, и Осипъ Храмовъ.

О. Владиміръ, какъ онъ сообщилъ намъ, съ такими неограниченно беззастѣнчивыми ругателями св. Церкви еще не былъ знакомъ. При-

сутствовавшій здѣсь г. Ломакинъ и предложилъ о. Владиміру попросить книгу и самому по ней прочитать, о чемъ говоритъ въ 54 главѣ пророкъ Исаія и какъ объясняетъ это мѣсто блаженный Іеронимъ, такъ какъ, по словамъ г. Ломакина, у пророка Исаіи и помину нѣтъ о вдовствѣ Христовой церкви. О. Владиміръ попросилъ у собесѣдниковъ самую книгу, на которую они въ оправданіе небытія у нихъ 180 лѣтъ епископа сдѣлали ссылку, но не вычитали самаго мѣста. Храмовъ подаетъ библію, но не толкованіе Іеронима. О. Владиміръ возвратилъ библію и снова повторилъ свою просьбу, дать толкованія блаж. Іеронима. Храмовъ подаетъ: изволь. О. Владиміръ книгу передаетъ г. Ломакину, говоря: „я съ этимъ толкованіемъ Іеронима незнакомъ“. Раскольничьи собесѣдники поднимаютъ по обычаю шумъ (обычай у нихъ такой: какъ только почуютъ обличеніе, сейчасъ закричатъ неистово): „мы ведемъ бесѣду не съ Ломакинымъ, мы съ нимъ бесѣдовать не желаемъ“. Г. Ломакинъ взялъ изъ рукъ о. Владиміра книгу. Оказалось, что и опять подана не та книга, какую у нихъ просили Такъ просимой книги раскольничьи собесѣдники и не дали. Г. Ломакинъ сказалъ: „въ церкви сейчасъ начинается всенощное (было 6 часовъ вечера), объявляю, что завтра я буду бесѣдовать, привезу свои книги и по книгамъ разберемъ“. Раскольничьи собесѣдники возопили: „мы не желаемъ“. „Какъ вамъ угодно,—сказалъ г. Ломакинъ,—а бесѣда будетъ о томъ-же, пожалуйте“. Вотъ вся суть этой бесѣды. Какъ назвать поступки старобрядческихъ собесѣдниковъ, обманывали они или нѣтъ, подавая вмѣсто просимой книги другую? Добросовѣстно это или недобросовѣстно, но дѣло было именно такъ.

Хотя „категорически“ собесѣдники отъ бесѣды на слѣдующій день отказались, однако явились и 26 сентября на бесѣду г. Ломакина. Что было начитано собесѣдниками 25 сентября отрывками изъ разныхъ книгъ, все это по самымъ книгамъ г. Ломакинъ разобралъ. Изъ разбора обнаружились, что собесѣдники писаніемъ злоупотребляли—на погибель себѣ и своимъ послѣдователямъ; ни одно изъ приведенныхъ ими доказательствъ не даетъ, какъ оказалось, и намека о прекращеніи въ церкви Христовой епископовъ и не оправдываетъ отступленія раскольниковъ отъ православной церкви.

2 октября въ Городецкомъ соборѣ г. Ломакинъ открылъ бесѣду и предложилъ къ обсужденію вопросы: когда Грекороссійская церковь сдѣлалась неправославною и лишенною благодати Св. Духа въ совершаемыхъ ею таинствахъ, каковою считаютъ ее старообрядцы, и за что именно, и на какомъ основаніи можно ее считать таковой. И просилъ указать точно время уклоненія церкви православной въ ересь и подтвердить свое указаніе словомъ Божіемъ и писаніями свв. отецъ. Собесѣдники хорошо поняли, что такой вопросъ рѣшить отъ слова

Божія и свв. отецъ и оправдать незаконное отступленіе раскольниковъ отъ православной церкви нѣтъ никакой возможности, и чтобы въ глазахъ публики не уронить себя, заявляютъ, что бесѣдовать они согласны, но только съ условіемъ говорить каждому свою рѣчь по 30 минутъ. Г. Ломакинъ сказалъ: „это дѣло ваше, можете вопросъ рѣшить, то рѣшите хоть въ 5 минутъ, хоть въ 35 минутъ, дѣло не въ минутахъ; вся сила и суть въ доказательствахъ отъ писанія, вотъ и рѣшайте". Собесѣдники поднимаютъ крикъ и шумъ: „Мы желаемъ по 30 минутъ и тебѣ больше не дадимъ". Г. Ломакинъ сказалъ: „Въ святомъ дѣлѣ, какъ разъясненіе св. истины, мѣрить время минутами вовсе неудобно и я никогда такъ не бесѣдую, я полагалъ бы со своей стороны и совѣтовалъ согласиться и моимъ собесѣдникамъ—для яснаго обмѣна мысли и чтобы не утомлять публику, прочитывать каждой сторонѣ не болѣе трехъ мѣстъ, до тѣхъ поръ, пока не исчерпается весь возбужденный вопросъ; бесѣда тогда будетъ справедливою и интересною и для всѣхъ ясною". И вотъ на такой-то разумный и цѣлесообразный порядокъ старообрядческіе собесѣдники согласиться никакъ не могли; прошумѣвъ и проспоривъ нѣсколько часовъ, они отняли время у другихъ, желавшихъ бесѣды и на этихъ условіяхъ (въ числѣ желавшихъ были и старообрядцы-поморцы, но австрійцы и ихъ до бесѣды не допустили). Они неистово кричали хульныя рѣчи, махая книгами, а большею частію разными газетами, которыхъ у нихъ были полны пазухи. Мы, слушатели, были утомлены и еще болѣе удивлены, почему собесѣдники не соглашаются разбираться въ недоумѣнныхъ вопросахъ вдумчиво и спокойно, на такихъ, казалось бы, самыхъ лучшихъ условіяхъ, какія предлагаетъ имъ епархіальный миссіонеръ, человѣкъ почти 50-лѣтняго опыта, посѣдѣвшій на книгахъ? 30 лѣтъ онъ состоитъ епархіальнымъ миссіонеромъ, самъ онъ вышелъ изъ австрійскаго раскола и даже самъ Швецовъ приходится ему ученикомъ. Собесѣдники же его сравнительно мальчишки, вести бесѣды по Божьи и по совѣсти, очевидно, не желаютъ и не могутъ, и дерзко кричатъ ему: „епархіашка, епархіашка, бесѣдовать съ нами не можешь, тебѣ только со старухами бесѣдовать, а не съ просвѣщенными собесѣдниками, а еще потомственнаго почетнаго гражданина вымолилъ у Побѣдоносцева". Вотъ какія настоящія задушевныя-то слова мы слышали отъ пріѣзжихъ собесѣдниковъ Усова и Храмова.

У раскольниковъ лукавая цѣль вести бесѣды по минутамъ, какъ разъяснилъ г. Ломакинъ. Они вполнѣ увѣрены, да оно и естественно, что по заранѣе заготовленному списку они въ 20 минутъ вычитаютъ въ 50-ти и болѣе мѣстахъ изъ книгъ и разныхъ газетъ, а въ 10 минутъ отъ себя всѣ эти 50 мѣстъ вычитанныхъ обобщатъ и получается огромнѣйшая, путаная и темная сѣтка, которую не только основа-

тельно разобрать, но даже снова перечитать только нѣтъ никакой возможности въ 20 минутъ, а вѣдь для разъясненія необходимо ихъ повторить снова, раскольники же на разборъ вычитанныхъ ими мѣстъ болѣе условленнаго времени срока не дадутъ, да еще минутъ за 5 начнутъ всѣ открывать карманные часы и галдѣть: „время миссіонера кончено, будетъ“, и опять начинаютъ читать, одинъ подыскиваетъ книги и въ нихъ обводитъ нужное мѣсто карандашомъ, а другой снова читаетъ еще больше 50 мѣстъ; а потомъ отъ разбора бѣжать—„разбирай, какъ тебѣ надо, мы вѣдь не жалованье получаемъ, намъ некогда“, обо всемъ этомъ авторъ задушевной городецкой хроники умолчалъ...

Теперь о томъ, „нужны ли миссіонеры, на которыхъ будто бы тратятся милліоны рублей, собираемые съ голодныхъ людей, и полезны ли миссіонеры“. Какъ тутъ корреспондентъ напоминаетъ Іудино нищелюбство („къ чему такая трата“?..). Раскольники и ихъ друзья давно объ этомъ пишутъ. Анонимному корреспонденту „Нижегор. Листка“ скажемъ на это, что въ Нижегор. епархіи есть 4 епарх. миссіонера, получающихъ отъ Братства св. Креста по 700 руб. въ годъ, и нѣсколько окружныхъ, получающихъ по 30 руб., т. е. 8 коп. въ сутки—это первое. А второе—корреспондентъ говоритъ неправду, что будто бы деньги эти собираются съ голоднаго народа и только будто бы съ голодного, а не сытаго. Я самъ крестьянинъ, имѣю плательную книжку и съ меня нѣтъ ни одной копѣйки въ ней на миссіонеровъ... Если что считать для народа тяжестью, такъ это именно вотъ этихъ господъ собесѣдниковъ раскольническихъ, которые явно живутъ сыто и пьяно за счетъ старообрядческой простоты, темноты и невѣжества. А сколько ихъ, этихъ гг. Усовыхъ, Мельниковыхъ, Механиковыхъ, Брилліянтовыхъ, Швецовыхъ, Перетрухиныхъ, Храмовыхъ, Коноваловыхъ, Черчимцевыхъ, Худошиныхъ, Зеленковыхъ, Старковыхъ, Варакиныхъ, Иголкиныхъ, Картушиныхъ и т. п.? Старообрядческой духовной братіи цѣлое полчище,—этихъ архіереевъ, поповъ, дьяконовъ, дьячковъ, читалокъ. Вотъ на этихъ-то піявокъ, которыя въ потемкахъ сосутъ кровь народа, и слѣдовало бы обратить вниманіе и сосчитать, сколько стоитъ ихъ содержаніе, и за чей счетъ они такъ пышно разъѣзжаютъ и живутъ. Одному городецкому старообрядчеству обходятся эти дармоѣды не менѣе 10,000 руб. въ годъ, а православный миссіонеръ стоитъ для Городца 200 руб. Вотъ какая разница; на нее то и слѣдовало бы безпристрастной печати обратить вниманіе. А православные миссіонеры содержатся братствомъ на добровольныя пожертвованія братчиковъ, такъ же какъ строятся православные храмы и богоугодныя заведенія. Нужны ли и полезны ли миссіонеры, на это отвѣчу фактами. Я уроженецъ Городца. Имѣю отъ роду 50 лѣтъ.

Рожденъ и воспитанъ въ расколѣ и обязанъ переходомъ въ православіе миссіонерамъ. Далѣе, знаю, что за послѣднія 25—30 лѣтъ съ начала открытія у насъ противо-раскольнической миссіи, благодаря послѣдней, въ Городецкомъ отдѣленіи было присоединено отъ раскола въ православіе болѣе 1500 душъ, отпаденій же отъ православія не болѣе 5 душъ, а во всей Нижегор. епархіи, какъ это можно видѣть изъ отчетовъ Братства св. Креста, ежегодно было присоединяемо отъ 450 до 700 душъ. Не знаю, у кого послѣ этого хватитъ смѣлости сказать, что будто бы миссіонеры отгоняютъ отъ церкви православной, а не присоединяютъ къ ней раскольниковъ? Корреспондентъ глумится надъ миссіонеромъ, красненькими „задушевными словами", а надъ чѣмъ глумится? Надъ тѣмъ, что пустого болтуна назвали собственнымъ его именемъ. Корреспондентъ не понимаетъ различія между словами увѣщанія и обличенія въ явной лжи. Миссіонеръ долженъ знать, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Если съ нимъ выступаетъ на бесѣду истый старообрядецъ и убѣжденный вѣродержатель, ищущій истины, и предлагаетъ свои сомнѣнія на общее съ миссіонеромъ рѣшеніе и обсужденіе, то здѣсь и требуется разъясненія и увѣщаніе къ заблудшему. Другое дѣло, когда неожиданно, какъ тать или хищный волкъ, является съ цѣлымъ возомъ своихъ и всякихъ книгъ въ православное село и безъ спроса прямо идетъ въ православный храмъ и разбирается здѣсь со своимъ багажомъ пропагандистъ, и настойчиво и дерзко требуетъ бесѣды для похуленія только православной церкви, а не спокойнаго разъясненія истины. Тутъ требуется отъ миссіонера уже не увѣщаніе, а твердое обличеніе. Вспомните слова Христовы: „Вожди слѣпіи, порожденіе ехиднино. Вы дѣти отца вашего діавола"... или св. Никифора, писавшаго противъ иконоборца Мамона: „ты проповѣдуешь не догматы, а бредни, болтаешь хуже воронъ и лягушекъ, безчувственный дубъ" („Богосл. Вѣст." 1905 іюнь 67 стр.). Исторія свидѣтельствуетъ, что никогда такъ церковь не церемонилась и не унижалась предъ еретиками и отступниками, а тѣмъ паче предъ ея хулителями, какъ нынѣ. Но нашей ожидовѣлой печати и этого недостаточно. Ей, можетъ быть, желательно, чтобы церковь „сказала хулу на Бога"?..

Или, быть можетъ, упразднить нашу противораскольничью миссію, чтобы не дѣлать препонъ пропагандистской лжи. Австрійцы давно этого и страшно жаждутъ. А почему? Да потому что по причинѣ православной миссіи успѣха никакого не имѣютъ у насъ. Изъ всего населенія въ 20,000 душъ за 50 лѣтъ они совратили не болѣе 30 душъ и только изъ бѣглопоповщины; изъ православныхъ же только одного и это за 50 лѣтъ.

Корреспондентъ ставитъ въ вину Ломакину то, что онъ назвалъ

непризнаваемаго закономъ старообрядч. епископа Усова „кукольникомъ и лгунишкой“. Но корреспонденту, должно быть, неизвѣстно, что куклой называли сами старообрядцы своего же митрополита Кирилла (Лѣтопись Н. Субботина выпускъ II 1865 г. Старообрядческія письма въ Бѣлую Криницу). Г. Ломакинъ въ подтвержденіе своего отзыва объ Усовѣ указалъ собесѣдникамъ на его книгу, въ которой тотъ писалъ, что будто бы апост. Павелъ училъ, что не только епископы, но и апостолы и сами ангелы съ небесъ могутъ заблуждаться и погрѣшать (стр. 268, разб. Ф. Круглова), и что тотъ же Усовъ написалъ въ той же книгѣ (Церк. Хр. временно безъ епископа), что погрѣшать не могутъ только Богъ да скотъ. Ломакинъ, объясняя такое нечестивое ученіе лжеархіерея Усова о заблужденіи ангеловъ и кощунственное сравненіе Бога со скотомъ, предложилъ оправдать писаніемъ своего архіерея. Собесѣдники вмѣсто отвѣта, взяли въ руки нѣсколько газетъ, подняли невообразимый шумъ, выкрикивая имя Завитневича и поднимая въ одной рукѣ „Церковный Вѣстникъ“, а другой показывая два перста и махая ими въ воздухѣ (это Храмовъ), кричали: „Симъ побѣдимъ. Симъ побѣдимъ“. Итакъ самымъ постыднымъ и позорнымъ образомъ съ бесѣды наши знаменитые защитники раскола бѣжали. Публика (которой было чел. 200) была въ недоумѣніи, видя неистовство пріѣзжихъ собесѣдниковъ. Г. Ломакинъ высказалъ сожалѣніе о раскольничьей темнотѣ и закрылъ бесѣду. Вся публика благодарила его за его спокойное веденіе настоящей бесѣды съ неблаговоспитанными и грубыми собесѣдниками.

Вотъ дѣйствительная исторія собесѣдованій 25—26 сентября и 2 октября.

Очевидецъ *К. Корегинъ*.

Бесѣда со старообрядцемъ «Спасова» согласія по вопросу о таинствѣ «Покаянія».

(Изъ полемики).

Православный: Въ числѣ седми спасительныхъ таинствъ, установленныхъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, таинство покаянія—принадлежитъ, по выраженію Б. Катихизиса, къ числу „нуждно потребныхъ“ для каждаго христіанина таинствъ и вотъ почему. Человѣкъ рождается зараженный прародительскимъ грѣхомъ. Св. Крещеніе возрождаетъ его въ новую жизнь, но не уничтожаетъ тотчасъ жизни ветхаго человѣка, ибо вседѣйствующая благодать Божія даетъ мѣсто дѣйствію вѣры и подвигу каждаго человѣка, дабы милость была не безъ правды и дабы мы добровольно приняли спасеніе. Такимъ образомъ и возрожденный не устыдился признаться, что „аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ, и истины нѣсть въ насъ... Аще речемъ, яко не согрѣшихомъ, лжа творимъ Его (Іисуса Христа) и слово Его нѣсть въ насъ“ (I Іоан. 1, 8—10).

Но такъ какъ крещеніе едино, не повторяется, то и является необходимость въ новомъ благодатномъ средствѣ для очищенія насъ отъ грѣховъ, и такое то средство и есть именно таинство св. Покаянія, дарованное Господомъ Своей Церкви „Поелику, говоритъ пр. Ефремъ Сиринъ, нельзя во второй разъ креститься, то не надлежало бы быть и грѣху. Но такъ какъ существуетъ болѣзнь (грѣховная), то есть и кропленіе (очищеніе). Кто даровалъ надежду спасенія въ крещеніи, тотъ, чтобы не лишить ея, даровалъ оставленіе грѣховъ“. (Твор. Ефрема Сирина по издан. 1849 г. ч. 8, стр. 129). Еще прѣжде Своего воскресенія Христосъ Спаситель обѣщалъ Апостоламъ дать власть прощать грѣхи, когда сказалъ Ап. Петру, а въ лицѣ его и всѣмъ ученикамъ: „дамъ ти ключи Царства небеснаго: и еже аще свяжеши на земли, будетъ связано на небесѣхъ: и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ“ (Мѳ. 16, 19), и въ другой разъ всѣмъ апостоламъ Христосъ сказалъ: „Аминь бо глаголю вамъ: елико аще свяжете на земли, будутъ связано на небеси,

и елико аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ“. (Мѳ. 18, 17—18).

По воскресеніи Своемъ, явившись ученикамъ, эту власть вязать и рѣшить въ таинствѣ покаянія Христосъ, дѣйствительно, и даровалъ апостоламъ, сказавъ имъ: „миръ вамъ!.. И сіе рекъ, дуну, и глагола имъ: пріимите Духъ Святъ.—Имъ же отпустите грѣхи, отпустятся имъ; и имже держите, держатся“ (Іоан. 20 гл. 21—23 ст.). Такъ установлено Іисусомъ Христомъ таинство покаянія.—Эту богодарованную власть вязать и рѣшить въ таинствѣ покаянія Апостолы, конечно, не безъ воли Господа передали своимъ преемникамъ—пастырямъ Церкви: епископамъ и пресвитерамъ.

Такъ Игнатій Богоносецъ училъ: „Всѣмъ кающимся Господь прощаетъ (грѣхи), если они возвращаются къ единенію Божію и къ собору епископа. Вѣрую благодати Іисуса Христа, что Онъ разрѣшитъ васъ отъ всякихъ узъ“ (посл. къ Филад. Гл. VIII). Ясно, что Богъ прощаетъ грѣхи и даетъ благодатное отъ нихъ разрѣшеніе, именно тогда, когда грѣшникъ прибѣгаетъ ко Христу, желаетъ возстановить единеніе съ нимъ и идетъ исповѣдывать свои грѣхи предъ поставленными Имъ лицами, имѣющими во главѣ своей епископа. — Только подъ этими двумя условіями „благодать Іисуса Христа разрѣшаетъ (грѣшника) отъ всякихъ узъ“.

Св. священномученикъ Кипріанъ: „Власть разрѣшать что-нибудь на землѣ такъ, чтобы это разрѣшалось и на небѣ, Господь далъ прежде Петру..., а по воскресеніи и всѣмъ Апостоламъ, говоря: яко же посла Мя Отецъ и Азъ посылаю вы. И сіе рекъ, дуну, и глагола имъ: пріимите Духъ Святъ. Имъ же отпустите грѣхи, отпустятся имъ; и имже держите, держатся“ (Іоан. XX, 21—23). Отсюда понятно, что давать отпущеніе грѣховъ могутъ только въ Церкви *предстоятели*, имѣющіе основаніемъ *Евангельскій законъ* и Господне распоряженіе“ (т. 1-й, письмо 60-е).—И въ другомъ мѣстѣ: „Власть отпускать грѣхи дарована апостоламъ и Церквамъ, учрежденнымъ отъ нихъ—посланниковъ Христовыхъ, а затѣмъ епископамъ, которые наслѣдовали имъ по преемству“ (письмо Фирміліана). Особенно же ясно объ этомъ училъ Св. Златоустъ: „кто размыслитъ, какъ важно то, что человѣкъ, еще облеченный плотію и кровію, можетъ присутствовать близъ блаженнаго и безсмертнаго Естества, тотъ ясно увидитъ, какой чести удостоила священниковъ благодать Духа. *Ими* совершаются эти священнодѣйствія и другія, не менѣе важныя для совершенства и спасенія нашего. Люди, живущіе на землѣ и еще обращающіеся на ней, поставлены распоряжаться небеснымъ, и получили власть, которой не далъ Богъ ни ангеламъ, ни архангеламъ; ибо не имъ сказано: елико аще

свяжете на земли, будутъ связано на небеси, и елико аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ (Мѳ. XVIII, 18).—Земные властители имѣютъ власть связывать, но только тѣло; а эти узы связываютъ самую душу и проникаютъ въ небеса; что священники совершаютъ на землѣ, то Богъ довершаетъ на небѣ, и мнѣніе рабовъ утверждаетъ Владыка. Не значитъ ли это, что Онъ далъ имъ всю небесную власть.

„*Имъ же*, говоритъ Господь, *отпустите грѣхи, и отпустятся, и имъ же держите, держатся* (Іоан. XX, 23). Какая власть можетъ быть больше этой? *Отецъ Судъ весь даде Сынови* (Іоан. V, 22); а я вижу, что Сынъ весь этотъ судъ вручилъ священникамъ“. (Т. 1, 416—418).

Такъ и въ правилахъ св. Апостолъ и св. соборовъ—вездѣ, гдѣ говорится о покаяніи, какъ таинствѣ, лица, совершающія это таинство, именуются или епископами, или пресвитерами (см. 39 и 52 пр. св. Апостолъ, 6, 7 и 52 Карѳаг. Соб.; Лаод. соб. 57 и друг. съ толкованіями Вальсамона, Зонары и Аристина) и нигдѣ, разъ говорится о покаяніи, какъ таинствѣ, власть вязать и рѣшить грѣхи не дана мірянамъ. Слѣдовательно, ваши настоятели, отцы духовные, не имѣя сана іерархическаго, противозаконно дѣйствуютъ, принимая приходящихъ на покаяніе, восхищаютъ недарованное, чѣмъ и нарушаютъ основное евангельское ученіе, нарушаютъ догматъ вѣры, еретичествуютъ. И не думайте, что суду вашихъ настоятелей-мірянъ — послѣдуетъ Судъ Божій,—нѣтъ, „елицы у нихъ принимаютъ исповѣдь, неисповѣдани суть и елицѣхъ они свяжутъ и разрѣшатъ, не исправленіе суть“.

Старообрядецъ: Все сказанное вами, отецъ миссіонеръ, мы не отрицаемъ. Мы признаемъ, что такая исповѣдь была и должна быть, когда есть и когда были лица іерархическія, но, вѣдь, мы вѣруемъ и учимъ, что теперь нѣтъ православныхъ священниковъ, что нынѣ господствуетъ ересь,—а на это время,—положены и особыя правила и особый видъ исповѣди. — Такъ, пр. Ѳеодоръ Студитъ писалъ: такъ какъ господствуетъ ересь и обстоятельства со всѣхъ сторонъ стѣснительны, то предоставилъ всѣмъ желающимъ врачевать приключившіяся болѣзни, какъ можетъ каждый; и хорошо сдѣлалъ онъ, достопочтеннѣйшій, такъ что и совершаемое не есть законъ, и душа, за которую умеръ Христосъ, не осталась безъ врачеванія“ (Письма, т. II, 413 стр.).—Слѣдовательно, во время обуреванія ересью, въ небытность іереевъ, разумѣю православныхъ, врачевать душевныя болѣзни предоставлено всѣмъ желающимъ, какъ можетъ каждый; значитъ, и наши наставники могутъ принимать приходящихъ къ нимъ на исповѣдь и ни мало не погрѣшаютъ.

Православный: Неправильно вы понимаете приведенное вами мѣсто изъ писемъ пр. Ѳеодора Студита; не о томъ онъ училъ и писалъ, что во время ереси каждый, якобы, можетъ врачевать болѣзни душевныя, т. е. якобы мірянинъ можетъ совершать таинство св. покаянія, — что и увидимъ мы изъ подробнаго. разсмотрѣнія письма Ѳ. Студита къ монаху Ѳеодору. Предварительно же скажу нѣсколько словъ по поводу сказаннаго вами, что вы не отвергаете сказаннаго мною, что покаяніе, какъ таинство, установлено Господомъ Іисусомъ Христомъ и что власть рѣшить и вязать въ этомъ таинствѣ принадлежитъ лицамъ іерархическимъ,—но, что де нынѣ нѣтъ священниковъ православныхъ, а потому де и міряне могутъ совершать это таинство. Развѣ власть вязать и рѣшить дана Апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и ихъ преемникамъ только на время? Развѣ онъ училъ, что наступитъ такое время, когда не будетъ православнаго священника, и тогда власть эту могутъ присвоить себѣ и міряне и совершать таинство покаянія?!. Нѣтъ! Пока будетъ существовать Церковь, созданная Спасомъ, а она будетъ существовать—пока стоитъ видимый міръ, пока живы люди, и никакія врата адовы не могутъ уничтожить Церковь Христову,—до тѣхъ поръ будетъ существовать и Богомъ преданная власть вязать и рѣшить чрезъ лицъ священныхъ; и никакой другой исповѣди, никакой иной власти вязать и рѣшить—Христосъ не установилъ, а посему всѣ тѣ свидѣтельства, которыя я выше привелъ, остаются въ силѣ. Что „ключи Царствія небеснаго“ или иначе, власть вязать и рѣшить чрезъ посредство православныхъ священниковъ у православныхъ христіанъ не прекратится, объ этомъ говорится въ Учительномъ Евангеліи: „Обношаше ключъ (Царствія Небеснаго) не одинъ Петръ, но и всѣ Апостоли токмо, но и воспреемницы престола тѣхъ, намѣстницы, святители, патріархи. Паки же сіи оставльша и предаша епископамъ со возложеніемъ рукъ, епископи же оставиша презвитерамъ и всему чину священническу; и таковый ключъ обносится и до днесь во архіереехъ и презвитерехъ и даже до скончанія вѣка не отнимется отъ нихъ“ (По изд. 1642 г. листъ 136 об.).

Только ересь, по ученію св. Амвросія Медіоланскаго, не имѣетъ православныхъ (Божіихъ) священниковъ; не имѣя священниковъ, ересь не должна присвоять себѣ и права священническаго, т. е. вязать и рѣшить (см. кн. „О покаяніи“ св. Амвросія Медіоланскаго по издан. 1901 г. гл. 2-я, 5—7 стр.).

Перейдемъ къ разсмотрѣнію свидѣтельства пр. Ѳеодора Студита. Въ письмѣ къ Ѳеодору Монаху—преподобный не о томъ писалъ, что, во время ереси, можетъ каждый и мірянинъ врачевать душевныя болѣзни, совершать таинство покаянія, а о томъ, что епитиміи налагать — врачъ-пастырь, во время ереси и когда обстоятельства

со всѣхъ сторонъ стѣснительны, падшимъ клирикамъ, „обличеннымъ или въ подписи, или въ общеніи съ еретиками“, можетъ по своему усмотрѣнію, что онъ, преподобный, и дѣлалъ, „налагая епитиміи по принужденію отъ самаго перваго дня, и при томъ изъ заключенія подъ стражею посредствомъ писемъ“, но и это онъ дѣлалъ „не въ видѣ опредѣленія, а въ видѣ совѣта—до времени мира, „чтобы тогда принять то, что будетъ опредѣлено патріархомъ съ утвержденія Св. Собора“ (см. 152 письмо его къ Ѳеодору Монаху, ч. 2-я, 377—379 стр.).

Освободившись изъ заключенія, пр. Ѳеодоръ Студитъ, отдавши отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ касательно назначаемой имъ епитиміи, ни въ чемъ не получилъ замѣчанія (379 стр.).—Ѳеодоръ Монахъ издалъ „Окружное посланіе“, каковое между прочимъ получено было преподобнымъ отцомъ. Въ этомъ посланіи Ѳеодоръ Монахъ укорялъ іерарховъ и священниковъ за то, что они, якобы, лицемѣрно принимали покаяніе, смѣялся надъ епитиміями, назначаемыми ими, злословилъ, говоря, что „дѣйствія этихъ іерарховъ и священниковъ производятъ соблазнъ“ (стр. 411—414).—Отвѣчая ему, преподобный и писалъ, что патріархъ, видя, что господствуетъ ересь и обстоятельства со всѣхъ сторонъ стѣснительны, предоставилъ всѣмъ желающимъ врачевать приключившіяся болѣзни (т. е. подпись, общенія съ еретиками—иконоборцами и др.), какъ можетъ каждый,—до тѣхъ поръ — пока не соберется соборъ, „когда сдѣланное хорошо будетъ одобрено, а сдѣланное иначе будемъ отвергнуто“ (313 стр.).

Но право то было предоставлено „врачамъ“,—„которые полагаютъ души свои за врачуемыхъ, ибо они совершаютъ куплю Христову“—(414—415 стр.),—а купля вручена пастырямъ, а не мірянамъ.—Возставшему же Монаху Ѳеодору преподобный въ назиданіе писалъ: „А тебя, братъ, кто поставилъ законодателемъ въ Церкви Божіей, тогда какъ ты, можетъ быть, еще не научился и повиноваться? Посему не бывъ избранъ начальствовать надъ кѣмъ-нибудь, ты долженъ принимать законы, а не законодательствовать, руководиться, а не руководить,—просвѣщаться, а не просвѣщать, учиться, а не учить!..“ (Стр. 417). И такъ, напрасно ссылаетесь на преподобнаго, желая оправдать незаконныя дѣйствія своихъ настоятелей. Преподобный говорилъ не о томъ, что мірянинъ можетъ совершать таинство покаянія; училъ онъ объ епитиміяхъ, при чемъ примѣненіе той или другой епитиміи онъ предоставлялъ усмотрѣнію „врача“, воспрещая даже монаху—восхищать то, что не даровано.

Старообрядецъ: Вы только указываете на одинъ видъ покаянія; между прочимъ писаніе указываетъ намъ нѣсколько видовъ покаянія.

Можно непосредственно прибѣгать къ Богу съ покаяніемъ въ содѣянныхъ грѣхахъ и Господь, видя наши слезы и сокрушеніе, про-

щаетъ наши беззаконія. Такъ въ бесѣдахъ І. Златоустаго на 14-мъ посланій Ап. Павла“ читаемъ: „Да увѣщаемъ себѣ, яко согрѣшихомъ, не языкомъ да глаголемъ токмо, но и мыслію; не грѣшныхъ себѣ нарицаймо токмо, но и согрѣшенія помышляймо, по виду коеждо счисляюще; не глаголю ти, изъяви себѣ, ниже предъ иными, оглаголуй, но покоритися совѣтую пророку глаголющему, открый къ Господу путь твой.—Предъ Богомъ сія исповѣждь, предъ судьею исповѣдай согрѣшенія моляйся, аще и не языкомъ, но памятью и тако бѣди помилованъ быти“. (3088 стр.; тоже 2983 стр. по изданію 1624 г.).

Эта же мысль проводится и въ Б. Соборникѣ: „Благодать и оставленіе, еже въ крещеніи младенци мы пріемлюще, во грѣсѣхъ возрастающе осквернихомъ то, и угасихомъ. Ради же слезъ, и даже до старости, и до послѣдняго дыханія, на всякъ часъ крещатися, и очищати можемъ. Ради слезъ очистися, ради исповѣданія оправдася,—еже всегда, и въ самой старости, и въ послѣднихъ же сѣдинахъ, сотворити можемъ, глаголю же прослезити, и воздохнути, исповѣдатися, помолитися... Духъ Святый рожая намъ по уверзенія слезы, ко оставленію и пораженію и очищенію согрѣшеній. Велика иже по Бозѣ слезъ крѣпость, велико тѣхъ дѣйство свидѣтель — въ ветхомъ ниневитяне, Іезекія, Манассія“. (Б. Соборн. 210, 211 и 212 л. л. об.). Такимъ образомъ Б. Соборникъ свидѣтельствуетъ, что достаточно воздохнуть предъ Господомъ со слезами о содѣянныхъ грѣхахъ и Господь приметъ это сокрушеніе о грѣхахъ и проститъ грѣхи кающагося такимъ образомъ. Въ подтвержденіе этой, именно, мысли въ Соборникѣ приводится слѣдующій разсказъ о разбойникѣ, который только слезами своими, своимъ плачемъ о прежнихъ беззаконіяхъ загладилъ грѣхи, заслужилъ прощеніе. „Бысть, читаемъ въ Соборникѣ, нѣкто разбойникъ во странахъ Фраческихъ, суровъ и безчеловѣченъ, и таковъ, яко и пути оны не проходны сотворити, и сего яти множайши отъ волнъ всяко ухищренія смысяюще и яти не возмогоша. Слышавъ же блаженный царь Маврикій; съ нѣкіимъ юнымъ отрочищемъ, посла къ нему крестъ свой, глаголя: не бойся. И якоже дѣйствомъ Божіимъ разбойникъ, устыдѣвся слова царева, отложъ разбойническій обычай, пришедъ къ ногамъ царевымъ со исповѣданіемъ припаде“. Вскорѣ послѣ сего, разсказывается далѣе, разбойникъ этотъ впалъ въ тяжкую болѣзнь и, вѣдая о скорой своей кончинѣ, „на молитву ко Вседержителю Богу обратися, со слезами исповѣдуяся, и прощенія своихъ согрѣшеній проси, глаголаше: не ищи отъ меня ничто же благо, Владыко человѣколюбче; но якоже на бывшемъ прежде мене разбойницѣ, аще и на мнѣ удиви милости твоя, и пріими сей плачъ мой смертный... И яко-же пріятъ Петра апостола Твоего горчайшій плачъ, сице пріими и мой, Человѣколюбче. Проливаю сія слезы на согрѣшеніе моихъ рукописаній... сія и таковая

на многи часы разбойникъ исповѣдуяся, и своимъ главотяжцемъ слезы обрысуя, предаде духъ". Чудеснымъ образомъ, во снѣ, открыто было врачу, надзиравшему надъ странноприимнымъ домомъ, въ которомъ скончался разбойникъ, что „ефіопы, пришедшіе взять душу разбойника,—бѣжаша посрамлени", ибо ангелы показали имъ „убрусецъ", омоченный слезами разбойника, сказавъ, что Господь принялъ эти слезы, какъ истинное покаяніе, и простилъ грѣхи разбойника. Пришедши къ царю, врачъ разсказалъ ему и видѣніе свое и о тѣхъ слезахъ, кои проливалъ кающійся разбойникъ, „глаголя цареви: благодаримъ Бога.. Слышахомъ разбойника спасшася ради исповѣданія при крестѣ небеснаго Царя и видѣхомъ разбойника спасшася ради исповѣданія при твоемъ Царствіи.—И сія слыша Царь вѣру емъ истиннѣ быти". (214 об.—216 об.).

Ясно, что слезы предъ Господомъ, сокрушеніе о грѣхахъ довлѣютъ на покаяніе, пріемлются Богомъ. Приведемъ и еще одно свидѣтельство изъ книги „Маргаритъ"—свидѣтельство, въ которомъ тоже говорится, что, и помимо іереевъ, можно непосредственно отъ Господа получить прощеніе во грѣхахъ и что и это покаяніе—пріемлется Имъ. „Се спастися хочу, читаемъ въ „Маргаритѣ", что сотворю? Како спасуся, и кій образъ воспріиму? Къ кому прибѣгну? Много бо согрѣшихъ, и дѣломъ, и словомъ и умомъ, во дни и нощи, и по вся часъ. Тѣмъ же что сотворю, како ли спасуся, къ кому прибѣгну? Азъ повѣмъ къ кому прибѣгнути.

„Блаженный бо Давыдъ показа къ кому прибѣгнути, рече: Богъ намъ прибѣжище и сила, и помощникъ въ скорбѣхъ обрѣтшихъ ны зѣло. Къ тому и ты прибѣгни, каяся и плача. Покайся, возлюбленне, и не размышляй, покайся и не тужи и не отчайся, имѣя спасенія лѣчбу... Преклоняй колѣнѣ, бій въ персіи, слезы изроняй, воздыхай, плачи, простирай руцѣ на небо, возводи очи ко Владыцѣ... Пойдемъ, поклонимся Ему, и припадемъ, и плачемся предъ Господѣмъ сотворшимъ насъ; той-бо есть Богъ нашъ, той насъ сотворилъ, той насъ ущедритъ той ны помилуетъ и просвѣтитъ лице Свое на ны. Той бо есть Богъ кающихся и тако пріиметъ вы кающася" (слово 13-е о лжеучителяхъ 593 об., 594, 595—597 л.л. об.)

Поэтому-то мы, хотя и не имѣемъ священниковъ, надѣемся, что имѣемъ покаяніе и можемъ каяться въ своихъ грѣхахъ непосредственно предъ Богомъ, вѣруя, что и таковое исповѣданіе пріемлетъ Онъ и проститъ намъ наши прегрѣшенія.

Православный: И такъ, ваши наставники измыслили новый видъ покаянія, какъ таинства, именно: сердечное сокрушеніе о грѣхахъ, со слезами, предъ Самимъ Господомъ, чѣмъ и стараетесь замѣнить установленное Господомъ Іисусомъ Христомъ покаяніе, исповѣдь предъ

лицами іерархическими—и въ доказательство приводите вы изъ „Бесѣдъ І. Златоустаго на 14 посланій Ап. Павла, изъ книги „Маргаритъ“ и изъ „Соборника“—Но, при безпристрастномъ разсмотрѣніи указанныхъ вами свидѣтельствъ, оказывается, что ни мало они не служатъ оправданіемъ новому вашему ученію.

Дѣло въ томъ, что сердечное сокрушеніе о грѣхахъ, слезы о содѣянныхъ преступленіяхъ, воздыханіе и молитвенный вопль предъ Господомъ, — это только составныя части покаянія, исповѣди, какъ таинства.

Объ этомъ только и училъ въ приведенныхъ вами свидѣтельствахъ І. Златоустъ (въ книгѣ „Маргаритъ и въ „Бесѣдахъ“). „Ты грѣшенъ? Войди *въ Церковь*, училъ Св. Златоустъ, припади, плачь, рыдай, стенай, проливай слезы.

„Ты согрѣшилъ? Исповѣдай Богу свои грѣхи, скажи просто: я согрѣшилъ,—скажи это Богу, вѣдающему все прежде, чѣмъ это совершится,—скажи Богу, испытущему сердца и утробы,—скажи здѣсь, чтобы не быть обличеннымъ и посрамленнымъ тамъ многими тысячами ангеловъ и людей.

„Скажи мнѣ, что лучше: здѣсь ли въ Церкви исповѣдаться предъ Богомъ только и духовнымъ отцемъ твоимъ, или тамъ опозориться предъ столькими тысячами людей и ангеловъ“ (т. XI, 936 стр.). Такимъ образомъ, исповѣдь во грѣхахъ, плачъ и слезы—все это передъ Господомъ, но посредникомъ, свидѣтелемъ твоей искренной исповѣди, твоего исповѣданія въ содѣянныхъ преступленіяхъ, твоего плача и слезъ о грѣхахъ, долженъ быть духовный отецъ-священникъ, а этого то послѣдняго у васъ нѣтъ.

Да, ты творишь исповѣдь въ содѣянныхъ грѣхахъ, въ преступленіяхъ, которыми оскорбилъ Творца и отдалилъ Его отъ себя,—непосредственно предъ Самимъ Господомъ,—но повторяю, свидѣтелемъ твоей исповѣди долженъ быть іерей, молитвами и возложеніемъ рукъ котораго ты примиряешься съ Богомъ и получаешь прощеніе, разрѣшеніе отъ грѣховъ. „Престолъ священства, говоритъ Св. Златоустъ, утвержденъ на небесахъ, и священнику ввѣрено устроять тамошнія дѣла. Кто говоритъ это? Самъ Царь небесъ. Елика аще свяжете на земли, говоритъ Онъ, будутъ связано на небесѣхъ, и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшено на небесѣхъ“. (Мѳ. XVIII, 18). Что можетъ сравниться съ такою честью?

Небо получаетъ начало суда съ земли. Судія судитъ на землѣ, и Владыка слѣдуетъ за рабомъ; и что послѣдній присуждаетъ внизу, то Онъ утверждаетъ горѣ. Священникъ стоитъ посредникомъ между Богомъ и родомъ человѣческимъ, низводя на насъ оттуда благодѣянія и вознося туда наши прошенія, примиряя со всею природою разгнѣ-

ваннаго Бога и насъ, разгнѣвавшихъ Его, избавляя отъ рукъ Его" (т. VI 417 стр.). И такъ, не могъ учить и не училъ Златоустъ, что одни только слезы, плачъ, стенаніе и воздыханіе о содѣянныхъ грѣхахъ непосредственно предъ Самимъ Господомъ, безъ присутствія іерея, могутъ замѣнить покаяніе, какъ таинство. Такъ, въ Б. Соборникѣ въ словѣ Анастасія Синаита, приведенномъ вами, говорится только, что искреннее раскаяніе, съ сердечнымъ сокрушеніемъ и слезами о грѣхахъ, пріемлетъ Господь, въ доказательство чего и приведенъ разсказъ о разбойникѣ, который не могъ, по болѣзни, загладить свои преступленія доброй жизнью, добрыми дѣлами, а горько плакалъ и сокрушался о своихъ беззаконіяхъ. Его слезы были приняты Господомъ, вмѣсто добрыхъ дѣлъ, и онъ получилъ прощеніе.—Если во всемъ сказаніи о покаявшемся разбойникѣ не упомянуто о священникѣ,—такъ это не значитъ еще, что покаяніе, какъ таинство, можетъ быть замѣнено однѣми слезами. Въ „Соборникѣ" не сказано, что разбойникъ былъ и крещенъ, не сказано, что онъ былъ и христіанинъ. Но въ другомъ мѣстѣ тотъ же Анастасій Синаитъ училъ: „Развѣ ты не знаешь, что Церковь Божія есть врачебница?—Итакъ, если ты во врачебницѣ останешься болящимъ, то гдѣ послѣ получишь исцѣленіе?—Исповѣдай же Богу чрезъ священниковъ грѣхи свои.—Осуди свои дѣла и не стыдись". (Номоканонъ, изд. Павлова, 1897 г. стр. 474).

Ясно, что ни Св. Златоустъ, ни Анастасій Синаитъ не оправдываютъ измышленной вами исповѣди.

Къ тѣмъ доводамъ о таинствѣ покаянія, которыя я выше привелъ, приведемъ и еще ученіе Бл. Симеона Солунскаго: „Покаяніемъ совершается исправленіе наше отъ грѣховъ, вновь нами содѣваемыхъ. И такъ какъ послѣ крещенія нѣтъ другого способа быть воззваннымъ ко спасенію по благодати и дару, кромѣ подвиговъ и трудовъ, кромѣ обращенія и слезъ, кромѣ исповѣданія прегрѣшеній и удаленія отъ зла: то и дарованъ этотъ великій даръ... Покаяніе, послѣ крещенія, и главизна спасенія для всѣхъ вѣрныхъ, и другое очистилище, и второе крещеніе, совершаемое посредствомъ исповѣди и сокрушенія, посильными трудами и слезами...

„Но силу рѣшить и вязать Онъ (Господь)—даровалъ намъ, человѣкамъ, самъ отъ Себя дуновеніемъ сообщивъ въ началѣ этотъ даръ Апостоламъ. Ибо дуну, сказано, и глагола имъ: пріимите Духъ Святъ. Имъ же отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имъ же держите, держатся (Іоан. 20, 22—23).

„Для того это, чтобы тѣ, кои пришли въ смиреніи души на исповѣдь, чрезъ искреннее раскаяніе отклонившись уже отъ грѣха, открыто получали разрѣшеніе. И это совершается постоянно донынѣ.

„Сія-то сила Духа проявляется и дѣйствуетъ чрезъ священнослу-

жителей... Покаяніе есть одно изъ таинствъ, и совершать его для вѣрныхъ—принадлежитъ епископамъ“ (т. 2-й, по изд. 1856 г. Стр. 14, 15, 33, 314 и 322).

Слѣдовательно, необходимы: сокрушеніе о грѣхахъ, слезы, удаленіе отъ зла, подвиги и труды, словесное исповѣданіе грѣховъ предъ тѣми, кои получили на это власть, т. е. предъ священнослужителями, и разрѣшеніе отъ грѣховъ, бываемое отъ іерея. Объ этомъ то у насъ и рѣчь съ вами; этого то у васъ и нѣтъ, именно разрѣшенія іерейскаго отъ грѣховъ, а стало быть и слезы и исповѣдь ваши вотще.

Самарскій Епарх. миссіонеръ іерей *Д. Александровъ.*

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ХРОНИКА.

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.

Обзоръ печати.

(По поводу статьи Д. С. Мережковскаго „Пророкъ русской революціи". „Вѣсы",—№ 2 и № 3—4).

I.

В. В. Розановъ и Д. С. Мережковскій—звѣзды одной плеяды. Проще сказать, это два сапога—пара.

Оба мистики, оба пламенные и яростные, но, повидимому, безсильные поклонники „святой плоти". На этой почвѣ—полное единеніе духа.

Есть и черты различія, но сравнительно незначительныя. Г. Розановъ больше напираетъ на Ветхій Завѣтъ, на богинь вожделѣнія и сладострастія по библейскому тексту. Г. Мережковскій приноровился къ Апокалипсису и дѣйствуетъ имъ на читателя, какъ обухомъ топора. Его богини и героини—бѣлыя дьяволицы, вѣдьмы съ нѣмецкаго Брокена и съ русской Лысой горы.

Г. Розановъ много вульгарнѣе, но и много реальнѣе г. Мережковскаго. Онъ глазамъ не вѣритъ: ему надо дотронуться и обнюхать. Г. Мережковскій доволенъ тѣнью, мимолетнымъ призракомъ, капризной и мимолетной тучкой и вкушаетъ необъяснимое наслажденіе тамъ, гдѣ г. Розановъ еще сомнѣвается въ самой реальности факта.

Тѣмъ не менѣе они какіе-то близнецы въ русской литературѣ, два Аякса, которые всегда вмѣстѣ, гдѣ мятежная плоть поднимаетъ стяги борьбы съ тѣми, кто сомнѣвается въ ея божественности.

Г. Розановъ издалъ прекурьезную книгу „Около церковныхъ стѣнъ".

Мы о ней уже говорили въ прошлой книжкѣ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“. Но въ благородномъ мистико-эротическомъ спортѣ г. Мережковскій блестяще побилъ рекорды своего коллеги по вѣрѣ и далъ ему очковъ пятьдесятъ впередъ.

Придетъ время—и, повидимому, оно недалеко,—когда серьезные и образованные люди будутъ удивляться тому, что г.г. Розанова и Мережковскаго считали писателями, что было и такое поколѣніе, среди котораго они могли найти извѣстность и популярность, что ихъ книги читали.

Но наше время, кажется, „изъ всѣхъ правилъ вышло“. Кадеты побѣдили,—а вѣдь это историческій фактъ, не менѣе удивительный, чѣмъ лавры двухъ друзей-мистиковъ. „Кадеты побѣдили“—вѣдь это вольный переводъ словъ Нитцше: „все возможно, все дозволено“.

Но статья г. Мережковскаго заслуживаетъ полнаго вниманія при всемъ юродствѣ ея содержанія, какъ верхъ безумія, возможнаго въ наши безумные дни.

Начнемъ съ конца. По дорогѣ реакціонныхъ заблужденій Достоевскаго г. Мережковскій шелъ къ своей истинѣ и остановился, когда уперся въ нее лбомъ.

Передъ какой-же истиной—ложь все, что говорилъ Достоевскій о самодержавіи и православіи?

„Это истина—пророчество о Св. Духѣ и о Св. Плоти, о Церкви и царствѣ Грядущаго Господа“.

„Не въ христіанство, а только въ религію Троицы, Всѣхъ Трехъ—Божественной Множественности, открывающейся въ Божескомъ Единствѣ—включается и человѣческая множественность, совокупность личностей, святая общественность; только въ религію Святой Земли естественно включается и всемірное соединеніе и устроеніе людей на землѣ, церковь, какъ царство“. „Точно такъ-же, какъ Первая Ипостась Отчая воплотилась въ мірѣ природномъ, въ дочеловѣческомъ, въ космосѣ, и Вторая Сыновняя—въ Богочеловѣкѣ, Третья Ипостась, Духа, воплотилась въ Богочеловѣчествѣ“.

„Не въ христіанство“... Это надо запомнить. „Божественная Множественность“—повидимому, языческій политеизмъ. Святая Земля съ большими буквами—какое-то первобытное идолопоклонство.

Вотъ какую истину надо признать истиной, чтобы раздѣлять взгляды г. Мережковскаго. Это отчасти успокоительно. Такихъ чудаковъ много не наберется и мистическая ахинея творца новой религіи едва-ли соберетъ новую нехристіанскую церковь. Авторъ ни въ Магометы, ни въ Будды не годится: очень ужъ онъ далекъ отъ земли, съ какой-бы буквы онъ это слово ни писалъ.

II.

Въ чемъ-же провинился покойный Ѳ. М. Достоевскій передъ Д. С. Мережковскимъ?

Вотъ въ чемъ. Революціонеръ въ душѣ, онъ притворялся реакціонеромъ и только одному г. Мережковскому удалось подмѣтить и объяснить этотъ литературный маскарадъ.

Отъ истины, теперь намъ уже извѣстной, перейдемъ къ тѣмъ заблужденіямъ, которыя такъ удивительно ново объясняетъ г. Мережковскій.

Его путеводная звѣзда въ пустынѣ заблужденій—„безвластіе, какъ путь къ боговластію".

Было-бы несправедливо обвинять автора въ трусости или осторожности. Онъ всегда на передовыхъ позиціяхъ, всегда тамъ, гдѣ больше опасности.

Достоевскій любилъ исторію Европы, „осколки ея святыхъ чудесъ", но современная Европа была ему не по душѣ.

„Кажется,—говоритъ г. Мережковскій,—Достоевскій чувствовалъ и то, что на такую любовь Европа не можетъ отвѣтить Россіи ничѣмъ, кромѣ ненависти. „Въ Европѣ всѣ держатъ противъ насъ камень за пазухой. Европа насъ ненавидитъ". „Европа презираетъ насъ, считаетъ низшими себя, какъ людей, какъ породу, а иногда мерзимъ мы имъ, мерзимъ вовсе, особенно когда имъ на шею бросаемся съ братскимъ поцѣлуями". „Мы для нихъ не европейцы, мѣшаемъ мы имъ, пахнемъ не хорошо". Всѣхъ славянъ вообще „Европа готова заваривать кипяткомъ, какъ гнѣзда клоповъ въ старушечьихъ деревянныхъ кроватяхъ". „Тамъ (въ Европѣ) порѣшили давно уже покончить съ Россіей. Намъ не укрыться отъ ихъ скрежета и когда-нибудь они бросятся на насъ и съѣдятъ насъ".

„Въ заключеніе совѣтъ—чтобы не быть съѣденными, надо самимъ съѣсть Европу. Таково наше „всеслуженіе человѣчеству". Но мы-ли съѣдимъ Европу или Европа съѣстъ насъ, во всякомъ случаѣ, этотъ русскій скрежетъ уже тѣмъ омерзительнѣе европейскаго, что прикрывается „братскими поцѣлуями", отъ которыхъ дѣйствительно, „не хорошо пахнетъ". На эти поцѣлуи „русскому Христу" Христосъ вселенскій могъ бы отвѣтить: „другъ, цѣлованіемъ-ли предаешь Сына Человѣческаго"?

Сердиться на г. Мережковскаго нельзя: онъ слишкомъ младенецъ, чтобы требовать отъ него отвѣтственности за дикій и безсвязный лепетъ. Его окрошка изъ цитатъ Достоевскаго—дѣтская шалость, разсчитанная на совершенно игрушечные эффекты.

Кто читалъ Достоевскаго, тотъ знаетъ, что покойный писатель никогда „не бросался къ ней на шею съ братскими поцѣлуями“. Онъ любилъ прошлое Европы, но ея настоящее положеніе не возбуждало его симпатій.

Это знаетъ и г. Мережковскій. Съ чего-же онъ горячку поретъ? Только оттого, что г. Достоевскій сказалъ „мы“? Но вѣдь это довольно обычная литературная манера рѣчи. Г. Мережковскій старый литераторъ и это ему пора бы знать. Такъ говорятъ, чтобы придать больше мягкости рѣчи, чтобы сдѣлать укоръ безобиднѣе. Говоря „мы“, Достоевскій думалъ не о себѣ, а, скорѣе, о г. Мережковскомъ.

И на такомъ пустякѣ писатель въ цвѣтущемъ возрастѣ, какъ неопытный отрокъ, притворяющійся умнымъ, строитъ цѣлую систему вздорныхъ обвиненій, все шире и шире охватывая горизонты, которые здѣсь рѣшительно ни къ чему. Достоевскій превращается въ „русскаго Христа“ и литературная полемика превращается въ явное кощунство.

Еще ни одинъ писатель не говорилъ такого непристойнаго вздора, потому что серьезный человѣкъ щадитъ свое доброе литературное имя, не просится подъ розги, не щеголяетъ озорствомъ и безшабашностью. На это дерзаютъ только легкомысленные ребята, которымъ терять нечего, которые слишкомъ довѣрчиво разсчитываютъ на снисхожденіе своихъ близкихъ, которые куражатся и капризничаютъ, когда замѣтятъ, что имъ все сходитъ съ рукъ, что имъ мирволятъ и не придаютъ значенія ихъ капризамъ. Но и дѣтская шаловливость иногда переходитъ черезъ край и тогда...

Доказать свои положенія онъ, конечно, не можетъ. Это наборъ фразъ и игра въ слова. Онъ доволенъ уже тѣмъ, что „дерзнулъ“. Въ ранней молодости дерзостью гордятся. У кадетовъ—это своего рода шикъ.

Какъ молодъ и наивенъ почти маститый поэтъ и чревовѣщатель! Европа пережила свои старые идеалы. Въ свое время эти идеалы казались великими и исчерпывающими всю полноту правды, дающими смыслъ всему существованію человѣка. Въ мечтѣ, въ теоріи они были прекрасны. Но, когда захотѣли осуществить ихъ въ жизни, когда кровью и убійствомъ стали внушать „человѣчеству“ новорожденную истину, недавніе могучіе боги оказались мертвыми чурбанами. Ихъ уже нѣтъ. Они позади, на тѣхъ путяхъ исторіи, къ которымъ возврата нѣтъ. Теперь Европа живетъ безъ горячей вѣры, безъ великой идеи. Жизнь стала сѣрой, скучной и безцвѣтной, безъ будущаго, безъ цѣлей, безъ надеждъ. Легко понять любовь къ Европѣ въ годы ея творчества и гордой вѣры въ себя. Легко понять и ненависть къ Европѣ, когда она застыла въ безжизненномъ покоѣ буржуазіи и другихъ идеа-

ловъ не имѣетъ, даже для пролетаріата, который строится и организуется по шаблонамъ буржуазіи и своихъ дорогъ не нашелъ. Объ этомъ написаны цѣлыя книги и вопросъ поставленъ вполнѣ опредѣленно. И г. Мережковскій эти книги, надо полагать, читалъ, читалъ онъ, вѣроятно, и Влад. Соловьева, и Герцена, и Хомякова, и Данилевскаго. Зачѣмъ-же онъ напускаетъ на себя тупость и невѣжество? Только для того, чтобы морочить тѣхъ читателей, которые ничего не читаютъ, ничего не знаютъ и знать не хотятъ?

III.

Ясное дѣло, что избалованный г. Мережковскій за что-то сердится на Достоевскаго. Кадеты вѣдь очень обидчивы.

Что-же его такъ задѣло? А вотъ что. Достоевскій часто высказывалъ одну мысль, которую берется формулировать самъ г. Мережковскій. Представимъ эту мысль въ его передачѣ.

„Русскій интеллигентъ, пока остается самимъ собою, т. е. русскимъ европейцемъ, не можетъ понять православія, такъ-же, какъ Европа не понимаетъ его. А слѣдовательно, не можетъ понять и русскаго народа. Остается „погибать врозь“.

Эта мысль Достоевскаго для г. Мережковскаго—ножъ острый. Онъ вспыхнулъ, озлился, сталъ ломать въ своей дѣтской игрушки и на зло мамашѣ и нянькѣ повторяетъ скверныя уличныя слова, чтобы сорвать свою досаду.

Правда, говорятъ, глаза колетъ. Кадеты нынѣ представляютъ волю невѣдомой страны и голосъ выдуманнаго народа. Но православія они не понимаютъ, въ чемъ и сами признаются. А безъ православія русскаго народа дѣйствительно не поймешь. Все это такъ просто и ясно, что этого не видятъ только разные кадеты, задавшіеся цѣлью перелгать дѣйствительность.

Если-бы г. Мережковскій съ годами росъ, онъ могъ-бы попытаться поспорить съ Достоевскимъ, подумать о доказательствахъ, поискать фактовъ. Но онъ слишкомъ лѣнивъ и легкомысленъ для этого. Онъ просто показываетъ языкъ и назойливо твердитъ, что онъ „побѣдилъ“, какъ всегда побѣждаютъ кадеты.

По г. Мережковскому выходитъ, что наша интеллигенція прекрасно понимаетъ православіе. Но понимаетъ-ли его г. Мережковскій? Какъ онъ его понимаетъ, мы скоро увидимъ. Но заранѣе предупреждаемъ, что такъ его никто и никогда не понималъ, не понимаетъ и понимать не будетъ. Онъ и г. Розановъ—непризванные строители новаго Соломонова храма. Они создаютъ свою собственную религію, и—въ ин-

тересахъ пропаганды, подобно другимъ кадетамъ, выдаютъ его за православіе. Кадеты пробовали убѣдить мужиковъ, что самодержавіе тоже самое, что и республика. Но республика остается республикою, а похотливое язычество—язычествомъ, какъ-бы ихъ ни называли.

Рознь между интеллигенціею и народомъ—старый вопросъ. Теоретически онъ поставленъ и рѣшенъ давно, практически онъ рѣшается на нашихъ глазахъ. На уличныхъ листкахъ красною краскою часто рисуется тенденціозная картина: интеллигентъ братски жметъ руку мужику и заключаетъ съ нимъ союзъ на почвѣ республики, націонализаціи земли и вооруженнаго возстанія. Кадеты „требуютъ", чтобы всѣ повѣрили этой сказкѣ. Но сказокъ у кадетовъ слишкомъ много и всѣ онѣ фантастичны.

На этой почвѣ интеллигенція создаетъ мечтательный призракъ какой-то особой, не то оффиціальной, не то ветхозавѣтной Руси, алчной, прожорливой, тупой и безсовѣстной.

„Россія проглотитъ сперва Европу, потомъ Азію и, наконецъ, весь міръ. Это любовь даже не живого къ мертвому, а хищнаго звѣря къ добычѣ, хищной птицы къ трупу. „Гдѣ трупъ, тамъ соберутся орлы". Вселенная—трупъ. И русскій двуглавый орелъ носится надъ трупомъ вселенной".

Въ евангельскомъ текстѣ стоятъ не орлы, а коршуны. Но слишкомъ уже хотѣлось г. Мережковскому пофорсить краснымъ словцомъ и показать во всемъ блескѣ свободу своего слова въ дѣтски-безумной ненависти къ двуглавому орлу. Эта лживая и гнусная картина подсказана старой повадкой нашей интеллигенціи блистать непомѣрнымъ, необузданнымъ и безтолковымъ либерализмомъ.

Это что-то въ родѣ тѣхъ папиросъ, которыя „борцы за свободу" гасили объ икону Иверской Божіей Матери. Въ томъ и другомъ случаѣ психологія одинаковая: „наплевать". А логика... Впрочемъ, на что логика побѣдителямъ? Посмотрите на кадетовъ. Они отлично справляются безъ разума и безъ логики и свою глупость прикрываютъ красною тогою гнѣва и мести.

Г. Мережковскій зналъ, что своею циничною выходкою онъ многимъ причинитъ боль и огорченіе. Но его истинная цѣль именно въ томъ-то исключается, чтобы причинить эту боль. Младенческая несостоятельность его основной мысли отнюдь не требовала такихъ оскорбительныхъ и грязныхъ оборотовъ рѣчи. Причудливость и босяцкая неопрятность образа—для него цѣль сама по себѣ и онъ ловитъ новые нечистоплотные эффекты, чтобы блеснуть цинизмомъ безшабашности.

Удивительно-ли, что онъ бросаетъ комьями грязи въ русскаго двуглаваго орла, если не останавливается и передъ явнымъ кощунствомъ?

„Въ кровавомъ бреду Достоевскаго о всемірно-русской монархіи,— говоритъ онъ,— „русскій Христосъ“ поклонился дьяволу“.

Достоевскій тутъ не причемъ. Не онъ одинъ не отрекается отъ „русскаго Христа“ ради какой-то Божественной Множественности и Святой Земли. Да и какое дѣло г. Мережковскому до Христа, если онъ самъ признается, что его вѣра—не христіанство?

Но и Христосъ, поклонившійся дьяволу, тоже не Богъ.

Что же собственно хочетъ сказать г. Мережковскій?

Споръ, который онъ поднимаетъ, старый споръ. Это споръ между западниками и славянофилами. Ни одного новаго доказательства, ни одного жизненнаго обобщенія г. Мережковскій въ этотъ споръ не вноситъ. У него нѣтъ ни одной ясной и точной мысли, только подборъ словъ вычурныхъ и непристойныхъ. Его исходная точка зрѣнія показалась бы смѣшной и нелѣпой даже у малограмотной начетчицы, запуганной чтеніемъ Апокалипсиса.

И въ этотъ старый споръ, который съ большимъ достоинствомъ и съ огромною эрудиціею вели серьезные и умные люди, какъ уличный мальчишка, вмѣшивается г. Мережковскій, съ визгомъ, хохотомъ, съ ужимками балаганнаго шута, и въ дикомъ восторгѣ произноситъ такія пошлости, отъ которыхъ покраснѣла бы и обезьяна.

Г. Мережковскій любитъ блеснуть своею начитанностью. Его эрудиціи не отрицаетъ даже В. П. Буренинъ, который много разъ пользовалъ розгою ученія поэта-мистика, хотя, къ сожалѣнію, повидимому, не достигъ цѣли. Но эта начитанность—для него худшее зло: у него все какъ-то не ко двору. Лучшія мысли мыслителей и поэтовъ превращаются въ какую-то яичницу, въ трактирную окрошку изъ всякой всячины и возбуждаютъ невольную брезгливость. Онъ всегда искалъ вниманія толпы и черни и у него нѣтъ ничего, чѣмъ бы онъ не пожертвовалъ ради популярности и рыночнаго успѣха. Теперь балаганное глумленіе—товаръ ходкій.

Къ довершенію кощунства и безстыдства онъ время отъ времени принимаетъ позу и языкъ пророка.

„Господь наказалъ насъ—и слава Господу! Выпьемъ-же чашу гнѣва Господня до дна, ибо на днѣ—спасенье“.

Не будемъ забывать, что это говоритъ пророкъ Третьяго Завѣта, который молится Великой Матери Елевзинскихъ таинствъ. Кто ему „Господь“ и что онъ Господу?

Онъ радуется чашѣ гнѣва Божія, но не потому, что на днѣ ея спасеніе: спасеніе для проклинаемой имъ Россіи невозможно, по его убѣжденію,—а потому что старая Русь съ *ея* вѣрою, съ *ея* Господомъ—будто-бы гибнетъ и погибнетъ.

III.

Поэтъ Минскій, всю жизнь блуждавшій въ непроницаемыхъ дебряхъ дремучей языческой мистики, почувствовалъ себя убѣжденнѣйшимъ соціалъ-демократомъ и сталъ редакторомъ соціалистической газеты. Но, испугавшись послѣдствій соціалистической программы по шаблонамъ нашихъ доморощенныхъ мыслителей и вождей соціалистической партіи, предпочелъ бѣжать за границу и оттуда посылать громы на своихъ недавнихъ союзниковъ.

Г. Мережковскій принесъ свою туманную мистику къ ногамъ побѣдоносныхъ кадетовъ и на свой ладъ перепѣваетъ ихъ нехитрыя пѣсенки.

Еврейскій вопросъ играетъ огромную роль въ судьбѣ и карьерѣ кадетовъ. И на этотъ алтарь проворный мистикъ приноситъ свою и своеобразную жертву.

„Когда христіане называютъ евреевъ „жидами“, они произносятъ хулу на Христа во чревѣ Матери Его, въ тайнѣ Рождества Его, во святомъ Израилѣ. Истинные „жиды“—не евреи, а тѣ христіане, которые возвращаются отъ Новаго Завѣта къ Ветхому, отъ Христа вселенскаго къ Мессіи народному“.

Мистикъ, а знаетъ, гдѣ раки зимуютъ. Значитъ-ли это, что евреи обратились къ „Христу вселенскому“?.. А если не значитъ, то что-же это значитъ?

Если „народный Мессія“—что-то позорное и безстыдное для русскаго народа, то почему онъ такъ хорошъ для еврейства?

Онъ будто-бы вступается за оскорбленное достоинство Матери Его, онъ, который Святая Земля пишетъ съ большой буквы и вдается въ соблазнительныя тонкости толкованія по поводу словъ: „Богородица есть Великая Мать Сыра Земля“.

Авторъ много разъ переворачиваетъ на разные лады лукавыя слова покойнаго Влад. Серг. Соловьева о необходимости для Россіи національнаго отреченія для церковнаго единства подъ главенствомъ папы. И у Соловьева это выходило достаточно туманно въ тонкомъ лицемѣріи напускной мистики. А у г. Мережковскаго это было-бы какою-то загадкою сфинкса, если-бы его отношеніе къ еврейскому вопросу не давало ключа къ пониманію его удивительной декламаціи. О вселенскомъ Христѣ, котораго евреи не признаютъ, онъ говоритъ „страха ради іудейска“, чтобы не допустить русскій народъ до вѣры въ народнаго Мессію, котораго евреи и теперь еще ждутъ. Игра старая и нехитрая.

„Каждый народъ долженъ отречься отъ себя, отъ своей „синтети-

ческой личности, отъ своего особаго Бога", долженъ сдѣлаться жертвою за всѣ другіе народы, умереть, какъ народъ, во всечеловѣчествѣ, для того, чтобы воскреснуть въ бого-человѣчествѣ".

Разберитесь въ этомъ жалкомъ наборѣ словъ.

„Каждый народъ долженъ"... Отчего-же ни нѣмцы, ни французы, ни англичане этого не дѣлаютъ? У каждаго своя „синтетическая личность" и „свой особый богъ". Не дѣлали этого ни римляне, ни греки. Почему такая жестокость только къ русскому народу? Отчего однимъ народамъ суждено принимать жертвы, а другимъ приносить ихъ?

„Умереть, какъ народъ"... Это ясно. И этого для русскаго народа г. Мережковскій очень желаетъ. Да и не одинъ онъ. Но нельзя-же такъ неприкровенно выдавать сокровенныя тайны кадетовъ. Это одно изъ тѣхъ пожеланій, которыя принято держать въ строгой тайнѣ партійной замкнутости.

И это, по увѣренію г. Мережковскаго, перспектива очень соблазнительная и очень заманчивая. Умрите, какъ народъ, а воскреснете, какъ боги. Чего лучше? Отчего-же г. Мережковскій не сдѣлаетъ этого опыта на своей собственной особѣ. Пусть онъ умретъ, какъ человѣкъ, и воскреснетъ, какъ Богъ,—и тогда, можетъ быть, ему можно будетъ повѣрить. Или онъ уже и безъ того богъ, сталъ богомъ, не въ примѣръ прочимъ, даже не умирая?

Что-же это? Мистика или новое дурачество капризнаго младенца?

Дивно, что эти невѣроятныя рѣчи раздавались и въ университетской аудиторіи, въ закрытомъ засѣданіи Философскаго Общества и имъ внимали, какъ рѣчамъ компетентнаго пророка, открывающаго новые пути и новыя правды.

Или и храмы науки превратились у насъ въ площадныя торжища, гдѣ каждый говоритъ, что хочетъ и какъ хочетъ? И тамъ уже отвыкли отличать плевелы отъ пшеницы, убѣжденную рѣчь отъ кривляющейся декламаціи? Развѣ не фокусы эти „ужасы", которыми лекторъ забавлялъ ученую аудиторію?

Если „Философское общество" пробавляется такою „философіею", ему надо перемѣнить свое имя. Иначе и за философію стыдно будетъ.

А тамъ слушали и даже одобрили такой, напримѣръ, вздоръ.

„Послѣдній ужасъ въ томъ, что, вѣря въ „русскаго Христа", „русскаго Бога", нельзя вѣрить въ истиннаго Бога-Слово, во Христа вселенскаго".

И никакого ужаса—нѣтъ. Каждый народъ вѣруетъ во Христа по своему и отъ этого Христосъ не становится не вселенскимъ. Вотъ вѣровать въ Третій Завѣтъ, въ „Мать Сыру Землю", въ „Святую Плоть" человѣческую такъ-же, какъ и въ Христа,—это дѣйствительно значитъ создавать себѣ „особаго Бога" и свою собственную „синтетическую личность".

Зачѣмъ г. Мережковскій ужасается чужимъ ужасомъ? Чего ему страшно? Повидимому, ему-то уже бояться нечего: вѣдь онъ открыто не признаетъ христіанства.

Но и Христа г. Мережковскій, какъ новый Савлъ, гонитъ только для того, чтобы гнать русскій народъ.

„Русскій народъ, сдѣлавшись „русскимъ Христомъ", двойникомъ Христа, самъ превратился въ звѣря, въ антихриста, потому что антихристъ и есть двойникъ Христа".

И все: и Звѣрь, и Христосъ, и Антихристъ—съ большой буквы. Это указаніе искать особый мистическій смыслъ въ прикровенной рѣчи. Но на самомъ дѣлѣ этого потаеннаго смысла нѣтъ. Г. Мережковскій просто бранится, чтобы браниться.

Въ „Философскомъ Обществѣ" г. Мережковскому по существу не возражали. Значитъ, и тамъ пріемлема такая логика и такіе пріемы доказательства? Тогда fuit philosophia, non est.

IV.

Итакъ, русскій народъ—антихристъ.

Для начала—и это хорошо. Дальнѣйшіе выводы слѣдуютъ, конечно, сами собой.

„И по другой формулѣ: „Богъ есть синтетическая личность народа", а „русскій царь есть воплощеніе личности русскаго народа", выходитъ опять-таки, что „русскій Богъ", и русскій Христосъ"—есть русскій царь".

„И послѣдняя тайна, послѣдній ужасъ самодержавія не въ томъ-ли, что самодержецъ—самозванецъ Христа?"

Еще одинъ ударъ и все будетъ ясно.

„Развѣ вся исторія самодержавія—не самое фантастическое и самое реальное „неистовство"? Во всякомъ случаѣ, это не что-то трезвое, умѣренное и благоразумное, „конституціонно-демократическое", а пьяное, дикое, какъ тотъ огненный бредъ, изъ котораго родились легенды скопцовъ и хлыстовъ о богѣ-саваоѳѣ, „сокатившемъ съ неба на землю".

Маска упала. Мы узнаемъ азартнаго, хотя и неопытнаго игрока. Это не мистика, не логика и даже не статья. Это просто captatio benevolentiae, униженное пресмыкательство передъ слишкомъ молодымъ знаменемъ кадетовъ. Очевидно, авторъ старается получить знаки ордена Гапона первой степени, когда этотъ орденъ замѣнитъ собою старые русскіе ордена.

Все „конституціонно-демократическое“—непремѣнно трезвое, непремѣнно умѣренное, непремѣнно—благоразумное.

Вотъ тонкое искусство самой низкой, самой раболѣпной лести.

Логика и практика кадетовъ—ни для кого не секретъ. До сихъ поръ они еще ни разу не говорили „отъ разума“. Они заклинаютъ и проклинаютъ именемъ „воли“ народа и изъ этой воли для личныхъ надобностей выдѣляютъ только гнѣвъ и месть. Они сладострастно мечтаютъ о „сладости мщенія“. Они жаждутъ власти и упоены властью.

Это все, что хотите, только не „трезвость“.

Говорить объ „умѣренности“ кадетовъ—тоже довольно рискованно. У нихъ для всего одно „или“, въ которомъ вторая часть противопоставленія всегда остается неизмѣнною.

Или амнистія, или революція.

Или автономія окраинъ, или революція.

Или принудительное отчужденіе частно-владѣльческихъ земель, или революція.

Если это называть умѣренностью, то что-же тогда будетъ называться неумѣренностью?

„Благоразуміе“, конечно, невозможно въ томъ кровавомъ туманѣ, которымъ окутана боевая и побѣдоносная партія, призывающая къ новымъ битвамъ.

Г. Мережковскій съ вѣрнымъ прицѣломъ нашелъ именно тотъ видъ лести, который навѣрняка покоряетъ славолюбивое сердце новыхъ кондотьеровъ. Ложь, самая грубая и неприкрытая, явно противорѣчащая наличной дѣйствительности, очевидная для каждаго, кто умѣетъ своими глазами смотрѣть на слова и поступки людей, томитъ и нѣжитъ сердце кадетовъ, которые до г. Мережковскаго, не имѣя наемныхъ льстецовъ, льстили себѣ сами, при явной безграмотности говорили отъ имени послѣдняго слова науки, прославляя политическія убійства, поднимали свой голосъ противъ смертной казни, держали свои дружины подъ красными флагами, а въ Думѣ поднимали бѣлые,—символъ всепрощенія и мира,—но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы имъ дали насладиться всею сладостью мести.

Каши масломъ не испортишь. Это г. Мережковскій понялъ. И съ льстивой угодливостью, какъ лукавый лакей новаго барина, поползъ къ ногамъ „конституціонно-демократическаго“ фетиша съ словами такой безшабашной и безстыдной лжи, которая въ первый разъ позоритъ буквы русскаго печатнаго слова.

И по своему онъ указалъ дорогу и другимъ. Онъ понялъ нехитрое искусство, какъ и чѣмъ надо подольщаться къ кадетамъ.

Для этого надо говорить, что русскій народъ звѣрь и хищникъ, что онъ антихристъ, что русскій Христосъ поклонился дьяволу, что русскій царь—самозванецъ Христа.

Многіе, несомнѣнно, пойдутъ по стопамъ г. Мережковскаго, чтобы по мѣрѣ возможности приспособиться къ новому порядку вещей. Но имъ не обогнать перваго прыткаго льстеца. Онъ побилъ рекордъ. У русскаго народа больше нѣтъ такихъ святынь, кощунственное отношеніе къ которымъ могло бы снискать большее благоволеніе кадетовъ.

Вотъ „заря новаго дня“, вотъ то „солнце свободы“, котораго такъ долго ждала „мыслящая Россія“!

И вотъ, съ другой стороны, тѣ жертвы, которыя должны будутъ принести люди русскаго происхожденія и православной вѣры, чтобы получить права гражданства при новомъ укладѣ общественной жизни.

Кадеты всегда и всего „требуютъ“. Видя добровольное низкопоклонство и раболѣпіе г. Мережковскаго, они потребуютъ такого-же раболѣпія и отъ всей литературы.

И цензура ихъ будетъ безпощадна. Этому есть уже примѣры. Предсѣдатель Думы чуть не въ первомъ-же засѣданіи, какъ Пиѳія въ удушливомъ туманѣ одуряющихъ испареній, провѣщалъ, что Государственная Дума „выше всякаго упрека“. Надо имѣть слишкомъ много „воли“ и не имѣть разума, чтобы метать такіе папскіе громы.

V.

Г. Мережковскій до краевъ наполнилъ своимъ показнымъ гнѣвомъ какую-то грязную чашку и кощунственно утверждаетъ, что это чаша гнѣва Господня. Мы знаемъ, для чего онъ это дѣлаетъ. Но въ его изложеніи есть еще тонкости, которыя показываютъ, съ какимъ опытнымъ и беззастѣнчивымъ виртуозомъ мы встрѣчаемся на этой почвѣ.

„Романовъ, Пестель или Пугачевъ“?—такимъ вопросомъ Бакунинъ озаглавилъ одну изъ своихъ статей, въ которой, между прочимъ, доказывалъ, что русскій царь могъ-бы спасти,—по крайней мѣрѣ, на время,—самодержавіе,—если-бы сталъ во главѣ русской и всемірной соціальной революціи. Выкинувъ средняго, слишкомъ серединнаго, Пестеля и оставивъ двухъ крайнихъ, получимъ вопросъ: самодержецъ или самозванецъ?—вопросъ монархиста Достоевскаго, совпавшій съ вопросомъ анархиста Бакунина.

„Изъ русской исторіи мы знаемъ, какъ трудно иногда отличить самодержца отъ самозванца. Каждый пришедшій царь оказывается вовсе не тѣмъ грядущимъ царемъ, котораго ожидаетъ народъ, какъ Мессію. И если-бы даже избраніе царя совершилось по волѣ народа, то гдѣ ручательство, что воля эта совпадаетъ съ волею Божьей, „съ милостью Божьей“. Въ соборномъ голосѣ церкви? Но Церковь давно лишена со-

борнаго голоса; Церковь обезглавлена самимъ царемъ, который сталъ „главою Церкви", „крайнимъ судьею" дѣлъ церковныхъ. Помазаніе на царство совершается въ Церкви, но не Церковью, а самимъ царемъ...

„Съ другой стороны, низверженіе какой-нибудь династіи еще вовсе не обозначаетъ паденія самодержавія въ его послѣдней исторической сущности. Перемѣна династій—дѣло историческаго случая"...

Вы, читатель, вполнѣ ясно понимаете эти слова автора, который давно уже претендуетъ на званіе опытнаго мастера литературнаго слова?

Признаюсь, для меня они туманны и сбивчивы. Это какой-то революціонный птичій пискъ, рѣзкій и пронзительный, но не членораздѣльный.

Прежде всякій царь былъ „самозванцемъ... Христа". На какихъ историческихъ фактахъ великій мыслитель обосновалъ этотъ выводъ, сказать трудно. Затѣмъ самозванецъ и самодержецъ отожествились. Каждый самозванецъ сталъ самодержцемъ и каждый самодержецъ сталъ самозванцемъ. Воля народа и „милость Божія"—стали какимъ-то призракомъ. Царь „обезглавилъ Церковь, сталъ ея „главою" и самъ помазываетъ себя на царство, а смѣна династій—дѣло случая...

Вотъ безпорядочная куча сужденій, которыя такъ странно видѣть въ статьѣ мистика и философа. И мистика, и философія что-то ужъ очень лукавы и неуловимы. Ни логическимъ, ни историческимъ путемъ этихъ выводовъ авторъ доказать бы не могъ. Зачѣмъ-же онъ ихъ даетъ въ такой кудрявой и символической формѣ?

Логика—ничтожна до смѣшнаго. А психологія...

Но это только ~~начало скорбей~~. Жизнь идетъ такъ, что надо ждать проявленія и худшихъ, еще болѣе циничныхъ инстинктовъ.

VI.

Вы думаете, что здѣсь конецъ? Что мы дошли до предѣла, „егоже не прейдеши"? Нѣтъ, г. Мережковскій идетъ и дальше, „~~все~~ впередъ и все выше".

„Откуда самодержавіе—все равно, царя или народа,—откуда власть человѣческая, откуда всякое государство?—Вотъ вопросъ, который безмолвно, но неотразимо поставленъ Великой Русской и уже всемірной революціей, въ настоящемъ только соціально-политической, въ будущемъ неизбѣжно и религіозной. Вотъ изъ за чего „взволновалось море", „затуманилась Русь", и „такая раскачка пошла, какой міръ не видалъ"?

Пока отмѣтимъ странный намекъ на „самодержавіе народа".

Для кадетовъ самодержавіе народа—партійный догматъ, внѣ котораго нѣтъ спасенія. Для г. Мережковскаго и это ересь. Не потому-ли, что въ Россіи самодержавіе народа пришлось бы на долю именно русскаго, а не какого-либо другаго народа?

Откуда-же въ самомъ дѣлѣ самодержавіе и какой отвѣтъ дать Великой Русской Революціи?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, г. Мережковскій даетъ характеристику простонароднаго представленія о самодержавіи.

„Православный царь-батюшка, красное солнышко"—сначала символъ, образъ, икона, потомъ одно изъ воплощеній Христа и, наконецъ, воплощеніе совершенное, единственное—самъ Христосъ Грядущій, новый „русскій Христосъ, міру невѣдомый". Человѣкъ становится иконою, икона—идоломъ, идолъ Богомъ. Христіанство подмѣняется хлыстовствомъ, т. е. непобѣжденнымъ, несознаннымъ, до-христіанскимъ язычествомъ".

На первый взглядъ кажется, что авторъ ловитъ какую-то мысль, но не можетъ поймать ее. Онъ хватается за символическія слова, дѣлаетъ намеки, но не можетъ свести свои разрозненныя впечатлѣнія къ одному центру. Будто бы въ воздухѣ что-то есть—тонкое, неуловимое, таинственное,—но оно нѣ дается слову.

Но на самомъ дѣлѣ ничего такого нѣтъ. За словами нѣтъ мысли. Тамъ только одно „настроеніе" и „тенденція". Какая тенденція—ясно.

Установивъ на такихъ посылкахъ свой главный выводъ: „самодержавіе отъ антихриста",—г. Мережковскій беретъ въ руки какой-то „обоюдоострый мечъ", который онъ будто-бы нашелъ у Достоевскаго и „который нельзя направить въ борьбѣ иначе, какъ или за самодержавіе противъ Христа, или противъ самодержавія за Христа".

Такъ, конечно, и должно быть: если самодержавіе отъ антихриста, то Революція отъ Христа.

Допустимъ недопустимое. Допустимъ, что г. Мережковскому удалось бы убѣдить православное населеніе въ Россіи, что самодержавіе и православіе отъ Антихриста, а Революція отъ Христа. Какъ было-бы легко кадетамъ повести народы Россіи по новымъ путямъ къ новой правдѣ!

Но вотъ вопросъ, который надо кадетамъ рѣшить въ интересахъ партійной дисциплины. Выводы г. Мережковскаго имъ, конечно, по сердцу. Но какъ отнестись къ его аргументаціи и его общимъ предположеніямъ? Принять и ихъ, какъ свое, кровное, партіи присущее и отъ нея неотъемлемое? Но тогда, можетъ быть, придется попасть еще въ худшее положеніе, чѣмъ съ дѣломъ объ автономіи Польши. Конечно, для осуществленія политической программы имъ полезно распространять убѣжденіе, что русскій народъ—антихристъ, а всякій

русскій царь—самозванецъ. Но не слишкомъ-ли это прямолинейно? Не преждевременно-ли это? Побѣда—побѣдой, а дипломатія—дипломатіей.

Боюсь, что его не признаютъ своимъ и раскольники, которые во всякомъ случаѣ первыми ославили Петра антихристомъ. Думается, что по ихъ сужденію Христосъ г. Мережковскаго будетъ антихристомъ, а антихристъ Христомъ.

Это внушаетъ нѣкоторыя опасенія за карьеру г. Мережковскаго въ бурныхъ перемѣнахъ освободительнаго движенія. Можетъ статься, что кадеты не признаютъ его своимъ.

Впрочемъ кадеты лѣвѣютъ, будутъ и должны лѣвѣть. Такъ уже имъ на роду написано.

Интересно было бы знать, напримѣръ, мотивированное мнѣніе по поводу слѣдующихъ утвержденій г. Мережковскаго.

„Антихристъ придетъ и станетъ на безначаліи“,—въ предсмертномъ дневникѣ своемъ говоритъ Достоевскій. Это не совсѣмъ точно. Антихристъ придетъ, выйдетъ изъ „безначалія“, анархіи, но станетъ не на безначаліи, а на единоначаліи, единодержавіи, самодержавіи. Антихристъ будетъ послѣдній и величайшій самодержецъ, самозванецъ Христа...“

„Антихристъ—самозванецъ, ложный царь, ибо единый истиный царь—Христосъ. Въ послѣдней борьбѣ Государства съ Церковью и произойдетъ та борьба ложнаго Царя съ Истиннымъ, Звѣря съ Агнцемъ, о которой сказано: они (самодержцы, слуги антихриста) передадутъ силу и власть свою звѣрю и будутъ вести борьбу съ Агнцемъ и Агнецъ побѣдитъ ихъ, ибо Онъ есть Господь господствующихъ и Царь царей“...

„И остріе меча Христова, поднятаго для этой брани, есть первое пророческое слово великой русской религіозной революціи, слово, недаромъ (?) идущее именно отъ насъ (?), учениковъ Достоевскаго (?): государство—отъ Антихриста“...

„И здѣсь,—заключилъ свою рѣчь на поминкахъ Достоевскаго въ Философскомъ Обществѣ г. Мережковскій,—на этой грозно-торжественной тризнѣ, уготованной ему самой исторіей, не нашъ слабый голосъ, а голоса „Великой Русской Революціи“, голоса громовъ человѣческихъ, въ которыхъ уже слышатся громы Господни, да споютъ ему вѣчную славу.

VII.

Итакъ, что-же новаго мы узнали изъ новой статьи г. Мережковскаго?

По моему, не мало.

Русскій народъ—антихристъ.

Русскій царь—самозванецъ Христа и тоже антихристъ.

Государство—отъ Антихриста.

Послѣдній ударъ особенно великолѣпенъ. Авторъ, очевидно, анархистъ. Дешевенькій, но анархистъ.

Все время онъ старается идти въ ногу съ кадетами. Помните, какъ онъ разстилался передъ всѣмъ „конституціонно-демократическимъ“? Но такъ-ли это?

Кадеты согласятся, что русскій народъ—антихристъ и самодержавіе отъ антихриста. Но исповѣдуютъ-ли они и тотъ догматъ, будто-бы отъ антихриста и государство? Похоже на правду: они такъ много давали обѣщаній, что могли дать и это. Но вѣдь тогда съ ними пойдетъ уже совсѣмъ другой разговоръ. Если они, разрушая существующій строй, и сами ничего не хотятъ строить и остановятся на „безвластіи“, тогда ряды ихъ сторонниковъ сильно порѣдѣютъ и, пожалуй, на сценѣ появится какой-нибудь апокалипсическій Звѣрь съ большой буквы, которымъ такъ пугаетъ „мыслящую Россію“ г. Мережковскій. Открыта-ли тайна кадетовъ? Это-ли ихъ завѣтное слово? Если партія не „выступитъ“ съ опроверженіемъ, г. Мережковскому надо до поры до времени вѣрить: его обвиненіе или, точнѣе, похвала — вполнѣ опредѣленно.

Въ „реакціонерѣ“ Достоевскомъ г. Мережковскій усмотрѣлъ скрытаго революціонера. Теперь въ кадетахъ онъ усматриваетъ анархистовъ, хотя тѣ употребляютъ всѣ усилія, чтобы казаться государственниками. Онъ всегда—и всегда одинъ—видитъ незримое для очей смертныхъ.

Пусть-же пока это остается вопросомъ и секретомъ партій.

А теперь можно сдѣлать маленькій опытъ. Нельзя-ли перевести грозный и торжественный языкъ апокалипсиса на простую рѣчь?

Революція—отъ Христа, самодержавіе—отъ Антихриста. Государство отъ Антихриста, а анархія отъ Христа. Русскій народъ—воплощенный антихристъ, а евреи—„святой Израиль“. При этомъ самъ авторъ, какъ вѣрующій по Третьему Завѣту, не христіанинъ.

Не слишкомъ-ли много козырей для одной игры?

Безъ Апокалипсиса и русскій народъ не будетъ такъ плохъ и кадеты [не будутъ казаться Агнцемъ, поражающимъ самодержавнаго Звѣря. Все приметъ свои размѣры и свои очертанія.

И тогда всѣмъ откроется литературный секретъ автора этой статьи: авторъ далъ легкомысленный и игривый фельетонъ для уличнаго юмористическаго жанра съ аляповатами пятнами красной краски, а въ Философскомъ обществѣ по легковѣрію и боязливой терпимости при-

знали за эту статью шаловливаго пародиста за философа и трибуна и до конца выслушали его затѣйливыя рѣчи. Съ наукой за послѣднее время въ петербургскомъ университетѣ что-то неладится. То профессоръ изобрѣтетъ такую науку, надъ которой всѣ смѣются, то придетъ съ улицы жрецъ бѣлой и черной магіи и подъ именемъ философіи напуститъ сѣрнаго тумана изъ геенны огненной или изъ жаровни захолустной гадалки.

Впрочемъ, какое дѣло г. Мережковскому до науки? Онъ имѣлъ свою цѣль и вполнѣ достигъ ея.

А намъ, русскимъ людямъ, это во всякомъ случаѣ хорошій урокъ. Мы слишкомъ терпимо и благодушно относились ко всѣмъ опаснымъ и зловреднымъ шалостямъ литературы, легко мирились съ босяками, бродягами и хулиганами въ вѣнкахъ дешевой славы гражданской скорби и гражданскаго подвига, простодушно смотрѣли на одностороннюю проповѣдь такой „гуманности“, не отгоняли отъ себя ни блохъ, ни клоповъ и теперь дожили до того, что первый встрѣчный безнаказанно ругаетъ насъ и хищникомъ, и звѣремъ, и даже антихристомъ.

Передъ нами заря будущей литературы.

Русскій мужикъ, русское духовенство, русскій солдатъ, русскій купецъ—все русское и самобытное—уже давно стали мишенью для самыхъ невѣжественныхъ и тупыхъ газетныхъ борзописцевъ, для тѣхъ полуграмотныхъ болтуновъ, которые опошлили и уронили нашу литературу и нашу публицистику.

У насъ не было достаточно темперамента, чтобы энергично отвѣчать на гнусную и постоянную клевету, не было любви и къ своему и мы—сочувственно смѣялись, когда насъ обвиняли во всевозможныхъ порокахъ и преступленіяхъ. Мы никогда не придавали должнаго значенія выходкамъ доморощенныхъ хулителей и самооплевателей.

„Все—пустяки“,—стало главнымъ правиломъ нашей личной и общественной жизни. Для насъ былъ далекъ и порой смѣшонъ каждый благородный и смѣлый порывъ одинокихъ людей серьезно стать за серьезность и жизненность нашей наслѣдственной, въ вѣкахъ окрѣпшей правды. Мы, какъ старые псковичи, все такали и такали, пока не протакали.

Весело ли читать нелѣпости и дикій вздоръ г. Мережковскаго?

Но это еще цвѣточки. Ягодки еще впереди.

Придется услышать и худшія поношенія, слова злѣйшей клеветы: вѣдь побѣдили—кадеты...

Н. Пустынникъ.

Православно-догматическое ученіе о первородномъ грѣхѣ. Свящ. Алексія *Бургова.*

Догматъ о первородномъ грѣхѣ, являясь предпосылкою другихъ основныхъ христіанскихъ догматовъ (искупленія и спасенія), настолько важенъ въ христіанской догматикѣ, что выдѣленіе ученія о немъ въ особое, спеспеціальное сочиненіе давно уже стало необходимымъ. Однако не появлялось (за исключеніемъ небольшихъ журнальныхъ статей) такого труда ни у насъ, ни на Западѣ. Такимъ образомъ, сочиненіе свящ. А. Бургова служитъ первымъ опытомъ въ указанномъ смыслѣ. По научнымъ своимъ качествамъ этотъ трудъ напоминаетъ классическія произведенія мм. Макарія, Сильвестра и др. богослововъ послѣдняго времени. Въ нихъ въ такой же системѣ излагаются основанія ученія православной церкви объ этомъ догматѣ, заимствованныя изъ Св. Писанія, св. отцовъ и учителей церкви и даже изъ области человѣческихъ или научныхъ знаній. По примѣру тѣхъ же классиковъ авторъ, для большаго уясненія православно-христіанскихъ истинъ, пользуется сопоставленіемъ ихъ съ инославными христіанскими ученіями, съ мнѣніями разныхъ западныхъ богослововъ. Авторъ много занимается филологическими изслѣдованіями греческаго и еврейскаго текстовъ и даетъ обстоятельныя, часто оригинальныя объясненія многимъ темнымъ мѣстамъ Св. Писанія.

При всей научности изложенія, сочиненіе это читается очень легко и доступно даже простому читателю. Поэтому его можно рекомендовать и лицамъ, не получившимъ спеціальнаго богословскаго образованія. Кромѣ того, рекомендуемое нами сочиненіе можетъ служить очень важнымъ учебнымъ пособіемъ для воспитанниковъ духовныхъ семинарій, такъ что помѣщеніе его въ ученическія семинарскія библіотеки было бы очень желательнымъ. Изданіе изящное. Текстъ напечатанъ крупнымъ шрифтомъ, что, конечно, облегчаетъ работу глазъ.

1905 годъ въ международномъ отношеніи (Венгерскій кризисъ.—Марокканскій вопросъ.—Англо-японскій союзъ.—Портсмутскій договоръ.—Русско-германскій союзъ). Рѣчь, произнесенная 29 янв. 1906 года *А. Штиглицемъ.*

Прекрасная брошюра, носящая вышеизложенное заглавіе, какъ показываетъ уже само названіе ея, представляетъ собою воспроизведеніе всѣхъ важнѣйшихъ событій въ международныхъ отношеніяхъ, происшедшихъ за послѣднее время. Какъ въ калейдоскопѣ, въ этой рѣчи предъ читателемъ проходятъ одна за другою картины политической жизни Европы (а также отчасти и другихъ частей свѣта) въ указанный періодъ. Нечего и говорить о томъ интересѣ, который представляетъ приведеніе въ нашемъ сознаніи въ систему событій, такъ измѣ-

нившихъ за послѣднее время международныя отношенія. Кромѣ этого интереса, возбуждаемаго уже самымъ предметомъ сочиненія, рѣчь Штиглица имѣетъ цѣнность и съ внѣшней стороны, съ которой она дѣйствительно представляется „рѣчью“, живымъ разговоромъ съ друзьями (къ которымъ обращается авторъ), а не сухимъ, отвлеченнымъ разсужденіемъ. Словомъ, сочиненіе является вполнѣ удовлетворительнымъ, а потому мы позволимъ себѣ рекомендовать ее читателю, который съ нею еще незнакомъ.

Сборникъ правилъ и программъ для производства испытаній по духовному вѣдомству на званіе учителя или учительницы одноклассной церковно-приходской школы. Составилъ свящ. *В. Бехтеровъ*. Ц. 20 коп.

Считаемъ долгомъ извѣстить лицъ, готовящихся къ учительскому званію въ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ, а также экзаменующія учрежденія о появленіи сборника подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Этотъ сборникъ является самымъ лучшимъ изъ всѣхъ существовавшихъ до него подобныхъ изданій, носившихъ обыкновенно названіе „Правилъ и программъ“. Въ него включены не только всѣ требованія, предъявляемыя „Совѣтомъ“ кандидатамъ на учительское званіе въ указанныхъ школахъ, но указаны и книги, которыми эти лица могутъ пользоваться для своихъ экзаменовъ, а также помѣщены и циркуляры училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ, касающіеся экзаменующихъ учрежденій. Книжка эта, несмотря на полноту содержанія, имѣетъ довольно малый объемъ (31 стр.) и недорога.

Полное собраніе резолюцій Филарета митрополита московскаго. Изданіе редакціи „Душеполезнаго Чтенія“.

Обращаемъ также вниманіе читателей на сборникъ резолюцій Филарета московскаго, изданный въ этомъ году. Редакція „Душеполезнаго Чтенія“ выпустила этотъ сборникъ по просьбѣ многихъ своихъ подписчиковъ. Это обстоятельство свидѣтельствуетъ о томъ интересѣ, который представляютъ резолюціи маститаго іерарха. Резолюціи до 1833 г. содержатся въ 3-хъ объемистыхъ томахъ и изданы весьма тщательно.

Миссіонерство, секты и расколъ.

Журналы VI отдѣла присутствія. № 1-й (13 марта 1906 года [1]).

1) *Слушали*: предложенный преосвященнымъ предсѣдателемъ слѣдующій проектъ программы вопросовъ, подлежащихъ разработкѣ.

I. О единовѣріи.

а) Общее сужденіе о смыслѣ и значеніи единовѣрія: 1) по отношенію къ нему самому и 2) по отношенію къ старообрядчеству.

б) Переходъ православныхъ въ единовѣріе и обратно; переименованіе церквей единовѣрческихъ въ православныя и обратно.

в) Служеніе въ единовѣрческихъ церквахъ православныхъ епископовъ (по какому чину должно быть совершаемо ими служеніе).

г) Особый епископъ или особые викарные епископы для единовѣрцевъ.

д) Опредѣленіе священниковъ въ единовѣрческіе приходы.

е) Значеніе учрежденія патріаршества для единовѣрцевъ и прочихъ старообрядцевъ.

ж) О снятіи клятвъ: нужно ли приглашеніе для сего восточныхъ патріарховъ? Какъ формулировать снятіе клятвъ?

з) Какъ усовершенствовать жизнь православныхъ приходовъ, дабы не было соблазна единовѣрцамъ и было бы смягчено озлобленіе на насъ старообрядцевъ (чинъ богослуженія, крестное знаменіе, поклоны, освоенность клириковъ съ церковной литературой).

II. О старообрядчествѣ.

а) Устройство миссіи и положеніе миссіонеровъ.

б) Объ австрійской іерархіи.

---

[1]) Составъ отдѣла: Предсѣдатель преосвященный Антоній, епископъ Волынскій, и члены: протоіереи: П. Я. Свѣтловъ, А. С. Лебедевъ, К. І. Левитскій, И. Сребрянскій, Н. А. Касторскій, священникъ С. І. Шлеевъ, профессора: Н И Ивановскій, С. Т. Голубевъ, М. А. Машановъ, миссіонеръ Д. И. Боголюбовъ, В. М. Скворцовъ, В. Г. Сенатовъ, И. Е. Айвазовъ, М. А. Кальневъ, свящ. Александровъ.

в) О бѣгствующихъ священникахъ и о бѣглопоповствѣ.

г) Прочія мѣры къ обращенію старообрядцевъ, особенно безпоповцевъ.

III. О сектахъ.

а) Какъ нравственно оздоровлять зараженные сектантствомъ приходы? Екдики или особо уважаемыя духовныя лица, назначаемыя для пастырскихъ посѣщеній приходовъ, зараженныхъ сектантствомъ.

б) Устраненіе причинъ общаго недовольства сектантовъ православною Церковію.

в) Необходимое дополненіе противосектантской полемики.

IV. О магометанахъ.

Миссіонерскіе курсы и школы. Полемика. Инородческія поселенія. Богослуженіе на инородческихъ языкахъ. Вторые священники въ православныхъ приходахъ съ населеніемъ инородческимъ. Инородческіе монастыри.

Язычники. Православное миссіонерское общество.

Постановили: Вышеизложенный проектъ программы вопросовъ утвердить, принявъ оный къ руководству при дальнѣйшихъ работахъ VI отдѣла.

2) *Слушали*: заявленіе преосвященнаго предсѣдателя о томъ, что въ предложеніи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Сѵнода, отъ 28-го іюня 1905 года за № 100, было изъяснено, что по прямому смыслу Высочайшей резолюціи на всеподданнѣйшемъ докладѣ о созваніи собора каноническому обсужденію его подлежатъ и предметы вѣры. Вслѣдствіе сего преосвященный предсѣдатель отдѣла возбудилъ вопросъ, слѣдуетъ ли обсуждать VI отдѣлу присутствія предметы вѣры или ихъ вовсе не слѣдуетъ касаться? По обмѣнѣ мнѣній по сему вопросу, *постановили:* Въ виду важности и сложности вопросовъ по предметамъ вѣры, по мнѣнію VI отдѣла, ихъ касаться не слѣдуетъ, отложивъ разрѣшеніе ихъ до завершенія переустройства нашего церковнаго управленія, о чемъ и представить общему присутствію. Въ частности, останавливаясь на вопросѣ о соединеніи старокатоликовъ съ православною Церковью, VI отдѣлъ не находитъ возможнымъ отлагать его разсмотрѣніе, въ виду особливаго къ нему интереса со стороны общества и литературы, но не можетъ принять его къ своему обсужденію, по причинѣ отсутствія въ распоряженіи VI отдѣла достаточныхъ научныхъ силъ и матеріаловъ, о чемъ также доложить общему присутствію, равно и по вопросамъ о богослуженіи.

3) *Имѣли сужденіе* по вопросу о смыслѣ и значеніи единовѣрія по отношенію къ нему самому.

По обмѣнѣ мнѣній, *постановили*: ходатайствовать о признаніи соборомъ единовѣрія, примѣнительно къ рѣшенію архипастырскаго собора въ Казани, не переходною ступенію отъ раскола къ православію, не болѣзнію, но почитать единовѣрческія общины православными и равночестными съ тѣми, которыя содержатъ одобренные соборомъ 1667 года обряды. Мѣропріятія и распоряженія церковной власти относительно единовѣрцевъ не должны быть направляемы къ постепенному переходу единовѣрцевъ къ одобреннымъ соборомъ 1667 года обрядамъ, но къ христіанскому усовершенствованію ихъ въ единеніи со вселенскою Церковью, дабы при семъ единовѣрцы, дорожа строгимъ выполненіемъ богослужебнаго чина и сохраненіемъ древлерусскаго церковнаго быта, не унижали бы тѣхъ одобренныхъ соборомъ 1667 года чиновъ, въ коихъ нельзя усмотрѣть небреженія, уступки мірскому духу или нарушенія церковныхъ установленій и послѣ патріарха Никона обязательныхъ для всѣхъ православныхъ приходовъ и христіанъ. Самое наименованіе „единовѣрческая церковь“ и „единовѣрцы“ замѣнить наименованіемъ „православные старообрядцы“.

№ 2. (14 марта 1906 года [1]).

1) *Имѣли сужденіе* по вопросу о смыслѣ и значеніи единовѣрія по отношенію къ расколу и, по обмѣнѣ мнѣній, *постановили*: миссіонерское значеніе единовѣрія весьма велико и незамѣнимо, такъ какъ массовыхъ обращеній старообрядцевъ въ православіе съ великороссійскимъ чиномъ не бываетъ и давно не было, а въ единовѣріе—повторяется нерѣдко. Однако, чтобы единовѣріе могло проявить свое вліяніе во всей силѣ, нужно оградить это дѣло отъ нѣкоторыхъ помѣхъ. Дѣло въ томъ, что единовѣрцы чрезъ два-три поколѣнія начинаютъ проявлять сильное тяготѣніе къ новоблагословенному чину и быту, какъ болѣе легкому и удобоносимому, и тѣмъ отвращаютъ отъ своихъ церквей старообрядцевъ, ревнителей строгаго богослуженнаго чина и быта. Особенно примѣтно бываетъ это неудовольствіе въ тѣхъ новоучрежденныхъ единовѣрческихъ приходахъ, въ коихъ церковная власть спѣшитъ вводить нѣкоторые новоблагословенные чины и обычаи и тѣмъ озлобляетъ новообращенныхъ и окончательно дѣлаетъ невозможными дальнѣйшія обращенія старообрядцевъ, которые поднимаютъ ропотъ о томъ, что ихъ обманули. Посему для дальнѣйшаго миссіонерскаго вліянія едино-

[1]) Присутствовали: предсѣдатель преосвященный Антоній, епископъ Волынскій, и члены: протоіерей А. П. Мальцевъ, протоіерей К. І. Левитскій, протоіерей И. Сребрянскій, протоіерей Н. А. Касторскій, протоіерей В. А. Прозоровъ, священникъ С. І. Шлеевъ, профессоръ Н. И. Ивановскій, профессоръ С. Т. Голубевъ, Д. Н. Боголюбовъ, В. М. Скворцовъ, и В. Г. Сенатовъ.

вѣрія на расколъ необходимо слѣдить за строгимъ выполненіемъ древняго чина. Это особенно важно наблюдать въ новоучрежденныхъ единовѣрческихъ церквахъ, а равно и въ тѣхъ, которыя устроены среди раскольническихъ поселеній.

2) *Имѣли сужденіе* по вопросу о переходѣ православныхъ въ единовѣріе и обратно и о переименованіи церквей единовѣрческихъ въ православныя и обратно. При обсужденіи сего вопроса были приняты во вниманіе 5 и 11 пункты правилъ единовѣрія 1800 года и дополнительное къ нимъ разъясненіе Святѣйшаго Сѵнода въ опредѣленіи, отъ 8 мая—17 іюня 1881 года, Высочайше утвержденномъ 4 іюля того же года. По пункту 5 правилъ единовѣрія 1800 года дозволено присоединяться къ единовѣрію незаписнымъ раскольникамъ не иначе, какъ по изслѣдованіи отъ епископа, что присоединяющійся никогда дотолѣ въ церковь православную не ходилъ и таинствъ ея не принималъ. Въ 1881 году этотъ пунктъ правилъ единовѣрія Святѣйшій Сѵнодъ дополнилъ разъясненіемъ, что разрѣшается присоединяться къ единовѣрію тѣмъ изъ записныхъ православнымъ, кои по надлежащемъ разслѣдованіи окажутся издавна, не менѣе пяти лѣтъ, уклоняющимися отъ исполненія Таинствъ православной Церкви, но не иначе, какъ съ особаго относительно каждаго изъ таковыхъ лицъ разрѣшенія епархіальнаго преосвященнаго. По пункту 11 правилъ единовѣрія дозволено православному принимать причащеніе отъ единовѣрческаго священника лишь въ крайней нуждѣ въ смертномъ случаѣ, гдѣ нельзя найти православнаго священника и церкви. Этотъ пунктъ Святѣйшій Сѵнодъ въ 1881 году также дополнилъ разъясненіемъ, что православные могутъ обращаться къ единовѣрческимъ священникамъ, для исполненія христіанскаго долга исповѣди и святаго причащенія, лишь въ особо уважительныхъ случаяхъ съ тѣмъ при томъ, чтобы подобное обращеніе отнюдь не служило поводомъ къ перечисленію православнаго въ единовѣріе; для чего православный, исполнившій въ подобныхъ случаяхъ христіанскій долгъ исповѣди и святаго причастія въ единовѣрческой церкви, обязывается представить своему приходскому священнику полученное имъ отъ единовѣрческаго—свидѣтельство о бытіи на исповѣди и причастіи Святыхъ Таинъ въ единовѣрческой церкви, для внесенія соотвѣтствующей записи о семъ въ книгу приходской церкви. По обсужденіи изложенныхъ пунктовъ правилъ единовѣрія и дополнительнаго къ нимъ разъясненія Святѣйшаго Сѵнода, VI отдѣлъ присутствія находитъ ихъ несоотвѣтствующими ни понятію объ истинномъ церковномъ единеніи между православіемъ и единовѣріемъ, ни Высочайшей волѣ, выраженной въ указѣ 17-го апрѣля 1905 года, о дозволеніи всѣмъ русскимъ подданнымъ свободнаго выбора исповѣданія вѣры, а посему *постановилъ*: ходатайствовать предъ Соборомъ объ отмѣнѣ пунктовъ 5

и 11 правилъ единовѣрія и дополнительнаго къ нимъ въ 1881 году разъясненія Святѣйшаго Сѵнода и о дозволеніи какъ православнымъ переходить въ единовѣрческіе приходы, такъ и единовѣрцамъ—въ православные, съ тѣмъ, однако, чтобы и православные и единовѣрцы, переходящіе изъ одного прихода въ другой, испрашивали на то согласіе епископа, посовѣтовавшись со своимъ прежнимъ приходскимъ священникомъ. Что же касается переименованія православныхъ церквей въ единовѣрческія и обратно, то VI Отдѣлъ Присутствія, не находя возможнымъ устанавливать по сему предмету одного общаго правила, полагаетъ предоставить епархіальнымъ начальствамъ каждое вновь возникающее дѣло о переименованіи православной церкви въ единовѣрческую или обратно разсматривать особо и постановлять рѣшеніе, по тщательномъ выясненіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла и по выслушаніи заключеній свѣдущихъ лицъ, при чемъ, если переименованія православной Церкви въ единовѣрческую или обратно будетъ домогаться только часть прихожанъ, хотя бы и большая, и рѣшеніе епархіальнаго начальства для нихъ будетъ неблагопріятное, то предлагать имъ строить особую церковь, именуя ее по своему желанію православною или единовѣрческою, а самый приходъ или церковь переименовывать лишь при единодушномъ или почти единодушномъ желаніи всѣхъ прихожанъ. Вмѣстѣ съ симъ VI отдѣлъ постановилъ ходатайствовать предъ соборомъ объ отмѣнѣ дополнительнаго мнѣнія митрополита Платона къ правиламъ единовѣрія, какъ рѣзко обособляющаго единовѣріе отъ православія.

№ 3. (15 марта 1906 года) [1]).

1) Имѣли сужденіе по вопросу о служеніи въ единовѣрческихъ церквахъ православныхъ епископовъ: по какому чину должно быть совершаемо ими служеніе. По обмѣнѣ мнѣній по сему вопросу выяснилось, что богослуженіе въ единовѣрческихъ церквахъ, совершаемое православными епископами по рукописному архіерейскому служебнику XVI вѣка, производитъ весьма сильное и благотворное впечатлѣніе на единовѣрцевъ и вообще старообрядцевъ, присутствующихъ за таковымъ богослуженіемъ. Посему VI отдѣлъ присутствія *постановилъ* ходатайствовать предъ Соборомъ о томъ, чтобы упомянутый рукописный архіерейскій служебникъ, по предварительномъ разсмотрѣніи его и исправленіи въ немъ нѣкоторыхъ неточностей, былъ напечатанъ для совершенія по нему православными епископами въ единовѣрческихъ

[1]) Присутствовали: предсѣдатель преосвященный Антоній, епископъ Волынскій, и члены: протоіерей Н. А. Касторскій, священникъ С. І. Шлеевъ, профессоръ Н. И. Ивановскій, Д. И. Боголюбовъ, В. М. Скворцовъ и В. Г. Сенатовъ.

церквахъ архіерейскаго служенія съ соблюденіемъ ими при этомъ всѣхъ обрядовыхъ дѣйствій, содержимыхъ единовѣрцами.

2) *Имѣли сужденіе* по вопросу объ опредѣленіи священниковъ въ единовѣрческіе приходы. По обмѣнѣ мнѣній по сему вопросу, *постановили*: твердо наблюдать, чтобы священники въ единовѣрческіе приходы назначались по выбору самихъ прихожанъ, а не по усмотрѣнію только епархіальныхъ преосвященныхъ и чтобы для кандидатовъ священства, избираемыхъ единовѣрцами, не ставилось необходимымъ условіемъ прохожденіе ими курса ученія въ одномъ изъ духовно-учебныхъ заведеній. Войдя за симъ въ обсужденіе вопроса о назначеніи благочинныхъ для единовѣрческихъ церквей, VI отдѣлъ *постановилъ*: ходатайствовать предъ Соборомъ о предоставленіи единовѣрческимъ священникамъ самимъ избирать изъ среды своей благочиннаго и затѣмъ представлять его на утвержденіе епархіальнаго преосвященнаго, а въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ число единовѣрческихъ церквей незначительно, не болѣе двухъ, оставлять таковыя церкви безъ подчиненія благочинному, съ порученіемъ ихъ непосредственному наблюденію самого епархіальнаго преосвященнаго или его викарнаго епископа.

3) *Имѣли сужденіе* о школьномъ подготовленіи кандидатовъ на священно и церковно-служительскія мѣста въ единовѣрческіе приходы. Принимая во вниманіе, что наши духовно-учебныя заведенія при современномъ ихъ строѣ являются мало или даже вовсе непригодными для подготовленія достойныхъ кандидатовъ священства въ единовѣрческіе приходы, VI отдѣлъ *постановилъ*: просить Соборъ учредить для подготовленія единовѣрческаго духовенства школу для взрослыхъ на подобіе греческихъ семинарій, подготовляющихъ кандидатовъ священства.

4) *Слушали* заявленіе священника Симеона Шлеева о необходимости духовнаго просвѣщенія единовѣрческихъ приходовъ. Церковныя власти не должны удовлетворяться воздѣйствіемъ на старообрядцевъ и единовѣрцевъ путемъ однихъ только обрядовъ, а должны приложить заботу и о томъ, чтобы кромѣ охраненія древнихъ обрядовъ, единовѣрцы просвѣщались Божественнымъ ученіемъ православной Христовой вѣры и добродѣтели, а потому къ прежде бывшимъ отраслямъ ихъ приходской жизни необходимо присоединить, по мнѣнію о. Симеона Шлеева, еще и нижеслѣдующія. а) Необходимо возвысить въ единовѣрцахъ сознательное отношеніе ихъ къ Христовой вѣрѣ, а для сего обязательно устраивать для молодого поколѣнія школы съ обычаями и постановкой единовѣрческими, для взрослаго же населенія—внѣбогослужебныя воскресныя бесѣды съ чтеніемъ святого Евангелія (которое, къ сожалѣнію, такъ мало читаютъ старообрядцы),—съ чтеніемъ, соединеннымъ съ параллельнымъ прочитываніемъ соотвѣтствующихъ

святоотеческихъ толкованій и объясненій. Въ видахъ сознательнаго отношенія единовѣрцевъ къ своимъ обрядамъ и въ этомъ смыслѣ и обрядоваго ихъ превосходства предъ прочими старообрядцами необходимо также устройство бесѣдъ литургическаго характера, гдѣ бы излагались исторія и смыслъ единовѣрческихъ обрядовъ и обычаевъ, ихъ богослужебныхъ чиновъ. б) Въ цѣляхъ неприкосновенности древняго уклада церковной жизни необходимо должно поддерживать въ единовѣрческихъ монастыряхъ и приходахъ неуклонное исполненіе апостольскихъ, соборныхъ и свято-отеческихъ правилъ, требованій церковнаго устава и издревле принятыхъ благочестивыхъ обычаевъ. в) Въ видахъ устраненія недостатковъ въ религіозно-нравственной жизни единовѣрцевъ и созданія имъ и въ этой области превосходства предъ старообрядцами—необходимо также открывать по приходамъ библіотеки съ книгами духовно-нравственнаго содержанія, пріобрѣтать жизнеописанія святыхъ угодниковъ, брошюры и листки добраго содержанія для безплатной раздачи. г) Для улучшенія пѣнія въ единовѣрческихъ церквахъ необходимо умѣлое исполненіе принятаго тамъ знаменнаго—крюковаго напѣва. Для этого должно создать или лучше пересоздать нынѣшній составъ единовѣрческихъ пѣвцовъ—учредить при единовѣрческихъ монастыряхъ курсы крюковаго пѣнія и дать возможность ихъ слушателямъ съ теченіемъ времени занимать при единовѣрческихъ церквахъ не только пѣвческія, но діаконскія и даже священническія мѣста. Такіе курсы съ такими правами повысятъ своихъ учениковъ и въ нравственномъ отношеніи, въ чемъ такъ нуждаются нынѣшніе единовѣрческіе пѣвцы. *Постановили*: предложенныя священникомъ Симеономъ Шлеевымъ мѣры къ духовному просвѣщенію единовѣрцевъ одобрить и представить на утвержденіе Собора.

№ 4-й (16 марта 1906 г.) [1]).

Имѣли сужденіе о магометанствѣ и о средствахъ борьбы съ нимъ и воздѣйствія на него и, по обмѣнѣ мнѣній, *постановили*:

1) Миссіонерское дѣло въ отношеніи къ магометанамъ и язычникамъ въ поволожскихъ и сибирскихъ епархіяхъ главнымъ образомъ совершалось при посредствѣ устроенныхъ по системѣ Н. И. Ильминскаго инородческихъ школъ. Сими школами, по возможности, ограждалось отпаденіе инородцевъ въ магометанство и утверждалось сознательное и одушевленное усовершенствованіе инородцевъ въ христіанской вѣрѣ и жизни. Посему необходимо программу Ильминскаго въ

[1]) Составъ комиссіи: Предсѣдательствующій преосвященный епископъ Волынскій Антоній, преосвященные—Сухумскій Кириoнъ и Имеретинскій Леонидъ, профессоръ М. А. Машановъ, протоіерей А. Поповъ, В. М. Скворцовъ и А. С. Будиловичъ.

инородческихъ школахъ и самую систему дальнѣйшаго распространенія этихъ школъ охранять и цѣнить. Система Ильминскаго зиждется на употребленіи мѣстныхъ инородческихъ языковъ. Цѣлесообразность лежащаго въ основѣ сей системы принципа подтверждена преосвященными епископами Леонидомъ и Киріономъ, засвидѣтельствовавшими печальные результаты игнорированія сего принципа на Кавказѣ. Такъ какъ система Ильминскаго встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны уѣздныхъ наблюдателей, не знающихъ инородческихъ языковъ и потому требующихъ руссификаціи татаръ и другихъ инородцевъ, то желательно, чтобы наблюденіе за инородческими школами было сосредоточено въ лицѣ людей, прекрасно знающихъ эти языки. А если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ раздается заявленіе о томъ, что то или другое инородческое село само настолько обрусѣло, что подростающее его поколѣніе вполнѣ правоспособно учиться на русскомъ языкѣ, то во избѣжаніе споровъ и столкновеній, необходимо касательно языка преподаванія въ школахъ такихъ селъ имѣть особое сужденіе уѣзднымъ наблюдателямъ совмѣстно съ инородческими наблюдателями и мѣстными приходскими священниками. Что касается мѣстностей Кавказа, обуреваемыхъ магометанствомъ, то желательно употребленіе того языка, на которомъ говоритъ данное племя.

2) Постановленное относительно школъ должно быть примѣняемо и къ богослуженію и выбору священниковъ. Тамъ, гдѣ не понимаютъ славянскаго языка, необходимо поддерживать богослуженіе на инородческихъ языкахъ; въ приходахъ же смѣшанныхъ можно служить поочередно на русскомъ и инородческомъ языкахъ, при этомъ, если какая либо народность не имѣетъ своего языка, при полномъ непониманіи русскаго языка, допускается служеніе на томъ языкѣ, который имъ болѣе понятенъ. Въ такихъ приходахъ полезно ставить священниковъ изъ природныхъ инородцевъ, или такихъ русскихъ, которые знаютъ инородческій языкъ настолько, чтобы править на немъ божественную службу и совершать живую проповѣдь.

3) Особенно важно въ виду появленія многочисленныхъ магометанскихъ журналовъ (въ одной Казани ихъ 5) основать апологетическій и полемическій журналъ на татарско-русскомъ языкѣ въ Казани и таковой же на грузинскомъ языкѣ на Кавказѣ—въ виду $1^1/_2$ милліоннаго магометанскаго населенія, сохранившаго свой природный грузинскій языкъ. Со времени объявленія вѣротерпимости, основаніе подобнаго журнала является дѣломъ первостепенной важности, на которое не должно жалѣть нѣсколькихъ тысячъ рублей въ годъ, но приложить особое попеченіе о томъ, чтобы привлечь къ нему свѣдущихъ лицъ. Для Грузіи же нужно переиздать древнія сочиненія мѣстныхъ богословъ противъ магометанства. Не менѣе важно поручить ка-

занскимъ ученымъ составить краткое руководство для сравнительнаго изложенія главнѣйшихъ основъ христіанскаго и магометанскаго вѣроученій въ простѣйшей формѣ, на подобіе существующихъ противоштундистскихъ и другихъ катихизисовъ.

Таковой противомагометанскій катихизисъ необходимо перевести на всѣ языки и нарѣчія, доступныя магометанскому населенію, и кромѣ того издавать общедоступные миссіонерскіе листки съ самымъ широкимъ распространеніемъ.

4) На Кавказѣ должно имѣть особое наблюденіе за остатками христіанскаго благочестія среди магометанъ грузинъ и по возможности пользоваться развалинами христіанскихъ святынь, привлекающихъ магометанъ поклонниковъ, какъ средствами вліянія на ихъ совѣсть.

5) Необходимо озаботиться, чтобы во всѣхъ богословскихъ школахъ въ мѣстностяхъ, гдѣ есть магометанское населеніе, преподавались миссіонерскіе предметы въ формѣ обязательныхъ предметовъ.

6) Одной изъ главныхъ помѣхъ къ обращенію въ христіанство магометанъ разныхъ народностей является страхъ неизбѣжной мести отъ своихъ бывшихъ единовѣрцевъ, избѣжать которой инородцы могутъ только въ томъ случаѣ, если получатъ возможность выселяться или къ христіанамъ своего племени, или во вновь учреждаемые христіанскіе поселки, каковые существуютъ въ настоящее время въ Самарской губерніи и Тургайской области, благодаря заботамъ и стараніямъ мѣстныхъ епископовъ.

Представляется дѣломъ огромной церковной и государственной важности, чтобы мѣстные миссіонерскіе комитеты и епархіальныя начальства получили отъ гражданской власти практическую возможность устраивать подобные поселки на государственныхъ земляхъ Заволжья, Сибири, Крыма, Кавказа и т. п. мѣстностей.

Въ равной степени это необходимо по отношенію къ новообращеннымъ язычникамъ.

7) Соглашаясь съ тѣмъ, что миссіонерское вліяніе бываетъ прочнѣе, если оно оказывается со стороны мѣстнаго дѣятеля, а не со стороны пріѣзжихъ, а съ другой встрѣчаясь съ фактомъ неправоспособности къ этому со стороны большинства приходскихъ священниковъ, поглощенныхъ пастырскими обязанностями для вѣрныхъ христіанъ, отдѣлъ полагаетъ, что весьма желательно распространить практику нѣкоторыхъ Заволжскихъ епархій, архипастыри которыхъ старались назначать въ села со смѣшаннымъ населеніемъ вторыхъ священниковъ изъ инородцевъ, въ качествѣ ли второго штата, или на діаконскомъ штатѣ съ спеціальнымъ назначеніемъ вѣдать прихожанами изъ инородцевъ и, по возможности, мѣстныхъ магометанъ и язычниковъ.

8) Особенно благотворное религіозно-бытовое значеніе имѣютъ для

крещенныхъ инородцевъ инородческіе монастыри мужскіе и женскіе тѣмъ болѣе, что сами инородцы обнаруживаютъ неудержимое стремленіе къ основанію такихъ обителей по всему Заволжью, не взирая даже на препятствія со стороны и церковныхъ и гражданскихъ властей. Преосвященный Антоній въ бытность епископомъ Уфимскимъ, уступая желаніямъ инородцевъ въ продолженіе полутора лѣтъ устроилъ 6 монастырей: 2 мордовскихъ, 2 чувашскихъ и 2 черемисскихъ, которые были быстро населены отшельниками и щедро одѣлены землею, лѣсами и хлѣбомъ отъ сосѣднихъ сельчанъ своего племени. Монастырь вростаетъ въ народный бытъ, какъ въ почву дерево, связывающееся съ нею не только своимъ главнымъ корнемъ, но множествомъ небольшихъ корешковъ, разрастающихся во всѣ стороны. Такъ и община съ насельниками инородцами и со всею системой своего церковнаго строя и хозяйственнаго быта,—вся цѣликомъ становится предметомъ благоговѣйной любви и посильнаго подражанія мѣстныхъ крестьянъ на 100 верстъ окрестъ, какъ, напримѣръ, Михайлово-Черемисскій монастырь, Казанской епархіи, близь Васильсурска, этотъ инородческій Валаамъ.

Другіе дѣятели миссіи, священники и учителя—одинокіе дѣятели, а монастырь является таковымъ въ лицѣ десятковъ или даже сотенъ своихъ насельниковъ, которые сами того иногда не подозрѣваютъ.

Посему отдѣлъ признаетъ необходимымъ, чтобы церковная власть всюду шла сочувственно на встрѣчу стремленіямъ инородцевъ устраивать свои монастыри, обыкновенно возникающіе изъ небольшихъ группъ отшельниковъ по лѣсамъ и болотамъ Заволжскаго края.

№ 5. (17 марта 1906 года) [1]).

Обсуждали два извѣстныхъ проекта о дарованіи единовѣрцамъ особаго епископа члена Сѵнода или викарныхъ епископовъ въ нѣсколькихъ епархіяхъ и послѣ многихъ разсужденій пришли къ соглашенію въ томъ, что

1) Неутолимое желаніе единовѣрцевъ имѣть своего епископа выражается въ многочисленныхъ прошеніяхъ ихъ общинъ въ продолженіе уже многихъ десятковъ лѣтъ, а въ послѣднее время охватило всю единовѣрческую Русь и собрало въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ болѣе 120 приходскихъ о томъ приговоровъ. Единовѣрцы часто тяготятся своими отношеніями къ епархіальной власти, лишенной возможности удѣлять

1) Присутствовали: предсѣдатель преосвященный Антоній, епископъ Волынскій, и члены: протоіерей В. А. Прозоровъ, протоіерей Н. А. Касторскій, священникъ М. П. Чельцовъ, священникъ С. І. Шлеевъ, профессоръ Н. И. Ивановскій, профессоръ С. Т. Голубевъ, Д. И. Боголюбовъ, В. М. Скворцовъ и В. Г. Сенатовъ.

имъ настолько вниманія, чтобы безъ помощи консисторіи (какъ указано въ „правилахъ“ ихъ) вѣдать ихъ приходскія дѣла и служить по ихъ чину, а австрійская іерархія, опираясь на законъ о вѣротерпимости, настойчиво и не безуспѣшно, заманиваетъ ихъ въ свои сѣти (особенно въ Черниговской губерніи).

2) Хотя принято думать, что по Номоканону невозможно раздвоеніе церквей (храмовъ) и паствы между двумя епископами, но изъ правилъ 79, 112, 132 и 131 Карѳ. Собора видно, что новообращаемымъ къ церкви (б. донатистамъ) разрѣшается составлять со своимъ новообращеннымъ епископомъ (вѣроятно, временно) особую общину.

3) Существованіе ставропигій, подворій однихъ епископовъ и монастырей въ епархіи другого и духовенства военнаго и придворнаго, не подчиненнаго мѣстнымъ архіереямъ—все это представляетъ собою уже допущенное и авторизованное распредѣленіе пасомыхъ между двумя архипастырями въ одномъ и томъ же мѣстѣ.

4) До настоящаго времени епархіальный архіерей былъ высшій въ россійской Церкви единоличный пастырь (такъ какъ Святѣйшій Сѵнодъ есть собраніе, а не личность), а потому существованіе епархіальныхъ архіереевъ-единовѣрцевъ представляло бы собою общеніе ихъ съ великороссійскими епархіями не возглавленнымъ отъ высшаго общаго пастыря и нарушало бы мысль о единствѣ обоихъ богослужебныхъ чиновъ въ единой Церкви. Въ настоящее же время, если осуществится каноническая идея о митрополичьихъ округахъ, то подобное затрудненіе устранится само собою.

5) Епископы викарные, какъ невѣдомые русской старинѣ, какъ званіе, заимствованное у католиковъ, не удовлетворятъ единовѣрцевъ, а главное не устранятъ чрезпредѣльное полномочіе каждаго изъ нихъ въ томъ смыслѣ, что его полномочія не будутъ совпадать съ предѣлами епархій и тѣмъ усложнять управленіе единовѣрческими приходами до чрезвычайности.

Посему *постановили:* 1) Если осуществится мысль объ учрежденіи митрополичьихъ округовъ, ходатайствовать объ учрежденіи въ каждомъ будущемъ митрополичьемъ округѣ по одному единовѣрческому епископу, наименовавъ его епархію именемъ того или другого единовѣрческаго мѣстечка и села и подчинивъ его архипастырскому управленію всѣ единовѣрческіе приходы митрополіи на началахъ ставропигій или подворій съ тѣмъ, чтобы мѣстные великороссійскіе епископы не лишены были права слѣдить за поведеніемъ клира и мірянъ и сноситься о семъ съ единовѣрческимъ епископомъ; а по дѣламъ, не терпящимъ отлагательства, давали собственныя распоряженія; 2) Подчинивъ единовѣрческихъ епископовъ митрополитамъ и митрополичьимъ соборамъ на ряду съ прочими епископами округа, допустить въ пер-

вопрестольномъ градѣ съѣзды россійскихъ единовѣрческихъ епископовъ подъ предсѣдательствомъ русскаго первосвятителя или другого іерарха (единовѣрческаго или великороссійскаго чина), по его указанію.

№ 5. (18 марта 1906 года) [1]).

1) *Слушали* сданный Г. Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода на заключеніе отдѣла проектъ устава всероссійскаго братства православныхъ старообрядцевъ-единовѣрцевъ.

Постановили: Признать сей уставъ безпрепятственнымъ для утвержденія съ тѣмъ, чтобы 1) §§ 4 и 15, гдѣ идетъ рѣчь объ учрежденіи единовѣрческаго епископа, какъ одной изъ задачъ братства, исключить, ибо сія мысль входитъ въ другіе параграфы, гдѣ идетъ рѣчь о благоустроеніи клира, а затѣмъ эти параграфы вовсе потеряютъ значеніе, если будутъ учреждены единовѣрческіе епископы.

2) Въ §§ 11, 16 и 19 вмѣсто властныхъ выраженій: „Братство поддерживаетъ, устраиваетъ“ надо написать: „старается о поддержаніи, объ устроеніи“, ибо братство не имѣетъ іерархической власти, а только ревнуетъ о благѣ Церкви.

3) По сей же причинѣ должно опустить вовсе конецъ § 19 „Пѣвцы могутъ быть замѣстителями и дальнѣйшихъ священныхъ степеней“.

4) § 17 по той же причинѣ опустить.

§ 24. О созваніи общихъ съѣздовъ должно прибавить: „съ разрѣшенія высшей іерархической власти“.

§ 27. Въ виду значительнаго центральнаго вліянія, на которое разсчитываетъ братство, необходимо, чтобы предсѣдатель его избирался изъ духовныхъ лицъ, преимущественно епископскаго сана и не ниже пресвитерскаго.

§ 61. Можно допустить въ члены братства раскольниковъ, но не допускать ихъ въ совѣты ни братства, ни отдѣленій его, дабы они не захватили въ руки всѣхъ дѣлъ братства.

§ 67. Упоминаніе о свѣчныхъ заводахъ опустить.

2) *Слушали* составленный по порученію начальства профессоромъ Н. И. Ивановскимъ проектъ посланія собора русской Церкви къ восточнымъ патріархамъ объ утвержденіи единовѣрія и о разъясненіи клятвъ собора 1667 года.

Постановили: Согласиться съ содержаніемъ проекта и признать, что для широкаго вліянія Церкви на расколъ и для утвержденія колеблющихся единовѣрцевъ необходимо и ничѣмъ незамѣнимо давно желаемое ими утвержденіе единовѣрія и разъясненіе сихъ клятвъ, со-

[1]) Присутствовали: Предсѣдатель преосвященный Антоній, епископъ Волынскій, и члены: протоіерей Н. А. Касторскій, священникъ С. І. Шлеевъ, профессоръ Н. И. Ивановскій, Д. И. Боголюбовъ и В. Г. Сенатовъ.

боромъ при участіи двухъ восточныхъ патріарховъ наложенныхъ, равнымъ или большимъ церковнымъ авторитетомъ. При семъ поелику полнота вліянія сей мѣры можетъ быть достигнута лишь тогда, когда восточные патріархи не письменно только, но самолично, подтвердятъ свое согласіе, то весьма желательно, чтобы они, пожаловавъ въ Россію, въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ вкупѣ съ русскими іерархами и въ присутствіи православныхъ старообрядцевъ и раскольниковъ торжественно заявили бы, что тѣ клятвы имѣли и имѣютъ силу не на содержащихъ „старые“ обряды чадъ православной Церкви, но на хулителей послѣдней по слову Господню: „аще же Церковь преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь“,—причемъ присовокупить, что если бы кто не повѣрилъ правотѣ такого толкованія и продолжалъ утверждать, что клятвы наложены въ 1667 году на самые чины старообрядческіе, то сей новый соборъ отъ такой клятвы разрѣшаетъ содержащихъ старые обряды, но не отдѣляющихся отъ нашей Христовой Церкви.

Отдѣлъ VI уповаетъ, что такое дѣйствіе восточныхъ и россійскихъ іерарховъ имѣло бы неоцѣнимое значеніе какъ для единовѣрцевъ, такъ и для раскольниковъ и замѣнило бы собою многолѣтніе труды миссіонеровъ и пастырей Церкви о примиреніи раскольниковъ и утвержденіи въ вѣрѣ колеблющихся.

Въ томъ же смыслѣ возстановленія авторитета церковной власти имѣло бы высокое цѣнное значеніе возстановленіе въ русской Церкви власти патріаршей, такъ какъ Синодальное управленіе уже потому, что оно не вѣдало русской старины, является важнымъ препятствіемъ для утвержденія прочности единовѣрія и для обращенія раскольниковъ къ Церкви Божіей 1).

1) Подписывая настоящій журналъ, священникъ Симеонъ Шлеевъ остался при мнѣніи, что 4 и 15 §§ устава Всероссійскаго братства православныхъ старообрядцевъ-единовѣрцевъ не исключать, а оставить безъ измѣненія. При дарованіи единовѣрцамъ епископовъ они падаютъ сами собой, а при недарованіи весьма потребны.

Изъ личныхъ впечатлѣній депутата Курскаго обще-епархіальнаго съѣзда.

Съ 23-го января по 31-е включительно въ городѣ Курскѣ происходило засѣданіе общеепархіальнаго съѣзда.

Засѣданія съѣзда начались въ епархіальномъ домѣ, за сравнительною тѣснотою, были перенесены въ актовый залъ духовной семинаріи, и потомъ опять продолжались и закончились въ епархіальномъ домѣ.

На первомъ, утреннемъ собраніи 23-го января былъ избранъ предсѣдатель—законоучитель Бѣлогородскаго учительскаго института свящ. Е. Поповъ и дѣлопроизводители. Кромѣ того, были назначены нѣсколько комиссій для изготовленія докладовъ, на основаніи постановленій благочинническихъ собраній, по главнымъ 11-ти вопросамъ.

24-го, въ 10 час. утра, въ епархіальный домъ прибылъ владыка Питиримъ. Благословивъ собраніе, онъ убѣдительно просилъ отцовъ и мірянъ, при обсужденіи вопросовъ, соблюдать возможно больше спокойствія и безпристрастія. Оставивъ за собою желаніе присутствовать при рѣшеніи вопросовъ перваго (объ епархіальномъ управленіи) и шестого (о возможномъ сокращеніи состава клира), онъ отбылъ, предоставивъ съѣзду полную возможность свободно и въ мѣру общаго разумѣнія высказываться и дѣлать постановленія по каждому вопросу.

Такъ какъ работы только что составленныхъ комиссій ни по одному вопросу къ первому засѣданію не были готовы, то съѣздъ запасся слушаніемъ доклада консисторскаго столоначальника и возможности замѣны нѣкоторыхъ взносовъ съ церквей епархіи прибылью изъ суммъ свѣчного завода. Докладъ былъ обстоятельнѣйшій. Цифры и пояснительныя къ нимъ примѣчанія пестрѣли и чередовались на каждой изъ многихъ страницъ. Какъ ни свѣжо было вниманіе слушателей, только что приступившихъ къ занятіямъ, тѣмъ не менѣе къ концу доклада ослабѣло настолько, что уловимы становились однѣ цифры, а не комбинаціи ихъ. Согласно доклада, рѣшили отъ 20—24-хъ тысячъ руб. взносовъ церковныхъ переложить на чистую прибыль завода.

Однимъ, какъ говорится, почеркомъ столоначальники хотѣли провести и двухтысячную ежегодную прибавку на содержаніе консисторскихъ чиновниковъ изъ суммъ все того же свѣчного завода. Большинство уполномоченныхъ отъ клира и мірянъ дружно возстали противъ такой новой финансовой экскурсіи въ епархіальныя суммы. И по справедливости. Только за годъ предъ этимъ въ консисторіи, безъ вѣдома и согласія епархіи, открытъ V столъ, съ позаимствованіемъ потребныхъ для его содержанія 2500 руб. изъ тѣхъ же свѣчныхъ заводскихъ суммъ. Протестуя, депутаты считались еще съ тѣмъ

обстоятельствомъ, что въ дополнительное содержаніе чиновниковъ идетъ семикопеечное обложеніе каждаго пробѣльнаго листа для всѣхъ церковныхъ книгъ: приходорасходныхъ, метрическихъ, исповѣдныхъ и др. А это по многолюднѣйшей епархіи, даже за вычетомъ ихъ заготовительной стоимости, должно составить сумму не малую. Полнаго единодушія при обсужденіи этого яснаго и, казалось бы, безпорнаго вопроса все-таки не было. Голоса раздѣлились. Предложили его рѣшить окончательно закрытой баллотировкой.

Большинствомъ шаровъ вопросъ о прибавкѣ былъ отвергнутъ.

Рѣшеніемъ двухъ этихъ вопросовъ закончилось утреннее собраніе съѣзда, затянувшись однако слишкомъ до 3-хъ пополудни.

Вечернее собраніе съ 7-ми началось въ актовомъ залѣ духовной семинаріи. Такъ какъ собранія имѣли открытый характеръ, залъ наполнился семинаристами и городскою публикою, по началу съ большимъ интересомъ отнесшейся къ засѣданіямъ съѣзда.

Все вечернее собраніе почти до 12-ти ночи прошло въ обсужденіи такого неважнаго вопроса—оставить или отмѣнить позолоту на выдѣлываемыхъ въ епархіальномъ заводѣ свѣчахъ. Экономія отъ отмѣны позолоты получалась не малая—до 6,000 руб., достоинство свѣчи существенно не мѣнялось. Казалось бы—о чемъ долго спорить и въ чемъ не столковаться. Свѣжая энергія депутатовъ и первая очередь обсужденія сдѣлали другое. Защитниками позолоты и противниками ея было высказано столько остроумія, столько находчивости, потрачено столько словеснаго пороха и столько сломано копій, что просто до боли хотѣлось крикнуть: поберегите силы и разумъ на болѣе достойное ихъ примѣненіе въ дѣлѣ обсужденія болѣе серьезныхъ и важныхъ вопросовъ.

Едва ли не самымъ сильнымъ аргументомъ защитниковъ позолоты былъ тотъ, что, если свѣчи развѣнчивать отъ позолоты, тогда и иконы церковныя и домашнія должны быть чужды всякихъ украшеній.

Такъ или иначе, она восторжествовала, позолота на свѣчахъ была оставлена.

Было уже больше 11 ч. ночи. Обсужденіе другихъ вопросовъ представлялось невозможнымъ, и собраніе разошлось до 10 час. утра дня слѣдующаго.

Утро 25-го принесло сюрпризъ не изъ пріятныхъ. Предсѣдатель съ приложеніемъ медицинскаго удостовѣренія, прислалъ заявленіе, что, за слабостью голоса и почти полной потерей его, онъ не можетъ вести дальнѣйшихъ засѣданій.

Невольно многимъ приходило на мысль, что, если на резюмированіе сужденій объ одной свѣчной позолотѣ потерялся предсѣдатель-

скій голосъ, то гдѣ же взять предсѣдателя съ такими голосовыми средствами, какихъ хватило бы на обсужденіе всѣхъ 27-ми вопросовъ, или же, что лучше, съ такимъ тактомъ, чтобы не требовалось ихъ крайняго напряженія. Вниманіе всѣхъ остановилось на двухъ лицахъ: протоіереѣ соборной церкви г. Льгова Положинцевѣ и свящ. кладбищенской церкви г. Курска Ломакинѣ.

Большинствомъ голосовъ, послѣ долгой прелюдіи и самой процедуры закрытой баллотировки, былъ избранъ послѣдній.

Принимая предсѣдательствованіе, о. Ломакинъ призывалъ депутатовъ къ спокойствію и порядку: при желаніи говорить по извѣстному вопросу, они должны соблюдать строго очередь, терпѣливо ждать ея и на полсловѣ не перебивать оратора.

Обращаясь въ частности къ посторонней публикѣ и учащейся молодежи, онъ просилъ ихъ повоздержаться отъ шумныхъ восторговъ своего одобренія говорящимъ. Вѣдь настоящій съѣздъ, говорилъ онъ, братское во Христѣ собраніе пастырей и преданныхъ церковному дѣлу мірянъ, а—не разносословный митингъ. Поэтому и участвующимъ и слушающимъ нужно держать себя такъ, чтобы не уронить достоинство собранія, не обезцѣнить всей важности предстоявшихъ ему задачъ.

Хороша была рѣчь предсѣдателя, убѣдительны доводы его. Того, однако, порядка и спокойствія, къ какимъ онъ приглашалъ, на дѣлѣ не вышло. Что причиной тому: молодой-ли въ большинствѣ составъ представителей, бурный-ли духъ переживаемаго времени, или малый опытъ многихъ представителей въ подобныхъ собраніяхъ? Думается—то, и другое, и третье. Фактъ на-лицо: порядка на всѣхъ засѣданіяхъ было весьма мало. И чисто героическое терпѣніе предсѣдателя и всѣ его дипломатическіе пріемы разбивались о несокрушимое желаніе и привычку депутатовъ говорить по вдохновенію, а не въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Даже могучій голосъ предсѣдателя, труба іерихонская въ сравненіи съ голосомъ предсѣдателя перваго, къ концу засѣданій ослабъ до хрипоты... Но то—между прочимъ.

Когда окончилась рѣчь предсѣдателя, было уже около трехъ по полудни. Собраніе разошлось до семи вечера съ полнымъ чувствомъ удовлетворенія за удачный выборъ предсѣдателя и надеждой, что, подъ его руководствомъ, засѣданія должны пойти успѣшно.

Открылось вечернее засѣданіе. Предсѣдатель опросилъ участниковъ комиссій—не готовы-ли доклады хоть по одному изъ 11-ти главныхъ вопросовъ.

Доклады готовы не были, и потому приступили къ обсужденію вопросовъ внѣ программной рубрики.

Собраніе происходило въ стѣнахъ семинаріи, и умѣстнымъ представлялось, поэтому, здѣсь-же на мѣстѣ, посудить о предложенныхъ вни-

манію съѣзда нуждахъ ея. Первымъ былъ затронутъ вопросъ о библіотекахъ: ученической и фундаментальной, увеличеніи книгъ въ первой и возможномъ доступѣ воспитанниковъ во вторую. Въ связи обсуждался вопросъ о возможности и необходимости знакомства воспитанниковъ съ современной общественной жизнью путемъ выписки и чтенія журналовъ и газетъ. Возбудился оживленнѣйшій обмѣнъ мнѣній. И не жаль было тѣхъ цвѣтовъ краснорѣчія, тѣхъ блестокъ остроумія и тѣхъ доводовъ разума, какіе проявлены были при этомъ обмѣнѣ. Вопросы такіе не чета свѣчной позолотѣ. Для того, чтобы свѣдѣнія, при обсужденіи пользъ и нуждъ семинаріи, имѣть изъ первыхъ рукъ, рѣшили пригласить (и пригласили) отца ректора семинаріи. Совмѣстно съ нимъ продолжалось обсужденіе вопросовъ о библіотекахъ, читальнѣ, а также о желательности и возможности замѣны въ семинаріи освѣщенія керосиноваго электрическимъ и необходимости расширенія и даже переустройства больницы.

Вообще—все вечернее собраніе было живымъ и интереснымъ. Закончилось оно допущеніемъ депутаціи отъ старшихъ классовъ семинаріи. Эта многочисленная депутація, въ лицѣ двухъ выразителей, горячо доказывала необходимость саморазвитія воспитанниковъ чрезъ чтеніе книгъ научнаго содержанія и вообще знакомство съ текущей литературой по всѣмъ ея живымъ вопросамъ.

За-одно, выражая нѣкоторое удовлетвореніе, но не благодарность, за допущеніе семинаристовъ, по окончаніи полнаго курса, въ университеты, они выражали требованіе, но не желаніе, чтобы это право было дано по окончаніи 4-хъ, а не шести классовъ.

Здѣсь они встрѣтили справедливое и сильное возраженіе одного, совсѣмъ еще молодого, о. депутата.

Онъ имѣлъ мужество сказать имъ горькую правду, что подобныя желанія умѣстны лишь при добросовѣстномъ и усердномъ занятіи науками, а не при тѣхъ самочинныхъ перерывахъ ими занятій, какія весь учебный годъ сводятъ къ тремъ-четыремъ мѣсяцамъ. При такихъ-же перерывахъ, становящихся прямо хроническими, не можетъ быть и рѣчи о томъ высокомъ держаніи семинаристами знамени науки, о какомъ съ такимъ паѳосомъ говорилъ одинъ выразитель.

Даже больше того: является справедливое опасеніе, чтобы современные семинаристы не понизили даже до позора ту дѣйствительно высокую репутацію, какая упрочилась за семинаристами прежнихъ временъ.

Послѣ него представитель отъ мірянъ, изъ отставныхъ военныхъ, обратясь ко всѣмъ присутствовавшимъ на собраніи семинаристамъ, выразилъ удивленіе и прямо порицаніе выраженію ими своихъ желаній не въ формѣ покорнѣйшей просьбы, а въ видѣ подлежащихъ немед-

ленному удовлетворенію требованій. Послѣднее, по его глубокому убѣжденію, свидѣтельствуетъ о крайней ихъ невоспитанности и прямо неприличномъ бравированіи ею.

Эти возраженія и замѣчанія, растворенныя отеческимъ сожалѣніемъ, въ массѣ воспитанниковъ вызвали частію глухое, частію открытое недовольство, безъ рѣзкихъ, впрочемъ, проявленій. Ожидая большаго и худшаго, вѣрнѣе-же, считаясь съ половиной 12-го ночи, предсѣдатель закрылъ собраніе. Закрывая, онъ выразилъ пожеланіе, чтобы дальнѣйшія засѣданія происходили въ епархіальномъ домѣ. И таковое предложеніе единодушно, безъ всякихъ возраженія, было принято всѣми.

Подводя итоги ему, нельзя не сознаться, какъ былъ правъ владыка Питиримъ, отечески увѣщевая—лучше потѣсниться въ епархіальномъ домѣ, чѣмъ искать простора въ семинарскомъ залѣ. Поддерживали его многіе изъ о.о. и мірянъ. Партія недовольныхъ епархіальнымъ помѣщеніемъ оказалась сильнѣе. Торжество ея было недолго, всего на три засѣданія. Дальше, даже самые рьяные изъ нихъ, убѣдились воочію, что въ семинарскомъ залѣ не было даже того простора, какой ставили они во славу угла желаній своихъ. Объемомъ помѣщенія превосходя залъ епархіальнаго дома не болѣе, какъ въ полтора раза, онъ, кромѣ всѣхъ депутатовъ и городской публики, долженъ былъ вмѣстить еще добрую половину воспитанниковъ многолюднѣйшей семинаріи. Но въ этомъ еще полбѣды. Бѣда въ томъ, съ перенесеніемъ засѣданій въ семинарское зданіе, нарушалось и выбивалось изъ колеи только что установившееся сравнительно спокойное теченіе жизни семинаріи. Создалась такая коллизія: не допустить ихъ на собраніе—значило нарушить принципъ открытыхъ дверей, допустить (что и было)—внести несвоевременную и ненужную приподнятость въ настроеніе той молодежи, какая и безъ того зовется „неучащейся“. И дѣйствительно, опасенія владыки и хорошо понимавшихъ его умѣренныхъ депутатовъ сбылись: правильныя классныя занятія нарушились. Почти полная пустота въ классахъ и безлюдье въ занятыхъ комнатахъ. Зато въ актовомъ залѣ въ урочное и во внѣурочное время „учащихся гражданъ“ хоть отбавляй... Раздувалось такимъ образомъ потухавшее пламя, въ горѣвшій безъ шума огонь подливалось масло. Дальнѣйшія послѣдствія легко учитывались, и потому возвращеніе въ епархіальной домъ было естественнымъ и необходимымъ. Безъ особой нужды и съ плохо продуманной цѣлью былъ разыгранъ безполезный для отцовъ и завѣдомо вредный для дѣтей фарсъ. И не окончился онъ съ перенесеніемъ засѣданій въ епархіальный домъ, а продолжался во все время съѣзда, и разрѣшился преждевременнымъ отпускомъ воспитанниковъ на масляницу и первую недѣлю великаго поста.

Съ возвращеніемъ на староселье—въ епархіальный домъ утреннее собраніе 26 янв. посѣтилъ преосвященный Питиримъ. Подъ его предсѣдательствомъ началось обсужденіе вопроса объ епархіальномъ управленіи. Хотя онъ былъ рѣшенъ уже на ноябрьскомъ курскомъ епархіальномъ „соборикѣ“, тѣмъ не менѣе и повторительное обсужденіе его, какъ широкаго и, такъ сказать, краеугольнаго въ дѣлѣ грядущаго переустройства церковно-общественной жизни, было полно глубокаго интереса. Въ ноябрьское рѣшеніе—учрежденіе при епископѣ постояннаго совѣта пресвитеровъ—было внесено то новое положеніе, что епархіальные соборы изъ клира и мірянъ, ежегодно созываемые и возглавляемые епископомъ, должны быть высшимъ епархіальнымъ учрежденіемъ, центромъ, объединяющимъ всю церковно-общественную жизнь епархіи.

Принципъ выборнаго начала долженъ быть при этомъ приводимъ широко и свободно.

Было уже около 3-хъ по-полудни. Начавшееся было обсужденіе вопроса о возможномъ сокращеніи состава клировъ отложено было до вечерняго засѣданія. Весьма утѣшенный общею настроенностью депутатовъ, владыка отбылъ. Слѣдомъ разошлись и депутаты.

Ходъ дальнѣйшихъ засѣданій изложимъ конспективно, останавливаясь болѣе подробно только на болѣе характерныхъ сужденіяхъ и постановленіяхъ. Въ числѣ таковыхъ отмѣтимъ прежде всего единодушное постановленіе съѣзда о выведеніи редакціи епарх. вѣдомостей изъ стѣнъ духовной семинаріи. Рѣшено редактора ихъ сдѣлать выборнымъ, оживить и расширить неофиціальный ихъ отдѣлъ возможно широкимъ и свободнымъ сотрудничествомъ духовенства всей епархіи. Добрый починъ въ этомъ сдѣланъ епископомъ Питиримомъ. Исключительно благодаря его распоряженіямъ, въ теченіе уже года на страницахъ вѣдомостей стали часто появляться интересныя и живыя статьи по церковно-общественнымъ вопросамъ. И физіономія самаго худосочнаго органа становится неузнаваемой. Онъ привлекъ теперь вниманіе даже тѣхъ, кто не заглядывалъ въ него дальше опредѣленій, перемѣщеній и свободныхъ мѣстъ. Вотъ что значитъ умѣлою рукою и добрымъ искреннимъ желаніемъ вдохнуть „душу живу“ въ совсѣмъ омертвѣвшее дѣло. Аккуратно отъ каждой церкви получая пять рублей, епархіальный органъ прозябалъ на формулярахъ—некрологахъ, словахъ и поученіяхъ, не всегда образцовыхъ, и скучнѣйшихъ археологическихъ изысканіяхъ—лѣтописныхъ сказаньяхъ о церквахъ и приходахъ. Чаще-же былъ занятъ натаскиваніемъ статей изъ тѣхъ духовныхъ журналовъ, съ какими, въ теченіе многихъ лѣтъ, велъ обмѣнъ изданьями. Прочно существуя больше трехъ десятковъ лѣтъ на обязательной подпискѣ, онъ не имѣлъ доселѣ ни внѣшнихъ, ни внутрен-

нихъ побужденій къ улучшенію и повышенію интереса своего содержанія.

Другимъ не менѣе характернымъ и отраднымъ постановленіемъ можно считать подтвержденіе ноябрьскаго постановленія о желательности и необходимости епархіальныхъ съѣздовъ каждогодно, чаще смотря по надобности, и всегда изъ клира и мірянъ.

Опытъ двухъ такихъ съѣздовъ показалъ, что на нихъ можно смотрѣть, какъ на первый серьезный шагъ сближенія клира и мірянъ и пріобщенія послѣднихъ къ совмѣстной, дружной работѣ тамъ, гдѣ недавно, еще совсѣмъ вчера, была область чуждая, почти заповѣдная. Въ кастовую обособленность клира пробивается брешь великая. Пропасть, отдѣлявшая клиръ, ремесленныхъ молитвенниковъ, отъ мірянъ, плательщиковъ за трудъ-молитву, замѣтно съуживается. Кладутся прочные устои соединительному мосту чрезъ нее, братски подаются руки для союзнаго, въ духѣ мира и любви дѣланія правды Божіей.

Упоминавшійся уже вопросъ о желательныхъ измѣненіяхъ въ составѣ клира, сверхъ ожиданія и къ общему удовольствію, прошелъ спокойно и скоро. Надо замѣтить, что на обсужденіе съѣзда онъ былъ предложенъ въ виду появленія въ Епарх. Вѣд. (декабрьскихъ №№) статьи о возможности и желательности упраздненія штатныхъ діаконскихъ вакансій при всѣхъ церквахъ, кромѣ соборныхъ. По согласному заявленію всѣхъ депутатовъ, обсужденіе его на благочинническихъ собраніяхъ прошло повсемѣстно съ небывалой бурностью. Діаконы, это своего рода казачество въ арміи клира, всѣми силами пытались доказать свою необходимость въ составѣ клира, хотя это имъ нигдѣ и не удалось. Умъ хорошо, два лучше, разумъ же цѣлой епархіи, въ лицѣ ея избранниковъ, и совсѣмъ безподобно. Именно этимъ разумомъ подошли на съѣздѣ къ вопросу проще и ближе. Безспорно было установлено то положеніе, что многочисленность клира, по матеріальнымъ условіямъ приходовъ, особенно сельскихъ, вообще нежелательна. Желательно поэтому, съ согласія приходовъ, сокращеніе вакансій діаконскихъ или псаломщическихъ. Въ послѣднихъ случаяхъ діаконы, замѣщая псаломщиковъ, сохраняютъ за собой діаконское содержаніе. Такимъ рѣшеніемъ была обойдена вся острая сторона вопроса, и онъ разрѣшился безъ особыхъ осложненій.

Полная, однако, справедливость требуетъ сказать, что много этому помогло и то обстоятельство, что вопросъ этотъ обсуждался и рѣшался уже на седьмой день засѣданій. Энергія-же и вниманіе депутатовъ къ этому дню пошли подъ такой уклонъ, что нѣкоторые изъ нихъ разъѣхались по своимъ приходамъ. Наглядное доказательство—что значитъ вопросъ о позолотѣ свѣчей рѣшать въ первую очередь...

Психологія всѣхъ съѣздовъ обычная и неизбѣжная: когда вниманіе

участниковъ ослабѣетъ и энергія пойдетъ на убыль, начинается уже не серьезное и коллективное, общимъ разумомъ, рѣшеніе вопросовъ, а простое, чисто поверхностное, прикосновеніе къ нимъ, съ нарочитымъ обхожденіемъ такихъ сторонъ, какія могутъ возбудить новыя пренія.

Въ данномъ случаѣ иначе и быть не могло. Вниманію съѣзда было предложено цѣлыхъ 27 вопросовъ. И первый изъ нихъ: „какія желательны измѣненія въ органахъ епархіальнаго управленія и въ строѣ епархіальныхъ учрежденій“ имѣлъ цѣлыхъ восемь серьезныхъ отдѣловъ. Изъ нихъ каждый можно считать за цѣлый вопросъ. Всѣхъ вопросовъ такимъ образомъ набирается уже до 35-ти. Девяти дней съ многочасовыми засѣданіями утренними и вечерними оказалось все-таки мало. И тѣмъ меньше ихъ было, что обсуждались и рѣшались нѣкоторые до боли острые и важные вопросы внѣ и сверхъ программы, по письменнымъ и личнымъ докладамъ трехъ священниковъ. Суть ихъ докладовъ та, что прихожане ихъ, подъ вліяніемъ крестьянскихъ союзовъ, плату за требы таксировали такъ низко, что, безъ назначенія казеннаго содержанія или пособія отъ епархіи, служить имъ дольше невозможно. Выяснилось дальше, что такія явленія, не единичные и теперь, скоро могутъ стать общими и повсюдными. Большинствомъ депутатовъ было выражено искреннее сожалѣніе о такихъ прискорбныхъ, все учащающихся, явленіяхъ. Находились, однако, и такіе о.о., какіе не прочь были добить лежачаго. Священникамъ этихъ приходовъ они смѣло ставили въ укоръ, что сами они, своимъ жестокосердіемъ и вымогательствомъ, доводятъ прихожанъ до такой крайней мѣры. Они же, съ виду горячо, изъявляли готовность идти на ихъ мѣста и возстановить добрыя отношенія. Самоотверженные и, думалось, искренніе ихъ порывы по началу были должнымъ образомъ оцѣнены. Когда же они оставили за собою тыловыя позиціи, сказавши, что готовы пойти, если пустятъ ихъ настоящіе ихъ прихожане, порывы ихъ были тотчасъ переоцѣнены...

Упомянемъ, въ заключеніе, о двухъ инцидентахъ съ депутатами съѣзда.

Съѣздомъ были назначены двѣ комиссіи: одна въ епархіальное женское училище для ревизіи экономической стороны жизни его, другая— въ духовную семинарію для обозрѣнія библіотекъ ученической и фундаментальной, о которыхъ такъ много и долго говорено было при засѣданіяхъ съѣзда въ семинарскомъ залѣ. Попутно комиссія первая коснулась и нѣкоторыхъ сторонъ жизни учебно-воспитательной. Администраціей училища комиссія (изъ 5-ти лицъ: трехъ священниковъ и и двухъ мірянъ) по началу была принята весьма благосклонно. Были для нея, что называется, открыты двери и сердца. Когда же она сдѣ-

лала съѣзду свой докладъ и съѣздъ вторично предложилъ ей провѣрить свои первыя впечатлѣнія, сердца замкнулись и двери затворились. Ссылкой на поздній часъ посѣщенія (конецъ седьмаго вечеромъ), отъ комиссіи потребовали документъ, уполномачивающій ее на производство ревизій внѣ экономическихъ нуждъ училища.

Подобная участь постигла и библіотечную комиссію. Въ первый разъ она свободно была допущена въ библіотеки. Когда же она сдѣлала докладъ и была послана съѣздомъ добыть болѣе подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія, ей показали такой параграфъ устава духовныхъ семинарій, какимъ не предусматриваются подобныя полномочія комиссіи и права всего съѣзда. Скрѣпя сердце, пришлось помириться съ такою узкостью правъ съѣзда, сводящихся единственно къ экономической сторонѣ дѣла.

Видѣлась со стороны и чувствовалась лично страшная усталость послѣ 16-ти кряду многочасовыхъ засѣданій. Особенно это нужно сказать о тѣхъ, какіе по началу проявили много, если не энергіи, то горячности. Къ концу обезразличились они такъ, что сгорали однимъ желаніемъ: поскорѣе домой, въ семью и приходъ, а здѣсь послѣ насъ хоть потопъ.

Серьезно считаясь съ этимъ обычнымъ явленіемъ, нельзя не пожелать, чтобы каждый епархіальный съѣздъ, разъѣзжаясь, оставлялъ послѣ себя не одни журнальныя постановленія, а живыхъ, убѣжденныхъ и энергичныхъ продолжателей. Они-то, подъ живымъ и свѣжимъ впечатлѣніемъ, должны быть дѣятельными проводниками мѣропріятій съѣзда. Нѣтъ особой нужды назначать имъ много дѣлъ по приходу, законоучительству и службѣ платной и „чести ради“ въ епархіальныхъ учрежденіяхъ. Да и не всякій изъ нихъ, правду сказать, найдетъ въ себѣ необходимый запасъ мужества. Всего удобнѣй, думается, назначать ихъ изъ пріѣзжихъ городскихъ и сельскихъ представителей отъ клира и мірянъ, съ ихъ, конечно, согласія и съ назначеніемъ имъ содержанія изъ суммъ епархіальнаго свѣчного завода. Свободные, убѣжденные, они-бы провели въ дѣйствительную жизнь тѣ постановленія съѣзда, какія не должны терпѣть отлагательства до созыва слѣдующаго съѣзда. Оставленные, отстроченные, они, если не совпадаютъ съ желаніемъ начальствъ епархіальнаго и учебныхъ заведеній, идутъ часто на обидную смарку. На слѣдующемъ съѣздѣ о нихъ рѣчь или совсѣмъ не поднимется, или поднимется безучастно и глухо. Да и не у всѣхъ, даже самыхъ энергичныхъ и прямолинейныхъ, депутатовъ станетъ охоты тратить порохъ на одни холостые выстрѣлы, часто, однакожъ, съ чувствительнымъ рикошетомъ на себя самихъ.

Вотъ выводъ изъ нашего правдиваго сказанія о дѣяніяхъ январскаго Курскаго общеепархіальнаго съѣзда.

Одинъ изъ 120-ти.

Миссіонерскія бесѣды въ залѣ донской духовной семинаріи.

Съ благословенія архіепископа донского Аѳанасія, въ залѣ донской дух. семинаріи, по воскреснымъ днямъ первыхъ пяти недѣль Великаго поста, происходили миссіонерскія бесѣды. Организованы онѣ были ректоромъ семинаріи, протоіереемъ Овсянниковымъ. Въ веденіи ихъ приняли участіе мѣстные миссіонеры: протоіерей Н. Кутеповъ, Д. Граціанскій и свящ. Іоаннъ Артемьевъ, которые взяли на себя трудъ практически ознакомить воспитанниковъ съ методами веденія собесѣдованій со старообрядцами и сектантами. Воспитанники VI класса семинаріи читали составленный по порученію о. ректора на добровольно избранныя ими темы по обличенію раскола и сектантства. Темами для чтеній по обличенію раскола служилъ разборъ новѣйшихъ сочиненій раскольническихъ писателей—Мельникова, Усова, Пичугина и Коновалова, частью помѣщенныхъ въ журналѣ „Старообрядческій Вѣстникъ“, частью изданныхъ въ литографированномъ видѣ, каковыя сочиненія въ большомъ количествѣ распространены среди донскихъ вообще и новочеркасскихъ въ частности старообрядцевъ. Изъ этихъ сочиненій защитники раскола на публичныхъ бесѣдахъ заимствуютъ свой полемическій арсеналъ, часто за неимѣніемъ своихъ возраженій и доказательствъ, занимаясь на бесѣдахъ вычитываніемъ сочиненій вышеназванныхъ писателей. Предметомъ чтеній по обличенію сектантства служилъ разборъ главнѣйшихъ пунктовъ лжеученій мѣстныхъ штундобаптистовъ и хлыстовъ. Воспитанникамъ, составлявшимъ чтенія, были заблаговременно выданы о. ректоромъ экземпляры разбираемыхъ ими старообрядческихъ и сектантскихъ произведеній и пособія. Воспитанники съ усердіемъ писали добровольныя сверхпрограмныя письменныя работы, представляя рефераты по 5, 8 и даже 12 писанныхъ листовъ.

Всѣхъ рефератовъ было составлено девять.

На первомъ чтеніи, въ воскресеніе 19 февраля, въ недѣлю православія воспитанникомъ Балашевичемъ было предложено чтеніе на тему „Новыя попытки со стороны старообрядцевъ поколебать въ православномъ народѣ вѣру въ святость мощей преподобнаго Серафима Саровскаго и въ дѣйствительность совершаемыхъ отъ нихъ чудесъ“. Это чтеніе представляло подробный разборъ статьи, помѣщенной въ іюньской и іюльской книжкахъ „Старообрядческаго Вѣстника“, подъ заглавіемъ: „Святость старца Серафима Саровскаго“; черкасскій уѣздный миссіонеръ свящ. І. Артемьевъ въ дополненіе къ этому чтенію въ устной рѣчи представилъ разборъ тѣхъ возраженій противъ мощей преп. Серафима, какія ему приходилось встрѣчать во время своихъ разъѣздовъ по дѣламъ миссіи, предложилъ воспитанникамъ семинаріи рядъ

совѣтовъ касательно веденія собесѣдованій со старообрядцами, иллюстрируя ихъ примѣрами изъ своей миссіонерской практики, и сдѣлалъ нѣсколько разъясненій по поводу нѣкоторыхъ недоумѣній по вопросу о мощахъ старца Серафима, высказанныхъ присутствовавшими на бесѣдѣ православными слушателями. На второй бесѣдѣ, въ воскресеніе 26-го февраля, воспитанникъ Епифановичъ предложилъ чтеніе на тему: „Свобода вѣроисповѣданія, данная государственною властью старообрядцамъ, дѣлаетъ ли сама по себѣ старообрядческое общество истинною Церковью Христовою?“. Это чтеніе представляло разборъ сужденій по сему вопросу, высказанныхъ въ различныхъ статьяхъ „Старообрядческаго Вѣстника“. Миссіонеръ Артемьевъ выяснилъ то впечатлѣніе, какое произвелъ на старообрядцевъ манифестъ 17-го апрѣля 1905 г. и изложилъ методъ своихъ бесѣдъ со старообрядцами по этому вопросу. По окончаніи рѣчи о. Артемьева воспитанникъ Савченковъ предложилъ чтеніе на тему: „согласно ли со словомъ Божіимъ учатъ русскіе сектанты раціоналистическаго направленія, когда отвергаютъ необходимость почитанія святыхъ иконъ“. О. ректоромъ семинаріи была выяснена постановка этого вопроса при собесѣдованіяхъ съ сектантами и были разобраны сектантскія возраженія противъ иконопочитанія. На третьей бесѣдѣ, въ воскресеніе 5-го марта, воспитанникъ Михайловъ предложилъ противосектантское чтеніе о почитаніи св. креста Христова. Донской епархіальный миссіонеръ, протоіерей Николай Кутеповъ выяснилъ методы практической постановки вопросовъ при собесѣдованіяхъ съ сектантами и въ частности постановку вопроса о почитаніи св. креста Христова. Воспитанникъ Богдановскій сдѣлалъ затѣмъ чтеніе на тему: „Справедливо ли старообрядцы обвиняютъ православную церковь въ люциферіанской ереси за то, что она не принимаетъ представителей старообрядческой іерархіи при переходѣ ихъ въ православіе въ сущемъ санѣ“? Это чтеніе представляло критическій разборъ 29-й главы сочиненія старообрядческаго писателя Ивана Усова: „Церковь Христова временно безъ епископа“. О. протоіерей Кутеповъ сдѣлалъ рядъ разъясненій касательно современной постановки при собесѣдованіяхъ со старообрядцами по вопросу объ истинной Церкви Христовой, обильно иллюстрируя свою рѣчь примѣрами изъ своего богатаго миссіонерскаго опыта.

На четвертомъ собесѣдованіи, въ воскресеніе 12-го марта, воспитанникъ Рукинъ предложилъ противосектантское чтеніе о необходимости крещенія младенцевъ. Донской епархіальный противосектантскій миссіонеръ Димитрій Граціанскій выяснилъ свою постановку вопроса при собесѣдованіяхъ со штундо-баптистами и разобралъ новѣйшія возраженія противъ крещенія младенцевъ, сдѣланныя на основаніи церковно-историческихъ и каноническихъ данныхъ извѣстнымъ вожакомъ

штундистовъ Балихинымъ въ его письмахъ къ одному изъ православныхъ миссіонеровъ. Рѣчь г. Граціанскаго заключала въ себѣ совершенно новыя свѣдѣнія по противосектантской полемикѣ, почему были выслушаны всѣми съ неослабѣвающимъ вниманіемъ. Затѣмъ воспитанникъ Ножинъ предложилъ: „Разборъ основаній, приводимыхъ безпоповщинскими начетчиками Коноваловымъ и Надежинымъ въ защиту ученія о прекращеніи священства въ Христовой церкви". Это чтеніе представляло критическій разборъ старообрядческаго сочиненія „Апологія о существѣ, вѣчности и видѣ Христовой церкви". Миссіонеръ о. Артемьевъ, которому неоднократно приходилось вести публичныя бесѣды съ Коноваловымъ и Пичугинымъ, изложилъ выработанные имъ методы собесѣдованій съ этими безпоповщинскими начетчиками. Въ особенности подробно изобразилъ о. миссіонеръ то, какъ эти начетчики пытаются защищать различные пункты старообрядческой безпоповщинской доктрины перетолкованіемъ различныхъ мѣстъ изъ твореній блаженнаго Іеронима. На пятомъ собесѣдованіи воспитанникъ Черницынъ предложилъ чтеніе на тему: „Согласно ли со словомъ Божіимъ учатъ штундобаптисты объ евхаристіи, какъ о простомъ воспоминаніи страданій и смерти Спасителя", и воспитанникъ Евфимьевъ—„Согласно ли со словомъ Божіимъ ученіе хлыстовъ о многократныхъ перевоплощеніяхъ Христа въ различныхъ людяхъ". На это собесѣдованіе были приглашены мѣстные хлысты, но они не явились. Миссіонеръ Граціанскій подробно изложилъ выработанные имъ методы собесѣдованій съ хлыстами.

Обо всѣхъ этихъ бесѣдахъ старообрядцы и сектанты были извѣщены особыми объявленіями, выставленными на видныхъ мѣстахъ. Всѣмъ старообрядческимъ наставникамъ г. Новочеркасска эти объявленія были разосланы въ особыхъ пакетахъ. Объявленія о бесѣдахъ печатались и въ мѣстныхъ газетахъ. Старообрядцы и сектанты, правда, въ незначительномъ количествѣ, все-таки посѣщали эти бесѣды.

Вѣстникъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“.

∞ *Клятвы соборовъ и клятвы отцовъ.* Въ газетахъ промелькнуло какъ-то извѣстіе, что предполагаемый соборъ Русской церкви, въ видахъ сближенія нашихъ старообрядцевъ съ православіемъ, долженъ будетъ снять съ нихъ клятвы большого Московскаго Собора. Кто знакомъ съ опредѣленіемъ послѣдняго Собора, тотъ знаетъ, на комъ и за что лежатъ его пореченія. „Сіе наше соборное повелѣніе и завѣщаніе“...—гласятъ дѣянія Собора 1667 года—„передаемъ и повелѣваемъ всѣмъ неизмѣнно хранити и покоритися святѣй восточнѣй церкви, аще ли же кто не поступитъ повелѣваемыхъ отъ насъ и не покорится святой восточной церкви и сему освященному собору или начнетъ прекословити и противитися намъ, и мы таковаго противника данною намъ властію отъ всесвятого и животворящаго Духа извергаемъ... отлучаемъ и чужда сотворяемъ отъ Отца и Сына и Святаго Духа, и проклятію и анаѳемѣ предаемъ, яко еретика и непокорника, и отъ Церкви Божіей отсѣкаемъ, дондеже уразумится и пріидетъ въ правду покаяніемъ“ (Мат. для ист. р. л. II, стр. 218—219). Отсюда ясно, что на ищущихъ единенія съ Православною Церковію и присоединившихся къ ней соборныя клятвы не простираются. Слѣдовательно, не въ этихъ клятвахъ таится причина средостѣнія между православіемъ и расколомъ.

Гдѣ-же она? Что препятствуетъ примирительному движенію раскольниковъ-старообрядцевъ съ Православною Церковью? Чѣмъ заглушается материнскій голосъ Церкви въ сердцахъ старовѣровъ? Отвѣтъ на эти вопросы мы находимъ въ статьѣ „Первые плоды вѣротерпимости“, помѣщенной въ № 10477 „Нов. Времени“. „Вся стойкость старообрядчества, по словамъ одного послѣдователя старой вѣры, держится на страшныхъ заклятіяхъ, положенныхъ умершими дѣдами и отцами на своихъ внуковъ и дѣтей, чтобы они отнюдь не „общились“ съ членами господствующей Церкви“. Свидѣтельство это правдиво и не можетъ не обращать на себя вниманія. Пишущій эти сроки опытно знаетъ, что послѣднимъ препятствіемъ къ присоединенію къ Православной Церкви не рѣдко служитъ заклятіе родителей держаться своей вѣры. Когда доводы и доказательства въ пользу истины Православія сдѣлали свое дѣло, когда, повидимому, не осталось препятствій къ присоединенію даннаго лица къ Православной Церкви, усилія миссіонера, точно о гранитную скалу, разбиваются о могучую препону отцовскихъ клятвъ. И это нужно сказать не только о раскольникахъ-старообряд-

цахъ. Подобныя заклятія, какъ это видно изъ свидѣтельствъ миссіонеровъ, существуютъ и въ средѣ сектантовъ-штундистовъ.

Что въ такихъ случаяхъ дѣлать миссіонеру? Конечно, онъ долженъ указать на извѣстныя слова Господа Своимъ ученикамъ о любви къ Нему (Мѳ. 10, 37), привести въ примѣръ отвѣтъ св. апостоловъ начальникамъ іудейскимъ (Дѣян. 4, 19) и проч. А миссіонеръ-пастырь данною ему властью взять и рѣшать (Іоан. 20, 21—23) можетъ и долженъ снять страшное для потомковъ родительское заклятіе, какъ не соотвѣтствующее духу ученія Христова. (См. Е. В.).

∞ *Печальныя знаменія времени.* Преосвященный Гурій, епископъ Симбирскій, усмотрѣвъ въ журналахъ благочинническихъ собраній демонстративную настроенность духовенства противъ епархіальной власти, къ свѣдѣнію духовенства епархіи опубликовалъ резолюцію, въ которой, между прочимъ, говорится о такихъ непорядкахъ въ собраніяхъ духовенства: „собраніемъ духовенства завладѣваютъ двое-трое изъ молодыхъ священниковъ, проникнутыхъ крайнимъ либерализмомъ въ своихъ сужденіяхъ по современнымъ теченіямъ жизни и съ дерзостію настаивающихъ, чтобы всѣ соглашались съ ихъ разсужденіями,— при чемъ никакихъ возраженій они не допускаютъ: прямо забиваютъ словами въ два-три голоса, повышаемаго на нѣсколько тоновъ до крика. При такихъ хаотическихъ разсужденіяхъ на благочинническихъ съѣздахъ духовенства, по сознанію благочестныхъ іереевъ, приходится подписываться къ постановленіямъ собраній противъ совѣсти потому только, что такъ рѣшаетъ вопросъ большинство присутствующихъ, подъ вліяніемъ верховодовъ собранія. Въ виду этого я полагалъ бы тѣ благочинническіе округа, гдѣ имѣются либерально-ярые священники, озлобленные противъ епархіальной власти, совершенно освободить отъ обсужденія вопросовъ изъ современной церковно-общественной жизни, по предложеніямъ епархіальнаго начальства. Сами по себѣ пусть они судятъ-рядятъ о нихъ сколько угодно и какъ угодно“ („Симб. Еп. Вѣд.“ № 6, ч. офф. отр. 58—59).

∞ *О духовныхъ слѣдователяхъ.* Во „Владикавказскихъ Еп. Вѣдом.“ пишутъ: „Оффиціальный слѣдователь въ духовномъ вѣдомствѣ есть излишняя, ненужная намъ личность по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) Слѣдователь этотъ все равно такой же юристъ, какъ и всѣ прочіе пастыри. Образовательный цензъ его ничуть не превышаетъ ценза и прочихъ—всѣ семинаристы, да иногда и не окончившіе. Спрашивается, зачѣмъ отличать, выдѣлять, дѣлать своего рода начальствомъ этого одного счастливца изъ среды другихъ десятковъ, когда и я, и другой и пятый и десятый вполнѣ можемъ справиться по руководствамъ съ любымъ нашимъ слѣдствіемъ въ станицѣ?..

2) Послѣ этого къ чему обременять платою особыхъ суточныхъ и проѣздныхъ этому „форменному“ слѣдователю, проѣзжающему иногда за цѣлые пять десятковъ верстъ на тройкѣ, когда и все то слѣдствіе двухъ грошей не стоитъ? Далѣе, они напрасно только безпокоятъ причты, затягивая веденіе слѣдственныхъ дѣлъ. Мы не говоримъ ужъ здѣсь про слѣдствія надъ причтомъ... Сначала пишутъ причту: „дать свѣдѣнія“, „выслать метрику одну, другую, третью“, „копію прислать“, „подлинникъ списать“, „справки навести“, „удостовѣреніе прислать“,

„свидѣтелей прислать“, „допросить родителей“, „къ присягѣ привести“, „правда это или нѣтъ—узнать“, „крестъ прислать, евангеліе выдать, епитрахиль принести“, „придти въ общественную квартиру“, „вновь туда же явиться“, „новое удостовѣреніе написать“... Не лучше-ли устроить такъ: слѣдовательскую должность уничтожить, всѣ слѣдственныя дѣла по приходу поручать мѣстному причту; слѣдствія надъ священниками по проступкамъ важнымъ производить комиссіи окружныхъ священниковъ, съ обязательнымъ условіемъ—не назначать въ комиссію враговъ подсудимаго, тяжбы между причтомъ разбирать домашнимъ образомъ непосредственно или архіерею, или самимъ окружнымъ священникамъ по порученію владыки, т. е. учинить самосудъ, цѣлью котораго должно быть не наказаніе, а примиреніе; путевыя издержки взыскивать не съ церкви, а съ обвиняемыхъ. Тогда жалобы уменьшатся, прекратятся и суды“. („Владик. Еп. Вѣд.“).

∞ *Дайте свѣту!* Подъ такимъ заглавіемъ помѣщена въ „Вятск. Епарх. Вѣдом.“ статья свящ. Ардашева, рисующая намъ крайнюю религіозную темноту далекихъ вотскихъ уголковъ. Вотяки, говоритъ авторъ, „по плоти и духу—язычники и христіане—по имени. Христіанство коснулось лишь только верхушекъ. Знаютъ они, что они христіане, крещеные, что „Кристосъ“—Богъ, что родится ребенокъ—крестить надо, выростетъ—женить, а умретъ похоронить: постомъ нужно на „сповѣдь кодить“, предъ смертію также, а то „коронить“ не станутъ. Въ извѣстное время надо принимать „бачка“, иконы,—молиться по русски. Этимъ и исчерпывались познанія въ христіанствѣ и отношенія къ нему шудзимонцевъ и подобныхъ имъ.—При всемъ этомъ не слѣдуетъ забывать и крѣпко хранить завѣты языческой старины—править моленія и праздники злымъ и добрымъ богамъ, оканчивающіеся обыкновенно грязнымъ разгуломъ, варить кумышку, существенно необходимую принадлежность всѣхъ языческихъ моленій и праздниковъ, слушаться своихъ „тунно“ и пр. Однимъ словомъ, „русской вѣра править и свой не забывать“.

Подобное религіозное состояніе—даже и не двоевѣріе, какъ называютъ его нѣкоторые миссіонеры. Нѣтъ, это язычество, язычество по убѣжденію, язычество во всемъ его мрачномъ безобразіи, слегка лишь прикрытое именемъ христіанства. На одной параллели съ религіознымъ состояніемъ, стоятъ умственное и нравственное развитіе вотяковъ. Невѣжество полное—если можно выразиться—цѣльное, нетронутое. Говори вотякамъ какую угодно небылицу—повѣрятъ. Скажи, что земля стоитъ на трехъ китахъ—безусловно повѣрятъ,—жена турецкаго царя родная дочь Шайтана—повѣрятъ,—тамъ-то летаетъ шестиглавый змѣй съ хвостомъ въ тысячу верстъ—повѣрятъ, а если посомнѣваются, покажи клочекъ печатной бумаги: тутъ, молъ, написано про это—окончательно повѣрятъ.

Нравственность, въ зависимости отъ язычества, приняла здѣсь чудовищно-уродливыя формы. Повальное пьянство, самый грязный развратъ—явленія, по взгляду вотяковъ, нормальныя, какъ освященныя стариной: старики такъ дѣлали, и намъ велѣли—„некорошо“ ломать стариковскій обычай“! Школъ у вотяковъ мало, и прививаются онѣ туго. Проповѣдь пастыря безплодна на каменной почвѣ.

Ни откуда нѣтъ притока свѣта, чистаго воздуха!
Крѣпко спитъ вотякъ во тьмѣ и сѣни смертной...

Зато какой благодатной почвой является вотякъ для всякаго рода спекуляцій, то чудовищно гнусныхъ, ужасныхъ, отъ которыхъ „горькою болью сжимается сердце, злобно безсильныя слезы текутъ“, то—смѣшныхъ до упаду, до гомерическихъ слезъ. Спекулянты—шарлатаны обыкновенно изъ числа мелкихъ торгашей—татаръ, различныхъ Юсупокъ, Галеевъ, Ахматовъ. Они пророчествуютъ, нашептываютъ, лѣчатъ, ворожатъ, торгуютъ, воруютъ, пируютъ, развратничаютъ. При торговлѣ немилосердно обманываютъ. И не перечтешь всего.

При всемъ этомъ, Юсупки—желанные гости вотяковъ. Эксплоатируя самымъ безсовѣстнымъ образомъ простосердечіе и невѣжество вотяковъ, Юсупки всѣ силы употребляютъ къ тому, чтобы возможно дольше удержать ихъ въ темномъ язычествѣ“.

Про однихъ ли только вотяковъ можно сказать: „свѣту сюда! побольше свѣту“! Не относится ли это ко всей Руси, утопающей нынѣ въ тинѣ невѣрія, лжи, человѣконенавистничества и злобы! Вся Русь нуждается въ тѣхъ, кто можетъ и силенъ дать ей истинный свѣтъ правды Христовой...

☙ *Дерзкое нападеніе злоумышленниковъ на монаховъ, охраняющихъ святой колодезь Тихоновой пустыни.* Въ срединѣ темной ночи съ 15 на 16 апрѣля завѣдывающій братіею на святомъ колодцѣ Тихоновой пустыни, старецъ 73 лѣтъ, іеромонахъ Порфирій былъ разбуженъ нѣсколькими послѣдовательными ударами въ окно своей келіи, при чемъ было разбито 4 стекла. Встревоженный, онъ вскочилъ съ постели и съ крикомъ бросился изъ келіи съ цѣлію ударить въ колоколъ, висѣвшій у его крыльца, но едва отворилъ дверь—его схватили за плечи два злоумышленника и со словами „стой, куда ты“, повалили на полъ, одинъ схватилъ его ноги, другой сталъ колѣномъ на грудь и началъ душить; старецъ посильно сопротивлялся и громко кричалъ. Тогда одинъ изъ злоумышленниковъ снялъ съ себя кушакъ и крикнулъ: „молчи“, „бей его“! а другой зажегъ спичку и осматривался, какъ бы что отыскивая, вѣроятно, впослѣдствіи найденный здѣсь желѣзный гвоздодеръ. Человѣкъ, душившій о. Порфирія, снялъ съ себя кушакъ, стараясь обмотать его вокругъ шеи и головы старца, но послѣдній все еще продолжалъ сопротивляться. Тогда злоумышленникъ сталъ втискивать ему въ ротъ кушакъ и о. Порфирій не могъ уже звать на помощь. Въ этотъ моментъ послѣдовали удары въ колоколъ, находящійся надъ окномъ церкви. Раздался крикъ двухъ другихъ злоумышленниковъ „не смѣй звонить“ и одинъ за другимъ произведены два выстрѣла въ монаха Агапита, выскочившаго изъ своей келіи на стоны и крики о. Порфирія. Корпусъ, въ которомъ находится келія о. Агапита, расположенъ по другую сторону двора. Бросившись въ одномъ нижнемъ бѣльѣ къ тому колоколу, въ который обыкновенно звонятъ къ правилу, онъ нашелъ веревки и съ помощью ихъ вскочилъ на нижнюю обшивку стѣны церкви, ухватившись лѣвою рукою за косякъ окна и тогда досталъ веревку и сталъ ударять въ колоколъ. Видимо эта веревка была умышленно подтянута или обрѣзана. Вторымъ выстрѣломъ Агапитъ слегка раненъ нѣсколькими дробинами въ ногу, онѣ, въ числѣ около 60, пробили рубаху о. Агапита и глубоко

засѣли въ обшивкѣ церкви. Повидимому выстрѣлъ былъ произведенъ на близкомъ разстояніи отъ монаха Агапита и церкви, такъ какъ дробь попала въ стѣну кучею, занимая площадь въ діаметрѣ не болѣе 3—4 вершковъ. Вслѣдъ затѣмъ раздался крикъ плотника Громова, выбѣжавшаго изъ 3-го корпуса „ребята, вставайте на помощь". Раздался третій выстрѣлъ по направленію къ Громову и этимъ выстрѣломъ сдѣлана пробоина въ стеклѣ двери и отщеплены кусочки косяка, другой внутренней двери. Сплющенная револьверная пуля найдена впослѣдствіи здѣсь же на полу. Въ это время о. Порфирія злоумышленники уже оставили и онъ направился въ свою келію, а о. Агапитъ бросился было къ колокольнѣ, чтобы ударить въ большой колоколъ, но его не пустили, при чемъ злоумышленники кричали: „гдѣ у васъ здѣсь находятся монахи, у которыхъ деньги, веди насъ къ нимъ", но тутъ же кто-то изъ нихъ крикнулъ: „ша, ша", что вѣроятно, было сигналомъ къ отступленію и злоумышленники направились въ ворота, которыя по случаю ремонта забора на замокъ не запирались и уже вѣроятно заранѣе ими были отворены. О. Агапитъ слышалъ, какъ одинъ изъ злоумышленниковъ сказалъ „поѣдемъ" и вслѣдъ затѣмъ раздался топотъ копытъ и стукъ колесъ. Надо полагать, злоумышленниковъ ожидали у святыхъ воротъ одна или нѣсколько подводъ. Сторожъ монахъ совершалъ свой обходъ въ эту ночь до 12 часовъ. Всѣхъ монаховъ, вмѣстѣ съ о. Порфиріемъ, на святомъ колодцѣ находилось 6 человѣкъ, а плотниковъ ночевало здѣсь въ эту ночь 8 человѣкъ. Никто изъ бывшихъ на святомъ колодцѣ заявить объ этомъ событіи въ обитель не пошелъ до 6 час. утра и такимъ образомъ злоумышленникамъ была полная возможность скрыть свои слѣды. Мѣстный полицейскій урядникъ, находившійся по дѣламъ службы въ участкѣ, узналъ объ этомъ происшествіи только въ началѣ 12 часа дня. Найденный на мѣстѣ преступленія желѣзный гвоздодеръ имѣетъ въ длину 12 вершковъ и вѣситъ 3 фунта. Злоумышленники проникли во дворъ свободно, такъ какъ ограда въ двухъ мѣстахъ, вслѣдствіе ремонта, была разобрана. („Калуж. Губерн. Вѣдом." № 41).

∞ *Постановленіе 2 го округа Аккерманскаго уѣзда*, состоявшееся 8-го февраля.

1. Усилить энергію пастырей Церкви настолько, чтобы они во всякое время были готовы отвѣчать на всѣ требованія прихожанъ, чтобы интересы прихожанъ въ религіозно-нравственномъ, просвѣтительномъ и благотворительномъ отношеніяхъ были бы насущною потребностью пастыря прихода; объединить интересы пастыря и прихожанъ такъ, чтобы каждый пастырь заботился прежде всего о пасомыхъ. 2. Самую существенную помощь прихожанамъ пастырь можетъ оказать въ дни голодовокъ и другихъ несчастныхъ случаевъ, при помощи церковно-приходскихъ попечительствъ. Посему необходимо открыть во всѣхъ приходахъ церковно-приходскія попечительства, которыя будутъ производить всякія пожертвованія по положенію о попечительствахъ и, между прочимъ, на поддержку бѣдныхъ прихожанъ въ несчастныхъ случаяхъ. 3. Открыть церковно-приходскія совѣты, въ составъ которыхъ входило бы не больше 12 членовъ изъ людей благонадежныхъ и испытанныхъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи. 4. Открыть по мѣрѣ возможности общія церковно-приходскія собранія по предпо-

ложенію окружного благочиннаго, на которыхъ онъ долженъ на первыхъ порахъ присутствовать для руководства и совѣта. 5. При обновленіи жизни прихода необходимо предъявить новыя требованія и къ псаломщикамъ, которые и по нынѣшнему положенію должны быть помощниками для проведенія извѣстныхъ пастырскихъ идей въ жизни прихода, обращать особенное вниманіе на ихъ правоспособность: чтобы они и сами обладали хорошимъ голосомъ и могли бы устроить хоры пѣвчихъ изъ любителей прихожанъ и учениковъ и ученицъ церковныхъ школъ и народныхъ училищъ М. Н. Просвѣщенія, а также могли бы устраивать общее хоровое пѣніе въ церкви. Хорошее хоровое и общее пѣніе въ храмахъ, сопровождаемое отчетливымъ произношеніемъ словъ пѣснопѣній и молитвъ церковныхъ, глубоко западаютъ въ души и сердца молящихся и, какъ сѣмя, павшее на добрую почву, приноситъ обильный плодъ, такъ и всякій христіанинъ, проникнутый до глубины души хорошимъ мелодичнымъ пѣніемъ, можетъ получить любовь и привязанность къ церкви и всему, что въ ней видитъ и слышитъ. Псаломщиковъ, не способныхъ къ выполненію своихъ обязанностей, престарѣлыхъ и, въ особенности, съ крупными недостатками, увольнять безъ всякихъ предварительныхъ слѣдствій, по экзамену въ епархіальной комиссіи, или по суду товарищей округа. 6. Недоразумѣнія между членами причта и между причтомъ и прихожанами разрѣшать не нынѣшнимъ порядкомъ чрезъ духовныхъ слѣдователей, а предварительно сдавать таковыя на судъ товарищей и только въ серьезныхъ случаяхъ передавать разслѣдованію чрезъ слѣдователей.

Для выполненія всѣхъ указанныхъ мѣропріятій необходимо слѣдующее: усердіе и энергія—эти качества могутъ появиться у пастыря тогда, когда онъ настолько будетъ обезпеченъ, чтобы нужды его семьи не отвлекали его отъ прямыхъ пастырскихъ обязанностей, а для возбужденія безпрерывной энергіи и усердія въ пастырѣ церкви на пользу паствы нужно: 1. обезпечить священниковъ содержаніемъ, именно: къ нынѣшнему источнику дохода—арендной платѣ за землю—назначить жалованье отъ казны, чтобы священникъ вовсе не зависѣлъ отъ прихожанъ, а, напротивъ, чтобы самъ могъ помочь бѣднымъ прихожанамъ. Если же и при этомъ способѣ обезпеченія духовенства окажутся священники, которые будутъ вымогать у прихожанъ, таковыхъ немедленно лишить приходовъ. 2. Для образца веденія пастыремъ своего дѣла въ приходѣ нужно выписать руководства, которыя бы руководили пастыря, какъ вести пастырское дѣло въ приходѣ.

Вотъ тѣ мѣропріятія, которыя, по мнѣнію духовенства округа, могутъ способствовать наилучшей, при настоящихъ условіяхъ, постановкѣ вопроса объ устроеніи церковно-приходской жизни и пастырскихъ собраній.

∞ *Предложеніе Преосвященнаго Серафима Орловской духовной консисторіи.* „Въ городахъ интеллигенція, сочувственно относящаяся къ возрожденію приходской жизни и состоящая членами приходскихъ совѣтовъ, обратилась ко мнѣ съ просьбою относительно просвѣтительной дѣятельности приходовъ. Дѣло въ томъ, что не всѣ священники бываютъ способны проповѣдывать живымъ словомъ, вести собесѣдованія и даже читать произведенія св. отцевъ, а многіе очень заняты

требами. Поэтому необходима имъ помощь. Прихожане очень желали бы слушать религіозно-нравственныя чтенія. Поэтому прошу разъяснить чрезъ благочинныхъ всѣмъ священникамъ, что я разрѣшаю чтеніями заниматься не только клиру, но и мірянамъ, членамъ приходскихъ совѣтовъ и боголюбивымъ прихожанамъ, съ благословенія о.о. благочинныхъ и подъ наблюденіемъ настоятелей церквей. Есть міряне, которые съ любовью читаютъ въ церквахъ св. Апостолъ и Дѣянія; почему же имъ не читать на собраніяхъ творенія св. отцевъ, св. Тихона Задонскаго, св. Іоанна Златоустаго, Святителя Ѳеофана или такія книги, какъ „Духовныя основы жизни“ В. С. Соловьева. Это необходимо для поднятія интереса въ обществѣ къ религіозно-нравственнымъ вопросамъ. Но только эти чтецы должны быть люди, пользующіеся довѣріемъ духовенства. Собранія должны происходить разъ въ недѣлю“. („Орл. Еп. Вѣд.“ № 13).

∞ *Миссіонерскія собесѣдованія со старообрядцами въ г. Новочеркасскѣ.* 20—23 апрѣля сего года въ зданіи Новочеркасской народной читальни происходили публичныя собесѣдованія миссіонеровъ протоіерея Н. Кутепова и свящ. І. Артемьева съ защитниками старообрядчества (австрійскаго окружническаго толка) К. А. Перетрухинымъ и его сыномъ І. К.

20-го (съ 4 ч. веч.) была проведена бесѣда о вѣчности церкви Христовой, о необходимости въ ней епископскаго служенія; 21-го (съ 5 ч. веч.) о незаконности по суду церковныхъ каноновъ перехода м. Амвросія въ старообрядческую бѣлокриницкую общину; 22-го (съ 10 ч. у.) о томъ же и 23-го (съ 4 ч. веч.) о измѣненіи обрядовъ русской церкви со времени патріарха Никона и о клятвахъ соборовъ 1666—1667 гг.

О. протоіерей Кутеповъ обличалъ неправоту старообрядчества доводами св. Библіи и книги Кормчей. Защитники старообрядчества уклонялись отъ прямыхъ обличеній и уходили въ церковно-историческія частности. На полѣ историческихъ и каноническихъ справокъ съ полнымъ успѣхомъ обличилъ неправоту старообрядческой защиты о. І. Артемьевъ. Бесѣды были заключены прочувствованной рѣчью о. Кутепова, въ которой онъ вручалъ посѣянное миссіей возращающей силѣ Божіей и убѣждалъ слушателей просить Господа о дарованіи общаго мира и единенія всѣхъ.

О фотографическомъ снимкѣ правой руки преп. Спиридонія просфорника.

Въ 3-мъ номерѣ „Старообрядца“ напечатана статья подъ заглавіемъ: „Правая рука мощей преп. Спиридонія просфорника“, а послѣ статьи, на стр. 294, помѣщенъ рисунокъ руки преп. Спиридонія, лежащаго во гробѣ, покрытомъ покровомъ. Подъ рисункомъ подписано: „Фотографическій снимокъ правой руки преп. Спиридонія просфорника“.

Въ пояснительной статьѣ къ этому рисунку между прочимъ говорится: „Съ 1864 года стали печатать въ предисловіи къ синодальнымъ псалтырямъ, что правая рука мощей преп. Спиридонія просфорника имѣетъ триперстное сложеніе. Вотъ что объ этомъ читаемъ въ „Псалтири“: *„Желающій несомнѣннаго древняго свидѣтеля собственными очами видѣти, да идетъ во святую кіево-печерскую лавру въ пещеры къ святымъ мощамъ препод. Спиридона просфорника, и узритъ десницу его, яже, якоже въ часъ кончины своея троеперстно сложи ю для крестнаго знаменія, тако сложеною пребываетъ и донынѣ близъ седми сотъ лѣтъ“* [1]). (Предислов. къ учебн. Псалтир. л. 10, изд. Москва 1898 г.).

...„Пастыри правительственной церкви не представили, при этомъ сказаніи, снимка съ руки преп. Спиридонія“... Однако нѣкоторые старообрядцы сами позаботились восполнить этотъ пробѣлъ и сняли фотографическій снимокъ съ руки преп. Спиридонія. Что же оказывается? Оказывается, что рука эта не имѣетъ никакого перстосложенія: она сложена просто въ кулакъ, только не плотно, такъ что большой палецъ лежитъ на второмъ суставѣ указательнаго, концомъ наружу, а концы остальныхъ пальцевъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ладони. Какъ же изъ такого положенія пальцевъ сдѣлать триперстіе? А очень просто: эту руку показываютъ большимъ пальцемъ къ зрителю, такъ что онъ загораживаетъ концы остальныхъ пальцевъ, и выходитъ какъ будто и въ самомъ дѣлѣ триперстіе. Это всякій можетъ испытать на своей рукѣ.

„По представленному при семъ фотографическому снимку съ руки мощей преп. Спиридонія всякъ наглядно можетъ убѣдиться, сколько правды въ проповѣди Синода, будто она имѣетъ триперстное сложеніе“ (Старообр. № 3, стр. 293).

Очевидно снимокъ сдѣланъ старообрядцами съ цѣлію обличить Синодъ въ томъ, что рука не имѣетъ триперстнаго сложенія. Снятый старообрядцами рисунокъ, по словамъ старообрядца, показываетъ, что рука „сложена просто въ кулакъ, только неплотно... концы остальныхъ пальцевъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ладони. Это разсужденіе показываетъ колебаніе старообрядца въ своихъ сужденіяхъ. Онъ положительно говоритъ: рука „сложена просто въ кулакъ“, но своими оговорками — „неплотно“, „концы пальцевъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ладони“—опровергаетъ свою мысль—„сложена въ кулакъ“, а доказываетъ, что рука не сложена.

И въ самомъ дѣлѣ—персты указательный и великосредній протянуты мало наклонно, а безъимянный и мизинецъ видятся согбенными, но насколько они согнуты?—Рисунокъ точнаго отвѣта не даетъ.

---

[1]) Курсивъ «Старообрядца».

Большой палецъ только боковой стороной виднѣется изъ подъ указательнаго перста, а концомъ своимъ даже немного выдается вправо изъ подъ покрывающаго его указательнаго перста. И видится: Большой и указательный персты плотно соединены, изъ которыхъ—указательный перстъ покоится на большомъ,—средній перстъ нѣсколько отклонился отъ указательнаго перста, но, хотя неплотно, примыкаетъ къ нему; однако онъ также вытянутъ, какъ и указательный. Однимъ словомъ—три первые перста протянутые составляютъ троеперстіе.

И самъ составитель объяснительной статьи къ рисунку невольно проговаривается, что рисунокъ изображаетъ троеперстіе. Онъ говоритъ: „большой палецъ лежитъ на второмъ суставѣ указательнаго, концомъ наружу“ (другими словами—большой палецъ лежитъ подъ указательнымъ), „а концы остальныхъ пальцевъ“ (отдѣляемые большимъ пальцемъ отъ ладони) „въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ладони“. „Какъ же изъ такого положенія пальцевъ сдѣлать триперстіе?“—спрашиваетъ составитель статьи, и отвѣчаетъ: „А очень просто: эту руку показываютъ большимъ пальцемъ къ зрителю, такъ что онъ загораживаетъ (а на рисункѣ большой-то палецъ загороженъ указательнымъ) концы остальныхъ пальцевъ, и выходитъ какъ будто и въ самомъ дѣлѣ три перстіе. Это всякій можетъ испытать на своей рукѣ“. Да, слѣдуетъ только сложить персты триперстно. Такъ, и старообрядцу совѣсть подсказываетъ, что перстосложеніе у преп. Спиридона триперстное,—„выходитъ какъ будто и въ самомъ дѣлѣ триперстіе“, — но упорство въ отрицаніи истины вынуждаетъ его утверждать, что „рука эта не имѣетъ никакого перстосложенія: она сложена просто въ кулакъ“!

Еще одно замѣчаніе. Сколько извѣстно,—рука, положенная на грудь, имѣетъ большой палецъ обращенный къ головѣ, а мизинецъ — къ ногамъ, а здѣсь наоборотъ. Странно. И разъясненіе къ рисунку и самый рисунокъ тщатся одинаково превратно изложить обличающее раскольниковъ свидѣтельство древности троеперстія.

1906. Іюнь. XI.

МИССІОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЖУРНАЛЪ ВНУТРЕННЕЙ МИССІИ.

№ 6

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Т-ва «СВѢТЪ» Невскій, 136. 1906.
Редакція „Миссіонерск. Обозр." Невскій, 153. Телеф. № 5226.

Содержаніе іюньской книжки

журнала „Миссіонерское Обозрѣніе“ за 1906 годъ.

По общимъ вопросамъ православной вѣры и церковной жизни.

Мѣры къ уничтоженію русской иконописи. (Матеріалы къ исторіи современнаго иконоборства). *Карелинъ* . . . . . 785—796

Герценъ и наши дни. *Н. М. Соколовъ* . . . . . 797—819

Правда о занятіяхъ духовенства сельскимъ хозяйствомъ. Свящ. *Семенъ Поповъ* . . . . . 820—834

Миссіонерскій отдѣлъ.

Централизація миссіи. *П. Маріупольскій* . . . . . 835—838

По сектовѣдѣнію.

Распредѣленіе сектъ по религіямъ. (Докладъ VI отдѣлу предсоборнаго присутствія). *П. Айвазовъ* . . . . . 839—847

По расколовѣдѣнію.

Нужна ли спеціальная миссія противъ раскольниковъ и сектантовъ? Священ.-миссіонеръ *Алексѣй Сокольскій* . 848—853

Бесѣда со старообрядцемъ „Спасова“ согласія по вопросу о таинствѣ „Покаянія“. Самарскій епарх. миссіонеръ свящ. *Д. Александровъ* . . . . . 854—869

ХРОНИКА.

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи Церкви.

„Паутина“, политическій романъ въ 3-хъ частяхъ. *В. П. Крыжановскій*. „Русскій Вѣстникъ“, 1906 г. № 1, 2, 3 и 4. *С. Литвинъ* . . . . . 870—884

„Молоканскій Вѣстникъ“. Миссіонеръ *Кормилинъ* . . . . . 885—887

Свящ. С. Брояковскій. Церковно-приходская лѣтопись. Вып. II. Кіевъ. *П. Козицкій* . . . . . 887—888

По общимъ вопросамъ вѣры и церковной жизни.

Мѣры къ уничтоженію русской иконописи [1]).

(Матеріалы къ исторіи современнаго иконоборства).

Въ виду огромнаго историческаго значенія разнородности взглядовъ Государя и Св. Синода на одинъ и тотъ же предметъ—иконописаніе,—для полноты картины, которой посвящена настоящая статья, я приведу полностію указъ и опредѣленіе Св. Синода, чтобы имѣть возможность сдѣлать на него ссылки.

„Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Владимірскому губернскому правленію. По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ *слушали*: 1) три прошенія уполномоченныхъ сельскими обществами, Мстерскимъ, Палеховскимъ, Вязниковскаго уѣзда, крестьянъ: Александра Купчихина, Петра Бороздина и учителя иконописной школы Михаила Цѣпкова, изъ коихъ одно, отъ 19 мая сего года на имя первенствующаго члена Святѣйшаго Синода преосвященнаго митрополита кіевскаго, и два отъ 16-го того же мая и 12 августа сего года, на имя Святѣйшаго Синода, — съ жалобою на выдѣлку московскими фабрикантами Жако и Бонакеръ иконъ на жести и съ просьбою или совсѣмъ запретить изготовленіе означенныхъ иконъ, или не дозволять духовнымъ учрежденіямъ пріобрѣтеніе и продажу этихъ иконъ, а также иконъ на бумагѣ, набитыхъ или наклеенныхъ на доски; 2) прошенія по тому же предмету крестьянъ-иконописцевъ

1) См. „Миссіонерское Обозрѣніе“, № 5.

села Холуя того же уѣзда; 3) донесеніе преосвященнаго митрополита московскаго отъ 12 іюля сего же года за № 368, о томъ, что изготовляемыя вышеупомянутыми фабриками иконы выпускаются въ обращеніе не иначе, какъ съ дозволенія духовной цензуры и съ указаніемъ на вѣроисповѣдную принадлежность владѣльцевъ сихъ фабрикъ, и 4) предложеніе, 17 августа сего года за № 5508, исполнявшаго обязанности синодальнаго оберъ-прокурора, отношенія управляющаго министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ отъ 5 августа того же года за № 246, съ отзывомъ по предмету означенныхъ ходатайствъ вышеупомянутыхъ иконописцевъ. *Приказали*: Уполномоченные сельскихъ обществъ, Мстерскаго и 1-го и 2-го Палеховскихъ Вязниковскаго уѣзда, крестьяне Александръ Купчихинъ и Петръ Бороздинъ и учитель иконописной школы Михаилъ Цѣпковъ въ прошеніяхъ отъ 16-го и 19 мая сего года, изъ коихъ первое, на имя Святѣйшаго Синода, а второе—на имя первоприсутствующаго члена онаго, преосвященнаго митрополита кіевскаго, ходатайствуютъ о воспрещеніи производства иконъ на жести, выдѣлываемыхъ московскими фабрикантами Жако и Бонакеръ, или же по крайней мѣрѣ о недозволеніи всѣмъ духовнымъ учрежденіямъ пріобрѣтать и продавать эти иконы, а также иконы на бумагѣ, набитыя или наклеенныя на доски, объясняя, что съ развитіемъ фабричнаго производства всѣхъ этихъ иконъ и установленіемъ по сему сравнительной дешевизны ихъ, невозможно существованіе иконописнаго промысла, которымъ занято нынѣ до 3,800 человѣкъ, проживающихъ въ селахъ Мстерѣ и Палехѣ, не считая жителей окрестныхъ селъ и деревень, занимающихся другими промыслами, вызываемыми иконописаніемъ, и насчитываемыхъ въ одномъ только 2-мъ участкѣ Вязниковскаго уѣзда до 32,000 человѣкъ, которымъ по указанной причинѣ грозитъ разореніе. Затѣмъ, при прошеніи отъ 12 августа сего года тѣ же лица, въ доказательство непочтительнаго отношенія къ святынѣ фабрикантовъ печатныхъ иконъ на жести, представили жестяной ящикъ изъ-подъ масла, сдѣланный изъ таковыхъ иконъ. Кромѣ крестьянъ, иконописцы с. Холуя того же уѣзда въ прошеніи Святѣйшему Синоду отъ 30 іюня сего года излагаютъ такъ же ходатайства. Независимо сего управляющій министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, отношеніемъ отъ 5 августа сего года за № 246, сообщилъ г. синодальному оберъ-прокурору, что кустари

иконописцы Вязниковскаго уѣзда обратились въ министерство земледѣлія съ просьбою о поддержаніи передъ Св. Синодомъ ходатайства ихъ о недопущеніи въ монастыряхъ, церквахъ и подвѣдомственныхъ Св. Синоду учрежденіяхъ иконъ, изготовляемыхъ фабричнымъ способомъ посредствомъ печатанія на жести. Посему, и въ виду того, что кустарнымъ иконописнымъ промысломъ въ Вязниковскомъ уѣздѣ занимается все мужское и большая часть взрослаго женскаго населенія села Холуй, селъ Мстеры и Палехъ и нѣкоторыхъ другихъ селеній, всего свыше 8,000 человѣкъ, а также значительное число кустарей въ Харьковской губ. и другихъ мѣстностяхъ Россіи, и что конкуренція дешевыхъ печатныхъ иконъ фабричнаго издѣлія безъ сомнѣнія понизитъ спросъ на болѣе дорогіе образа ручной живописной работы, и тѣмъ лишитъ многихъ кустарей иконописцевъ ихъ единственнаго источника существованія,—тайный совѣтникъ баронъ Икскуль проситъ г. оберъ-прокурора не оставить безъ вниманія вышеозначеннаго ходатайства кустарей иконописцевъ Вязниковскаго уѣзда. Изъ доставленныхъ преосвященнымъ митрополитомъ московскимъ, по запросу Св. Синода, свѣдѣній относительно представленія въ духовную цензуру изготовляемыхъ московскими фабриками Жако и Бонакеръ иконъ и вѣроисповѣдной принадлежности собственниковъ сихъ фабрикъ оказывается: 1) всѣ иконы, изготовляемыя означеннымп фабриками, печатаются и выпускаются въ обращеніе не иначе, какъ съ разрѣшенія согласно требованій 277 ст. ценз. уст. изд. 1890 года, и разрѣшенія печатаются на каждой иконѣ, и 2) Августъ Жако—французскій гражданинъ, постоянно живущій въ Парижѣ, вѣроисповѣданія римско-католическаго и главный уполномоченный директоръ фабрики и распорядитель всего дѣла въ Москвѣ французскій гражданинъ Генрихъ Ландрю, на имя котораго и выдано свидѣтельство на право производства печати изъ канцеляріи Его Императорскаго Высочества генерала-губернатора, постоянно живетъ въ Москвѣ и вѣроисповѣданія римско-католическаго. Завѣдующимъ же фабрикою по довѣренности состоитъ московскій мѣщанинъ Владиміръ Париковъ, вѣроисповѣданія православнаго. Владиміръ Бонакеръ прусскій подданный, живущій постоянно въ Россіи, вѣроисповѣданія лютеранскаго. Обсудивъ изложенное и принимая во вниманіе, 1) что всѣ изготовляемыя на фабрикахъ Жако и Бонакеръ иконы на жести выпускаются въ обращеніе съ разрѣшенія духовной цензуры, 2) что къ

воспрещенію иконъ на жести не оказывается достаточныхъ основаній ни въ канонахъ, ни въ преданіяхъ православной церкви, такъ какъ отъ прежняго времени и донынѣ не мало сохранилось металлическихъ священныхъ изображеній, 3) что въ силу 100-й ст. устава о пред. и пресѣч. прест. т. XIV, изданія 1890 года, изготовленіе и продажа предметовъ чествованія христіанъ воспрещается лишь не христіанамъ, а собственники вышеупомянутыхъ фабрикъ принадлежатъ хотя и не къ православнымъ, но христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ, а завѣдующій фабрикою Жако православный, 4) что указываемое просителями и управляющимъ министерствомъ земледѣлія г-ну синодальному оберъ-прокурору, что кустари-иконописцы Вязниковскаго уѣзда обратились въ министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ, съ вопросомъ объ устраненіи экономическихъ затрудненій кустарей-иконописцевъ, происходящихъ отъ распространенія издѣлій вышеупомянутыхъ фабрикъ, не можетъ быть предметомъ заботы духовнаго вѣдомства и 5) что представленный при одномъ изъ прошеній уполномоченныхъ Мстерскаго и Палеховскихъ сельскихъ обществъ ящикъ изъ-подъ масла подлежитъ изъятію изъ обращенія, Св. Синодъ опредѣляетъ: 1) вышеупомянутыя ходатайства кустарей отклонить, и 2) предоставить г. оберъ-прокурору а) увѣдомить управляющаго министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, что Синодъ призналъ подлежащимъ особому обсужденію вопросъ о затруднительности положенія указанныхъ кустарей и б) войти съ кѣмъ слѣдуетъ въ сношенія о воспрещеніи обращенія предметовъ обихода, подобныхъ представленному уполномоченными. Для исполненія сего опредѣлилъ передать въ канцелярію оберъ-прокурора, а для объявленія просителямъ послать Владимірскому губернскому правленію указъ, каковымъ увѣдомить для свѣдѣнія и преосвященнаго митрополита московскаго. Октября 23 дня 1899 года".

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

„Отъ 6 февраля—3 мая 1902 года за № 564, о воспрещеніи съ 1 января 1903 г. продажи въ церквахъ и лавкахъ при церквахъ и монастыряхъ иконъ, печатанныхъ на жести. По возбужденному въ центральномъ управленіи Святѣйшаго Синода вопросу о воспрещеніи вся-

каго машиннаго производства печатныхъ подражаній рукописной иконѣ, Святѣйшій Синодъ, въ заботѣ о поддержаніи иконописнаго мастерства, опредѣленіемъ отъ 6 февраля—3 мая 1902 года за № 564, постановилъ: „объявить по духовному вѣдомству, чтобы въ церквахъ и монастыряхъ съ 1 января 1903 года не были продаваемы иконы, печатаемыя на жести“.

Я указалъ и разъяснилъ, добавивъ о новѣйшемъ пріемѣ — *непосредственнаго печатанія иконъ на деревянныя доски*, что такого типа не могло быть „въ преданіяхъ православной церкви“. Такимъ образомъ этотъ аргументъ является уже нынѣ отпадающимъ. Что касается до выраженія о томъ, что „и донынѣ не мало сохранилось металлическихъ священныхъ изображеній“, то и эта ссылка теряетъ въ настоящее время свой вѣсъ, какъ не приложимая и не примѣнимая къ *деревянной* иконной фальсификаціи. Несомнѣнно, что некому было обратить вниманіе на устарѣлость духовнаго цензурнаго устава 1890 г., хронологически не могшаго имѣть въ своихъ статьяхъ указываемой мною разновидности иконно-печатнаго *новшества, неминуемо вводящаго въ обманъ* почти каждаго не спеціалиста. Указъ Св. Синода ясно говоритъ о сознаніи лицъ, его писавшихъ, что наша *высшая духовная инстанція признаетъ печатную икону поддѣльной*, именуя таковую „подражаніемъ рукописной иконѣ“. Запрещеніе Св. Синодомъ продавать такія иконы въ подвѣдомственныхъ ему учрежденіяхъ есть указаніе на *непригодность* печатныхъ иконъ для пользованія ими православнымъ людомъ. Но указъ этотъ *не исполняется нигдѣ*.

Указъ Святѣйшаго Синода, изданный въ руководство торговцамъ, не имѣлъ и не имѣетъ того значенія, какое присуще обыкновеннымъ гражданскимъ законамъ. Не смотря на то, что указъ касался только лицъ прямо подчиненныхъ Св. Синоду, таковые не придали ему ровно никакого значенія, какъ будто его совсѣмъ не существовало. При отсутствіи контроля и карательныхъ мѣръ или принужденія исполнять указъ, а также при полной неразъясненности со стороны Св. Синода причинъ, вызвавшихъ его появленіе, также неудовлетворенія Св. Синодомъ основы ходатайства, запретить корень зла—печатаніе иконъ, указъ этотъ ничего не внесъ въ жизнь, кромѣ недоумѣнія на пассивность и безсиліе съ одной стороны и на злую волю со стороны торговцевъ. Еще до изданія указа, людьми свѣдущими предвидѣлись всѣ

случившіяся печальныя послѣдствія нежеланія видѣть въ печатной иконѣ, придѣланной къ доскѣ, поддѣлку подъ молельную рукописную икону, освященную вѣками. До появленія этихъ поддѣлокъ, которыя въ настоящее время вылились въ типъ тончайше предательской фальсификаціи посредствомъ *прямого печатанія* священныхъ изображеній непосредственно *на деревянныя доски*, въ Россіи функціонировали сто шестьдесятъ тысячъ иконописцевъ, считая въ этомъ числѣ и ходебщиковъ (скупщиковъ и торговцевъ иконами, тоже иконописцевъ). Поддѣлки подъ иконы въ настоящее время уменьшили, въ силу неравной и неправой борьбы, число иконописцевъ до шестидесяти тысячъ. Два упомянутыхъ нами ходатайства, окончившіяся буквально ничѣмъ, учрежденіе комитета попечительства о русскомъ иконописаніи, тоже ничего не сумѣвшаго добиться въ этомъ направленіи, выброшенная фабрикою за бортъ стотысячная армія иконописцевъ, ведшихъ свое дѣло отъ пра-пра-пра-дѣдовъ и ранѣе, все это довело нашихъ иконописныхъ тружениковъ до крайнихъ степеней законнаго недовольства. Если добавить ко всему этому неуваженіе свыше защиты чистоты рукописной иконы и сказавшееся въ результатѣ чуть ли не покровительство машиннымъ поддѣлкамъ, уже нанесшимъ православной иконописи жестокій, почти смертельный ударъ, то станутъ ясны тѣ волненія, которыя царятъ среди иконописцевъ, еще уцѣлѣвшихъ отъ погрома, въ которомъ побѣдоноснымъ фельдмаршаломъ былъ профессоръ Н. В. Покровскій. Державная воля, ясно высказанная при учрежденіи комитета, и, не имѣющій двухъ толкованій, Царскій наказъ о томъ, чего держаться въ дѣлѣ покровительства иконописанія, крѣпко поняты православными иконописцами, какъ истины, касавшіяся иконы и лелѣявшіяся въ сознаніи православнаго народа въ продолженіе вѣковъ. Видя Царскую волю нарушенною, нужды иконописанія нисколько не защищенными, въ декабрѣ 1905 года въ селахъ Владимірской губерніи Мстеры, Холуй и Палехъ, сплошь заселенныхъ иконописцами, возникла вновь мысль послать выборныхъ къ Государю съ просьбою, *по крайней мѣрѣ, заставить исполнять указъ Св. Синода*; что же касается до воспрещенія печатанія, то объ этомъ уже отложены были попеченіе и сколько-нибудь вѣскія надежды. Въ январѣ 1906 года депутаты отъ этихъ трехъ селъ по 2 человѣка отъ каждаго имѣли счастье представиться Государю и лично подать прошеніе. На словахъ они просили

о воспрещеніи производства печатныхъ фальсификацій иконъ и ходатайствовали „по крайней мѣрѣ“ объ исполненіи указа Св. Синода. Депутаціи были представлены Государю графомъ С. Д. Шереметевымъ, предсѣдателемъ комитета. *Государю благоугодно было обѣщать принять просьбу во вниманіе. Благочестивѣйшему* Государю не надлежало отнестись *иначе* къ ходатайству и депутаты-иконописцы, полные вѣры въ исполненіе ближайшими слугами Престола Царской воли, отправились въ свои села съ радостной вѣстью о Монаршемъ вниманіи. Для вѣрующихъ, свято чтущихъ завѣты старины и характеръ священныхъ предметовъ религіознаго обихода, признаніе законности бытія фальцифицированныхъ неправославной фирмою иконъ казалось немыслимымъ послѣ словъ самого Верховнаго Вождя земли православной. Каково же было изумленіе, горе и полная растерянность чаявшихъ движенія живой воды, когда пронесся невѣроятный слухъ о мнѣніи непосредственнаго исполнителя Государевой воли — Высочайше утвержденнаго комитета попечительства объ иконописаніи, совершенно по новому, вопреки всякому здравому смыслу остановившагося на мысли, никому доселѣ не приходившей въ голову! Слухъ передаетъ, что комитетъ *во исполненіе желанія Государя* пообѣщалъ принять всѣ мѣры, чтобы *печатаніе иконъ*, изъявъ изъ рукъ гг. Жако и Бонакеръ, *передать монастырямъ* и этимъ самымъ вышепомянутымъ *селамъ!* Дѣятели иконографіи просятъ запретить печатаніе, В. М. Васнецовъ, С. Д. Шереметевъ, Н. П. Кондаковъ высказывали громкій возмущенный протестъ противъ машиннаго производства, графъ И. И. Толстой всегда стоялъ противъ убійства ручной иконы машинною и вдругъ, комитетъ,—гдѣ подавляющее большинство этихъ лицъ съ незапятнанною идейною репутаціею высказывались въ унисонъ съ желаніемъ Государя, — приходятъ къ заключенію сдѣлать наихудшее, что только можно измыслить, а именно, *окончательно убить иконописаніе мелкихъ и среднихъ монастырскихъ иконописныхъ работъ и производство кустарей.* Всѣ разглагольствованія комитета объ эксплоатаціи капиталистами-кулаками мастеровъ, о борьбѣ съ кулачествомъ, — выразились въ этомъ мнѣніи въ намѣреніи окончательно вдвинуть машину и капиталиста въ это святое дѣло! Чѣмъ можно объяснить и оправдать подобное рѣшеніе? Церемоніей съ богатыми фабрикантами? Или же намѣреніемъ купить у нихъ машины и

все производство и предать все это уничтоженію,—если не хватаетъ здоровыхъ силъ добиться указа просто о запрещеніи печатанія? Бюрократическимъ недомысліемъ? Но вѣдь дѣятели, мною перечисленные, безусловно выдающагося ума и большого государственнаго опыта! Какъ объяснить повернувшійся курсъ большинства комитета въ лагерь профессора Н. В. Покровскаго, вопреки волѣ Государя? Вѣдь у комитета нѣтъ ни власти, ни права поступать наперекоръ ясному желанію Императора! А между тѣмъ комитетъ дотолковался до абсурда и до полнаго нарушенія Царскаго наказа... Неужели этотъ слухъ вѣренъ?

За одной бѣдой идетъ другая, а послѣ третьей и конца нѣтъ бѣдамъ. Надняхъ, черезъ владимірскаго губернатора депутаты получили обратно свое прошеніе,—*поданное лично Государю*, —при увѣдомленіи, что оно *оставлено безъ послѣдствій*. Дѣло дошло до такого положенія, что буквально никто ничего понять не можетъ. Да и можно ли что-либо понять, когда депутаты лично слышали слова Императора и Его обѣщаніе!

Я могу придумать лишь одно объясненіе такому бюрократическому лаконизму, который облекаетъ слова „оставлена безъ послѣдствій". Объясненіе это можетъ крыться въ здравомъ смыслѣ собранной Государевой Думы. Но остается ли надежда на будущую ея способность взглянуть на дѣло съ точки зрѣнія Государя и со стороны истинно православнаго воззрѣнія на цѣнность рукописной иконы? Будутъ-ли дорога большинству членовъ Думы нужды убиваемаго машиной ручного искусства? Найдутся-ли въ Думѣ люди хоть сколько-нибудь свѣдущіе въ искусствѣ? Послѣдній вопросъ не изъ послѣднихъ. Когда даже *профессоръ* Н. В. Покровскій, всю жизнь проведшій съ художественными памятниками церковной старины, не понимаетъ или не хочетъ понять, что произведенія Жако есть *новшество*, не имѣвшее хоть сколько-нибудь узаконенной давности, и если даже онъ не понимаетъ нелѣпости незапрещенія печатанія иконъ, *пока сама иконопись своею качественностью не убьетъ сама машину*, то что-же можно будетъ требовать или ожидать отъ состава Думы, въ которой не имѣется ни одного члена, хоть сколько-нибудь знакомаго съ искусствомъ и его нуждами? Остается надѣяться только на законопроектъ, который внесется въ Думу, съ обильными комментаріями. Но и здѣсь опять и опять вопросы. Кто составитъ такой проектъ? Комитетъ

попечительства объ иконописаніи?—Я указалъ на слухъ о его послѣднемъ невозможномъ мнѣніи. Н. В. Покровскій?—Радости не больше съ его „доколѣ". Св. Синодъ?—Онъ спроситъ мнѣніе Н. В. Покровскаго. Академія Художествъ?—Изъ нея вышли единственные два члена, понимавшіе нужды иконографіи въ связи съ нашимъ историческимъ народнымъ и церковнымъ укладомъ. Надежда только на приказъ Государя составить законопроектъ въ томъ истинномъ духѣ, какъ *Онъ* его понимаетъ.

Въ настоящее время слухъ о необычайномъ проектѣ комитета попечительства о русскомъ иконописаніи, къ полному и общему изумленію, оправдывается. Членъ комитета профессоръ Н. П. Кондаковъ предпринялъ въ концѣ апрѣля поѣздку по иконописнымъ селамъ владимірской губерніи съ очевидною цѣлью успокоить иконописцевъ, волнующихся послѣ „оставленнаго безъ послѣдствій" ихъ январьскаго ходатайства. *Успокоеніе* сказалось въ совѣтахъ проф. Н. П. Кондакова бороться съ печатными иконами *такими же, но лучшими, печатными иконами* самимъ Владимірскимъ иконописцамъ, для чего комитетъ рекомендуетъ соединиться имъ въ цехъ и обѣщаетъ матеріальную помощь на машины. Убивъ такимъ способомъ теперь мѣшающія иконописанію фабрики печатныхъ иконъ, можно-де будетъ вслѣдствіи пріуменьшить по своей волѣ таковое собственное производство. Излагать оцѣнку *такой мѣры* попечительства о преуспѣяніи и развитіи *рукописной* иконы я нахожу излишнимъ. Полагаю, что для всякаго очевидно, что комитетъ не вѣдаетъ, что творитъ, рекомендуя *мѣру къ уничтоженію иконописи?* Несомнѣнно, здравый смыслъ иконописцевъ не позволитъ имъ дѣлать то, противъ чего они борются. Русскій народъ вообще неспособенъ на компромиссы, и еще менѣе падокъ на сдѣлку съ убѣжденіемъ въ вопросахъ вѣры.

Нелѣпо надѣяться на то, что нашъ *темный* народъ *разберетъ* и предпочтетъ лучшую печатную школу худшей. Въ итогѣ — совѣтъ, предлагаемый проф. Н. П. Кондаковымъ, какъ членомъ комитета, въ корнѣ подрываетъ авторитетъ этого учрежденія, такъ блестяще начавшаго свою дѣятельность и пришедшаго къ изложенному позорному мѣропріятію. Нелѣпость совѣта проф. Н. П. Кондакова дѣлается еще очевиднѣе, когда припомнимъ, что комитетъ *не можетъ* дать

иконописцамъ на производство печатныхъ иконъ даже одной десятой капитала Жако, затраченнаго послѣднимъ на орудія своего производства. Успокоительная миссія Н. П. Кондакова—коварный и заслуживающій глубокаго порицанія дипломатическій изворотъ...

А тѣмъ временемъ многоколесный драконъ, питающійся огнемъ и горячимъ паромъ, изрыгаетъ сотни тысячъ и милліоны поддѣльныхъ иконъ, отъ которыхъ людъ православный вправѣ отворачиваться и идти на путь сомнѣній и къ началу неуваженія этихъ произведеній католика и лютеранина. Производство машинной иконы возрастаетъ съ непомѣрной быстротой. Не такъ давно представитель Жако обращался къ фабрикантамъ досокъ Владимірскихъ селъ, прося ихъ ставить ему иконныя доски. На вопросъ, сколько штукъ каждаго формата прислать *на пробу*, полученъ отвѣтъ.—„пришлите *вагонъ*“. Когда владимірцы спросили, сколько придется посылать досокъ потомъ, если пробы подойдутъ подъ требованія фирмы, довѣренный сообщилъ, что, по меньшей мѣрѣ, *по вагону еженедѣльно*. Владимірцы отказались за невозможностью поспѣвать готовить требуемое количество. И такъ, „доколѣ“ Н. В. Покровскій поджидаетъ *роста* ручного иконописанія, машина не можетъ уже довольствоваться всею тою массою досокъ, которую могутъ сработать *всѣ владимірцы*. Машина-драконъ *дожираетъ* рукописную икону!

Передъ нами остается во всей своей неприкосновенности практически неразрѣшенный новый иконоборческій вопросъ. Сведя въ одно общее все, что имѣется за и противъ печатной иконы и выяснивъ шаткость доводовъ ея защиты, я остановлю вниманіе на слѣдующихъ положеніяхъ. Святѣйшій Синодъ, своимъ указомъ, запрещавшимъ торговлю печатной иконой въ подвѣдомственныхъ ему учрежденіяхъ, призналъ непригодность *для церкви* имѣть что-либо общее съ этимъ суррогатомъ. Указъ этотъ обойденъ дважды: 1) торговцами, подвѣдомственными Св. Синоду, и 2) находчивостью фабрикантовъ, съумѣвшихъ вмѣсто *жести* печататать иконы на доскахъ. Послѣдній технический куншткъ *совершенно уничтожилъ всякое значеніе указа*, даже если-бы онъ нынѣ и исполнялся. Остается выходъ—взглянуть на дѣло прямѣе и непосредственно ближе къ его сущности, *разъ уже сложилось убѣжденіе Св. Синода не имѣть соприкосновенія духовныхъ учрежденій съ печатной иконой*. Отсюда естественно

вытекаетъ нравственная необходимость воспользоваться формулою, предложенною профессоромъ В. М. Васнецовымъ. Эта формула: *„повелѣніе священно-служителямъ освящать для молитвы въ храмахъ и домахъ образа только рукописныя безъ всякихъ исключеній“. Такой редакціей* Указъ Святѣйшаго Синода уничтожитъ въ корнѣ печатныя иконныя фальсификаціи.

Припомнимъ мысль Комитета, что распространеніе печатной иконы уничтожитъ то въ рукописномъ образѣ, даже неискусномъ по мастерству, что придаетъ ему высокій характеръ, вліяющій на молебщика. Эта особенность ручной иконы истекаетъ изъ *силы личнаго* религіознаго чувства иконописца. Достоинство это *разнообразится* не только у каждаго отдѣльно иконописца, но и у одного и того-же по мѣрѣ его вдохновенности и совершенствованія. Богатство творческаго разнообразія здѣсь безпредѣльно. Это огромное преимущество рукописныхъ иконъ драгоцѣнно. Драгоцѣнны и тѣ дремлющія силы высокихъ художественныхъ способностей, которыми обладаетъ русскій православный иконописецъ кустарь. Я могъ-бы назвать имена иконописцевъ, работы которыхъ по совершенству техники буквально неподражаемы со стороны лицъ интеллигентныхъ, посвятившихъ себя искусству. Въ народѣ незыблема и вѣра, не подточены ничѣмъ еще его гигантское терпѣніе и усидчивость. У насъ совершенно не обращали вниманія на эти рѣдчайшія способности кустарей и не давали раціональныхъ путей ихъ развитію. Между тѣмъ изъ многихъ десятковъ тысячъ иконописцевъ-крестьянъ легко могли бы выработаться замѣчательные художники религіозной живописи. Хотя это вопросъ далекаго будущаго, но нельзя въ данномъ случаѣ не обратить на него серьезнаго вниманія, тѣмъ болѣе что иконописаніе въ народѣ преемственно изъ рода въ родъ *изъ поколѣнія въ поколѣніе. Врожденность* такихъ исключительныхъ способностей уже въ наличности. Это такая цѣнность, которую не купить, не привить и не достать ни за какія деньги, ни при какихъ иныхъ условіяхъ. Въ вопросѣ борьбы съ печатной иконой забыли, *что* уничтожается для искусства, если кустарямъ, преемникамъ поколѣній иконописцевъ, придется бросить свое дѣло и заняться инымъ производствомъ. Если-бы еще можно было направить эту врожденную ихъ способность на другой отдѣлъ искусства, тогда было бы полъ-горя. Но и такого теченія не наблюдается, словно десятки тысячъ людей своеоб-

разной художественной культуры не представляютъ высокой государственной цѣнности. И эта народная сила обрекается на упраздненіе...

Въ заключеніе нельзя не остановиться на положеніи, высказанномъ въ пунктѣ 4-мъ Указа. Оный гласитъ, что вопросъ „объ устраненіи экономическихъ затрудненій кустарей иконописцевъ, происходящій отъ распространенія издѣлій вышеупомянутыхъ фабрикъ, *не можетъ быть предметомъ заботы духовнаго вѣдомства*“. Такое положеніе никакъ нельзя признать глубокимъ и основательнымъ. Въ самой этой фразѣ уже *указаніе на зло*, причиняющее матерьяльный ущербъ иконописцамъ, говоритъ *за необходимость* заботы. Кому же, какъ не духовному вѣдомству интересоваться и пещись *о качественности* молельной иконы? Ясно, что качественность иконы стоитъ въ прямой зависимости отъ матерьяльной обезпеченности художника.

Для относительной полноты этихъ матерьяловъ по исторіи современнаго иконоборства необходимо добавить, что главное зло упадка нашей иконописи кроется въ полной некомпентности въ распознаваніи качественности иконы, со стороны канонической, подлинника и художественной, и въ абсолютной непросвѣщенности въ этой области православныхъ священнослужителей. Религіозная живопись и иконопись въ Россіи охватываютъ *неизмѣримо большую часть* всего національнаго художественно-живописнаго творчества. Оцѣнка пригодности для молитвы православныхъ иконъ должна быть обязанностью и священнослужителя, освящающаго икону. Только при его просвѣщенности и при достаточномъ пониманіи въ области иконографіи невозможны будутъ случаи помѣщеній въ церкви и въ домахъ фальсифицированныхъ и кощунственныхъ иконъ. Одной изъ коренныхъ мѣръ должно быть введеніе иконографіи въ курсъ духовныхъ учебныхъ заведеній.

Еще разъ напомнимъ первоначальное мнѣніе Комитета попечительства о русской иконописи: „поддѣльная икона вызоветъ неуваженіе къ образу и нарушитъ вѣковые обычаи и преданія греко-русской церкви“. Съ своей стороны я присоединяюсь къ мнѣнію графа С. Д. Шереметева и къ убѣжденію ста шестидесяти тысячъ русскихъ иконописцевъ, что въ рѣшеніи настоящаго иконоборческаго вопроса „не можетъ быть средняго мнѣнія и не можетъ быть недомолвокъ“.

А. А. Карелинъ,
Императорской Академіи Художествъ Почетный Общникъ.

Герценъ и наши дни [1]).

XII.

Человѣкъ будущаго въ Россіи—мужикъ.

Туманы хаоса расходятся. Это уже не хаосъ, когда не въ книжкѣ, не на бумагѣ, а въ жизни и въ дѣлѣ есть иныя понятія объ отношеніяхъ человѣка къ землѣ и къ ближнему. Это новый огромный и сложный типъ исторической психологіи, новый строй общественной правды. Разъ это такъ, всѣ рѣчи о хаосѣ и океанидахъ становятся только риторическимъ украшеніемъ слога.

Почему-же Герценъ, формулируя такіе серьезные, полные такого огромнаго значенія выводы, такъ нерѣшителенъ и не твердъ въ словѣ? Зачѣмъ онъ простую и глубокую мысль завертываетъ въ дѣтскія идейныя пеленки? Отвѣтъ ясенъ. Западъ умеръ. Но когда-то Герценъ любилъ Западъ и тѣни прежней любви стояли надъ его сознаніемъ, когда онъ издалека и съ помощью телескопа присматривался къ чуднымъ очертаніямъ новой красоты.

И онъ самъ зналъ это и много разъ мучился этимъ.

Вотъ одинъ любопытный отрывокъ изъ его исповѣди, о побужденіяхъ остаться навсегда заграницей.

„Зачѣмъ-же я остаюсь?

„Остаюсь затѣмъ, что борьба *здѣсь*, что, не смотря на кровь и слезы, здѣсь разрѣшаются общественные вопросы, что здѣсь страданія болѣзненны, жгучи, но *гласны*, борьба открытая, никто не прячется. За эту открытую борьбу, за эту рѣчь, за эту гласность—я остаюсь здѣсь. За нее я отдамъ все,—я отдаю за нее часть своего достоянія;

1) См. «Миссіонерское Обозрѣніе», № 5.

а, можетъ, отдамъ и жизнь въ рядахъ энергическаго меньшинства „гонимыхъ, но не низлагаемыхъ“.

„За эту рѣчь я переломилъ или, лучше сказать, заглушилъ на время свою кровную связь съ народомъ, въ которомъ находилъ такъ много отзвуковъ на свѣтлыя и темныя стороны моей души, котораго пѣснь и языкъ—моя пѣснь и мой языкъ, и остаюсь съ народомъ, въ жизни котораго я глубоко сочувствую одному горькому плачу пролетарія и отчаянному мужеству его друзей.

„Дорого мнѣ стоило рѣшиться... Вы знаете меня... и повѣрите. Я заглушилъ внутренюю боль, я перестрадалъ борьбу, и рѣшился, не какъ негодующій юноша, а какъ человѣкъ, обдумавшій, что дѣлаетъ, сколько теряетъ... Мѣсяцы цѣлые взвѣшивалъ я, колебался, и, наконецъ принесъ все на жертву:

„Человѣческому достоинству,

„Свободной рѣчи“. (V, 170).

Это одна изъ сказокъ неопытной молодости, когда самъ Герценъ не зналъ своего сердца. Внѣшней красотой манили чужія формы. Кровная связь съ народомъ порвалась не только на время. Она порвалась навсегда. Когда чары Запада разсѣялись и Герценъ, какъ ему казалось, „вернулся на родину“, на самомъ дѣлѣ онъ не только тѣломъ, но душой оставался на „странѣ далече“. Онъ видѣлъ только самыя общія очертанія, внѣшнюю сторону жизни.

Лживую сказку запада онъ возненавидѣлъ всѣми силами своей души. Онъ понялъ, что даже человѣческое достоинство тамъ можно сохранить, только удалившись въ тѣсный кругъ семьи и закрывъ двери для идейныхъ болтуновъ и мечтателей. Онъ понялъ, что тамъ честнаго и кровнаго дѣла нѣтъ, а гдѣ нѣтъ честнаго общественнаго дѣла, тамъ нѣтъ и человѣческаго достоинства. Блудный сынъ, онъ понялъ, что ему приходится ѣсть съ одного корыта со свиньями и тосковалъ объ отцовскомъ домѣ. Западное корыто онъ опрокинулъ презрительнымъ и гнѣвнымъ пинкомъ, но домой воротиться ему не пришлось.

А разрывъ съ сказочнымъ міромъ чахлой идейности—былъ полонъ и безповоротенъ. Герценъ пересталъ вѣрить въ пролетарія.

„Человѣкъ будущаго въ Россіи—*мужикъ*,—точно такъ-же, какъ во Франціи работникъ“ (V, 275).

„Здѣсь Герценъ перешагнулъ тотъ порогъ, вернуться съ котораго

нельзя. „Образованное меньшинство“, т. е. интеллигенція, какъ на Западѣ, такъ и у насъ, мужика совсѣмъ не знаетъ, а поэтому и вѣрить въ него—не можетъ. Мужикъ и пролетарій—эта два полюса, которые никогда и ни въ какой точкѣ сойтись не могутъ. Это два міра, чуждыхъ и враждебныхъ другъ другу. У пролетарія нѣтъ и не можетъ быть здоровыхъ основъ общественнаго уклада. У него нѣтъ нравственныхъ основъ для обузданія своего эгоизма. У него нѣтъ прочныхъ традицій и устойчивыхъ навыковъ, потому что малѣйшая перемѣна въ техникѣ производства опрокидываетъ всѣ устои его жизни. Его побѣды случайны и временны. Онъ герой только на одну битву, на одинъ историческій моментъ. Онъ явился въ міръ такъ-же случайно, какъ и исчезнетъ. Онъ необходимый членъ общества только до тѣхъ поръ, пока тотъ или другой народъ признаетъ формулы германо-романской психологіи всеобщими законами историческаго развитія.

Это въ извѣстномъ смыслѣ эфемерида, которая чувствуетъ себя въ мірѣ недолговѣчнымъ фантомомъ. Онъ чувствуетъ, что его существованіе нельзя обезпечить на вѣка и поэтому весь цѣликомъ отдается моменту, порыву. Онъ знаетъ, что все, что строитъ онъ и что строятъ для него, по минованіи надобности будетъ упразднено и поэтому онъ легко поддается страсти разрушать то, что раньше или позже должно само погибнуть.

У него нѣтъ широкаго мышленія людей дѣйствительно образованныхъ, какъ нѣтъ и наслѣдственнаго опыта мужика, никогда не разрывающаго съ прошлымъ и цѣликомъ поглощеннаго работами настоящаго. По самому положенію своему, онъ мечтатель, а мужику мечтателемъ быть нельзя. Въ дни случайнаго торжества, онъ жестокъ и безпощаденъ, какъ звѣрь, потому что у него нѣтъ никакихъ побужденій, кромѣ личныхъ. Полуграмотный и невѣжественный, онъ считаетъ себя признаннымъ цѣнителемъ науки и искусства. Свою личную и маленькую волю онъ считаетъ единственною нормою жизни и проливаетъ чужую кровь, потому что ему недорога своя. Онъ всегда быстръ, торопливъ и безпощаденъ, потому что видитъ недалеко. Его будущее такъ-же темно и туманно, какъ и его прошлое. Историческіе моменты, отпущенные ему судьбою для кратковременнаго существованія, онъ хочетъ сдѣлать годами своего господства и своей тиранніи.

Онъ страшенъ своимъ невѣжествомъ и своею безпочвенностью.

Этотъ вопросъ уже давно раскололъ всю Европу на двѣ половины. У насъ этотъ расколъ—не ко двору. Во всѣ счеты проникаетъ третья половина—мужикъ. Надо быть большимъ соціалъ-демократомъ, чтобы мечтать объ единствѣ интересовъ рабочаго и мужика. Наша интеллигенція стоитъ за пролетарія и поэтому стоять за мужика ни въ какомъ случаѣ не можетъ.

Для Герцена этотъ вопросъ всегда былъ ясенъ. „Между селомъ, и городомъ,—говорилъ онъ,—вѣка. Иныя понятія, другая религія, другіе нравы, часто другой языкъ". (VI, 270).

А на западѣ деревни меньше, чѣмъ у насъ, и деревня тамъ строится на городской ладъ. А нашу деревню въ городъ не перетянешь. Она еще достаточно сильна для того, чтобы перетянуть городъ.

Пролетарій ни къ какой странѣ и ни къ какому племенному типу не принадлежитъ. У него нѣтъ характера. Онъ космополитъ по профессіи. Онъ такъ-же внѣ времени, какъ и внѣ пространства. Это полное отраженіе нашей безформенной и безпочвенной интеллигенціи.

XIII.

Мужикъ и пролетарій.

Роковая ошибка нашей интеллигенціи въ томъ именно и состоитъ, что на мужика смотрятъ, какъ на пролетарія, какъ на фабричнаго рабочаго, какъ на батрака, который живъ и уменъ только поденнымъ заработкомъ. На самомъ-же дѣлѣ не только представители свободныхъ профессій, но и бюрократія, и вся интеллигенція, и вся буржуазія по духовному и нравственному смыслу своего заработка и своего пропитанія гораздо ближе къ рабочему, чѣмъ къ мужику.

Мужикъ живетъ не изо дня въ день, а съ жатвы до жатвы. И даже не изъ году въ годъ, а долженъ принять въ счетъ и возможные неурожаи въ будущемъ. И ему приходится подсчитывать приходы и расходы не только для себя и своего поколѣнія, но не истощать почвы и не тратить всѣхъ запасовъ до тла, потому что вѣдь и внуки ѣсть захотятъ.

При каждомъ новомъ волненіи или возстаніи рабочихъ—интеллигенція вспыхиваетъ, какъ порохъ. Она сама – праздничный и много-

цвѣтный фейерверкъ, и поэтому любитъ фейерверки. Вспыхнувъ, она сгораетъ до тла, какъ всякій порохъ. Это просто взрывчатое вещество, единственное назначеніе котораго разрушить и сгорѣть. Ея жизнь—не жизнь рабочаго,—отъ субботы до субботы, до полученія разсчета. Весь режимъ жизни разсчитанъ на болѣе короткій срокъ.

Выражаясь бездарнымъ языкомъ историческаго матеріализма, все остальное только идейныя надстройки надъ экономическимъ базисомъ недѣльнаго заработка и недѣльной получки. Богъ при такой жизни нуженъ только отъ субботы до субботы. Разсчетъ полученъ и—шабашъ. Послѣ получки—новый счетъ: все вали на новую.

Этого не хотѣли замѣчать, хотя факты были на лицо и мы въ свое время на это указывали. Фабричная философія охватила всю нашу литературу. Всѣ наши поэты воспѣвали мечту и моментъ. Возьмите томики стиховъ нашихъ идейныхъ поэтиковъ. Всѣ они поютъ мечту, красивую, радужную, непремѣнно и обязательно несбыточную,—какъ несбыточны мечты рабочаго о мѣсячномъ или годовомъ обезпеченіи.

Если мечта остается въ предѣлахъ возможнаго, она не по душѣ нашей интеллигенціи. Съ нелегкой руки Надсона, всѣ поэты и идейные мечтатели алчутъ „нечеловѣчески-величественныхъ дѣлъ,—нечеловѣчески-великаго страданія“. Это, конечно, очень смѣшно, но все-же не такъ дико, какъ это кажется съ перваго взгляда. Рабочій все-же реальнѣе интеллигента: онъ умѣетъ предвидѣть на недѣлю. Интеллигентъ, побивая рабочій рекордъ сокращенія сроковъ, все совмѣстилъ въ одинъ моментъ. Пусть сгорю, только бы вспыхнуть, только бы ослѣпить.

Вся литература послѣдняго времени является яркою иллюстраціею къ этому общему выводу. Новые христіане, мистики-порнографы по формуламъ отнынѣ незабвеннаго кружка религіозно-философскаго содомизма, готовы были все отдать—и синодъ, и сенатъ, рясы и бороды, догматы и соборы, честь и приличія, церковь и религію,—за мигъ одинъ плотскаго и духовнаго обновленія въ вонючей миквѣ, какъ г. Розановъ, или за одинъ опытъ изнасилованія жены-христіанки, распростертой передъ распятіемъ, мужемъ-язычникомъ, утончающимъ развратъ мистическою противоестественностью, какъ Юліанъ у г. Мережковскаго.

Дамы - романистки изощряютъ всю свою—удивительную по настойчивости—фантазію, чтобы найти такой субъектъ и создать такой моментъ, чтобы ради него навѣкъ осквернить и опоганить святыню женской чести, испортить семейную жизнь и поднять завѣсу ужаснаго и загадочнаго. Конечно, въ этой области ничего новаго нѣтъ. „Всякое бывало“,—говаривалъ у Гуцкова Акиба. И все это грязно, пошло и цинично. Но вопросъ—не въ томъ. Былъ—*моментъ*. Пусть послѣ него омерзѣніе, отвращеніе и скука. Но его ожиданіе—неодолимыя чары короткихъ сроковъ.

Идейные писатели и беллетристы всю свою поэзію находили только въ этомъ. Развѣ не герои момента всѣ эти босяки Горькаго, прокаженные и сифилитики Андреева, окостенѣвшіе въ элефантіазисѣ, идейные трупы идейнаго творчества?

Теперь революціонные поэты и революціонные романисты воспѣваютъ политическія убійства съ огромнымъ подъемомъ міровой и гражданской скорби. Опять дѣло момента. Вѣдь нельзя-же возвести убійство въ норму жизни и убивать всегда. „Товарищи“ по приговору невѣдомаго трибунала приходятъ убивать сторонника стараго режима. Поэты и художники увѣнчиваютъ эти подвиги лаврами нетлѣнной, вѣчной красоты и сверхъ-человѣческаго величія. Но вѣдь это герои—на моментъ. Черезъ моментъ это будутъ палачи и убійцы.

Если завѣтнѣйшая мечта идейнаго рабочаго состоитъ въ великомъ желаніи—нажраться такъ, чтобы потомъ всю жизнь не хотѣть ѣсть, то завѣтнѣйшая мечта интеллигента—наскандалить и набезобразничать такъ, чтобы отъ зависти перевернулись въ гробу Аретино и маркизъ де-Садъ, чтобы обезьяна отъ стыда покраснѣла, чтобы всѣ добрые люди сказали: каковъ прохвостъ и мерзавецъ!

XIV.

Мужикъ и рабочій—не одно и тоже.

Итакъ, по лѣстницѣ срочнаго прокормленія и сокращенія сроковъ—отъ „момента“ идейной интеллигенціи мы поднялись до субботней получки мастероваго. Далѣе слѣдуютъ, конечно, люди двадцатаго числа. Тутъ логика и психологія реальнѣе, устойчивѣе и прочнѣе уже въ

четыре раза. Правда, и этотъ срокъ не великъ и оставляетъ мѣсто для размышленія о преходящей славѣ вѣка сего, о мимолетности всего земнаго, о суетности человѣческой жизни и о прочихъ невеселыхъ предметахъ.

Но мѣсяцъ—все же срокъ достаточно длинный для того, чтобы до нѣкоторой степени возстановить равновѣсіе духа и обновить способность приспособляемости. За мѣсяцъ можно почуять, откуда вѣтеръ дуетъ и соотвѣтственно примѣниться. Безъ пера и чернилъ все равно ни одно правительство существовать не можетъ, а что писать и какъ писать—не все-ли равно? Перечитайте въ Библіи книгу царствъ. Сколько смѣнялось іудейскихъ и израильскихъ царей! Но при этомъ лѣтопись педантически замѣчаетъ, что при каждомъ изъ нихъ—такой-то и такой-то—„былъ писецъ его“.

Бюрократическій мѣсяцъ—срокъ въ милліонъ разъ большій, чѣмъ „моментъ“ интеллигента и въ четыре слишкомъ раза большій, чѣмъ получка заработной платы на фабрикѣ. Но по степени мечтательности и неопредѣленности въ виду всевозможныхъ вѣяній и теченій не больше содѣйствуетъ устойчивости, широтѣ и дальновидности мышленія на общественныя темы, чѣмъ ветхозавѣтная суббота пролетаріата въ лонѣ капитализма.

Другое дѣло буржуазія. Не говорю о побѣдителяхъ и рантьерахъ. Для нихъ никакихъ сроковъ не существуетъ и они отдыхаютъ на лаврахъ своихъ. Но воинствующая буржуазія, еще добивающаяся побѣды и лавровъ, имѣетъ свои сроки. Полагаю срокъ въ шесть мѣсяцевъ. Болѣе долгосрочные векселя теперь не въ ходу. Буржуазія по своей собственной расцѣнкѣ опредѣлила для себя шестимѣсячный аршинъ. Черезъ шесть мѣсяцевъ—можетъ произойти полная перемѣна декорацій и первые будутъ послѣдними, а послѣдніе первыми.

Но шесть мѣсяцевъ—все-таки передышка. Можно подготовиться къ неожиданностямъ и принять мѣры. Пусть за этой чертой—бури и ураганы, но до нея миръ и покой.

Если вы всмотритесь въ эту градацію короткихъ сроковъ, вы сквозь бьющее въ глаза различіе, увидите общія и родственныя черты. Съ перваго взгляда кажется, что общаго по логикѣ и психологіи пропитанія и обезпеченія между капиталистомъ и рабочимъ, между бюрократомъ и интеллигентомъ? Но стоитъ только каждаго изъ нихъ

порознь и всѣхъ ихъ вмѣстѣ сопоставить съ мужикомъ, сразу-же бросится въ глаза поразительное сходство, такъ что всѣмъ становится очевидно: одна семья.

Что такое мужикъ? У него нѣтъ сроковъ и все на срокъ. Онъ не можетъ забастовать ни на моментъ, ни на недѣлю, ни на мѣсяцъ, ни на шесть мѣсяцевъ. Ему никакъ нельзя опустить ни одной упряжки, а все его существованіе—безсрочное. Землю нельзя истощить однимъ хищническимъ посѣвомъ, чтобы попробовать счастья въ Монте-Карло. Землю нельзя поставить на карту подъ шестимѣсячный срокъ. Тутъ и ждать нельзя, и торопиться нѣтъ смысла. Кромѣ срочныхъ разсчетовъ, необходимо—стихійно необходимо—имѣть и безсрочные. И тутъ, конечно, возможны инстинкты—беречь и холить землю, или истощить ее по мѣрѣ возможной скорости. Но это уже характеръ народа, а не срочная банковская операція.

Понятіе о пролетаріатѣ на нашихъ глазахъ растетъ. Тѣни и оттѣнки его уже ложатся на всю интеллигенцію, на всю бюрократію и буржуазію, даже на земцевъ. Всѣ почувствовали случайность и неустойчивость промышленнаго и профессіональнаго заработка и съ этою цѣлью случайныя и временныя условія жизни, результатъ случайной экономической побѣды, хотятъ увѣковѣчить, гарантировать закономъ. Къ примѣру, адвокаты, еще недавно получавшіе баснословные гонорары, хотѣли бы перестроить все общество такъ, чтобы для нихъ никогда не проходили эти дни счастья. Инженеры готовы и на забастовку, и на вооруженное возстаніе, чтобы навѣки гарантировать себѣ огромные проценты съ строительной горячки правительства. Словомъ, каждая профессія, по аналогіи съ пролетаріатомъ, хочетъ придать вѣчную обязательность и вѣчную неизмѣнность преходящимъ и измѣнчивымъ экономическимъ отношеніямъ.

Въ промышленномъ государствѣ эти инстинкты имѣютъ свое оправданіе: барыши отъ предпріятія надо дѣлить болѣе равномѣрно. Но въ государствѣ земледѣльческомъ эта устойчивость и опредѣленность промышленнаго заработка и барыша получается не за счетъ внѣшняго рынка, торговаго и экономическаго порабощенія чужихъ странъ и далекихъ народовъ, а за счетъ своей-же деревенской требухи. Это скорпіонъ, который въ минуту опасности убиваетъ самъ себя. Промышленныя государства жирѣютъ и богатѣютъ за чужой счетъ. Землевла-

дѣльческое государство съ капиталистическими замашками, цѣлое приноситъ въ жертву части.

Въ рабочемъ пролетаріатѣ мы получаемъ новый типъ, типъ экспропріатора мужицкой собственности. Лучшія условія жизни онъ добываетъ себѣ за счетъ обѣднѣнія и истощенія мужика и деревни.

И если всѣ слои общества проникаются моралью и психологіей пролетаріата, мужикъ попадаетъ въ новыя формы крѣпостной зависимости.

Все это я говорилъ собственно къ тому, чтобы отмѣтить мѣткость и справедливость замѣчанія Герцена о томъ, что мужикъ и рабочій—не одно и тоже.

Впрочемъ, можетъ быть, при такой постановкѣ дѣла, самъ собою напрашивается тотъ выводъ, что земледѣльческое государство не можетъ вылиться въ формы государства промышленнаго, дѣйствительно капиталистическаго.

При этомъ не невѣроятнымъ кажется и то предположеніе, что если путемъ компромиссовъ и такъ называемой классовой борьбы все городское населеніе, т. е. буржуазія и бюрократія, интеллигенція и пролетаріатъ, какъ-нибудь придутъ къ какому-нибудь соглашенію, мужицкая Россія совсѣмъ останется внѣ счета. Другими словами, какъ во всякой настоящей борьбѣ обнаружатся только *двѣ* стороны.

Чтобы бороться и драться, нужно не меньше и не больше двухъ сторонъ. Третій всегда будетъ только радоваться. Римляне не спроста же говорили: tertius gaudet. Если-же такая борьба начнется, по всѣмъ разумнымъ соображеніямъ и по всѣмъ показаніямъ здраваго смысла, она будетъ безконечна. Если же ей какой-нибудь конецъ и будетъ, то совершенно особенный—вопреки всякому разуму и всякому здравому смыслу.

Девизъ данъ. Вѣрѣ мужика противопоставлена вѣра пролетарія. Всѣ силы мобилизуются. Уже и въ оффиціальномъ органѣ святѣйшаго синода встрѣчаются въ ущербъ его достоинству, слишкомъ часто и демонстративно поются—акаѳисты пролетаріату. Несомнѣнно, этотъ примѣръ производитъ свое впечатлѣніе на духовенство. Недаромъ его въ консервативной печати не разъ и сурово упрекали въ двоедушіи. Новая и большая сила станетъ противъ мужика.

Но что дѣлать, если не всѣ окажутся малодушными? Одинъ смѣ-

лый и мужественный голосъ можетъ смутить всеобщее соглашеніе властей и интеллигенціи на общепролетарской точкѣ зрѣнія.

Освободительное движеніе не выдвинуло ни одного пророка и ни одного героя. Это понятно. Въ борьбѣ за экономическое преобладаніе—ничего героическаго нѣтъ. Героизмъ—всегда въ отстаиваніи своихъ правъ противъ тиранніи и террора большинства, въ борьбѣ слабаго противъ внѣшней давящей силы.

Величайшимъ и опаснѣйшимъ врагомъ всего освободительнаго движенія былъ бы новый Сергій Радонежскій или митрополитъ, который въ ореолѣ святости поднялъ бы простой и мужественный голосъ противъ соціальной неправды за весь народъ и всю землю. Только тогда *двѣ* враждующія стороны—стали-бы на свои позиціи и не стали бы упражняться въ усобицѣ по типамъ прежнихъ удѣльныхъ усобицъ...

Но святой, чтимый всей землей и всѣмъ народомъ—Божье чудо, которое стоитъ внѣ всякаго человѣческаго ученія.

По земнымъ и житейскимъ разсчетамъ, дѣло представляется проще и печальнѣе. Не въ первый разъ зовутъ народъ на новыя дороги. Мужикъ не шелъ. И это Герценъ отлично зналъ.

„Трудно,—говорилъ онъ,—своротить русскій народъ съ его родной дороги. Онъ упрется, ляжетъ на ней, вростетъ въ землю и притворится спящимъ, мертвымъ". (VI, 287).

По многимъ признакамъ и въ оффиціальной церкви надо опасаться уклона не къ религіи мужика, а пролетаріата,—чтобы не увлекъ ее суетный духъ суетной интеллигентности. Допустимъ, что она перейдетъ этотъ роковой порогъ, не утративъ своего догматическаго наслѣдства, не станетъ еретическою, не будетъ подобно Ѳеофану Прокоповичу и его сподвижникамъ, искоренять православіе и вводить протестантизмъ. Все-же она рискуетъ быть при такомъ уклонѣ по логикѣ вещей чужою народу и возбудить новые толки объ антихристовой печати.

Будетъ тоже, что предсказывалъ когда-то Хомяковъ на случай оффиціальнаго окатоличенія православной русской церкви.

„Пусть,—говорилъ Хомяковъ,—русскій народъ подпадетъ обольщенію (хотя это внѣ всякаго правдоподобія); пусть духовенство измѣнитъ (хотя такое предположеніе выходитъ изъ предѣловъ возможнаго);—и тогда милліоны душъ останутся непоколебимыми въ истинѣ, милліоны рукъ поднимутъ непобѣдимую хоругвь церкви и образуютъ

чинъ мірянъ. Найдутся-же въ неизмѣримомъ восточномъ мірѣ два или три епископа, которые не измѣнятъ Богу. Они благословятъ низшіе чины и составятъ изъ себя епископство— и церковь ничего не потеряетъ ни въ силѣ, ни въ единствѣ. Она останется каѳолическою церковью, какою была и во времена апостоловъ".

XV.

Что такое мужикъ?

Герценъ, противопоставивъ мужика рабочему, вышелъ на ту дорогу, на которой всѣ его взгляды получали и должны были получить совершенно другой характеръ.

Онъ остался съ мужикомъ. Но что такое мужикъ по его представленію?

О мужикѣ Герцену пришлось говорить въ самыхъ раннихъ его произведеніяхъ. Вполнѣ естественно, что въ молодые годы онъ раздѣлялъ сантиментальныя и платонически-восторженныя рѣчи о мужикѣ филантроповъ крѣпостной эпохи. Говорилъ онъ о мужикѣ и въ „Дневникѣ". Чтобы тонъ его рѣчи не показался слащавымъ и приторнымъ, надо помнить, что „Дневникъ" одно изъ самыхъ раннихъ произведеній Герцена. Здѣсь онъ типичный представитель не только своего времени, но и вообще русской интеллигенціи. Здѣсь онъ бьетъ челомъ каждому теоретическому западному идолу, не замѣчая, что эти идолы отнюдь не изъ одного капища, что стоять рядомъ имъ невмѣстно. Здѣсь онъ отдается всѣмъ капризнымъ настроеніямъ праздной и несобранной молодости и пишетъ казеннымъ языкомъ модной идейности. Вотъ одинъ яркій примѣръ.

1843 годъ, декабрь. „Съ 29 на 30, ночь. Ни вѣры нѣтъ, ни надежды... Я себя какъ-то ненавижу... Хотѣлось-бы, чтобъ тутъ былъ Грановскій и вино хотѣлъ-бы пить... Этого не должно-бы быть"... (VI, 96).

Мечтательны и его сужденія о мужикѣ, хотя и въ нихъ звучитъ живая трезвая нотка.

„Грустно въ мірѣ Чичикова,—такъ, какъ грустно намъ въ самомъ дѣлѣ. И тамъ и тутъ одно утѣшеніе въ вѣрѣ и упованіи на буду-

щее. Но вѣру эту отрицать нельзя—и она не просто романтическое упованіе ins Blaue, а имѣетъ реалистическую основу: кровь какъ-то хорошо обращается у русскаго въ груди. Я часто смотрю изъ окна на бурлаковъ,—особенно въ праздничный день, когда, подгулявши, съ бубнами и пѣніемъ, они ѣдутъ на лодкѣ. Крикъ, свистъ, шумъ. Нѣмцу во снѣ не пригрезится такого гулянья. И потомъ—въ бурю. Какая дерзость, смѣлость! Летитъ себѣ, а что будетъ, ни будетъ. Взглянулъ-бы на тебя, дитя, юношею. Но мнѣ не дождаться. Благословляю-же тебя хоть изъ могилы.

„Но все это ни одной іотой не уменьшаетъ горечи жизни. Сверхъ всего, повтореннаго много разъ,—отдѣльность, несимпатія со всѣхъ сторонъ тягостна. Барству, чиновничеству мы не хотимъ протянуть руки. Да и они на нашего брата смотрятъ, какъ на безумнаго. А православный народъ, которому, для котораго, за который всякій благородный человѣкъ готовъ Богъ знаетъ что сдѣлать, если не въ открытой борьбѣ, гдѣ онъ насъ опутываетъ сѣтью мошенничества, то онъ молчитъ и не довѣряетъ, нисколько не довѣряетъ. Я это испытываю очень часто. Когда онъ видитъ простой разсчетъ, дѣло другое. Но, когда не изъ разсчета, а просто изъ доброжелательства что-нибудь сдѣлать,—онъ качаетъ головой и боится быть обманутымъ“. (VI, 14).

Мечта и жизнь, сказка и правда—мѣшаются въ этой тирадѣ съ простодушной наивностью. Если мужикъ не довѣряетъ, значитъ онъ имѣетъ право не довѣрять. Если онъ мошенничаетъ, значитъ всѣ прямые пути ему закрыты. Юноша - Герценъ съ высоты барства старчески качаетъ головой надъ мужикомъ и называетъ его „дитя“, когда по годамъ, уму и опыту это дитя много старше и зрѣлѣе своего мечтательнаго печальника.

„In potentia много въ русской душѣ“, (VI, 16)—говорилъ Герценъ, не замѣчая, что еще больше in facto, поскольку дѣло касается мужицкой души.

Съ испанскимъ „плебеемъ“ Герценъ познакомился по произведеніямъ Кальдерона. „Великъ испанскій плебей, если въ немъ есть такое понятіе о законности. Вотъ онъ, элементъ, вовсе не развитой у насъ не токмо у мужика, но и у всѣхъ. У насъ оскорбленный или снесетъ, какъ рабъ, или отомститъ, какъ взбунтовавшійся холопъ. Я смотрю здѣсь безпрерывно на низшій классъ во всегдашнемъ сопри-

косновеніи съ нами. Чего недостаетъ ему, чтобы выйти изъ жалкой апатіи? Умъ блеститъ въ глазахъ. Вообще на десять мужиковъ навѣрное восемь не глупы и пятеро положительно умны, смѣтливы и знающіе люди. На нихъ много клевещутъ съ нравственной стороны. Они лукавы и готовы мошенничать, но это тогда, когда становятся въ противоположность намъ. Иначе не можетъ быть. Мы явно и законно грабили ихъ: сила неодинаковая. Но, когда они убѣдятся въ человѣкѣ (и я имѣю гордость включать себя въ это очень и очень ограниченное изъятіе), тогда они поступаютъ просто, даже наивно. Они не трусы, каждый пойдетъ на волка, готовъ въ дракѣ положить жизнь, согласенъ на всякую ненужную удаль, плыть въ омутѣ, ходить по льду, когда онъ ломается, etc. Но видно,—какъ Чаадаевъ говоритъ въ своей статьѣ,—чего-то недостаетъ въ головѣ: мы не умѣемъ сдѣлать силлогизмъ европейскій. Эта община, понимающая всю беззаконность нелѣпаго требованія, не признающая въ душѣ неограниченной власти помѣщика, трепещетъ и валяется въ ногахъ его при первомъ словѣ". (VI, 128).

Странно, что остроумный сибаритъ и тонкій эпикуреецъ Герценъ держитъ ключъ отъ загадки въ рукахъ и не понимаетъ сущности дѣла. За крѣпостнымъ правомъ стояли всѣ силы государства и мужикъ отлично понималъ, что бороться съ нимъ ему не подъ силу. Лукавство и плутоватость—его единственное орудіе сократить лѣниваго и ненаблюдательнаго барина. Да онъ терпѣливъ и по натурѣ. Стенька Разинъ и Пугачевъ нашли отголосокъ въ его памяти, но не воспитали въ немъ революціоннаго духа. Онъ терпитъ, пока можно терпѣть, а вытерпѣть онъ можетъ много.

Революціонный характеръ онъ принимаетъ только тогда, когда поднимается на строеніе земли. Самое яркое и поучительное дѣло—это возстаніе всѣмъ міромъ на строеніе земли. Когда передъ 1612 годомъ тогдашняя интеллигенція, т. е. бояре, кокетничавшіе съ поляками, лисовчики и польскіе наѣздники, стрѣлецкіе головы и казацкіе атаманы, шпыни и воры, вооруженные всѣми послѣдними словами науки того времени и самою угодливою идейностью, сдѣлали опытъ разорить и испакостить землю, народъ всталъ, прогналъ идейныхъ воровъ, выбралъ царя и умиротворилъ страну.

Это революція въ русскомъ изданіи. У насъ почему-то знамена-

тельны двѣнадцатые годы столѣтій. Но нужно думать, что на этотъ разъ не будетъ ждать такъ долго и раньше провиденціальнаго срока умиротворитъ страну, потому что никому другому это не подъ силу.

XVI.

Крещеная собственность.

Опредѣленіе высказывается о мужикѣ Герценъ въ статьѣ „Крещеная собственность".

„Съ дѣтскихъ лѣтъ я безконечно любилъ наши села и деревни. Я готовъ былъ цѣлые часы, лежа гдѣ-нибудь подъ березой или липой, смотрѣть на почернѣлый рядъ скромныхъ, бревенчатыхъ избъ, тѣсно прислоненныхъ другъ къ другу, лучше готовыхъ вмѣстѣ сгорѣть, нежели распасться; слушать заунывныя пѣсни, раздающіяся во всякое время дня вблизи, вдали... Съ полей несетъ сытнымъ дымомъ овиновъ, свѣжимъ сѣномъ; изъ лѣсу вѣетъ смолистой хвоей; и скрипитъ запрещенный колодецъ, опуская бадью,—и гремитъ по мосту порожняя телѣга, подгоняемая молодецкимъ окрикомъ...

„Въ нашей бѣдной сѣверной долинной природѣ есть трогательная прелесть, особенно близкая нашему сердцу. Сельскіе виды наши не задвинулись въ моей памяти ни видомъ Сорренто, ни римской Кампаніей, ни насупившимися Альпами, ни богато воздѣланными фермами Англіи. Наши безконечные луга, покрытые ровной зеленью, успокоительно хороши. Въ нашей стелящейся природѣ что-то мирное, довѣрчивое, раскрытое, беззащитное и кротко грустное... Что-то такое, что поется въ русской пѣснѣ, что кровно отзывается въ русскомъ сердцѣ.

„И какой славный народъ живетъ въ этихъ селахъ! Мнѣ не случалось еще встрѣчать такихъ крестьянъ, какъ наши великоруссы и украинцы.

„Оно и не мудрено. Жизнь европейская пренебрегала деревней. Она бойко шла въ замкѣ, потомъ въ городѣ. Деревня служила пастбищемъ, кормомъ. Западный крестьянинъ, выродившійся кельтъ, побѣжденный галлъ, германецъ, побитый другимъ германцемъ. По городамъ побѣдители мѣшались съ побѣжденными. Съ земледѣльцами никто не мѣшался, пока они оставались земледѣльцами. Тамъ, гдѣ побѣда

пронеслась надъ головой мѣстнаго населенія, не осѣла на немъ или не могла до него добраться, тамъ крестьяне и не таковы, напримѣръ, въ Романьи, въ Калабріи, въ Испаніи, въ горахъ Швейцаріи, Шотландіи, Норвегіи.

„Крестьянинъ на западѣ вообще однодворецъ. Если онъ богатѣетъ, то онъ дѣлается полевымъ мѣщаниномъ—такъ, какъ, наоборотъ, въ прежнее время русскіе купцы, пріобрѣтая милліоны, оставались по нравамъ и обычаямъ тѣми-же крестьянами". (V, 286).

„Мы государство сельское. Наши города—большія деревни. Тотъ-же народъ живетъ въ селахъ и городахъ. Разница между мѣщанами и крестьянами выдумана петербургскими нѣмцами. У насъ нѣтъ потомства побѣдителей, завоевавшихъ насъ,—ни раздробленія полей на частную собственность, ни сельскаго пролетаріата. Крестьянинъ нашъ не дичаетъ въ одиночествѣ. Онъ вѣчно на міру и съ міромъ. Коммунизмъ его общиннаго устройства, его сельское самоуправленіе дѣлаютъ его сообщительнымъ и развязнымъ". (VI, 287).

За послѣднее время городъ дальше отошелъ отъ деревни, но въ главныхъ чертахъ схема Герцена сохраняетъ всю свою силу. Русскій городъ, кромѣ столичныхъ и крупно-промышленныхъ центровъ, сохранилъ и навсегда сохранитъ черты сельскаго быта, постояннаго общенія съ деревней. Самостоятельнаго значенія онъ добивается только въ исключительныхъ случаяхъ. Психологія города никогда не проникнетъ въ деревню и городскому пролетарію никогда не задушить деревенской морали и совѣсти, деревенскаго отношенія „къ ближнимъ".

Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія въ русскомъ мужикѣ заслуживаетъ одна характерная черта, только отмѣченная Герценомъ.

„Крестьянинъ средней Италіи такъ-же мало похожъ на задавленную чернь, какъ русскій мужикъ—на собственность. Нигдѣ не видалъ я, кромѣ Италіи и Россіи, чтобъ бѣдность и тяжелая работа такъ безнаказанно проходили по лицу человѣка, не исказивъ ничего въ благородныхъ и мужественныхъ чертахъ. У такихъ народовъ есть затаенная мысль или, лучше сказать, не мысль, а ***непочатая сила***, непонятная имъ самимъ до поры, до времени, которая даетъ возможность переносить самыя подавляющія несчастія, какъ крѣпостное состояніе". (VI, 76).

Теперь, когда у порога русской жизни стоитъ болѣе свирѣпый и

безпощадный врагъ, чѣмъ печальной памяти крѣпостные помѣщики, когда домогается тираннической власти и господства идейный и уличный пролетаріатъ, люди вчерашняго дня, люди мстительнаго и ожесточеннаго невѣжества, люди, въ личномъ эгоизмѣ потопившіе совѣсть, люди преступленій и насилія, люди крови и убійства, люди амнистіи и безотвѣтственности, палачи по убѣжденію и профессіи, насильники по инстинкту и влеченію,—только вѣра въ здоровый мужицкій умъ и даетъ нѣкоторую надежду на возможность спасенія отъ конечной гибели. Безграмотный, безкровный и голодный мужикъ оказывается единственнымъ носителемъ общественной правды, общественной устойчивости и дѣйствительно человѣческой, а не скотской жизни. Если Герценъ былъ правъ,—а мы убѣждены, что въ данномъ случаѣ онъ былъ правъ,—если „благородныя и мужественныя черты“ русскаго мужика, теперь не крѣпостнаго, проявятся во всей своей красотѣ и силѣ, всѣ площадные и академическіе пролетаріи превратятся въ камень, какъ отъ лица Медузы.

„Сверхъ колоссальнаго горизонта и неустановившейся атмосферы, вы забыли еще одинъ элементъ,—говорилъ Герценъ въ статьѣ „Россія и Польша“,—дающій огромную свободу мысли, а именно нашу привычку, тоже „отъ самыхъ пеленокъ“, вовсе не думать о политической независимости, о государственной самобытности. Мы не доказываемъ нашу народность, мы не боимся за нее, nous ne la faisons par valoir. Она такой незыблемый, неопровергаемый, очевидный фактъ, что мы забыли ее, какъ дыханіе, какъ біеніе сердца“ (VI, 292).

Эти бы слова да Богу въ уши: очередь за Миниными и Пожарскими.

XVII.

Русскіе нѣмцы.

Но правда-ли это? Вѣдь мы имѣемъ дѣло съ „темнымъ и невѣжественнымъ“ народомъ, холопомъ и смердомъ отъ вѣка, вьючнымъ скотомъ, который не различаетъ тьмы отъ свѣта, зла отъ добра, который, какъ неуклюжая океанида, копается гдѣ-то въ грязи, на прокормъ и пропой интеллигенціи. Вѣдь именно таково завѣтнѣйшее вѣрованіе и убѣжденіе нашей интеллигенціи „съ ея добросовѣстною вѣ-

рою въ несбыточныя вещи“ (V, 198), которая „смотритъ съ отвращеніемъ стыдящагося родственника на народъ“ (VI, 256).

Наша интеллигенція въ погонѣ за благомъ всего человѣчества, имѣла самыя смутныя представленія о своей странѣ и, по суду мужика, вся поголовно перешла въ „нѣмцы“.

„Вступивъ однажды въ нѣмцы, выйти изъ нихъ очень трудно, какъ свидѣтельствуетъ весь петербургскій періодъ. Какой-то нервъ портится, какой-то уголъ отшибается и въ силу этого теряется всякая возможность понимать что-нибудь русское,—по крайней мѣрѣ, то русское, которое составляетъ народную особность.

„Дѣло-то въ томъ, что жизнь русскую, неустановившуюся, задержанную и искаженную, вообще трудно понимать безъ особеннаго сочувствія, но во сто разъ труднѣе въ *нѣмецкомъ переводѣ*; а мы ее только въ немъ и читаемъ. Она ускользаетъ отъ чужихъ опредѣленій, а сама не достигла того устоявшагося полнаго сознанія и отчета, которое является у старыхъ народовъ вмѣстѣ съ сѣдиною и печальнымъ припѣвомъ: si jeunesse savait, si vieillesse pouvait!

„Вмѣсто статистическихъ, юридическихъ, историческихъ торныхъ дорогъ, по которымъ мы ѣздимъ во всѣ стороны на западѣ, у насъ вездѣ лѣсъ, проселки, дичь... Стремленія, способности, огромный ростъ, въ ужасъ приводящее молчаніе и какой-то народный бытъ, засыпанный мусоромъ... Вотъ и все. Есть признаки, *примѣты*, звуки, симпатіи, по которымъ многое дѣлается понятнымъ для простаго ума, т. е. не предупрежденнаго, для простаго сердца, для кровной связи. Это чутье совершенно притупляется нѣмецкой дрессировкой.

„Кто не видалъ въ свою жизнь истаго городскаго жителя, какъ онъ теряется въ полѣ, въ лѣсу, въ горахъ?.. Ни будочника, чтобы спросить дорогу, ни номеровъ, ни фонарей. А крестьянскій мальчикъ попѣваетъ пѣсни, щелкаетъ орѣхи и преспокойно идетъ домой.

„Той ясности, той легкости, къ которой насъ пріучаетъ чтеніе духовныхъ завѣщаній, надгробныхъ надписей, оконченныхъ процессовъ, мы не находимъ и, обращаясь къ хаосу русской жизни, ломаемъ и гнемъ непонятные факты въ чужую мѣру“. (VI, 258).

Герценъ, конечно, не такой безпомощный туристъ, какъ наши интеллигенты подъ нѣмца, которымъ безъ будочника чистый зарѣзъ. Но онъ все еще видитъ хаосъ тамъ, гдѣ крестьянскій мальчикъ преспо-

койно идетъ домой. Онъ все еще чужой въ этой мѣстности, хотя лучше другихъ находитъ дорогу.

„Европа послѣ всѣхъ реформъ и революцій, остановилась на грудахъ труповъ, по колѣна въ крови передъ страшнымъ, неразрѣшимымъ сфинксомъ—поземельной собственности и пролетаріата, капитала и работника. Ни французскій дѣлежъ земли на атомы, ни паразитная жизнь англійскаго фермерства—ничего не устраняютъ, ничего не предупреждаютъ. Земли становится меньше и меньше, владѣлецъ губитъ пахаря, капиталъ работника—и хоръ пролетаріевъ изъ мастерскихъ, изъ фабрикъ, съ полей, все сильнѣе и сильнѣе поетъ ліонскій припѣвъ: „свинецъ или хлѣбъ! смерть или работу“!

„Говорятъ, что возлѣ есть народъ, у котораго совсѣмъ другое отношеніе къ поземельной собственности, у котораго на дѣлѣ существуютъ вѣками уцѣлѣвшіе разные виды коммунистическаго владѣнія землею—отъ ежегоднаго дѣлежа полей между общинниками до полной собственности. Правда-ли, нѣтъ-ли, но согласитесь, что при настоящемъ положеніи экономическаго вопроса нельзя не изслѣдовать такого важнаго факта. Изученіе его можетъ-же дать столько-же наблюденія, какъ микрометрическіе опыты фаланги и икарійцевъ?

„Что же вы думаете? Обратились-ли люди на эти факты, изучили ихъ, опровергли, подтверждали? Нѣтъ. Они осмѣяли тѣхъ, которые говорили“. (VI, 222—223).

Соціализмъ и коммунизмъ здѣсь, конечно, ни къ чему. Это остатки идейнаго жупела. Внѣшнее сходство въ отношеніяхъ къ землѣ еще не сглаживаетъ глубокой разницы въ отношеніяхъ къ ближнему. А въ этомъ вся суть. Тѣмъ не менѣе Герценъ глубоко правъ, когда смѣется надъ идейными педантами, которые боятся найти то, чего такъ ищутъ.

XVIII.

„Мы господскіе, а земля наша“.

„Представьте себѣ то удивленіе, которымъ было поражено наше образованное меньшинство, когда оно, обращая съ отчаяніемъ взглядъ свой средь этого кораблекрушенія въ эту темную ночь и не находя нигдѣ ни совѣта, ни помощи, ни указанія, ни маяка, увидѣло какой-

то тусклый свѣтъ и этотъ свѣтъ мерцалъ отъ лучины, зажженной въ избѣ русскаго мужика!

„...Этотъ дикій, этотъ пьяный, въ бараньемъ тулупѣ, въ лаптяхъ, ограбленный, безграмотный, этотъ парій, котораго лучшіе изъ насъ хотѣли изъ милосердія оболванить, а худшіе продавали на свозъ и покупали по счету головъ, этотъ нѣмой, который въ сто лѣтъ не вымолвилъ ни слова и теперь молчитъ,— будто онъ можетъ что-нибудь внести въ тотъ великій споръ, въ тотъ нерѣшенный вопросъ, передъ которымъ остановилась Европа, политическая экономія, экстраординарные и ординарные профессора и государственные люди?

„Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ онъ внести, кромѣ продымленнаго запаха черной избы и дегтя?

„Вотъ подите тутъ и ищите справедливости въ исторіи: мужикъ нашъ вноситъ не только запахъ дегтя, но еще какое-то допотопное понятіе о *правѣ каждаго работника на даровую землю*. Какъ вамъ нравится это? Положимъ, что еще можно допустить *право на работу*. Но—*право на землю*?

„А между тѣмъ оно у насъ больше, чѣмъ право: оно фактъ. Оно больше, чѣмъ признано: оно существуетъ. Крестьянинъ на немъ стоитъ. Онъ его мѣритъ десятинами и для него его право на землю послѣдствіе *рожденія* и *работы*. Оно такъ-же несомнѣнно въ народномъ сознаніи, такъ-же логически вытекаетъ изъ его понятія родины и необходимости существованія возлѣ отца, какъ право на *воздухъ*, пріобрѣтаемое дыханіемъ, вслѣдъ за отдѣленіемъ отъ матери.

„Право каждаго на пожизненное обладаніе землею до того вросло въ понятія народа русскаго, что, переживая личную свободу крестьянина, закабаленнаго въ крѣпость, оно выразилось повидимому—безсмысленной поговоркой: *мы господскіе, а земля наша*“. (VI, 283—284).

Тутъ, конечно, своя логика. Долго и про себя мужикъ таилъ одну завѣтную думу. Если бы онъ умѣлъ говорить по нашему, онъ сказалъ бы, что господа—одна изъ равновидностей пролетаріата, что они не прочно сидятъ на землѣ, что они со временемъ „пройдутъ“, какъ проходятъ другія формы пролетарской притязательности и въ сущности болѣзненнаго безволія. Оторвавшись отъ земли и работы, люди всегда не знаютъ, чего хотѣть, раскидываются на всѣ стороны разомъ

и разсѣиваются, какъ пыль, когда угомонится вѣтеръ. И теперь на землѣ ничего, кромѣ деревни, прочнаго нѣтъ.

„Сверхъ признанія права каждаго на землю, въ народномъ бытѣ нашемъ есть другое начало, необходимо пополняющее первое, безъ котораго оно никогда не имѣло-бы своего полнаго развитія. Это начало состоитъ въ томъ, что земля на пользованіе которой каждый имѣетъ право, съ тѣмъ вмѣстѣ никому не принадлежитъ *лично и потомственно*.

„Далѣе, *право на землю* и *общинное владѣніе* ею предполагаютъ сильное *мірское устройство*, какъ родоначальную базу всего государственнаго зданія, долженствующаго развиться на этихъ началахъ. Мірское управленіе уцѣлѣло подъ гнетомъ иностраннаго правительства и помѣщичьей власти—такъ, какъ въ Мореѣ уцѣлѣло коммунальныя и городскія права подъ властью Османлисовъ. Этотъ характеръ мірскаго управленія русскихъ деревень поразилъ Гакстгаузена, потомъ разныхъ американскихъ путешественниковъ и въ томъ числѣ извѣстнаго экономиста Кэри, который мнѣ самъ говорилъ, возвратясь изъ Россіи въ нынѣшнемъ году, что „въ мірскомъ началѣ нашихъ коммунъ лежитъ великая основа самоуправленія“.

„Итакъ, элементы, вносимые русскимъ крестьянскимъ міромъ, элементы стародавніе, но теперь приходящіе къ сознанью и встрѣчающіеся съ западнымъ стремленьемъ экономическаго переворота, состоятъ изъ трехъ началъ, изъ:

1. права каждаго на землю,

2. общиннаго владѣнія ею,

3. мірскаго управленія.

„На этихъ началахъ и *только на нихъ* можетъ развиться будущая Русь“. (VI, 184—285).

Всѣ элементы формулы русской общинности на лицо, но сама формула поставлена вверхъ ногами: слѣдствія поставлены на мѣсто причинъ, а причины на мѣсто слѣдствій. Прежде всего, мірское самоуправленіе въ той формѣ, въ которой оно существуетъ, возможно только на почвѣ христіанскихъ понятій въ ихъ православномъ пониманіи. Только поэтому и возможно общинное владѣніе ею, а отсюда и права на землю.

„Община спасла русскій народъ отъ монгольскаго варварства, отъ

выкрашенныхъ по-европейски помѣщиковъ и отъ нѣмецкой бюрократіи. Общинная организація, хотя и сильно потрясенная, устояла противъ вмѣшательствъ власти; она благополучно дожила *до развитія соціализма въ Европѣ*.

„Это обстоятельство безконечно важно для Россіи“. (V, 274).

„Народъ русскій все вынесъ, но спасъ общину. Община спасла народъ русскій. Уничтожая ее, вы отдаете его, связаннаго по рукамъ и ногамъ, помѣщику и полиціи. И коснуться до нея въ то время, когда Европа оплакиваетъ свое раздробленіе полей и всѣми силами стремится къ какому-нибудь общинному устройству“! (V, 295—296).

„Скорость, съ которою часть населенія покорилась европейскимъ обычаямъ, отрекшись отъ своихъ старыхъ привычекъ, ясное доказательство того, что московское государство никогда не было полнымъ выраженіемъ жизни народной и что существованіе его было только временное. Одни крестьяне противодѣйствовали, когда перемѣны касались ихъ быта и, страдательно уклоняясь, не приняли преобразованій Петра I. Они остались вѣрнымъ хранителемъ народности, основанной (по выраженію Мишле) на *коммунизмѣ*, т. е. на постоянномъ раздѣлѣ полей по числу работающихъ и на отсутствіи личнаго обладанія землею“. (V, 307—308).

XIX.

Община и земля.

Община и общинное владѣніе землею — несомнѣнный и, конечно, очень крупный фактъ въ жизни русскаго народа. Это одна изъ внѣшнихъ оболочекъ, которыя прикрываютъ тайны русской народной психологіи и поэтому будущей русской философіи. Если онъ не ускользнулъ отъ вниманія нѣмца Гакстгаузена, заѣзжаго туриста, то конечно, Герцену, когда онъ откладывалъ идейные телескопы и микроскопы, было гораздо ближе это характерное явленіе русской жизни. Но объяснить его онъ не могъ. Его мысль дальше внѣшности и поверхности не проникала.

Правда, онъ бросалъ намеки, которые доказываютъ, что и ему извѣстна тайна удивительнаго и для чужихъ непонятнаго строя жизни. Онъ говорилъ, что у мужика не только иныя, чѣмъ на Западѣ, от-

ношенія къ землѣ, но и иныя отношенія къ ближнимъ. На этой точкѣ ему слѣдовало-бы остановиться. Не стоятъ-ли тѣ и другія отношенія въ взаимной связи?—Не обусловливаютъ-ли они другъ друга? А если такъ, то что ставить въ первую голову —землю или ближнихъ? Землю,—говорилъ Герценъ. Ближнихъ,—говорятъ славянофилы.

Здравый смыслъ и логика здѣсь, конечно, не на сторонѣ Герцена. Отношенія къ землѣ въ русской общинѣ являются отношеніями не къ землѣ собственно, а къ тѣмъ-же ближнимъ. Отношенія къ землѣ, какъ—по теперешней пролетарской терминологіи—мертвому орудію производства, никакого нравственнаго начала въ себѣ не заключаютъ и заключать не могутъ. Они окрашиваются бытовою, моральною и духовною радугою только на почвѣ отношеній къ ближнимъ.

Это, можно было бы сказать, азбучная истина. Но плохо ученымъ и особенно идейнымъ людямъ—она совершенно недоступна. Чѣмъ ученѣе по современной научности человѣкъ, тѣмъ онъ простоватѣе, довѣрчивѣе, наивнѣе и тупѣе. Онъ вѣритъ книжкѣ и претендуетъ понимать только непонимаемое. Поэтому все простое и ясное для него совершенно не существуетъ.

Слѣды идейной ограниченности замѣчены и на отношеніяхъ Герцена къ общинѣ. Иногда онъ бьетъ совсѣмъ не въ тотъ колоколъ. Вмѣсто трезвона иногда начинаетъ бить въ набатъ, возвѣщая пожаръ или мятежъ, когда все просто, мирно и спокойно. Сюда относятся всѣ его рѣчи о соціализмѣ и коммунизмѣ. Не на русской почвѣ создались эти понятія и къ русской почвѣ никогда не подходили и не подойдутъ. Въ нихъ совсѣмъ другая психологія и именно поэтому они не примѣнимы къ русской жизни. Западный коммунизмъ на русской почвѣ перестаетъ быть коммунизмомъ. На западной почвѣ онъ возникъ изъ началъ эгоизма, утилитаризма, классовой борьбы, борьбы за существованіе,—изъ началъ, которыхъ нѣтъ въ русской совѣсти. Коммунизмъ и соціализмъ носятъ признаки принужденія, насильственности, тиранніи. Общинное землепользованіе смѣшно и безсмысленно внѣ общаго добровольнаго соглашенія.

Соціалистическая коммуна имѣетъ въ виду землю, только какъ орудіе производства, и во всемъ преслѣдуетъ только матеріальныя цѣли. Русская община прежде всего и самымъ существеннымъ образомъ институтъ моральный. Коммунистическая община—какъ всякая отвлечен-

ная доктрина, какъ всякая идейная утопія—стоитъ внѣ времени и пространства, пріобрѣтаетъ абсолютное значеніе, т. е. для каждаго народа и каждой эпохи. Поэтому она неподвижна, неуклюжа, стѣсняетъ свободу совѣсти и личности, т. е. попросту мертва уже въ зародышѣ, какъ всѣ мечты и грезы пролетаріата.

Русская община зорко смотритъ на давно и хорошо знакомую среду, видитъ каждую перемѣну въ личностяхъ и обстоятельствахъ, приспособляется ко всякимъ перемѣнамъ, каждую минуту живетъ и творитъ, нуждается въ догадкѣ и вдохновеніи, находчивости и смѣтливости, нуждается въ каждомъ умѣ и каждой способности. Рѣшеніе общины—плодъ личныхъ способностей и личной находчивости каждаго отдѣльнаго члена, оформленный и сглаженный авторитетомъ общаго согласія и одобренія. Эта автономная семья, съ которой всѣ до одного члены безусловно автономны въ своихъ мнѣніяхъ и рѣшеніяхъ, но ради общаго блага въ дѣятельности ближайшей и непосредственной добровольно подчиняются общему соглашенію и приговору.

До такой общины и коммунизму, и коллективизму далеко. Это мертвецы съ людныхъ улицъ Запада, гдѣ каждый живетъ для себя. На просторѣ полей сильнѣе и слышнѣе запахъ ихъ разложенія и гніенія. Въ русской деревнѣ онъ не ко двору: тамъ несравненно выше, цѣльнѣе, справедливѣе и умнѣе строй общественной жизни. Ни коммунизмъ, ни соціализмъ съ христіанствомъ не совмѣстимы. Это языческій режимъ поголовной сытости, по мнѣнію сторонниковъ,—полунищеты и полусытости на самомъ дѣлѣ. Это начала стадной, почти скотской жизни, что бы ни болтали мечтатели и педанты. Русская община состоитъ изъ людей, изъ которыхъ каждый имѣетъ голосъ и право рѣшенія.

Н. М. Соколовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Правда о занятіяхъ духовенства сельскимъ хозяйствомъ.

Въ повременной печати — свѣтской и духовной нерѣдко теперь встрѣтишь рецепты по уврачеванію язвъ экономическаго быта приходскаго духовенства. По одному изъ такихъ рецептовъ, духовенству рекомендуется, между прочимъ, внимательнѣе отнестись къ церковной землѣ и примѣненіемъ новыхъ, лучшихъ способовъ обработки земли возможно полнѣе использовать этотъ источникъ причтоваго содержанія. И вотъ, когда приходится читать и слышать благожелательные совѣты въ этомъ родѣ, невольно раздумываешь о практической пригодности ихъ, цѣлесообразности и совмѣстимости ихъ выполненія съ достоинствомъ нашего пастырства, какъ апостольскаго служенія. А на встрѣчу думамъ встаетъ рядъ картинъ изъ будней жизни, въ воспоминаніи мелькаютъ знакомые образы, лица...

I.

Въ уѣздномъ городѣ ярмарка, главнымъ образомъ конная и рогатаго скота. Кругомъ шумъ, крикъ и гвалтъ невообразимые... Громкое ржанье лошадей, оглушительное мычанье коровъ, споры продавцовъ и покупателей и крѣпкая русская брань, божба и клятва цыганъ и кулаковъ и пр. и пр.

— Эй, духовный! отецъ духовный!.. постой, остановись, сдѣлай милость,— послышался плаксивый, умоляющій голосъ.

Мы съ товарищемъ, будучи случайными гостями ярмарки, остановились оба, принявши плаксивую просьбу на счетъ одного кого-либо изъ насъ. Недоразумѣніе наше тотчасъ разъяснилось.

На плоскодонной, обыкновенной барышнической телѣгѣ съ коновя-

зями, запряженной хорошо выкормленной лошадью,—безъ подстилки, безъ кучера, стоя на колѣнахъ, ѣхалъ кто-то изъ духовныхъ,—но кто именно? трудно было угадать: псаломщикъ или діаконъ,—предположить-же въ немъ священника нельзя было никакъ. Атлетъ по сложенію, косая сажень въ плечахъ, съ серебристыми, сѣдѣющими космамы волосъ, выбившимися изъ-подъ надвинутой на брови высокой шапки,—съ кнутомъ за кушакомъ, перехватившимъ заплатанный въ нѣсколькихъ мѣстахъ ватный подрясникъ,—ѣхавшій духовный во многомъ напоминалъ Лѣсковскаго діакона Ахиллы Десницына. Слѣдомъ за нимъ, запыхавшись, стараясь догнать, трусилъ мелкой рысцой, сидя верхомъ, оборванный, лохматый мужиченко. Лошадь сильно хромала на одну изъ переднихъ ногъ и, видимо, выбивалась изъ силъ, повинуясь стегавшему ее сѣдоку. Сѣдокъ, не надѣясь догнать „духовнаго", надрывающимъ душу крикомъ просилъ его остановиться. „Духовный", наконецъ, внялъ мольбамъ, попридержалъ возжи и пустилъ лошадь вольнымъ шагомъ, поджидая мужика.

— Отецъ духовный, яви Божескую милость,—вопитъ мужичекъ,—возьми назадъ лошадку, которую ты мнѣ продалъ. Отдай мнѣ деньги и получи ее. Не попробовалъ я при покупкѣ, какъ она бѣжитъ, повѣрилъ твоимъ словамъ, что лошадь во всемъ исправная, а она, вонъ, оказалась совсѣмъ хромою. Пожалѣй, кормилецъ, ради Истиннаго Бога,—вѣдь, послѣднія кровныя денежки отдалъ тебѣ,—ну, а работать, видишь самъ, опять будетъ не на комъ.

— Ну, братъ, сама себя раба бьетъ, что не чисто жнетъ. Видѣлъ, что покупалъ,—и пользуйся. Мертвыхъ съ погоста, самъ знаешь, не носятъ,—какъ-то особенно невозмутимо-равнодушно отвѣчалъ духовный и, стегнулъ кнутомъ лошадь, скоро исчезъ изъ глазъ мужика и начинавшей собираться толпы праздничныхъ любителей ярмарочныхъ сценъ.

Мужикъ завылъ-заголосилъ. Одни изъ толпы находили положеніе обманутаго мужика смѣшнымъ и открыто издѣвались надъ его оплошностью. Другіе—большинство—разразились цѣлымъ потокомъ бранныхъ словъ по адресу уѣхавшаго духовнаго.

— Захотѣлъ ты милости отъ кого ждать?!—говорили они мужику.—Не знаешь-же ты, братъ, его. А онъ на ярмаркахъ всегда и ищетъ такихъ покупателевъ, которые его не знаютъ. Скорѣй камень

треснетъ, чѣмъ онъ надъ тобой смилостивится. Любого барышника за поясъ заткнетъ и нашего брата-мужика очень хорошо понимаетъ. Купитъ себѣ лошаденку за полцѣны, проработаетъ на ней лѣто, а потомъ, какъ ярмарка, „вдвадорога“ за нее-же сдеретъ. Священникъ, вѣдь, — ну, какъ тутъ не повѣришь его слову? А повѣришь, вонъ оно что выходитъ. Потомъ самъ-же надъ тобой и издѣвается...

Мы поспѣшили съ товарищемъ поскорѣй убраться, дабы не слышать новаго потока заочныхъ „благопожеланій“ самого пострадавшаго и сочувствовавшей его горю толпы уѣхавшему священнику, его женѣ, его дѣтямъ, матери и всему родству и свойству.

— Ты не знаешь, — спрашиваю у товарища, — что это за священникъ?

— Удивительно, какъ ты его не знаешь, — было отвѣтомъ на мой вопросъ. — Это-же одинъ изъ крупныхъ богатѣевъ и хозяинъ, какихъ мало, — Н— скій священникъ. — И товарищъ попутно сообщилъ столько любопытныхъ свѣдѣній о хозяйственныхъ способахъ быстрой наживы, практикуемыхъ этимъ священникомъ, что... „не лѣть есть глаголати“.

II.

На большой, трактовой дорогѣ, не далеко отъ села Н. расположился постоялый дворъ съ обширными надворными постройками-кладовыми, амбарами и сараями. Содержателемъ постоялаго двора состоитъ сынъ священника села Н., извѣстнаго далеко въ округѣ за „образцоваго“, дѣятельнаго хозяина. Въ желаніи имѣть надежнаго помощника въ широко-организованномъ сельскомъ хозяйствѣ священникъ рѣшилъ, что первоначальной школьной грамотности и быстраго умѣнья щелкать на торговыхъ счетахъ вполнѣ достаточно для тѣхъ занятій, къ которымъ предназначался его сынъ. Наибольшее вниманіе было обращено на развитіе практическихъ, хозяйственныхъ способностей сына подъ непосредственнымъ руководствомъ отца. И сынъ оказался понятливымъ, толковымъ ученикомъ, и скоро превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія отца. Церковной земли, въ значительномъ, сверхъ обычной пропорціи, количествѣ для совмѣстной дѣятельности по сельскому хозяйству отца съ сыномъ было уже мало. Воспользовавшись удобнымъ случаемъ продажи смежной земли, отецъ съ сыномъ прику-

пили десятинъ пятьдесятъ. Подъ опытнымъ руководствомъ отца и тщательнымъ надзоромъ сына, хозяйство шло успѣшно, давало большіе барыши. Отецъ съ сыномъ не знали, не переживали никакихъ сельско-хозяйственныхъ кризисовъ. Да и откуда имъ было взяться, когда большая часть сельско-хозяйственныхъ полевыхъ работъ исполнялась безъ затратъ, безплатными руками. Отецъ каждый годъ составлялъ списокъ приходскихъ жениховъ и невѣстъ и, по мѣрѣ надобности, требовалъ ихъ то на покосъ, то на жниво, то на молотьбу. Отказаться отъ этихъ требованій значило бы потерять добрыя отношенія священника,—подвергнуть себя всякаго рода непріятностямъ со стороны духовнаго отца и двойной цѣнѣ за вѣнчаніе. На работы къ священнику шли такъ-же многочисленные приходскіе должники. Одни изъ нихъ въ свое время оказались несостоятельными въ платежахъ за требы и отбывали свой долгъ полевымъ трудомъ; другіе одолжились у батюшки по веснѣ, кто—восьминкою, кто—четвертью ржицы и теперь работали „за процентъ“. И тѣмъ, и другимъ должникамъ такъ-же тщательно и исправно велся списокъ.

Обычная область сельскаго хозяйствовѣдѣнія скоро была уже тѣсна для отца и сына. Съ общаго совѣта рѣшено было поставить „дѣло“ шире и испытать свои силы въ промысловыхъ сельско-хозяйственныхъ предпріятіяхъ. Первымъ опытомъ въ этомъ родѣ было содержаніе сыномъ постоялаго двора на большой дорогѣ. Доказавши достаточно свои способности въ руководствѣ дѣломъ сельскаго хозяйства, сынъ не менѣе блестяще обнаружилъ ихъ и въ качествѣ содержателя постоялаго двора, главнымъ образомъ—кабатчика. Случайные заѣзжіе посѣтители двора не могли надивиться искусству безпатентной торговли водкой и превращенія послѣдней въ воду. Сынъ затѣмъ занялся ссыпкою конопли и въ этомъ дѣлѣ превзошелъ всѣхъ кулаковъ-міроѣдовъ—Колупаевыхъ и Разуваевыхъ. Отецъ устроилъ „маслобойню“ и повелъ широко и не безъ выгоды торговлю масломъ и жмыхами. И росло, и ширилось „дѣло“ отца съ сыномъ, и росли, и увеличивались съ каждымъ днемъ ихъ оборотные и запасные капиталы... И славны они были по всей той округѣ, какъ опытные и искусные хозяева-практики...

III.

Но оставимъ такіе случаи и обратимся къ общимъ сужденіямъ о совмѣстности сельско-хозяйственныхъ занятій съ достоинствомъ нашего пастырства.

Наши благожелатели, умышленно или нѣтъ, всегда имѣютъ въ виду здѣсь одну лишь отрасль сельскаго хозяйства, именно—полеводство, оставляя почему-то въ сторонѣ всѣ остальныя, какъ: скотоводство, домоводство и различнаго рода сельско-хозяйственную промышленность. Въ занятіяхъ земледѣліемъ они не видятъ ничего зазорнаго для нашего сана и связанныхъ съ нимъ обязанностей, въ подтвержденіе своего взгляда любятъ ссылаться на примѣръ Спасителя, не гнушавшагося занятій плотничнымъ ремесломъ и скорбятъ лишь о томъ, что духовенство до сихъ поръ придерживается ручныхъ способовъ обработки земли, не хочетъ или не умѣетъ перейдти къ раціональному, интенсивному землепользованію.

На нашъ взглядъ отправной пунктъ подобныхъ сужденій не вѣренъ уже по одному тому, что тутъ нравственной оцѣнкѣ подвергается одна лишь отрасль сельскаго хозяйствовѣдѣнія. А между тѣмъ, заговоривши о полеводствѣ, нельзя уже молчать и о другихъ отрасляхъ, составляющихъ вмѣстѣ съ первымъ полный кругъ сельскаго хозяйствовѣдѣнія. Полеводство немыслимо безъ скотоводства, послѣднее — безъ купли-продажи; продукты полевого хозяйства также требуютъ сбыта. Сельское хозяйство для того, чтобы стать источникомъ хорошаго дохода, безусловно должно принять характеръ одного изъ видовъ обрабатывающей промышленности. А понимаемое въ этомъ, единственно отвѣчающемъ дѣйствительности, смыслѣ, оно, это сельское хозяйство, есть уже далеко не простая, невинная вещь, подобно плотничному ремеслу Спасителя, и вопросъ, насколько желателенъ священникъ, опытный и дѣеспособный хозяинъ-практикъ, съ точки зрѣнія соотвѣтствія его занятій съ лежащимъ на немъ саномъ, явится уже въ другомъ освѣщеніи. Изъ фактовъ, приведенныхъ нами изъ дѣйствительности, отвѣтъ на него слѣдуетъ совершенно другой, нежели даваемый многими защитниками хозяйничанья клириковъ. И у русскаго священника, приложившаго свой умъ и сердце къ широкой эксплоатаціи сельскаго хозяйства, часто практикуются тѣ-же нравственные принципы, что и

у любого кулака-міроѣда: „Своя рубашка къ тѣлу ближе“, „Не обманешь,—не продашь“, „Отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ“ и мн. т. п....

Но скажутъ: приводимые нами примѣры исключительны. Пусть такъ. Но что скажутъ противъ слѣдующихъ обычныхъ явленій въ с.-хозяйственной практикѣ каждаго священника. Наступаетъ „рабочая пора“,—когда для каждаго хозяина время особенно дорого,—когда, по народному выраженію, „день годъ кормитъ“. Желая управиться съ полевыми работами наемными руками и часто не отыскавши такихъ рукъ и за любую плату, вы отстаете съ уборкой хлѣбовъ отъ другихъ,—вы волнуетесь, безпокоитесь, какъ-бы всѣ предшествовавшіе ваши труды и потраченныя средства не пропали даромъ. Долго-ли до бѣды? Ни оттуда, ни отсюда зайдетъ туча, пойдетъ дождь, а то и вовсе градъ и—пиши все пропало. Послѣ нѣкотораго раздумья вы приходите къ рѣшенію, находите исходъ, какъ наверстать потерянное время, не рискуя остаться въ большомъ убыткѣ. Въ слѣдующій-же праздникъ или воскресный день вы заказываете матушкѣ испечь пироги, распорядиться насчетъ съѣдобнаго угощенья,—покупаете ведро, два водки и приглашаете прихожанъ „на помочи“, „на толоку“, Крестьяне охотно идутъ на эту приманку батюшки въ праздничный, нерабочій день. „Утру глубоку“ того-же дня вами наскоро, лишь „для очистки совѣсти“, совершается съ пятаго на десятое церковное богослуженіе, а затѣмъ вы вступаете въ отправленіе обязанностей, ничего общаго съ вашимъ пастырствомъ не имѣющихъ. Вооружившись „четвертной бутылью“ и большимъ стаканомъ, начинаете „угощать“ мужиковъ.

— Своему здоровью, батюшка!—слышатся предложенія собравшейся толпы.

Вы отказываетесь подъ какимъ-нибудь предлогомъ, но мужики настаиваютъ на своемъ,—имъ „лестно“ выпить съ батюшкой. И чувствуя себя въ этотъ день рабомъ толпы и исполнителемъ ея капризовъ, вы осушаете первый стаканъ. Стаканъ затѣмъ начинаетъ гулять по рукамъ и устамъ прихожанъ; устраивается, съ благословенія и примѣра священника, общественное пьянство. Попробуйте подвести итогъ въ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ этого дня. Прежде всего, вы нарушили, оскорбили покой и святость праздничнаго дня, пригласивши

прихожанъ на работу, были невнимательны и нерадивы въ отправленіи церковнаго богослуженія, причащались св. Таинъ безъ всякой мысли о величіи таинства, ибо онѣ, эти мысли, въ тотъ день были заглушены въ васъ безпокойными думами, какъ-бы поменьше израсходовать, побольше сдѣлать работы и, наконецъ, своимъ благословеніемъ и примѣромъ произвели въ своемъ приходѣ пьянство. Прислушайтесь къ голосу своей пастырской совѣсти и она скажетъ вамъ, во что обошлось вамъ хозяйство въ этотъ день.

Положимъ, что вы успѣшно управляетесь съ полевыми работами, не прибѣгая къ подобнымъ способамъ управки. Но у васъ вся церковная земля—полевая, сѣнокосной нѣтъ. Безъ сѣна, этого главнѣйшаго кормового продукта для скота, вамъ не обойтись. И, вотъ вы въ сѣнокосную пору обращаетесь къ тѣмъ изъ прихожанъ, которые владѣютъ большими сѣнокосными участками и просите ихъ продать вамъ сколько-нибудь сѣна. Мужики, не долго думавши, рѣшительно заявляютъ вамъ, что продажнаго сѣна у нихъ нѣтъ, „а, вотъ, ежели за могарычъ, то для твоей милости—съ великимъ предовольствіемъ. Пріѣзжай ужо, батюшка, къ вечеру, привези ведерочки двѣ водочки, а мы тутъ посовѣтаемъ промежъ себя и отведемъ возковъ на пять, на шесть“. И опять вы вечеромъ ѣдете на телѣгѣ, нагруженной четвертными бутылями, къ мужикамъ на сѣнокосъ, поите ихъ водкой и сами принимаете участіе въ ихъ выпивкѣ.

А, вотъ, вы, будучи рачительнымъ хозяиномъ, опытно убѣждаетесь, что содержимыя вами коровы простой породы мало даютъ молока и не особенно цѣнны въ продажѣ. Нужно улучшить породу и въ этихъ видахъ вы покупаете бычка-производителя семментальской породы. А чтобы съ возможно-большей пользою для себя эксплуатировать доходность, доставляемую бычкомъ, вы входите въ соглашеніе съ крестьянами. Обрисовавши всѣ прелести семментальской породы, за условную цѣну деньгами или „натурой“, отдаете крестьянамъ въ стадо бычка „на нагулъ“. И что-же, говорятъ-ли эти и под. факты за совмѣстимость с.-хозяйственныхъ занятій съ священнымъ достоинствомъ нашего сана?..

IV.

Рекомендуя, далѣе, духовенству усердныя занятія сельскимъ хозяйствомъ, многіе закрываютъ глаза и ничего не хотятъ знать о сложности постороннихъ обязанностей, не оставляющихъ прямо-таки времени для какихъ-либо хозяйственныхъ занятій. Самыя эти занятія почему-то ограничиваются тѣснымъ кругомъ лишь лѣтнихъ полевыхъ работъ. На дѣлѣ далеко не такъ. Тамъ, гдѣ хозяйство ведется интенсивно (а лишь при такомъ только веденіи оно въ состояніи быть источникомъ хорошаго дохода), оно требуетъ къ себѣ усерднаго вниманія, заботливыхъ хлопотъ и работъ во весь круглый годъ.

Весною вы пашете, засѣваете землю. Только что кончили занятія этого рода,—подошла сѣнокосная пора. Не успѣли управиться съ сѣнокосомъ,—рожъ подошла, овесъ поспѣлъ и другіе яровые посѣвы. Кончилась уборка хлѣба съ полей, началась молотьба, производится посѣвъ озимыхъ хлѣбовъ. Сентябрь уже на исходѣ, „осень на дворъ черезъ прясло глядитъ“, а вы еще не успѣли управиться съ коноплею. А тамъ еще ждутъ своей уборки различные корнеплоды, картофель, огородныя овощи. Управились вы со всѣмъ въ концѣ октября, подводите итоги с.-хозяйственному году. Опредѣляете, сколько у васъ хлѣба на продажу, сколько оставить въ запасъ на расходъ по хозяйству,—сколько конопли переработать въ масло и оставить на сѣмена. Направляете затѣмъ ваше вниманіе въ сторону полученія возможно большей выгоды при сбытѣ с.-хозяйственныхъ продуктовъ, слѣдите аккуратно за курсовой цѣной на хлѣбъ и пр., стараетесь воспользоваться благопріятнымъ моментомъ повышенія цѣнъ на хлѣбномъ рынкѣ и т. п. Тамъ, одна-двѣ лошади оказались лишними на зиму,—опять заботы—сбыть возможно выгоднѣй, таскань по ярмаркамъ и продажа съ практикой иной разъ тѣхъ-же пріемовъ, которыми не гнушался и выведенный нами въ началѣ статьи „духовный отецъ“. Затѣмъ въ своихъ хозяйственныхъ планахъ рѣшаете закормить одну пару свиней на продажу, другую—себѣ на убой. Хозяйскій глазъ вездѣ нуженъ: тамъ отелилась корова, тамъ лошадь принесла породистаго жеребенка. Все требуетъ вниманія, бдительнаго надзора, тщательнаго хозяйскаго ухода и т. д., и т. д...

Нужно-ли на это время?—Безъ сомнѣнія, и не малое, а ровно таки 365 дней въ году. А исполненіе пастырскихъ обязанностей? Развѣ оно лежитъ внѣ времени и пространства?

Пастырскія обязанности, говорятъ, несложны, и отъ исполненія ихъ у священниковъ остается много свободнаго, празднаго времени, особенно въ періодъ лѣтнихъ полевыхъ работъ, когда прихожане-крестьяне поголовно бываютъ заняты этими работами, рѣже посѣщаютъ храмъ и нечасто требуютъ духовенство для отправленія различныхъ требъ и молебновъ по домамъ. Вообще, наши крестьяне пріурочиваютъ удовлетвореніе большинства своихъ религіозныхъ потребностей къ свободному для себя времени — осеннему, зимнему и отчасти весеннему. Въ нашихъ мѣстахъ періодъ такого времени обнимаетъ собою девять мѣсяцевъ въ году—съ сентября по май. Посмотримъ, чѣмъ занимается приходскій священникъ въ теченіе этого періода, при чемъ напередъ спѣшимъ оговориться, что, при описаніи этихъ пастырскихъ занятій, будемъ имѣть въ виду священника, сознательно и ревностно относящагося къ своему пастырскому долгу.

За это время въ нашемъ, напр., приходѣ священникъ съ причтомъ ходитъ по домамъ прихожанъ съ крестомъ въ сентябрѣ, совершаетъ молебны по всему приходу съ чтимой иконой въ октябрѣ; передъ святками ходитъ „съ молитвой“, на святкахъ „христославитъ“, на Крещеніе ходитъ „съ водою“, подъ Пасху „съ молитвой“, на Пасху служитъ молебны по всему приходу съ иконами, послѣ Пасхи совершаются частые крестные ходы для молебствованія „на-зелени“, по колодцамъ, надъ скотомъ и т. п. За это же время у насъ бываетъ отъ 150 до 200 крестинъ, до 100 погребеній и столько-же случаевъ напутствованій больныхъ. За это-же время бываетъ очень много церковныхъ—воскресныхъ, праздничныхъ, заупокойныхъ и великопостныхъ богослуженій. Это-же время является наиболѣе удобнымъ для пастырской проповѣди съ церковной каѳедры, по обилію посѣщающихъ въ храмъ прихожанъ. По тѣмъ-же причинамъ то-же время наиболѣе удобно для пастырскихъ внѣбогослужебныхъ собесѣдованій преимущественно въ воскресные и праздничные дни. Это-же время посвящается усердной дѣятельности священника по законоучительству въ школахъ, иногда — въ трехъ-четырехъ и рѣдко—менѣе двухъ. Въ это-же время приходское духовенство, у насъ одинъ священникъ, ведетъ весь кругъ цер-

ковнаго письмоводства: метрики и росписи въ двухъ экземплярахъ, клировые—въ 4-хъ, приходо-расходныя, брачный журналъ, обыскъ брачный, выписи по воинской повинности, лѣтопись и пр. Тогда же духовенство должно наиболѣе усердно слѣдить и за воспитаніемъ собственныхъ малолѣтнихъ дѣтей, не поступившихъ еще въ духовно-учебныя заведенія...

Много-ли же отъ исполненія этихъ занятій у усерднаго, ревностнаго къ своему долгу священника насчитается за этотъ періодъ времени праздныхъ дней?—Рѣшительно ни одного. Будній, короткій осенній и зимній день цѣликомъ уходятъ на занятія въ школахъ, на письмоводство, домашнія занятія съ своими дѣтьми и на отправленіе приходскихъ требъ. Праздничный и воскресный день—на церковное богослуженіе, пастырское учительство и совершеніе приходскихъ богослуженій и молитвословій. У сельскаго священника въ этотъ періодъ времени нѣтъ прадниковъ, понимаемыхъ въ общемъ смыслѣ дней, посвященныхъ отдыху отъ трудовъ. А что и духовенство имѣетъ право на отдыхъ, вопросъ излишній, такъ какъ въ отдыхѣ не отказываютъ даже и каторжникамъ. И не будетъ-ли простою справедливостью отдать на сравнительно ограниченный по совершенію церковныхъ богослуженій и требъ отдыхъ духовенству тѣ три лѣтнихъ мѣсяца въ году, которые намъ рекомендуютъ посвящать на интенсивныя занятія сельскимъ хозяйствомъ? И не лучше ли, отложивши въ сторону предлагаемые „спеціальные с.-хозяйственные журналы, газеты и брошюры“, посовѣтовать тому-же духовенству обновить и освѣжить запасъ своихъ духовныхъ силъ изъ источниковъ, болѣе соотвѣтствующихъ своимъ содержаніемъ самому назначенію духовенства, чѣмъ свѣдѣнія по агрономіи, культурѣ табака, корнеплодовъ и пр.?...

V.

Резюмируя все выше сказанное, нужно признать, что сельско-хозяйственныя занятія и лежащія на насъ пастырскія обязанности взаимно исключаютъ другъ друга, что и засвидѣтельствовано еще 19 съ лишкомъ вѣковъ тому назадъ самимъ Пастыреначальникомъ–Христомъ

когда Онъ прямо и категорически заявилъ: „Не можете Богу работать и мамонѣ“. Въ священникѣ—рачительномъ и дѣятельномъ хозяинѣ напрасный трудъ искать „добраго пастыря“, бодрствующаго на стражѣ вѣчнаго спасенія своей паствы и ревностнаго служителя Таинъ Божіихъ. Такой пастырь—только „наемникъ“ и, расходуя постоянно и ежедневно весь запасъ своихъ духовныхъ и физическихъ силъ на интенсивныя занятія сельскимъ хозяйствомъ, на устройство своего жизненнаго благополучія, мало удѣляетъ вниманія своимъ чисто пастырскимъ обязанностямъ. Послѣднія часто забываются, игнорируются имъ и превращаются въ холодное, формальное, чисто механическое отправленіе церковно-приходской „службы“. Много было такихъ пастырей-наемниковъ въ „доброе старое время“ въ средѣ старозавѣтнаго сельскаго духовенства, выросшаго и воспитавшагося на почвѣ правовыхъ условій крѣпостнаго рабства и созданнаго имъ взгляда на священника, какъ на слѣпое орудіе барской воли, барскихъ капризовъ. Не мало, къ сожалѣнію, въ средѣ рядового, сельскаго духовенства найдется и теперь—въ нашъ холодный, позитивный вѣкъ—такихъ пастырей-наемниковъ, и типъ священника—опытнаго дѣльца и практика-хозяина „съ трезвымъ взглядомъ на жизнь“, едва-ли не преобладающій. Пастырская церковно-приходская дѣятельность ихъ... О ней лучше бы не говорить. Она вся ушла въ погоню за наживой, въ эксплуатацію сельскаго хозяйства, въ сколачиваніе капитала. Много-ли теперь священниковъ, „право правящихъ слово истины“? Церковное богослуженіе совершается сплошь и рядомъ кое-какъ, съ пятаго на десятое, съ однимъ желаніемъ лишь бы поскорѣе кончить скучную „службу“ и отдаться с.-хозяйственнымъ занятіямъ. „Служба на почтовыхъ“,—это терминъ, изобрѣтенный духовенствомъ. Требоисправленіе, совершеніе таинствъ превратилось въ ремесло. Вы платите рубль за крестины,—вашему ребенку—хорошее имя и самый чинъ совершенъ съ нѣкоторою внятностью и членораздѣльностью рѣчи. А вы—30 копѣекъ?—Получайте Касьяна и довольствуйтесь ролью истукана, стоящаго у купели и ничего, ровно таки ничего не понимающаго изъ того невнятнаго лепета, какимъ прочитываются всѣ молитвы въ чинѣ Крещенія.

А попробуйте обратить ваше вниманіе въ сторону самой священнѣйшей обязанности—пастырскаго учительства, и самое большее, что

вы услышите,—это первую, попавшую подъ руки печатную проповѣдь, читаемую съ каѳедры и съ такимъ заунывнымъ, псалтирнымъ речитативомъ, что едва-ли потомъ въ другой разъ у васъ явится охота слушать церковное поученіе. Отсутствіе личной инициативы, живого желанія вникнуть въ жизнь прихожанъ, горячимъ, убѣдительнымъ словомъ согрѣть ихъ сердца, освѣтить и расширить ихъ темный и тѣсный кругозоръ религіозно-нравственныхъ понятій,—отсутствіе всего этого красной нитью проходитъ черезъ всю пастырскую дѣятельность сельскаго хозяина-священника. Подобно богослуженію и требоисправленію, церковная проповѣдь превратилась также въ ремесло, исполняемое съ тѣмъ большею халатностью, что за него не платятъ, не даютъ цѣны, не представляютъ къ скуфьямъ и камилавкамъ. Для священника—усерднаго хозяина—въ отправленіи обязанностей пастырскаго учительства всякій аршинъ хорошъ, всякій шаблонъ удовлетворителенъ. Пишущему эти строки пришлось однажды въ обществѣ ктитора и церковнаго сторожа прослушать терпѣливо длиннѣйшее поученіе Златоуста, прочитанное батюшкою на ц.-славянскомъ языкѣ псалтирнымъ речитативомъ. А на любопытный вопросъ—„для чего онъ читаетъ подобныя поученія?“—получишь не менѣе „любопытный“ отвѣтъ, что такъ-де слѣдуетъ по чину, по положенію и лучше Златоуста все равно ничего не выдумаешь“.

Отъ пастырскаго учительства попробуйте перенести свой взоръ на школьное законоучительство батюшекъ — сельскихъ хозяевъ Попробуйте вы вопросить ихъ, когда они, удрученные заботами и хлопотами по хозяйству, успѣваютъ заниматься въ школахъ, учить дѣтей вѣрѣ истинной, жизни нравственной, христіанской? И если вы хорошо знакомы съ этими батюшками, то на свой вопросъ услышите прежде всего веселый, чистосердечный смѣхъ надъ вашею наивностью, а затѣмъ уже получите надлежащій отвѣтъ. „Наивны вы,—скажутъ,—милостивый государь, точно пятилѣтній ребенокъ. Мыслимо-ли усердно заниматься этимъ дѣломъ, когда васъ всего съ головою захватило хозяйство, а этихъ самыхъ школъ въ иномъ приходѣ штукъ до пяти найдется? Въ одной побудешь, въ другую, третью, четвертую не дойдешь. Такъ ужъ мы рѣшили равнять всѣ одинаково и, сдавши дѣло цѣликомъ на руки учителямъ и учительницамъ, сами заглядываемъ

изрѣдка и случайно, по пути, напр., къ больному съ требой или, вотъ, когда иной разъ удосужится пріѣхать о. наблюдатель, съ которымъ,—къ слову сказать, — мы въ большихъ ладахъ,— ну, тогда провожаемъ его лично изъ одной школы въ другую... И все у насъ шито-крыто, ни въ чемъ ни сучка, ни задоринки"...

— Прекрасно,—соглашаетесь вы.—Ну, а какъ на счетъ воспитанія своихъ собственныхъ дѣтей? На родительскія-то обязанности вы удѣляете достаточно времени?

— Ровно столько, сколько совѣтуетъ блаженной памяти попъ Сильвестръ, авторъ „Домостроя", для жизненнаго примѣненія замѣчательнаго педагогическаго принципа: „Аще не имутъ мѣры кротости, то палкою—по кости"...

— Ну, а...—раскрываете вы ротъ для новаго вопроса.

— Да позвольте,—нетерпѣливо прерываютъ васъ,—полно вамъ допытываться. Перемѣнимъ разговоръ... Видали вы у меня семментальскаго бычка? Недавно купилъ и за-дешево пришелся,— по случаю. Не видали? Нѣтъ? Стоитъ посмотрѣть,— давно ужъ всѣмъ показываю. Прелесть что такое! Какой хоботъ, какіе рога,—я вамъ скажу,— хвостъ, ну и все прочее. Посмотрите, сами убѣдитесь—красавецъ, хоть куда! Ну, а только ребенокъ еще совсѣмъ, всего только два года. Уходу за нимъ, хлопотъ, наблюденій еще много, пока до дѣла доведешь. Да, вѣдь, за то красавецъ-скотина, прямо залюбоваться можно. Хотѣлось бы еще теперь жеребца арденской породы достать. У васъ такъ-то нѣтъ на примѣтѣ?..

Сомкните ваши уста, идите смотрѣть и любоваться семментальскимъ бычкомъ, воспитаніе котораго для хозяина составляетъ предметъ несравненно большихъ заботъ и хлопотъ, чѣмъ воспитаніе собственныхъ дѣтей.

И вотъ обыденная жизнь нашего сельскаго духовенства. Это—того духовенства, которое именно, по словамъ В. М. Скворцова, „и должно составлять подлинную силу церкви" („Новый путь",—Записки р.-философ. собраній,—1903 г.,—январь); это—того духовенства, относительно нравственнаго значенія и силы котораго интеллигенція пришла къ опредѣленному выводу, „не признавая этой силы доброю" („Вынужденная самозащита",—О. Е. Вѣдомости,1904 г.); это—того духовен-

ства, наблюдая обыденную жизнь котораго, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ іерарховъ нашей церкви, епископъ Порфирій, пришелъ къ грустному убѣжденію, что оно, «обладая узкимъ образованіемъ и направленіемъ душъ въ одну сторону,—къ колокольнямъ», не въ состояніи руководить идейной, духовной жизнію общества и рекомендуетъ ставить во священника «грамотныхъ, честныхъ и зажиточныхъ поселянъ» («Церков. Вѣстникъ» 1904 г., № 13,—стр. 399—400); это—того духовенства,—скажемъ отъ себя,—которое, въ погонѣ за выгодой, за пріобрѣтеніемъ, ушедши съ головой въ сельское хозяйство и другіе источники содержанія—исповѣдныя, крестинныя, свадебныя, похоронныя вознагражденія, давно уже отказалось отъ своего великаго назначенія «свѣщника, на свѣщницѣ горящаго» и назойливые, мучительные вопросы, волнующіе каждую живую душу—о правдѣ Божіей на землѣ сознательно и спокойно предоставило рѣшать за себя новымъ самозваннымъ отцамъ церкви вродѣ Л. Н. Толстого и т. п.

«Тогда, приступиша ко Іисусови иже отъ Іерусалима книжницы и фарисеи, глаголюще: почто ученицы Твои преступаютъ преданіе старецъ? Онъ-же отвѣщавъ, рече имъ: почто и вы преступаете заповѣдь Божію за преданіе ваше?» (Мѳ. XV, 1—3).

Я отсюда, изъ сельской глуши и затишья, вижу удивленные взоры, слышу недоумѣнные вопросы: «Кто сей рѣзкій, продерзостный обличитель-священникъ? Зачѣмъ онъ отступаетъ отъ «освященныхъ» временемъ традицій?

«Онъ-же, отвѣщавъ, рече имъ: почто и вы преступаете заповѣдь Божію за преданіе ваше?.. Все бо явленное свѣтъ есть»... (Ефес. V, 13).

Пора признать, что «незамѣнимая и благодарная задача» дѣятельности лицъ нашего сословія можетъ быть одна и только лишь одна, находящая себѣ достаточное опредѣленіе въ названіи именно этого сословія въ отличіе отъ другихъ «духовнымъ». И не піонеры, не проводники научныхъ свѣдѣній по части агрономіи, о которыхъ съ положительностью нельзя сказать—вышли-ли они изъ семинаріи или изъ с.-хозяйственнаго института, представятъ собою „разумную силу въ

народѣ», - а тѣ самоотверженные апостолы правды Божіей на землѣ, которые только что начинаютъ обрисовываться, выдѣляться изъ густого тумана вѣковыхъ сословныхъ традицій, выросшихъ и созрѣвшихъ на почвѣ грубаго матеріализма и служенія личной выгодѣ. Не къ жатвѣ, вырощенной усовершенствованными способами земледѣлія и минеральнымъ удобреніемъ, должно прилагать свое старательное усердіе духовенство; а къ той, единственно важной и священной для него «жатвѣ», о которой еще Спаситель говорилъ, что ея, этой „жатвы", много, а дѣлателей мало. Пора идти въ міръ, въ народъ, на апостольское служеніе... Пора „благовѣстити нищимъ, исцѣлити сокрушенныя сердцемъ, проповѣдати плѣненнымъ отпущеніе и слѣпымъ прозрѣніе, отпустити сокрушенныя во отраду, проповѣдати лѣто Господне пріятно" (Лук. IV, 18 – 19)...

Священникъ *Семенъ Поповъ.*

Прим. ред. Въ искренней статьѣ о. Попова несомнѣнно много реальной правды, но въ то же время нельзя не отмѣтить сгущенія красокъ въ его мастерскихъ „картинкахъ съ натуры" и односторонности въ его сужденіяхъ по данному вопросу, которыхъ редакція не можетъ вполнѣ раздѣлять.

Миссіонерскій отдѣлъ.

Централизація миссіи.

Въ VI-мъ Отдѣлѣ Предсоборнаго Присутствія, какъ извѣстно, были сосредоточены всѣ дѣла относительно нашей внутренней миссіи. Въ числѣ этихъ дѣлъ находился и вопросъ объ устройствѣ миссіи. Для детальной разработки этого вопроса была избрана особая комиссія подъ предсѣдательствомъ проф. Н. И. Ивановскаго и изъ членовъ—миссіонеровъ: Харьковскаго, Херсонскаго и Самарскаго. Комиссія признала, что въ епархіяхъ миссіонерское дѣло по-прежнему должно вестись народомъ или паствою, приходскими пастырями и спеціальными миссіонерами. Но, по мнѣнію комиссіи, борьба съ расколомъ и сектами не должна ограничиваться *епархіальною организаціею*. Раскольники, а тѣмъ болѣе сектанты представляютъ собою силу сплоченную и съорганизованную. Они дѣйствуютъ въ предѣлахъ Россіи по опредѣленному плану, всѣ части котораго выработаны ими сообща и приводятся въ исполненіе подъ взаимнымъ контролемъ и наблюденіемъ центра. Посему, въ цѣляхъ болѣе успѣшной борьбы съ расколо-сектантствомъ необходимо хорошо ознакомиться съ повсемѣстною его дѣятельностью, обсудить таковую, и затѣмъ уже вырабатывать мѣры къ ея ослабленію и даже прекращенію. Всего этого и можно достигнуть только путемъ взаимныхъ совѣщаній или съѣздовъ дѣятелей епархіальныхъ миссій. Подобные съѣзды необходимы еще и по другимъ соображеніямъ. Необходимо: а) прійти дѣятелямъ миссіи другъ къ другу съ поддержкою въ дѣлѣ возможно лучшаго устройства и направленія въ епархіяхъ миссіи, б) водворить въ дѣйствіяхъ миссіонерскихъ лицъ и учрежденій (какъ-то: братствъ, комитетовъ, совѣтовъ и т. под.) разныхъ епархій полезное для дѣла миссіи единство, в) предупредить и

сгладить тѣ мѣропріятія, которыя являются или нецѣлесообразными, или безплодными, или даже вредными для миссіи, что особенно случается въ мѣстахъ, гдѣ впервые появляется расколъ или сектантство и гдѣ миссіонеръ и миссіонерскія учрежденія только выступаютъ на миссіонерское поприще, г) подробно ознакомиться съ расколо-сектантствомъ, которое, какъ живой организмъ, даритъ насъ все новыми и новыми явленіями, д) провѣрить пригодность ранѣе принятыхъ мѣръ и выработать новыя, соотвѣтственно назрѣвшимъ новымъ нуждамъ миссіи, е) совмѣстно выяснить литературныя нужды миссіи, а также разрѣшить вопросы миссіонерской полемики и методики, ж) совмѣстно обсудить дѣло школьной миссіи, з) выяснить матеріальныя нужды миссіи и і) вообще, при свѣтѣ полной картины расколо-сектантства, разработать всѣ вопросы практической и литературной миссіи. Нечего уже говорить о томъ высокомъ духовномъ подкрѣпленіи, которое дѣятели миссіи всегда получатъ на подобныхъ съѣздахъ и которое вдохновитъ ихъ на еще болѣе идейное служеніе святому дѣлу миссіи.

Самое устройство означенныхъ съѣздовъ можетъ быть представлено, по мнѣнію комиссіи, въ слѣдующихъ чертахъ: съѣзды раздѣляются на областные или окружные и всероссійскіе. Окружные съѣзды происходятъ ежегодно. Въ составъ ихъ входятъ дѣятели миссіи и представители церковно-общественныхъ миссіонерскихъ учрежденій, братствъ, обществъ и другихъ изъ епархій, наиболѣе тѣсно связанныхъ между собою общностью миссіонерскихъ нуждъ. Съ это цѣлью русская церковь дѣлится на миссіонерскіе округа, которые могутъ совпадать съ проектируемыми митрополичьими округами. Всероссійскіе съѣзды устраиваются по просьбѣ не менѣе, какъ двухъ окружныхъ съѣздовъ. Время и мѣсто тѣхъ и другихъ съѣздовъ опредѣляется Всероссійскимъ Миссіонерскимъ Совѣтомъ, для участія въ засѣданіяхъ котораго, при обсужденіи въ немъ важнѣйшихъ миссіонерскихъ мѣропріятій, окружные съѣзды намѣчаютъ ежегодно изъ своей среды трехъ лицъ.

Такимъ образомъ, окружные и всероссійскіе съѣзды миссіонеровъ и представителей миссіонерскихъ церковно-общественныхъ организацій, дѣйствующихъ въ епархіяхъ, явятся необходимымъ средоточіемъ или центромъ миссіонерской жизни русской церкви. Сюда должно стекаться все, касающееся миссіонерскаго дѣла въ епархіяхъ, и отсюда должны исходить всѣ мѣропріятія относительно миссіи. Постановленія съѣздовъ

чрезъ ихъ предсѣдателей—мѣстныхъ епископовъ направляются во всероссійскій Миссіонерскій Совѣтъ, которымъ незамедлительно вносятся на утвержденіе высшей церковной власти.

При такомъ строѣ миссіи, *правящимъ* миссіонерскимъ центромъ въ епархіи остается епархіальный архіерей, а во всей русской церкви высшая церковная власть, т. е. въ настоящее время Св. Сунодъ.

Но, если высшая церковная власть и впредь должна оставаться единственнымъ правящимъ центромъ всероссійской внутренней миссіи, что не подлежитъ никакому сомнѣнію, то важность и сложность дѣлъ противораскольнической, противосектантской и противоинославной миссіи настоятельно требуютъ, чтобы означенная власть имѣла при себѣ Всероссійскій Миссіонерскій Совѣтъ, въ которомъ сосредоточивались-бы всѣ свѣдѣнія о положеніи миссіонерскаго дѣла въ Россіи, о состояніи раскола, сектъ и инославія и ихъ пропагандѣ, и чрезъ который она издавала-бы руководящія и другого рода распоряженія по дѣламъ внутренней миссіи.

Дѣятельность этого Совѣта, по мнѣнію комиссіи, коротко можетъ быть выражена въ слѣдующихъ правилахъ:

§ 1. Всероссійскій Миссіонерскій Совѣтъ учреждается при высшей церковной власти, въ настоящее время при Св. Сунодѣ, въ качествѣ ближайшаго совѣщательнаго и исполнительнаго органа ея по дѣламъ всероссійской внутренней миссіи: противораскольнической, противосектантской и противоинославной.

§ 2. Совѣтъ состоитъ изъ предсѣдателя и членовъ. Предсѣдатель назначается высшимъ церковнымъ управленіемъ изъ епископовъ—постоянныхъ членовъ этого управленія. Члены раздѣляются на постоянныхъ и временныхъ. Первые назначаются въ потребномъ количествѣ высшею церковною властью изъ хорошо знающихъ дѣло миссіи лицъ, а вторые вызываются на срокъ Совѣтомъ изъ числа лицъ, указанныхъ окружными миссіонерскими съѣздами, а также и изъ другихъ дѣятелей миссіи.

§ 3. Въ Совѣтѣ сосредоточиваются для высшей церковной власти всѣ свѣдѣнія о состояніи миссій въ епархіяхъ, о дѣятельности миссіонерскихъ лицъ и учрежденій (какъ-то: братствъ и др...), о положеніи и пропагандѣ раскола, сектъ и инославія и т. под... и чрезъ

Совѣтъ высшая церковная власть осуществляетъ всѣ свои мѣропріятія и распоряженія по дѣламъ миссіи.

§ 4. Совѣтъ вноситъ на утвержденіе высшей церковной власти представленія епархіальныхъ епископовъ о назначеніи и увольненіи епархіальныхъ миссіонеровъ, а также ходатайства объ открытіи окружныхъ и всероссійскихъ миссіонерскихъ съѣздовъ.

§ 5. Въ Совѣтѣ сосредоточиваются суммы, отпускаемыя высшею церковною властью на нужды внутренней миссіи и онъ-же изыскиваетъ способы къ увеличенію этихъ суммъ.

§ 6. Совѣтъ сносится по дѣламъ миссіи чрезъ подлежащихъ архіереевъ со всѣми церковно-общественными учрежденіями въ Россіи: братствами, обществами и т. под., приглашаетъ въ свои засѣданія указанныхъ этими учрежденіями лицъ съ правомъ полнаго голоса.

§ 7. Совѣтъ предъ открытіемъ окружныхъ и всероссійскихъ миссіонерскихъ съѣздовъ, а также и въ другое время приглашаетъ въ свои засѣданія съ правомъ рѣшающаго голоса для обсужденія назрѣвшихъ миссіонерскихъ вопросовъ спеціальныхъ миссіонеровъ и лицъ изъ числа тѣхъ, которые намѣчены для этой цѣли окружными съѣздами.

§ 8. Совѣтъ заботится о развитіи миссіонерской литературы: книгъ, брошюръ, листковъ и проч.

§ 9. По вопросамъ, касающимся миссіонерскаго дѣла въ епархіяхъ, Совѣтъ сносится къ епархіальными архіереями.

§ 10. Всѣ журнальныя опредѣленія Совѣта проводятся имъ въ исполненіе только по утвержденіи ихъ высшею церковною властью.

§ 11. Болѣе подробно дѣятельность Совѣта опредѣляется высшимъ церковнымъ управленіемъ.

При такомъ строѣ высшаго миссіонерскаго центра, получится полное взаимодѣйствіе церковныхъ и общественныхъ силъ, работающихъ на миссіонерской нивѣ, и высшая церковная власть явится вполнѣ освѣдомленной въ миссіонерскихъ дѣлахъ. Къ этому и должно стремиться особенно въ столь тревожное для Православной Церкви время, какъ наше, когда предоставленъ широкій просторъ всякой пропагандѣ.

И. Маріупольскій.

По сектовѣдѣнію.

Распредѣленіе сектъ по религіямъ.

(Докладъ VI отдѣлу предсоборнаго присутствія).

Новое государственное законодательство по дѣламъ вѣры,-разумѣю новое Уголовное Уложеніе 22 марта 1903 года въ томъ его видѣ, какъ оно редактировано Высочайше утвержденнымъ 14 марта 1906 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, а также и Высочайшій указъ 17 апрѣля 1905 г. о вѣротерпимости,—покоится на внѣконфессіональномъ принципѣ. Въ немъ государство объявило себя институтомъ чисто-правовымъ, или юридическимъ. Со скрижалей государственнаго кодекса предположено постепенно вычеркнуть весь вѣроисповѣдной элементъ. Въ настоящее время государство прошло только половину этого безрелигіознаго пути. Внѣконфессіонализмъ еще не проведенъ имъ полностью въ дѣйствующій законъ. Исключеніе, въ смыслѣ приложенія ограничительныхъ и карательныхъ законовъ, оставлено для послѣдователей изувѣрныхъ ученій, какъ „несовмѣстимыхъ съ основами разумной и нравственной жизни государства“, и для религій нехристіанскихъ, по причинѣ „глубокаго сознанія истинности высокихъ началъ, лежащихъ въ основѣ вѣры Христовой“.

Такимъ образомъ, государство въ наше время перешло на *обще-христіанскую* почву, не сдѣлавъ существеннаго различія между христіанскими исповѣданіями, въ томъ числѣ „старообрядческими согласіями“ и раціоналистическими и мистическими сектами, за исключеніемъ, конечно, изувѣрныхъ. Уравнять же съ христіанствомъ религіи нехристіанскія государство сразу не рѣшилось, хотя этого и требуетъ отъ него объявленный имъ-же вѣроисповѣдной принципъ.

Вслѣдствіе такого отношенія къ нехристіанскимъ религіямъ,

государство новыми законами расширило права преимущественно христіанскихъ исповѣданій, въ томъ числѣ христіанскихъ сектъ и „старообрядческихъ согласій“. Такъ, напримѣръ, оно уравняло въ правахъ „старообрядцевъ“ и сектантовъ съ лицами инославныхъ исповѣданій въ отношеніи заключенія ими съ православными смѣшанныхъ браковъ; лицамъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, въ томъ числѣ „старообрядцамъ“ и сектантамъ, разрѣшило крестить по обрядамъ своей вѣры и воспитывать въ той-же вѣрѣ взятыхъ ими на свое попеченіе некрещенныхъ подкидышей и вообще дѣтей неизвѣстныхъ родителей.

Всѣ эти и имъ подобныя права, предоставленныя дѣйствующимъ законодательствомъ христіанскимъ исповѣданіямъ, въ томъ числѣ „старообрядческимъ согласіямъ“ и раціоналистическимъ и мистическимъ сектамъ, побуждаютъ насъ теперь-же разрѣшить выдвинутый новымъ вѣроисповѣднымъ законодательствомъ весьма важный вопросъ: *всѣ-ли секты, составившіяся изъ отпавшихъ отъ Православной Церкви лицъ, должны признаваться сектами христіанскими, или-же нѣкоторыя изъ нихъ должны быть причислены къ нехристіанскимъ религіознымъ общинамъ.*

Неотложное рѣшеніе этого вопроса требуется еще и тѣмъ соображеніемъ, что много чисто-церковныхъ вопросовъ, касающихся иномыслящихъ, разрѣшаются въ зависимости отъ принадлежности послѣднихъ къ христіанскимъ религіямъ. Таковъ, напримѣръ, вопросъ о молитвѣ за умершихъ лицъ инославныхъ исповѣданій и другіе.

Основныя положенія, по которымъ та или другая секта должна быть признана нехристіанской,—это, по нашему мнѣнію: во 1-хъ, *возникновеніе, выдѣленіе и дальнѣйшее развитіе секты на почвѣ или точнѣе изъ нѣдръ нехристіанскихъ религій*: магометанской, еврейской, языческой и другихъ; во 2-хъ, возникновеніе и выдѣленіе секты хотя и изъ христіанскаго исповѣданія или ученія, но съ тѣмъ, однако, что въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи эта секта *окончательно порываетъ связь съ христіанствомъ и усвояетъ въ томъ или другомъ видѣ ученіе и мораль нехристіанскихъ религій и сектъ;* въ 3-хъ, возникновеніе и выдѣленіе секты хотя и изъ христіанства, но съ тѣмъ, что въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи *эта секта привноситъ въ христіанское ученіе языческія и вообще нехристіанскія религіозныя воззрѣнія*, или-же собственный вымыселъ, такъ что нерѣдко отъ всего христіанства у нея остаются одни только христіанскія имена съ новымъ нехристіанскимъ содержаніемъ; въ 4-хъ, *отрицаніе сектою двухъ главныхъ догматовъ христіанства*, благодаря которымъ послѣднее является божествен-

ною религіею, а не человѣческимъ ученіемъ,—это *догматы о Божествѣ Іисуса Христа*, или единократномъ воплощеніи Его отъ Святаго Духа и Дѣвы Маріи и *догмата объ искупленіи* Христомъ грѣховъ всего міра; въ 5-хъ, *отрицаніе сектою обоихъ божественныхъ источниковъ христіанскаго вѣроученія*: Священнаго Преданія и Священнаго Писанія и въ 6-хъ, наконецъ, *отрицаніе* сектою или общиною вообще всякаго божественнаго элемента въ своемъ ученіи, какъ *и вѣрованія въ личное безсмертіе или загробную жизнь человѣка*. Нехристіанство послѣдней категоріи сектъ или общинъ является въ своемъ существѣ *атеизмомъ*, хотя-бы секта или община и имѣла какой-либо культъ, даже связанный съ личностью или, точнѣе, съ именемъ Іисуса Христа.

Сверхъ изложенныхъ основаній, въ дѣлѣ причисленія той или другой секты къ нехристіанскимъ религіознымъ общинамъ, Православная Церковь можетъ руководствоваться и церковными канонами: 7-мъ правиломъ II Вселен. Собора и 25-мъ прав. VI Вселен. Собора. Въ приведенныхъ правилахъ еретики, наиболѣе сильно исказившіе ученіе Христа, какъ-то: евноміане, монтанисты, савелліане, манихеи, валентиніане, маркіониты и имъ подобные, приравниваются *къ язычникамъ*. Кто изъ этихъ еретиковъ пожелалъ-бы присоединиться къ православію, того принимали, какъ *язычника*. Таковыхъ, пишутъ отцы II-го и VI-го Вселенскихъ Соборовъ, „въ первый день *дѣлаемъ христіанами*, во вторый оглашенными, потомъ въ третій заклинаемъ ихъ, съ троекратнымъ дуновеніемъ въ лице и во уши: и тако оглашаемъ ихъ, и заставляемъ пребывати въ церкви, и слушати писанія, и тогда уже крещаемъ ихъ“.

Принявъ во вниманіе изложенныя выше основныя положенія и церковные каноны, которыми, по нашему мнѣнію, надо руководствоваться при распредѣленіи сектъ по религіямъ, мы признаемъ необходимымъ, въ интересахъ Православной Церкви и въ виду современнаго направленія государственной вѣротерпимости, перечислить въ разрядъ *нехристіанскихъ* религіозныхъ обществъ нѣкоторыя изъ сектъ, составившихся у насъ изъ отпавшихъ въ разное время отъ Православной Церкви лицъ,—это секты: *жидовствующихъ*, *духоборцевъ*, *іеговистовъ*, *хлыстовъ и скопцовъ*, со всѣми подраздѣленіями означенныхъ сектъ на многочисленные толки.

Понятно, что къ тому-же числу нехристіанскихъ религіозныхъ общинъ должны быть отнесены и всѣ другія секты, ученіе которыхъ подходитъ подъ одно изъ вышеприведенныхъ нами *основныхъ положеній*, или-же которыя приравниваются Церковью

къ нехристіанскимъ обществамъ *„ради назиданія многихъ“*, какъ о томъ читаемъ въ 1-мъ правилѣ св. Василія Великаго и чему примѣры мы видѣли въ 7-мъ прав. II-го Вселен. Собора и въ 95-мъ прав. VI-го Всел. Собора.

Секта жидовствующихъ, о которой мы упомянули, въ настоящее время гнѣздится, главнымъ образомъ, въ епархіяхъ: Ставропольской, Астраханской, Оренбургской, Тамбовской и другихъ. Она раздѣляется на три сравнительно большихъ толка: талмудистовъ или шапошниковъ, староіудеевъ или безшапошниковъ и караимовъ. Эти толки разнятся между собою тѣмъ, что шапошники во всемъ подражаютъ кореннымъ евреямъ—талмудистамъ; безшапошники отвергаютъ Талмудъ и обосновываются на книгахъ Св. Писанія Ветхаго Завѣта, а караимы пользуются только пятикнижіемъ Моисея. Всѣ вообще жидовствующіе пересаживаютъ въ русскую народность вѣроученіе, мораль, надежды и чаянія коренныхъ евреевъ. Свою судьбу они сливаютъ съ судьбою евреевъ и вмѣстѣ съ ними признаютъ себя разсѣянными по лицу земли и плѣнниками русскаго царя. На православныхъ они усвоили взглядъ отъ евреевъ и считаютъ ихъ человѣкообожателями. Троичности Лицъ въ Богѣ жидовствующіе не признаютъ. Іисусъ Христосъ, по ихъ мнѣнію,—это простой человѣкъ, сынъ Іосифа и Маріи, распятый за богохульство и противленіе кесарю. На своихъ религіозныхъ собраніяхъ жидовствующіе, изъ которыхъ талмудисты одѣты въ традиціонные еврейскіе „талисы“, возносятъ горячія молитвы о собраніи ихъ въ Палестинѣ, о возсозданіи Іерусалима и храма, о наступленіи въ обѣтованной землѣ вѣчнаго царства ихъ съ царемъ—Мессіею во главѣ, когда они будутъ владѣть всѣми народами. Впрочемъ, нѣкоторые смотрятъ на Мессію, какъ на великаго философа—моралиста, царство Котораго будетъ торжествомъ разума и правды на землѣ. Другіе вовсе не ожидаютъ Мессіи. Празднованіе субботы, обрѣзаніе и другіе еврейскіе обряды и установленія соблюдаются жидовствующими строго съ тою только разницею, что у талмудистовъ эта обрядность сложнѣе, у безшапошниковъ она черпается только изъ ветхозавѣтной Библіи, а у караимовъ изъ пятикнижія Моисея.

На основаніи изложеннаго секта жидовствующихъ, хотя и выдѣлилась изъ нѣдръ христіанской Церкви, но, какъ перешедшая на еврейскую почву и усвоившая вѣроученіе и мораль евреевъ, должна быть признана сектою *нехристіанскою*.

Секта іеговистовъ въ лицѣ своего основателя, отставного капитана Николая Ильина, и его послѣдователей отвергла всѣ

христіанскіе догматы. Такъ, она не только отринула троичность Лицъ въ Богѣ, воплощеніе Іисуса Христа и Его искупительную смерть, но и не признала духовности существа Божія. Боги, по ученію іеговистовъ,—это люди же, только безсмертные и просвѣщенные таинствами натуры, музыкою и разными языками. Богъ Отецъ есть „простой человѣкъ. Онъ говорилъ лицомъ къ лицу съ нашими предками, ходилъ, ѣлъ и пилъ съ ними и даже боролся съ Яковомъ, имѣлъ не только всѣ члены человѣческаго тѣла, но и душу. Имя Его Егова, что значитъ наимудрѣйшій мудрецъ изъ всѣхъ мудрецовъ". Іисусъ Христосъ, Мессія—тотъ же Егова, человѣкобогъ, только распятый. „Открытіе величайшей истины Божіей для всѣхъ людей въ томъ, что подъ именемъ Іисуса Христа былъ распятъ тотъ же самый Богъ—еврей, который обѣдалъ у Авраама, ходилъ и стоялъ съ нимъ у Содома" и т. д... Отсюда у іеговистовъ полное отрицаніе Бога, какъ Творца и Промыслителя міра. „Неопровержимо доказано, учитъ Ильинъ, что такимъ безчисленнымъ множествомъ солнцевъ, планетъ и кометъ, вращающихся на растояніи квадраліоновъ, окталіоновъ, биллліоновъ верстныхъ миль не можетъ владѣть одно такое существо, которое, подобно человѣку, ограничено въ два аршина семь вершковъ, какъ Богъ—еврей, Егова или Богъ Авраамовъ, а тѣмъ болѣе Онъ не могъ создать ихъ не только въ шесть дней, но даже и въ 6666666 окталіоновъ тысячелѣтій". Свое ученіе о происхожденіи міра іеговисты черпаютъ у матеріалистовъ. За отрицаніемъ христіанскихъ догматовъ у іеговистовъ идетъ кощунственное отрицаніе православной и вообще христіанской Церкви, церковной іерархіи, таинствъ и обрядовъ. Изъ источниковъ христіанскаго вѣроученія іеговисты признаютъ только ветхозавѣтное Св. Писаніе и Апокалипсисъ, кощунствуя нерѣдко надъ Св. Евангеліемъ и посланіями Апостоловъ. Они-же далѣе учатъ о необходимости соблюдать Моисеевъ Законъ и сами празднуютъ субботу, обрѣзываются, не ѣдятъ свинины и т. под... Соблюденіе Моисеева закона приводитъ ихъ къ отрицанію всего христіанства. Конечныя чаянія іеговистовъ—это тысячелѣтнее чувственное царство Іисуса—Мессіи на землѣ, въ Іерусалимѣ на горѣ Сіонѣ, съ блаженствомъ въ немъ только „еговистовъ". Задавшись цѣлью объединить все человѣчество одною религіею,—это „религіею безсмертія" или „любви", іеговисты отвергли всѣ религіи. На мѣсто ихъ они поставили свой воинственный бредъ, представляющій собою смѣсь іудейства съ матеріализмомъ и собственною ихъ фантазіею. Въ этомъ, по выраженію Ильина, „новозавѣтномъ іудействѣ" только

изрѣдка попадаются христіанскія имена, безъ соотвѣтственнаго имъ въ христіанствѣ смысла. Такимъ образомъ, секта іеговистовъ, хотя и выдѣлилась изъ христіанства, но вскорѣ перешла на почву отчасти іудейства, отчасти матеріализма и собственнаго вымысла, въ духѣ ученія хиліазма и друг., совершенно порвавъ связь съ христіанствомъ. Отъ послѣдняго она удержала нѣсколько христіанскихъ именъ, соединивъ съ ними свой смыслъ.

На этомъ основаніи секта іеговистовъ или „новозавѣтнаго іудейства“ должна быть признана сектою *нехристіанскою*.

Секта духоборцевъ кореннымъ образомъ извратила христіанское ученіе о Богѣ вообще и, въ частности, о троичности Лицъ въ Немъ. Богъ, по ученію духоборцевъ, не есть самостоятельное, внѣмірное и личное Существо. Онъ неотдѣлимъ отъ духоборческаго рода и видимаго міра. Божественная Троица—это не три отдѣльныхъ Лица, а три различныхъ дѣйствія, проявленія или видоизмѣненія одного и того же существа. Въ человѣкѣ: Богъ Отецъ—это память, Богъ Сынъ—разумъ, Богъ Духъ Святой—воля. Въ природѣ: Отецъ—свѣтъ, Сынъ—животъ, Духъ Святой—покой. Іисусъ Христосъ, такимъ образомъ, не есть второе лицо Св. Троицы, а только божественный разумъ, который переселяется съ древнихъ временъ изъ однихъ избранниковъ въ другихъ. Такъ онъ переселился въ простого человѣка Іисуса, а, по смерти и истлѣніи Іисуса, перешелъ чрезъ Апостоловъ и ихъ преемниковъ въ духоборческій родъ, гдѣ и пребываетъ, постоянно рождаясь въ духоборцахъ, особенно въ основателѣ и и дальнѣйшихъ руководителяхъ духоборчества. Посему-то послѣдніе и называютъ себя Сынами Божіими, Христами и требуютъ себѣ божескаго поклоненія. Такъ что духоборцы поклоняются *„живому“* Христу. Отсюда у нихъ ученіе, что воплощеніе и смерть Христа не были жертвою для искупленія грѣховъ міра, а только наглядымъ выраженіемъ того, что происходитъ въ душѣ каждаго духоборца, совершающаго свое спасеніе. Въ ученіи о человѣкѣ духоборцы повторяютъ воззрѣнія дуалистическаго пантеизма. Душа человѣка, по ихъ мнѣнію, существовала до сотворенія видимаго міра и тогда же пала. Въ наказаніе за грѣхъ она заключена въ тѣло. По смерти тѣла человѣка, души добрыхъ людей переселяются въ тѣла другихъ людей, а злыхъ—въ животныхъ. Отсюда мораль у духоборцевъ строго запечатлѣна взглядомъ на тѣло человѣка и на весь внѣшній міръ, какъ на темницу и узы души. Строгое воздержаніе въ брачной жизни,

неяденіе мяса, нелюбовь къ разнымъ благамъ матеріальной культуры и т. д.—вотъ характерныя черты внѣшняго быта духоборцевъ. Евангельскаго ученія о воскресеніи мертвыхъ, будущей жизни и мздовоздаяніи духоборцы не признаютъ. Все свое ученіе они черпаютъ не изъ Библіи, которую почти совсѣмъ отметаютъ, а изъ собственнаго разума, озаряемаго, по ихъ словамъ, божественнымъ разумомъ, обитающимъ внутри каждаго духоборца. Другимъ источникомъ ученія у духоборцевъ является преданіе ихъ отцовъ, именуемое „Животною Книгою“ и состоящее изъ разныхъ псалмовъ. Выходя изъ мысли о непосредственномъ общеніи человѣка съ Богомъ, чрезъ что каждый духоборецъ есть Сынъ Божій, духоборцы отвергаютъ *видимую* Церковь, съ ея іерархіей, таинствами и обрядами. „Наша церковь, учатъ они, состроена въ душахъ, въ сердцахъ человѣческихъ“. Члены этой церкви разсѣяны повсюду и принадлежатъ къ различнымъ религіознымъ обществамъ. Кромѣ явныхъ духоборцевъ, въ составъ невидимой Церкви входятъ много потаенныхъ, которые, хотя и не знаютъ Христа, но стремятся къ добру. Потаенные духоборцы есть и среди язычниковъ, и среди магометанъ, и среди евреевъ.

Если теперь, какъ мы видѣли, секта духоборцевъ извратила въ корнѣ все христіанское ученіе привнесеніемъ въ него дуалистически-пантеистическихъ воззрѣній и собственнаго вымысла; если она отвергла самые источники христіанскаго ученія, замѣнивъ ихъ своими; если она обожествила человѣка; отвергла въ Богѣ самостоятельную и всякую вообще личность, а также все божественное домостроительство о спасеніи человѣка и всего міра, какъ и всю христіанскую эсхатологію; словомъ, если она отъ всего христіанства сохранила только нѣсколько именъ съ чуждымъ христіанству содержаніемъ, то она никоимъ образомъ не можетъ считаться сектою христіанскою, а должна быть признана *нехристіанскимъ* религіознымъ обществомъ.

Секта хлыстовъ, извѣстная у насъ еще подъ множествомъ другихъ названій, полностью отринула все христіанское ученіе, скрывъ у себя подъ христіанскимъ обличьемъ пантеистическія и дуалистически-мистическія начала языческихъ религій востока и нашего финско-славянскаго кудесничества, а также отчасти воззрѣнія древнихъ ересей, возникшихъ въ Церкви Христовой. Такъ, ученіе хлыстовъ о Богѣ, кромѣ употребленія ими именъ: Саваоѳъ, Христосъ и др., не имѣетъ въ себѣ ничего христіан-

скаго. Богъ у хлыстовъ, хотя и существуетъ внѣ міра, но извѣстенъ имъ только по Своимъ многократнымъ воплощеніямъ въ избранныхъ хлыстахъ. Послѣдніе, при воплощеніи въ нихъ Бога, перестаютъ быть простыми людьми и становятся „богами". Получается обожествленіе человѣка, или человѣкообожаніе. Троичности Лицъ въ Богѣ хлысты не признаютъ. Первыя два Лица Св. Троицы у нихъ въ ученіи о воплощеніи совершенно сливаются и отождествляются, разнясь между собою только въ названіяхъ. Духъ Святой также является только особою духовною силою Бога Отца, обитающею на седьмомъ небѣ, откуда эта сила по молитвѣ хлыстовъ „накатываетъ" на нихъ и проявляетъ себя чрезъ нихъ въ пророчествахъ, нечленораздѣльныхъ звукахъ и разныхъ тѣлодвиженіяхъ. Воплощеніе Христа въ людей происходитъ двояко: или чрезъ естественное рожденіе отъ хлыста—Христа и его жены—Богородицы младенца „христосика", или же чрезъ особые подвиги хлыста, какъ-то: усиленную молитву, постъ и т. под... Въ одно и тоже время можетъ быть много Христовъ. Евангельскаго Іисуса Христа, какъ второго Лица Св. Троицы, воплотившагося отъ Духа Святого и Дѣвы Маріи, Своею смертію искупившаго грѣхи всего міра и основавшаго на землѣ Свою церковь, хлысты не признаютъ. У нихъ Іисусъ—это сынъ Іосифа и Маріи, простой человѣкъ, но только воплотившій или вмѣстившій въ себя Христа, какъ вмѣщаютъ Его и избранные хлысты. Посему законъ Христа, данный чрезъ Іисуса, имѣлъ цѣну только для современниковъ Іисуса, какъ и откровеніе Христа чрезъ хлыстовъ имѣетъ значеніе только для современниковъ этихъ хлыстовъ. Такое откровеніе Христа въ хлыстовскомъ обществѣ никогда не прекращается. Отсюда понятно, что и къ источникамъ христіанскаго ученія — къ Св. Писанію и Св. Преданію хлысты относятся отрицательно, признавая за ними значеніе только для времени Іисуса. На мѣсто ихъ они ставятъ заповѣди своихъ „живыхъ" христовъ и пророковъ. Изъ ученія объ Іисусѣ Христѣ у хлыстовъ вытекаетъ и отрицательное отношеніе къ основанной Имъ видимой новозавѣтной Церкви. Эта Церковь, по ихъ мнѣнію, плотская, душевная, потребная только для людей, не познавшихъ истины. У познавшихъ истину есть другая Церковь, духовная, обладающая всѣми чрезвычайными дарами Св. Духа: даромъ языковъ, пророчества и др... Выходя изъ чисто-дуалистическихъ воззрѣній на матерію, хлысты признаютъ въ человѣкѣ тѣло злымъ началомъ, а духъ добрымъ. Злое начало подлежитъ умерщвленію или погашенію, а доброе возгрѣванію. Посему они отрицаютъ бракъ и дѣторожденіе, какъ скверну;

изнуряютъ тѣло особыми «радѣніями», иногда завершаемыми „свальнымъ грѣхомъ“; не ѣдятъ мяса и т. д. По той же причинѣ они отрицаютъ воскресеніе тѣла. Тѣло—это темница души. Душа существовала до сотворенія видимаго міра и за содѣянный грѣхъ заключена въ тѣло. По смерти тѣла, душа хлыста переселяется въ сообщество ангеловъ, а не-хлыста входитъ въ животнаго, гдѣ очищается и снова вселяется въ тѣло человѣка, пока послѣдній не станетъ хлыстомъ.

Съ сектою хлыстовъ почти вполнѣ тождественна другая *секта скопцовъ*, выдѣлившаяся изъ хлыстовства по мотивамъ нравственнаго свойства и доведшая или завершившая умерщвленіе тѣла извѣстнымъ изувѣрствомъ надъ нимъ.

Изъ сказаннаго нами достаточно ясно, что подъ христіанскими именами у хлыстовъ и у скопцовъ скрывается совершенно чуждое христіанству религіозно-нравственное ученіе, которое представляетъ собою смѣсь пантеистическихъ и дуалистически-мистическихъ началъ языческихъ религій востока съ финско-славянскимъ кудесничествомъ и отчасти носитъ въ себѣ слѣды богомильскихъ и монтанскихъ религіозныхъ воззрѣній. На этомъ основаніи секты хлыстовъ и скопцовъ должны быть отнесены къ нехристіанскимъ религіознымъ обществамъ.

На перечисленныя нами секты, а равно и на тѣ, которыя по своему ученію подходятъ подъ выше изложенныя нами положенія, и должны быть распространены всѣ тѣ церковныя и гражданскія постановленія, какія существуютъ у насъ относительно нехристіанскихъ религій.

И. Айвазовъ.

По расколовѣдѣнію.

Нужна ли спеціальная миссія противъ раскольниковъ и сектантовъ [1])?

Горестную картину представляетъ намъ старообрядчество и сектантство во всѣхъ своихъ видахъ и во всѣхъ частнѣйшихъ подраздѣленіяхъ. Но она, несомнѣнно, была еще бы горестнѣе, если бы власти духовныя и гражданскія не употребляли разнаго рода мѣръ къ пресѣченію, врачеванію и искорененію этого зла. Мѣры эти, начатыя съ самаго начала появленія раскола, продолжались непрерывно, но соотвѣтственно духу времени измѣнялись и разнообразились.

Власть гражданская, со всею строгостію выступившая въ первое время появленія раскола, противъ отступниковъ отъ церкви православной, постепенно дѣлалась уступчивѣе и снисходительнѣе, пока, наконецъ, государственнымъ актомъ величайшей важности, 17 апрѣля 1905 года, не объявила полной вѣротерпимости, предоставивъ каждому въ дѣлахъ вѣры слѣдовать внутреннему влеченію своего сердца. Отнынѣ, такимъ образомъ, всѣ заботы по огражденію чадъ церкви православной исключительно падаютъ на рамена духовныхъ вождей св. Церкви, архипастырей и пастырей, дѣлая ихъ отвѣтственными предъ Богомъ и людьми за успѣхъ или неудачу этого дѣла. Нѣтъ сомнѣнія, что враждующіе противъ Церкви православной, дѣйствовавшіе до сего времени болѣе или менѣе тайно, отнынѣ явно и открыто будутъ стремиться къ тому, чтобы привлечь послѣдователей православія на свою сторону, будутъ назойливо навязывать разнаго рода измышленныя сектантскія и старообрядческія лжеученія и черезъ то смущать нетвердыхъ въ православной

[1]) Докладъ, читанный на Симбирскомъ пастырскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ, бывшемъ 16—24 января 1906 года.

вѣрѣ. Слѣдовательно, теперь каждый, кому дорого ученіе Христа, завѣты и уставы св. церкви, не щадя силъ, долженъ выступить на духовную защиту св. церкви, долженъ всемѣрно стремиться поддерживать колеблющихся въ православіи и споспѣшествовать отраженію разнаго рода нападокъ на дорогую намъ св. вѣру православную. Но такой взглядъ нынѣ далеко раздѣляется не всѣми; часто приходится слышать, что наступилъ конецъ проповѣди къ иномыслящимъ: «пусть, кто какъ желаетъ, такъ и вѣруетъ», теперь не нужны никакіе спеціальные проповѣдники-миссіонеры для борьбы съ сектами и расколомъ; миссія—прямой долгъ приходскаго священника. Дать посильный отвѣтъ на представляемыя возраженія и составляетъ нашу задачу.

Миссія—прямой долгъ приходскаго священника—положеніе безспорное. Главное орудіе въ распоряженіи добраго пастыря, для воздѣйствія на пасомыхъ, всегда было и есть учительное слово. Пастырь душъ, подобно кормчему, обязанъ руководить кораблемъ духовнымъ такъ, чтобы обрѣтающіеся въ немъ не претерпѣли треволненій и не утонули въ волнахъ бурнаго житейскаго моря.

Какъ велико и отвѣтственно это служеніе! Какія вообще великія заботы, труды и тяжелыя обязанности предлежатъ пастырямъ для достойнаго служенія ихъ Богу и своей паствѣ.

Но кромѣ этихъ общихъ пастырскихъ обязанностей, на священника въ тѣхъ приходахъ, гдѣ среди православныхъ живутъ старообрядцы или сектанты, возлагается новая забота «объ иныхъ овцахъ, яже не суть отъ двора сего и тыя подобаетъ привести»... Привести во дворъ овчій овецъ, ушедшихъ на сторону далече, дѣло въ высшей степени трудное, требующее осторожности, умѣнья, любви, снисходительности, терпѣнія, знанія Слова Божія, отеческихъ писаній и кромѣ того точнаго знанія тѣхъ сектантскихъ или старообрядческихъ ученій, противъ которыхъ выступаетъ онъ съ проповѣдію истиннаго ученія Христова.

Вотъ тѣ качества, какія предъявляетъ къ современному проповѣднику православія миссія. При настоящемъ составѣ пастырскаго института, не съ цѣлью унизить или какъ-нибудь обидѣть пастырей церкви, мы, въ интересахъ святого дѣла миссіи, рѣшаемся ставить вопросъ: всѣ ли пастыри чувствуютъ въ себѣ достаточно силъ отвѣчать на запросы со стороны иномыслящихъ?

Мы смѣемъ думать, что многіе молодые пастыри, изучившіе исторію обличенія сектъ и старообрядчества, при желаніи, спо-

собны сдѣлаться пастырями-миссіонерами, но въ какомъ положеніи можетъ очутиться предъ запросами сектантскихъ и старообрядческихъ лжеучителей добрая половина пастырей, которые никогда не изучали, что и какъ слѣдуетъ отвѣчать раскольникамъ и сектантамъ, которые никогда не слыхали полемическихъ бесѣдъ съ ними, которые, можетъ быть, двѣ трети жизни уже прожили въ чисто православныхъ приходахъ, и къ тому же подъ твердой охраной гражданской власти. Что можетъ сдѣлать въ семъ случаѣ священникъ при появленіи въ его приходѣ лжеучителя-пропагандиста? Не встанетъ ли онъ, пастырь, по отношенію къ своимъ пасомымъ въ положеніе безпомощнаго зрителя, видя свое безсиліе, не будетъ ли только скорбѣть и терзаться, какъ его духовныя чада будутъ, можетъ быть, переходить въ иновѣрный лагерь, изъ послушныхъ чадъ дѣлаться заклятыми врагами православной церкви?

Какъ тутъ быть, гдѣ искать помощи?

Другого исхода пока нѣтъ, какъ обратиться за помощью къ опытнымъ апологетамъ православія, принявшимъ на себя трудъ служенія миссіи. Для лицъ, мало или поверхностно, по слухамъ, знакомыхъ съ дѣятельностію миссіонеровъ, на основаніи многолѣтняго опыта скажемъ взятое прямо изъ жизни. Долго и спокойно живущій въ православномъ приходѣ и не чувствовавшій никогда нужды въ миссіонерахъ, священникъ обыкновенно привыкаетъ смотрѣть на нихъ, какъ на людей мало нужныхъ и въ лучшемъ случаѣ смотритъ лишь снисходительно, совершенно равнодушно относясь къ ихъ служенію, а подъ вліяніемъ свѣтской и иногда, къ удивленію, даже нѣкоторой части духовной литературы, разнаго рода ложныхъ слуховъ, распространяемыхъ раскольниками, а хуже всего слуховъ, распространяемыхъ нѣкоторыми изъ своихъ собратій, почему-либо имѣющихъ личное недовольство на кого-либо изъ миссіонеровъ, начинаетъ смотрѣть на дѣятельность миссіи прямо недружелюбно и начинаетъ размышлять о томъ: нужны ли въ самомъ дѣлѣ миссіонеры, не слѣдуетъ ли эту должность упразднить?

Истинную оцѣнку дѣятелямъ миссіи знаютъ въ тѣхъ селахъ и деревняхъ, гдѣ сектантство или старообрядчество стоитъ, если такъ можно выразиться, въ боевомъ положеніи къ православію, гдѣ часто и отъ считающихъ себя православными вѣетъ обрядовѣріемъ старообрядчества или духомъ ложно направленной духовной свободы сектантства. Въ такихъ приходахъ пастыри, стоящіе въ лучшемъ видѣ на высотѣ своего призванія, всесторонне знакомые съ отвѣтами на перекаемые вопросы, которые предъ-

являютъ заблудшія чада своего прихода, всегда видятъ въ миссіонерахъ самыхъ близкихъ своихъ друзей. Во всякомъ трудномъ дѣлѣ, въ силу психологическаго закона, человѣкъ ищетъ помощи, имѣетъ стремительное, неудержимое желаніе подѣлиться своими взглядами на дѣла, повѣдать испытанныя радость и горе, успѣхи и неудачи передъ другимъ, но непремѣнно человѣкомъ, связаннымъ общностью интересовъ. Въ этомъ разгадка, почему сами дѣятели миссіи сдружаются въ такую тѣсную семью, начипая отъ простеца-начетчика, до человѣка, занимающаго высокій постъ въ отечественной церкви.

Здѣсь нѣтъ мѣста любоначалію, здѣсь равноправные соработники, въ потѣ лица расчищающіе тернія нивы Христовой. Самый вопросъ: нужны ли миссіонеры, здѣсь вызываетъ благородное негодованіе. Каждый пастырь, обуреваемый постоянно нападками со стороны старообрядцевъ или сектантовъ, дорожащій пользою дѣла, не входитъ въ оцѣнку лицъ, а отъ всего сердца желаетъ лишь одного, чтобы какъ можно чаще раздавалось Евангельское благовѣстіе истиннаго ученія Христова. Старообрядчество и сектантство—болѣзни вѣковыя и упорныя; для искорененія требуется всестороннее на нихъ воздѣйствіе.

Но вотъ, въ православномъ приходѣ, гдѣ много уже лѣтъ священствуетъ достойнѣйшій пастырь, начинающій уже замѣчать плоды своихъ трудовъ, видя то или другое нравственное усовершенствованіе ввѣренной ему паствы, вдругъ появляется новая личность враждебныхъ взглядовъ по отношенію къ православной церкви, будь то человѣкъ пришлый или даже одинъ изъ своихъ прихожанъ.

Слышится, что послѣдователь неслыханнаго раньше въ приходѣ новаго религіознаго ученія, начинаетъ пропагандировать свое ученіе и проповѣдь его заражаетъ другихъ. Добрый пастырь начинаетъ безпокоиться за участь ввѣренныхъ его попеченію чадъ и, наконецъ, рѣшается идти и преподать совращаемымъ пастырское наставленіе. Но вмѣсто привычнаго послушанія и должнаго вниманія къ своимъ словамъ встрѣчаетъ самый рѣзкій протестъ, часто подкрѣпляемый доказательствами массой книгъ, которыя для самого пастыря—terra incognita. Отъ наставленія такого пастыря вышла не польза, а скорѣе вредъ. Пропагандистъ съ каждымъ днемъ дѣйствуетъ смѣлѣе и успѣшнѣе, пастырь же церкви дѣлается печальнѣе и скорбь его усиливается сознаніемъ, съ одной стороны, отвѣтственности за утрату своихъ духовныхъ чадъ предъ Богомъ, а съ другой—передъ духовнымъ начальствомъ. Горестное сознаніе неисполненнаго долга

и тревожное состояніе въ приходѣ заставляетъ искать сторонней помощи. Вопросъ: нужны ли миссіонеры—забывается и встревоженный пастырь обращается за помощью къ спеціальной миссіи. Дѣло обыкновенно идетъ такъ: въ началѣ пастырь, нуждающійся въ помощи миссіонера, лично или письмами ищетъ совѣта послѣдняго, предлагая разрѣшить тотъ или иной пререкаемый вопросъ, но видя, что отъ его трудовъ дѣло мало измѣняется, требуетъ, чтобы миссіонеръ явился для бесѣдъ. Требованіе должно быть исполнено немедленно; здѣсь никто не хочетъ считаться ни съ силами, ни съ возможностью для миссіонера удовлетворять всѣмъ и каждому. При малѣйшемъ замедленіи летятъ на миссіонера жалобы, обвиненіе въ бездѣятельности и лѣности, напрасномъ полученіи жалованья и т. п.

Требованіе исполнено, миссіонеръ съ цѣлымъ возомъ духовнаго оружія является въ приходъ, начинается рядъ бесѣдъ. Въ глазахъ колеблющихся слушателей засвѣтился огонекъ духовной радости, началось пробуждаться сознаніе правоты дѣла св. церкви, отъ этого огонька таютъ всѣ, навѣянныя лжеучителемъ, сомнѣнія въ вѣрѣ. Самъ лжеучитель, чувствуя, какъ его доводы въ пользу проповѣдуемаго имъ ученія разбиваются постепенно о несокрушимыя твердыни православія, израсходовавъ весь арсеналъ клеветы на св. церковь, теряется, а самыя, имѣющіяся въ его рукахъ невѣдомыя, книги, служатъ ему въ обличеніе.

Мы, пастыри, тяжелый отвѣтъ должны будемъ дать передъ Богомъ и св. церковію за уклоненія отъ нея каждаго изъ „малыхъ сихъ“, колеблемыхъ вѣтромъ лжеученій. Посему мы должны сплотиться, подавъ другъ другу руку помощи, во единое воинство духовное; врагъ пробуждается; мы должны встрѣтить его во всеоружіи, впереди имѣя тѣхъ лицъ, которымъ всѣ ухищренія, коварство и козни врага болѣе извѣстны.

А такими лицами нельзя не признать испытанныхъ дѣятелей на поприщѣ миссіонерства.

Но противъ сего слышится иногда возраженіе: миссіонеры своею дѣятельностію могутъ ослабить авторитетъ приходскихъ пастырей.

Объяснимся и въ этомъ.

Ни одинъ миссіонеръ, понимающій дѣло, будь то лицо духовное или свѣтское, никогда не позволитъ себѣ вести дѣло такъ, чтобы набросить малѣйшую тѣнь униженія на дѣятельность приходскаго пастыря. Самыя миссіонерскія правила, утвержденныя Св. Синодомъ, ставятъ миссіонеровъ въ нѣкоторое подчиненіе по отношенію къ приходскому священнику. Пріѣзжій

миссіонеръ долженъ явиться къ настоятелю прихода, получить отъ него согласіе и указанія о времени и мѣстѣ бесѣдъ; долженъ предоставить ему на бесѣдахъ вступительное и заключительное слово. Что касается миссіонеровъ изъ мірянъ, то они, каковы бы ни были какъ по положенію, такъ и образованію, обязательнымъ для себя считаютъ принять предъ бесѣдою благословеніе отъ приходскаго пастыря и тѣмъ наглядно показать, какъ высоко смотрятъ на его авторитетъ. Ясно, что опасенія излишни, а въ такомъ святомъ дѣлѣ, какъ проповѣдь, споспѣшествующая дѣлу Божію утвержденія св. церкви на землѣ, и неумѣстны.

Наши соображенія вызваны тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторые благочинническіе округи высказались за упраздненіе должности благочинническихъ миссіонеровъ, не представивъ никакихъ достаточныхъ къ тому основаній.

Лучшей постановки миссіонерскаго дѣла по епархіямъ, чѣмъ какая принята у насъ, мы пока не знаемъ. Если кто укажетъ лучшую, спасибо ему скажемъ. Но все же существа дѣла спеціальной миссіи это не касается. Оно должно стоять незыблемо.

Нашъ окончательный выводъ: нужна ли противораскольничья и противосектантская миссія и миссіонеры—таковъ. До тѣхъ поръ, пока пастыри не будутъ въ состояніи сами лично бороться съ спеціальными и опытными защитниками противнаго православной церкви ученія, до тѣхъ поръ, пока поднятіе уровня религіознаго образованія пасомыхъ не дастъ имъ возможности самостоятельно разбираться въ вопросахъ вѣры, до тѣхъ поръ миссіонерство, какъ особый институтъ во всѣхъ своихъ видахъ, публичныя бесѣды, какъ особое средство борьбы православной церкви, должны существовать („Мисс. Обозр.“, ноябрь 1905 г., кн. 2, № 17, стр. 1997). Исконный врагъ св. церкви Христовой не дремлетъ, соработники его, лжеучители, надвигаются; духовно возродившая, воспитавшая и облагодатствовавшая насъ святая родная наша церковь ждетъ отъ насъ защиты; встанемъ же дружной духовной ратью, съ молитвою на устахъ, тщаніемъ не лѣниви, духомъ горяще, Господеви работающе (Рим. XII, 11) за дѣло Божіе!

Священникъ-миссіонеръ *Алексѣй Сокольскій.*

Бесѣда со старообрядцемъ «Спасова» согласія по вопросу о таинствѣ «Покаянія» [1]).

(Изъ полемики).

Старообрядецъ: Захарій Копистенскій въ книгѣ „О правдивой единости“ во главѣ 36-й пишетъ: „Исповѣданіе грѣховъ предъ епископами или отъ нихъ поставленными священниками обязательно для всякаго правосл. христіанина и кто не исповѣдуется или осуждаетъ исповѣдь, тотъ грѣшитъ смертнымъ грѣхомъ, теряетъ спасеніе и церковному наказанію подлежитъ. Но опять-таки, при настоящемъ гоненіи латинянъ и ихъ единомышленниковъ на русскую церковь, при недостаткѣ священниковъ, православные, не противорѣча ученію и практикѣ древней восточной Церкви, могутъ исповѣдывать грѣхи свои предъ всякимъ іеродіакономъ, монахомъ, всякимъ мірянином и даже непосредственно предъ самимъ Богомъ“ („Палинодія Захарія Копистенскаго“, изслѣдованіе Завитневича, стр. 300).

А такъ какъ мы не имѣемъ священниковъ, то, слѣдовательно на основаніи этого ученія можемъ творить исповѣдь и предъ мірянами и непосредственно предъ самимъ Богомъ, что не противно ученію древней Церкви. Такъ, въ Кормчей книгѣ читаемъ: „аще во грѣсѣхъ состарѣвся человѣкъ, завѣщаетъ въ молитвѣ своей завѣтъ между собою и Богомъ, глаголя, яко прости мя Владыко, яже согрѣшихъ доселѣ, и прочее не содѣю древнихъ моихъ грѣховъ, ни обращуся къ нимъ, но исповѣмся имени Твоему. Аще сій завѣтъ сотворивъ къ Богу человѣкъ, въ малехъ днехъ умретъ, что требѣ есть помышляти о немъ? Отвѣтъ. Пріятно бысть покаяніе его отъ Бога, въ немъ же обрѣтеся, въ томже и вчиненъ бысть се есть, въ спасеніе придетъ покаянія ради. Еже бо покаятися и отступити отъ грѣха въ человѣцѣ есть, а еже многолѣтну быти, въ Бозѣ есть“ (л. 629 и об.).—Значитъ и безъ іерея возможно получить прощеніе въ грѣхахъ, исповѣдавшись Господу Богу. У пр. Никона Черногорца говорится даже о томъ, что „мужъ нѣкій“, сотворивъ исповѣдь въ своихъ грѣхахъ предъ обра-

1) См. «Миссіонерское Обозрѣніе» № 5.

зомъ (иконою) Спаса, получилъ прощеніе, что и удостовѣрено чуднымъ гласомъ отъ образа (Слово 52 л. 420—421).

На основаніи приведенныхъ мною свидѣтельствъ, мы, старообрядцы, увѣрены, что, исповѣдуясь предъ Господомъ, получимъ прощеніе въ содѣянныхъ грѣхахъ.

Православный: Оправдывая свою исповѣдь и стараясь показать законность и спасительность совершаемаго вами покаянія, вы сослались на Захарія Копистенскаго, который въ книгѣ своей „О правдивой единости“ писалъ къ юго-западнымъ христіанамъ, что они, „при настоящемъ гоненіи латинянъ и ихъ единомышленниковъ на русскую Церковь, при недостаткѣ священниковъ, не противорѣча ученію и практикѣ древней восточной Церкви, могутъ исповѣдывать грѣхи свои предъ всякимъ іеродіакономъ, монахомъ, міряниномъ и даже непосредственно предъ Самимъ Богомъ“.—Но можно-ли ваше положеніе сравнивать съ положеніемъ юго-западныхъ христіанъ? Тѣ имѣли только скудость іереевъ, вы же совершенно отрицаете бытіе ихъ въ настоящее время; тѣхъ гнали и угнетали латиняне, вы-же живете на свободѣ и никто васъ не гонитъ, никто не уничтожаетъ священства, котораго у васъ и нѣтъ, да и быть не можетъ; тѣ находились въ общеніи съ общей вселенской Церковью, имущей—полноту іерархіи и таинствъ, вы-же отрицаетесь отъ всякаго общенія со вселенской Церковью, понося и осуждая ее всячески.

Тамъ была нужда только мѣстная, у васъ-же нужда всеобщая. Если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, благодаря гоненію, христіане Юго-Западнаго края не имѣли прав. священниковъ, къ которымъ могли прибѣгать, на покаяніе, то въ другихъ мѣстахъ іереевъ было много, нужды не было. Тамъ не возводили подобную исповѣдь въ обдержный законъ, а у васъ, вѣдь, нынѣ, это обдержный законъ, которымъ вы управляетесь. Такъ можно-ли подобнымъ свидѣтельствомъ оправдываться и тѣмъ болѣе ставить его въ обдержный законъ для Церкви? „Что не по правиламъ, то въ примѣръ не приводится и что и рѣдкое—не законъ Церкви“, говоритъ Матѳей Властарь (Синтагма буквы В. Гл. 3-я).

Общій же законъ таковъ: „исповѣданіе грѣховъ предъ епископами или отъ нихъ поставленными священниками обязательно для всякаго правосл. христіанина и кто не исповѣдуется, тотъ грѣшитъ смертнымъ грѣхомъ, теряетъ спасеніе и церковному наказанію подлежитъ“, учитъ тотъ же Захарій Копистенскій (36 гл. „О правдивой“; см. у Завитневича, 300 стр.). О томъ, что власть вязать и рѣшить принадлежитъ исключительно священникамъ, а не простецамъ, и что только чрезъ посредство лицъ іерархическихъ получаемъ прощеніе въ грѣхахъ, тотъ же Захарій Копистенскій учитъ и въ другой книгѣ своей „Па-

линодія", въ ч. первой, разд. 1, артикулъ 7, стр. 398—406 и это особенно по тому, что онъ былъ проповѣдникомъ той мысли, того ученія, что никогда Церковь не можетъ лишиться православнаго священства. (Ч. 2-я, разд. 7, артик. 3-й. Стр. 671-я).

Изъ Кормчей вы привели отвѣтъ Анастасія Синаита, въ которомъ только и говорится, что Господь принимаетъ кающагося грѣшника, который, по причинѣ болѣзни, не успѣлъ загладить прежнихъ своихъ беззаконій, прежней грѣховной жизни, жизнью добродѣтельной, добрыми дѣлами и прощаетъ его, вмѣняя ему, вмѣсто добрыхъ дѣлъ, данный имъ обѣтъ отстать отъ грѣха. Но никакъ нельзя думать, что раскаявшійся грѣшникъ, давшій обѣтъ отстать отъ грѣха, и принятый Господомъ, пренебрегалъ и не прибѣгалъ къ таинству покаянія, полагая послѣднее замѣнить молитвеннымъ обѣтомъ — отстать отъ грѣха. Вѣдь, въ той же кормчей книгѣ, нѣсколько повыше приведеннаго вами свидѣтельства, тотъ же Анастасій Синаитъ на вопросъ: „Глаголютъ нѣціи, яко то есть покаяніе грѣха, еже остаятися и престати отъ грѣха", отвѣчалъ: „неправо смыслятъ, иже се глаголютъ" (л. 626 об.). И въ другомъ мѣстѣ: „находятся, писалъ онъ, безумцы или, лучше сказать, нечестивцы, которые говорятъ, что нѣтъ пользы отъ исповѣди предъ людьми, такими же грѣшниками, какъ и мы, ибо одинъ Богъ можетъ отпускать грѣхи. Говорящіе это пусть знаютъ, что они, во первыхъ, только прикрываютъ этимъ свое нечестіе и безуміе, во вторыхъ забываютъ слова Самого Господа къ Своимъ ученикамъ: елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси и елико аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ (Мѳ. 18, 18)...

„Богъ совершаетъ спасеніе людей не чрезъ ангеловъ, но чрезъ святыхъ людей, своихъ служителей, которые суть соучастники Его въ дѣлахъ спасенія тѣхъ, кто хочетъ спастись" (Номоканонъ Павлова по изд. 1897 г. 473 стр.). Тотъ же Анастасій Синайскій на вопросъ: „Аще кто срамлялся рещи священнику человѣку своя грѣхи и студодѣяніе, внидетъ же въ Церковь, и о себѣ исповѣстся Господеви, убо пріятенъ-ли есть или ни"? Отвѣчалъ: „въ онже день умилится человѣкъ и обѣщается Богу ктому не согрѣшати, но прилежнѣ покается, пріемлетъ его Богъ; *но не пріемлетъ извѣщеніе единъ о себѣ*, (т. е. не при священникѣ) совершенныхъ о своемъ прощеніи" (см. въ кн. Никона Черниг. Горы 51 сл.; 416 л.).

Указали вы на то, что, якобы, пр. Никонъ училъ, что и предъ иконой Спаса можно приносить покаяніе, творить исповѣдь.—Неправда. Такихъ людей, которые учили, что Богъ прощаетъ грѣхи творящихъ исповѣдь предъ иконой, преподобный называлъ „развращенными" и совѣтовалъ не только не бесѣдовать съ такими людьми, но и бѣгать ихъ. „О другихъ же отъ части смотрительнѣ бываемыхъ

писалъ онъ, яко во иже ко иконѣ исповѣдавшагося, и Давыдово, и ина ветхаго завѣта и великаго канона, и другая, елика честное твое имяме писаніе, да испытуетъ владыко мой честь твоя смотрительныхъ силу и отнюдь непримати ниже въ бесѣду, яко о таковыхъ смотрительныхъ развращенная тѣхъ толкованія, не вмѣщающая въ духовный умъ, но отъ плотскаго мудрованія совращается въ различныя ереси и прелести, и до конца погибаютъ“ (пандекты слово 28). Наоборотъ, преподобный училъ, что „все Божественное писаніе глаголетъ, яко презвитерамъ священнодѣйствующимъ подобаетъ исповѣдемъ бывати, а не ко инѣмъ“ (тамъ же 14 слово).

Вѣдь и тогда, когда мы приходимъ на исповѣдь къ священнику, получаемъ разрѣшеніе отъ грѣховъ, не должны думать, что исповѣдуемъ свои беззаконія человѣку и отъ человѣка получаемъ прощеніе. Все предъ Богомъ и отъ Бога. „Развѣ къ человѣку ты приходишь съ исповѣданіемъ грѣховъ, писалъ Златоустъ, или отъ человѣка получаешь ты отпущеніе грѣховъ? Вѣдь ты приступаешь къ Владыкѣ и Царю всѣхъ Богу, отпускающему чрезъ священника тебѣ твои грѣхи. Священникъ здѣсь только посредникъ, а не отъ себя дѣйствуетъ... Не самъ онъ (священникъ) даетъ тебѣ отпущеніе грѣховъ, но великій Первосвященникъ Христосъ, ввѣрившій ему священство“. (т. XI, 967—968 стр.).

Итакъ, никакъ и ничѣмъ нельзя замѣнить таинство покаянія, совершаемое іереями. Не имѣя священниковъ,—вы не можете получить и не получаете отпущеніе грѣховъ, безъ чего и получить спасеніе не можете.

Старообрядецъ: Но развѣ мы не можемъ творить исповѣданіе своихъ грѣховъ предъ нашими старцами, опытными въ духовной жизни? Можемъ, и на это имѣемъ свидѣтельство отъ Божественнаго писанія. На вопросъ: „хорошо-ли исповѣдывать грѣхи мужамъ духовнымъ?“—пр. Анастасій Синаитъ отвѣчалъ: „весьма хорошо и полезно, но не тѣмъ, которые исполняютъ это неискусно и грубо, дабы неразумною снисходительностью, или неблаговременнымъ и не разсудительнымъ протяженіемъ епитимій не сдѣлать тебя безчувственнымъ презрителемъ ихъ или лѣнивымъ и безпечнымъ. Итакъ, если найдешь духовнаго мужа искуснаго, могущаго врачевать тебя, исповѣдайся предъ нимъ безъ стыда и съ вѣрою, какъ предъ Богомъ, а не человѣкомъ“ (Номокан. Павлова прилож. № 1).—Что дѣйствительно право выслушивать исповѣдь и давать разрѣшеніе отъ грѣховъ имѣли лица, не имѣющія на себѣ священнаго сала, объ этомъ свидѣтельствуетъ и профессоръ Суворовъ, говоря, что „даже простые монахи, не имѣвшіе духовнаго сана, выслушивали исповѣдь и давали разрѣшеніе отъ грѣховъ“ (Курс. Церк. прав. т. 2 стран. 220).

Мысль, высказанную профессоромъ Суворовымъ, подтверждаетъ и св. Іоаннъ Дамаскинъ, который писалъ: „что монаху, еще не украшенному священнымъ саномъ, можно исповѣдывать грѣхи, какъ унаслѣдовавшему это право вмѣстѣ съ покаянною одеждою, и богодарованнымъ образомъ, это засвидѣтельствовано въ богодухновенныхъ писаніяхъ, которыя, если прослѣдить ихъ внимательно, убѣдятъ тебя, что я говорю правду. Раньше одни только епископы получили отъ божественныхъ апостоловъ въ наслѣдство власть вязать и рѣшить. Когда же архіереи, съ теченіемъ времени, сдѣлались негодными, эта страшная власть перешла къ священникамъ безукоризненной жизни и одареннымъ божественною благодатью. Затѣмъ, когда эти послѣдніе смѣшались съ другими, когда и епископы и священники, оставивши народъ, сравнялись другъ съ другомъ и многіе впали, какъ это и теперь бываетъ, въ грѣхи обмана и пустословія, и равно погибли, власть эта, какъ я сказалъ, перенесена была на избранный Божій народъ, разумѣю монаховъ, не потому, чтобы власть была отнята отъ священниковъ и епископовъ, а потому, что они сами отчудились отъ нея“ — („Къ вопросу о тайной исповѣди“ Суворова; стр. 60—61).

И, вотъ, о основаніи приведенныхъ мною свидѣтельствъ, наши духовные отцы, хотя и не имѣютъ на себѣ іерархическаго сана, хотя и міряне,—могутъ принимать на исповѣдь приходящихъ къ нимъ и, слѣдовательно, т. покаянія мы имѣемъ. Напрасно вы обвиняете насъ; мы идемъ по писанію и самовольно ничего не вводимъ у себя.

Православный: Въ началѣ, стараясь оправдать свою незаконную исповѣдь, вы старались доказывать, что можно исповѣдь творить непосредственно предъ самимъ Господомъ, безъ присутствія какихъ-либо посредствующихъ лицъ. Теперь-же, когда я доказалъ всю нелѣпость и незаконность измышленнаго вами ученія, вы уже говорите, что покаяніе свое вы творите предъ своими старцами-мірянами, опытными въ духовной жизни, стараясь оправдать доводами дѣйствія своихъ старцевъ. Но, прежде чѣмъ разбирать приведенныя вами свидѣтельства, я просилъ бы васъ обратить вниманіе на то, что я въ началѣ говорилъ, когда указывалъ, отъ словъ Христа Спасителя, что власть вязать и рѣшить дана Господомъ сначала апостоламъ, а потомъ и ихъ преемникамъ—епископамъ и пресвитерамъ. Такъ укажите, когда же и гдѣ же Господь или апостолы власть вязать и рѣшить передали и мірянамъ, вашимъ старцамъ? Вѣдь до сихъ поръ вы не указали.

Правда, вы сослались на Анастасія Синаита, который писалъ, что „хорошо и полезно исповѣдывать грѣхи мужамъ духовнымъ и, если найдешь духовнаго мужа искуснаго, могущаго врачевать тебя, то исповѣдайся предъ нимъ безъ стыда и съ вѣрою, какъ предъ Богомъ,

а не человѣкомъ“. Но кого разумѣлъ Анастасій Синаитъ подъ „духовными мужами“: простецовъ-ли, или лицъ облеченныхъ іерейскимъ саномъ? Конечно, не простецовъ, а лицъ священныхъ, что видно изъ дальнѣйшаго содержанія отвѣта преподобнаго, отвѣта, который вы, по обычаю, не дочитываете, искажая тѣмъ дѣйствительный смыслъ словъ преподобнаго отца: „находятся, говорится далѣе въ отвѣтъ, безумцы, или лучше сказать, нечестивцы, которые говорятъ, что нѣтъ пользы, отъ исповѣди предъ людьми, такими же грѣшниками, какъ и мы, ибо одинъ Богъ можетъ отпускать грѣхи. Говорящіе это пусть знаютъ, что они, во-первыхъ, только прикрываютъ свое нечестіе и безуміе, во вторыхъ, забываютъ слова Самого Господа къ Своимъ ученикамъ: елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси; и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ (Мѳ. 18, 18). Отвергающіе исповѣдь—отвергаютъ вмѣстѣ и крещеніе и евхаристію, такъ такъ и эти священнодѣйствія совершаются людьми. Ибо Богъ совершаетъ—спасеніе людей не черезъ ангеловъ, но чрезъ святыхъ людей. Своихъ служителей, которые суть соучастники Его въ дѣлѣ спасенія тѣхъ, кто хочетъ спастись.—Указывая на это апостолъ сказалъ: такъ насъ да непщуетъ человѣкъ, яко слугъ Христовыхъ и строителей таинъ Божіихъ (1 Корин. 4, 1)“. (Номоканонъ Павлова 473 ст). Ясно, что Анастасій Синаитъ подъ духовными мужами разумѣлъ совершителей таинства покаянія—священниковъ.—Этимъ „духовнымъ мужамъ“ и „святымъ людямъ“. Анастасій приписываетъ совершеніе таинствъ крещенія и евхаристіи и называетъ ихъ „строителями таинъ Божіихъ“. Такъ, развѣ можно понимать слова его по вашему, т. е. что и міянамъ можно совершать таинство покаянія. Почти современникъ преподобнаго Анастасія—Іоаннъ, Игуменъ Раиѳскій, писалъ объ исповѣди: „чистосердечно исповѣдывать грѣхи мы обязуемся въ силу божественнаго повелѣнія. Это видно изъ преданій и правилъ, предложенныхъ Каѳолической Церкви апостолами, по внушенію Св. Духа. Исполняя ихи каноны и уставы и, по ихъ заповѣди исповѣдуя свои грѣхи Божіимъ священникамъ, мы удостоиваемся получать разрѣшеніе и отпущеніе“ (тамъ не стр. 472).

Сослались вы на профессора Суворова, который въ доказательство того, что исповѣдь можетъ творить и простой монахъ, сослался на І. Дамаскина. Но, вѣдь, сочиненіе, на которое сослался Суворовъ, не принадлежитъ св. Іоанну Дамаскину, оно завѣдомо подложное, о чемъ подробно можете прочитать въ „Номоканонѣ“ изд. Павлова, въ приложеніи первомъ, на страницѣ 475—478.—Такъ, развѣ можно подложными сочиненіями оправдываться и ими замѣнять ученіе Христа, св. апостоловъ, и каноны церковные, какъ общій и обязательный для всѣхъ законъ?! Вѣдь, Іоаннъ-то Дамаскинъ въ своемъ, несомнѣнно

подлинномъ, сочиненіи о ересяхъ—осуждаетъ въ ученіи мессаліанъ, какъ ересь то, что они всѣхъ приходящихъ къ нимъ грѣшниковъ—безъ посредства священнической власти объявляютъ чистыми отъ всякаго грѣха" (тамъ же стр. 475 въ примѣч.). Итакъ, „писаніе"-то ваше ученіе объ исповѣди, о правѣ, яко-бы, мірянъ вязать и рѣшить—считаетъ ересью. Законъ же церковный, церковные каноны право совершать таинство покаянія приписываютъ исключительно только епископамъ и, по нуждѣ, съ разрѣшенія послѣднихъ, пресвитерамъ. Такъ учитъ объ этомъ 39 пр. и 52 прав. Св. Апостолъ, 6, 7 и 52 пр. Карѳагенскаго Собора, и 102 пр. Шестого Вселенск. Собора. Вальсамонъ въ толкованіи на 52 пр. Св. Апостолъ: „епископы... и презвитеры, съ дозволенія епископа, принимаютъ помышленія людей".

Въ толкованіи на 6-е пр. Карѳагенскаго Собора Зонара: „съ Богомъ примиряетъ его (кающагося) архіерей чрезъ покаяніе"; Вальсамонъ: „епископы и презвитеры принимаютъ обращающихся, но скажи, что и эти презвитеры принимаютъ кающихся по дозволенію епископовъ".

Въ толкованіи на 7-е правило того же Собора Зонара пишетъ: *Монахи, принимающіе помыслы*, если не будетъ имъ отъ архіерея позволено принимать помыслы, *не имѣютъ власти—ни вязать, ни рѣшить;* ибо Христосъ далъ сію власть священнымъ апостоламъ; а образъ апостоловъ—суть архіерей". Вальсамонъ добавляетъ; *„худо дѣлаютъ тѣ посвященные монахи*, которые принимаютъ людскіе помыслы безъ епископскаго дозволенія, а *тѣмъ болѣе не посвященные, ибо сіи послѣдніе не могутъ совершить ничего такого и съ дозволенія епископскаго...* Не посвященному не дозволено принимать помыслы". (См. толк. на 6-е пр.).—Такимъ образомъ законъ церковный право и власть вязать и рѣшить приписываетъ только епископамъ—и, съ ихъ разрѣшенія, пресвитерамъ, осуждая монаховъ, которые, не имѣя священнаго сана, стали бы восхищать это право себѣ, при чемъ добавлено, что простые монахи даже съ разрѣшенія епископа не могутъ совершать таинство покаянія.—Какъ же это ваши старцы-настоятели, поправъ законъ Божій, законъ церковный, дерзаютъ творить исповѣдь, восхищая не дарованное... На судъ себѣ они творятъ это...

Старообрядецъ: Но какъ-же въ Номоканонѣ, патріаршаго изданія, разрѣшается и простому старцу помышленія принимати и исправляти? На листу 72 Номоканона читаемъ: „аще убо кто есть священникъ не искусенъ-же, а другой не священникъ, искусъ же имѣя духовнаго дѣянія, сему паче священника праведно есть помышленія принимати и правильно исправляти". На полѣ замѣчено: „старча исповѣдь пріята". На оборотѣ этого листа, какъ бы въ поясненіе, добавлено: „елицы убо

освященіи (т. е. имѣющіе на себѣ санъ священный) по повелѣнію епископа исповѣданія человѣческія да пріемлютъ, не священному же иноку наказаніе его искусства даетъ власть примиренія; аще убо себе самого безбѣдно соблюдаетъ, и исповѣдующихся Богови да примиряетъ“ (Номоканонъ при Іосаф. Потребникѣ).

И такъ, опытному въ духовной жизни старцу, искусному въ прохожденіи духовной жизни иноку-простецу, — Номоканонъ разрѣшаетъ принимать исповѣдь и примирять кающагося съ Богомъ. Отсюда, вы должны согласиться съ тѣмъ, что наши духовные отцы, старцы, совершаютъ исповѣдь не самовольно, а по закону церковному.

Православный: Въ настоящей бесѣдѣ мы съ вами разсуждаемъ объ исповѣди, о покаяніи—какъ одномъ изъ семи церковныхъ таинствъ, совершать которое можетъ только или епископъ, или, съ его дозволенія, пресвитеръ, о чемъ выше мы привели доводы. Вы же изъ „Номоканона“ привели часть отвѣта, да и то совсѣмъ не о томъ.

Разберемъ первую часть: „Аще убо кто есть священникъ не искусенъ же, а другій не священникъ, искусъ же имѣя духовнаго дѣянія, сему паче священника праведно есть помышленія пріимати и правильно исправляти“. На полѣ сказано: „старча исповѣдь пріята“. Въ этомъ, отрывочно вами приведенномъ, сказаніи нѣтъ ни однаго слова о томъ, что „искусный, т. е. опытный въ духовной жизни старецъ можетъ совершать исповѣдь—какъ таинство, т. е. разрѣшать отъ грѣховъ. Говорится только о томъ, что къ опытному, искусному въ духовной жизни старцу, можно приходить и разсказывать, исповѣдывать ему свои помыслы, т. е. говорится о такъ называемой нравственной исповѣди, въ которой малоопытный въ духовныхъ подвигахъ и брани съ врагами нашего спасенія христіанинъ, простецъ-ли то будетъ или инокъ, или инъ кто,—повѣряетъ свои помыслы другому, котораго онъ считаетъ опытнѣе себя, съ цѣлью получить отъ него совѣтъ, наставленія, какъ ему удобнѣе освободиться отъ своего грѣховнаго состоянія, какъ ему бороться съ обуревающими его помыслами, или злыми дѣлами, какъ ему исправиться и только. Въ этомъ случаѣ, дѣйствительно, лучше и полезнѣе обратиться къ опытному въ духовной жизни иноку-старцу, чѣмъ къ малоопытному, юному іерею. Но, повторяемъ, инокъ-старецъ даетъ только совѣтъ, наставленіе, какъ бороться съ грѣхами, какъ избавиться отъ врага нашего спасенія, но разрѣшенія отъ содѣянныхъ грѣховъ онъ не подаетъ, да и не можетъ подать. Такіе старцы бываютъ и бывали, обычно, въ монастыряхъ, которымъ новопостриженные иноки вручались, какъ опытнымъ въ духовной жизни, подъ руководство. Эти старцы назывались „духовными отцами, духовными старцами“ или просто „старцами“ (см. 79 и 81 пр. Номоканона по изд. Павлова и толкованіе стр. 208). Объ этихъ старцахъ,

какъ руководителей неопытныхъ въ духовной жизни иноковъ, говоритъ и Св. Василій Великій (т. V, 44—49 стр. по изд. 1892 г.). Но къ нимъ, повторяю, прибѣгали только за совѣтомъ, наставленіемъ, имъ ввѣряли свои помыслы; ихъ совѣты, наставленія соблюдали и не дѣлали ничего,—вопреки волѣ такого „учителя“.

Но если тебѣ требуется совершить исповѣдь таинственную, соединенную не только съ совѣтомъ и наставленіемъ—какъ бороться съ грѣхами, но и съ разрѣшеніемъ грѣховъ, то тутъ уже „Номоканонъ“ не дѣлаетъ не отдаетъ, предпочтенія опытному старцу предъ неопытнымъ священникомъ, а прямо заповѣдуетъ „обаче иже не суть священницы иноцы, паче же не искусніи, пріемлющіе-же нѣкіихъ помышленія и связующіи и разрѣшающіи, да знаютъ, яко не по правиламъ сіе творятъ, и ни во что-же есть; ибо святіи отцы ниже священникомъ изволяютъ безъ повелѣнія архіерейскаго примирите кающихся, яко же шестое, и 45 правило, иже въ Карѳагенѣ Собора изъясняютъ» (л. 72-й).

Поясненія это правило „Номоканона“ болѣе не требуетъ.

Второе свидѣтельство изъ „Номоканона“ вы привели тоже отрывочно; отсюда и смыслъ его, и безъ того темный, вами еще болѣе затемненъ.

Васъ смутили слова: „не освященному же иноку наказаніе его искусство даетъ власть примиренія; аще убо себе самого безбѣдно соблюдаетъ, и исповѣдующихся Богови да примиряетъ“. Но, вѣдь, и здѣсь не сказано, чтобы инокъ, или простолюдинъ имѣли власть на разрѣшеніе грѣховъ въ таинствѣ покаянія. „Наказаніе и искусство“, т. е. опытность въ духовной жизни, даютъ иноку только право совѣтомъ и руководствомъ успокаивать мятующуюся совѣсть человѣка, исповѣдующаго ему свои помыслы; при чемъ инокъ, какъ самъ себя искусно соблюдаетъ въ жизни, такъ и другихъ долженъ руководствовать, какъ самъ живетъ въ мирѣ съ Богомъ, такъ и другихъ долженъ вести къ тому же. Что такъ должно и слѣдуетъ понимать и этотъ отвѣтъ «Номоканона», на то указываютъ слѣдующія выраженія правила: „къ богопроповѣдникамъ рече Господь апостоламъ: вы есте соль земли, и елика свяжете, и елика разрѣшите на земли, разрѣшена суть на небеси. Тѣмъ же отъ Божественныхъ отецъ нашихъ узаконися, даже исповѣдующимся примирителе бываютъ епископы, пріемшіи апостольское мѣсто отъ Бога. Освященный же инокъ, множае паче не освященный, чрезъ волю епископскую Богови примирити не можетъ исповѣдующагося. Елицы убо суть освященніи, по повелѣнію епископа исповѣданія человѣческія да пріемлютъ“ и далѣе слова вами приведенныя. Значитъ тотъ же „Номоканонъ“ въ томъ же правилѣ говоритъ, что право и власть вязать и рѣшить въ таинствѣ покаянія принадлежитъ епископамъ, а, по волѣ ихъ, и пресвитерамъ. — Не

ясный конецъ запуталъ васъ. Въ первомъ изданіи «Номоканона» (1620 г.), изъ котораго правило это внесено въ наши „Патріаршіе Потребники“ конецъ этого правила читается такъ: «Елицы убо суть освящени, по повелѣнію епископскому исповѣданія человѣческія пріемлютъ: не священному же иноку, ниже даръ епископскую власть даетъ примиренія»; а это согласно съ закономъ церковнымъ, съ церковными правилами, въ которыхъ совершителемъ таинства покаянія считается епископъ и, съ его разрѣшенія, презвитеръ; „не посвященные же не могутъ совершать таинство покаянія, хотя-бы и съ дозволенія епископскаго“ (см. полн. Кормч. въ толк. на 6-е прав. Карѳагенск. Соб. стр. 388).

Что покаяніе, какъ таинство, могутъ совершать только лица іерархическія, а не простецы, о томъ учитъ и Матѳей Властарь, который писалъ: „худо дѣлаютъ тѣ посвященные монахи, которые принимаютъ людскіе помыслы безъ епископскаго дозволенія, ибо не имѣютъ власти вязать и рѣшить, а тѣмъ болѣе монахи не посвященные, ибо отнюдь не позволительно и дозволять имъ вообще принимать людскіе помыслы и судить“ (синтагма буквы „μ“, гл. 9-я). Что только священники и могутъ совершать таинство покаянія, о томъ Св. Василій Великій на вопросъ: „желающій исповѣдать грѣхи свои всѣмъ ли и кому случилось, или нѣкоторымъ, долженъ исповѣдывать“? отвѣчалъ „исповѣдывать грѣхи необходимо предъ тѣми, кому ввѣрено домостроительство таинствъ Божіихъ. Такъ находимъ, что и древлекаявшіеся дѣлали сіе предъ святыми. Ибо въ Евангеліи написано, что крестителю Іоанну исповѣдывали грѣхи свои (Мѳ. 3, 6), и въ Дѣяніяхъ (19,—18) апостоламъ, которыми и крещены были всѣ (т. 5-й,—стр. 328—329). Домостроительствоже таинъ Божіихъ ввѣрено было Апостоламъ и ихъ преемникамъ—пастырямъ Церкви.

Старообрядецъ: Я имѣю и еще нѣсколько доказательствъ въ пользу того, что наши старцы имѣютъ право принимать на исповѣдь и давать кающимся эпитиміи. Такъ, въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ читаемъ: „Епитиміямъ подвергали согрѣшившихъ иноковъ игумены монастырей и простые старцы, не имѣвшіе никакого начальственно-административнаго положенія. Неизвѣстно точно, съ какого времени, но повидимому рано, въ монастыряхъ игуменскимъ и старческимъ епитиміямъ стали придавать большее значеніе, чѣмъ простому дисциплинарному наказанію: епитимія признавалась неразрѣшимой никакою иною властію, кромѣ наложившей ее. Происходило это изъ представленія объ абсолютности игуменской и старческой власти, а также и отъ того, что въ епитиміяхъ старцевъ стали видѣть проявленіе вяжущей и рѣшающей власти, данной Господомъ апостоламъ, хотя большая часть игуменовъ и старцевъ не имѣли іерарическаго сана... Въ

прологѣ подъ 15 октября содержится слѣдующая повѣсть: нѣкогда въ скитѣ жилъ монахъ послушный отцу. Но по соблазну искусителя онъ ушелъ „отъ рукъ старца безъ вины, преобидѣвъ и запрещеніе, ибо запрещенъ бяше за послушанія отложеніе". Непокорный монахъ уходитъ въ Александрію и во время гоненія на христіанъ претерпѣваетъ тамъ мученіе за Христа. Христіане нашли его тѣло и погребли въ жертвенникѣ церковномъ „яко мученика". Когда же стали служить литургію, то во время возгласа „елицы оглашенніи изыдите"—гробъ инока-мученика самъ собой на виду у всѣхъ молящихся перенесся на паперть и находился тамъ до конца богослуженія. Послѣ того онъ занялъ свое прежнее мѣсто. Тогда одинъ человѣкъ началъ молиться Богу, чтобы открыть ему значеніе чуда, и явившійся ангелъ разъяснилъ ему дѣло, что инокъ былъ за непослушаніе свое, при жизни, связанъ епитиміей старцемъ и не разрѣшенъ.

Благочестивый мірянинъ разыскалъ того постника, который былъ старцемъ мученика, и привелъ его въ Александрію. Когда надъ открытымъ гробомъ своего непокорнаго ученика старецъ произнесъ прощеніе ему, гробъ пересталъ переноситься изъ жертвенника во время литургіи. Значитъ, разрѣшеніе получило силу. Изъ этого разсказа выходитъ, что старческая епитимія имѣетъ полную—каноническую силу: она есть проявленіе апостольскаго права вязать и рѣшить и никакіе личные подвиги связаннаго, даже мученичество за Христа, не освобождаютъ отъ ея узъ („Бог. Вѣстн." апрѣль 1905 г. 743—744 стр.).

Подобное-же свидѣтельство находимъ мы и въ твореніяхъ Пр. Ѳеодора Студита. „Одинъ старецъ, читаемъ у него, подвизался вмѣстѣ съ послушнымъ ученикомъ своимъ. Разъ случилось, что животныя, которыхъ имѣлъ подвижникъ ради нуждъ монастыря, зашли въ поля поселянъ. Поселяне бранили старца, а тотъ разгнѣвался на ученика и далъ заповѣдь, чтобы онъ не ѣлъ хлѣба до тѣхъ поръ, пока не остановитъ и не возвратитъ назадъ животныхъ и не сдѣлаетъ нужнаго огражденія, чтобы они болѣе не ходили на поля. Въ то время, когда послушникъ исполнялъ приказаніе, старецъ померъ. Опечалился ученикъ, возратившись и найдя мертвымъ наставника: онъ почувствовалъ свое духовное сиротство и затѣмъ созналъ, что на немъ осталась епитимія—не вкушать хлѣба. Послѣ похоронъ инокъ объяснилъ дѣло, кому слѣдуетъ—и просилъ врачевства и разрѣшенія епитиміи. Однако никого не нашлось, кто бы исцѣлилъ язву и разрѣшилъ связаннаго, ибо каждый отрицался и посылалъ его къ старѣйшему. И такъ какъ никто изъ находящихся тамъ не могъ его разрѣшить, то, по совѣту большаго числа людей, онъ удаляется оттуда, приходитъ въ Константинополь и идетъ къ патріарху Герману, объясняетъ ему причину прихода и проситъ отъ него помощи, какъ отъ такого лица, которы

былъ главою Церкви; однако и здѣсь не получаетъ разрѣшенія и исцѣленія. Что-же затѣмъ? Собирается соборъ, является на среду послушникъ, производится разсмотрѣніе вины его. Но и послѣ всего этого послѣдовало нѣкоторое удивительное, достославное и по истинѣ непостижимое, при такомъ архіереѣ и исповѣдникѣ, рѣшеніе.

Ни онъ, ни собравшійся соборъ не презрѣли епитиміи старца, связавшаго его и внезапно умершаго, хотя старецъ и не желалъ, чтобы ученикъ его оставался подъ епитиміею. Но какъ онъ, связанный на землѣ, былъ связанъ и на небесахъ, то они и оставили его подъ епитиміею, не разрѣшеннымъ, и не смѣли освободить связаннаго однимъ человѣкомъ, который, можетъ быть, не имѣлъ и степени священства, а былъ только аввою ученика, хотя тутъ были архіереи и даже глава Церкви.

Такимъ образомъ этотъ братъ пребылъ до смерти, не вкушая хлѣба“ (Огласит. поученія и завѣщаніе Ѳеод. Студита; по изд. Оптиной пустыни 1896 г. стр. 133—134).

Такъ вотъ вамъ новое и рѣшительное доказательство того, что старцы, не имѣя священнаго сана, могли вязать и рѣшить; отсюда наши наставники поступаютъ законно, когда принимаютъ на исповѣдь приходящихъ къ нимъ.

Тотъ же пр. Ѳеодоръ Студитъ на вопросъ: должно ли не имѣющему священства (монаху) назначать епитимію за неимѣніемъ пресвитеровъ и по вѣрѣ приступающаго? Отвѣчалъ: „Не противно правиламъ и простому монаху назначать епитиміи“ (твор. его т. 2, 601 стр.). И въ другомъ мѣстѣ къ Аврамію Странноприимцу писалъ: „Во время болѣзни нужно искать врача и во время бури кормчаго. Развѣ ты не видишь, что теперь великая буря и посланное отъ Бога наказаніе? Будь врачемъ, господинъ, будь кормчимъ, чтобы и себя спасти и виновныхъ исцѣлить и возвратить въ благоустроенное состояніе“ (т. 2, стр. 253). И такъ, не ясно ли, что и простой монахъ имѣетъ право, при отсутствіи священниковъ, налагать епитиміи, быть врачемъ и исцѣлять душевныя болѣзни, т. е. принимать кающихся, вязать ихъ и рѣшать. Напрасно вы и стараетесь обвинить нашихъ старцевъ въ томъ, что они восхищаютъ недарованное имъ;—напрасно утверждаете, что мы, не имѣя священства, не можемъ имѣть и покаянія, отсюда—де—и надежды на полученіе спасенія. Я кончилъ. Желаю услышать и на эти доводы разъясненіе.

Православный: Постараюсь разъяснить и послѣдніе ваши доводы, изъ которыхъ однако не видно того, чтобы простецъ-монахъ могъ совершать исповѣдь, покаяніе, какъ таинство. Смыслъ послѣднихъ вашихъ доводовъ тотъ же, что и „старча исповѣдь пріята“, т. е. въ нихъ говорится объ исповѣди нравственной.

Вѣдь „Богословскій Вѣстникъ“ свидѣтельствуетъ, что въ періодъ IV—VIII столѣтія и „міряне и клирики охотно шли къ монастырскимъ старцамъ, людямъ духовнаго опыта. Они несли сюда не очищенныя свои совѣсти, борющіе помыслы, разъѣдающія сомнѣнія мысли, страсти подавленной воли; предъ старцемъ исповѣдывали они свои грѣхи, не рѣдко смертные, и прегрѣшенія до мимолетнаго помысла и подъ его руководствомъ, принявъ епитимію, какъ духовное врачевство, проходили покаяніе“ (Бог. Вѣстн. сентябрь 1905 г. Стр. 19).

Не ясно ли, что къ старцамъ шли не для того, чтобы получить разрѣшеніе отъ грѣховъ въ таинствѣ покаянія, а шли за совѣтомъ, наставленіями, шли за лѣкарствомъ противъ душевныхъ болѣзней, а это и была исповѣдь нравственная, а не таинство, не исповѣдь „сакраментальная“. Вѣдь мы видимъ, что къ старцамъ шли и клирики, въ томъ числѣ и священники; такъ ужели священникъ отъ простеца инока получалъ разрѣшеніе отъ грѣховъ? Вѣдь, меньшій отъ большаго, по ученію Апостола, получаетъ благословеніе. Иначе думать учитъ будетъ нелѣпость.

„Принимающему исповѣданіе грѣховъ (разумѣемъ въ таинствѣ покаянія), говоритъ Симеонъ Солунскій, нужно и благословлять, и говорить разрѣшительную молитву, и разрѣшать... Какъ же будетъ совершать это тотъ, кто не имѣетъ священства“? (Т. 2, стр. 313).

„Какое же значеніе, читаемъ въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“, имѣла исповѣдь мірянъ у монастырскихъ старцевъ? Разумѣется, только нравственное: исповѣдь мірянъ передъ простыми монахами была бытовымъ явленіемъ, а не составною частію покаянія, какъ справедливо съ современной канонической точки зрѣнія разсуждаетъ профессоръ Павловъ“ (Сентябрь стр. 20),—который, скажемъ, писалъ объ этой исповѣди, „что она предписывалась монастырскими уставами, какъ мѣра къ утвержденію новоначальныхъ монаховъ въ жизни по своимъ обѣтамъ подъ руководствомъ старшихъ братій. Обращались и міряне съ исповѣдью грѣховныхъ таинъ своей души и съ просьбою о поданіи душеполезнаго совѣта или о молитвенномъ ходатайствѣ за себя передъ Богомъ... Но никто не смотрѣлъ на монаховъ, не имѣющихъ священническаго сана, какъ на компетентныхъ духовниковъ, т. е. уполномоченныхъ не только выслушивать исповѣдь, но и разрѣшать отъ грѣховъ“ (Номоканонъ Павлова, по изд. 1897 г. 475 стр.).

Эти старцы приходящимъ къ нимъ — давали и епитиміи, какъ лѣкарство, противоядіе, противъ извѣстныхъ душевныхъ болѣзней: „Мірянинъ, пришедшій къ старцу съ тяжкимъ грѣхомъ, получалъ епитимію, которую долженъ былъ добросовѣстно исполнить, чтобы заслужить разрѣшеніе отъ грѣховъ“ („Богосл. Вѣстн.“ Сентябрь, 26 стр.); значитъ, онъ еще не получалъ прощенія, разрѣшенія отъ грѣховъ и понятно почему: старецъ не іерей.

Словомъ, такая исповѣдь не могла замѣнить собою таинства покаянія: „при ней не было іерархическаго лица, пресвитерскаго или епископскаго сана, въ качествѣ совершителя таинства покаянія“ („Богосл. Вѣстн.“ Мартъ 1905 г. стр. 463—464). Такъ какъ юные монахи поручались старцамъ для наученія ихъ духовной жизни, о чемъ говорили мы выше, то „власть старца надъ безвольнымъ послушникомъ, духовнаго отца надъ духовнымъ сыномъ, была неограниченная“ (тамъ же, мѣсяцъ сентябрь, 26 стр.),—и вотъ почему такихъ иноковъ, послушниковъ, могли разрѣшать отъ епитиміи только тѣ, кто ихъ наложилъ; вотъ почему не разрѣшили отъ епитиміи пастыри послушниковъ-иноковъ, о которыхъ привели свидѣтельства изъ „Богословскаго Вѣстника“ и „Огласительныхъ Поученій“ пр. Ѳеодора Студита.

Но власть вязать и рѣшить принадлежала и принадлежитъ исключительно пастырямъ церкви, а не мірянамъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ и „Богословскій Вѣстникъ“, приведшій свидѣтельство Нила Синайскаго: „судить позволительно наиболѣе славнымъ и чистымъ изъ пастырей, которымъ ввѣрены ключи царствія, а не пасомымъ и носящимъ на себѣ слѣды грѣховныхъ сквернъ“ („Богосл. Вѣстн“. Апрѣль 1905 г. стр. 743). А вы дерзновенно вручили „ключи Царствія“ небеснаго простецамъ, своимъ старцамъ, восхитили то, что Господомъ не даровано имъ. Тяжкій грѣхъ берутъ на себя.

Такъ и препод. Ѳеодоръ Студитъ училъ: „ключи Царства небеснаго Христосъ даровалъ великому Петру, также и всѣмъ Апостоламъ..., преподавъ черезъ нихъ преемникамъ ихъ (твор. его, т. I.—290 стр.). И въ другомъ мѣстѣ, приведши евангелическія слова: „еже аще свяжете на земли, будетъ связано на небесѣхъ, и еже аще разрѣшите на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ“ (Мѳ. 16—19), пр. Ѳеодоръ Студитъ писалъ: „кто же это тѣ, которымъ это ввѣрено“? „Апостолы и ихъ преемники“ (т. II, 322 стр.), такъ училъ и знаменитый по учености и по жизни изъ монаховъ пр. Ефремъ Сиринъ: „безъ священства, писалъ онъ, не дается смертнымъ отпущеніе грѣховъ... Чрезъ священство пріялъ и ключи небесъ“ (т. 2, стр. 398; сл. 57-е).

Особенно же ясно училъ бл. Симеонъ Солунскій, говоря, что монахи не имѣютъ права на совершеніе таинства покаянія. „Служеніе духовныхъ отцевъ, писалъ онъ, не должно ввѣрять простымъ монахамъ, вовсе не имѣющимъ рукоположенія. Ибо это служеніе столь священно, что принадлежитъ однимъ епископамъ и презвитерамъ, какъ говорятъ правила церковныя (т. 2. стр. 312). Если презвитеры, продолжаетъ онъ, не имѣютъ на это права безъ позволенія (епископовъ), а о діаконахъ правила не упоминаютъ: то какъ иной простецъ, вовсе не получившій священства, будетъ совершать это таинство и священнодѣйствовать святое покаяніе“? (Стр. 314). „Ибо покаяніе есть одно

изъ таинствъ, и совершать его для вѣрныхъ — принадлежитъ епископамъ“ (322 стр.).—„Слыхалъ и я, писалъ бл. отецъ одному епископу, что нѣкоторыми архіереями дается монахамъ право принимать исповѣдь. Но я и прежде высказывалъ, и теперь выскажу мнѣніе свое, оно, надѣюсь, мнѣніе и отцовъ, — что это дѣло священства и должно быть совершаемо архіереями, или священниками, но ни подъ какимъ видомъ лицами простыми. Если уже нужда какая-нибудь, за отсутствіемъ священника, заставитъ, съ архіерейскаго дозволенія, совершать это дѣло и монаха, благоговѣйнаго и знающаго Божіи законы, разумѣю священные каноны: то пусть совершитъ, только чтобы принялъ одну исповѣдь и передалъ ее епископу, или подалъ требующему какой-либо душеполезный совѣтъ, но не прощалъ и не разрѣшалъ. Иначе безъ священства онъ могъ бы и священнодѣйствовать, и крестить, и благословлять, совершать и проч., а это чуждо Церкви“ (т. 3, стр. 162). Тоже см. стр. 150.

И такъ, ясно, все Божественное Писаніе — право и власть вязать и рѣшить, право совершать таинство покаянія,—усвояетъ исключительно лицамъ іерархическимъ — епископамъ и пресвитерамъ, воспрещая монахамъ и простецамъ дерзновенно восхищать недарованное имъ.

Монахъ или простецъ, по необходимости и въ крайней нуждѣ, можетъ принять исповѣдь, „но долженъ передать ее епископу, или имѣющему право священнослуженія (т. е. пресвитеру)...

Помнить монахи и простецы должны, что разрѣшить сами собою и называть себя духовниками они не могутъ, потому что не имѣютъ на то права, но если, по необходимости, принимаютъ исповѣдь и исповѣдуютъ, послѣ пусть передаютъ ее отцу духовному. Все, что услышали и узнали отъ исповѣдавшаго, пусть они перескажутъ тому, кто имѣетъ власть рѣшить: чрезъ это право разрѣшенія останется неприкосновеннымъ“.

Самое даже разрѣшеніе епископами, при нуждѣ, монахамъ принимать исповѣдь, блаженный считаетъ незаконнымъ и предписываетъ, чтобы и въ этомъ случаѣ „монахи не разрѣшали сами собою“, но „доносили объ этомъ мѣстному архіерею, и чтобы рѣшеніе было сдѣлано имъ“— (т. 3, 150—151 стр.).

Какому-же суду подлежатъ ваши старцы за самовольно присвоенное право совершать покаяніе? Блаженный отвѣчаетъ: „Если же нѣкоторые, по Божію попущенію, настолько дозволяютъ себѣ дерзости, что нечестиво и безъ вѣры (ибо это невѣріе) принимаютъ на себя священство, не бывъ рукоположены, и совершаютъ дѣла священства; то для выраженія тяжести осужденія, ожидающаго такого человѣка,—нѣтъ словъ.—Его дѣйствія хуже дѣйствій самыхъ нечестивцевъ

и свойственны однимъ демонамъ, которые преображаются во ангела свѣта, не будучи имъ, и поддѣлываются подъ дѣйствія Божіи, будучи безбожниками и противниками Бога. Такимъ образомъ такіе люди подвергнутся величайшему и невыразимому наказанію за то, что такъ кощунствуютъ надъ вещами божественными“ (т. 3, 148—149 стр.) Такимъ образомъ, по ученію бл. Симеона Солунскаго, ваши старцы за присвоеніе непринадлежащаго имъ права творить покаяніе—осуждаются и почитаются горше нечестивыхъ демоновъ... Вотъ имъ судъ. И то, что они творятъ, почитается „кощунствомъ“, а не покаяніемъ.

И такъ, не можете и не имѣете вы таинства покаянія, этой „второй денницы по разбіеніи крестильнаго корабля и нуждно потребной тайны согрѣшившихъ“, потому что некому у васъ совершать эту тайну; ваши старцы не очищаютъ васъ отъ грѣховъ, да и не могутъ; наоборотъ, „своимъ кощунствомъ надъ Божественными дѣлами“, — они на ваши головы приносятъ большее осужденіе...

Некому васъ очистить отъ грѣховныхъ скверн, а неочищенные отъ грѣховъ, вы и получить спасенія не можете. Пусть же старообрядцы Спасова согласія подумаютъ надъ своимъ положеніемъ; оглянитесь на Церковь Христову, Церковь Православную, которую вы хулите, но которая одна только есть истинная мать наша, могущая чрезъ своихъ пастырей, хотя и грѣшныхъ, очистить васъ отъ грѣховъ и чрезъ данные ей ключи Царствія небеснаго—ввести васъ въ небесный чертогъ—Царя Христа.

Самарскій епархіальный миссіонеръ, іерей *Димитрій Александровъ*.

ХРОНИКА.

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.

„Паутина“, политическій ром. въ 3 част. **В. И. Крыжановской.** „Русскій Вѣстникъ“, 1906 г. №№ 1, 2, 3 и 4.

Г-жа Крыжановская стяжала себѣ въ литературѣ имя, главнымъ образомъ, какъ историческая романистка; ея романы изъ исторіи Египта, Рима и среднихъ вѣковъ пользуются широкой извѣстностью, въ особенности *„Желѣзный канцлеръ древняго Египта“*, представляющій интересную историко-бытовую картину временъ Іосифа, и *„Свѣточи Чехіи“*, рисующіе борьбу Кирилло-меѳодіевскихъ началъ въ Чехіи XV в. противъ нѣмецко-католическаго гнета и возникновеніе гуситства.

Теперь передъ нами ея новое произведеніе, печатающееся съ января въ „Русск. Вѣстн.“ и имѣющее не только литературное, но и общественное значеніе. Авторъ назвалъ его романомъ; но это—не романъ въ общепринятомъ смыслѣ, а если и романъ, то во всякомъ случаѣ *романъ-хроника*, поскольку подобная литературная квалификація приложима, напримѣръ и къ „Войнѣ и Миру“, гдѣ тоже романической интригѣ отведено второстепенное значеніе, а на первомъ мѣстѣ своитъ описаніе быта того времени и политическихъ событій, въ которыхъ принимаютъ участіе дѣйствующія лица. Такъ и въ данномъ случаѣ: авторъ ведетъ васъ въ свою галлерею и показываетъ картины быта современнаго общества и портреты своихъ героевъ.

Переживаемое нами „лихолѣтье“ не могло не затронуть чуткаго дарованія г-жи Крыжановской и вотъ она рисуетъ намъ наше современное общество съ его вѣковымъ грѣхомъ: „духомъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія“, и отсутствіемъ національнаго самосознанія, скажемъ мы, за Ефремомъ Сиринымъ; а на ряду съ

этимъ указанъ дружный натискъ на расшатанныя, исконныя начала русскаго народа соединенными силами инородцевъ и иностранцевъ, преимущественно нашихъ старыхъ благопріятелей—нѣмцевъ. Грозящая русскому народу опасность крушенія его самобытности, даже въ политическомъ отношеніи, представляется автору въ видѣ громадной *паутины*, захватившей уже въ свои тенета обезличенную и безпочвенную русскую „интеллигенцію".

Романъ еще не оконченъ и едва ли зашелъ за половину, а потому трудно предугадать конечные выводы автора; однако уже и теперь обрисовка дѣйствующихъ лицъ и обстановки вполнѣ ясна, хотя несомнѣнно большой интересъ, для сравненія съ русскимъ бытомъ, представятъ и картины жизни германскаго общества, въ средѣ котораго поселяется героиня романа.

Дѣйствіе романа происходитъ сначала въ Екатеринославской губерніи, въ имѣніи генерала Шастунова, а затѣмъ переходитъ въ Польшу въ помѣстье барона фонъ-Рангвальда. Нѣкогда богатый, но затѣмъ разорившійся, генералъ Шастуновъ женатъ вторымъ бракомъ на вдовѣ, остзейской баронессѣ Матильдѣ Фердинандовнѣ Рангвальдъ, которая и становится орудіемъ нѣмецкаго вліянія, какъ на своего добродушнаго и безалабернаго мужа, такъ и на всѣ его дѣла, что особенно пагубно отражается на управленіи имѣніемъ Всесвятскимъ, попадающимъ въ цѣпкія лапы ставленника генеральши, нѣмца-управителя, Либермана съ присными. Свитое генеральшей нѣмецкое гнѣздо, при содѣйствіи окрестныхъ нѣмецкихъ колонистовъ, способствуетъ развитію „штундизма" и растлѣвающе вліяетъ на мѣстное населеніе.

Съ какими чувствами и намѣреніями гг. „культуртрегеры" являются изъ Германіи надѣлять насъ своей „культурой", выясняется изъ откровенной бесѣды Либермана съ пасторомъ. Дѣло происходитъ въ большомъ селѣ, по близости Кенигсберга, куда управляющій генер. Шастунова пріѣзжаетъ за своими родственниками, для которыхъ, вмѣсто поденной черной работы на родинѣ, приготовилъ „*ein warmes Plätzchen*" (теплое мѣстечко) въ гостепріимной Россіи.

Пасторъ Брейтгаммеръ,—тучный, съ двойнымъ подбородкомъ,—сидѣлъ у окна и курилъ трубку съ длиннымъ чубукомъ; на немъ былъ индѣйской ткани халатъ и черная ермолка прикрывала его лысую голову.

Разспросивъ Либермана о его личныхъ дѣлахъ, онъ поспѣшилъ перейти къ политическому положенію нѣмцевъ въ Россіи; видимо, внутреннія дѣла могущественнаго сосѣда особенно его интересовали.

— Много ли протестантскихъ приходовъ въ вашей провинціи и каково живется тамъ бѣднымъ изгнанникамъ, вдали отъ родины,— спросилъ онъ.

— О! Нѣмецкихъ колоній въ Екатеринославской губерніи много, я

думаю—больше шестидесяти; жаль только, что большинство принадлежитъ къ анабаптистамъ.

— Увы! Конечно, прискорбно, что значительное число нашихъ соотечественниковъ отступило отъ общей матери — церкви, основанной великимъ Лютеромъ, — вздохнулъ пасторъ; — но все же они несутъ истинный свѣтъ евангельскій во тьму язычества греческой схизмы. Мнѣ говорили, однако, что у нихъ тамъ, среди туземцевъ, много послѣдователей и за одно это надо уже быть къ нимъ снисходительными; проповѣдуя слово Божіе, они *германизируютъ* тупое славянское населеніе и такимъ образомъ, оказываютъ нашей странѣ неоцѣнимую услугу.

— Вы совершенно правы, г-нъ пасторъ! Въ дѣлѣ пропаганды анабаптисты выказываютъ необыкновенное рвеніе и одерживаютъ колоссальные успѣхи: ихъ послѣдователи не только многочисленны, но, сверхъ того, они настолько проникаются духомъ своихъ апостоловъ, что дѣлаются настоящими нѣмцами. Этихъ обращенныхъ русскихъ зовутъ *„штундистами“* и законъ строго наказываетъ ихъ... если поймаютъ; но, такъ какъ проповѣдь, сама по себѣ, дозволена, то, согласитесь, что одиночныя преслѣдованія не достигаютъ цѣли! Да иначе и быть не можетъ: наши колонисты—богаты и умѣютъ, когда нужно, словесное убѣжденіе поддержать и матеріальнымъ давленіемъ; гдѣ ужъ тутъ противиться такому забитому животному, какъ русскій мужикъ? Крестьяне дохнутъ съ голоду, ихъ священники—чисто нищіе, сравнительно съ нашими пасторами, и авторитета имѣютъ мало; ими пренебрегаютъ, надъ ними издѣваются и вотъ, постепенно и прочно ростетъ заложенная нами тамъ Новая Германія.

— Пусть, пусть ширятся ея предѣлы и священная, высокопатріотическая работа нашихъ піонеровъ приблизитъ великій моментъ, когда Германіи можно будетъ наконецъ закончить свою просвѣтительную миссію и взять въ руки міровой скипетръ — на благо человѣчества и цивилизаціи, — закончилъ пасторъ, молитвенно складывая руки и набожно возводя глаза къ небу.

Потомъ, Брейтгаммеръ выпрямился и пытливо взглянулъ на собесѣдника.

— А сами-то вы прониклись-ли въ достаточной мѣрѣ сознаніемъ того долга, который Господь возложилъ на васъ въ этой дикой странѣ?

— Конечно! Я отлично знаю, что долженъ прежде всего оставаться вѣрнымъ подданнымъ Германской Имперіи, имѣть въ виду исключительно интересы моего отечества и моихъ братьевъ-нѣмцевъ и всегда быть господиномъ надъ низшимъ, варварскимъ населеніемъ, въ среду котораго меня забросила судьба...

— Это—лишь азбука и потому этого мало,—горячо возразилъ пасторъ.— На каждомъ нѣмцѣ, помните, Либерманъ, лежитъ обязанность дѣлать все, отъ него зависящее, чтобы ослабить варварское царство, которое является нашимъ самымъ опаснымъ врагомъ. Сѣять раздоръ, возбуждать недовольство, разъединить и *обезличивать* глупую толпу, а главное, растравить сепаратизмъ мелкихъ народцевъ, завоеванныхъ ненасытнымъ колоссомъ, вотъ—какая задача предстоитъ нѣмцамъ, которыхъ судьба приводитъ въ Россію. Лишь когда эта страна перестанетъ быть великой державой, а ея дикія орды будутъ отодвинуты далеко въ Азію, тогда только цивилизаторская миссія Германіи можетъ

считаться законченной, нашъ народъ получитъ возможность развернуться на свободѣ и проявить всю свою культурную мощь! Смѣшно и досадно видѣть, что наши братья выселяются въ Америку или въ Африку, когда у насъ тутъ же, подъ рукой, лежатъ цѣлыя области, представляющія неоцѣнимыя пространства для населенія, земли, изобилующія богатствами, которыя только и ждутъ насъ для своего развитія и процвѣтанія.

Пасторъ воодушевился, увлеченный грандіозными перспективами, созданными его фантазіей; жирное лицо его было красно, маленькіе, заплывшіе глаза лихорадочно блестѣли, а грозно поднятый кулакъ представлялся ему уже закованнымъ въ броню и могущимъ раздавить неудобнаго сосѣда, который медлитъ звать къ себѣ своихъ господъ и благодѣтелей.

Краснорѣчіе Брейтгаммера не пропало даромъ, и подбавило жару патріотизму и національному чванству Либермана.

— Будьте увѣрены, г-нъ пасторъ, что ни одна изъ сказанныхъ вами силъ не пропадетъ даромъ ни для меня, ни для моихъ братьевъ, которымъ я дословно передамъ весь нашъ разговоръ,—съ многозначительнымъ видомъ отвѣтилъ онъ.—Съ тѣхъ поръ, какъ я живу въ Россіи, я и самъ всегда чувствовалъ, что эта страна—наша будущая собственность и если мы тамъ пока еще хозяева не законные, то, во всякомъ случаѣ, фактическіе: мы—въ первыхъ рядахъ всюду, гдѣ надо распорядиться или забрать въ руки выгодное дѣло. Да вотъ, хотя бы во Всесвятскомъ—у насъ тамъ два завода: одинъ мыловаренный, другой керамиковый, и что же? Оба управляющіе, завѣдующіе мастерскими и главные мастера—все нѣмцы; а русская сволочь служитъ рабочей силой, и такъ вездѣ! Какъ то въ Петербургѣ мнѣ пришлось закупать сѣмена и растенія для нашей оранжереи въ Ботаническомъ саду, такъ вѣрите-ли, что мнѣ не понадобилось сказать ни одного слова по-русски, все — нѣмцы; ну, а русскіе... ха, ха, ха... годны только, чтобы таскать воду и мести аллеи. А на ихъ главной улицѣ, Невскомъ проспектѣ? Лучшіе магазины — нѣмецкіе, стоитъ лишь прочесть вывѣски и подумаешь, что очутился въ Берлинѣ; у газетчиковъ и въ ресторанахъ нѣмецкихъ газетъ и журналовъ сколько угодно, наша церковь стоитъ на почетномъ мѣстѣ, а кто занимаетъ высшія административныя должности. Das Herz hüpft einem im Leibe, когда читаешь имена всѣхъ этихъ—*талей*,—*фельдовъ*,—*штейновъ*,—*берговъ*,—*дорфовъ*, *баховъ*, — *вальдовъ*, — *буріовъ* и т. п. О! Мы смѣло и бодро идемъ къ цѣли, о которой вы только что упоминали.

— Благослови насъ Богъ! Эта цѣль, въ то же время, есть благо всего человѣчества, такъ какъ Провидѣніе предназначило насъ быть двигателями міровой культуры.—Скажите, однако, дорогой Либерманъ, цѣнитъ-ли, по крайней мѣрѣ, это жалкое племя всѣ благодѣянія и просвѣщеніе, которыми мы его одарили, чувствуетъ-ли, что его назначеніе раствориться въ насъ и намъ служить? Это крайне важно! Вѣдь для того, чтобы нашъ народъ могъ впослѣдствіи спокойно пользоваться своими будущими владѣніями и дать могучій размахъ культурѣ, необходимо, чтобы народныя массы были въ повиновеніи и ревностно, безропотно выполняли черную работу; точнѣе сказать, намъ необходимо выработать изъ нихъ послушный, смышленый, трудолюбивый *рабочій скотъ*.

— Это будетъ потруднѣе, чѣмъ присоединить страну, — отвѣтилъ Либерманъ, почесавъ за ухомъ.—Тамъ есть крикуны, которые вопятъ, что мы наводнили Россію, какъ саранча, пожирающая хлѣбъ у сыновъ земли и что мы — соглядатаи, которые только ловятъ случай, чтобы измѣнить или продать государство, пріютившее и питающее насъ. Разумѣется, не ихъ же интересы будемъ мы отстаивать въ случаѣ войны, — и Либерманъ расхохотался. — О, они бы намъ горло перегрызли... если бы *могли*. На наше счастье, они могутъ только мечтать объ этомъ, кромѣ того, голодовки и всеобщая бѣднота доставляютъ не мало заботъ, ну, а мы ужъ постараемся, чтобы они не вышли изъ нищеты и гдѣ сами не сможемъ, такъ жиды намъ помогутъ. Нѣтъ лучшей узды, какъ голодъ!

— Вы правы, дорогой Либерманъ! Съ темной толпой необходимо быть строгимъ. Нашъ великій Момзенъ сказалъ, что надо кулакомъ бить по тупымъ славянскимъ башкамъ, чтобы заставить ихъ идти по прямой дорогѣ,—убѣжденно закончилъ пасторъ.

Вечеромъ того же дня, въ гостинницѣ „*Zur fette Gans*“ засѣдало многочисленное общество, собрана была вся сельская знать.

Подъ навѣсомъ, въ саду, сидѣли дамы съ фрау Кнолле, по правую руку которой, на почетномъ мѣстѣ, помѣстили Мальвину — красную отъ волненія по поводу выпавшаго на ея долю счастья; сегодня даже чванная супруга органиста облобызала ее и пожелала удачи въ новомъ отечествѣ.

Толковали о предстоящемъ Мюллерамъ путешествіи, восторгались блестящей ролью, разыгрываемой нѣмцами въ Россіи и разсказы объ этомъ были неистощимы. Подруга фрау Кнолле уѣхала горничной при одной русской дамѣ; затѣмъ получила мѣсто гувернантки и стала „*фрейлейнъ*“, а поцъ конецъ, даже вышла замужъ за доктора; другой общій знакомый „*Lohndiener*“ сдѣлался профессоромъ у „добродушныхъ“ сосѣдей и т. д.

Въ самомъ домѣ, въ особой комнатѣ, рядомъ съ общей залой, за столомъ, загроможденнымъ жбанами, бутылками и кружками, предсѣдательствовалъ Либерманъ. Здѣсь темой для разговора служила политика и, весь еще подъ впечатлѣніемъ своей бесѣды съ пасторомъ, герръ Теодоръ развертывалъ картину порабощенія Россіи—этой новой земли Ханаанской, которая самой судьбой предназначена служить образованію новой, исполинской Германіи и обезпечить, такимъ путемъ, нѣмецкому народу скипетръ мірового господства.

Подъ винными, или точнѣе, пивными парами, „Drang nach Osten“ собравшихся патріотовъ принималъ размѣры гомерическіе и предполагаемое завоеваніе казалось имъ уже сущимъ пустякомъ.

Такъ же легко, какъ онъ рѣзалъ сыръ и ветчину, кромсалъ Либерманъ на части „сѣвернаго колосса“: сперва отнималъ Балтійскія провинціи и Финляндію, затѣмъ Польшу и Литву и, наконецъ Крымъ съ Кавказомъ, побѣдоносно доводя русское государство до предѣловъ Московскаго княжества; но, пожалѣвъ затѣмъ и объ этомъ великодушіи, съ торжествомъ водружалъ нѣмецкое знамя въ Кремлѣ, а русскихъ изгонялъ въ Азію, гдѣ и подвергалъ поголовному избіенію китайцами и японцами, забывая даже, что этимъ самымъ лишалъ *культуртрегеровъ* ихъ „рабочаго скота“.

Въ моментъ этого апоѳеоза, общая гармонія чуть не нарушилась: возникли разногласія во мнѣніяхъ по поводу дѣлежа добычи и общая потасовка была бы неизбѣжна, но тутъ въ дѣло вмѣшались дамы, привлеченныя криками и растащили расходившихся завоевателей, которые и разбрелись, затѣмъ, шатаясь, по домамъ.

Крайне сожалѣемъ, что не можемъ, за недостаткомъ мѣста, привести еще очень любопытную картинку засѣданія „Кружка ландверныхъ и резервныхъ германскихъ офицеровъ“ (есть въ Петербургѣ и такіе кружки), чтобы дать понятіе, до какой смѣлости доходятъ воинственные планы нашихъ западныхъ сосѣдей; а потому ограничимся инымъ мѣстомъ романа, рисующимъ дѣятельность „штундизма“ и отношенія штундистовъ къ миролюбивому русскому населенію.

— А о школѣ и библіотекѣ отецъ Никандръ ничего тебѣ не говорилъ? Мнѣ онъ объ этомъ писалъ.

— Какъ-же! Мы съ нимъ обсуждали это въ теченіе двухъ часовъ и я обѣщалъ дать тысячу рублей на поддержку. Я боюсь только, что не смотря на всю ихъ пользу, это окажется черезчуръ слабымъ оружіемъ въ борьбѣ съ гидрой *штундизма*, охватившей насъ со всѣхъ сторонъ. Здѣсь творится нѣчто ужасное, а администрація, повидимому, глуха и слѣпа. Изъ того, что говорилъ мнѣ отецъ Никандръ, ясно виденъ обширный, умно задуманный планъ, проводимый съ упорствомъ и энергіей, свойственными нѣмцами...

— Съ ихъ безпринципнымъ *іезуитизмомъ*, проповѣдывающимъ, что всякое средство хорошо, лишь бы цѣль была достигнута.

— Понятно, какіе тамъ принципы „mit den russischen Barbaren“! *) Что почтенные нѣмцы не станутъ стѣснять себя какими-то устарѣлыми *принципами* — истина, настолько извѣстная, что и говорить о ней не стоитъ. А вотъ послушай, что мнѣ разсказывалъ отецъ Никандръ, который въ качествѣ священника, и самъ участвуетъ въ борьбѣ за свою паству. Шарлотентальская колонія заселена исключительно меннонитами и является главнѣйшимъ очагомъ пропаганды въ губерніи, а одинъ изъ богатѣйшихъ колонистовъ, нѣкій Мердерфельдъ,—самый ярый дѣятель систематической деморализаціи нашихъ крестьянъ; у него проживаютъ обыкновенно миссіонеры, которыхъ высылаютъ сюда изъ-за границы и, въ данное время, два негодяя— Шварцъ и Зульцмейеръ скрываются въ его домѣ, рыщутъ по окрестностямъ, добывая себѣ разными способами послѣдователей, и, кромѣ того, раздаютъ тенденціозныя брошюры и книги, опорочивающія наше духовенство, православную вѣру и русскій народъ. Эту кучу печатнаго навоза читаютъ, переводятъ и втолковываютъ темному люду, истомленному нищетой, и затѣмъ хорошо платятъ за отпаденіе отъ церкви, такъ какъ нѣмцы широко снабжаются деньгами изъ своего фатерланда, а все движеніе, въ цѣломъ, руководится изъ Берлина. Отецъ Никандръ описывалъ мнѣ нѣсколько случаевъ, безсильнымъ свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ: цѣлыя крестьянскія семьи были сначала

*) Русскими варварами.

разорены и затѣмъ совращены въ штундизмъ, подъ условіемъ и предлогомъ матеріальной помощи, которая была имъ оказана щедрой рукой, лишь только состоялось отпаденіе ихъ отъ православія. А какъ возмутительно ханжество этихъ сектантовъ: они парадируютъ своей идеальной честностью и на устахъ у нихъ только библейскіе тексты, что не мѣшаетъ имъ нисколько обманывать въ торговыхъ сдѣлкахъ и даже тайкомъ обкрадывать, особенно русскихъ. А какъ они жестоки къ бѣднымъ мужикамъ, которые не даютъ себя совратить въ штунду. Вообще, ихъ презрѣніе и наглое преслѣдованіе всего русскаго превосходитъ всякое воображеніе. Къ скотинѣ у нихъ больше вниманія, чѣмъ къ людямъ. Для коровъ и овецъ Мердерфельдъ построилъ въ полѣ крытые сараи и держитъ годового ветеринара, а для полевыхъ рабочихъ, изъ дальныхъ губерній, нанимаемыхъ на лѣто, онъ находитъ такой комфортъ излишнимъ. Люди спятъ подъ открытымъ небомъ и лишены медицинской помощи, а между тѣмъ одинъ Богъ знаетъ, насколько они въ ней нуждаются! Отецъ Никандръ примѣрами подтвердилъ мнѣ массу самыхъ невѣроятныхъ и возмутительныхъ фактовъ...

Юрій на минуту остановился и нервнымъ движеніемъ руки стряхнулъ пепелъ съ сигары.

— Я едва могу говорить, такъ все кипитъ во мнѣ, при мысли о тѣхъ мерзостяхъ, которыя эта нѣмецкая саранча дѣлаетъ русскому народу, *„das russische Vieh“* *), здѣсь же, на его родинѣ. Напримѣръ, у нихъ вошло въ обыкновеніе кормить рабочихъ разными отбросами: но въ послѣдніе годы и это нашли черезчуръ вкуснымъ, а можетъ быть заграничные агенты получили приказъ травить народъ, но теперь несчастнымъ отпускаютъ такое продовольствіе, какого собака не станетъ ѣсть и ни одинъ желудокъ переварить не въ состояніи: червивая мука, сбившаяся въ комья, такъ что приходится разбивать ее топоромъ, гнилая рыба и палый отъ чумы скотъ, который прирѣзываютъ не задолго передъ тѣмъ, какъ ему сдохнуть. Разумѣется, отравленные такимъ образомъ люди мрутъ, какъ мухи; у одного Мердерфельда погибло больше половины его рабочихъ, впрочемъ, и у другихъ колонистовъ смертность не меньше.

— Отчего же тогда никто не жалуется властямъ? — негодующе спросилъ взволнованный Валеріанъ Петровичъ.

— Какъ же, жаловались, даже слѣдствіе было наряжено по этому поводу; но кончилось оно, какъ обыкновенно, тѣмъ, чѣмъ кончаются подобныя дѣла, когда въ нихъ замѣшаны бываютъ *нѣмецъ* или *жидъ*: смертность подтвердилась, а виновныхъ не оказалось. Какой же здравомыслящій человѣкъ допуститъ, чтобы такіе добродѣтельные и богобоязненные люди, съ очами, возведенными къ небу, и руководящіеся въ жизни только евангеліемъ,—вдругъ, хладнокровно станутъ отравлять бѣдныхъ рабочихъ? Фи! Ихъ, разумѣется, слегка допросили, потомъ долго писали и обсуждали, а затѣмъ, потихоньку стали замалчивать, пока все не забудется, — огорченнымъ тономъ закончилъ Юрій.

— И все идетъ по прежнему!

---

*) Скотамъ русскимъ.

— О, нѣтъ! Теперь, эти негодяи стали осторожнѣе; но, конечно, какъ только они убѣдятся, что все это дѣло травой поросло, примутся за прежнее.

Ловкая и хитрая Матильда Фердинандовна успѣваетъ такъ одурачить своего мужа, на все смотрящаго глазами жены, что даже подбиваетъ легкомысленнаго генерала, въ ущербъ родному сыну, заложить имѣнье, оставленное тому лишь въ пожизненное владѣніе его первой женой,—чтобы купить помѣстье въ Польшѣ своему сыну отъ перваго брака, бар. Леопольду. Этотъ полунищій баронъ-голышъ, питающійся со своей супругой тѣмъ, что урвутъ у богатыхъ русскихъ родственниковъ, оказывается не только дѣятельнымъ пособникомъ генеральши въ дѣлѣ насажденія и укрѣпленія „тевтонскаго“ духа, но даже и больше того, какъ увидимъ ниже.

Противники этого чужеяднаго вліянія выведены въ романѣ, во-первыхъ, Юрій Шастуновъ—сынъ генерала отъ перваго брака, затѣмъ его дядя, Валеріанъ Петровичъ, дочь—Милица, героиня романа, и ея другъ дѣтства Щепинъ-Кромскій. Первыя два дѣйствующія лица обрисованы менѣе подробно и выставлены, какъ бы для того, чтобы выяснить, подъ вліяніемъ какого рода людей росъ и развивался характеръ Милицы.

Юрій—горячій, его дядя—болѣе спокойный и уравновѣшенный и оба они—глубоко честные и хорошіе русскіе люди, но слабосильные и и не могущіе, по мягкости характера, положить предѣлъ заразѣ, внесенной въ ихъ семью мачихой и невѣсткой, не смотря однако на полное сознаніе приносимаго ею вреда. Тѣмъ не менѣе, борьба между враждующими сторонами (русской и нѣмецкой) ведется буквально не на животъ, а на смерть, пока наконецъ Юрій, изобличивъ въ измѣнѣ „братца“, устроившаго изъ своего пограничнаго съ Пруссіей имѣнья складъ германскаго оружія, не погибаетъ за откровенность отъ „шальной“ пули на охотѣ.

Между этими, такъ сказать, *антиподами*, стоитъ цѣлый рядъ типичныхъ представителей опошлившагося русскаго „бо-монда“, но мы остановимся на наиболѣе яркихъ, по своему нравственному и умственному убожеству, экземплярахъ. Вотъ, напримѣръ, Лоло Юрасовъ—пошлый фатъ, увлекающійся смазливенькой рожицей подверн увшейся подъ руку племянницы Либермана и даже женящійся на ней; но въ скоромъ времени, какъ только у него прошелъ любозный хмель, онъ также спокойно бросаетъ жену, какъ передъ тѣмъ равноду шно отнесся къ смерти матери, убитой извѣстіемъ о его женитьбѣ, и исчезаетъ за границу влачить свое никому не нужное и безцѣльное существованіе. Таковъ и князь Игорь Загаринъ—развинченный гвардейскій повѣса. Влюбившись въ Милицу, онъ долго за ней ухажи-

ваетъ и дѣлается женихомъ, что однако ему нисколько не мѣшаетъ завести интригу съ красавицей полькой, графиней Осѣцкой; однако, на этотъ разъ, подобная продѣлка ему обходится дорого. Обольщенная имъ дѣвушка, узнавъ о его сватовствѣ и видя себя обманутой, мститъ за свой позоръ выстрѣломъ изъ револьвера, послѣ чего конечно слѣдуетъ разрывъ съ Милицей.

Представительницы „прекраснаго“ пола соперничаютъ въ безнравственности съ поломъ „не-прекраснымъ“. Вотъ характерная сценка, рисующая сразу бытъ среды и ея главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Передъ читателемъ княгиня Репьева—старѣющая, но пылкая не по лѣтамъ свѣтская львица.

Олимпія Аркадьевна, женщина лѣтъ пятидесяти пяти, въ молодости должна была быть хороша собой. Лицо ея было удивительно свѣжо для ея лѣтъ, въ черныхъ волосахъ не просвѣчивало ни одного сѣдого волоска; но накрашенныя губы и не въ мѣру выведенныя брови предательски выдавали, что гримъ игралъ тутъ значительную роль.

Она была полна и потому туго затянута въ корсетъ. Ея нарядный капотъ, свѣтло-лиловаго цвѣта, украшалъ цѣлый каскадъ дорогихъ кружевъ; широкіе рукава открывали полные красивые локти и выхоленныя, покрытыя кольцами руки. Хорошенькія еще ножки, обутыя въ черные шелковые чулки и золотистыя туфли, кокетливо выглядывали изъ-подъ платья и покоились на сѣрой, атласной подушкѣ на полу.

Выраженіе лица—добродушное, но, еще болѣе, безпечное, служило правдивымъ отраженіемъ ея характера. Въ сущности, Олимпія Аркадьевна была не злая женщина, подчасъ даже добрая и довольно отзывчивая; но, прежде всего и главнымъ образомъ, она была свѣтской львицей и кокеткой, искавшей въ жизни только успѣха и поклоненія.

Такъ, въ вихрѣ наслажденій и проказъ своей шумной и бурной жизни, она не замѣтила, какъ потихоньку сдѣлалась бабушкой, оставаясь глухой къ голосу своего зеркала, взывавшаго къ ней: „Одумайся! Никакія ужъ краски не дадутъ тебѣ настоящей молодости; время любви для тебя миновало и ты становишься смѣшной“.

Даже смерть единственнаго сына княгини не могла отрезвить и встряхнуть ея неисправимаго легкомыслія, хотя она искренно любила молодого князя и перенесла всю свою привязанность, къ которой только была способна, на внучатъ, круглыхъ сиротъ. Но все же, противиться увлеченіямъ сердца была столь же мало способна теперь, какъ и тридцать лѣтъ тому назадъ.

Сидѣвшій противъ княгини священникъ былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ. Голова и борода его подернулись сѣдиной, доброта и умъ свѣтились въ его глазахъ и отъ всего его существа вѣяло чистымъ и строгимъ покоемъ честной и безупречной жизни.

— Такъ могу ли я расчитывать на помощь вашего сіятельства, чтобы начать задуманное дѣло, необходимость и пользу котораго я имѣлъ честь вамъ изложить?—спросилъ онъ, заканчивая горячее объясненіе, которое Олимпія Аркадьевна слушала довольно внимательно.

— Непремѣнно, отецъ Никандръ. Начинайте постройку школы, а я сегодня же прикажу управляющему выдать вамъ необходимое количество лѣса и двѣсти рублей на предварительные расходы. А для библіотеки я вамъ вышлю книги и иллюстрированные журналы.—Пожалуйста не благодарите,—перебила она священника, пытавшагося выразить ей свою благодарность.—Я всѣмъ сердцемъ присоединяюсь къ вамъ и понимаю, что школа и книга будутъ лучшимъ оружіемъ противъ пропаганды штундистовъ. Только тогда народъ будетъ имѣть силу противиться опаснымъ совратителямъ, когда онъ будетъ просвѣщенъ!

Священникъ вздохнулъ.

— Ахъ! Тяжела борьба съ людьми, которые не брезгаютъ никакими способами, чтобы привлекать послѣдователей, располагаютъ громадными средствами и ловко пользуются бѣдностью, минутами слабости и отчаянія, а главное темнотой крестьянскаго люда, чтобы отвращать его отъ православной вѣры. Разумѣется, надо дѣлать, что можно, а Господь довершитъ остальное. Я же очень разсчитываю на школу и поспѣшу съ ея постройкой. Благодаря щедрости вашего сіятельства, можно будетъ приступить безотлагательно и на будущей недѣлѣ устроить закладку.

— Конечно, если ничто не помѣшаетъ. Но вы знаете, отецъ Никандръ, въ какое затрудненіе меня поставила неожиданная болѣзнь мистера Фрейя. Я не знаю, какъ мнѣ достать теперь же другого гувернера; а между тѣмъ, оставлять дѣтей подъ надзоромъ кормилицы, или теперь няньки Жоржа,—прямо невозможно. Я боюсь даже, чтобы не пришлось для этого ѣхать въ Петербургъ.

— Мнѣ кажется, что я могу вывести васъ изъ затрудненія и предложить человѣка вполнѣ подходящаго. Это—нѣкто Веригинъ; онъ съ университетскимъ образованіемъ и долго жилъ въ Германіи, въ качествѣ секретаря у одного богатаго комерсанта; но семейныя обстоятельства вынудили его вернуться на родину и теперь онъ очутился въ затруднительномъ положеніи, потому что у него на рукахъ мать и нѣсколько малолѣтнихъ братьевъ и сестеръ. Я отвѣчаю за его порядочность.

Княгиня оживилась.

— Вотъ и отлично! А ваша рекомендація, отецъ Никандръ, служитъ мнѣ лучшей порукой. Присылайте же мнѣ поскорѣе г-на Веригина.

— Непремѣнно, ваше сіятельство; пришлю завтра же.

Въ эту минуту вошелъ лакей и подалъ княгинѣ на серебряномъ подносѣ письмо.

— Г-нъ Либерманъ, управляющій Всесвятскаго, пріѣхалъ съ племянникомъ и подалъ письмо къ вашему сіятельству,—доложилъ онъ.

Княгиня пробѣжала письмо.

— Либерманъ предлагаетъ мнѣ въ гувернеры своего племянника и проситъ принять его. Иванъ, проведите ихъ въ голубою гостиную и попросите обождать.

Лицо священника нахмурилось. Замѣтивъ это, княгиня спросила, какого онъ мнѣнія о Либерманѣ.

— Это—личность мало достойная уваженія и, кромѣ того, онъ слишкомъ ужъ злоупотребляетъ оказываемымъ ему довѣріемъ. Главное же, онъ невѣроятно жестокъ съ бѣдными крестьянами: нѣтъ такой

придирки или гадости, которыхъ онъ не сдѣлалъ бы; къ тому же онъ—твердая опора и пособникъ штундистовъ-проповѣдниковъ.—Я только удивляюсь, что онъ осмѣливается предлагать вашему сіятельству своего племянника. Мнѣ доподлинно извѣстно, что въ прошломъ году онъ привезъ сюда своихъ родныхъ; но вѣдь это же люди простые, почти мужики! Чистое горе, что всякій проходимецъ изъ иноземцевъ сейчасъ воображаетъ, что можетъ быть чѣмъ-нибудь у насъ.

Княгиня улыбнулась.

— Вы ужъ черезчуръ строги, отецъ Никандръ! Какъ это ни тяжело сознаться, но образованіе за границей, даже среди народа, гораздо выше нашего, и въ Германіи, повѣрьте, нѣтъ мужиковъ въ нашемъ смыслѣ слова: самый бѣдный рабочій обладаетъ прекрасными манерами, окончилъ школу и развитъ. Да какъ же намъ обойтись безъ иностранцевъ? Они необходимы намъ, какъ гувернеры, гувернантки, бонны и т. д., чтобы дѣти, по крайней мѣрѣ, чисто говорили на языкахъ.

— Да! А вмѣстѣ съ хорошимъ выговоромъ, этотъ мусоръ общественныхъ отбросовъ иноземныхъ государствъ сѣетъ въ душѣ дѣтей національное равнодушіе, или даже презрѣніе ко всему русскому и восхищеніе нашими исконными врагами,—горько замѣтилъ священникъ.

Княгиня съ улыбкой погрозила ему пальчикомъ.

— Не будьте такъ нетерпимы, отецъ Никандръ. Но я все же запомню, что вы мнѣ сказали, и останусь вѣрной покровительствуемому вами Веригину. Теперь я пойду, спроважу нѣмцевъ, а пока дамъ вамъ записку къ управляющему: переговорите съ нимъ и потомъ приходите завтракать.

Взволнованный Морицъ въ безпокойствѣ ожидалъ выхода княгини въ маленькой гостиной, куда ввели его съ дядей. Не смотря на убѣжденія Либермана быть болѣе спокойнымъ и увѣреннымъ въ себѣ, онъ не могъ побѣдить своей тревоги.

Въ тѣ времена, когда онъ подавалъ гостямъ „Zur fetten Gans“ капусту съ саломъ и кружки пива, чистилъ сапоги или мылъ у колодца посуду,—даже его хозяинъ не протягивалъ руки, а здѣсь онъ долженъ былъ говорить съ *настоящей* княгиней.

Онъ лихорадочно перебиралъ въ умѣ уроки Шмацеля, когда вошла Олимпія Аркадьевна.

Пристально взглянула она на обоихъ нѣмцевъ, отвѣшивавшихъ ей глубокіе поклоны, и пріятное удивленіе мелькнуло у нея въ глазахъ. Съ улыбкой кивнула она имъ и попросила дядю съ племянникомъ садиться.

Либерманъ началъ говорить и съ невѣроятнымъ апломбомъ описывать достоинства Морица, разсказывая, что тотъ кончилъ курсъ высшей школы и что своимъ образованіемъ и характеромъ вполнѣ способенъ занять то мѣсто, котораго онъ для него проситъ. Цвѣтистая рѣчь уснащивалась при этомъ глубочайшимъ уваженіемъ „für durchlauchtigste frau Fürstin“ и лестью, если и не особенно тонкой, за то умно подобранной.

Морицъ благоразумно и скромно молчалъ; но, мало-по-малу, ласковые взгляды княгини и ея видимое благоволеніе придали ему мужество. Къ тому же и переговоры шли успѣшно и, когда Олимпія Аркадьевна пригласила обоихъ гостей остаться у нея завтракать, то

было рѣшено, что Морицъ принимается въ качествѣ гувернера къ маленькимъ князьямъ Колѣ и Жоржу Репьевымъ и, черезъ недѣлю, долженъ вступить въ исполненіе своихъ новыхъ обязанностей.

Вернувшемуся отцу Никандру княгиня сконфуженно объявила свое рѣшеніе и возобновила приглашеніе остаться завтракать; но священникъ извинился, что по неотложному дѣлу долженъ ѣхать домой и, холодно раскланявшись, удалился.

Обида и огорченіе кипѣли въ душѣ спокойнаго и снисходительнаго, обыкновенно, отца Никандра. Довольно было ему взглянуть на рослую фигуру Морица и на его здоровое, хотя мало выразительное лицо, и онъ понялъ, что эта соблазнительная внѣшность, въ связи съ престижемъ его иностраннаго происхожденія, повернули дѣло въ пользу нѣмца, отнявъ ожидаемый кусокъ хлѣба у его кандидата.

Презрительнымъ взглядомъ окинулъ отецъ Никандръ стоявшую у подъѣзда щегольскую тройку Либермана и, хмурый, полѣзъ въ свою таратайку, запряженную парой косматыхъ крестьянскихъ лошадокъ съ парнемъ въ красной рубахѣ на козлахъ.

— Вотъ какъ живутъ у насъ эти нѣмецкіе прощалыги,—проворчалъ онъ.

Героиня романа, Милица Шастунова—натура глубоко честная и прямая, но до болѣзненности чуткая и горячая; хотя, можетъ быть, это послѣднее свойство развилось въ ней при столкновеніи съ окружающей ее средой, въ которой она не можетъ акклиматизироваться, благодаря полученному ею особому, здоровому воспитанію. Эта цѣльность и непосредственность ея характера, ярко очерченная въ цѣломъ рядѣ сценъ, не укладывается, конечно, въ рамки той пошлости и предательства, которыя воцарились въ домѣ ея дѣда, при благосклонномъ участіи генеральши и семьи ея сынка, какъ и вообще не мирится съ условіями окружающаго ее свѣтскаго общества, а потому и производитъ впечатлѣніе упрямства и своеволія. Разочаровавшись въ своемъ бывшемъ женихѣ, князѣ Игорѣ, она выходитъ замужъ за графа фонъ-Береклау, отчасти по чувству оскорбленнаго самолюбія и мести Загарину, а отчасти привлеченная тѣми высоко этическими чертами новаго жениха, которыхъ не встрѣтила въ своихъ соотечественникахъ. Но тутъ возстаютъ противъ нея и становятся между ней и мужемъ мелочность и узкость обыденной нѣмецкой среды, въ которую она попадаетъ.

Правдиво оттѣнивъ вредную дѣятельность нѣмецкой саранчи въ Россіи, строго объективный и безпристрастный авторъ даетъ прекрасный образъ „заграничнаго“ нѣмца, графа фонъ-Беренклау, человѣка вполнѣ уравновѣшеннаго, съ твердой волей, любящаго свою родину и безгранично ей преданнаго. Остается только пожалѣть, что г—жѣ Крыжановской пришлось заимствовать своего герои изъ германскаго міра, но винить въ этомъ автора врядъ ли возможно, потому что и раньше Тургеневу съ Гончаровымъ тоже приходилось прибѣгать къ

заграничнымъ образцамъ для созданія типичныхъ представителей людей дѣла и твердой воли. Очевидно, въ русской жизни нѣтъ еще на лицо тѣхъ здоровыхъ условій, которыя создаютъ нормально развитые и цѣльные характеры, умѣющіе ставить себѣ дѣйствительныя цѣли въ жизни и сознательно добиваться ихъ, а не томиться въ созерцательномъ бездѣйствіи. Это предпочтеніе автора можетъ быть очень обидно для русскаго самолюбія, но тѣмъ не менѣе это неизбѣжно, если писатель желаетъ служить въ своемъ произведеніи *художественной правдѣ*.

Что г-жа Крыжановская была вполнѣ безпристрастна въ обрисовкѣ своего героя, доказывается еще и тѣмъ, что она съ неменьшимъ сарказмомъ казнитъ мелочность и пошлость средняго слоя заграничнаго нѣмецкаго общества, хотя и отдаетъ, при этомъ, должную справедливость тѣмъ здоровымъ семейнымъ, религіознымъ и политическимъ началамъ, подъ вліяніемъ которыхъ это общество складывалось и которыя составляютъ существенные признаки *культурности* нѣмцевъ.

Изображенная въ романѣ правдивая картина нашего общественнаго разложенія не можетъ, во всякомъ случаѣ, пройти безслѣдно для читателя; это не такая вещь, которую можно прочесть, полюбоваться, пожалуй, ея художественнымъ замысломъ и исполненіемъ, а затѣмъ и забыть. Нѣтъ, „Паутина“ оставляетъ очень глубокое впечатлѣніе, которое будитъ мысль сознаніемъ надвигающейся бѣды, заставляетъ строже взглянуть на окружающія насъ общественныя явленія и „самоопредѣлиться“ (модное словечко). Взбаламученная русская жизнь подняла со дна общественную муть, и въ настоящую минуту, передъ нами встаетъ неотложная необходимость точнаго анализа жизненныхъ условій нашего существованія и „переоцѣнки цѣнностей“.

Положимъ,—скажетъ себѣ въ утѣшеніе читатель,—авторъ изобразилъ пока лишь служилую или помѣщичью среду; а, можетъ быть, въ иныхъ „интеллигентныхъ“ слояхъ общества таится залогъ возрожденія здоровыхъ началъ русской жизни? Но, во первыхъ, описанные у автора общественные классы тоже принадлежатъ къ числу „интеллигентныхъ“; а, во вторыхъ, что такое русская „интеллигенція“ и каково ея духовное и умственное достояніе?

Одинъ изъ видныхъ публицистовъ нашего времени, Н. М. Соколовъ *), выяснилъ символъ вѣры современной „интеллигенціи“, выдѣляющій ее въ особую, такъ сказать, секту изъ общаго понятія просвѣщеннаго и образованнаго общества. Типичныя черты *интеллигентности* заключаются, по мнѣнію автора, въ пяти „разрывахъ“, а

*) Н. М. Соколовъ. „Объ идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенціи“.

именно: 1. *разрывъ съ наукой*, такъ какъ цѣнится не столько знаніе, сколько „направленіе“, самая же образованность можетъ быть и довольно поверхностна и не идти дальше популярныхъ книжекъ; 2. *съ государствомъ*; 3. *съ церковью* и 4. *съ прошлымъ*. А два послѣдніе разрыва влекутъ за собой неизбѣжно и пятый—*разрывъ со своимъ народомъ*.

Какъ ни странно, на первый взглядъ, послѣднее положеніе, а между тѣмъ вся босяцкая литература „максимовцевъ“ несомнѣнно является местью народу за его стойкость и вѣрность вѣковымъ историческимъ и религіознымъ основамъ его жизни. Но за послѣднее время наша „интеллигенція“ (слѣпо идущая на помочахъ масонства и пряча его за своей спиной), или по крайней мѣрѣ та ея часть, которая дѣлаетъ „освободительное движеніе“, дошла даже до открытаго предательства родины, вѣры и своего народа, что блестящимъ образомъ доказывается стремленіями разныхъ „прогрессивныхъ“ партій отдѣлить церковь отъ государства, раздробивъ къ тому же послѣднее на автономныя области и т. д.

Оплевывая все свое и рабски заимствуя идеи Запада, да холопствуя передъ его культурой, „интеллигенція“ наша, подъ видомъ „либеральнаго“ направленія, упорно проводила въ общественномъ сознаніи замѣну понятій: патріотизма—космополитизмомъ, вѣры—религіознымъ индиферентизмомъ и т. п., а сама, между тѣмъ, просмотрѣла, или не желала видѣть, напримѣръ, въ той же Германіи и вѣрность историческимъ традиціямъ и то высоко развитое національное самосознаніе и сплоченность, которыя характеризуютъ нѣмцевъ и дѣлаютъ ихъ дѣйствительно, а не наружно только, мощнымъ, *культурнымъ* народомъ.

И такъ, опять выростаетъ неотвязчивый, мучительный вопросъ—возможно ли возрожденіе русскаго общества? По нашему мнѣнію, возможны два исхода: или вызванныя къ жизни свѣжіе народные соки выгонятъ молодые побѣги и создадутъ столь же здоровый, новый образованный классъ, но уже связанный со своимъ народомъ, осудивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, на вымираніе нынѣшнюю безпочвенную, испорченную и алчную „интеллигенцію“; или же эта *тля* захватитъ врасплохъ все въ свои руки и закуетъ въ оковы народъ-богатыря, какъ это произошло во Франціи, гдѣ вытравлена даже сама идеи народности.

Но первый исходъ не можетъ придти самъ собой и спасеніе, думается намъ, въ дѣлѣ оздоровленія Руси, можетъ и должно идти отъ православной церкви, остающейся, какъ и встарь, хранительницей не только чистоты вѣры, но и народнаго духа. Если же это не произойдетъ и материнскія объятья православной церкви не раскроются для

мятущихся сыновъ ея, тогда вопросъ—быть или не быть самобытности русскаго народа—становится роковымъ.

Надо надѣяться, что вѣрная Христову ученію, наша церковь соблюдетъ и не забудетъ великій завѣтъ Его:

„Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагаетъ жизнь свою за овецъ.

„А наемникъ, не пастырь, которому овцы не свои, видитъ приходящаго волка и оставляетъ овецъ, и бѣжитъ; и волкъ расхищаетъ овецъ и разгоняетъ ихъ.

„А наемникъ бѣжитъ, потому что—наемникъ и не радитъ объ овцахъ".

С. Литвинъ.

„Молоканскій Вѣстникъ".

Въ половинѣ марта с. г., въ г. Владикавказѣ вышелъ 1-й номеръ молоканскаго журнала подъ названіемъ „Молоканскій Вѣстникъ". Редакторомъ журнала состоитъ небезызвѣстный въ молоканскомъ мірѣ молоканинъ Н. Ф. Кудиновъ. Кудиновъ—житель г. Владикавказа, послѣдніе годы жилъ въ г. Карсѣ, съ конца 1905 г. опять поселился во Владикавказѣ, образованія онъ домашняго.

Объявленная программа журнала довольно широка: въ ней обѣщаются „духовно-нравственныя статьи и проповѣди, статьи богословско-философскаго содержанія, беллетристика". По заявленію редактора, „въ журналѣ принимаютъ участіе выдающіеся молоканскіе дѣятели". 1-й номеръ журнала не оправдываетъ однако объявленій редактора: весь номеръ состоитъ изъ двухъ проповѣдей самого редактора. Кромѣ проповѣдей напечатаны 3 проекта уставовъ—союза владикавказскихъ молоканъ, союза молоканъ Карской области и союза бакинскихъ молоканъ.

Проповѣди г. Кудинова, не отличаясь ни содержательностью, ни достоинствомъ изложенія, наполнены нареканіями на православную церковь. Не смотря на заявленія автора, что цѣлью журнала служитъ прежде всего „очищеніе молоканства отъ тѣхъ нечистотъ, которыя обильно наполняютъ духовную храмину молоканъ", онъ, при каждомъ случаѣ, простираетъ свой „духовный вѣникъ" мимо своей хаты, главнымъ образомъ въ храмину православной церкви, намѣренными вымыслами искажая историческую дѣйствительность:

На долю „убогой и заплеснѣлой" (по выраженію автора) храмины молоканской достаются однѣ похвалы. Восхваляя молоканъ, какъ „истинныхъ послѣдователей Христа, воспріявшихъ и понявшихъ великія

идеи Христа", „всегда боровшихся съ невѣжествомъ и тьмою", „призваннымъ и въ настоящее время дѣлиться со всѣми тѣми великими богатствами, которыми они обогатились сами", авторъ говоритъ о православной церкви слѣдующее.

„Почему христіанство до сихъ поръ не пришло къ единству, братству и равенству?"—спрашиваетъ авторъ въ 1-й проповѣди, и отвѣчаетъ: „потому что св. Писаніе тысячелѣтія лежало въ церквахъ, оно не было извѣстно всей народной массѣ. Народная масса пользовалась св. Писаніемъ въ той лишь мѣрѣ, какую угодно было духовенству. Когда народная масса стала пробуждаться отъ духовной спячки, духовенство насторожилось, такъ какъ пробужденіе народныхъ массъ было не въ его интересахъ. Тѣхъ, которые проснулись отъ духовнаго сна, духовенство старалось снова усыпить, если же снотворный порошокъ не дѣйствовалъ, то они ссылали ихъ въ Сибирь и на Кавказъ, отнимая у нихъ Слово Божіе, сжигая и брасая его въ колодцы". Во второй проповѣди авторъ рѣшаетъ вопросъ: „откуда бѣдствіе и несчастія среди христіанъ", и всѣ разсужденія свои сводитъ къ одному отвѣту—отъ церкви православной. „Люди служатъ Богу и мамонѣ-капиталу", говоритъ онъ и далѣе ведетъ такія разсужденія: „для составленія капитала человѣкъ не спитъ ночей, чтобы такъ или иначе выудить изъ принадлежащаго другимъ людямъ капитала. Онъ усердно Богу молится, чтобы Богъ далъ ему успѣха обдѣлать то или другое дѣльце. Если ему удалось или обмануть кого-л., или торговать хорошо, то онъ ставитъ свѣчи, дѣлаетъ вклады въ церкви. Для отвода глазъ люди устроили суды, но эти суды тоже увлечены служеніемъ мамонѣ, а потому и не устраняютъ зла. Судъ разбираетъ только степень обмана, а не разъясняетъ людямъ, что они служатъ мамонѣ. Есть и другое учрежденіе, которое занимается спеціальною цѣлью доказывать необходимость служенія Богу. Но служители этого учрежденія не дѣлаютъ этого. А не дѣлаютъ они этого потому, что сами прислуживаютъ мамонѣ. Официально они называются служителями Бога, и чтобы показать себя таковыми, они носятъ отдѣльныя отъ прочихъ одежды, устроили особыя зданія, которыя внутри и снаружи украшаютъ ликами, картинами, золотомъ и серебромъ. Люди всѣ — и тѣ, которые служатъ Богу, и тѣ, которые служатъ мамонѣ, собираются туда для выраженія своихъ чувствъ, одни къ Богу, своему Господину, другіе мамонѣ, своему господину. Казалось бы, служители этого учрежденія дѣлаютъ одно изъ благороднѣйшихъ дѣлъ. На дѣлѣ же оказывается не то. Какъ съ тѣхъ, кои служатъ Богу, такъ и съ служителей мамоны они собираютъ деньги и отпускаютъ ихъ, ничего откровенно не сказавши. Вмѣсто того, чтобы категорически заявить служителямъ мамоны о ихъ нечестіи и грѣхѣ, они стараются успокоить ихъ въ

этомъ. Учредили особую пеню, которая якобы идетъ къ Богу въ видѣ вознагражденія Богу за то, что они Ему не служатъ" и т. д., и т. д.

Авторъ рѣшаетъ и политическіе, и соціальные вопросы—и все по одному и тому же пріему. О войнѣ съ Японіей онъ говоритъ: „Богъ въ своемъ Божественномъ рѣшеніи положилъ сохранить цѣлость Японіи. Не тамъ, за десять тысячъ верстъ нужно искать земли, чтобы дать таковую бѣднымъ, нуждающимся въ ней, а тутъ, внутри страны, гдѣ она захвачена своими же братьями христіанами. Неужели тамъ, гдѣ блескъ золота, украшающаго храмы, гдѣ сотни монастырей, обладающихъ несмѣтнымъ богатствомъ золота и земли, нужны еще завоевательные планы для того, чтобы удовлетворить крайнюю нужду крестьянина". Такимъ же образомъ рѣшаетъ онъ вопросъ и о современномъ общественномъ движеніи: „если бы милліардныя багатства монастырей, ихъ золото, собранное народомъ, ихъ земли, исчисляемыя милліонами десятинъ, были отданы тому, кому онѣ болѣе всего нужны, тогда мы не были бы свидѣтелями всѣхъ бѣдствій, происходящихъ въ Россіи".

Разбора такія нареканія на православную церковь не заслуживаютъ. Выписки изъ проповѣдей сдѣланы только для характеристики пріемовъ молаканскихъ проповѣдниковъ, забывающихъ наставленіе св. Писанія: „слово гнилое да не исходитъ изъ устъ твоихъ". Въ эпиграфѣ журнала редакторъ словами писанія призываетъ всѣхъ къ любви и миру, и самъ же завѣдомо сѣетъ смуту и разладъ.

Напечатанные въ журналѣ проекты уставовъ заслуживаютъ вниманія, какъ починъ молоканъ въ дѣлѣ поднятія своего нравственнаго уровня. Союзъ Владикавказскихъ молоканъ ставитъ въ своемъ уставѣ слѣдующія цѣли: объединить отдѣльныя собранія молоканъ въ г. Владикавказѣ (здѣсь существуетъ 4 собранія молоканъ) въ одно общее собраніе, для каковой цѣли имѣется въ виду построить общій молитвенный домъ (мѣсто для дома отведено городской думой безплатно), учредить общество трезвости, устраивать бесѣды и чтенія религіозно-нравственнаго содержанія, открыть библіотеку-читальню при молитвенномъ домѣ, издавать книги и брошюры въ духѣ молоканскаго ученія. Проектъ устава молоканъ г. Карса и Карской области ставитъ болѣе широкія задачи 1). Союзъ имѣетъ цѣлью объединить всѣхъ молоканъ Карской области такимъ образомъ. Въ каждомъ обществѣ карскихъ молоканъ, входящемъ въ составъ союза, избирается сельскій совѣтъ изъ 6 лицъ. Сельскіе совѣты руководятъ мѣстными общинами и собираютъ средства на общія дѣла союза. Сельскіе со-

1) Проектъ составленъ, по просьбѣ карскихъ молоканъ, г. Кудиновымъ.

вѣты подчиняются главному совѣту въ г. Карсѣ, избираемому изъ 12 лицъ. Не менѣе одного раза въ годъ устраивается общее собраніе всѣхъ совѣтовъ, которое разсматриваетъ отчеты сельскихъ совѣтовъ и главнаго совѣта, разсматриваетъ и утверждаетъ смѣты на предстоящій годъ, опредѣляетъ, гдѣ и какую открыть школу, библіотеку или читальню, избираетъ главный совѣтъ, которому передаетъ исполнительныя полномочія на годъ. Заслуживаетъ вниманія рѣшеніе вопроса о возникающихъ между членами союза недоразумѣніяхъ на почвѣ матеріальной. Недоразумѣнія разсматриваются прежде всего сельскими совѣтами; если стороны не пришли къ примиренію, дѣло ихъ поступаетъ на разсмотрѣніе главнаго совѣта; если же и тамъ стороны не примирились, имъ предоставляется право обратиться въ коронный судъ, съ тѣмъ однако, что виновная сторона исключается изъ состава союза. Уставъ союза бакинскихъ молоканъ (назвавшихъ себя прогрессистами) отличается болѣе детальною разработкой просвѣтительной и благотворительной дѣятельности союза.

Миссіонеръ *Кормилинъ*.

Свящ. Серапіонъ Брояковскій. Церковно-приходская лѣтопись или описаніе прихода въ историческомъ, этнографическомъ, религіозно-нравственномъ и другихъ отношеніяхъ. Выпускъ II. Кіевъ. 1905 г. in 8⁰ II+157 стр., ц. 85 к., съ пересылкою 1 р.

Настоящій выпускъ (II) церковно-приходской лѣтописи свящ. С. Брояковскаго является продолженіемъ изданнаго имъ въ 1904 г. перваго выпуска „Лѣтописи“ и есть въ собственномъ смыслѣ „лѣтопись“ или хронологія прихода, въ которую авторъ въ теченіе десяти лѣтъ заносилъ, фактъ за фактомъ, важнѣйшія событія, дурныя и хорошія, изъ мѣстной церковно-приходской жизни, съ дня поступленія своего на приходъ. Хотя этотъ трудъ имѣетъ главнымъ образомъ мѣстный интересъ, но, являясь единственнымъ въ своемъ родѣ, можетъ служить для пастыря-лѣтописца пособіемъ въ качествѣ руководства и образца при описаніи прихода, потому заслуживаетъ вниманія и широкаго распространенія среди тѣхъ лицъ, на которыхъ возложена обязанность вести церковно-приходскія лѣтописи. Имѣя подъ руками образцы, хотя бы даже не совершенные, того, о чемъ писать и что слѣдуетъ заносить на страницы „Приходской лѣтописи“, приходскіе пастыри безъ всякаго затрудненія съумѣютъ выполнить лежащую на нихъ обязанность „лѣтописцевъ“.

Обращаясь къ ближайшему разсмотрѣнію II выпуска церковно-приходской лѣтописи свящ. Брояковскаго, мы видимъ, что авторъ въ

своемъ трудѣ касается самыхъ разнообразныхъ событій изъ мѣстной церковно-приходской жизни, при этомъ старается всѣмъ этимъ событіямъ и явленіямъ дать надлежащее освѣщеніе съ пастырско-христіанской точки зрѣнія. Къ свѣтлымъ явленіямъ приходской жизни авторъ относится тепло и задушевно; къ печальнымъ же явленіямъ—съ пастырскою скорбью и сокрушеніемъ. Наибольшее вниманіе онъ удѣляетъ въ своей „лѣтописи“ религіозно-нравственному состоянію своего прихода, просвѣщенію въ христіанскомъ духѣ подростающаго поколѣнія, приходской благотворительности, взаимнымъ отношеніямъ пастыря и паствы и т. д. Частнѣе, авторъ касается больныхъ вопросовъ о народныхъ попойкахъ, пріурочиваемыхъ къ радостнымъ и печальнымъ событіямъ въ жизни, о базарныхъ дняхъ въ праздники, отвлекающихъ прихожанъ отъ посѣщенія храма Божія, о нарушеніи святости воскресныхъ и праздничныхъ дней, о народныхъ суевѣріяхъ и о борьбѣ съ ними, о жестокомъ обращеніи народа съ рабочимъ скотомъ, объ истребленіи крестьянскими дѣтьми птичьихъ гнѣздъ и птицъ и т. п. Наиболѣе интереса представляютъ тѣ страницы лѣтописи, гдѣ авторъ ведетъ рѣчь о церковно-приходской школѣ, о порядкахъ въ ней и методахъ преподаванія, объ отношеніи къ школѣ самого народа и о плодахъ церковно-школьнаго дѣла; между прочимъ особенно оттѣняетъ онъ огромную роль пастыря-законоучителя въ дѣлѣ воспитателя подростающаго поколѣнія (115 — 117 стр.). Съ неменьшимъ интересомъ читаются и тѣ страницы, гдѣ авторъ ведетъ рѣчь объ устройствѣ имъ для церковно-приходской школы новаго помѣщенія и о тѣхъ хлопотахъ и затрудненіяхъ, которыя ему пришлось пережить при постройкѣ новаго храма. Съ особою любовью авторъ заноситъ на страницы своей лѣтописи отчетъ о плодотворной дѣятельности церковно-приходскаго попечительства (101 — 104 стр.). Не лишне упомянуть, что онъ въ своей „лѣтописи“ отмѣчаетъ также нѣкоторые недоумѣнные вопросы изъ своей пастырской практики и даетъ указаніе къ ихъ разрѣшенію.

Изъ этого краткаго содержанія разсматриваемой книжки о. Брояковскаго видно, что авторъ ея предложилъ вниманію читателей весьма умѣлый обзоръ важнѣйшихъ событій изъ жизни своего прихода, — и этимъ начертываетъ программу вообще для всякой приходской лѣтописи. Трудъ этотъ не лишенъ практическаго значенія и можетъ служить руководствомъ для составленія „приходской лѣтописи“, — и потому заслуживаетъ широкаго распространенія среди пастырей церкви, которые, въ силу сложившихся обстоятельствъ, являются „лѣтописцами“ приходской жизни.

П. Козицкій.

Миссіонерство, секты и расколъ.

Областной съѣздъ молоканъ-уклеинцевъ въ с. Разсказовѣ Тамбовскаго уѣзда [1]).

Высочайшимъ указомъ 17 апрѣля 1905 года провозглашена въ Россіи свобода вѣроисповѣданія. Первыми въ Россіи откликнулись на это событіе молокане-уклеинцы Тамбовской губ., молокане—жители с. Разсказова, во главѣ съ своимъ почтеннымъ старцемъ Мих. Макс. Желтовымъ, рѣшили устроить собраніе уклеинцевъ и не одной только Тамбовской губерніи. И дѣйствительно, въ с. Разсказовѣ 4—6 іюня 1905 года былъ съѣздъ молоканъ. Въ миссіонерской литературѣ до настоящаго времени извѣстно о двухъ бывшихъ всероссійскихъ съѣздахъ молоканъ, именно—22 іюля 1905 г. въ с. Воронцовкѣ, Тифлисской губерніи, и 2—4 сент. 1905 г. въ с. Астраханкѣ, Бердянскаго у., Таврической губерніи. Но до этихъ всероссійскихъ съѣздовъ былъ, такъ сказать, областной ихъ съѣздъ въ с. Разсказовѣ. Вотъ на это собраніе молоканъ-уклеинцевъ мы и намѣрены обратить вниманіе всѣхъ участниковъ 3 миссіонерскаго съѣзда Тамбовской епархіи. Свое сообщеніе мы дѣлаемъ исключительно, какъ непосредственный очевидецъ собранія и какъ знакомый съ главными заправилами устроенія его. Намъ пришлось побывать на этомъ съѣздѣ, съ разрѣшенія организатора его—М. М. Желтова. Мы весьма благодарны за это послѣднему. Такое многолюдное собраніе молоканъ намъ пришлось видѣть впервые.

Мысль устроить съѣздъ молоканъ-уклеинцевъ въ с. Разсказовѣ принадлежитъ, какъ мы сказали, извѣстнымъ молоканамъ Желтовымъ, во главѣ съ М. М. Желтовымъ. Самъ М. М. на нашъ вопросъ: по какому поводу они съѣхались,—отвѣтилъ такъ: „Вотъ до сихъ поръ мы не могли явно исповѣдывать свое „духовное христіанство“, а теперь—дай Богъ здоровья нашему Батюшкѣ-Царю!—имѣемъ полное право. А

[1]) Изъ доклада 3 миссіонерскому съѣзду Тамбовской епархіи.

ужъ какъ оно дорого-то для насъ, это право! Вѣдь вы сами знаете,—что вамъ и говорить?—какъ насъ преслѣдовали. Вотъ—къ примѣру—сказать про моего отца; его три раза къ архіерею вызывали, разныя трудныя работы заставляли дѣлать; все это для того, чтобы онъ отъ своей вѣры отказался. Но Богъ далъ ему терпѣніе; все перенесъ, все; а въ вашу вѣру все же не ушелъ. А что было съ моимъ отцомъ, то было и съ другими нашими братьями. Вѣдь это были мученики за вѣру; то ихъ въ концисторію вашу зовутъ, то въ монастырь отправятъ, то въ тюрьму посадятъ, то — говорятъ—выселяйся изъ родной земли, уходи на Кавказъ или въ Таврическую губернію. У меня и сейчасъ есть родственники въ с. Астраханкѣ. Это вѣдь они были сосланы туда въ 40—50 годахъ. Теперь они живутъ тамъ, слава Богу, хорошо.—Такъ вотъ почему мы собрались. Хотимъ отпраздновать этотъ великій день въ нашей жизни. Вѣдь наши братья почти 100 лѣтъ не видѣли такой спокойной жизни, какая наступила теперь! Только Александръ Благословенный насъ порадовалъ; да и то не надолго. Какъ вступилъ на престолъ Николай I, ну—опять все у насъ отняли, опять начали стѣснять. Вотъ какъ у насъ говорили, такъ и вышло: „Николай запретилъ, Николай и отпуститъ!“

Мы называемъ бывшій въ с. Разсказовѣ съѣздъ молоканъ областнымъ. И вотъ именно почему. На этомъ съѣздѣ присутствовали молокане уклеинцы не только Тамбовской губ., а и другихъ губ. Здѣсь мы видѣли и познакомились съ молоканами-уклеинцами Таврической губ., Саратовской (Балашов. у.) и даже съ „духовными христіанами“ Кавказа. Молокане Кавказа и Таврической губ. по происхожденію своему большею частью изъ Тамб. губ., а нѣкоторые даже и изъ с. Разсказова. Исторически извѣстно, что въ 40—50 годахъ молоканъ изъ Тамбов. губерніи выселяли на Кавказъ и въ Таврическую губ. Знаемъ мы и то, что многіе молокане уходили изъ этой губ. Приведемъ доказательство. Въ Тамб. Губ. Вѣдом. за 1863 г. (№ 44) изъ журналовъ тамб. губернскаго по крестьянскому дѣлу присутствія узнаемъ о слѣдующемъ. Въ 1858 г. 9 іюня заарестованъ въ г. Тифлисѣ „молоканинъ“, приписанный къ молоканскому селу Ново-Ивановки подъ фальшивымъ именемъ Симона Степан. Чулкова. На допросѣ оказалось, что онъ помѣщичій крестьянинъ Тамб. у. с. Разсказова, настоящее имя его Семенъ Ѳеод. Шалдовицинъ, ткачъ на суконной фабрикѣ, удалился съ мѣста своего жительства, вслѣдствіе преслѣдованія за секту, въ сентябрѣ 1855 года.—Итакъ, молокане уклеинцы выселялись сами изъ Тамб. губ. на Кавказъ. Кромѣ того, извѣстно, что самъ Семенъ Уклеинъ, основатель молоканства, разъѣзжалъ по Кавказу съ проповѣдью своего „духовнаго христіанства“. Изъ Саратов. губ. молокане-уклеинцы были потому, что эта губернія была однимъ

изъ первыхъ мѣстъ проповѣди Уклеина. Исторія свидѣтельствуетъ, что послѣ проповѣди въ разныхъ селахъ Воронеж. губ. и возвращенія въ Тамбовскую, Уклеинъ, узнавши, что здѣсь его ищутъ, бѣжалъ въ Саратовскую губ., гдѣ въ Балашов. уѣздѣ болѣе половины жителей села Дурникова или Кислаго совратилъ въ молоканство.

Молокане-уклеинцы живутъ, помимо Тамбов. губ., на Кавказѣ, въ Саратовской и Воронежской губ. Для съѣзда же была избрана Тамбовская губ. и въ частности село Разсказово и именно потому, что Тамб. губ. родина молоканства, первое мѣсто пропаганды Уклеина, первое „опытное поле“, на которомъ Уклеинъ пробовалъ свои силы, а село Разсказово центръ молоканства въ Тамб. губ. По оффиціальнымъ даннымъ за 1903 г. въ немъ числилось исповѣдающихъ „духовное христіанство“—613 муж. п. и 590 жен. п., итого 1203 чел., т. е. такое число, котораго нѣтъ ни въ одномъ другомъ селѣ Тамб. губ.—Разсказово и мѣсто жительства главы современныхъ молоканъ-уклеинцевъ М. М. Желтова. Кромѣ того, что с. Разсказово избрано мѣстомъ собранія молоканъ-уклеинцевъ еще и потому, что *это село было первымъ* въ Тамб. губ. пунктомъ пропаганды Уклеинымъ своего ученія, послѣ его мнимаго присоединенія къ православной церкви и полученія, послѣ этого, свободы. С. Разсказово, т. о., живой памятникъ для молоканъ-уклеинцевъ объ ихъ учителѣ Уклеинѣ. Помимо сказаннаго, въ этомъ селѣ находятся могилы многихъ тѣхъ молоканъ, которые считаются „мучениками вѣры“.

Самое собраніе происходило такимъ образомъ.

Во дворѣ двухъэтажнаго каменнаго дома бр. Желтовыхъ былъ устроенъ шатеръ-палатка, вмѣстимостью на 400—500 человѣкъ. Какъ со внѣ, такъ и внутри эта палатка была украшена зеленью. Во дворѣ и въ самой палаткѣ была разбросана трава. Ко времени начала моленія ежедневно къ этому дому то и дѣло подходили и подъѣзжали на хорошихъ лошадяхъ исповѣдники и исповѣдницы „духовнаго христіанства“. Всѣ были въ лучшихъ праздничныхъ костюмахъ. Здѣсь можно было видѣть и дамъ въ шляпкахъ и мужчинъ въ европейскихъ костюмахъ. Но у большинства одежда была простая: русская поддевка или длинный сюртукъ. Когда мы вошли въ шатеръ, то намъ представилось слѣдующее. Она была буквально полна народомъ, часть котораго пѣла псалмы. Всѣ присутствовавшіе стояли. Наше вниманіе было обращено какъ на самое пѣніе, такъ и на количество пѣвцовъ. Внимательно прислушались мы къ мотиву напѣвовъ, и нашли большое сходство ихъ съ мотивами русскихъ простонародныхъ пѣсенъ минорнаго характера. Самый порядокъ пѣнія былъ таковъ. Одинъ изъ начетчиковъ-молоканъ с. Разсказова, держа въ рукахъ псалтирь, громко произносилъ каждый стихъ отдѣльно.

Пѣвцы его повторяли. Помимо начетчиковъ с. Разсказова стихи говорились и начетчиками другихъ молоканскихъ общинъ. До сего времени намъ приходилось нѣсколько разъ слышать пѣніе молоканъ. Но такого грустнаго, удручающаго душу, пѣнія, мы еще ни разу не слышали. Грустно было на душѣ и у насъ. Грустно потому, что, повидимому, люди эти „ищутъ Бота“, стремятся, взываютъ къ нему. Но духовная слѣпота не позволяетъ имъ имѣть достойныя, указываемыя православной церковью, для служенія Богу средства. Мы желали хоть на минуту проникнуться во время этого пѣнія молитвеннымъ настроеніемъ. Но пѣніе только удаляло насъ отъ этого настроенія, не давало ему необходимой пищи.

Псалмы пѣла небольшая группа присутствовавшихъ, человѣкъ 20—25. Услышавъ пѣніе этой группы, мы недоумѣвали: гдѣ же то общее пѣніе у молоканъ, о которомъ такъ много говорятъ?..

Когда пѣніе окончилось, всѣ сѣли. Сѣли и мы на предложенное мѣсто. Тутъ мы увидили яснѣе, что среди шатра, въ длину ея, стояло нѣсколько столовъ, покрытыхъ бѣлыми скатертями. Среди нихъ выдѣлялся одинъ столъ, большаго размѣра, за которымъ сидѣли сами устроители съѣзда Желтовы, во главѣ съ М. М. Желтовымъ, и приглашенные почетные гости—главнымъ образомъ, изъ начетчиковъ и наставниковъ молоканства. На этомъ большомъ столѣ мы видѣли книги разнаго объема и содержанія. Здѣсь были псалтири, новый завѣтъ и библіи на русскомъ языкѣ синодальнаго изданія. Здѣсь же была любимая молоканами библія на славянскомъ яз., изданія времени Павла I.

Второю составною частью моленія, происходившаго на молоканскомъ съѣздѣ, было объясненіе избранныхъ мѣстъ св. Писанія. Кончилось пѣніе. Тотчасъ всталъ одинъ изъ сидѣвшихъ за большимъ столомъ, взялъ въ руки библію и началъ рѣчь. Потомъ я познакомился съ этимъ ораторомъ. Онъ оказался начетчикомъ изъ с. Астраханки, Берд. у., Таврической губ. Рѣчь его лилась стройно, спокойно. Интонація голоса была пріятна.

Предметомъ своей рѣчи ораторъ взялъ 13 главу Евангелія отъ Луки. „Дорогіе братья и сестры!“—такимъ обращеніемъ началъ онъ свою рѣчь. „Мы собрались сюда съ разныхъ концовъ Россіи; собрались для того, чтобы отпраздновать знаменательный день нашей жизни—17 апрѣля, день дарованія или вѣрнѣе возвращенія намъ религіозной свободы. Здѣсь мы назидаемся, какъ говоритъ апостолъ, „во псалмахъ и пѣніяхъ“. Кончили мы пѣніе. Обратимся теперь къ Слову Божію, Слову Господа нашего І. Христа. Мнѣ хочется, дорогіе братья и сестры, предложить вамъ 13 голову Еванг. отъ Луки“. Ораторъ прочиталъ первые 5 стиховъ, сдѣлалъ перифразъ ихъ и

перешелъ отъ историческихъ фактовъ, упоминаемыхъ въ нихъ, къ историческимъ событіямъ жизни молоканъ въ Россіи. Центромъ тяжести въ его рѣчи было указаніе на то, какія преслѣдованія терпѣли ихъ дѣды и прадѣды за исповѣданіе „духовнаго христіанства". Въ своей рѣчи онъ упомянулъ объ отношеніи русскаго правительства къ молоканамъ въ благодѣтельное для нихъ царствованіе Александра I, объ извѣстномъ апокрифическомъ указѣ и перешелъ къ изображенію жизни молоканъ въ послѣдующее за царствованіемъ Александра I время до закона 17 апрѣля. Здѣсь онъ отдалъ должную часть всѣмъ тѣмъ, кто былъ добръ въ своихъ отношеніяхъ къ молоканамъ. Говоря о такъ называемой—„страдной порѣ" молоканскаго „житія" въ Россіи, ораторъ назвалъ своихъ предковъ „мучениками за вѣру". И мы, сказалъ онъ въ заключенія,—тоже много терпѣли; но теперь насталъ конецъ всему этому; теперь мы вольны въ своемъ религіозномъ исповѣданіи".

По окончаніи рѣчи, молокане вторично запѣли псалмы. Затѣмъ М. М. Желтовъ пригласилъ начетчика, наставника молоканъ, с. Митрополья Тамбовскаго у.—Ѳеодора Захаровича, прочитать молитву. Чтеніе молитвы было очень продолжительно. Молитва эта представляла изъ себя импровизированный сводъ мѣстъ св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта съ нѣкоторыми добавленіями собственно-молоканскаго сочиненія, причемъ Ѳеодоръ Захаровичъ старался отъ лица всего собранія возможно горячѣе возблагодарить Бога за дарованную милость—указъ 17 апрѣля. Упомянулъ онъ въ молитвѣ Александра Благословеннаго, воздавъ Ему должную похвалу за благодѣтельное отношеніе къ ихъ предкамъ. Помолился о немъ и своихъ предкахъ, которые терпѣли притѣсненія. Просилъ отъ лица собранія воздать (имъ) вѣнецъ нетлѣнія всѣмъ, кто умеръ отъ преслѣдованія за вѣру. Помолившись за умершихъ, онъ перешелъ къ молитвѣ за живыхъ. Здѣсь онъ на первомъ планѣ поставилъ имя Государя Императора Николая II и весь Царствующій Домъ. Въ концѣ молитвы Ѳ. З. упомянулъ о законѣ 17 апрѣля и, желая показать своимъ „братьямъ" его значеніе для молоканъ, сказалъ, между прочимъ, слѣдующія знаменательныя слова: „теперь ни гражданская, ни церковная власть насъ, молоканъ, не можетъ безпокоить". Свою молитву Ѳ. З. сопровождалъ слѣдующими обрядами: поклонами въ поясъ, колѣнопреклоненіемъ, поклонами въ землю и держаніемъ рукъ, сложенныхъ одна на другую, на груди. Тоже дѣлало и все собраніе.

Таковъ общій характеръ бывшаго въ с. Разсказовѣ съѣзда молоканъ уклеинцевъ. Какъ мы слышали, на этомъ съѣздѣ былъ и обмѣнъ и знакомство съ напѣвами, принятыми въ разныхъ мѣстахъ молоканско-уклеинскихъ общинъ. По справкѣ оказалось, что лучшіе напѣвы существуютъ среди балашовскихъ молоканъ-уклеинцевъ.

Мы не можемъ сказать о томъ, были ли выработаны на этомъ съѣздѣ молоканъ какія-нибудь постановленія, касающіяся вообще религіозной жизни ихъ, въ особенности новой жизни, наступившей послѣ закона 17 апрѣля. Слышали мы, что помимо „общихъ“ собраній всѣ съѣхавшіеся устроивали и „частныя“. Всего, что служило предметомъ этихъ „частныхъ“ собраній, мы не знаемъ. Извѣстны только нѣкоторыя частности. На собраніяхъ обсуждались такіе вопросы: 1) о необходимости составить адресъ съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ на имя Государя Императора и 2) о необходимости всероссійскихъ съѣздовъ молоканъ. Все это, какъ извѣстно, уже приведено въ исполненіе. Адресъ на имя Государя Императора былъ составленъ въ такомъ видѣ: „Общество духовныхъ христіанъ, именуемыхъ молоканами, села Разсказова съ великою радостью встрѣтило царскую милость—свое освобожденіе отъ религіозныхъ стѣсненій, которое даровано Высочайшимъ указомъ отъ 17 апрѣля сего года. Посему, призвавъ единовѣрцевъ другихъ селъ на торжественное собраніе по обряду нашей религіи, прочитавъ означенный указъ, единодушно помолились за здравіе Его Величества, Великаго Государя, Николая Александровича, ибо милости, даруемыя намъ означеннымъ указомъ Его Величества, очень велики и неоцѣнимо дороги; онѣ вызываютъ у насъ слезу радости и восторга и, будучи восторжены, мы — все общество,—какъ одинъ человѣкъ вознесли пламенныя молитвы къ Царю небесному, прося Его, да прославится имя и царствіе Государя Николая Александровича на вѣки. При этомъ, пропѣвъ 20 псаломъ, пожелали повергнуть къ стопамъ Его Величества искреннюю благодарность ихъ за милости и заботы о благѣ своего народа и заявить о ихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ и готовности вѣрой и правдой служить Государю и родинѣ, съ которыми они неразрывно связаны, какъ истинно русскіе люди. 1905 года, іюня 26 дня. Представители духовнымъ христіанъ, крестьяне села Разсказова, Тамбовской губ. и уѣзда, Михаилъ Максимовичъ Желтовъ, Павелъ Васильевичъ Ганьшинъ“. На подлинномъ Государю Императору благоугодно было начертать: „*Прочелъ съ удовольствіемъ, благодарю всѣхъ*“ [1]).

Мы достовѣрно знаемъ также, что на частныхъ собраніяхъ были рѣшаемы и такіе догматическіе вопросы, какъ вопросы о водномъ крещеніи, о причащеніи и др. Нужно сказать, что и среди молоканъ-уклеинцевъ проглядываетъ иногда мысль о необходимости признанія воднаго крещенія, каковое уже приняли такъ называемые „новомолокане“. Такъ, по крайней мѣрѣ, намъ говорилъ самъ глава тамбовскихъ уклеинцевъ М. М. Желтовъ. Но авторитетъ послѣдняго еще очень си-

[1]) «Тамбов. Губ. Вѣдом.» 1905 г. № 166, офф. отд., стр. 1-я.

ленъ. Вотъ почему всѣмъ защитникамъ воднаго крещенія пришлось по необходимости „положить храненіе устомъ своимъ". Поднимали вопросъ и о крестномъ знаменіи, но ни къ чему опредѣленному не пришли. Сидя за стаканомъ чаю въ домѣ бр. Желтовыхъ 5-го іюня, мы между прочимъ бесѣдовали о томъ, будутъ-ли молокане-уклеинцы строить молитвенные дома. На мой вопросъ: что *теперь* думаютъ по этому вопросу молокане-уклеинцы, отвѣтилъ самъ М. М. такъ: „мы пока объ этомъ не думали".

На этомъ и заканчиваемъ описаніе Разсказовскаго молоканскаго съѣзда.

Епарх. мисс. *М. Третьяковъ.*

Казанско-Богородичное миссіонерское братство въ Тамбовѣ.

Не такъ давно опубликованъ годичный отчетъ по Тамбовскому Казанско-Богородичному миссіонерскому братству за 1905 г.

Изъ отчета видно, что братство влачитъ прямо-таки жалкое существованіе и доживаетъ послѣднія дни.

Братство имѣетъ довольно большой архивъ въ видѣ 13 почетныхъ членовъ; но число его дѣйствительныхъ членовъ относительно невелико—всего 45 человѣкъ. Почетные члены—это декорація, если хотите—традиція: о нихъ не будемъ говорить. Но что-же дѣлали по миссіонерской части тѣ 45 человѣкъ, которые собственно и суть братство, союзъ, дружина? Отчетъ *молчитъ* объ этомъ, и очевидно потому, что и сказать тутъ *нечего*. Въ спискѣ ихъ фамилій противъ каждаго поставлена лишь цифра 3 рубля: вотъ и вся ихъ „дѣятельность".

Но чѣмъ же однако заполнены 68 страницъ отчета?

Кромѣ перечня членовъ братства, его совѣта, отдѣленій, членовъ ревизіонныхъ комиссій и т. д., отчетъ даетъ прежде всего *статистическій очеркъ состоянія расколо-сектанства епархіи.* Откуда взяло братство эти свѣдѣнія? Изъ *обязательныхъ* донесеній приходскаго духовенства. Статистика довольно подробная, но также и довольно сбивчивая. Такъ, напримѣръ, одна и таже секта называется: разъ—субботники, другой—новоіудействующіе, третій — жидовствующіе; въ иныхъ селахъ помѣчены хлысты, въ другомъ — „хлысты тайные": какъ будто есть еще въ епархіи и „хлысты явные!" Все это производитъ впечатлѣніе механическаго собиранія рукою малоосвѣдомленнаго въ дѣлѣ дѣлопроизводителя цыфровыхъ донесеній разрозненныхъ неспѣвшихся іереевъ. Подозрительно и то, что при датахъ, гдѣ замѣтно большое колебаніе въ числѣ расколо-сектантовъ отчетнаго года сравнительно съ 1904 годомъ, нѣтъ ровно никакихъ объясненій. Есть

въ статистикѣ и явные промахи, касающіеся особенно городовъ. Такъ извѣстно, что въ г. Борисоглѣбскѣ есть сектантство, но оно тамъ не помѣчено. Январскій епархіальный миссіонерскій съѣздъ 1906 г. удостовѣрилъ, что въ самомъ Тамбовѣ имѣется до 40 человѣкъ баптистовъ, а отчетъ, составленный нѣсколькими мѣсяцами *позже* съѣзда, все-же насчитываетъ ихъ всего 5 человѣкъ.

Между тѣмъ, именно городское духовенство преобладаетъ въ братствѣ и его совѣтѣ—правленіи.

Далѣе говорится о „существованіи“ въ епархіи трехъ *епархіальныхъ миссіонеровъ*. Объ ихъ дѣятельности отчетъ молчитъ, ибо они совершенно неподвѣдомы братству. Но по какой же логикѣ и для чего отчетъ братства все-же напоминаетъ объ ихъ существованіи?

Затѣмъ, рѣчь идетъ о *миссіонерахъ окружныхъ*. Ихъ въ 1905 году было 34 человѣка. Отчетъ сообщаетъ о дѣятельности 4 изъ нихъ, при чемъ видно, что изъ сихъ 4-хъ лишь два вели бесѣды и внѣ своего прихода. Но и окружные миссіонеры, какъ епархіальная должность, существующая на основаніи Сунод. Правилъ 1888 г., едва ли подчинены братству; добровольно же въ составъ братства они войти не пожелали, что видно изъ сопоставленія ихъ списка со спискомъ дѣйствительныхъ членовъ братства. Какое же отношеніе *ихъ* дѣятельности къ дѣятельности братства и *его* отчету? И неужели за тѣ 200 р., какія уплатило братство въ 1905 году всѣмъ 34 окружнымъ миссіонерамъ (200:34=около 6 р!), оно купило и право присвоить себѣ ихъ дѣятельность?..

Потомъ, на полъ-страницѣ идетъ пять-шесть общихъ фразъ (ежегодно повторяемыхъ въ отчетѣ!) о томъ, что и *приходскіе священники* продолжали миссіонерствовать „по мѣрѣ силъ“. Но, помимо всего прочаго, опять вопросъ: съ какой стати отчетъ о дѣятельности братства говоритъ о дѣятельности тѣхъ, кто не пожелалъ добровольно войти въ братство?..

Во всемъ остальномъ отчетъ держитъ тотъ же тонъ: вмѣнять братству все, что ни есть въ епархіи миссіонерскаго, особенно, если его отношеніе къ братству можно установить хотя въ видѣ нѣсколькихъ рублей, а также—ставить ребромъ всякую копейку!

Узнало братство отъ приходскихъ священниковъ (кстати: въ братствѣ не состоящихъ!), что у нихъ есть въ приходахъ нѣсколько крестьянъ, ведущихъ бесѣды съ сектантами, и вотъ оно, не давая себѣ труда привлечь означенныхъ крестьянъ въ составъ братства и совершенно не справляясь объ ихъ согласіи, просто-на-просто вноситъ *ихъ* дѣятельность въ отчетъ о *своей* дѣятельности.

При этомъ одно и то-же обстоятельство братство старается десять разъ использовать для своего отчета, и одни и тѣ же данныя

на разныхъ страницахъ преподноситъ подъ разными рубриками: одни и тѣ-же крестьяне съ ихъ миссіонерской дѣятельностью фигурируютъ то въ графѣ о миссіонерахъ - начетчикахъ, то въ графѣ о миссіонерахъ-книгоношахъ, то въ графѣ о миссіонерскихъ кружкахъ.

Есть у братства совершенно непроизводительные расходы. Такъ, въ 1905 году оно выдало 1.500 р. миссіонерско-псаломщической школѣ, тогда какъ оно имѣетъ всего 5 недѣльныхъ миссіонерскихъ уроковъ (т. т. 300 р. за урокъ!), а безполезность ея для дѣла миссіи удостовѣрена оффиціально—чрезъ донесенія оо. благочинныхъ и постановленіемъ миссіонерскаго съѣзда.

Отчетъ по братской *книжной торговлѣ* не указываетъ ни ея оборота, ни % прибыли.

Отчетъ по *братской библіотекѣ* не даетъ указаній на самое главное: кому и на сколько служила библіотека.

Приходо-расходъ братства путанный. Въ графѣ дохода ясно указаны спеціальныя суммы. Но прослѣдить ихъ въ графѣ расхода и учесть остатки по нимъ невозможно. Во взносахъ духовенства и монастырей при просмотрѣ вѣдомости можно догадаться о недоимкахъ; но въ отчетѣ онѣ не указаны.

Отдѣленія братства существуютъ на бумагѣ. Половина изъ нихъ не имѣла въ 1905 г. ни копѣйки добровольнаго взноса. Есть отдѣленія, расходъ коихъ за годъ не достигъ 10 рублей. Есть въ приходо-расходѣ отдѣленій и такіе курьезы: Кирсановское отдѣленіе уплатило своимъ окружнымъ миссіонерамъ 125 р. (надо помнить, что всѣмъ 34 окружн. миссіонерамъ епархіи уплочено около 200 р.), но въ числѣ тѣхъ 4 миссіонеровъ, которые упомянуты въ отчетѣ, какъ дѣлавшіе нѣчто, миссіонеровъ кирсановскихъ нѣтъ.

Вообще, отчетъ производитъ тяжелое впечатлѣніе, особенно въ въ годъ закона 17 апрѣля.

В.

„Угнетенные“ старообрядцы.

За послѣднее время, старообрядцы много писали и пишутъ въ газетахъ о своемъ „угнетенномъ“ положеніи, о своемъ „смиреніи“ и „терпѣніи“. Писали и пишутъ даже послѣ указа 17 апрѣля. Образчикъ такого „угнетеннаго“ положенія и „смиреннаго“ „терпѣнія“ старообрядцевъ сообщается въ 7-мъ № „Старообрядческаго Вѣстника“, въ корреспонденціи изъ Воронка, озаглавленной: „Бунтъ изъ-за креста“. Воспроизведемъ эту корреспонденцію.

„На старообрядческой церкви стоялъ крестъ. Въ началѣ іюня два

городовыхъ пришли и сняли его. Кто-то увидалъ это и ударилъ въ набатъ. Собралась огромная толпа народа (т. е. старообрядцевъ) и потребовала, чтобы городовые поставили крестъ на мѣсто. Тѣ, боясь побоевъ, исполнили желаніе народа (т, е. старообрядцевъ). Народъ (старообрядческій) потребовалъ объясненій, кто ихъ послалъ снимать кресты. Городовые отвѣтили, что единовѣрецъ, т. е. обратившійся изъ раскола въ православіе на правахъ единовѣрія Караминъ. Это—злой фанатикъ, облацающій большими средствами (не онъ ли построилъ старообрядцамъ и церковь, когда пребывалъ еще въ расколѣ?). Старообрядцы ринулись къ нему, но онъ успѣлъ спрятаться; сколько ни искали, найти не могли. Домашніе его сказали, что его просилъ объ этомъ миссіонеръ Родіонцевъ. Толпа старообрядцевъ кинулась къ этому миссіонеру, но онъ убѣжалъ и скрылся въ банѣ, гдѣ и просидѣлъ сутокъ двое. И хорошо сдѣлалъ. Иначе, пожалуй, пришлось бы лишиться здоровья, а то и самой жизни. Возбужденная толпа (старообрядцевъ) разбила окна въ нѣкоторыхъ домахъ, негодуя за поруганіе своей (?!) святыни".

Не правда ли? Сообщаемый „Старообрядческимъ Вѣстникомъ" фактъ весьма любопытенъ, какъ яркій показатель „угнетеннаго" положенія старообрядцевъ и ихъ „смиреннаго" и великодушнаго „терпѣнія", которыми они, особенно въ послѣднее время, такъ прославляютъ себя въ разныхъ газетахъ! Корреспондентъ „Стар. Вѣстника", очевидно, особенно умилившись такимъ „терпѣніемъ" старообрядцевъ, заканчиваетъ свою корреспонденцію такими словами: „Очевидно, и для полиціи и для миссіонеровъ прошло то золотое время, когда можно было безнаказанно издѣваться и надъ человѣческимъ достоинствомъ старообрядцевъ и надъ крестомъ Христовымъ". Очевидно,—скажемъ и мы,—наступило *такое* время, когда, по понятію „Стар. Вѣстника", буйство старообрядцевъ должно признавать „человѣческимъ достоинствомъ", когда старообрядцы и безъ разрѣшенія могутъ строить церкви и ставить кресты, чего не разрѣшается и православнымъ, а блюстители законнаго порядка, очевидно, могутъ быть безнаказанно избиваемы „угнетенными" старообрядцами, когда тѣ будутъ требовать отъ старообрядцевъ при постройкѣ церквей соблюденія установленнаго закона!..

N. N.

Единовѣрческій съѣздъ въ г. Курскѣ.

15 и 16 мая с. г. въ г. Курскѣ происходили собранія представителей единовѣрческаго клира и мірянъ курской епархіи. На собраніяхъ присутствовало до 40 делегатовъ, въ томъ числѣ нѣкоторые предста-

вители отъ другихъ епархій (Херсонской и г. Орла). Было и нѣсколько старообрядцевъ бѣглопоповщинской секты отъ курской и могилевской губерній, близкихъ по духу къ единовѣрію.

Общихъ засѣданій было три: два подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго епископа Питирима и одно—подъ предсѣдательствомъ благочиннаго единовѣрческихъ курскихъ церквей о. Рябухина. Съѣздъ открылъ преосвященный Питиримъ пространною и глубокосодержательною рѣчью о тяжелыхъ переживаніяхъ Отечественной Церкви и о средствахъ борьбы съ растущимъ невѣріемъ и усиленіемъ сектъ. Такими средствами, по словамъ архипастыря, является объединеніе всѣхъ церковныхъ элементовъ—пастырей и пасомыхъ—вокругъ Божьяго храма, благоустройство церковно-приходской жизни и организація религіозно-нравственныхъ собраній и чтеній въ приходскихъ храмахъ. Въ своей рѣчи преосвященный Питиримъ заявилъ о своемъ близкомъ знакомствѣ съ единовѣріемъ и старообрядческимъ расколомъ по Черниговской губерніи и выразилъ желаніе всячески содѣйствовать процвѣтанію курскаго единовѣрія съ цѣлью привлечь близкое къ нему бѣглопоповство.

Послѣ рѣчи епископа съѣздъ перешелъ къ разсмотрѣнію намѣченныхъ программой вопросовъ. Сперва были разсмотрѣны вопросы общаго характера, касающіеся нуждъ и ближайшихъ задачъ всего единовѣрія, какъ то: о церковномъ управленіи, о единовѣрческихъ епископахъ, о клятвахъ собора 1667 года, о всероссійскомъ единовѣрческомъ братствѣ и его отдѣленіяхъ; о періодическихъ всероссійскихъ и епархіальныхъ единовѣрческихъ съѣздахъ и друг.

По вопросу о церковномъ управленіи постановлено: единовѣрцы согласно Высочайше утвержденныхъ правилъ о единовѣріи 1800 г. и Сунодальныхъ указовъ 40-хъ годовъ должны оставаться внѣ всякой зависимости отъ духовной консисторіи, ограничиваясь лишь канонической зависимостью отъ епархіальнаго архіерея своей епархіи или въ будущемъ—отъ единовѣрческаго епископа.

Въ церковно-хозяйственной же жизни они всецѣло управляются своими церковно-приходскими Совѣтами и собраніями по особой инструкціи.

О единовѣрческихъ епископахъ постановлено согласиться съ журнальнымъ постановленіемъ по данному вопросу комиссіи VI отдѣла предсоборнаго присутствія (о назначеніи особыхъ единовѣрческихъ епископовъ въ митрополичьихъ округахъ), съ слѣдующимъ лишь добавленіемъ: въ епархіяхъ, удаленныхъ на большое растояніе отъ окружныхъ единовѣрческихъ епископовъ, или въ случаѣ, если единовѣрцы въ лицѣ мѣстнаго епархіальнаго епископа встрѣтятъ дѣятельнаго организатора (въ миссіонерскомъ смыслѣ) и покровителя едино-

вѣрія (какъ напримѣръ Курскій архипастырь Питиримъ), предоставить единовѣрцамъ свободный выборъ быть въ зависимости отъ единовѣрческаго окружного, или мѣстнаго православнаго епископа.

По вопросу о клятвахъ Собора съѣздъ постановилъ принять въ принципѣ проектъ профессора Н. И. Ивановскаго о пересмотрѣ дѣяній Собора 1667 года на Всероссійскомъ Церковномъ Соборѣ при участіи восточныхъ патріарховъ. Съѣздъ добавилъ: при обсужденіи даннаго вопроса на предстоящемъ Соборѣ въ интересахъ миссіи весьма желательно бы видѣть и представителей старообрядчества.

По поводу учрежденія всероссійскаго единовѣрческаго Братства и его филіальныхъ Отдѣленій по епархіямъ, съѣздъ вполнѣ согласился съ извѣстнымъ докладомъ по сему же вопросу С.-Петербургскаго священника С. Шлеева, заслушаннымъ VI Отдѣломъ предсоборнаго присутствія, выразивъ желаніе учредить отдѣленіе Братства и въ Курской епархіи.

Не лишены интереса сужденія съѣзда и по другимъ вопросамъ общаго значенія, наприм. объ устройствѣ особыхъ единовѣрческихъ церковныхъ школъ при единовѣрческихъ церквахъ, объ отношеніи единовѣрцевъ къ раздорному старообрядчеству въ смыслѣ миссіонерскаго воздѣйствія на него и о мѣрахъ борьбы съ нимъ.

По первому вопросу съѣздъ рекомендовалъ завести при каждомъ единовѣрческомъ приходѣ церковно-приходскую школу съ особымъ единовѣрческимъ характеромъ въ смыслѣ миссіонерскаго вліянія на мѣстный расколъ. Съ этою же цѣлью постановлено возложить трудъ завѣдыванія и пріисканія соотвѣтствующихъ учителей исключительно на единовѣрческихъ священниковъ, а утверждать послѣднихъ долженъ непосредственно самъ епископъ, чрезъ котораго ведутся сношенія съ училищнымъ совѣтомъ или отдѣленіями и по вопросамъ хозяйственнымъ.

По вопросу о миссіонерскихъ мѣрахъ борьбы съ мѣстнымъ расколомъ съѣздъ рекомендовалъ мѣры общаго характера и спеціально миссіонерскія: производство публичныхъ и частныхъ собесѣдованій съ раздорнымъ старообрядчествомъ въ духѣ мира и евангельской любви; открытіе церковно-приходскихъ библіотекъ и книжныхъ складовъ съ полемическо-миссіонерской литературой; учрежденіе церковно-приходскихъ Братствъ и кружковъ ревнителей Православія и подготовленіе членовъ послѣднихъ къ миссіонерской полемикѣ съ иномыслящими и др. Мѣры общаго миссіонерскаго воздѣйствія на старообрядцевъ рекомендовано позаимствовать изъ доклада того же священника Шлеева VI Отдѣлу Предсоборной комиссіи (Журн. № 3, ст. 4), какъ наиболѣе цѣлесообразныя и отвѣчающія нуждамъ современной миссіи

Далѣе, преосвященнымъ предсѣдателемъ съѣзда былъ возбужденъ весьма интересный вопросъ объ изысканіи способовъ легчайшаго соединенія старообрядцевъ съ единовѣріемъ. Владыкою были указаны случаи обращенія къ нему старообрядцевъ бѣглопоповщинскихъ общинъ съ просьбою благословить епископскою властію для нихъ священниковъ, предварительно выдавъ имъ св. мyро и грамоты. Другіе же просили выдать имъ въ новостроющійся молитвенный домъ древній св. антиминсъ, и когда Онъ заявилъ просителямъ, что у него, въ архіерейской ризницѣ, хранится древній антиминсъ, изъ котораго изъяты частицы св. мощей, и задалъ имъ вопросъ: примутъ ли они этотъ антиминсъ, если онъ вложитъ въ него часть св. мощей и освятитъ по древнему чину,—то старообрядцы изъявили полное согласіе. Изъ этихъ фактовъ преосвященный предсѣдатель съѣзда усматриваетъ тяготѣніе бѣглопоповцевъ къ Православной Церкви и исканіе ими, хотя бы условнаго, единенія съ епископами греко-россійской Церкви.

Преосвященный предлагаетъ съѣзду тщательно освѣтить этотъ вопросъ на основаніи каноновъ древней церкви и высказаться за облегченіе способа примиренія съ Вселенскаго Церковію „раздорниковъ церковныхъ, не содержащихъ ересей“. Сперва владыка самъ высказалъ нѣсколько цѣнныхъ соображеній на эту тему, а потомъ подробно разбирали вопросъ епархіальный миссіонеръ Рябухинъ и делегаты съѣзда: протоіерей о. Васютинъ, священники: о. Сѣрокуровъ (отъ Херсонск. губ.), о. Маслюковъ, Андріановъ и псаломщикъ Сырниковъ (Курск. епар.).

Общими сужденіями установлено: исторія и каноны Церкви допускали различные способы примиренія съ Церковью однихъ и тѣхъ же еретиковъ и раздорниковъ церковныхъ. Русская Церковь также практиковала различные способы примиренія старообрядцевъ съ грекороссійскою Церковію: въ единичныхъ случаяхъ бѣглопоповцы принимались по 2-му чину чрезъ св. мyропомазаніе, а при массовыхъ обращеніяхъ къ единовѣрію по 3-му чину чрезъ одно покаяніе и прочтеніе разрѣшительной молитвы (въ 1880 г.г.). Въ 40 г.г. бѣглопоповцы „Стародубскихъ слободъ“ (Черниг. губ.) и другихъ епархій возсоединились съ Церковію путемъ единовѣрія чрезъ „семипоклонный началъ“ и молитву: „Ослаби, остави, прости, Боже, согрѣшенія наша“ и т. д. Или вѣрнѣе—были приняты въ общеніе съ церковію безъ всякаго чинопріема съ признаніемъ таинства брака, совершеннаго надъ старообрядцами ихъ же бѣглыми попами.

Возсоединеніе раздорниковъ съ Церковію, такимъ образомъ, вопросъ не догматическаго характера, а скорѣй, административнаго. Онъ аналогиченъ съ другимъ вопросомъ примиренія съ Церковію кающихся въ тяжкихъ грѣхахъ, а послѣднее, по 102 пр. Всел. Соб., всецѣло

возложено на получившихъ власть вязать и отпускать согрѣшенія человѣческія—„дабы овцу заблуждшую возвратити и уязвленную зміемъ уврачевати, или лютѣйшими и терпкими, или слабѣйшими и мягкими быліями“, а такъ какъ бѣглопоповцы глубоко измѣнились въ своихъ убѣжденіяхъ (въ лучшую сторону) относительно истинности Православія, и такъ какъ они по вѣрѣ такъ же православны, какъ и единовѣрцы, и многіе изъ нихъ держатся бѣглопоповства не по убѣжденію, а по традиціи, то ихъ можно сравнивать съ „подцерковниками“, кои „чрезъ одно покаяніе паки совокупляются, яко едино тѣло, къ Соборной Церкви“ (1-е прав. Василія Вел.).

Преосвященный предсѣдатель затѣмъ предлагаетъ съѣзду высказаться по поводу чинопріема, совершаемаго бѣглопоповцами надъ іереями, приходящими къ нимъ отъ Православной Церкви.

Миссіонеръ Рябухинъ докладываетъ, что и бѣглопоповцы принимаютъ къ себѣ православныхъ священниковъ неодинаково: въ однихъ случаяхъ по 2-му чину (чрезъ маслопомазаніе),—въ другихъ—по 3-му, чрезъ покаяніе и отрицаніе отъ ересей, при чемъ отрицаніе иногда читается лично приходящимъ священникомъ, безъ присутствія другихъ бѣглыхъ поповъ; читается по старопечатному потребнику чинъ „како примати еретики яковиты“.

Чинопріемъ ни однимъ словомъ не касается существа православной церкви и не порицаетъ ея обрядовъ. Далѣе докладчикъ указываетъ на существованіе среди бѣглопоповцевъ такихъ лицъ, которые охотно бы приняли священника съ епископскаго благословенія; приняли бы и св. мѵро, но подъ условіемъ, чтобы послѣ того имъ была бы предоставлена въ церковной жизни полная независимость отъ консисторіи и благочинныхъ.

По мнѣнію о. Рябухина, православная церковь могла бы отнестись къ чинопріему бѣглопоповцевъ надъ приходящимъ священствомъ болѣе снисходительно, въ виду анологичныхъ примѣровъ въ практикѣ церкви русско-древней и современной,—указывающихъ на возможность такого снисхожденія, а именно: по Соборному уложенію патріарха Филарета приходившіе изъ Бѣлоруссіи въ Москву священники „Греческаго закона“ не допускались къ общенію въ молитвѣ до тѣхъ поръ, пока не очищались покаяніемъ отъ священника „Московскаго государства“. Или: совершаемое у насъ въ 1-ю недѣлю в. поста торжество Православія, съ произнесеніемъ анаѳемы еретикамъ, есть своего рода чинопріятіе или чиноисповѣданіе своего Православія,—слѣдовательно, и практикуемое современнымъ старообрядчествомъ чинопріятіе надъ бѣглыми священниками есть не болѣе, какъ чиноисповѣданіе, не касающееся существа вѣры и оправдываемое вышеуказанными примѣрами.

Послѣ доклада о. Рябухина преосвященный Питиримъ подробно касается вопроса возсоединенiи близкихъ къ единовѣрiю бѣглопоповцевъ съ православной церковiю, о необходимости пойти на встрѣчу ихъ желанiю соединиться съ Вселенской Церковiю и о способахъ легчайшаго примиренiя ихъ съ единовѣрiемъ.

Владыка рекомендуетъ цѣлый рядъ легчайшихъ мѣръ для привлеченiя бѣглопоповцевъ въ лоно Вселенск. Церкви. Такими мѣрами является предоставленiе имъ нѣкоторыхъ льготъ и правъ во внутреннемъ церковномъ управленiи, какъ то: предоставленiе имъ права обращаться къ православному о епископу съ просьбою рукоположенiи для нихъ священниковъ, выдача имъ древнихъ антиминсовъ и св. мура; право надзора за благоповеденiемъ поставленныхъ священниковъ, равно и наблюденiе за церковно-приходскимъ хозяйствомъ—предоставить исключительно самимъ старообрядцамъ и ихъ приходскимъ общинамъ, оставить за православнымъ епископомъ лишь право каноническаго суда надъ старообрядческими священниками, когда о семъ заявитъ сама община. Съ цѣлью облегчить присоединенiе широкихъ старообрядческихъ массъ къ общенiю съ Вселенской Церковiю, возложить на рукополагаемыхъ или отпущенныхъ къ нимъ священниковъ обязанность привлекать ихъ къ церкви, хотя бы даже чрезъ одно покаянiе или семипоклонный началъ и прощенiе.

Съ заключенiями преосвященнаго Питирима съѣздъ согласился вполнѣ, присоединивъ отъ себя, что рѣшенiе вопроса о способахъ примиренiя еретиковъ и раскольниковъ съ Церковiю, всецѣло находится во власти самой Церкви.

Съѣздъ единовѣрцевъ закончился торжественнымъ архiерейскимъ служенiемъ Божественной Литургiи по единовѣрческому чину. Въ этомъ служенiи приняло участiе пять единовѣрческихъ священниковъ и одинъ православный протоiерей. Пѣли единовѣрческiе пѣвцы. По прочтенiи часовъ, предъ началомъ литургiи, преосвященнѣйшимъ Питиримомъ совершенъ былъ чинъ присоединенiя бѣглопоповскаго наставника (Вѣтковскаго согласiя) Георгiя Соколова и его жены. Во время чина присоединенiя и богослуженiя владыко изображалъ крестное знаменiе и благословлялъ молящихся по единовѣрческому уставу,—истово, двоеперстно, пріобщилъ въ обычное время новоприсоединенныхъ Св. Таинъ, и сказалъ соотвѣтствующее торжеству глубоконазидательное слово.

Послѣ литургiи преосвященный посѣтилъ квартиру благочиннаго о. Рябухина, гдѣ собрались всѣ депутаты съѣзда. Представителями отъ мірянъ былъ поднесенъ владыкѣ весьма художественный (Византiйскаго письма) и цѣнный образъ „Живоначальныя Троицы“ и благодарственный адресъ.

Всѣ указанныя событiя, какъ то: епархiальный единовѣрческiй

съѣздъ подъ предсѣдательствомъ епископа, рѣдкая отеческая заботливость мѣстнаго архипастыря о нуждахъ единовѣрія и о всѣхъ иномыслящихъ, „иже не суть отъ двора Церкви Божіей“, архіерейское служеніе въ православномъ храмѣ по старопечатному уставу,—дѣйствительно, явленіе рѣдкое въ исторіи нашего православія послѣ собора 1667 года и заслуживающее подражанія пастырей православной Церкви.

Трудно себѣ представить радость единовѣрцевъ—депутатовъ, бывшихъ свидѣтелями архипастырскаго вниманія и истинно-отеческаго отношенія къ нимъ. Эту радость они ярко подчеркнули въ поднесенномъ его преосвященству адресѣ. Несомнѣнно, что всѣ эти событія не останутся безъ вліянія и на бѣглопоповцевъ, живо интересующихся вопросомъ возсоединенія съ Церковію, и ужъ это вліяніе успѣло сказаться въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, охваченныхъ движеніемъ въ пользу православія, а въ ближайшемъ будущемъ не замедлитъ дать добрые плоды.

Можно надѣяться, что при вниманіи и неустанной заботливости всѣхъ православныхъ архипастырей и пастырей о нуждахъ единовѣрія и при благосклонномъ отношеніи къ старообрядческому расколу, по примѣру Курскаго архипастыря, вѣковая смута, раздѣляющая двѣ родственныхъ семьи русскаго народа, наконецъ, рухнетъ и средостѣніе уступитъ мѣсто братскому единенію въ духѣ единой вѣры, единаго ученія и единой христіанской любви.

М. С. Р.

Изъ жизни инославія и изъ міра заграничнаго сектантства.

Новая секта христіанъ-коммунистовъ.—Фанатическая секта въ Америкѣ.—Краткій историческій очеркъ шведскихъ миссій и шведскаго Миссіонерскаго Союза.—Торжественный благодарственный митингъ Британскаго и иностраннаго Библейскаго Общества.

Многія американскія и французскія газеты сообщаютъ интересныя свѣдѣнія о новой сектѣ, появившейся недавно въ Швейцаріи, въ деревушкѣ Амденъ. Основатель секты, богатый американецъ Клейнъ, пріобрѣлъ, не щадя издержекъ, большую земельную собственность, на которой образовалась въ скоромъ времени цѣлая колонія какъ изъ семейныхъ людей, такъ и изъ одинокихъ мужчинъ и женщинъ. Многіе члены прибыли изъ Америки. Колонія основана на христіанскомъ коммунизмѣ; это *„община“*, въ томъ смыслѣ, какъ ее понимали первые христіане. Принадлежащіе къ сектѣ отказываются отъ всякой собственности въ пользу общины и тѣмъ самымъ пріобрѣтаютъ всѣ права; желающимъ же выйти изъ секты имущество ихъ возвращается. Каждый можетъ свободно заниматься своей профессіей или чѣмъ пожелаетъ; напр., для художниковъ выстроена отдѣльная вилла. У сектантовъ нѣтъ ни общественнаго богослуженія, ни проповѣди; они не находятъ нужнымъ молиться на томъ основаніи, что и безъ этого Богъ посылаетъ людямъ то, что для нихъ полезно. Община Клейна считаетъ, что Христосъ былъ человѣкъ, но такой, который руководился исключительно Божьей волей; несмотря на это, они поклоняются Богоматери и святымъ и ожидаютъ второго пришествія Христа Спасителя на Пасху 1904 г. въ Амденѣ. Онъ принесетъ на землю миръ и владыки земные придутъ и поклонятся Ему. Христосъ избралъ для Своего второго пришествія Швейцарію, потому что она лежитъ въ сердцѣ Европы и имѣетъ республиканскій образъ правленія. Сектанты убѣждены, что милліоны духовъ, населяющихъ воздухъ, а также и души всѣхъ умершихъ ожидаютъ вмѣстѣ съ ними скораго пришествія Христа въ Амденъ.

Экономическое устройство общины напоминаетъ въ нѣкоторыхъ чертахъ фаланстеры Фурье.

Французская газета „L'Auroge“ считаетъ эту секту однимъ изъ

проявленій религіознаго помѣшательства, введеннаго въ моду непонятной поддержкой, оказанной Толстымъ духоборамъ. Въ настоящее время эти несчастные дошли въ Канадѣ до полнаго безумія и впали въ чисто животное состояніе.

Швейцарскія власти слѣдятъ за сектантами и для вмѣшательства своего ожидаютъ только какого-нибудь противозаконнаго дѣйствія съ ихъ стороны.

Кстати о духоборахъ.

Въ американской газетѣ „Presse“ появилась маленькая замѣтка о томъ, что въ половинѣ октября шесть человѣкъ духоборовъ были арестованы и отданы подъ судъ по обвиненію въ поджогѣ машины, связывающей снопы, а также извѣстнаго количества зерна.

Духоборы оправдываются тѣмъ, что въ Россіи они жгли (?) ружья и пушки, потому что это орудія разрушенія; въ Канадѣ же жгутъ земледѣльческія машины, потому что и онѣ „измышленія лукаваго“.

Корнваллисъ, городъ въ штатѣ Орегонъ, былъ взволнованъ въ концѣ минувшаго года безчинствами членовъ новой секты, называющихъ себя „Божіими помазанниками“. Охваченные фанатическимъ рвеніемъ, они уничтожали и жгли мебель, ковры, кухонную посуду и др. домашнія вещи. Самые дорогіе музыкальные инструменты дѣлались жертвами пламени.

Все это происходило въ домѣ м-ра и м-съ Хортъ. Деревья въ саду были выворочены съ корнемъ, цвѣтники и оранжереи вытоптаны и уничтожены. Говорятъ, что даже собаки и кошки были сожжены на жертвенномъ огнѣ.

Особенный интересъ этому дѣлу придавало то обстоятельство, что присоединившійся къ дикой сектѣ г. Хортъ былъ членомъ правительственнаго комитета штата Орегонъ; семейство его — бывшіе члены Арміи Спасенія—принадлежитъ также къ убѣжденнымъ послѣдователямъ новой секты.

Въ ноябрѣ минувшаго года Хортъ, служившій много лѣтъ въ одномъ изъ торговыхъ домовъ города, отослалъ ключи въ контору съ заявленіемъ, что отнынѣ онъ намѣренъ посвятить себя служенію Богу. Затѣмъ онъ лично принялъ участіе въ уничтоженіи домашней обстановки и въ истребленіи сада и оранжерей.

Цѣлый день двадцать человѣкъ—членовъ секты—находилось въ домѣ и наконецъ сожгли и уничтожили все потому, что Богу было такъ угодно. Они претендуютъ на непосредственное сношеніе съ Господомъ, Который Самъ указываетъ имъ, что слѣдуетъ уничтожить и что сохранить.

Черезъ два дня двое главарей секты предстали передъ судьями и послѣ продолжительнаго допроса, снова выпущены на свободу. Это шведъ Крефильдъ и американецъ капитанъ Бруксъ, бывшій членъ Арміи Спасенія. Въ городѣ всѣ убѣждены, что съ удаленіемъ этихъ главарей сектанты перестали бы безумствовать.

Въ теченіе дня около дома м-ра Хорта перебывало до 2000 посѣтителей. Съ наступленіемъ сумерекъ уличные мальчишки обстрѣливали зданіе каменьями и перебили стекла во всѣхъ окнахъ. Вечеромъ домъ былъ освѣщенъ, но скоро всѣ огни погасли и все успокоилось.

Во время моленій всѣ сектанты катаются по полу съ громкими рыданіями, стонами и криками и производятъ такой шумъ, что сосѣди обращаются къ властямъ съ просьбами унять ихъ.

Многіе изъ друзей Хорта хотѣли посѣтить его, но не были приняты. Крефильдъ или Бруксъ встрѣчали ихъ у входа, не впускали въ домъ и отказывались вызвать Хорта на томъ основаніи, что онъ занятъ бесѣдой съ Богомъ и тревожить его нельзя. На вопросъ, почему они окружаютъ свои моленія такой тайной?—Бруксъ отвѣтилъ стихомъ псалма: „Тайна Господня съ боящимися Его“.

Сектанты увѣряютъ, что конецъ свѣта быстро приближается.

Офицеръ, явившійся арестовать Брукса и Крефильда, не встрѣтилъ сопротивленія. Его ввели въ комнату, въ которой нѣсколько человѣкъ лежали на полу. Одна молодая дѣвушка, очевидно, билась въ припадкѣ падучей болѣзни, лицо ея было закрыто платкомъ. Когда офицеръ подошелъ съ намѣреніемъ приподнять платокъ, сектанты закричали въ одинъ голосъ: „не трогайте ее, оставьте“!

Появленіе „Божіихъ Помазанниковъ“ вызвало въ Корнваллисѣ такое волненіе, какого мирный городъ давно не испытывалъ.

Въ 1903 году Шведскій Миссіонерскій Союзъ отпраздновалъ свою 25-лѣтнюю годовщину, и въ память этого замѣчательнаго событія была издана книга, въ которой излагается исторія происхожденія и дѣятельности этого Союза и помѣщены портреты всѣхъ его миссіонеровъ. Этотъ юбилейный сборникъ, заключающій не менѣе десяти статей разныхъ авторовъ и обнимающій 230 страницъ въ большую 8-ю долю листа, превосходно изданъ и иллюстрированъ. Распространеніе его должно чрезвычайно увеличить интересъ въ дѣятельности этой миссіи, и едва-ли онъ можетъ не достигнуть цѣли, для которой онъ изданъ.

Миссіонерская дѣятельность, предпринятая шведами послѣ реформаціи, началась прежде всего среди лапландцевъ, въ предѣлахъ ихъ собственной страны. Съ 1741 до 1748 года Петеръ Хегстремъ трудился въ Лапландіи, и его смѣнилъ Перъ Фьельстремъ (Per Fjellström), который продолжалъ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1764 г.,

учить, проповѣдывать и писать для лапландцевъ съ избыткомъ любви и неутомимой ревностью. Послѣ его кончины, однако, ревность и интересъ къ миссіонерскому дѣлу постепенно ослабѣли, пока полстолѣтіе тому назадъ dr. Скарстедтъ, на громадномъ миссіонерскомъ собраніи, не провозгласилъ: „Скандинавская миссіонерская дѣятельность среди лапландцевъ во многихъ отношеніяхъ была и продолжаетъ быть штопаньемъ“ (a lap (patch)-work).

Миссіонерское движеніе въ Британіи въ началѣ XIX столѣтія оказало вліяніе на другія страны, и между прочимъ на Швецію. Въ 1818 году была издана миссіонерская записка, а десятью годами позднѣе въ Готенбургѣ было образовано небольшое миссіонерское общество съ цѣлью усилить интересъ къ миссіямъ посредствомъ изданія соотвѣтствующихъ сочиненій. Въ 1835 г. было основано Шведское Миссіонерское Общество. Сначала его поддерживало Базельское Общество, которое имѣло на своей службѣ одного набожнаго шведа, отправившагося въ Китай, а также „Моравскіе братья“, которые нанимали много шведскихъ миссіонеровъ. Затѣмъ оно рѣшило заняться миссіонерствомъ внутри своей страны и среди лапландцевъ „старалось заводить и поддерживать школы и дѣтскіе пріюты, поощрять лапландцевъ къ христіанской жизни согласно съ установленными правилами Евангелической лютеранской церкви“.

Въ 1874 году съ цѣлью расширенія интереса къ дѣятельности миссій была учреждена Шведская Церковная Миссія, избравшая Зулулэндъ (въ юго-восточной Африкѣ) сферой своихъ миссіонерскихъ операцій. Въ 1876 г. Шведское Миссіонерское Общество и Шведская Церковная Миссія соединили свои силы, и въ первый разъ въ лютеранской церкви была допущена организованная миссіонерская дѣятельность, и поддержанія ея требовали какъ долга Церкви. Агенты соединеннаго Шведскаго Церковно-Миссіонерскаго Общества трудятся теперь не только среди зулусовъ Наталя, но также и среди туземцевъ Индіи, говорящихъ на тамильскомъ языкѣ, и труды ихъ сопровождаются великимъ успѣхомъ.

Въ 1856 году широко распространившееся религіозное оживленіе произошло въ Швеціи, явившееся результатомъ трудовъ великаго шведскаго проповѣдника, Розеніуса, и для поощренія внутренней миссіонерской дѣятельности въ шведской церкви было основано Den Evangeliska Fosterlands--Stiftelse. Это учрежденіе постепенно принимало участіе въ заграничныхъ миссіяхъ и поддерживало миссіонера на Золотомъ берегу (Африка). Затѣмъ оно избрало полемъ своей заграничной миссіонерской дѣятельности Галлаландъ, въ Восточной Африкѣ, за Абиссиніей, но ему пришлось бороться почти съ непреодолимыми трудностями, не столько для того, чтобы начать дѣло,

сколько для того, чтобы вообще добраться до этой страны. На Красномъ морѣ, поэтому, было начато предварительное дѣло въ Мак-Кулло, близъ Массовы. Теперь миссіонеры этого учрежденія трудятся въ Абиссиніи, странѣ Тигрэ и Кунамѣ, а также, конечно, и въ Галлаландѣ. Миссіонерское дѣло ведется также и въ Индіи среди голдовъ и индусовъ центральныхъ провинцій съ большой энергіей и успѣхомъ.

Въ 1878 г. былъ образованъ Шведскій Миссіонерскій Союзъ (Svenska Missions—förbundet), который и праздновалъ двадцатипятилѣтій юбилей своего существованія. Этотъ Союзъ былъ практически отдѣленіемъ отъ Fosterlands—Stiftelse, которое ригористически держалось Аугсбургскаго исповѣданія, между тѣмъ, какъ диссиденты, вдохновляемые новымъ евангелизмомъ Вальдстремовскаго возрожденія, не могли принять этого исповѣданія во всей его полнотѣ: главная разность заключалась въ значеніи, придаваемомъ удовлетворенію (atonement) и требованіи реформъ въ государственной церкви.

Шведскій Миссіонерскій Союзъ немедленно обезпечилъ себѣ щедрую поддержку въ каждомъ округѣ страны, не смотря на препятствія, поставляемыя на пути болѣе старыми обществами и властями государственной церкви. Было найдено возможнымъ открыть миссіонерскій колледжъ, въ который сразу поступило не менѣе 8 волонтеровъ, готовыхъ отправиться съ миссіонерской проповѣдью въ чужіе края. Въ 1881 году миссіонерское дѣло было начато въ Европѣ среди кавказцевъ; въ 1882 г.—въ Африкѣ среди туземцевъ Конго; въ 1886 г.—въ Америкѣ, среди жителей Аляски; въ 1890 г.—въ Азіи среди китайцевъ. Миссіи для евреевъ и мухаммеданъ въ Алжирѣ также существуютъ въ теченіе многихъ лѣтъ; а въ С.Петербургѣ, Лондонѣ и Зундерлендѣ (морской портъ въ графствѣ Дэргэмъ) Союзъ имѣетъ капелановъ для удовлетворенія духовнымъ нуждамъ шведскихъ и другихъ скандинавскихъ моряковъ, посѣщающихъ эти порты. Въ большей части изъ этихъ мѣстъ миссіонерское дѣло ведется съ громадной энергіей и сопровождается выдающимся успѣхомъ.

Аляскинская миссія едва начала свою дѣятельность, когда шведы въ Америкѣ рѣшились сдѣлать Аляску спеціальнымъ полемъ миссіонерскаго труда и, образовавши американскій Шведскій Миссіонерскій Союзъ, обратились къ главному обществу, давшему имъ жизнь, за позволеніемъ взять на себя все дѣло и всю отвѣтственность съ тѣмъ, чтобы миссія была передана имъ. Поэтому пришлось искать новаго мѣста для миссіонерской дѣятельности и въ 1894 году былъ занятъ Китайскій Туркестанъ. Въ Китаѣ Союзъ велъ свое дѣло на востокѣ, Вучангѣ, Ичангѣ, Шази (Shasi) и Сунгпу, какъ главныхъ станціяхъ, и на западѣ—въ Кашгарѣ и Яркендѣ.

И дѣло внутренней миссіи не остается въ небреженіи, такъ какъ способные миссіонеры трудятся во многихъ опредѣленныхъ населенныхъ центрахъ, а большой составъ странствующихъ проповѣдниковъ посѣщаетъ другіе округи Швеціи, нуждающіеся въ наученіи христіанской истинѣ. Государственная церковь Швеціи сначала ничего практически не дѣлала для дѣтей, и Шведскій Миссіонерскій Союзъ воспользовался этимъ бездѣйствіемъ и чрезвычайно сердечно принялся за дѣло: онъ основалъ болѣе 2300 воскресныхъ школъ и имѣетъ болѣе 4000 учителей съ 105,000 учащихся. И это обстоятельство побудило государственную церковь къ соперничеству въ любви и добрыхъ дѣлахъ, такъ что теперь много благодѣтельнаго дѣлается въ Швеціи для молодежи.

Въ теченіе этихъ 25 лѣтъ у Шведскаго Миссіонерскаго Союза не переставалъ дѣйствовать миссіонерскій колледжъ, приготовлявшій агентовъ для внутренней и заграничной миссіи, такъ что на всякое вакантое мѣсто миссіонера всегда находился вполнѣ способный или почти готовый кандидатъ. Число студентовъ колеблется отъ 30 до 50, учебный курсъ продолжается три года, а каждый семестръ около 8 мѣсяцевъ. Такъ какъ лютеранская церковь въ Швеціи очень ригористична, она проявляетъ абсолютную власть относительно посвященія на церковную должность, а такъ какъ Шведскій Миссіонерскій Союзъ совершенно независимъ отъ Государственной Церкви, его миссіонеры не рукополагаются. Когда приходится посылать кого-нибудь въ качествѣ миссіонера за границу, совершается торжественная служба посвященія (a Solemn consecration service), и президентъ Союза говоритъ отправляющемуся миссіонеру: „Конференція Шведскаго Миссіонерскаго Союза рѣшила призвать васъ, А. В., и послать васъ въ качествѣ миссіонера въ N—скую миссію, и я теперь по порученію Шведскаго Миссіонерскаго Союза, задаю вамъ вопросъ: принимаете-ли вы это назначеніе и приготовились-ли вы, съ вѣрою въ Господа вашего и Спасителя, посвятить себя всецѣло и безусловно проповѣданію неисчерпаемыхъ сокровищъ Христа нашимъ ближнимъ которые ходятъ во тьмѣ грѣха и невѣдѣнія“? Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта миссіонеръ посвящается посредствомъ возложенія рукъ при чтеніи молитвы.

Доходъ Союза исчисляется ежегодно въ суммѣ около 17000 фунтовъ стерлинговъ (около 170,000 рублей), а всего въ теченіе 25 лѣтъ израсходовано на миссіонерское дѣло значительно болѣе 200,000 ф. стерлинговъ. Благословеніе Божіе сопровождало труды Шведскаго Миссіонерскаго Союза въ прошломъ, какъ показываютъ достигнутые результаты, и можно надѣяться, что въ будущемъ Богъ благословитъ такихъ ревностныхъ, преданныхъ и благочестивыхъ соработниковъ Божіихъ въ ихъ трудахъ въ пользу миссіи.

Достопамятное и импонирующее зрѣлище представлялъ Альбертъ-Холлъ во вторникъ вечеромъ 7 ноября прошлаго года, когда состоялось заключительное празднованіе столѣтняго юбилея Библейскаго Общества, на которое собралось до 8,000 человѣкъ, чтобы воздать хвалу Богу за то, что были собраны необходимыя суммы для восполненія фонда, образованнаго въ память столѣтняго юбилея общества, который носитъ названіе „the Centenary Fund". Рѣдко, если когда-либо, собирались представители столькихъ платформъ. Тринадцать епископовъ англійской церкви сидѣли среди лидеровъ нонкорформизма и членовъ главныхъ реформатскихъ общинъ континента Европы.

Присутствовали представители по крайней мѣрѣ 25 религіозныхъ и миссіонерскихъ обществъ. Китаецъ въ костюмѣ изъ краснаго и темно-синяго шелка живописно контрастировалъ съ почтенной фигурой генерала Бутса (Booth), съ его развѣвающимися бѣлыми локонами, одѣтаго въ шарлаховую фуфайку (jersey), которая рѣзко выдѣлялась изъ-подъ его длиннаго темнаго мундира Арміи Спасенія. Архимандритъ греческой церкви въ Лондонѣ не могъ посѣтить собранія по причинѣ болѣзни.

Съ одной стороны президента сидѣлъ американскій посланникъ, съ другой — графъ А. фонъ-Бернсторфъ, въ иностранномъ орденѣ. Вице-президенты общества и коми тетъ были на виду на платформѣ, а арена, кресла, балконъ и галлерея огромнаго Холла, казалось, были затоплены восторженными друзьями и приверженцами общества, въ числѣ которыхъ было огромное множество вліятельныхъ делегатовъ изъ вспомогательныхъ отдѣловъ (Auxiliaries) въ разныхъ частяхъ страны; многимъ изъ нихъ, чтобы присутствовать на митингѣ, пришлось проѣхать большія разстоянія.

Прелиминарная программа священной музыки была блестяще исполнена добровольнымъ хоромъ, причемъ соло изъ Мендельсона и Шпора были прекрасно спѣты Т. Сэмпсономъ, учителемъ изъ лондонскаго колледжа для хористовъ. Новое переложеніе на музыку гимна „Съ ледяныхъ горъ Гренландіи", спеціально написанное миссъ Кликманъ, вызвало сильные аплодисменты. Затѣмъ все собраніе приняло участіе въ превосходномъ пѣніи гимна „The Strain Uprise". Графъ Стэтфордскій прочелъ псаломъ 150. Rev. Дж. Гринхоо (Greenhough), бывшій президентъ баптистскаго союза, вознесъ благодаренія Богу за то, что были собраны полностію недостававшія средства для фонда въ память столѣтней годовщины. Епископъ Митчинсонъ, старѣйшій президентъ общества, начальникъ (master) пемброкскаго колледжа въ Оксфордѣ, вознесъ молитву объ единеніи и согласіи среди всей конгрегаціи Христова стада. Rev. Маршалъ Хартлэй, ех-президентъ уэслейанской конференціи, молилъ Бога, чтобы Онъ помогъ своимъ руковод-

ствомъ въ расходованіи средствъ фонда, послѣ чего все величественное собраніе приняло участіе въ пѣніи молитвы Господней, и звуки молитвы, вырывавшіеся изъ нѣсколькихъ тысячъ устъ, походили на прибой волнъ у морского берега.

Президентъ общества, маркизъ Норсэмптонскій, голосъ котораго отчетливо раздавался по всему залу, со своего кресла произнесъ краткую, но сильную и вдохновенную рѣчь. Онъ радовался, что для восполненія „Сентенарнаго фонда“ была принесена не одна лепта вдовицы, и объявилъ, что теперь собраны полностію четверть милліона гиней [1]), не считая прибыли отъ процентовъ или дивиденда. Лордъ Норсэмптонъ выяснилъ также, что этотъ фондъ будетъ посвященъ спеціальнымъ расширеніямъ дѣла общества и тому, чтобы сдѣлать болѣе производительными его операціи и организацію. Онъ горячо призывалъ увеличивать доходы общества, чтобы оно могло вести свое дѣло за границей безпрепятственно.

Епископъ манчестерскій привлекъ все вниманіе собранія своей рѣчью. Кто мечталъ бы, говорилъ онъ, о переводѣ Шекспира для африканскихъ пигмеевъ [2]), или Гете для эскимосовъ, или даже Гомера для патагонцевъ. Но Библія есть благовѣстіе Божіе для всего міра, написанное, правда, людьми, но ея голосъ — голосъ Самого Бога. Мы могли бы послать ее всякому народу, живущему подъ небомъ, и она возвратилась бы къ намъ, прибавивъ новыя доказательства ея божественности. Весь обширный міръ никогда раньше не ждалъ такъ благовѣстія Божія, какъ онъ ожидаетъ теперь. Ужели мы намѣрены ограничить обращеніе книгъ Священнаго Писанія и отказаться отъ своихъ усилій распространять Библію въ чужихъ краяхъ?

Вниманіе собранія было чрезвычайно заинтересовано, когда предсѣдатель приступилъ къ чтенію въ послѣдовательномъ порядкѣ поздравительныхъ привѣтствій, которыя мы приводимъ въ концѣ статьи, отъ короля Эдуарда VII, германскаго императора, короля Даніи и короля Швеціи. Секретарь нидерландскаго библейскаго общества прочиталъ по-голландски, а лордъ Норсэмптонъ послѣ перевелъ на англійскій языкъ, привѣтствіе отъ королевы голландской и ея супруга, принца Генриха Нидерландскаго. Послѣдовательное чтеніе этихъ привѣтствій отъ протестантскихъ правителей разныхъ странъ міра вызывало безграничный энтузіазмъ, который достигъ кульминаціоннаго пункта, когда американскій посланникъ, Уайтло Рэйдъ (Whitelaw Reid), поднялся съ своего мѣста и передалъ привѣтствіе отъ президента Со-

[1]) Золотая англійская монета въ 21 шиллингъ, около 10 р. 50 к. по курсу.

[2]) Одно изъ туземныхъ племенъ Центральной Африки, отличающееся чрезвычайно малымъ ростомъ.

единенныхъ Штатовъ. Въ словахъ, исполненныхъ особенной сердечности и прелести, его превосходительство провозгласилъ, что хотя его страна придавала меньшее значеніе публичному исповѣданію религіи, нежели большая часть другихъ націй, она была не менѣе глубоко религіозна, и въ качествѣ свидѣтельствъ привелъ примѣры Уашингтона (Washington), Линкольна и Макъ Кинли, имена которыхъ были встрѣчены громкими одобреніями. Свое привѣтствіе онъ заключилъ чтеніемъ письма, которое президентъ Рузвельтъ прислалъ по поводу „многознаменательнаго и пріятнаго событія, которое празднуетъ Британское Библейское Общество".

Въ любезныхъ и изящныхъ выраженіяхъ лордъ Норсэмптонъ высказалъ признательность за эти королевскія привѣтствія, а также огласилъ поздравительныя телеграммы отъ Національнаго Библейскаго Общества Шотландіи, Ирландскаго Библейскаго Общества, Южно-Австралійскаго вспомогательнаго отдѣла въ Аделаидѣ, и отъ библейскаго митинга въ Коломбо, посланную rev. Артуромъ Тэйлоръ, секретаремъ Британскаго Библейскаго Общества, уѣхавшимъ по дѣламъ Общества на Востокъ, имя котораго вызвало горячія одобренія. Воздавъ дань покойному сэру Джорджу Уильямсъ, лордъ Норсэмптонъ прибавилъ: „Теперь обратимъ наши умственные взоры снова къ Царю царей и споемъ *вѣнчайте Его многими вѣнцами*".

Затѣмъ графъ А. фонъ-Бернсторфъ, который превосходно и бѣгло говорилъ по-англійски, описалъ какъ обращеніе Библіи на континентѣ приготовило путь для религіозной свободы, и собраніе отвѣтило на его слова привѣтствіемъ по поводу наступленія религіозной свободы въ Россіи. Онъ признался, что всѣ германскія библейскія общества обязаны своимъ существованіемъ импульсу, полученному отъ Британскаго Библейскаго Общества, и процитировалъ изреченіе м-ра Сперджена: „Библія—это молодой левъ; только пустите его на свободу, и онъ самъ защититъ себя".

Вечерняя овація приберегалась для генерала Бутса, который произнесъ характерную рѣчь о „Библіи и массахъ". Онъ сильно доказывалъ драгоцѣнность Священнаго Писанія для бѣдняковъ. Оно вводитъ Бога въ жизнь бѣднаго одинокаго труженика: оно дѣлаетъ рабочаго человѣка добрымъ. Собраніе весьма оживилось и выражало знаки одобренія, когда генералъ Арміи Спасенія объявилъ, „что Богъ хочетъ сдѣлать великое дѣло среди массъ, и тогда улучшатся ихъ нравы". Истины Библіи доказываютъ ихъ божественность перемѣнами, которыя онѣ производятъ среди массъ нашего собственнаго (т. е. англійскаго) народа. Онѣ дѣлаютъ людей не только добрыми, но и полезными, „обращая мужчинъ и женщинъ, которые были проклятіемъ, заразой и порчей повсюду, куда-бы они ни пришли, въ

служащихъ ангеловъ, спасителей человѣчества". Между другими разсказами онъ сообщилъ объ одномъ ребенкѣ, который спрашивалъ свою мать: „Не говорила-ли ты, мама, что та книга была Божьей книгой"? „Да, милый", отвѣчала мать. Тогда ребенокъ сказалъ: „Не думаешь-ли ты, мама, что намъ лучше послать ее домой, такъ какъ мы никогда ее не читали". Чтобы заставить читать Библію, мы должны найти мужчинъ и женщинъ, которые живутъ ея ученіемъ открыто предъ лицемъ людей. Критицизмъ массъ не касается книгъ: это практическій критицизмъ жизни тѣхъ, которые объявляютъ себя вѣрующими въ Библію. Генералъ Бутсъ закончилъ свою рѣчь среди новыхъ шумныхъ аплодисментовъ. Затѣмъ всѣ присутствующіе поднялись со своихъ мѣстъ и запѣли Te Deum, по извѣстному переложенію Джэксона, съ чрезвычайнымъ эффектомъ.

Послѣ пѣнія были вознесены еще три молитвы: Rev. U. Б. Рубусана, ассистентъ-корректоръ кафрскаго перевода Библіи, вознесъ благодареніе за распространеніе Библіи въ Африкѣ; профессоръ Кэмбриджскаго университета, А. Макалнетеръ, горячо молился за вліяніе Библіи въ домахъ англійскихъ гражданъ, и м—ръ Ченгъ-Чингъ-Йи, ассистентъ-корректоръ мандаринскаго перевода Библіи, съ трогательной простотой благодарилъ Бога за дарованіе Библіи великимъ націямъ Востока.

Послѣ этихъ моленій послѣдовала рѣчь президента Форсиссъ (Principal Forsyth), предсѣдатель конгрегаціональнаго Союза, который говорилъ о „Библіи и заграничныхъ миссіяхъ". Собраніе выразило одобреніе, когда онъ провозгласилъ, что эта книга была лучшимъ средствомъ распространенія цивилизаціи, нежели винтовка, и съ напряженнымъ вниманіемъ слушало, когда онъ описывалъ, какъ для миссіонера, впервые выступившаго на миссіонерское поприще въ глухихъ мѣстахъ, отрѣзанныхъ отъ внѣшняго соприкосновенія съ церковью, дѣлается его великимъ таинствомъ, совершаемымъ Самимъ Христомъ. Чѣмъ болѣе мы постигаемъ силу Библіи, которая проникаетъ и покоряетъ темные уголки нашего собственнаго сердца, области нашей собственной жизни, которыя были чуждыми и недоступными для Бога,—тѣмъ болѣе мы должны вѣрить, что Библія предназначена быть благословеніемъ для мрачныхъ, отдаленныхъ и непокоренныхъ странъ міра.

Послѣдній ораторъ, епископъ Карлайля (Carlisle), сразу привлекъ все вниманіе собранія, и съ геніальнымъ юморомъ и духовной мудростію извлекъ четыре урока изъ самаго митинга. Первый,—„Церковь всемірная, церковь всякаго библейскаго (Scriptural) наименованія и вѣроисповѣданія", нуждается въ большемъ количествѣ, силѣ, совѣтѣ и дѣятельности набожныхъ мірянъ. Второй, — Биб-

лія не знаетъ никакого различія между высшими классами и народными массами. Епископъ здѣсь повторилъ утвержденіе генерала Бутса, замѣтивъ, что оно было высказано раньше имъ самимъ, а не заимствовано у генерала. При этомъ генералъ Бутсъ всталъ и драматически поклонился къ великому удовольствію собранія. Третій, — при всемъ различіи христіанскихъ наименованій они представляютъ нѣчто единое. „Мы“, сказалъ епископъ, „находящіеся здѣсь, на этой платформѣ, принадлежимъ ко многимъ вѣроисповѣданіямъ, различающимся въ деталяхъ богослужебной практики, но согласны въ основныхъ истинахъ откровенія. Насколько я понимаю, въ нашихъ разностяхъ нѣтъ ничего ошибочнаго, пока наши разности не окрашены враждою. Мы не представляемъ звѣринецъ, скопище львовъ, тигровъ и леопардовъ, которыхъ нужно сажать въ клѣтку отдѣльно другъ отъ друга. Мы имѣемъ свои разности, какъ ихъ имѣютъ всѣ мыслящіе люди, но мы связаны вмѣстѣ принятіемъ Библіи. Есть лица, которымъ нравится находить свое единство въ соборахъ Церкви; я предпочитаю находить свое единство въ Библіи—единство духа, узы (bonds) котораго не косность, но миръ“. Наконецъ, епископъ признался, что онъ не знаетъ никакой церкви или общества по истинѣ столь каѳолическаго, какъ британское и иностранное Библейское Общество. На этой платформѣ были люди многихъ племенъ и расъ и народовъ и языковъ—какъ будетъ повсюду въ концѣ концовъ.

Въ возвышенномъ настроеніи и громкимъ голосомъ былъ пропѣтъ заключительный гимнъ „Хвалите, о хвалите нашего Бога и Царя“. Епископъ Уэйкфильдскій произнесъ благословеніе, и торжественные звуки „Аллилуйнаго Хора“ (Hallelujah Chorus) достойно закончили благодарственный митингъ, память о которомъ никогда не исчезнетъ у всѣхъ, имѣвшихъ возможность присутствовать на немъ.

Телеграммы.

Отъ короля Эдуарда VII.

„По приказанію его величества поздравляю комитетъ Британскаго и Иностраннаго Библейскаго Общества съ успѣшнымъ сборомъ, превысившимъ четверть милліона гиней, каковой суммы требовалъ комитетъ для расширенія своего дѣла. Король желаетъ Обществу всякой удачи въ будущемъ, и надѣется, что усилія, принимаемыя обществомъ ежегодно, помогутъ, можетъ быть постепенно, но прочно, распространить христіанство по всему міру“.

Knollys.

Отъ президента Соединенныхъ Штатовъ:

„Могу-ли я послать мои сердечныя поздравленія Британскому и Иностранному Библейскому Обществу на его благодарственный ми-

тингъ по случаю столѣтней годовщины? Я надѣюсь, что его собраніе возбудитъ всемірный интересъ къ переводу и распространенію Библіи, и я увѣренъ, что всѣ, кому близко къ сердцу благо человѣчества, будутъ чувствовать къ усиліямъ Общества самую искреннюю симпатію и признательность".

Teodore Roosevelt.

Отъ короля Швеціи:

„Его величество король Оскаръ II., извѣстившись, что Б. и И. Б. О. собирается на благодарственный митингъ по случаю окончанія празднествъ столѣтней годовщины, съ удовольствіемъ раздѣляетъ это торжество. Его величество, взирая съ глубочайшимъ интересомъ на благословенное дѣло Б. и И. Б. Общества по всему міру, радуется вмѣстѣ со шведскимъ народомъ развитію того, что было сдѣлано для дальнѣйшаго распространенія этого великаго дѣла".

Отъ королевы Голландской и ея супруга:

„Исполненные чувствомъ горячей симпатіи къ возвышенной цѣли, которую Б. и И. Б. О—во преслѣдуетъ болѣе столѣтія, и съ благодарностью воспоминая о помощи, которую оно такъ охотно оказало Нидерландскому Библейскому Обществу, мы имѣемъ честь, по случаю благодарственнаго митинга, свидѣтельствовать наше искреннее участіе ко всякому дѣлу и усилію, направленному къ распространенію Евангелія".

Wilhelmina, Heinrich.

Отъ Германскаго императора

„Примите мои наилучшія поздравленія по поводу блестящаго успѣха, которымъ сопровождался сборъ пожертвованій въ память столѣтней годовщины, и мои сердечныя пожеланія дальнѣйшаго счастливаго развитія благороднаго дѣла Б. и И. Б. Общества".

William I R.

Стъ короля Даніи:

„Мои наилучшія пожеланія счастья и успѣха вашему дѣлу и Божія благословенія Обществу и его руководителямъ".

Christian R.

С. Звѣринскій.

Вѣстникъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія".

——

∞ *Объ измѣненіи способовъ содержанія духовенства. Постановленіе 9 округа Николаевскаго уѣзда Самар. губ.* По всестороннемъ обсужденіи вопроса объ измѣненіи способовъ содержанія, духовенство не пришло ни къ какому окончательному результату, но всѣ высказались за желательность измѣненія существующаго способа содержанія; по мнѣнію однихъ было бы желательно, чтобы сами прихожане собирали извѣстную опредѣленную сумму и передавали причту, и такимъ образомъ, чтобы сами прихожане заботились о своихъ пастыряхъ, доставляя все потребное для ихъ содержанія, и возложить обязанность этихъ сборовъ на попечительства и попечительскіе совѣты. Нѣкоторые отцы съѣзда находятъ такой способъ на практикѣ непримѣнимымъ, съ одной стороны потому, что духовенство будетъ въ полномъ порабощеніи прихожанъ, пастырскій авторитетъ едва ли повысится, а съ другой стороны—и цѣль едва-ли будетъ достигнута, т. е. духовенство можетъ оказаться совершенно безъ средствъ.

Нѣкоторые отцы съѣзда высказались за желательность обезпеченія духовенства жалованьемъ отъ казны въ достаточномъ для содержанія размѣрѣ, вмѣсто платы за такъ называемыя обязательныя требы; это было бы и надежнѣе, и опредѣленнѣе, и духовенству не пришлось-бы дрожать за свой завтрашній день; при этомъ и земля должна быть по прежнему оставлена въ пользованіе причтовъ. На съѣздѣ 5 Ставроп. округа духовенство опредѣляетъ норму вознагражденія въ слѣдующ. цифрахъ: священнику—600 р. въ годъ, діакону—400 р., псаломщику—200 р. за исполненіе обязательныхъ требоисправленій, каковы крещеніе, миропомазаніе, причащеніе, покаяніе, бракъ, елеосвященіе, похороны младенцевъ и взрослыхъ безъ выноса, остальныя же требы, не принадлежащія къ числу неотложныхъ и исполняемыхъ по желанію прихожанъ, желаетъ оставить на прежнемъ положеніи. Съѣзды 3 и 7 Николаевскаго уѣзда и 3 Бугульминскаго считаютъ нормой жалованья 1200 руб. священнику, 800—діакону и 600 псаломщику, 4 Самарскаго—норма 1600 р. на причтъ изъ трехъ членовъ, 2 Бугульминскаго—норма

1800 р. на причтъ изъ трехъ членовъ и 1200 руб. изъ двухъ членовъ. Духовенство полагаетъ, эта сумма можетъ быть изыскана земствомъ или другимъ учрежденіемъ, имѣющимъ замѣнить земство, изъ мѣстныхъ средствъ, каковое учрежденіе должно выдавать жалованье духовенству своего района ежемѣсячно, при чемъ желательно уравнять приходы, полагая 1000 душъ на двухчленный причтъ мужескаго пола и 2000 душъ на 4 членный причтъ, при обезпеченіи послѣдняго 2400 р. Пользованіе церковной землей должно оставаться на прежнихъ началахъ. Болѣе подробный докладъ по тому же вопросу представленъ духовенствомъ 3 округа Новоузенскаго уѣзда (Самар. Еп. Вѣд.).

∞ *О церковно-приходскихъ библіотекахъ.* Ставропольскій Епархіальный съѣздъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ свое желаніе о болѣе правильной постановкѣ библіотеки.

Не говоря уже о Священномъ Писаніи и твореніяхъ святыхъ отцовъ церкви, чтеніе которыхъ составляетъ непремѣнный и священный долгъ пастыря, признать желательнымъ и необходимымъ, чтобы духовенство въ виду запросовъ, предъявляемыхъ къ нему настоящимъ временемъ, знакомилось съ жизнью и при помощи свѣтской литературы и особенно повременной печати.

Предоставить причтамъ широкое право пополненія приходскихъ библіотекъ произведеніями церковной и богословской литературы для чтенія клира и образованныхъ мірянъ, и религіозно-нравственныхъ книгъ, журналовъ и брошюръ для народа.

Нынѣ же заняться детальною разработкою вопроса объ изданіи епархіальнаго печатнаго органа.

Журналъ сей за общимъ подписомъ представить на благоусмотрѣніе его преосвященства, нашего архипастыря.

На подлинномъ резолюція его преосвященства, преосвященнѣйшаго Агаѳодора, епископа Ставропольскаго и Екатеринодарскаго отъ 30 апрѣля 1906 года за № 1860: „Предоставляется духовенству епархіи право пополнять церковно-приходскія библіотеки произведеніями церковной и богословской литературы для чтенія клира и образованныхъ мірянъ и религіозно-нравственными книгами, журналами и брошюрами для народа. Вопросъ о реформѣ духовно-учебныхъ заведеній разрабатывается и ходатайство объ измѣненіи этой реформы не полезно. Удовлетвореніе прочихъ желаній духовенства зависитъ не отъ меня, а отъ высшей церковной власти—отъ предстоящаго Собора“. (Ставроп. Еп. Вѣд.).

∞ *Талмудъ и его проповѣдь ненависти къ не-евреямъ и христіанамъ.* Талмудъ не признаетъ даже и людьми тѣхъ, кто не имѣетъ счастья принадлежать къ еврейской національности. По ученію талмуда,

не исповѣдующіе іудейства не заслуживаютъ никакой милости. Талмудъ прямо позволяетъ обманывать, грабить, надувать всяческими способами всѣхъ *гоевъ*, *акумовъ*, *кутимовъ*, т. е. не-іудевъ; *запрещаетъ давать послѣднимъ деньги безъ процентовъ*, для чего повелѣваетъ каждому отцу учить своихъ дѣтей такому навыку. Объ отношеніи евреевъ къ христіанамъ въ талмудѣ прямо не говорится, но есть болѣе ясные намеки на христіанъ и болѣе частные термины для обозначенія ихъ. Такъ именно они разумѣются подъ именами: *гилахъ*, *ноцримъ*, *цадокъ*, или саддукей, они же называются *эдомитянами* и пр. На нихъ именно намекаетъ талмудъ, когда говоритъ, что саддукеи, изъ словъ Быт. 1, 26: *сотворимъ человѣка по образу нашему*, выводятъ заключеніе, что боговъ много, или *много лицъ въ Богѣ*, — что эдомитяне или ноцримы *машутъ пальцами своими вдоль и поперекъ* (намекъ на христіан. крестное знаменіе) и пр. Ненависть талмуда къ этимъ людямъ выше даже ненависти къ язычникамъ. Если кто нибудь преслѣдуетъ еврея съ тѣмъ, чтобы убить его, то еврей пусть лучше спасется въ храмѣ язычниковъ, чѣмъ саддукейскомъ (т. е. христіанскомъ), говоритъ талмудъ... Объ истребленіи этихъ именно людей іудеи *доселѣ молятся*: *пусть будутъ уничтожены въ одно мгновеніе... Истреби ихъ, Господи, порази, уничтожь ихъ въ одно мгновеніе, порази ихъ внезапно въ глазахъ нашихъ*“, (Рязан. Епарх. В—и, № 6).

Изъ отчета Братства Св. Бл. Князя Александра Невскаго въ г. Владимірѣ.

Почти повсюду, по словамъ отчета, среди старообрядцевъ замѣчается особенный подъемъ духа. Наибольшую живучесть въ религіозно-нравственномъ отношеніи проявляютъ старообрядцы слѣдующихъ толковъ: австрійскаго, окружническаго и противоокружническаго, нѣтовскаго, большеначальническаго и отчасти поморскаго брачнаго. Прочіе толки къ дарованной свободѣ относятся сравнительно безучастно, а старообрядцы странники—тѣ даже пріуныли, видя въ этомъ особенныя козни „антихриста“. Подъемъ духа среди старообрядцевъ австрійцевъ—окружниковъ выражается по мѣстамъ въ устройствѣ отдѣльныхъ каменныхъ или деревянныхъ храмовъ, какъ, напр., въ д. Ѳедуринѣ, Муром. уѣзда, въ с. Каринскомъ, Ал. у.; въ участіи на съѣздахъ всероссійскихъ въ г. Москвѣ; въ распространеніи современной старообрядческой литературы, вродѣ журнала „Старообрядецъ“, газ. „Народная Газета“; въ стараніи слиться воедино съ противоокружниками и въ пропагандѣ своей „вѣры“ путемъ наѣзда старо-

обрядческихъ миссіонеровъ на нѣкоторыя мѣстности нашей епархіи. Отъ бесѣдъ съ православными миссіонерами австрійцы-окружники въ отчетномъ полугодіи упорно отказывались. Общество австрійцевъ неокружниковъ раздирается внутренними усобицами по вопросу о соединеніи съ окружниками. Противникомъ единенія является старообрядческій Московскій епископъ Іовъ, проживающій въ д. Молоковѣ, въ Гуслицѣ, сторонникомъ—другой епископъ Даніилъ, тоже „гуслякъ“ изъ д. Давыдовой. Дѣятельность старообрядцевъ спасовцевъ выразилась за истекшее полугодіе въ составленіи ковровскими старообрядцами всеподданнѣйшаго адреса съ описаніемъ своихъ нуждъ, въ устройствѣ въ г. Ковровѣ и с. Ивонинѣ, Суд. у., соборныхъ совѣщаній при участіи старообрядческихъ дѣятелей: саратовскаго слѣпца Коновалова, его учениковъ Агапова и Пискунова, проживающихъ въ г. Ковровѣ, и старца-скитника г. Коврова „батюшки Іоны“, по вопросамъ: „о допущеніи брадобрійцевъ на общественную молитву“, „о необходимости покаянія предъ старцами“ и о нравственной распущенности молодежи. Среди поморцевъ въ отчетномъ полугодіи возникла интересная письменная полемика между поморскимъ наставникомъ Ив. Зыковымъ изъ с. Кабанскаго, Пок. у., и австрійцемъ окружникомъ Зеленковымъ изъ г. Егорьевска, Ряз. губ., по вопросу о незаконности австрійскаго священства. Брошюры того и другого начетчика въ большомъ количествѣ расходятся между послѣдователями поморскаго и австрійскаго согласій. Въ послѣднее время Зыковъ сталъ охотно выступать на бесѣдахъ съ православными миссіонерами послѣ многолѣтнихъ упорныхъ уклоненій отъ бесѣдъ.

Изъ сектантовъ особеннымъ усердіемъ въ пропагандѣ своихъ лженученій отличались штундисты. Пропаганда штундизма велась особой спеціально разъѣздной миссіей, состоящей изъ двухъ лицъ—старшаго пресвитера Маринушкина и діакона Маркина. Трудъ этихъ миссіонеровъ вознаграждается въ размѣрѣ 35 руб. въ мѣсяцъ, кромѣ прогоновъ. Молитвенныя собранія послѣ манифеста 17 апрѣля штундисты устраиваютъ открыто и безпрепятственно. Кромѣ того, въ послѣднее время штундисты устраиваютъ по мѣстамъ воскресныя собранія для дѣтей. На эти воскресныя собранія или воскресныя школы собирается дѣтей человѣкъ до 30. Предметомъ обученія служитъ чтеніе Св. Писанія и толкованіе его въ духѣ штундизма. Духъ сектантства проникаетъ въ крестьянскую среду въ особенности чрезъ молодежь, побывавшую въ солдатахъ или столицахъ.

ОТКЛИКИ.

Чего должны желать мы отечеству въ настоящее время.

Наше отечество въ настоящее время особенно нуждается въ мирѣ и спокойствіи. Сколько смутъ и нестроеній внесено въ него врагами его; тамъ забастовки, смуты; здѣсь нестроенія, грабежи, убійства. Нѣкогда Господь угрожалъ народу еврейскому, что *за отступленіе его отъ вѣры и заповѣдей Его отниметъ у него и храбраго вождя, и мудраго совѣтника, и прозорливца, и отроки будутъ начальниками, и дѣти будутъ господствовать ими* (Ис. 3, 2—4). Не сбывается ли это пророчество на насъ? Не горько ли видѣть такое явленіе; юношество, недоучившее еще своихъ уроковъ, бросаетъ учебныя книги, и съ своими наскоро составленными по темнымъ книжкамъ, взглядами, безъ знанія науки и жизни, разсуждаетъ учительскимъ тономъ о переустройствѣ общественнаго быта и безъ соображенія послѣдствій выходитъ на борьбу съ существующимъ порядкомъ! „Мы новые люди съ новымъ словомъ; мы—грядущая сила, которая разрушитъ старое и создастъ новое“. И вотъ поются гимны молодому поколѣнію съ слѣпой вѣрой въ него. И что всего удивительнѣе, подъ звуки модныхъ гимновъ и старцы нѣкіе объюродѣли, стали молодиться, нарумянивать свои старческія морщины подъ цвѣтъ новой силы, и хотятъ устроить семью, общество и государство безъ Бога, безъ религіи, безъ церкви, безъ верховной власти, безъ законовъ, безъ войска, безъ суда, безъ всего того, чѣмъ зиждется и держится современное государство. Хотятъ достигнуть всеобщаго равенства во всемъ, всеобщаго благополучія чрезъ совмѣстное владѣніе всѣми землей и имуществомъ, исключивъ собственность, какъ воровство, изъ списка словъ, имѣвшихъ доселѣ право гражданства. Говорятъ, что нѣтъ грѣха; что страсти имѣютъ полное право на свое законное существованіе; что онѣ не только не вредны, а даже полезны, такъ какъ возбуждаютъ жизнь и энергію въ обществѣ. Такимъ образомъ, все, съ чѣмъ сжилось человѣчество, должно быть оставлено какъ пережитокъ, и человѣчество, очертя голову, должно ри-

нутся на невѣдомый доселѣ путь къ достиженію своего благополучія.

Не только мужи зрѣлаго возраста, но даже подростки съ неудержимою страстію занимаются вопросомъ о переустройствѣ русскаго государства, о расширеніи правъ и льготъ всѣхъ вообще и каждаго въ отдѣльности. Ожидаютъ „правового порядка“: причемъ одни останавливаются на конституціи, какъ средствѣ отъ всѣхъ бѣдъ и золъ, а другіе идутъ дальше, мирятся не иначе, какъ только на соціалъ-демократической республикѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, дѣло мѣшается съ бездѣльемъ. Сперва говорили во всякаго рода засѣданіяхъ ученыхъ, земскихъ, а потомъ перешли къ устройству банкетовъ, къ пѣнію революціонныхъ пѣсней. Видя и слыша все это, благонамѣренные люди протираютъ себѣ глаза и съ недоумѣніемъ спрашиваютъ: „сонъ ли это, или дѣйствительность?“—Русь! Святая Русь! Твои ли это сыны? Твои ли это граждане, присягнувшіе любить тебя и дѣлать только то, что служитъ къ славѣ твоей!

Нѣтъ, намъ нуженъ не договоръ съ правительствомъ, не внѣшняя форма конституціонныхъ государствъ, въ видѣ общей говорильни, а нравственное обновленіе, нравственное перерожденіе, намъ нужна та правда Божія, которая возвышаетъ народъ и привлекаетъ милость Божію. Эту истину подтверждаетъ какъ слово Божіе, такъ и историческій опытъ всего человѣчества. Какъ бы ни были хороши законы наши сами по себѣ, они не помогутъ горю, если только люди, приставленные къ проведенію ихъ въ жизнь, не будутъ воодушевляться нравственнымъ закономъ. Люди безсовѣстные всегда найдутъ возможность обойти эти законы и самымъ законнѣйшимъ образомъ совершать самыя беззаконныя дѣла. Напрасно строить крѣпости, если тѣ, кому онѣ ввѣряются, будутъ трусы; если вмѣсто самоотверженія, патріотизма и чувства долга они будутъ жить только утробными интересами... Тогда чрезъ эти твердыни пройдутъ ослы не только Филиппа Македонскаго, но и всякаго другого врага. Что бы ни говорили современные радѣтели о мнимомъ благѣ народа, но надобно сознаться, что нынѣшняя Россія своимъ могуществомъ и обширностью обязана Россіи древней. Съ живѣйшею преданностію св. православной вѣрѣ, съ пламенною любовью къ отечеству, съ неизмѣннымъ терпѣніемъ и упованіемъ на Бога, наши предки создали единство Россіи, раздвинули ея предѣлы на необозримое пространство, вынесли на плечахъ своихъ безчисленныя невзгоды и приготовили намъ то вещественное духовное богатство, которымъ мы пользуемся. А мы? Мы

часто не цѣнимъ этого богатства, не воздаемъ должной чести, преданности и благодарности нашимъ предкамъ, любимъ выставлять на позоръ, съ Хамовымъ злорадствомъ, ихъ медленность и погрѣшности и въ погонѣ за иностранными порядками забываемъ о томъ, что нужно-ли пользы отечества нашего.

Въ нашемъ положеніи намъ нужно каяться въ грѣхахъ своихъ и просить прощенія у Господа Бога. Наши предки въ такихъ случаяхъ, не обинуясь, исповѣдывали свои грѣхи и каялись, налагая постъ на всѣхъ—и старыхъ и малыхъ, и даже на безсловесныхъ животныхъ. И Господь всегда принималъ такое покаяніе и прощалъ. Намъ нужно усугубить свои молитвы о Государѣ и Его державѣ, намъ надобно молиться Спасителю Богу, чтобы Онъ „даровалъ пастырямъ нашимъ ревность и бдѣніе о душахъ, градоначальникамъ—мудрость и силу, судіямъ—правду и нелицепріятіе, наставникамъ—разумъ и смиренномудріе, супругамъ—любовь и согласіе, обидимымъ—терпѣніе, обидящимъ—страхъ Божій; всѣмъ же вообще—духъ разума и благочестія“. (Мол. акаѳ. Покр. Богор.).

Русь! Святая Русь! Будь по прежнему свята не только по имени, но и дѣлами и поступками сыновъ твоихъ! Не забывай, что въ силу и славу вошла ты путемъ самодержавія и крестнаго подвига. Будь вѣрна до смерти своимъ Государямъ и тѣмъ исконнымъ началамъ, на которыхъ создавалось твое внѣшнее величіе; не размѣнивай на мелочь всякой лжи, коварства и мщенія свою вѣру, свою народность. Знай, что крѣпка ты только своей вѣрой православной, да любовію къ Царю и родинѣ! (Кіев. Епарх. Вѣд.).

Жажда религіознаго знанія весьма велика въ народѣ, и ее необходимо удовлетворять. И если приходскій священникъ не сумѣетъ во время удовлетворить эту жажду религіознаго знанія, то ее удовлетворитъ непризванный проповѣдникъ сектантства изъ мутнаго источника своего знанія. Въ сектантство потому идутъ не „самые негодные члены прихода“, какъ иногда говорятъ, а люди часто довольно толковые, религіозные и богатые, которымъ рѣшительно нѣтъ никакого матеріальнаго разсчета переходить въ сектантство. Слѣдовательно, для прекращенія развитія сектантства въ приходахъ необходимо главнѣе всего всеобщее и притомъ, по возможности, основательное ознакомленіе прихожанъ съ основными истинами православнаго христіанскаго вѣроученія. Необходимо удовлетворить развившуюся въ народѣ жажду религіознаго знанія. Это и будетъ

главнѣйшею мѣрою борьбы съ сектами. Когда это будетъ достигнуто, и когда прихожане въ состояніи будутъ дать хоть какой-нибудь отвѣтъ въ своемъ упованіи всякому вопрошающему, тогда само собой развитіе сектантства прекратится. Но удовлетворяется ли въ настоящее время эта народная жажда религіознаго знанія, какими способами и насколько? Главнымъ и единственнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли служатъ внѣбогослужебныя собесѣдованія и то по „мѣстамъ“. Но при тѣхъ условіяхъ, въ какія поставлено въ настоящее время это дѣло, собесѣдованія не удовлетворяютъ всѣмъ духовнымъ потребностямъ прихода. Поэтому, кромѣ собесѣдованій, въ настоящее же время необходимо, какъ можно скорѣе, знакомить съ изданіями особыхъ брошюръ и листковъ, въ которыхъ излагается положительное ученіе православной Церкви, на основаніи слова Божія, объ основныхъ догматахъ христіанскихъ въ противосектантскомъ духѣ, притомъ въ доступной для пониманія простого народа формѣ изложенія. Порядокъ же ознакомленія можетъ быть такой: при совершеніи, напр., таинства св. крещенія священникъ будетъ давать воспріемникамъ брошюру объ этомъ таинствѣ, при вѣнчаніи—о таинствѣ брака, его святости и богоучрежденности, при говѣніи въ Великій постъ—брошюру о поминовеніи умершихъ и т. д. Такимъ образомъ можно будетъ постепенно познакомить всѣхъ прихожанъ съ основными догматами православной вѣры и предохранить ихъ отъ зараженія сектантствомъ.

Крестьяне вмѣсто того, чтобы проводить время въ пустыхъ разговорахъ и пьянствѣ при крестинахъ, бракахъ, поминкахъ и т. п., займутся чтеніемъ брошюрокъ объ истинахъ вѣры. Если, предположимъ, въ приходѣ будетъ 150 крещеній, то не менѣе 1500 душъ узнаютъ ученіе православной Церкви о св. крещеніи изъ прочитанныхъ брошюръ, чего никакъ нельзя ожидать при нынѣшнихъ внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ. Если прихожане чего не поймутъ при чтеніи, то они, несомнѣнно, спросятъ объ этомъ священника при внѣбогослужебномъ собесѣдованіи. Такимъ образомъ, недоумѣнные вопросы послужатъ темой для собесѣдованія, и священнику не придется заблаговременно придумывать ее. Средства же для пріобрѣтенія брошюръ и листковъ можно брать изъ церковныхъ суммъ; суммы эти даютъ прихожане, слѣдовательно, для ихъ духовной пользы и можно взять ихъ; трата эта, несомнѣнно, вознаградится. (Совр. Об. № 47).

О церковной проповѣди.

(Голосъ пасомаго).

Учить народъ слову Божію и воспламенять сердца любовію къ Богу—вотъ двѣ изъ главнѣйшихъ обязанностей Церкви по отношенію къ своимъ чадамъ. Первое достигается главнымъ образомъ путемъ проповѣди, второе—многоразлично:—отчасти путемъ той же проповѣди и собственнаго пастырскаго примѣра, отчасти же путемъ истово совершаемаго Богослуженія. Обязанности эти настолько важны и существенны, что свв. Апостолы—первые устроители Церкви Христовой—нашли нужнымъ въ 58-мъ Апостольскомъ правилѣ постановить слѣдующее: „Епископъ или пресвитеръ, нерадящій о причтѣ и о людѣхъ и не учащій ихъ благочестію, да будетъ отлученъ. Аще же останется въ семъ нерадѣніи и лѣности—да будетъ изверженъ". Свв. Отцы VI-го вселенскаго собора подробно разсматривали этотъ вопросъ и изрекли слѣдующее священное правило: „Предстоятели церквей должны во вся дни, наипаче же во дни воскресные, поучати весь клиръ и народъ словесамъ благочестія, избирая изъ Божественнаго Писанія разумѣнія и разсужденія истины, и не преступая положенныхъ уже предѣловъ и преданія богоносныхъ отецъ: и аще будетъ изслѣдуемо слово писанія, то не иначе да изъясняютъ оное, развѣ какъ изложили свѣтила и учители Церкви въ своихъ писаніяхъ, и сими болѣе да удовлетворяются, нежели составленіемъ собственныхъ словъ, дабы при недостаткѣ умѣнія въ семъ не уклонитися отъ подобающаго. Ибо, чрезъ ученіе вышереченныхъ отцовъ, люди, получая познаніе о добромъ и достойномъ избранія, и о неполезномъ и достойномъ отвращенія, исправляютъ жизнь свою на лучшее, и не страждутъ недугомъ невѣдѣнія, но, внимая ученію, побуждаютъ себя къ удаленію отъ зла, и страхомъ угрожающихъ наказаній содѣлываютъ свое спасеніе". Сказано ясно и опредѣленно; никакихъ толкованій и комментаріевъ не требуется. Что сказать, чѣмъ

оправдаться нарушителямъ этого чисто вселенскаго, соборнаго, святоотеческаго правила, въ которомъ предусмотрѣнъ и недостатокъ умѣнія со стороны нѣкоторыхъ пастырей въ составленіи собственныхъ словъ и подробно разсмотрѣно значеніе церковнаго ученія для пасомыхъ?

Согласно съ приведенными соборными правилами въ древнемъ православномъ Богослуженіи поученіе было *введено въ чинъ*: за утреней послѣ первой кафизмы читалось толковое Евангеліе, послѣ 6-й пѣсни канона читался прологъ или въ „Тріоди“ синаксарь; за литургіей также всегда предлагалось поученіе или изъ книги „Златоустъ“ или иное какое. Богослуженіе вслѣдствіе этого являлось школой не только для чувства, но и для разума. Даже такой реформаторъ, какъ Лютеръ, сократившій чинъ богослуженія до nec plus ultra, до нѣсколькихъ молитвъ и пѣснопѣній, символа вѣры и чтенія изъ Апостола или Евангелія—не дерзнулъ, однако, подвергать сокращенію проповѣдь, но, наоборотъ, возвелъ ее въ чинъ богослуженія, сдѣлавъ ее неотъемлемой и едва ли не самой главной составной частью каждаго богослуженія, необходимость и важное значеніе которой проистекаетъ не только изъ правилъ св. отцовъ, но и изъ простого здраваго смысла. Что же мы видимъ на этотъ счетъ въ современномъ православномъ Богослуженіи? Во многихъ церквахъ проповѣдь можно услышать не болѣе 2—3 разъ въ годъ, въ другихъ это тоже крайне рѣдкое явленіе, а, главное, совершенно случайное, зависящее отъ желанія священника; вечернія поученія—чтеніе толковаго Евангелія, пролога и синаксарей сохранились только въ старообрядческихъ храмахъ, да въ нѣкоторыхъ общежительныхъ православныхъ монастыряхъ; во всѣхъ же приходскихъ храмахъ безъ исключенія совершенно пропускаются, даже въ лаврахъ (Кіево-Печерской, Сергіевской) и многихъ монастыряхъ мужскихъ и женскихъ чтеніе всего этого часто считается излишнимъ. Въ большинствѣ церквей проповѣдь замѣняется какимъ-нибудь велегласнымъ концертомъ въ то время, когда по смыслу службы всѣ присутствующіе въ храмѣ приглашаются забыть все земное и всѣ помыслы и чувства свои направить горѣ, къ небесному. Въ результатѣ всего этого страшный „недугъ невѣдѣнія“ широкой волной разливается среди сыновъ Церкви православной: толкуютъ вкривь и вкось Евангеліе, потому что не слышатъ въ Церкви вѣрнаго его толкованія, не знаютъ о житіи и подвигахъ святыхъ, такъ какъ не слышатъ пролога, въ которомъ, кромѣ краткаго жизнеописанія святыхъ заключается еще не мало отвѣтовъ на самые

практическіе жизненные вопросы въ духѣ святоотеческомъ; не знаютъ содержанія и значенія праздниковъ, такъ какъ не слышатъ синаксарей, въ которыхъ все это подробно разъясняется. Спрашиваю недавно одного юношу, знаетъ ли онъ, въ честь чего установленъ праздникъ Покрова Пресвятой Богородицы: получаю отвѣтъ: „въ честь погребенія Богоматери"; или: собираются православные каждый годъ въ субботу на 5-й седмицѣ великаго поста слушать акафистъ Пресвятой Богородицѣ, но многіе ли изъ нихъ знаютъ, въ честь чего установленъ этотъ акафистъ? Между тѣмъ въ синаксарѣ на этотъ день все это подробно объясняется. Нравоучительныя проповѣди, предлагавшіяся въ древнемъ православномъ Богослуженіи каждую недѣлю, а въ св. Четыредесятницу и каждый день, изъ книги „Златоустъ" и т. п., теперь, какъ сказано выше, также приходится далеко не такъ часто слышать. Но, скажутъ, все это слишкомъ устарѣло, все это написано неудобопонятнымъ древне-славянскимъ языкомъ и можетъ навести одну только тоску на слушающихъ. Допустимъ (хотя на дѣлѣ это и не такъ), что это такъ; но логично ли взамѣнъ всего этого поставить черту—оставить пустое мѣсто, совершенно пропустить весь поучительный отдѣлъ Богослуженія? Есть много прекрасныхъ проповѣдей на самыя различныя темы, какъ новѣйшихъ, такъ и болѣе древнихъ церковныхъ учителей—Іоанна Златоуста, Тихона Задонскаго, Иннокентія Херсонскаго и мног. друг.; толкованій на Евангеліе тоже не мало, напр. прекрасныя поученія на Воскресныя Евангелія Дьяченко, Прологъ также есть на русскомъ языкѣ. Что же касается синаксарей, въ которыхъ излагается сущность праздника, то ихъ легко и удобно было бы излагать священнику своими словами. Въ лучшихъ общежительныхъ монастыряхъ нашихъ (Оптина, Зосимова, Глинская пустынь и т. п.), гдѣ еще уставъ болѣе или менѣе строго соблюдается, широко пользуются сочиненіями вышеупомянутыхъ авторовъ и показываютъ при помощи ихъ безусловно большое воздѣйствіе на умъ и чувство слушателей.

Часто ссылаются на то, что теперь многіе изъ присутствующихъ въ церкви, лишь только начинается проповѣдь, уходятъ вонъ изъ храма. „Если, говорятъ они, начать говорить поученія, то никто не станетъ посѣщать храма".. О, лукавое возраженіе, составленное не для блага ближняго, а для оправданія своихъ собственныхъ слабостей и грѣховныхъ привычекъ!

Пастырю ли учить овецъ и управлять ими, или заблудшимъ овцамъ пастыря?.. Не про наше ли время пророчествовалъ ап.

Павелъ, говоря: „Будетъ время, когда здраваго ученія принимать не будутъ, но по своимъ прихотямъ будутъ избирать себѣ учителей, которые льстили бы слуху. И отъ истины отвратятъ слухъ и обратятся къ баснямъ“ (II-ое къ Тим. IV, 3—4)?

И вотъ какое наставленіе даетъ онъ по этому поводу епископу: „проповѣдуй слово, настой во время и не во время обличай, запрещай, увѣщевай со всякимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ“. (II-ое къ Тим. IV, 2).

Церковь Христова есть „столпъ и утвержденіе истины“: только тогда она можетъ разсчитывать на всеобщее уваженіе и благоговѣніе, если она будетъ высоко нести свое знамя, если не будетъ ни въ чемъ отступать отъ истины, если будетъ всегда и неуклонно возводить своихъ чадъ отъ земного къ горнему, идеальному, а не сама спускаться въ преисподнюю человѣческихъ страстей. Соборныя и Апостольскія правила относительно проповѣди настолько истинны и безусловны, что отступать отъ нихъ истинной Церкви ни въ какомъ случаѣ не подобаетъ. Если-бы не половина, а девять десятыхъ церкви не захотѣла бы ихъ слушать, все-таки Церковь не въ правѣ лишать одну десятую оставшихся въ храмѣ просвѣщенія и назиданія.

Впрочемъ, такое небрежное отношеніе къ проповѣди и Богослуженію обыкновенно не имѣетъ мѣста при правильной постановкѣ дѣла церковнаго, а встрѣчается только тамъ, гдѣ паства распущена и лишена пастырскаго вразумленія и назиданія.

Наказаніемъ за игнорированіе священныхъ сихъ правилъ служатъ религіозное невѣжество, теплохладность и равнодушіе пасомыхъ и паденіе пастырскаго авторитета, характеризующія современное православное общество.

Чтобы поднять проповѣдь на надлежащую высоту, *необходимо ввести ее въ чинъ Богослуженія*, дневного и вечерняго, какъ это было въ древне-православномъ Богослуженіи, какъ это требуется соборными и апостольскими правилами и, наконецъ, простымъ здравымъ смысломъ, а не предоставлять этого дѣла усмотрѣнію настоятелей. Только при этомъ условіи въ связи съ истовымъ исполненіемъ православное богослуженіе получитъ значеніе великой духовной школы для православнаго народа, каковое въ настоящее время имъ утрачено.

Православный.

Миссіонерство, секты и расколъ.

Областной съѣздъ молоканъ-уклеинцевъ въ с. Разсказовѣ, Тамбовскаго уѣзда. Епарх. мисс. *М. Третьяковъ.* — Казанско-Богородичное миссіонерское братство въ Тамбовѣ. *В.* — „Угнетенные“ старообрядцы. *NN.* — Единовѣрческій съѣздъ въ Курскѣ. *М. С. Р.* . . . . . 889—904

Изъ жизни инославія и изъ міра заграничнаго сектантства.

Новая секта христіанъ-коммунистовъ. — Фанатическая секта въ Америкѣ. — Краткій историческій очеркъ Шведскихъ миссій и Шведскаго миссіонерскаго союза. — Торжественный благодарственный митингъ Британскаго и Иностраннаго Библейскаго общества. *С. Звѣринскій* . . . . . 905—916

Вѣстникъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“.

Объ измѣненіи способовъ содержанія духовенства. О церковно-приходскихъ библіотекахъ. Изъ отчета Братства св. благ. князя Александра Невскаго въ г. Владимірѣ . 917—920

Отклики.

Чего должны желать мы отечеству въ настоящее время? 921—924
О церковной проповѣди. (Голосъ пасомаго). *Православный* . 925—928

Отъ редакціи „Миссіон. Обозрѣнія“.

Со слѣдующею книжкою журнала „Миссіонерское Обозрѣніе“ нашимъ подписчикамъ на журналъ будетъ разосланъ I томъ **Симфоніи** на Ветхій и Новый Завѣтъ, съ общими и миссіонерскими параллелями.

Издательница *Ю. А. Скворцова.* Редакторъ *В. М. Скворцовъ.*

Къ сдѣлѣнію приходскихъ пастырей и церковныхъ мірянъ.

Принимается полугодовая подписка (СПБ. Невскій, 153) на

„КОЛОКОЛЪ".

ежедневную ЦЕРКОВНО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ общественную и литературную газету КОЛОКОЛЪ», первый и единственный въ Россіи **ежедневный церковно-политическій органъ.**

Направленіе газеты «Колоколъ» православно-народное, строго національное. Живо сочувствуя и по мѣрѣ своихъ силъ содѣйствуя дорогому всѣмъ дѣлу обновленія и устроенія Церкви и Родины, редакція стремится къ проведенію въ сознаніе своихъ читателей новыхъ освободительныхъ началъ въ неразрывномъ союзѣ съ исконными, православно-русскими основами.

«Колоколъ зоветъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Церкви и Отчизны на путь истинно русскаго, истинно православнаго обновленія не набатнымъ призывомъ, а мирнымъ христіанскимъ благовѣстомъ.

«Колоколъ» дастъ своимъ подписчикамъ **всѣ ежедневныя телеграфныя новости** и подробныя свѣдѣнія о событіяхъ дня **наравнѣ съ другими органами свѣтской печати того же объема и цѣны** и въ то же время въ «Колоколѣ» отводится, **какъ нигдѣ** въ другихъ ежедневныхъ органахъ, особое вниманіе и мѣсто подробной **лѣтописи текущихъ событій церковной жизни.**

Въ **каждомъ нумерѣ** газеты помѣщаются руководящія принципіальныя статьи по текущимъ **политическимъ** и общественнымъ вопросамъ, а также и **церковнымъ**; въ то же время ежедневному обсужденію общественныхъ и государственныхъ вопросовъ посвящены особые отдѣлы: **Размышленія** Правдиваго, **«На рубежѣ»** Н. С.,—**«Провиціальные отклики»** (изъ писемъ и заявленій въ редакцію) и **«На злобу дня».** Еженедѣльно помѣщается **два фельетона**, посвященныхъ критикѣ текущей свѣтской литературы (**Литературныя замѣтки**) и современнымъ явленіямъ и теченіямъ общественной жизни и мысли (**Мечты и жизнь**, очерки общественной психологіи) Н. Колосова.. Въ «Колоколѣ» немедленно публикуются подробные отчеты **о дѣятельности Предсоборнаго присутствія**, Гос. Думы и Совѣта. Заведенъ особ. отд. **Откликовъ** изъ провинціи о Госуд. Думѣ и будущ. церковн. Соборѣ. Въ отдѣлѣ **«Церковь и религія»** ведется подробная лѣтопись событій изъ жизни Церкви и дѣятельности центральнаго и епархіальнаго церковнаго управленія. Въ отд. **«Голосъ изъ среды духовенства и мирянъ»** сообщаются общеинтересныя свѣдѣнія о приходской жизнедѣятельности духовенства и паствы.

Въ газетѣ принимаютъ участіе архипастыри Церкви, профессора академіи и университета, извѣстные свѣтскіе и духовные писатели (изъ нихъ назовемъ въ качествѣ постоянныхъ сотрудниковъ Л. А. Тихомирова. Н. А. Энгельгардта, Н. М. Соколова, С. К. Эфрона, А. Д. Апраксина, Е. П. Елишева, А. Д. Облеухова, бар. А. П. Нольде и др.).

Въ редакціонномъ бюро принимаетъ ближайшее участіе **редакторъ «Миссіонерскаго Обозр.» В. М. Скворцовъ.**

При газетѣ «Колоколъ» выпускается **еженедѣльное безплатное приложеніе: «На каждый день»**; здѣсь помѣщаются на каждый день наступающей недѣли благочестивыя размышленія на библейскіе тексты, краткія поученія, очерки и картинки изъ жизни дневного святого, стихотворенія на религіозныя темы. Приложенія предназначаются для пастырской церковной каѳедры и для чтенія въ школѣ и въ семьѣ.

Подписчики, внесшіе подписку **на второе полугодіе полностью—3 р., получатъ безплатно политическій современный романъ А. Д. Апраксина—«Измѣнники»**, начатый печатаніемъ фельетонами въ первое полугодіе, а нынѣ издаваемый для полугодовыхъ подписчиковъ **отдѣльною книгою.** Романъ представляетъ художественную хронику пережитыхъ осеннихъ забастовокъ и революціи русской.

Подписная плата **за годъ 6 р., за полугодіе 3 р.**, за 2 мѣс.—1 р., за 1 м. 50 к. Подписчики «Миссіонерскаго Обозрѣнія» присылаютъ только 2 р. за полугодіе. За границу 10 р. въ годъ, 5 р. за полгода.

Издательница *Ю. А. Скворцова.* Отвѣтственный редакторъ *В. Г. Сенатовъ.*